Пир стервятников

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЖОРДЖ МАРТИН

Пир стервятников
Джордж Мартин

Аннотация
Джордж Мартин. Пир стервятников
Пролог
Пророк
Капитан гвардии
Серсея
Бриенна
Сэмвел
Арья
Серсея
Джейме
Бриенна
Санса
Дочь кракена
Серсея
Падший рыцарь
Бриенна
Сэмвел
Джейме
Серсея
Железный капитан
Утопленник

Бриенна
Принцесса
Арья
Алейна
Серсея
Бриенна
Сэмвел
Джейме
Серсея
Флотоводец
Джейме
Бриенна
Серсея
Джейме
Кошка-Кет
Сэмвел
Серсея
Бриенна
Джейме
Серсея
Принцесса в башне
Алейна
Серсея
Джейме
Сэмвел
А на стене в это время...

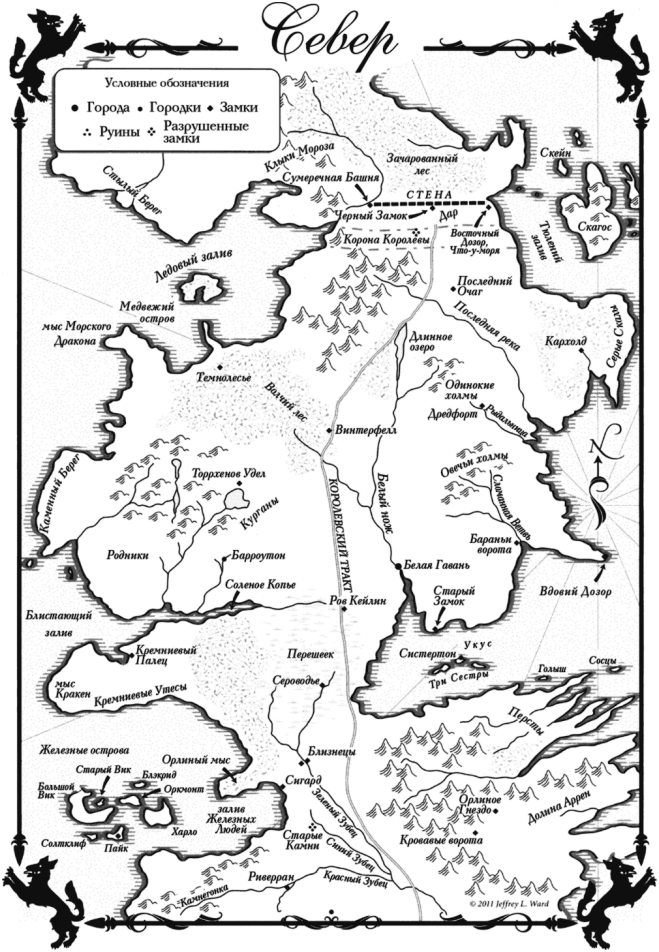
Приложения
Королевские дома
Королева-регентша
Король у Стены
Король Островов и Севера
Другие дома, великие и малые
Дом Арренов
Дом Флорентов
Дом Фреев
Дом Хайтауэров
Дом Ланнистеров
Дом Мартеллов
Дом Старков
Дом Талли
Дом Тиреллов
Мятежники, странники, простолюдины, присяжные братья
Мелкая знать, странствующие рыцари, простые люди
Разбойники и недобитки
Братья Ночного Дозора
Одичалые, или Вольный народ
В заморских землях
Королева за Узким морем
Браавос, город тайн

Аннотация

Перед вами — четвертая летопись цикла «Песнь льда и огня». Эпическая, чеканная сага о мире Семи Королевств. О мире суровых земель вечного холода и радостных земель вечного лета. Мире лордов и героев, воинов и магов, чернокнижников и убийц — всех, кого свела воедино Судьба во исполнение древнего пророчества. О мире опасных приключений, великих деяний и тончайших политических интриг.

Война Пяти Королей наконец завершена, и дом Ланнистеров с союзниками празднует победу. Однако до мира и спокойствия еще *очень далеко*! Властитель Севера Робб от дома Старков сумел подавить мятеж в далеких северных землях, однако его родичи, похоже, слишком слабы, чтобы удержать завоеванные земли… Снова собираются воедино бандиты, ренегаты и уцелевшие повстанцы. Снова угрожает смертельная опасность Железному Трону Семи Королевств — и стервятники уже чуют приближение *нового пира*…

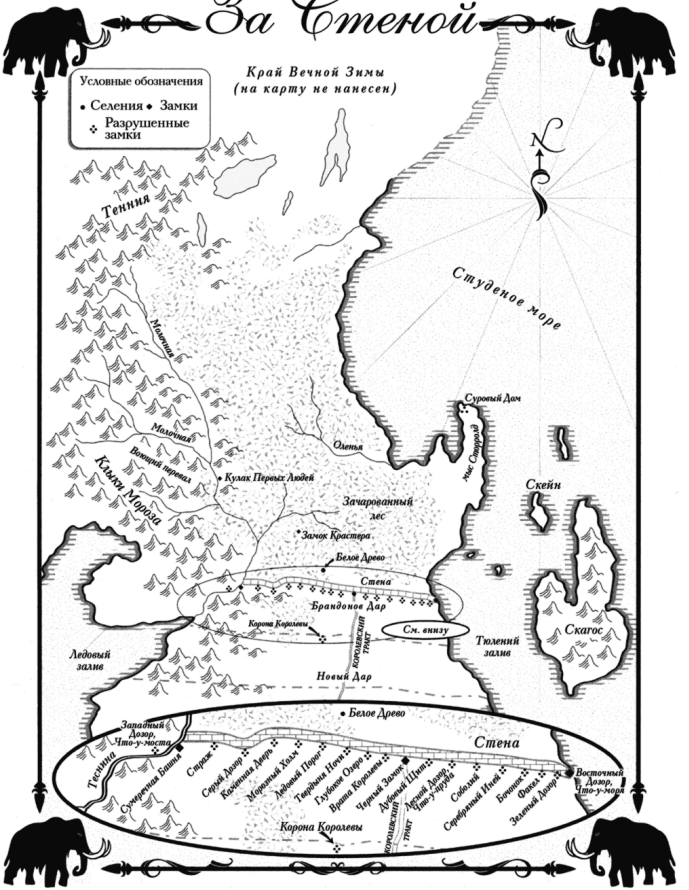
Джордж Мартин
Пир стервятников


Север
Условные обозначения
Города
Городки
Замки
Руины
Разрушенные замки
Стылый Берег
Клыки Мороза
Сумеречная Башня
Зачарованный лес
Скейн
СТЕНА
Черный Замок
Дар
Корона Королевы
Восточный Дозор, Что-у-моря
Тюленья заводь
Скагос
Ледовый залив
Последний Очаг
Медвежий остров
мыс Морского Дракона
Последняя река
Длинное озеро
Кархолд
Серые Сестры
Темнолесье
Волчий лес
Одинокие холмы
Дредфорт
Райгальтет
Винтерфелл
Каменный Берег
Торрхенов Удел
Курганы
Овечьи холмы
Сапфировая Вилка
Королевский тракт
Белый нож
Родники
Барроутон
Соленое Копье
Баранья ворота
Белая Гавань
Старый Замок
Вдовий Дозор
Рог Кейлин
Блистающий залив
Кремниевый Палец
Перешеек
Укус
Систертон
Три Сестры
Голыш
Сосцы
мыс Кракен
Кремниевые Утесы
Сероводье
Перстень
Железные острова
Орлиный мыс
Близнецы
Старый Вик
Блэкрид
Большой Вик
Оркмонт
Сигард
Зимний Зубец
Орлиное Гнездо
Долина Аррен
залив Железных Людей
Хардо
Кровавые ворота
Солтклиф
Паек
Старые Камни
Синий Зубец
Риверран
Красный Зубец
Кочегарка
© 2011 Jeffrey L. Ward

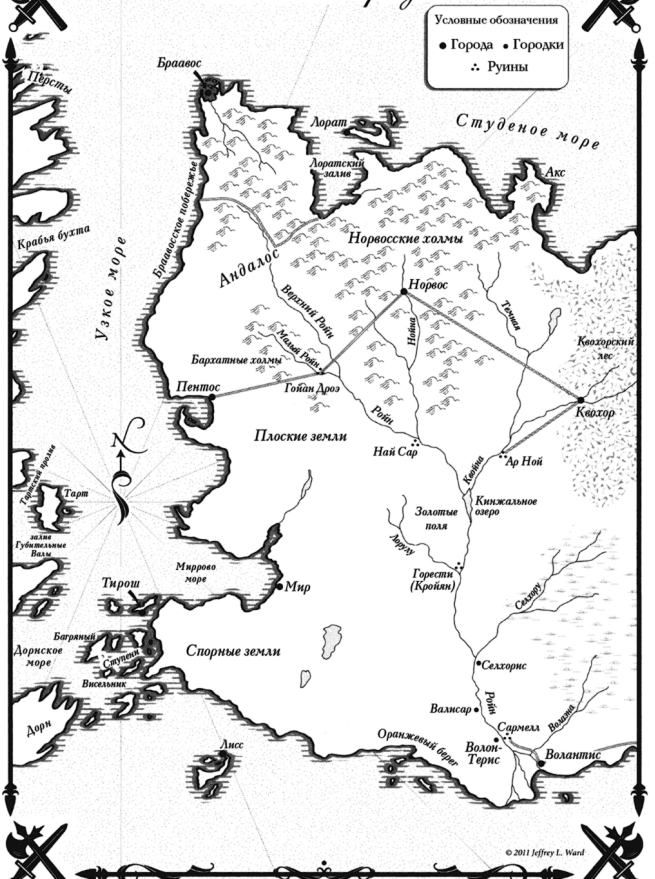
Юг

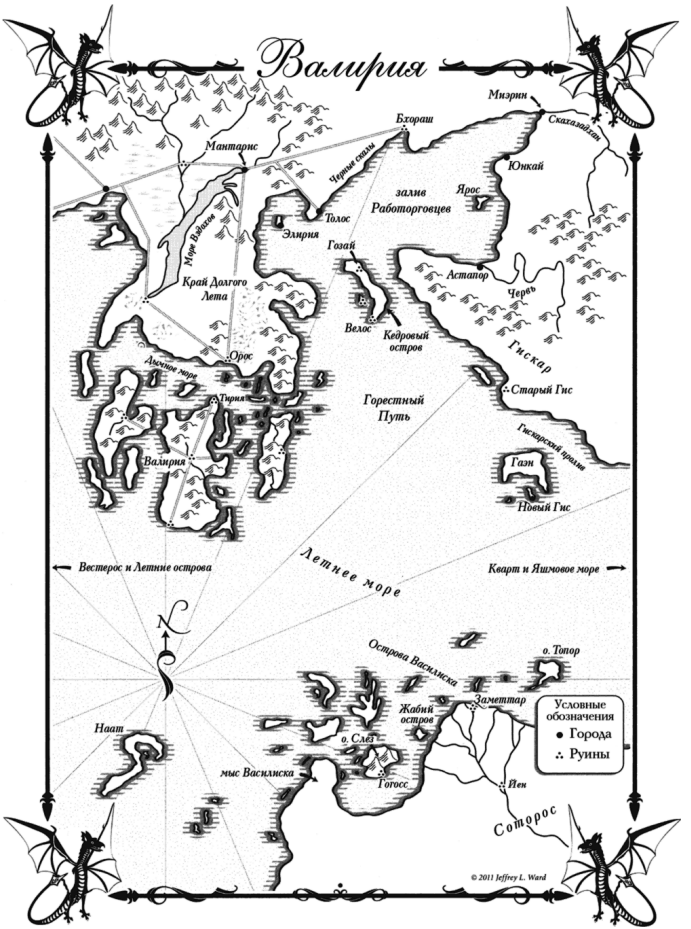
Условные обозначения
Города
Городки
Замки
Руины
Разрушенные замки
Три Сестры
Ледяной Ожог
Перешеек
Змеиный Лес
Длинный Лук
Дом Сердец
Долина Аррен
Старый Якорь
Руинстон
Чалчий город
Виконден
Коготь
Драконий Камень
Грачевник
Олений
Синий Дол
Гавот
Крюк
Масси
Плясуны
Острый мыс
Черноводный залив
Росби
Королевская Гавань
Королевский тракт
Королевский Лес
Проезжий
Стога
Бронзовые Врата
Тарт
Вечерний Замок
Фелгуд
Штормовой Предел
Губительные Валы
Грифин-Рут
Дом Дождя
Туманный Лес
Зеленая Скала
Башня Скорби
Дорнское море
Серая Крепость
Призрачный Холм
Перебитая Рука
Солнечное Копье
Дымная Роща
Соленый Берег
Красный Дюнец
Зеленая Кровь
Вереск
Дар Богов
Бич
Тор
Дорн
Адов Холм
Песчаник
Сорвен
Бор
Звездопад
Три Башни
Черная Корона
Старомест
Вышеземье
Белокопт
Подбельский
Айронвуд
Гнилой Приют
Шепотный холм
Радужный мост
Дом Солнца
Принцев перевал
Дорнское Марки
Черная Гавань
Гнездо Стервятников
Вайх
Башня Радости
Королевский Горный
Ночная Песнь
Рогов Холм
Медовая Роща
Бандалмон
Брайтпутер
Хайгарден
Эшфорд
Яблочный
Летний Замок
Воронье Гнездо
Стонхельм
Хмельник
Зеленый
Ручей
Трава
Длинный Стол
Горький Мост
Золотая Роща
Тамблетон
Простор
Красное озеро
Старая Дубрава
Щитовые острова
Морская дорога
Дорога Роз
Ракехолл
Початок
Пир
Кайс
Бобровый Утес
Ланниспорт
Серебряный Замок
Золотая дорога
Хорваль
Гудбрюк Логово
Каменная Сита
Сарсфилд
Золотой Зуб
Замок Розовой Дени
Божье Око
Остров Лилий
Харроухолл
Желудь
Высокое Сердце
Эшмарк
Речная дорога
Камнеголовы
Риверран
Светлый остров
Светлый Замок
Крит
Гостиница Красный Зубец
Трехзубец
Город лорда Харроуэя
Солварни
Тихий остров
Ледяной Пруд
Кровавые ворота
Орлиное Гнездо
Кровавый Зубец
Орлиный мыс
Сигарра
Близнецы
Старый Замок
Каменный Зубец
Старый Вик
Блэкрид
Орконт
Железные острова
Большой Вик
Харло
Пайк
Солтклиф
земли Железных людей
Старый Качин
Ярмарочное поле
Бенфорт
Гроногласый
Дом Сердец
Железная Дубрава
Редфорт
Кровавый Брод
Кровавый Камень
Ночной Замок
Ночной Дозор
Стена
Черный Замок
Черноводная
Ручей
Трава
Мандер
Зеленый
Зеленчок
Ручей
Ночная Песнь
Гнездо Стервятников
Вайх
Башня Радости
Королевский Горный
Принцев перевал
Подбельский
Айронвуд
Гнилой Приют
Шепотный холм
Радужный мост
Дом Солнца
Песчаник
Сорвен
Адов Холм
Красный Дюнец
Зеленая Кровь
Вереск
Дар Богов
Бич
Тор
Дорн
Соленый Берег
Солнечное Копье
Перебитая Рука
Дымная Роща
Призрачный Холм
Серая Крепость
Дорнское море
Башня Скорби
Зеленая Скала
Туманный Лес
Дом Дождя
Ледяной Ожог
Перешеек
Змеиный Лес
Длинный Лук
Дом Сердец
Долина Аррен
Старый Якорь
Руинстон
Чалчий город
Виконден
Коготь
Драконий Камень
Грачевник
Олений
Синий Дол
Гавот
Крюк
Масси
Плясуны
Острый мыс
Черноводный залив
Росби
Королевская Гавань
Королевский тракт
Королевский Лес
Проезжий
Стога
Бронзовые Врата
Тарт
Вечерний Замок
Фелгуд
Штормовой Предел
Губительные Валы
Грифин-Рут
Дом Дождя
Туманный Лес
Зеленая Скала
Башня Скорби
Дорнское море
Серая Крепость
Призрачный Холм
Перебитая Рука
Солнечное Копье
Дымная Роща
Соленый Берег
Красный Дюнец
Зеленая Кровь
Вереск
Дар Богов
Бич
Тор
Дорн
Адов Холм
Песчаник
Сорвен
Бор
Звездопад
Три Башни
Черная Корона
Старомест
Вышеземье
Белокопт
Подбельский
Айронвуд
Гнилой Приют
Шепотный холм
Радужный мост
Дом Солнца
Принцев перевал
Дорнские

За Стеной


Край Вечной Зимы
(на карту не нанесен)
Условные обозначения
Селения
Замки
Разрушенные замки
Тенния
Студеное море
Суровый Дом
Олетья
Кулак Первых Людей
Клыки Мороза
Зачарованный лес
Замок Крастера
Белое Древо
Стена
Брандонов Дар
Корона Королевы
См. внизу
Тюлений залив
Скейн
Скагос
Ледовый залив
Новый Дар
Белое Древо
Западный Дозор, Что-у-моста
Стена
Восточный Дозор, Что-у-моря
Тесница
Сумеречная Башня
Стодж
Серый Дозор
Каменная Дверь
Мерзлый Холм
Ледовый Порог
Темная Ночь
Глубокое Озеро
Врата Королевы
Черный Замок
Дубовый Щит
Черный Дозор, Что-у-ворона
Соболий
Серебряная Река
Бобровый
Фонарь
Зеленый Дозор
Корона Королевы
Королевский тракт
Королевский Лес

Вольные города




Валирия
Мизрин
Бхораш
Скалазубый гам
Мантарис
Черные скалы
Юнкай
залив Работорговцев
Ярос
Толос
Элирия
Море Вайсов
Гозай
Астапор
Край Долгого Лета
Червь
Велос
Кедровый остров
Гискар
Орос
Ланнское море
Старый Гис
Тирия
Горестный Путь
Гискарский пролив
Валирия
Газн
Новый Гис
Вестерос и Летние острова
Летнее море
Кварт и Яшмовое море
N
Острова Василиска
о. Топор
Заметтар
Жабий остров
Условные обозначения
Города
Руины
Наат
о. Слез
мыс Василиска
Гогосс
Йем
Соторос
© 2011 Jeffrey L. Ward

Пролог

— Драконы… — Молландер подобрал с земли сморщенное яблоко и перекидывал его с руки на руку.

— Подбрось его, — попросил Аллерас-Сфинкс, достав стрелу из колчана.

— Хотел бы я увидеть дракона, — сказал Рун, самый младший в компании — до взрослого возраста ему недоставало двух лет. — Очень хотел бы.

А я хотел бы уснуть в объятиях Рози, подумал Пейт, беспокойно ерзая на скамье. К утру девушка вполне могла бы достаться ему. Он увез бы ее из Староместа за Узкое море, в Вольные Города. Там мейстеров нет, и никто бы его ни в чем не стал обвинять.

Наверху, за ставнями, смеялась Эмма и слышался голос ее клиента. Из прислужниц «Пера и кружки» она самая старшая, ей уже все сорок стукнуло как пить дать, но она еще хороша, если кому нравятся женщины в теле. Рози, ее дочке, пятнадцать, и она только что расцвела. Эмма оценила ее невинность в один золотой дракон.

Пейт скопил девять серебряных оленей и целый горшок медяков, но раньше настоящий дракон вылупится, чем у него наберется золотой.

— Поздновато ты родился для драконов, малыш, — сказал кандидат Армин. На шее у Армина кожаный шнурок со звеньями его будущей цепи — оловянным, жестяным, свинцовым и медным, — и он, как все кандидаты, думает, что у каждого школяра на плечах репа вместо головы. — Последний из них умер еще при короле Эйегоне Третьем.

— Последний в Вестеросе, — уточнил Молландер.

— Кинь яблоко, — снова попросил Аллерас. Он смазливый парень, их Сфинкс. Все служанки на него заглядываются. Даже Рози норовит коснуться его руки, когда приносит вино. Пейт в таких случаях стискивал зубы и притворялся, будто ничего не заметил.

— Как в Вестеросе, так и на всем свете, — упорствовал Армин. — Это всем известно.

— Яблоко, — повторил Аллерас. — Если ты, конечно, не собираешься его съесть.

— Сейчас. — Молландер, волоча ногу, подскочил и запустил яблоко в туман, нависший над Медовичкой. Не будь он колченогим, он стал бы

рыцарем, как и его отец. Силы ему не занимать — руки у него мощные, плечи широкие. Яблоко улетело далеко… но стрела настигла его, стрела в ярд длиной из золотого дерева, с алым оперением. Пейт не видел, как она попала в яблоко, но услышал над рекой слабое «чмок», а потом всплеск.

— Прямо в середку, — присвистнул Молландер. — Красота.

Что они понимают в красоте? Красота — это Рози. Пейт любил ее ореховые глаза и грудки-бутончики, любил ямочки у нее на щеках. Иногда она прислуживала босая, чтобы побегать по траве, и это он тоже любил. Любил ее запах, чистый и свежий, любил завитки волос у нее за ушами. Любил даже пальцы у нее на ногах. Как-то ночью она дала ему поиграть с ними, и он про каждый сочинил смешную историю — Рози хихикала без передышки.

Может, им лучше не переправляться за Узкое море. На скопленные деньги он купит осла, и они с Рози будут путешествовать по Вестеросу, садясь на него по очереди. Эброз счел, что он не заслуживает серебра, но Пейт умеет вправлять кости и ставить пиявки от лихорадки. Простые люди будут благодарны ему за помощь. Если научиться еще стричь волосы и брить бороды,

он даже цирюльником может стать. «Этого мне хватит, — думал он, — лишь бы Рози была со мной. Рози — все, что мне нужно на свете».

Так было не всегда. Раньше Пейт мечтал быть мейстером в замке. Щедрый лорд из уважения к мудрости Пейта пожалует ему белого коня, и Пейт будет гордо разъезжать повсюду, улыбаясь встречным простолюдинам…

Однажды в таверне, после второй кружки ужасно крепкого сидра, Пейт хвастливо заявил, что не всегда будет школяром. «Верно, не всегда, — ответил ему Лео Ленивец. — Скоро тебя прогонят и отправят свиней пасти».

Терраса «Пера и кружки» казалась островком света в море тумана. Ниже по реке светил, как размытая оранжевая луна, маяк на башне Хайтауэров, но на душе у Пейта было темно.

Алхимику пора бы уже прийти. Может, он зло подшутил над Пейтом? Или с ним что-то приключилось? Судьба уже не впервые поворачивается к Пейту спиной. Он почитал себя счастливцем, когда его назначили помогать старому архимейстеру Валгрейву при воронах. Разве он знал, что ему придется носить старику еду, убирать его комнаты и одевать его по утрам? Все говорили, что ни один мейстер не знает о воронах столько,

сколько Валгрейв успел забыть, и Пейт думал, что уж чугунное-то звено ему обеспечено, — однако не тут-то было. Валгрейв продолжает называться архимейстером из одной лишь учтивости. Под его облачением теперь частенько скрываются замаранные подштанники, а с полгода назад кандидаты застали его в библиотеке плачущим — он забыл дорогу в свои покои. Вместо него в чугунной маске заседает теперь мейстер Гормен — тот самый, кто однажды обвинил Пейта в краже.

На яблоне у реки запел соловей. Сладко его слышать после воплей и карканья воронов, с которыми Пейт возится день-деньской. Белые вороны знают его по имени и бормочут «Пейт, Пейт, Пейт», как только завидят его, — самому заорать в пору. Эти редкостные белые птицы — гордость архимейстера Валгрейва. Он хочет, чтобы они склевали его, когда он умрет. Пейт начинал подозревать, что и ему уготована такая же участь.

Может, виной всему здешний крепкий сидр. Пейт не хотел пить, но Аллерас сегодня обмывает свое медное звено, да и нечистую совесть как-то угомонить надо. Ему казалось, будто соловей выводит «золото за чугун, золото за чугун». Это самое сказал незнакомец в ту ночь, когда Рози их познакомила. «Кто ты?» — спросил его Пейт,

а он ответил: «Алхимик. Превращаю чугун в золото». И по его костяшкам запрыгала, мерцая при свечах, золотая монета. С одной стороны — трехглавый дракон, с другой — голова давно умершего короля. «Золото за чугун, — звучало в ушах у Пейта, — такого тебе никто не предложит. Хочешь ее? Любишь ее?» «Я не вор, — сказал Пейт самозваному алхимику. — Я школяр Цитадели». Тот почтительно склонил голову и сказал: «Если передумаешь, я вернусь сюда через три дня — вместе с драконом».

Три дня миновали, и Пейт, так и не решив ничего окончательно, пришел в «Перо и кружку» — но вместо алхимика нашел здесь Молландера, Армина, Сфинкса и Руна в придачу. Если бы он не подсел к ним, это вызвало бы подозрения.

«Перо и кружка» никогда не бывает закрыта. Шестьсот лет она стоит на своем островке посреди Медовички, и ни разу ее двери не закрывались. Ее высокий сруб слегка накренился в сторону юга — говорят, это потому, что пьяные школяры вечно приваливаются к стенке с другой стороны, — но она, пожалуй, простоит еще шестьсот лет и будет потчевать вином, элем и ужасно крепким сидром лодочников и моряков, кузнецов и музыкантов, священников и принцев, а также, само собой,

школяров и кандидатов из Цитадели.

— Старомест — еще не весь мир, — чересчур громко провозгласил Молландер. Он сын рыцаря и к тому же крепко набрался. С тех пор, как его известили о гибели отца на Черноводной, он пьет почти каждую ночь. Даже здесь, за безопасными стенами Староместа, Война Пяти Королей как-то коснулась их всех… хотя архимейстер Бенедикт утверждает, что название это неправильное, поскольку Ренли Баратеона убили еще до того, как Бейлон Грейджой объявил себя королем. — Мой отец всегда говорил, что мир больше, чем замок любого лорда. В Кварте, Асшае и Йи Ти можно найти не только драконов, но и много такого, что нам даже не снилось. Моряки рассказывают…

— Вот именно, — перебил его Армин. — Моряки, мой дорогой Молландер. Сходи в гавань, и они тебе расскажут, как спали с русалками или провели год в брюхе огромной рыбы.

— Почем ты знаешь, что это неправда? — Молландер шарил в траве, отыскивая яблоки. — Вот если б ты сам побывал в брюхе той рыбы, то мог бы утверждать, что их там не было. Над байками одного моряка посмеяться можно, но когда гребцы с четырех разных кораблей на четырех разных языках рассказывают одно и то же…

— Совсем не одно и то же, — упорствовал Армин. — Драконы в Асшае, драконы в Кварте, драконы в Миэрине, дотракийские драконы, драконы, освобождающие рабов… они все рассказывают по-разному.

— Разница только в мелочах. — Молландер, и всегда-то упрямый, выпив, становился совсем несговорчивым. — Они все говорят о драконах и прекрасной молодой королеве.

Единственный дракон, занимающий мысли Пейта, был сделан из желтого золота. Что стряслось с этим алхимиком? Он сказал, что через три дня будет здесь. «Я не вор», — сказал ему Пейт, но когда дракон заплясал, подмигивая…

— Вон еще одно, прямо у тебя под ногами, — сказал Молландеру Аллерас. — А у меня в колчане еще две стрелы.

— Да иди ты со своими стрелами. Червивое, — проворчал Молландер, подбирая яблоко, но все-таки метнул его вверх. Стрела рассекла яблоко на две ровные половинки. Одна упала на крышу башенки, скатилась с навеса и хлопнулась рядом с Армином.

— Если разрезать червяка надвое, получится два червяка, — поведал им кандидат.

— Кабы с яблоками получалось то же самое,

никому бы не пришлось голодать, — со своей мягкой улыбкой ответил Аллерас. Сфинкс всегда улыбается, точно какой-то шутке, известной только ему. Это вместе с острым подбородком, залысинами на лбу и коротко остриженными черными кудряшками придает ему лукавый вид.

Аллерас непременно будет мейстером. Он в Цитадели всего только год, но уже успел выковать три звена своей будущей цепи. У Армина, может, и больше, но он извел год на каждое. Впрочем, и он тоже будет мейстером. Только Рун и Молландер остаются голошеими школярами, но Рун совсем еще юнец, а Молландер предпочитает книге бутылку.

Сам же Пейт…

Он в Цитадели уже пять лет, а шея у него такая же голая, как и в тот день, когда он, тринадцатилетний, пришел сюда с запада. Дважды он думал, что готов сдать экзамен. В первый раз он попытался рассказать архимейстеру Ваэллину об устройстве небес — но лишь узнал на собственном опыте, что Ваэллина недаром прозвали Уксусным. Целых два года Пейт набирался мужества для новой попытки. На этот раз он предстал перед добрым архимейстером Эброзом, известным своим тихим голосом и ласковыми

руками, но вздохи Эброза оказались ничем не лучше ехидных придирок Ваэллина.

— Последнее, — пообещал Аллерас, — и я скажу вам, что думаю об этих драконах.

— Что ты можешь такого знать, чего я не знаю? — Молландер, углядев яблоко на ветке, подпрыгнул, сорвал его и метнул. Аллерас натянул тетиву до самого уха, грациозно повернулся, следя за полетом мишени, и пустил стрелу, как только яблоко начало падать.

— В последний раз ты всегда промахиваешься, — сказал Рун. Яблоко, невредимое, плюхнулось в реку. — Вот видишь?

— Когда больше не делаешь промахов, перестаешь совершенствоваться. — Аллерас ослабил тетиву и убрал лук в кожаный футляр. Лук у него из златосерда, сказочного дерева, растущего на Летних островах. Пейт однажды попытался согнуть его и не смог. Сфинкс только с виду хлипкий, а руки у него сильные. Аллерас, усевшись верхом на скамью, взял со стола чашу с вином и сказал нараспев, по-дорнийски:

— У дракона три головы.

— Это что, загадка? — спросил Рун. — Сфинксы в сказках всегда говорят загадками.

— Нет, не загадка. — Аллерас пригубил вино.

Все прочие дули из кружек знаменитый здешний сидр, и только он один предпочитал сладкие вина тех диковинных стран, где родилась его мать. Такие даже в Староместе стоят недешево.

Сфинксом его прозвал Лео Ленивец. В сфинксе всего намешано: лицо у него человеческое, тело львиное, крылья как у ястреба. Вот и Аллерас такой же. Отец у него дорниец, а мать — чернокожая островитянка. Он и сам темен, как орех, а глаза у него из оникса, как у зеленых мраморных сфинксов на воротах Цитадели.

— Трехглавые драконы бывают только на щитах и знаменах, — заявил Армин-кандидат. — Это геральдический знак, не более. Притом Таргариены все вымерли.

— Не все, — возразил Аллерас. — У Короля-Попрошайки была сестра.

— Я думал, ей голову разбили о стену, — сказал Рун.

— Нет. Это маленькому Эйегону, сыну принца Рейегара, разбили о стену голову бравые ребята Ланнистера. А мы говорим о сестре Рейегара, рожденной на Драконьем Камне перед падением острова. О принцессе Дейенерис.

— Да, точно. Бурерожденная. Вспомнил теперь. — Молландер запрокинул кружку, чтобы

допить остатки. — За нее! — провозгласил он, брякнув пустой кружкой о стол, и вытер рот. — А где же Рози? За нашу законную королеву не мешало бы выпить еще по одной, что скажешь?

— Тише ты, дурень, — забеспокоился Армин. — Никогда не шути такими вещами. Откуда тебе знать, кто тебя слышит. У Паука везде уши.

— А ты уж и штаны намочил. Я призываю к выпивке, не к восстанию.

За спиной у Пейта кто-то хихикнул, и тихий голос сказал:

— Я всегда знал, что ты изменник, Прыг-Скок. — Лео Ленивец неслышно подкрался к ним через старый дощатый мост. Наряд на нем атласный, в зеленую и золотую полоску, короткий плащ из черного шелка заколот на плече хризолитовой розой. Судя по пятнам у него на груди, этой ночью он пил красное вино, прядь пепельных волос падает на один глаз.

Молландер при виде него ощетинился.

— Убирайся. Никто тебя сюда не звал. — Аллерас примирительно положил руку Молландеру на плечо, Армин нахмурился.

— Милорд Лео? Я думал, тебе запрещено покидать Цитадель еще…

— Еще три дня. — Лео пожал плечами. — Пе-

рестин утверждает, что миру сорок тысяч лет, Моллос — что пятьсот. Что такое по сравнению с этим три дня, я вас спрашиваю? — На террасе стояло с дюжину пустых столов, но Лео подсел к ним. — Поставь мне чашу борского золотого, Прыг-Скок, — тогда я, быть может, не скажу отцу про твой тост. Я нынче проигрался в «Клетчатой доске», а последнего оленя истратил на ужин. Молочный поросенок в сливовом соусе, начиненный каштанами и белыми трюфелями. А у вас тут что?

— Вареная баранья нога, — неохотно пробурчал Молландер. — На всех.

— Уверен, это сытное блюдо. Сын лорда должен быть щедрым, Сфинкс. Ты, кажется, получил свою медь? Я бы выпил за это.

— Я угощаю только друзей, — не переставая улыбаться, ответил Аллерас. — И я не сын лорда, я тебе уже говорил. Моя мать была простая торговка.

Карие глаза Лео сверкали от вина и от злости.

— Твоя мать была обезьяна с Летних островов. Дорнийцы любят всякую тварь, лишь бы дырка на нужном месте была. Не обижайся — ты хоть и черен, но все-таки моешься, не то что наш Чушка. — И он махнул рукой в сторону Пейта.

Дать бы ему кружкой по морде, да так, чтоб сразу половину зубов выбить. Чушка Пейт-свинопас — герой бесчисленных озорных историй, добродушный олух. Его глупость на поверку оборачивается хитростью: он побивает жирных лордов, надменных рыцарей, елейных септонов, а в конце концов садится на высокое место лорда и спит с рыцарской дочкой. Но это в сказках — в жизни свинопасам такое не светит. Мать, должно быть, люто его ненавидела, коли наградила его таким имечком.

Аллерас больше не улыбался.

— Извинись сейчас же, — сказал он.

— Не могу — очень уж в глотке сухо.

— Ты позоришь свой дом каждым словом, которое произносишь. И Цитадель позоришь — одним своим пребыванием среди нас.

— Да, да. Поставь же мне вина, чтобы я мог смыть свой позор.

— Я когда-нибудь вырву твой поганый язык, — посулил Молландер. — С корнем.

— Тогда мне нечем будет вам рассказать о драконах. Наш дворняга не соврал: дочь Безумного Короля жива, и у нее вывелось три дракона.

— Три? — ахнул Рун.

— Больше двух, меньше четырех. — Лео потре-

пал его по плечу. — На твоем месте я погодил бы держать экзамен на золотое звено.

— Оставь его в покое, — сказал Молландер.

— Как скажешь, о благородный Прыг-Скок. На всех кораблях, что прошли больше ста лиг от Кварта, толкуют об этих драконах. Некоторые даже уверяют, что видели их своими глазами, и Маг склонен им верить.

— Мнение Марвина мало что значит, — поджал губы Армин. — Архимейстер Перестин первый скажет тебе об этом.

— Архимейстер Раэм тоже так говорит, — вставил Рун.

— Море мокрое, солнце теплое, — зевнул Лео, — а наша верхушка на дух не выносит мастифа.

У него для каждого прозвище припасено. Пейт, однако, не мог отрицать, что Марвин в самом деле больше похож на мастифа, чем на мейстера. Смотрит так, точно укусить тебя хочет. Он не такой, как другие мейстеры. Говорят, что он водит компанию со шлюхами и бродячими шарлатанами, что он разговаривает с волосатыми иббенийцами и черными жителями Летних островов на их родном языке и приносит жертвы чужим богам в маленьких портовых молельнях. Его видели в самых грязных притонах вместе

с лицедеями, певцами, наемниками и даже с нищими. Поговаривают даже, что он однажды одними кулаками убил человека.

Восемь лет Марвин провел на востоке — наносил на карту неизвестные земли, искал старинные книги, водился с чародеями и заклинателями теней. Когда он вернулся в Старомест, Уксусный Ваэллин прозвал его Магом, и это имя, к большому раздражению Ваэллина, вскоре разнеслось по всему городу. «Оставь молитвы и заклинания жрецам и септонам и направь свой ум на познание истин, которым человек может доверять», — посоветовал как-то Пейту архимейстер Раэм. Но у Раэма кольцо, маска и жезл золотые, и в его мейстерской цепи недостает звена из валирийской стали.

Армин бросил на Лео надменный взгляд. Нос у него как раз подходящий для таких взглядов — длинный, тонкий и острый.

— Архимейстер Марвин верит во множество странных вещей, но доказать, что драконы существуют, способен не больше Молландера. Это всего лишь матросские байки.

— Ошибаешься, — сказал Лео. — У Мага в комнатах горит стеклянная свечка.

На террасе стало тихо. Армин со вздохом по-

качал головой, Молландер засмеялся, Сфинкс впился в Лео своими черными глазищами, Рун вконец растерялся.

Пейт знал про стеклянные свечи, хотя никогда не видел, чтобы они горели. В Цитадели это самый большой секрет. Говорят, их привезли в Старомест из Валирии за тысячу лет до Рокового Дня. Всего их, как Пейт слышал, четыре: одна зеленая, остальные черные, и все они высокие и витые.

— Что это за стеклянная свечка? — спросил Рун.

Армин прочистил горло.

— Перед тем, как принести свои обеты, кандидат должен совершить ночное бдение в склепе. При этом ему не дают ни лампы, ни факела — только обсидиановую свечу. Если он не сумеет ее зажечь, то просидит всю ночь в темноте. Самые глупые и упрямые, особенно те, что занимались так называемыми тайными науками, пробуют это сделать. При этом они часто ранят себе пальцы, ибо витки на этих свечах остры, как бритва. Так, с изрезанными пальцами, в размышлениях о своей неудаче, они и встречают рассвет. Те, кто поумней, просто ложатся спать или проводят ночь в молитве, но каждый год кто-нибудь да

пытается.

— Верно. — То же самое слышал и Пейт. — Но что проку от свечи, если она не дает света?

— Это урок, — важно ответил Армин, — последний, который мы должны усвоить, прежде чем возложить на себя мейстерскую цепь. Стеклянная свеча, вещь редкостная, прекрасная и хрупкая, служит здесь символом истины и знания. Стеклу недаром придана форма свечи — это напоминает нам, что мейстер должен быть источником света везде, где бы он ни служил, а острые грани говорят о том, что знание может быть опасным. Мудрецы могут возгордиться своей мудростью, но мейстер должен всегда оставаться смиренным. Стеклянная свеча напоминает нам и об этом. Даже принеся обет, надев цепь и отправившись к месту службы, мейстер должен помнить о бдении, проведенном впотьмах, и о тщетных попытках зажечь свечу… ибо и знанию не все доступно.

Лео громко расхохотался.

— Это тебе не все доступно. Я своими глазами видел, как она горит.

— Ты видел, как горит другая свеча, — не сдавался Армин. — Возможно, из черного воска.

— Мне лучше знать, что я видел. Свет у нее

яркий, много ярче, чем у сальной или восковой свечки. Он бросал странные тени, и пламя не колебалось, хотя в открытую дверь дуло почем зря.

Армин неуступчиво скрестил руки на груди.

— Обсидиан не горит.

— Драконово стекло, — вставил Пейт. — В народе его называют драконовым стеклом. — Это почему-то казалось ему достойным упоминания.

— Верно, — поддержал его Сфинкс, — и если в мире опять завелись драконы…

— Драконы и кое-что пострашнее, — сказал Лео. — Серые овцы зажмурились, но мастиф видит правду. Древние силы пробуждаются, тени приходят в движение. Грядет век чудес и ужасов, век богов и героев. — Он потянулся, улыбаясь своей ленивой улыбкой. — За это стоит выпить, я бы сказал.

— Мы уже достаточно выпили, — сказал Армин. — Утро настанет скорее, чем нам того хочется, и архимейстер Эброз будет читать о свойствах мочи. Тем, кто намерен выковать серебряное звено, лучше не пропускать его лекции.

— Я нисколько не препятствую тебе отведать мочи, — съязвил Лео, — но сам предпочитаю борское золотое.

— Если уж выбирать между тобой и мочой,

то я выбираю ее. — Молландер поднялся из-за стола. — Пошли, Рун.

— Я тоже иду спать. — Сфинкс взял футляр с луком. — Может, мне приснятся драконы и стеклянные свечи.

— Все заодно, да? Ну ничего, зато Рози здесь. Я, пожалуй, разбужу нашу милашку и сделаю из нее женщину.

Сфинкс заметил, какое выражение приняло лицо Пейта, и сказал:

— Раз у него нет медного гроша на чашу вина, то золотого на девушку и подавно не может быть.

— Вот-вот, — подхватил Молландер. — И чтобы сделать девушку женщиной, нужен мужчина. Пошли с нами, Пейт. Старый Валгрейв проснется ни свет ни заря, и тебе придется свести его в нужник.

Если он меня узнает на этот раз. Архимейстер Валгрейв без труда отличает одного ворона от другого, но с людьми у него это получается не столь хорошо. Иногда он принимает Пейта за какого-то Крессена.

— Я еще чуток посижу, — сказал Пейт друзьям. Рассвет близок, но еще не настал. Может, алхимик еще придет, и Пейт непременно должен с ним встретиться.

— Как знаешь, — сказал Армин. Аллерас, пристально посмотрев на Пейта, повесил лук на плечо и пошел с другими к мосту. Молландер так набрался, что брел, опираясь на Руна. Цитадель недалеко, если мерить по прямой, как ворон летит, но они-то не вороны, а Старомест со своими кривыми улочками — настоящий лабиринт. — Осторожно, — донесся до Пейта голос Армина, когда все четверо уже скрылись в тумане, — ночь сырая, и булыжники скользкие.

Лео через стол кисло смотрел на Пейта.

— Как это грустно. Сфинкс унес все свое серебро и оставил меня с Чушкой Пейтом, свинопасом. — Он опять потянулся и протяжно зевнул. — Что-то поделывает сейчас наша крошка Рози?

— Спит, — коротко ответил Пейт.

— Голенькая небось. Думаешь, она в самом деле стоит дракона? Как-нибудь на днях я проверю.

Пейт благоразумно промолчал, но Лео и не нуждался в ответе.

— Когда я ее распечатаю, цена на нее упадет, и даже свинопас сможет себе позволить ею попользоваться. По-хорошему-то ты мне спасибо должен сказать.

По-хорошему тебя бы убить надо, подумал Пейт, *но не настолько я пьян, чтобы швыряться*

собственной жизнью. Лео обучен воинскому ремеслу, и все знают, как мастерски он владеет кинжалом. Если даже Пейт каким-то чудом убьет его, то и сам головы лишится. У Пейта только одно имя, а у Лео два, и второе из них — Тирелл. Его отец — сир Морин Тирелл, командующий городской стражей Староместа, а Мейс Тирелл, лорд Хайгардена и Хранитель Юга, доводится Лео кузеном. Сам староместский голова, лорд Лейтон Хайтауэр, именующийся помимо прочих титулов Защитником Цитадели, состоит в присяжных знаменосцах у дома Тиреллов. Пусть болтает, твердил себе Пейт. Он говорит все это только для того, чтобы меня задеть.

Туман на востоке стал понемногу белеть. Светает, а алхимик так и не пришел. Пейт не знал, плакать ему или смеяться. Будет он по-прежнему считаться вором, если положит взятую вещь на место так, чтобы никто не узнал? Или нет? Вот еще вопрос, на который он должен ответить, вроде тех, которые задавали ему Эброз и Ваэллин.

Он встал, и ужасно крепкий сидр тут же ударил ему в голову — пришлось опереться о стол.

— Оставь Рози, — сказал он все-таки на прощание. — Оставь ее, не то я тебя убью.

Лео Тирелл откинул падающие на один глаз

волосы.

— Я не дерусь со свинопасами. Ступай.

И Пейт ушел, стуча каблуками по доскам старого моста. На том берегу он увидел, что небо на востоке порозовело. Мир велик, сказал он себе. Вот куплю осла и буду бродить по Семи Королевствам, ставить пиявки, выбирать вшей из волос. А не то наймусь гребцом на корабль, поплыву в Кварт через Яшмовые Ворота и сам увижу этих хваленых драконов. Не придется мне тогда возвращаться к старому Валгрейву и его воронам.

Он думал об этом, а ноги сами собой несли его к Цитадели.

Как только первый луч солнца пробил облака на востоке, в Портовой септе зазвонили утренние колокола. Миг спустя к ней присоединилась Господская септа, следом отозвалась Седмица в садах за рекой, и последней вступила Звездная септа, бывшая кафедральным собором верховного септона тысячу лет, пока король Эйегон не высадился в Королевской Гавани. Мощная музыка, но маленький соловей все равно поет слаще.

За звоном колоколов Пейту слышалось пение. Красные жрецы каждое утро встречают солнце у своего скромного храма в гавани. Ибо ночь темна и полна ужасов… Пейт много раз слышал, как они

выкликают эти слова, моля своего бога Рглора спасти их от тьмы. Ему самому и Семерых хватало, но Станнис Баратеон, говорят, теперь тоже молится у ночных костров. Даже на знаменах у него огненное сердце Рглора вместо прежнего коронованного оленя. Если он завоюет Железный Трон, нам всем придется выучить слова этой песни, думал Пейт, но это вряд ли. Тайвин Ланнистер разбил Станниса вместе с его Рглором на Черноводной. Скоро он окончательно их добьет и вденет голову претендента на пику над воротами Королевской Гавани.

Ночной туман таял, и призрачный Старомест постепенно обретал очертания вокруг Пейта. Школяр никогда не видал Королевской Гавани, но знал, что она из глины слеплена, из досок сколочена, соломой крыта, и улицы в ней немощеные. Старомест выстроен из камня и вымощен булыжником весь, до последнего закоулка. А всего прекрасней он на рассвете. К западу от Медовички высятся, как дворцы, строения Гильдии. Выше по течению на обоих берегах, соединенных тесно застроенными каменными мостами, встают купола и башни Цитадели. Ниже, под черными мраморными стенами и закругленными окнами Звездной септы, лепятся дома

священнослужителей, как дети, собравшиеся у ног благочестивой вдовы.

А там, где Медовичка впадает в Шепотный залив, светит маяк Хайтауэр, или Высокая Башня. Он стоит на утесах Боевого острова, и его тень перерезает город, как меч. Уроженцы Староместа умеют узнавать по этой тени, который теперь час. Говорят даже, будто с вершины башни видно до самой Стены. Наверно, поэтому лорд Лейтон больше десяти лет не сходит оттуда и правит городом с заоблачной высоты.

Мимо протарахтела тележка мясника, где отчаянно визжали пятеро поросят. Пейт посторонился, и его чуть не окатила какая-то горожанка, выплеснувшая из окошка наверху свой ночной горшок. «Когда я стану мейстером в замке, у меня будет конь», — подумал Пейт, споткнулся и хлопнулся на мостовую. Кого он дурачит? Не носить ему цепь, не сидеть за высоким столом у лорда, не ездить на белом коне. Он проведет свою жизнь, слушая карканье воронов и отскребая дерьмо с подштанников архимейстера Валгрейва.

Пока он пытался отчистить от грязи себя самого, кто-то сказал ему:

— Доброе утро, Пейт.

Рядом стоял алхимик.

— Ты сказал, что на третий день будешь в «Пере и кружке», — заметил Пейт.

— Ты был с друзьями, и я не хотел вторгаться. — На алхимике был простой бурый дорожный плащ с капюшоном. Солнце вставало как раз у него за спиной, и лицо под капюшоном разглядеть было трудно. — Ты уже решил, кто ты?

Неужели непременно надо говорить это вслух?

— Наверно, я вор.

— Я так и думал.

Особенно скверно было лезть под кровать архимейстера Валгрейва, чтобы достать оттуда укладку. Сам сундучок крепкий и окован железом, но замок у него сломан. Мейстер Гормен подозревал, что взлом учинил Пейт, но это неправда. Валгрейв сам сломал замок, когда потерял ключ от него.

Внутри Пейт нашел мешочек с серебряными оленями, обвитый лентой локон желтых волос, миниатюру женщины, похожей на Валгрейва (вплоть до усов), и стальную рыцарскую перчатку. Валгрейв уверял, что она принадлежала принцу, хотя уже не помнил какому. Пейт потряс перчатку, и из нее выпал ключ.

«Если я подберу его, то я вор», — подумал он тогда. Ключ — старый, тяжелый, из черного чугу-

на — будто бы отпирает любую дверь в Цитадели. Только у архимейстеров есть такие. Другие носят ключи на себе или прячут их в тайниках, но если бы Валгрейв спрятал свой, его бы никто уже не нашел. Пейт взял с пола ключ и пошел было к двери, а потом вернулся и прихватил серебро. Вор есть вор, много он украл или мало. «Пейт, — позвал его один из белых воронов. — Пейт, Пейт, Пейт».

— Ты принес мне дракона? — спросил он алхимика.

— Если ты принес то, что нужно мне.

— Давай сюда. Я хочу посмотреть. — Недоставало еще, чтобы его надули.

— Только не на речной дороге. Пойдем.

И алхимик зашагал прочь, не дав Пейту времени подумать. Либо идти за ним, либо лишиться навсегда и дракона, и Рози. Пейт пошел. Ключ лежал у него в кармашке, пришитом изнутри к рукаву. У мейстеров таких карманов полно — он это знал с самого детства.

Ему приходилось поспешать, чтобы не отстать от широко шагающего алхимика. Они повернули за угол, прошли через старый Воровской рынок, по улице Старьевщиков. Когда алхимик свернул в еще более узкий переулок, Пейт сказал:

— Хватит. Здесь никого. Незачем идти дальше.

— Как хочешь.

— Давай моего дракона.

— Конечно. — Монета опять прошлась у него по костяшкам, как в прошлый раз. Дракон сверкал на утреннем солнце, бросая золотой отсвет на пальцы алхимика.

Пейт схватил его, теплого, и попробовал на зуб, как при нем делали другие. По-настоящему он не знал, зачем это нужно, но и дураком не хотел показаться.

— Ключ? — учтиво спросил алхимик.

Пейт почему-то заколебался.

— Тебе книга нужна? — В подземельях хранятся древние валирийские свитки — говорят, что нигде в мире таких больше нет.

— А вот это уж тебя не касается.

— Да, правда. — Дело сделано. Беги в «Перо и кружку», разбуди Рози поцелуем и скажи ей, что она твоя. Но Пейт все еще колебался. — Покажи мне свое лицо.

— Как скажешь. — И алхимик откинул капюшон.

Лицо как лицо, молодое, пухлощекое, с отросшей щетиной. На правой щеке небольшой шрам. Нос крючком, густые черные волосы завиваются за ушами. Незнакомое лицо.

— Я не знаю тебя, — сказал Пейт.

— Я тебя тоже.

— Кто ты?

— Да никто.

Пейт, не найдя слов, достал ключ и вложил в ладонь незнакомца. Голова кружилась, точно у пьяного. Рози, напомнил он себе, и сказал:

— В расчете.

Он дошел до середины переулка, когда камни у него под ногами зашевелились. Они просто скользкие, подумал он, но дело было не в этом. Сердце в груди стучало как молот.

— Что такое? — сказал он, и ноги отказали ему. — Ничего не понимаю.

— И не поймешь, — грустно произнес кто-то.

Булыжники ринулись ему навстречу. Пейт хотел позвать на помощь, но и голос ему отказал.

Напоследок он успел подумать о Рози.

Пророк

Пророк топил людей на Большом Вике, когда к нему приехали с вестью о смерти короля.

Утро было хмурое, холодное, со свинцовым небом и свинцовым морем. Первые трое бесстрашно отдали свои жизни Утонувшему Богу, но четвертый, веривший недостаточно сильно, начал барахтаться, когда ему недостало воздуха. Эйерон, стоя по пояс в воде, схватил голого парня за плечи и окунул с головой.

— Мужайся. Из моря мы вышли, в море вернемся. Открой рот и вкуси благословение бога. Наполни водой свои легкие, чтобы умереть и вновь возродиться. Не борись, это бесполезно.

Парень либо не слышал его под водой, либо совсем потерял веру. Он бился так, что Эйерону пришлось позвать на помощь. Еще четверо утопленников подошли и пособили ему удержать несчастного.

— Бог, утонувший за нас, — воззвал жрец глубоким, как море, голосом, — возроди раба твоего Эммонда из моря, как возродился ты сам. Благослови его солью, благослови его камнем,

благослови его сталью.

Парень наконец перестал пускать пузыри, и сила покинула его тело. Эммонд всплыл лицом вниз, бледный, холодный и смирный.

Лишь тогда Мокроголовый заметил, что к утопленникам на усыпанном галькой берегу прибавилось трое всадников. Эйерон узнал старого Спарра, остролицего, с водянистыми глазами — его шамкающий голос был законом в этой части Большого Вика. Старика сопровождали его сын Стеффарион и еще один юноша в темно-красном, подбитом мехом плаще. Плащ заколот черной с золотом пряжкой в виде боевого рога Гудбразеров — стало быть, это один из сыновей Горольда. Жена родила ему трех парней поздно, после целой дюжины дочек, и говорят, что их одного от другого не отличить. Эйерону, впрочем, и дела особого не было до того, кто такой этот — Грейдон, Горменд или Грен.

По команде жреца утопленники, взяв Эммонда за руки и за ноги, вынесли его на берег выше черты прилива. Эйерон шел за ними, прикрытый только набедренной повязкой из тюленьей кожи. Мокрый, весь в мурашках, он вновь ступил на сушу, на холодный песок и обкатанную морем гальку. Один из утопленников подал ему грубый

домотканый хитон, выкрашенный в зеленые, синие и серые пятна — цвета моря и Утонувшего Бога. Эйерон оделся и выпростал наружу длинные черные волосы. Сталь ни разу не касалась их с тех пор, как он вышел живым из моря, — теперь они, как рваное покрывало, падали ниже пояса. В них и в косматой бороде запутались водоросли.

Утопленники, став кружком над телом, читали молитвы. Норьен сводил и разводил руки Эммонда, Рас сидел у него на груди. Когда подошел Эйерон, верующие расступились. Жрец развел пальцами холодные губы юноши и дал ему поцелуй жизни — раз, и другой, и третий, пока море не хлынуло у него изо рта. Парень закашлялся, начал плеваться и раскрыл испуганные глаза.

Вот еще один вернулся — говорят, это знак особого расположения Утонувшего Бога. Все другие жрецы время от времени теряют своих прихожан, даже Тарл Трижды Тонувший, которого когда-то считали до того святым, что доверили ему короновать короля. Все, кроме Эйерона Грейджоя, Мокроголового. Он побывал в водяных чертогах самого бога и вернулся на землю, чтобы рассказать о них.

— Встань, — велел он ожившему, хлопнув его по голой спине. — Ты утонул и вернулся к живым.

То, что мертво, умереть не может.

— Но восстает, — зачастил парень, кашляя и отплевываясь. Речь давалась ему с трудом, но так уж устроен мир: чтобы выжить, нужно бороться. — Восстает вновь. — Эммонд, пошатываясь, поднялся на ноги. — Сильнее и крепче, чем прежде.

— Теперь ты принадлежишь богу, — сказал ему Эйерон. Другие утопленники награждали парня дружескими тычками и поцелуями, принимая его в свое братство. Один помог ему надеть пестрый домотканый хитон, другой вручил дубинку, сделанную из плавника. — Ты принадлежишь морю, и море вооружает тебя, — продолжал жрец. — Мы молимся за то, чтобы ты храбро сражался этим оружием против всех врагов нашего бога.

Лишь завершив обряд, он обратил внимание на трех всадников, наблюдавших за всем этим с высоты своих седел.

— Вы приехали, чтобы быть утопленными, милорды?

— Меня уже топили мальчонкой, — ответил Спарр, — и Стеффариона тоже, в день наречения имени.

Эйерон фыркнул. Нет сомнения в том, что

Стеффариона вскоре после рождения посвятили Утонувшему Богу. Младенцев при этом окунают в купель с морской водой, едва смочив им волосики. Неудивительно, что Железных Людей, некогда правивших повсюду, где слышался шум прибоя, теперь бьют все и каждый.

— Это не настоящее утопление, — заявил жрец. — То, что не умрет, не может надеяться на возвращение к жизни. Зачем же вы здесь, если не для того, чтобы доказать свою веру?

— Сын лорда Горольда привез вам известие. — Спарр указал на молодого человека в красном плаще. На вид тому было лет шестнадцать, не больше.

— Который из них ты будешь? — спросил его Эйерон.

— Я Горменд. Горменд Гудбразер, с позволения вашей милости.

— Лишь Утонувший Бог может оказать нам милость. Тебя топили, Горменд Гудбразер?

— В день наречения имени. Отец послал меня за вами. Он хочет вас видеть.

— Ну что ж, вот он я. Лорд Горольд может приходить и любоваться мной, сколько ему угодно. — Эйерон взял у Раса кожаный мех со свежей морской водой, откупорил его и отпил глоток.

— Я должен доставить вас в замок, — настаивал молодой Горменд, не сходя с коня.

Боится слезть, чтобы не замочить сапоги.

— Я занят божьим делом. — Эйерон не привык, чтобы мелкие лорды им помыкали.

— К Горольду прилетела птица, — сказал тогда Спарр.

— Мейстерская птица, с Пайка, — подтвердил Горменд.

Черные крылья, черные вести.

— Вороны летают над солью и камнем. Если вам нужно мне что-то сказать, говорите здесь.

— Эта весть предназначена только для твоих ушей, Мокроголовый, — ответил Спарр. — При других я не хочу говорить об этом.

— Эти «другие» — мои утопленники, слуги божьи, как и я сам. У меня нет от них секретов, как и от бога, у чьих священных вод я стою.

Всадники переглянулись.

— Скажи ему, — сказал Спарр. Юноша в красном плаще собрался с духом и брякнул без всяких обиняков:

— Король умер.

Всего два слова, но самое море всколыхнулось, когда он их произнес.

Четверо королей было в Вестеросе, но Эйерон

и не спрашивая знал, о ком речь. Железными островами правил Бейлон Грейджой и никто иной. Король умер… как это возможно? И одной луны не прошло, как Эйерон виделся со своим старшим братом, вернувшись после набега на Каменный Берег. Седые волосы Бейлона наполовину побелели, пока его не было, и сгорбился он еще сильнее, чем прежде, но при всем при том совсем не казался больным.

Жизнь Эйерона Грейджоя держалась на двух могучих столпах, и два коротких слова только что подкосили один из них. Теперь у меня остался только Утонувший Бог. Да сделает он меня таким же сильным и неутомимым, как море.

— Расскажите мне, как умер мой брат.

— Его величество упал с моста на Пайке и разбился о скалы внизу.

Твердыня Грейджоев стоит на утесах, торчащих из моря. Ее строения и башни соединяются между собой мостами — и каменными, и веревочными, с настилом из досок.

— Это случилось во время шторма? — спросил Эйерон.

— Да, — сказал юноша.

— Штормовой Бог низверг его в пучину, — объявил жрец. Тысячу тысяч лет между морем и

небом идет война. Море породило Железных Людей и рыбу, которая питает их даже зимой, штормы же порождают только горе и скорбь. — Мой брат Бейлон вернул нам былое величие, и это разгневало Штормового Бога. Теперь брат пирует в водных чертогах Утонувшего Бога, и служат ему русалки. Его труд предстоит завершить нам, оставшимся в этой сухой и унылой юдоли. — Жрец снова закупорил пробкой мех с водой. — Я поговорю с твоим лордом-отцом. Далеко ли отсюда до Хаммерхорна?

— Шесть лиг. Вы можете сесть со мной на коня.

— Один скачет быстрей, чем двое. Отдай мне своего коня, и да благословит тебя Утонувший Бог.

— Возьмите моего, — предложил Стеффарион Спарр.

— Нет. У него конь сильнее. Слезай, парень.

Юноша, чуть-чуть поколебавшись, слез и взял коня под уздцы. Эйерон поставил босую темную ногу в стремя и сел. Он не жаловал лошадей — твари с зеленых земель, одно баловство от них, — но необходимость вынуждала его ехать верхом. Черные крылья, черные вести. Он чувствовал, что надвигается шторм, а штормы приносят одно

только зло.

— Ждите меня в Пебблтоне, у башни лорда Мерлина, — сказал он утопленникам, поворачивая коня.

Узкая тропа, то и дело исчезавшая под копытами, вела через холмы, леса и каменистые ущелья. Большой Вик, самый крупный из Железных островов, так велик, что из некоторых господских поместий священного моря вовсе не видно. Взять хоть Горольда Гудбразера — его замок стоит в Гольцах, так далеко от царства Утонувшего Бога, как только возможно на островах. Люди Горольда работают в рудниках, глубоко под землей, — кое-кто так и умирает, ни разу не увидав соленой воды. Надо ли удивляться тому, что они и на людей-то мало похожи?

В пути Эйерон думал о своих братьях.

У Квеллона Грейджоя, властителя Железных островов, было девять сыновей. Харлон, Квентон и Донел родились от первой жены, Стонтри. Бейлон, Эурон, Виктарион, Урригон и Эйерон — от второй, из рода Сандерли с Солтклифа. В третий раз лорд Квеллон женился на девице с зеленых земель, которая родила ему хворого и слабоумного сына по имени Робин, о котором лучше забыть. Квентона и Донела, умерших в младенчестве,

жрец тоже не помнил, Харлона вспоминал смутно — тот, серолицый, сидел в башне без окон и разговаривал шепотом, а потом и вовсе умолк, когда серая хворь превратила в камень его язык и губы. Когда-нибудь мы попируем в чертогах Утонувшего Бога, думал Эйерон, — мы четверо и Урри.

Девять сыновей родилось от Квеллона Грейджоя, но только четверо из них дожили до взрослых лет. Таков этот холодный край, где мужчины рыбачат в море, копают землю и умирают, а женщины рожают в муках недолговечных детей. Эйерон — последний и самый слабый из четырех кракенов,[1] Бейлон — самый старший и самый отважный, живший ради того, чтобы вернуть островитянам древнюю славу. В десять лет он взобрался по Кремневым Утесам к проклятой башне Слепого Лорда, в тринадцать ворочал веслом и плясал боевой танец не хуже, чем взрослый мужчина. В пятнадцать он отплыл с Дагмером Щербатым на Ступени, где пиратствовал все долгое лето. Там он впервые убил и взял себе первых двух морских жен. В семнадцать Бейлон стал капитаном собственного корабля. Настоящий

[1] Примечания: 1
Кракен — гигантский кальмар, эмблема дома Грейджоев.

старший брат, всегда смотревший на Эйерона презрительно. «Я был слаб и грешен, — думал Эйерон, — ничего другого я не заслуживал». Лучше, когда тебя презирает Бейлон Смелый, чем когда тебя любит Эурон Вороний Глаз. Годы и беды ожесточили Бейлона, но они же придали ему железную решимость, в которой никто с ним сравниться не мог. Он родился сыном лорда, а умер королем от руки ревнивого бога. Теперь его не стало, и надвигается шторм, которого еще не ведали острова.

Уже давно стемнело, когда жрец увидел вдали железные укрепления Хаммерхорна, когтями вцепившиеся в восходящий месяц. Камни для постройки замка Горольда добывали из того же утеса, на котором замок стоял. Ниже его стен зияли черными беззубыми ртами пещеры и входы в старые рудники. Железные ворота Хаммерхорна уже заперли на ночь. Эйерон стучал в них камнем, пока ему не открыли.

Юноша, впустивший его, как две капли воды походил на Горменда, у которого жрец забрал коня.

— Ты кто? — спросил его Эйерон.

— Грен. Отец ждет вас.

В зале, сыром и мрачном, гуляли сквозняки.

Одна из дочерей Горольда подала Эйерону рог с элем, другая поворошила слабый огонь, дающий больше дыма, чем тепла. Сам Горольд Гудбразер разговаривал с худощавым человеком, одетым в серое, с цепью из многих металлов на шее, — мейстером Цитадели.

— А Горменд где? — спросил Горольд при виде нового гостя.

— Он вернется пешком. Отошли своих женщин, милорд, и мейстера тоже. — Эйерон не любил мейстеров. Их вороны — создания Штормового Бога, а их лекарскому искусству он перестал доверять после случая с Урри. Ни один настоящий мужчина не выберет подневольную жизнь и не наденет на себя цепь служителя.

— Гизелла, Гвин, оставьте нас, — приказал Гудбразер. — Ты тоже, Грен. Мейстер Маренмур останется здесь.

— Пусть он тоже уйдет, — настаивал Эйерон.

— Это мой дом, Мокроголовый, и не тебе в нем распоряжаться. Мейстер останется.

Он живет слишком далеко от моря, подумал Эйерон.

— Тогда уйду я, — сказал он и пошел прочь. Тростник на полу шуршал под растрескавшимися подошвами его босых черных ног. Как видно, он

зря проделал весь этот путь.

Он уже почти добрался до двери, когда мейстер откашлялся и сказал:

— На Морском Троне сидит Эурон Вороний Глаз.

Мокроголовый, охваченный внезапным холодом, обернулся. Вороний Глаз сейчас должен быть за полмира отсюда. Бейлон отослал его прочь два года назад и поклялся, что тот не будет жить, если вернется.

— Говори, — хрипло произнес жрец.

— Он прибыл в Лордпорт на другой день после кончины короля и потребовал себе замок и корону как старший из братьев Бейлона, — заговорил Горольд. — Теперь он рассылает воронов, созывая капитанов и лордов со всех островов на Пайк. Они должны склонить перед ним колено и присягнуть ему как своему королю.

— Нет, — не задумываясь над своими словами, возразил Эйерон. — Только благочестивый человек может сидеть на Морском Троне. Вороний Глаз не поклоняется ничему, кроме своей гордыни.

— Ты был недавно на Пайке и виделся с королем, — заметил Гудбразер. — Говорил он тебе что-нибудь о порядке престолонаследия?

Да, говорил. Они вели этот разговор в Морской башне. Ветер выл за окнами, волны плескались внизу. Бейлон в отчаянии понурил голову, услышав от Эйерона рассказ о своем последнем оставшемся в живых сыне. «Волки сделали его слабым, как я и боялся, — сказал король. — Молю бога, чтобы его убили и он не стоял больше на пути у Аши». На этот счет Бейлон был слеп: он видел себя в своей буйной, упрямой дочери и верил, что она станет его наследницей. Он заблуждался, и Эйерон пытался разубедить его. «Ни одна женщина, даже такая, как Аша, не будет править Железными Людьми», — заявил он, но Бейлон был глух к тому, чего не желал слышать.

Не успел Эйерон ответить Гудбразеру, мейстер снова заговорил:

— Морской Трон по праву принадлежит Теону — или Аше, если принц умер. Таков закон.

— Закон зеленых земель, — презрительно бросил Эйерон. — Что он для нас? Мы Железные Люди, сыны моря, избранники Утонувшего Бога. Ни одна женщина и ни один нечестивец не могут быть нашими правителями.

— Ну а Виктарион? — спросил Горольд. — Он командует Железным Флотом. Будет ли он претендовать на трон, Мокроголовый?

— Эурон старше… — начал было мейстер, но Эйерон утихомирил его одним взглядом. В рыбачьих деревнях и в господских замках от взгляда Мокроголового девицы падали в обморок, а дети с визгом кидались к матерям — что уж говорить о рабе с цепью на шее.

— Эурон старше, зато Виктарион набожнее, — сказал жрец.

— Значит, между ними будет война? — спросил мейстер.

— Железные Люди не должны проливать кровь Железных Людей.

— Достойное убеждение, Мокроголовый, — вмешался Гудбразер, — но твой брат не разделяет его. Он утопил Сейвина Ботли за слова о том, что трон по праву принадлежит Теону.

— Если его утопили, крови не пролилось, — заметил Эйерон.

Лорд и мейстер переглянулись.

— Мне нужно отправить на Пайк ответ, и скоро, — сказал Гудбразер. — Дай мне совет, Мокроголовый: признавать нового короля или нет?

Я видел шторм, и его имя — Эурон Вороний Глаз, подумал Эйерон, запустив пальцы в бороду.

— Не отвечай пока ничего. Мне нужно помолиться.

— Сколько бы вы ни молились, закон от этого не изменится, — упорствовал мейстер. — Законный наследник — Теон, а следом за ним идет Аша.

— Молчать! — взревел Эйерон. — Слишком долго на островах слушали блеяние цепных мейстеров о зеленых землях и тамошних законах. Пора нам снова прислушаться к морю. Пора прислушаться к голосу бога. — Его собственный голос в дымном зале гремел так властно, что ни Горольд, ни его мейстер не осмелились возразить. *Утонувший Бог со мной,* подумал Эйерон. *Он указывает мне путь.*

Гудбразер предложил ему заночевать в замке, но жрец отказался. Он редко спал в замках, тем более так далеко от моря.

— Я обрету кров в подводных чертогах Утонувшего Бога. Мы рождены для страданий, и они придают нам силу. Мне нужен только свежий конь, чтобы доехать до Пебблтона.

Гудбразер охотно предоставил ему коня и послал своего сына Грейдона показать жрецу кратчайшую дорогу к морю. Рассвет еще не настал, когда они выехали, но крепкие кони даже в темноте ступали уверенно. Эйерон, закрыв глаза, прочел тихую молитву и вскоре начал дремать в седле.

«Урри», — промолвил он, услышав скрип ржавых дверных петель, и очнулся. Здесь нет двери, нет Урри. Топорик, летящий по воздуху, отсек Урри половину пальцев на руке в четырнадцать лет, когда он плясал боевой танец. Отец со старшими братьями тогда ушел на войну. Третья жена лорда Квеллона была урожденная Пайпер из Замка Розовой Девы, с большой мягкой грудью и карими глазами лани. Вместо того чтобы лечить Урри по-старому, огнем и морской водой, она прибегла к помощи своего мейстера, который клялся, что пришьет отрубленные пальцы назад. Он в самом деле пришил их и стал пользовать Урри своими травами да примочками. Но кисть руки омертвела, началась горячка. Пришлось мейстеру отпилить напрочь всю руку, но было уже поздно.

Лорд Квеллон так и не вернулся домой из того последнего похода — Утонувший Бог по милости своей взял его к себе в море. Вместо него вернулся молодой лорд Бейлон с братьями Эуроном и Виктарионом. Услышав о том, что случилось с Урри, Бейлон кухонным тесаком отрубил мейстеру три пальца и велел своей мачехе пришить их. Травы с примочками помогли мейстеру не больше, чем Урри. Он умер в мучениях, а третья жена лорда

Квеллона вскоре последовала за ним, родив мертвую дочь. Эйерон порадовался этому. Тот танец они плясали вместе, как подобает братьям, и топорик, искалечивший Урри, принадлежал ему.

Годы после смерти Урри он до сих пор вспоминал со стыдом. В шестнадцать лет он полагал себя мужчиной, но на деле был ходячим винным бурдюком. Он пел и плясал (хотя топора больше никогда не брал в руки), он кривлялся, насмешничал и скоморошничал. Он играл на волынке, жонглировал, скакал верхом и мог выпить больше, чем все Винчи, Ботли и половина Харло. Утонувший Бог каждому дает какой-то талант, дал и ему: Эйерон Грейджой умел пускать струю дольше и дальше всех, что доказывал на каждом пиру. Однажды он поставил свою ладью против стада коз, поспорив, что за один раз погасит этим очаг. Спор он выиграл и целый год объедался козлятиной, а ладью назвал «Золотой шторм», хотя Бейлон грозился повесить его на мачте, узнав, чем братец вознамерился украсить нос своего корабля.

«Золотой шторм» затонул у Светлого острова во время первого восстания Бейлона, перерезанный пополам мощной боевой галеей «Ярость». Станнис Баратеон заманил Виктариона в ловушку и

расколотил весь Железный Флот. Но бог пощадил Эйерона и вынес его на берег. Рыбаки взяли его в плен, заковали в цепи, привели в Ланниспорт, и остаток войны он провел в подземельях Бобрового Утеса, доказывая, что кракены способны пускать струю дольше и дальше, чем львы, вепри и куры.

Тот человек теперь умер. Утонув и возродившись из моря, Эйерон стал пророком Утонувшего Бога. Ни один смертный больше не вызывает в нем страха… и ночная тьма тоже, и воспоминания, что служат душе костяком. Скрип заржавленных дверных петель… Эурон вернулся опять, но это ничего. Он теперь жрец, Мокроголовый, избранник бога.

— Неужели у нас будет война? — спросил Грейдон Гудбразер, когда солнце осветило холмы. — И брат пойдет на брата?

— Если будет на то воля Утонувшего Бога. Не может нечестивец сидеть на Морском Троне. — Вороний Глаз, само собой, без борьбы не уступит, и ни одна женщина, даже Аша, не сможет его победить. Женщины созданы для собственных битв на родильном ложе. От Теона, если он жив, тоже толку мало — мальчишка только и может, что дуться или улыбаться. В Винтерфелле

он, правда, показал себя, но Вороний Глаз — не мальчик-калека. Палубы его корабля выкрашены красным, чтобы пролитая кровь не бросалась в глаза. Виктарион. Вот кто должен стать королем, иначе шторм никого не оставит в живых.

Грейдон оставил его, когда взошло солнце, — юноше предстояло сообщить о смерти короля своим родственникам в Расселине, Вороньем Шпиле и Мертвом Озере. Эйерон поехал дальше один, поднимаясь на холмы и спускаясь в долины по каменистой тропе, которая по мере приближения к морю становилась все более широкой и наезженной. В каждой деревне и в каждой усадьбе мелкого лорда он останавливался, чтобы произнести проповедь.

— Из моря мы рождены и в море вернемся, — говорил он. Его голос, глубокий, как океан, гремел, как прибой. — Штормовой Бог в гневе своем низверг Бейлона со скал, и теперь он пирует в чертогах Утонувшего Бога. Бейлон умер! — воздевая руки, вещал Эйерон. — Король умер, но он вернется! То, что мертво, умереть не может — оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде. Король восстанет!

Некоторые из тех, кто его слышал, бросали свои кирки и мотыги и шли за ним. Когда он услышал

шум волн, за его конем следовали около дюжины человек, просветленных богом и возжелавших утопления.

В селении Пебблтон жили несколько тысяч рыбаков, чьи хижины лепились вокруг приземистого дома-башни с маленькой башенкой на каждом углу. Двадцать утопленников Эйерона раскинули на сером песчаном берегу свои шалаши из плавника и тюленьих шкур. Их руки, загрубевшие от соли, от сетей и лесок, от весел, кирок и топоров, теперь держат прочные, как железо, палицы, которыми снабдил их сам бог из своего подводного арсенала.

Укрытие для жреца поставили чуть выше черты прилива. Благополучно утопив новообращенных, он благодарно залез туда. «О мой бог, — молился он, — поговори со мной в рокоте волн и скажи мне, что делать. Капитаны и лорды ждут твоего слова. Кто будет у нас королем после Бейлона? Пусть кит, великан морей, пропоет мне его имя. Скажи мне, о подводный наш властелин, у кого есть сила сразиться со штормом на Пайке?»

Поездка в Хаммерхорн утомила его, но жрец не находил покоя в своем шалаше, крытом черными водорослями. Тучи закрыли луну и звезды. Над морем лежала тьма, как и у него на душе.

Бейлон выбрал бы Ашу, плоть от плоти своей, но женщина не может править Железными Людьми. Здесь нужен Виктарион. Девять сыновей было у Квеллона Грейджоя, и Виктарион самый сильный из них, настоящий бык, бесстрашный и верный долгу. Вот то-то и оно. Младший брат должен повиноваться старшему, а Виктарион не такой человек, чтобы пойти против обычая. Хотя Эурона он невзлюбил уже давно, после смерти той женщины.

За храпом утопленников и воем ветра он слышал, как бьются о берег волны — молот бога, зовущего его на битву. Эйерон вылез из шалаша на холод, обнаженным постоял на ветру — бледный, высокий, костистый — и вошел в соленое черное море. Вода обжигала холодом, но он даже не поморщился, принимая ласку своего бога. Волна ударила его в грудь и повалила, следующая разбилась над его головой. Он чувствовал соль на губах. Бог окружал его со всех сторон, и его величавая песнь звенела в ушах Эйерона. Девять сыновей родилось от Квеллона Грейджоя, и он был самым ничтожным из них, слабым и боязливым, как девочка. Но тот человек утонул, и бог дал силу вышедшему из моря. Холодное море обнимало его, пронизывало до костей слабую

человеческую плоть. Кости… Кости души. Кости Бейлона и Урри. Правда заключена в костях, ибо плоть разлагается, а кость остается. Кости чертогов Серого Короля до сих пор стоят на холме Нагги.

Эйерон Мокроголовый, бледный, костистый и дрожащий, вышел на берег мудрее, чем был, когда входил в море. Он нашел ответ в своих костях, и путь открылся ему. Было так холодно, что его тело точно дымилось, когда он шел назад к шалашу, но в его сердце пылал огонь, и он в кои-то веки заснул сразу, не слыша больше скрипа заржавленных петель.

Когда он проснулся, стоял ясный ветреный день. Эйерон утолил голод похлебкой из моллюсков и водорослей, состряпанной на костре. Как только он доел, к нему из башни с полудюжиной стражников вышел Мерлин.

— Король умер, — сказал лорду Мокроголовый.

— Да. Ко мне прилетала птица. А теперь еще одна прилетела. — Лысый дородный Мерлин одевался в меха и бархат, как это заведено у лордов зеленых земель. — Один ворон вызывает меня на Пайк, другой — в Десять Башен. У вас, кракенов, много щупальцев — так и норовите человека на куски разорвать. Что скажешь ты, жрец? Куда я

должен отправить свои ладьи?

— В Десять Башен, говоришь? — нахмурился Эйерон. — Кто из кракенов вызывает тебя туда? — Десять Башен были поместьем лорда Харло.

— Принцесса Аша. Они направила свои паруса к дому. Чтец рассылает воронов, созывая всех ее друзей к Харло. По его словам, Бейлон желал, чтобы на Морском Троне сидела она.

— Утонувший Бог сам решит, кому сидеть на Морском Троне. Стань на колени, чтобы я мог благословить тебя. — Лорд Мерлин повиновался, и Эйерон, откупорив свой мех, полил соленой водой ему на лысину. — Бог, утонувший за нас, возроди раба своего Мелдреда из моря. Благослови его солью, благослови его камнем, благослови его сталью. — Вода, стекая по толстым щекам Мерлина, намочила его бороду и мантию на лисьем меху. — То, что мертво, умереть не может — оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде. — Лорд встал, и Эйерон сказал ему: — Останься и послушай, чтобы передать слово божье другим.

Мокроголовый взошел на гранитный валун, о который разбивались волны, чтобы все его ученики могли видеть и слышать его.

— Из моря мы вышли и в море вернемся, —

начал он в сотый раз. — Штормовой Бог в гневе своем низверг Бейлона со скал, и теперь он пирует в подводных чертогах. — Жрец воздел руки к небу. — Железный король умер, но он вернется! Ибо то, что мертво, умереть не может, но восстает вновь, сильнее и крепче прежнего!

— Король восстанет! — хором отозвались утопленники.

— Он восстанет, ибо должен восстать. Но кто он? — Эйерон помолчал, но ответили ему только волны. — Кто будет нашим королем?

Морские палицы застучали одна о другую.

— Мокроголовый! — вскричали утопленники. — Эйерон наш король!

Жрец покачал головой.

— Если отец дает одному сыну топор, а другому невод, кого он предназначает в воины?

— Топор для воина, — ответил Рас, — невод для рыбака.

— Верно. Бог увлек меня глубоко под воду и утопил никчемного бездельника, которым я был. Вернув меня назад, он дал мне глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и голос, чтобы нести его слово людям. Он сделал меня своим пророком, дабы я учил истине тех, кто забыл ее. Я не создан для того, чтобы сидеть на Морском Троне… как

не создан и Эурон Вороний Глаз. Я слышал бога, и он говорит: «Не будет нечестивец сидеть на моем троне!»

Мерлин скрестил руки на груди.

— Кто же тогда? Аша? Или Виктарион? Скажи нам, жрец!

— Утонувший Бог скажет вам кто, но не здесь. — Эйерон протянул палец к жирному белому лицу Мерлина. — Вопрошайте не меня и не законы людские — вопрошайте море. Подними паруса, милорд, опусти весла на воду и отправляйся на Старый Вик вместе с другими капитанами и лордами. Не на Пайк, чтобы склониться перед нечестивым, и не на Харло, чтобы строить козни вместе с женщиной. Правь к Старому Пайку, где стоят чертоги Серого Короля. Именем Утонувшего Бога велю вам: покиньте ваши дома, покиньте хижины и замки и придите на холм Нагги, чтобы собрать там вече!

— Вече? — изумился Мерлин. — Его не созывали уже…

— Слишком долго! — гневно выкрикнул Эйерон. — Но на заре времен Железные Люди всегда прибегали к нему, останавливая свой выбор на самом достойном. Пора нам вернуться к старому закону — он, и только он, вернет нам былую

славу. На вече в свое время избрали Урраса Железную Ногу и увенчали его короной из плавника. И Сайласа Плосконосого, и Харрага Седого, и Старого Кракена. Король, избранный на этот раз, завершит дело, начатое Бейлоном, и отвоюет нашу свободу. Повторяю вам: плывите не на Пайк и не на Харло, но на Старый Вик. Ступайте к Нагге, к чертогам Серого Короля. Там, в этом священном месте, когда луна утонет и вновь возродится из моря, изберем мы себе достойного, благочестивого короля. — Жрец снова воздел высоко свои костлявые руки. — Внемлите волнам! Внемлите голосу бога! Он говорит нам: «Да не будет у вас короля, кроме избранного!»

Утопленники взревели и застучали палицами.

— Вече! Вече! — кричали они. — Да не будет короля, кроме избранного! — Они подняли такой шум, что Вороний Глаз, не иначе, слышал его на Пайке, а злобный Штормовой Бог — в своих облачных чертогах. И Эйерон Мокроголовый знал, что поступил правильно.

Капитан гвардии

— Красные апельсины давно перезрели, — устало заметил принц, когда капитан вывез его на террасу, и больше не проронил ни слова.

Насчет апельсинов он верно сказал. Несколько штук упало и лопнуло на бледно-розовом мраморе. Их острый сладкий запах наполнял ноздри Хотаха при каждом вдохе. Принц, без сомнения, тоже чувствует этот запах, сидя под деревьями в кресле, которое сделал для него мейстер Калеотт, — подушки на сиденье набиты гусиным пухом, колеса из черного дерева окованы железом.

Тишина — слышно только, как плещутся дети в прудах и фонтанах. Потом на террасу шлепнулся еще один плод, и капитан услышал издалека, как чьи-то сапоги, ступая по мрамору, приближаются к ним. Обара — он узнал ее походку, ее широкие, торопливые, гневные шаги. Ее конь, должно быть, весь в мыле, и бока у него окровавлены от ее шпор. Она ездит только на жеребцах и будто бы хвасталась, что способна укротить любого коня в Дорне… как и любого мужчину. Капитан слышал

также другие шаги, мягкие и шаркающие, — это мейстер Калеотт поспешал за Обарой.

Она всегда ходит чересчур быстро. «Гонится за тем, что ей никогда не поймать», — сказал как-то принц своей дочери в присутствии капитана.

Когда она появилась под тройной аркой, Арео Хотах загородил ей дорогу своей секирой. Древко из горного ясеня насчитывало в длину шесть футов, и она не могла его обойти.

— Ни шагу дальше, миледи, — громыхнул он со своим норвосским акцентом. — Принц не желает, чтобы его беспокоили.

Ее лицо, и без того каменное, сделалось еще тверже.

— С дороги, Хотах. — Обара — старшая из песчаных змеек, ей уже под тридцать, кость у нее широкая, глаза близко посажены, а волосы бурые, как у той староместской шлюхи, что ее родила. Под желто-золотистым плащом из песчаного шелка она вся одета в старую, мягкую, потертую кожу — больше ничего мягкого у нее не найти. На одном бедре свернутый в кольцо кнут, за спиной круглый стальной щит, отделанный медью. Копье она оставила снаружи — и на том спасибо. При всей ее силе и ловкости с Арео ей, конечно, не сладить, но она в отличие от него этого не

понимает, а ему не хотелось бы увидеть ее кровь на бледно-розовом мраморе.

Мейстер переступил с ноги на ногу.

— Я же говорил вам, леди Обара…

— Он знает, что мой отец мертв? — спросила Обара у капитана, обращая на мейстера не больше внимания, чем на муху — если бы нашлась муха, достаточно глупая, чтобы жужжать над ее головой.

— Знает, — сказал капитан. — К нему прилетала птица.

Смерть прилетела в Дорн на крыльях ворона, туго свернутая и запечатанная красным воском. Калеотт, видимо, чуял, о чем говорится в письме, потому что отдал его Хотаху для доставки. Принц поблагодарил его, но письма не открывал долго, очень долго. Весь день до самого вечера он сидел с пергаментом на коленях и смотрел, как играют дети. С наступлением вечерней прохлады, когда его обычно увозили с террасы в дом, он стал смотреть на отражение звезд в воде. Лишь после восхода луны он послал Арео за свечой, чтобы прочесть письмо там, в темноте, под апельсиновыми деревьями.

Обара опустила руку на кнут.

— Тысячи людей идут через пески к Костяному

Пути, чтобы встретить Элларию, везущую домой тело моего отца. Септы переполнены, красные жрецы зажгли храмовые костры. Женщины в перинных домах обслуживают мужчин бесплатно. Повсюду, повсюду — в Солнечном Копье, на Перебитой Руке, на Зеленой Крови, в горах, в глубине пустыни — женщины рвут на себе волосы, а мужчины кричат от ярости. Один вопрос звучит на всех языках: как поступит Доран? Как намерен принц отомстить за своего убитого брата? А ты говоришь мне, что его нельзя беспокоить!

— Он не желает, чтобы его беспокоили, — повторил Арео Хотах.

Капитан был ровесником принца, которого охранял. Когда-то он приехал сюда из Норвоса плечистым юнцом с копной темных волос. Теперь его волосы побелели, а тело отмечено шрамами после множества битв, но сила осталась при нем, и секиру он точит остро, как учили его бородатые жрецы. «Я не пущу ее», — сказал он себе, а вслух произнес:

— Принц смотрит, как играют дети, и в это время тревожить его не позволяется никому.

— Хотах, — сказала Обара Сэнд, — уйди с дороги, иначе я отберу у тебя секиру и…

— Пропусти ее, капитан. Я поговорю с ней, —

хриплым голосом распорядился внезапно принц.

Арео убрал секиру и отступил. Обара, злобно поглядев на него напоследок, прошла мимо, мейстер заторопился за ней. Росточком Калеотт не выше пяти футов и лыс, как яйцо. Возраст по гладкому круглому лицу определить трудно, но он служил здесь еще до капитана, когда мать принца была жива. Несмотря на годы и толщину, он еще довольно прыток, и ума у него палата, вот только характер мягкий. С песчаной змеей такому не справиться.

Принц сидел на своем кресле в тени апельсиновых деревьев — больные ноги составлены ровно, под глазами набрякли мешки, — но трудно сказать, что послужило причиной его бессонницы: горе или подагра. Дети все так же плескались в воде. Младшим из них не больше пяти, старшим лет девять-десять. Девочек и мальчиков поровну. Хотах слышал, как они брызгаются и кричат тонкими голосками.

— Давно ли и ты там играла, Обара, — сказал принц женщине, преклонившей колено перед его креслом.

— Давно. Лет двадцать, не меньше, — отрезала она. — Притом я недолго здесь пробыла. Я ведь отродье шлюхи, забыли? — Не дождавшись от-

вета, Обара встала и уперла руки в боки. — Мой отец убит.

— Он погиб в поединке, при испытании боем. Закон не считает это убийством.

— Он был вашим братом.

— Да, был.

— Что вы намерены предпринять по поводу его смерти?

Принц повернул свое кресло лицом к Обаре. Доран Мартелл выглядит намного старше своих пятидесяти двух лет. Тело под полотняной одеждой кажется бесформенным, на ноги с распухшими и покрасневшими от подагры суставами лучше не смотреть вовсе. Левое колено похоже на яблоко, правое — на дыню, пальцы ног превратились в переспевшие темно-красные виноградины: тронь — и они лопнут. Даже прикосновение легкого покрывала вызывает у него боль, хотя он терпит ее без жалоб. «Молчание — друг принцев, — сказал он как-то своей дочери. — Слова, Арианна, подобны стрелам. Пустив их, назад уже не вернешь».

— Я написал лорду Тайвину… — начал Доран.

— Написал? Будь ты хотя бы наполовину таким же, как мой отец…

— Я не твой отец.

— Это мне известно, — с величайшим презрением молвила Обара.

— Ты бы хотела, чтобы я выступил на войну.

— Где уж там. Ты даже с этого кресла не встанешь. Позволь *мне* отомстить за отца. На Принцевом перевале у тебя стоит войско, у лорда Айронвуда на Костяном Пути — еще одно. Отдай мне одно из них, а Ним — другое. Она пойдет по Королевскому тракту, а я выгоню марочных лордов из замков и двинусь с ними на Старомест.

— И как же ты думаешь удержать Старомест?

— Мне хватит нескольких дней, чтобы разграбить его. Богатства Хайтауэров…

— Ты хочешь золота?

— Я хочу крови.

— Лорд Тайвин пришлет мне голову Горы.

— А кто пришлет нам голову лорда Тайвина? Гора всегда был его любимчиком, о чем ты прекрасно знаешь.

Принц показал на пруды.

— Будь так любезна, Обара, посмотри на детей.

— Не желаю быть любезной. У меня другое желание: вогнать копье в брюхо Тайвина. И поискать золото в его кишках под песню «Рейны из Кастамере».

— Посмотри на них, — повторил принц. — Я

приказываю.

Несколько детей постарше загорали, лежа лицом вниз на розовом мраморе, другие барахтались в море. Трое строили из песка замок с высоким шпилем наподобие башни Копье в Старом дворце. Не меньше двадцати ребятишек плескались в большом пруду — маленькие, сидя на плечах у больших, старались спихнуть друг дружку в воду. Каждое падение сопровождалось громким хохотом. Одна девочка, орехово-смуглая, как раз в это время сдернула белобрысого мальчугана с плеч его брата.

— Твой отец когда-то тоже играл так, а до него и я, — сказал принц. — Между нами десять лет разницы, и я ушел отсюда, когда он только дорос до игры, но я наблюдал за ним, когда приезжал к матушке. Он даже в детстве был злым. И быстрым, как водяная змея. Зачастую он скидывал в воду мальчиков намного больше себя. Он напомнил мне об этом в тот день, когда уезжал в Королевскую Гавань. И поклялся, что сделает то же самое снова. Иначе я ни за что не отпустил бы его.

— Не отпустил бы? — засмеялась Обара. — Как будто ты мог его удержать. Красный Змей Дорна всегда поступал как хотел.

— Да, верно. Я хотел бы найти какие-то слова

утешения…

— Я не за утешением пришла к тебе, — все так же презрительно процедила Обара. — Когда мой отец явился за мной, мать ему воспротивилась. «Она девочка, — говорила мать, — и вряд ли она твоя дочь. У меня было с тысячу других мужчин». Он бросил свое копье мне под ноги и ударил мать по лицу так, что она расплакалась. «Мальчики или девочки, мы все ведем свои битвы, но выбор оружия боги предоставляют нам самим». Сказав это, он указал на копье и на слезы матери — и я подняла копье. «Я же говорил, что она моя», — сказал отец и забрал меня. Через год мать упилась до смерти. Говорят, она плакала, когда умирала. — Обара подступила к самому креслу. — Позволь мне сразиться копьем — большего я не прошу.

— Это серьезная просьба, Обара. Я должен с ней переспать.

— Ты и так уже спал слишком долго.

— Возможно, ты и права. Я пришлю тебе весть в Солнечное Копье.

— Весть о войне — другой мне не надо. — Обара повернулась на каблуках и удалилась столь же гневно, как и пришла, — чтобы взять на конюшне свежего жеребца и пустить его вскачь.

— Вы чувствуете боль в ногах, мой принц? —

спросил оставшийся на террасе мейстер.

— Спроси еще, жарко ли греет солнце, — со слабой улыбкой ответил Доран.

— Принести вам питье?

— Нет. Я нуждаюсь в ясном уме.

— Мой принц, стоило ли… — нерешительно промолвил мейстер, — стоило ли разрешать леди Обаре вернуться в Солнечное Копье? Она наверняка будет разжигать простолюдинов своими речами. В народе ваш брат пользовался любовью.

— Как и у всех нас. — Принц прижал пальцы к вискам. — Впрочем, ты прав. Надо и мне вернуться в Копье.

— Благоразумно ли это? — засомневался мейстер.

— Нет, однако необходимо. Пошли гонца — пусть велит Рикассо открыть мои покои в Солнечной башне и уведомит мою дочь Арианну, что я буду там завтра.

Моя маленькая принцесса… Капитан очень скучал по ней.

— Вас увидят, — предостерег мейстер.

Капитан понимал, о чем он. Два года назад, когда они покинули Солнечное Копье ради покоя и уединения Водных Садов, Доран был еще совсем

не так плох. Тогда он еще ходил, хоть и медленно, опираясь на палку и гримасничая на каждом шагу. Принц не желал показывать врагам свою нынешнюю слабость, а ведь в Старом дворце и примыкающем к нему городе полным-полно глаз. Глаз и ступеней, которые он одолеть не сможет, думал капитан. Ему пришлось бы взлететь, чтобы добраться до вершины Солнечной башни.

— Пусть видят. Нужно же кому-то вылить масло на бурные воды. Дорну следует напомнить, что у него пока еще есть принц — пусть даже этот принц стар и разбит подагрой.

— В Солнечном Копье вам придется дать аудиенцию принцессе Мирцелле. С ней будет ее белый рыцарь, а он, как вам известно, исправно пишет своей королеве.

— Не сомневаюсь.

Белый рыцарь… Капитан нахмурился. Сир Арис приехал в Дорн со своей принцессой, как он, Арео Хотах, когда-то со своей. Даже имена у них до странности схожи: Арео и Арис, но на этом и конец сходству. Капитан навсегда оставил Норвос и его бородатых жрецов, а сир Арис Окхарт до сих пор служит Железному Трону. Хотах, бывая по делам принца в Солнечном Копье, всегда с некоторой грустью смотрел на этого человека в

длинном белоснежном плаще. Он предчувствовал, что им когда-нибудь придется сразиться и что в этот день его секира раздробит череп белому рыцарю. Быть может, этот день уже недалек, подумал капитан, скользнув пальцами по гладкому ясеневому древку.

— Скоро уже и вечер, — сказал принц. — Дождемся утра. Позаботься, чтобы к рассвету мои носилки были готовы.

— Как прикажете. — Мейстер поклонился и поспешно ушел. Хотах слушал, как удаляются его шаги.

— Капитан, — тихо окликнул принц.

Арео подошел. Древко в кулаке было шелковистым, как женская кожа. Капитан стукнул им об пол, давая знать, что он здесь, но принц по-прежнему смотрел только на детей.

— Были у тебя братья, капитан? Там, в Норвосе, когда ты еще был молод? Или сестры?

— Да. Два брата, три сестры. Я был самым младшим. — Младшим и нежеланным. Лишний рот, большой парень, который слишком много ел и быстро вырастал из своих одежек. Неудивительно, что его продали бородатым жрецам.

— А я был старшим, но Морс и Оливар умерли еще в колыбели, и я не надеялся больше, что у

меня будут братья. Мне было девять, когда родилась Элия, и я служил оруженосцем на Соленом Берегу. Когда туда прилетел ворон с известием, что мать разрешилась на месяц раньше срока, я был уже достаточно большой и понимал, что дитя не выживет. Лорд Гаргален сообщил мне, что у меня родилась сестра, я же ответил, что она все равно скоро умрет. Но она выжила по милости нашей небесной Матери, а год спустя на свет, вопя и брыкаясь, появился Оберин. Я был взрослым мужчиной, когда они плескались в этих прудах, — однако вот я сижу здесь, а их больше нет.

Арео не знал, что сказать на это. Он всего лишь солдат, и этот край с его семиликим богом даже после стольких лет остался чужим для него. Служить. Повиноваться. Защищать. Он принес эти обеты в шестнадцать лет, в тот день, когда взял в жены свою секиру. Простые обеты для простых душ, как говорили бородатые жрецы. Его не учили утешать горюющих принцев.

Он все еще подыскивал слова, когда на террасу, в каком-нибудь футе от принца, опять шлепнулся апельсин. Доран сморщился, как будто этот звук причинил ему боль, вздохнул и сказал:

— Довольно. Оставь меня, Арео. Я хочу еще

немного посмотреть на детей.

Солнце село, стало прохладно, дети ушли в дом ужинать, а принц так и сидел под апельсиновыми деревьями, глядя на тихие пруды и на море. Слуга принес ему пурпурные оливки, лепешки, сыр и разварной сладкий горошек. Принц немного поел и выпил чашу своего любимого крепкого вина, а выпив, налил себе снова. Лишь глубокой ночью он заснул в своем кресле, и только тогда капитан повез его вниз по освещенной луной галерее, мимо стройных колонн, в комнату у самого моря, где ждала застланная свежим полотном большая кровать. Доран застонал, когда капитан переложил его с кресла, но, по милости богов, не проснулся.

Каморка капитана примыкала к спальне принца. Он сел на свою узкую койку, нашел в стенной нише точильный камень, масляную тряпицу и принялся за работу. Держи свою секиру острой, наказывали бородатые жрецы, отмечая его клеймом, и он свято исполнял этот завет.

Он точил и вспоминал Норвос, высокие кварталы на холме и низкие у реки. Он до сих пор помнил голоса трех колоколов — густой бас Нум, пробиравший до самых костей, гордые переливы Нарры, серебряный смех Ниэль. Он ощущал во

рту вкус зимней коврижки с имбирем, кедровыми орешками и вишней, а запивали ее нахсой, напитком из перебродившего козьего молока, — его подавали в железных кружках и сдабривали медом. Он видел перед собой мать в платье с высоким воротником — она его надевала только раз в год, когда они ходили смотреть медведей на Шагах Грешника. Он чувствовал запах паленых волос, когда бородатый жрец приложил клеймо к его груди. Боль была такая, что Арео думал, у него сердце не выдержит, но вынес он ее, даже не поморщившись. Волосы на клейме в виде секиры так и не выросли больше.

Отточив оба лезвия до бритвенной остроты, он уложил свою жену из ясеня и железа в постель, зевнул, скинул на пол одежду и лег на соломенный тюфяк сам. Мысли о клейме вызвали у него зуд, и он долго чесал себе грудь. Надо бы собрать опавшие апельсины, подумал он, закрывая глаза, и уснул, воображая их пряный вкус и красный сок, склеивающий пальцы.

Рассвет наступил слишком быстро. У конюшни уже ждали самые маленькие из конных носилок — кедровые, с красными шелковыми занавесками. Капитан отобрал двадцать копейщиков из тридцати, размещенных в Водных

Садах — прочие оставались охранять дворец и детей, многие из которых были сыновьями и дочерьми видных лордов и богатых купцов.

Принц говорил, что они оправятся в путь на рассвете, но Арео знал, что дело затянется. Пока мейстер помогал принцу вымыться и бинтовал его суставы, смазанные успокаивающим бальзамом, капитан надел медный чешуйчатый панцирь, подобающий ему по рангу, а сверху — желто-бурый плащ из песчаного шелка, чтобы солнце не нагревало медь. День обещал быть жарким. Капитан давно отказался от тяжелого плаща из конского волоса и кожаного камзола с заклепками, которые носил в Норвосе, — на дорнском солнце во всем этом испечься можно. Железный полушлем с острыми пиками на макушке он сохранил, но подстилал внутрь оранжевый шелк и им же обматывал пики. С раскаленным железом на голове он не доехал бы до дворца.

Принц все еще медлил. Перед отъездом он решил скушать красный апельсин и чаячьи яйца с ветчиной и огненным перцем. После завтрака он пожелал непременно проститься с некоторыми из детей, своими любимцами — маленьким Дальтом, отпрыском леди Блэкмонт, и круглолицей сироткой, чей отец торговал тканями и пряно-

стями на Зеленой Крови. Говоря с ними, принц укрыл ноги красивым мирийским одеялом, чтобы не пугать юные души видом забинтованных распухших колен.

Отправились они только в полдень — принц в носилках, мейстер Калеотт верхом на осле, прочие пешком — пятеро копейщиков впереди, пятеро позади, пятеро справа и пятеро слева. Арео Хотах с секирой на плече занял привычное место по левую руку от принца. Дорога из Водных Садов в Солнечное Копье шла вдоль моря, и прохладный бриз облегчал им путь через красные камни и пески, где росли кривые карликовые деревца.

На полпути их подстерегла вторая по старшинству песчаная змейка.

Леди Ним появилась на гребне дюны, грациозная всадница на золотистой лошади с гривой, как из белого шелка. Ее сиреневое платье мерцало, как море, кремово-медный плащ трепетал на ветру, и казалось, что она вот-вот поднимется в воздух. Нимерия Сэнд, двадцати пяти лет, тонка и гибка, как ива. Прямые черные волосы, заплетенные в косу и перевитые красно-золотой проволокой, на лбу лежат острым мысом, как у отца. Высокие скулы, полные губы, молочно-белая кожа — просто красавица, не в пример

старшей сестре… но мать Обары промышляла на улицах Староместа, а Ним родилась от благороднейших кровей старого Волантиса. Дюжина конных воинов с копьями и круглыми, блещущими на солнце щитами спустилась с дюны следом за ней.

Принц откинул и завязал по бокам занавески своих носилок, чтобы морская прохлада проникала к нему беспрепятственно. Леди Ним подъехала к нему, заставив свою красивую золотую кобылу идти вровень с носилками.

— Какая удача, дядя, — пропела она, как будто они встретились по чистой случайности. — Могу я сопровождать вас в Солнечное Копье? — Капитан шел по ту сторону носилок, но слышал каждое ее слово.

— Буду рад, — ответил принц, но капитан не услышал особой радости в его голосе. — Подагра и горе — плохие попутчики. — Капитан знал, что каждый камешек на дороге пронзает иглой его больные суставы.

— Подагра мне не подвластна, — сказала Ним, — а горевать об отце не стоит. Мщение пришлось бы ему больше по вкусу. Правда ли, что Григор Клиган сознался в убийстве Элии и ее детей?

— Он прокричал о своей вине перед всем двором. Лорд Тайвин обещал нам его голову.

— Ланнистеры всегда платят свои долги, — подхватила Ним, — но теперь лорд Тайвин, похоже, намерен расплатиться за наш счет. Наш славный сир Дейемон прислал мне ворона — он клянется, что отец не один раз пощекотал это чудовище во время боя. Если так, то сир Григор все равно что мертв — и не благодаря Тайвину Ланнистеру.

Принц скорчил гримасу — то ли от боли, то ли от слов племянницы.

— Возможно.

— Возможно? Так оно и есть, уверяю вас.

— Обара хочет, чтобы я начал войну.

— Ей не терпится поджечь Старомест, — засмеялась Ним. — Ее ненависть к этому городу не уступает любви, которую питает к нему наша младшенькая.

— А что скажешь ты?

Ним оглянулась через плечо на своих конников, едущих на некотором расстоянии за ними.

— Эта весть дошла до меня, когда я лежала в постели с близнецами Фаулер. Помните девиз Фаулеров? «Воспарим!» Дайте мне воспарить, дядя, — вот все, о чем я прошу. Мне не нужно войска, нужна лишь одна милая сестрица.

— Обара?

— Тиена. Обара слишком криклива, Тиена же так мила и нежна, что ни в одном мужчине не вызовет подозрений. Обара способна превратить Старомест в погребальный костер нашего отца, но я не столь кровожадна. Мне довольно четырех жизней. Золотые двойняшки лорда Тайвина в уплату за детей Элии, старый лев за саму Элию и маленький король — за отца.

— Мальчик не сделал нам ничего плохого.

— Этот мальчик — бастард, рожденный от измены и кровосмешения, если верить Станнису Баратеону. — Ее тон перестал быть игривым, и капитан поймал себя на том, что пристально наблюдает за ней. Ее сестра Обара носит свои кнут и копье на виду, но Ним не менее опасна, хотя хорошо прячет свои ножи. — Только королевская кровь может заплатить выкуп за убийство моего отца.

— Оберин погиб в поединке, сражаясь за дело, не имевшее к нему никакого касательства. Я не могу назвать это убийством.

— Называйте как хотите. Мы послали им лучшего из лучших в Дорне, а они шлют нам обратно его труп.

— Он превысил свои полномочия. «Посмотри,

что такое этот малолетний король и его совет, — говорил я ему. Мы сидели с ним на террасе и ели апельсины. — Возьми на заметку их сильные и слабые стороны. Отыщи наших друзей, если таковые имеются. Постарайся разузнать, как умерла Элия, но не раздражай лорда Тайвина сверх меры». Вот что я ему говорил. Оберин рассмеялся в ответ и сказал: «Когда это я раздражал кого-то сверх меры? Предупреди лучше Ланнистеров, чтобы не раздражали меня». Он хотел добиться правосудия в деле Элии, но не желал ждать…

— Он ждал семнадцать лет, — прервала принца леди Ним. — Если бы речь шла о вашей смерти, отец повел бы свои знамена на север до того, как вы успели остыть. Если бы убили вас, копья уже градом сыпались бы на Марках.

— Не сомневаюсь.

— Не сомневайтесь также и в том, мой принц, что мы с сестрами не будем ждать семнадцать лет, чтобы свершить *свою* месть. — Она дала шпоры лошади и умчалась к Солнечному Копью вместе со своим эскортом.

Принц откинулся на подушки и закрыл глаза, но Арео знал, что он не спит и что его мучает боль в ногах. Капитан хотел уже позвать мейстера Калеотта, но принц сам бы это сделал, будь на

то его воля.

Тени сделались длинными, а солнце покраснело и раздулось, как суставы принца, когда на востоке показались башни Солнечного Копья. Сперва стройное Копье высотой в полтораста футов, на чьей вершине сверкало золотом настоящее стальное копье, добавлявшее башне еще тридцать футов; затем мощная Солнечная башня с золоченым хрустальным куполом; наконец, бурый Песчаный Корабль — точно чудовищный галеон, выброшенный на берег и обратившийся в камень.

Между Водными Садами и Солнечным Копьем всего-то три лиги, но они — словно два разных мира. Там на солнышке нагишом резвятся дети, в мощенных плиткой двориках звучит музыка, пахнет лимоном и красными апельсинами. Здесь пахнет пылью, потом, дымом, и даже ночью не смолкает гул голосов. Сады построены из розового мрамора, Солнечное Копье — из глины с соломой, и выкрашено оно в коричнево-желтые тона. Древняя твердыня дома Мартеллов стоит на восточной оконечности мыса из песка и камня, с трех сторон окруженного морем. На западе, в тени массивной стены, лепятся к замку мелкие лавчонки и хижины без окон, как ракушки к

корпусу корабля. Еще западнее помещаются конюшни, постоялые дворы, винные погребки и перинные дома — многие из них обведены собственными оградами, и под этими стенами тоже ютятся хибарки. И так далее, и так далее, как сказали бы бородатые жрецы. По сравнению с Тирошем, Миром или Великим Норвосом этот теневой городок очень мал, но у дорнийцев, плохо представляющих себе, что такое город, сходит за большой.

Леди Ним, прибыв в замок на несколько часов раньше, несомненно, предупредила стражу об их приезде, поскольку Тройные Ворота уже стояли открытыми. Только здесь трое ворот, расположенные одни за другими, ведут через три Кривые Стены прямо к Старому дворцу, не заставляя приезжих плутать по узким закоулкам, глухим дворам. И шумным базарам.

Принц закрыл занавески, как только увидел вдали башню Копье, но народ тем не менее приветствовал его криками. Песчаные змейки заварили нешуточную смуту, с тревогой подумал капитан. Кортеж пересек нищенские кварталы внешнего полумесяца и прошел во вторые ворота. Запахло дегтем, соленой водой, гниющими водорослями. Толпа становилась гуще на каждом

шагу.

— Дорогу принцу Дорану! — загремел Арео, стукнув по брусчатке тупым концом древка. — Дорогу принцу Дорнийскому!

— Наш принц умер! — завизжала позади какая-то женщина.

— В копья! — заорал с балкона мужчина.

— В копья, Доран! — повторил еще кто-то, явно знатного рода.

Хотах не стал высматривать, кто кричит, — не менее трети напиравшего на них сборища вопило на разные голоса:

— В копья! Отомстим за Змея!

У третьих ворот солдатам пришлось отпихивать горожан от носилок принца, а те вовсю кидались лимонами и апельсинами, крича во всю глотку: «Война! Война! В копья!» Один оборвыш прошмыгнул к самым носилкам с гнилым гранатом в руке, но при виде Арео с секирой наперевес бросил свой снаряд под ноги и живо ретировался. Кому-то из гвардейцев лимон угодил в глаз, капитану шмякнулся на сапог апельсин.

Принц, никак на это не откликаясь, сидел за шелковыми стенками, пока они не оказались внутри более надежных замковых стен. Подъемная решетка со скрежетом опустилась за ними, и

крики постепенно заглохли. Принцесса Арианна встречала отца на внешнем дворе, а с ней старый слепой сенешаль Рикассо, кастелян сир Манфри Мартелл, молодой мейстер Милес в сером, с надушенной шелковистой бородкой, и человек двадцать дорнийских рыцарей в разноцветных полотняных нарядах. Маленькая Мирцелла Баратеон стояла со своей септой и королевским гвардейцем сиром Арисом, взопревшим в белой эмалевой броне.

Арианна подошла к носилкам в сандалиях из змеиной кожи со шнуровкой до самых бедер. Вороная грива волос в тугих завитках падала ей до талии, схваченная на лбу обручем из медных солнц. В глазах капитана она так и осталась крошкой, маленькой девочкой. Песчаные змейки все высоченные, Арианна же удалась в мать, чей рост всего пять футов и два дюйма. Но под ее дорогим поясом и свободными одеждами из пурпурного и желтого шелка прячется женское тело, пышное и соблазнительное.

— Отец, — сказала она, когда занавески открылись, — Солнечное Копье ликует по случаю твоего возвращения.

— Да, я слышал. — Принц, слегка улыбнувшись, потрепал дочь по щеке подагрическими паль-

цами. — Как же ты хороша. Будь добр, капитан, помоги мне слезть.

Арео продел секиру в перевязь за спиной и взял принца на руки очень бережно — но Доран все равно едва не вскрикнул от боли.

— Я велела поварам приготовить все твои любимые блюда для вечернего пира, — продолжала принцесса.

— Боюсь, что не смогу воздать им должное. — Принц медленно обвел взглядом двор. — Я не вижу здесь Тиены.

— Она просит принять ее с глазу на глаз и ожидает тебя в тронном зале.

— Хорошо, — вздохнул принц. — Пойдем, капитан? Чем раньше я с этим покончу, тем скорее смогу отдохнуть.

Арео с ним на руках стал подниматься на Солнечную башню, в большую круглую палату под самым куполом. Последние лучи солнца, падая сквозь толстые цветные стекла, окрасили бледный мрамор пола яркими зайчиками пятидесяти разных тонов. Здесь их ждала третья песчаная змейка.

Она сидела, подвернув ноги, на подушке под возвышением для принца с его супругой, но при виде их встала. В бледно-голубом шелковом

платье с рукавами из мирийского кружева она казалась невинной, как сама Дева. В одной руке пяльцы с вышивкой, в другой — золотые иголки. Волосы тоже золотые, глаза — два глубоких синих озера, но капитан находил в них сходство с отцовскими, хотя у Змея глаза были черным-черны. У всех дочек принца Оберина отцовы глаза, змеиные, понял вдруг Арео, — какого бы они ни были цвета.

— Я ждала вас, дядя, — сказала Тиена Сэнд.

— Помоги мне сесть, капитан.

На помосте всего два сиденья, почти одинаковых, — но у одного на спинке выложено золотом копье Мартеллов, а у другого — пылающее ройнарское солнце. Оно украшало мачты кораблей Нимерии, когда те впервые причалили к Дорну. Капитан усадил принца на трон с копьем и отошел.

— Вы так сильно страдаете? — ласково спросила леди Тиена, взойдя на помост. Сладка, что твоя летняя земляничка. Ее мать была септой, вот откуда у Тиены эта небесная непорочность. — Могу я чем-нибудь облегчить вашу боль?

— Говори, что хотела сказать, и позволь мне отдохнуть. Я очень устал, Тиена.

— Это для вас, дядя. — Тиена развернула свою

вышивку — принц Оберин на дорнийском коне, в красных доспехах с головы до пят, с улыбкой на губах. — Когда закончу работу, подарю ее вам, чтобы вы всегда его вспоминали.

— Вряд ли я забуду когда-нибудь твоего отца.

— Отрадно слышать это от вас — ведь многие сомневаются.

— Лорд Тайвин обещал нам голову Горы.

— Как он добр… но меч палача — неподобающий конец для храброго сира Григора. Мы так долго молились о его смерти — было бы справедливо, если бы и сам он молил о ней. Я знаю яд, которым пользовался отец, — нет ничего медленнее и мучительнее. Скоро мы даже здесь, в Солнечном Копье, услышим крики Горы.

— Обара требует войны, — вздохнул принц, — Ним готова удовольствоваться убийством. А ты?

— Я тоже желаю войны — но не такой, которой хочет моя сестра. Дорнийцы лучше всего воюют у себя дома — наточим же копья и будем ждать. Когда Ланнистеры с Тиреллами пойдут на нас, мы пустим им кровь на перевалах и зароем их в песок, как делали сто раз прежде.

— *Если* они пойдут.

— Им придется, иначе государство снова будет расколото, как было раньше, пока мы не поже-

нились с драконами. Так говорил отец. Спасибо Бесу за то, что прислал нам принцессу Мирцеллу, сказал еще он. Она прелесть, вы не находите? Вот бы мне такие локоны, как у нее. Она, как ее мать, создана быть королевой. — На щеках Тиены заиграли ямочки. — Я почла бы за честь подготовить их свадьбу и придумать короны для жениха и невесты. Тристан и Мирцелла — сама невинность. Мне думается, им подошло бы белое золото… с изумрудами, в цвет ее глаз. Впрочем, алмазы и жемчуг тоже сгодятся. Главное — поженить этих детей и короновать их. Затем нам останется только объявить отроковицу Мирцеллой Первой, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, законной наследницей Семи Королевств Вестероса — и ждать, когда львы к нам пожалуют.

— *Законной* наследницей? — язвительно повторил принц.

— Она старше своего брата, — терпеливо, как слабоумному, пояснила Тиена. — По закону Железный Трон должен перейти к ней.

— Это *дорнийский* закон.

— Когда добрый король Дейерон женился на принцессе Мории и присоединил нас к своему королевству, было условлено, что Дорн всегда

будет жить по своим законам. А Мирцелла, так уж вышло, сейчас находится в Дорне.

— Да, верно, — неохотно признал принц. — Мне нужно подумать.

— Слишком вы много думаете, дядя, — дерзко заметила Тиена.

— В самом деле?

— Так отец говорил.

— Он-то как раз не любил думать.

— Некоторые люди думают, потому что боятся действовать.

— Есть разница между страхом и предосторожностью.

— Буду молиться, чтобы вы не ведали страха, дядя, — не то вы, чего доброго, забудете, что вам надо дышать.

Увидев, что она подняла руку, капитан гулко стукнул древком о мраморный пол.

— Миледи, вы забываетесь. Сойдите с помоста, прошу вас.

— Я ничего дурного не делаю, капитан. Я люблю дядю, как он, я знаю, любил моего отца. — Тиена опустилась на одно колено перед принцем. — Я сказала все, что хотела, дядюшка. Простите, если невольно обидела вас — виной тому мое разбитое сердце. Вы ведь любите меня по-прежнему,

правда?

— Как всегда.

— Тогда благословите меня, и я ухожу.

Доран, помедлив долю мгновения, опустил руку на голову племянницы.

— Будь храброй, дитя мое.

— Как же иначе? Ведь я *его* дочь.

Как только она удалилась, к принцу поспешил мейстер Калеотт.

— Мой принц, она не?.. Позвольте взглянуть на вашу руку. — Он осмотрел ладонь, затем осторожно повернул ее тыльной стороной и понюхал. — Все в порядке. Царапин нет, поэтому…

Принц убрал руку.

— Могу я попросить у вас макового молока, мейстер? Наперстка будет довольно.

— Да. Да, конечно.

— Прямо сейчас, если можно, — мягко поторопил принц, и мейстер засеменил к лестнице.

Солнце село. Яркие пятна на полу быстро гасли, и синие сумерки наполняли зал. Принц сидел на троне, украшенном копьем Мартеллов, с бледным от боли лицом.

— Капитан, — после долгого молчания промолвил он, — насколько преданна мне моя гвардия?

— Она преданна вам. — Арео не знал, как еще

на это ответить.

— Полностью? Или только частично?

— Они хорошие парни. Хорошие *дорнийцы.* Будут делать то, что я прикажу. — Арео снова стукнул секирой об пол. — Я принесу вам голову каждого, кто вздумает вас предать.

— Головы мне не нужны. Мне нужно повиновение.

— Оно у вас есть. — Служить. Повиноваться. Защищать. Простые обеты для простых душ. — Сколько людей вам требуется?

— На твое усмотрение. Несколько верных солдат могут послужить нам лучше, чем два десятка сомнительных. Я хочу, чтобы это было сделано как можно скорее, притом без кровопролития.

— Быстро, тихо и без крови. Слушаюсь. Каков будет приказ?

— Взять дочерей моего брата и поместить их под стражу на вершине Копья.

— Песчаных змеек? — В горле у Арео пересохло. — Всех восьмерых, мой принц? И младших тоже?

Доран поразмыслил.

— Дочки Элларии слишком малы, чтобы представлять опасность, но их могут использовать против меня. Пусть уж лучше будут у нас под ру-

кой. Да, младших тоже… но первым делом Тиену, Нимерию и Обару.

— Как прикажет мой принц, — с тяжелым сердцем ответил Арео. *Моей маленькой принцессе это не понравится,* думал он. — А Сарелла? Она уже взрослая, ей почти двадцать.

— Если она не вернется в Дорн, делать нечего — остается молиться, чтобы разума у нее оказалось побольше, чем у сестер. Пусть себе… играет. Позаботься об остальных. Я не усну, пока не узнаю, что они благополучно посажены под замок.

— Будет исполнено. — Капитан помедлил. — Когда об этом узнают в городе, подымется вой.

— Вой подымется не только в городе, но и во всем Дорне, — устало бросил Доран Мартелл. — Хорошо бы лорд Тайвин услышал его в Королевской Гавани и понял, какой верный друг у него имеется в Солнечном Копье.

Серсея

Ей снилось, что она сидит на Железном Троне, высоко над всеми.

Придворные сверху — точно разноцветные мыши. Знатные лорды и леди преклонили колени. Отважные рыцари сложили мечи у ног королевы, моля ее одарить их своим вниманием, и она улыбается им. Но тут откуда ни возьмись появляется карлик. Он тычет в нее пальцем и покатывается со смеху. Лорды и леди начинаю хихикать вслед за ним, заслоняя руками рты. Лишь тогда королева замечает, что она голая.

Она в ужасе приседает, чтобы как-то скрыть свой срам, и шипы Железного Трона впиваются в ее плоть. Она хочет встать, но нога соскальзывает в какую-то зазубренную трещину. Чем больше она бьется, тем глубже трон поглощает ее, отрывает куски мяса от живота и грудей, кромсает руки и ноги. Вот уже все ее тело обливается багровой жижей… а ее брат веселится внизу, насмехаясь над ней.

Этот смех все еще звучал в ее ушах, когда кто-то тронул ее за плечо и она проснулась. На долю

мгновения ей показалось, что кошмар продолжается, и она отпрянула с криком, но это была всего лишь Сенелла, ее служанка, бледная и испуганная.

Мы здесь не одни, внезапно поняла королева. Чьи-то высокие фигуры обступили ее ложе, под плащами мерцали кольчуги. В чем дело? Где ее стража? В спальне темно, не считая фонаря в руке одного из незваных гостей. *Я не должна показывать, что мне страшно,* подумала Серсея.

— Что вам здесь надо? — спросила она, откинув назад спутанные со сна волосы. Один человек вышел на свет, и она увидела, что плащ у него белый. — Джейме? — Ей снился один брат, а разбудил ее другой.

— Ваше величество, — произнес чей-то чужой голос, — лорд-командующий прислал нас за вами. — Волосы у него вьются, будто у Джейме, но у брата локоны золотые, как у нее самой, а у этого рыцаря черные и лоснящиеся. Она в недоумении смотрела на него, а он бормотал что-то об отхожем месте, об арбалете и поминал имя ее отца. *Я все еще сплю,* думала она. *Это все тот же кошмар. Сейчас из-под кровати вылезет Тирион и начнет хохотать.*

Да нет же, это безумие. Карлик сидит в темнице

и должен умереть в этот самый день. Она взглянула на свои руки — крови нет, пальцы на месте. Кожа покрыта мурашками, но совершенно цела. Ноги тоже не тронуты. Сон, всего лишь сон. *Я слишком много выпила на ночь, и все эти ужасы порождены винными парами. К вечеру я сама посмеюсь. Моим детям и трону Томмена ничего не будет грозить, а мой уродливый братец станет короче на голову.*

Джаселина Свифт подала ей чашу. Серсея, отпив глоток воды, в которую выжали лимон, скривилась и плюнула. Ночной ветер сотрясал ставни, и ее зрение вдруг стало до странности ясным. Джаселина дрожала как лист, испуганная не меньше Сенеллы. У самой кровати стоял сир Осмунд Кеттлблэк, за ним — сир Борос Блаунт с фонарем. У двери теснились гвардейцы Ланнистеров с позолоченными львами на шлемах, тоже охваченные страхом. Неужели? Неужели это правда?

Она встала, и Сенелла накинула ей на плечи халат, прикрыв наготу. Подпоясалась она сама, застывшими, неуклюжими пальцами.

— Моего лорда-отца охраняют днем и ночью. — Язык плохо повиновался ей. Она набрала в рот воды с лимоном и прополоскала, чтобы придать

свежесть дыханию. В луч света от фонаря влетела мошка — Серсея слышала, как она жужжит, видела ее бьющуюся о стекло тень.

— Стража не покидала поста, ваше величество, — сказал Осмунд Кеттлблэк. — Мы нашли за очагом потайную дверь. Лорд-командующий отправился посмотреть, куда ведет этот коридор.

— Джейме? — Ужас налетел на нее, как буря. — Джейме полагается быть с королем!

— С его величеством ничего не случилось. Сир Джейме приставил дюжину человек охранять его, и он мирно спит.

Пусть его сны будут слаще, чем мой, а пробуждение не столь бурным.

— Кто хранит покой короля сейчас?

— Этой чести удостоен сир Лорас, ваше величество.

Ее это не удовлетворило. Тиреллы — простые стюарды, возвеличенные королями-драконами. Их тщеславие может сравниться только с их честолюбием. Пусть сир Лорас хорош, как девичья греза, — под его белым плащом таится все тот же Тирелл. Плод этой ночи, вероятней всего, был взлелеян и вызрел в Хайгардене…

Высказать свое подозрение вслух она не отважилась.

— Позвольте мне одеться. Сир Осмонд, вы проводите меня в Башню Десницы, а вы, сир Борос, ступайте в темницу и удостоверьтесь, что карлик на месте. — Она не назвала его имени. Он ни за что не посмел бы поднять руку на отца, твердила она себе, но хотела быть уверенной полностью.

— Как прикажет ваше величество. — Блаунт отдал фонарь сиру Осмунду, и Серсея с удовольствием проводила его глазами. Напрасно отец вернул белый плащ этому трусу.

Когда они вышли из крепости Мейегора, небо налилось глубокой кобальтовой синевой, хотя звезды еще светили. Все, кроме одной. Яркая звезда на западном небосклоне упала, и ночи отныне станут темнее. Серсея остановилась у подъемного моста через сухой ров, глядя на пики внизу. Она знала, что в таком деле ей солгать не посмеют.

— Кто нашел его?

— Один из его гвардейцев, Лам. Он отлучился по зову природы и нашел его милость в отхожем месте.

Быть не может. Львы так не умирают. Королевой владело странное спокойствие. Ей вспомнилось, как у нее когда-то выпал первый молочный зуб. Больно не было, но дырка во рту казалась такой непривычной, что она то и дело трогала ее

языком. Теперь дыра образовалась на том месте, где был отец, а дыры нуждаются в заполнении.

Если Тайвин Ланнистер действительно умер, никто больше не может чувствовать себя в безопасности… особенно ее сын на своем троне. Когда гибнет лев, вперед выходят более мелкие звери — шакалы, кормящиеся падалью, и одичавшие псы. Ее попытаются отпихнуть в сторону, как пытались всегда. Надо действовать быстро, вспомнив свои действия после смерти Роберта. Возможно, это сделал наемник Станниса Баратеона, и гибель лорда послужит вступлением к новой атаке на город. Серсея надеялась, что будет именно так. *Пусть приходит,* думала она. *Я разобью его, как разбил отец, и на этот раз он живым не уйдет.* Станнис ей страшен не более, чем Мейс Тирелл. Никто ей не страшен. Она дочь Утеса, львица. Теперь уж никто не принудит ее выйти замуж снова. Теперь Бобровый Утес и вся мощь дома Ланнистеров переходят к ней. С этой мощью им поневоле придется считаться. Даже когда Томмен перестанет нуждаться в регенте, она как леди Бобрового Утеса сохранит свою власть.

Восходящее солнце сделало ярко-красными верхушки башен, но под стенами все еще жалась ночь. Как тихо во внешнем дворе — можно по-

думать, что все его обитатели вымерли. Так бы и следовало. Негоже Тайвину Ланнистеру умирать в одиночестве. Такой человек и в ад должен отправляться со свитой.

У входа в Башню Десницы несли караул четверо стражников в красных плащах, с львами на шлемах.

— Не впускайте и не выпускайте никого без моего разрешения, — распорядилась она с отцовскими стальными нотами в голосе.

Внутри ел глаза дым от факелов, но она не заплакала, как не заплакал бы и отец. У него был один-единственный настоящий сын — она, Серсея. Она поднималась, стуча каблуками по камню, и слышала, как отчаянно бьется мошка в фонаре сира Осмунда. Да умри же ты, раздраженно подумала королева. Сгори, и пусть это кончится наконец.

Наверху стояли еще двое красных гвардейцев. Лестер, один из них, пробормотал нечто соболезнующее. Королева дышала часто, и сердце трепетало в ее груди. Это все лестница, сказала она себе. Проклятая башня чересчур высока. Может, снести ее?

Собравшиеся в зале глупцы говорили шепотом, как будто лорд Тайвин спал и они боялись его

разбудить. Стража и слуги расступались перед Серсеей, говоря что-то. Она видела их розовые десны и болтающие языки, но слова имели для нее не больше смысла, чем жужжание умирающей мошки. Что они здесь делают? Откуда узнали? Ей должны были первой сообщить о случившемся. Она королева-регентша — что они, забыли?

У опочивальни десницы стоял сир Меррин Трант в белой броне и белом плаще. Забрало шлема было открыто, и мешки под глазами придавали ему полусонный вид.

— Прогоните отсюда этих людей, — сказала ему Серсея. — Где отец? Все еще в отхожем месте?

— Его перенесли на кровать, миледи. — Сир Меррин открыл перед ней дверь.

Золотые прутья света падали сквозь ставни на устланный тростником пол. Брат Тайвина Киван, преклонив колени рядом с кроватью, пытался произнести молитву, через силу выговаривая слова. У очага толпились гвардейцы. Потайная дверь в задней стенке, о которой говорил сир Осмунд, не больше печной дверцы, стояла нараспашку. Взрослый мужчина мог бы пролезть в нее только ползком, но Тирион носит прозвище «полумуж». Эта мысль рассердила Серсею. Вздор. Карлик заперт в темнице. Станнис, вот кто за

этим стоит. У него еще остались сообщники в городе. Он или Тиреллы.

Она часто слышала разговоры о ходах, скрытых внутри Красного Замка. Мейегор Жестокий будто бы убил строителей, чтобы об этих ходах никто не узнал. В скольких еще опочивальнях имеются потайные двери? Серсее представился карлик, вылезающий из-за гобеленов в спальне Томмена с ножом в руке. Томмена хорошо охраняют, мысленно возразила себе она. Но лорда Тайвина тоже хорошо охраняли…

Мертвеца она узнала не сразу. Волосы у него в самом деле как у отца, но это не он, это кто-то другой, гораздо меньше его… и старше. Высоко задранная ночная рубашка обнажала покойника ниже пояса. Стрела из арбалета вошла в низ живота между пупком и чреслами — вошла глубоко, по самое оперение. Кровь запеклась в волосах на лобке, натекла в пупок.

Пахло от него так, что Серсея сморщила нос.

— Вытащите стрелу, — приказала она. — Это все же королевский десница. — *И мой отец. Мой лорд-отец. Мне, вероятно, положено рыдать и рвать на себе волосы? Говорят, Кейтилин Старк разодрала себе лицо в клочья, когда Фреи убили ее драгоценного Робба. Пришлось бы это тебе по*

вкусу, отец? Или ты предпочел бы видеть меня сильной? Плакал ли ты по собственному отцу? Ее дед умер, когда ей было не больше года, но она знала, как это случилось. Лорд Титос сильно растолстел, и однажды, когда он взбирался по лестнице в покои своей любовницы, его сердце не выдержало и лопнуло. Отец в это время был в Королевской Гавани, где служил десницей у Безумного Короля. В детские годы Серсеи и Джейме он там жил постоянно. Если он и плакал, получив известие о смерти отца, то один, без посторонних.

Ногти Серсеи впились в ладони.

— Как вы могли бросить его в таком виде? Отец был десницей трех королей. Семь Королевств не знали более великого мужа. По нем должны звонить колокола, как звонили по Роберту. Его следует обмыть и одеть сообразно его сану — в парчу, горностай и багряный шелк. Где Пицель? *Где Пицель?* Приведи сюда великого мейстера Пицеля, Пакенс, — велела она одному из гвардейцев. — Пусть позаботится об отце.

— Он уже был здесь, ваше величество, — ответил Пакенс. — И ушел за Молчаливыми Сестрами.

За мной послали в последнюю очередь. Поняв

это, Серсея так рассердилась, что ей недостало слов. А Пицель спешит привести помощь, лишь бы не замарать собственные морщинистые руки. Зачем он в таком случае нужен?

— Найдите мейстера Баллабара, — распорядилась она. — Найдите мейстера Френкена. Хоть кого-нибудь. — Пакенс и Корноухий поспешно повиновались. — Где мой брат?

— В потайном коридоре. Там есть шахта с железными ступенями-перекладинами. Сир Джейме хочет проверить, насколько она глубока.

Он однорукий, чуть не закричала она. Туда должен был пойти кто-то из вас. Лазить по лестницам — не его дело. Вдруг убийцы отца затаились там, внизу, и поджидают его? Братец всегда был отчаянным — похоже, даже потеря руки не научила его осторожности. Она уже собралась приказать гвардейцам найти его и доставить назад, но тут вернулись Корноухий и Пакенс, ведя с собой какого-то седого мужчину.

— Ваше величество, — доложил Корноухий, — этот вот заявляет, будто он мейстер.

— Чем я могу служить вашему величеству? — с низким поклоном спросил седой. Его лицо было смутно знакомо Серсее, но она никак не могла вспомнить откуда. Он уже стар, но моложе Пице-

ля. Какая-то сила в нем еще сохранилась. Высок, хотя немного сутулится, голубые глаза в мелких морщинках смотрят смело.

— Ты не носишь мейстерской цепи, — заметила Серсея.

— Ее отняли у меня. Я Квиберн, с позволения вашего величества. Врачевал руку вашего брата.

— Вернее, культю. — Теперь она его вспомнила — он приехал с Джейме из Харренхолла.

— Я не сумел спасти длань сира Джейме, это верно, — однако спас его руку выше запястья, а возможно, и жизнь. Цитадель отобрала у меня цепь, но знание осталось при мне.

— Пожалуй, сгодишься и ты, — решила Серсея. — Но если оплошаешь, одной цепью не отделаешься. Вынь стрелу из тела отца и приготовь его для Молчаливых Сестер.

— Как прикажет моя королева. — Квиберн подошел к ложу и оглянулся. — А с девушкой что мне делать, ваше величество?

— С девушкой? — Серсея только теперь заметила, что на кровати лежит еще одно тело. Она откинула окровавленные простыни, и мертвая предстала во всей красе — голая, холодная, розовая… не считая лица. Оно у нее почернело, как у Джоффа тогда, на свадебном пиру. Цепь из соеди-

ненных вместе золотых рук, обмотанная вокруг ее горла, врезалась глубоко в кожу. — Она-то здесь откуда взялась? — прошипела, как злющая кошка, Серсея.

— Мы нашли ее на постели, ваше величество, — сказал Корноухий. — Это Бесова потаскуха. — Как будто это могло объяснить, почему она здесь лежит.

Мой лорд-отец не имел дела со шлюхами. С тех пор, как умерла мать, он не прикоснулся ни к одной женщине.

— После смерти своего отца, — холодно заговорила Серсея, — лорд Тайвин вернулся в Бобровый Утес и увидел там женщину такого же рода… разодетую в платье его леди-матери и обвешанную ее драгоценностями. Он сорвал с нее все, до последней нитки, и две недели она таскалась голая по улицам Ланниспорта, признаваясь всем встречным мужчинам, что она воровка и шлюха. Вот как лорд Тайвин Ланнистер поступал с продажными женщинами. Он никогда… эта девка оказалась здесь совсем по другой причине.

— Возможно, его милость допрашивал ее об отравительнице, — предположил Квиберн. — Я слышал, что Санса Старк исчезла в ту ночь, когда был убит король.

— Да, верно. — Серсея ухватилась за эту подсказку. — Разумеется, он вызвал ее для допроса. Никакого сомнения. — Перед ней как живой возник Тирион, безносый, с обезьяньей ухмылкой. «Само собой. Первым делом надо раздеть допрашиваемую и раздвинуть ей ноги. Я сам любил допрашивать таким образом».

Королева отвернулась, не желая больше смотреть на нее. Даже находиться с этой женщиной в одной комнате ей стало противно, и она вышла в прихожую.

К сиру Осмунду присоединились его братья — Осни и Осфрид.

— В спальне десницы лежит мертвая женщина, — сказала им Серсея. — Никто не должен узнать о том, что она здесь была.

— Да, миледи. — У сира Осни на щеке виднелись царапины — дело рук другой Тирионовой шлюхи. — Как нам с ней поступить?

— Скормите ее собакам или оставьте себе для утех. Что мне за дело? *Ее здесь не было!* Я вырву язык любому, кто вздумает утверждать обратное. Поняли?

Осни и Осфрид переглянулись.

— Да, ваше величество.

Она вернулась в комнату вместе с ними и по-

смотрела, как они заворачивают труп женщины в отцовы окровавленные одеяла. Шая, вот как ее звали. Последний раз Серсея говорила с ней в ночь накануне испытания боем, когда этот улыбчивый дорнийский змей предложил себя в заступники Тириона. Шая лепетала про какие-то драгоценности, подаренные ей Тирионом, и напоминала, что Серсея обещала оставить ей городской дом и выдать ее замуж за рыцаря. Королева поставила вопрос ясно: девка не получит ничего, пока не скажет, куда делать Санса Старк. «Ты ей служила — неужели я поверю, что ты ничего не знала о ее планах?» Шая ушла от нее в слезах.

Сир Осфрид перекинул запеленатое тело через плечо.

— Цепь мне нужна, — предупредила Серсея. — Смотрите не поцарапайте золото. — Осфрид кивнул и пошел к двери. — Нет, не через двор. — Она указала на дверь в очаге. — Там есть колодец, ведущий в темницы. Туда.

Когда Осфрид стал перед очагом на одно колено, за дверью блеснул свет и послышались голоса. Наружу, согнувшись в три погибели, вылез Джейме. Его сапоги взметали золу от последнего огня, согревавшего лорда Тайвина.

— С дороги, — бросил он Кеттлблэкам.

— Ты нашел убийц? — бросилась к нему Серсея. — Сколько их было? — Уж конечно, больше одного. Один человек не смог бы убить ее отца.

— От этой шахты внизу расходится полдюжины коридоров, — устало ответил ее брат-близнец. — Их все перегораживают железные решетки, запертые на замок. Надо найти ключи. — Он обвел взглядом спальню. — Злодеи, возможно, до сих пор сидят где-то здесь, в стенах. Эти ходы — настоящий лабиринт, и там темно.

Она представила себе Тириона, крадущегося в толщи стен подобно чудовищной крысе. Довольно. Что за выдумки. Карлик сидит у себя в темнице.

— Пусть простучат стены. Разбери всю башню, если это необходимо. Убийцы должны быть найдены. Кто бы ни совершил это, я хочу, чтобы их предали смерти.

Джейме прижал ее к себе здоровой рукой. От него пахло пеплом, но утренняя заря зажгла его волосы золотом. Ей хотелось поцеловать его, но она сказала себе: после. Он придет ко мне после и утешит меня.

— Мы его наследники, Джейме, — прошептала Серсея. — Нам с тобой предстоит завершить его

труд. Ты должен стать десницей вместо отца. Ты ведь понимаешь, что должен? Ты нужен Томмену…

Он отстранил ее от себя и сунул ей в лицо свой обрубок.

— Десница без десницы? Дурная шутка, сестра. Не проси меня стать правителем.

Дядя слышит их перебранку, и Квиберн тоже. Слышат и Кеттлблэки, протаскивающие свою ношу через очаг. Даже гвардейцы — Пакенс, Хок, Копыто и Корноухий. Еще до ночи об этом узнает весь замок. Серсея почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

— Правителем? Об этом я тебя не просила. Правительницей, пока мой сын не достигнет совершеннолетия, буду я.

— Не знаю, кого мне жаль больше — Томмена или Семь Королевств.

Она ударила его по щеке. Джейме загородился с кошачьим проворством — но этому коту недоставало одной лапы. Ее ладонь оставила красный след у него на лице.

Звук оплеухи поднял на ноги дядю Кивана.

— Нашли где ссориться — у смертного одра своего отца! Стыда у вас нет!

— Прости, дядя, — склонил голову Джейме. —

Сестра себя не помнит от горя.

За это она чуть не залепила ему еще раз. *Я, видно, с ума сошла, решив, что он пригоден быть десницей. Лучше уж вовсе отменить этот титул.* Десницы все до единого приносили ей одни только беды. Джон Аррен уложил в ее постель Роберта Баратеона, а перед смертью успел что-то разнюхать о ней и Джейме. Эддард Старк начал прямо оттуда, где остановился Аррен; его вмешательство вынудило ее избавиться от Роберта скорее, чем ей бы хотелось, — раньше, чем она сумела разделаться с его прилипчивыми как чума братцами. Тирион продал Мирцеллу дорнийцам, взял одного ее сына в заложники, а другого убил. А уж когда в Королевскую Гавань вернулся лорд Тайвин…

Следующий десница будет знать свое место, пообещала себе она. Дядя Киван подойдет как нельзя лучше — неутомимый, благоразумный, неизменно послушный. Она сможет на него положиться, как полагался отец. Десница с головой не спорит. Она готова править государством, но в помощь ей понадобятся новые люди. Пицель — выживший из ума льстец, Джейме вместе с правой рукой утратил и мужество, а Мейсу Тиреллу с его приспешниками Редвином и Рованом

доверять нельзя. За этим преступлением вполне могут стоять и они. Лорд Тирелл должен был знать, что не будет править Семью Королевствами, пока жив Тайвин Ланнистер.

С ним, однако, следует соблюдать осторожность. Город полон его людьми. Одного сына он умудрился пропихнуть даже в Королевскую Гвардию, а дочку намерен пристроить в постель Томмена. Согласие отца на брак Томмена с Маргери Тирелл до сих пор бесило Серсею. Девчонка вдвое старше своего жениха и дважды вдова. Мейс Тирелл уверяет, что дочь его все еще девственница, но у Серсеи на этот счет большие сомнения. Джоффри не дожил до брачной ночи, но до него Маргери побывала замужем за Ренли… Мужчина может любить сладкое винцо с пряностями, но поставь перед ним кружку эля, и он осушит ее одним духом. Надо сказать лорду Варису — пусть разузнает по этому поводу, что будет возможно.

Вспомнив о нем, она застыла на месте. Почему Вариса нет здесь? Он всегда на месте событий. Что бы ни стряслось в Красном Замке, евнух всегда тут как тут. Джейме сразу явился, и дядя Киван, даже Пицель здесь побывал… а Вариса нет. По спине Серсеи прошел холодок. Вот кто виновник.

Он боялся, что отец снимет с него голову, и решил его упредить. Лорд Тайвин всегда недолюбливал сюсюкающего мастера над шептунами. А кому же секреты Красного Замка известны лучше, как не ему? Он, должно быть, стакнулся с лордом Станнисом — ведь они вместе заседали в совете у Роберта…

Серсея подошла к двери, у которой стоял сир Меррин Трант.

— Доставьте сюда лорда Вариса. Силой, если придется, но невредимого.

— Слушаюсь, ваше величество.

Ушедшего королевского гвардейца тут же сменил другой — сир Борос Блаунт, красный и запыхавшийся, бегом поднимался по лестнице.

— Ушел, — выдохнул он, упав на одно колено перед королевой. — Камера Беса открыта. Он исчез бесследно, ваше величество…

Сон оказался в руку.

— Я же приказывала стеречь его днем и ночью!

— Один из тюремщиков, Рюген, тоже отсутствует, — тяжело дыша, доложил Блаунт. — Двое других найдены спящими.

— Спящими? — Она едва сдерживалась, чтобы не сорваться на крик. — Надеюсь, вы не потрево-

жили их, сир Борос. Пусть себе спят.

— Спят? — Он вскинул на нее глаза — щеки обвисли, вид сконфуженный. — Как долго ваше величество намерены…

— Вечно. Пусть они уснут вечным сном, сир. Мне не нужны стражники, спящие на посту. — Он там, в стенах. Он убил отца, как прежде убил мать и Джоффа. Он и к ней придет, как предсказала ей когда-то старуха в темном шатре. Серсея смеялась над ней, но старуха не обманула и показала ей в капле крови ее судьбу. У королевы подкосились ноги. Сир Борос хотел поддержать ее, но она отпрянула. Вдруг и он тоже ставленник Тириона?

— Прочь от меня. Прочь! — вскричала она, упав на скамью рядом.

— Воды, ваше величество? — засуетился Блаунт.

Мне нужна кровь, не вода. Кровь Тириона, мерзкого карлика. Огни факелов плясали перед глазами. Серсея зажмурилась и вновь увидела перед собой ухмылку Беса. *Нет. Нет. Еще немного, и я бы избавилась от тебя навсегда.* Карлик схватил ее за горло, и она чувствовала, как сжимаются его пальцы.

Бриенна

— Я ищу девицу тринадцати лет, — говорила она деревенской женщине у колодца. — Она знатного рода, очень красивая, голубоглазая, с волосами цвета красного золота. Возможно, она путешествует с грузным рыцарем лет сорока или с шутом. Не видала такую?

— Не припомню что-то, сир, — задумалась женщина, потирая лоб. — Но вперед буду глядеть в оба.

Кузнец ее тоже не видел, и деревенский септон, и свинопас, и девчонка, дергающая лук в огороде, — никто из тех, кого отыскала Бриенна в глинобитном селении Росби. Но она не отступала. Кратчайший путь в Синий Дол пролегает здесь. Если Санса проезжала через эти места, кто-нибудь должен был ее видеть. У ворот замка она задала тот же вопрос двум стражникам с эмблемой дома Росби — три красных шеврона на горностаевом поле.

— В такое-то время да на дороге она недолго пробудет девицей, — сказал тот, что постарше. Второй пожелал узнать, какие волосы у нее вни-

зу — тоже рыжие?

Здесь помощи ждать не приходилось. Садясь в седло, Бриенна увидела в конце деревенской улицы тощего паренька верхом на пегой лошади. Его она еще не спрашивала, но он скрылся за септой, и она решила не гнаться за ним. Он скорее всего знает не больше других, а Санса вряд ли стала бы задерживаться в этой придорожной деревне. Скоро село и замок остались позади. Дорога вела Бриенну на северо-восток, через яблочные сады и ячменные поля. Она настигнет беглянку в Синем Доле — если та, конечно, ехала этим путем.

«Я найду эту девочку и сберегу ее, — пообещала она сиру Джейме в Королевской Гавани. — Ради ее леди-матери и ради тебя». Высокие слова, но сказать проще, чем сделать. Она слишком долго медлила в городе и слишком мало узнала там. Надо было выехать раньше… вот только куда? Санса Старк исчезла в ночь смерти короля Джоффри. Если кто-то видел ее с тех пор или знал, куда она могла подеваться, то Бриенне никто ничего не сказал.

Бриенна склонялась к мысли, что Санса покинула город. Останься она в Королевской Гавани, золотые плащи уже нашли бы ее. Куда бы отправилась сама Бриенна, будь она юной, одинокой,

боязливой девицей, над которой нависла угроза смерти? Для нее ответ ясен — на Тарт, к отцу. Но отца Сансы обезглавили на глазах у дочери, а ее леди-мать злодейски убита в Близнецах. Винтерфелл, усадьба Старков, разграблен и сожжен, его домочадцы перебиты. У Сансы нет больше дома, нет отца с матерью, нет братьев. Бежать ей некуда. Она может быть где угодно — и в соседнем городишке, и на борту плывущего в Асшай корабля.

Даже если Санса решилась вернуться домой, как она туда попадет? На Королевском тракте небезопасно, это должен понимать и ребенок. Ров Кейлин на Перешейке держат Железные Люди, в Близнецах сидят Фреи, убившие ее мать и брата. Девушка могла бы поехать морем, будь у нее деньги, но порт Королевской Гавани разрушен, а река запружена сожженными и потопленными кораблями. Бриенна поспрашивала у причалов, но никто не помнил, чтобы в ночь гибели короля оттуда отплыло какое-то судно. В заливе, правда, разгружается несколько торговых барок, сказал ей кто-то, но почти все корабли идут дальше, в Синий Дол, переживающий невиданный ранее расцвет.

Кобыла Бриенны не только с виду была хороша,

но и бежала резво. Всадница никак не думала, что на дороге будет столько народу. Брели нищенствующие братья с чашками для подаяния на шее. Проскакал молодой септон на справной, не хуже, чем у лорда, лошадке. Затем Бриенне встретились Молчаливые Сестры, и она задала им свой вопрос, но они лишь покачали головами в ответ. К югу тянулся запряженный волами обоз с грузом зерна и шерсти, свинопас гнал свое маленькое стадо, в конном портшезе ехала старушка в сопровождении верховых. Бриенна всех спрашивала о благородной девице тринадцати лет, голубоглазой, с волосами цвета червонного золота. Никто такую не видел. На расспросы о дороге один прохожий сказал:

— Отсюда до самого Дола, можно сказать, безопасно, но за Долом пошаливают разбойники, а в лесах — беглые солдаты.

Вдоль дороги зеленели только гвардейские сосны и страж-деревья — все лиственные рощи оделись в золотой и красный наряд или вовсе сбросили листву, воздев к небесам голые бурые ветви. Каждый порыв ветра взметал над дорожными колеями вихри палых листьев. Они шуршали у ног гнедой кобылы, которую дал Бриенне Джейме Ланнистер. Найти в этой

круговерти один-единственный лист столь же легко, как пропавшую в Вестеросе девочку. Быть может, это поручение — всего лишь жестокая шутка с его стороны? Быть может, Сансу Старк как соучастницу в убийстве короля Джоффри уже зарезали, обезглавили и зарыли где-нибудь в безымянной могиле. Как же лучше скрыть ее смерть, чем послать на ее розыски большую дуру с острова Тарт?

Нет, Джейме не мог поступить так, говорила она себе. *Он дал мне меч и назвал его Верным Клятве.* И даже его обман ничего бы не изменил. Бриенна поклялась леди Кейтилин вернуть домой ее дочерей, а клятвы, данные умершим, святы. Младшей давно уже нет в живых: Джейме уверяет, что девочка, которую Ланнистеры отправили на север, чтобы выдать за незаконного сына Русе Болтона, — не Арья. Осталась только Санса, и долг Бриенны — найти ее.

Ближе к сумеркам она увидела у ручья костер. Двое мужчин жарили на огне форель, сложив оружие и доспехи под деревом. Один старый, другой чуть помладше, хотя тоже немолодой. Именно он поднялся Бриенне навстречу. Из-под шнуровки его засаленного кожаного кафтана выпирало объемистое брюшко, косматая борода

отливала старым золотом.

— Милости просим, сир, — рыбы у нас на троих хватит, — радушно пригласил он.

Далеко не в первый раз Бриенну приняли за мужчину. Она сняла шлем, и ее волосы рассыпались по плечам — желтые, как грязная солома, и почти столь же сухие.

— Благодарю, сир.

Межевой рыцарь, не иначе как близорукий, прищурился.

— Леди? В броне и при оружии? Боги праведные. Глянь-ка, Илли, до чего здорова.

— Я тоже думал, что это рыцарь, — признался старший, поворачивая форель над огнем.

Бриенна, крупная даже для мужчины, для женщины была просто огромна. Всю жизнь она только и слышала о своем безобразии. Плечи широкие, бедра еще шире, толстые руки и ноги. Грудь скорее мускулистая, нежели округлая. Ладони большие, ступни громадные. Лицо лошадиное, конопатое, зубы во рту не помещаются. Нет нужды напоминать ей об этом — она и так знает.

— Сиры, — начала она, — не встречалась ли вам девица тринадцати лет? Глаза голубые, волосы как червонное золото. Ее мог сопровождать

дородный краснолицый мужчина лет сорока.

Близорукий рыцарь поскреб голову.

— Не припомню. Червонное золото — это как?

— Рыжевато-каштановые, — пояснил старший. — Нет, мы ее не видали.

— Не видали, миледи, — повторил младший. — Вы бы сошли с коня — рыба почти изжарилась. Проголодались небось?

Ей действительно хотелось есть, но она колебалась, памятуя пословицу: «Межевой рыцарь и разбойник — две стороны одного меча». Эти двое, однако, не казались ей особо опасными.

— Могу я узнать ваши имена, сиры?

— Я имею честь называться сиром Крейтоном Длинный Сук, о котором слагают песни, — заявил пузатый. — Вы, может статься, слышали о моих подвигах на Черноводной. А моего спутника зовут сир Иллифер Бессребреник.

Если о Крейтоне Длинный Сук в самом деле слагали песни, Бриенна их не слыхала. Их имена говорили ей не больше, чем их гербы. Зеленый щит сира Крейтона носит лишь коричневый полукруг в верхней части да вмятину от чьего-то боевого топора. Щит сира Иллифера поделен на доли из золота и горностая — явно единственные золото и горностай, которые он видел в жизни.

Лет ему никак не меньше шестидесяти, узкое сморщенное лицо выглядывает из-под капюшона пестрого домотканого плаща. Кольчугу веснушками испятнала ржавчина. Бриенна на голову выше их обоих, а лошадь и все вооружение у нее намного лучше. Если уж таких бедолаг бояться, то проще сразу сменять меч на вязальные спицы.

— Благодарю вас, добрые сиры, — сказала она. — Охотно разделю с вами трапезу. — Бриенна спешилась, расседлала кобылу, напоила ее, стреножила и пустила пастись. Оружие, щит и поклажу она сложила под вязом. Тут и форель поспела. Сир Крейтон подал Бриенне рыбину, и она, поджав ноги, уселась на землю.

— Мы держим путь в Синий Дол, миледи, — сообщил ей Длинный Сук, поедая собственную форель при помощи пальцев. — Вы поступите мудро, если поедете с нами. На дорогах неспокойно.

Бриенна могла бы многое порассказать ему об опасности на дорогах.

— Благодарю, сир, но в вашей защите я не нуждаюсь.

— Я настаиваю. Истинный рыцарь должен оберегать слабый пол.

— Вот мой защитник, сир. — Бриенна тронула

рукоять своего меча.

— Что пользы от меча, если к нему не прилагается мужчина.

— Я им неплохо владею сама.

— Как вам угодно. С леди спорить неучтиво. Однако втроем ехать все-таки лучше, чем в одиночку.

Мы выехали из Риверрана втроем, но Джейме лишился руки, а Клеос Фрей — жизни.

— Ваши лошади не угонятся за моей, — заметила она, бросив взгляд на Крейтонова бурого ревматического мерина и заморенного одра сира Иллифера.

— Мой скакун отменно послужил мне на Черноводной, — возразил сир Крейтон. — Я изрубил там дюжину врагов и заработал хороший выкуп. Вы, быть может, знавали сира Герберта Боллинга? Больше вы его не увидите. Я убил его на месте. Когда мечи начинают звенеть, сир Крейтон Длинный Сук всегда в первых рядах.

— Брось, Крей, — хмыкнул старик. — Таким, как она, мы с тобой ни к чему.

— Таким, как я? — Бриенна не совсем понимала, о чем он.

Сир Иллифер показал скрюченным пальцем на ее щит. Краска на дереве облупилась, но черная

летучая мышь на поделенном серебряно-золотом поле виднелась достаточно хорошо.

— Вы носите ложный щит, на который не имеете права. Последнего из Лотстонов убил дед моего деда. С тех пор никто не смеет появляться прилюдно с нетопырем, черным, как дела его хозяев. — Этот щит сир Джейме взял из оружейной в Харренхолле, а Бриенна нашла его на конюшне вместе с кобылой, седлом, уздечкой, кольчугой, шлемом, двумя кошельками — с золотом и серебром — и пергаментом, более ценным, чем оба из них.

— Свой щит я потеряла, — объяснила она.

— Истинный рыцарь — вот единственный щит, в котором нуждается дева, — провозгласил сир Крейтон.

— Босой ищет себе сапоги, — будто не слыша их, продолжал сир Иллифер, — а озябший — плащ. Но кто же станет одеваться в позорное рубище? Этот герб носили лорд Лукас Сводник и сир Манфред Черный Колпак, его сын. Я спрашиваю себя: кто захочет взять его себе, если не тот, чей грех еще более тяжек… и более свеж? — Он обнажил свой неказистый кинжал из дешевой стали. — Женщина, не по-людски большая и сильная, скрывающая собственную эмблему…

Перед тобой, Крей, Тартская Дева, перерезавшая горло королю Ренли.

— Ложь. — Ренли Баратеон был для нее больше чем королем. Она полюбила его с тех самых пор, как он заехал к ним на Тарт, празднуя свое совершеннолетие. Ее отец устроил пир в его честь и приказал ей быть за столом — иначе она забилась бы в свою комнату, как раненый зверь. В ту пору она была не старше Сансы и боялась издевок пуще мечей. «Они узнают о розе, — сказала она лорду Сельвину, — и посмеются надо мной». Но Вечерняя Звезда настоял на своем.

А Ренли Баратеон держал себя с ней учтиво, точно не замечая, как она безобразна. Даже танцевал с ней. В его руках она чувствовала себя грациозной и будто парила над полом. Другие кавалеры, подражая ему, тоже стали просить ее на танец. С того дня она мечтала лишь об одном: быть рядом с лордом Ренли, служить ему, защищать его. Но в конце концов она его подвела. Ренли умер у нее на руках, хотя она не повинна в его смерти — но эти межевые рыцари ее не поймут.

— Я с радостью отдала бы жизнь за короля Ренли, — сказала она. — Я не причиняла ему вреда — клянусь в том на своем мече.

— На мече вправе клясться лишь рыцарь, —

сказал сир Крейтон, а сир Иллифер велел:

— Поклянитесь Семерыми.

— Хорошо. Клянусь Матерью, что не причиняла вреда королю Ренли. Не знать мне ее милосердия, если я лгу. Клянусь Отцом, да рассудит он меня справедливо. Клянусь Девой и Старицей, Кузнецом и Воином. Клянусь Неведомым — пусть заберет он меня, если я солгала.

— Крепкая клятва для девицы, — признал сир Крейтон.

— Ну что ж, — пожал плечами сир Иллифер. — Если она сказала неправду, боги покарают ее. — Он спрятал кинжал обратно. — Первая стража ваша.

Рыцари улеглись спать, а Бриенна расхаживала по маленькому биваку, слушая, как потрескивает костер. *Лучше бы мне ехать дальше,* думала она, — но не бросать же этих, пусть даже чужих, людей без охраны. По дороге даже ночью ездили всадники, а в лесу слышались шорохи: кто знает, совы это, лисы или что-то другое. И Бриенна несла свой дозор, не отнимая руки от меча.

Ее стража прошла спокойно — хуже стало потом, когда сир Иллифер, проснувшись, сменил ее. Бриенна разостлала одеяло и легла, говоря себе, несмотря на усталость: не стану спать. В

присутствии мужчин она всегда один глаз держала открытым. Даже в лагере лорда Ренли ей грозило насилие. Она хорошо усвоила этот урок под стенами Хайгардена и особенно после, когда они с Джейме попали в лапы Бравых Ребят.

Земляной холод, просачиваясь сквозь одеяло, пробирал до костей, сводил мускулы от челюстей до пальцев ног. Быть может, Санса Старк, где бы она ни была, тоже страдает от холода. Санса — нежная душа, говорила леди Кейтилин, она любит лимонные пирожные, шелковые платья и песни о рыцарских подвигах. Но ей довелось видеть, как упала с плеч голова ее отца, а после ее насильно выдали замуж за одного из убийц. Если хотя бы половина россказней о нем правда, этот карлик — самый лютый из всех Ланнистеров. Если Санса в самом деле отравила короля Джоффри, ее рукой водил Бес. При дворе у нее не было ни единого друга. Бриенне удалось разыскать в Королевской Гавани некую Бреллу, одну из горничных Сансы. Та рассказала ей, что нежных чувств между Сансой и карликом не замечалось. Возможно, она бежала не только от подозрения в убийстве, но и от него тоже.

Проснулась Бриенна на рассвете, и сны, если они ей и снились, развеялись без следа. Ноги

на холодной земле застыли, как деревянные, но никто на нее не покушался, и ее поклажа осталась нетронутой. Рыцари уже поднялись. Сир Иллифер готовил на завтрак белку, сир Крейтон стоял лицом к дереву, орошая его неспешно и с удовольствием. Межевые рыцари, старые, тщеславные, толстые и близорукие — однако порядочные. Отрадно знать, что на свете еще есть порядочные люди.

Они поели жареной белки, кашицы из желудей и соленых огурчиков. Сир Крейтон при этом поведал, как сразил на Черноводной дюжину грозных рыцарей, о которых Бриенна никогда не слыхала. «Что за бой был, миледи, — говорил он, — настоящая кровавая баня». Он признавал, что Иллифер тоже сражался храбро. Сам Иллифер большей частью помалкивал.

Когда пришло время отправиться в путь, рыцари поместились по обе стороны от Бриенны, как охрана, сопровождающая какую-нибудь знатную даму, хотя дама возвышалась над ними на целую голову и снаряжена была не в пример лучше.

— Когда вы караулили ночью, кто-нибудь проходил мимо? — спросила Бриенна.

— Вроде тринадцатилетней девицы, голубоглазой и с золотистыми волосами? Нет, миледи,

никто не проходил, — ответил сир Иллифер, а Крейтон сказал:

— Я видел кое-кого. Проехал крестьянский парень на пегой кляче, а час спустя прошли с полдюжины пеших с кольями и серпами. Они увидели наш костер и долго пялились на наших коней, но я показал им свой клинок и велел проваливать подобру-поздорову. Дюжие ребята и с виду отчаянные, но даже самые отчаянные остерегаются связываться с сиром Крейтоном Длинный Сук.

Где уж там, подумала Бриенна, пряча улыбку. Крейтон, к счастью, был так занят повестью о своей битве с Рыцарем Красных Кур, что ничего не заметил. Хорошо ехать с попутчиками, даже с такими, как эти двое.

В полдень за голыми деревьями послышалось пение.

— Что это за звуки? — осведомился сир Крейтон.

— Молитва. — Бриенна знала этот напев. Они молят Воина защитить их, а Старицу — осветить их путь.

Сир Иллифер придержал коня и достал свой видавший виды клинок, поджидая поющих.

— Они близятся к нам.

Молящиеся, наполнив лес громом своих голосов, вышли впереди на дорогу. Процессию возглавляли нищенствующие братья, заросшие, в грубых рясах и сандалиях, а кто и вовсе босиком. Следом шли около полусотни оборванных людей — мужчины, женщины, дети, — пятнистая свинья и с пяток овец. Несколько мужчин несли топоры, остальные — большие дубины и палицы. Посередине катилась ветхая деревянная тележка, наполненная доверху черепами и разрозненными костями. Поравнявшись с рыцарями, братья остановились, и пение смолкло.

— Да благословит вас Матерь, добрые рыцари, — сказал один.

— И тебя, брат, — ответил сир Иллифер. — Кто вы?

— Бедные люди, — сказал здоровяк с топором. Несмотря на прохладную погоду, он шел без рубашки, и на груди у него была начертана семиконечная звезда. Андальские воины, переплывшие Узкое море и покорившие владения Первых Людей, вырезали когда-то такие звезды на своем теле.

— Мы идем в город, — добавила высокая женщина, шедшая за тележкой. — Чтобы отвезти эти святые мощи к Бейелору Благословенному и

просить помощи и защиты у короля.

— Поезжайте с нами, друзья, — предложил щуплый человечек в потертой одежде септона, с кристаллом на шее. — Вестеросу каждый меч пригодится.

— Мы направляемся в Синий Дол, — сказал в ответ сир Крейтон, — но могли бы, пожалуй, проводить вас в Королевскую Гавань.

— Если у вас найдется чем заплатить, — вставил сир Иллифер, даром что бессребреник.

— Воробьям золото ни к чему, — сказал септон.

— Воробьям? — опешил сир Крейтон.

— Воробей — самая скромная и неприметная из всех птиц. Таковы же и мы среди людей. — В бородке септона сквозила густая проседь, волосы стянуты шнурком позади, босые ноги черны и корявы, как древесные корни. — Это кости святых мужей, претерпевших за веру. Они послужили Семерым не только жизнью своей, но и смертью. Они изнуряли себя постом, а порой принимали муки от рук нечестивцев. Ныне служители зла оскверняют септы, насилуют жен и девиц. Даже Молчаливые Сестры подвергаются поруганию. Матерь наша в небесах проливает слезы от горя. Пришла пора всем истинным рыцарям покинуть своих земных владык и вступиться за нашу свя-

тую веру. Поезжайте с нами в город, если любите Семерых.

— Я их люблю, — сказал Иллифер, — но есть мне тоже надо.

— Как и всем детям Матери нашей.

— Мы едем в Синий Дол, — безразлично проронил Иллифер.

Кто-то из братьев плюнул, у одной женщины вырвался стон.

— Вы ложные рыцари, — заявил человек со звездой на груди, и дубинки замаячили в воздухе.

— Не судите, — вмешался босоногий септон. — Оставьте суд Отцу нашему. Пусть они едут с миром. Они тоже бедные люди, сирые и неприкаянные.

Бриенна тронула лошадь вперед.

— У меня сестра потерялась. Ей тринадцать лет, и волосы у нее золотистые, очень красивые.

— Все дети Матери нашей красивы. Да сохранит Дева это бедное дитя… и тебя тоже. — Септон взялся за одну из постромок, и тележка двинулась с места. Братья снова затянули молитву. Бриенна и рыцари, сидя на конях, смотрели, как процессия медленно тянется по изрытой дороге к Росби. Пение, затихая, постепенно смолкло вдали.

Сир Крейтон, приподнявшись, почесал себе зад.

— У кого может подняться рука на святого септона?

Бриенна знала, у кого. Она помнила, как Бравые Ребята близ Девичьего Пруда повесили одного септона за ноги и пользовались им, как мишенью для своих стрел. Быть может, и его кости тоже лежат в этой тележке.

— И какой дурак станет насиловать Молчаливую Сестру? — продолжал сир Крейтон. — До нее и дотронуться-то… Говорят, они жены Неведомого, и женское их естество холодно и влажно, как лед. Ох… виноват, — спохватился он, бросив взгляд на Бриенну.

Та, пришпорив свою лошадь, послала ее в сторону Синего Дола. Сир Иллифер ехал следом за ней, Крейтон тащился в хвосте.

Три часа спустя они нагнали купца с его слугами, которые двигались в ту же сторону. Их сопровождал еще один межевой рыцарь. Купец ехал верхом на рябой кобыле, а его повозку тащили слуги: четверо поочередно впрягались в оглобли, еще двое шли по бокам. Заслышав стук копыт, все шестеро обступили повозку, оградив ее целым частоколом из длинных кольев. Купец

приготовил арбалет, рыцарь обнажил меч.

— Простите эти меры предосторожности, — сказал купец, — но времена нынче опасные, а защищает меня один только добрый сир Шадрик. Можно спросить, кто вы?

— Как это кто? — обиделся Крейтон. — Я сир Крейтон Длинный Сук, только что побывавший в битве на Черноводной, а это мой спутник, сир Иллифер Бессребреник.

— У нас на уме нет ничего дурного, — присовокупила Бриенна.

Купец оглядел ее с явным сомнением.

— Сидели бы вы дома, миледи. Зачем вы носите этот противный вашей природе наряд?

— Я разыскиваю свою сестру. — Имени Сансы, обвиняемой в убийстве короля, она называть не осмеливалась. — Она красивая девица знатного рода, голубоглазая, с золотистыми волосами. Ее может сопровождать дородный рыцарь лет сорока или же пьяный шут.

— Пьяных шутов и падших девиц полно на дорогах. Дородство же честному человеку трудно сохранить в это голодное время… хотя ваш сир Крейтон, как видно, не голодает.

— У меня просто кость широка, — возразил вышеназванный рыцарь. — Не продолжить ли

нам путь вместе? Я не сомневаюсь в доблести сира Шадрика, но он маловат ростом, а три меча лучше, чем один.

Четыре, а не три, подумала Бриенна, но промолчала.

Купец посмотрел на своего охранника.

— Что скажете, сир?

— Этих троих можно не опасаться, — ответил тот, жилистый, с лисьим лицом, острым носом и копной ярко-рыжих волос. Несмотря на маленький рост, держался он уверенно и даже задиристо. — Один стар, другой толст, третий и вовсе женщина, хоть и здоровенная. Пусть едут с нами.

— Ладно. — Купец опустил арбалет.

Когда они тронулись дальше, наемный рыцарь немного отстал и оглядел Бриенну с ног до головы, словно свиную тушу.

— Ох и велики ж вы, доложу я вам.

Насмешки Джейме ранили ее глубоко, но слова этого коротышки ничуть не задели.

— Великанша по сравнению кое с кем.

— Когда надо, я не меньше других, женщина, — засмеялся тот.

— Купец сказал, что вас зовут Шадрик.

— Сир Шадрик из Тенистой Долины, по прозви-

щу Бешеная Мышь. — Он показал Бриенне свой щит с гербом — большая белая мышь со свирепыми красными глазками над бурой и голубой перевязью. — Бурое обозначает земли, в которых я побывал, голубое — реки, которые я пересек. А мышь — это я сам.

— Выходит, вы бешеный?

— Вот-вот. Обыкновенные мыши бегут от шума и драки, а бешеная сама их ищет.

— Но, как видно, редко находит.

— Весьма часто. Я не дерусь на турнирах, женщина, — я приберегаю свою доблесть для боя.

— В таком случае у вас много общего с сиром Крейтоном.

— Сомневаюсь, — засмеялся сир Шадрик, — а вот с тобой мы могли бы объединиться. Пропавшая сестричка, э? Рыженькая и голубоглазая? Ты не единственный охотник в лесу. Я тоже ищу Сансу Старк.

Бриенна постаралась скрыть свой испуг.

— Кто эта Санса Старк и почему вы ее ищете?

— Причина всегда одна и та же: любовь.

— Любовь? — наморщила лоб Бриенна.

— Угу. Любовь к золоту. Я в отличие от твоего сира Крейтона в самом деле дрался при Черноводной, притом на стороне побежденных, и

выкуп меня вконец разорил. Ты, полагаю, знаешь, кто такой Варис? Евнух предлагает пухлый кошель золота за девицу, о которой ты никогда не слыхивала. Я человек не жадный. Если какая-нибудь великанша поможет мне найти эту шкодливую девчурку, я поделюсь с ней паучьими денежками.

— Я думала, тебе этот купец платит.

— Только до Синего Дола. Скаредность Хибальда не уступает его трусости, а трус он большой. Ну так как, женщина?

— Никакой Сансы Старк я не знаю, — упорствовала Бриенна. — Я ищу свою сестру…

— С голубыми глазенками и золотистыми локонами. Как же, как же. А что это за рыцарь, который путешествует вместе с твоей сестрой? Он же и шут? — Сир Шадрик не стал дожидаться ответа — и хорошо, потому что ответить ей было нечего. — Из Королевской Гавани в ночь смерти короля Джоффри пропал некий дурак — толстый такой, с красным носом. Раньше он звался сиром Донтосом Красным из Синего Дола. Как бы твою сестру с ее собственным пьяницей-шутом не приняли за малютку Старк с сиром Донтосом — тогда ей крепко не поздоровится. — И сир Шадрик, покинув Бриенну, рысцой уехал вперед.

Даже при стычках с Джейме Ланнистером Бриенна редко чувствовала себя такой дурой. «Ты не единственный охотник в лесу». Брелла рассказала ей, как Джоффри лишил сира Донтоса рыцарских шпор, а леди Санса умолила короля сохранить ему жизнь. *Вот кто помог ей бежать,* решила Бриенна, услышав эту историю. *Если я найду сира Донтоса, то и Сансу найду.* Нет бы сообразить, что и другим может прийти на ум то же самое. Даже намного менее разборчивым, чем сир Шадрик. Остается надеяться, что сир Донтос хорошо спрятал Сансу — но как тогда она сама, Бриенна, ее найдет?

Она ехала хмурая, сгорбив плечи.

К ночи они добрались до гостиницы — высокого бревенчатого строения на берегу реки у старого каменного моста. По словам сира Крейтона, она так и называлась — «Старый каменный мост». Хозяин был его другом.

— Он неплохой повар, и блох в комнатах не больше, чем в любом другом месте, — ручался рыцарь. — Кто за теплую постель на эту ночь?

— Ну, разве что твой приятель даром их раздает, — сказал сир Иллифер. — У нас нет денег ему заплатить.

— Я могу заплатить за нас троих. — В деньгах

Бриенна не нуждалась благодаря Джейме. В седельной сумке она нашла кошель, туго набитый серебряными оленями и медяками, еще один с золотыми драконами и грамоту, предписывающую всем верноподданным оказывать содействие Бриенне из дома Тартов, путешествующей по делу его величества. Грамота была подписана детской рукой Томмена, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, властителем Семи Королевств.

Хибальд, тоже желавший ночевать под крышей, велел своим людям поставить возок у конюшни. Сквозь ромбы гостиничных стекол струился теплый желтый свет. Чей-то жеребец подал голос, почуяв кобылу Бриенны. Когда она стала расседлывать лошадь, подбежал парнишка-конюх.

— Позвольте мне, сир.

— Я не сир, но лошадь ты можешь взять. И смотри, чтобы ее вычистили, накормили и напоили как следует.

— Виноват, миледи, — покраснел парень. — Я думал…

— Все так думают. — Она передала ему поводья и вместе с другими вошла в дом — сумки с поклажей через плечо, одеяла под мышкой.

В общей зале с посыпанным опилками полом пахло хмелем, дымом и мясом, которое жарилось на вертеле над огнем. Шестеро местных жителей, беседовавших за столом, умолкли, когда вошли чужие. Бриенна, несмотря на кольчугу, кафтан и плащ, почувствовала себя раздетой под их взглядами.

— Гляньте-ка, — промолвил кто-то, подразумевая определенно не сира Шадрика.

Появился хозяин с тремя кружками в каждой руке, расплескивая эль на пол.

— Есть у тебя комнаты, добрый человек? — спросил купец.

— Найдутся — для тех, у кого есть монета.

— Так-то ты встречаешь старых друзей, Негль? — оскорбился сир Крейтон. — Это ж я, Длинный Сук.

— Вижу, что ты. За тобой должок — семь оленей. Покажи мне свое серебро, и я тебе покажу кровать. — Хозяин поставил кружки на стол одну за другой, расплескав еще больше эля.

— Я плачу. Одна комната для меня, другая для моих спутников. — Бриенна указала на Крейтона с Иллифером.

— Я тоже беру комнату, — сказал купец, — для себя и доброго сира Шадрика. Мои люди перено-

чуют в конюшне, с твоего позволения.

Хозяин оглядел новоприбывших.

— Ну что ж, могу и позволить. Ужинать будете? У меня козленок на вертеле, хороший.

— Насколько он хорош, судить буду я, — заявил Хибальд. — Мои слуги поедят хлеба со шкварками.

Бриенна сунула несколько монет в руку хозяина, поднялась с ним наверх и сложила свое добро во второй из показанных им комнат. Спустившись, она тоже отведала козленка и двух рыцарей угостила — они ведь с ней поделились своей форелью. Рыцари и купец запивали ужин элем, но она ограничилась чашкой козьего молока. Прислушиваясь к разговорам, она вопреки надежде надеялась, что какое-нибудь случайное слово наведет ее на след Сансы.

— Вот вы из Королевской Гавани едете, — обратился один из местных к Хибальду. — Правду говорят, будто Цареубийца теперь калека?

— Это правда. Он потерял правую руку.

— Говорят, ему ее лютоволк отгрыз, — вставил Крейтон. — Забрел сюда с севера. На севере спокон веку ничего хорошего не бывало. У них даже боги, и те чудные.

— Это не волк был, — неожиданно для себя

вмешалась Бриенна. — Руку сиру Джейме отсек наемник из Квохора.

— Нелегко, должно быть, драться левой рукой, — заметил сир Шадрик.

— Только не для меня, — заявил сир Крейтон. — Я с одинаковой легкостью владею обеими.

— Не сомневаюсь. — Сир Шадрик отсалютовал ему кружкой.

Бриенна помнила, как сражалась с Джейме в лесу. Ее хватало только на то, чтобы отбиваться. А ведь он тогда ослаб после долгого заключения, и запястья у него были скованы. Будь он в расцвете сил и без цепей, ни один рыцарь Семи Королевств не устоял бы против него. У Джейме на совести много дурных дел, но какой это был боец! Наемники, изувечив его, совершили чудовищную жестокость. Одно дело — убить льва, другое — отрубить ему лапу и бросить беспомощного, растерянного.

Стоящий в зале шум показался ей вдруг нестерпимым. Она пожелала всем доброй ночи и отправилась спать. Войдя с коптилкой в свою комнату, она нагнула голову, чтобы не задеть потолок — очень низкий. Всю мебель там составляла кровать, где вполне могли улечься шесть человек. К подоконнику был прилеплен сальный

огарок. Бриенна зажгла его от своей коптилки, заперла дверь, повесила пояс с мечом на столбик кровати. В простых деревянных ножнах, обтянутых облупленной кожей, лежал еще более простой клинок — она купила его в Королевской Гавани взамен меча, отнятого у нее Бравыми Ребятами. Меча Ренли. Она до сих пор страдала из-за того, что не сохранила его.

Был у нее, однако, и другой меч, закатанный в одеяла. Сев на кровать, она развернула его. Золото засверкало при свече, загорелись рубины. Бриенна вынула Верного Клятве из роскошных ножен, и у нее захватило дух. В глубине стали переливалась черно-красная рябь. Валирийская сталь, чародейская. Меч, достойный героя. Когда Бриенна была маленькая, нянька все уши ей прожужжала подвигами сира Галладона из Морна, Флориана-дурака, принца Эйемона Драконьего Рыцаря. У каждого из них был свой прославленный меч. Верный Клятве имеет все права быть причисленным к ним, хотя ей самой среди героев не место.

— Сталь Неда Старка, из которой ты выкован, будет защищать его дочь, — пообещала она мечу.

Став на колени между кроватью и стенкой с ме-

чом в руках, она молча помолилась Старице, чья золотая лампада освещает людям жизненный путь. *Приведи меня к цели,* молилась Бриенна, *освети мне дорогу к Сансе*. Она не уберегла Ренли, не уберегла леди Кейтилин — Джейме она не должна подвести. Он доверил ей свой меч и свою честь.

Кровать при всей своей ширине была недостаточно длинной, и Бриенна, поворочавшись, улеглась наискосок. Внизу тарахтели кружки и бубнили голоса собутыльников. Блохи, о которых упоминал Крейтон, не замедлили явиться и мешали ей спать.

Она слышала, как наверх поднялся Хибальд, а за ним вскоре и рыцари.

— Я так и не узнал его имени, — говорил Крейтон, — но на щите он носил кроваво-красную курицу, и с меча его капала кровь… — Где-то открылась и снова закрылась дверь, заглушив его голос.

Свеча Бриенны погасла. Когда в гостинице стало так тихо, что за ее стенами слышался плеск реки, Бриенна встала, собрала свои вещи, приоткрыла дверь и прислушалась. Босиком она спустилась по лестнице, во дворе обулась и пошла седлать кобылу, мысленно прося прощения у

сира Крейтона с сиром Иллифером. Один из слуг Хибальда проснулся, когда она проехала мимо, но даже не подумал ее задерживать. Копыта простучали по старому каменному мосту, и Бриенну обступил лес, черный как смола, полный призраков и воспоминаний. *Я еду к тебе, леди Санса,* думала всадница. *Не бойся. Я не дам себе отдыха, пока не найду тебя.*

Сэмвел

Читая про Иных, Сэм увидел мышонка.

Сэм твердил себе, что глаза тереть не надо, и все-таки тер. Это от пыли они так чешутся, а здесь внизу везде пыль. Она поднималась в воздух всякий раз, как он переворачивал страницу, а когда он передвигал кипу книг, взвивалась столбом.

Он не знал, сколько времени просидел без сна, но от толстой сальной свечи осталось не больше дюйма. Сэм зажег ее в самом начале своих трудов, принявшись за груду разрозненных, перевязанных бечевкой листов. Устал он смертельно, но как оторваться? Еще одна книга — и все. Еще страница, и он отдохнет, перекусит. Но за страницей следовала другая и третья, а под перелистанной книгой дожидалась новая. *Я только гляну, о чем она,* думал Сэм — и доходил до середины, разбираясь в ее содержании. В последний раз он ел похлебку из бобов и сала вместе с Пипом и Гренном. Ну, еще хлеб с сыром сжевал, но это так, не в счет. Именно в тот миг он взглянул на пустую тарелку и увидел мышонка, который лакомился хлебными крошками.

Ростом с половину его мизинца, глазки черные, шерстка серая и пушистая. Сэм знал, что должен убить его. Мыши, возможно, предпочитают хлеб с сыром, но и бумагу тоже едят. На полках ему то и дело попадался мышиный помет, и кожаные переплеты некоторых книг они сильно изгрызли.

Но этот такой маленький. И голодный. Крошек, что ли, для него жалко? Да, но книги-то он грызет… От долгого сидения хребет у Сэма стал как доска и ноги почти совсем онемели. Поймать мышонка он не поймает, но пришибить, пожалуй, сумеет. Под рукой у него лежит массивный том «Анналов Черного Кентавра» — подробнейшая летопись септона Йоркена о тех девяти годах, когда лордом-командующим Ночного Дозора служил Орберт Кассель. Каждому дню его служения посвящалась страница, которая всякий раз начиналась примерно так: «Лорд Орберт встал на рассвете и совершил облегчение желудка». Последняя отличалась от всех остальных тем, что уведомляла: «Утром обнаружилось, что лорд Орберт ночью скончался».

Против септона Йоркена ни одна мышь не сдюжит. Сэм очень медленно взялся за книгу левой рукой — но фолиант, очень тяжелый, выскользнул из его пухлых пальцев и хлопнулся на пол.

Мышонка как ветром сдуло. Вот и хорошо — прибив это бедное маленькое создание, Сэм плохо бы спал по ночам.

— А книги грызть все равно нельзя, — промолвил он вслух. В следующий раз, пожалуй, надо будет захватить с собой побольше сыру.

Подумать только, как свеча выгорела. Когда он ел эти бобы с салом — сегодня или вчера? Похоже, что вчера, подумал Сэм и зевнул во весь рот. Джон, поди, в толк не возьмет, куда он девался, а вот мейстер Эйемон должен его понять. Мейстер, пока не ослеп, любил книги не меньше, чем он, Сэмвел Тарли. Он понимает, как они затягивают человека — ведь каждая страница открывает перед тобой дверь в иной мир.

Сэм встал и сморщился от боли в затекших икрах. Стул такой твердый, немудрено отсидеть все на свете. Не забыть в другой раз взять подушку. Еще лучше и спать здесь, вон в той каморке, наполовину заставленной четырьмя сундуками, только мейстера Эйемона не годится надолго бросать. В последнее время он ослабел, и ему нужна помощь, особенно с воронами. Есть, правда, еще и Клидас, но Сэм моложе и лучше управляется с птицами.

Захватив левой рукой кучу книг и свитков, а

в правой держа свечу, Сэм двинулся по коридорам, которые у братьев звались червоточинами. На каменные ступеньки у выхода из подземелья падал бледный свет — значит там, наверху, день. Сэм оставил свечу в стенной нише и стал подниматься. На пятой ступеньке он запыхался, на десятой остановился переложить книги под правую руку.

Небо цвета белого свинца обещало снег, и Сэму сделалось неуютно. Он хорошо помнил ту ночь на Кулаке Первых Людей, когда упыри пришли к ним вместе со снегом. Ладно, не трусь, сказал он себе. Вокруг тебя твои братья, не говоря уж о Станнисе Баратеоне со всем его рыцарством. Башни и здания Черного Замка казались маленькими рядом с ледяной громадой Стены. Люди, копошась на четверти ее высоты, тянули новую лестницу вверх, к остаткам старой. Лед гулко отражал стук их молотков и визг пил. Строители по приказу Джона работают днем и ночью. Сэм слышал, как они жаловались на это за ужином — при лорде Мормонте, мол, они и вполовину не надрывались так, как теперь. Однако без большой лестницы на Стену подняться нельзя. Разве только в клети, которую поднимают, крутя ворот внизу. Сэм при всей своей ненависти к ступенькам ненавидел

эту клеть еще пуще. В ней он всегда закрывал глаза, убежденный, что цепь вот-вот оборвется. Каждый раз, когда железный короб чиркал по льду, сердце у него на миг останавливалось.

Двести лет назад тут были драконы, думал Сэм теперь, глядя, как клеть медленно ползет вниз. Им-то взлететь на верхушку Стены ничего не стоит. Королева Алисанна посещала Черный Замок верхом на своем драконе, а Джейенерис, ее король, летел следом на своем. Может быть, Среброкрылый оставил после себя хотя бы одно яйцо? Или Станнис нашел его на Драконьем Камне? Но даже если яйцо существует, как можно надеяться, что из него вылупится дракон? Бейелор Благословенный молился над драконьими яйцами, другие Таргариены пытались оживить их с помощью колдовства, но все это кончалось либо фарсом, либо трагедией.

— Сэмвел, — произнес чей-то мрачный голос, — я за тобой. Мне велено привести тебя к лорду-командующему.

На нос Сэму упала снежинка.

— Джон хочет меня видеть?

— Насчет этого ничего не знаю, — ответил Скорбный Эдд Толлетт. — Я сам не хотел видеть половину того, что видел, и не видел половину

того, что видеть хотел. Думаю, что хотение тут ни при чем, но ты все равно ступай. Лорд Сноу поговорит с тобой, как только закончит разговор с женой Крастера.

— С Лилли.

— Точно, с ней. Будь у меня такая кормилица, я бы до сих пор сиську сосал. У моей борода росла.

— Как у всех дойных коз, — с лету подхватил Пип. Они с Гренном вышли из-за угла, неся длинные луки и колчаны со стрелами. — Ты где был, Смертоносный? Мы еще вчера тебя хватились, за ужином. Целый жареный бык пропал зря.

— Не называй меня Смертоносным. — Подковырку насчет быка Сэм пропустил мимо ушей — Пип он и есть Пип. — Я зачитался, а потом эта мышь…

— Не говори о мышах при Гренне. Он их боится до смерти.

— Скажешь тоже, — вознегодовал Гренн.

— Съесть мышку точно уж побоишься.

— Могу съесть целую кучу. Побольше тебя.

— Когда я был мальчишкой, мы ели мышей только по большим праздникам, — вздохнул Скорбный Эдд. — Мне как младшему одни хвосты доставались, а разве это еда?

— Где твой лук, Сэм? — спросил Гренн. Сир

Аллисер давно уже прозвал его Зубром, и Гренн с каждым днем все больше оправдывал это прозвище. В новобранцах это был здоровый, но неповоротливый парень, толстошеий, пузатый и краснолицый. Шея у него до сих пор наливается кровью, когда Пип его дурачит, но благодаря долгим упражнениям с мечом и щитом живот у него подобрался, руки окрепли и грудь раздалась. Теперь он силен — и мохнат, как настоящий зубр. — Ульмер зря прождал тебя у мишеней.

— Ульмер… — огорчился Сэм. Джон Сноу, став лордом-командующим, чуть ли не первым делом обязал весь гарнизон, даже поваров и сардов, ежедневно упражняться в стрельбе из лука. Дозор слишком много значения придает мечу и слишком мало — луку, сказал он. Это пережиток прошлого, когда рыцарем был каждый десятый из братьев, а не каждый сотый, как ныне. Сэм признавал разумность такого указа, но стрельбу не любил наравне с лестницами. В перчатках он не попадал никуда, а если снимал их, на пальцах тут же вздувались мозоли. Эти луки просто опасны. Атласу сорвало тетивой половину ногтя на большом пальце. — Я и забыл.

— Ты разбил сердце принцессы одичалых, Смертоносный, — заметил Пип. У Вель последнее

время появилась привычка смотреть на них из своего окна в Королевской башне. — Она про тебя спрашивала.

— Не выдумывай! — Сэм говорил с ней всего два раза, когда мейстер Эйемон приходил к ней проверить, здоровы ли младенцы. Она так хороша, что при ней он то и дело заикается и краснеет.

— А что такого? — не уступал Пип. — Может, она от тебя детей хочет. Надо было нам прозвать тебя «Сэм-Соблазнитель».

Сэм залился краской. Он знал, что у короля Станниса свои планы на Вель: она должна послужить известкой, которая скрепит мир между северянами и вольным народом.

— Стрелять у меня сегодня нет времени. Надо к Джону идти.

— К Джону? Мы знаем кого-нибудь по имени Джон, а, Гренн?

— Это он про лорда-командующего.

— О-о. Великий лорд Сноу. Зачем он тебе? Он даже ушами шевелить не умеет. — Для подкрепления Пип пошевелил своими — большими и красными от холода. — Теперь он настоящий лорд Сноу. Чересчур высоко вознесся для нас, грешных.

— У Джона много обязанностей, — вступился

за друга Сэм. — Он отвечает за Стену и за все, что с ней связано.

— Перед друзьями у человека тоже бывают обязанности. Кабы не мы, лордом-командующим мог бы стать Янос Слинт. Лорд Янос посадил бы Сноу голышом на мула и отправил назад в Замок Крастера с наказом привезти ему плащ и сапоги Старого Медведя. Мы спасли его от этой участи, а теперь он, выходит, слишком занят, чтобы выпить с нами чашу подогретого вина?

— Во двор-то он выходит, — поддержал Пипа Гренн. — Что ни день, он там с кем-нибудь бьется.

Сэм вынужден был признать, что это правда. Однажды, когда Джон пришел за советом к мейстеру Эйемону, Сэм спросил его, почему он столько времени уделяет работе с мечом? Старый Медведь себя этим не особенно утруждал. Вместо ответа Джон вручил Сэму Длинный Коготь, дав почувствовать легкость меча, его безупречную балансировку, позволив полюбоваться волнами, играющими в дымчато-темном металле. «Валирийская сталь, — сказал Джон при этом, — волшебная, острая как бритва. Почти ничто в мире не может ее сокрушить. Воин должен быть достоин своего меча, Сэм. Длинный Коготь сделан

из валирийской стали, а я — нет. Полурукому убить меня было бы все равно, что тебе комара прихлопнуть».

Сэм вернул ему меч. «Когда я хочу прихлопнуть комара, он всегда улетает. Я хлопаю самого себя по щеке, а потом чешусь».

«Будь по-твоему, — засмеялся Джон. — Все равно что тебе выхлебать миску овсянки». Сэм любил овсянку, особенно если подсластить ее медом.

— Некогда мне тут с вами, — сказал он и зашагал к оружейной, прижимая книги к груди. «Я щит, защищающий царство человека», — вспомнилось ему. Что бы сказали люди, увидев защитников своего царства — Гренна, Пипа и Скорбного Эдда?

Башня лорда-командующего выгорела во время пожара, Королевскую Станнис Баратеон взял себе, и Джон Сноу поместился в скромном жилище Донала Нойе позади оружейной. Лилли как раз выходила от него, завернувшись в старый плащ, который дал ей Сэм при побеге из Замка Крастера. Она чуть не проскочила мимо него, но он поймал ее за руку, уронив на мокрую землю две книги.

— Лилли!

— Сэм, — хрипло отозвалась она. Тоненькая, с карими, как у лани, глазами, она тонула в его пла-

ще с низко надвинутым капюшоном, но вопреки этому вся дрожала, и ее лицо выдавало испуг.

— Что случилось? — спросил ее Сэм. — Как дети?

— Хорошо, Сэм. — Она высвободила руку. — Все хорошо.

— Эти двое тебе и спать-то, поди, не дают. Который из них кричал прошлой ночью? Я думал, он никогда не уймется.

— Даллин. Он всегда кричит, когда хочет есть. Мой-то тихий. Знай себе воркует и… — Глаза Лилли наполнились слезами. — Я пойду. Их давно уж кормить пора. Я промокну насквозь, если не поспешу. — И она побежала через двор, оставив Сэма в недоумении.

Он стал на колени, чтобы подобрать упавшие книги. *Зря я набрал столько,* подумал он, счищая грязь с «Яшмового ларца» Коллоквия Вотара. Этот пухлый том восточных легенд и сказок мейстер Эйемон наказал ему найти непременно. Книга пострадала не сильно, а вот другой, труду мейстера Томакса, посчастливилось меньше. «Драконова кровь. История дома Таргариенов от изгнания до апофеоза, с рассмотрением жизни и смерти драконов». Падая, она раскрылась, и страницы запачкались, в том числе и красивая

цветная картинка с изображением Балериона Черного Ужаса. Сэм обругал себя за неуклюжесть. При Лилли он всегда суетится и чувствует… ну, словом, желание. Брат Ночного Дозора ничего такого чувствовать не должен, но Лилли, особенно когда говорит о кормлении и о своем молоке…

— Лорд Сноу ждет тебя, — сказал Волосатый Хел, один из часовых в черных плащах и полушлемах, стоявших у двери оружейной. Второй, Малли, помог Сэму встать. Сэм наспех поблагодарил и заспешил мимо кузни. Меха, наковальня, наполовину законченная кольчуга на верстаке. Призрак, растянувшись под наковальней, грыз мозговую говяжью кость. Белый лютоволк поднял глаза на Сэма, но не издал ни звука.

За кузницей располагались стойки со щитами и копьями, а еще дальше — горница лорда-командующего. Джон читал какой-то пергамент. Ворон лорда Мормонта у него на плече поглядывал на страницу, как будто тоже читал, но при виде Сэма тут же полетел к нему, крича:

— Зерно! Зерно!

Сэм, перехватив книги, достал из мешка у двери пригоршню зерен. Ворон сел ему на руку и склюнул одно с ладони так сильно, что Сэм ойкнул и дернулся. Ворон опять взвился в воздух, а зерно,

желтое с красным, рассыпалось по полу.

— Закрой дверь, Сэм. — Под глазом у Джона еще виднелись шрамы от орлиных когтей. — Эта тварь тебя ранила?

Сэм положил книги и стянул перчатку с руки.

— Ну да. — Ему даже дурно сделалось. — Кровь!

— Мы все проливаем кровь за Дозор. Возьми себе перчатки потолще. — Джон ногой подвинул Сэму стул. — Сядь и прочти.

— Что это? — спросил Сэм, беря от него пергамент. Ворон выклевывал зерно среди тростника на полу.

— Бумажный щит.

Сэм, посасывая ранку на ладони, начал читать. Руку мейстера Эйемона он узнал сразу. Слепой пишет мелко и четко, но порой оставляет кляксы, и чернила кое-где размазаны.

— Письмо королю Томмену?

— В Винтерфелле Томмен сражался с моим братишкой Браном на деревянных мечах. Его так закутали, что он походил на откормленного гуся, и Бран его повалил. — Джон подошел к окну. — Теперь Брана больше нет, а пухленький розовощекий Томмен сидит на Железном Троне с короной на золотых кудряшках.

Бран не умер, хотелось сказать Сэму. Он отправился за Стену с Холодными Руками. Но слова застряли у него в горле — он поклялся, что никому не скажет об этом.

— Здесь нет твоей подписи.

— Старый Медведь сто раз просил Железный Трон о помощи. В ответ они прислали ему Яноса Слинта. Никакое письмо не заставит Ланнистеров проникнуться к нам любовью — особенно когда до них дойдет весть, что мы помогли Станнису.

— Мы не поддерживаем его мятежа, мы защищаем Стену, и только. — Сэм пробежал письмо еще раз. — Тут так и сказано.

— Лорд Тайвин может не разглядеть разницы. — Джон забрал у Сэма письмо. — С чего ему помогать нам теперь, если он не делал этого раньше?

— Пойдут разговоры, что Станнис выступил на защиту государства, пока Томмен забавлялся со своими игрушками. Дом Ланнистеров это не украсит.

— Смерть и разрушение — вот что я хочу принести дому Ланнистеров. Пятна на его репутации мне мало. «Ночной Дозор не принимает участия в войнах Семи Королевств», — вслух прочел

Джон. — «Свою присягу мы приносим государству, которое сейчас находится под угрозой. Станнис Баратеон поддерживает нас против врага, обитающего за Стеной, хотя мы и не его люди…»

— Так мы ведь и правда не его люди, — поерзав, заметил Сэм. — Ведь верно?

— Я дал Станнису кров и пищу. Отдал ему Твердыню Ночи. Согласился поселить часть вольного народа на Даре. Только и всего.

— Лорд Тайвин сочтет, что и этого много.

— Станнис полагает, что недостаточно. Чем больше ты даешь королю, тем больше он от тебя хочет. Мы идем по ледяному мосту через бездну. Даже одного короля ублажить трудно, а уж двоих едва ли возможно.

— Да, но… если Ланнистеры одержат верх и лорд Тайвин решит, что мы совершили измену, оказав помощь Станнису, Ночному Дозору придет конец. За ним стоят Тиреллы со всей мощью Хайгардена. И он уже победил лорда Станниса однажды, на Черноводной. — От вида крови Сэму делалось дурно, но как выигрываются войны, он знал. Его отец позаботился об этом.

— Это всего лишь одно сражение. Робб все свои сражения выигрывал, а голову потерял. Если

Станнис сумеет поднять Север…

Он хочет убедить сам себя, понял Сэм, но у него плохо получается. Целая туча воронов вылетела из Черного Замка, призывая северных лордов примкнуть к Станнису. Сэм их и отправлял большей частью. Пока что домой вернулась всего одна птица, из Кархолда. Все остальные, кому разосланы письма, безмолвствуют.

Даже если Станнис умудрится привлечь северян на свою сторону, все равно неясно, как он надеется победить соединенные силы Бобрового Утеса, Хайгардена и Близнецов. А без Севера его дело и вовсе обречено. Как обречен и Ночной Дозор, если лорд Тайвин заклеймит их изменниками.

— У Ланнистеров есть свои северяне. Лорд Болтон и его бастард.

— А у Станниса — Карстарки. Если он заполучит еще и Белую Гавань…

— Если, — подчеркнул Сэм. — Если же нет… то даже бумажный щит лучше, чем совсем никакого.

— Пожалуй. — Джон вздохнул, взял перо и нацарапал внизу свою подпись. — Давай воск. — Сэм разогрел на свече палочку черного воска, накапал на пергамент, и Джон оттиснул на черной

лужице печать лорда-командующего. — Отнеси это мейстеру Эйемону, когда будешь уходить, и вели ему послать птицу в Королевскую Гавань.

— Хорошо. — Сэм помялся. — Могу я спросить, милорд? Лилли, выходя от тебя, чуть не плакала…

— Вель снова присылала ее просить за Манса.

— А-а. — Вель — сестра Даллы, которую Король за Стеной сделал своей королевой. Станнис и его люди прозвали Вель «принцессой одичалых». Далла умерла во время боя, хотя ни один клинок не коснулся ее, — умерла, рожая сына Мансу-Разбойнику. Сам Манс вскоре тоже последует за ней в могилу, если в разговорах, которые слышал Сэм, есть хоть доля правды. — И что же ты ей ответил?

— Что поговорю о Мансе со Станнисом, хотя вряд ли мои слова его поколеблют. Первый долг короля — защищать королевство, а Манс пошел на это королевство войной. Не думаю, что его величество забудет об этом. Отец, бывало, говорил, что Станнис Баратеон — человек справедливый, но я ни от кого не слыхал, что он способен прощать. Лучше бы я сам отрубил Мансу голову, — нахмурился Джон. — Он служил когда-то в Ночном Дозоре, и жизнь его по праву

принадлежит нам.

— Пип говорит, что леди Мелисандра хочет отдать его пламени. Чтобы совершить какое-то колдовство.

— Пипу лучше придержать свой язык. И другие то же самое повторяют. Королевская кровь нужна, чтобы пробудить дракона. Откуда у Мелисандры спящий дракон, никто толком сказать не может. Чепуха это. В Мансе королевской крови не больше, чем во мне. Он не носил короны, не сидел на троне. Он простой разбойник, а у разбойничьей крови никакой власти нет.

— Крровь, — каркнул ворон, поглядев на них с пола.

— Я отсылаю Лилли из замка, — сказал Джон.

— О. Ну что ж… хорошо, милорд. — Хорошо для Лилли — она уедет в теплое, безопасное место, подальше от Стены, где все время воюют.

— Да. Вместе с сыном. Надо будет найти другую кормилицу для его молочного брата.

— Можно козьим молоком кормить, пока не найдем. Для ребенка оно лучше коровьего. — Сэм это вычитал где-то. — А знаешь, милорд, я отыскал в книгах еще одного юного командующего, совсем мальчика. За четыреста лет до Завоевания. Осрика Старка выбрали, когда ему было

десять, а прослужил он шестьдесят лет. Это уже четвертый, так что ты далеко не самый юный — всего лишь пятый по счету.

— Эти четверо, что моложе меня, все были сыновьями, братьями или бастардами Короля Севера. Расскажи лучше что-нибудь полезное. О нашем враге.

— Иные… — Сэм облизнул губы. — Они упоминаются в хрониках, хотя не так часто, как я думал. То есть в тех хрониках, которые я уже просмотрел. Многие еще остались непрочитанными. Старые книги просто разваливаются, страницы крошатся, когда их пытаешься перевернуть. А совсем древние либо уже развалились, либо запрятаны так, что я их пока не нашел… а может, их вовсе нет и не было никогда. Самое старое, что у нас есть, написано после прихода андалов в Вестерос. От Первых Людей остались только руны на камне, поэтому все, что мы якобы знаем о Веке Героев, о Рассветных Веках и Долгой Ночи, пересказано септонами, жившими тысячи лет спустя. Некоторые архимейстеры Цитадели подвергают сомнению всю известную нам древнюю историю. В ней полно королей, правивших сотни лет, и рыцарей, совершавших подвиги за тысячу лет до первого появления рыцарей… ну, ты сам

знаешь. Брандон Строитель, Симеон Звездный Глаз, Король Ночи. Ты считаешься девятьсот девяносто восьмым командующим Дозора, а в древнейшем списке, который я раскопал, значится шестьсот семьдесят четыре имени — стало быть, его составили…

— Очень давно, — прервал его Джон. — Так что же Иные?

— Я нашел упоминание о драконовом стекле. В Век Героев Дети Леса каждый год дарили Ночному Дозору сотню обсидиановых кинжалов. Иные приходят, когда настают холода, а может, это холода настают, когда приходят они. Иногда они сопутствуют метели и исчезают, когда небеса проясняются. Они прячутся от солнца и являются ночью… или ночь приходит на землю следом за ними. В некоторых сказаниях они ездят верхом на мертвых животных: на медведях, лютоволках, мамонтах, лошадях — им все равно, лишь бы мертвые были. Тот, что убил Малыша Паула, ехал на мертвом коне, так что это по крайней мере верно. Порой в текстах встречаются гигантские ледяные пауки — не знаю, что это. Людей, павших в бою с Иными, следует сжигать, иначе мертвые восстанут и будут делать то, что прикажут они.

— Все это мы уже знаем. Вопрос в том, как с

ними бороться.

— Большинство обычных клинков бессильно против брони Иных, если верить легендам, а их собственные холодные мечи легко крушат сталь. Но огонь их пугает, а обсидиан может убить. — Сэм вспомнил того, с кем столкнулся в Зачарованном лесу, — он растаял на глазах от удара обсидианового кинжала, который сделал для Сэма Джон. — В одном предании о Долгой Ночи говорится, что некий герой убивал Иных мечом из драконовой стали. Против нее они будто бы тоже устоять не могут.

— Драконова сталь? Валирийская?

— Я тоже сразу так и подумал.

— Значит, если я просто уговорю лордов Семи Королевств отдать нам свои валирийские клинки, мир будет спасен? Не так уж и трудно, — невесело посмеялся Джон. — Не можешь ли ты сказать, откуда эти Иные взялись и чего им надо?

— Пока еще нет, но я, может быть, просто читал не те книжки. Там есть сотни таких, куда я даже не заглянул. Дай мне время, и я разыщу все, что только возможно.

— Нет у нас времени. — В голосе Джона слышалась грусть. — Собирай вещи, Сэм, — ты поедешь

вместе с Лилли.

— Поеду? — опешил Сэм. — Куда, в Восточный Дозор? Или…

— В Старомест.

— В Старомест! — чуть ли не взвизгнул Сэм. Оттуда до Рогова Холма рукой подать. У Сэма даже голова слегка закружилась. Родной дом. Отец.

— Эйемон тоже едет с вами.

— Эйемон? Как же так… ведь ему сто два года! И кто будет ходить за воронами, если мы с ним оба уедем? Лечить больных или раненых?

— Клидас. Он много лет провел рядом с Эйемоном.

— Клидас всего лишь стюард, и зрение у него плохое. Вам нужен мейстер. Притом Эйемон так стар. Путешествие по морю… — У Сэма дыхание сперло при мысли о Боре и особенно о «Летнем солнце».

— Я понимаю, что это опасно для его жизни, Сэм, но здесь ему оставаться еще опаснее. Станнис знает, кто такой Эйемон. Если красной женщине для ее чар нужна королевская кровь…

— Ох, — побледнел Сэм.

— В Восточном Дозоре к вам присоединится Дареон. Надеюсь, что его песни помогут нам завоевать кого-нибудь из южан. «Черный дрозд»

доставит вас в Браавос, а оттуда вы своими средствами переправитесь в Старомест. Если ты все еще намерен выдать ребенка Лилли за своего бастарда, отправь ее в Рогов Холм. Если нет, Эйемон пристроит ее в Цитадель служанкой.

— Мой б-бастард… — Да, он говорил это, но… Такое долгое плавание. Запросто можно утонуть. Корабли тонут постоянно, а осень — время штормов. Но с ним будет Лилли, и ребенок вырастет спокойно, без всяких тревог. — Да, мать и сестры помогут Лилли с ребенком. — Можно письмо написать — не обязательно ехать в Рогов Холм самому. — Дареон проводит нас с ней до Староместа. Я… учился стрелять с Ульмером, как ты приказывал, если, конечно, не сидел в подземелье, ведь ты сам велел мне найти что-нибудь про Иных. От лука у меня плечи болят, а на пальцах волдыри появляются. — Сэм показал Джону один, который только что лопнул. — Но я все равно стрелял. Теперь я почти всегда попадаю в мишень, но все-таки остаюсь худшим стрелком на свете. А вот рассказы Ульмера мне нравится слушать. Кто-нибудь должен собрать их и записать в книгу.

— Вот и займись этим. Пергамент и чернила, думаю, в Цитадели найдутся… как и луки со стре-

лами. Я хочу, чтобы ты продолжал свое учение, Сэм. В Дозоре сотни людей, способных пустить стрелу, но очень мало таких, кто умеет читать и писать. Я хочу, чтобы ты стал моим новым мейстером.

Сэма бросило в дрожь. *Нет, отец, я не заговорю больше об этом, клянусь Семерыми. Пожалуйста, выпусти меня, позволь мне выйти.*

— Но моя работа здесь… книги…

— Они подождут твоего возвращения.

Сэм поднес руку к горлу, явственно чувствуя, как душит его воображаемая цепь.

— Милорд… в Цитадели тебя заставляют резать трупы. — И носить цепь на шее. «Если хочешь побыть в цепях, пойдем со мной». Три дня и три ночи Сэм прорыдал, прикованный к стене за руки и за ноги. Тугая цепь вокруг горла натирала кожу и не давала дышать, если он неловко поворачивался во сне. — И потом, я не смогу носить цепь.

— Ты будешь ее носить. Мейстер Эйемон стар, слеп, и силы его на исходе. Кто займет его место, когда он умрет? Мейстер Маллин из Сумеречной Башни больше воин, чем ученый, мейстер Хармун из Восточного Дозора чаще бывает пьяным, чем трезвым.

— Если ты попросишь у Цитадели еще мей-

стеров…

— И попрошу. Лишним никто не будет. Заменить Эйемона Таргариена не так-то легко. Я был уверен, что тебе это понравится, — удивленно произнес Джон. — В Цитадели столько книг, что ни одному человеку за всю жизнь не прочесть. Тебе там хорошо будет, Сэм. Я знаю.

— Нет. Читать я люблю, но м-мейстер должен быть целителем, а я крови боюсь. — В подтверждение Сэм показал Джону свою дрожащую руку. — Я Сэм Боязливый, а не Сэм Смертоносный.

— Ну чего тебе там бояться? Что старики-наставники тебя пожурят? Ты выдержал на Кулаке атаку упырей, Сэм, атаку оживших мертвецов с черными руками и ярко-синими глазами. Ты убил Иного!

— Его д-драконово стекло убило, не я.

— Успокойся. Ты врал и строил козни, чтобы сделать меня лордом-командующим, так что теперь изволь меня слушаться. Ты поедешь в Цитадель, выкуешь свою цепь, и если для этого понадобится резать трупы, ты будешь их резать. Староместские мертвецы возражать по крайней мере не станут.

— Ты не понимаешь. М-мой отец, лорд Рендилл,

он, он… мейстер всю жизнь обязан *служить*. Никто из сыновей дома Тарли не наденет на себя цепь. Мужчины Рогова Холма не кланяются и не прислуживают мелким лордам. — «Если хочешь побыть в цепях, пойдем со мной». — Я не могу ослушаться своего отца, Джон.

Он обращался к Джону, но Джона больше не было. Перед ним сидел лорд Сноу с глазами твердыми, как серый лед.

— Нет у тебя отца. Только братья. Только мы. Твоя жизнь принадлежит Ночному Дозору, поэтому ступай уложи в мешок свои подштанники и прочее, что захочешь взять в Старомест. Вы отправитесь в путь за час до рассвета. Вот тебе еще приказ: не смей с этого дня больше называть себя трусом. За прошлый год ты пережил такое, что другой за всю жизнь не испытает. Ты должен явиться в Цитадель как брат Ночного Дозора. Я не могу приказать тебе быть храбрым, но приказать не показывать своего страха могу. Ты дал присягу, Сэм, — помнишь?

«Я меч во тьме». Но мечом он владеет из рук вон плохо, а темнота пугает его.

— Я… я попробую.

— Никаких проб. Ты выполнишь приказ, вот и все.

— Пр-риказ, — подтвердил ворон Мормонта, захлопав черными крыльями.

— Слушаюсь, милорд. А мейстер Эйемон уже знает?

— Мы с ним задумали это вместе. — Джон открыл перед Сэмом дверь. — Здесь прощаться не будем. Чем меньше народу об этом знает, тем лучше. За час до рассвета, у кладбища.

Сэм не помнил, как вышел из оружейной. Очнувшись, он увидел, что идет по грязи и старому снегу к жилищу мейстера Эйемона. *Я мог бы спрятаться,* пришло ему в голову. Там, в подземелье, среди книг. Жил бы там вместе с мышами, а ночью воровал бы еду. Безумная мысль — лишь отчаяние могло породить такую. Именно в подземелье его станут искать прежде всего. В последнюю очередь поиски начнут за Стеной, но это еще безумнее. Там его сразу поймают одичалые и сожгут заживо, как красная женщина хочет сжечь Манса-Разбойника.

Найдя мейстера Эйемона на вороньей вышке, Сэм отдал ему письмо и единым духом поведал обо всех своих страхах.

— Он не понимает. — Сэму казалось, что его сейчас вырвет от ужаса. — Если я надену цепь, мой л-лорд-отец…

— Мой отец, когда я избрал путь служения, приводил те же доводы. В Цитадель я попал благодаря деду. Король Дейерон имел четырех сыновей, и у троих уже были свои сыновья. «Избыток драконов столь же опасен, как и их недостаток», — сказал его величество моему лорду-отцу в день моего отъезда. — Эйемон поднес покрытую старческими пятнами руку к цепи из многих металлов, болтавшейся на его тощей шее. — Цепь тяжела, Сэм, но дед мой был прав, как и твой лорд Сноу.

— Сноу, — повторил один из воронов. — Сноу, — отозвался другой. — Сноу, Сноу, Сноу, — заголосили все разом. Этому слову их научил Сэм. Он понимал, что деваться некуда. Их с мейстером приперли к стенке. Он умрет в море, с отчаянием думал Сэм. Не выдержит путешествия. Сынишка Лилли тоже может умереть — он не такой большой и крепкий, как мальчик Даллы. Джон их всех уморить хочет.

Ранним утром Сэм оседлал кобылу, на которой приехал сюда из родного поместья, и повел ее в сторону кладбища у восточной дороги. Переметные сумы он набил колбасой, сыром и сваренными вкрутую яйцами, захватив половину окорока, которую подарил ему на именины

Трехпалый Хобб. «Ты из тех, кто способен оценить хорошую кухню, Смертоносный, — сказал при этом повар. — Побольше бы нам таких». Окорок определенно пригодится ему в дороге. До Восточного Дозора ехать долго и холодно, а под Стеной нет ни селений, ни постоялых дворов.

Перед рассветом было темно, и в Черном Замке стояла необычайная тишина. У кладбища Сэм увидел пару двухколесных тележек, Черного Джека Бульвера и еще дюжину разведчиков-ветеранов с крепкими мохнатыми коньками. Кедж Белоглазый выругался, увидев здоровым глазом Сэма.

— Не обращай внимания, Смертоносный, — сказал Черный Джек. — Он проспорил — говорил, что тебя придется тянуть за ноги из-под кровати.

Для мейстера Эйемона, слишком слабого, чтобы ехать верхом, приспособили тележку, выстлав ее мехами и укрепив над ней кожаный верх от дождя и снега. Лилли с ребенком тоже ехали в ней. В другой тележке лежали вещи путников и сундучок с редкими старыми книгами, которые мейстер счел нужным захватить с собой в Цитадель. Сэм разыскивал их до глубокой ночи, но нашел едва ли одну книгу из четырех. Оно и к лучшему, иначе им понадобился бы третий

возок.

Появился мейстер, закутанный в медвежью доху втрое шире его самого. Когда Клидас вел его к повозке, налетел ветер, и старик зашатался. Сэм поспешно поддержал его с другой стороны. Еще разок так подует, и он за Стену улетит, чего доброго.

— Держитесь за меня, мейстер. Уже близко.

Слепой кивнул.

— В Староместе всегда тепло. Есть там одна гостиница на островке — я ходил туда школяром. Приятно будет посидеть там опять, попить сидра.

Когда мейстера усадили в тележку, пришла Лилли с завернутым в меха малышом. Глаза ее покраснели от слез. В это же время подошли Джон и Скорбный Эдд.

— Лорд Сноу, — окликнул его мейстер, — у себя в комнатах я оставил для вас одну книгу, «Яшмовый ларец». Ее автор, волантинский путешественник Коллоквий Вотар, посетил все страны на берегах Яшмового моря. Я велел Клидасу заложить место, которое может показаться вам интересным.

— Я непременно прочту, — пообещал Джон.

Мейстер вытер прохудившийся на холоде нос

рукавицей.

— Знание — наше оружие, Джон. Вооружись как следует, прежде чем выступать на битву.

— Хорошо. — С неба, медленно кружась, стали падать большие мягкие хлопья. — Поезжайте как можно быстрее, — сказал Джон Черному Джеку, — но без толку не рискуйте. У вас на попечении младенец и старец — присмотри, чтобы они были в тепле и ели досыта.

— И о другом малыше позаботьтесь, милорд, — вмешалась Лилли. — Найдите ему кормилицу, как обещали. Найдите хорошую женщину, чтобы Даллин мальчик… маленький принц… вырос большим и сильным.

— Даю слово, — торжественно произнес Джон.

— И смотрите не давайте ему имени, пока два годочка не минует. Дурная это примета — нарекать их, пока они еще грудь сосут. Вы, вороны, можете не знать этого, но это чистая правда.

— Как скажете, госпожа моя.

— Не называйте меня так, — с внезапным гневом отрезала Лилли. — Никакая я не госпожа. Я дочь Крастера, жена Крастера — и мать.

Скорбный Эдд держал ребенка, пока она усаживалась и укрывала ноги меховой полостью. К этому времени восточный небосклон стал скорее

серым, нежели черным. Лью-Левше не терпелось отправиться. Эдд отдал ребенка Лилли. *Может быть, я вижу Черный Замок в последний раз,* подумал Сэм, садясь на свою кобылу. Сердце у него разрывалось вопреки всей его былой ненависти к этому месту.

— Тронулись, — скомандовал Бульвер. Щелкнул кнут, и тележки покатились по колеям восточной дороги.

— Ну что ж, прощайте, — сказал Сэм Клидасу, Скорбному Эдду и Джону Сноу.

— Счастливо, Сэм, — ответил Эдд. — Надеюсь, ваш корабль не потонет. Кабы я был на борту, другое дело.

— Первый раз я увидел Лилли у стены Замка Крастера, — промолвил Джон, глядя вслед повозкам, — худышку с большим животом. Призрак накинулся на ее кроликов — я думал, она боится, что он вспорет ей живот и сожрет младенца. Но бояться ей следовало совсем не волка, верно?

Да, подумал Сэм. Главной опасностью для нее был Крастер, родной отец.

— У нее больше мужества, чем она полагает.

— У тебя тоже, Сэм. Счастливого тебе пути. Позаботься о ней, об Эйемоне и о ребенке. — Джон улыбнулся странной, грустной улыбкой. — И

надень капюшон. Ты весь поседел от снега.

Арья

Вдали, низко над горизонтом, загорелся в морском тумане слабый огонь.

— На звезду похоже, — заметила Арья.

— Это звезда нашего дома, — ответил Денио.

Его отец отдавал приказы, и матросы сновали по трем высоким мачтам, убавляя тяжелые пурпурные паруса. Два ряда гребцов внизу налегали на весла. Палуба накренилась — галеон «Дочь Титана» лег на правый борт и разворачивался.

Звезда дома. Арья стояла впереди, держась за позолоченную носовую фигуру — девушку с чашей фруктов в руках. На мгновение она позволила себе поверить, что там, на берегу, — ее родной дом.

Глупости. Дома у нее больше нет, родители и все братья убиты, кроме одного Джона Сноу на Стене. Именно к нему Арья хотела плыть — так она и сказала капитану, но его даже железная монетка не убедила. Не суждено ей, видно, попасть в те места, куда она направляется. Йорен обещал доставить ее в Винтерфелл, а что из этого вышло? Она оказалась в Харренхолле, а Йорен —

в могиле. Потом она убежала из Харренхолла и отправилась в Ривердан, но Лим, Энги и Том-Семерка взяли ее в плен и увезли в полый холм. Потом ее украл Пес и насильно повез в Близнецы. В конце концов Арья бросила его умирать у реки и поехала в Солеварни, надеясь купить себе место на корабле, идущем в Восточный Дозор, а вместо этого…

Хотя Браавос, в общем, не так уж и плох. Оттуда родом был Сирио, и Якен тоже может там оказаться. Железную монетку ей дал он, Якен. Он не был по-настоящему ее другом, таким, как Сирио, но какую пользу принесли ей друзья? Они не нужны ей, пока у нее есть Игла. Арья провела большим пальцем по гладкому эфесу меча, загадывая желание.

По правде говоря, она не знала толком, чего пожелать, как не знала и того, что сулит ей далекий свет. Капитан согласился взять ее на борт, но поговорить с ней ему было недосуг. Из матросов одни чурались ее, а другие делали ей подарки — серебряную вилку, перчатки без пальцев, обвисшую шерстяную шляпу с кожаными вставками. Кто-то показал ей, как вязать морские узлы, еще один угощал ее огненным вином из крохотных чашечек. Моряки, настроенные к ней

дружелюбно, хлопали себя по груди и повторяли ей свои имена, пока она их не запоминала, а вот ее имени никто не спрашивал. Все называли ее Солинкой, потому что она села на корабль в Солеварнях, близ устья Трезубца. Что ж, имя как имя, не хуже других.

Последние ночные звезды погасли, кроме тех двух, что лежали прямо по курсу.

— Теперь их две.

— Глаза Титана, — сказал Денио. — Он нас видит.

Браавосский Титан. Старая Нэн рассказывала им про него в Винтерфелле. Это великан, большой, как гора. Когда Браавосу грозит беда, он оживает — глаза огнем загораются, каменные члены натужно скрипят. Он входит в море и топит вражеские корабли. «А кормят его браавосцы нежным розовым мясом маленьких девочек из знатных семей», — заканчивала Нэн, и глупышка Санса каждый раз взвизгивала. Но мейстер Лювин сказал им, что Титан — это просто статуя, а рассказы старой Нэн — просто сказки.

Теперь Винтерфелл сожжен, напомнила себе Арья. Мейстер Лювин с Нэн скорее всего мертвы, и Санса тоже. Нечего о них вспоминать. Все люди смертны — эти слова заставил ее выучить

Якен Хгар, когда дал ей истертую железную монетку. Во время плавания она выучила и другие браавосские слова — «спасибо», «пожалуйста», «море», «звезда», «огненное вино». Но знать, что «все люди смертны», — самое главное. Почти вся команда «Дочери» с грехом пополам изъясняется на общем языке, знакомом им по отлучкам на берег в Староместе, Королевской Гавани и Девичьем Пруду, но только капитан и его сыновья знают его достаточно хорошо, чтобы разговаривать с Арьей. Денио, пухлый веселый мальчуган двенадцати лет, — самый младший. Почти все время он сидит в отцовской каюте и помогает старшему брату сводить счета.

— Надеюсь, ваш Титан не голодный, — сказала ему Арья.

— Голодный? — не понял Денио.

— Ничего, это я так. — Даже если Титан в самом деле ест розовое мясо маленьких девочек, Арья его не боится. Она тощая, не какой-нибудь лакомый кусочек, и ей скоро одиннадцать — почитай, взрослая девица. Притом Солинка не знатного рода. — Титан — ваш браавосский бог? — спросила она. — Или вы Семерым молитесь?

— В Браавосе чтут всех богов. — О родном городе капитанский сын любил поговорить не меньше,

чем об отцовском корабле. — У твоих Семерых там есть септа, Заморская септа, но ходят туда только вестеросские моряки.

Семеро — не ее боги. Они были богами матери, но не помешали Фреям убить мать в Близнецах. Может быть, в Браавосе найдется и богороща с сердце-деревом? Денио должен знать, но Арья не хотела его спрашивать. Откуда девчонке из Солеварен знать о древних богах Севера? Они тоже умерли, старые боги, умерли вместе с отцом, матерью, Роббом, Браном и Риконом. Отец когда-то говорил: холодные ветры несут смерть одинокому волку, но стая живет. Только вышло наоборот. Арья, одинокий волчонок, жива, а всех прочих волков убили и сняли с них шкуру.

— Лунные Певцы указали нам дорогу сюда, чтобы валирийские драконы не могли нас найти, — продолжал Денио. — У них в городе самый большой храм. Мы чтим также Отца Вод, но его дом строится заново всякий раз, как он берет себе новую жену. Все остальные боги обитают на острове посреди города. Там ты найдешь и Многоликого тоже.

Глаза Титана теперь стали ярче и отстояли друг от друга подальше. Арья не знала, что это за Многоликий, но если он прислушивается к молитвам,

то такой бог ей и нужен. Сир Григор, произнесла она про себя. Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея. Теперь их осталось только шестеро. Джоффри умер, Полливера убил Пес, Щекотуна и глупого прыщавого оруженосца она заколола сама. Мальчишка сам виноват — нечего было хватать ее за руку. Пес был при смерти, когда она бросила его на берегу Трезубца, — рана воспалилась, и лихорадка сжигала его. Надо было даровать ему последнюю милость, вонзив нож в его сердце.

— Гляди вон туда, Солинка! — Денио повернул ее немного вбок. — Видишь?

Нос корабля кроил тающий туман на серые лоскуты. «Дочь Титана» летела по зеленой воде на пурпурных крыльях. Над головой кричали морские птицы. Там, куда показывал Денио, вставала из моря гряда прибрежных утесов, поросших гвардейской сосной и черным ельником. Но в самой ее середине море проделало брешь, и там, прямо над водой, высился Титан с пылающими глазами и длинными зелеными волосами, развеваемыми ветром.

Он стоял, упершись широко расставленными ногами в берега пролива, развернув плечи над верхушками скал. Ноги из того же черного гра-

нита, что и утесы, на бедрах защитный фартук из позеленевшей бронзы, панцирь тоже бронзовый, на голове полушлем. Волосы сделаны из крашеных конопляных веревок, в пещерах глаз горят большие костры. Левая рука охватывает бронзовыми пальцами вершину утеса, правая, воздетая в воздух, держит обломок меча.

Он ненамного больше статуи короля Бейелора в Королевской Гавани, подумала было Арья, но пока галеон приближался к черте прибоя, Титан все рос и рос. Отец Денио зычным голосом отдавал команды, люди на реях убирали паруса. *Мы пройдем на веслах между его ногами*, поняла Арья. Она уже видела амбразуры для лучников в его бронзовом панцире, пятна от птичьего помета на руках и плечах. Бейелор Благословенный ему и до колен не достанет. Он запросто мог бы перешагнуть через стену Винтерфелла.

Не успела она подумать об этом, Титан взревел.

Этот рев, вернее, скрежет, такой же могучий, как и он сам, заглушил даже голос капитана и грохот прибоя у скал. Тысяча птиц взмыла вверх разом, Арья сморщилась, а Денио засмеялся.

— Он предупреждает Арсенал о нашем приходе, вот и все, — прокричал он. — Не бойся.

— Я и не боюсь, — прокричала она в ответ. — Просто громко очень.

Волны и ветер, завладев «Дочерью Титана», гнали ее в узкий пролив. Гребцы мерно поднимали и опускали весла, вспенивая море. Тень Титана уже упала на них. На миг Арье показалось, что они сейчас разобьются о камни у него под ногами. Она жалась к Денио, соленая водяная пыль орошала лицо. Чтобы увидеть голову Титана, она запрокинула собственную. «Браавосцы кормят его нежным розовым мясом маленьких девочек из знатных семей», — снова вспомнилось ей, но она уже не маленькая, и стыдно ей бояться какого-то истукана.

Тем не менее она не отнимала руки от Иглы. В каменных ляжках тоже виднелись щели для лучников. «Воронье гнездо» на мачте их корабля прошло в добрых десяти футах ниже Титанова фартука, и она разглядела в щелях бледные лица, глядящие на них из-за железных решеток.

Еще немного, и Титан остался позади.

Тень ушла, утесы с обеих сторон расступились, ветер утих, и они оказались в большой лагуне. Впереди из воды, точно сжатый кулак, торчал новый утес, ощетиненный скорпионами, огнеметами и требюшетами.

— Браавосский Арсенал, — объявил Денио с такой гордостью, будто сам построил его. — Здесь могут за один день спустить на воду боевую галею.

Арья видела здесь дюжины галей, стоящих у причалов или на спусковых сходнях. Еще больше раскрашенных носов выглядывало из бесчисленных деревянных укрытий на каменном берегу. Будто гончие в своих конурах, поджарые, злобные и голодные, — только и ждут, когда затрубит охотничий рог. Она попыталась сосчитать их, но не сумела, а на берегу ей открывались все новые причалы и верфи.

Две галеи двинулись им навстречу. Они скользили по воде, как стрекозы, мелькая светлыми веслами. Капитан крикнул им что-то, два других капитана отозвались ему, но Арья не поняла ни слова. Загудел большой рог, и галеи прошли с обоих бортов «Дочери Титана» так близко, что стали слышны барабаны, стучащие у них внутри, — бом-бом-бом-бом, словно живые сердца.

Галеи вместе с Арсеналом отошли назад. Впереди расстилалась ширь горохово-зеленой воды, покрытая рябью, словно лист цветного стекла. Посреди этого простора на ста островах лежал собственно город, скопление куполов, башен,

мостов, серый, золотой, красный.

Мейстер Лювин рассказывал им о Браавосе, но Арья почти все позабыла. Она видела издали, что город плоский, не то что Королевская Гавань на трех своих высоких холмах. Здесь единственными возвышенностями были дома, возведенные из кирпича, гранита, бронзы и мрамора. Арья не сразу поняла, чего еще недостает в этом городе: у него не было стен. Она сказала об этом Денио, но он только посмеялся в ответ.

— Стены у нас деревянные и выкрашены багровой краской. Это наши галеи — другие стены нам ни к чему.

Палуба заскрипела под тяжелыми шагами — к ним подошел отец Денио в длинном капитанском кафтане из красной шерсти. Торговый капитан Тернесио Терис не носил бакенбард. Коротко остриженные седые волосы обрамляли квадратное обветренное лицо. Арья часто видела, как он шутит с командой, но когда он хмурился, люди боялись его пуще шторма. Сейчас он был хмур.

— Наше путешествие подходит к концу, — сказал он Арье. — Мы идем в Таможенный порт, где к нам поднимутся служители Морского Начальника для осмотра трюмов. Они пробудут на борту полдня, как обычно, но тебе нет нужды дожи-

даться, когда они закончат. Собери свои вещи. Орко свезет тебя в шлюпке на берег.

На берег… Арья прикусила губу. Она переплыла Узкое море по собственной воле, но если бы капитан спросил, она призналась бы, что хочет остаться на корабле. Она слишком мала, чтобы управляться с веслом, но может научиться сплеснивать концы, брать рифы на парусах и прокладывать курс в море. Однажды она вместе с Денио залезла в «воронье гнездо», и ей ни капельки не было страшно, хотя палуба сверху казалась совсем крохотной. Она и считать умеет, и в каюте прибирать.

Но второй юнга на галеоне не нужен, и стоит только посмотреть на капитана, чтобы понять, как ему не терпится избавиться от нее.

— Хорошо, — послушно сказала Арья, хотя на берегу ее ждала полная неизвестность.

— Валар дохаэрис. — Капитан приложил два пальца ко лбу. — Прошу тебя не забывать Тернесио Териса и услугу, которую он тебе оказал.

— Хорошо, — тихо повторила Арья. Ветер дергал ее за плащ призрачными пальцами. Пора уходить.

Капитан велел собрать вещи, но ей особенно нечего собирать. Только то, что на ней, малень-

кий кошелек с монетами, подарки матросов, кинжал на левом бедре да Игла на правом.

Шлюпку уже спустили, и Орко сидел на веслах. Он тоже капитанский сын, но старше Денио и не такой дружелюбный. *А с Денио-то я так и не попрощалась,* спохватилась она, уже спустившись в лодку. *Нехорошо. Кто знает, увидимся ли мы когда-нибудь снова.*

С каждым ударом весел «Дочь Титана» уходила назад, а город, наоборот, приближался. В гавани, справа от них, толпились грузные китобойные суда из Иббена, похожие на лебедей корабли с Летних островов и опять-таки столько галей, что сосчитать невозможно. А вот еще одна гавань, слева, за полузатопленной стрелкой, где из воды торчат одни только крыши домов. Арья никогда еще не видела столько высоких зданий в одном месте. В Королевской Гавани есть Красный Замок, Септа Бейелора и Драконье Логово, но в Браавосе наберется штук двадцать храмов, башен и дворцов — таких же больших и еще больше. *Быть мне опять мышью,* мрачно думала она, *как в Харренхолле, пока я оттуда не убежала.*

От статуи Титана город представлялся одним большим островом, но теперь стало видно, что он состоит из множества мелких островков,

связанных гнутыми каменными мостами над бесчисленными каналами. За гаванью впритык стояли серые каменные дома. Арье они показались странными — в четыре или пять этажей, но очень узкие, с черепичными крышами вроде остроконечных шляп. Ни тростниковых, ни соломенных кровель, а деревянных срубов, таких как в Вестеросе, очень мало. И деревья здесь не растут, заметила вдруг она. Браавос весь из камня, серый город в зеленом море.

Орко повернул к северу от порта, в устье большого канала. Широкая зеленая дорога вела в самое сердце города. Лодка прошла под мостом, который украшали резные рыбы, крабы и осьминоги. Впереди показался второй, изукрашенный кружевными каменными лозами, а за ним третий, глядящий на них тысячью нарисованных глаз. В канал с обеих сторон впадали другие, более мелкие, а в те — совсем узенькие. Некоторые дома стояли прямо в воде, превращая каналы в подобие водяных коридоров. Мимо них сновали стройные лодки в виде морских змей, с раскрашенными головами и поднятыми хвостами. Гребцы, работающие не веслами, а шестами, стояли на корме в серых, коричневых и мшисто-зеленых плащах. Проплывали также

огромные плоскодонные баржи, груженные ящиками и бочками, — там у каждого борта стояло по двадцать человек с шестами. Встречались и целые плавучие дома с цветными фонариками, бархатными занавесками и медными статуями. Вдали, над домами и каналами, уходила на юг серая каменная дорога, поддерживаемая мощными трехъярусными арками.

— Что это? — спросила Арья, показав на нее.

— Водовод, — ответил Орко. — По нему бежит пресная вода с материка через илистые отмели и солончаки. Хорошая пресная вода для фонтанов.

Оглянувшись, она увидела, что гавань и лагуна скрылись из глаз. На обоих берегах канала появились статуи — суровые каменные мужи в длинных бронзовых одеждах, сильно засиженные птицами. В руках они держали книги, кинжалы и молотки. Один поднимал ввысь золотую звезду, из опрокинутого каменного флакона в перстах другого лилась в канал бесконечная струйка воды.

— Это кто, боги? — спросила Арья.

— Морские Начальники. Остров Богов будет дальше. На правом берегу, через шесть мостов. Это вот — храм Лунных Певцов.

Арья еще в лагуне увидела эту белоснежную

мраморную громаду, увенчанную посеребренным куполом. Вставленные в купол окна из молочного стекла изображали все фазы луны. Две мраморные девы у ворот, ростом с Морских Начальников, поддерживали перемычку в виде полумесяца.

Рядом стоял другой храм, из красного камня, напоминающий крепость. На его башне в чугунной жаровне двадцатифутовой ширины пылал огонь. По обе стороны бронзовых дверей тоже горели огни, но поменьше.

— Красные жрецы любят огонь, — сказал Орко. — Их бог — Владыка Света, красный Рглор.

Это Арья знала. Ей вспомнился Торос из Мира в разрозненных доспехах поверх одежд, до того вылинявших, что ему подобало называться скорее розовым жрецом, а не красным. Однако его поцелуй вернул жизнь лорду Берику. Глядя на проплывающий мимо храм Красного Бога, она думала, могут ли эти браавосские жрецы сотворить такое же чудо.

Следом возникло кирпичное, обросшее лишайником здание. С виду Арья приняла его за лабаз, но Орко сказал:

— Это Убежище, где поклоняются забытым богам. Вскоре ты услышишь, что его называют

еще и Крольчатником. — Они проплыли через туннель под угрюмыми сводами Крольчатника и снова вышли на свет. Справа и слева показались новые храмы.

— Вот не знала, что на свете столько богов.

Орко в ответ проворчал что-то. За поворотом возник еще мост, а слева от него — скалистый пригорок, где стоял темно-серый храм без единого окна. Каменные ступени спускались от его дверей к маленькой крытой пристани.

Орко притабанил, и лодка торкнулась в каменные столбы причала. Придерживаясь за железное кольцо, он сказал:

— Здесь я тебя оставлю.

Пристань была сумрачная, ступени крутые. Черная заостренная крыша храма торчала вверх, как у домов на канале. Арья прикусила губу. Сирио приехал к ним на север из Браавоса. Может быть, он посещал этот храм, поднимался по этим ступеням. Арья взялась за кольцо и вылезла на причал.

— Мое имя ты знаешь, — сказал Орко из шлюпки.

— Да. Орко Терис.

— Валар дохаэрис. — Он оттолкнулся веслом и выплыл на середину канала. Арья смотрела,

как он гребет в обратную сторону, пока лодка не скрылась в тени под мостом. Плеск весел затих, и ей послышался стук собственного сердца. Как будто она не здесь, а где-то еще… в Харренхолле с Джендри или в лесу у Трезубца с Псом. *Не глупи, Солинка,* сказала она себе. *Я волк и ничего не боюсь.* Хлопнув на счастье по рукояти Иглы, она зашагала наверх через две ступеньки — пусть все видят, что ее нелегко напугать.

Наверху ее ждали резные деревянные двери двенадцатифутовой вышины. Левая створка из чардрева, бледного как кость, правая — из блестящего черного дерева. Посередке вырезана полная луна — на светлой стороне черная, на черной — белая. При виде ее Арья почему-то вспомнила сердце-дерево в богороще Винтерфелла. Эти двери как будто следили за ней. Она толкнула их обеими руками в перчатках, но они не сдвинулись с места. Заперто.

— Откройтесь сейчас же, глупые, — сказала Арья. — Я приплыла из-за Узкого моря. — Она постучалась в дерево кулаком. — Так мне Якен велел. У меня есть железная монета. — Арья достала ее из кошелька на поясе и подняла вверх. — Видите? Валар моргулис.

Двери ничего не ответили ей, однако откры-

лись.

Отворились внутрь, тихо, без прикосновения человеческих рук. Арья сделала шаг, за ним другой. Двери закрылись за ней, и она на миг ослепла. Игла сама собой оказалась в руке — она не помнила, как достала ее.

Несколько свечей у стен давали так мало света, что Арья не видела даже собственных ног. Ей слышался чей-то шепот, слишком тихий, чтобы разобрать слова, и чей-то плач. Чьи-то кожаные подошвы легко прошагали по камню, где-то открылась и снова закрылась дверь. И еще вода. Воду слышно.

Ее глаза постепенно привыкли к мраку. Изнутри храм казался гораздо просторнее, чем снаружи. Вестеросские септы все семистенные, с семью алтарями для семи богов, но здесь богов куда больше. Их изваяния, массивные и грозные, стояли вдоль стен. У ног мигали красные свечи, тусклые, как далекие звезды. Ближе всех была двенадцатифутовая мраморная женщина. Настоящие слезы падали из ее глаз в чашу, которую она держала в руках. Дальше мужчина с головой льва восседал на троне черного дерева. По обе стороны от дверей вздыбились два огромных коня из бронзы и чугуна. Арья различила еще

чье-то большое каменное лицо, бледного младенца с мечом, косматого черного козла ростом с зубра, мужчину в капюшоне, опершегося на посох. Остальные фигуры скрывались во мраке. Между богами располагались темные ниши, в редкой из которых горела свеча.

Тихая, как тень, с мечом в руке, Арья шла между рядами каменных скамеек. Ноги говорили ей, что пол здесь каменный — не из полированного мрамора, как в Великой Септе Бейелора, а грубый, шероховатый. Кучка женщин, которых она миновала, шептались о чем-то. От тепла и духоты Арья зевнула. Свечи источали незнакомый ей аромат, но в глубине храма вдруг запахло снегом, сосновой хвоей и горячей мясной похлебкой. Эти славные запахи придали Арье храбрости, и она спрятала Иглу в ножны.

В самой середине она нашла воду, которую слышала, — чернильно-черный пруд десяти футов в поперечнике, освещенный теми же тускло-красными свечами. Сидящий на его берегу молодой человек в серебристом плаще тихо плакал. Он опустил руку в воду, и по пруду побежала алая рябь. Видя, как он обсасывает пальцы один за другим, Арья подумала, что он хочет пить, зачерпнула воды одной из стоящих тут же камен-

ных чаш и подала ему. Юноша посмотрел на нее долгим взглядом и сказал:

— Валар моргулис.

— Валар дохаэрис, — ответила Арья.

Он напился, бросил чашу в пруд с тихим «плюх» и встал, пошатываясь, держась за живот. Ей показалось, что он сейчас свалится. Только теперь она разглядела темное пятно ниже его пояса.

— Ты ранен, — вырвалось у нее, но он, не отвечая, добрел до стены и лег на твердую каменную лежанку в нише. Осмотревшись, Арья увидела стариков, спящих кое-где в других нишах.

Нет, прошептал у нее в голове полузабытый голос. *Они мертвы или умирают. Смотри своими глазами.*

Кто-то тронул ее за плечо.

Она резко обернулась и увидела бледную девочку, совсем утонувшую в широком балахоне, черном с правой стороны, белом с левой. Под капюшоном пряталось щуплое личико с впалыми щеками и темными, большими как блюдца глазищами.

— Не трогай меня, — остерегла ее Арья. — Одного мальчишку я убила за это.

Девочка произнесла что-то непонятное.

— Ты разве не знаешь общего языка?

— Я знаю, — сказал кто-то позади.

Ей не нравилось, что они подкрадываются к ней бесшумно. Высокий мужчина был одет в такую же черно-белую хламиду, что и девочка. Под капюшоном виднелись только глаза, отражавшие красный огонь свечей.

— Что это за место? — спросила его Арья.

— Обитель мира, — ответил ласковый голос. — Здесь ты в безопасности. Это Черно-Белый Дом, дитя, но ты еще слишком юна, чтобы просить милости у Многоликого Бога.

— Он такой же, как бог южан с семью лицами?

— С семью? Нет. Его ликам нет числа, малютка, их много, как звезд на небе. В Браавосе все верят, во что хотят, но в конце каждой дороги ждет Многоликий. Ты тоже придешь к нему, не сомневайся. Не нужно бросаться в его объятия раньше времени.

— Я пришла сюда, чтобы найти Якена Хгара.

— Это имя мне незнакомо.

У Арьи упало сердце.

— Он из Лората. Волосы у него с одной стороны белые, а с другой — рыжие. Он сказал, что научит меня разным тайнам, и дал мне вот это. — Железная монетка, которую она держала в кулаке, прилипла к потной ладони.

Жрец посмотрел на монету, не касаясь ее. Девочка-призрак с большими глазами тоже смотрела.

— Назови мне свое имя, дитя, — сказал наконец мужчина.

— Солинка из Солеварен в устье Трезубца.

Не видя его лица, она почему-то почувствовала, что он улыбается.

— Нет. Назови свое имя.

— Голубенок, — сказала она.

— Настоящее имя, дитя мое.

— Мать назвала меня Нэн, но чужие кликали Лаской.

— Твое имя.

— Арри, — сглотнула она. — Меня зовут Арри.

— Это уже ближе. А теперь скажи правду.

Страх ранит глубже, чем меч.

— Арья, — прошептала она и повторила громко, прямо ему в лицо: — Арья из дома Старков.

— Верно, — сказал он, — но Черно-Белый Дом не место для Арьи из дома Старков.

— Не гоните меня, — взмолилась она. — Мне некуда больше идти.

— Боишься ли ты смерти?

— Нет, — сказала она и прикусила губу.

— Посмотрим. — Жрец откинул свой капюшон. Лица под ним не было — только желтый череп

с лоскутьями кожи. Из одной глазницы вылезал белый червь. — Поцелуй меня, дитя. — Его голос теперь походил на предсмертный хрип.

Пугает он меня, что ли? Арья чмокнула его в костяную переносицу, а червя хотела отправить в рот, но он растаял, как тень, у нее в руке.

Желтый череп тоже растаял. Под ним ей улыбался старичок — таких добрых людей она еще в жизни не видывала.

— Никто еще до сих пор не пытался съесть моего червяка. Ты, должно быть, изголодалась.

Да, подумала она, *но не по хлебу.*

Серсея

Холодный дождь делал стены Красного Замка темными, словно кровь. Королева, держа короля за руку, вела его через грязный двор, где их ждали крытые носилки с эскортом.

— Дядя Джейме сказал, что я мог бы ехать верхом и бросать монетки простому люду, — капризничал мальчик.

— Простудиться хочешь? — Не станет она рисковать: здоровьем Томмен был всегда слабее, чем Джоффри. — Твой дед желал бы видеть тебя на своих похоронах истинным королем. Нельзя являться в Великую Септу мокрыми и забрызганными грязью. — Довольно и того, что ей пришлось опять надеть траур. Черное ей никогда не шло. Со своими светлыми волосами она в нем сама точно покойница. Она поднялась еще до рассвета, чтобы принять ванну и сделать прическу, — недоставало еще позволить дождю загубить все ее труды.

Томмен забрался в носилки и устроился поудобнее, глядя на дождь.

— Это боги оплакивают дедушку. Леди Джасе-

лина так говорит.

— Джаселина Свифт просто дура. Будь боги способны лить слезы, они оплакали бы твоего брата. Это всего лишь дождь. Закрой занавески, чтобы он не попадал внутрь. Хочешь промочить свою соболью манию?

Томмен молча повиновался. Его послушание тревожило мать. Король должен быть сильным. Джоффри на месте брата заспорил бы — его всегда приходилось уговаривать.

— Не разваливайся так, — сказала она. — Сядь, как королю подобает. Выпрямись, поправь корону. Не хочешь же ты, чтобы она свалилась у тебя с головы при всех твоих лордах.

— Нет, матушка. — Мальчик сел прямо и поправил корону. Венец Джоффа слишком велик для него. Томмен всегда был полноват, но сейчас как будто осунулся. Хорошо ли он ест? Не забыть спросить стюарда. Нельзя допустить, чтобы Томмен расхворался теперь, когда Мирцелла в руках у дорнийцев. Пока корона Джоффа не станет ему впору, надо изготовить другую, поменьше, которая не проваливалась бы до самых ушей. Она обсудит это с золотых дел мастерами.

Носилки медленно тронулись вниз с холма Эйегона. Впереди ехали двое королевских гвар-

дейцев — в белом, на белых конях. Промокшие белые плащи тяжело свисали с их плеч. Позади следовала полусотня гвардейцев Ланнистера в багрянце и золоте.

Томмен смотрел в щелку на пустые улицы.

— Я думал, будет много народу. Когда умер отец, все горожане вышли на улицы и глазели на нас.

— Дождь их разогнал по домам. — В Королевской Гавани лорда Тайвина никогда не любили, да он и не старался завоевать любовь — чью бы то ни было. «Любовью сыт не будешь, и коня на нее не купишь, и дом она не согреет в холодную ночь», — сказал он при ней Джейме, когда они с братом были не старше Томмена.

У великолепной мраморной септы на вершине холма Висеньи стояла жалкая кучка скорбящих — их было меньше, чем золотых плащей, выстроенных сиром Аддамом Марбрандом по ту сторону площади. Ничего, подойдут еще, сказала себе Серсея, выходя из носилок с помощью сира Меррина Транта. На утреннюю службу допущены только знатные лорды и их вассалы — днем состоится еще одна, для простых горожан, а вечером помолиться смогут все, кто пожелает. Ей тоже придется присутствовать, чтобы народ видел ее скорбь. Толпа должна получить свое зрелище.

Что за докука — будто у нее и без того мало дел. Надо назначать людей на вакантные должности, вести войну, управлять государством. Отец бы понял ее.

Верховный септон встречал их на верху лестницы. Ветхий старец с жидкой седой бороденкой так согнулся под тяжестью шитых золотом риз, что его глаза пришлись вровень с грудью королевы, но воздушная корона из кристаллов и золотых нитей прибавляла ему добрых полтора фута.

Эту корону дал ему лорд Тайвин взамен утраченной — та потерялась, когда чернь убила прежнего верховного септона. Жирного глупца вытащили из носилок и растерзали на части в тот самый день, когда Мирцелла отплыла в Дорн. Он был большой обжора и легко поддавался уговорам. Этот… Серсея вдруг вспомнила, что он ставленник Тириона, и ей стало не по себе.

Пятнистая рука старца наподобие куриной лапы торчала из рукава, расшитого золотом и кристаллами. Серсея, преклонив колени на мокром мраморе, поцеловала ее и подала Томмену знак сделать то же самое. *Что он обо мне знает? Много ли рассказал ему карлик*? Верховный септон улыбался ей, сопровождая в септу… но как знать, скрывается за этой улыбкой тайное знание

или впалые губы старика кривятся просто так, по привычке?

Она вела Томмена за руку по Чертогу Лампад, под цветными хрустальными сферами. Трант и Кеттлблэк шли по бокам, капая на пол водой с мокрых плащей. Верховный септон ковылял, опираясь на посох из чардрева, увенчанный хрустальным шаром. Семеро Праведных, сопровождавших его, мерцали серебряной парчой. Томмен под собольей мантией был одет в золотую парчу, королева — в старое платье из черного бархата с горностаевой отделкой. Новое шить не было времени, а то, что она носила по Джоффри или в чем хоронила Роберта, Серсея надеть не могла.

Зато уж по Тириону ей траур носить не придется. По такому случаю она нарядится в золото и багряный шелк, а волосы украсит рубинами. Она объявила, что сделает лордом человека, который принесет ей голову карлика, какого бы низкого происхождения он ни был. Вороны разнесут это обещание по всем Семи Королевствам, а вскорости весть перекинется через Узкое море в Девять Вольных Городов и земли, что лежат еще дальше. Добеги Бес хоть до края света, от нее ему не уйти.

Король с королевой прошли во внутреннее свя-

тилище и двинулись по одному из семи широких проходов, пересекавшихся под куполом. Знатные особы справа и слева опускались на колени. Здесь присутствовали многие знаменосцы ее отца и рыцари, сражавшиеся рядом с лордом Тайвином в полусотне битв. Их вид придал Серсее уверенности. У нее еще есть друзья.

Под величественным куполом из стекла, хрусталя и золота покоился на ступенчатом мраморном помосте лорд Тайвин Ланнистер. В головах у него нес бдение Джейме, охватив единственной рукой рукоять длинного золотого меча, чье острие упиралось в пол. Плащ с капюшоном бел, как свежевыпавший снег, чешуйчатая кольчуга — из перламутра с золотом. Лорд Тайвин предпочел бы, чтобы он оделся в багряно-золотой наряд Ланнистера. Он всегда гневался, видя Джейме в белом. К тому же брат снова начал отпускать бороду, и отросшая щетина придает ему грубый, неряшливый вид. Мог подождать хотя бы, пока кости отца не обретут покой под Утесом.

Серсея и Томмен, взойдя по трем пологим ступеням, преклонили колени. В глазах мальчика стояли слезы.

— Плачь потихоньку, — наказала ему мать. — Ты король, а не плаксивый ребенок. Твои лорды

на тебя смотрят. — Томмен смахнул слезы рукой. Глаза у него материнские, изумрудно-зеленые, большие и ясные, как у Джейме в том же возрасте. Каким он был красавчиком, ее брат… но и злющим тоже, настоящим львенком, совсем как Джоффри. Серсея обняла Томмена за плечи, поцеловала его золотые локоны. Она нужна ему, чтобы научить его править и уберечь его от врагов. Некоторые из них стоят вокруг в это самое время, прикидываясь друзьями.

Молчаливые Сестры снарядили лорда Тайвина, как на последнюю битву. Он лежал в своих лучших стальных доспехах, крытых темно-красной эмалью. Раструбы перчаток, поножи и панцирь инкрустированы золотом. Нагрудные диски — золотые солнца, на каждом плече — золотая львица, на гребне шлема, стоящего рядом с его головой, — гривастый лев. Руки в золоченых кольчужных перчатках скрещены на рукояти меча в золоченых, с рубинами, ножнах. Черты его и в смерти сохранили свое благородство, вот только губы… Уголки рта слегка приподняты вверх, словно в тайном веселье. Куда смотрел Пицель? Надо было ей самой сказать Молчаливым Сестрам, что лорд Тайвин Ланнистер не улыбался никогда в жизни. От этого Пицеля проку, как от

сосков на панцире. Полуулыбка вкупе с закрытыми глазами лишала лорда Тайвина обычного грозного вида. Под взглядом этих светло-зеленых, почти прозрачных, с золотыми искрами глаз все чувствовали себя неуютно. Они проникали тебе в самую душу, видя всю твою слабость, никчемность и безобразие. Такой взгляд не мог пройти незамеченным.

Серсее невольно вспомнился пир, данный королем Эйерисом, когда она только-только приехала ко двору, зеленая, как весенняя мурава. Старый Мерривезер, мастер над монетой, бубнил что-то о повышении налога на вино, и тут лорд Риккер сказал: «Если нам требуется золото, проще посадить лорда Тайвина на горшок». Эйерис вместе со своими прихлебателями громко расхохотался, отец же тяжело уставился на Риккера поверх чаши с вином. Смех давно утих, а он все смотрел. Риккер сперва отвернулся, потом притворился, что ему все равно, выпил кружку эля и вышел, весь красный, побежденный одним только взглядом.

Теперь глаза лорда Тайвина закрылись навеки. *Отныне они будут ежиться от моего взгляда, пугаться моего нахмуренного чела. Я тоже из рода львов.*

Из-за пасмурного неба в септе стоял полумрак. Если дождь когда-нибудь прекратится, солнце, пройдя сквозь висячие кристаллы, оденет мертвого радугами. Лорд Бобрового Утеса заслужил их сполна. Он был великим человеком. *Но я превзойду тебя*, думала она. *Тысячу лет спустя мейстеры в своих летописях помянут тебя лишь как родителя королевы Серсеи.*

— Матушка, — дернул ее за рукав Томмен, — что это так плохо пахнет?

Мой лорд-отец.

— Смерть, — ответила она вслух, сама морщась от легкого запаха разложения. Семеро септонов в серебряных одеждах, стоя в ногах, молили Отца Небесного рассудить лорда Тайвина по справедливости. Когда они завершили молитву, семьдесят семь септ собрались перед алтарем Матери, моля ее о милосердии. Томмен начал ерзать, у Серсеи тоже ломило колени. Она взглянула на Джейме. Ее брат-близнец стоял, точно высеченный из камня, и не смотрел ей в глаза.

У скамьи — придавленный горем дядя Киван рядом со своим сыном. Лансель сам мог бы сойти за покойника. Ему семнадцать, а на вид все семьдесят. Лицо серое, глаза и щеки ввалились, волосы высохли и побелели, как мел. Почему он

жив, а Тайвин Ланнистер мертв? Неужто боги лишились рассудка?

Лорд Джайлс кашляет сильнее обычного, закрывая лицо красным шелковым платком. Запах и его донимает. У великого мейстера Пицеля закрыты глаза. *Если он уснул, клянусь, что велю его высечь*. Справа от помоста — коленопреклоненные Тиреллы: лорд Хайгардена, его страшенная матушка, бесцветная жена, сын Гарлан и дочь Маргери. *Королева* Маргери, вдова Джоффри и невеста Томмена. Дважды побывавшая замужем и якобы сохранившая невинность, что весьма подозрительно. Очень похожа на своего брата, Рыцаря Цветов. Возможно, между ними есть и еще нечто общее? *У нашей розочки много фрейлин, не покидающих ее ни днем, ни ночью*. Они и теперь здесь, чуть ли не дюжина. Серсея обвела любопытным взглядом их лица. Кто из них самая пугливая, самая разгульная, самая падкая на милости? У кого самый длинный язык? Надо будет этим заняться.

Пение, к счастью, наконец-то умолкло, но запах, идущий от тела, как будто усилился. Почти все присутствующие из учтивости делали вид, что ничего не замечают, лишь двое кузин Маргери вовсю морщили свои тирелловские носики.

Пока Серсея шла назад по проходу с Томменом, ей послышалось, будто кто-то сказал «нужник» и фыркнул, — но, повернув голову, она увидела перед собой море торжественно-скорбных лиц. При его жизни никто бы не осмелился отпускать подобные шутки. Они бы сами обгадились под его взглядом.

В Чертоге Лампад все зажужжали вокруг них, как мухи, наперебой высказывая свои пустые соболезнования. Братья-близнецы Редвин приложились к руке Серсеи, их отец расцеловал ее в обе щеки. Галлин-Пиромант пообещал, что в день, когда усопший отбудет на запад, над городом загорится огненная десница. Лорд Джайлс, перебарывая кашель, поведал, что нанятый им ваятель поставит памятник лорду Тайвину, дабы тот нес вечное бдение у Львиных ворот. Сир Ламберт Торнберри, с нашлепкой на правом глазу, поклялся, что не снимет ее, пока не принесет королеве голову злодея-карлика.

Не успела Серсея отвязаться от этого дурня, как ее атаковала Фалиса Стокворт вместе с мужем, сиром Бальманом Берчем.

— Моя леди-мать шлет свои соболезнования вашему величеству. У Лоллис вот-вот начнутся роды, и матушка не может оставить ее. Она молит

вас о прощении и просит… она ведь так почитала вашего покойного батюшку… Если у сестры будет мальчик, дозволит ли ваше величество назвать его Тайвином?

Серсея опешила.

— Вашу полоумную сестру обесчестила половина Королевской Гавани, а Танда хочет назвать ее ублюдка в честь моего лорда-отца? Ну уж нет.

Фалиса отпрянула назад, словно получила пощечину, но ее муж, разгладив густые белокурые усы, молвил невозмутимо:

— Я так и сказал леди Танде. Мы подыщем сыну Лоллис более подходящее имя, даю вам слово.

— Уж потрудитесь, сир. — Серсея отвернулась от них и увидела, что Томмен попал в тиски Маргери Тирелл и ее бабки. Королеву Шипов из-за ее малого роста она в первый миг тоже приняла за ребенка. Спеша освободить сына из цепких розовых кустов, она оказалась лицом к лицу с дядей. Серсея напомнила ему, что они должны встретиться позже, и сир Киван, устало склонив голову, попросил разрешения удалиться. Лансель мог служить живой картинкой к поговорке «одной ногой в могиле». Неясно лишь, выкарабкивается он наверх или скоро ляжет в нее окончательно.

Серсея заставила себя улыбнуться.

— Рада видеть тебя в столь добром здравии, Лансель. Мейстер Баллабар приносил нам неутешительные вести, и мы опасались за твою жизнь. Но теперь, пожалуй, ты скоро отправишься в Дарри, чтобы вступить в права лорда. — Ее отец, желая умаслить своего брата Кивана, сделал Ланселя лордом после битвы на Черноводной.

— Пока еще нет. В моем замке засели разбойники, — ответил кузен голосом хлипким, как усики над его верхней губой. Волосы у него побелели, но усики сохранили песочный цвет. Серсея часто видела их вблизи, пока мальчик добросовестно трудился, лежа на ней. Точно грязью намазаны — она, бывало, все грозилась поплевать и стереть их. — Отец говорит, что речные земли нуждаются в твердой руке.

Жаль в таком случае, что им достанешься ты.

— К тому же тебе предстоит жениться, — произнесла она вслух с улыбкой.

Изнуренное лицо молодого рыцаря помрачнело.

— На девице Фрей, и не по моему выбору. Вернее, даже не на девице — на вдове. С материнской стороны она Дарри. Отец говорит, что крестьяне благодаря этому будут больше меня любить, но

ведь они все перебиты, крестьяне. — Он сделал движение, чтобы взять ее за руку. — Это жестоко, Серсея. Ваше величество знает мою любовь…

— К дому Ланнистеров, — договорила она за него. — Никто в ней не сомневается, Лансель. Пусть жена подарит тебе крепких сыновей. — Однако будет лучше, если свадьбу устроит не ее лорд-дедушка. — Я знаю, ты свершишь много славных дел в Дарри.

Лансель с несчастным видом кивнул.

— Когда все думали, что я при смерти, отец привел ко мне верховного септона. — Глаза ее кузена влажно блестели — глаза ребенка на лице старика. — Это святой человек. Он сказал, что Матерь помиловала меня, дабы я мог искупить свои грехи.

Любопытно, как он намерен искупать *ее* грехи. Она совершила ошибку, посвятив его в рыцари, и еще больше ошиблась, когда легла с ним в постель. Лансель — слабый тростник, и его новообретенная святость ей совсем не по вкусу. Он был куда забавнее, когда строил из себя Джейме. Что этот плакса наговорил верховному септону? И что он расскажет маленькой Фрей, оказавшись с ней в темноте под одним одеялом? Если он исповедался, что спал с ней, это еще

полбеды. Мужчины любят прилгнуть о своих победах — можно приписать это похвальбе юнца, сраженного ее красотой. Но если он вздумает болтать о Роберте и чаше с крепким вином…

— Грех лучше всего искупается молитвой, — сказала она. — *Тихой* молитвой. — И, оставив Ланселя, выступила на битву с Тиреллами.

Маргери поцеловала ее как сестру — Серсея нашла это бесцеремонным, но не делать же ей выговор здесь и сейчас. Леди Алерия и кузины ограничились почтительным лобызанием пальцев. Беременная на сносях леди Грейсфорд попросила разрешения назвать дитя Тайвином, если будет мальчик, или Ланной, если будет девочка. Еще одна, едва не застонала Серсея. Скоро вокруг разведется полным-полно Тайвинов. Вслух она дала милостивое согласие, изобразив на лице восторг.

А вот леди Мерривезер порадовала ее по-настоящему.

— Ваше величество, — сказала она со страстными мирийскими придыханиями, — я отправила письма своим друзьям за море с просьбой схватить Беса, как только он покажет свою безобразную личину в Вольных Городах.

— А друзей у вас, полагаю, немало?

— Да, в Мире. И в Лиссе тоже, и в Тироше. Все люди влиятельные.

Серсея в этом не сомневалась. Уж очень она хороша, мирийка: длинноногая, полногрудая, гладкая оливковая кожа, чувственные губы, огромные темные глаза, а густые черные волосы всегда выглядят так, будто она только что встала с постели. Она источает аромат греха, как редкостный заморский цветок.

— Мы с лордом Мерривезером всей душой желаем послужить вашему величеству и юному королю, — промурлыкала мирийка, обещая взглядом не менее, чем леди Грейсфорд своим чревом.

У нее честолюбивые замыслы, а ее лорд горделив, но беден.

— Мы еще вернемся к этому разговору, миледи. Таэна, не так ли? Вы очень добры. Я чувствую, мы с вами станем близкими подругами.

Тут на Серсею обрушился лорд Хайгардена.

Мейс Тирелл старше ее всего лет на десять, но она всегда думала о нем как о ровеснике своего отца. Ростом он ниже покойного лорда Тайвина, но во всем прочем крупнее — грудь колесом, живот выпирает еще пуще. Волосы каштановые, но в бороде уже сквозит проседь. К мясистому лицу

то и дело приливает кровь.

— Лорд Тайвин был великим мужем, какие редко являются в этот мир, — провозгласил он, чмокнув ее в обе щеки. — Боюсь, мы больше не увидим его подобия.

Оно перед тобой, дурень. Ты говоришь с его дочерью. Но без поддержки Хайгардена Томмен на троне не усидит, поэтому в ответ Серсея произнесла:

— Нам будет очень недоставать его.

Тирелл положил руку ей на плечо.

— Никто из живых не достоин носить доспехи лорда Тайвина, это так. Но королевство не может жить без правителя. Если я могу чем-то послужить государству в этот горестный час, вашему величеству стоит только сказать.

Если набиваешься в десницы, милорд, имей мужество заявить об этом прямо. Серсея улыбнулась — пусть толкует это как хочет.

— Милорд, конечно же, нужен Простору?

— Мой сын Уиллас — способный парень. — Мейс явно отказывался понимать ее весьма прозрачный намек. — Нога у него покалечена, зато ума не занимать. А Гарлан скоро возьмет Брайтуотер, и если я буду нужен где-то в другом месте, Простор окажется в двух парах надежных

рук. Государство прежде всего, как говаривал наш лорд Тайвин. И я счастлив поведать вашему величеству, что на этот счет у меня есть хорошая новость. Мой дядя Гарт согласен стать мастером над монетой, как было желательно вашему лорду-отцу. Он уже едет в Старомест, чтобы сесть на корабль. С ним его сыновья — лорд Тайвин хотел и им приискать какие-то должности, возможно, в городской страже.

От застывшей на лице улыбки у Серсеи заныли зубы. *Гарта Тучного — в малый совет, двум его бастардам — золотые плащи… уж не думают ли Тиреллы, что я им все королевство поднесу на золотом блюде? Просто дух захватывает от такой наглости.*

— Гарт был сенешалем у моего отца, а затем у меня, — продолжал Мейс, — и отменно послужил нам обоим. У Мизинца был нюх на золото, не отрицаю, но Гарт…

— Милорд, — прервала Серсея, — боюсь, здесь вышло недоразумение. Я просила лорда Джайлса Росби быть нашим новым мастером над монетой, и он оказал мне честь, дав согласие.

— Росби? Этот чахоточный? — уставился на нее Мейс. — Но как же быть с Гартом, ваше величество? Он уже выехал в Старомест.

— Пошлите ворона к лорду Хайтауэру и попросите его задержать вашего дядю. К чему понапрасну подвергать Гарта опасностям плавания по осеннему морю, — с любезной улыбкой предложила Серсея.

Толстая шея Тирелла побагровела.

— Но ваш лорд-отец заверил меня… — начал он, брызгая слюной.

Матушка лорда живо просунула руку ему под локоть.

— Похоже, лорд Тайвин не поделился своими планами с королевой-регентшей. Не знаю уж почему, однако наседать на ее величество не годится. Королева совершенно права: ты должен написать лорду Лейтону, пока еще Гарт не сел на корабль. От морской болезни его стало бы пучить еще сильнее. — Леди Оленна осклабилась в беззубой улыбке. — С лордом Джайлсом в зале совета будет лучше пахнуть, хотя меня кашель способен привести в исступление. Мы все обожаем милого старого дядю Гарта, но ветры он горазд пускать, что верно, то верно. Уж очень я не люблю, когда дурно пахнет. — Старушка сморщила свое морщинистое личико еще больше. — Здесь, в святой септе, тоже попахивает, вы не находите?

— Нет, — холодно процедила Серсея. — Как вы

сказали — попахивает?

— Скажу больше: воняет.

— Вероятно, вам недостает ваших осенних роз. Мы слишком долго удерживали вас здесь. — Надо как можно скорее избавить двор от леди Оленны. Лорд Тирелл, несомненно, отрядит немалое число рыцарей, чтобы сопроводить свою родительницу домой, и чем меньше тирелловских мечей останется в городе, тем крепче будет спать королева.

— Признаюсь, что в самом деле тоскую по ароматам Хайгардена, — отвечала старушка, — но разве я могу уехать, пока мою милую Маргери не поженят с вашим славным маленьким Томменом?

— Я не с меньшим нетерпением жду этого дня, — вставил Тирелл. — Мы с лордом Тайвином собирались уже назначить его. Быть может, мы теперь обсудим это с вашим величеством?

— Позже.

— Что ж, пока довольно и этого, — легонько фыркнула леди Оленна. — Пойдем, Мейс, оставим ее величество наедине с ее… горем.

Я еще и тебя похороню, старушонка, мысленно пообещала Серсея, глядя, как она семенит между двумя здоровенными телохранителями семифутового роста, которых прозвала Правым и Левым.

Поглядим, какой ты станешь, когда упокоишься. Эта женщина вдвое умнее своего лорда-сына, можно не сомневаться.

Вызволив сына от Маргери и ее кузин, Серсея двинулась к выходу. Дождь наконец перестал, в осеннем воздухе пахло свежестью. Томмен снял корону, но мать велела ему:

— Надень обратно.

— У меня от нее шея болит, — пожаловался мальчик, однако надел. — А я скоро женюсь? Маргери говорит, мы уедем в Хайгарден, как только поженимся.

— В Хайгарден ты не поедешь, однако до замка можешь доехать верхом. — Серсея поманила к себе сира Меррина Транта. — Коня его величеству — и пригласите лорда Джайлса сесть в носилки вместе со мной. — События развивались быстрей, чем она предвидела, и времени не приходилось терять.

Томмен был счастлив сесть на коня, а лорд Джайлс, разумеется, согласился — но когда она предложила ему занять пост мастера над монетой, он раскашлялся так, что она испугалась, как бы он не помер прямо в носилках. Но по милости Матери Небесной лорд оправился настолько, что смог выразить свое согласие и стал выкашливать

имена тех, кого бы желал заменить, — назначенных Мизинцем таможенников, факторов и даже одного хранителя ключей.

— Называйте любую корову, лишь бы молока было вдосталь. И если спросят, говорите, что я ввела вас в совет вчера.

— Вчера… — Лорд скрючился в новом припадке кашля. — Да, конечно. — Он откашливался в платок из красного шелка, явно желая скрыть кровь. Серсея сделала вид, будто не замечает этого.

Когда он умрет, она найдет ему замену. Возможно, отзовет обратно Мизинца. Вряд ли Петир Бейлиш после смерти Лизы Аррен останется лордом-протектором Долины надолго. Лорды Долины уже начинают волноваться, если верить словам Пицеля. Как только у лорда Петира отнимут этого несчастного мальчугана, он сразу приползет назад.

— Ваше величество… — Лорд Джайлс утер рот. — Могу я узнать… кто будет… королевским десницей?

— Мой дядя, — рассеянно отвечала Серсея. Впереди, к ее счастью, уже показались ворота Красного Замка. Передав Томмена на попечение его оруженосцев, она удалилась в свои покои.

Не успела она скинуть туфли, робко вошедшая

Джаселина доложила, что Квиберн нижайше просит принять его.

— Пусть войдет, — сказала королева. Правителям отдых неведом.

У Квиберна, уже немолодого годами, в волосах все еще оставалось больше пепла, чем снега, а смешливые морщинки вокруг рта делали его похожим на доброго дедушку. Небогатого дедушку — воротник длинной хламиды обтрепан, один рукав оторван и неумело пришит.

— Прошу прощения за мой вид, ваше величество. Я был в темницах, расследовал побег Беса, как вы изволили приказать.

— И что же ты обнаружил?

— В ту ночь, когда лорд Варис и ваш брат исчезли, пропал еще один человек.

— Да, знаю. Тюремщик. И что же?

— Его звали Рюген, и он ведал каменными мешками. По описанию главного надзирателя, он был грузен, небрит и груб на язык. Он служил в тюрьме со времен старого короля, Эйериса. Приходил и уходил, когда вздумается. Последние годы каменные мешки не часто бывали заняты. Другие ключари, кажется, боялись его, но толком о нем никто ничего не знает. Ни друзей, ни родственников он не имел, не пил, не посещал публичных

домов. Спал в сырой каморке на заплесневелой соломе. Судно выносил очень редко.

— Все это мне известно. — Джейме побывал в жилище Рюгена, а золотые плащи сира Аддама осмотрели его еще раз.

— Точно так — но известно ли вашему величеству, что под этим зловонным судном имелся расшатанный камень, а под ним углубление? Тайник, в каком человек обычно хранит свои ценности?

— Ценности? Золото, ты хочешь сказать? — Она с самого начала подозревала, что Тирион как-то подкупил этого тюремщика.

— Вне всяких сомнений. Сейчас тайник, разумеется, пуст — свои неправедно нажитые сокровища Рюген забрал с собой. Но, осветив дыру факелом, я увидел, что там что-то блестит, покопался в грязи и выскреб вот это. — Квиберн разжал ладонь. — Золотой.

Верно, золотой, но какой-то странный на вид. Слишком маленький, слишком тонкий. Истерся от старости. На одной стороне профиль какого-то короля, на другой изображение раскрытой руки.

— Это не дракон, — сказала Серсея.

— Нет, — подтвердил Квиберн. — Монету отчеканили еще до Завоевания. Король на ней — Гарт

Двенадцатый, а рука — печать дома Гарденеров.

Печать Хайгардена. Серсея зажала монету в кулак. Нет ли тут измены? Мейс Тирелл был одним из судей Тириона и громко требовал казни преступника. Не для отвода ли глаз? Быть может, он все это время состоял в сговоре с Бесом, замышляя убить лорда Тайвина? С уходом Ланнистера десницей почти наверняка должен стать Тирелл, однако…

— Не говори никому об этом, — приказала Серсея.

— Ваше величество может положиться на мою скромность. Любой, кто вступает в шайку наемников, должен научиться держать язык за зубами, если не хочет его потерять.

— То же самое относится и к моим слугам. — Серсея убрала монету, чтобы подумать о ней на досуге. — Что скажешь о другом нашем деле?

— Сир Григор… — Квиберн пожал плечами. — Я осмотрел его по вашему приказанию и головой ручаюсь, что Змей смазал свое копье ядом мантикора.

— Пицель иного мнения. Он сказал моему лорду-отцу, что яд мантикора убивает жертву, как только достигнет сердца.

— Так и есть. Но этот яд как-то сгустили, чтобы

оттянуть смерть Горы.

— Применив какое-то другое снадобье?

— Возможно, и так, ваше величество, хотя зачастую такое вмешательство лишь делает яд менее сильным. Быть может, здесь воспользовались… не столь естественным средством. Чарами, ваше величество.

Неужели и он такой же дурак, как Пицель?

— Ты хочешь сказать, что Гора умирает от *черной магии?*

Квиберн пропустил насмешку мимо ушей.

— Он умирает от яда, но медленно и в невероятных мучениях. Мои попытки облегчить его страдания оказались столь же бесплодными, как усилия Пицеля. Боюсь, что мак на сира Григора уже не действует. Его оруженосец говорит, что рыцаря посещали сильные головные боли и он глушил маковое молоко, как другие — эль. Как бы там ни было, все вены в его теле сделались черными, моча загрязнена гноем, а в боку яд проел дырку величиной с мой кулак. По правде сказать, это чудо, что он еще жив.

— Григор очень велик, — хмуро произнесла королева. — И очень глуп, потому и не понимает, что пришло время умирать. — Она подставила чашу, и Сенелла подлила ей вина. — Его крики

пугают Томмена, а порой будят по ночам и меня. Давно пора позвать к нему Илина Пейна.

— Быть может, перенести сира Григора в темницы, ваше величество? Там он вас не побеспокоит, и я смогу заняться им как подобает.

— Заняться? — рассмеялась она. — Пусть им займется сир Илин.

— Как вашему величеству будет угодно, но хорошо бы изучить этот яд получше. В народе говорят: хочешь убить рыцаря — пошли рыцаря, хочешь убить лучника — пошли лучника. Чтобы сразиться с черной магией… — И Квиберн умолк, улыбаясь Серсее.

Нет, он не Пицель, это ясно.

— За что Цитадель отняла у тебя цепь?

— Все архимейстеры в душе трусы. Серые овцы, как называет их Марвин. Я был не менее искусным целителем, чем Эброз, но мечтал превзойти его. В Цитадели веками вскрывают трупы, чтобы постичь суть жизни. Я желал постичь суть смерти и вскрывал живые тела. За это серые овцы осрамили меня и послали в изгнание… но я постиг природу жизни и смерти лучше всех остальных в Староместе.

— В самом деле? — Это заинтриговало Серсею. — Хорошо. Гора твой. Делай с ним что

хочешь, лишь бы за пределами темниц об этом не знали. Когда он умрет, принесешь мне его голову. Отец обещал отослать ее в Дорн. Принц Доран, несомненно, предпочел бы убить Григора сам, но всех нас в этой жизни ждут разочарования.

— Слушаюсь, ваше величество, только… — Квиберн откашлялся. — Я оснащен не столь хорошо, как Пицель. Мне понадобятся кое-какие…

— Я велю лорду Джайлсу дать тебе золота, сколько потребуется. Заодно купи себе новую одежду, а то ты словно с Блошиного Конца явился. — Она посмотрела ему в глаза, прикидывая, насколько может довериться этому человеку. — Нужно ли говорить, что тебе придется худо, если хоть слово о твоих… трудах просочится за эти стены?

— Нет нужды, ваше величество, — ободряюще улыбнулся он. — Со мной ваши тайны будут в сохранности.

Когда он ушел, Серсея сама налила себе вина и подошла к окну, глядя, как ползут по двору тени. Монета… Золото Простора. Откуда у тюремщика из Королевской Гавани такое золото, если не за помощь в убийстве лорда Тайвина?

Она никак не могла представить себе отцовское лицо без этой глупой посмертной улыбки, и дурной запах, идущий от его тела, не оставлял

ее. Может, и за этим стоит Тирион? Карлик на все способен. Не мог ли он сделать Пицеля своим орудием? В свое время он отправил великого мейстера в темницу — как раз в те камеры, которыми ведал Рюген. Все нити этого дела перепутаны между собой. Верховного септона тоже назначал Тирион, вспомнилось ей, а тело отца всю ночь было на его попечении.

Дядя Киван пришел точно в срок, на закате, в стеганом угольно-черном дублете, мрачном, как и он сам. Сир Киван светлокож и светловолос, как все Ланнистеры, хотя волосы у него к пятидесяти пяти годам почти все выпали. Красавцем он никогда не слыл — мешковатый, узкоплечий, квадратный подбородок, плохо прикрытый желтой бородкой, выдается вперед. Ни дать ни взять старый сторожевой пес, но верный сторож — именно то, что ей сейчас нужно.

Они скромно поужинали кровавым мясом и свеклой, запив еду красным дорнийским вином. Сир Киван говорил мало и почти не притрагивался к винной чаше. Мрачные думы ему во вред, решила Серсея. Надо задать ему работу, чтобы помочь пережить горе.

Так она и сказала ему, когда слуги убрали со стола и вышли.

— Я знаю, как полагался на тебя отец, дядя, и намерена пойти по его стопам.

— Тебе нужен десница, а Джейме отказывается.

Он говорит без обиняков — тем лучше.

— Да, Джейме… Смерть отца так меня потрясла, что я едва помню, какие слова говорила. Джейме отважен, но, откровенно говоря, глуповат. Томмену нужен человек, умудренный опытом, старше годами…

— Мейс Тирелл старше.

— Ни за что. — Серсея, раздув ноздри, откинула прядь со лба. — Уж очень они загребущие, эти Тиреллы.

— Ты поступила бы глупо, сделав Мейса своим десницей, — признал сир Киван, — но еще глупее делать его своим врагом. Я слышал, что произошло в Чертоге Лампад. Мейс оплошал, вздумав обсуждать такие дела прилюдно, но и ты совершила промах, осрамив его перед половиной двора.

— Лучше уж так, чем терпеть в совете еще одного Тирелла. — Дядин упрек привел Серсею в раздражение. — Росби вполне пригоден быть мастером над монетой. Ты видел, какие у него лошади, видел его резные носилки с шелковыми

занавесками. Его лошади одеты роскошнее многих рыцарей. Такой богач должен изыскивать золото без труда. Что до десницы, то кто же лучше завершит дело отца, чем его брат, заседавший с ним вместе в совете?

— Каждому нужен кто-то, кому можно довериться. У Тайвина были я и твоя покойная мать.

— Он очень ее любил. — Серсея запрещала себе думать о мертвой шлюхе в отцовской постели. — Я знаю, теперь они вместе.

— Я молюсь об этом. — Дядя пристально посмотрел на нее и сказал: — Ты многого у меня просишь, Серсея.

— Не больше, чем мой отец.

— Я устал. — Киван взял чашу с вином и отпил глоток. — Жены я не видел уже два года, один мой сын погиб, другой собирается жениться и вступить в права лорда. Надо отстроить замок Дарри, наладить оборону его земель, распахать и засеять заново сожженные поля. Лансель нуждается в моей помощи.

— И Томмен тоже. — Серсея не думала, что придется его уговаривать. С отцом он никогда не ломался. — И королевство.

— Да, королевство. И дом Ланнистеров. — Он сделал еще глоток. — Хорошо. Я останусь и послу-

жу его величеству…

— Вот и отлично, — начала было Серсея, но сир Киван повысил голос.

— В том случае, если ты назначишь меня не только десницей, но и регентом, а сама уедешь в Бобровый Утес.

Долю мгновения она молча смотрела на него, а затем напомнила:

— Королева-регентша — я.

— Ты была ею. Тайвин не намеревался оставлять тебя в этой роли. Он говорил мне, что хочет отправить тебя в Утес и найти тебе нового мужа.

— Он и мне говорил об этом, — в приливе гнева признала Серсея. — Но я ответила, что не желаю снова выходить замуж.

— Если ты настроена против замужества, я не стану тебя принуждать, — невозмутимо произнес дядя. — Что до отъезда, то ты теперь леди Бобрового Утеса. Твое место там, а не здесь.

«Как ты смеешь?» — хотелось завизжать ей, но она сдержалась и ответила:

— Помимо этого я остаюсь регентшей, и место мое — рядом с сыном.

— Твой отец думал иначе.

— Отца больше нет.

— К прискорбию моему и всего королевства.

Открой глаза, Серсея. Страна превратилась в руины. Тайвин мог бы поправить дела, но…

— Их буду поправлять я! — И она добавила более мягко: — С твоей помощью, дядя. Если ты будешь служить мне столь же верно, как и отцу…

— Ты не твой отец. А своим полноправным наследником Тайвин всегда считал Джейме.

— Джейме дал обет! Он не умеет думать, смеется над всем на свете и говорит вслух все, что только придет ему в голову. Безмозглый красавчик, вот он кто.

— Однако десницей первым делом ты хотела выбрать его. Кто же после этого ты, Серсея?

— Говорю же тебе, я голову потеряла от горя, я не думала…

— Верно, не думала. Вот почему тебе следует вернуться в Бобровый Утес и оставить короля на попечение тех, кто думает.

— Король — мой сын! — Серсея вскочила на ноги.

— Да — и, судя по Джоффри, ты столь же негодная мать, как и правительница.

Она выплеснула остаток вина из чаши ему в лицо.

— Ваше величество, — сир Киван с достоин-

ством поднялся из-за стола, — могу ли я удалиться? — Вино стекало у него по щекам в короткую бороду.

— По какому праву ты ставишь условия *мне?* Ты, простой рыцарь моего лорда-отца?

— Да, землями я не владею, но кое-какой доход у меня имеется, и золото в сундуках припрятано. Мой собственный отец никого из детей не забыл перед смертью, да и Тайвин умел награждать за хорошую службу. Я кормлю двести рыцарей и могу удвоить это число, коли будет нужда. Найдутся вольные всадники, которые встанут под мое знамя, и наемникам мне есть из чего платить. Ваше величество поступит разумно, приняв меня всерьез, — и еще разумнее, не враждуя со мной.

— Ты угрожаешь мне?

— Я даю вам совет.

— Мне следует бросить тебя в темницу.

— Нет. Тебе следует уступить мне регентство. Если же ты отказываешься, сделай меня кастеляном Бобрового Утеса, а десницей возьми Матиса Рована или Рендилла Тарли.

Оба — знаменосцы Тирелла, сообразила Серсея, на миг утратив дар речи. Подкуплен он, что ли? Взял золото Тиреллов за предательство дома Ланнистеров?

— Матис Рован человек рассудительный, и народ его любит, — как ни в чем не бывало продолжал дядя. — А Рендилл Тарли лучший солдат в королевстве. Неважный десница для мирного времени, но теперь, когда Тайвина нет, войну лучше него никто не закончит. Лорд Тирелл не обидится, если ты назначишь десницей кого-то из его знаменосцев. Тарли и Рован оба люди способные… и *преданные.* Кого бы ты ни выбрала, он будет твой безраздельно. Ты станешь крепче, Хайгарден слабее, а Мейс тебя еще и поблагодарит. Вот тебе мой совет, — пожал плечами Киван, — а дальше дело твое. По мне, хоть Лунатика в десницы бери. Мой брат умер, женщина, и я хочу проводить его прах домой.

Предатель, думала она. *Перевертыш. Сколько же Мейс Тирелл тебе заплатил*?

— Ты бросаешь своего короля, когда он нуждается в тебе больше всего. Бросаешь Томмена.

— У Томмена есть его мать. — Зеленые глаза Кивана смотрели на нее, не мигая. Последняя капля вина, повиснув на его подбородке, скатилась вниз. Он помолчал и добавил тихо: — И отец тоже, я полагаю.

Джейме

Сир Джейме Ланнистер, весь в белом, стоял у погребального отцовского ложа, сомкнув пальцы на рукояти золотого меча.

Великая Септа Бейелора в сумерках вызывала странное чувство. Последний свет дня проникал в высокие окна, одевая красным заревом величественные изваяния Семерых. Вокруг алтарей мигали ароматические свечи, но тени уже собирались в приделах и слались по мраморному полу. Последние молящиеся покидали храм, и эхо песнопений затихало под сводами.

Рядом с Джейме остались только Бейлон Сванн и Лорас Тирелл.

— Никто не может нести бдение семь дней и семь ночей, — сказал сир Бейлон. — Когда вы спали в последний раз, милорд?

— Когда мой лорд-отец был еще жив.

— Позвольте мне заменить вас нынешней ночью, — попросил сир Лорас.

— Это не ваш отец. — *И убил его не ты. Это я сделал. Стрелу из арбалета в него пустил Тирион, но Тириона из тюрьмы выпустил я.* — Оставьте

меня.

— Как прикажете, — сказал Сванн. Лорас, похоже, собрался спорить, но сир Бейлон взял его под руку и увел. Джейме слышал, как удаляются их шаги. Теперь он снова остался наедине со своим лордом-отцом, среди свечей, кристаллов и тошнотворно-сладкого запаха смерти. Спина ныла под тяжестью доспехов, ног он почти не чувствовал. Он переступил на месте, чтобы немного размять их, и сжал рукоять еще крепче. Мечом он владеть не способен, но по крайней мере может держать его. Отсутствующую руку дергало болью. Не смешно ли? Эту утраченную руку он чувствует больше, чем все остальное, оставшееся при нем.

Моя десница тоскует по мечу. Надо скорее убить кого-то. Вариса для начала, но попробуй найди камень, под которым он прячется.

— Я велел евнуху проводить его на корабль, а не в твою опочивальню, — сказал Джейме покойнику. — Его руки не меньше запятнаны кровью, чем… чем у Тириона. — «Чем у меня», — хотел сказать он, но слова застряли у него в горле. Варис, как бы велика ни была его вина, исполнял его, Джейме, приказание.

Решив наконец, что не даст умереть младшему брату, он ждал евнуха в его комнатах. Чтобы ско-

ротать время, он точил одной рукой свой кинжал, находя странное успокоение в скрежете стали о камень. Заслышав шаги, Джейме стал у двери. Вошел Варис, благоухая пудрой и лавандой. Джейме подставил ему ногу, повалил, надавил коленом на грудь и приставил кинжал к мягкому белому горлу.

«Вот не думал встретить вас здесь, лорд Варис».

«Сир Джейме… Вы меня напугали».

«Я того и хотел. — Он слегка повернул клинок, и по нему заструилась кровь. — Думаю, вы могли бы помочь мне освободить брата, пока сир Илин не отрубил ему голову. Голова, конечно, не из красивых, но другой-то у него нет».

«Хорошо… как хотите… уберите нож… осторожней только, прошу вас… — Евнух потрогал шею и уставился на окровавленные пальцы. — Не выношу вида собственной крови».

«Зрелище станет еще невыносимее, если откажетесь мне помочь».

Варис с усилием сел. «Ваш брат… если Бес исчезнет из темницы ни с того ни с сего, в-возникнут вопросы. Я оп-пасаюсь за свою жизнь…»

«Твоя жизнь в моих руках. Мне наплевать на кучу секретов, которые ты знаешь. Если мой брат

умрет, ты переживешь его ненадолго, ручаюсь тебе».

«Ох. — Евнух слизнул кровь с пальцев. — Вы просите меня сделать ужасное — освободить Беса, который убил нашего любимого короля… или вы верите, что он невиновен?»

«Виновен он или нет, — как дурак, сказал Джейме, — Ланнистеры всегда платят свои долги».

С тех пор он не сомкнул глаз. Он все время видел перед собой лицо брата с обезображенным носом, видел, как тот ухмыляется при пляшущем свете факела. «Бедный ты, глупый калека. Серсея — лживая шлюха, она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почем мне знать. А я именно то чудовище, которым меня все считают. Да, это я убил твоего мерзкого сына».

Он не сказал, однако, что намерен убить отца. Если бы он сказал, я остановил бы его. Я пролил бы родную кровь, а не он.

Где же скрывается Варис? У мастера над шептунами, конечно, достало ума не возвращаться в свои покои, и при обыске Красного Замка его нигде не нашли. Возможно, он сел на корабль вместе с Тирионом, боясь неизбежных вопросов. Если так, то они давно уже вышли в море и распивают в каюте борское золотое.

А может статься, братец убил заодно и Вариса, оставив труп гнить где-нибудь в подземелье. Там внизу можно годами искать, прежде чем обнаружатся его кости. Джейме спустился туда с дюжиной гвардейцев, взяв факелы, фонари и веревки. Много часов они шарили в извилистых коридорах с потайными дверями, скрытыми лестницами колодцами, уходящими в кромешную тьму. Редко Джейме чувствовал свое увечье так сильно. Две свои руки человек принимает как должное — когда надо лазать по лестницам, скажем. Даже ползать однорукому трудно — не зря ведь говорится «на четвереньках». Другие, карабкаясь по перекладинам, держали факел в свободной руке, а вот он не мог.

И все понапрасну. Ничего, кроме тьмы, пыли и крыс. И драконов. Он вспомнил, как тлели угли в пасти железного чудища. Жаровня обогревала помещение на дне шахты, где сходилось с полдюжины туннелей. На полу Джейме увидел трехглавого дракона дома Таргариенов, выложенного черной и красной плиткой. «Я тебя знаю, Цареубийца, — будто бы говорил он. — Давно жду, когда ты придешь ко мне». Джейме узнал этот голос, эти стальные ноты — так говорил Рейегар, Принц Драконьего Камня.

Когда он прощался с Рейегаром во дворе Красного Замка, дул сильный ветер. Принц облачился в полночно-черные доспехи с трехглавым драконом, выложенным рубинами на груди.

«Ваше высочество, — умолял его Джейме, — пусть с королем на этот раз останется Дарри или сир Барристан. Их плащи столь же белы, как и мой».

«Твоего отца мой августейший родитель боится больше, нежели нашего кузена Роберта, — отвечал принц. — И по этой причине держит тебя при себе. Я не посмею лишить его этой подпорки в решающий час».

Джейме охватил гнев.

«Я не подпорка. Я рыцарь Королевской Гвардии».

«В таком случае охраняй короля, — рявкнул сир Джон Дарри. — Надев этот плащ, ты дал обет послушания».

Рейегар положил руку на плечо Джейме.

«После битвы я намерен созвать совет. Произойдут перемены. Я давно уже собирался… впрочем, что толку забегать вперед. Поговорим, когда я вернусь».

Это были последние слова, которые он услышал от Рейегара Таргариена. Одна рать ждала

за воротами, другая уже выступила на Трезубец. Принц сел на коня, надел черный высокий шлем и отправился навстречу своей судьбе.

Вышло так, что он сказал чистую правду. После битвы действительно произошли перемены.

— Эйерис думал, что с ним ничего не случится, если я буду у него под рукой, — сказал Джейме покойнику. — Забавно, правда? — Лорд Тайвин, видимо, разделял его мнение — улыбка у него на лице сделалась еще шире. Похоже, ему нравится быть мертвым.

Джейме, как ни странно, не ощущал горя. Где слезы? Где ярость? В последней он недостатка никогда не испытывал.

— Ты сам говорил мне, отец, что слезы у мужчины — признак слабости. Поэтому не жди, что я стану плакать по тебе.

Утром перед помостом прошла тысяча лордов и леди, днем — несколько тысяч простолюдинов. Они шли в трауре, с печальными лицами, но Джейме подозревал, что втайне многие радуются падению великого мужа. Даже на западе лорд Тайвин пользовался скорее уважением, чем любовью, а в Королевской Гавани ему до сих не забыли разграбление города.

Великий мейстер Пицель, судя по всему, скор-

бел больше всех.

«Я служил при шести королях, — сказал он Джейме после второй службы, озабоченно принюхиваясь к запаху разложения, — но сейчас передо мною лежит самый великий из всех известных мне людей. Лорд Тайвин не носил короны, но был королем по сути своей».

Без бороды Пицель казался не столько старым, сколько ветхим. Тирион, побрив его, поступил крайне жестоко. Кто-кто, а Джейме знал, что значит потерять часть себя — ту часть, которая и делала тебя тобой. Борода Пицеля, белоснежная и мягкая, будто шерсть ягненка, доходила почти до пояса. Великий мейстер любил поглаживать ее, рассуждая о важных материях. Она придавала ему облик мудреца и скрывала разные неприглядные вещи: отвисшую кожу на подбородке, капризный маленький рот, недостающие зубы, бородавки, морщины, старческие пятна. Сейчас Пицель пытался отрастить ее заново, но это плохо удавалось ему. Из морщинистых щек и слабого подбородка торчали редкие волоски, не прячущие пятнистой розовой кожи.

«На своем веку я повидал много страшного, сир Джейме, — сказал старец. — Войны, битвы, ужаснейшие убийства. В Староместе, когда я

был мальчиком, серая чума выкосила половину города и три четверти Цитадели. Лорд Хайтауэр сжег все стоявшие в порту корабли, запер ворота и приказал страже убивать всех, кто попытается убежать, будь то мужчина, женщина или младенец у матери на руках. Но как только чуме пришел конец, убили его самого. В тот день, когда он сызнова открыл порт, его стащили с коня и перерезали ему горло, а с ним погиб и его маленький сын. Городские невежды до сих пор плюются при упоминании его имени, однако Квентон Хайтауэр поступил как должно. Такого же рода человеком был ваш отец. Он всегда поступал как должно».

«Не потому ли он кажется таким довольным собой?»

Дух, идущий от тела, вышибал из глаз Пицеля слезы.

«Когда плоть усыхает, мышцы натягиваются и приподнимают уголки губ. Это не улыбка, а лишь следствие… усыхания. — Пицель смигнул слезы. — Прошу извинить меня, я очень устал». Опираясь на трость, он побрел прочь из септы. Скоро и этот умрет. Неудивительно, что Серсея называет его никчемным. Впрочем, сестрица половину придворных считает либо никчемны-

ми, либо изменниками: Пицеля, Королевскую Гвардию, Тиреллов, самого Джейме… даже сира Илина Пейна, безмолвного рыцаря и королевского палача. За темницы в качестве Королевского Правосудия отвечал именно Пейн. Лишившись в свое время языка, он передоверил их своим подчиненным, но Серсея все равно винила его за побег Тириона. «Он ни при чем, это все я», — едва не сказал ей Джейме. Вместо этого он пообещал вытрясти все, что можно, из главного надзирателя, скрюченного старика по имени Реннифер Лонгуотерс.

«Я гляжу, вы дивитесь, что это за имя такое? — проскрипел старикан. — Стародавнее оно у меня. Не люблю бахвалиться, но во мне течет королевская кровь. Я происхожу от принцессы. Отец рассказал мне эту историю, когда я еще мальцом был. — С тех пор прошло порядочно времени, судя по пятнам на лысине старика и белой щетине на подбородке. — Она была самой прекрасной из всех, заключенных в Девичьем Склепе. Лорд Окенфист, верховный адмирал, любил ее без памяти, хотя и женился на другой. Их незаконнорожденного сына она назвала Уотерс, или „водный“, в честь отца. С возрастом он стал славным рыцарем, а сын его, тоже славный рыцарь,

поставил „Лонг“ перед Уотерс: в знак того, что сам он родился в законном браке. Так что во мне тоже есть частица дракона».

«Угу. Я чуть не спутал тебя с Эйегоном Завоевателем, — ответил на это Джейме. Уотерсами называли всех бастардов на Черноводном заливе, и предком старого тюремщика был скорее всего какой-нибудь незначительный рыцарь. — Меня, однако, занимает дело менее древнее, чем твоя родословная».

«Сбежавший узник», — кивнул Лонгуотерс.

«И пропавший тюремщик».

«Да, Рюген. Занимался третьим ярусом, каменными мешками».

«Расскажи мне о нем». Что за дурацкий фарс. Джейме хорошо знал, кто такой Рюген, хотя Лонгуотерс мог и не знать.

«Грязный, вечно небритый, сквернослов. Я, признаться, его недолюбливал. Когда я пришел, двенадцать лет тому, Рюген здесь уже был. На должность его назначал король Эйерис. В тюрьме он почитай что не появлялся. Я упоминал об этом в моих донесениях, милорд. Слово чести, слово отпрыска королевской крови».

Если не перестанешь долдонить про свою кровь, я пущу ее тебе, подумал Джейме.

«Кто читал твои донесения?»

«Одни шли мастеру над монетой, другие мастеру над шептунами. Но сперва все они подавались смотрителю тюрьмы и Королевскому Правосудию. Так у нас в темницах заведено. Правда, когда в нем нужда появлялась, Рюген всегда был на месте. Каменные мешки редко бывают заняты. Пока к нам не прислали брата вашей милости, там погостил немного великий мейстер, а до него изменник лорд Старк. Были еще трое, простого звания, но их лорд Старк отдал в Ночной Дозор. Я не считал разумным их отпускать, но что делать, раз бумага составлена надлежащим образом. Об этом я тоже упомянул в донесении, могу вас заверить».

«Расскажи теперь о двух надзирателях, которых нашли спящими».

«Какие они надзиратели, — фыркнул старик, — ключари просто. Корона выплачивает жалованье двадцати ключарям, милорд, но при мне здесь никогда не было больше дюжины. Надзирателей полагается иметь шестерых, по два на каждый ярус, а у нас только трое».

«Считая тебя?»

«Я главный надзиратель, милорд, — снова фыркнул Лонгуотерс. — Начальник над ними.

Моя обязанность — вести счета. Если милорд пожелает заглянуть в мои книги, то увидит, что цифры все правильные. — Лонгуотерс сверился с раскрытым перед ним пухлым томом. — Сейчас у нас четверо заключенных наверху да один на втором ярусе, да еще брат вашей милости. Он, правда, сбежал, — нахмурился старый тюремщик. — Надо его вычеркнуть». И стал оттачивать перо, чтобы исполнить свое намерение.

Шестеро узников, кисло подумал Джейме, *а платим мы двадцати ключарям, шести надзирателям, главному надзирателю, смотрителю и Королевскому Правосудию*.

«Мне надо допросить этих двух ключарей».

Реннифер Лонгуотерс заострил перо и посмотрел на Джейме с сомнением.

«Допросить, милорд?»

«Ты не расслышал, что я сказал?»

«Нет, милорд, конечно, расслышал, но… не мне указывать милорду, кого допрашивать, а кого нет… только, не обессудьте за дерзость, вряд ли они станут отвечать вашей милости. Они мертвы, милорд».

«Мертвы? Кто приказал умертвить их?»

«Я думал, что вы, милорд… а может, король. Я не спрашивал. Задавать вопросы королевским

гвардейцам — не мое дело».

Джейме воспринял это как соль на рану. Серсея использовала для грязной работы его людей — их и своих ненаглядных Кеттлблэков.

«Дураки безмозглые, — накинулся он чуть позже на Бороса Блаунта и Осмунда Кеттлблэка в подземелье, пропахшем кровью и смертью. — Что вы такое творите?»

«То, что нам приказывают, милорд, — сказал сир Борос, ниже Джейме, но более крепко сбитый. — Так распорядилась ее величество, ваша сестра».

Сир Осмунд просунул большие пальцы за пояс.

«Пусть уснут вечным сном, сказала она, и мы с братьями позаботились об этом».

Хорошо позаботились. Один тюремщик упал лицом вниз на стол, будто хмельной гость на пиру, но под головой у него растекалась не винная, а кровавая лужа. Второй успел вскочить со скамьи и достать кинжал, но чей-то меч рубанул его по ребрам. Его постигла более долгая смерть. Джейме сказал Варису, что при побеге никто не пострадает… но забыл сказать то же самое брату с сестрой.

«Вы поступили дурно, сир».

«Кому нужна эта шваль, — пожал плечами сир

Осмунд. — Бьюсь об заклад, они были замешаны — как и тот, что пропал».

Нет, мог бы ответить Джейме. Варис подмешал им в вино сонного зелья.

«Если так, мы имели возможность выжать из них правду. *(Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почем мне знать…)* Будь я подозрителен по натуре, я бы задумался, почему вы так спешили убрать концы в воду, пока этих двоих никто не успел допросить. Быть может, вы заткнули им рот, чтобы скрыть собственное участие в побеге?»

«Мы? — поперхнулся Кеттлблэк. — Мы всего лишь исполнили приказ королевы. Клянусь в этом как ваш брат по Гвардии».

Джейме, сжав в кулак утраченные пальцы, сказал:

«Вызовите сюда Осни, Осфрида и уберите грязь, которую развели. Когда моя дражайшая сестра снова прикажет вам кого-то убить, обратитесь ко мне, но без крайней надобности не попадайтесь мне на глаза, сир».

Эти слова звучали у него в голове и теперь, среди теней и шорохов септы. Окна почернели, и он видел в них далекие звезды. Солнце зашло окончательно. Запах смерти крепчал, несмотря

на ароматические свечи. Это напоминало Джейме перевал под Золотым Зубом, где он одержал блистательную победу в первые дни войны. Утром после битвы воронье слетелось клевать и побежденных, и победителей. Рейегар Таргариен на Трезубце тоже послужил пищей для ворон. Много ли стоит корона, если принцем лакомится ворона?

Ему казалось, что они и теперь кружат над семью башнями и куполом Септы Бейелора — бьют черными крыльями, стараются попасть внутрь. *Все стервятники Семи Королевств должны поклониться тебе, отец. Ты накормил их досыта, от Кастамере до Черноводной.* Эта мысль, как видно, пришлась лорду Тайвину по вкусу, ибо он заулыбался еще пуще прежнего. Проклятие. Ухмыляется, как жених перед брачной ночью.

Глядя на это, Джейме рассмеялся помимо воли.

Смех прокатился по всему храму, как будто мертвые, погребенные в стенах, тоже смеялись. Почему бы и нет? *Это смешнее всякого скоморошьего представления — я, соучастник в убийстве отца, несу бдение у его тела, я рассылаю людей на розыски брата, которого сам же освобождал.* Джейме особо наказывал сиру Аддаму Марбранду поискать на Шелковой улице. «Загляните под

все кровати — вы знаете, как мой брат любил посещать притоны разврата». Надо думать, у девок под юбками золотые плащи буду искать старательнее, чем под кроватями. Любопытно знать, сколько бастардов народится после такого обыска.

Его мысли неожиданно обратились к Бриенне Тарт. Упрямая, глупая страхолюдина. Где-то она сейчас? *Дай ей силы, Отец.* К кому обращена эта молитва — к богу, чье золоченое изваяние мерцает в огнях свечей, или к мертвому на помосте? Впрочем, какая разница. Они все равно не послушают, ни тот, ни другой. Богом Джейме с тех пор, как он дорос до настоящего меча, всегда был Воин. Мужчина может быть отцом, сыном, мужем — любой, только не золотоволосый Джейме Ланнистер с золотым мечом. Он был воином и никем другим быть не желал.

Надо было сказать Серсее правду, признаться, что это я выпустил из тюрьмы нашего младшего братца. Тирион полной мерой отплатил мне за правду. «Я убил твоего мерзкого сына, а теперь и отца убью». Джейме слышал, как смеется во мраке Бес. Он повернул голову — но нет, это его собственный смех вернулся к нему. Джейме смежил глаза и тут же снова раскрыл их. Спать

нельзя. Еще, чего доброго, сон привидится. Ох, как издевался над ним Тирион… лживая шлюха… спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком…

В полночь заскрипели Отцовы Двери, и вошли септоны — много, несколько сотен. Одни, Праведные, в серебряных одеждах и кристальных тиарах, другие, смиренные иноки, с кристаллами на шее и в белых рясах, подпоясанных семью шнурами, каждый разного цвета. Через Материнские Двери с тихим пением, по семеро в ряд, входили белые септы. Молчаливые Сестры, служительницы смерти, вереницей спускались по Ступеням Неведомого. На их закрытых платками лицах виднелись только глаза. Явились также нищие братья в бурых, песочных, а то и вовсе не крашеных домотканых хламидах, с вервием вместо пояса. У них на шее висели либо железные молотки Кузнеца, либо чаши для подаяния.

Святые люди, не обращая на Джейме никакого внимания, обходили септу по кругу и молились перед каждым алтарем, воздавая почести всем семи воплощениям божества. Каждому из Семерых приносили дары, каждому пели гимн. Под стройное пение Джейме закрыл глаза, но его шатнуло, и он снова раскрыл их. Он устал больше, чем ему представлялось.

С его последнего бдения прошли годы. Тогда ему было всего-то пятнадцать лет. Он совершал обряд без доспехов, в одном только белом хитоне. Септа, где он провел ночь, втрое уступала величиной любому из семи приделов Великой Септы. Джейме водрузил свой меч на колени Воина, сложил доспехи к его ногам и опустился на неровный каменный пол. К утру он стер колени до крови. «Все рыцари проливают кровь, Джейме, — сказал ему, заметив это, сир Эртур Дейн. — Кровь — знак нашего посвящения». Своим мечом, Рассветом, он ударил юношу по плечу. Бледный клинок был таким острым, что даже плашмя прорвал хитон, и на плече тоже проступила кровь, но Джейме ничего не почувствовал. Он преклонил колени мальчиком, а встал рыцарем. Не Цареубийцей — Молодым Львом.

Но это было давно. Того мальчика больше нет на свете.

Он не заметил, как закончилась служба — возможно, он все-таки уснул стоя. Священнослужители вышли, и септу вновь наполнила тишина. Свечи пылали, как звезды, и пахло смертью. Джейме перехватил рукоять золотого меча. Зря он, пожалуй, не уступил свой пост сиру Лорасу. Серсея сильно разгневалась бы, узнав о такой

замене. Рыцарь Цветов еще наполовину мальчишка, заносчивый и тщеславный, но есть в нем задатки славного воина. Он способен свершить дела, достойные Белой Книги.

Белая Книга, раскрытая на столе, с немым укором ждет, когда завершится бдение. Лучше изрубить ее на куски, чем вписывать в нее лживые строки. Но если он не солжет, что может он написать, кроме правды?

Перед ним появилась женщина.

Снова дождь пошел, подумал он, видя, как промок ее плащ. Вода, стекая с него, собиралась в лужицу под ногами. Как она попала сюда? Шагов он не слышал. Плащ плохо выкрашен и обтрепался внизу — такой могла бы носить прислужница из таверны. Лицо пряталось под капюшоном, но в зеленых озерах глаз отражались свечи, и Джейме узнал ее.

— Серсея, — произнес он медленно, точно пробуждаясь от сна. — Который час?

— Час волка. — Она откинула капюшон, скорчила рожицу. — Волка-утопленника скорее всего. Помнишь, как я пришла к тебе вот так в первый раз? — Она одарила его лучистой улыбкой. — В какую-то захудалую гостиницу в Ласкином переулке. Я оделась служанкой, чтобы обмануть

отцовскую стражу.

— Помню. Это был Угревой переулок. — Джейме знал, что она пришла неспроста. — Зачем ты здесь в такой час? Чего тебе надо? — «Надо-адо-адо-адо», затихая, покатилось по септе. На миг он позволил себе надеяться, что она просто ищет утешения в его объятиях.

— Тише. — Ее голос звучал странно, почти испуганно. — Киван мне отказал, Джейме. Не пожелал быть десницей. Он дал понять, что знает о нас с тобой.

— Отказал? — удивился Джейме. — Но откуда он может знать? Он, конечно, читал письмо Станниса, но это не…

— Об этом знал Тирион, — напомнила Серсея. — Неизвестно, что и кому наболтал злобный карлик. Дядя Киван — еще полбеды, а вот верховный септон… Тирион назначил его, когда толстяка убили. Вдруг и он знает? — Она подступила ближе. — Десницей Томмена должен стать ты. Мейсу Тиреллу я не верю. Что, если он сговорился с Тирионом и приложил руку к смерти отца? Возможно, Бес сейчас едет в Хайгарден…

— Нет. Не едет.

— Будь моим десницей, — взмолилась она, — и мы станем править вместе, как король с коро-

левой.

— Ты была королевой Роберта, а моей быть не захотела.

— Я не осмелилась. Но наш сын…

— Томмен не мой сын, и Джоффри им не был. Их ты тоже сделала детьми Роберта.

— Ты клялся, что будешь любить меня вечно. Что это за любовь, если тебя приходится умолять?

Джейме чувствовал запах ее страха даже сквозь гнилостный дух разложения. Обнять бы ее, расцеловать, зарыться лицом в ее золотые кудри, сказать, что не даст ее никому в обиду… только не здесь, не в присутствии богов и отца.

— Нет, — сказал он. — Я не могу. Я не сделаю этого.

— Ты нужен мне. Я беспомощна без своей второй половины. — Дождь стучал по окнам над ними. — Ты — это я, а я — это ты. Мне необходимо, чтобы ты был со мной. *Во мне.* Прошу тебя, Джейме. Прошу.

Джейме взглянул на лорда Тайвина — не восстал ли тот с помоста в праведном гневе? Но нет, отец лежал все так же, холодный и недвижимый.

— Я создан для ратного поля, не для совета. А

теперь от меня и в поле никакой пользы.

Серсея вытерла слезы бурым потрепанным рукавом.

— Хорошо. Раз ты создан для ратного поля, я его тебе предоставлю. — Она сердито надвинула капюшон. — Дура я была, что пришла сюда. Дура была, что тебя любила. — Ее шаги гулко застучали по мрамору, оставляя цепочку мокрых следов.

Рассвет нагрянул нежданно. Купол как-то вдруг просветлел, и радуги замерцали под ним, одев многоцветным сиянием лорда Тайвина. Покойный десница гнил на глазах. Провалившиеся глаза образовали черные ямы на зеленоватом лице. Щеки потрескались, из сочленений великолепных багровых доспехов сочилась мерзкая белая жижа.

Септоны, пришедшие к утренней службе, заметили это первыми. Морща носы, они пропели положенные молитвы. Одному сделалось дурно, и его пришлось вывести. Явившиеся после них служки начали кадить так усердно, что помост скрылся за пеленой благовонного дыма. Даже радуги погасли в этом тумане, но запах, стоявший у Джейме в горле, никуда не пропал.

Когда двери септы открылись, Тиреллы вошли в числе первых, сообразно своему рангу. Марге-

ри возложила к ногам лорда Тайвина большой букет золотистых роз, но одну оставила и, заняв место на скамье, не отнимала ее от носа. Девица столь же умна, как и хороша собой. Томмену могла достаться королева и похуже нее. Далеко ходить не надо. Фрейлины Маргери последовали ее примеру.

Серсея дождалась, когда все рассядутся, и лишь тогда вошла вместе с Томменом. Рядом вышагивал сир Осмунд Кеттлблэк в белом эмалевом панцире и белом плаще.

…Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, откуда мне знать…

Джейме видел Кеттлблэка голым в бане — черные волосы на груди, поросль между ног еще гуще. Он представил себе, как эта шерсть колет мягкие груди его сестры. Нет, она ни за что не стала бы. Бес солгал. Золотые завитки, мокрые от пота, перепутались с черными. Кеттлблэк стискивает челюсти при каждом рывке. Серсея стонет. Нет! Все это ложь. Ложь.

Бледная, с красными глазами, Серсея взошла по ступеням, преклонила колени, поставила рядом Томмена. Мальчик отпрянул при виде покойника, но мать схватила его за руку и удержала

на месте.

— Молись, — прошипела она. Томмен зашевелил губами, но для ребенка восьми лет лорд Тайвин был слишком ужасен. Король всхлипнул и разрыдался. — Перестань! — приказала Серсея. Томмен отвернулся, скрючился пополам, и его вырвало. Упавшая с головы корона покатилась по полу. Серсея в приступе отвращения отпустила его, и король бросился к двери во всю прыть своих детских ног.

— Сир Осмунд, смените меня, — крикнул Джейме Кеттлблэку, побежавшему догонять корону. Передав рыцарю свой золотой меч, он устремился за королем. Томмена он настиг в Чертоге Лампад, на глазах у двадцати перепуганных септ.

— Извините, — прорыдал мальчик. — Завтра я выдержу лучше. Матушка говорит, что король должен показывать всем пример. Но там пахнет так, что меня стошнило.

Нет, так не пойдет. Слишком много тут любопытных глаз и ушей.

— Давайте-ка выйдем, ваше величество, — сказал Джейме и вывел мальчика на воздух — свежий, насколько это возможно в Королевской Гавани. Сорок золотых плащей, расставленные вокруг площади, охраняли лошадей и носилки.

Джейме отошел с королем в сторону и усадил его на мраморные ступени.

— Я совсем не боялся, — убеждал его Томмен. — Меня просто стошнило. А вас разве не тошнит? Как вы только терпите, сир дядя?

Я нюхал собственную гниющую руку, которую повесил мне на шею Варго Хоут.

— Человек может вытерпеть почти все, если нужда заставит, — сказал Джейме своему сыну. — *Я чуял запах поджаренной плоти, когда король Эйерис испек человека в его собственных доспехах.* — На свете много страшного, Томмен. Можно бороться с ужасом, можно над ним смеяться… можно смотреть, не видя… уйти в себя…

Томмен задумался.

— В себя… Да, я уже делал это, когда Джоффи…

— *Джоффри.* — Перед ними возникла Серсея. Ветер хлопал ее юбками. — Твоего брата звали Джоффри, и он никогда бы не осрамил меня так, как ты.

— Я нечаянно. Я совсем не боялся, матушка, но от вашего лорда-отца так пахнет…

— Думаешь, мне так приятно это нюхать? У меня тоже есть нос. — Серсея взяла сына за ухо и подняла на ноги. — И у лорда Тирелла есть. Но он не блюет в святой септе, а леди Маргери не

хнычет, как дитя малое.

Джейме тоже встал.

— Довольно, Серсея.

Ее ноздри раздулись.

— А вы зачем здесь, сир? Вы, насколько я помню, поклялись не покидать отца, пока не закончится бдение.

— Оно закончилось. Поди посмотри на него.

— Я сказала, что оно будет длиться семь дней и семь ночей. Надеюсь, лорд-командующий помнит, как считать до семи. Загни пальцы на одной руке и прибавь два.

Придворные, спасаясь от зловония, тоже выходили из септы.

— Тише, Серсея, — предостерег Джейме. — Лорд Тирелл идет сюда.

Это подействовало. Когда Мейс Тирелл склонился перед ней, она обнимала сына за плечи.

— Надеюсь, его величество здоров? — спросил лорд.

— Король во власти горя, — сказала Серсея.

— Как и все мы. Если я могу сделать хоть что-то…

Высоко над ними каркнула ворона. Она сидела на статуе короля Бейелора и гадила святому на голову.

— Вы могли бы сделать для Томмена очень многое, милорд, — сказал Джейме. — Не угодно ли вам поужинать с ее величеством после вечерней службы?

Серсея испепелила брата взглядом, но в кои-то веки у нее достало благоразумия промолчать.

— Поужинать? — опешил Тирелл. — Да, разумеется… почту за честь… вместе с моей леди-женой.

Королева с деланной улыбкой произнесла нечто любезное. Но когда Тирелл удалился, а Томмена увел сир Аддам Марбранд, она напустилась на брата.

— Вы пьяны, сир, или бредите? С какой стати я должна ужинать с этим алчным глупцом и его пустоголовой женой? — Ветер шевелил ее золотые волосы. — Я никогда не назначу его десницей, если ты это…

— Тирелл нужен тебе, — перебил ее Джейме, — но не здесь. Попроси его взять Штормовой Предел. Польсти ему, скажи, что тебе необходим сильный полководец взамен отца. Мейс воображает себя славным воином. Либо он возьмет эту крепость, либо провалит дело и выставит себя дураком. Выигрыш в любом случае будет за тобой.

— Штормовой Предел? — Серсея задумалась. —

Да, но он ясно дал понять, что не уедет из Королевской Гавани, пока Томмена с Маргери не поженят.

— Так пожени их, — вздохнул Джейме. — Пройдут годы, прежде чем Томмен сможет осуществить свои супружеские права… а до тех пор брак всегда можно будет расторгнуть. Утешь Тирелла этой свадьбой и отправь его поиграть в войну.

На лице Серсеи проглянула улыбка.

— Осада тоже бывает опасной. Наш лорд Хайгарденский, чего доброго, может и жизни лишиться.

— Такая опасность есть, — признал Джейме. — Особенно если терпение на сей раз изменит ему и он вздумает штурмовать ворота.

— Знаешь, — пристально посмотрев на него, сказала Серсея, — ты сказал это в точности как отец.

Бриенна

Ворота Синего Дола были заперты наглухо. Городские стены белели в предрассветном сумраке. Над ними, как призрачные часовые, плыли прядки тумана. Около дюжины повозок, запряженных лошадьми и волами, стояло у ворот, ожидая восхода солнца. Бриенна заняла очередь за возом, груженным репой. Икры у нее болели от долгой езды, и она с удовольствием спешилась, чтобы размять ноги. Из леса, грохоча, выкатилась еще одна телега. К тому времени, как небо стало светлеть, хвост вытянулся на четверть мили.

Крестьяне поглядывали на нее с любопытством, но разговор завязать не пытались. Ей следовало бы заговорить первой, но она всегда стеснялась заводить речь с незнакомыми, даже в детстве, а долгие годы пренебрежения только усугубили ее застенчивость. Но спрашивать нужно — как же иначе она найдет Сансу? Бриенна прочистила горло и обратилась к селянке, сидевшей на возу с репой:

— Добрая женщина, не встречала ли ты на дороге мою сестру? Девушка, совсем юная, три-

надцати лет, и очень красивая — глаза голубые, волосы золотисто-рыжие. Ее мог сопровождать подвыпивший рыцарь.

Женщина потрясла головой, а ее муж заметил:

— Ну тогда она, поди, уж не девушка. А имя у нее есть, у бедняжки?

Бриенне ничего не шло в голову. Надо было придумать имя заранее, любое, какое ни на есть.

— Нету? Ну, безымянных на дорогах полно.

— А на кладбище еще больше, — вставила женщина.

Когда рассвело, на стене появились стражники. Возчики взобрались на козлы, разобрали вожжи. Бриенна, сев на лошадь, оглянулась. Все больше крестьяне, едущие на рынок с грузом фруктов и овощей. Пара зажиточных горожан на крепких лошадках и тощий парень на пегой кляче. Ни межевых рыцарей, ее попутчиков, ни сира Шадрика Бешеная Мышь не видно.

Повозки стража пропускала почти не глядя, но с Бриенной вышла заминка.

— А ну стой! — приказал капитан, и двое стражей в кольчугах скрестили перед ней копья. — С какой целью едете в город?

— Мне нужен лорд Синего Дола или его мейстер.

Капитан посмотрел на ее щит.

— Черный нетопырь Лотстонов. Этот герб пользуется дурной репутацией.

— Это не мой герб. Я намерена перекрасить щит.

— Вот как? — Он поскреб заросший подбородок. — Моя сестра как раз этим занимается. Вы найдете ее в доме с расписной дверью, наискосок от «Семи мечей». Пропустите, ребята. Это женщина.

Рынок располагался прямо за воротами, и торговцы, проехавшие в город раньше нее, уже выкликали свой товар — ячмень, репу и лук. Другие продавали оружие и доспехи — очень дешево, судя по называемым ценам. Явные мародеры, налетающие на поле недавней битвы заодно с вороньем. Бриенна ехала мимо кольчуг с запекшейся кровью, помятых шлемов, выщербленных мечей. Попадались также сапоги, меховые плащи, запачканные камзолы с подозрительными прорехами. Многие эмблемы были знакомы ей: кольчужный кулак, голова лося, белое солнце, обоюдоострый топор. Все это были гербы северян, но их противники, люди Тарли и жители штормовых земель, тоже погибли на этом поле. Бриенна видела зеленые и красные яблоки, щит

с тройной молнией Лейгудов, попону с муравьями Амброзов. Шагающий охотник самого лорда Тарли то и дело встречался ей. Стервятники не разбирают, кто ты — друг или враг.

Сосновые и липовые щиты можно было купить за гроши, но Бриенна на них не польстилась. Ей хотелось сохранить свой, из крепкого дуба, тот, который ей дал Джейме и которым он сам пользовался в дороге от Харренхолла до Королевской Гавани. У соснового щита есть свои преимущества. Он не такой тяжелый, и вражеский топор или меч легко вязнет в мягком дереве. Но дуб, если воин достаточно силен для него, защищает лучше.

Синий Дол строился вокруг гавани. К северу от города высились меловые утесы, на юге скалистый мыс загораживал стоящие на якоре корабли от штормов Узкого моря. Замок с главной прямоугольной башней и несколькими круглыми стоял над портом, видный с любой точки города. По булыжным улочкам, где толпился народ, было легче идти, чем ехать, поэтому Бриенна пристроила лошадь в одну из платных конюшен и пошла дальше пешком — щит за спиной, свернутые одеяла под мышкой.

Капитанову сестру найти оказалось нетрудно.

«Семь мечей» были самой большой гостиницей в городе. Четырехэтажное здание возвышалось над всеми прочими, и расписные двери дома напротив сразу бросались в глаза. Картина изображала замок, стоящий в осеннем лесу, среди золотой и ржавой листвы. Стволы старых дубов обвивал плющ, и даже желуди мастер выписал с большим тщанием. Присмотревшись, Бриенна разглядела и живность: хитрую рыжую лису, двух ласточек на ветке, вепря в чаще.

— Какие красивые у вас двери, — сказала она темноволосой женщине, открывшей на ее стук. — Чей это замок?

— Да ничей. Сама я видела только один — Данфорт, что около гавани. Этот, нарисованный, я из головы выдумала. Драконов я ведь тоже никогда не видала, и грифонов, и единорогов. — Она говорила весело, но при виде щита Бриенны ее лицо омрачилось. — В детстве матушка мне говорила, что большие нетопыри вылетают из Харренхолла в безлунные ночи и уносят плохих детей к Безумной Данелле, а она из них варит похлебку. Порой я слышу, как они скребутся в ставни. — Женщина цыкнула зубом и деловито спросила: — Что вместо него рисовать будем?

Герб Тартов, поделенный на четверти, розовые

и лазурные, имеет в себе желтое солнце и полумесяц, но Бриенна после того, как ее обвинили в убийстве, не смела носить его.

— Ваши двери напомнили мне один старый щит, виденный у отца в оружейной. — И Бриенна описала его как могла лучше.

— Могу сделать прямо сейчас, — кивнула женщина, — но краска должна просохнуть. Советую вам занять комнату в «Семи мечах», а щит я вам принесу завтра утром.

В намерения Бриенны не входило ночевать в Синем Доле, но, может быть, это и к лучшему. Как знать, в замке ли сейчас лорд и согласится ли он принять ее. Поблагодарив мастерицу, она перешла на ту сторону улицы. Вывеской гостинице служили семь деревянных мечей под железной пикой. Известка, которой они были выбелены, сильно облупилась, но Бриенна знала, что они обозначают семерых сынов Дарклина, носивших плащи Королевской Гвардии, — ни один другой дом Вестероса не мог похвалиться таким количеством белых рыцарей. Они прославили свой род, а теперь висят над дверью гостиницы. Войдя в общую залу, Бриенна попросила комнату и горячую ванну.

Хозяин провел ее на второй этаж. Служанка с

красным родимым пятном на лице притащила лохань и принялась носить ведрами воду.

— А что, Дарклины до сих пор живут в Синем Доле? — спросила, усевшись в лохань, Бриенна.

— Есть у нас Дарки, я сама из них. Тут, коли плюнешь, непременно попадешь в Дарка, Дарквуда или Даргула, но самих лордов Дарклинов давно уже нет. Лорд Денис, глупенький, был последним. Известно ли вам, что до прихода андалов они были королями Синего Дола? По мне не скажешь, но королевская кровь и в моих жилах течет. «Ваше величество, — кричат они мне, бывало, — еще кружку эля. Ваше величество, соблаговолите вынести ночную посуду и приволочь хвороста, а то огонь гаснет». — Женщина со смехом вытрясла из ведра последние капли. — Ну вот. Горячо ли?

— Сойдет. — Вода была еле теплая.

— Я бы еще принесла, да она выльется через край. Очень уж вы большая.

Или кадка у вас маловата. В Харренхолле ванны огромные и вырублены из камня. В купальне от воды пар стоит, и Джейме шел в этом пару нагишом — полумертвец-полубог. Бриенна залилась краской, вспомнив, как он залез в ее ванну. Схватила кусок щелочного мыла и стала тереть под мышками, пытаясь представить себе лицо

Ренли.

Кое-как вымывшись, пока вода окончательно не остыла, она облачилась в ту же одежду и опоясалась мечом, но кольчугу и шлем надевать не стала, чтобы не пугать обитателей Данфорта. У ворот замка стояли часовые в кожаных колетах с эмблемой боевых молотов, скрещенных поверх белого косого креста.

— Я хочу поговорить с вашим лордом, — сказала Бриенна.

— Громко же вам придется кричать, — засмеялся один, а второй пояснил:

— Лорд Риккер уехал в Девичий Пруд с Рендиллом Тарли. А присматривать за леди Риккер и ребятишками оставил кастеляна, сира Руфуса Лека.

К Леку ее и сопроводили. У сира Руфуса, седобородого крепыша, недоставало левой ноги.

— Извините, что не встаю, — сказал он. Бриенна предъявила ему свою грамоту, но он, не умея читать, отослал гостью к пожилому мейстеру с пятнами на лысине и жесткими рыжими усами.

Услышав имя «Холлард», мейстер нахмурился.

— Сколько раз мне еще петь ту же песню?

Мое лицо выдает меня, решила Бриенна.

— Думаете, вы первая, кто ищет Донтоса? Ско-

рее уж двадцать первая. На днях здесь побывали золотые плащи по делу об убийстве короля, с бумагой от лорда Тайвина. А у вас что есть?

Бриенна показала ему свою, с печатью и детской подписью Томмена. Мейстер долго хмыкал, разглядывая печать, и наконец вернул бумагу Бриенне.

— В порядке как будто. — Он сел на высокий табурет и указал Бриенне на другой. — Сира Донтоса я не знаю. Из Синего Дола он уехал еще ребенком. Некогда Холларды были славным родом. Знаете их герб? Поперечные полосы, красные и розовые, с тремя золотыми коронами, на голубом поле. Трое Дарклинов, здешних королей Века Героев, были женаты на девицах из дома Холлардов. Позже это маленькое королевство перестало существовать, но Дарклины остались, и Холларды продолжали служить им… даже в пору мятежа. Знаете его историю?

— Слышала. — Их собственный мейстер рассказывал ей, что король Эйерис лишился разума именно из-за Синедольского мятежа.

— В Синем Доле до сих пор любят лорда Дениса, несмотря на все горе, которое он принес. Всю вину возлагают на леди Сорелу, его жену-мирийку. Прозвали ее Кружевной Змеей. Если бы, мол, лорд

взял жену из Стаунтонов или Стоквортов… ну, вы знаете, как в народе говорят. Кружевная Змея лила в уши своему мужу мирийский яд, говорят они, пока лорд Денис не взбунтовался против своего короля и не взял его в плен. При захвате короля сир Саймон Холлард, бывший у Дениса мастером над оружием, зарубил сира Гвейна Тощего из Королевской Гвардии. Полгода Эйериса держали вот в этих стенах, а королевский десница стоял у города с большим войском. Лорд Тайвин мог в любое время взять город приступом, но лорд Денис пригрозил, что убьет короля при первых признаках штурма.

Что было дальше, Бриенна помнила.

— Но Барристан Смелый вызволил короля.

— Верно. Лорд Денис, лишившись заложника, тут же открыл ворота и сдался, чтобы лорду Тайвину не пришлось брать Синий Дол. Он преклонил колено и молил о милосердии, но король не соизволил простить его. Лорд Денис сложил голову на плахе, а с ним его братья, сестра, дядья, кузены — весь род Дарклинов. Кружевную Змею, бедняжку, сожгли заживо, вырвав ей перед тем язык и женское естество, которым она будто бы поработила своего лорда. Половина Синего Дола до сих пор уверена, что Эйерис поступил с ней

чересчур мягко.

— А Холлярды?

— Их взяли под стражу и вывели всех под корень. В то время я выковывал свою цепь в Цитадели, но позже прочел записи о суде над ними. Сир Джон Холлард, стюард, был женат на сестре лорда Дениса. Его казнили вместе с нею и с маленьким сыном, наполовину Дарклином. Робин Холлард, оруженосец, который скакал вокруг пленного короля и дергал его за бороду, умер на дыбе. Сира Саймона Холларда убил, спасая короля, сир Барристан. Земли у Холлардов отобрали, их замок снесли, их деревни предали огню. Дому Холлардов пришел конец, как и дому Дарклинов.

— Всем, кроме Донтоса.

— Верно. Донтос был сыном сира Стеффона Холларда, брата-близнеца сира Саймона. Тот уже несколько лет как умер от лихорадки и в мятеже не участвовал. Эйерис тем не менее казнил бы и мальчика, но сир Барристан попросил сохранить ему жизнь. Король не мог отказать своему спасителю, и Донтоса взяли в Королевскую Гавань оруженосцем. Насколько я знаю, в Синий Дол он ни разу не возвращался, да и зачем? Здесь у него не осталось ни земель, ни родных, ни замка. Если Донтос и эта юная северянка замешаны в

убийстве нашего славного короля, они, думается мне, постараются уйти как можно дальше от правосудия. Ищите их в Староместе, ищите за Узким морем. Ищите в Дорне и на Стене. Одним словом, не здесь. — Мейстер встал. — Меня зовут мои вороны. Позвольте пожелать вам доброго дня.

Дорога обратно в гостиницу показалась Бриенне длиннее, чем дорога в Данфорт, — возможно, из-за угнетенного настроения. В Синем Доле ей Сансу Старк не найти, это ясно. Если сир Донтос увез ее в Старомест или за Узкое море, как, похоже, предполагает мейстер, то дело Бриенны проиграно. Но этот мейстер не знал Сансу, как не знал он и Холларда. Зачем ей было ехать в Старомест, к чужим людям?

Бывшая служанка Сансы Брелла, отысканная Бриенной в Королевской Гавани, теперь работала прачкой в публичном доме. «До миледи Сансы я служила у лорда Ренли, и оба оказались изменниками, — горько сетовала она. — Теперь меня ни один лорд не возьмет, вот и стираю на шлюх. — На вопросы Бриенны о Сансе она ответила: — Скажу вам то, что сказала и лорду Тайвину. Эта девушка без конца молилась. Днем ходила в септу и ставила свечи, как подобает леди, а чуть ли не каждую ночь бегала в богорощу. Она

вернулась на север, вот что. Там ее боги живут».

Но север велик, и Бриенна не имела понятия, кому из знаменосцев своего отца Санса доверилась бы в первую очередь. Возможно, она предпочла родных? Братья ее и сестра убиты, но дядя и побочный брат служат в Ночном Дозоре. Другой дядя, Эдмар Талли, сидит в плену в Близнецах, а его собственный дядя, сир Бринден, все еще держит Ривердан. Есть еще младшая сестра леди Кейтилин, правительница Долины. Кровные узы — самые крепкие. Санса могла направиться к кому-то из них, но к кому?

До Стены далеко, притом это место мрачное и суровое. Чтобы добраться до Риверрана, Сансе пришлось бы пересечь речные земли, разоренные войной и наводненные солдатами Ланнистеров. Напрашивается Долина, где леди Лиза наверняка дала бы приют своей племяннице…

Бриенна, задумавшись, свернула не туда и оказалась в тупике, на грязном дворе, где рылись в земле три свиньи. Одна завизжала, и вышедшая во двор старуха подозрительно осведомилась:

— Вам чего?

— Я ищу «Семь мечей».

— Это вам в обратную сторону. Как дойдете до септы, поверните налево.

— Спасибо.

Бриенна зашагала обратно и за первым углом налетела на какого-то человека. Встречный, совсем мальчишка, с прямыми тонкими волосами и ячменем на глазу, от столкновения плюхнулся задом в грязь.

— Прошу прощения. — Бриенна подала ему руку, чтобы помочь встать, но парень проворно отполз от нее. Лет ему было от силы десять-двенадцать, однако он носил кольчугу, а за спиной у него висел длинный меч. — Я тебя знаю? — Его лицо казалось ей смутно знакомым, но она никак не могла вспомнить откуда.

— Нет. Не знаете. Мы никогда… — Паренек вскочил на ноги. — П-простите меня, миледи. Я не смотрел, куда иду. То есть смотрел, но вниз. Под ноги. — Он повернулся и стремглав припустил обратно.

Все это показалось Бриенне подозрительным, но не гнаться же за ним по улицам Синего Дола. *У городских ворот утром, вот где я его видела*, вспомнила вдруг она. Верхом на пегой лошади. И еще где-то, только вот где?

Когда она снова отыскала гостиницу, народу в зале было полным-полно. Ближе всего к огню сидели четыре септы в грязных с дороги рясах.

На прочих скамьях местные жители заедали хлебом горячую крабовую похлебку. От ее запаха у Бриенны в животе заурчало, но она не могла найти ни одного свободного места.

— Садитесь сюда, миледи, — предложил кто-то сзади. Человек соскочил со скамьи, и лишь тогда Бриенна увидела, что это карлик не более пяти футов ростом. Нос весь в красных прожилках, зубы красные от кислолиста. Одет в бурый балахон нищего брата, на толстой шее железный молоток кузнеца.

— Сидите, — сказала она. — Я вполне могу постоять.

— Лучше уж я — моя-то голова вряд ли о потолок стукнется. — Он говорил грубым голосом, однако учтиво. Бриенна видела сверху его выбритую макушку. Многие монахи носят такие тонзуры. По словам септы Роэллы, этим они показывают, что им нечего скрывать от Отца. «А через волосы Отец разве не видит?» — спросила как-то Бриенна. Глупый вопрос. Она с детства тугого соображала — септа Роэлла часто ей пеняла на это. Сейчас, чувствуя себя почти столь же глупо, она заняла место карлика на конце скамейки, знаком попросила подать ей похлебку и спросила человечка в рясе:

— Вы служите при какой-нибудь обители в Синем Доле, брат мой?

— Наша обитель стояла ближе к Девичьему Пруду, но волки пожгли нас, — ответил карлик, жуя горбушку. — Мы отстроили ее, как могли, и тут явились наемники. Не знаю, чьи это были люди, но они забрали наших свиней и поубивали всю братию. Я сам спрятался в пустом чурбаке, другие же там не могли поместиться. Чтобы похоронить их всех, понадобилось много времени, но Кузнец дал мне силы. Исполнив это, я раскопал тайник, где наш настоятель хранил немного монет, и ушел.

— Я встречала на дороге братьев, идущих в Королевскую Гавань.

— Их, воробьев, теперь на дорогах сотни. И братия, и септоны, и простой люд. Может, я и сам воробей — вон каким маленьким сделал меня Кузнец, — ухмыльнулся карлик. — А какова ваша печальная повесть, миледи?

— Я ищу свою сестру, дочь знатного дома, тринадцати лет. Прекрасную собой, голубоглазую, с золотистыми волосами. Ее мог сопровождать рыцарь, а может быть, шут. — Бриенна помялась. — Я дам золота тому, кто поможет найти ее.

— Золота? — Карлик выставил в улыбке красные зубы. — С меня довольно и миски вот этой похлебки, но боюсь, что не смогу вам помочь. Дураков я встречал в изобилии, а вот прекрасных дев нет. — Он поразмыслил, склонив голову набок. — Помню, видел шута в Девичьем Пруду — очень грязного и оборванного, но лохмотья на нем были пестрые.

Носил ли Донтос Холлард шутовской наряд? Бриенна ни от кого об этом не слышала… но и против никто ничего не сказал. Когда он, однако, успел так обтрепаться? Они с Сансой испытали какие-то злоключения после бегства из Королевской Гавани? Очень может быть, когда на дорогах так опасно. Может также быть, что это был вовсе не Донтос.

— А нос у того шута был красный?

— Не могу поклясться. Я, признаться, его не разглядывал. Я пришел в Девичий Пруд, только что схоронив своих братьев, и думал найти там корабль, который отвез бы меня в Королевскую Гавань. Дурак мне встретился в гавани, и я заметил, что он старательно избегает солдат лорда Тарли. Потом я увидел его снова, в «Смердящей гуске».

— В «Смердящей гуске»?

— Место не из пристойных, — признал карлик. — В гавани там несут караул люди лорда Тарли, а в «Гуске» всегда полно матросов, которые за хорошую плату охотно проводят желающих на свои корабли. Тот дурак договаривался о провозе трех человек через Узкое море. Я часто видел, как он там толкует с гребцами, а порой слышал, как он поет.

— Трех человек? Не двух?

— Трех, миледи. В этом я могу вам поклясться хотя бы и Семерыми.

Трое, думала Бриенна. *Санса, сир Донтос… а кто же третий? Бес?*

— И что же, сговорился он с кем-нибудь?

— Этого я сказать не могу, но однажды ночью люди лорда Тарли наведались в «Гуску», разыскивая его, а пару дней спустя один человек хвастал, что обдурил дурака, и показывал золото в доказательство. Он был крепко пьян и всех угощал элем.

— Обдурил дурака… Что он хотел сказать этим?

— Опять-таки не знаю, миледи. Помню только, что звали его Дик-Пройдоха. Боюсь, это все, что я вам могу предложить, кроме разве молитвы грешного человека.

Бриенна, верная слову, заказала ему еще миску похлебки, и свежего горячего хлеба, и чашу вина. Пока он ел, стоя рядом с ней, она думала над его рассказом. Мог ли Бес присоединиться к ним? Если за исчезновением Сансы стоял Тирион Ланнистер, а не Донтос Холлард, понятно, что все трое решили уйти через Узкое море.

Человечек между тем расправился со своей порцией, а заодно доел и то, что осталось в миске Бриенны.

— Вам надо побольше есть, — заметил он. — Такая большая женщина должна хорошенько поддерживать свои силы. До Девичьего Пруда ехать недалеко — только опасно, по правде сказать.

Еще как опасно. На этой самой дороге погиб сир Клеос Фрей, а их с Джейме захватили в плен Кровавые Скоморохи. Джейме тогда чуть ее не убил, несмотря на худобу, слабость и скованные запястья. Вот каким он был до того, как Золло отсек ему правую руку. Этот Золло, и Рорж, и Шагвелл раз сто надругались бы над Бриенной, если бы Джейме не сказал им, что за нее дадут столько сапфиров, сколько она весит.

— Вы что-то загрустили, миледи. Думаете о вашей сестре? — Карлик похлопал ее по руке. — Не

страшитесь: Старица осветит вам дорогу к ней, а Дева ее сохранит.

— Вашими бы молитвами.

— Вот увидите, они сбудутся. Однако мне пора, — с поклоном добавил он. — До Королевской Гавани путь неблизкий.

— Есть у вас лошадь? Или мул?

— Я путешествую на своих двоих. Они несут меня, куда мне захочется. — Карлик засмеялся, поклонился еще раз и вразвалку направился к двери.

Бриенна осталась сидеть, задумавшись над чашей разбавленного вина. Вино она пила лишь в тех редких случаях, когда хотела унять тревогу. Куда же теперь податься? В Девичий Пруд, чтобы найти человека по имени Дик-Пройдоха в месте под названием «Смердящая гуска»?

Когда она видела Девичий Пруд в последний раз, город был разорен, лорд заперся в своем замке, жители, не считая убитых, разбежались или сидели в укрытиях. Ей помнились пустые улицы, сожженные дома, выломанные ворота. Одичавшие собаки украдкой следовали за всадниками. В родниковом пруду, давшем городу имя, плавали, точно чудовищные кувшинки, раздутые трупы. Джейме запел «Шесть юных дев

в пруду искристом» и засмеялся, когда Бриенна велела ему замолчать. Теперь в Девичьем Пруду Рендилл Тарли — еще одна причина, по которой ей не следует туда ехать. Лучше сесть на корабль до Чаячьего города или Белой Гавани. Два этих дела, впрочем, можно и совместить. Заехать в «Смердящую гуску», поговорить с Диком-Пройдохой, а затем отплыть дальше на север. Обедавшие начинали понемногу расходиться. Бриенна, разломив хлебную краюху надвое, стала слушать разговоры за соседними столами. Почти все они касались смерти лорда Тайвина Ланнистера.

— Говорят, его родной сын убил, — сказал мужчина, по виду сапожник. — Злобный карлик.

— А король-то совсем еще мал, — добавила старшая из четырех септ. — Кто же будет нами править, пока он не вырастет?

— Брат лорда Тайвина, — предположил стражник. — А может, лорд Тирелл. Или Цареубийца.

— Только не этот клятвопреступник, — плюнул в огонь хозяин гостиницы. Бриенна положила хлеб и смахнула крошки с колен. С нее было довольно.

Ночью, во сне, она снова оказалась в шатре у Ренли. Все свечи погасли, вокруг стоял холод. В зеленой тьме шевелилось что-то, мерзкое и

ужасное, грозившее ее королю. Бриенна рвалась защитить его, но все ее члены застыли и онемели — она даже руки не могла поднять. Когда же теневой меч рассек зеленый стальной ворот и хлынула кровь, она увидела, что павший король — вовсе не Ренли, а Джейме Ланнистер, которого она не сумела спасти.

Капитанова сестра застала ее в общей зале, над чашей молока с медом и тремя размешанными сырыми яйцами.

— Прекрасная работа, — похвалила Бриенна, когда женщина показала ей свежерасписанный щит. Это был даже не герб, а настоящая картина, вернувшая Бриенну в прошлое, в прохладный сумрак отцовской оружейной. Она заново почувствовала, как ее пальцы прикасаются к растрескавшейся краске, к зеленым листьям дерева, к падающей звезде.

Бриенна заплатила живописице в полтора раза больше условленного. Когда она покидала гостиницу, закупив на дорогу муки, сухарей и сыра, щит висел у нее за плечом. Из города она выехала через северные ворота и медленно двинулась через поля и деревни. Здесь происходили самые жестокие бои, когда волки пришли к Синему Долу.

Армией Джоффри, составленной из жителей Запада, штормовых земель и Простора, командовал Рендилл Тарли. Его воинов, павших в бою, похоронили как героев, в склепах под септами Синего Дола. Убитых северян, куда более многочисленных, свалили в общую яму у моря. «ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ ВОЛКИ» — написали победители на грубо вытесанном деревянном столбе, что стоял над могилой. Бриенна, остановившись рядом, безмолвно помолилась за павших, за Кейтилин Старк и ее сына Робба и за всех, кто погиб вместе с ними.

Она хорошо помнила ночь, когда Кейтилин узнала о смерти двух своих младших сыновей, мальчиков, которых она оставила в Винтерфелле ради их безопасности. Бриенна, чувствуя неладное, спросила, нет ли у леди Старк каких-то вестей о них. «У меня нет больше сыновей, кроме Робба», — ответила Кейтилин так, будто в животе у нее повернули нож. Бриенна протянула руку через стол, желая утешить ее, — и остановилась, боясь, что та отшатнется. Леди Кейтилин обратила к ней свои изрезанные кинжалом ладони и завела разговор о своих дочерях. «Санса всегда была маленькой леди, — говорила она, — вежливой и стремящейся всем угодить. Она любила

истории о доблестных рыцарях. Когда она вырастет, то будет гораздо красивей меня, вот увидишь. Я часто сама расчесывала ей волосы, такие густые и мягкие, цвета осенних листьев… при свете факелов они блестят, словно медь».

Она говорила и об Арье, своей младшей дочери, но Арья давно пропала и скорее всего мертва. Санса же… «Я найду ее, миледи, — поклялась Бриенна неуспокоенной тени леди Кейтилин. — Никогда не перестану искать. Не пожалею ни жизни, ни чести, если придется, забуду свои мечты, но найду ее».

За полем недавней битвы дорога потянулась по берегу, между взволнованным серо-зеленым морем и низкими известковыми холмами. Здесь то и дело встречались рыбачьи деревни, чьи жители по этой дороге возили свой улов в город. Одна семья, рыбачка и ее дочери, как раз возвращалась домой, неся на плечах пустые корзины. Бриенну в доспехах они приняли за рыцаря, но, увидев ее лицо, девушки начали перешептываться и бросать на нее любопытные взгляды.

— Не видали ли вы на дороге благородную девицу тринадцати лет? — спросила она. — С голубыми глазами и золотистыми волосами? — После встречи с сиром Шадриком она стала

осторожнее, но нужда заставляла ее расспрашивать всех. — Ее мог сопровождать шут. — Но рыбачки только головами качали да посмеивались, заслоняя ладонями рот.

В первой деревне за ней увязались босоногие мальчишки. Опасаясь новых насмешек, Бриенна надела шлем, и ее снова приняли за мужчину. Один мальчонка предлагал ей моллюсков, другой крабов, третий свою сестру.

Она купила у второго трех крабов. На выезде из деревни ее застал дождь. Поднялся ветер. Шторм идет, решила она, посмотрев на море. От лупивших по шлему капель звенело в ушах, но все лучше, чем оказаться сейчас в лодке среди волн.

Час спустя она приехала к развилке у руин небольшого замка. Правая дорога вилась по берегу к мысу Раздвоенный Коготь, болотистому и заросшему сосняком, левая вела через холмы, леса и поля к Девичьему Пруду. Дождь полил еще пуще. Бриенна спешилась и повела лошадь в руины, надеясь найти там укрытие. За ежевикой, бурьяном и молодыми вязами еще просматривалось, где стояли прежние крепостные стены, но камни, из которых они были сложены, валялись между двух дорог, как детские кубики. Главное строение уцелело только наполовину. На верхуш-

ках трех башен, построенных из серого гранита, как и весь замок, виднелись зубцы из желтого песчаника. Три короны, поняла Бриенна, глядя на них сквозь струи дождя. Три золотые короны. Замок Холлардов. Здесь, по всей вероятности, и родился сир Донтос.

Бриенна, ступая по щебню, шла вместе с лошадью к главному входу. От дверей остались только ржавые петли, но кровля еще держалась, и внутри было сухо. Бриенна привязала кобылу к стенному светильнику, сняла шлем, распустила волосы. Отыскивая какое-нибудь топливо для костра, она услышала перестук копыт другой лошади и безотчетно отступила в тень, чтобы ее не заметили с дороги. На этой самой дороге ее с сиром Джейме взяли в плен. Недоставало еще снова подвергнуться этой участи.

Всадник был невелик ростом. *Бешеная Мышь*, предположила она с первого взгляда. *Умудрился меня как-то выследить.* Рука Бриенны легла на меч. Сир Шадрик, как видно, посчитал ее легкой добычей потому только, что она женщина. Кастелян лорда Грандисона совершил когда-то ту же ошибку. Этого горделивого старика шестидесяти пяти лет с ястребиным носом и пятнистым черепом звали Хамфри Вагстафф. В день их по-

молвки он заявил Бриенне, что после свадьбы она должна будет вести себя как истая женщина. «Я не потерплю, чтобы моя леди-жена разъезжала повсюду в мужской кольчуге. Если же вы меня ослушаетесь, мне придется вас наказать».

Ей было шестнадцать, и она уже неплохо владела мечом, однако страдала крайней застенчивостью. Тем не менее она набралась мужества сказать сиру Хамфри, что подчинится лишь тому мужчине, который победит ее в единоборстве. Старый рыцарь побагровел, но все же облачился в доспехи, дабы указать женщине ее место. Они сражались турнирным оружием, и булава Бриенны не имела шипов. Сломав сиру Хамфри ключицу и два ребра, она поломала заодно и помолвку. Из трех ее женихов он оказался последним. Больше отец не настаивал.

Если это в самом деле сир Шадрик, то ей, очень возможно, предстоит еще один бой. Бриенна не собиралась объединяться с ним и не желала привести его к Сансе без своего ведома. Он держит себя как искусный боец, но при этом мал и тщедушен. Бриенна полагала, что окажется не только выше, но и сильнее его.

Она не слабее многих рыцарей, а их старый мастер над оружием говаривал, что она намного

проворнее, чем можно ожидать от женщины ее роста. Боги наградили ее также выносливостью, которую сир Гудвин почитал великим достоинством. Биться с мечом и щитом — дело утомительное, и победа зачастую достается более терпеливому. Сир Гудвин учил ее драться осмотрительно и беречь силу, предоставляя врагу расходовать свою в яростных атаках. «Мужчины будут тебя недооценивать, — говорил он, — и в гордыне своей захотят победить тебя сразу, чтобы никто не сказал, что баба их загоняла». Отправившись в странствия, Бриенна убедилась в правоте его слов. Даже Джейме Ланнистер в лесу под Девичьим Прудом повел себя таким образом. То же самое, по милости богов, будет и с Бешеной Мышью. Возможно, он опытный воин, однако не Джейме Ланнистер. Бриенна наполовину вынула меч из ножен.

На развилке дорог, однако, появился не гнедой скакун сира Шадрика, а старая пегая лошадь с тощим пареньком на спине. *Тот самый мальчишка*, поразилась Бриенна, разглядев под капюшоном его лицо. *Тот, которого я сбила с ног в Синем Доле.*

На разрушенный замок мальчик даже не смотрел — он, видно, раздумывал, какую дорогу

выбрать. После недолгого колебания он повернул в холмы, скрывшись за пеленой дождя, и тут Бриенна вспомнила, что видела его в Росби. *Следит за мной*, догадалась она, *но в эту игру и по-другому можно сыграть*. Она отвязала кобылу и пустилась за ним вдогонку.

Мальчишка смотрел вниз, изучая наполненные водой колеи. Дождь, а вдобавок и капюшон мешали ему расслышать погоню. Он ни разу не оглянулся, пока Бриенна, подъехав к нему вплотную, не хлопнула плашмя его лошадь по крупу своим мечом.

Лошадь сделала свечку, наездник же взвился в воздух, хлопая плащом, словно крыльями, и шлепнулся в грязь. Привстав с полным ртом земли и сухой травы, он увидел над собою Бриенну. Мальчишка, без сомнения, был тот же самый — она узнала ячмень.

— Ты кто? — осведомилась она.

Мальчишка с глазами как блюдца зашевелил губами.

— П-по… — только и выговорил он. Его трясло так, что кольчуга позвякивала. — П-по…

— Ты хочешь сказать «пожалуйста»? — Бриенна приставила меч к его горлу. — Пожалуйста, скажи мне, кто ты такой и зачем меня преследуешь.

— П-под… — Он выковырнул изо рта комок грязи и сплюнул. — Это меня так зовут. П-подрик П-пейн.

Бриенна опустила меч, почувствовав жалость к этому мальчугану. Ей вспомнился Вечерний Замок и молодой рыцарь с розой в руке. Роза предназначалась Бриенне — так сказала ей септа. Чтобы ее получить, нужно было всего лишь приветствовать его у входа в отцовский замок. Восемнадцатилетний рыцарь с рыжими волосами до плеч и она, двенадцати лет, затянутая в нарядное, расшитое гранатами платье. Они были одного роста, но она не могла ни взглянуть на него, ни произнести простых слов, которым ее научила септа: «Добро пожаловать в замок моего лорда-отца, сир Роннет. Я рада, что вижу вас наконец воочию».

— Почему ты меня преследуешь? — повторила она. — Тебя послали шпионить за мной? Кому ты служишь, Варису? Королеве?

— Нет. Не ему. И не ей.

Бриенна полагала, что ему десять лет, но она плохо умела определять возраст детей. Они всегда казались ей младше, чем были на самом деле, — может быть, потому, что сама она в детстве всегда была очень большой. Настоящая дылда, говорила

септа Роэлла. Здоровенная и мужеподобная.

— Ребенку опасно путешествовать одному, — сказала она.

— Я не ребенок. Оруженосец. Десницы.

— Лорда Тайвина? — Бриенна убрала меч в ножны.

— Нет. Другого десницы. Старого. Его сына. Мы с ним сражались вместе. И все кричали: «Полумуж! Полумуж!»

Бес. Бриенна не знала даже, что у него имелся оруженосец. Ведь Тирион Ланнистер — не рыцарь. У него мог быть слуга — паж или чашник, кто помогал бы ему одеваться. Но оруженосец?

— Зачем ты следил за мной? Что тебе нужно?

— Найти его леди. — Паренек поднялся с земли. — Которую ищете вы. Мне Брелла сказала. Она его жена. Не Брелла, леди Санса. — Лицо мальчика, мокрое от дождя, внезапно скривилось в приступе горя. — Я его оруженосец, а он меня бросил.

Санса

Однажды, когда она была маленькой, в Винтерфелл пришел странствующий певец и прожил с ними полгода. Он был стар, с обветренным лицом и белыми волосами, но пел о доблестных рыцарях и прекрасных дамах. Когда он уходил, Санса горько плакала и просила отца не отпускать его. «Он уже трижды пропел все песни, которые знает, — мягко сказал дочери лорд Эддард. — Я не могу держать его здесь против воли. — Не надо плакать, к нам придут другие певцы».

Но минуло больше года, а они все не приходили. Санса молилась Семерым в септе и старым богам под сердце-деревом, прося их вернуть старика, а еще лучше прислать другого певца, молодого и красивого. Но боги не отвечали ей, и в чертогах Винтерфелла по-прежнему было тихо.

Тогда она была маленькой и глупой, теперь она взрослая девушка — и молит о тишине среди песен, звучащих каждую ночь.

Будь Орлиное Гнездо таким же, как другие замки, только крысы да тюремщики слышали бы пение мертвеца. Стены темниц надежно

глушат и песни, и крики. Но небесные камеры открываются прямо в воздух, и каждый аккорд мертвеца отражается эхом от каменных плеч Копья Гиганта. А как он поет! О Пляске Драконов, о прекрасной Джонквиль и ее дураке, о Дженни из Старых Камней и Принце Стрекоз. Поет об изменах, о жестоких убийствах, о повешенных и кровной мести. Горе и печаль, вот о чем все его песни.

Нет в замке такого места, где Санса могла бы спастись от его музыки. Звуки поднимаются за ней по ступенькам винтовой лестницы, вторят плеску воды в ее ванне, ужинают с ней вечером и пробираются в спальню, когда она наглухо запирает ставни. Они пронизывают ее холодом, как здешний разреженный воздух. Снегопада в Гнезде не было со дня падения леди Лизы, но по ночам стоят жестокие холода.

Голос певца, красивый и сильный, стал даже как будто лучше, чем прежде, — боль, страх и тоска обогатили его. Санса не понимала, за что боги наделили таким голосом этого подлого человека. Он взял бы ее силой в Перстах, если бы Петир не приставил сира Лотора охранять ее. Он играл, заглушая крики Сансы, когда тетя Лиза хотела убить ее.

Санса постоянно напоминала себе об этом, но слушать его песни по-прежнему было невыносимо.

— Пожалуйста, — взмолилась она, придя к лорду Петиру, — заставьте его замолчать!

— Я дал ему слово, милая. — Петир Бейлиш, лорд Харренхолла, верховный лорд Трезубца, лорд-протектор Гнезда и Долины Аррен, поднял глаза от письма. После падения леди Лизы он написал не меньше ста писем. Санса видела, как улетают и прилетают вороны. — Уж лучше терпеть его песни, чем слушать его рыдания.

Да, пусть уж лучше поет, но…

— Но не всю же ночь напролет, милорд. Лорд Роберт плачет, потому что не может уснуть…

— Он горюет по матери — но что ж делать, раз она умерла. — Лорд Петир пожал плечами. — Осталось недолго. Завтра сюда поднимется лорд Нестор.

Санса уже встречалась однажды с лордом Нестором Ройсом после того, как Петир женился на ее тетке. Ройс — хранитель Ворот Луны, самого большого замка у подножия горы, охраняющего подходы к Гнезду. Свадебный кортеж остановился у него на всю ночь, прежде чем подняться к себе. Лорд Нестор едва взглянул на нее, но его

предстоящий приезд вселял в Сансу ужас. Он к тому же Высокий Стюард Долины, доверенный вассал Джона Аррена и леди Лизы…

— Вы ведь… не допустите лорда Нестора к Мариллону, правда?

Петир отложил перо — видимо, лицо Сансы красноречиво выражало ужас, который она испытывала.

— Напротив. Буду настаивать, чтобы лорд его посетил. — Он жестом пригласил Сансу сесть рядом с собой. — Мы с Мариллоном пришли к согласию. Морд умеет убеждать весьма хорошо. Если же наш певец вопреки ожиданиям пропоет песенку, которая нам не придется по вкусу, мы с вами попросту скажем, что он лжет. Кому, по-вашему, лорд Нестор скорее поверит?

— Нам? — Сансе очень хотелось в это поверить.

— Ну конечно. Наша ложь ему только на пользу.

Огонь весело трещал в натопленной горнице, но Санса дрожала.

— Да… но что, если…

— Если лорд Нестор поставит честь выше выгоды? — Петир обнял Сансу за плечи. — Если он предпочтет истину и захочет воздать по закону

за смерть своей госпожи? Я хорошо знаю лорда Нестора, милая. Не думаешь же ты, что я позволю ему причинить вред моей дочери?

Я не ваша дочь, думала Санса. *Я Санса Старк из Винтерфелла, дочь лорда Эддарда и леди Кейтилин.* Но вслух она этого не сказала. Если бы не Петир Бейлиш, это она, а не Лиза Аррен, улетела бы в холодное синее небо и разбилась о камни шестьюстами футами ниже. Он такой смелый — ей бы его отвагу. Сансе хотелось одного — лечь в постель, забиться под одеяло, спать и не просыпаться. После смерти Лизы она не проспала толком ни одной ночи.

— А не могли бы вы сказать лорду Нестору, что я нездорова или…

— Он захочет выслушать твои показания относительно гибели Лизы.

— Милорд, если Мариллон скажет, что было на самом деле…

— То есть солжет?

— Солжет? Ну да, если он солжет… это будет мое слово против его, а лорд Нестор посмотрит мне в глаза и увидит, как я напугана…

— Страх в твоем случае вполне уместен, Алейна, ведь ты видела нечто ужасное. Нестор будет тронут. — Петир сам посмотрел ей в глаза, будто

видел их в первый раз. — У тебя глаза твоей матери, честные и невинные. Голубые, как море в солнечный день. Многие мужчины будут тонуть в них, когда ты подрастешь немного.

Санса не нашлась с ответом, и Петир добавил:

— Все, что от тебя требуется, — это сказать лорду Нестору то же самое, что ты сказала лорду Роберту.

Но Роберт — маленький мальчик, а лорд Нестор — зрелый муж, суровый и подозрительный… Роберта, слабого здоровьем, приходится оберегать от всего, даже от правды. «Порой мы вынуждены лгать из любви», — убеждал ее Петир.

— Лорду Роберту мы солгали, щадя его, — напомнила ему Санса.

— А на сей раз солжем, щадя *себя.* Иначе нам с тобой придется покинуть Гнездо через ту же дверь, что и Лиза. — Петир снова взялся за перо. — Мы попотчуем его ложью и борским золотым, а он проглотит все это и попросит еще, ручаюсь тебе.

Он и меня потчует ложью, подумала Санса, *хотя и с самыми лучшими намерениями, желая утешить.* Утешительная ложь не так уж страшна — если бы только в нее можно было поверить…

То, что наговорила ей тетка перед тем, как упасть, до сих пор не давало Сансе покоя. «Бред, — уверял ее Петир. — Моя жена была сумасшедшая, ты сама убедилась в этом». *Да, верно. Я ничего не сделала, только построила замок из снега, а она хотела выбросить меня в Лунную Дверь. Меня спас Петир. Он любил мою мать и…*

И ее тоже любит? Как может она сомневаться в этом? Он ведь спас ее.

Он спасал Алейну, свою дочь, нашептывал Сансе внутренний голос. Да, но ведь Алейна в то же время и Санса… а порой ей кажется, что и в самом лорде-протекторе живут два человека. Он Петир, ее защитник, умеющий развеселить и успокоить… и в то же время Мизинец, лорд, знакомый ей по Королевской Гавани — лорд, с хитрой улыбкой поглаживающий бороду и нашептывающий что-то королеве Серсее. Тот, Мизинец, не был ей другом. Когда Джофф велел побить Сансу, за нее вступился Бес, не Мизинец. Когда чернь хотела надругаться над ней, ее увез Пес, не Мизинец. Когда Ланнистеры против воли выдали ее за Тириона, ее утешал сир Гарлан Галантный, а не Мизинец. Мизинец ни разу даже пальцем не шевельнул ради нее, даже мизинцем.

А потом устроил ее побег. Она думала, что это

придумал Донтос, старый пьяница, ее бедный Флориан, но замысел с самого начала принадлежал Петиру. Мизинец — всего лишь маска, которую он вынужден был носить. Санса, правда, порой затруднялась определить, где маска, а где истинное лицо. Они так похожи, Мизинец и лорд Петир. Она бы охотно сбежала от них обоих, но куда ей бежать? Винтерфелл сожжен, Бран и Рикон мертвы, Робб предательски убит в Близнецах вместе с их леди-матерью. Тирион осужден на смерть за убийство Джоффри — если Сансе вздумается вернуться в Королевскую Гавань, королева казнит и ее. Тетя, на чью помощь и защиту она надеялась, чуть не стала ее убийцей. Дядя Эдмар в плену у Фреев, двоюродный дед, Черная Рыба, осажден врагами в Ривердане. Нет у нее места на всей земле, кроме Долины, и ни единого друга нет, кроме Петира.

В эту ночь мертвец спел «День, когда вешали Черного Робина», «Материнские слезы» и «Рейны из Кастамере». Потом замолчал, но, как только Санса начала засыпать, музыка полилась снова. Он спел «Шесть скорбей», «Опавшие листья» и «Алисанну» — грустные песни, одна грустнее другой. Санса представляла себе Мариллона в небесной келье, как он жмется в углу под шубой,

подальше от черного неба, прижимая к груди свою лютню. Не нужно его жалеть, говорила она себе. Он тщеславен, жесток, и его ждет скорая смерть. Избавить его от этой участи она все равно не может, да и зачем? Он хотел взять ее силой. Петир спас ее не однажды, а дважды. Ложь порой бывает необходима. Только ложь и позволила ей остаться живой в Королевской Гавани. Если бы она не лгала Джоффри, его королевские гвардейцы избили бы ее в кровь.

После «Алисанны» певец снова умолк, и это позволило Сансе урвать час спокойного сна. Но как только рассвет проник сквозь ставни, ее разбудил тихий перебор струн. «Туманным утром» — песня для женского голоса, жалоба матери, отыскивающей единственного сына среди павших наутро после жестокой битвы. Понятно, однако, почему Мариллон ее выбрал. Мать оплакивает своего сына, а он — свои пальцы, свои глаза. Слова пронзали Сансу, как стрелы.

Скажите, где мальчик мой, добрый сир?

Где сын мой русоголовый?

Он обещал, что вернется ко мне,

В наш дом под соломенной кровлей…

Санса накрыла голову подушкой, чтобы не слышать больше, — но она уже проснулась, и настал день, когда лорд Нестор Ройс должен был подняться на гору.

Высокий Стюард со своими присными добрался до Гнезда во второй половине дня. Долина, золотая и алая, лежала внизу, ветер крепчал. С лордом приехал его сын сир Албар, не считая дюжины рыцарей и двадцати латников. Санса всматривалась в лицо незнакомых ей людей, гадая, друзья они или враги.

Петир встречал гостей в черном бархатном дублете с серыми рукавами и в серых бриджах. Черное делало его зеленовато-серые глаза чуть более темными. Рядом стоял мейстер Колемон с цепью, висящей свободно на длинной костлявой шее. Несмотря на то что мейстер был много выше, все взоры притягивал к себе лорд-протектор. От улыбок ради такого дня он решительно отказался. Выслушав имена рыцарей, которых представлял ему Ройс, он сказал:

— Добро пожаловать в замок, милорды. Мейстера Колемона вы знаете, а лорд Нестор, думаю, помнит и Алейну, мою побочную дочь.

— Разумеется. — Лорд Нестор, с наметившейся плешью, бычьей шеей, выпуклой грудью и седи-

ной в бороде, на полдюйма склонил голову в знак приветствия.

Санса молча, боясь сказать что-нибудь не то, сделала реверанс. Петир помог ей встать.

— Будь умницей, милая, приведи лорда Роберта в Высокий Чертог для приема гостей.

— Да, отец, — ответила она тонким и напряженным голосом. Голос лгуньи, говорила себе она, торопливо поднимаясь по лестнице и проходя по галерее в Лунную башню. Голос преступницы.

Гретчель и Мадди помогали Роберту Аррену натянуть бриджи. Лорд Орлиного Гнезда плакал снова. Глаза покраснели, ресницы слиплись, под распухшим носом блестели сопли, а нижнюю губу он прикусил до крови. Нельзя, чтобы лорд Нестор видел его таким, в отчаянии подумала Санса.

— Принеси мне тазик для умывания, Гретчель. — Она взяла мальчика за руку и села с ним на кровать. — Хорошо ли мой зяблик спал нынче ночью?

— Плохо. — Роберт шмыгнул носом. — Совсем не спал, Алейна. Он опять пел, а мою дверь заперли! Я кричал, чтобы открыли, но никто ко мне не пришел. Они меня заперли!

— Как нехорошо. — Она обмакнула мягкую

тряпицу в теплую воду и стала вытирать ему лицо — с большой осторожностью. Если тереть сильно, у мальчика начнется трясучка. Он слаб и очень мал для своего возраста. Ему уже восемь, но Санса видела пятилетних, которые были больше его.

— Я хотел пойти спать к тебе, — с дрожащими губами проговорил Роберт.

Знаю, что хотел. Зяблик привык забираться в постель к своей матери, пока она не вышла за лорда Петира. Когда она умерла, он стал бродить по Гнезду в поисках другого убежища. Постель Сансы он предпочитал всем остальным, потому она и попросила сира Лотора Брюна запереть его дверь прошлой ночью. Если бы он просто спал у нее, это еще ничего, но он все время старается зарыться носом ей в грудь, а во время припадков мочится прямо в кровать.

— Лорд Нестор Ройс приехал повидаться с тобой. — Санса вытерла мальчику нос.

— Не хочу. Хочу сказку. Про крылатого рыцаря.

— После. Сначала ты должен увидеться с лордом Нестором.

— У него бородавка. — Роберт съежился — он боялся родимых пятен и бородавок. — Мама говорила, он страшный.

— Бедный мой зяблик. — Санса пригладила ему волосы. — Ты скучаешь по ней, я знаю. И лорд Петир тоже скучает, он ведь любил ее, как и ты. — Снова ложь, и опять утешительная. Единственной женщиной, которую Петир любил, была покойная мать Сансы. Он сам так сказал леди Лизе, прежде чем вытолкнул ее в Лунную Дверь. *Она лишилась разума и стала опасна. Она убила своего лорда-мужа и меня убила бы, если б не подоспел Петир.*

Но Роберту этого знать не надо. Он всего лишь болезненный мальчик, который любил свою мать.

— Ну вот, теперь ты у нас настоящий лорд. Принеси его плащ, Мадди.

Санса закутала Роберта поверх кремового камзола в небесно-голубой плащ из шерсти ягненка, теплый и мягкий, застегнула его на плече серебряной пряжкой-полумесяцем. Мальчик вопреки обыкновению пошел с ней без капризов.

Высокий Чертог был закрыт со дня смерти Лизы, и Санса содрогнулась, войдя в него снова. Многие, возможно, нашли бы этот длинный бледный зал красивым — многие, но не она. Здесь даже в лучшие времена слишком бело и холодно. Тонкие колонны похожи на костистые

пальцы, белый мрамор с голубыми прожилками заставляет вспомнить старушечьи ноги. При том, что на стенах имелось пятьдесят серебряных светильников, сейчас в чертоге горело меньше дюжины факелов. Тени плясали по мраморным плитам и скапливались в каждом углу. Шаги вошедших звучали гулко, и Санса слышала, как сотрясает ветер Лунную Дверь. *Не надо смотреть туда, говорила она себе, иначе меня затрясет, как Роберта.*

С помощью Мадди она усадила Роберта на его трон из чардрева, снабженный грудой подушек, и послала доложить, что его милость готов к приему гостей. Двое часовых в голубых плащах растворили двери на нижнем конце, и Петир во главе процессии двинулся по голубой ковровой дорожке между рядами бледных колонн.

Мальчик приветствовал лорда Нестора пискляво, но вполне вежливо, не сказав ни слова о его бородавке. Когда Высокий Стюард задал ему вопрос о его леди-матери, руки Роберта слегка задрожали.

— Мариллон погубил матушку. Выбросил ее в Лунную Дверь.

— Ваша милость видели это своими глазами? — спросил сир Марвин Бельмор, долговязый

и рыжий. Он служил у Лизы капитаном гвардии, пока Петир не взял на его место сира Лотора Брюна.

— Алейна видела. И мой лорд-отчим.

Лорд Нестор, сир Албар, сир Марвин, мейстер Колемон — все смотрели на Сансу. *Она была моей тетей, но хотела убить меня. Она подтащила меня к Лунной Двери и пыталась вытолкнуть из нее. Я не просила меня целовать. Я строила снежный замок.* Санса обхватила себя руками, чтобы унять дрожь.

— Извините ее, милорды, — тихо промолвил Петир. — Ей до сих пор еще снятся кошмары. Неудивительно, что ей тяжело говорить об этом. — Он встал позади Сансы, положил ей руки на плечи. — Я знаю, как это трудно, Алейна, но наши друзья должны знать правду.

— Да. — В горле так пересохло, что речь давалась ей почти с болью. — Я видела… я была с леди Лизой, когда… — По щеке у нее скатилась слеза. Это ничего. Слезы здесь даже к месту. — Когда Мариллон… толкнул ее. — И она поведала всю историю заново, почти не слыша собственных слов.

На середине ее рассказа Роберт залился слезами, и подушки под ним разъехались.

— Он убил мою матушку. Пусть теперь сам полетит! — Руки у него тряслись все сильнее, голова дергалась, зубы стучали. — Пусть полетит! Полетит! Полетит! — Лотор Брюн подошел как раз вовремя и подхватил мальчика, соскользнувшего с трона. Мейстер Колемон, которого рыцарь опередил только на шаг, ничего поделать не мог.

Санса наблюдала припадок, беспомощная, как и все остальные. Роберт задел ногой сира Лотора по лицу. Брюн выругался, но не отпустил бьющегося в судорогах ребенка, даже когда тот обмочился. Приезжие молчали. Лорду Нестору, во всяком случае, уже доводилось видеть такие припадки — может быть, и другим тоже. Когда корчи наконец прекратились, маленький лорд так ослаб, что не мог стоять на ногах.

— Лучше всего отнести его милость обратно в постель и пустить ему кровь, — сказал Петир. Брюн с мальчиком на руках вышел из зала, Колемон с угрюмым лицом поспешил за ним.

Их шаги затихли, и в Высоком Чертоге настала полная тишина. Санса слышала, как окрепший к ночи ветер воет и скребется в Лунную Дверь. Она замерзла и очень устала. Неужели придется повторять все еще раз?

Но ее история, видимо, оказалась достаточно

убедительной.

— Я сразу невзлюбил этого певуна, — проворчал лорд Нестор. — И много раз говорил леди Лизе, чтобы она его прогнала.

— Вы всегда давали ей мудрые советы, милорд, — сказал Петир.

— Она им не следовала, — посетовал Ройс. — Слушала их неохотно и делала все по-своему.

— Миледи была слишком доверчива для этого мира, — с трепетной нежностью произнес Петир. Санса, не знай она всей подноготной, ни на миг не усомнилась бы в его любви к покойной жене. — Лиза видела в людях только хорошее. Мариллон хорошо пел, и она думала, что у него доброе сердце.

— Он обозвал нас свиньями, — заявил широкоплечий сир Албар Ройс. Бороду он брил, но отпускал бакенбарды, обрамлявшие его простое лицо, как две густые черные изгороди. Вылитый отец, только моложе. — Сочинил песню про двух свиней, которые роются у подножия горы и пожирают объедки сокола. Я сказал ему, что знаю, в кого он метил, а он засмеялся и говорит: «Да полно вам, сир, это же про хрюшек».

— Он и надо мной насмеялся, — подхватил сир Марвин Бельмор. — Дал мне прозвище «сир Дин-

Дон». А когда я поклялся, что вырежу ему язык, он мигом спрятался за юбками леди Лизы.

— Он часто там укрывался, — сказал лорд Нестор. — По натуре он трус, но леди Лиза осыпала его милостями, и он обнаглел. Она одевала его как лорда, дарила ему золотые кольца, дала пояс из лунных камней.

— Даже любимый сокол лорда Джона перешел к нему, — заметил рыцарь с шестью белыми свечами Вакслиу на дублете. — Лорд Джон любил эту птицу — ее подарил ему король Роберт.

— Все это никуда не годилось, — со вздохом признал Петир Бейлиш, — и я положил этому конец. Леди Лиза согласилась отослать его прочь, потому и позвала его в этот чертог. Мне следовало присутствовать, но я и помыслить не мог… Если бы я настоял… она погибла из-за меня.

Так нельзя говорить, в панике подумала Санса. *Нельзя. Нельзя*.

Но Албар Ройс, качая головой, возразил:

— Нет, милорд, не вините себя.

— Во всем виноват певец, — подтвердил лорд Нестор. — Приведите его сюда, лорд Петир, и покончим с этим прискорбным делом.

— Воля ваша, милорд. — Петир, овладев собой, отдал приказ стражникам, и певца привели. С

ним явился тюремщик Морд, страшный человек с маленькими черными глазками на обезображенном лице. Одно ухо и часть скулы он потерял в каком-то сражении, но двадцать стоунов его бледной плоти сохранились в целости. От одежды, слишком тесной ему, исходил скверный запах.

Мариллон рядом с ним казался почти изящным. Ему дали помыться и облачили его в голубые бриджи и просторный белый камзол с пышными рукавами, подпоясанный серебряным кушаком, подарком леди Лизы. На руки натянули белые шелковые перчатки, глаза, чтобы пощадить взоры благородных лордов и рыцарей, завязали белой шелковой лентой.

Морд, имевший при себе плеть, ткнул ею узника в ребра, и тот припал на одно колено.

— Молю вас о прощении, добрые лорды.

— Сознаешься ли ты в своем преступлении? — нахмурясь, спросил лорд Нестор.

— Будь у меня глаза, я заплакал бы. — Голос певца, такой сильный и уверенный ночью, сейчас звучал еле слышно. — Я любил ее так, что не мог видеть ее в объятиях другого, знать, что другой мужчина делит с ней ложе. Я не хотел делать зла моей возлюбленной леди, клянусь. Дверь я запер, чтобы никто не помешал мне высказать

свои чувства, но леди Лиза была так холодна… и когда она сказала, что носит дитя лорда Петира, я обезумел…

Пока он говорил, Санса смотрела на его руки. Толстуха Мадди уверяла, что Морд отрезал ему три пальца, оба мизинца и один безымянный. Мизинцами он и правда как будто не шевелил, но в перчатках разве что-нибудь разглядишь. Выдумка, должно быть. Откуда Мадди об этом знать?

— Лорд Петир по доброте своей оставил мне лютню, — продолжал слепой. — И язык тоже… поэтому я могу петь. Леди Лиза любила слушать, как я пою.

— Уведите это ничтожество, пока я сам его не убил, — громыхнул лорд Нестор. — Мне тошно смотреть на него.

— Морд, отведи его обратно в небесную камеру, — приказал Петир.

— Да, милорд. — Морд грубо схватил Марилона за ворот. — Поговорил и будет. — Санса с изумлением заметила, что зубы у тюремщика золотые. Все смотрели, как он тащит и толкает певца к выходу из чертога.

— Этот человек должен умереть, — заявил сир Марвин Бельмор, когда они вышли. — Нужно

отправить его вслед за леди Лизой через Лунную Дверь.

— Лишив прежде того языка, — добавил сир Албар Ройс. — Лживого и язвительного.

— Я знаю, что был слишком мягок с ним, — как будто оправдываясь, сказал Петир Бейлиш. — По правде говоря, мне его жаль. На убийство его толкнула любовь.

— Любовь или ненависть, он должен умереть, — настаивал Бельмор.

— Ждать недолго, — ворчливо заметил лорд Нестор. — В небесных камерах долго никто не засиживается. Небо зовет их к себе.

— Да, но кто знает, откликнется ли Мариллон на зов. — По знаку Петира часовые растворили двери на дальнем конце. — Я знаю, сиры, вы устали после своего восхождения. Для всех вас приготовлены комнаты на ночь, а в Нижнем Чертоге вас ожидает накрытый стол. Проводи гостей, Освелл, и позаботься, чтобы они ни в чем не нуждались. Не желаете ли выпить со мной в горнице чашу вина, милорд? — обратился хозяин к Нестору Ройсу. — Алейна, милая, побудь у нас чашницей.

В горнице теплился огонь и стоял винный штоф — борское золотое. Санса налила лорду

Нестору, Петир поворошил кочергой дрова.

Ройс подсел к очагу.

— Это еще не конец, — сказал он Петиру так, будто Сансы здесь не было. — Мой кузен намерен сам допросить певца.

— Бронзовый Джон мне не верит. — Петир сдвинул пару поленьев.

— Он явится сюда не один. С ним будет Саймонд Темплтон, можете быть уверены. Боюсь, что и леди Уэйнвуд тоже.

— И лорд Бельмор, и молодой лорд Хантер, и Хортон Редфорт. А они, в свою очередь, захватят с собой Сэма Стоуна-Силача, Толлеттов, Шеттов, Колдуотеров и Корбреев.

— Вы хорошо осведомлены. Кто будет из Корбреев? Лорд Лионель?

— Нет, его брат. Сир Лин меня недолюбливает — не знаю уж почему.

— Лин Корбрей — опасный человек. Что вы намерены делать?

— Что еще я могу, кроме как оказать им радушный прием? — Петир еще раз поворошил огонь и отставил кочергу в сторону.

— Мой кузен хочет сместить вас с поста лорда-протектора.

— Не в моих силах ему помешать. У меня в

гарнизоне двадцать человек, а лорд Ройс со своими друзьями способен собрать двадцать тысяч. — Петир подошел к дубовому ларю под окном. — Бронзовый Джон поступит так, как ему будет угодно. — Петир откинул крышку, достал пергаментный свиток и вручил его лорду Нестору. — Вот свидетельство любви, которую питала к вам моя леди-жена, милорд.

Ройс развернул свиток.

— Этого я не ждал. — На глазах лорда Нестора заблестели слезы.

— Однако вы вполне это заслужили. Миледи ценила вас превыше всех других своих знаменосцев. Говорила, что вы как утес.

— Неужто? — зарделся лорд Нестор.

— Говорила, и не раз. А вот вам и доказательство. — Петир указал на пергамент.

— Я рад… рад это слышать. Джон Аррен ценил мою службу, я знаю, но леди Лиза… она пренебрегла моими ухаживаниями, и я думал… — Лорд Нестор наморщил лоб. — Я вижу здесь печать Арренов, однако подпись…

— Лиза погибла прежде, чем этот документ представили ей на подпись, поэтому его как лорд-протектор подписал я. Я знаю, она желала бы этого.

— Понимаю. — Лорд Нестор свернул пергамент. — Вы человек долга, милорд. И в отваге вам не откажешь. Многие сочтут это неподобающим и будут вас упрекать. Титул владетеля никогда не был наследственным. Ворота построили Аррены в те времена, когда они еще носили Соколиную Корону и правили Долиной, как короли. Гнездо служило им летней резиденцией, но когда выпадал снег, они со своим двором спускались в Ворота. Многие помнят, что Ворота были королевским замком, как и Гнездо.

— Короля в Долине не было уже триста лет, — заметил Петир.

— Да, с тех пор, как драконы пришли. Но Ворота все равно оставались владением Арренов. Джон Аррен при жизни своего отца сам был владетелем. Став лордом, он даровал этот титул своему брату Роннелу, а после — кузену Денису.

— У лорда Роберта братьев нет. Только дальние родственники.

— Да, верно. — Лорд Нестор зажал в кулаке пергамент. — Надежда у меня все же была, не стану скрывать. Пока лорд Джон, будучи десницей, правил страной, я за него правил Долиной. Я исполнял все, что он требовал, и ничего не просил для себя. Но видят боги, я это заслужил!

— Еще как заслужили — и лорд Роберт будет спать крепче, зная, что там, под горой, у него есть надежный и верный друг. — Петир поднял чашу. — За дом Ройсов, милорд, за владетелей Лунных Ворот… отныне и во веки веков.

— Отныне и во веки веков! — Серебряные чаши сошлись со звоном.

Лишь много позже, когда штоф с борским золотым опустел, лорд Нестор ушел к своим рыцарям. Санса, давно уже клевавшая носом, попыталась ускользнуть к себе, чтобы лечь, но Петир поймал ее за руку.

— Видишь, какие чудеса творят ложь и борское золотое?

Почему ей так хочется плакать? Это ведь хорошо, что Нестор Ройс теперь с ними.

— Так это ложь? С начала и до конца?

— Не совсем. Лиза часто называла лорда Нестора утесом, но не думаю, что этим она хотела ему польстить. Сына его она именовала колодой. Она знала, что он мечтает сделать Ворота своими и стать лордом на деле, а не только по имени, но сама мечтала о других сыновьях и предназначала замок младшему брату Роберта. — Петир встал. — Понимаешь ли ты, что здесь произошло, Алейна?

Санса замялась.

— Вы отдали Ворота Луны лорду Нестору, чтобы заручиться его поддержкой.

— Верно, но наша скала носит имя Ройс, а это значит, что он горд и чересчур щепетилен. Если бы я спросил, что он хочет взамен, он раздулся бы, как сердитая жаба, и счел это покушением на свою честь. А так… он не такой уж непроходимый глупец, но моя ложь оказалась для него слаще правды. Ему *хочется* верить, что Лиза ценила его больше других своих знаменосцев. Один из них как-никак Бронзовый Джон, а сир Нестор слишком хорошо помнит, что родился от *младшей* ветви дома Ройсов. Для своего сына он хочет большего. Люди чести ради своих детей совершают такие вещи, которые им даже в голову не пришло бы делать ради себя самих.

— И еще подпись, — кивнула Санса. — Вы могли бы сделать так, чтобы лорд Роберт приложил свою руку, но вместо этого…

— Подписал грамоту сам как лорд-протектор. А почему?

— Если вас низложат или… или убьют…

— Права лорда Нестора на Ворота окажутся под вопросом. И он это хорошо понимает, уверяю тебя. Ты умница, что это подметила. Впрочем,

чему же тут удивляться — ведь ты моя дочь.

— Благодарю вас. — То, что она угадала правильно, делало Сансу до нелепости гордой, но к гордости примешивалось смущение. — Только по-настоящему я ведь не ваша дочь. Я притворяюсь ею, но вы-то знаете…

Петир приложил палец к ее губам.

— Я знаю то, что знаю, как и ты. Кое-что лучше не говорить вслух, милая.

— Даже когда мы одни?

— *Особенно* когда мы одни. Иначе когда-нибудь в комнату без спроса войдет служанка или часовой у дверей ненароком услышит то, что не должен был слышать. Ты ведь не хочешь, милая, чтобы твои нежные ручки замарала еще чья-то кровь?

Перед ней возникло лицо Мариллона с белой повязкой на глазах. За ним маячил сир Донтос с торчащими в нем арбалетными болтами.

— Нет. Не надо больше.

— Я мог бы сказать, что это не игра, дочь моя, но это именно игра. Игра престолов.

Я не хотела в нее играть, думала Санса. *Она слишком опасна. Один неверный шаг, и я погибла.*

— Освелл… — сказала она. — Освелл вез меня на лодке в ночь моего побега из Королевской

Гавани. Он должен знать, кто я.

— Должен, если у него есть хоть капля мозгов. Но Освелл давно уже состоит у меня на службе, а Брюн молчалив по натуре. Кеттлблэк следит за Брюном по моему велению, а Брюн — за Кеттлблэком. Не доверяйте никому, сказал я однажды Эддарду Старку, но он меня не послушал. Ты Алейна и должна оставаться Алейной всегда. — Он приложил два пальца к ее левой груди. — Даже здесь. В своем сердце. Способна ли ты на это? Способна ли быть моей дочерью от чистого сердца?

— Я… — *Я не знаю, милорд,* чуть не сказала она, но это не то, что он хотел бы услышать. Ложь и борское золотое. — Я Алейна, отец, — кем же мне еще быть?

Лорд Мизинец поцеловал ее в щеку.

— С моим умом и красотой Кет весь мир будет твоим, душечка. А теперь отправляйся в постель.

Гретчель развела огонь в ее спальне, взбила перину. Санса разделась и юркнула под одеяло. Он не станет петь в эту ночь, от души понадеялась она, когда в замке лорд Нестор и все остальные. Он не посмеет.

Она закрыла глаза и проснулась среди ночи от того, что в постель к ней забрался Роберт. Она забыла сказать Лотору, чтобы снова запер его, а

теперь уж ничего не поделаешь.

— Ты можешь остаться, зяблик, — сказала она, обнимая его, — только постарайся не ерзать. Просто закрой глазки и усни, мой маленький.

— Хорошо. — Роберт свернулся калачиком и положил голову ей на грудь. — Алейна… ты теперь моя матушка?

— Пожалуй. — Это ложь утешительная, от нее никому нет вреда.

Дочь кракена

В чертоге гомонили хмельные Харло, ее дальние родственники. Каждый лорд вывесил свое знамя над скамьями, где сидели его люди. Слишком их мало, думала Аша, глядя вниз с галереи, слишком мало. Скамьи заполнены едва ли на четверть.

Кварл-Девица так и сказал ей, пока «Черный ветер» подходил к берегу. Сосчитав ладьи, стоящие на приколе под дядиным замком, он стиснул рот. «Они не пришли, — сказал он, — или пришли, но малым числом». Он был прав, но Аша в присутствии всей команды не могла согласиться с ним. В их преданности она не сомневалась, но даже Железные Люди могут задуматься, стоит ли отдавать свою жизнь за дело, пропащее с самого начала.

Неужели у нее так мало друзей? Среди знамен Аша видела серебристую рыбу Ботли, каменное дерево Стонтри, черного левиафана Вольмарков, силки Майров. На всех остальных изгибались серпы Харло. Бормунд поместил свой на бледно-голубом поле, Гото обрамил воинственными

эмблемами, рыцарь окружил с четырех сторон павлинами материнского дома. Даже Зигфрид Сребровласый расположил два, один перевернутый, на поделенном перевязью гербе. Лишь у истинного лорда Харло, как на заре времен, серп остался серебряным на полночно-черном поле. Родрик, прозванный Чтецом, лорд Десяти Башен, глава дома Харло, был любимым дядей Аши.

Его высокое сиденье с двумя серпами из кованого серебра, скрещенными над спинкой — такими огромными, что и великан затруднился бы орудовать ими, — сейчас пустовало. Аша не удивлялась этому. Пир давно завершился, на сборных столах от него остались только кости да грязные блюда. Теперь в чертоге шло винопитие, а дядя Родрик всегда сторонился пьяных и буйных сборищ.

— Дядя, верно, среди своих книг? — спросила Аша у Троезубой, древней старухи — та служила у Родрика домоправительницей, будучи еще Двенадцатизубой.

— А где ж еще? — Троезубая, по словам одного септона, не иначе как нянчила саму Старицу. Тогда Семерых, а заодно и септонов, еще терпели на островах. Лорд Родрик тоже держал нескольких в Десяти Башнях — не ради спасения души, а из-за книг. — Кроме книг, с ним там был еще Ботли.

Штандарт Ботли, косяк серебристой рыбы на бледно-зеленом поле, висел в чертоге, но «Быстрого плавника» среди прочих ладей Аша не видела.

— Я слышала, что мой дядя Вороний Глаз утопил старого Сейвина Ботли.

— Этот, что у нас, — лорд Тристифер.

Трис. Любопытно знать, что стало со старшим сыном прежнего лорда, Харреном. Ничего, скоро она это выяснит. Неловко получается — Триса Ботли она не видела с тех самых пор… впрочем, лучше об этом не думать.

— А что моя леди-мать?

— Легла уже. У себя во Вдовьей башне.

Само собой. Вдовьей башню назвали, когда тетка Аши, леди Гвинесса, вернулась домой оплакивать мужа — тот погиб близ Светлого острова во время первого мятежа Бейлона Грейджоя. «Я останусь здесь, пока не пройдет мое горе, — были знаменитые слова, которые сказала она своему брату, — хотя Десять Башен по праву должны быть моими, ибо я на семь лет старше тебя». С тех пор прошло много лет, но вдова все еще скрипела, предавалась своему горю и время от времени заявляла, что замок должен принадлежать ей. Теперь лорд Родрик заполучил под свой кров еще одну полоумную вдовую сестрицу. Неудивитель-

но, что он ищет прибежища среди книг.

И теперь еще трудно поверить, что хворая леди Аланнис пережила своего мужа Бейлона, казавшегося таким крепким и сильным. На войну Аша уходила с тяжелым сердцем, опасаясь, что мать умрет без нее. За отца она не боялась нисколько. Утонувший Бог играет шутки со смертными, но люди еще более жестоки, чем он. Внезапный шторм и лопнувшая веревка привели к смерти Бейлона Грейджоя — так по крайней мере говорят все.

В последний раз Аша видела мать, когда заходила в Десять Башен пополнить запас пресной воды — ее корабль держал путь к северу, собираясь ударить на Темнолесье. Аланнис Харло никогда не была красавицей из тех, о которых поется в песнях, но дочь любила ее сильное лицо и смеющиеся глаза. В тот последний раз леди Аланнис сидела в оконной нише, закутавшись в груду мехов, и смотрела на море. Кто это — она или ее тень? — подумала Аша, целуя ее.

Кожа матери истончилась, как пергамент, длинные волосы побелели. В посадке ее головы еще сквозила прежняя гордость, но глаза потускнели и затуманились. Дрожащими губами она спросила дочь о Теоне. «Привезла ты моего

малыша?» Теону было десять, когда его увезли заложником в Винтерфелл, и для леди Аланнис, как видно, он навсегда остался маленьким мальчиком. «Теон не смог приехать, — пришлось сказать Аше. — Отец отправил его в набег на Каменный Берег». Леди Аланнис ничего не сказала на это, только кивнула — но видно было, как глубоко ее ранили слова дочери.

А теперь придется сказать ей, что Теон мертв, и вонзить еще один кинжал в ее сердце. На тех двух, что уже пронзили его, написано «Родрик» и «Марон». Кто сочтет ночи, когда они вновь и вновь поворачивались в ранах? *Я увижусь с ней завтра*, дала себе слово Аша. Сейчас, устав после морской дороги, она не находила в себе сил взглянуть в лицо матери.

— Мне нужно поговорить с лордом Родриком, — сказала она домоправительнице. — Позаботься о моих людях, когда они закончат разгружать «Черный ветер». Мы привезли пленных. Пусть каждый получит теплую постель и горячую пищу.

— На кухне есть холодная говядина. И горчица в каменном кувшине. Из Староместа. — Старуха улыбнулась, упомянув о горчице. Во рту у нее одиноко торчал длинный коричневый зуб.

— Нет, не пойдет. В море мы натерпелись лиха. Надо накормить их горячим. — Аша заложила большие пальцы за пояс. — Всех, кроме леди Гловер с детьми. Их помести куда-нибудь в башню, но не в темницу. Младенец болеет.

— Они то и дело болеют и умирают часто, а родителям горе. Я спрошу у милорда, куда деть волчицу с волчатами.

Аша защемила старухин нос двумя пальцами.

— Делай, что тебе велено. И если *этот* младенец умрет, ты будешь горевать больше всех.

Старуха заныла и обещала исполнить все в точности. Аша отпустила ее и отправилась к дяде.

Хорошо было снова оказаться в этих стенах. В Десяти Башнях Аша всегда чувствовала себя больше дома, чем в Пайке. Это не один замок, а целых десять, подумала она, увидев его впервые. Девочкой она сломя голову бегала по его лестницам, по крепостным стенам и крытым мостам, удила рыбу с Длинного Мола, дни и ночи сидела над дядиными томами. Этот замок, самый новый на островах, построил в незапамятные времена лорд Теомор Харло. Он потерял трех сыновей еще в колыбели и винил в этом сырые подвалы и обросшие селитрой камни Старого Замка. В Десяти Башнях воздуха больше, они уютнее и

стоят в лучшем месте… но лорд Теомор, как пришлось узнать на себе его женам, был человек переменчивый. Жен у него было шестеро, и они столь же мало походили одна на другую, как его десять башен.

Книжная — самая толстая, восьмиугольная и сложена из больших тесаных камней. Лестница расположена в толще стен. Аша быстро поднялась на пятый этаж, в комнату, служившую дяде читальней. Как будто есть комнаты, в которых он не читает. Лорда Родрика редко видели без книги в руках, будь то в отхожем месте, на палубе «Морской песни» или в собрании других лордов. Аше случалось видеть, как он читает, сидя на своем высоком месте под скрещенными серпами. Он выслушивал дело, требующее его разбирательства, произносил приговор… и успевал прочитать страницу, пока капитан стражи не вводил очередного просителя.

Сейчас он сидел у окна за столом, где лежали свитки, написанные, возможно, еще в Валирии до Рокового Дня, и книги в кожаных переплетах с железными и бронзовыми застежками. По обе стороны от него в витых чугунных подсвечниках горели восковые свечи в руку длиной и толщиной. Лорд Родрик Харло ни толст и ни тонок,

ни высок ни низок, ни урод ни красавец. Глаза у него карие, волосы каштановые, но короткая холеная борода уже поседела. Словом, человек самый обыкновенный, знаменитый лишь своей любовью к рукописному слову, которую многие островитяне почитали вывихом, недостойным мужчины.

— Дядюшка. — Аша притворила за собой дверь. — Что за чтение увело тебя от гостей?

— «Книга о потерянных книгах» архимейстера Марвина. — Родрик поднял глаза на племянницу. — Гото привез ее мне из Староместа. Хочет сосватать за меня свою дочку. — Он постучал по раскрытому листу длинным ногтем. — Марвин пишет, что отыскал три страницы «Знаков и предзнаменований» — это книга видений, посещавших незамужнюю дочь Эйенара Таргариена перед Роковым Днем. Ланни знает, что ты здесь?

Этим ласкательным именем мать называл один только Чтец.

— Нет еще. Пусть отдыхает. — Аша сняла с табурета кипу книг и села. — Похоже, у Троезубой выпало еще два зуба. Как ты зовешь ее теперь — Однозубая?

— Звать ее я стараюсь как можно реже. Она на меня страх нагоняет. Который час? — Лорд

Родрик взглянул в окно на освещенное луной море. — Смотри-ка, стемнело уже, а я не заметил. Что-то ты припоздала. Мы тебя высматриваем уже несколько дней.

— Ветер был неблагоприятный, и мне приходилось думать о пленниках — жене и детях Роберта Гловера. Младшая девочка еще грудная, а молоко у леди Гловер пропало в пути. Пришлось мне причалить на Каменном Берегу и послать людей за кормилицей. Вместо нее они притащили козу. Ребенок чахнет. Нет ли в твоей деревне кормящей матери? Темнолесье — важная часть моих планов.

— Твои планы могут перемениться. Слишком ты задержалась в пути.

— Задержалась и проголодалась. — Аша, вытянув под столом длинные ноги, перелистала лежавшую рядом книгу — записки какого-то септона о войне Мейегора Жестокого с Честными Бедняками. — Пить тоже хочется. Рог эля был бы мне в самый раз, дядюшка.

— Ты же знаешь, что в библиотеке я не разрешаю ни пить, ни есть, — поджал губы лорд Родрик. — Книги…

— Могут пострадать, — засмеялась Аша.

— Любишь ты меня подразнить, — нахмурился

дядя.

— Не огорчайся так. Тебе должно быть известно, что моих дразнилок ни один мужчина не избежал. Но довольно обо мне. Как твое здоровье?

— Неплохо, — пожал плечами лорд. — Глаза стали слабеть. Я послал в Мир за стеклами в помощь чтению.

— А тетушка как поживает?

— Она по-прежнему на семь лет меня старше, — вздохнул Родрик, — и убеждена, что Десять Башен должны быть ее владением. С памятью у Гвинессы худо, но *об этом* она помнит всегда. Мужа она оплакивает столь же безутешно, как и в день его смерти, хотя порой забывает, как его звали.

— Не уверена, что она это и раньше знала. — Аша с шумом захлопнула книгу. — Отца убили?

— Так думает твоя мать.

Было время, когда она охотно бы разделалась с ним сама, подумала Аша.

— А как полагает мой дядя?

— Бейлон упал, когда под ним обрушился подвесной мост. Надвигался шторм, и мост раскачивался при каждом порыве ветра. Так нас, во всяком случае, известили. К твоей матери прилетела птица от мейстера Вендамира.

Аша вынула из ножен кинжал и принялась чистить ногти.

— Миновало три года, и Вороний Глаз возвращается в тот самый день, как умирает отец.

— На следующий день, так мы слышали. Утверждают, что «Молчаливый» был еще в море, когда Бейлон погиб. Однако я согласен, что Эурон вернулся… весьма своевременно, скажем так.

— Я бы сказала по-другому. — Аша вонзила кинжал в столешницу. — Где мои корабли? Я насчитала под замком сорок ладей — этого недостаточно, чтобы ссадить Вороний Глаз с отцовского места.

— Я разослал письма — от твоего имени. Это сделано из любви, которую я питаю к тебе и к твоей матери. Дом Харло собрался весь, и Стонтри, и Вольмарки. Майры тоже, хотя и не все…

— И все они жители Харло, одного острова из семи. С Пайка только Ботли — я видела в чертоге его одинокое знамя. Где корабли с Солтклифа, с Оркмонта, с обоих Виков?

— Бейелор Блэкрид пришел с Блэкрида посоветоваться со мной и тут же отплыл обратно. — Лорд Родрик закрыл «Книгу о потерянных книгах». — Сейчас он на Старом Вике.

— На Старом Вике? — Аша боялась услышать,

что все недостающие ушли на Пайк, присягать Вороньему Глазу. — Зачем?

— Я думал, ты уже слышала. Эйерон Мокроголовый созвал вече.

Аша расхохоталась, запрокинув голову.

— Должно быть, Утонувший Бог засунул ерша ему в зад. Вече! Он что, пошутить решил?

— Мокроголовый перестал шутить с тех пор, как утонул. Другие жрецы тоже откликнулись. Слепой Берон Блэкрид, Тарл Трижды Тонувший… даже Седой Буревестник слез со своего утеса и сзывает весь Харло на вече. Все капитаны идут к Старому Вику.

— А Вороний Глаз? Неужто и он согласен участвовать в этой священной комедии и подчиниться решению веча?

— Меня он не извещает. После вызова на Пайк, где я должен был ему присягнуть, я не получал от него ни слова.

Вече… Это нечто новое — вернее сказать, очень старое.

— Ну а мой дядя Виктарион? Что говорит он о замысле Мокроголового?

— Виктариона уведомили о смерти твоего отца. И о вече тоже, не сомневаюсь. Больше я ничего не знаю о нем.

Лучше уж вече, чем война.

— Придется мне, видно, облобызать благоуханные ноги Мокроголового и вытащить водоросли, застрявшие у него между пальцами. — Аша выдернула кинжал из стола и снова спрятала в ножны. — Вече! Ну надо же!

— На Старом Вике, — подтвердил лорд. — Молюсь, чтобы там не случилось кровопролития. Я перечитал Хейрегову «Историю Железных Людей». Когда короли соли и камня собрались на вече в последний раз, Уррон с Оркмонта отдал приказ своим топорщикам, и ребра Нагги обагрились кровью. С того черного дня короля больше не выбирали, и Грейароны правили островами тысячу лет, до самого пришествия андалов.

— Дай мне почитать эту книгу, дядя. — Надо узнать о вече все, что возможно, перед отплытием на Старый Вик.

— Читай здесь. Книга старая, может рассыпаться. — Дядя смотрел на нее хмуро. — Архимейстер Ригни сказал как-то, что история — это колесо, ибо натура человека неизменна по сути своей. То, что было раньше, случится опять. Я вспоминаю это всякий раз, думая о Вороньем Глазе. Для моих старых ушей «Эурон Грейджой» звучит очень похоже на «Уррон Грейарон». Сам я на Старый

Вик не пойду и тебе не советую.

Аша улыбнулась.

— Пропустить первое вече со времен… как долго они не созывались, дядя?

— Четыре тысячелетия, если верить Хейрегу. Два, если принять сторону мейстера Денстана в его «Вопросах». То, что затевается на Старом Вике, бессмысленно. Мечта иметь короля — наше наследственное островное безумие. Я с самого начала говорил об этом твоему отцу, а теперь мои слова оправдались. Нам нужны земли, а не короны. Пока Станнис Баратеон и Тайвин Ланнистер сражаются за Железный Трон, нам представляется редкостный случай улучшить свою судьбу. Надо примкнуть к одному из них, помочь ему одержать победу, и благодарный король щедро одарит нас.

— Я подумаю над этим, когда взойду на Морской Трон.

— То, что скажу, тебе не понравится, Аша, — вздохнул лорд Родрик, — но изберут не тебя. Женщин-правительниц еще не бывало на островах. Гвинесса на самом деле старше меня, но когда наш отец умер, Десять Башен отошли ко мне. То же самое и с тобой будет. Ты дочь Бейлона, а не сын, и у тебя есть трое дядей.

— Четверо.

— Три дяди-кракена. Я не в счет.

— Очень даже в счет. Пока у меня есть дядя в Десяти Башнях, Харло мой. — Харло не самый большой из Железных островов, зато самый богатый и населенный, и власть лорда Родрика — не пустой звук. На Харло у него нет соперников. У Вольмарков и Стонтри на острове большие владения, на службе у них знаменитые капитаны и свирепые воины, но даже самые свирепые кланяются серпу. А Кеннинги и Майры, некогда заклятые враги дома Харло, давно смирились и стали его вассалами.

— Мои кузены подчиняются мне, и в случае войны мне надлежит командовать их мечами и парусами. Но вече… На костях Нагги все капитаны равны. Некоторые, я не сомневаюсь, выкрикнут твое имя, но их будет недостаточно. А когда начнут кричать Виктариона или Вороньего Глаза, многие из тех, что сейчас пьют в моем чертоге, примкнут к остальным. Снова говорю тебе: не надо править навстречу шторму. Надежды победить у тебя нет.

— Надежда есть всегда, пока битва не проиграна. Из всех претендентов я самая лучшая. Я плоть от плоти короля Бейлона.

— Ты упрямый ребенок, вот ты кто. Подумай о своей бедной матери. Ты все, что у Ланни осталось в жизни. Я сожгу «Черный ветер», если понадобится, лишь бы удержать тебя здесь.

— Как? Ты хочешь, чтобы я вплавь добиралась до Старого Вика?

— Тебе долго придется плыть по холодному морю за короной, которую ты все равно не удержишь. У твоего отца отваги было больше, чем здравого смысла. Старый закон хорошо служил нам, пока мы были маленьким королевством среди многих других, но завоевание Эйегона положило всему конец. Бейлон отказывался видеть то, что было у него перед глазами. Старый закон умер вместе с Черным Харреном и его сыновьями.

— Да, знаю. — Аша любила отца, но не обманывалась на его счет. Бейлон и впрямь был слеп кое в чем. Храбрый воин, но плохой лорд. — Но это еще не значит, что мы должны жить и умирать, как рабы Железного Трона. Если по правому борту скалы, а с левого идет шторм, мудрый капитан выберет третий путь.

— Что же это за путь? Назови мне его.

— И назову… на своем королевском вече. Как можешь ты думать остаться в стороне от него?

Ведь это живая история…

— Предпочитаю мертвую. Мертвая история пишется чернилами, живая же — кровью.

— Хочешь умереть старым в своей постели, как трус?

— Именно. И не ранее того дня, когда не смогу больше читать. — Лорд Родрик подошел к окну. — Ты не спрашиваешь меня о своей леди-матери.

Не спрашиваю потому, что боюсь, подумала Аша, а вслух сказала:

— Прости. Как она?

— Лучше. Того гляди переживет нас с тобой. Тебя-то уж верно, если будешь упорствовать в своем безумии. Она стала есть больше, чем после приезда сюда, и часто спит, не просыпаясь, всю ночь.

— Это хорошо. — На Пайке леди Аланнис последнее время совсем не спала. Она бродила по замку со свечкой и искала своих сыновей. «Марон! — пронзительно вскрикивала она. — Родрик! Где вы? Теон, мальчик мой, иди к маме!» Она босая переходила по висячему дощатому мосту в Морскую башню, а поутру мейстер вынимал занозы из ее стоп. — Я повидаюсь с ней утром.

— Она спросит тебя о Теоне.

Принц Винтерфелла…

— Ты уже говорил ей что-нибудь?

— Нет — что я мог сказать? — Дядя замялся. — Ты уверена, что его нет в живых?

— Я ни в чем не уверена.

— Ты не нашла тела?

— Мы нашли части многих тел. До нас там побывали волки… настоящие, на четырех ногах, но своей двуногой родне они уважения не выказали. Кости убитых раскиданы и сильно изгрызены. Трудно разобраться, что там произошло. Похоже, что северяне передрались между собой.

— Стервятники дерутся над мертвым телом и убивают друг друга из-за глаз мертвеца. — Лорд Родрик смотрел, как лунный свет играет на волнах. — У нас был один король, потом стало пятеро. Ныне все, кого я вижу, превратились в стервятников, дерущихся над трупом Вестероса. — Лорд закрыл ставни. — Не ходи на Старый Вик, Аша. Останься с матерью. Боюсь, она недолго пробудет с нами.

— Мать растила меня смелой. Если не пойду, то весь остаток жизни буду думать, что было бы, если б я решила иначе.

— А если пойдешь, твоей жизни не хватит и на то, чтоб задуматься.

— Лучше уж так, чем до конца дней жаловать-

ся, что Морской Трон был по праву моим. Я не Гвинесса.

Дядя поморщился от ее слов.

— Аша, двое моих сыновей кормят крабов у Светлого острова. Снова я вряд ли женюсь. Останься, и я сделаю тебя наследницей Десяти Башен. Удовольствуйся этим.

— Десять Башен? — Если б она только могла… — Твоим кузенам это не придется по вкусу. Рыцарю, старому Зигфриду, горбуну Гото…

— У них есть свои поместья.

Верно. У Зигфрида Сребровласого — сырой, насквозь прогнивший Старый Замок, Сверкающая Башня горбатого Гото стоит на скале над западным берегом, рыцарь, сир Харрас, владеет Каменным Садом, Бормунд Синий правит на Ведьмином Холме, и все они — подданные лорда Родрика.

— У Бормунда три сына, у Зигфрида — внуки, у Гото — непомерное честолюбие. Все они надеются наследовать тебе, даже Зигфрид — он думает, что будет жить вечно.

— Лордом Харло после меня станет рыцарь, но он преотлично может повелевать островом из своего Каменного Сада. Присягни ему на верность, и он будет тебя защищать.

— Я сама способна себя защитить. Я кракен, дядя, я Аша из дома Грейджоев. — Она поднялась на ноги. — Я хочу занять отцовское место, а не твое. Твои серпы уж очень страшны — один может упасть и отрезать мне голову. Предпочитаю сидеть на Морском Троне.

— Тогда ты тоже стервятница, с криком летящая на добычу. — Лорд Родрик снова уселся за стол. — Ступай и оставь меня с архимейстером Марвином.

— Если прочтешь, что он нашел еще какую-то редкость, скажи мне. — Дядя есть дядя, его уже не переделать. Но на Старом Вике он будет, несмотря на все свои отговорки.

Ее команда, должно быть, уже села ужинать в большом чертоге. Надо пойти к ним, поговорить о собрании на Старом Вике, о том, чего им ждать от него. Ее люди пойдут за ней как один, однако ей нужны не только они, но и Харло, и Стонтри, и Вольмарки. Вот кого ей придется завоевать. Победа в Темнолесье сослужит ей хорошую службу, когда дружина начнет хвастать ею — а хвастать они непременно будут. Люди с «Черного ветра» отчаянно гордятся подвигами своего капитана. Половина из них любит ее как дочь, другая половина мечтает с ней переспать, но те и другие

с готовностью умрут за нее. *А я — за них*, думала Аша, выходя через узкую дверцу башни на лунный двор.

— Аша? — От стены отделилась тень.

Она взялась за кинжал — но тень при луне сделалась человеком в плаще из нерпы. Еще один призрак.

— Трис. Я думала, ты в чертоге.

— Захотел посмотреть на тебя.

— Ну что ж, вот она я. Совсем взрослая, как видишь. Любуйся.

— Да, взрослая. — Он подошел ближе. — И красивая.

Тристифер Ботли пополнел с их последней встречи, но волосы у него остались все такими же непослушными, а глаза — большими и доверчивыми, как у тюленя. Нежными. В этом вся беда бедного Тристифера — слишком он нежен для Железных островов. Он стал совсем хорош, войдя в возраст, — в отрочестве его прыщи портили. И Ашу тоже. Это их, возможно, и сблизило.

— Кончина твоего отца меня опечалила, — сказала она.

— А я скорблю о твоем.

С чего бы это, едва не сказала она. *Ведь это Бейлон услал тебя с Пайка, Бейелору Блэкриду на*

воспитание.

— Правда ли, что ты теперь лорд Ботли?

— Пока лишь по имени. Харрен погиб у Рва Кейлин. Какой-то болотный дьявол пустил в него отравленную стрелу. Я лорд без лордства. Когда отец отказался присягнуть Морскому Трону, Вороний Глаз утопил его, а дядей вынудил принести ему клятву, но половину отцовских земель все же отдал Железному Хольту. Лорд Винч первым склонил колено и признал его королем.

Дом Винчей имел большую силу на Пайке, но Аша постаралась не выдать, как поразила ее эта весть.

— Винч никогда не обладал мужеством твоего отца.

— Твой дядя просто купил его. «Молчаливый» пришел с трюмами, полными сокровищ. Серебро, жемчуг, изумруды, рубины и сапфиры с яйцо величиной, неподъемные мешки с монетой… есть на что покупать сторонников. Мой дядя Гермунд теперь именует себя лордом Ботли и правит в Лордпорте как вассал твоего дяди.

— Настоящий лорд Ботли — ты, — заверила Аша. — Когда я взойду на Морской Трон, тебе вернут отцовские земли.

— На то твоя воля. Я о них не печалюсь. Как ты

хороша при луне, Аша. Просто красавица — я ведь запомнил тебя девчонкой, прыщавой худышкой.

Дались им эти прыщи.

— Я тоже вспоминаю то время. — *Хотя и не с такой любовью, как ты.* Из пятерых воспитанников, которых привезла ее мать на Пайк после того, как Нед Старк взял в заложники ее последнего уцелевшего сына, Трис был ближе всех к Аше по возрасту. Она уже целовалась с мальчиками, но он первый распустил шнуровку на ее камзольчике и щупал потной ладошкой ее чуть подросшие груди.

Она бы и больше ему позволила, будь он посмелей. Расцвет, настигший Ашу в пору войны, пробудил в ней томление, а любопытничала она еще прежде. Довольно было сверстника, который желал ее, и начала месячных… Она, впрочем, искренне думала, что у них любовь, пока Трис не начал болтать об их будущих детях — не меньше дюжины сыновей, ну и дочери тоже. «Не хочу я дюжину сыновей, — отбивалась испуганная Аша. — Хочу приключений». Вскоре мейстер Квелен увидал, как они играют, и юного Тристифера отправили к Блэкридам.

— Я писал тебе, — сказал он, — но мейстер Жозеран не посылал моих писем. Однажды я

дал оленя гребцу с торгового судна, шедшего в Лордпорт, и он обещал отдать письмо тебе в собственные руки.

— Твой гребец надул тебя и выкинул письмо в море.

— Этого я и боялся. И твоих писем я тоже не получал.

Аша и не думала их писать. Сказать по правде, она вздохнула с облегчением, когда Триса услали прочь. Его неуклюжие ласки начинали уже докучать ей. Но говорить ему об этом сейчас было бы глупо.

— Эйерон Мокроголовый созвал вече. Готов ты явиться туда и сказать за меня свое слово?

— С тобой я пойду куда угодно, но… лорд Блэкрид считает вече опасной затеей. Боится, что твой дядя перебьет всех, кто там будет, как некогда сделал Уррон.

Что ж, он достаточно безумен для этого.

— У него сил не хватит.

— Ты не знаешь, как он силен. Он набрал людей на Пайке, да Орквуд с Оркмонта привел ему двадцать ладей, да Джон Майр-Сушеный еще дюжину. Лукас Кодд-Левша за него, и Харрен Поседелый, Рыжий Гребец, бастард Кеммет Пайк, Родрик Вольный, Торвольд Бурый Зуб…

— Мелкие людишки. — Аша знала их всех. — Сыновья морских жен, внуки невольников. Что до Коддов, ты ведь знаешь их девиз.

— Да. «Вопреки людскому презрению». Но если попадешься в их невод, умрешь точно так же, как от рук драконовых лордов. Хуже того, Вороний Глаз привез с востока чудищ… и колдунов.

— У дядюшки всегда была слабость к уродам и дуракам. Отец все время его за это ругал. Пусть колдуны взывают к своим богам — Мокроголовый призовет наших и утопит всю свору. Итак, Трис, могу ли я рассчитывать на твой голос?

— Я весь твой, Аша. Навеки. Я женюсь на тебе. Твоя леди-мать дала мне согласие.

Она подавила стон. *Надо было меня сначала спросить… хотя ответ тебе, пожалуй, не понравился бы.*

— Я больше не младший сын, — продолжал он. — Я полноправный лорд Ботли, ты сама так сказала. А ты…

— Кто такая я, решится на Старом Вике. Трис, мы уже не дети, которые трогают друг дружку в тайных местах. Ты говоришь, что хочешь жениться на мне, но на самом деле не хочешь этого.

— Хочу. Я мечтаю лишь о тебе, Аша. Клянусь костями Нагги, что к другим женщинам не при-

касался ни разу.

— Ну так прикоснись… к десятку-другому. Я своим мужчинам уже и счет потеряла. Одних я ласкала губами, других топором. — Невинности она лишилась в шестнадцать, с красивым белокурым матросом торговой галеи, пришедшей из Лисса. Он знал всего шесть слов на общем наречии, но среди них было «блудить» — то самое, которое ей хотелось услышать. Потом у Аши хватило ума найти лесную ведьму, и та научила ее заваривать лунный чай, чтобы живот не вырос.

Ботли заморгал, будто не совсем ее понял.

— Я думал… ты будешь ждать меня. Как же так… тебя принудили, Аша?

— Так принудили, что я рубашку на нем порвала. Не надо нам жениться, поверь мне. Ты нежный мальчик, всегда таким был, а я не из нежных. Если мы поженимся, ты скоро возненавидишь меня.

— Ни за что. Я тосковал по тебе.

Довольно с нее. Больная мать, убитый отец и куча чумовых дядюшек хоть кому будут впору, а тут еще и с влюбленным щенком возись.

— Сходи к девкам, Трис. Они исцелят тебя от тоски.

— Я никогда бы… Мы с тобой созданы друг для

друга, Аша. Я всегда знал, что ты будешь моей женой и матерью моих сыновей. — Он схватил ее за руку выше локтя.

В мгновение ока она приставила ему к горлу кинжал.

— Руки прочь, не то умрешь раньше, чем станешь отцом. — Он отпустил ее, и она убрала нож. — Тебе нужна женщина, хорошая женщина. Ночью я пришлю такую тебе в постель. Можешь притвориться, что она — это я, если тебе так приятней, но мне больше не докучай. Я твоя королева, а не жена. Помни об этом. — Аша спрятала кинжал и ушла. Капля крови медленно стекала по шее Триса, черная при свете луны.

Серсея

— Я молю Семерых, чтобы они не послали нам дождя в день королевской свадьбы, — сказала Джаселина Свифт, расчесывая золотые локоны королевы.

— Что проку в твоем дожде. — Серсее больше подошел бы снег, шторм, ураган, сотрясший самые стены Красного Замка. — Хватит сюсюкать, дуреха. Туже зачесывай!

Ее бесила предстоящая свадьба, но злость приходилось срывать на недалекой девице Свифт. Трон под Томменом не очень-то прочен. Пока Драконий Камень и Штормовой Предел в руках Станниса Баратеона, пока Ривердан не сдается, пока Железные Люди рыщут, как волки, по морю, Тиреллов оскорблять нельзя. Вот Джаселина и вынуждена глотать то, чем Серсея куда охотнее угостила бы Маргери и ее отвратительную старую бабку.

На завтрак королеве принесли два вареных яйца, хлеб и мед. Но, разбив первое яйцо, она обнаружила там красный зародыш, и ее замутило.

— Убери это и принеси мне горячего вина, —

приказала она Сенелле. Холод пробирал до костей, а впереди ждал долгий и скверный день.

Не улучшил ее настроения и Джейме. Он пришел, еще небритый, чтобы рассказать ей, как намерен уберечь Томмена от яда.

— Я поставлю на кухне людей, чтобы они следили за приготовлением каждого блюда. Слуг, подающих на стол, будут сопровождать золотые плащи сира Аддама, и нигде по дороге они задержаться не смогут. Сир Борос будет пробовать все яства, прежде чем их отведает Томмен. А на самый крайний случай посадим в чертоге мейстера Баллабара с рвотным и противоядиями от двадцати наиболее известных видов отравы. С Томменом ничего не случится, ручаюсь тебе.

— Ничего не случится… — с горечью повторила Серсея. Джейме не поймет ее, да и никто не поймет. Карканье той старой ведьмы в шатре слышала, кроме нее самой, только Мелара, а Мелары давно уже нет в живых. — Дважды Тирион одним и тем же способом убивать не станет. Для этого он слишком хитер. Может, он в это самое время сидит под полом, слышит каждое наше слово и замышляет перерезать Томмену горло.

— Да хоть бы и так. Что бы он там ни замышлял, он по-прежнему останется карликом, а Томмен

будет окружен лучшими рыцарями Вестероса. Королевская Гвардия — надежная защита.

Серсея взглянула на белый шелковый рукав Джейме, зашпиленный вокруг культи.

— Хорошо же они уберегли Джоффри, твои славные рыцари. Я хочу, чтобы ты был рядом с Томменом всю ночь, ясно?

— Я поставлю часового у его двери.

Она схватила его за руку.

— Никаких часовых. Ты сам. И не у двери, а в комнате.

— На случай, если из очага вылезет Тирион? Не вылезет.

— Почем тебе знать. Хочешь сказать, что отыскал все потайные ходы в этих стенах? — Они оба знали, что это не так. — Я даже на долю мгновения не оставлю Томмена одного с Маргери.

— Они не будут одни. Ее кузины останутся с ней.

— И ты тоже. Приказываю тебе именем короля. — Серсея хотела, чтобы Томмен вовсе не ложился в постель с молодой женой, но Тиреллы настояли. «Муж с женой должны спать вместе, — заявила Королева Шипов, — даже если они просто спят. Кровать его величества, уж конечно, достаточно велика для двоих». «Пусть дети греют

друг друга ночью, — поддакнула свекрови леди Алерия. — Это поможет им сблизиться. Маргери часто спит вместе с кузинами. Они поют песенки, играют в разные игры и шепчутся, когда задувают свечи».

«Вот и чудесно, — ответила на это Серсея. — Пусть себе продолжают — в Девичьем Склепе».

«Ее величество лучше знает, — сказала тогда леди Оленна леди Алерии. — Она королю мать, уж в этом-то можно не сомневаться. Но брачная ночь — дело особое. Муж не должен спать врозь с женой в ночь свадьбы. Это сулит несчастье их браку».

Узнаешь ты у меня, что такое несчастье, мысленно поклялась Серсея, а вслух сказала:

«Маргери разделит постель с Томменом только на одну эту ночь. Не более».

«Милость вашего величества не знает границ», — сказала Королева Шипов, и все обменялись улыбками.

Пальцы Серсеи впились в руку Джейме — не иначе, синяки останутся.

— Мне нужны чьи-то глаза в этой спальне, — сказала она.

— Для чего? Соития можно не опасаться. Томмен еще слишком мал.

— Оссифер Пламм был и вовсе мертв, однако это не помешало ему зачать ребенка.

— Что это за Оссифер Пламм? — удивился Джейме. — Отец лорда Филипа, что ли?

Он такой же невежда, каким был Роберт. Все его мозги помещались в правой руке.

— Забудь о Пламме, помни только то, что я тебе говорю. Поклянись, что не покинешь Томмена до восхода солнца.

— Как прикажешь, — сказал он так, будто все ее страхи были беспочвенными. — Ты по-прежнему намерена сжечь Башню Десницы?

— После свадебного пира. — Это была единственная часть празднества, обещавшая доставить ей удовольствие. — В этой башне был убит наш лорд-отец, и ее вид для меня несносен. Притом пожар, по милости богов, может выкурить пару крыс из развалин.

— Опять Тирион, — закатил глаза Джейме.

— Да, он. И лорд Варис, и пропавший тюремщик.

— Если бы хоть кто-то из них прятался в башне, мы нашли бы его. На протяжении этой луны там работала целая армия с кирками и молотами. Они простучали стены, вскрыли полы и отыскали с полсотни тайных ходов.

— А еще полсотни вполне могли остаться ненайденными. — Некоторые из открытых ходов оказались такими узкими, что Джейме пришлось пустить туда пажей и мальчишек-конюхов. Нашли коридор, ведущий в темницы, и каменный колодец, у которого, похоже, не было дна. Нашли камеру с желтыми человеческими костями, а в ней — четыре мешка с потускневшими серебряными монетами времен Визериса Первого. Там бегали с тысячу крыс, но ни Тириона, ни Вариса среди них не оказалось, и Джейме настоял на прекращении поисков. Один мальчишка застрял в проходе, и его, визжащего, пришлось вытаскивать за ноги. Другой упал в какую-то шахту и поломал себе кости. Двое гвардейцев ушли в боковой коридор и не вернулись. Их товарищи уверяли, что слышат сквозь стену крики пропавших, но за снесенной по приказу Джейме стеной обнаружилась только рыхлая земля и щебенка. — Бес мал и хитер. Если он до сих пор там, огонь его выкурит.

— Даже если Тирион все еще прячется в замке, то в Башне Десницы его нет. Нашими стараниями от нее осталась одна скорлупа.

— Жаль, что нельзя сказать то же самое о прочих строениях этого гнусного замка. После войны

я выстрою за рекой новый дворец. — Он снился ей предыдущей ночью — великолепный белый замок, окруженный садами и лесом, подальше от шума и вони Королевской Гавани. — Этот город — настоящая сточная яма. Мне хочется перевести двор в Ланниспорт и править страной из Бобрового Утеса.

— Это было бы еще большим сумасбродством, чем сжигать Башню Десницы. Пока Томмен сидит на Железном Троне, вся страна видит в нем подлинного короля, но стоит спрятать его в Утесе, и он станет всего лишь одним из претендентов на трон, ничем не лучше Станниса.

— Я это знаю не хуже тебя, — резко произнесла Серсея. — То, что я *хочу* этого, еще не значит, что я это *сделаю.* Ты всегда был таким тугодумом или после увечья поглупел?

Джейме пропустил это мимо ушей.

— Если пламя перекинется на другие здания, замок может загореться и помимо твоего желания. Дикий огонь — вещь опасная.

— Лорд Галлин заверил меня, что его пироманты способны им управлять. — Гильдия алхимиков вот уже две недели пополняла запасы дикого огня. — Весь город должен видеть этот пожар. Это послужит уроком нашим врагам.

— Мне кажется, будто я слышу Эйериса.

Серсея раздула ноздри.

— Придержите язык, сир.

— Я тоже люблю тебя, дорогая сестра.

Как я-то могла любить этого несчастного? — подумала она, когда Джейме ушел. *Он твой близнец, твоя тень, вторая твоя половина*, прошептал ей другой голос. *Что ж*, ответила она, *когда-то он, возможно, и был всем этим, но теперь перестал. Теперь он чужой для меня.*

По сравнению с пышным бракосочетанием Джоффри свадьба короля Томмена была весьма скромной. Еще одну роскошную церемонию устраивать никому не хотелось, королеве меньше всего, и платить за нее никто не хотел, меньше всего Тиреллы. Юный король совершил брачный обряд в королевской септе Красного Замка в присутствии какой-нибудь сотни гостей — вместо тысяч народу, видевших, как его брат берет в жены ту же самую женщину.

Невеста была весела и прекрасна, жених подетски круглолиц и неловок. Звонким голоском произнес он свои обеты, обещая любить и почитать дважды овдовевшую дочь Мейса Тирелла. Маргери надела то же платье, в котором выходила за Джоффри, — воздушное сооружение из

шелка цвета слоновой кости, мирийских кружев и мелкого жемчуга. Серсея так и не сняла траура по убиенному первенцу. Пусть его вдова смеется, пьет вино и танцует — мать не способна столь же легко забыть своего сына.

Нехорошо это, думалось ей. Слишком поспешно. Подождать бы год или два. Хайгардену следовало бы довольствоваться помолвкой. Серсея смотрела на Мейса Тирелла, стоявшего между женой и матерью. *Устроить эту свадебную комедию меня вынудил ты, милорд, — об этом я тоже не скоро забуду*.

Когда пришло время менять плащ, Маргери грациозно преклонила колени, и Томмен накинул ей на плечи тот самый парчовый кошмар, которым Роберт окутал Серсею в день их свадьбы, с коронованным оленем Баратеонов, вышитым черным ониксом на спине. Серсея хотела взять для этого красный шелковый плащ, брачный плащ Джоффри. «Им мой лорд-отец когда-то одел мою леди-мать», — объясняла она Тиреллам, но Королева Шипов и тут пошла ей наперекор. «Такой старый? — сказала эта карга. — Он, должно быть, сильно потерся, да и счастья никому не принес, смею сказать. И разве олень не больше приличествует законному сыну короля Роберта?

В мои времена невесту облачали в цвета ее мужа, а не свекрови».

Благодаря грязному письму Станниса о происхождении Томмена кружило и так уже много слухов. Серсея не посмела раздувать огонь, настаивая на ланнистерском багрянце, и уступила со всей учтивостью которую сумела из себя выжать. Но вид золотой парчи с ониксом возмущал ее и теперь. *Чем больше мы даем этим Тиреллам, тем больше они хотят.*

Обряд завершился, и король со своей новой королевой вышли из септы принимать поздравления.

— Теперь в Вестеросе две королевы, и молодая не менее прекрасна, чем старая, — ляпнул сир Лайл Кракехолл, олух, часто напоминавший Серсее ее покойного и отнюдь не оплакиваемого мужа. Она охотно влепила бы ему оплеуху. Джайлс Росби подошел к ее руке и раскашлялся, забрызгав ей пальцы. Лорд Редвин приложился к щеке Серсеи, Мейс Тирелл расцеловал в обе. Великий мейстер Пицель заверил, что она не теряет сына, но обретает дочь. По крайней мере судьба избавила ее от слезливых причитаний леди Танды. Ни одна Стоквортиха на свадьбе не появилась — и на том спасибо.

Среди последних к ней приблизился Киван Ланнистер.

— Ты, как я слышала, отбываешь, чтобы сыграть еще одну свадьбу, — сказала она.

— Твердокаменный вышиб недобитков из замка Дарри. Невеста Ланселя встретит нас там.

— Твоя леди-жена тоже будет?

— В речных землях все еще неспокойно. Там рыщут бандиты Варго Хоута, и Берик Дондаррион вовсю вешает Фреев. Правда ли, что Сандор Клиган примкнул к нему?

Откуда он может об этом знать?

— Возможно. Донесения противоречивы. — Минувшей ночью к ним прилетела птица из септрия на острове, лежащего близ устья Трезубца. На соседний с ним город, Солеварни, напала шайка разбойников, и уцелевшие говорили, что среди них был зверь рыкающий в песьеголовом шлеме. Он будто бы зарубил дюжину человек и совершил насилие над девочкой двенадцати лет. — Не сомневаюсь, что Лансель в скором времени истребит как Клигана, так и лорда Берика, восстановив тем самым мир в речных землях.

Сир Киван пристально посмотрел ей в глаза.

— Мой сын — не тот человек, чтобы справиться с Сандором Клиганом.

С этим она по крайней мере была согласна.

— Но его отец, возможно, тот самый.

— Если я не нужен тебе в Утесе… — стиснул губы дядя.

Ты был нужен мне здесь, думала она. Кастеляном Утеса Серсея назначила своего кузена Дамиона, а другого кузена, сира Давена, сделала Хранителем Запада. *Наглость даром не дается, дядюшка.*

— Привези нам голову Сандора, и его величество окажет тебе великие милости. Джофф питал слабость к этому человеку, но Томмен всегда боялся его… и, как видно, не без причины.

— Когда собака портится, вина лежит на ее хозяине. — Сир Киван повернулся и пошел прочь.

Джейме проводил Серсею в Малый Чертог, где накрывали столы.

— Все из-за тебя, — шептала она на ходу. — Пусть, мол, женятся. Маргери должна Джоффри оплакивать, а не выходить за его брата. Она должна страдать от горя так же, как я. Не верю я, что она девственница. Ренли-то прыток был, разве нет? Как же иначе, ведь он брат Роберта. Если эта мерзкая старушенция думает, что я позволю моему сыну…

— От леди Оленны ты избавишься весьма ско-

ро, — тихо заметил Джейме. — Завтра она отбудет в Хайгарден.

— Слушай ее больше. — Серсея не верила ни единому слову Тиреллов.

— Она в самом деле едет. Половину своих людей Мейс уведет к Штормовому Пределу, а другая половина вернется в Простор с сиром Гарланом, чтобы он мог удержать за собой Брайтуотер. Еще день другой, и из всех роз в Королевской Гавани останется только Маргери со своими дамами да горстка гвардейцев.

— И сир Лорас. Или ты забыл своего названого брата?

— Сир Лорас — рыцарь Королевской Гвардии.

— Сир Лорас уж такой Тирелл, что даже сикает розовой водицей. Не надо было давать ему белый плащ.

— Я бы этого не сделал, уверяю тебя. Со мной никто не советовался. Ничего, стерпится. Белый плащ меняет человека, стоит только надеть его.

— Тебя он точно изменил, и не в лучшую сторону.

— Я тебя тоже люблю, дорогая сестра. — Он открыл перед ней дверь и проводил к высокому месту рядом с королем. Почетное место по другую руку от Томмена предназначалось Маргери.

Та, войдя со своим маленьким мужем, обняла и расцеловала Серсею.

— Ваше величество, — прощебетала она без зазрения совести, — я чувствую, что у меня теперь есть еще одна матушка. Молюсь о том, чтобы мы сошлись близко, связанные любовью к вашему милому сыну.

— Я любила обоих своих сыновей.

— Джоффри я тоже поминаю в своих молитвах. Я очень его любила, хотя не имела счастья узнать.

Лгунья. Если б ты любила его хоть немного, не торопилась бы выскочить за его брата. Корона, вот на что ты всегда зарилась. Серсее ужасно хотелось припечатать пощечиной зардевшееся личико новобрачной прямо здесь, перед всем двором.

Свадебный пир, как и сама церемония, был скромным. Всеми приготовлениями занималась леди Алерия. У Серсеи недостало духу снова браться за эту задачу после того, чем закончилась свадьба Джоффри. К столу подавалось всего семь блюд. В перерывах гостей развлекали Маслобой и Лунатик, за едой их слух услаждала музыка — скрипки, волынки, лютня, флейта, высокая арфа. Единственный певец, любимец леди Маргери,

нахальный красавчик, разодетый в нежно-голубые цвета, звался Лазурным Бардом. Он спел несколько любовных песен и удалился.

— Какое разочарование, — громко посетовала леди Оленна. — Я надеялась услышать «Рейны из Кастамере».

Каждый раз, когда Серсея смотрела на эту старуху, перед ней всплывало сморщенное, дьявольски мудрое лицо Магги-Жабы. Вздор, говорила она себе. Все старухи похожи одна на другую. Та сгорбленная колдунья, по правде сказать, ничем не походила на Королеву Шипов, однако ехидная улыбочка леди Оленны неизменно возвращала Серсею в шатер Магги. Королева до сих пор помнила аромат заморских пряностей и мягкие десны ворожеи, сосущей кровь из ее пальца. «Быть тебе королевой, — блестящими красными губами предсказала Магги, — пока не придет другая, моложе и красивее. Она свергнет тебя и отнимет все, что тебе дорого».

Серсея бросила взгляд на Маргери, шутившую о чем-то с отцом. Хороша, сказать нечего, — но в основном благодаря своей молодости. Даже крестьяночки бывают милы в ее возрасте, пока они еще свежи и невинны, и у многих из них такие же каштановые волосы и карие глаза, как

у Маргери. Только дурак стал бы утверждать, что она красивей королевы-матери. Но дураков на свете полно, и при дворе ее сына — тоже.

Настроение Серсеи не поправилось, когда Мейс Тирелл встал с намерением произнести первый тост. Высоко подняв золотой кубок, улыбаясь своей ненаглядной доченьке, он громыхнул:

— За короля с королевой!

— За короля с королевой! — заблеяли все прочие овцы, звонко сдвигая чаши. — За короля с королевой! — Серсее ничего не осталось, как выпить вместе со всеми. Жаль, что у этого сборища много голов, а не одна, — она выплеснула бы вино им в лицо и напомнила, что есть только одна настоящая королева: она, Серсея. Из всех прихлебателей Тирелла о ней вспомнил, кажется, только Пакстер Редвин. Он поднялся, слегка покачиваясь, и сказал собственный тост:

— За обеих королев — молодую и старую!

Серсея выпила несколько глотков и поковыряла еду на золотом блюде. Джейме ел еще меньше, чем она, и почти не садился на свое почетное место. *Он волнуется так же, как я*, поняла Серсея, глядя, как он расхаживает по залу и отдергивает здоровой рукой гобелены, чтобы убедиться, что за ними никого нет. Вокруг всего здания стояли

копейщики Ланнистеров. Сир Осмунд Кеттлблэк охранял одну дверь, сир Меррин Трант — другую. За стулом короля стоял Бейлон Сванн, за стулом королевы — Лорас Тирелл. Никому на пиру не разрешалось иметь при себе мечи, только белым рыцарям.

Томмену ничего не грозит, говорила себе Серсея. Здесь и сейчас с ним ничего не случится. Но при каждом взгляде на Томмена ей виделся царапающий горло Джоффри, и когда мальчуган закашлялся, сердце ее на миг перестало биться. Оттолкнув служанку, убиравшую со стола, она устремилась к сыну.

— Да ему просто вино не в то горлышко попало, — с улыбкой успокоила ее Маргери, целуя ручонку Томмена. — Надо делать глотки поменьше, душа моя. Смотрите, как вы напугали свою леди-мать.

— Простите, матушка, — смутился Томмен.

Этого Серсея уже не снесла. *Нельзя, чтобы они видели, как я плачу*, думала она, чувствуя подступающие слезы. Она вышла в заднюю дверь мимо Меррина Транта и там, под сальной свечкой, всхлипнула раз и другой. Любая женщина может поплакать, только не королева.

— Извините мое вторжение, ваше величе-

ство, — произнес позади нее женский голос с легким восточным акцентом. *Уж не Магги ли Жаба вернулась ко мне из могилы*, испугалась на миг Серсея, — но нет, это только жена Мерривезера, томная красавица. Лорд Ортон женился на ней в изгнании и привез ее с собой в Длинный Стол.

— В чертоге так душно, — услышала Серсея собственный голос. — От дыма у меня заслезились глаза.

— У меня тоже, ваше величество. — Леди Мерривезер, ростом не уступавшая королеве, рядом со светлой Ланнистер казалась особенно темной — черные волосы, оливковое лицо. И была лет на десять моложе. Она подала Серсее платок из бледно-голубого шелка, обшитый кружевом. — Я сама мать и знаю, что буду плакать в три ручья, когда моему сыну придет время жениться.

Серсея вытерла щеки, злясь на то, что ее все-таки видели плачущей, и промолвила холодно:

— Благодарю.

— Ваше величество… — понизила голос мирийка, — есть нечто, что вы должны знать. Ваша горничная подкуплена и докладывает леди Маргери обо всем, что вы делаете.

— Сенелла? — в порыве ярости воскликнула королева. Неужели в этом мире никому нельзя

доверять? — Вы уверены?

— Я велела за ней последить. Маргери с ней сама никогда не встречается. Воронами, переносящими вести, ей служат ее кузины — то Элинор, то Элла, то Мегга. Маргери они все равно что сестры. Они ходят в септу будто бы помолиться. Поставьте своего человека утром на галерее, и он увидит, как Сенелла шепчется с Меггой у алтаря Девы.

— Если так, почему вы говорите об этом мне? Вы ведь одна из компаньонок Маргери — зачем вам ее предавать? — Отцовское воспитание сделало Серсею до крайности подозрительной. Ей мерещилась здесь ловушка, уловка с целью посеять раздор между львом и розой.

— Длинный Стол присягнул на верность Хайгардену, — ответила ее собеседница, тряхнув черными волосами, — но я мирийка и обязана верностью только своему мужу и сыну. Я пекусь об их благе.

— Понимаю. — В тесноте коридора пахло чужими духами, дикими цветами с примесью мха и сырой земли. Из-под них отчетливо пробивался запах честолюбия. Эта женщина показывала против Тириона на суде, вспомнилось вдруг Серсее. Она видела, как Бес положил яд в чашу Джоффри,

и не побоялась сказать об этом. — Я рассмотрю это дело, — пообещала Серсея, — и если ваши слова подтвердятся, вознагражу вас. — *Если же ты солгала, я лишу тебя языка, а твоего лорда-мужа — земель и золота.*

— Как вы добры, ваше величество. И как прекрасны. — Белые зубы блеснули в улыбке между полными, темными губами мирийки.

Королева вернулась в Малый Чертог, где беспокойно расхаживал ее брат.

— Да, он просто поперхнулся вином. Но и меня напугал, признаться.

— У меня живот так свело, что куска проглотить не могу, — проворчала в ответ она. — А вино отдает желчью. Напрасно мы затеяли эту свадьбу.

— Это было необходимо. Мальчик в полной безопасности.

— Дурак. Опасность грозит всем, кто носит корону. — Она оглядела зал. Мейс Тирелл смеялся, окруженный своими рыцарями. Лорды Редвин и Рован тихо толковали между собой. Сир Киван думал невеселую думу над своей чашей, Ланселль беседовал с септоном. Сенелла, двигаясь вдоль стола, наполняла кубки фрейлин невесты красным, как кровь, вином. Великий мейстер дремал. *Ни на кого из них, даже на Джейме, я не*

могу положиться, мрачно говорила себе Серсея. *Надо убрать их всех и окружить короля своими людьми.*

Когда унесли сласти, орехи и сыр, Маргери с Томменом пошли танцевать. Зрелище вышло пресмешное. Маргери на добрых полтора фута возвышалась над мужем, а Томмен плясал куда как неуклюже — от изящества Джоффри ему ничего не досталось. Однако все коленца он проделывал вполне серьезно, не понимая, как потешно выглядит со стороны. Как только дева Маргери упорхнула, в пару с ним начали становиться ее кузины одна за другой. Они его совсем закружат, возмущенно думала Серсея, и половина двора будет втихомолку смеяться над ним.

Пока Элла, Мегга и Элинор отплясывали с Томменом, Маргери прошлась с отцом и со своим братом Лорасом. Рыцарь Цветов был великолепен — весь в белых шелках, пояс из золотых роз, плащ застегнут хризолитовой розой. Их можно принять за близнецов, думала, глядя на них, Серсея. Сир Лорас на год старше сестры, но у обоих те же большие карие глаза, те же густые каштановые кудри, ниспадающие на плечи, та же гладкая, без единого изъяна кожа. Жаль. Пара прыщиков могла бы научить их смирению. Лорас

выше, и на лице его темнеет пушок, а у Маргери женственные формы, но в остальном они схожи друг с другом больше, чем Серсея и Джейме. Еще один повод для раздражения.

Размышления королевы прервал ее собственный брат.

— Не окажет ли ваше величество честь своему белому рыцарю?

Она испепелила его взглядом.

— Чтобы я опиралась на твой обрубок? Ну уж нет. Можешь, однако, налить мне вина. Если способен сделать это, не проливая.

— Вряд ли убогий калека справится с этим. — Он снова отправился в обход зала, и пришлось ей самой себе наливать.

Мейсу Тиреллу она тоже отказала, и Ланселю. Прочие поняли намек, и никто больше не подходил к ней. *Наши преданные друзья и верные лорды. Даже западным жителям доверять нельзя, воинам и знаменосцам отца. Если уж родной дядя сговаривается с врагами…*

Маргери танцевала теперь со своей кузиной Эллой, а Мегга — с сиром Талладом Высоким. Третья кузина, Элинор, пила вино из одной чаши с молодым, красивым Бастардом из Дрифтмарка, Аурином Уотерсом. Королева не впервые оста-

навливала взгляд на этом стройном зеленоглазом юноше с длинными серебристо-золотыми волосами. При первом знакомстве с ним ей на миг показалось, что это Рейегар Таргариен восстал из пепла. Все дело в его волосах — он ведь и наполовину не столь красив, как Рейегар. Лицо у него слишком узкое и подбородок раздвоен. Однако Веларионы происходят от старого валирийского рода, и некоторые из них унаследовали серебристые волосы древних королей-драконов.

Томмен, вернувшись на свое место, уплетал яблочный пирог. Сиденье дяди Кивана пустовало. Серсея отыскала его в углу, где он оживленно беседовал с Гарланом, сыном Мейса. О чем они могут разговаривать? Пусть Гарлана в Просторе прозвали Галантным — Серсея верила ему не больше, чем Маргери или Лорасу. Она не забыла той золотой монеты, которую откопал Квиберн под судном тюремщика. Золотая рука Хайгардена. *А Маргери шпионит за мной.* Подошла Сенелла, чтобы налить ей вина, и Серсея едва подавила желание схватить ее за горло и придушить. *Нечего улыбаться мне, сучка, предательница. Ты еще будешь молить о милосердии, прежде чем я покончу с тобой.*

— Думаю, ее величеству на сегодня вина до-

вольно, — услышала она голос Джейме.

Ошибаешься. Всего вина на свете не хватит, чтобы помочь мне пережить эту свадьбу. Серсея резко поднялась с места и чуть не упала. Джейме подхватил ее под локоть. Вырвав у него руку, она хлопнула в ладоши. Музыка смолкла, разговоры затихли.

— Лорды и леди, — громко сказала Серсея, — если вам будет угодно выйти со мной наружу, мы зажжем свечу в ознаменование союза между Хайгарденом и Бобровым Утесом. В ознаменование нового века, сулящего мир и процветание нашим Семи Королевствам.

Темная и покинутая стояла Башня Десницы с зияющими дырами на месте выломанных дубовых дверей и ставен. Полуразрушенная, осквернённая, она по-прежнему подавляла своей высотой все строения внешнего двора. Гости, выходя из Малого Чертога, попадали в ее тень. Серсея посмотрела вверх — зубцы на башне вгрызались в полную луну осеннего равноденствия. Сколько же королевских десниц обитало здесь за последних три века?

Королева остановилась в ста ярдах от башни, глубоко вздохнула, перебарывая головокружение, и сказала:

— Можете начинать, лорд Галлин.

Пиромант, откашлявшись, махнул факелом. Лучники на стенах прицелились и послали в разверстые окна около дюжины огненных стрел.

Башня, охнув в ответ, осветилась изнутри красным, желтым, оранжевым… и зеленым, зловещей темной зеленью, цвета желчи, жадеита, пиромантовой мочи. Алхимики именуют это вещество «субстанцией», но в народе оно зовется «диким огнем». В Башне Десницы установили полсотни горшков этой самой субстанции, переложив их дровами, бочками со смолой и имуществом карлика по имени Тирион Ланнистер.

Королеву овеял жар зеленого пламени. По словам пиромантов, только три вещи на свете горят жарче его: драконий огонь, подземный огонь и летнее солнце. Дамы заахали, увидев в окнах первые языки пламени, длинные и зеленые. Мужчины вскричали «ура» и подняли вверх заздравные чаши.

Как он красив, этот огонь, думала Серсея. *Красив, как Джоффри, когда его впервые приложили к моей груди.* Ни один мужчина не доставлял ей такого наслаждения, как этот нежный ротик, прильнувший к ее соску.

Томмен смотрел на пожар круглыми глазами,

завороженный и напуганный одновременно. Маргери сказала ему что-то на ухо, и он засмеялся. Рыцари бились об заклад, скоро ли обрушится башня. Лорд Галлин мурлыкал что-то себе под нос, покачиваясь на каблуках.

Серсея вспоминала всех десниц, которых знала на своем веку: Оуэна Мерривезера, Джона Коннингтона, Карлтона Челстеда, Джона Аррена, Эддарда Старка, своего брата Тириона. И отца, лорда Тайвина Ланнистера. Отца прежде всего. *Горите*, с тайным ликованием повторяла она про себя. *Горите ярким пламенем со всеми своими секретами, заговорами, изменами. Это мой день. Мой замок и мое королевство.*

Башня внезапно издала стон, заткнувший рты болтунам. Часть ее верхушки грохнулась наземь, подняв столб дыма и пыли. От проникшего в брешь воздуха огонь взвился ввысь, в самое небо. Томмен попятился, но Маргери, взяв его за руку, сказала:

— Смотри, он танцует. Как мы с тобой, моя радость.

— Да, — с трепетом произнес мальчик. — Посмотри, матушка, как пляшет огонь.

— Я вижу. Как долго он будет гореть, лорд Галлин?

— Всю ночь, ваше величество.

— Славная свечка, надо сказать. — Леди Оленна, опираясь на трость, стояла между Правым и Левым. — Чтобы добраться до постели, другой уже не понадобится. Старые кости устали, а молодые достаточно повеселились на эту ночь. Пора проводить короля с королевой в опочивальню.

— Да, верно. Лорд-командующий, — сказала Серсея Джейме, — проводите их величества на покой.

— И ваше величество тоже?

— Нет нужды. — Серсея не чувствовала сонливости. Дикий огонь очищал ее, выжигал гнев и страхи, наполнял ее свежей решимостью. — Я хочу еще немного полюбоваться этим великолепным зрелищем.

— Вам не следует оставаться одной, — настаивал Джейме.

— Со мной останется сир Осмунд. Ваш брат по оружию.

— Как вашему величеству будет угодно, — сказал Кеттлблэк.

— Мне угодно, чтобы меня охраняли вы. — Она оперлась на его руку, и они вместе стали смотреть, как бушует огонь.

Падший рыцарь

Ночь выдалась необычайно холодная даже для осени. Ветер свистал в переулках, вздымая дневную пыль. Северный ветер. Сир Арис Окхарт поднял свой капюшон, чтобы скрыть лицо. Если кто-то узнает его, будет худо. Две недели назад в теневом городе убили купца, совершенно безобидного человека — он приехал в Дорн за финиками, а нашел свою смерть. Вся его вина состояла в том, что он прибыл из Королевской Гавани.

Сира Ариса могли счесть еще более тяжким преступником, но он встретил бы нападение почти с радостью. Его рука скользнула по рукояти меча, наполовину скрытого под складками полотняных одежд. Сверху на нем была надета длинная туника с бирюзовыми полосками и рядами золотых солнц, под ней другая, оранжевая. Дорнийская одежда весьма удобна, но его покойный отец ужаснулся бы, увидев сына в таком наряде. Отец, житель Простора, в дорнийцах видел заклятых врагов, о чем свидетельствовали гобелены Старой Дубравы. Арису стоило только

закрыть глаза, чтобы вновь их увидеть перед собой. У ног лорда Эдгеррана Отверстая Длань высится пирамида из ста дорнийских голов. Три Листка лежат, пронзенные дорнийскими копьями, на Принцевом перевале, и Алестер на последнем дыхании трубит в рог. Сир Оливар Зеленый Дубок, весь в белом, гибнет бок о бок с Молодым Драконом. Дорн — не место для человека из рода Окхартов.

Еще до того, как умер принц Оберин, рыцарь чувствовал себя неуютно, выходя из замка в теневой город. Все пялили на него глаза, и взирали на эти черные дорнийские бусины с плохо скрытой враждебностью. Лавочники норовили его надуть, трактирщики, вполне вероятно, плевали в его вино. Мальчишки-оборвыши как-то раз забросали его камнями и разбежались, лишь когда он выхватил меч. А после гибели Красного Змея дорнийцы распалились еще сильнее. Правда, когда принц Доран заточил песчаных змеек в башню, страсти на улицах поутихли, но появляться там в белом плаще значило напрашиваться на стычку. Плащей он привез с собой три: два шерстяных, один легкий, другой тяжелый, а третий — из тонкого белого шелка. Не имея одного из них на плечах, рыцарь казался самому себе голым.

Ничего, голым быть лучше, чем мертвым, думал он на ходу. *В плаще или без него я остаюсь рыцарем Королевской Гвардии, и она должна отнестись к этому с уважением. Должна понять.* Напрасно он дал втянуть себя во все это, но, как сказал певец, любовь кого угодно делает дураком.

В знойные часы дня теневой город казался покинутым — лишь мухи жужжали на его пыльных улицах, — но к вечеру оживал. Из-за решетчатых ставен струилась музыка, и быстрый ритм танца с копьями, отбиваемый кем-то на барабане, звучал как пульс самой ночи. В месте, где под второй из Кривых Стен встречались три переулка, Ариса окликнула с балкона перинница. Одежду ей заменяли драгоценности на блестящей от масла коже. Горбясь и пригибаясь от ветра, он прошел мимо. Человек слаб. Натура предает даже благороднейших из мужей. Король Бейелор Благословенный изнурял себя постом, чтобы укротить похоть. Может, и ему, Арису, следовало бы соблюдать пост?

В арке какой-то коротышка жарил ломти змеиного мяса, поворачивая их деревянной рогулькой. От запаха острого соуса у рыцаря заслезились глаза. Он слышал, что в такой соус добавляется капля яда наряду с горчичным семенем и драко-

ньим перцем. Мирцелла привыкла к дорнийской еде столь же быстро, как к своему принцу, и сир Арис, желая сделать ей приятное, тоже пробовал здешние блюда. Пища обжигала ему рот и заставляла хвататься за вино, а при выходе жгла еще злее, чем при входе. Но маленькая принцесса была довольна, а это главное.

Он оставил ее и принца Тристана за игорным столиком двигать точеные фигуры по клеткам из яшмы, сердолика и ляпис-лазури. Мирцелла ушла в игру целиком — пухлые губки оттопырены, зеленые глаза точно щелочки. Игра эта зовется кайвассой. Ее завезли в Дощатый город на волантинской торговой галее, а сироты разнесли ее вверх и вниз по Зеленой Крови. При дорнийском дворе все помешались на ней.

Сира Ариса она приводила в бешенство. Десять фигур, каждая из которых ходит по-разному, а доска меняется с каждой игрой, смотря как игроки перемешают свои квадратики. Принц Тристан быстро ей обучился и Мирцеллу научил, чтобы она могла с ним играть. Ей еще нет одиннадцати, а ее жениху тринадцать, но в последнее время она частенько стала выигрывать. Тристана это как будто не обижает. Двух таких несхожих детей еще не бывало на свете — он оливково-смуглый,

с прямыми черными волосами, она беленькая, с целой копной золотых кудряшек: свет и тьма, королева Серсея и король Роберт. Арис молился, чтобы девочка со своим юным дорнийцем обрела больше счастья, чем ее мать со своим штормовым лордом.

Уходил он с тяжелым сердцем, хотя Мирцелле в замке ничего не грозило. В ее покои в Солнечной башне ведут только две двери, и у каждой сир Арис поставил двух часовых — домашних гвардейцев Ланнистеров, приехавших вместе с ним из Королевской Гавани, закаленных в боях и преданных до мозга костей. Кроме них, Мирцеллу опекают ее служанки и септа Эглантина, а Тристана сопровождает его собственный щит, сир Гаскойн с Зеленой Крови. *Никто не потревожит ее*, говорил себе Арис, *а через две недели мы и вовсе уедем отсюда*.

Сам принц Доран обещал ему это. Арис был поражен, увидев, как немолод и слаб здоровьем дорнийский принц, но в слове его не имел причин сомневаться.

«Сожалею, что до сих пор не мог встретиться с вами и с принцессой Мирцеллой, — сказал Мартелл, когда Ариса допустили в его горницу, — но надеюсь, что моя дочь Арианна хорошо приняла

вас».

«Да, мой принц», — ответил рыцарь, молясь, чтобы его не выдала краска в лице.

«Наш край суров и беден, но в нем есть свои прелести. Жаль, что вы не видели в Дорне ничего, кроме Солнечного Копья, но сейчас вам и вашей принцессе небезопасно покидать эти стены. Мы, дорнийцы, люди горячего нрава, скорые на гнев и плохо умеющие прощать. Я был бы рад вас заверить, что войны хотят одни только песчаные змейки, но лгать вам, сир, я не стану. Вы слышали, что кричит народ на улицах, — все требуют, чтобы я созвал свои копья. И половина моих лордов, боюсь, желает того же».

«А вы, мой принц?» — осмелился спросить Арис.

«Еще моя матушка говорила мне, что только безумец начинает войну, которую не может выиграть. — Если прямой вопрос рыцаря и разгневал Дорана, он хорошо это скрыл. — Но нынешний мир непрочен… он хрупок, как ваша принцесса».

«Только зверь способен причинить вред ребенку».

«Дочь моей сестры Элии, Рейенис, тоже была ребенком, — вздохнул принц. — И тоже принцессой. Человек, который вонзит нож в Мирцеллу,

будет ненавидеть ее не больше, чем ненавидел Рейенис сир Амори Лорх, убивший ее — если убил в самом деле он. Эти люди хотят одного — вынудить меня к действию. Если Мирцеллу убьют в Дорне, где она находится под моим покровительством, кто же поверит, что я этого не хотел?»

«Никто не прикоснется к Мирцелле, пока я жив».

«Благородные слова, сир, — слабо улыбнулся Доран, — но много ли может сделать один человек? Я надеялся умерить брожение, взяв под стражу своих упрямых племянниц, но добился лишь того, что загнал тараканов в тростник на полу. Каждую ночь я слышу, как они шепчутся и точат свои ножи».

Он боится, понял тогда Арис. Вон как дрожат его руки. Он просто в ужасе. Арис понял это и не нашел слов.

«Прошу простить меня, сир, — снова заговорил принц. — Здоровье изменяет мне, и порой… Я плохо переношу Солнечное Копье с его грязью, шумом и вонью. Как только долг позволит, я намерен вернуться в Водные Сады. И взять с собой принцессу Мирцеллу. — Доран, предупреждая возражения Ариса, поднял руку с опухшими красными суставами. — Вы тоже поедете — а

также ее септа, служанки и стража. У Солнечного Копья прочные стены, но под ними лежит теневой город. Даже в самом замке каждый день толпятся сотни народу. Сады же — моя тихая пристань. Принц Марон построил этот дворец для своей невесты из дома Таргариенов, чтобы ознаменовать союз Дорна с Железным Троном. Осенью там хорошо — жаркие дни, прохладные ночи, соленый бриз с моря, пруды, фонтаны… И много других детей, мальчиков и девочек из знатных домов. Мирцелла сможет поиграть с ними, найдет среди них друзей. Одиноко ей там не будет».

«Воля ваша». Хорошо, конечно, что Мирцелла окажется в безопасности — но почему принц Доран попросил его не уведомлять Королевскую Гавань о переезде? «Лучше всего, если никто не будет знать, где она». Арис согласился с этим — что еще ему оставалось? Пусть он рыцарь Королевской Гвардии — один человек, как верно заметил принц, мало что может.

Переулок уперся в освещенный луной двор. «За свечной лавкой будет калитка, — писала она, — а за нею крыльцо». Арис вошел в калитку, поднялся по истертым ступенькам к какой-то двери. Стучать или нет? Решив, что не стоит, он отворил

дверь и очутился в большой низкой комнате. Ее тускло освещала пара душистых свечей, мерцавших в углублениях толстых глинобитных стен. Под ногами узорный мирийский ковер, на одной стене гобелен, в глубине кровать.

— Миледи? — позвал Арис. — Где вы?

— Здесь, — ответила она, выходя из-за двери.

Ее правую руку до локтя обвивал браслет-змейка, поблескивающий медными и золотыми чешуйками. Больше на ней не было ничего.

Нет, хотел сказать он. *Я пришел лишь чтобы сказать, что долг велит мне уйти.* Но, увидев ее при свечах, он утратил дар речи. Горло словно дорнийским песком засыпали. Он стоял молча, впивая глазами ее тело — ложбинку на шее, полные спелые груди с большими темными сосками, восхитительный изгиб талии и бедер. Потом, сам не зная как, он уже обнимал ее, а она снимала с него одежду. Добравшись до нижней туники, она разорвала ее до пупа, но Арис это едва заметил. Он гладил ее кожу, теплую, как песок, спекшийся на дорнийском солнце. Приподняв ей голову, он нашел ее губы. Она приоткрыла рот, и ее груди легли ему в ладони. Большие пальцы Ариса коснулись затвердевших сосков. От ее черных волос шел густой, земляной аромат орхидей, побудив-

ший его напрячься почти до боли.

— Потрогай меня, сир, — прошептала она ему на ухо. Его рука скользнула ниже округлого живота, нащупав заветную влажную ложбинку среди черных завитков. — Да, вот здесь… — Она увлекла его за собой, уложила на кровать. — Еще, еще, рыцарь мой, милый мой белый рыцарь, еще, я хочу тебя. — Ее руки направили его внутрь, обвились вокруг пояса, притянули ближе. — Глубже… вот так. — Она обвила его ногами, крепкими, точно стальными. Ее ногти впивались в него при каждом его рывке, и наконец она закричала, выгнувшись под ним дугой. Ее пальцы стиснули его соски и держали, пока его семя изливалось в нее. Умереть бы сейчас, подумал рыцарь, и на дюжину ударов сердца растворился в блаженстве.

Но он не умер.

Его желание было глубоким и бескрайним, как море, но прилив схлынул, обнажив острые камни вины и стыда. Вода порой закрывает их, однако они всегда остаются на месте, черные и склизкие. *Что ты делаешь здесь, рыцарь Королевской Гвардии?* Задав себе этот вопрос, он скатился с женщины и растянулся на спине. Только сейчас он рассмотрел большую трещину через весь потолок, а на гобелене — Нимерию и десять тысяч

ее кораблей. Если бы недавно в окно заглянул дракон, Арис не увидел бы ничего, кроме своей желанной — ее груди, ее лица, ее улыбки.

— Тут есть вино. — Ее рука легла ему на грудь, губы пощекотали шею. — Хочешь пить?

— Нет. — Он отодвинулся, сел на край постели. В комнате было жарко, но он дрожал.

— Как я тебя исцарапала. До крови.

От ее прикосновения он вздрогнул, как будто его опалило огнем, и встал.

— Не надо.

— Я могу помазать тебя бальзамом.

Жаль, что бальзам от стыда еще не придуман.

— Ничего. Простите меня, миледи. Я должен идти.

— Так скоро? — Ее грудной голос был создан для любовного шепота, губы — для поцелуев. Волосы струились по плечам, стекали на грудь такими же мягкими завитками, что курчавились у нее между ног. — Останься со мной на всю ночь. Я еще многому могу тебя научить.

— Я и так узнал от вас слишком много.

— И этот урок, насколько я видела, пришелся тебе по вкусу. Уж не к другой ли ты так спешишь? Назови мне ее, и мы сразимся за тебя на ножах, обнажив груди. Если она только не песчаная

змейка. Тогда мы поделимся с ней — по-родственному.

— Вы же знаете, у меня нет другой женщины. Только… мой долг.

Она оперлась на локоть, блестя черными глазами.

— Знаю я эту суку. Между ног у нее сухо, как в пустыне, а поцелуи точно укусы. Пусть она нынче поспит одна, а ты оставайся.

— Мое место во дворце.

— С другой принцессой, — вздохнула она. — Ты заставляешь меня ревновать — мне кажется, ты ее любишь больше. Слишком она молода для тебя. Тебе нужна женщина, а не девочка… но я могу притвориться невинной, если это тебя волнует.

— Не надо так говорить. — Она дорнийка, в этом все дело. Это острая пища делает их такими, говорят в Просторе, — мужчин свирепыми, женщин распутными. Перец и заморские пряности горячат кровь, она тут не виновата. — Я люблю Мирцеллу как дочь. — Родной дочери у него быть не может, как и жены. Вместо них у него белый плащ. — И мы скоро уедем в Водные Сады.

— Уедете, — согласилась она, — хотя у отца все затягивается вчетверо дольше, чем следует. Если он располагает выехать завтра, жди отъезда че-

рез пару недель. Ты будешь одинок там, в Садах. И где твои галантные речи? Кто говорил, что хочет провести остаток жизни в моих объятиях?

— Я был пьян.

— Ты выпил всего три чаши вина. С водой.

— Меня опьянили вы. Вот уже десять лет… я ни к одной женщине не прикасался с тех пор, как надел белое. Я не знал, что такое любовь, но теперь… мне страшно.

— Что же страшит моего белого рыцаря?

— Я боюсь за свою честь. И за вашу.

— О своей чести я сама позабочусь. — Она медленно обвела пальцем сосок. — Как и о своих удовольствиях. Я давно уже взрослая.

Видеть ее на этой постели, с этой лукавой улыбкой, видеть, как она играет своими прелестями… у какой другой женщины можно найти такие крупные, такие чувствительные соски? Так и хочется впиться в них и сосать до изнеможения…

Он отвел глаза и нагнулся, чтобы взять с ковра нижнее белье.

— У тебя руки дрожат. Лучше бы ты успокоил их, приласкав меня. Зачем тебе одеваться, сир? Я предпочитаю тебя такого, как есть. Только в постели, без одежды, мы бываем самими собой — мужчиной и женщиной, любовниками, единой

плотью. Ближе и быть нельзя. Одежда делает нас чужими. Я не люблю прятать себя под шелками и драгоценностями, и твой белый плащ — это не ты, сир.

— Нет. Он — это я и есть. Нам нужно покончить с этим, как ради вас, так и ради меня. Если нас обнаружат…

— Тебя сочтут счастливцем.

— Меня сочтут клятвопреступником. Что, если вашему отцу расскажут, как я обесчестил вас?

— Отец может быть кем угодно, но дураком он не слыл никогда. Невинности меня лишил Бастард из Дара Богов, когда нам обоим было четырнадцать лет. Знаешь, что сделал отец, когда об этом узнал? — Она зажала в кулаке простыню и прикрылась ею до подбородка. — Ничего. Мой отец мастер ничего не делать. У него это называется «я думаю». Скажи правду, сир: тебя тревожит мое бесчестье или твое собственное?

— И то, и другое. — Ее стрела, однако, попала в цель. — Вот почему это свидание должно стать последним.

— Ты об этом уже говорил.

Да, говорил. С полной искренностью. Он слаб, иначе вовсе не пришел бы сюда. Но ей в этом признаваться нельзя — такие женщины, как

она, презирают слабых. Дядиного в ней больше, чем отцовского. Арис нашел на стуле нижнюю шелковую тунику и пожаловался:

— Разорвана. Как же я теперь надену ее?

— Задом наперед. Наденешь верхнюю, и прореху никто не заметит. Отдашь ее зашить маленькой принцессе? Или прислать тебе новую в Водные Сады?

— Не нужно мне ничего посылать. — Арис не желал привлекать к себе никакого внимания. Он надел тунику через голову, как советовала она. Прохладный шелк прилип к исцарапанной спине. Ну ничего, до дворца он как-нибудь доберется. — Я хочу одного: покончить с этим… с этой…

— Разве это достойно галантного рыцаря? Вы меня обижаете, сир. Я начинаю думать, что все ваши любовные речи были лживыми.

Нет, он не лгал. Сир Арис воспринял ее слова как пощечину.

— Для чего бы иначе я пожертвовал своей честью, если не ради любви? Когда я с вами, то не могу думать ни о чем другом… вы единственная мечта моя…

— Слова, слова. Если любишь, не уходи.

— Я дал обет…

— …не жениться и не заводить детей. И что же? Я пью лунный чай, а женой твоей все равно не смогла бы стать. Хотя не прочь сделать тебя своим постоянным любовником, — улыбнулась она.

— Теперь вы смеетесь надо мной.

— Самую чуточку. По-твоему, ты первый королевский рыцарь, любивший женщину?

— Люди, которым легче произнести обеты, нежели соблюдать их, найдутся всегда. — Сир Борос Блаунт похаживал на Шелковую улицу, сир Престон Гринфилд навещал дом одного купца, когда самого купца не было дома, но Арис никогда бы не стал позорить своих названых братьев. Вместо этого он сказал: — Сира Терренса Тойна застали в постели с любовницей его короля. Он клялся, что на грех его толкнула любовь, но это стоило жизни ему и ей, привело к падению его дома и к гибели благороднейшего из всех рыцарей, когда-либо живших на свете.

— А как же Люкамор Любострастник со своими тремя женами и шестнадцатью детьми? Я всегда смеюсь, слушая песню о нем.

— Правда не столь забавна. При жизни его никто не называл Любострастником. Он звался сир Люкамор Сильный. Когда его многолетняя ложь открылась, собственные братья по оружию оско-

пили его, а Старый Король отправил его на Стену. Шестнадцать его детей остались сиротами. Он не был истинным рыцарем, как и Терренс Тойн.

— Ну а Рыцарь-Дракон? — Она откинула простыню и спустила ноги на пол. — Благороднейший из всех рыцарей, по твоим же словам? Он спал со своей королевой и наградил ее ребенком.

— Я в это не верю. История о преступной связи принца Эйемона с королевой Нейерис — всего лишь сказка, которую распространял его брат, желая отдать трон бастарду в ущерб законному сыну. Недаром же Эйегону дали прозвище Недостойный. — Арис опоясался мечом. На шелковой тунике пояс выглядел нелепо, но знакомая тяжесть меча и кинжала напомнила ему, кто он на самом деле. — Я не хочу, чтобы меня вспоминали как Ариса Недостойного. И не стану марать свой плащ.

— Да, жаль было бы — он такой белый. Не забывай, однако, что мой двоюродный дед тоже носил его. Он умер, когда я была маленькой, но я его помню. Он был высокий, как башня, и щекотал меня, пока я не заходилась от смеха.

— Я не имел чести знать принца Ливена, но все сходятся в том, что он был великий рыцарь.

— Великий рыцарь, имевший любовницу. Те-

перь она уже старая, но в юности, говорят, была на редкость красива.

Принц Ливен? Эту историю Арис слышал впервые, и она неприятно поразила его. Измена Терренса Тойна и обман Люкамора Любострастника вошли в Белую Книгу, но на странице принца Ливена ни о чем таком не упоминалось.

— Дядя всегда говорил, что цену мужчины определяет тот меч, что в руке, а не тот, что помещается между ног, — продолжала женщина, — поэтому оставь свои благочестивые речи о запятнанных плащах. Твою честь пятнает не наша любовь, а то, что ты служишь чудовищам и называешь зверей братьями.

Это задело его за живое.

— Роберт не был чудовищем.

— Он взошел на трон по трупам детей — но Джоффри его переплюнул, не спорю.

Джоффри. Красивый мальчик, высокий и сильный для своих лет — но больше ничего доброго о нем не скажешь. Рыцарь стыдился вспоминать, как ударил бедную малютку Старк по его приказу. Когда Тирион решил, что Мирцеллу в Дорн будет сопровождать Арис, благодарный рыцарь поставил свечу Воину.

— Джоффри умер, отравленный Бесом. — Он

никогда не думал, что карлик способен на такое большое дело. — Теперь королем стал Томмен, а он не похож на брата.

— И на сестру не похож.

Да, это правда. Томмен — славный мальчуган и всегда старается поступать хорошо, но когда он рыдал на пристани, Мирцелла и слезинки не проронила — а ведь это она уезжала из дома на чужбину, не он. Принцесса, спору нет, храбрее своего брата, способнее, увереннее в себе. И ум у нее живее, чем у него, и манеры изысканнее. Женщины, как правило, сильнее мужчин. Арис, думая так, имел в виду не только Мирцеллу, но и ее мать, и свою собственную, и Королеву Шипов, и красивых отчаянных дочек Красного Змея. А прежде всего — принцессу Арианну Мартелл.

— Не стану вам возражать, — признал он осевшим голосом.

— Еще бы ты стал! Мирцелла куда больше годится для трона…

— Сын идет впереди дочери.

— С какой это стати? Отцу наследую я. По-твоему, я должна передать права своим братьям?

— Вы извращаете мои слова. Дорн — дело иное, а Семи Королевствами не правила еще ни одна женщина.

— Визерис Первый прочил в наследницы свою дочь Рейениру — ты ведь не будешь этого отрицать? Но когда король лежал на смертном одре, лорд-командующий его гвардии решил по-другому.

Сир Кристон Коль. По вине Кристона Своевольного брат пошел против сестры, Королевская Гвардия раскололась надвое, и все это привело к страшной войне, которую сказители после назвали Пляской Драконов. Одни говорят, что им двигало честолюбие, ибо принцем Эйегоном управлять было проще, чем его непреклонной старшей сестрой. Другие приписывают ему более благородные побуждения — он, мол, защищал древний андальский обычай. Третьи шепотом уверяют, что сир Кристон до того, как надеть белое, был любовником принцессы Рейениры и хотел отомстить женщине, соблазнившей его.

— Своевольный совершил великое зло и жестоко за него поплатился, но…

— …Но Семеро, быть может, для того и прислали тебя сюда, чтобы один белый рыцарь исправил то, что испортил другой. Тебе ведь известно, что отец, уезжая в Водные Сады, хочет взять Мирцеллу с собой?

— Да. Чтобы уберечь ее от тех, кто желает ей

зла.

— Нет — от тех, кто хочет короновать ее. Принц Оберин сам увенчал бы Мирцеллу, будь он жив, но отцу недостает его мужества. — Она поднялась с постели. — Ты сказал, что любишь эту девочку, как родную дочь. Разве ты позволил бы лишить свою дочь законных прав и заключить в тюрьму?

— Водные Сады — не тюрьма, — слабо возразил он.

— Ты хочешь сказать, что в тюрьмах не бывает фонтанов и фиговых рощ — но, как только девочка окажется там, уехать ей уже не позволят. Как и тебе. Хотах присмотрит за этим. Ты не знаешь его так, как я, — в гневе он страшен.

Арис нахмурился — могучий норвосский капитан со шрамами на лице вызывал в нем тайное беспокойство. Говорили, что он и спит со своей секирой.

— И что же я, по-вашему, должен делать?

— То, в чем ты клялся. Защищать Мирцеллу, не щадя жизни. Как саму принцессу, так и ее права. Увенчать ее королевской короной.

— Но я присягал!

— Ты присягнул Джоффри, не Томмену.

— Томмен добрый мальчик. Он будет хорошим

королем, не таким, как Джоффри.

— Но не лучше Мирцеллы. Она тоже любит младшего брата и, конечно, не даст сделать с ним ничего дурного. К нему перейдет Штормовой Предел, поскольку лорд Ренли не оставил наследников, а лорд Станнис лишен всех прав и владений. Со временем мальчик получит еще и Бобровый Утес — со стороны своей леди-матери. Это сделает его одним из величайших лордов в стране — но на Железный Трон должна по закону взойти Мирцелла.

— Не знаю, по закону ли…

— Зато я знаю. — Черные локоны, когда она встала, упали до самой талии. — Королевскую Гвардию со всеми ее обетами учредил Эйегон Драконовластный, а что один монарх создал, другой может отменить… или переменить. Раньше в Королевской Гвардии служили пожизненно, но Джоффри отправил сира Барристана в отставку, чтобы отдать его плащ своему псу. Мирцелла не откажется устроить твое счастье, и меня она тоже любит. Она разрешит нам пожениться, если мы попросим ее. — Арианна обвила рыцаря руками, припала щекой к его груди. — Ты сможешь и меня получить, и белый плащ при себе оставить, если захочешь.

Он чувствовал, что разрывается надвое.

— Ты знаешь, как я хочу этого, но…

— Я дорнийская принцесса, — сказала она своим грудным голосом, — и не пристало мне так упрашивать простого рыцаря.

Он вдыхал запах ее волос, чувствовал биение ее сердца. Его тело отозвалось на ее близость, и она, конечно, тоже ощущала это. Он положил ей руки на плечи — она дрожала.

— Арианна, принцесса моя… что с тобой?

— Разве ты сам не понимаешь? Мне страшно. Ты говоришь о любви, но отвечаешь на все отказом… а я так отчаянно нуждаюсь в тебе. Так ли уж это дурно — хотеть, чтобы у меня был свой рыцарь, защитник?

Впервые она предстала перед ним такой беспомощной, по-женски слабой.

— Дурного в этом нет, но ведь тебя защищает вся отцовская гвардия…

— Именно его гвардии я и боюсь. — На миг она показалась ему девочкой, совсем маленькой, моложе Мирцеллы. — Это отцовские гвардейцы заковали в цепи моих любимых кузин.

— Ну, так уж и в цепи. Мне говорили, их содержат со всеми удобствами.

— А сам ты видел, как их содержат? — горько

рассмеялась она. — Меня, к примеру, он к ним не пускает.

— Они вели изменнические речи… разжигали войну…

— Лорезе шесть лет, Дорее восемь. Хороши изменницы! Но отец и их отправил в тюрьму вместе с сестрами. Ты с ним встречался. Страх даже сильных мужчин заставляет творить немыслимое, а мой отец никогда не был сильным. Арис, сердце мое, послушай меня ради любви, о которой ты говоришь. Бесстрашием я уступаю своим кузинам, я ведь родилась от более слабого семени, но мы с Тиеной ровесницы и с детства росли как родные сестры. Между нами не было тайн. Если ее посадили в тюрьму, то и меня могут посадить по той же причине… из-за Мирцеллы.

— Твой отец никогда не сделает этого.

— Ты не знаешь его. Я разочаровала Дорана сразу, явившись на свет без мужских признаков. С полдюжины раз он пытался выдать меня за беззубых старцев, один другого противнее. Он не принуждал меня, это правда, но сам выбор женихов доказывает, как низко он меня ценит.

— Тем не менее ты его наследница.

— Разве?

— Когда он живет в Водных Садах, в Солнечном

Копье за него правишь ты, ведь верно?

— Какое там правлю. У него есть кастелян, его кузен сир Манфри, есть сенешаль, старый слепой Рикассо, есть свои сборщики налогов, есть казначей Алис Ледибрит, ведущий счет этим сборам, есть блюстители порядка в теневом городе, есть судьи. Всеми письмами, не требующими личного прочтения принца, занимается у нас мейстер Милес. А над всеми ими отец поставил Красного Змея. Мое дело — устраивать пиры и забавы да принимать важных гостей. Оберин ездил в Водные Сады раз в неделю, а меня туда приглашали два раза в год. Отец ясно дает понять, что не меня бы желал видеть наследницей. Если бы не наши законы, он все бы оставил брату, я знаю.

— Брату? — Арис приподнял лицо принцессы за подбородок, чтобы видеть ее глаза. — Неужто Тристану? Ведь он совсем еще мальчик.

— Нет, не Трису. Квентину. — Глаза, дерзкие и черные, как грех, смотрели на него не мигая. — Я поняла это в четырнадцать лет, когда пришла к отцу в горницу поцеловать его на ночь. Отца там не оказалось — после я узнала, что мать послала за ним. На столе горела забытая свеча. Подойдя, чтобы задуть ее, я увидела рядом неоконченное письмо к моему брату Квентину в Айронвуд. Отец

наказывал Квентину исполнять все, что от него требуют мейстер и мастер над оружием. «Когда-нибудь ты займешь мое место, — писал он, — а правитель Дорна должен быть крепок умом и телом». — По нежной щеке Арианны скатилась слеза. — Слова отца, написанные его собственной рукой, навсегда отпечатались в моей памяти. Той ночью я уснула в слезах, и это часто повторялось в последующие ночи.

С Квентином Мартеллом сир Арис еще не встречался. Тот, с малых лет отданный на воспитание лорду Айронвуду, служил у него сначала пажом, затем оруженосцем — даже в рыцари его посвящал лорд Андерс, а не Красный Змей. *Будь у меня сын, я бы тоже хотел, чтобы мне наследовал он*, думал Арис, но сказать это вслух значило навсегда потерять Арианну.

— Быть может, ты не все поняла — ведь тогда ты была ребенком. Быть может, принц написал это лишь для того, чтобы твой брат учился прилежнее.

— Ты так думаешь? Скажи тогда, где Квентин теперь?

— На Костяном Пути, с войском лорда Айронвуда, — осторожно ответил Арис. Об этом ему сказал старый кастелян Солнечного Копья, как только

рыцарь приехал в Дорн, и подтвердил мейстер с шелковой бородой.

— В этом нас хочет уверить отец, — помедлив, произнесла Арианна, — но мои друзья говорят иначе. Брат тайно переплыл Узкое море, выдавая себя за простого купца. Зачем, спрашивается?

— Откуда мне знать? На это может быть сотня разных причин.

— Или всего одна. Известно тебе, что Золотые Мечи расторгли договор с Миром?

— Наемники это делают постоянно.

— Только не Золотые Мечи. Их девизом со времен Жгучего Клинка было «Наше слово — золото». Притом Мир сейчас находится на грани войны с Лиссом и Тирошем. К чему им разрывать договор накануне событий, сулящих щедрую плату и богатую добычу?

— Возможно, Лисс предложил им более выгодные условия. Или Тирош.

— Нет. Я бы могла в это поверить, если б речь шла о каком-то другом отряде. Большинство из них вполне способно за лишний грош переметнуться на сторону неприятеля. Золотые Мечи — дело иное. Это братство изгнанников и их сыновей, живущее мечтой Жгучего Клинка. Вернуться домой они хотят не меньше, чем хоро-

шо заработать. Лорд Айронвуд это знает не хуже меня. Его предки сражались заодно с Золотыми Мечами во время трех восстаний Черного Пламени. — Арианна взяла Ариса за руку, переплела его пальцы со своими. — Знаком ли тебе герб Толандов из Призрачного Холма?

— Дракон, пожирающий собственный хвост, — припомнил Арис.

— И дракон этот — время. У него нет начала и нет конца, лишь вечный круговорот. Андерс Айронвуд — это вновь возродившийся Кристон Коль. Он нашептывает на ухо брату, что после отца должен править он, Квентин, что негоже мужчине преклонять колени перед женщиной… Арианну же, волевую и распутную, вовсе нельзя допускать к власти. — Принцесса с вызовом тряхнула своей черной гривой. — У твоих двух принцесс общее дело, сир… и общий рыцарь, уверяющий, что любит обеих, но не желающий сразиться за них.

— Он готов сразиться. — Сир Арис упал на одно колено. — Мирцелла вправду старшая и лучше подходит для трона. Кто же защитит ее права, если не ее королевский рыцарь? Мой меч, моя жизнь, моя честь принадлежат ей… и тебе, радость моего сердца. Клянусь, что никто

не отнимет у тебя права первородства, пока я в силах держать меч. Я твой. Скажи, чего ты от меня требуешь.

Она тоже опустилась на колени и поцеловала его в губы.

— Всего, любовь моя, мой единственный и навеки любимый, но прежде всего…

— Все, что скажешь.

— Прежде всего Мирцеллу.

Бриенна

При виде старой каменной изгороди, пересекающей поле, Бриенна покрылась мурашками.

Это здесь прятались лучники, подстрелившие бедного Клеоса Фрея… Впрочем, через полмили она увидела точно такую же изгородь и засомневалась. Изрытая дорога то и дело поворачивала, а облетевшие деревья запомнились ей зелеными. Может быть, она уже проехала то место, где Джейме выхватил меч из ножен своего убитого кузена? И где тот лес, в котором они сражались? Где ручей, куда они забрели в пылу боя, пока их не застигли врасплох Бравые Ребята?

— Миледи? Сир? — Подрик так и не решил до сих пор, как к ней следует обращаться. — Что вы ищете?

Что ищу? Тени былого…

— Изгородь, мимо которой проезжала когда-то. Не важно. — *Это случилось, когда у сира Джейме были еще целы обе руки. Ух, как я его ненавидела за вечные смешки и ухмылки.* — Тише, Подрик. Может быть, в лесу еще остались разбойники.

Мальчик окинул взглядом голые деревья, мок-

рую палую листву, грязную дорогу впереди.

— У меня есть меч. Я умею им пользоваться.

Как же, умеешь ты. Смелости тебе не занимать, а вот умения… Ты можешь сколько угодно называть себя оруженосцем, но человек, которому ты служил, не был рыцарем.

В дороге она постепенно вытянула из паренька его историю. Ветвь дома Пейнов, к которой он принадлежал, шла от какого-то младшего сына и давно обеднела. Отец Подрика всю жизнь прослужил в оруженосцах у своих богатых кузенов и успел жениться на дочери свечника, прежде чем погибнуть при подавлении мятежа Грейджоя. От нее и родился Подрик. В четыре года мать подкинула сына той самой богатой родне, а сама сбежала со странствующим певцом, беременная теперь уже от него. Подрик ее не помнил. Обоих родителей ему с грехом пополам заменил сир Седрик Пейн, хотя из путаного рассказа мальчика следовало, что сир Седрик обращался с ним скорее как со слугой, нежели как с сыном. Когда Бобровый Утес созвал знамена, рыцарь взял мальчишку с собой — ходить за конем и чистить кольчугу, — а сам вскоре погиб в речных землях, сражаясь на стороне лорда Тайвина.

Вдали от дома, одинокий и без гроша, Подрик

прибился к толстому межевому рыцарю по имени сир Лоример Пузатый. Тот был человеком лорда Леффорда и охранял обоз. «Ребятам, которые стерегут харчи, голодать не приходится», — говаривал он, пока его не накрыли с окороком, похищенным из запасов самого лорда Тайвина. Тогда Тайвин Ланнистер повесил его в назидание другим мародерам. Подрик, с которым добрый рыцарь поделился ветчиной, мог разделить с ним и виселицу, но его спасло родовое имя. Сир Киван Ланнистер принял в нем участие и определил его оруженосцем к своему племяннику Тириону.

Сир Седрик показал мальчику, как чистить коня и удалять камешки из подков, сир Лоример приобщил его к воровству, но владеть мечом они его не учили. Бес по крайней мере отправил его к мастеру над оружием, когда они прибыли в Красный Замок. Тот преподал пареньку несколько уроков, но во время голодного бунта сир Арон Сантагар оказался в числе убитых, и учению Подрика пришел конец.

Бриенна выстрогала из опавших веток два меча и нашла, к своему удовольствию, что рука повинуется Подрику лучше, чем язык. Но при всей смелости и прилежании этому тощему недокормышу недоставало силенок. Если он и выжил

в битве при Черноводной, как уверял, то потому только, что никто не позаботился прикончить его. «Ты себя называешь оруженосцем, — сказала ему Бриенна, — но я встречала пажей вдвое младше твоего возраста, которые легко бы тебя побили. Если останешься со мной, будешь каждый вечер ложиться спать со свежими мозолями и весь в синяках, а болеть все у тебя будет так, что ты и заснуть не сможешь. Зачем тебе это нужно?»

«Нужно, — упорствовал мальчуган. — Мозоли. И синяки. То есть не они, но все равно, сир. Миледи».

И он оставался верен своему слову, а Бриенна — своему. Подрик не жаловался, и как только на его правой ладони вскакивал новый волдырь, он с гордостью предъявлял его ей. И за лошадьми он исправно ухаживал. *Однако он все же не настоящий оруженосец, а я не рыцарь*, напоминала себе Бриенна, *сколько бы он ни называл меня сиром. Отправить бы его прочь подобру-поздорову, но куда он пойдет?* Кроме того, хотя он не имеет никакого понятия, куда делась Санса Старк, он может знать больше, чем сам думает. Какая-нибудь случайная полузабытая фраза может послужить ключом к ее розыскам.

— Сир… миледи. Вон там впереди повозка.

Бриенна и сама уже разглядела тележку на двух высоких колесах, ползущую в сторону Девичьего Пруда. Ее, впрягшись в постромки, тянули мужчина и женщина, по виду крестьяне.

— Придержи коня, — сказала она мальчику, — не то они примут нас за разбойников. Лишнего не говори и будь вежлив.

— Слушаюсь, сир, миледи. — Мальчишка явно обрадовался, услышав, что его могут принять за разбойника.

Крестьяне настороженно оборачивались на едущих рысью всадников, но Бриенна всячески давала понять, что ничего дурного не замышляет. Дальше они двигались уже вместе, вчетвером. Путь пролегал через заросшие сорной травой поля, мимо луж жидкой грязи и сожженных деревьев.

— Был у нас вол, — сказал пожилой, красный от натуги крестьянин, — да волки его увели. И дочку нашу забрали. Она-то к нам вернулась после того сражения у Синего Дола, а вол нет. Съели его, видать.

Женщина, моложе его лет на двадцать, молчала и таращилась на Бриенну, будто на теленка с двумя головами. На Тартскую Деву часто смот-

рели таким манером. Леди Старк была добра к ней, но другие женщины, почти все, жестокостью не уступали мужчинам. Бриенна не могла бы сказать, кто причинял ей больше мучений: хорошенькие девушки с острыми язычками, звонко смеющиеся у нее за спиной, или дамы, скрывающие презрение под маской холодной вежливости. Женщины простого звания были и того хуже.

— В последний раз я видела Девичий Пруд разрушенным, — сказала она. — Городские ворота взломали, половину домов сожгли.

— Теперь они малость отстроились. Тарли хоть и крут, да посмелей Моутона. И разбойников в лесах поубавилось. Главных злодеев Тарли порубал своим огромадным мечом. Вы-то как, не встречали лихих людей?

— Нет. — Чем дальше от Синего Дола, тем пустыннее становилась дорога. Путники, завидев двух всадников, мигом скрывались в лесу — все, исключая двадцать усталых пилигримов с бородатым септоном во главе, шедших на юг. Придорожные гостиницы либо стояли разграбленные, либо превратились в настоящие крепости. Вчера Бриенне и Подрику встретился дозор лорда Рендилла с копьями и длинными

луками. Их окружили, и капитан долго выспрашивал Бриенну, но в конце концов позволил им ехать дальше. «Поберегись, женщина. Не все кругом такие порядочные, как мои парни. Пес переправился через Трезубец с сотней злодеев. Говорят, они насильничают над каждой женщиной, которая им попадется, и отрезают ей титьки на память».

Бриенна сочла себя обязанной пересказать это крестьянину и его жене. Мужчина, выслушав ее, плюнул.

— Иные бы их взяли, что псов, что волков, что львов. Ничего, к Девичьему Пруду эта шайка не сунется, пока там заправляет лорд Тарли.

Лорда Рендилла Тарли Бриенна знала со времен похода короля Ренли. Теплых чувств она к нему не испытывала, но не забывала при этом, что она у него в долгу. По милости богов она надеялась уехать из Девичьего Пруда, не попавшись ему на глаза.

— Когда бои прекратятся, город вернут лорду Моутону, — сказала она. — Его милость прощен королем.

— Прощен? — засмеялся старик. — Это за что же? За то, что в замке отсиживался? Людей своих послал в Ривердан биться, а сам не пошел. Город

разорили сперва львы, потом волки, потом наемники, а его милость знай посиживает в укрытии и горя не знает. Вот брат его нипочем бы не стал этак прятаться. Он смелый был, сир Милс, только его давно уже Роберт убил.

Призраки, снова призраки.

— Я ищу свою сестру, — сказала Бриенна. — Красивую девушку тринадцати лет. Вы, часом, такую не видели?

— Девок не видали, хоть пригожих, хоть уродок.

Никто ее не видел — но что делать, приходится спрашивать.

— Дочь Моутона тоже в девках недолго останется, — продолжал старик. — Ее выдают за сынка Тарли. Яйца мы везем как раз им на свадьбу — пойдут на пироги да коврижки.

— Это хорошо. — Значит, жених — маленький Дикон. Сколько же ему лет — восемь, десять? Сама Бриенна впервые стала невестой в семь, а жених был тремя годами старше — младший сын лорда Карона, застенчивый мальчуган с бородавкой на верхней губе. Встретились они один-единственный раз, по случаю их помолвки. Два года спустя его вместе с сестрами и родителями унесла злая простуда. Будь он жив, их

поженили бы сразу после ее расцвета, и вся ее жизнь повернулась бы совсем по-другому. Не разъезжала бы она теперь в мужской кольчуге, с мечом на боку, не разыскивала бы пропавшее дитя другой женщины. Рожала бы своих детей в Ночной Песне, нянчила их и вскармливала. Эта мысль, не новая для Бриенны, всегда вызывала в ней легкую грусть, но и облегчение тоже.

Солнце наполовину скрылось за тучами, когда они, выехав из-за черных деревьев, увидели перед собой Девичий Пруд, а за ним — воды залива. Городские ворота починили и укрепили, по розовым каменным стенам вновь прохаживались стрелки с арбалетами. Над караульной реяло красно-золотое знамя короля Томмена, где черный олень сражался с золотым львом. Другие знамена представляли охотника Тарли, и лишь над замком на вершине холма виднелся красный лосось дома Моутонов.

У въездной решетки стояла дюжина стражников с алебардами — солдаты из войска Тарли, судя по знакам у них на груди, хотя эмблемы самого лорда никто не носил. Бриенна подметила двух кентавров, молнию, синего жука и зеленую стрелу — ни одного шагающего охотника. Сержант носил на себе павлина с выгоревшим на

солнце хвостом. При виде крестьянской тележки он свистнул.

— Что тут у вас? Яйца? — Он подкинул одно, поймал и ухмыльнулся. — Ладно, мы их забираем.

— Это для лорда Моутона, — всполошился старик. — Для свадебных пирогов.

— Ничего, куры еще снесут. Я уж полгода яиц не ел. На вот, и не говори, что тебе не плачено. — И он швырнул крестьянину под ноги горсть медяков.

— Этого мало, — подала голос женщина.

— А я говорю, в самый раз. За яйца и за тебя тоже. Берите ее, ребята, — больно она хороша для этого деда. — Двое стражников прислонили алебарды к стене и потащили отбивающуюся женщину прочь. Крестьянин смотрел на это с серым лицом, но не смел перечить. Бриенна двинула лошадь вперед.

— Отпустите ее.

Солдаты замешкались, и женщина вырвалась от них.

— Не твое дело, — сказал один. — Знай помалкивай.

Бриенна достала меч.

— Обнаженная сталь — это разбоем пахнет, — сказал сержант. — Знаешь, что делает лорд Тарли

с разбойниками? — Он стиснул яйцо, которое так и держал в руке, и желток просочился у него между пальцев.

— Я знаю, что делает лорд Рендилл с разбойниками, — ответила на это Бриенна. — И с насильниками.

Она надеялась, что имя лорда их усмирит, но сержант, бросив раздавленное яйцо, махнул своим людям, и Бриенну окружил стальной частокол.

— Так что, говоришь, делает он с…

— С насильниками, — подхватил мужской голос. — Он холостит их или отправляет на Стену, а порой делает и то, и другое. Ворам же он рубит пальцы. — Из караульной вышел томный молодой человек с мечом на поясе и в некогда белом верхнем камзоле. Белизна еще проступала кое-где под зелеными травяными пятнами и запекшейся кровью. Эмблема на нем представляла бурого оленя, мертвого и подвешенного на шесте.

У Бриенны в животе точно нож повернули.

— Сир Хиль, — с трудом выговорила она.

— Ее лучше не трогать, ребята, — предостерег сир Хиль Хант. — Это Бриенна Красотка, Тартская Дева, зарубившая короля Ренли и половину его Радужной Гвардии. Подлость ее не уступает урод-

ству, а страшней ее нет никого… разве что ты, Нужник, но твой папаша был задницей буйвола, так что тебе простительно. Ее-то отец — Тарт Вечерняя Звезда.

Стражники, заржав, отвели алебарды.

— Может, ее под стражу взять, сир? — спросил сержант. — За убийство Ренли?

— А зачем? Ренли был мятежником. Мы тоже были мятежниками, все до единого, но теперь верно служим королю Томмену. — Рыцарь сделал крестьянам знак проезжать в ворота. — Стюард его милости порадуется вашему товару. Вы найдете его на рынке.

Старик приложил костяшки пальцев ко лбу.

— Благодарствую, милорд. Настоящего рыцаря сразу видно. Пошли, жена. — Они снова впряглись и загрохотали колесами по булыжнику.

Бриенна двинулась следом, Подрик за ней. Настоящий рыцарь… м-да… Слева, у входа в переулок, стояла разрушенная конюшня. Наискосок от нее, на балконе своего заведения, перешептывались три полуодетые шлюхи. Одну Бриенна как будто помнила по лагерю — та как-то спросила, что у нее в бриджах, хрен или дырка.

— В жизни не видал лошади безобразнее, — высказался сир Хиль, глядя на Подрикова скакуна. —

Странно, что на ней сидите не вы, миледи. Не хотите отблагодарить меня за вмешательство?

Бриенна спешилась, оказавшись на голову выше рыцаря.

— Я отблагодарю вас при случае — на турнире.

— Как отблагодарили Рыжего Роннета? — засмеялся Хант. Красивый переливчатый смех заставлял забыть о его некрасивом лице. Когда-то это лицо казалось Бриенне честным, но после стало ясно, что она ошибалась. Взлохмаченные каштановые волосы, ореховые глаза, небольшой шрам у левого уха, ложбина на подбородке и нос крючком. А вот смех у него славный, и смеется он часто.

— Разве вы не должны охранять ворота?

Он скорчил гримасу.

— Мой кузен Алин гоняется за разбойниками. Он, несомненно, вернется с головой Пса, покрытый славой, а я должен вместо него стеречь эти ворота, благодарю за напоминание. Надеюсь, вы остались довольны мною, моя красавица. Что вы, собственно, ищете?

— Конюшню.

— Есть одна у восточных ворот. Эта сгорела.

Бриенна и без него это видела.

— Касательно того, что вы сказали солдатам. Я

была с королем Ренли в миг его смерти, но убило его колдовство. Клянусь в этом на моем мече. — Она взялась за рукоять, готовая сразиться, если Хант в глаза назовет ее лгуньей.

— Угу. А с Радужной Гвардией разделался Рыцарь Цветов. Сира Эммона вы, пожалуй, еще одолели бы — он всегда лез на рожон и легко уставал. А вот Ройса вряд ли. Как боец он был вдвое лучше вас… хотя вы и не боец. Жаль, что нет слова «боица». Что же привело Тартскую Деву в Девичий Пруд?

Я ищу сестру, девицу тринадцати лет, едва не сказала она. Сир Хиль отлично знает, что у нее нет сестер.

— Мне нужно повидать одного человека в месте под названием «Смердящая гуска».

— Я думал, Бриенна Красотка с мужчинами не встречается, — подковырнул он. — «Смердящая гуска»… подходящее имечко. Пахнет там уж точно не благовониями. Это около гавани, но сначала вы отправитесь со мной к его милости.

Сира Хиля Бриенна не боялась, но ведь он — один из капитанов Рендилла Тарли. Стоит ему свистнуть, и на подмогу прибежит сотня солдат.

— Разве я под арестом?

— По делу Ренли, вы хотите сказать? Да кто он

такой? Короли у нас давно поменялись, иные и по два раза. Про него все и думать забыли. — Он взял Бриенну за локоть. — Прошу вас сюда.

Она отдернула руку.

— Сделайте одолжение, не прикасайтесь ко мне.

— Извольте, — с кривой улыбкой ответил он.

Бриенна с трудом узнавала памятный ей город, пустой и разрушенный. Теперь на улицах толпились свиньи и ребятишки, а сожженные дома почти все снесли. На пустырях зеленели огороды, стояли торговые палатки и рыцарские шатры. Строились повсюду: на месте сгоревшей деревянной гостиницы росла каменная, на городской септе клали новую крышу. Пилы и молотки звенели в осеннем воздухе. Рабочие таскали бревна, десятники разъезжали туда-сюда. У многих на груди красовался охотник Тарли.

— Город отстраивают солдаты? — удивилась Бриенна.

— Они предпочли бы, конечно, играть в кости, пить и развратничать, но лорд Рендилл счел за лучшее занять их работой.

Она полагала, что Хант отведет их в замок, но он шел к гавани. Торговые корабли снова вернулись в порт, отметила она с удовлетворением. У при-

чалов стояли одна галея, один галеон, большой двухмачтовый баркас и два десятка рыбачьих лодок. В заливе тоже виднелись рыбаки. *Если в «Смердящей гуске» ничего мне не скажут, куплю себе место на корабле*, решила Бриенна. До Чаячьего города она доберется быстро, а оттуда и до Гнезда недалеко.

Лорд Тарли вершил правосудие на рыбном рынке.

У самой воды установили помост, к которому приводили обвиняемых. Слева стояла виселица с петлями человек на двадцать. Пока что на ней болтались четверо — один недавний, трое давнишних. Мертвеца, созревшего в самый раз, клевала одинокая ворона — все прочие разлетелись, напуганные толпой горожан, которые собрались в надежде увидеть, как будут вешать еще одного.

Лорд Тарли сидел на помосте вместе с лордом Моутоном, бледным рыхлым человеком в белом дублете, красных бриджах и горностаевом плаще, застегнутом пряжкой-лососем из червонного золота. Сам Тарли был одет в кольчугу, вареную кожу и стальной панцирь. Над левым его плечом торчала рукоять большого меча. Меч этот, по прозванию Губитель Сердец, был гордостью его дома.

Внизу стоял щуплый подсудимый в домотканом плаще и грязном кафтане.

— Я никого не трогал, милорд, — донеслось до слуха Бриенны. — Просто взял то, что оставили септоны, когда убегали. Если хотите отрубить мне за это палец — нате, рубите.

— Да, вору обычно отрубают один палец, — жестким голосом ответил Тарли, — но тот, кто ворует в септе, крадет у богов. Семь пальцев, — приказал лорд, обращаясь к капитану стражи. — Большие оставьте ему.

— Семь?! — Вор, побледнев, затрепыхался в руках схвативших его стражников, но слабо, как будто казнь уже совершилась. Бриенна невольно вспомнила, как закричал сир Джейме, когда аракх Золло отсек ему руку.

Следующим перед судом предстал пекарь, обвиняемый в том, что подмешивал опилки в муку. Ему лорд Рендилл назначил штраф — пятьдесят серебряных оленей. Пекарь поклялся, что у него нет таких денег, и лорд присудил один кнут за каждую недостающую монету. Далее пришла очередь изможденной серолицей женщины, наградившей дурной болезнью четырех солдат Тарли.

— Полить ей срамные части щелоком и бросить

ее в темницу, — распорядился лорд. Пока рыдающую потаскуху волокли прочь, ему попалась на глаза Бриенна, стоявшая между Подриком и сиром Хилем. Лорд нахмурился, но не подал виду, что узнал ее.

Следующим шел матрос со стоящего в гавани галеона. Обвинителем выступал лучник лорда Моутона с завязанной рукой и лососем на груди.

— Этот ублюдок, с позволения вашей милости, продырявил мне руку ножом. Я, говорит, его в кости надул.

Лорд отвел взгляд от Бриенны и посмотрел на него.

— И что же, он правду сказал?

— Нет, милорд. Я ни в жизнь…

— За воровство я отрубаю палец, но коли солжешь мне, будешь повешен. Может, покажешь мне свои кости?

— Кости-то? — Лучник взглянул на Моутона, но тот смотрел на лодки в заливе. — Ну да, — стрелок проглотил слюну, — они мне, конечно, удачу приносят, только…

— Отрубить ему мизинец, — потерял терпение Тарли. — Пусть сам выберет, на которой руке. А здоровую ладонь пробить гвоздем под пару другой. Всех остальных отведите обратно в темницу.

С ними я разберусь завтра. — Он поманил к себе сира Хиля. Бриенна последовала за рыцарем.

— Милорд… — Стоя перед ним, она вновь почувствовала себя восьмилетней.

— Миледи. Чему мы обязаны… этой честью?

— Меня послали искать… — замялась она.

— Как же можно найти кого-то, не зная имени? Сознаетесь ли вы в том, что убили лорда Ренли?

— Нет.

Тарли пораздумал. *Он судит меня, как судил тех, других*, поняла Бриенна.

— Вы хотите сказать, что всего лишь позволили совершиться убийству, — произнес наконец лорд.

Он умер у нее на руках, залив ее своей кровью…

— Это было колдовство. Я никогда бы…

— Никогда бы? — Его голос хлестнул ее словно бич. — Это верно. Вам никогда бы не следовало надевать кольчугу и опоясываться мечом. Никогда бы не следовало покидать чертог своего отца. Это война, а не бал в честь праздника урожая. Клянусь богами, мне надлежит немедля посадить вас на корабль и отправить обратно на Тарт.

— Сделав это, вы ответите перед троном. — Смелые эти слова прозвучали у нее тоненько, как-то

по-детски. — Подрик, найди в моей седельной сумке пергамент и покажи его милости.

Тарли хмуро развернул врученную ему грамоту и прочел, шевеля губами.

— По королевскому делу… Что же это за дело такое?

Коли солжешь мне, будешь повешен…

— С-санса Старк.

— Будь она здесь, я знал бы об этом. Бьюсь об заклад, она бежала к себе на север. В надежде найти убежище у кого-то из знаменосцев своего отца. Счастье ее, если она сделает правильный выбор.

— Она могла отправиться также в Долину, — неожиданно для себя выпалила Бриенна. — К сестре своей матери.

— Леди Лиза скончалась, — проронил лорд Рендилл. — Некий певец сбросил ее с горы. Теперь в Гнезде хозяйничает Мизинец, но долго он там не продержится. Не станут лорды Долины склонять колено перед выскочкой, только и умеющим, что считать медяки. — Лорд вернул Бриенне ее пергамент. — Ступайте куда хотите и поступайте как вам угодно… но когда кто-нибудь учинит над вами насилие, не ищите правосудия у меня. Вы заслужили это своим сумасбродством. А вам, сир, надлежит быть там, где приказано. Я, сколько

помню, доверил вам городские ворота.

— Точно так, милорд, но я думал…

— Слишком много вы думаете, — молвил лорд Тарли и зашагал прочь.

Итак, Лиза Талли мертва. Бриенна стояла под виселицей, зажав в руке свою драгоценную грамоту. Толпа разошлась, и вороны снова слетелись на прерванный пир. Некий певец сбросил ее с горы… Быть может, и сестрой леди Кейтилин полакомились вороны?

— Вы говорили о «Смердящей гуске», миледи, — сказал сир Хиль. — Если хотите, чтобы я показал вам…

— Возвращайтесь к своим воротам.

Тень раздражения прошла по его лицу — некрасивому и к тому же нечестному.

— Что ж, воля ваша.

— Именно.

— Мы просто играли, чтобы скоротать время. Ничего дурного у нас не было на уме. — Сир Хиль помедлил. — Бен погиб на Черноводной, вы слышали? И Фарроу тоже, и Уилл-Журавль. А Марк Маллендор из-за раны потерял полруки.

Вот и хорошо, хотелось сказать Бриенне. Он сполна это заслужил. Но она промолчала, вспомнив, как он сидел у своего шатра, держа на плече

обезьянку в кольчужной рубашке, и как эти двое строили рожи друг другу. Как же это сказала про них Кейтилин Старк в ту ночь у Горького Моста? «Летние рыцари». Настала осень, и они все облетели, как листья.

Бриенна повернулась к Ханту спиной.

— Идем, Подрик.

Мальчуган поспешил за ней, ведя лошадей в поводу.

— Куда мы теперь? В эту «Смердящую гуску»?

— Я — да, а ты пойдешь на конюшню у восточных ворот. Спроси у конюхов про гостиницу, где мы могли бы заночевать.

— Да, сир, миледи. — Подрик смотрел в землю, пиная ногами камешки. — А вы знаете, где она, эта «Гуска»?

— Нет.

— Он сказал, что проводит нас. Этот рыцарь. Сир Киль.

— Хиль.

— Да, Хиль. Что он вам сделал, сир? То есть миледи.

Мальчик при своем косноязычии был далеко не глуп.

— В Хайгардене, когда король Ренли созвал знамена, несколько человек, в том числе и сир

Хиль, вздумали поиграть со мной. Это была злая игра, обидная и недостойная рыцарей. Восточные ворота в той стороне. Жди меня там.

— Как скажете, миледи. Сир.

Вывески на «Смердящей гуске» не было. Бриенна, проискав ее битый час, наконец спустилась по деревянной лестнице в подвал живодерни. У входа она ушибла голову о низкую потолочную балку. Гусей не видно, из мебели несколько табуреток да скамейка у глинобитной стены. Вместо столов — старые винные бочки, источенные червями. Зато обещанный смрад не обманул бы ничьих ожиданий. В основном он складывался из винных паров, сырости и плесени, но попахивало также отхожим местом, а отчасти и покойницкой.

В таверне не было никого, кроме трех тирошийских матросов — они сидели в углу, бурча друг на друга сквозь зеленые и пурпурные бороды. Один, бросив взгляд на Бриенну, сказал что-то, вызвавшее у двух других смех. Хозяйка стояла за доской, положенной на два бочонка, — вся круглая, бледная, почти лысая, с огромной мягкой грудью под грязным платьем. Походило на то, что боги слепили ее из сырого теста.

Бриенна, не решившись попросить здесь воды,

заказала чашу вина и добавила, что ищет человека по имени Дик-Пройдоха.

— Дик Крэб? Он тут почитай каждую ночь бывает. — Хозяйка смерила взглядом кольчугу и меч Бриенны. — Коли убить его хотите, то сделайте это в другом месте. Нам хлопот с лордом Тарли не надо.

— Я хочу просто поговорить с ним. Зачем мне его убивать?

Женщина пожала плечами.

— Кивните мне, когда он придет, и я отблагодарю вас.

— Велика ли благодарность-то будет?

Бриенна выложила на доску медную звездочку и села так, чтобы видеть лестницу.

Вино отдавало маслом, и в нем плавал волос. *Жидкое, как мои надежды отыскать Сансу*, сказала себе Бриенна, вынув его. Розыски сира Донтоса не привели ни к чему, а Долина после смерти леди Лизы больше не казалась Бриенне надежным убежищем. *Где же ты, Санса?* Отправилась домой в Винтерфелл или соединилась со своим мужем, как, похоже, думает Подрик? Бриенна не хотела плыть за Узкое море, она ведь не владела тамошним языком. Будет совсем уж нелепо, если она начнет там объясняться на пальцах. Над ней

попросту посмеются, как посмеялись в Хайгардене. Ее щекам стало жарко при мысли об этом.

Когда Ренли возложил на себя корону, Тартская Дева проделала путь через весь Простор, чтобы вступить в его войско. Сам король принял ее милостиво и пригласил к себе на службу, но его лорды и рыцари оказались не столь любезны. Бриенна и не ждала, что ей окажут теплый прием. Она заранее приготовилась к холодности, к насмешкам, к вражде — всего этого она уже нахлебалась досыта. Не всеобщее презрение, а доброта немногих людей — вот что делало ее уязвимой. Она трижды побывала в невестах, но до Хайгардена за ней никто не ухаживал.

Началось все с Бена Биши — он, один из немногих в лагере Ренли, был выше ее ростом. Он прислал своего оруженосца почистить Бриенне кольчугу и преподнести ей серебряный рог для питья. Сир Эдмунд Амброз превзошел его, послав ей цветы и пригласив проехаться с ним верхом. Сир Хиль Хант опередил обоих — он подарил ей прекрасно иллюстрированную книгу со ста рыцарскими историями. Для ее лошадей он посылал яблоки и морковку, ее шлем украсил шелковым синим плюмажем. Он передавал ей лагерные сплетни и делал меткие замечания, вызывавшие

у нее улыбку. Однажды он даже провел с ней учебный бой, что значило для нее больше всего остального.

Она полагала, что это его пример побудил других рыцарей обходиться с нею учтиво. Более чем учтиво. За столом они боролись за место с ней рядом, наперебой предлагая налить ей вина или принести сладкого. Сир Ричард Фарроу играл на лютне любовные песни у ее шатра. Сир Хью Бисберри принес ей горшочек меда, «сладкого, как тартские девы». Сир Марк Маллендор смешил выходками своей черной обезьянки с Летних островов, межевой рыцарь по имени Уилл-Журавль предлагал помассировать плечи.

Этого она не позволила. Она ничего им не позволяла. Когда сир Оуэн Дюймель сгреб ее в охапку и поцеловал, она отпихнула его так, что он плюхнулся задом в костер. После этого она посмотрела на себя в зеркало. Все то же широкое веснушчатое лицо, большегубое, с лошадиными зубами. Она хотела одного — быть рыцарем и служить королю Ренли, но теперь…

Добро бы она еще была единственной женщиной в лагере, так ведь нет. Даже войсковые шлюхи были красивей, чем она, а лорд Тирелл каждую ночь задавал королю Ренли пиры в своем

замке, где под волынки, рога и арфы танцевали высокородные девицы и прекрасные дамы. «Почему вы так любезны со мной? — хотелось крикнуть ей всякий раз, когда какой-нибудь рыцарь отпускал ей комплимент. — Что вам от меня нужно?» Рендилл Тарли, прислав за ней двух своих латников, разрешил эту загадку. Его маленький сын подслушал, как смеялись между собой четверо рыцарей, седлая коней, и рассказал своему лорду-отцу.

Они побились об заклад — на нее.

Все затеяли, как сказал ей лорд, трое его собственных рыцарей — Амброз, Биши и Хиль Хант. Но слух об этом разошелся по лагерю, и другие тоже вступили в игру. Каждый должен был поставить золотого дракона, а вся сумма предназначалась тому, кто лишит Бриенну невинности.

«Я положил этой забаве конец, — сказал Тарли. — Одни… игроки тщились превзойти других, и ставки росли с каждым днем. Еще немного, и кто-нибудь непременно попытался бы взять приз насильно».

«Они же рыцари, — пролепетала Бриенна. — Они давали обет».

«Рыцари и люди чести. Вы одна во всем виноваты».

«Но, милорд, — вознегодовала она, — я не давала им никакого повода…»

«Довольно и того, что вы здесь. Если женщина ведет себя как потаскуха, с ней и обходятся как с таковой. Войско в походе — не место для девственниц. Если вы хоть немного дорожите своей добродетелью и честью вашего дома, снимите кольчугу, вернитесь домой и попросите отца найти для вас мужа».

«Я приехала, чтобы сражаться, — не уступала она. — Чтобы стать рыцарем».

«Боги сотворили мужчин для войны, а женщин — для продолжения рода. Женщина ведет свою битву на родильной постели».

Кто-то спускался по лестнице. В таверну вошел тощий остролицый оборванец с грязными волосами. Он глянул на тирошийцев, задержал взгляд на Бриенне и обратился к хозяйке:

— Вина, да чтоб без лошадиной мочи.

Женщина, глядя на Бриенну, кивнула.

— Я поставлю тебе вино, — громко сказала Бриенна, — за пару слов.

— За пару? — с подозрением повторил мужчина, занимая табурет напротив нее. — Я много слов знаю. Пусть миледи скажет, что хочет услышать, и Дик-Пройдоха к вашим услугам.

— Мне говорили, что ты обдурил дурака.

Оборванец задумчиво приложился к чаше.

— Может, и обдурил. — На нем был выцветший, драный дублет с оторванной эмблемой какого-то лорда. — Кому до этого дело?

— Королю Роберту. — Бриенна положила на бочку серебряную монету — на одной стороне голова Роберта, на другой олень.

— Да ну? — Дик с ухмылкой крутанул монету на днище-столешнице. — Вон он как славно пляшет, король — хей-нонни, хей-нонни, хей-нонни-хо. Может, я и видал вашего дурака.

— С ним была девушка?

— Целых две, — без запинки ответил Дик.

— Две? — Кто же другая — Арья?

— Их я не видал, врать не стану, но платил он за проезд для троих.

— Куда он хотел плыть?

— Помнится, за море.

— А помнишь ли ты, какой он был с виду?

— Дурак он и есть дурак. — Дик ловко смахнул со стола крутящуюся монету. — Боялся он сильно.

— Боялся чего?

— Он не говорил, но старина Дик чует, когда страхом пахнет. Он ходил сюда чуть не каждую

ночь, ставил морячкам выпивку, шутковал, песни пел. А как заявились ребята с охотничком на груди, ваш дурак побелел весь и ни гугу. — Дик подвинул свой табурет поближе. — Солдаты Тарли следят в оба за каждой лоханкой в порту. Кому нужен олень, тот идет в лес, кому нужен корабль — в гавань. Ваш дурак не смел туда сунуться, ну я и предложил свою помощь.

— Какую помощь?

— Такая помощь стоит побольше серебряного олешки.

— Скажи, и получишь еще одного.

— Поглядеть надо. — Бриенна достала еще монету. Он закрутил и эту, улыбнулся, смахнул в карман. — Раз не можешь сесть на корабль, надо, чтоб корабль пришел к тебе сам. Я ему и сказал: знаю, мол, такое место, где это может случиться. Тайное место.

Бриенну проняло холодом.

— Приют контрабандистов. Ты послал дурака к ним.

— Вместе с двумя его милашками, — хихикнул Дик. — Вот только в то место, куда я его послал, корабли давненько уже не захаживали. Лет этак с тридцать. — Он почесал нос и спросил: — А вам он на что, дурак-то?

— Эти две девочки — мои сестры.

— Да ну? Вот бедняжки. У меня тоже сестричка была. Худышка такая, коленки торчком. А как отросли у нее титьки, тут рыцарский сын и сорвал ее цветик. Теперь она в Королевской Гавани, зарабатывает лежмя.

— Куда ты послал их?

— Чего не помню, того не помню.

— Куда? — Еще один олень лег на бочку, но Дик подвинул его обратно к ней.

— Оленю не сыскать… вот разве дракон отыщет.

Как знать, добьется ли правды золото. Сталь вернее. Бриенна взялась было за кинжал, но потом все-таки нащупала в кошельке золотой и выложила на бочку.

— Так куда же?

Оборванец попробовал монету на зуб.

— Ишь, сладкий. Помнится мне, будто на Раздвоенный Коготь. Это к северу отсюда. Дикое место, одни холмы да болота, но я там родился и вырос. Дик Крэб меня звать, хотя все кличут Диком-Пройдохой.

Бриенна не стала представляться в ответ.

— Где именно на Раздвоенном Когте?

— В Тараторки. Вы ведь слыхали про Кларенса

Крэба?

— Нет.

— Ну как же, — удивился Дик. — Сир Кларенс Крэб, предок мой. Он был восьми футов росту и такой сильный, что вырывал сосны с корнем одной рукой и метал на полмили. Ни один конь не мог его выдержать, поэтому он ездил на зубре.

— При чем он к твоей тайной бухте?

— Жена его была лесной ведьмой. Как сир Кларенс, бывало, убьет кого, так несет его голову домой, а ведьма поцелует ее в губы и оживит. Там у них и лорды были, и колдуны, и знаменитые рыцари, и пираты. Даже один король синедольский. И все они давали Крэбу советы. Лишенные тел, громко говорить они не могли, зато никогда и не умолкали. Чем еще головам заниматься, как не болтать? Вот замок Крэба и прозвали Тараторками. Да и посейчас так зовут, хотя он вот уж тысячу лет как разрушен. Уединенное место. — Дик сжал кулак и отправил дракона погулять по костяшкам. — Тоскливо ему одному-то. Вот кабы десять…

— Десять драконов — это целое состояние. Хочешь и меня обдурить?

— Ни в коем разе. А вот проводить к дураку могу. — Дракон проплясал обратно. — В самые

Тараторки, миледи.

Бриенне не нравились его игры с монетой, однако…

— Шесть драконов, если найдем мою сестру, два — если одного дурака. А не найдем никого, так ни с чем и останешься.

— Будь по-вашему. Шесть так шесть.

Слишком уж быстро он согласился. Бриенна сжала ему запястье, не дав прикарманить дракона.

— Смотри же. Если считаешь меня легкой добычей, то зря.

Крэб потер руку.

— Тьфу ты пропасть. Больно.

— Извини. Моей сестре тринадцать лет. Я должна найти ее, пока…

— Пока какой-нибудь рыцарь до нее не добрался. Как не понять. Считайте, что она спасена. Дик-Пройдоха теперь ваш с потрохами. Встретимся у восточных ворот, как светать станет. Мне еще лошаденку себе надо достать.

Сэмвел

Море сделало Сэмвела Тарли зеленым.

Дело было не только в том, что он боялся пойти ко дну, хотя он, конечно, боялся, но и в качке.

— Живот — мое слабое место, — признался он Дареону в день их отплытия из Восточного Дозора.

— Оно и видно, Смертоносный, вон ты как его раскормил, — ответил певец, хлопнув его по спине.

Сэм старался держаться храбро, хотя бы ради Лилли, которая еще ни разу не видела моря. После бегства из Замка Крастера им встречались озера, и она даже им дивилась. Когда же «Черный дрозд» отчалил от пристани, она начала дрожать, и по щекам у нее потекли слезы. «Боги милосердные», — без конца шептала она. Первым скрылся из глаз Восточный Дозор, а там и Стена стала уменьшаться и наконец пропала совсем. Поднялся ветер. Серые паруса цветом напоминали вылинявший от частых стирок черный плащ, а Лилли побелела от страха. «Это хороший корабль, — втолковывал ей Сэм. — Не надо боять-

ся». Но она прижала к груди ребенка и поскорее спустилась вниз.

Сэм, вцепившись в планшир, стал следить за взмахами весел — они так слаженно и красиво двигались, притом лучше было смотреть на них, чем на воду. Если смотреть на воду, сразу вспоминается, как легко утонуть в море. Лорд-отец Сэма как-то бросил его, маленького, в пруд, чтобы научить плавать. Вода мигом набралась в рот, в нос и в легкие — мальчик кашлял и задыхался еще много часов после того, как сир Хиль его вытащил. После этого он никогда не заходил в воду выше пояса.

Тюлений залив много глубже и далеко не так спокоен, как рыбный садок отцовского замка. Его серо-зеленые воды так и кипели, а берег, вдоль которого шел корабль, пугал скалами и бурунами. Даже если Сэм каким-то чудом доплывет до него, волны швырнут его на камни и размозжат ему голову.

— Русалок высматриваешь, Смертоносный? — спросил Дареон.

Молодой певец, белокурый, с ореховыми глазами, походил скорее на переодетого принца, чем на черного брата.

— Нет. — Сэм сам не знал, куда он смотрит и

как его занесло на этот корабль. *Я еду в Цитадель, чтобы выковать себе цепь, стать мейстером и как можно лучше послужить Ночному Дозору*, говорил он себе, но эта мысль только утомляла его, ничего больше. Он не хотел быть мейстером и носить на шее тяжелую, холодную цепь. Не хотел покидать своих братьев, единственных друзей, которые были у него в жизни. И уж совсем не хотел встречаться с отцом, который отправил его умирать на Стену.

У других все иначе. Для них это путешествие может оказаться счастливым. Лилли окажется в Роговом Холме, далеко от ужасов, испытанных ею в Зачарованном лесу. Служанки у отца в замке живут в тепле и сытости — она и мечтать не могла о такой благодати, когда была женой Крастера. Сын вырастет у нее на глазах и станет егерем, конюхом или кузнецом. Если же он выкажет способности к военному делу, то какой-нибудь рыцарь и в оруженосцы его может взять.

Мейстера Эйемона тоже ждет лучшая участь. Приятно думать, что остаток своих преклонных лет он проведет среди теплых бризов Староместа, в обществе других мейстеров, делясь своей мудростью с кандидатами и школярами. Он стократ заслужил такой отдых.

Даже Дареону впереди что-то светит. Он всегда утверждал, что неповинен в изнасиловании, по причине которого угодил на Стену, — он, мол, состоял при дворе какого-то лорда и пел в его чертоге во время ужина. Теперь у него снова появится такая возможность. Джон его сделал вербовщиком вместо пропавшего без вести Йорена. Он будет странствовать по Семи Королевствам, петь о подвигах Ночного Дозора и время от времени возвращаться к Стене с новобранцами.

Путешествие, пусть долгое и полное трудностей, для них по крайней мере может завершиться удачно. Сэм утешался этим. *Я еду ради них, ради счастливого конца и ради Ночного Дозора*, говорил он себе. Но море, чем дольше он смотрел на него, становилось все глубже и все холоднее.

Не смотреть, однако, было еще хуже. Сэм понял это, сойдя в тесную, общую для всех кормовую каюту. Стараясь отвлечься от тошноты, он заговорил с Лилли, кормившей сына.

— Этот корабль доставит нас в Браавос, где мы пересядем на другой и пойдем в Старомест. Когда-то я читал про Браавос в одной книге. Он построен в лагуне, на ста маленьких островах, и там у них есть титан, каменный человек высотой больше ста футов. Вместо лошадей у них лодки,

а их лицедеи разыгрывают истории, написанные нарочно для них, вместо обычных глупых комедий. Пища у них тоже хорошая, особенно рыбная. Там всего много и все свежее — и угри, и моллюски, и крабы. Надо будет побыть там хоть несколько дней между кораблями. Чтобы посмотреть представление и отведать устриц.

Сэм думал приободрить ее, но из этого ничего не вышло. Ее глаза тускло смотрели на него сквозь пряди немытых волос.

— Как хотите, милорд.

— А тебе чего бы хотелось?

— Ничего. — Она отвернулась и переложила ребенка к другой груди.

Качка всколыхнула яичницу с ветчиной и поджаренным хлебом, съеденную Сэмом еще до отплытия. Не в силах больше оставаться в каюте, он вскочил и вылез по трапу наверх, где отдал завтрак морю. Его так скрутило, что он, не разобравшись, кинулся к наветренному борту, и его обрызгало собственной рвотой. Несмотря на это, ему стало гораздо лучше… правда, ненадолго.

Галея «Черный дрозд» была самым большим кораблем Ночного Дозора. «Ворона-буревестница» и «Острый клюв», как сообщил мейстеру Эйемону Коттер Пайк, превосходили ее быстротой,

но то были боевые корабли, поджарые хищные птицы с открытыми палубами для гребцов. Для перехода через бурное Узкое море за Скагосом «Черный дрозд» подходил лучше. «Там случаются штормы, — предостерег их Пайк. — Зимние хуже всего, зато осенью они чаще бывают».

Первые десять дней, пока «Дрозд» тащился через залив, не теряя из виду земли, прошли довольно спокойно. Когда налетал ветер, становилось холодно, однако его свежий соленый запах действовал подкрепляюще. Сэм почти ничего не ел, а то, что ему удавалось-таки впихнуть в себя, долго там не задерживалось, но в остальном он держался не так уж плохо. Его попытки вдохнуть мужество в Лилли успехом, однако, не увенчались. Она не выходила на палубу вопреки всем его уговорам и старалась забиться в какой-нибудь темный угол. Малютке путешествие по морю нравилось не больше, чем его матери. Он все время пищал, срыгивал молоко и без передышки пачкал свои меховые одеяльца. Пахло от него хуже некуда, и свечи, которые в большом количестве зажигал Сэм, не могли перебить эту вонь.

На свежем воздухе было куда приятнее, особенно когда Дареон играл и пел для своих знакомых

гребцов. Он знал все их любимые песни: грустные — «День, когда вешали Черного Робина», «Жалоба русалки», «Осень дней моих»; бодрые — «Стальные копья», «Семь мечей для семи сынов»; озорные — «Ужин у миледи», «Цветик-цветочек», «Мэгетт веселой девицей была». «Медведя и прекрасную деву» подхватывали за ним все гребцы, и «Черный дрозд» словно летел над водой. По их урокам у Аллисера Торне Сэм знал, что мечом Дареон владеет неважно, но голос у него был чудесный. «Гром, политый медом», — сказал про него однажды мейстер Эйемон. Дареон играл на лютне, на скрипке и даже баловался сочинительством. О песнях, сотворенных самим певцом, Сэм был невысокого мнения, но слушать его очень любил. Сидеть приходилось на ларе, до того твердом и занозистом, что Сэм чуть ли не благодарил судьбу за свои жирные ягодицы. Толстяки повсюду носят с собой собственную подушку.

Мейстер тоже предпочитал проводить время на палубе, завернувшись в груду мехов и устремив взгляд на море.

— Куда это он смотрит? — полюбопытствовал как-то Дареон. — Для него тут так же темно, как и в каюте.

Эйемон, услышав его — слух у него, как у всех

незрячих, был очень острый, несмотря на старость, — сказал:

— Я ведь не от рождения слеп. В прошлый раз, проплывая этим путем, я видел каждый утес, каждое дерево, каждый бурун. Я смотрел на чаек, которые летели за нами. Мне было тогда тридцать пять, и я уже шестнадцать лет носил мейстерскую цепь. Эг хотел, чтобы я помогал ему править, но я решил, что мое место здесь. Для плавания на север он предоставил мне «Золотого дракона» и дал в провожатые своего друга, сира Дункана. Ни один рекрут еще не прибывал на Стену с таким почетом с тех пор, как Нимерия прислала Дозору шестерых королей в золотых кандалах. А чтобы я приносил присягу не в одиночестве, Эг открыл свои тюрьмы и снабдил меня, по его словам, почетным эскортом. Одним из бывших узников был не кто иной, как Бринден Риверс, выбранный позднее лордом-командующим.

— Красный Ворон? Я знаю песню о нем, — сказал Дареон. — «Тысяча и один глаз». Только я думал, он лет сто назад жил…

— И я тоже. А ведь когда-то был молодым, как теперь вы. — От собственных слов мейстеру, как видно, взгрустнулось. Он стал кашлять, а потом задремал, покачиваясь вместе с кораблем в своих

шубах.

Под серым небом корабль держал путь на восток, потом на юг и опять на восток. Тюлений залив становился все шире. Черный наряд капитана, седого брата Дозора с животом, как пивной бочонок, до того выцвел, что команда звала его Сизарем. Он все больше молчал — говорил за него помощник. Тот начинал сыпать проклятиями каждый раз, как утихал ветер или гребцы начинали лентяйничать. На завтрак все ели овсянку, в полдень — горох, вечером — соленую говядину, соленую баранину или соленую же треску. Еду запивали элем. Дареон пел, Сэм мучился рвотой, Лилли плакала и кормила дитя, мейстер спал или сидел с открытыми глазами, ветер крепчал с каждым днем и делался все холоднее.

Это свое морское путешествие Сэм, несмотря ни на что, находил куда более терпимым, чем предыдущее. На борту галеона «Летнее солнце» лорда Редвина он оказался лет в десять. Этот великолепный корабль, в пять раз больше «Дрозда», имел три больших винно-красных паруса, а весла его сверкали белизной и золотом. При выходе из Староместа мальчик, затаив дыхание, следил, как они работают… но это осталось единственным его хорошим воспоминанием о Винном проливе.

Тогда Сэма тоже сразила морская болезнь, к отвращению его лорда-отца.

По прибытии же в Бор дело пошло еще хуже. Сыновья-близнецы лорда Редвина прониклись к Сэму презрением с первого взгляда. Каждое утро они изобретали что-нибудь новенькое для посрамление его на ристалище. Через два дня Сэм с поросячьим визгом просил пощады у Хораса Редвина. Через пять другой брат, Хоббер, нарядил в свои доспехи кухонную девчонку, и она до слез измолотила Сэма деревянным мечом. Когда правда открылась, все оруженосцы, пажи и конюшата схватились за животы со смеху.

«Он немного недосолен, мой парень», — сказал отец лорду Редвину в тот же вечер. «И перчику бы не худо добавить, — тут же подхватил борский дурак, дребезжа своей погремушкой, — и гвоздички, и яблоко сунуть в рот». Лорд Рендилл запретил сыну есть яблоки, пока они гостили у Пакстера Редвина. На обратном пути Сэма опять тошнило, но он так радовался отъезду из Бора, что чуть ли не ликовал при очередном приступе рвоты. Только в Роговом Холме он узнал от матери, что везти его назад отец не намеревался. «Вместо тебя должен был приехать Хорас, а тебя собирались оставить там как пажа и чашника

лорда Пакстера. Если бы ты ему понравился, он со временем отдал бы тебе свою дочь». Сэм до сих пор помнил, как мать утирала ему слезы своим кружевным платочком, предварительно поплевав на него. «Бедный мой Сэм, — причитала она, — бедный, бедный».

Хорошо бы повидать ее снова, думал он, глядя, как разбиваются волны о каменный берег. Может быть, она даже гордилась бы, увидав его в черном. «Я теперь мужчина, матушка, — сказал бы он ей, — стюард Ночного Дозора. Братья прозвали меня „Сэм Смертоносный“». Он и родного брата Дикона хотел повидать, и сестер. «Видите, — сказал бы он им, — на что-то и я гожусь».

Но вдруг отец тоже окажется дома?

Подумав об этом, Сэм еле успел перегнуться через борт, и его снова стошнило — хорошо хоть, не против ветра. Он теперь приспособился травить с нужного борта и сделался прямо-таки мастером в этом деле.

Так он по крайней мере думал, пока «Черный дрозд» не оторвался от суши и не пошел на восток, к Скагосу.

Этот остров, каменистый, грозный на вид, населенный дикарями, лежал в устье залива. Сэм читал, что здешний народ обитает в пещерах, а

воины ездят верхом на косматых единорогах. Скагос на древнем языке значило «камень», поэтому сами островитяне называли себя детьми камня, но соседи-северяне их недолюбливали и кликали скаггами. Сто лет назад Скагос взбунтовался, и мятеж долго не могли подавить. На этой войне погиб лорд Винтерфелла и сотни его присяжных бойцов. В некоторых песнях говорилось, что воины-скагги едят сердце и печень убитых ими врагов. В старину дети камня, совершая набеги на соседний остров Скейн, женщин брали себе, а мужчин убивали и поедали их на галечном берегу, и длился такой пир две недели.

Дареон тоже знал эти песни. Когда из моря поднялись бледно-серые вершины Скагоса, он присоединился к стоявшему на носу Сэму.

— По милости богов мы можем увидеть единорога.

— По милости капитана мы так близко не подойдем. Здесь предательские течения и камни, способные расколоть корабль пополам, как яйцо. Только Лилли не говори — ей и так страшно.

— Не знаю уж, кто из них больше ревет — она или ее пащенок. Он затыкается, только когда она сует ему грудь, но тогда она сама принимается выть.

Сэм это тоже заметил.

— Может, мальчик ей делает больно, — примирительно молвил он. — Если у него зубки режутся…

Дареон одним пальцем извлек из лютни насмешливый звук.

— Я думал, одичалые — смелый народ.

— Она тоже смелая, — не уступал Сэм, хотя и он, по правде сказать, никогда не видел ее в таком жалком состоянии. Она старалась прятать лицо и не выходила на свет, но он замечал, что глаза у нее всегда красные, а щеки мокры от слез. На его вопросы, что с ней, она только трясла головой, предоставляя ему самому догадываться. — Просто ее море пугает. До Стены она только и знала, что Замок Крастера да лес вокруг. Вряд ли ей доводилось отлучаться хотя бы на пол-лиги от места, где она родилась. Реки и ручьи ей знакомы, но озер она не видела никогда, о море и говорить нечего… вот она и боится.

— Мы и землю-то ни разу не теряли из виду.

— Это у нас еще впереди, — невесело произнес Сэм.

— Ну, уж Смертоносный соленой водицы не должен бояться.

— Я и не боюсь, — солгал Сэм, — но Лилли… Ты

вот спел бы ей колыбельную, ребенок, глядишь, и уснул бы.

— Пусть сперва вставит затычку ему в зад, — скривился Дареон. — Сил моих нет это нюхать.

Назавтра небо еще больше нахмурилось, и пошел дождь.

— Пойдемте вниз, там хотя бы сухо, — предложил Сэм Эйемону, но старый мейстер ответил с улыбкой:

— Мне нравится, когда дождь мочит лицо, Сэм. Это как слезы. Побудем еще немного, прошу тебя. Я так давно не плакал и забыл, как это бывает.

Если уж дряхлый мейстер не пожелал уходить с палубы, Сэму поневоле пришлось остаться. Он битый час проторчал рядом со старцем, завернувшись в свой плащ, и промок до костей. Эйемон же, казалось, не замечал ничего. Сэм, кое-как заслоняя его от ветра, ждал, что старик вот-вот попросится вниз, но тот не просился.

— Давайте все-таки спустимся, — не выдержал Сэм, когда на востоке зарокотал гром. Эйемон не ответил, и Сэм понял, что старик просто-напросто спит. — Мейстер, — он осторожно потряс его за плечо, — проснитесь.

Белые слепые глаза открылись.

— Эг? — Дождь струился у него по щекам. —

Знаешь, Эг, мне приснилось, что я состарился.

Сэм, не зная, как быть, подхватил мейстера на руки и понес вниз. Силой он никогда не мог похвалиться, а промокшая одежда делала мейстера вдвое тяжелее, однако тот и теперь весил не больше маленького ребенка.

Когда Сэм с мейстером на руках втиснулся в каюту, оказалось, что все свечи там догорели. Лилли и не думала их зажигать. Малыш спал, а она, свернувшись в углу, тихо плакала под большим черным плащом, который ей дал Сэм.

— Ну-ка помоги мне, — обратился он к ней. — Надо растереть его и согреть.

Она поднялась сразу, не заставляя себя просить. Вдвоем они раздели мейстера и укрыли его грудой мехов. Он был весь холодный и липкий на ощупь.

— Ляг рядом и обними его, — сказал Сэм. — Согрей его своим телом. — Она и этому подчинилась, шмыгая носом, но не промолвив ни слова. — А Дареон где? Вместе нам будет теплей. — Сэм собрался пойти наверх за певцом, но тут палуба вздыбилась и ушла у него из-под ног. Лилли заголосила, Сэм хлопнулся на пол, ребенок проснулся и завопил.

Не успел он подняться, корабль снова перева-

лился с волны на волну. Лилли швырнуло Сэму в объятия, и она так вцепилась в него, что он едва мог дышать.

— Не бойся, — сказал он. — Подумаешь, шторм. Когда-нибудь сыну будешь рассказывать, как вы плыли по морю. — Но она лишь вонзила ногти ему в плечо, вся сотрясаясь от бурных рыданий. Что бы он ни говорил, ей только хуже становится. Она так прижималась к нему, что он возбудился, несмотря ни на что. Ему стало стыдно, но Лилли как будто ничего и не чувствовала, только жалась к нему еще крепче.

Так оно с тех пор и пошло. Солнца они больше не видели. Серые дни чередовались с непроглядно-черными ночами, если только над Скагосом не сверкала молния. Все изголодались, но есть не могли. Капитан, чтобы подкрепить гребцов, открыл бочку огненного вина. Сэм тоже попробовал. Раскаленные змеи проползли ему в глотку и обожгли грудь. Дареон быстро пристрастился к этому пойлу и трезв бывал редко.

Паруса то убирали, то ставили вновь. Один оторвался и улетел прочь, как большая серая птица. Огибая южное побережье Скагоса, они увидели на скалах разбившуюся галею. Часть ее погибшей команды выбросило на берег, где мертвыми

занялись крабы и птицы.

— Дьявольски близко идем, — проворчал Сизарь. — Если подует как следует, очутимся рядом с ними.

Обессиленные гребцы налегли на весла, и корабль пошел на юг, к Узкому морю, оставляя за кормой Скагос. Вскоре горные вершины острова уже ничем не отличались от грозовых туч.

После восьми дней и семи ночей спокойного плавания снова начались бури, еще хуже прежних.

Сэм потерял им счет и очень из-за этого огорчался. Кажется, всего штормов было три, но для него они слились в один с краткими промежутками.

— Да какая тебе разница? — прикрикнул на него Дареон, когда они все сидели в каюте. *Никакой*, хотел сказать Сэм, *но когда я об этом думаю, то забываю, что все мы можем пойти ко дну, что меня тошнит, а мейстера все время трясет*.

— Никакой… — начал он, но дальнейшие его слова заглушил гром, и он покатился по вставшей торчком палубе. Лилли плакала в голос, младенец вопил, наверху орал Сизарь, старый капитан, не произносивший обычно ни единого слова.

Ненавижу море, думал Сэм. *Ненавижу, ненавижу*. Молния вспыхнула так ярко, что осветила

каюту сквозь щели в потолочном настиле. *Это хороший корабль, хороший крепкий корабль. Он не потонет. Я не боюсь.*

В одну из передышек, когда Сэм мучился, свесившись за борт, он услышал, как один гребец говорит другому: это все потому, что на борту женщина, к тому же еще одичалая.

— С родным отцом спала, — слышал Сэм сквозь крепнущий ветер, — а это уж последнее дело. Мы все потонем, если не спровадим за борт эту бабу с ее поганым отродьем.

Сэм не стал с ними спорить. Они были люди сильные, жилистые, закаленные годами тяжелой работы с веслами. Однако он убедился, что его нож хорошо наточен, и сопровождал Лилли всякий раз, как она выходила по малой нужде.

Дареон, и тот не сказал об одичалой ни одного доброго слова. Как-то, по настоянию Сэма, он стал играть колыбельную, чтобы убаюкать дитя, но Лилли на первом же куплете залилась слезами.

— Силы преисподней, — возмутился Дареон, — неужто ты даже музыку без вытья слушать не можешь?

— Ты просто играй, — просительно сказал Сэм, — играй и пой.

— Ей это ни к чему. Она нуждается в хорошей

порке — а может, и в мужике. Отстань, Смертоносный. — Он отпихнул Сэма и ушел к гребцам выпить огненного вина.

Сэм к тому времени был на грани помешательства. К зловонию он почти притерпелся, но из-за шторма и рыданий Лилли не спал уже несколько суток.

— Нельзя ли ей дать что-нибудь? — тихонько спросил он у мейстера, который как раз проснулся. — Отвар какой-нибудь, чтобы она так не боялась?

— Это не страх. Это горе, а от горя снадобий нет. Пусть ее слезы текут, Сэм, — ты все равно их не остановишь.

— Она же едет в безопасное место, — не понял Сэм. — Туда, где тепло. О чем ей горевать?

— Ты, Сэм, хоть и зрячий, но ничего не видишь. Перед тобой мать, оплакивающая свое дитя.

— У него морская болезнь, вот и все. Как и у всех нас. Как только мы придем в Браавос…

— Мальчик и там останется сыном Даллы, а не ее малышом.

Это дошло до Сэма не сразу.

— Да нет же… она… конечно, это ее ребенок. Лилли ни за что не уехала бы без сына. Она любит его.

— Она кормила грудью обоих и другого мальчика тоже любит, но все не так, как своего. Матери даже родных детей любят по-разному, не исключая и нашей небесной Матери. Уверен, что свое дитя она оставила не по собственной воле. Могу только догадываться, что пообещал ей лорд-командующий или чем пригрозил… но обещания и угрозы, безусловно, имели место.

— Нет. Вы ошибаетесь. Джон никогда бы…

— Джон — нет. Лорд Сноу — иное дело. Порой из двух можно выбрать только одно — то, что принесет людям меньше горя.

Только одно. Сэм вспоминал все, что они выстрадали вместе с Лилли, — Замок Крастера, смерть Старого Медведя, долгий путь через снега и обжигающий ветер, упыри в Белом Древе, Холодные Руки и полное дерево воронов. И Стена, Стена, Стена, и черные врата под землей. Ради чего они переносили все это? Горький выбор, и счастливого конца не видать.

Ему хотелось кричать, выть, рыдать, свернувшись в клубок. Джон поменял младенцев. Поменял, чтобы спасти маленького принца, чтобы увезти его от костров леди Мелисандры, от фанатичных людей королевы, от их красного бога. А если они сожгут мальчика Лилли, кому до

этого дело? Одной только Лилли. Он ведь Крастерово отродье, гнусный плод кровосмешения, а не сын Короля за Стеной. Он не годится в заложники, не годится в жертву, ни на что не годится. У него даже имени нет.

Сэм вылез на палубу поблевать, но у него ничего не вышло. Настала ночь, до странности тихая, какой давно уже не бывало. Море было черным и гладким, как стекло. Гребцы отдыхали на веслах, двое-трое уснули сидя. Ветер дул в паруса. На севере показались звезды, а среди них красный скиталец, которого одичалые называют Вором. *Вот она, моя звезда,* горько думал Сэм. *Это я помог выбрать Джона лордом-командующим, я привел к нему Лилли с ребенком. Нет на свете счастливых концов.*

— Смертоносный! — Дареон подошел к нему, не видя, как ему больно. — Наконец-то хорошая ночь. Гляди, звезды. Может, даже луна покажется. Кажется, худшее позади.

— Нет. — Сэм вытер нос и показал толстым пальцем на юг, во мрак. — Смотри. — Как раз в этот миг там сверкнула молния, беззвучно, но ослепительно ярко. Вспышка осветила громады туч, заслонивших полнеба, — красных, пурпурных, желтых. — Худшее еще впереди. Счастливых

концов не бывает.

— Боги праведные, — засмеялся Дареон. — Ну и трус же ты, Смертоносный.

Джейме

Лорд Тайвин Ланнистер въехал в этот город верхом, в красных доспехах, блистающий золотом и дорогими камнями, — а покинул его в высокой повозке, задрапированной багряными полотнищами его знамен, в сопровождении шести Молчаливых Сестер.

Погребальный кортеж выехал из Королевской Гавани через Ворота Богов, которые были шире и роскошнее Львиных. Джейме остался недоволен этим выбором. Отец был львом, этого никто не мог отрицать, но даже лорд Тайвин никогда не объявлял себя богом.

Повозку окружала почетная стража из пятидесяти рыцарей с багряными вымпелами на копьях. Следом ехали западные лорды. Джейме, следуя рысью в голове колонны, видел их трепещущие на ветру знамена — вепрей, жуков, барсуков, зеленую стрелу, красного вола, скрещенные алебарды и копья, дикого кота, землянику, рукав с раструбом, четыре солнечных диска.

На лорде Браксе бледно-серый дублет с серебряной парчой в прорезях, на груди приколот

аметистовый единорог. Лорд Джаст одет в черные стальные доспехи с инкрустацией из трех золотых львиных голов. Посмотреть на него, так слухи о его смерти не слишком преувеличены — раны и тюремное заключение превратили его в тень себя прежнего. Лорд Банфорт перенес битву гораздо удачнее, хоть сейчас опять на войну. Пламм в пурпуре, Престер в горностае, Морленд в рыжих и зеленых тонах… но плащи на всех одинаковые, из красного шелка, в честь человека, которого они провожают в последний путь.

За лордами шли сто арбалетчиков и триста латников, тоже в красных плащах. Джейме в своем белом, в чешуйчатой белой броне, казался самому себе неуместным среди этого красного потока.

Разговор с дядей не улучшил его самочувствия.

— Лорд-командующий, — сказал сир Киван, когда Джейме подъехал к нему. — У ее величества есть какие-то распоряжения, касающиеся меня?

— Я здесь не ради Серсеи. — Позади них медленно, мерно забил барабан. *Умер*, как будто возвещал он, *умер, умер*. — Я приехал, чтобы проститься. Он мой отец.

— И ее тоже.

— Я не Серсея. У меня есть борода и нету грудей. Если ты все еще путаешь нас, дядюшка, сосчитай

мои руки. У Серсеи их две.

— Насмешничать вы оба горазды. Избавьте меня от своих шуток, сир. Я не расположен выслушивать их.

— Как скажешь. — Все шло не так гладко, как Джейме надеялся. — Серсея, не сомневаюсь, сама попросила бы меня проводить вас, но у нее много других неотложных дел.

— Как и у всех нас, — фыркнул сир Киван. — Как там твой король поживает?

— Неплохо, — примирительно ответил Джейме, расслышав в дядином тоне упрек. — Сейчас при нем находится Бейлон Сванн, достойный и храбрый рыцарь.

— Раньше, когда речь заходила о белых гвардейцах, это разумелось само собой.

Мы не выбираем себе братьев, подумал Джейме. *Будь мне позволено самому подбирать людей, Королевская Гвардия вернула бы себе прежнюю славу.* Но в устах человека, известного всей стране как Цареубийца, человека с дерьмом вместо чести, это прозвучало бы пустой похвальбой. Пусть все остается как есть — он приехал не затем, чтобы спорить с дядей.

— Сир, — сказал он, — вам следует примириться с Серсеей.

— Разве между нами война? Впервые слышу.

— Несогласие между двумя Ланнистерами только на руку врагам нашего дома.

— Если несогласие существует, то не по моей вине. Серсея желает править страной — что ж, прекрасно. Я прошу одного: оставить меня в покое. Мое место в Дарри, рядом с сыном. Замок нужно отстроить, земли засеять и обеспечить им защиту. По милости твоей сестры мне больше и нечем занять свое время, — с горьким смехом добавил сир Киван. — С тем же успехом можно устраивать свадьбу Ланселя. Его невеста уже теряет терпение, дожидаясь нас в Дарри.

Невеста-вдова, уточнил про себя Джейме. Лансель ехал в десяти ярдах за ними — глаза у него запали, волосы — седые, и выглядел он старше, чем лорд Джаст. При виде его у Джейме засвербели отсутствующие пальцы. «Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почем мне знать…» Он много раз пытался поговорить с Ланселем, но никак не мог застать его одного. Тот всегда был либо с отцом, либо с каким-нибудь септоном. *У него в жилах молоко вместо крови, мало что он сын Кивана*, думал Джейме. *Тирион лгал. Он сказал это нарочно, чтобы ранить меня.*

Выбросив кузена из головы, он опять заговорил с дядей:

— После свадьбы ты останешься в Дарри?

— Думаю, да — на время. Вдоль Трезубца, по слухам, рыщет Сандор Клиган. Твоя сестра требует его голову. Возможно, теперь он примкнул к шайке Дондарриона.

Джейме, как и добрая половина королевства, тоже слышал о беспримерно жестоком набеге на Солеварни. Женщин насиловали и калечили, детей убивали на глазах у их матерей, дома и целые улицы предавали огню.

— Рендилл Тарли сейчас в Девичьем Пруду — пусть с разбойниками управляется он. Тебя я предпочел бы видеть у Риверрана.

— Там командует сир Давен, Хранитель Запада. Лансель во мне нуждается гораздо больше, чем он.

— Ну как знаешь. — «Умер, умер, умер», — стучал барабан. — Советую тебе не отпускать от себя своих рыцарей.

— Это угроза, сир?

Угроза? Джейме опешил.

— Всего лишь совет. Я имел в виду Сандора.

— Я вешал разбойников, в том числе и рыцарского звания, когда ты еще пеленки марал. И не

намерен выступать на Сандора с Дондарриoном в одиночку, если ты этого опасаешься. Не все Ланнистеры совершают глупости ради славы.

Да ты никак в мой огород метишь, дядюшка.

— Аддам Марбранд способен расправиться с ними не хуже тебя. И Бракс тоже, и Банфорт, и Пламм, кого ни возьми. А вот десницы из них не вышло бы.

— Твоей сестре известны мои условия. Они не изменились. Скажи ей об этом, если при случае окажешься у нее в спальне. — И сир Киван ускакал прочь, оборвав разговор.

Несуществующая рука Джейме дернулась. Он надеялся вопреки надежде, что Серсея ошиблась, но нет. Киван знает про них, про Томмена и Мирцеллу. А Серсея знает, что он знает. Сир Киван — Ланнистер из Бобрового Утеса. Джейме не верил, что она способна причинить ему вред, но… Если он заблуждался насчет Тириона, то и насчет Серсеи может обманываться. Раз уж сыновья убивают отцов, почему бы племяннице не приказать укокошить дядюшку? Уж очень много этот дядюшка знает. Впрочем, Серсея может надеяться, что за нее это сделает Пес. Если Сандор Клиган убьет в бою сира Кивана, ее руки останутся чистыми. А он непременно убьет, если они

встретятся в поле. Киван когда-то был сильным бойцом, но теперь он уже не молод, а Пес…

Процессия между тем двигалась мимо.

— Лансель, — окликнул Джейме своего кузена, ехавшего с двумя септонами по бокам, — я еще не поздравил тебя с женитьбой. Жаль, что долг не позволяет мне быть на твоей свадьбе.

— Короля нельзя оставлять.

— Совершенно верно, а все-таки хотелось бы мне побывать на твоем провожанье. Миледи ведь уже побывала замужем, правда? Думаю, она охотно покажет тебе, где что.

Несколько лордов, слышавших это, расхохотались, септоны неодобрительно сморщились, Лансель беспокойно поерзал в седле.

— Я достаточно осведомлен, чтобы исполнять свои брачные обязанности, сир.

— Как раз то, что нужно молодой в первую ночь. Муж, способный справиться со своими *обязанностями.*

Щеки Ланселя слегка порозовели.

— Я молюсь за тебя, кузен. И за ее величество королеву. Да будет мудрость Старицы с ней, и да защитит ее Воин.

— Зачем Серсее Воин, когда у нее есть я? — Джейме повернул коня, заполоскав на ветру

белым плащом. Бес лгал. Серсея скорей труп Роберта положила бы на себя, чем этого придурковатого святошу. *Надо было придумать получше, Тирион, злобный ты выродок.* Джейме проскакал мимо погребальных дрог, направляясь к городу.

Улицы по дороге к Красному Замку показались ему пустыми. Солдаты, толпившиеся в игорных притонах и харчевнях, почти все ушли. Половину тирелловских войск Гарлан Галантный увел обратно в Хайгарден, его леди-мать и бабушка отправились вместе с ним. Другая половина во главе с Мейсом Тиреллом и Матисом Рованом выступила на юг, брать Штормовой Предел.

Солдаты Ланнистеров, две тысячи закаленных бойцов, остались стоять лагерем под стенами города. Они ждут, когда прибудет флот Пакстера Редвина, чтобы перевезти их через Черноводный залив на Драконий Камень. Лорд Станнис, отплыв на север, оставил там, по всей видимости, лишь небольшой гарнизон. Двух тысяч человек, как рассудила Серсея, будет более чем достаточно.

Все прочие жители запада вернулись к своим женам и детям — отстраивать дома, засевать поля, собирать последнюю жатву. Серсея до их ухода возила к ним Томмена, чтобы воины могли при-

ветствовать своего короля. Никогда еще она не была столь прекрасна, как в тот день, с улыбкой на губах, с осенним солнцем в золотых волосах. Кто бы что ни говорил о его сестре, она умеет внушить мужчинам любовь, когда постарается.

Въехав в ворота замка, Джейме увидел на внешнем дворе две дюжины рыцарей, которые сражались с кинтаной.[2] Вот еще одно занятие, которое больше ему не по силам. Копье тяжелее меча, а он и с мечом-то теперь управляется еле-еле. Можно попробовать держать копье левой рукой, но это значит перенести щит в правую. Когда же ты атакуешь с копьем, твой противник всегда находится слева, и меч в правой руке нужен тебе, как соски на панцире. *Нет, видно, турниры мои позади*, подумал он, спешиваясь, — и все-таки задержался посмотреть.

Сира Таллада Высокого мешок с песком вышиб из седла. Могучий Вепрь двинул по щиту так, что дерево треснуло. Кеннос из Кайса расколол его окончательно, и для сира Дермота из Дождливого Леса повесили новый щит. Ламберт Торнберри нанес лишь скользящий удар, но Безбородый Джон Битли, Хамфри Свифт и Алин Стакспир все

---

[2] Примечания: 2
Устройство для нанесения ударов копьем.

били хорошо и метко, а Рыжий Роннет Коннигтон сломал копье. Затем на коня сел Рыцарь Цветов и всех посрамил.

Джейме всегда полагал, что победа на турнире на три четверти зависит от мастерства всадника. Сир Лорас скакал превосходно, а копьем владел так, точно с ним и родился… недаром же у его матушки всегда такой кислый вид. Он попадает как раз туда, куда хочет попасть, а равновесие держит, как кошка. Пожалуй, и Джейме он сбил с коня не только по счастливой случайности. Жаль, что нельзя испытать мальчугана еще раз. Джейме грустно покачал головой и ушел.

Серсея сидела у себя в горнице с Томменом и темноволосой мирийкой, женой лорда Мерривезера. Все они смеялись, глядя на великого мейстера Пицеля.

— Я пропустил что-то забавное? — спросил, входя, Джейме.

— Вот ваш отважный брат и вернулся, ваше величество, — промурлыкала леди Мерривезер.

— Большей частью. — Серсея, как он догадывался, уже успела приложиться к чаше с вином. Последнее время она всегда держала штоф под рукой — она, так презиравшая Роберта Баратеона за его пьянство. Джейме это не нравилось, как,

впрочем, и все, что в эти дни делала его сестра. — Великий мейстер, — сказала она, — поделитесь вашей новостью с лордом-командующим.

— Птица из Стокворта, — промямлил Пицель, чувствуя себя крайне неловко. — Леди Танда извещает, что дочь ее Лоллис разрешилась от бремени крепким, здоровым сыном.

— Ты нипочем не угадаешь, брат, как они назвали этого маленького ублюдка.

— Они хотели назвать его Тайвином, сколько я помню.

— Хотели, но я запретила. Сказала Фалисе, что отродье какого-то свинаря и полоумной свиньи не может зваться благородным именем моего отца.

— Леди Стокворт уверяет, что к этому непричастна, — продолжал Пицель. На его морщинистом лбу выступил пот. — Она пишет, что имя выбрал муж Лоллис, этот наемник. Он, видимо…

— Тирион, — догадался Джейме. — Он назвал мальчика Тирионом?

Старик кивнул трясущейся головой и вытер лоб рукавом.

— Вот видишь ли, дорогая сестра, — принужденно рассмеялся Джейме. — Ты искала Тириона повсюду, а он все это время прятался у Лоллис

в утробе.

— Ах, как смешно. Оба вы с Бронном забавники. Думаю, он сейчас ухмыляется, глядя, как Тирион сосет вымя его полоумной женушки.

— Может быть, этот ребенок чем-то похож на вашего брата, — предположила леди Мерривезер с гортанным смехом. — Может быть, он родился карликом или безносым.

— Нужно, однако, послать что-то в подарок прелестному малютке, — сказала Серсея, — не правда ли, Томмен?

— Можно котенка послать.

— Львенка, — вставила леди Мерривезер. «Чтобы малютка не зажился на свете», — говорила ее улыбка.

— У меня на уме другое, — сказала Серсея.

Новый отчим скорее всего. Этот ее взгляд был Джейме знаком. Вот так же она смотрела в ночь свадьбы Томмена, когда горела Башня Десницы. Зеленый отсвет дикого огня делал зрителей похожими на сборище гниющих трупов, торжествующих вурдалаков, но один мертвец выделялся среди всех остальных. Серсея даже с мертвенно-зеленым лицом сохраняла свою красоту. Она стояла, приложив руку к груди, приоткрыв рот, и ее глаза сверкали, как изумруды. И

еще она плакала, вспомнил Джейме, — непонятно только, от горя или в порыве восторга.

Тогда, глядя на нее, он почувствовал отвращение. Эйерис Таргариен тоже всегда возбуждался при виде пламени. Королевская Гвардия знает все секреты своего короля. Отношения между Эйерисом и его королевой в последние годы его правления сделались крайне натянутыми. Спали они розно, а днем всячески избегали друг друга. Но когда Эйерис сжигал человека, он непременно в ту же ночь посещал королеву. Ночью после того, как он сжег десницу с палицей и кинжалом в гербе, Джейме и Джон Дарри несли караул у дверей ее опочивальни. «Мне больно, — кричала королева Рейелла. — Ты мне делаешь больно», — доносилось до них сквозь дубовую дверь. Джейме это почему-то ранило больше, чем крики горящего заживо лорда Челстеда. «Мы поклялись защищать и ее», — сказал наконец он. «Поклялись, да только не от него», — ответил Дарри.

После этого Джейме видел Рейеллу всего лишь раз, в утро ее отплытия на Драконий Камень. Королева в плаще с низко опущенным капюшоном села в закрытый возок и отбыла в гавань, но он слышал, как шептались потом ее служанки. Королева вся исцарапана, говорили они, и грудь

у нее искусана, точно ею зверь какой овладел. И Джейме знал про себя, что зверь этот носит корону.

Под конец Безумный Король стал таким боязливым, что не допускал никакого прикосновения стали к своей особе и оружия не терпел, исключая мечи своих белых рыцарей. Он ходил с немытой, всклокоченной бородой, серебристо-золотые волосы ниспадали до пояса, желтые ногти отросли на девять дюймов, как когти. Но сталь, которой он не мог избежать, терзала его по-прежнему — сталь Железного Трона. Руки и ноги у него всегда были покрыты струпьями и незажившими ранами.

Теперь он царствует над поджаренным мясом и обугленными костями, вспомнил Джейме, глядя на улыбку своей сестры. Царствует над пеплом.

— Ваше величество, — произнес он, — могу ли я сказать вам два слова наедине?

— Хорошо. Томмен, тебе давно уже пора на урок. Ступай вместе с великим мейстером.

— Да, матушка. Сейчас мы учим историю Бейелора Благословенного.

Леди Мерривезер тоже удалилась, поцеловав королеву в обе щеки.

— Вернуться мне к ужину, ваше величество?

— Я очень рассержусь на вас, если не вернетесь.

Джейме невольно заметил, как мирийка покачивает бедрами. Соблазн на каждом шагу, да и только. Когда дверь за ней закрылась, он откашлялся и сказал:

— Сначала Кеттлблэки, потом Квиберн, потом она. Странными людьми ты окружаешь себя, дорогая сестра.

— Я очень полюбила леди Таэну. Она развлекает меня.

— Она одна из компаньонок Маргери Тирелл. И доносит о тебе своей маленькой королеве.

— Само собой. — Серсея подошла к буфету, чтобы снова налить себе вина. — Маргери просто затрепетала вся, когда я попросила ее уступить мне Таэну. Надо было ее слышать. «Она будет вам сестрой, как была мне. Разумеется, я вам ее уступаю, ведь у меня есть кузины и другие фрейлины». Наша маленькая королева не хочет, чтобы я была одинока.

— Если она шпионка, зачем брать ее к себе?

— Маргери и вполовину не столь умна, как ей кажется. Она и понятия не имеет, что за змейку пригрела у себя на груди. Таэна сообщает маленькой королеве лишь то, что желательно

мне, — порой даже правду. — Глаза Серсеи вспыхнули лукавым огнем. — А мне она пересказывает все, что делает дева Маргери.

— В самом деле? Что тебе, собственно, известно об этой женщине?

— Я знаю, что у нее есть сын и она желает вознести его высоко. Ради него она готова на все. Матери все одинаковы. Леди Мерривезер, может быть, и змея, но далеко не глупа. Она знает, что я могу сделать для нее больше, чем Маргери, и потому старается быть мне полезной. Ты удивился бы, узнав, какие любопытные вещи она мне рассказала.

— Что же это за вещи?

— Знаешь ли ты, — сев у окна, спросила Серсея, — что Королева Шипов повсюду возит с собой сундучок, полный золота? Старые монеты, отчеканенные еще до Завоевания. Если у кого-нибудь из купцов достанет глупости запросить плату золотом, она расплачивается хайгарденскими дланями, которые вдвое легче наших драконов. Кто же посмеет жаловаться, что леди-мать Мейса Тирелла его обманула? — Серсея пригубила свою чашу. — Теперь расскажи, как проехался.

— Дядя сделал мне замечание относительно твоего отсутствия.

— Что мне за дело до его замечаний.

— Дело прямое. Он мог бы тебе пригодиться. Если не в Ривеpране и не в Утесе, то на севере, против лорда Станниса. Отец всегда полагался на Кивана, когда…

— Хранитель Севера у нас Русе Болтон, он и разделается со Станнисом.

— Лорд Болтон отрезан от Севера Перешейком и Железными Людьми во Рву Кейлин.

— Это ненадолго. Скоро его бастард устранит это маленькое препятствие. Лорд Болтон получит от Фреев еще две тысячи войска во главе с сыновьями лорда Уолдера, Хостином и Эйенисом. Более чем достаточно, чтобы прикончить Станниса с его недобитками.

— Сир Киван…

— У него и в Дарри полно хлопот — надо же научить Ланселя подтирать задницу. После смерти отца он перестал быть мужчиной. Он старик, дряхлый старик. Давен и Дамион послужат нам куда лучше.

— Что ж, сойдут и они. — Джейме не имел ничего против этих своих кузенов. — Но тебе все еще нужен десница. Если не дядя, то кто?

— Не бойся, не ты, — засмеялась она. — Может быть, муж Таэны. Его дед был десницей при Эй-

ерисе.

Десница с рогом изобилия. Джейме довольно хорошо помнил Оуэна Мерривезера — приятный был человек, но добился немногого.

— И так отличился, что Эйерис отправил его в изгнание и забрал себе его земли.

— Роберт вернул их ему, хотя и не все. Таэна будет довольна, если Ортон получит назад остальное.

— Ты затеяла это, чтобы порадовать какую-то мирийскую шлюху? Я думал, речь идет об управлении государством.

— Государством управляю я.

Да помогут нам Семеро, если так. Сестра воображает себя лордом Тайвином с парой титек, но в этом она заблуждается. Отец был безжалостен и непоколебим, как горный ледник, а Серсея — это дикий огонь, особенно когда ей перечат. Она хихикала, как девчонка, узнав, что Станнис покинул Драконий Камень: он, мол, отказался от борьбы и добровольно уплыл в изгнание. Когда же с севера пришла весть, что он объявился у Стены, ярость ее не знала предела. Она умна, это так, но ей недостает терпения и способности судить трезво.

— Тебе в помощь нужен сильный десница.

— Только слабый правитель нуждается в сильном деснице, как Эйерис нуждался в отце. Сильному нужен послушный слуга, который будет исполнять его приказания. — Серсея поболтала вино в чаше. — Лорд Галлин, скажем. Он не первый пиромант, который станет десницей.

Нет, не первый. Последнего убил Джейме.

— Говорят, что ты хочешь сделать Аурина Уотерса мастером над кораблями.

— Кто-то наушничает тебе на меня? — Не дождавшись ответа, Серсея сердито тряхнула волосами. — Уотерс хорошо подходит для этой должности. Он полжизни провел на палубе кораблей.

— Полжизни? Да ему от силы лет двадцать.

— Двадцать два — ну так что же? Отцу еще и двадцати одного не исполнилось, когда Эйерис сделал его десницей. Давно пора, чтобы вокруг Томмена завелась молодежь вместо всех этих сморщенных старцев. Аурин по крайней мере силен и крепок.

Силен, крепок, хорош собой… «Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почем мне знать…»

— Лучше бы ты выбрала Пакстера Редвина. Он командует самым большим флотом Вестероса.

Аурин мог бы водить ялик, если ты ему купишь такой.

— Ты просто ребенок, Джейме. Редвин — знаменосец Тирелла и племянник его гадкой матушки. Мне не нужны ставленники Тирелла в совете.

— Не нужны Томмену, ты хочешь сказать.

— Ты хорошо знаешь, что я хочу сказать.

Слишком хорошо.

— Я знаю, что с Аурином Уотерсом ты придумала неудачно, а с Галлином и того хуже. Что до Квиберна… боги, Серсея, он же был в шайке Варго Хоута! Цитадель *отняла* у него цепь!

— Серые овцы. Квиберн показал себя очень полезным человеком. И преданным, чего я даже о своей родне не могу сказать.

Продолжай в том же духе, сестра, и нас всех расклюет воронье.

— Вслушайся в собственные слова, Серсея. Тебе в каждом углу мерещатся карлики, и в друзьях ты видишь врагов. Дядя Киван тебе не враг. И я тоже.

Ее лицо исказилось от ярости.

— Я умоляла тебя о помощи. На колени перед тобой становилась, а ты отказал!

— Мои обеты…

— …не помешали тебе убить Эйериса. Слова —

это ветер. Ты мог бы получить меня, но предпочел белый плащ. Убирайся.

— Сестра…

— Выйди вон, говорю я. Мне тошно смотреть на твой мерзкий обрубок. Вон! — Она запустила в него винной чашей и промахнулась, но Джейме понял намек.

Вечер застал его в общей комнате башни Белый Меч, с чашей дорнийского красного и Белой Книгой. Он листал страницы культей правой руки, когда вошел Рыцарь Цветов. Сир Лорас снял плащ, отстегнул пояс с мечом и повесил их на колышек рядом с Джейме.

— Я видел вас во дворе сегодня, — сказал тот. — У вас хорошо получалось.

— Я бы сказал, лучше, чем хорошо. — Лорас налил себе вина и сел за стол-полумесяц напротив Джейме.

— Скромный рыцарь ответил бы «милорд слишком добр» или «у меня хороший конь, это его заслуга».

— Конь в самом деле неплох, а милорд столь же добр, как я скромен. — Лорас кивнул на Белую Книгу. — Лорд Ренли всегда говорил, что книги нужны одним только мейстерам.

— Эта книга про нас. Здесь записана история

каждого человека, когда-либо носившего белый плащ.

— Я ее смотрел. Гербы в ней красивые, но мне больше нравится, когда в книге много картинок. У лорда Ренли было несколько с такими, что септон ослеп бы, увидев их.

— Здесь вы таких не найдете, сир, — слегка улыбнулся Джейме, — но заключенные в ней истории могут открыть вам глаза. Полезно знать судьбы тех, кто жил раньше нас.

— Они мне известны. Принц Эйемон Драконий Рыцарь, сир Раэм Редвин, Великодушный, Барристан Смелый…

— Гвейн Корбрей, Алин Коннингтон, Дарри-Демон. Все верно. О Люкаморе Сильном вы тоже, должно быть, слышали.

— О Любострастнике? Три жены и тридцать детей, не так ли? Ему еще хрен отрезали. Хотите спою вам песню о нем, милорд?

— Ну а сир Терренс Тойн?

— Он спал с любовницей короля и умер злой смертью. Мораль такова: если носишь белые бриджи, завязывай их потуже.

— Джайлс Серый Плащ? Оривел Отверстая Длань?

— Джайлс был предателем, Оривел — трусом.

Они опозорили плащ, который носили. К чему вы ведете, милорд?

— Ни к чему. Не ищите оскорбления там, где его нет, сир. Как насчет Длинного Тома Костейна?

Лорас потряс головой.

— Он прослужил в Королевской Гвардии шестьдесят лет.

— Когда это? Я ни разу…

— Сир Доннел Синедольский?

— Это имя я, кажется, слышал, но…

— Аддисон Хилл? Микаэль Мертинс, Белый Филин? Джеффори Норкросс, прозванный Несдающимся? Красный Роберт Флауэрс? Что вы можете сказать мне о них?

— Флауэрс — имя бастарда. И Хилл тоже.

— А между тем оба они в свое время командовали Королевской Гвардией. Все это записано в книге. Есть в ней и Роланд Дарк — до меня таких молодых рыцарей в Королевской Гвардии еще не было. Свой плащ он получил на поле брани и погиб час спустя.

— Как видно, воин он был не из важных.

— Не скажите. Он погиб, защищая своего короля. Белый плащ носили многие отважные рыцари, и почти все они ныне забыты.

— Значит, они и не заслуживали иного. Героев,

лучших из лучших, будут помнить всегда.

— И злодеев тоже. — *Глядишь, про кого-то из нас и сложат песню*, подумал Джейме. — А также тех, в ком есть нечто и от героя, и от злодея. Вроде него. — Он постучал по раскрытой странице.

— О ком это вы? — Сир Лорас вытянул шею. — Десять черных кружочков на алом поле. Не знаю такого герба.

— Он принадлежал Кристону Колю, который служил при Визерисе Первом и Эйегоне Втором. — Джейме закрыл Белую Книгу. — По прозванию Своевольный.

Серсея

Экие жалкие людишки, думала королева, глядя на трех человек, преклонивших перед нею колени. Кому только не улыбается счастье.

— Ваше величество, — тихо промолвил Квиберн, — малый совет…

— Совет подождет. Они будут только рады, услышав от меня о смерти изменника. — Вдали колокола Септы Бейелора вызванивали свою скорбную песнь. *По тебе, Тирион, колокола не будут звонить. Я обмакну твою уродливую башку в смолу, а хилое тельце брошу собакам.* — Встаньте, — сказала Серсея будущим лордам, — и покажите, что принесли.

Они поднялись, оборванные и безобразные. У одного чирей на шее, и все они не мылись по меньшей мере полгода. Мысль о том, что такое отребье может сделаться лордами, забавляла Серсею. На пирах их можно будет сажать рядом с Маргери. Главный развязал кожаный мешок, запустил туда руку, и приемный чертог королевы тут же наполнился запахом мертвечины. Голова, извлеченная из мешка, позеленела и кишела чер-

вями. *Пахнет, как от батюшки.* Доркас зажала рот, Джаселину стошнило, но королева даже не поморщилась.

— Вы убили не того карлика, — выговорила она наконец — отчетливо и со злостью.

— Как не того, — осмелился подать голос один оборванец. — Беспременно он. Подгнил только малость.

— И новый нос себе отрастил, — заметила Серсея, — да еще какой здоровенный. Тирион лишился носа в сражении.

Трое дуралеев переглянулись.

— Про это мы знать не знали, — сказал предъявитель головы. — Глядим, карлик идет, ну и…

— Он сказал, что он воробей, — вмешался дурак с чирьем, — а ты говоришь — врет он, мол. — Это было обращено к третьему.

И ради этих-то скоморохов я заставляю ждать свой малый совет, с гневом подумала королева.

— Вы попусту потратили мое время и убили невинного. Вам самим следовало бы головы отрубить. — Но если она это сделает, другие могут испугаться, и Бес ускользнет. Лучше воздвигнуть пирамиду из голов мертвых карликов, чем дать такому случиться. — Прочь с моих глаз.

— С позволения вашего величества, — сказал

тот, что с чирьем. — Прощения просим.

— А голову-то оставить? — спросил тот, кто держал ее.

— Отдайте ее сиру Меррину. Да нет же, в мешок спрячь, недоумок. Выведите их, сир Осмунд.

Трант вынес голову, Кеттлблэк выпроводил оборванцев. Только завтрак Джаселины, оставшийся на полу, свидетельствовал о том, что они здесь побывали.

— Уберите это сейчас же, — приказала ей королева. Эта голова — уже третья, и она по крайней мере действительно принадлежала карлику. Предыдущую сняли с какого-то уродливого ребенка.

— Не тревожьтесь, карлика непременно найдут, — заверил ее, вернувшись, сир Осмунд. — И тогда ему настанет конец.

Настанет ли? Прошлой ночью Серсее приснилась старуха с желваками на щеках и каркающим голосом. В Ланниспорте все звали ее Магги-Жабой. *Знай отец, что она мне сказала, он вырвал бы ей язык. Но я никому не говорила об этом, никому, даже Джейме. Мелара решила, что если мы промолчим о ее предсказании, то и сами со временем забудем его. А забытые пророчества не имеют никакой силы.*

— Мои осведомители ищут следы Беса повсюду, ваше величество, — сказал Квиберн. Его новая одежда, весьма напоминавшая мейстерскую, была, однако, не серой, а белой — безупречно белой, как плащи королевских гвардейцев. Подол, рукава и жесткий высокий ворот были вышиты золотом, талию опоясывал золотой кушак. — В Староместе, в Чаячьем городе, в Дорне, даже в Вольных Городах. Куда бы он ни бежал, мои шептуны разыщут его.

— Вы предполагаете, что он покинул Королевскую Гавань. Но он вполне может прятаться в Септе Бейелора и раскачиваться на колоколе, производя этот ужасный трезвон. — Доркас помогла королеве подняться. — Пойдемте, милорд, мой совет ждет. — Она оперлась на руку Квиберна, и он повел ее вниз по лестнице. — Вы уже справились с тем небольшим делом, которое я вам поручила?

— Да, ваше величество. Сожалею, что это заняло столько времени. Уж очень у него голова большая. Насекомые долго трудились, очищая ее. Зато для черепа я приготовил ларец черного дерева с серебром, обитый изнутри бархатом.

— Хватило бы и мешка. Принцу Дорану нужна голова, а в чем он ее получит, ему наплевать.

Во дворе колокольный звон стал еще громче. Сколько шума из-за какого-то верховного септона — долго ли еще нам это терпеть? Это, конечно, приятнее для слуха, чем вопли Горы, но все же…

Квиберн как будто прочел ее мысли.

— На закате колокола умолкнут, ваше величество.

— Рада слышать — но откуда вы это знаете?

— Моя служба как раз и заключается в том, чтобы знать.

Она кивнула. *Варис нас всех заставил поверить в свою незаменимость.* Какие же мы были глупцы. Как только королева известила о том, что место евнуха займет Квиберн, прежние шептуны не замедлили представиться новому начальнику, чтобы впредь продавать свои услуги ему. Все дело было в серебре, а вовсе не в самом Пауке. Квиберн будет служить короне ничуть не хуже. Она заранее предвкушала гримасу, которую скроит Пицель, когда Квиберн сядет на свое место.

Во время заседаний у дверей зала совета всегда стоял один из рыцарей Королевской Гвардии — на сей раз сир Борос Блаунт.

— Что-то вы нынче бледны, сир Борос, — любезно заметила ему королева. — Съели что-нибудь

нехорошее? — Джейме велел ему пробовать блюда, приготовленные для короля. Борос терпеть не мог напоминаний об этом своем позоре, и его обвисшие щеки тряслись, когда он отворял двери перед королевой.

Советники примолкли, увидев ее. Лорд Джайлс раскашлялся и разбудил Пицеля, прочие поднялись и забормотали приветствия. Серсея лишь едва улыбнулась в ответ.

— Я знаю, милорды, вы простите мне мое опоздание.

— Мы здесь, чтобы служить вашему величеству, — сказал сир Харис Свифт, — и с радостным нетерпением ожидать, когда вы нас осчастливите.

— Лорда Квиберна вы все, полагаю, знаете.

Великий мейстер Пицель не обманул ее ожиданий.

— *Лорда* Квиберна? — вскричал он, побагровев. — Ваше величество, это… мейстер приносит обет не владеть землями и не носить титула…

— Но ваша Цитадель лишила его мейстерской цепи, — напомнила ему Серсея. — А раз он не мейстер, то и ваши обеты соблюдать не обязан. Евнуха мы, если помните, тоже именовали лордом.

— Этот человек непригоден… — не унимался Пицель.

— Не говорите мне о пригодности после того, как опозорились с телом моего лорда-отца.

— Но не думает же ваше величество… — Пицель, словно заслоняясь от удара, поднял дрожащую руку. — Молчаливые Сестры удалили у лорда Тайвина внутренности, выпустили всю кровь… мы приняли все меры предосторожности… поместили внутрь соли и ароматные травы…

— Избавьте меня от этих гадких подробностей. Ваши меры предосторожности я почувствовала собственным носом. Целительское искусство лорда Квиберна спасло жизнь моему брату, и я не сомневаюсь, что королю он послужит лучше вашего сладкоречивого евнуха. Вы знакомы с другими советниками, милорд?

— Я был бы плохим осведомителем, если б не знал их, ваше величество. — Квиберн сел между Ортоном Мерривезером и Джайлсом Росби. *Мой малый совет…* Серсея выкорчевала из него все розовые стебли и всех, кто имел отношение к ее дяде и братьям. Их заменили люди, обязанные чем-то исключительно ей. Она даже назвала их по-новому, как принято в Вольных Городах: никаких «мастеров» у нее при дворе больше не будет.

Ортон Мерривезер — верховный судья, Джайлс Росби — лорд-казначей, Аурин Уотерс, молодой бастард из Дрифтмарка — адмирал.

А новый десница — сир Харис Свифт.

Круглый, лысый, подобострастный, с потешным белым пушком там, где полагается быть подбородку. На желтом дублете лазурными бусинами вышит петух, герб его дома, мантия голубого бархата украшена сотней золотых рук. Он в восторге от своего назначения, не понимая по недостатку ума, что он, в сущности, заложник, а не десница. Дочь его замужем за сиром Киваном, а дядя обожает свою супругу, хотя грудь у нее плоская, ноги цыплячьи, а подбородок отсутствует, как и у батюшки. Пока сир Харис в руках у Серсеи, Киван Ланнистер крепко подумает, прежде чем ей перечить. Тесть, конечно, не самый лучший заложник, но лучше уж хлипкий щит, чем совсем никакого.

— Будем ли мы иметь честь видеть среди нас короля? — спросил Ортон Мерривезер.

— Мой сын играет со своей маленькой королевой. Пока что все его королевские деяния состоят в прикладывании большой печати к пергаментам. Он слишком юн, чтобы ведать государственными делами.

— А наш доблестный лорд-командующий?

— Он у своего оружейника, который хочет снабдить его новой рукой. Я знаю, как неприятно всем смотреть на его увечье. Притом здесь ему, полагаю, было бы не менее скучно, чем Томмену. — Аурин Уотерс усмехнулся, услышав это. Вот и хорошо. Чем больше они смеются, тем меньше их следует опасаться. — Есть ли у нас вино?

— Да, ваше величество. — Ортон Мерривезер некрасив — нос у него большой и бугристый, ярко-рыжие волосы вечно взлохмачены, — но ведет себя с отменной учтивостью. — Дорнийское красное, борское золотое и сладкая хайгарденская наливка.

— Пожалуй, борское. Дорнийские вина вызывают оскомину, как и сами дорнийцы. — Мерривезер тут же наполнил ее чашу. — С них, думаю, и начнем.

У великого мейстера все еще дрожали губы, но он пересилил себя.

— Как вам будет угодно. Принц Доран взял своих непокорных побочных племянниц под стражу, но в Солнечном Копье все еще неспокойно. Принц пишет, что не может обеспечить спокойствия, пока не добьется обещанного нами правосудия.

— Само собой разумеется. — *Что за надоедливое создание этот принц.* — Ему пришлось долго ждать, но теперь ожидание подходит к концу. Я посылаю к нему Бейлона Сванна с головой Григора Клигана. — У сира Бейлона будет и другое задание, но об этом она умолчит.

— О-о. — Сир Харис поворошил свою нелепую бороденку. — Так он умер, сир Григор?

— Видимо, да, милорд, — ввернул Аурин Уотерс. — Я слышал, что отделение головы от туловища бывает смертельно.

Серсея наградила его улыбкой: она любила меткое словцо, если оно метило не в нее.

— Сир Григор умер от ран, согласно предсказанию великого мейстера.

Пицель с громким «гм-м» покосился на Квиберна.

— Копье было отравлено. Ни один человек на свете не сумел бы его спасти.

— Да, вы так и сказали в самом начале, я помню. О чем вы говорили, когда я вошла, сир Харис?

— О воробьях, ваше величество. По словам септона Рейнарда, их в городе около двух тысяч, и с каждым днем прибавляются новые. Их главари проповедуют о роке и поклонении демонам.

Серсея, пригубив вино, нашла его превосход-

ным.

— Что ж, это можно понять. Как иначе назвать красного бога, которому поклоняется Станнис, если не демоном? Истинно верующие должны воспротивиться подобному злу. — Это ей подсказал Квиберн, умная голова. — Наш покойный верховный септон, боюсь, был чересчур снисходителен. Преклонный возраст лишал его сил и зоркости.

— Да, он был дряхлым старцем, ваше величество, — Квиберн улыбнулся Пицелю, — и его кончина не должна удивлять нас. Это великое благо — умереть мирно, во сне, на склоне своих долгих лет.

— Это так, — согласилась Серсея, — но его преемник, надо надеяться, будет более деятельным. Мои друзья с другого холма говорят, что хотели бы видеть своим новым главой Торберта или Рейнарда.

— У меня тоже есть друзья среди Праведных, — откашлявшись, сказал Пицель, — и они за септона Оллидора.

— Люцеона тоже не следует сбрасывать со счетов, — сказал Квиберн. — Прошлой ночью он угощал тридцать Праведных молочным поросенком и борским золотым, а днем он раздает хлеб

беднякам.

Аурин Уотерс от этого разговора о септонах скучал не меньше Серсеи. Вблизи его волосы казались скорее серебряными, чем золотыми. У принца Рейегара глаза были лиловые, а у него зеленовато-серые, однако сходство… Не ради ли нее Уотерс сбрил свою бороду? Она на десять лет его старше и все же желанна ему — Серсея видела это по его взгляду. Мужчины смотрели так на нее с тех пор, как у нее только-только проклюнулись груди. Они говорили, что причиной тому ее красота, но Джейме был тоже красив, а на него они так не смотрели. Маленькой девочкой она иногда шутки ради рядилась в одежду брата и всегда поражалась перемене в поведении мужчин, принимавших ее за Джейме. Даже сам лорд Тайвин…

Пицель и Мерривезер все еще спорили о том, кто же станет верховным септоном.

— Один будет служить нам ничуть не хуже другого, — резко вмешалась в спор королева, — но кто бы из них ни надел кристальную корону, он должен будет предать Беса анафеме. — Этот последний как-то загадочно молчал по поводу Тириона. — Что до так называемых воробьев, пусть ими занимаются Праведные — нам, пока

они не проповедуют измены, до них дела нет.

Лорд Ортон и сир Харис произнесли нечто утвердительное, лорд Джайлс при попытке сделать то же самое зашелся в приступе кашля. Серсея отвернулась, когда он выплюнул в платок кровавый сгусток.

— Мейстер, письмо из Долины у вас с собой?

— Да, ваше величество. — Пицель извлек его из груды других пергаментов и разгладил. — Это скорее хартия, чем письмо. Подписано в Рунстоне Бронзовым Джоном Ройсом, леди Уэйнвуд, лордами Хантером, Редфортом, Бельмором, а также Саймондом Темплтоном, Рыцарем Девяти Звезд. Все они приложили к сему свои печати. Они пишут…

Экая тягомотина.

— Милорды сами могут это прочесть, если пожелают. Ройс и другие собирают людей, чтобы идти на Гнездо. Они намерены сместить Мизинца с поста лорда-протектора — силой, если понадобится. Вопрос в том, должны ли мы это допускать.

— А что, лорд Бейлиш просил нас о помощи? — спросил Харис Свифт.

— Пока еще нет. Похоже, его все это очень мало волнует. В последнем своем письме он упоминает

о мятежниках лишь мельком, а далее следует просьба выслать ему морем какие-то старые гобелены Роберта.

Сир Харис покопался в своей бороденке.

— А лорды, подписавшие хартию, просят вмешательства короля?

— Нет, не просят.

— В таком случае нам лучше ничего не предпринимать.

— Война в Долине стала бы настоящей трагедией, — заметил Пицель.

— Война? — засмеялся Мерривезер. — Лорд Бейлиш большой забавник, но войны остротами не выигрываются. Сомнительно, что там может пролиться кровь. И так ли уж важно, кто будет регентом при маленьком лорде Роберте, пока Долина исправно вносит свои налоги?

Не слишком важно, решила Серсея. При дворе Мизинец, честно говоря, приносил больше пользы. Он имел настоящий талант к добыче золота и притом не кашлял.

— Лорд Ортон меня убедил. Мейстер Пицель, известите лордов, подписавших письмо, что с Петиром не должно случиться никакого вреда; если это условие будет выполнено, король не станет возражать против тех способов управ-

ления Долиной, которые они изберут вплоть до совершеннолетия Роберта Аррена.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Может быть, перейдем теперь к делам флота? — предложил Аурин Уотерс. — Ад, который разразился на Черноводной, пережило не более дюжины наших кораблей. Надобно подумать о восстановлении нашего могущества на море.

— Это чрезвычайно важный вопрос, — кивнул Мерривезер. — А не прибегнуть ли нам к помощи Железных Людей, врагов нашего врага? Давайте прикинем, что может запросить с нас за это Морской Трон.

— Им нужен Север, — сказал Пицель, — но благородный отец нашей королевы обещал Север дому Болтонов.

— Вот незадача, — посетовал Мерривезер. — Однако Север велик, и его можно поделить — хотя бы на время. Болтон может согласиться, если мы заверим его, что окажем ему любую военную помощь после победы над Станнисом.

— Я слышал, что Бейлон Грейджой умер, — сказал сир Харис. — Известно ли нам, кто правит островами теперь? У лорда Бейлона, помнится, был сын?

— Лео… — подтвердил Росби, — или Тео.

— Теон Грейджой воспитывался в Винтерфелле как подопечный Эддарда Старка, — разъяснил Квиберн. — Вряд ли он мог бы стать нашим другом, но его можно не принимать в расчет: он пленник и сидит у Болтонов в Дредфорте.

— Значит, сын у него единственный. — Сир Харис задумался. — Но у покойного были, кажется, еще братья.

Варис знал бы, с раздражением подумала Серсея.

— Я бы не спешила заключать полюбовный союз с этими спрутами. Их очередь придет, когда мы покончим со Станнисом. То, что нам нужно, — это собственный флот.

— Предлагаю построить десять новых боевых кораблей, — сказал Аурин. — Для начала.

— А денег на это где взять? — осведомился Пицель.

Лорд Джайлс воспринял это как сигнал к новому приступу и принялся выкашливать мокроту в свой красный платок.

— У нас нет… — кое-как выговорил он при этом.

Сир Харис, умудрившись разгадать смысл его слов, возразил:

— Доходы казны никогда еще не были столь

велики. Сир Киван мне сам говорил.

— Расходы… золотые плащи… — выдавливал из себя лорд Джайлс.

Это Серсея и раньше слышала.

— Наш лорд-казначей хочет сказать, что золотых плащей у нас в избытке, а золота мало. — Вечный кашель Росби начинал ее злить. Гарт Тучный, пожалуй, оказался бы не таким утомительным. — Доходы наши весьма высоки, но долги Роберта их превышают. Посему я решила приостановить наши выплаты Великой Септе и Железному банку Браавоса до конца войны. — Новый верховный септон примется заламывать свои святейшие руки, а браавосцы раскудахтаются, но что с того? — Деньги, сбереженные таким образом, пойдут на постройку нового флота.

— Мудрое решение, ваше величество, — одобрил Мерривезер. — Такая мера до окончания войны просто необходима.

— Согласен, — молвил сир Харис.

— Ваше величество, — задребезжал Пицель, — вы не знаете, сколько это вызовет осложнений. Железный банк…

— …останется у себя в Браавосе, за морем. Со временем они получат свое золото, мейстер. Ланнистеры всегда платят свои долги.

— У браавосийцев на этот счет есть своя пословица. — Цепь Пицеля, украшенная дорогими камнями, тихонько звякнула. — «Железный банк всегда получит свое».

— Он получит свое, когда будет угодно мне, а до тех пор пусть соблаговолит подождать. Начинайте закладку своих кораблей, лорд Уотерс.

— Охотно, ваше величество.

— Далее… — Сир Харис взял со стола еще какой-то пергамент, — вот письмо, где лорд Фрей обращается с просьбами…

— Сколько еще земель и почестей способен поглотить этот человек? — вознегодовала Серсея. — В младенчестве он, наверно, сосал трех мамок.

— Милорды могут не знать, — вставил Квиберн, — но в городских харчевнях и винных подвалах поговаривают, будто трон причастен к преступлению лорда Фрея.

Все прочие смотрели растерянно.

— Это вы про Красную Свадьбу? — спросил Аурин.

— Преступление? — повторил сир Харис. Пицель шумно прочистил горло, Росби закашлялся.

— Особенно усердствуют воробьи, — продолжал Квиберн. — Красная Свадьба вопиет против

законов божеских и человеческих, говорят они, и все, кто в ней соучаствовал, прокляты.

Серсея мигом раскусила, к чему он клонит.

— Лорд Уолдер уже очень стар и скоро предстанет перед судом Отца нашего. Пусть воробьи чернят его память, сколько хотят. К нам это отношения не имеет.

— О нет, — сказал сир Харис.

— Никакого, — сказал Мерривезер.

— Даже думать так не годится, — сказал Пицель.

Лорд Джайлс закашлялся.

— Если могилу лорда Уолдера оплюют, червям будет все равно, — согласился Квиберн, — но не худо бы и *наказать* кого-то за Красную Свадьбу. Несколько голов, снятых с Фреев, могли бы смягчить Север.

— Лорд Уолдер никого из своих в обиду не даст, — возразил Пицель.

— Он не даст, — протянула Серсея, — но его наследники могут быть не столь щепетильны. Есть надежда, что лорд Уолдер окажет нам любезность и не станет медлить с кончиной. И если новый лорд переправы захочет избавиться от докучливых сводных братьев, сестер и кузенов, то проще всего обвинить их в злодействе.

— Пока лорд Уолдер жив, надо рассмотреть еще одно дело, — сказал Уотерс. — Золотые Мечи расторгли договор с Миром. В гавани я слышал, что они перешли к лорду Станнису и он теперь переправляет их через море.

— Чем он платить-то им будет? — усомнился Мерривезер. — Снегом? Не зря же они называются золотыми — а много ли у Станниса золота?

— Очень немного, — заверила королева. — Лорд Квиберн говорил с командой мирийской галеи, стоящей в заливе. Они уверяют, что Золотые Мечи направляются в Волантис. Если они собираются переправиться в Вестерос, то идут несколько не в ту сторону.

— Возможно, им надоело сражаться на стороне проигравших, — предположил Мерривезер.

— И это верно, — согласилась с ним королева. — Только слепой не способен видеть, что мы вот-вот выиграем войну. Лорд Тирелл стоит у стен Штормового Предела, а Фреи и мой кузен Давен, новый Хранитель Запада, скоро возьмут Риверран. Корабли лорда Редвина прошли Тартский пролив и быстро движутся вдоль побережья. На Драконьем Камне против его флотилии осталась лишь горстка рыбачьих лодок. Замок может продержаться какое-то время, но как только мы

займем порт, гарнизон будет отрезан от моря. И из всех супостатов у нас останется только сам Станнис.

— Он, если верить лорду Яносу, хочет объединиться с одичалыми, — заметил Пицель.

— Дикари в шкурах, — махнул рукой Мерривезер. — Станнис, должно быть, совсем отчаялся, если ищет союза с ними.

— Налицо не только отчаяние, но и глупость, — рассудила королева. — Теперь Русе Болтон без труда переманит северян к нам — известно ведь, как ненавидят они одичалых. Некоторые дома уже примкнули к его бастарду, чтобы выбить островитян из Рва Кейлин и расчистить лорду Болтону путь обратно на Север. Амбер, Рисвелл… не помню, кто там еще. Даже Белая Гавань может скоро стать нашей. Ее лорд дал согласие выдать обеих внучек за наших союзников Фреев и пустить в свой порт наши корабли.

— Я думал, у нас их нет, — растерялся сир Харис.

— Виман Мандерли был преданным знаменосцем Эддарда Старка, — напомнил великий мейстер. — Можно ли ему доверять?

Доверять нельзя никому.

— Он стар, толст и напуган — но в одном, прав-

да, тверд. Заявляет, что не склонит колено, пока ему не вернут наследника.

— А что, этот наследник у нас? — спросил сир Харис.

— В Харренхолле, если жив еще. Его взял в плен Григор Клиган. — Гора, как известно, обращался с пленными круто, даже если ему обещали хороший выкуп. — Если он мертв, надо будет, полагаю, послать лорду Мандерли головы тех, кто убил его, с нашими искренними извинениями. — Если принцу Дорнийскому довольно одной головы, то толстяк-северянин в тюленьих шкурах как-нибудь удовольствуется целым мешком.

— Но лорд Станнис, вероятно, тоже попытается заключить союз с Белой Гаванью? — сказал Пицель.

— Пытался уже. Лорд Мандерли отвечал уклончиво и переслал его письма нам. Станнис требует мечи и серебро Белой Гавани, а что взамен? Ничего. — Надо бы поставить свечу Неведомому за то, что прибрал Ренли, а не Станниса. Случись по-другому, Серсее жилось бы куда тяжелее. — Нынче утром прилетела еще одна птица. Станнис прислал в Белую Гавань своего лукового контрабандиста, чтобы тот вел переговоры от его имени. Мандерли его засадил в тюрьму и спрашивает,

как с ним поступить.

— Пусть отправит его к нам для допроса, — предложил Мерривезер. — Этот человек знает много ценных вещей.

— Лучше его умертвить, — сказал Квиберн. — Его смерть послужит уроком Северу — пусть видят, какая судьба ждет изменников.

— Согласна, — молвила королева. — Я уже поручила лорду Мандерли отрубить ему голову. Тогда союз между Станнисом и Белой Гаванью утратит всякую вероятность.

— Станнису понадобится новый десница, — ухмыльнулся Аурин. — Может, на сей раз это будет реповый рыцарь?

— Реповый? — удивился сир Харис. — Кто такой? Я не слышал.

Уотерс в ответ лишь глаза возвел к потолку.

— А вдруг лорд Мандерли откажется это сделать? — выразил сомнение Мерривезер.

— Не посмеет. Голова лукового рыцаря — это монета, которой он надеется выкупить жизнь своего сына, — улыбнулась Серсея. — Старый дурак был, наверно, по-своему предан Старкам, но теперь, когда все волки истреблены…

— Ваше величество забывает о леди Сансе, — сказал Пицель.

— О нет, ее я прекрасно помню, — ощетинилась королева. — Вместо того чтобы бросить ее в темницу как дочь изменника, я ввела это волчье отродье в нашу семью. Она делила со мной чертог и очаг, играла с моими детьми. Я кормила ее, одевала, пыталась чему-то учить, и чем же она отплатила мне за мою доброту? Помогла Бесу убить моего сына. Когда мы найдем карлика, то найдем и ее. И обещаю вам, что перед смертью она будет долго петь, моля Неведомого о поцелуе.

Неловкое молчание, наставшее после ее слов, разозлило Серсею. Языки они, что ли, все проглотили? И на что ей, собственно, нужен этот совет?

— Во всяком случае, — продолжала она, — младшая дочь лорда Эддарда находится у лорда Болтона и будет выдана за его сына Рамси, как только падет Ров Кейлин. — Пока девчонка будет хорошо играть свою роль и оправдывать притязания Болтонов на Винтерфелл, они не станут особо докапываться, настоящая это Старк или дочка стюарда, которую им подсунул Мизинец. — Если Северу непременно нужен кто-то из Старков, пусть получают. — Серсея снова подставила Мерривезеру винную чашу. — А вот на Стене дела не столь хороши. Братья Ночного Дозора совсем рехнулись и выбрали Старкова бастарда своим

лордом-командующим.

— Да… правда, он зовется не Старк, а Сноу, — вздохнул Пицель.

— Я как-то видела его в Винтерфелле, — вспомнила королева, — хотя Старки старались убрать парня с глаз долой. Он очень похож на отца. — Побочные отпрыски Роберта тоже на него походили, но он хотя бы не тащил их к себе домой. После злосчастного случая с кошкой он заговорил было о том, чтобы привезти ко двору свою незаконную дочь. «Делай как хочешь, — сказала ему Серсея, — но знай, что город — нездоровое место для подрастающей девочки». Синяк, которого стоили ей эти слова, трудно было скрывать от Джейме, но ни о какой дочке речи больше не заходило. Не будь Кейтилин Талли такой мышью, она придушила бы Джона Сноу еще в колыбели. Теперь эта грязная работа предстоит ей, Серсее. — Сноу унаследовал от лорда Эддарда склонность к измене, — сказала она. — Отец хотел вручить Станнису державу, сын раздает ему земли и замки.

— Ночной Дозор обязуется не участвовать в войнах Семи Королевств, — напомнил совету Пицель. — Уже несколько тысяч лет черные братья соблюдают эту традицию.

— До настоящего времени. В своем письме к нам бастард подтверждает, что Дозор ничьей стороны не придерживается, но дела его изобличают лживость этих слов. Он дает кров и пищу Станнису, имея при этом наглость просить у нас людей и оружия.

— Неслыханно! — воскликнул лорд Мерривезер. — Нельзя допустить, чтобы Ночной Дозор присоединился к Станнису.

— Мы должны объявить этого Сноу предателем и мятежником, — поддержал сир Харис. — Пусть черные братья низложат его.

Великий мейстер важно кивнул, соглашаясь с ними.

— Предлагаю уведомить Черный Замок, что они больше не получат людей, пока не уберут Сноу.

— Нашим новым кораблям понадобятся гребцы, — вставил Уотерс. — Пусть лорды отправляют своих воришек не на Стену, как раньше, а к нам.

Квиберн с улыбкой подался вперед.

— Ночной Дозор защищает нас всех от снарков и грамкинов. Я за то, чтобы помочь храбрым черным братьям, милорды.

— Что вы такое говорите? — уставилась на него Серсея.

— Чистую правду. Дозор уже много лет испыты-

вает недостаток в людях. Если лорд Станнис внял их просьбе, может ли король Томмен остаться глух? Хорошо бы его величеству послать на Стену человек сто. Якобы для того, чтобы надеть черное, а на деле…

— Чтобы сместить Джона Сноу! — восторженно завершила Серсея. Нет, не зря она взяла Квиберна в свой совет. — Именно так мы и сделаем, — засмеялась она. Если этот бастард действительно сын своего отца, он ничего не заподозрит. Еще и поблагодарит ее, прежде чем получит клинок между ребер. — Здесь, конечно, нужна осторожность. Предоставьте это мне, милорды. — Королева была довольна. Так и надо расправляться с врагами — кинжалами, а не указами. — Мы славно потрудились сегодня, благодарю вас. Есть еще что-нибудь?

— Последнее, ваше величество, — извиняющимся тоном промолвил Уотерс. — Не хотелось бы занимать совет пустяками, но в гавани ходят странные слухи. Моряки с Востока говорят о драконах…

— А также о мантикорах и бородатых снарках? — усмехнулась Серсея. — Когда услышите что-то о карликах, милорд, приходите ко мне. — Она поднялась, давая понять, что заседание

окончено.

На дворе дул резкий осенний ветер, и колокола Великой Септы продолжали звонить. Два десятка рыцарей, сражавшиеся с мечами и щитами, тоже производили немалый шум. Сир Борос Блаунт проводил королеву в ее покои, где леди Мерривезер смеялась чему-то вместе с Доркас и Джаселиной.

— Что вас так рассмешило?

— Близнецы Редвин, — сказала Таэна. — Они оба влюблены в леди Маргери. Раньше они дрались из-за того, кто будет лордом Бора, а теперь вознамерились оба вступить в Королевскую Гвардию, чтобы быть рядом с маленькой королевой.

— Веснушек у них всегда было больше, чем мозгов. — Впрочем, это полезно знать. Если Орясину или Боббера застукают в постели у Маргери… Любопытно, нравятся ли маленькой королеве веснушки. — Позови сюда сира Осни Кеттлблэка, Доркас.

— Слушаюсь, ваше величество, — вспыхнув, ответила девушка.

— С чего это она так раскраснелась? — полюбопытствовала Таэна Мерривезер, когда Доркас вышла.

Теперь пришла очередь Серсеи смеяться.

— Любовь. Она положила глаз на нашего сира Осни. — Он младший из братьев Кеттлблэков, тот, что бреет бороду. У него, как и у Осмунда, волосы черные, нос крючком и улыбка всегда наготове, но на щеке, стараниями одной из шлюх Тириона, остались глубокие борозды. — Он, должно быть, пленил ее своими шрамами.

— Вот-вот, — с озорной искрой в глазах подтвердила леди Мерривезер. — Шрамы придают мужчине опасный вид, и это воспламеняет женщин.

— Как откровенно вы говорите, миледи, — поддразнила ее королева. — Если опасность так возбуждает вас, зачем же вы пошли замуж за лорда Ортона? Он очень мил, спору нет, однако… — Петир как-то заметил, что Ортон имеет большое сходство с рогом изобилия, украшающим его герб: волосы у него морковного цвета, нос как свекла, а вместо мозгов разварной горох.

— Милорд скорее добр, чем опасен, это так, — засмеялась Таэна. — Впрочем… надеюсь, ваше величество не подумает обо мне слишком плохо, но я была не совсем девицей, когда ложилась в его постель.

Все вы в Вольных Городах шлюхи, что уж там говорить. Еще одно полезное знание — когда-ни-

будь оно может ей пригодиться.

— Скажите же мне, кто был ваш первый любовник… такой опасный?

Таэна покраснела, сделавшись еще смуглее.

— Не стоило бы говорить… но ведь ваше величество сохранит мой секрет?

— У мужчин — шрамы, у женщин — тайны. — Серсея поцеловала Таэну в щеку. *Ничего, голубушка, скоро ты мне все расскажешь.*

Доркас привела сира Осни, и королева отпустила своих дам.

— Присядьте со мной у окна, сир. Вина? — Она наполнила его чашу собственноручно. — Ваш плащ сильно поношен. Я намерена дать вам новый.

— Белый? Разве кто-нибудь умер?

— Пока нет. Вы хотели бы служить в Королевской Гвардии вместе со своим братом?

— С позволения вашего величества, я предпочел бы служить в гвардии королевы. — Осни усмехнулся, отчего царапины у него на щеке сделались ярко-красными. Серсея провела по ним пальцами.

— У вас дерзкий язык, сир. Вы заставляете меня забываться помимо воли.

— Это хорошо. — Он припал губами к ее руке. —

Возлюбленная моя королева.

— Вы злой. Рыцари так не поступают. — Его ладонь гладила ее груди сквозь шелковую ткань платья. — Довольно.

— Нет. Я хочу вас.

— Я уже была вашей.

— Всего один раз. — Он грубо стиснул ей грудь, и ей вспомнился Роберт.

— Одна славная ночь для одного славного рыцаря. Вы оказали мне услугу, и я вас вознаградила. — Пальцы Серсеи переместились к завязкам его бриджей, где чувствовалась твердая плоть. — Тот конь, на котором вы скакали вчера во дворе, у вас новый?

— Черный жеребец? Да. Подарок от брата Осфрида. Я назвал его Полуночником.

— Прекрасный боевой конь, но для развлечений лучше подходит резвая молодая кобылка. — Ее пальцы легонько сжались. — Скажите правду — вы находите маленькую королеву красивой?

Сир Осни настороженно отстранился.

— Пожалуй, да — для девицы. Мне больше нравятся зрелые женщины.

— Можно иметь и ту, и другую, — прошептала она. — Сорвите для меня эту розочку, и я в долгу не останусь.

— Розочку… речь ведь о Маргери? — Серсея почувствовала, что пыла у него поубавилось. — Но она жена короля. Один королевский рыцарь уже лишился головы за то, что спал с женой короля, верно?

— Это было давно. — Тот рыцарь спал с любовницей, а не с женой, и голова как раз осталась при нем. Все остальное Эйегон велел ему отрубить на глазах у женщины. Не нужно, впрочем, чтобы Осни задумывался над этой старой историей. — И Томмен — не Эйегон Недостойный. Он делает то, что велит ему мать, я же хочу, чтобы головы лишилась Маргери, а не вы.

Рыцарь поразмыслил.

— А заодно и невинности?

— И ее тоже, если допустить, что она все еще невинна. — Серсея вновь провела пальцами по шрамам у него на лице. — Или вы опасаетесь, что Маргери не поддастся вашим… чарам?

— Я ей нравлюсь, — обиделся рыцарь. — Ее кузины вечно подшучивают над моим носом, но в последний раз Маргери велела Мегге замолчать и сказала, что лицо у меня красивое.

— Вот видите.

— Вижу, — с сомнением подтвердил Осни, — но что со мной будет после того, как…

— Как вы сделаете то, что задумали? — с колючей улыбкой подсказала Серсея. — Связь с королевой — это государственная измена. Томмену, хочешь не хочешь, придется послать вас на Стену.

— На Стену? — опешил рыцарь.

Она с трудом удержалась от смеха. Нет, это лишнее. Мужчины не любят, когда над ними смеются.

— Черный плащ очень пойдет к вашим глазам. И к волосам тоже.

— Со Стены люди не возвращаются.

— Вы вернетесь, но сначала убьете там одного мальчишку.

— Какого мальчишку?

— Бастарда, который сговорился со Станнисом. Он совсем молод и зелен, а с вами будет сотня людей.

Она чувствовала, что Осни боится, но гордость не позволяла ему сознаться в этом. Мужчины все одинаковы.

— Я убил уже столько мальчишек, что и счет потерял, — заявил он. — Когда он умрет, я получу помилование от короля?

— Помилование и лордство в придачу. — *Если собратья Сноу прежде тебя не повесят.* — У коро-

левы должен быть принц-консорт, не знающий страха.

— Лорд Кеттлблэк? — Медленная улыбка поползла по лицу Осни, и шрамы налились красным. — Красиво звучит. Такой-сякой лорд…

— …достойный разделить ложе с королевой.

— Больно там холодно, на Стене, — нахмурился он.

— Зато у меня тепло. — Серсея обвила его шею руками. — Переспи с девчонкой, убей мальчишку, и я буду твоей. Надеюсь, у тебя хватит мужества?

Осни, помедлив не больше мгновения, кивнул.

— Я ваш.

— Да, сир, вы мой. — Она поцеловала его, дав почувствовать свой язык, и отпрянула. — На сегодня довольно. Прочее подождет. Будешь грезить обо мне ночью?

— Да, — хрипло ответил он.

— А когда ляжешь в постель с нашей девой Маргери — будешь?

— Буду, — пообещал Осни.

— Вот и хорошо.

Он ушел, и она позвала Джаселину. Пока та расчесывала ей волосы, Серсея скинула туфли и потянулась, как кошка. *Я рождена для всего этого*, думалось ей. Изящество замысла, вот что

самое главное. Даже Мейс Тирелл не посмеет вступиться за свою доченьку, если ее застанут с таким, как Кеттлблэк, и ни Станнис Баратеон, ни Джон Сноу не удивятся тому, что Осни после этого отправили на Стену. Серсея позаботится о том, чтобы измену раскрыл сир Осмунд, чтобы преданность двух других братьев Кеттлблэк не ставили под сомнение. Если б отец видел ее сейчас, он не торопился бы так выдавать ее замуж снова. Жаль, что ему это недоступно. Все умерли — он, Роберт, Джон Аррен, Нед Старк, Ренли Баратеон. Один Тирион остался, но и он не протянет долго.

Вечером королева позвала в свою спальню леди Мерривезер.

— Хотите вина?

— Немножко, — засмеялась мирийка. — Впрочем, можно и побольше.

— Я хочу, чтобы завтра вы посетили мою невестку, — сказала Серсея, пока Доркас раздевала ее на ночь.

— Леди Маргери мне всегда рада.

— Я знаю. — От Серсеи не укрылся тон, которым Таэна всегда отзывалась о маленькой королеве. — Скажите ей, что я послала в Септу Бейелора семь восковых свечей за упокой нашего дорогого верховного септона.

— Тогда она пошлет семьдесят семь, — со смехом предсказала Таэна, — чтобы доказать, как велика ее скорбь.

— Я очень рассержусь, если она не сделает этого, — улыбнулась Серсея. — Скажите также, что у нее есть тайный поклонник, рыцарь, которого ее красота лишила сна и покоя.

— Могу я спросить, кто этот рыцарь? — В темных глазах Таэны зажглись огоньки. — Не сир ли Осни?

— Возможно, но имени сразу не называйте. Заставьте себя долго уламывать. Сделаете?

— Единственное мое желание — угодить вашему величеству.

Ветер выл за окном, а они до поздней ночи пили борское золотое и рассказывали друг другу истории. Таэна напилась пьяная и призналась Серсее, что ее любовником был корабельный капитан, мириец, наполовину пират, с черными волосами до плеч и шрамом через все лицо.

— Сто раз я говорила ему «нет», а он отвечал «да» — и в конце концов я тоже сказала «да». Таким мужчинам, как он, отказать невозможно.

— Мне это известно, — с кривой улыбкой сказала Серсея.

— Вашему величеству тоже такие встреча-

лись?

— Роберт, — солгала она, думая о Джейме.

Но когда она легла спать, ей приснился другой брат и три оборванца, с которых начался ее день. Во сне они вправду принесли ей голову Тириона. Она велела покрыть ее бронзой и держала в своем ночном горшке.

Железный капитан

Обогнув мыс при северном ветре, «Железная победа» вошла в священные воды залива Колыбель Нагги.

Виктарион стоял на носу вместе с Нутом-Цирюльником. Над берегом Старого Вика высился травянистый холм, где проросли из земли ребра Нагги толщиной с корабельную мачту, а высотой вдвое больше.

Кости чертогов Серого Короля… Виктарион чувствовал магическую силу этого места.

— Именно здесь Бейлон впервые назвал себя королем, — вспомнил он. — Здесь он поклялся отвоевать наши вольности, и Тарл Трижды Тонувший увенчал его короной из плавника. «Бейлон! — кричали все. — Бейлон наш король!»

— Так же громко будут выкликать и твое имя, — посулил Нут.

Виктарион кивнул, не разделяя, однако, уверенности Цирюльника. У Бейлона было три сына и любимая дочь.

Он так и сказал своим капитанам во Рву Кейлин, когда они приступили к нему с просьбами

заявить свои права на Морской Трон. «Сыновья Бейлона все мертвы, — говорил Рыжий Ральф Стонхауз, — а дочь она и есть дочь. Ты был правой рукой своего брата и должен подхватить меч, который выронил он». Когда Виктарион напомнил, что брат приказал ему оборонять Ров от северян, Ральф Кеннинг сказал: «Волки разбиты наголову, лорд. Зачем нам завоевывать эти болота и терять острова?» «Вороний Глаз отсутствовал слишком долго и нас не знает», — добавил Хромой Ральф.

Эурон Грейджой, король Островов и Севера… Мысль об этом пробуждала в сердце Виктариона былую ярость, однако…

«Слова — это ветер, — ответил он им, — а ветер хорош, лишь когда он наполняет твои паруса. Вы хотите, чтобы я сразился с Вороньим Глазом? Чтобы брат пошел на брата, островитянин на островитянина?» Эурон, что бы там ни произошло между ними, все-таки старший. Нет хуже злодея, чем тот, кто проливает родную кровь.

Все изменилось, когда Мокроголовый призвал их на вече. *Эйерон говорит голосом Утонувшего Бога*, сказал себе Виктарион, *и если бог желает, чтобы Морской Трон занял я…* На следующий день он, оставив командовать во Рву Ральфа Кеннинга, направился по суше к реке Горячке,

где среди тростников и плакучих ив стоял на приколе Железный Флот. В море, несмотря на переменчивую погоду, он потерял только один корабль, и вот они дома.

Сразу за «Железной победой» шли «Горе» и «Железная месть». Следом растянувшимся на много лиг строем поспешали к вечернему приливу «Твердая рука», «Железный Ветер», «Серый призрак», «Лорд Квеллон», «Лорд Викон», «Лорд Дагон» и прочие — девять десятых Железного Флота. Душа Виктариона радовалась при виде их парусов. Ни один мужчина не любил своих жен хотя бы наполовину так сильно, как лорд-капитан любил свои корабли.

На песчаном берегу, сколько хватал глаз, выстроились ладьи с торчащими, словно копья, мачтами. На глубине стояли баркасы, карраки и другие трофейные корабли, слишком большие, чтобы вытаскивать их на берег. Всюду виднелись знакомые знамена.

— Это, часом, не «Морская песнь» лорда Харло? — прищурился Нут, крепко сбитый, кривоногий и длиннорукий: зрение с годами стало ему изменять. В молодости про него говорили, что брошенный им топор может сбрить человеку бороду.

— Она самая. — Родрик-Чтец, как видно, умудрился расстаться со своими книгами. — А вон там «Громобой» старого Драмма и «Ночная летунья» Блэкрида. — Виктарион узнавал их даже со спущенными парусами и обвисшими знаменами, как и подобало лорду-капитану Железного Флота. — И «Серебряный плавник» — это какой-то родственник лорда Сейвина. — Виктарион слышал, что Вороний Глаз утопил старого Ботли, а наследник его погиб у Рва Кейлин, но оставались еще братья и младшие сыновья, не то четверо, не то пятеро. Им Вороньего Глаза любить не за что.

Взгляд Виктариона упал на узкую, низко посаженную одномачтовую галею. Ее свернутые паруса были черными, как беззвездное небо. «Молчаливый» даже на якоре казался быстрым и беспощадным. Его нос украшала черная чугунная дева с простертой вперед рукой — тонкая талия, гордо выпяченная высокая грудь, красивые длинные ноги. Чугунные волосы точно развеваются на ветру, глаза перламутровые, а рта нет вовсе.

Виктарион сжал кулаки. Этими самыми руками он забил до смерти четырех мужчин и одну жену. Волосы его тронула седина, но вся прежняя сила пока при нем — грудь широкая, как у быка, живот плоский, как у мальчишки. Тот, кто про-

ливает родную кровь, проклят в глазах богов и людей, напомнил ему Бейлон, отсылая Вороньего Глаза в море.

— Он здесь, — сказал Виктарион Цирюльнику. — Убирай паруса, дальше пойдем на веслах. Пусть «Горе» и «Железная месть» станут так, чтобы перекрыть «Молчаливому» выход в море, а остальные должны закупорить весь залив. Чтоб ни одна ворона отсюда не вылетела без моего разрешения.

С берега уже слышались приветственные крики родных и знакомых, увидевших паруса «Победы», но «Молчаливый» молчал. На его палубах толпилась диковинная команда — одни черные, как смола, другие приземистые и волосатые, словно сотериосские обезьяны. Настоящие чудища.

«Победа» бросила якорь в двадцати ярдах от «Молчаливого».

— Спусти шлюпку, я поеду на берег, — сказал Виктарион. Пока гребцы рассаживались, он пристегнул пояс — меч на одном бедре, кинжал на другом. Нут набросил ему на плечи плащ лорда-капитана. Девять слоев золотой парчи были сшиты в виде кракена дома Грейджоев, щупальца болтались у голенищ. Поверх кафтана из черной вареной кожи надета кольчуга — во

Рву Кейлин Виктарион не снимал ее даже ночью. Боль в спине и плечах перенести легче, чем кровавый понос. Отравленной стреле какого-нибудь болотного дьявола достаточно лишь оцарапать кожу, и человек начинает корчиться, с криками извергая из себя красно-бурую жижу. *Кто бы ни сел на Морской Трон, я разделаюсь с этой болотной нечистью*, дал себе слово Виктарион.

Он водрузил на голову высокий шлем в виде того же кракена. Железные щупальца опускались вдоль щек и смыкались под подбородком. Шлюпка уже ждала его.

— Сундуки оставляю на тебя, — спускаясь в нее, сказал Виктарион Нуту. — Смотри, чтобы их стерегли как следует. — От этих сундуков зависело многое.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Я пока еще не король, — хмуро ответил Виктарион, садясь на корме.

Эйерон Мокроголовый встречал его у кромки прибоя со своим водяным мехом под мышкой, тощий и длинный, хотя и ниже Виктариона. Нос торчал, как акулий плавник, на костлявом лице глаза казались металлическими. Борода у него отросла до пояса, скрученные веревки волос падали до самых колен.

— То, что мертво, умереть не может, брат, — сказал он, когда холодные волны закипели вокруг их лодыжек.

— Оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде. — Виктарион снял шлем и встал на колени. Море налилось ему в сапоги, промочило бриджи, соленая струя из меха оросила лоб. — Где наш брат Вороний Глаз? — спросил лорд-капитан, окончив молитву.

— В своем парчовом шатре, среди шума и гама. Безбожники и чудовища ему теперь стали еще милее, чем прежде. Этот наш брат пошел не в отца.

— И не в мать. — Виктарион не хотел говорить о насилии в этом месте, освященном костями Нагги и чертогов Серого Короля, но ему много ночей подряд снилось, как он бьет кольчужным кулаком по ухмыляющейся роже Эурона и дурная кровь хлещет из разбитого носа. Нет, нельзя. Он дал слово Бейлону. — Все ли собрались? — спросил он Мокроголового.

— Все, чье слово что-нибудь значит. Капитаны и короли. — На Железных островах это означает одно и то же, ведь каждый капитан — король на своем корабле, и каждый король обязан быть капитаном. — Намерен ли ты заявить права на

отцовский трон?

Виктарион представил себя сидящим на Морском Троне.

— Если Утонувший Бог того захочет.

— Волны скажут тебе его волю, — отвернувшись, молвил Мокроголовый. — Прислушайся к волнам, брат.

— Хорошо. — Он представил себе, как волны шепчут его имя, как это имя выкрикивают капитаны и короли. Если чаша перейдет к нему, он не пронесет ее мимо рта.

Вокруг уже собрались люди, желающие сказать ему приветственные слова. Виктарион видел в толпе жителей каждого острова — Блэкридов, Тауни, Орквудов, Стонтри, Винчей и многих других. Гудбразеры явились в полном составе — со Старого Вика, с Большого и с Оркмонта. Кодды тоже, хотя эти у всех порядочных людей вызывают только презрение. Скромные Шеперды, Уиверы, Нетли стояли плечом к плечу с представителями древних и знатных домов. Даже Хамблы, потомки рабов и соленых жен, и те были здесь. Один из Вольмарков хлопнул Виктариона по спине, двое Спарров сунули ему в руки мех с вином. Он выпил, утер рот и пошел с ними к кострам — говорить о войне, добыче и своем славном будущем

царствовании.

К ночи моряки Железного Флота поставили у черты прилива огромный шатер из парусины, чтобы Виктарион мог попотчевать полсотни знаменитых капитанов жареными козлятами, соленой треской и омарами. Эйерон, тоже пришедший на пир, ел рыбу и пил воду, но в море выпитого капитанами эля мог свободно поместиться Железный Флот. Свои голоса Виктариону обещали Фралегг Сильный, умница Альвин Шарп, горбатый Гото Харло. Гото даже дочь свою предложил ему в жены.

— Я неудачлив в браке, — сказал ему Виктарион. Первая его жена умерла, разродившись мертвой дочерью, вторую унесла оспа, а третья…

— Король должен иметь наследника, — настаивал Гото. — Вороний Глаз собирается предъявить вечу трех своих сыновей.

— Бастардов и выродков. Сколько лет твоей дочери?

— Двенадцать. Красива, только что расцвела, способна к деторождению, и волосы у нее цвета меда. Груди пока еще маленькие, но бедра в самый раз. Она больше удалась в мать, чем в меня.

Это, как понял Виктарион, означало, что горба у девушки нет. Но, пытаясь представить ее себе,

он видел жену, которую убил своими руками. Он рыдал при каждом ударе, который ей наносил, а потом отнес ее на скалы, чтобы скормить крабам.

— Я с радостью взгляну на твою дочку, когда надену корону, — сказал он. Гото, не смея надеяться на большее, отошел довольный.

Бейелору Блэкриду угодить оказалось труднее. Он сидел рядом с Виктарионом, пригожий и гладколицый, в черно-зеленом полосатом камзоле. Соболий плащ был застегнут серебряной семиконечной звездой. Восемь лет он провел заложником в Староместе, и там его приучили молиться семи богам зеленых земель.

— Бейлон был безумен, Эйерон еще хуже, Эурон самый безумный из всех троих, — говорил он. — А ты, лорд-капитан? Если я выкрикну твое имя, ты положишь конец этой безумной войне?

— Хочешь, чтобы я согнул колено? — нахмурился Виктарион.

— Если понадобится, то да. Мы не выстоим одни против всего Вестероса. Король Роберт доказал это, к нашему горю. Бейлон сказал, что выкупит свободу железом, но наши женщины, и среди них моя мать, заплатили за его корону пустыми постелями. Старый закон умер.

— То, что мертво, умереть не может, оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде. Через сто лет люди будут петь о Бейлоне Смелом.

— О Бейлоне Короле Вдов. Я охотно сменял бы его свободу на живого отца. Нет ли у тебя одного в запасе? — Не дождавшись ответа, Блэкрид фыркнул и отодвинулся.

В шатре становилось жарко и дымно. Двое сыновей Горольда Гудбразера подрались и опрокинули стол; Уилл Хамбл проиграл заклад и должен был съесть свой сапог; Ромни Уивер под скрипку Маленького Ленвуда Тауни спел «Кровавую чашу», «Стальной дождь» и другие старые боевые песни; Кварл-Девица и Элдред Кодд сплясали с топориками. Много было смеху, когда один из пальцев Элдреда плюхнулся в чашу Ральфа Хромого.

В общем смехе Виктариону послышались звонкие женские ноты. Он встал и увидел ее у входа — она шептала что-то на ухо Кварлу-Девице, и тот покатывался еще пуще. Он надеялся, что у нее хватит ума не являться сюда, но улыбнулся помимо воли.

— Аша! — крикнул он ей своим капитанским голосом. — Племянница!

Она стала пробираться к нему, стройная и гиб-

кая — в высоких сапогах со следами соли, зеленых шерстяных бриджах, в кожаной, с распущенными шнурками безрукавке поверх стеганого камзола.

— Дядюшка. — Аше, с ее высоким для женщины ростом, все-таки пришлось стать на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. — Рада видеть тебя на моем вече.

— На твоем? — засмеялся Виктарион. — Да ты никак пьяна, девушка? Садись. Я что-то не заметил у берега твоего «Черного ветра».

— Я причалила у замка Норна Гудбразера и проехала через остров верхом. — Она села на табурет и, не спросясь, взяла себе чашу Нута-Цирюльника. Нут, давно уже упавший хмельной головой на стол, ничего на это не возразил. — Кто теперь держит Ров?

— Ральф Кеннинг. После гибели Молодого Волка нам досаждают одни болотные дьяволы.

— Старки — не единственные северяне. Железный Трон назначил хозяина Дредфорта Хранителем Севера.

— Будешь учить меня военному делу? Я бился с врагами, когда ты еще грудь сосала.

— И терпел поражение. — Аша поднесла чашу к губам.

Виктарион не любил, когда ему напоминали о

Светлом острове.

— Каждый должен проиграть битву в юности, чтобы не проиграть войну в старости. Надеюсь, ты не собираешься заявлять о своих правах.

— А если собираюсь, то что? — с дерзкой улыбкой спросила она.

— Здесь многие помнят, как ты плавала нагишом в море и играла в куклы.

— Я и с топорами играла.

— Это верно, — признал он, — но женщине нужен муж, а не трон. Став королем, я найду тебе пару.

— Как ты добр, дядюшка. Подыскать тебе красивую жену, когда я стану королевой?

— Я неудачлив в браке. Давно ли ты здесь?

— Так давно, что успела заметить: дядя Мокроголовый пробудил тех, кого и не ожидал. Драммы собираются заявить о себе, а Тарл Трижды Тонувший будто бы говорил, что Марон Вольмарк — законный наследник по черной линии.

— Королем должен быть кракен.

— Вороний Глаз — кракен, и старший брат идет впереди младшего. — Но я, — Аша придвинулась ближе, — как родная дочь короля Бейлона иду впереди вас обоих. Выслушай меня, дядюшка…

Договорить ей помешала внезапная тишина. Пение умолкло, Маленький Ленвуд Тауни опустил свою скрипку, даже ножи и миски перестали стучать.

В шатер вошли еще с дюжину человек. Виктарион узнал Сушеного Джона Майра, Торвольда Бурый Зуб, Лукаса-Левшу Кодда. Гермунд Ботли скрестил руки на позолоченном панцире, который снял с ланнистерского капитана во время первого мятежа Бейлона. Рядом с ним стоял Орквуд с Оркмонта. Позади виднелись Стонхенд, Квеллон Хамбл, Рыжий Гребец с огненными косами, Ральф Шеперд, Ральф из Лордпорта, Кварл-Невольник.

И Вороний Глаз, Эурон Грейджой.

Мало же он изменился с того дня, когда посмеялся надо мной и ушел, подумал Виктарион. Эурон, самый красивый из сыновей лорда Квеллона, нисколько не подурнел за три года изгнания: волосы по-прежнему черные, как полночное море, без единого белого гребешка, бледное лицо с аккуратной темной бородкой все такое же гладкое. На левом глазу черная кожаная нашлепка, но правый голубеет, как летнее небо, и улыбается.

— Вороний Глаз, — промолвил Виктарион.

— *Король* Вороний Глаз, братец. — Губы Эу-

рона при свете ламп казались темными, почти синими.

— Короля изберет вече, — сказал, поднявшись, Мокроголовый. — Ни один безбожник…

— Не может сидеть на Морском Троне. Как же, как же. — Эурон оглядел шатер. — В последнее время я, к слову сказать, частенько сиживал на Морском Троне, и никто из богов не препятствовал мне. Есть ли человек, знающий их лучше, чем я? Лошадиные боги, боги огня, золотые боги с глазами из драгоценных камней, боги, вырезанные из кедра или из горных утесов, незримые боги… Я знаю их всех. Я видел, как люди убирают их цветочными гирляндами и льют в их честь кровь козлов, быков и малых детей. Я слышал, как им возносят молитвы на полусотне разных наречий. Исцели мою отсохшую ногу, заставь девицу меня полюбить, дай мне здорового сына. Спаси меня, помоги мне, сделай меня богатым… защити меня! От врагов, от ночного мрака, от колик в животе, от степных кхалов, от работорговцев, от свирепых наемников. Защити от «Молчаливого». — Эурон засмеялся. — Безбожник? Полно тебе, Эйерон. Я самый набожный из всех мореходов. Ты служишь одному богу, а я служил десяти тысячам. От Иба до Асшая люди молятся, завидев мои паруса.

— Они молятся деревьям, — возразил жрец, грозя костистым перстом, — золотым идолам и чудищам с козлиными головами. Ложным богам.

— Именно, — подхватил Эурон, — за это я их и убиваю. Я проливаю их кровь в море и засеваю их визжащих баб моим семенем. Понятно, что их божки ложные, раз они не мешают мне это делать. В благочестии я даже тебя превзошел, Эйерон. Пожалуй, это тебе надо стать на колени и просить моего благословения.

Рыжий Гребец громко засмеялся, услышав это, и другие присоединились к нему.

— Глупцы, — сказал жрец, — слепцы и невольники, вот вы кто. Не видите разве, кто стоит перед вами?

— Король, — ответил Квеллон Хамбл.

Мокроголовый плюнул и вышел вон, а Эурон обратил свой улыбчивый глаз на Виктариона.

— Что ж ты не скажешь приветливых слов столь долго отсутствовавшему брату, лорд-капитан? А ты, Аша? Как поживает твоя леди-мать?

— Плохо. Один человек сделал ее вдовой.

— Я слышал, что Бейлона сбросил на скалы Штормовой Бог, — пожал плечами Вороний Глаз. — Кто этот убийца, о котором ты говоришь? Назови его имя, племянница, и я сам отомщу

ему.

Аша встала из-за стола.

— Его имя ты знаешь не хуже меня. Тебя не было три года, а назавтра после смерти моего лорда-отца ты вдруг вернулся.

— Ты винишь в его смерти меня? — мягко спросил Эурон.

— По-твоему, я не права? — резко бросила Аша. Виктарион нахмурился. Опасно так говорить с Эуроном, даже когда его глаз не перестает весело улыбаться.

— Разве я повелеваю ветрами? — обратился Вороний Глаз к своим приспешникам.

— Нет, ваше величество, — ответил Орквуд с Оркмонта.

— Никто из людей не может повелевать ветрами, — добавил Гермунд Ботли.

— Будь так, — сказал Рыжий Гребец, — ты плыл бы, куда хотел, и твои паруса всегда бы полнились ветром.

— Вот тебе мнение трех отважных моряков, — сказал Эурон. — «Молчаливый» был в море, когда погиб Бейлон. Если не веришь словам своего дяди, можешь опросить всю мою команду.

— Команду немых? Только этого недоставало.

— Я знаю, чего тебе недостает: мужа. Торвольд,

я запамятовал — есть у тебя жена?

— Одна есть, — ухмыльнулся Бурый Зуб, показывая всем, за что ему дали такое прозвище.

— А вот я холостой, — объявил Лукас-Левша Кодд.

— Оно и неудивительно, — заметила Аша. — Коддов презирают все — и мужчины, и женщины. Не смотри на меня с такой скорбью, Лукас — твоя знаменитая левая рука всегда при тебе. — И она повела кулаком сверху вниз.

Кодд выругался, а Вороний Глаз, положив руку ему на грудь, сказал:

— Как это неучтиво, Аша. Ты задела Лукаса за живое.

— Рада, что мне это удалось. Я бросаю топор не хуже любого мужчины, но когда цель так мала…

— Девушка забывается, — проворчал Сушеный Джон Майр. — Она возомнила себя мужчиной, а Бейлон ей в этом потворствовал.

— Ту же ошибку твой отец совершил с тобой.

— Отдай ее мне, Эурон, — предложил Рыжий Гребец. — Я сделаю ее задок красным, как мои волосы.

— Хочешь, чтобы впредь тебя звали Рыжим Евнухом? — Аша подбросила в воздух свой топорик и ловко поймала его. — Вот он, мой муж, дядя.

Каждый мужчина, который хочет меня, должен сперва потолковать с ним.

Виктарион грохнул кулаком по столу.

— Я не допущу здесь кровопролития. Забирай свою свору, Эурон, и уходи.

— Я думал, ты окажешь мне более теплый прием, брат. Я старший и скоро стану твоим законным королем.

— Вече решит, кому носить корону из плавника, — потемнел Виктарион.

— В этом я согласен с тобой. — Эурон поднес два пальца к нашлепке у себя на глазу и вышел. Его спутники потянулись за ним, как собаки. Некоторое время тишина продолжалась. Затем Маленький Ленвуд Тауни снова взялся за скрипку, вино и эль потекли рекой, но некоторым гостям расхотелось пить. Первым ускользнул Элдред Кодд, прижимая к груди раненую руку, за ним Уилл Хамбл, Гото Харло и значительное число Гудбразеров.

— Пойдем прогуляемся, дядюшка, — попросила Аша, положив руку ему на плечо.

Ветер крепчал. Тучи, несущиеся по бледному лику луны, напоминали идущие на таран галеи. Малочисленные звезды светили слабо. Мачты на берегу торчали густо, как лес. Виктарион слышал

легкое потрескивание ладей, гул снастей, плеск трепещущих на ветру знамен. Более крупные суда, стоящие на якоре, маячили в тумане, как зловещие тени.

Дядя с племянницей, шагая вдоль самой черты прилива, отошли подальше от лагеря и костров.

— Скажи мне, дядюшка, почему Эурон тогда ушел в море с такой поспешностью?

— Он часто уходил промышлять.

— Но не на такой долгий срок.

— Он повел «Молчаливого» на восток — это долгое путешествие.

— Я спрашиваю, *почему* он ушел, а не *куда.* — Не получив ответа, Аша сказала: — Меня не было здесь, когда отплыл «Молчаливый». Мой «Черный ветер» ушел в обход Бора на Ступени, отбирать безделушки у лиссенийских пиратов. Когда я вернулась, Эурон исчез, а твоя новая жена умерла.

— Она была всего лишь морской женой. — Он не прикасался ни к одной другой женщине с тех пор, как скормил ее крабам. Когда он станет королем, надо будет жениться по-настоящему. Взять себе королеву, чтобы родила ему сыновей. Король должен иметь наследника.

— Отец отказывался говорить о ней, — сказала Аша.

— Зачем говорить о том, чего нельзя изменить. — Он не хотел продолжать этот разговор. — Я здесь видел ладью Чтеца.

— Я потратила все свои чары, выманивая его из Книжной башни.

Стало быть, Харло все за нее. Виктарион нахмурился еще больше.

— Ты не можешь надеяться, что тебя выберут. Ты женщина.

— Не потому ли я всегда проигрываю состязание на то, кто дальше пустит струю? — засмеялась она. — Мне больно говорить это, дядюшка, но ты, кажется, прав. Четыре дня и четыре ночи я пью с королями и капитанами, слушаю их разговоры… и то, о чем они молчат, тоже. Все мои за меня, и многие Харло тоже, и Трис Ботли, и еще кое-кто, но их недостаточно. — Она поддела ногой камешек и скинула его в воду между двумя ладьями. — Я подумываю о том, чтобы выкрикнуть имя моего дядюшки.

— Которого? У тебя их трое.

— Даже четверо. Дядя, послушай меня. Я сама увенчаю тебя короной из плавника, если ты согласишься со мной поделиться.

— Чем поделиться? — Женщина сама не знает, что говорит. Уж не хочет ли она стать его короле-

вой? Виктарион неожиданно для себя посмотрел на Ашу так, как никогда не смотрел прежде, и его мужская плоть сразу отозвалась на это. *Она дочь Бейлона*, напомнил он сам себе. *Я помню, как она девчушкой кидала топорики в дверь*. — На Морском Троне может поместиться только один человек, — скрестив руки, сказал он.

— Вот ты на него и сядешь. А я буду стоять позади, стеречь твою спину и шептать тебе на ухо то да се. Ни один король не может править в одиночку. Даже драконы, сев на Железный Трон, всегда имели помощников, то есть десниц. Сделай меня своей десницей, дядя.

Ни один островной король еще не нуждался в деснице, тем более женского пола. Капитаны и короли будут смеяться над ним.

— Почему ты хочешь быть моей десницей?

— Чтобы покончить с этой войной, пока она не покончила с нами. Мы завоевали все, что было в наших силах… и все это потеряем, если не заключим мир. Я обращалась с леди Гловер любезно, как только могла, и она уверяет, что ее лорд охотно пойдет на переговоры со мной. Говорит, что северяне, если мы вернем им Темнолесье, Торрхенов Удел и Ров Кейлин, уступят нам мыс Морского Дракона и весь Каменный Берег. Эти

земли, хотя и мало населены, в десять раз больше всех островов вместе взятых. Обмен заложниками скрепит договор, и обе стороны сговорятся действовать вместе против Железного Трона…

— Эта леди Гловер тебя за дуру принимает, племянница, — хмыкнул Виктарион. — Мыс Морского Дракона и Каменный Берег и так уже наши. Зачем нам нужно что-то им возвращать? Винтерфелл сожжен, обезглавленный Молодой Волк зарыт в землю. Мы займем весь их Север, как мечталось твоему лорду-отцу.

— Займем, если ладьи научатся плавать по лесу. Рыбак может поймать на удочку серого левиафана, но тот увлечет его за собой и утопит, если вовремя не обрезать леску. Север для нас слишком большой кусок, и народу там живет слишком много.

— Ступай играть в свои куклы, племянница, а войны выигрывать предоставь воинам. Вот мои две руки. — Он показал ей два кулака. — Третья никому не нужна.

— Зато дом Харло может кое-кому понадобиться.

— Гото-Горбун предлагает мне свою дочь в жены. Если я возьму ее, Харло будут мои.

— Глава дома Харло — лорд Родрик, — заметно

смутилась Аша.

— У Родрика нет дочерей, только книги. Гото будет его наследником, а я — королем. — Эти слова, произнесенные вслух, прозвучали веско, как предсказание. — Вороньего Глаза слишком долго не было дома.

— Человек на расстоянии кажется больше, чем он есть, — заметила Аша. — Пройдись между кострами, если смелости хватит, и прислушайся к разговорам. Там говорят не о твоей силе и не о моей признанной красоте. Там рассказывают про Вороньего Глаза… про земли, в которых он побывал, про женщин, которых он там имел, и про мужчин, которых убил, про разграбленные им города, про то, как он сжег флот лорда Тайвина в Ланниспорте…

— Львиный флот сжег я, — заявил Виктарион. — Я собственными руками бросил факел на их головной корабль.

— Но придумал это Вороний Глаз. — Аша продела руку под его локоть. — И жену твою он убил… правда?

Бейлон не велел ему говорить об этом, но Бейлона больше нет.

— Он сделал ей ребенка, а убийство оставил мне. Я и его убил бы, но Бейлон не допустил бра-

тоубийства в своих чертогах. Он послал Эурона в изгнание и запретил ему возвращаться…

— …пока он, Бейлон, жив?

Виктарион опустил взгляд на свои руки, сжатые в кулаки.

— Она наставила мне рога. У меня не было выбора. — Если бы это открылось, люди смеялись бы над ним, как смеялся Вороний Глаз. «Она пришла ко мне в полной готовности, — хвастался Эурон. — Видно, наш Виктарион не во всем велик». Но Аше он не мог в этом признаться.

— Мне жаль тебя, а ее еще жальче, — сказала она, — но придется мне, видно, заявить собственные права на Морской Трон.

— Дело твое, женщина.

— Чье же еще, — сказала она и ушла.

Утопленник

Когда руки и ноги совсем закоченели, Эйерон Грейджой вышел на берег и оделся.

Он убежал от Вороньего Глаза, как в былые годы, но волны, разбиваясь над его головой, лишний раз напомнили ему, что тот человек умер. И возродился из моря сильнее и крепче, чем прежде. Возрожденный Эйерон не боится никого из смертных, не боится тьмы и даже костей своей души, серых и жутких. Звук открывающейся двери, скрежет заржавленных петель…

Хитон, выстиранный жрецом две недели назад, все еще хрустел от крупинок соли. Домотканая шерсть липла к мокрой груди, впитывала струящуюся из волос соленую влагу. Эйерон заново наполнил свой мех и повесил себе на плечо.

В темноте на него наткнулся вышедший по нужде утопленник. Эйерон благословил его, положив руку ему на голову, и пошел дальше. Берег шел в гору, сперва отлого, потом все круче. Песок под ногами сменился жесткой травой. Эйерон поднимался медленно, прислушиваясь к голосу волн. Море не устает никогда, и он должен быть

столь же неутомимым.

На вершине холма, подобно стволам вековых деревьев, росли из земли чудовищные каменные ребра числом пятьдесят четыре. Сердце Эйерона при виде их забилось быстрее. Нагга была морским драконом, самым могущественным существом, когда-либо выходившим из моря. Она вскармливала кракенов, левиафанов и топила в гневе целые острова, но Серый Король убил ее, а Утонувший Бог обратил ее кости в камень, чтобы люди вечно дивились отваге первого из королей. Ребра Нагги стали столбами и стропилами королевского чертога, ее челюсти — троном. Здесь он царствовал тысячу и семь лет. Здесь женился на русалке и обдумывал свои битвы со Штормовым Богом. Отсюда правил камнем и солью, одетый в водоросли и увенчанный короной из зубов Нагги.

Но это было на заре времен, когда на суше и на море обитали поистине могучие люди. Чертог этот обогревался живым огнем Нагги, которым Серый Король сумел завладеть. Стены его украшали гобелены из серебристых водорослей. Воины Серого Короля вкушали дары моря за столом в виде морской звезды, сидя на стульях из перламутра. Теперь все это кануло в прошлое.

Люди измельчали, и жизнь их стала короче, чем в старину. После смерти Серого Короля Штормовой Бог погасил огонь Нагги, гобелены и стулья растащили, кровля сгнила, стены рухнули. Даже костяной королевский трон поглотило море. Лишь кости Нагги остались, чтобы напоминать Железным Людям о былых чудесах.

Эйерон Грейджой полагал, что довольно и этого.

За девятью ступенями, вытесанными в камне на холме, вздымались вершины Старого Вика. Вдали виднелись суровые черные горы. Эйерон, став на пороге прежних дверей, хлебнул соленой воды из меха и обернулся лицом к морю. *Из моря мы вышли и в море вернемся.* Даже отсюда он слышал неумолчный рокот волн, чувствовал силу таящегося под водой бога. Эйерон преклонил колени. *Ты направил ко мне твой народ*, говорил он богу. Они покинули свои чертоги и хижины и пришли сюда, к костям Нагги. Они собрались из каждой рыбачьей деревни и каждой укромной долины. Даруй же им мудрость узнать истинного короля и силу отринуть ложного. Жрец молился всю ночь — когда бог посещал его, он мог обходиться без сна, как обходятся волны и рыбы.

На рассвете ветер разогнал тучи. Черное небо

стало грифельно-серым, черное море позеленело, черные горы Большого Вика на том краю залива оделись голубоватой хвоей гвардейских сосен. Краски вернулись в мир, и сто знамен заполоскались в воздухе. Эйерон видел рыбный косяк Ботли, кровавую луну Винчей, темно-зеленые деревья Орквудов. Видел боевые рога, левиафанов, серпы и огромных золотых кракенов. Невольники и морские жены ворошили угли, чистили рыбу, готовя еду для капитанов и королей. Люди на берегу просыпались, откидывали одеяла из тюленьих шкур, требовали подать им первый рог эля. *Пейте вволю*, думал жрец, *ибо сегодня нам предстоит свершить божье дело*.

Море тоже пробуждалось. Волны росли под натиском ветра и орошали брызгами борта кораблей. Эйерон слышал в глубине глас Утонувшего Бога, вещавший: *в этот день я буду с тобой, верный мой раб. Ни один безбожник не сядет на мой Морской Трон*.

Утопленники нашли его здесь, под ребрами Нагги, прямого и сурового, с развевающимися на ветру волосами.

— Время пришло? — спросил Рас.

— Пришло, — кивнул Эйерон. — Идите и созовите всех.

Утопленники, стуча одной палицей о другую, двинулись вниз. Треск поднялся такой, будто сто деревьев разом застучали ветвями. Бум-бум-бум, начали бить барабаны. АААААААОООООООО, запели боевые рога. Люди, бросая свои костры, шли к чертогам Серого Короля: гребцы и кормчие, корабельщики, воины с топорами и рыбаки с неводами. Одних сопровождали рабы и морские жены, других, часто ходивших в зеленые земли, — мейстеры, певцы и рыцари. Простолюдины, невольники, дети и женщины охватили подковой подножие холма, капитаны и короли всходили по склону. Эйерон видел веселого Зигфрида Стонтри, Андрика Неулыбу, посвященного в рыцари Харраса Харло. Лорд Бейелор Блэкрид в собольем плаще стоял рядом со Стонхаузом в потертой тюленьей коже. Виктарион возвышался над всеми, кроме Андрика, — без шлема, но в доспехах и в золотом кракеновом плаще. Быть ему королем, думал жрец. Кто усомнится в этом, посмотрев на него?

Мокроголовый воздел костлявые руки. Рога, барабаны и голоса умолкли, утопленники опустили палицы. Лишь рокот волн, который не дано унять человеку, звучал как прежде.

— Из моря мы вышли и в море вернемся, —

начал Эйерон — тихо, заставляя собравшихся напрягать слух. — Штормовой Бог в гневе своем сверг Бейлона с высот его замка на камни, но теперь он пирует в водных чертогах Утонувшего Бога. — Жрец поднял глаза к небу. — Умер Бейлон! Умер железный король!

— Король умер! — хором подхватили утопленники.

— Но то, что мертво, умереть не может — оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде! Брат мой Бейлон, чтивший старый закон и плативший за все железом, Бейлон Смелый, Бейлон Благословенный, Бейлон Дважды Венчанный, вернувший нам наши вольности и нашего бога, — Бейлон умер. Но железный король восстанет, и взойдет на Морской Трон, и будет править нашими островами.

— Король восстанет! — откликнулся хор.

— Воистину так. — Голос Эйерона загремел, как прибой. — Но кто он? Кто сядет на место Бейлона? Кто будет править священными островами? Здесь ли он? — Жрец раскинул руки. — Кто будет у нас королем?

С неба ему отозвалась чайка. Толпа зашевелилась, словно проснувшись. Все поглядывали друг на друга, выжидая. Вороний Глаз всегда был

нетерпелив. Быть может, он заявит о себе первым — если так, дело его проиграно. Капитаны и короли проделали долгий путь, чтобы попасть на этот пир, и не станут набрасываться на первое же предложенное им блюдо. Они захотят посмаковать, отведать кусочек того, щепотку этого, пока не решат, что им больше по вкусу.

Эурон, видимо, тоже понимал это. Он стоял, скрестив руки на груди, в окружении своих немых и уродов, и ничто не нарушало тишины, кроме ветра и волн.

— У Железных Людей должен быть свой король, — после долгого молчания снова заговорил жрец. — Спрашиваю еще раз: кто будет у нас королем?

— Я, — послышалось вдруг снизу, и нестройные голоса поддержали: — Гилберт! Гилберт король! — Капитаны расступились, и претендент со своими сторонниками занял место рядом с Эйероном под ребрами Нагги.

Это был высокий, худощавый лорд с меланхолическим бритым лицом и выступающей челюстью. Трое заступников, ставших на две ступени ниже, держали его меч, щит и знамя. Они так походили на лорда, что Эйерон принял их за его сыновей. Один развернул знамя, показав всем

черную ладью на диске заходящего солнца.

— Я Гилберт Фарвинд, лорд Одинокого Света, — объявил высокий собранию.

Эйерон знал кое-кого из Фарвиндов. Эти странные люди владели западной оконечностью Большого Вика и мелкими островками, расположенными еще дальше к западу. Островки эти так малы, что каждый может прокормить лишь одну семью. Одинокий Свет — самый дальний из них. Плыть до него восемь дней по бескрайнему морю, мимо лежбищ тюленей и морских львов. Тамошние Фарвинды еще чудней всей прочей своей родни. Говорят, будто они оборотни, способные превращаться в морских львов, моржей и даже в пятнистых китов, волков моря.

Лорд Гилберт тем временем стал рассказывать о чудесной земле на том берегу Закатного моря, где нет зимы и смерть не имеет власти.

— Сделайте меня своим королем, и я поведу вас туда, — восклицал он. — Мы построим десять тысяч кораблей, как когда-то Нимерия, и поплывем в страну, что лежит далеко на западе. Там каждый муж будет королем и каждая жена королевой.

Его глаза меняли цвет, словно море, делаясь то серыми, то голубыми. Глаза безумца, умалишенного. Эта его страна — хитрые силки Штормового

Бога, поставленные, чтобы погубить Железных Людей. Люди Фарвинда предложили вечу дары — тюленьи шкуры, моржовые бивни, браслеты из китовой кости, оправленные в бронзу рога. Капитаны и короли отвернулись, предоставляя все это простому люду. Когда глупец завершил свою речь и заступники стали выкрикивать его имя, клич подхватили одни только Фарвинды, да и то не все. Вскоре крики «Гилберт король» затихли. В небе снова послышался голос чайки. Птица села на ребро Нагги, а лорд Одинокого Света, несолоно хлебавши, пошел вниз с холма.

— Спрашиваю еще раз, — снова вышел вперед Эйерон, — кто будет у нас королем?

— Я, — прогремел чей-то бас, и толпа опять расступилась.

Этого, восседающего на резном стуле, втащили на холм его внуки. Развалину двадцати стоунов весом и девяноста лет от роду окутывал плащ из шкуры белого медведя. Его собственные волосы не уступали белизной медвежьему меху, белая борода, неотличимая от плаща, укрывала старца до самых бедер. Внуки, при всей своей недюжинной силе, едва справлялись со своей ношей. Они водрузили деда перед чертогами Серого Короля, и трое остались внизу, как его заступники.

Шестьдесят лет назад он, пожалуй, мог бы склонить вече на свою сторону, но ныне его время прошло.

— Да, я! — зычным голосом повторил старец. — А что такого? Кто тут лучше меня? Для тех, у кого глаз нет, скажу, что меня зовут Эрик Айронмакер. Эрик Молотобоец. Эрик Справедливый. Покажи им мой молот, Тормор. — Один из внуков тут же предъявил это внушающее ужас орудие: голова как хлебная коврига, рукоять обмотана кожей. — Не счесть, сколько рук я расплющил этим молотом — спросите воров, они вам скажут. И голов на своей наковальне я тоже разбил довольно — об этом вам скажут вдовы. Я мог бы перечислить подвиги, совершенные мною в сражениях, но мне уже восемьдесят восемь, и я не доживу до конца своего рассказа. Если старость мудра, нет никого мудрее меня. Если сила зависит от телосложения, сильнее меня никого не найдете. Вам нужен король, у которого есть наследники? Я не берусь сосчитать своих. Каково звучит — король Эрик! А ну-ка повторяйте за мной: ЭРИК! ЭРИК КОРОЛЬ!

Все его внуки подхватили клич, и вперед вышли правнуки. Из раскрытых ими ларцов к подножию ступеней хлынул поток стали, бронзы

и серебра: браслеты, ожерелья, кинжалы, метательные топорики. Несколько капитанов взяли дары и присоединились к растущему хору. Но в гром голосов внезапно врезался женский голос:

— Эрик! — Мужчины расступились, и женщина, поставив ногу на нижнюю ступень, сказала: — Встань, Эрик.

На холме стало тихо. Дул ветер, волны бились о берег, собрание перешептывалось.

— Девчонка, — громыхнул Эрик, глядя на Ашу Грейджой. — Что ты сказала, проклятая?

— Встань, Эрик, — повторила она. — Встань, и я прокричу твое имя вместе со всеми, и первая пойду за тобой. Тебе нужна корона? Встань и возьми ее.

В толпе раздался смех Вороньего Глаза. Эрик, свирепо посмотрев на него, вцепился в подлокотники своего трона. Лицо у него побагровело, руки затряслись, на шее забилась толстая синяя жила. Казалось, он вот-вот и впрямь встанет, но силы оставили его, и он со стоном обмяк на сиденье. Смех Вороньего Глаза стал еще громче. Старик уронил голову и одряхлел в мгновение ока. Внуки унесли его вниз.

— Кто будет править Железными Людьми? — снова воззвал Эйерон Мокроголовый. — Кто будет

у нас королем?

Толпа пребывала в нерешительности. Одни смотрели на Эурона, другие на Виктариона, на Ашу тоже поглядывали. Зеленые волны разбивались о борта кораблей. Сверху снова послышался пронзительный, унылый крик чайки.

— Назови свое имя, Виктарион, — произнес глава дома Мерлинов, — и покончим с этим скоморошеством.

— Назову, когда буду готов, — ответил Виктарион.

Эйерон остался доволен братом. Это верно. Пусть подождет.

Следующим вызвался Драмм, еще один старец, хотя и моложе Эрика. На холм он взобрался самостоятельно, и на бедре его висел Багровый Дождь, знаменитый меч, выкованный в Валирии до Рокового Дня. Сопровождали его сыновья Денис и Доннел, оба видные воины, а третьим был Андрик Неулыба, великан с ручищами как молодые деревья. То, что он выступает на стороне Драмма, говорило в пользу последнего.

— Где написано, что наш король должен быть кракеном? — начал Драмм. — С какой стати Пайк возомнил себя главным? Самый крупный остров у нас — Большой Вик, самый богатый — Харло,

наша святыня — Старый Вик. Когда черную линию поглотил драконов огонь, Железные Люди выбрали своим главой Викона Грейджоя, это правда… но как лорда, а не как короля.

Начало его речи, весьма удачное, вызвало одобрительные возгласы, но они поутихли, когда старик принялся рассуждать о славных деяниях Драммов. Он помянул Дейла Ужасного, Рорина Грозу Морей, сто сыновей Горменда Драмма Прародителя. Он обнажил Багровый Дождь и поведал, как Хильмар Драмм Хитрый отнял его у некоего рыцаря с помощью смекалки и увесистой палицы. Он говорил о кораблях, давно затонувших, о битвах восьмисотлетней давности. Вече мало-помалу стало роптать, а он знай себе молол языком.

В сундуках, раскрытых его сторонниками, обнаружились скудные дары. Троны бронзой не покупаются, заметил про себя Эйерон. Верность этого правила подтвердили довольно скоро затихшие крики: «Драмм! Драмм! Дунстан король!»

У Эйерона сводило живот, и ему казалось, что шум прибоя усилился. Пора уже Виктариону заявить о себе.

— Кто будет у нас королем? — снова возгласил жрец, но на сей раз его горящие черные гла-

за отыскали в толпе брата. — Девять сыновей родилось от Квеллона Грейджоя. Один из них превзошел всех братьев могуществом и не ведал страха.

Виктарион, встретившись с ним взглядом, кивнул. Капитаны расступились перед ним, и он взошел на ступени.

— Благослови меня, брат. — Виктарион стал на колени, склонил голову, и Эйерон оросил его чело соленой водой из меха.

— То, что мертво, умереть не может, — промолвил жрец, и Виктарион завершил:

— Оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде.

Когда он встал, внизу выстроились его заступники, прославленные бойцы: Ральф Хромой, Рыжий Ральф Стонхауз, Нут-Цирюльник. Стонхауз держал знамя Грейджоев — золотой кракен на черном, как полночное море, поле. Как только он развернул его, капитаны и короли стали выкрикивать имя лорда-капитана. Виктарион дождался, когда они умолкнут, и начал:

— Все вы меня знаете. Если хотите услышать сладкие речи, поищите их в другом месте. Я петь не мастер. У меня есть топор и вот это. — Он показал вечу два огромных своих кулака в

кольчужной броне, а Нут поднял над головой устрашающий боевой топор. — Я был хорошим братом, — продолжал лорд-капитан. — Когда Бейлон задумал жениться, он послал на Харло за своей невестой меня. Я командовал его ладьями во многих сражениях и был побежден лишь однажды. После первой коронации Бейлона я отплыл в Ланниспорт, чтобы подпалить львиный хвост. Во второй раз он доверил мне освежевать Молодого Волка, если тот побежит в свое логово. От меня вы получите больше, чем получили от Бейлона. Вот все, что я хотел вам сказать.

— ВИКТАРИОН! ВИКТАРИОН! ВИКТАРИОН НАШ КОРОЛЬ! — закричали его заступники, а из сундуков полилось серебро, золото, драгоценные камни — богатейшая военная добыча. Капитаны принялись хватать самое лучшее, повторяя клич: — ВИКТАРИОН! ВИКТАРИОН! — Эйерон пристально следил за Вороньим Глазом. Выскажется тот сейчас или предоставит вечу идти своим чередом? Орквуд с Оркмонта шептал что-то на ухо Эурону.

Но не Эурон положил конец крикам, а женщина. Она заложила два пальца в рот, и ее свист рассек поднявшийся шум, будто нож.

— Дядя! Дядя! — Выхватив из кучи крученую

золотую диадему, она взлетела на ступени. Нут схватил ее за руку, и Эйерон долю мгновения еще надеялся, что заступники брата заставят женщину умолкнуть. Но она вырвалась и сказала Рыжему Ральфу нечто такое, от чего он шарахнулся в сторону. Вече затихло. Всем было любопытно послушать, что скажет дочь Бейлона Грейджоя.

— Спасибо, что принес на мое вече такие богатые дары, дядя, — обратилась она к Виктариону, — но напрасно ты оделся в доспехи. Обещаю, что не трону тебя. — Аша повернулась лицом к капитанам. — Нет никого храбрей моего дяди, нет никого сильнее и злее в бою. И до десяти он считает не хуже любого, я видела… правда, чтобы добраться до двадцати, ему приходится снимать сапоги. — В толпе засмеялись. — Однако он пережил всех своих жен и не нажил ни одного сына. Вороний Глаз старше его и имеет больше прав…

— Верно! — заорал снизу Рыжий Гребец.

— Верно-то верно, но у меня прав еще больше. — Аша нахлобучила золотую диадему на свои темные волосы. — Брат короля не может опережать королевского сына.

— Сыновья Бейлона все мертвы, — крикнул Ральф Хромой. — Здесь я вижу только его дочку!

— Дочку? — Аша сунула руку за пазуху. — Ого!

Что это тут? Показать вам? Некоторые не видали такого с тех пор, как их отняли от груди. — Смех раздался снова. — Беда, когда у короля титьки растут — так ведь в песне поется? Ты верно заметил, Ральф, я женщина… не старуха, правда, а куда моложе тебя. Ты ведь у нас не только на ногу хромаешь? — Аша выхватила кинжал, спрятанный у нее на груди, и подняла его высоко. — Я еще и мать, а это мое малое дитятко. Ко мне, заступники! — Вызванные стали чуть ниже нее: Кварл-Девица, Тристифер Ботли и рыцарь Харрас Харло с мечом Приход Ночи, не менее прославленным, чем Багровый Дождь Дунстана Драмма. — Мой дядя сказал, что вы все его знаете. Вы знаете и меня…

— Не худо бы узнать тебя ближе! — крикнул кто-то.

— Ступай домой и узнай поближе свою жену, — крикнула в ответ Аша. — Дядя сказал, что даст вам больше, чем дал мой отец. Что же это такое? Золото и слава, скажете вы. И воля, которая слаще всего. Да, отец дал нам все это… и вдов у нас приумножил, как подтвердит вам лорд Блэкрид. Сколько ваших домов пожгли, когда сюда пришел Роберт? Сколько дочерей обесчестили? Сожженные селения и разрушенные замки, вот

что дал вам отец. С ним вы изведали вкус поражения, с дядей нахлебаетесь досыта. Я обещаю совсем другое.

— А ты что нам дашь? — спросил Лукас Кодд. — Вязать нас усадишь?

— Да, Лукас. Мы свяжем себе королевство. — Она перебросила кинжал из руки в руку. — Пусть нам послужит примером урок Молодого Волка, который выигрывал каждое свое сражение… а в итоге проиграл все.

— Волк не кракен, — возразил Виктарион. — То, что кракен схватил, он уже не выпустит, будь то ладья или левиафан.

— Что же такое схватили мы, дядя? Север? Иначе говоря, множество лиг земли далеко от моря. Мы взяли Ров Кейлин, Темнолесье, Торрхенов Удел, даже Винтерфелл — а что получили взамен? — По знаку Аши люди с «Черного ветра» вынесли вперед дубовые сундуки. — Вот богатства Каменного Берега. — Из первого сундука на ступени посыпалась галька — черные, серые, белые голыши, гладко обкатанные морем. — Вот сокровища Темнолесья. — Во втором сундуке лежала груда сосновых шишек. — Вот, наконец, золото Винтерфелла. — В кучу гальки и шишек покатились круглые желтые репки величиной

с человечью голову. Аша подцепила одну на кинжал. — За это, Хармунд Шарп, погиб в Винтерфелле твой сын Харраг. — Она метнула репу тому, кого назвала. — У тебя ведь есть еще сыновья? Если хочешь променять их на репу, кричи в короли моего дядю.

— А если я закричу тебя, что будет? — спросил Хармунд.

— Будет мир. Будут земли. Будет победа. Я дам вам мыс Морского Дракона и Каменный Берег. Там плодородная земля, строевой лес, а уж камней столько, что все младшие сыновья смогут построить себе по чертогу. Мы получим и северян… в союзники, чтобы выступить вместе против Железного Трона. Выбор прост. Я — это победоносный мир, дядя — это война и неминуемое поражение. — Аша спрятала свой кинжал. — Выбирайте, Железные Люди.

— ПОБЕДА! — закричал Родрик-Чтец, сложив ладони у рта. — Победа и Аша!

— АША! — подхватил лорд Бейелор Блэкрид. — АШУ В КОРОЛЕВЫ!

— АША! АША! АША! — грянула команда «Черного ветра». Они топали ногами и вскидывали вверх кулаки. Эйерон не верил своим ушам. Она хочет оставить незавершенным отцовский труд!

Однако Тристифер Ботли кричит ее имя, и многие Харло тоже, и Гудбразеры, и краснолицый лорд Мерлин. Никогда бы он не подумал, что столько народу отдаст свои голоса… за женщину!

Другие, однако, помалкивали или шептались с соседями.

— Не надо нам трусливого мира! — взревел Ральф Хромой, а Ральф Стонхауз, размахивая знаменем, завел сызнова: — Виктарион! Виктарион! ВИКТАРИОН! — В толпе начинали толкать друг друга. Кто-то запустил в Ашу сосновой шишкой. Она увернулась, и корона, которую она сама на себя надела, свалилась у нее с головы. Жрецу казалось, что он оказался на вершине огромного потревоженного муравейника. Крики «Аша» и «Виктарион» сталкивались в воздухе — точно шторм бушевал над холмом. *Штормовой Бог посетил нас, чтобы посеять раздор и ярость*, думал Эйерон.

Но весь этот гвалт рассек, как удар меча, голос рога.

Раскаленный зловещий вопль, повисший в сыром морском воздухе, пронизывал тело до самых костей.

АААААААААААРРРРРРРРРЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ! В рог дул человек Эурона, бритоголовый и страш-

ный. На руках у него сверкали золотые и опаловые браслеты, широкую грудь украшала татуировка в виде хищной птицы с окровавленными когтями.

Витой черный рог, который он держал обеими руками, был длинней человеческого роста. Его скрепляли кольца из красного золота и темной стали. Когда рог звучал, казалось, что вырезанные на них иероглифы древней Валирии загораются красным огнем.

АААААААААААРРРРРРРРРЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ!

Ужасный звук, исполненный боли и ярости, терзал слух. Эйерон, зажав уши, стал молить Утонувшего Бога послать могучий вал и захлестнуть рог, но тот продолжал завывать. Это зов самой преисподней, хотел крикнуть жрец, но его все равно бы никто не услышал. Надутые щеки разрисованного трубача обещали вот-вот лопнуть, птица на его груди словно порывалась взлететь. Древние знаки раскалились уже добела. Рог ревел, и эхо, рожденное им в холмах, отражалось от гор Большого Вика по ту сторону залива, заполняя собой весь мир.

Всем уже мерещилось, что этот рев будет длиться вечно, но тут он умолк.

Трубач, выдохшись наконец, пошатнулся и чуть не упал. Орквуд с Оркмонта подхватил его

под руку, Лукас-Левша Кодд принял у него рог. Жерло рога дымилось, а на губах трубача жрец разглядел кровавые пузыри. Птица у него на груди тоже сочилась кровью.

Эурон Грейджой взошел на холм медленно, и глаза всего веча неотрывно следили за ним. Чайка над головой кричала не переставая. Безбожник не может сидеть на Морском Троне, твердил про себя Эйерон. Однако он не мог помешать брату высказаться, и его губы шевелились в безмолвной молитве.

Заступники Аши и Виктариона расступились. Жрец сделал шаг назад, опершись рукой на холодное ребро Нагги. Эурон, став на пороге чертогов Серого Короля, обратил свой улыбчивый глаз к капитанам и королям, но жрецу виделся и другой его глаз, тот, который Эурон прятал.

— Железные Люди, — сказал Вороний Глаз, — вы слышали, как трубит мой рог. Теперь выслушайте меня. Я брат Бейлона, старший из живых сыновей Квеллона. В моих жилах течет кровь лорда Викона и Старого Кракена, странствовать же мне довелось дальше, чем им обоим. Лишь один из ныне живущих кракенов никогда не испытал поражения. Лишь один никогда не сгибал колена. Лишь один дошел до Асшая через Край

Теней, где видел чудеса и ужасы, не поддающиеся воображению…

— Если тебе так понравилось там, отправляйся обратно, — крикнул розовощекий Кварл-Девица, один из заступников Аши.

Вороний Глаз не снизошел до ответа.

— Мой младший брат хочет завершить войну Бейлона и взять Север. Моя дорогая племянница сулит нам мир и сосновые шишки. — Темные до синевы губы искривились в улыбке. — Аша предпочитает победу поражению, Виктарион мечтает о королевстве вместо жалких клочков земли. Со мной вы получите и то, и другое.

Вы прозвали меня Вороньим Глазом, а у кого же глаз острее, чем у вороны? После каждой битвы вороны слетаются сотнями и тысячами на трупы убитых. Смерть они видят издалека. Я вижу и говорю вам, что Вестерос скоро погибнет, и те, кто пойдет за мной, будут пировать до конца своих дней.

Мы, Железные Люди, некогда были завоевателями. Молва о нас гремела повсюду, где слышался шум прибоя. Брат предлагает вам довольствоваться холодными и мрачными землями, племянница обещает и того меньше… я же дам вам Ланниспорт, Хайгарден, Бор, Старомест.

Дам Простор и речные земли, Королевский и Дождливый леса, Дорн и Марки, Лунные горы и Долину Аррен, Тарт и Ступени. Вестерос будет наш целиком! — Он бросил взгляд на жреца. — К вящей славе Утонувшего Бога, само собой.

Даже Эйерона захватила на миг эта смелая речь. Когда жрец впервые увидел красную комету на небе, им завладела та же мечта. *Мы пройдем по зеленым землям огнем и мечом, неся гибель семерым богам и белым деревьям…*

— Вороний Глаз, — подала голос Аша, — ты оставил свой рассудок в Асшае? Если мы не способны удержать Север — а мы не способны, — как мы можем завоевать все Семь Королевств?

— Такое уже бывало. Разве отец не учил тебя истории? Можно подумать, Виктарион, что дочь нашего брата никогда не слыхивала об Эйегоне Завоевателе.

— При чем он тут, Эйегон? — Виктарион скрестил руки на одетой в кольчугу груди.

— С историей я знакома не хуже тебя, Вороний Глаз, — сказала Аша. — Эйегон Таргариен завоевал Вестерос с помощью драконов.

— Мы сделаем то же самое, — заявил Эурон. — Этот рог я нашел в дымящихся руинах Валирии, куда никто не смел ступить, кроме меня. Вы слы-

шали его голос и ощутили на себе его мощь. Это драконий рог, а красное золото и валирийская сталь, которыми он окован, исписаны заклинаниями. В такие рога трубили повелители драконов, пока Рок не смел их с лица земли. С этим рогом, Железные Люди, я подчиню драконов себе.

— Лучше бы ты завел рог, чтобы скликать к себе коз, — рассмеялась Аша. — Драконов больше не существует.

— Опять-таки заблуждаешься, девочка. На свете есть три дракона, и я знаю, где их найти. Разве это не стоит короны из плавника?

— ЭУРОН! — крикнул Лукас-Левша Кодд.

— ЭУРОН! ВОРОНИЙ ГЛАЗ! ЭУРОН! — завопил Рыжий Гребец.

Немые и черномазые с «Молчаливого» раскрыли сундуки Эурона и высыпали дары. Жрец услышал голос Гото Харло, набравшего полные руки золота; к нему присоединились Горольд Гудбразер и Эрик-Молотобоец.

— ЭУРОН! ЭУРОН! ЭУРОН! — Крик разрастался, переходя в рев. — ЭУРОН! ВОРОНИЙ ГЛАЗ! ЭУРОН КОРОЛЬ! — Точно сам Штормовой Бог вещал из грозовых туч над холмом Нагги: — ЭУРОН! ЭУРОН! ЭУРОН!

Даже жрец порой сомневается. Даже пророка

порой посещает ужас. Эйерон Мокроголовый больше не находил в себе бога. В громе голосов, выкрикивавших имя его брата, ему слышался скрежет заржавленных дверных петель.

Бриенна

К востоку от Девичьего пруда вздымались дикие холмы, и серо-зеленые сосны стояли на них ствол к стволу, как солдаты.

Дик-Пройдоха сказал, что по берегу моря ехать короче и легче всего, поэтому они почти не теряли залив из виду. Прибрежные городки и деревни становились все меньше и попадались все реже. Отыскав ближе к ночи гостиницу, Бриенна брала себе и Подрику отдельную комнату, а Дика отсылала спать вместе с прочими постояльцами.

— В одной постели спать дешевле, миледи, — в очередной раз завел Дик. — Можете положить между нами свой меч. Старый Дик безобидный парень, галантный как рыцарь и кристально честный.

— Что-то мутноват твой кристалл, — заметила на это Бриенна.

— Если опасаетесь спать со мной рядом, я и на полу могу прикорнуть.

— Не на моем.

— Можно подумать, вы ни на грош мне не доверяете, — обиделся Дик.

— Доверие, как и золото, надо еще заслужить.

— Как знаете, но на севере, где и дороги-то нет, вам поневоле придется довериться Дику. Я мог бы пригрозить вам мечом и потребовать свое золото — кто бы мне помешал?

— У тебя нет меча. А у меня есть.

Она закрыла дверь у него перед носом и прислушивалась, пока не убедилась, что он ушел. Дик Крэб при всей своей пройдошистости не Джейме Ланнистер, не Бешеная Мышь и даже не Хамфри Вагстафф. Он тощ от постоянного недоедания, из доспехов у него только помятый полушлем с пятнами ржавчины, а вместо меча старый щербатый кинжал. Когда она бодрствует, ей нечего его опасаться.

— Подрик, — сказала она, — гостиницы скоро кончатся, и придется нам ночевать под открытым небом. Нашему проводнику я не доверяю. Будешь меня охранять, пока я сплю?

— Ночью, миледи? Сир. — Подрик задумался. — У меня меч есть. Пусть только Крэб вас тронет, я его враз убью.

— Нет. Не вздумай с ним драться. Я прошу только посторожить меня и разбудить, если он начнет вести себя подозрительно. Я сразу проснусь, вот увидишь.

Крэб показал себя в истинном свете на следующий же день, когда они остановились напоить лошадей. Отойдя в кусты и присев, Бриенна услышала голос Подрика:

— Ты что это? А ну перестань.

Управившись со своим делом, она натянула бриджи, вышла на дорогу и увидела Дика, отряхивавшего муку с рук.

— В моих сумках драконов ты не найдешь, — сказала она ему. — Я ношу золото при себе. — Часть хранилась в кошельке у нее на поясе, остальные в пришитых внутри карманах. Толстый кошель в седельной сумке был набит медяками разного вида… и мукой, чтобы казаться еще толще. Мукой Бриенна запаслась у повара «Семи мечей», когда уезжала из Синего Дола.

— Дик ничего дурного не замышлял, миледи. — Он растопырил измазанные в муке пальцы, показывая, что безоружен. — Хотел только посмотреть, правда ли у вас есть драконы. На свете столько мошенников, все так и норовят надуть честного человека. Это я не про вас, вы не думайте.

Бриенна надеялась, что проводником он окажется более умелым, чем вором.

— Ладно, поехали дальше.

В дороге Дик часто пел, но ни одной песни не доводил до конца, выдергивая кусок отсюда, кусок оттуда. Бриенна подозревала, что он хочет ее очаровать и усыпить ее бдительность. Порой он уговаривал их с Подриком спеть вместе с ним, но мальчуган стеснялся, а Бриенна не поддавалась на уговоры. «Ты разве не пела для своего отца? — спросила ее как-то леди Кейтилин в Ривердане. — А для Ренли?» Нет, Бриенна не пела, хотя ей хотелось… очень хотелось… Если Дик не пел, он болтал, рассказывая разные истории о Раздвоенном Когте. Там в каждой долине свой лорд, говорил, и объединяет их только одно — недоверие к чужакам. Кровь Первых Людей там очень густа.

— Андалы хотели взять Раздвоенный Коготь, но мы их топили в болотах и пускали им кровь в долинах. Но то, что их сыновья не могли сделать мечами, их красивые дочки сделали поцелуями. Девушек выдавали замуж в непокоренные дома, вот так-то.

Взять Раздвоенный Коготь под свою руку пытались и Дарклины, синедольские короли, и Моутоны из Девичьего Пруда, и надменные Селтигары с Крабового острова. Но жители полуострова знали свои леса и болота куда лучше всех пришлецов,

а если их очень уж прижимали, скрывались в пещерах, сотами пронизывавшие тамошние холмы. Когда завоеватели долго не приходили, они сражались друг с другом. Кровная вражда между семьями была глубока и темна, словно их болота. Порой какой-нибудь героический муж устанавливал на мысу мир, но это длилось, лишь пока жил сам миротворец. В истории остались лорд Люсифер Харди, братья Брюн, Старый Костолом, но Крэбы превосходили всех. Дик отказывался верить, что Бриенна никогда не слыхала о сире Кларенсе Крэбе и его подвигах.

— Зачем же мне лгать? — возражала она. — В каждом месте есть свои собственные герои. Там, откуда я родом, поют о сире Галладоне из Морна, рыцаре без упрека.

— Какой еще Галладон? Впервые слышу. Чем он таким прославился-то?

— За его доблесть и благородство сама небесная Дева прониклась любовью к нему и подарила рыцарю волшебный меч. Клинок назывался Правосудная Дева. Ни один другой меч не мог против нее устоять, ни один щит не выдерживал ее поцелуя. Сир Галладон носил Правосудную Деву с гордостью, но обнажил ее только трижды. Он не желал сражаться ею против смертных, ибо

ее мощь всякий бой сделала бы нечестным.

Дика это очень развеселило.

— Рыцарь без упрека? Дурак он без упрека, вот что. Какой прок от волшебного меча, если ты им не пользуешься?

— Владеть им — большая честь.

Дик загоготал еще пуще.

— Сир Кларенс Крэб вашего рыцаря на подтирку пустил бы, миледи. Если б они встретились, в Тараторках прибавилась бы еще одна говорящая голова. «Зря я не воспользовался своим волшебным мечом, — жаловалась бы она другим головам. — Ох, зря».

— Возможно, — не сдержала улыбки Бриенна, — только сир Галладон был совсем не дурак. Против врага восьми футов ростом, восседающего на зубре, он вполне мог обнажить Правосудную Деву. Рассказывают, что однажды он убил ею дракона.

Дика это не поразило.

— Костолом тоже дрался с драконом. И без волшебного меча обошелся. Просто завязал драконью шею узлом, и тот всякий раз, выдыхая огонь, поджаривал самому себе зад.

— А что делал твой Костолом, когда пришел Эйегон?

— Что-что. К тому времени он уже умер, вам ли не знать. Эйегон послал на Раздвоенный Коготь Висенью, свою сестру. Наши лорды уже прослышали о конце Харрена и, не будь дураки, сложили перед нею мечи. Королева сказала, что отныне они — ее люди и не должны подчиняться ни Девичьему Пруду, ни Синему Долу, ни Крабовому острову. Это не мешает проклятущим Селтигарам посылать на восточный берег своих прислужников, чтобы собирать подати. Если послать побольше, кто-нибудь и назад может вернуться… потому как мы кланяемся только своим лордам и королю. Настоящему королю, не Роберту и его семейке, — плюнул Дик. — Крэбы, Брюны и Боггсы стояли на Трезубце вместе с принцем Рейегаром. И в Королевской Гвардии наши тоже служили: Харди, Кейв, Пайн и целых три Крэба. Клемент, Руперт и Кларенс Короткий. Кларенс имел шесть футов росту, но был коротышкой по сравнению с *тем* сиром Кларенсом. Мы все на Раздвоенном Когте верны драконам.

Чем дальше на северо-восток, тем безлюднее становилась округа. Гостиницы кончились, прибрежная дорога едва проглядывала в сорной траве. Ночь они провели в рыбачьей деревне — Бриенне за несколько медяков позволили лечь

в амбаре. Они с Подриком забрались наверх, на сеновал, и втащили за собой лестницу.

— А я вот возьму и уведу ваших лошадей, — грозил снизу Крэб. — Вы бы их тоже с собой прихватили, миледи. — Не дождавшись ответа, он продолжал: — Ночью дождь зарядит надолго. Вы, значит, с Подом в тепле, а старый Дик в одиночку околевать должен. — Он сгреб сено, устраивая себе постель. — В жизни не встречал такой недоверчивой женщины.

Бриенна свернулась под плащом, Подрик сопел рядом. *Я не всегда была такой*, могла бы ответить она. *В детстве я верила, что все мужчины благородны, как мой отец. Верила даже тем, кто превозносил мою красоту, ум и грацию. Глаза мне открыла септа Роэлла. «Они говорят так, чтобы добиться милостей от вашего лорда-отца. Ищите правду в зеркале, а не на мужских устах».* Бриенна плакала, получив этот жестокий урок, но он сослужил ей хорошую службу в Хайгардене, когда сир Хиль и его друзья задумали поиграть с ней. Девица в этом мире не должна быть доверчивой, если хочет сохранить свою девственность, думала она, слушая, как стучит дождь по крыше.

В общей схватке у Горького Моста она выискивала своих обидчиков и побивала их одного за

другим — Фарроу, Амброза, Биши, Марка Маллендора, Раймонда Нейланда, Уилла-Журавля. Гарри Сойера она сшибла конем, Робину Поттеру разбила шлем, украсив рыцаря большущим шрамом. Когда все они пали, Матерь послала ей Коннингтона. На сей раз сир Роннет держал в руке меч, а не розу, и каждый наносимый ему удар был для нее слаще поцелуя.

Последним в тот день ей под горячую руку угодил Лорас Тирелл. Рыцарь Цветов за ней не ухаживал — можно сказать, вовсе на нее не смотрел, — но он носил на щите три золотые розы, а Бриенна ненавидела эти цветы. Один их вид наполнил ее бешеной силой. Когда она наконец уснула под шум дождя, ей приснился тот бой и сир Джейме, накидывающий ей на плечи радужный плащ.

Дождь шел и утром. Во время завтрака Дик-Пройдоха предложил переждать его.

— Сколько прикажешь ждать? Еще день? Неделю? А может, до следующего лета? Нет. У нас есть плащи, а путь впереди еще долгий.

Дождь не прекращался весь день, и узкую тропу, по которой они ехали, совсем развезло. Деревья стояли голые, бурая опавшая листва под ними промокла насквозь. Плащ Дика, несмотря

на беличью подкладку, тоже промок, и проводника била дрожь. Бриенне стало жаль его. Ему часто приходилось голодать, это ясно. Существует ли на самом деле эта бухта контрабандистов или разрушенный замок под названием Тараторки? Голодный способен на отчаянные поступки. Быть может, он придумал все это, чтобы заманить ее в безлюдное место.

Весь мир свелся к ровному шуму дождя. Дик горбился, как будто это помогало ему остаться сухим. Когда стало темнеть, деревни поблизости не оказалось и леса, в котором они могли бы укрыться, тоже. Пришлось устраивать лагерь в скалах, ярдах в пятидесяти от черты прилива. Камни по крайней мере защищали от ветра.

— Надо бы покараулить ночью, миледи, — сказал Дик, пока она пыталась разжечь сырые дрова. — Вдруг тут хлюпари водятся.

— Хлюпари?

— Нечисть такая, — со смаком поведал Дик. — Издали их можно принять за людей, но головы у них очень большие, и где у человека волосы, у них чешуя. Сами они белые, как рыбье брюхо, всегда мокрые и рыбой воняют. Между пальцами у них перепонки, а во рту зеленые зубы, острые, как иголки. Говорят, будто Первые Люди

перебили их всех, только вы не верьте. Ночью они тихонько приходят на своих перепончатых лапах, хлюп-хлюп, и крадут непослушных детей. Девочек оставляют себе в жены, а мальчишек едят. И тебя съедят, парень, — ухмыльнулся он, глядя на Подрика, — прямо сырым.

Подрик взялся за меч.

— Пусть только сунутся.

— Думаешь, их так просто убить, хлюпарей? А вы что скажете, миледи, — вы ведь нехорошая девочка?

— Нет. — Хорошая, только глупая. Дрова не желали загораться — Бриенна уже устала возиться с огнивом. Растопка слегка дымилась, но это и все. Отчаявшись, она завернулась в плащ и прислонилась к скале, приготовившись как-нибудь протянуть эту холодную, мокрую ночь. Пока она, мечтая о горячем, жевала вяленую говядину, Дик рассказывал, как сир Кларенс Крэб сражался с королем хлюпарей. Бриенна не могла не признать, что он хороший рассказчик. Марк Маллендор со своей обезьянкой тоже, бывало, ее забавлял.

Из-за ненастья они не видели, как село солнце и вышла луна. Настала черная, беззвездная ночь. Крэб, истощив запас историй, улегся спать, Подрик тоже засопел, а Бриенна все сидела, слушая

шум прибоя. *Где ты, Санса? Ждешь в Тараторках корабля, который никогда не придет? И кто там с тобой? Заплачено за троих, сказал Крэб. Вы встретились с Бесом или ты нашла свою сестру Арью?*

После долгого дня Бриенна устала. Ее клонило в сон, несмотря на дождь и на сидячее положение. Начав уже клевать носом, она вдруг очнулась с колотящимся сердцем и увидела над собой чью-то фигуру. Выпутавшись из плаща, она поднялась. Дик-Пройдоха спал, наполовину зарывшись в мокрый песок. Тьфу ты, пропасть. Приснилось.

Напрасно она, пожалуй, бросила сира Крейтона и сира Иллифера. Они, похоже, честные люди. Вот если бы Джейме поехал с ней… но он королевский рыцарь и должен быть рядом со своим королем. И предметом ее грез был не он, а Ренли. Она поклялась защищать его и не сдержала своей клятвы. Поклялась за него отомстить и опять нарушила клятву, убежав с леди Кейтилин. Клятва, которую она дала самой леди Старк, тоже остается невыполненной. Ветер переменился, и дождь бил Бриенне в лицо.

Назавтра дорога вытянулась в усыпанный галькой желобок, а ближе к полудню оборвалась у выветренного утеса. Наверху, на сером небе,

виднелись три кривые башни какого-то замка.

— Это и есть Тараторки? — спросил Подрик.

— По-твоему, это развалины? — проворчал Крэб. — Это Дирден, усадьба старого лорда Брюна. Тут дороге конец. Дальше поедем по сосновому бору.

— Как же мы попадем наверх? — разглядывая скалу, спросила Бриенна.

— Запросто. — Крэб повернул коня. — Не отставайте только от Дика. Кто замешкается, того хлюпари заберут.

Поднимались они по крутой каменной тропе — большей частью естественной, но кое-где для облегчения подъема были вырублены ступени. Их окружал скальный коридор, проеденный морской водой и ветрами. Его стены порой принимали фантастические формы.

— Вон голова людоеда, видите? — показывал Дик, и Бриенна улыбалась, в самом деле различая нечто подобное. — А там каменный дракон. Другое крыло у него отвалилось, когда еще мой отец был мальчонкой. Прямо над ним висюльки, чисто ведьмины сиськи. — Взгляд Дика воровато скользнул по груди Бриенны.

— Сир, — сказал Подрик, — миледи. Там всадник.

— Где? — Ни одна из скал на всадника как будто не походила.

— На дороге. Не каменный, настоящий. Едет за нами. Вон там.

Бриенна повернулась в седле. Они поднялись уже высоко, и берег под ними был виден на много лиг. Между утесом и неизвестным всадником оставалось около пары миль.

— Нечего на меня смотреть, — огрызнулся Крэб, поймав ее подозрительный взгляд. — Кто бы он ни был, старый Дик ни при чем. Скорей всего кто-нибудь из людей Брюна с войны возвращается. Или певец какой, они ж известные шатуны. Но не хлюпарь, это точно. — Он сплюнул в сторону. — Эти на лошадях не ездят.

В этом Бриенна по крайней мере была с ним согласна.

Последние несколько сотен футов оказались самыми трудными и опасными. Мелкие камни сыпались из-под копыт лошадей. Выбравшись из расщелины, путники очутились под стенами замка. Там появилось и тут же исчезло чье-то лицо. Бриенне показалось, что это женщина, и она сказала об этом Дику.

— Брюн слишком стар, чтоб по стенам расхаживать, — согласился он, — а его сыны и внуки

все ушли на войну. Кроме баб да сопливых ребят, тут никого не осталось.

Ей хотелось спросить, которому из королей присягнул лорд Брюн, но это больше не имело значения. Быть может, не все из его сыновей вернутся домой. И на гостеприимство здесь рассчитывать нечего. Замок, где живут одни женщины, дети и старики, вряд ли откроет двери вооруженным людям.

— Ты говоришь о лорде Брюне так, будто знаешь его, — заметила она Дику.

— Знавал когда-то.

Она бросила взгляд на его дублет с чьей-то сорванной эмблемой. В том, что Крэб — дезертир, можно не сомневаться. Может быть, всадник, догоняющий их, — его собрат по оружию?

— Поехали, — поторопил Дик. — Неровен час старик всполошится. Из арбалета и баба выстрелить может. — Он показал на известковые лесистые холмы впереди. — Дальше дорог нет, только ручьи да звериные тропы, но миледи может не опасаться. Старый Дик знает эти места.

Этого Бриенна как раз и боялась. В ветре, дующем здесь, наверху, она чуяла что-то неладное.

— А всадник? — Если его конь не умеет скакать по волнам, он тоже скоро сюда поднимется.

— А что всадник? Если это какой-то недоумок из Девичьего Пруда, то он и дороги-то наверх не найдет, а коли здешний, мы успеем скрыться в лесу, и след наш простынет.

Простынет, но на земле-то останется. Бриенна нахмурилась, думая, не лучше ли встретить чужого здесь, с мечом в руке. Но она окажется полной дурой, если это вправду странствующий певец или один из сыновей лорда Брюна. *Тут Крэб прав,* признала она. *Если всадник так и будет за нами следовать, я с ним разделаюсь завтра.*

— Будь по-твоему, — сказала она, направив кобылу к лесу.

Замок лорда Брюна остался позади и скоро скрылся из глаз. Гвардейские сосны и страж-деревья вставали вокруг, вонзая вечнозеленые копья в небо. Землю устилала опавшая хвоя толщиной с крепостную стену, усеянная шишками. Лошади ступали по ней беззвучно. Небольшой дождик то переставал, то снова принимался идти, но под соснами они его вовсе не чувствовали.

По лесу они продвигались гораздо медленнее, чем прежде. Бриенна понимала, как здесь легко заблудиться: все стволы казались ей совершенно одинаковыми. Самый воздух выглядел неподвижным, зеленовато-серым. Сучья задевали ее руки,

царапали свежераскрашенный щит. Сверхъестественная тишина с каждым шагом становилась все более угнетающей.

На Дика она тоже действовала. «Жил-был медведь, косолапый и бурый, страшный, большой и с лохматою шкурой», — скрипучим голосом затянул он ближе к вечеру. Сосны впитали его песню, как впитывали ветер и дождь, и Дик вскоре умолк.

— Нехорошо здесь, — сказал Подрик. — Плохое место.

Бриенна, чувствуя то же самое, не сочла нужным признаться в этом.

— В сосновом бору всегда мрачно, но это обыкновенный лес. Бояться здесь нечего.

— А хлюпари как же? И говорящие головы?

— Экий умный парнишка, — засмеялся Дик.

— Нет никаких хлюпарей, — раздраженно сказала Бриенна. — И голов тоже.

Так они и ехали по холмам, то вверх, то вниз. Бриенна молилась, чтобы Дик оказался честным малым и не сбился с пути. Сама она теперь уже не нашла бы и обратной дороги к морю. Небо днем и ночью покрыто низкими тучами, и на солнце со звездами надежда плохая.

В тот день они рано остановились на ночлег,

добравшись до затянутого ряской болота. Почва в серо-зеленом свете казалась как будто бы твердой, но лошади тут же увязли в ней по самые бабки. Пришлось поскорее выбираться назад.

— Ничего, — успокаивал Крэб. — Вернемся обратно на холм и спустимся в другом месте.

Назавтра повторилось то же самое. Они ехали через сосны и болота, под темным небом и непрестанным дождем, мимо трясин, пещер и заросших мхом развалин древних острогов. О каждой груде камней у Дика имелась своя история. По его словам выходило, что эти сосны взросли на крови. Терпение Бриенны начинало истощаться.

— Долго ли еще? — спросила она наконец. — Мне сдается, мы уже видели все деревья на Раздвоенном Когте.

— Где там все. Но теперь уж недолго. Видите, лес поредел — Узкое море близко.

Шут, которого он мне обещал, в итоге скорее всего окажется моим собственным отражением в пруду, думала она — но не поворачивать же было назад, проделав такой долгий путь. Путешествие, что там скрывать, утомило ее до крайности. Ляжки от бесконечной езды стали как железо, а спать ей последнее время удавалось не

более четырех часов за ночь, пока свою стражу нес Подрик. Если Дик-Пройдоха попытается их убить, полагала она, то сделает это именно здесь, в хорошо знакомых ему местах. Может также быть, что он ведет их в какое-нибудь разбойничье логово, где поджидают добычу его дружки. Или просто водит по кругу, пока тот всадник их не догонит. После замка лорда Брюна они не видели ни единого человека, но это еще не значит, что их никто не преследует.

Может быть, мне самой придется его убить, сказала она себе ночью, обходя лагерь, и ей сделалось дурно от этой мысли. Их старый мастер всегда выпытывал, готова ли она для боя. «В руках у тебя сила, как у мужчины, а сердце девичье. Одно дело сражаться во дворе с тупым мечом, и совсем другое — вогнать человеку в живот фут острой стали и глядеть в его угасающие глаза». Чтобы она очерствела душой, сир Гудвин посылал ее к замковому мяснику резать ягнят и поросят. Поросята визжали, ягнята кричали, как испуганные малые дети. Убивая их, Бриенна ничего не видела из-за слез, а окровавленную одежду приказывала сжечь. Но сир Гудвин все еще сомневался. «Поросенок — одно, человек — другое. Когда я в твои годы служил оруженосцем,

был у меня друг. Сильный, быстрый, ловкий, первый во всем. Мы знали, что когда-нибудь из него выйдет прекрасный рыцарь. Тут началась война на Ступенях. Я видел, как мой друг поверг своего противника на колени и выбил топор у него из рук. Тут бы и прикончить врага, но он замешкался на долю мгновения, а в битве доля мгновения стоит жизни. Тот человек выхватил кинжал и отыскал щель в доспехах моего друга. Сила, ловкость, доблесть, с таким трудом приобретенное мастерство… все пошло псу под хвост, потому что у него *рука дрогнула убить человека.* Помни об этом, девочка».

Бриенна села на камень и принялась точить меч. *Я помню*, сказала она тени своего наставника. *Помню и молюсь, чтобы рука у меня не дрогнула.*

Настал день, холодный и все такой же ненастный. Солнце не показывалось, но когда черное вокруг стало серым, Бриенна поняла, что пора седлать лошадей. С Диком во главе они снова въехали в лес. Бриенна следовала за ним по пятам, Подрик замыкал.

Замок явился им неожиданно. Только что их окружали одни только сосны, потом они объехали валун и увидели впереди просеку. В конце ее,

на расстоянии мили, раскинулись во всю ширь небо и море… а на краю обрыва стояли развалины замка.

— Вот вам и Тараторки, — сказал Дик. — Прислушайтесь и услышите, как трещат говорящие головы.

— Я слышу, — прошептал Подрик.

Бриенна тоже слышала тихое бормотание, идущее то ли из-под земли, то ли из руин впереди. Они приближались к замку, и этот звук становился все громче. Да это же море, поняла вдруг она. Волны пробили утес и теперь плещутся там внизу, в гротах.

— Никакие это не головы, — сказала она. — Это шепот волн.

— Головы, — упрямился Дик. — Волны не шепчут.

Спорить с ним не имело смысла — головы так головы. Замок был сложен из больших, не скрепленных раствором камней самой разной величины и формы. Их покрывал толстый мох, из фундамента проросли деревья. Во многих старинных замках есть богороща, но этот замок она заняла целиком. С лошадью в поводу Бриенна дошла до разрушенной крепостной стены. Кучи камней обросли ядовитым красным плющом.

Привязав лошадь к дереву, она вышла на край утеса. В пятидесяти футах под ней волны лизали остатки башни, а дальше виднелся вход в большую пещеру.

— Раньше тут был маяк, — сказал подошедший Дик. — Он рухнул, когда я был вдвое младше Пода. А в бухту отсюда вели ступени, но и они теперь обвалились. После этого контрабандисты перестали сюда заходить. В грот еще можно пройти на лодках, а дальше-то что? Видите? — Он положил руку ей на спину, указывая куда-то другой.

Бриенна похолодела. Стоит ему толкнуть, и она окажется внизу, на камнях. Отступив от края, она сказала:

— Убери руки.

— Да я только…

— Не хочу ничего знать. Где тут ворота?

— На той стороне. — Крэб замялся. — Ваш дурак, часом, не злопамятный, нет? А то я подумал — вдруг он рассердился из-за карты, которую я ему продал… опять же про контрабандистов я не сказал, что их тут больше не бывает.

— Ты теперь богатый и сможешь вернуть ему то, что содрал с него за свою «помощь». — Бриенна не думала, что Донтос Холлард может представлять хоть какую-то угрозу. — Если он, конечно,

все еще здесь.

Они двинулись в обход крепостной стены. Замок когда-то был треугольным, с башней на каждом углу. Деревянные ворота давно прогнили. Когда Бриенна потянула за одну створку, та отломилась и упала на нее. Внутри стоял знакомый зеленый сумрак — лес вторгся за стены замка. Но решетка за воротами уцелела, и ее зубья уходили глубоко в рыхлую землю. Прутья порыжели от ржавчины, однако не уступили, когда Бриенна их потрясла.

— Здесь давным-давно никто не ходил.

— Хотите перелезу? — предложил Подрик. — Вон там, где стена обвалилась.

— Слишком опасно. Камни еле держатся, и на них растет ядовитый плющ. Должна быть калитка.

Калитка нашлась на северной стороне замка, в буйных зарослях ежевики. Кто-то обобрал все ягоды и расчистил тропинку через кусты.

— А вот здесь кто-то недавно прошел, — насторожилась Бриенна.

— Ваш дурак со своими красотками. Что я вам говорил?

Санса? Бриенне слабо верилось в это. Даже такой пьянчуга, как Донтос Холлард, вряд ли при-

тащил бы ее в это богами забытое место. Руины вселяли в Бриенну какое-то смутное беспокойство. Сансы она здесь не найдет, но посмотреть все-таки надо. Тут побывал кто-то, явно желавший скрыться.

— Идем со мной, Крэб, — сказала она, — а ты, Подрик, постереги лошадей.

— Я тоже хочу пойти. Я оруженосец и могу драться.

— Потому-то я и хочу, чтобы ты остался. Вдруг в лесу разбойники есть — нельзя же бросать лошадей без присмотра.

Подрик поддел ногой камешек.

— Ну, как скажете.

Бриенна, пробравшись сквозь ежевику, потянула за ржавое кольцо. Калитка возмущенно завизжала и открылась с большим трудом. От этого визга кожа Бриенны покрылась мурашками. Она достала меч — кольчуга и вареная кожа не казались ей больше надежной защитой.

— Вперед, миледи, — поторопил ее Дик-Пройдоха. — Чего замешкались? Старый Крэб уж тысячу лет как помер.

В самом деле, чего она ждет? Не будь дурой, Бриенна. Там, внутри, колышется море, пробившее толщу скалы. Это в самом деле похоже на

шепот — можно представить себе, как головы стоят на полках и болтают друг с другом. «Зря я не воспользовался своим волшебным мечом, — говорит одна. — Ох, зря».

— Подрик, — окликнула Бриенна. — Там у меня в одеяла завернут меч — принеси-ка его сюда.

— Сейчас, сир. Миледи, — сказал мальчик и убежал.

— Меч? — Дик почесал за ухом. — Вы ж его в руке держите — зачем вам еще один?

— Этот для тебя. — И Бриенна подала его Крэбу рукоятью вперед.

— Нет, правда? — Дик нерешительно протянул руку, словно опасаясь укуса. — Недоверчивая леди дает старому Дику меч?

— Ты хоть умеешь им пользоваться?

— Я Крэб. — Он выхватил у нее меч. — Во мне течет кровь старого сира Кларенса. — Он со свистом рассек воздух и ухмыльнулся. — Лорда, как говорится, делает меч.

Вернулся Подрик, неся Верного Клятве бережно, как ребенка. Дик присвистнул при виде роскошных ножен с львиными головами, но замолчал, когда Бриенна обнажила клинок. Даже в воздухе он звучал резче, чем обычный меч.

— За мной, — сказала она Крэбу и боком, при-

гнув голову, пролезла в калитку.

Перед ней простирался заросший двор. Слева находились ворота и какое-то обвалившееся строение — должно быть, конюшня. В стойлах, пробивая побуревшую соломенную крышу, росли молодые деревья. Справа гнилые деревянные ступени вели не то в темницу, не то в погреба. На месте главного здания валялись камни, зеленые и пурпурные от густого мха. Повсюду стояли шеренгами гвардейские сосны, между которыми, как белица-затворница, затесалось бледное молодое чардрево. За его темно-красными листьями в проломе стены виднелись небо, море… и остатки костра.

Неумолчный шепот наполнял уши. Бриенна, став на колени у кострища, понюхала обгоревшую хворостину, поворошила пепел. Огонь горел здесь не далее как минувшей ночью — быть может, кто-то пытался подать сигнал проходящему кораблю.

— Ээээээй, — закричал Дик, — есть тут кто?

— Тихо, — одернула его Бриенна.

— Может, там кто-то прячется и не решается показаться. — Он подошел к ступеням, ведущим вниз, заглянул в темноту и снова позвал: — Ээээээээй, есть кто внизу?

Одно деревце закачалось, и из кустов выскочил человек, такой грязный, точно все это время сидел прямо в земле. В руке он сжимал сломанный меч, но Бриенну поразило не это, а его лицо с маленькими глазками и плоским широким носом.

Друзья его называли Пиг — или Свин.

После этого все стало происходить очень быстро. Из колодца бесшумно, как змея, скользящая по мокрой листве, вылез второй человек — с коротким, толстым метательным копьем, в полушлеме, обмотанном грязным куском красного шелка. Бриенна и его узнала. Позади нее, из красных листьев на дереве, высунулась еще одна голова.

— А вот вам и ваш дурак, — задрав голову, сказал Крэб.

— Дик, — вскричала она, — ко мне.

Шагвелл, гогоча, свалился с чардрева. Его шутовской наряд от грязи почти утратил свою пестроту, а вместо трещотки он вооружился кистенем — тремя шипастыми шарами, приделанными цепью к деревянной рукоятке. Шагвелл махнул им понизу, и одно из колен Крэба превратилось в фонтан из костей и крови.

— Смехота, — крякнул шут. Меч, который дала Дику Бриенна, улетел куда-то в бурьян. Крэб

корчился на земле, крича и держась за покалеченную ногу. — Глядите, это же контрабандист Дик, который нарисовал нам карту. Ты проделал весь этот путь, чтоб вернуть нам золото?

— Ой, не надо, — причитал Дик, — ой, нога…

— Что, больно? Хочешь, вылечу?

— Оставь его, — крикнула Бриенна, а Дик, закрывая окровавленными руками голову, опять завопил: — НЕ НАДО! — Шагвелл, раскрутив свой кистень, обрушил его на лицо Крэба. Раздался отвратительный хруст, и в наступившей тишине Бриенна услышала стук собственного сердца.

— Какой ты плохой, Шагги. — Человек, вылезший из колодца, засмеялся, увидев лицо Бриенны. — Опять ты, женщина? Решила нас выследить? Или соскучилась без друзей?

Шагвелл, перескакивая с ноги на ногу, вращал кистенем.

— Она из-за меня приехала. Она обо мне грезит каждую ночь, когда сует пальцы в щелку. Она хочет меня, ребята! Кобылища стосковалась по своему веселому Шагги! Я ее накачаю дурацким семенем через задницу, и она ожеребится маленьким мной.

— Тогда тебе другая дырка нужна, Шагги, — со своим дорнийским распевом сказал Тимеон.

— А я попробую и ту, и другую. Для верности. — Он приблизился к Бриенне справа, между тем как Пиг обходил ее слева, вынуждая прижаться спиной к утесу. Проезд на троих, вспомнила Бриенна.

— Вас здесь только трое.

— Мы все разбрелись кто куда после Харренхолла, — сказал Тимеон. — Утсивок со своими подался на юг, в Старомест, Рорж решил попытать счастья в Солеварнях, а мы с ребятами двинули в Девичий Пруд, но на корабль так и не попали. — Дорниец взвесил копье на руке. — А Варго сильно расхворался от твоего укуса. Ухо у него почернело и стало гноиться. Рорж и Утсивок хотели сразу уйти, а Хоут им — нет, мол, держите замок. Я, говорит, лорд Харренхоллский, и никто этого у меня не отнимет. Шепеляво, само собой, как всегда. Мы слыхали, что Гора убивал его по частям — нынче руку отрубит, завтра ногу, а обрубки потом забинтует, чтобы козел не загнулся. Член он приберег напоследок, но тут за ним прислали птицу и отозвали его в Королевскую Гавань, поэтому он прикончил Хоута и уехал.

— Я здесь не из-за вас. Я ищу… — Она чуть было не сказала «свою сестру». — Ищу одного дурака.

— Так я и есть дурак, — пропел Шагвелл.

— Ты не тот. Я другого ищу… он путешествует со знатной девицей, дочерью лорда Старка из Винтерфелла.

— Тогда тебе нужен Пес, — рассудил Тимеон, — но его тут тоже нет. Только мы.

— Сандор Клиган? Почему он?

— Так она у него, дочка Старка. Я слыхал, она ехала в Ривердан, а он ее украл, пес поганый.

Ривердан. Она ехала в Ривердан. К своим дядям.

— Откуда ты знаешь?

— Один мужик мне сказал. Из шайки Берика. Лорд-молния ее тоже ищет. Разослал своих людей вверх и вниз по Трезубцу. Мы наткнулись на трех таких после Харренхолла, ну и выпытали из одного правду.

— Он мог и солгать.

— Мог, но не солгал. После мы слышали, что Пес убил трех людей своего брата в харчевне на перекрестке дорог. Там с ним была девчонка. Хозяин поклялся в этом перед тем, как Рорж его порешил. И шлюхи то же самое подтвердили. Ох и уродины же. С тобой не сравнить, конечно, но все же…

Зубы мне заговаривает, поняла Бриенна. Пиг приблизился слева, Шагвелл скакнул к ней справа. Она попятилась, сознавая, что так они скоро

сбросят ее с утеса.

— Не подходите!

— Я, пожалуй, в нос тебе вставлю, женщина, — объявил Шагвелл. — Вот смехота-то будет!

— Членик-то у него махонький, — пояснил Тимеон. — Опусти свой меч, и мы обойдемся с тобой по-хорошему. Нам надо золото, чтоб с контрабандистами расплатиться, вот и все.

— А если я дам вам золота, вы нас отпустите?

— Отпустим, если дашь кое-что еще, — улыбнулся Тимеон. — Всем троим. И заплатим, как порядочной шлюхе, по оленю с носа. А нет, так мы все равно возьмем и твое золото, и тебя. Вспомни, что Гора делал с Варго Хоутом, и решай. Ну, что выбираешь?

— Вот это, — сказала Бриенна и метнулась к Пигу.

Он заслонился своим обломком меча, но клинок Бриенны прошел ниже, легко пронзив бедро Пига сквозь плотную кожу и шерсть. Он рухнул навзничь, успев чиркнуть сталью по кольчуге Бриенны. Она, добив его ударом в горло, повернулась к Тимеону как раз в тот миг, когда он метнул копье. Оно пролетело мимо, слегка зацепив ее щеку. *Видишь, сир Гудвин*, подумала она, чувствуя, как по лицу бежит кровь. *Рука у меня*

не дрогнула.

— Твоя очередь, — сказала она Тимеону, доставшему второе копье, еще короче и толще первого. — Бросай.

— Ага. Чтобы ты увернулась, а потом меня заколола? Давай ты, Шагги.

— Ну да. Видал, что она с Пигом сделала? Ей лунные крови в голову бросились. — Они обступили ее с двух сторон, и как Бриенна ни поворачивалась, один непременно оказывался у нее за спиной.

— Давай, — поторопил Тимеон. — Дохлую ее тоже поиметь можно.

— Ну спасибо тебе. — Засвистел раскручиваемый кистень. *Выбери одного*, сказала себе Бриенна. *Выбери и убей, только быстро*. Брошенный непонятно откуда камень угодил Шагвеллу в голову, и Бриенна, не раздумывая, кинулась на Тимеона.

Он был посильнее Пига, но его короткое метательное копье не могло соперничать с валирийской сталью. Никогда еще Бриенна не действовала с таким проворством. Верный Клятве в ее руках казался живым. Дорниец успел ранить ее в плечо, но она тут же отсекла ему ухо и половину щеки, а затем, пробив кольчугу,

вогнала добрый фут стали ему в живот.

Он еще пытался бороться, когда она выдернула меч. По желобкам на клинке текла кровь. Тимеон, ощупав свой пояс, вынул кинжал, и она отсекла ему руку, подумав: *это тебе за Джейме*.

— Смилуйся, Матерь, — выдохнул Тимеон. Кровь хлестала у него изо рта и перерубленного запястья. — Кончай. Отправь меня назад в Дорн, проклятая сука.

Она исполнила его просьбу.

Оглушенный Шагвелл стоял на коленях, нашаривая кистень. Когда он поднялся на ноги, его стукнул по уху еще один камень. Подрик влез на разрушенную стену и стоял среди плюща, держа наготове третий.

— Я ж говорил, что умею драться! — крикнул он.

— Сдаюсь, — пытаясь уползти, завопил дурак. — Не трогайте Шагги. Грех убивать такого забавника.

— Ты ничуть не лучше их всех. Ты грабил, насиловал и убивал.

— Да, врать не стану… зато я смешной. Парни от моих шуток животики надрывают.

— А женщины плачут.

— Тут уж я ни при чем. У вас просто нет чувства

юмора.

— Копай могилу. Здесь, под чардревом, — показала мечом Бриенна.

— Чем? Лопаты-то нет.

— У тебя есть руки. — *На одну больше, чем вы оставили Джейме*.

— Стоит ли трудиться? Оставь их воронам.

— Ворон накормят Тимеон и Пиг, а Дик-Пройдоха ляжет в могилу. Он Крэб. Это его вотчина.

Земля размякла от дождей, однако дурак рыл могилу до самого вечера. Он справился с этим затемно, до крови ободрав себе руки. Бриенна спрятала в ножны Верного Клятве и понесла Дика Крэба к яме. На его лицо страшно было смотреть.

— Прости, что не доверяла тебе. Я разучилась верить кому бы то ни было.

Дурак мог бы еще попытаться, подумала она, опустившись на колени у края могилы, *я как раз повернулась к нему спиной*.

Она не ошиблась. Его хриплое дыхание раздалось у нее над ухом за миг до того, как Подрик предостерегающе крикнул. Шагвелл занес над ней острый камень, но у нее в рукаве имелся кинжал.

Нож почти всегда оказывается сильнее камня.

Бриенна отбила в сторону его руку и вонзила

лезвие ему в живот.

— Смейся теперь, — приказала она, но он застонал. — Смейся. — Она схватила его за горло одной рукой и еще раз пырнула в живот. — Смейся же! — Она повторяла это, пока ее рука до запястья не покраснела от крови и запах дураковой смерти не встал поперек горла, но Шагвелл так и не засмеялся. Услышав собственные всхлипывания, она бросила нож, и ее затрясло.

Подрик помог ей уложить Дика в могилу. Всходила луна. Бриенна бросила в яму двух золотых драконов.

— Зачем это вы, миледи… сир? — спросил Под.

— Я обещала заплатить ему, когда мы найдем дурака.

Позади послышался смех. Она выхватила из ножен Верного Клятве, ожидая увидеть еще кого-то из Скоморохов, но на стене стоял сир Хиль Хант.

— Если в аду есть бордели, он вам скажет спасибо. Если нет, вы попусту переводите золото.

— Я держу свое слово. А вы что здесь делаете?

— Лорд Рендилл велел мне ехать за вами. В том невероятном случае, если бы вы нашли Сансу Старк, я должен был доставить ее в Девичий Пруд, не причинив вам при этом никакого вреда.

— Посмотрела бы я, как бы это у вас получи-

лось, — фыркнула Бриенна.

— Что вы намерены делать теперь, миледи?

— Похоронить его.

— Относительно леди Сансы, хотел я сказать.

Бриенна поразмыслила.

— По словам Тимеона, она направлялась в Ривердан, и где-то по дороге ее перехватил Пес. Если я найду его…

— …то он вас убьет.

— Или я его. Поможете мне похоронить бедного Крэба, сир?

— Ни один истинный рыцарь не в силах отказать такой красоте. — Сир Хиль слез со стены, и они втроем закидали землей могилу. Луна поднималась все выше, и головы забытых королей под землей шепотом рассказывали свои секреты.

Принцесса

Под палящим солнцем Дорна богатство измеряется не только золотом, но и водой, поэтому все его колодцы ревностно охраняются. Но колодец в Шандистоне высох лет сто назад, и его хранители переместились в более влажную местность, бросив свое скромное жилище с колоннами и тройной аркой. После них сюда явились пески и вернули себе прежнее достояние.

Арианна Мартелл с Дрю и Сильвой приехала в заброшенную усадьбу на закате, когда весь запад пламенел золотом, пурпуром и киноварью. Казалось, что сами руины тоже горят: поваленные колонны излучали розовый свет, по каменным полам с глубокими трещинами ползли красные тени, золотые и рыжие пески угасали и лиловели вместе с меркнущим небом. Гаррин прибыл на несколько часов раньше, рыцарь по прозванию Темная Звезда находился здесь со вчерашнего дня.

— Красиво тут, — заметил Дрю, помогая Гаррину поить лошадей. Воду они привезли с собой. Дорнские кони быстры, неутомимы и могут долго

бежать там, где другие лошади падают, но даже им иногда нужно пить. — Как вы узнали про это место?

— Дядя привозил меня сюда вместе с Тиеной и Сареллой. — Арианна улыбнулась, вспомнив об этом. — Он ловил ядовитых змей и показывал Тиене, как выдаивать из них яд, не опасаясь за свою жизнь. Сарелла переворачивала камни, сметала песок с мозаики и хотела узнать все о людях, которые жили здесь.

— А что делали вы, принцесса? — спросила Крапинка.

Принцесса сидела у колодца и воображала, что ее привез сюда рыцарь-разбойник, чтобы сделать с ней все, что придет ему в голову. Высокий, сильный, черноглазый, с острым гребнем волос на лбу. Что только не сохраняется в памяти…

— Я мечтала, — сказала она, — а когда солнце закатилось, я села у ног дяди и стала просить его рассказать сказку.

— Принц Оберин знал множество сказок. — Гаррин, ее молочный брат, тоже был тогда с ними — они никогда не разлучались с тех пор, как научились ходить. — Помнится, в тот вечер он рассказал нам про принца Гаррина, в честь которого меня и назвали.

— Гаррин Великий, — подсказал Дрю, — герой ройнаров.

— Да. Он наводил ужас на всю Валирию.

— Они поужасались, а потом убили его, — сказал сир Герольд. — Может, и меня бы назвали Герольдом Великим, если б я положил в смертельной битве двести пятьдесят тысяч своих солдат? Уж лучше останусь Темной Звездой — этим именем я хотя бы обязан себе одному. — Он сел на обод сухого колодца и стал точить меч.

Арианна пристально следила за ним. *Он достаточно знатного рода, чтобы сгодиться в консорты. Отец усомнится, в здравом ли я уме, зато дети у нас будут красивы, как повелители драконов.* Если и есть в Дорне мужчина красивей его, ей такой неизвестен. У сира Герольда Дейна орлиный нос, высокие скулы, сильный подбородок. Бороду он бреет, но густые волосы падают на плечи, как серебряный горный ледник, разделенный надвое черной как смоль полосой. Рот, однако, у него злой, а язык еще злее. Глаза при свете заходящего солнца кажутся черными, но Арианна видела их вблизи и знает, что они фиолетовые. Темно-лиловые и гневные.

Почувствовав, вероятно, на себе ее взгляд, он поднял глаза от своей работы и улыбнулся. К

щекам Арианны прилила кровь. Не надо было его сюда брать. Если он вот так же посмотрит на нее при Арисе, песок обагрится кровью… кто знает чьей? В Королевскую Гвардию по традиции отбираются лучшие рыцари Семи Королевств, но у Темной Звезды своя слава.

Ночи в пустыне холодные. Гаррин набрал дров для костра — сухие белые ветки деревьев, погибших сто лет назад. Дрю, насвистывая, постучал по кремню и развел огонь.

Они сели в кружок, передавая друг другу мех с летним вином. Темная Звезда не участвовал в этом — он пил неподслащенную воду с лимоном. Гаррин, будучи в приподнятом настроении, развлекал их последними новостями из Дощатого города в устье Зеленой Крови, куда речные сироты собираются на торг с кораблями из-за Узкого моря. На востоке, если верить морякам, творятся чудеса и ужасы: восстание рабов в Астапоре, драконы в Кварте, серая чума в Йи Ти. На островах Василиска появился новый пиратский король, совершивший набег на Высокодрев. В Квохоре приверженцы красных жрецов взбунтовались и хотели сжечь Черного Козла. А Золотые Мечи расторгли договор с Миром, когда мирийцы как раз собрались выступить на войну с Лиссом.

— Лиссенийцы перекупили их, — предположила Сильва.

— Мудрые и трусливые лиссенийцы, — добавил Дрю.

Но Арианна-то знала, в чем дело. Если у Квентина будут Золотые Мечи… «Сверху золото, под ним жгучая сталь», — гласит их девиз. *Твоя сталь должна жечь очень горячо, братец, если ты вздумаешь тягаться со мной.* Арианну в Дорне любят, а Квентина знают плохо. Один отряд наемников этого не изменит.

— Пойду отолью, — сказал, поднявшись, сир Герольд.

— Смотри под ноги, — предостерег его Дрю. — С тех пор, как принц Оберин подоил здешних гадюк, прошло порядочно времени.

— Я вскормлен змеиным ядом, Дальт. Гадюка, которая укусит меня, пожалеет об этом. — И он ушел в проем разрушенной арки.

— Вы уж простите, принцесса, — тихо промолвил Гаррин, — но этот человек мне не нравится.

— Жалко, — заметил Дрю, — он-то, сдается мне, от тебя без ума.

— Он нам нужен, — напомнила всем Арианна. — Без его замка нам просто не обойтись, и его меч, возможно, тоже понадобится.

— Горный Приют — не единственный замок в Дорне, — вставила Крапинка, — и есть много других рыцарей, которые любят вас. Дрю, скажем.

— Верно, — подтвердил тот. — У меня отменный конь, славный меч, и доблестью я уступаю… ну, разве что некоторым.

— Какой-нибудь паре сотен, сир, — подсказал Гаррин.

Арианна молчала. Дрю и Крапинка — самые близкие ее друзья после кузины Тиены, а Гаррин поддразнивает ее с тех самых пор, как они вместе сосали грудь его матери, но сейчас она не в том настроении, чтобы шутить. Солнце зашло, и на небо высыпали звезды. Сколько же их… Арианна прислонилась спиной к колонне. Может, и брат ее смотрит на те же звезды, где бы он ни был? Видишь вон ту белую, Квентин? Как ярко она горит. *Это звезда Нимерии, а тот млечный шлейф позади нее — это десять тысяч ее кораблей. При жизни она не уступала мужчинам, и меня ждет та же судьба. Ты не отнимешь у меня то, что принадлежит мне по праву рождения.*

Квентин был еще мал, когда его отправили в Айронвуд, слишком мал, по мнению матери. В Норвосе не принято отдавать детей на воспитание чужим людям, и леди Мелларио так и не

простила принца Дорана за то, что он разлучил ее с сыном.

«Мне это не больше по нраву, чем тебе, — подслушала как-то Арианна слова своего отца, — но на мне кровный долг, и Квентин — единственная монета, которую лорд Ормонд согласен принять».

«Монета? — вскричала мать. — Он твой *сын!* Что это за отец, который платит долги собственной плотью и кровью?»

«Это принц», — ответил на это Доран Мартелл.

Он до сих пор притворяется, что его сын у лорда Айронвуда, но мать Гаррина видела Квентина в Дощатом городе, переодетого купцом. А спутник его очень похож на Клотуса Айронвуда, беспутного сына лорда Андерса. Их сопровождает мейстер, знающий языки. *Мой брат не так умен, как он полагает*, думала Арианна. Умный человек отплыл бы из Староместа, даже если бы это значило сделать большой крюк. В Староместе он мог бы остаться неузнанным. А в Дощатом городе у Арианны друзья, и они, естественно, задались вопросом, с чего это принцу и сыну лорда вздумалось отправиться за море под фальшивыми именами. Один из этих друзей, пробравшись ночью в окошко, тихонько отпер железный ларец

Квентина и нашел внутри любопытные свитки.

Арианна многое бы отдала, чтобы узнать, сам ли Квентин задумал эту поездку… но на упомянутых свитках стояла печать с солнцем и копьем Дорна. Родственник Гаррина не посмел ее вскрыть и прочесть написанное, однако…

— Принцесса… — Рядом с ней при свете звезд появился сир Герольд.

— С облегчением, — сухо молвила Арианна.

— Благодарствую. Песок тоже остался благодарен, впитав мою влагу. — Он поставил ногу на голову упавшей статуи — она, должно быть, изображала Деву, пока пески не стерли ее лицо. — Но пока я ее изливал, мне пришло в голову, что ваш план может не принести вам желаемого.

— Чего же я, по-вашему, желаю, сир?

— Освобождения песчаных змеек. Мщения за Оберина и Элию. Верно я говорю? И отведать, какова на вкус львиная кровь.

И осуществить мои наследственные права, добавила про себя Арианна. Получить Солнечное Копье и отцовское место. Получить Дорн.

— Я желаю справедливости, — ответила она вслух.

— Называйте как хотите. Короновать маленькую Ланнистер — пустая затея. Она никогда не

сядет на Железный Трон. И войны, желательной вам, не будет. Льва не так-то легко раздразнить.

— Лев умер, и кто знает, который из детенышей львице более дорог.

— Тот, который у нее в логове. — Сир Герольд обнажил меч, блеснувший при свете звезд. — Вот что начинает войны. Не золотая корона — стальной клинок.

Я не убиваю детей, мысленно ответила Арианна.

— Спрячьте его. Мирцелла находится под моей защитой. И вы знаете, что сир Арис не позволит даже волосу упасть с ее головы.

— Я знаю одно, миледи: Дейны убивают Окхартов вот уже несколько тысяч лет.

У нее дух захватило от такой наглости.

— Мне кажется, Окхарты за это время убили не меньше Дейнов.

— В каждой семье свои традиции. — Темная Звезда убрал меч в ножны. — Всходит луна, и я вижу, что ваш образец всех совершенств едет сюда.

Он славился остротой своего зрения. Скачущий по пустыне всадник на высоком сером коне действительно оказался сиром Арисом в белом плаще. Принцесса Мирцелла сидела позади него, тоже закутанная в плащ. Низко надвинутый

капюшон скрывал ее золотые локоны.

Когда Арис снял ее с коня, Дрю преклонил перед ней колено.

— Ваше величество…

— Моя госпожа… — Сильва опустилась на песок рядом с ним.

— Я ваш, моя королева. — Гаррин упал на оба колена.

Растерянная Мирцелла вцепилась в руку Ариса Окхарта.

— Почему они говорят мне «ваше величество»? Что это за место, сир Арис, и кто эти люди?

Неужели он ничего не сказал ей? Арианна, улыбаясь и шурша шелками, вышла вперед.

— Это мои верные друзья, ваше величество… которые будут также и вашими.

— Принцесса Арианна? — Девочка обхватила ее руками. — Почему они называют меня королевой? Разве с Томменом что-то случилось?

— Боюсь, что у него дурные советчики, и они сговорились отобрать у вас трон.

— Трон? Железный Трон? — Растерянность Мирцеллы усилилась. — Но Томмен не отбирал его. Он…

— …младше вас, не так ли?

— Да, я на год старше его.

— Значит, Железный Трон ваш по праву. Не вините своего брата, ведь он совсем еще мал. Им руководят дурные люди, зато вас окружают друзья. Позвольте я представлю их вам. Вот это сир Эндрю Дальт, ваше величество, наследник Лимонной Рощи.

— Друзья зовут меня Дрю, и я почту за честь, если ваше величество тоже будет называть меня так.

Его открытое лицо и приветливая улыбка не усыпили подозрений Мирцеллы.

— Пока мы еще мало знакомы, я должна говорить вам «сир».

— Как вашему величеству будет угодно.

— А это леди Сильва Сантагар, моя королева, — продолжала Арианна. — Моя милая Крапинка.

— Почему вам дали такое прозвище? — спросила Мирцелла.

— Из-за веснушек, ваше величество, — или потому, что я наследница Крапчатого Леса, как они уверяют.

Следующим Мирцелле представили Гаррина, длинного, расхлябанного, с серьгой-гвоздиком в одном ухе.

— Сиротка Гаррин, который меня смешит. Его мать была моей кормилицей.

— Мне жаль, что она умерла, — сказала девочка.

— Да нет же, ваше величество, она в добром здравии. — Гаррин сверкнул золотым зубом — Арианна заплатила за него, сломав ему настоящий. — Миледи хотела сказать, что я принадлежу к сиротам Зеленой Крови.

О том, кто такие сироты, Мирцелла уже успела узнать во время путешествия вверх по реке. Арианна подвела будущую королеву к последнему из своих приближенных.

— Последний по порядку, но не по значению, ваше величество, — сир Герольд Дейн, рыцарь из Звездопада.

Сир Герольд опустился на одно колено. Темные глаза, в которых отражалась луна, холодно смотрели на маленькую принцессу.

— Был еще Эртур Дейн, — вспомнила Мирцелла. — Он служил в Королевской Гвардии при безумном короле Эйерисе.

— Да, Меч Зари. Его больше нет в живых.

— И теперь имя Меча Зари носите вы?

— Нет. Меня называют Темной Звездой. Я человек ночи, а не зари.

Арианна увела девочку в сторону.

— Вы, должно быть, проголодались. У нас есть

финики, сыр, оливки и сладкий лимонад для питья. Наедаться, однако, не стоит — после короткого отдыха мы тронемся дальше. В пустыне лучше всего путешествовать ночью, пока солнце еще не взошло. Так легче для лошадей.

— И для всадников тоже, — добавила Сильва-Крапинка. — Пойдемте греться, ваше величество. Служить вам — честь для меня.

Когда она ушла с принцессой к костру, сир Герольд пожаловался Арианне:

— Нашему дому десять тысяч лет, он известен с самых ранних времен. Почему же из всех Дейнов помнят одного моего кузена?

— Он был славным рыцарем, — заметил сир Арис Окхарт.

— Со славным мечом, — добавил сир Герольд.

— И большим сердцем. — Сир Арис взял Арианну под руку. — Позвольте на два слова, принцесса.

— Пойдемте. — Она ушла с ним в руины, в мощеный внутренний дворик, наполовину занесенный песком. Под плащом на рыцаре был золотой парчовый дублет с тремя зелеными дубовыми листьями его дома. Острие своего легкого шлема он на дорнийский манер повязал желтым шарфом. Если бы не плащ, его могли

бы принять за любого здешнего рыцаря. Белый шелк, развеваемый легким ветром, мерцал при луне. Рыцарственно, но глупо — он ведь виден издалека.

— Что этому ребенку известно?

— Не так уж много. Перед отплытием из Королевской Гавани ее дядя сказал ей, что я ее защитник и она должна выполнять мои распоряжения ради своего же блага. Кроме того, она слышала, как на улицах взывают к возмездию, и понимает, что это не игра. Она храбрая девочка и умная не по годам. Сделала все, о чем я ее просил, и ни единого вопроса не задала. — Рыцарь огляделся по сторонам и понизил голос. — Есть, однако, новости, которые вам следует знать. Тайвин Ланнистер умер.

— Как так умер? — воскликнула пораженная Арианна.

— Его убил Бес. И королева снова стала регентом при своем сыне.

— Вот как? — Женщина на Железном Троне… Арианна поразмыслила и решила, что это к лучшему. Чем больше лорды Семи Королевств привыкнут к правлению королевы Серсеи, тем легче им будет склонить колено перед королевой Мирцеллой. Лорд Тайвин был опасным против-

ником, и без него враги Дорна станут намного слабее. Ланнистеры убивают друг друга — как это мило. — А что стало с карликом?

— Он сбежал. Серсея обещала лордство тому, кто доставит ей его голову. — Арис прижал принцессу к колонне, его рука нашла ее грудь. Впившись в нее долгим поцелуем, он стал поднимать ее юбки, но Арианна со смехом вывернулась.

— Я понимаю, как будоражит кровь борьба за престол, но сейчас у нас на это нет времени. Позже. — Она погладила его по щеке. — Были какие-нибудь затруднения?

— Только Тристан. Он хотел сидеть у постели Мирцеллы и играть с ней в кайвассу.

— Он переболел краснухой в четыре года, я же вам говорила. Второй раз ею заразиться нельзя. Надо было сказать, что у нее серая хворь, это бы его отпугнуло.

— Его-то да, но не мейстера.

— Да, Калеотт… Он хотел ее осмотреть?

— Я описал ему красные пятнышки у нее на лице, и он сказал, что это пройдет только само собой. Дал мне бальзам для облегчения зуда.

Дети старше десяти лет от краснухи не умирают, но для взрослых она бывает смертельна, а мейстер Калеотт в детстве ею не болел. Арианна

узнала об этом, когда сама в восемь лет подцепила краснуху.

— Хорошо. А служанка? Она достаточно убедительна?

— Если близко не подходить. Бес выбрал ее именно с такой целью среди множества девочек знатного рода. Мирцелла помогла ей завить волосы и сама нарисовала пятна у нее на лице. Они с ней дальние родственницы. В Ланниспорте полным-полно разных Ланни, Ланнетов и Лантелей, и у всех у них волосы желтые. В ночной сорочке Мирцеллы, намазанная бальзамом мейстера и при тусклом свете она даже меня провела бы. Куда трудней оказалось найти замену мне самому. По росту мне ближе всех Дейк, но он слишком толст, поэтому я надел свои доспехи на Ролдера и велел ему опустить забрало. Он на три дюйма ниже, чем я, но авось этого никто не заметит, пока меня рядом нет. Притом он не будет выходить из покоев Мирцеллы.

— Нам нужно всего несколько дней. К тому времени принцесса будет вне досягаемости моего отца.

— Где же это? — Он зарылся лицом в ее шею. — Вам не кажется, что пора открыть мне остальную часть плана?

Смеясь, она оттолкнула его.

— Сейчас нам пора трогаться в путь.

Луна увенчала голову Лунной Девы, когда кавалькада, покинув руины Шандистона, двинулась на юго-запад. Сир Арис и Арианна ехали во главе, Мирцелла на резвой кобылке — между ними. Гаррин и Сильва следовали позади, два дорнийских рыцаря замыкали колонну. *Нас семеро*, впервые заметила Арианна, и это показалось ей добрым знаком. Семь всадников на пути к славе. Когда-нибудь певцы обессмертят их всех. Дрю хотел собрать побольше народу, но это привлекло бы к ним нежелательное внимание, и каждый лишний человек увеличивает опасность измены. Так по крайней мере учил Арианну отец. Доран Мартелл, даже будучи моложе и крепче, соблюдал осторожность и был сторонником умолчаний и тайн. Пора ему сложить свое бремя, но она не допустит ни малейшего ущерба для его персоны и его чести. Пусть доживает свой век в Водных Садах, окруженный смеющимися детьми, лимонами и апельсинами. И Квентин, кстати, может составить ему компанию. Когда она коронует Мирцеллу и освободит песчаных змеек, под ее знамена станет весь Дорн. Айронвуды могут сколько угодно говорить в пользу

Квентина — в одиночку они не опасны. Если же они переметнутся к Томмену и Ланнистерам, она велит Темной Звезде вывести их под корень.

— Я устала, — пожаловалась Мирцелла после нескольких часов в седле. — Далеко ли еще? И куда мы едем?

— Принцесса Арианна везет ваше величество туда, где вы будете в безопасности, — заверил ее сир Арис.

— Путь еще долгий, — сказала Арианна, — но когда мы доберемся до Зеленой Крови, станет легче. Там нас встретят люди Гаррина, речные сироты. Они водят свои лодки на шестах вверх и вниз по Зеленой Крови и ее притокам, рыбачат, собирают плоды и выполняют много других работ.

— Верно, — весело подтвердил Гаррин. — Мы живем на воде, играем, поем и пляшем. Кроме того, мы хорошие лекари. Моя матушка — лучшая повитуха во всем Вестеросе, а отец умеет сводить бородавки.

— Какие же вы сироты, если у вас есть родители? — спросила Мирцелла.

— Они ройнары, — объяснила Арианна, — и их матерью была река Ройн.

— Я думала, все дорнийцы были когда-то рой-

нарами, — удивилась девочка.

— Отчасти, ваше величество. Во мне течет кровь Нимерии наряду с кровью Морса Мартелла, дорнийского лорда, за которого она вышла замуж. В день их свадьбы Нимерия сожгла свои корабли, и ее народ понял, что назад возврата не будет. Многие радовались, глядя на этот пожар, ибо их путь к берегам Дорна был долог и страшен. Люди гибли от штормов и болезней, попадали в руки к работорговцам. Были, однако, и такие, что оплакивали горящие корабли. Эта красная сухая земля с ее семиликим богом не пришлась им по сердцу. Поэтому они, следуя старым обычаям, сколотили себе лодки из обгоревших корабельных досок и поселились на реке Зеленая Кровь. Мать, о которой они поют в своих песнях, — не наша небесная Матерь, а Ройн, чьи воды питали их на заре времен.

— Помнится, у ройнаров был еще бог-черепаха, — сказал сир Арис.

— Речной Старец — не главное божество, — ответил Гаррин. — Его тоже родила Мать-Река. Он победил Крабьего Короля и завоевал власть над всем, что обитает под проточными водами.

— Ваше величество тоже из числа победителей, — с наигранной веселостью продолжил

разговор Дрю. — Мы наслышаны о ваших жестоких сражениях с принцем Тристаном на поле кайвассы.

— Он всегда располагает свои клетки одинаково. Горы впереди, а слоны на перевалах. Ну я и посылаю своего дракона съесть его слонов.

— А ваша служанка тоже играет в эту игру? — спросил Дрю.

— Розамунда? Нет. Я пыталась ее научить, но она говорит, что правила чересчур сложные.

— Она тоже Ланнистер? — спросила леди Сильва.

— Да, только из Ланниспорта, не из Бобрового Утеса. Волосы у нее такого же цвета, как у меня, но прямые, а не кудрявые. Если по правде, она на меня не очень похожа, но когда она надевает мое платье, малознакомые люди могут принять ее за меня.

— Так вы и раньше это проделывали?

— Да. На «Быстрокрылом», на пути в Браавос. Септа Эглантина выкрасила мои волосы в коричневый цвет, будто бы в шутку, а в самом деле на случай, если мой дядя Станнис захватит корабль.

Видя, что девочка устала, Арианна скомандовала привал. Они опять напоили лошадей. Передохнули немного, поели сыра и фруктов.

Мирцелла разделила апельсин с Крапинкой, Гаррин плевался в Дрю оливковыми косточками.

Арианна надеялась достичь реки до восхода солнца, но выехали они много позже, чем было задумано, и утренняя заря застала их в седлах.

— Принцесса, — сказал Темная Звезда, поравнявшись с ней, — если вы не намерены все-таки уморить это дитя, я советовал бы ехать быстрее. Шатров у нас нет, а пески днем губительны.

— Я это знаю не хуже вас, сир, — ответила Арианна, однако приняла его слова к сведению. Лошадям приходилось тяжело, но лучше уж потерять шестерых скакунов, чем одну принцессу.

С запада начал дуть горячий ветер, несущий песок. Арианна закрыла лицо. Бледно-зеленый шелк ее вуали внизу постепенно переходил в желтый. Зеленые жемчужинки, пришитые для утяжеления, постукивали одна о другую.

— Я знаю, почему моя принцесса носит вуаль, — сказал сир Арис, глядя, как Арианна прикрепляет ее к своему медному шлему. — В противном случае ее красота затмила бы само солнце.

— Ваша принцесса носит вуаль, чтобы солнце не слепило глаза и песок не набивался в рот, — принужденно засмеялась она. — Советую и вам поступить так же, сир. — Где он набрался этих

тяжеловесных любезностей, ее белый рыцарь? В постели он хорош, но остроумие в число его талантов не входит.

Дорнийцы по ее примеру тоже закрыли лица, а Сильва помогла в этом маленькой принцессе, но сир Арис упорствовал. Вскоре по его лицу заструился пот, а щеки сильно порозовели. Еще немного, и он совсем испечется в своей парче, думала Арианна. Такое случалось уже не раз. Много войск с гордо развернутыми знаменами приходили сюда через Принцев перевал, чтобы бесславно сгинуть в красных дорнийских песках. «Солнце и копье, представленные в гербе дома Мартеллов, суть два рода оружия, излюбленные дорнийцами, — сказал Юный Дракон в своем хвастливом „Завоевании Дорна“, — но солнце из них наиболее смертоносно».

Они, к счастью, ехали по самому краю пустыни, не углубляясь в нее. Увидев кружащего в безоблачном небе ястреба, Арианна поняла, что худшее позади. Вскоре им встретилось дерево-песколюб — кривое, колючее, но извещающее о том, что вода где-то близко.

— Теперь уже скоро, ваше величество, — заверил Гаррин, увидев вдали, у сухого ручья, целую рощицу песколюбов. Солнце било сверху, как

огненный молот, но теперь, в конце пути, это уже никого не пугало. Они остановились, чтобы еще раз напоить лошадей, напились сами, смочили свои покрывала и приготовились к последнему переходу. Еще через пол-лиги появилась тощая трава и оливы. За грядой каменистых холмов трава стала гуще и зеленее. Здесь росли лимонные рощи, орошаемые сетью старых каналов. Гаррин, первым разглядев впереди зеленые воды реки, заорал и помчался к ней.

Арианне, когда она ездила с тремя песчаными змейками навещать мать Тиены, случалось переправляться через Мандер. По сравнению с этим могучим потоком Зеленая Кровь едва ли могла называться рекой, однако она давала жизнь всему Дорну. Имя ей дали за мутно-зеленый цвет, но сейчас эта зелень горела на солнце золотом. Редко глазам Арианны представлялось столь отрадное зрелище. Дальше все просто: они пойдут на шестах вверх до Вервия и поднимутся по притоку, сколько будет возможно. Достаточно времени, чтобы подготовить Мирцеллу ко всему, что им предстоит. За Вервием снова начнутся пески. Чтобы преодолеть их, им понадобится помощь Песчаника и Адова Холма, но Арианна не сомневалась, что получит ее. В доме Уллеров

воспитывался Красный Змей до своего посвящения в рыцари, а любовница Змея Эллария Сэнд — внебрачная дочь лорда Кворгила, то есть четверо песчаных змеек приходятся ему внучками. Арианна решила, что коронует Мирцеллу в Адовом Холме и там же поднимет свои знамена.

Лодка, укрытая ветвями плакучей ивы, ждала их в лиге вниз по течению. Эти суденышки, низкие и широкие, Юный Дракон презрительно именовал «хижинами на плотах», но здесь он был явно несправедлив. Все сиротские лодки, кроме совсем уж бедных, ярко раскрашены и покрыты искусной резьбой. Эта, с деревянным рулем в виде русалки и рыбьими головами по бортам, являла взору все оттенки зеленого. На палубе шесты, канаты и сосуды с оливковым маслом, на носу и корме — железные фонари. Но где же команда? — подумала Арианна, не видя ни одного человека.

— Эй вы, лежебоки, рыбьи глаза, просыпайтесь, — закричал Гаррин, спрыгнув с коня. — Принимайте свою королеву! Вылезайте и несите вино. У меня во рту…

Дверь палубной надстройки открылась, и на солнце вышел Арео Хотах со своей секирой.

Гаррин замер на месте, Арианне же показалось,

будто секира перерубила ее пополам. Не может быть. Не может быть, чтобы все кончилось этим.

— Ты последний, кого я ожидал здесь увидеть, — сказал Дрю, и принцесса поняла, что пора действовать.

— Прочь! — крикнула она, соскочив наземь. — Арис, защищайте принцессу…

Хотах стукнул древком о палубу, и над резными бортами поднялась дюжина гвардейцев с метательными копьями и арбалетами. Еще несколько появились на крыше каюты.

— Сдавайтесь, моя принцесса, — сказал капитан, — иначе нам придется перебить всех, кроме вас и ребенка, как приказал ваш отец.

Мирцелла, не шевелясь, сидела в седле, Гаррин медленно пятился с поднятыми руками.

— Сдаться будет всего разумнее, — сказал Дрю, отстегнул пояс с мечом и бросил его на землю.

— Нет! — Сир Арис поставил коня между Арианной и солдатами. Клинок в его правой руке сверкнул серебром, левую он успел продеть в лямку щита. — Вы не возьмете ее, покуда я жив.

Дурак ты безмозглый, промелькнуло в голове Арианны.

— Ты что, Окхарт, слеп или глуп? — хохотнул Темная Звезда. — Их слишком много. Убери меч.

— Делайте, как он говорит, сир Арис, — посоветовал Дрю.

Мы попались, сир, хотела сказать Арианна. *Ваша смерть ничего не решит. Сдавайтесь, если любите вашу принцессу.* Но слова эти так и остались непроизнесенными.

Сир Арис Окхарт, взглянув на нее с тоской и любовью, вонзил золотые шпоры в бока своего коня и пошел в атаку.

Он мчался к лодке, и белый плащ трепетал у него за плечами. Ничего столь рыцарственного и столь сумасбродного Арианне на своем веку видеть не доводилось.

— Нееееееет! — закричала она, но дар речи вернулся к ней слишком поздно. Загудел один арбалет, за ним другой. Хотах выкрикнул что-то. Тяжелый дубовый щит на таком расстоянии защищал не лучше пергамента. Первый болт пригвоздил его к плечу рыцаря, второй оцарапал Арису висок. Брошенное кем-то копье угодило коню в бок, но скакун, шатаясь, продолжал бежать вверх по сходням. — Нет, — кричал кто-то, какая-то маленькая дурочка, — нет, не надо, я этого совсем не хотела. — Мирцелла тоже пронзительно кричала от страха.

Меч сира Ариса махнул вправо и влево, сразив

двух копейщиков. Конь, став на дыбы, ударил в лицо гвардейца, перезаряжавшего арбалет, но другие продолжали стрелять. Скакун, утыканный болтами, рухнул на палубу. Арис успел свалиться с него и даже удержал меч. Он привстал на колени рядом с поверженным конем… и над ним вырос Арео Хотах.

Белый рыцарь слишком медленно поднял свой меч. Секира Хотаха отделила от плеча его правую руку, взмыла, брызгая кровью, вверх, опустилась снова в страшном двуручном размахе. Голова Ариса Окхарта хлопнулась в тростники, и Зеленая Кровь, тихо плеснув, смыла красную.

Арианна не помнила, как слезла с лошади, быть может — просто упала. Упираясь коленями и руками в песок, она рыдала, тряслась и извергала наружу свой ужин. *Нет*, стучало у нее в голове. *Никто не должен был пострадать, ведь я так хорошо все придумала.*

— Держите его, — взревел Арео Хотах. — Не дайте уйти!

Мирцелла тоже лежала на земле, с плачем закрывая лицо руками, и между ее пальцев струилась кровь. Арианна не понимала, в чем дело. Одни солдаты садились на коней, другие сгрудились вокруг заговорщиков, но все это не имело

смысла. Она просто спит, и ей снится страшный кровавый сон. Не может такое происходить наяву. Сейчас она проснется и посмеется над своими ночными ужасами.

Когда ей стали связывать руки за спиной, она не сопротивлялась. Один из гвардейцев, одетый в цвета ее отца, рывком поднял принцессу на ноги, другой достал из-за ее голенища метательный нож — подарок кузины Ним.

Арео Хотах, хмурясь, взял его у солдата.

— Принц приказал мне вернуть вас в Солнечное Копье. — Кровь Ариса Окхарта обрызгала его щеки и лоб. — Простите великодушно, маленькая принцесса.

— Как он узнал? — Арианна подняла к нему залитое слезами лицо. — Я была так осторожна. Как он узнал?

— Кто-то проговорился, — пожал плечами Хотах. — Кто-то всегда проговаривается.

Арья

Каждую ночь перед сном она бормотала в подушку свою молитву:

— Сир Григор, Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея. — Имена Фреев с переправы она бы тоже добавила в перечень, если б знала их. Но когда-нибудь она узнает и убьет их всех.

Оказалось, однако, что в Черно-Белом Доме замечают все шепоты, даже самые тихие.

— Дитя, — спросил как-то добрый человек, — чьи это имена шепчешь ты по ночам?

— Ничьи.

— Ты лжешь. Все люди лгут, потому что боятся. Одни постоянно, другие — лишь изредка. Некоторые лгут лишь в чем-то одном и повторяют это так часто, что сами начинают верить в свою ложь… хотя маленькая частица их душ знает, что они лгут, и это отражается у них на лице. Скажи мне, чьи это имена.

Арья прикусила губу.

— Не важно чьи.

— Нет важно, — настаивал он. — Скажи.

Скажи, или окажешься на улице, послышалось ей в его голосе.

— Это люди, которых я ненавижу. Я желаю им смерти.

— Мы слышим много таких молитв в этом доме.

— Я знаю. — Благодаря Якену Хгару ее желание сбылось трижды. Стоило только шепнуть…

— Ты потому и пришла к нам? — продолжал добрый человек. — Пришла научиться нашему мастерству, чтобы убить ненавистных тебе людей?

Арья не знала, как на это ответить.

— Может быть.

— Тогда ты пришла не в то место. Не ты решаешь, кому жить, а кому умирать. Это в руках Многоликого. Мы лишь слуги его, поклявшиеся исполнять волю бога.

— Да? — Арья оглядела статуи, у ног которых мерцали свечи. — Который из них он?

— Все из них.

Он так и не назвал ей своего имени, и девочка-призрак тоже — та худышка с большими глазами, напоминавшая ей другую маленькую девочку, Ласку. Она и Арья жили в подвале. Там же помещались трое послушников, двое слуг и

повариха Умма. Эта женщина любила поговорить за работой, но Арья не понимала ни слова из ее болтовни. У других имен не было, или они просто не хотели говорить, как их зовут. Один слуга был очень стар и согнут в три погибели, у другого, краснолицего, волосы росли из ушей. Она думала, что они оба немые, пока не услышала, как они молятся. Из послушников самый старший казался ровесником ее отца, двое других были немногим старше Сансы, бывшей когда-то ее сестрой. Все они носили одежду, черную с левой стороны и белую с правой, капюшонов им не полагалось. У доброго человека и девочки-призрака все обстояло наоборот: справа черное, слева белое. Арье дали одежду слуги — рубаху из некрашеной шерсти, мешковатые портки, полотняные подштанники и тряпичные башмаки.

Добрый человек, единственный, кто знал общий язык, каждый день спрашивал ее:

— Кто ты?

— Никто, — отвечала она, бывшая когда-то Арьей из дома Старков, Арьей-Надоедой, Арьей-Лошадкой. И еще Арри, Лаской, Голубенком, Солинкой, чашницей Нэн, серой мышью, овцой, призраком Харренхолла… но все это не взаправду. В глубине души она Арья из Винтерфелла,

дочь лорда Эддарда Старка и леди Кейтилин, у которой были когда-то братья Робб, Бран и Рикон, сестра Санса, лютоволчица Нимерия, сводный брат Джон Сноу. Там, в глубине души, она кто-то… но ему не такой ответ нужен.

С другими она по незнанию их языка разговаривать не могла, но вслушивалась в их речь и повторяла запомнившиеся слова. Самый младший послушник, несмотря на свою слепоту, наблюдал за свечами. Он обходил храм в своих мягких туфлях, среди бормотания старух, каждый день ходивших сюда молиться. Зрение не требовалось ему, чтобы узнать, которая из свеч потухла. «Он руководствуется запахом, — объяснил Арье добрый человек, — притом над горящими свечами воздух теплее». Закрой глаза, предложил он ей, и попробуй сама.

Сами служители храма молились рано утром, еще до завтрака, стоя на коленях у тихого черного пруда. Иногда молитву читал добрый человек, иногда девочка-призрак. Арья знала на браавосском всего несколько слов — те, что совпадали по звучанию с валирийскими, — и молилась сама, мысленно: «Сир Григор, Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея». Если Многоликий — настоящий бог, он услышит ее

и без слов.

Верующие являлись в Черно-Белый Дом почти всегда в одиночку. Они ставили свечи к выбранному ими алтарю, молились у пруда, порой плакали. Некоторые, испив из черной чаши, погружались в сон, но таких было мало. Здесь не устраивалось служб, не звучали песнопения, не возносились хвалы. Храм никогда не бывал полон. Порой кто-то из прихожан просил встречи со жрецом, и добрый человек или девочка уводили его в святилище, но такое опять-таки случалось редко.

Всего вдоль стен, окруженные свечами, стояли тридцать богов. Старухи, как заметила Арья, предпочитали Плачущую, богатеи — Ночного Льва, бедняки — Путника в плаще с капюшоном. Солдаты поклонялись Баккалону, Бледному Отроку, моряки — Луноликой Деве и Сардиньему Королю. У Неведомого был свой алтарь, хотя к нему почти никто не ходил. Как правило, у его ног мигала одна-единственная свеча. *Это ничего*, сказал добрый человек. *У него много ликов и много ушей, чтобы слышать нас.*

Пригорок, на котором стоял храм, пронизывали выбитые в камне ходы. Жрецы и послушники спали на первом уровне подземелья, Арья и

слуги — на втором. Третий был закрыт для всех, кроме жрецов, — там находилось святилище.

Арья в свободные от работы часы могла ходить где угодно, не покидая, однако, пределов храма и не спускаясь на третий ярус. В одной из кладовых хранилось оружие и доспехи: нарядные шлемы, диковинные старинные панцири, мечи, кинжалы, арбалеты, длинные копья с листовидными наконечниками. В другом склепе меха и богатые цветные шелка лежали бок о бок с дурно пахнущими лохмотьями и потертой дерюгой. Тут должна быть и сокровищница, решила Арья. Ей представлялись золотые блюда, мешки с серебром, голубые, как море, сапфиры, нитки крупного зеленого жемчуга.

Однажды она наткнулась на доброго человека, и он спросил, что она делает здесь. Она сказала, что заблудилась.

— Лжешь, и что еще хуже — лжешь неумело. Кто ты?

— Никто.

— Снова ложь, — вздохнул он.

Виз избил бы ее в кровь, поймав на вранье, но в Черно-Белом Доме все по-другому. Умма на кухне может порой стукнуть ее поварешкой, чтоб не мешалась, но из других ее никто пальцем не

тронул. Они поднимают руку, только если надо кого-то убить, полагала Арья.

С поварихой она неплохо ладила. Та совала ей в руку нож, показывала на лук, и Арья его крошила. Умма подталкивала ее к горке теста, и Арья месила его, пока повариха не говорила «стой» (из браавосских слов, выученных Арьей, «стой» было первым). Арья разделывала рыбу и обваливала ее в орехах, которые колола Умма. Добрый человек сказал, что в соленых водах вокруг Браавоса полным-полно всякой рыбы и моллюсков. Медленная бурая река, впадая в лагуну с юга, образует широкую полосу тростников, заводей и отмелей. Там водятся в изобилии мидии, устрицы, черепахи, лягушки, крабы разных пород, угри — красные, черные и полосатые; все это часто появлялось на резном деревянном столе, за которым трапезничали служители Многоликого Бога. Рыбу Умма приправляла морской солью и перечными горошинами, в уху из угрей добавляла чеснок. В редких случаях она даже на шафран расщедривалась. Пирожку бы понравилось здесь, думала Арья.

Ужин был ее любимым временем — ведь последнее время она далеко не всегда ложилась спать на сытый живот. Иногда за едой добрый

человек позволял задавать вопросы. Однажды она спросила, почему все прихожане храма такие умиротворенные — у нее дома люди боятся смерти. Она помнила, как рыдал прыщавый оруженосец, когда она пырнула его в живот, как молил о пощаде сир Амори Лорх, когда Хоут бросил его в медвежью яму. Помнила, как кричали люди в деревне на берегу Божьего Ока, когда Щекотун допрашивал их про золото.

— Смерть — не самое худшее, — ответил ей добрый человек. — Это дар, который преподносит нам бог, прекращение нужды и страданий. Когда мы рождаемся на свет, Многоликий каждому из нас посылает темного ангела, который идет за нами по жизни. Когда человек не может более нести груз своих грехов и своих мук, ангел берет его за руку и уводит в край ночи, где светят вечно яркие звезды. Те, кто пьет из черной чаши, ищут своего ангела. Если они боятся, свечи их успокаивают. Чем пахнут для тебя наши свечи, дитя?

Винтерфеллом, могла бы сказать она. *Снегом, дымом, сосновой хвоей. Конюшней. Смехом Ходора, битвой Робба и Джона на дворе, песней Сансы про какие-то дурацкие локоны. Криптой, где сидят каменные короли, горячим хлебом, богорощей. И моей волчицей, ее мехом, как будто*

она по-прежнему рядом со мной.

— Ничем, — сказала Арья, чтобы послушать, что он скажет в ответ.

— Лжешь — но свои секреты ты умеешь хранить, Арья из дома Старков. — Так он называл ее, лишь когда бывал недоволен ею. — Ты ведь знаешь, что вольна отсюда уйти. Ты пока еще не наша. Можешь отправляться домой, когда пожелаешь.

— Вы сказали, что если я уйду, то не смогу больше вернуться.

— Да, это так.

Ей сделалось грустно. Сирио тоже так говорил. Сирио Форель, который научил ее работать Иглой и погиб за нее.

— Я не хочу уходить.

— Тогда оставайся… но помни, что Черно-Белый Дом — не сиротский приют. Здесь все должны нести свою службу. Валар дохаэрис, как говорим мы. Ты должна повиноваться, если желаешь остаться у нас. Повиноваться всегда и во всем. Если ты не способна на это, то уходи.

— Я способна.

— Что ж, увидим.

Кроме помощи Умме, у нее были и другие обязанности. Она подметала в храме полы, при-

служивала за едой, разбирала одежду умерших, вытряхивала их кошельки и пересчитывала диковинные монеты. Мертвых они с добрым человеком находили каждое утро, совершая обход. Тихо, как тень, говорила она себе, вспоминая Сирио. У каждой ниши она приоткрывала тяжелую железную дверцу фонаря, который держала в руке, и искала мертвых.

Некоторые из них приходили сюда на час или на день, другие посещали храм целый год. Испив сладкой темной воды из пруда, они укладывались на каменную скамью за статуей того или иного божества, закрывали глаза и больше не просыпались. «Дар Многоликого принимает бесчисленное множество форм, — говорил добрый человек, — но здесь он всегда ласков». Найдя мертвеца, он читал молитву и убеждался, что тот в самом деле мертв. Приведенные Арьей слуги уносили покойника в подземелье, послушники раздевали и обмывали его. Одежда, деньги и ценности складывались в ящик, тело переносилось в святилище, доступное только жрецам; то, что происходило там, Арье не полагалось знать. Однажды за ужином у нее зародилось ужасное подозрение. Она отложила нож и уставилась на кусок белого мяса. «Это свинина, дитя, — сказал

добрый человек, видя ее испуг, — всего лишь свинина».

Каменная кровать напоминала ей Харренхолл и ту кровать, на которой она спала, когда драила лестницы под началом у Виза. Тюфяк, набитый тряпками вместо соломы, был еще комковатее харренхоллского, но зато не кололся. Одеял она могла брать сколько захочет — толстых шерстяных одеял, красных, зеленых и клетчатых. В каморке она спала одна. Здесь она держала свои сокровища — серебряную вилку, шляпу и перчатки без пальцев, подаренные ей моряками с «Дочери Титана». Здесь же лежала ее прежняя одежда, сапоги, пояс, кинжал, небольшой запас монет… и, конечно, Игла.

Свободного времени у нее оставалось немного, но Арья упражнялась, когда только могла, сражаясь с собственной тенью, падающей от синей свечи. Однажды это увидела девочка-призрак, проходившая мимо. Она не сказала ни слова, но добрый человек на другой день проводил Арью до самой каморки.

— Тебе надо избавиться от всего этого, — сказал он.

— Это мое, — испугалась Арья.

— Кто же ты?

— Никто.

— Это принадлежит Арье из дома Старков. — Он взял серебряную вилку. — Как и все остальное. Им здесь не место, как и ей. Слишком гордое у нее имя. У нас, смиренных слуг, нет места для гордости.

— Я тоже служу, — пробормотала она. Вилка нравилась ей.

— Ты играешь в служанку, но в глубине души остаешься дочерью лорда. Ты брала себе много других имен, но сбрасывала их, словно платья. Под ними ты всегда была Арьей.

— Я не ношу платьев. В них драться нельзя.

— Зачем тебе драться? Разве ты какой-нибудь убийца, таящийся в темном переулке? Перед тем, как испить из холодной чаши, — вздохнул он, — ты должна вручить Многоликому всю себя. Тело и душу. Если ты не в силах сделать это, тебе придется уйти.

— Но железная монета…

— Ею ты заплатила, чтобы попасть сюда. Теперь ты должна платить снова, и дорогой ценой.

— Золота у меня нет.

— То, что мы предлагаем, не покупается золотом. Цена этого — ты сама. Люди разными путями идут через долину горя и слез, и наш — труднее

всего. Для него мало кто создан. Здесь нужна недюжинная сила тела и духа, нужно жесткое и сильное сердце.

На месте сердца у меня дыра, думалось Арье, *а идти мне некуда.*

— Я сильная. Не слабее вас.

— Ты думаешь, что другого места для тебя нет на свете. — Он точно подслушивал ее мысли. — Ошибаешься. В доме какого-нибудь купца тебе было бы легче служить. А может быть, хочешь стать куртизанкой, чтобы мужчины слагали песни о твоей красоте? Скажи только, и мы отправим тебя к Черной Жемчужине или к Дочери Сумерек. Будешь спать на розовых лепестках, носить шелковые юбки, которые шуршат на ходу, и знатные лорды до сумы дойдут, лишь бы приобрести твою невинность. Хочешь выйти замуж, растить детей? Скажи, и мы найдем тебе мужа. Честного подмастерья, богатого старика, морехода — кого только пожелаешь.

Арья, ничего этого не желавшая, молча потрясла головой.

— Ты мечтаешь о Вестеросе, дитя? Завтра отплывает «Красотка» Луко Престейна. Она идет в Чаячий город, Синий Дол, Королевскую Гавань и Тирош. Хочешь, мы посадим тебя на нее?

— Я только что оттуда. — Иногда Арье казалось, что она бежала из Королевской Гавани тысячу лет назад, иногда — что только вчера, но она знала одно: назад ей возвращаться нельзя. — Я могу уйти, если вы так хотите, но туда я не поеду.

— Мои желания ничего не значат. Быть может, сам Многоликий привел тебя сюда, чтобы сделать своим орудием… но я, глядя на тебя, вижу ребенка, хуже того — девочку. На протяжении веков Многоликому служили многие, но лишь немногие среди них были женщинами. Женщина приносит в мир жизнь, мы даруем смерть. Совмещать то и другое не дано никому.

Опять он меня пугает, подумала Арья. *Как тогда с червяком.*

— Мне все равно, — сказала она.

— А напрасно. Останешься здесь, и Многоликий заберет у тебя уши, и нос, и язык. Заберет твои грустные серые глаза, видевшие так много. Заберет руки, ноги, сокровенные части тела. Заберет твои мечты и надежды, то, что ты любишь и что ненавидишь. Тот, кто поступает к нему на службу, должен отдать все, что делает его собой. Способна ли ты на это? — Он взял ее за подбородок и заглянул ей в глаза так глубоко, что она содрогнулась. — Не думаю.

Арья отбросила его руку.

— Я смогу, если захочу.

— Так говорит Арья из дома Старков, которая ест могильных червей.

— Я все отдам, если так надо.

— Тогда начни с этого. — И он показал на ее сокровища.

В ту ночь Арья, как всегда, прошептала свою молитву, но уснуть ей не удалось. Она ворочалась на своем тюфяке, кусая губы, и чувствовала внутри дыру вместо сердца.

Поздней ночью она встала, надела то, в чем пришла сюда, застегнула пояс — Игла с одного боку, кинжал с другого. Нахлобучила шляпу, заткнула за пояс перчатки без пальцев, взяла серебряную вилку и крадучись поднялась наверх. Здесь не место для Арьи из дома Старков. Ее место в Винтерфелле, да только его больше нет. Снег и холодные ветры несут смерть одинокому волку, но стая живет. У нее нет больше и стаи. Королева, сир Илин, сир Меррин перебили стаю Арьи, а когда она попыталась завести себе новую, они разбежались — Пирожок, Джендри, Йорен, Ломми Зеленые Руки, даже Харвин, служивший ее отцу. Арья приотворила двери и вышла в ночь.

Она оказалась снаружи впервые с тех пор, как

пришла в храм. Небо было пасмурное, туман укрывал землю, как рваное серое одеяло. Справа слышался плеск чьих-то весел. Браавос, город тайн. Она сошла под навес, к пристани, и вокруг ее ног заклубился туман. Он скрывал воду, но Арья слышала, как та плещется о каменные столбы. Вдали горел огонек — костер красных жрецов.

Вилка тяжелая — настоящее серебро. Но она чужая, ведь ее подарили Солинке. Арья бросила ее себе под ноги и услышала тихий всплеск, когда она ушла под воду.

Следом отправилась шляпа, за ней перчатки. Арья высыпала из кошелька на ладонь пять серебряных оленей, девять медных звездочек, еще какие-то гроши и полушки. Все они тоже полетели в воду. Настал черед сапог, которые плеснули громче всего. Исчез в тумане кинжал, взятый у лучника, молившего Пса о последней милости. И пояс, и плащ, и камзол, и бриджи, все до нитки, кроме Иглы.

Арья стояла на конце мола, бледная, дрожащая, вся в мурашках. Ей мерещилось, что Игла шепчет «колоть надо острым концом» и еще «не говори Сансе». Там, на клинке, метка Миккена. Пустяки. Это просто меч. В подземелье их штук

сто, не меньше. Игла слишком маленькая для меча — игрушка, и только. Арья сама была совсем маленькая и глупая, когда Джон подарил ей эту безделку.

— Обыкновенный меч, — произнесла она вслух — и поняла, что это неправда.

Игла — это Робб, Бран и Рикон, мать и отец. Даже Санса. Это серые стены Винтерфелла и смех его жителей. Это летний снег, сказки старой Нэн, сердце-дерево с красными листьями и пугающим ликом, запах земли в теплице, северный ветер, сотрясающий ставни ее комнаты. Это улыбка Джона Сноу, который ворошил ей волосы и называл маленькой сестрицей. При мысли о нем глаза Арьи наполнились слезами.

Полливер отнял у нее меч, когда она попала в плен к людям Горы, но в гостинице на перекрестке дорог Игла отыскалась снова. Так распорядились боги. Не Семеро, не Многоликий, а боги ее отца, старые боги Севера. Пусть Многоликий забирает все, но это он не получит.

Арья зашлепала вверх по ступенькам в чем мать родила, крепко держа Иглу. На середине лестницы под ноги ей подвернулся расшатанный камень. Присев, она попыталась расшатать его еще больше, выковыривая ногтями крошки изве-

сти. После долгих усилий камень подался, и она обеими руками вытащила его.

— Здесь с тобой ничего не случится, — сказала она Игле. — Никто не будет знать, где ты лежишь, только я.

Арья протолкнула ножны с мечом в дырку и вставила камень на место — теперь он ничем не отличался от всех остальных. Поднимаясь обратно к храму, она считала ступеньки, чтобы знать, где найти свой тайник. Он может еще ей понадобиться.

— Когда-нибудь, — прошептала она.

Она не сказала доброму человеку о том, что сделала, но он все равно узнал. На другой день после ужина он снова пришел в ее келью.

— Присядь, дитя, посиди со мной. Я хочу рассказать тебе одну сказку.

— Какую? — с подозрением спросила она.

— О том, как все у нас начиналось. Если ты станешь одной из нас, тебе нужно знать, кто мы и откуда взялись. Люди шепчутся о Безликих из Браавоса, но мы старше самого города тайн. Мы были и до Титана, и до разоблачения Утеро, и до основания города. В этих северных туманах мы достигли расцвета, но зародились мы в Валирии, среди рабов, что надрывались в глубоких шахтах

под Четырнадцатью Огнями, освещавшими некогда ночи Республики. Почти во всех рудниках сыро и холодно, и прорублены они в мертвом холодном камне, но Четырнадцать Огней были живыми горами с огненным сердцем и жилами, по которым струилась лава. В рудниках старой Валирии всегда было жарко — чем глубже, тем жарче, а углублялись они постоянно. Рабы трудились в раскаленной печи. До стен нельзя было дотронуться, воздух, разящий серой, обжигал легкие. Даже самые толстые сандалии не спасали ноги от ожогов. Порой из стены, пробитой в поисках золота, вырывалась струя пара. Кипящая вода или лава. Некоторые забои были такими низкими, что там работали на четвереньках или скрючившись в три погибели. А еще в этой красной тьме водились черви.

— Земляные? — нахмурилась Арья.

— Огненные. Говорили, что они сродни драконам, поскольку тоже выдыхают пламя, — но драконы парили в небе, а черви буравили почву и камень. Если верить старым сказаниям, эти черви жили в Четырнадцати Огнях еще до того, как появились драконы. В раннем возрасте они не больше твоей ручонки, но матерые могут разрастаться до чудовищной величины, и человека

они не любят.

— Они убивали рабов, да?

— Там, где в стенах имелись трещины или дыры, часто находили обугленные тела. Тем не менее рудники продолжали углубляться. Рабы гибли десятками, но хозяевам до этого не было дела. Красное золото, желтое золото и серебро ценились больше человеческих жизней, ибо рабы в старой Валирии стоили дешево. Во время войн валирийцы брали тысячи пленных, а в мирные времена те плодили новых рабов. Тех, кто в чем-нибудь провинился, отправляли умирать в красную тьму.

— Почему же они не восставали?

— Рудничные бунты не были редкостью, но они, как правило, заканчивались ничем. Повелители драконов владели магией, и всех, кто восставал против них, ждала гибель. Лишь первому из Безликих удалось чего-то достичь.

— Кто же он был? — выпалила, не подумав, Арья.

— Никто. Одни говорят, что он сам был рабом, другие — что он родился свободным гражданином и принадлежал к знатному роду. Некоторые уверяют даже, будто он служил в руднике надсмотрщиком, и в его сердце проникла жалость к

невольникам. Как бы там ни было, он постоянно находился среди рабов и слышал, как они молятся. В шахтах работали люди ста разных народов, произносившие молитвы, обращенные к разным богам, на своих языках, но молились они об одном и том же. О свободе и прекращении страданий. Простая, казалось бы, вещь — но боги оставались глухи к их молитвам, и люди продолжали страдать. Быть может, эти боги мертвы? — спрашивал себя тот человек, и однажды ночью в красной тьме он испытал озарение.

У всех богов есть свои орудия, мужчины и женщины, которые служат им и исполняют их волю здесь, на земле. Рабы вопреки очевидности молятся не ста разным богам, а одному богу, имеющему сто разных ликов… и орудие этого бога — *он.* В ту же ночь он выбрал самого несчастного из страдальцев, молившегося горячее всех остальных, и освободил его из неволи. Так был вручен первый дар.

— Он убил этого раба?! — отпрянула Арья. Такой поступок представлялся ей крайне неправильным. — Лучше бы он хозяев убил!

— Он одарил и их тоже… но это уже другая история, и вряд ли следует ее кому-то рассказывать. — Добрый человек склонил голову

набок. — Кто ты, дитя?

— Никто.

— Ты лжешь.

— Откуда ты знаешь? Это что, волшебство?

— Не нужно быть чародеем, чтобы отличать правду от лжи, для этого достаточно пары глаз. Научиться читать по лицам нетрудно. Смотри на глаза, на губы. На мускулы в уголках рта, — он дотронулся до нее двумя пальцами, — и в месте соединения шеи с плечами. Одни лжецы моргают, другие смотрят на тебя неподвижно, третьи отводят взгляд. Некоторые проводят языком по губам. Многие прикрывают рот перед тем, как солгать, словно желают скрыть свой обман. Бывают и более тонкие признаки, но они есть всегда. Притворная улыбка очень похожа на искреннюю, однако они столь же различны, как сумерки и рассвет. Ты ведь можешь отличить сумерки от рассвета?

Арья кивнула, хотя не была уверена, что она может.

— Значит, ты можешь научиться отличать также правду от лжи… и когда научишься, для тебя в этом мире больше не будет секретов.

— Научи меня. — Она согласна стать никем, если без этого нельзя обойтись. Когда человек

никто, у него внутри нет дыр.

— Тебя будет учить она, — сказал добрый человек, и у двери возникла девочка-призрак. — Начиная с браавосского языка. Какой от тебя толк, если ты не говоришь на нем и не понимаешь других? А ты взамен обучишь ее своему языку. Будете учиться друг у друга — согласна?

— Да, — ответила Арья — и с этого мгновения сделалась послушницей Черно-Белого Дома. У нее забрали одежду слуги и дали другую, черно-белую, мягкую, как то старое красное одеяло, которым укрывалась она в Винтерфелле. Под нее она надевала штанишки из тонкого белого полотна и черную, ниже колен, сорочку.

Они с девочкой-призраком показывали друг другу на разные вещи, произносили слова на родном языке и заучивали чужие. От простых слов — чашка, свечка, башмак — они перешли к более сложным, а там и к фразам. Сирио Форель когда-то заставлял Арью стоять на одной ноге, пока та не начинала дрожать. Потом посылал ее на охоту за кошками. Еще позже она плясала водяной танец на ветках деревьев с деревянным мечом в руке. Все это было трудно, но учить новый язык оказалось еще труднее.

Шить и то легче, подумала она как-то, забыв

половину слов, которые вроде бы знала, а другие выговорив так дурно, что девочка-призрак посмеялась над ней. *Фразы у меня получаются такими же корявыми, как раньше стежки.* Не будь эта девчонка такой маленькой и щуплой, Арья расквасила бы ей нос. Вместо этого она прикусила собственную губу, думая: *я слишком глупа для науки и слишком глупа, чтобы все это бросить.*

Девочка-призрак усваивала общий язык быстрей, чем она — браавосский.

— Кто ты? — спросила она однажды Арью после ужина.

— Никто, — ответила Арья по-браавосски.

— Лжешь. Надо лгать хорошее.

— Не хорошее, а лучше, глупая, — засмеялась Арья.

— Лучше глупая. Я тебе покажу.

На другой день они стали играть, задавая друг дружке вопросы. Иногда они отвечали правду, иногда врали. Задававшая вопрос должна была отличить истину от лжи. Девочка-призрак всегда говорила верно, Арья же только угадывала, и большей частью неправильно.

— Сколько тебе лет? — спросила девочка.

— Десять, — ответила Арья и показала ей десять пальцев. Во всяком случае, она *думала,* что ей все

еще десять, хотя как знать. В Браавосе дни считают не так, как в Вестеросе. По расчетам Арьи, ее десятый день рождения давно миновал.

Девочка кивнула, и Арья, как могла, спросила по-браавосски:

— А тебе сколько?

Девочка тоже показала ей десять пальцев, повторила этот жест еще дважды и добавила шесть. Лицо ее при этом оставалось спокойным, как вода в пруду. Не может это быть правдой, решила Арья, она ведь маленькая, и сказала:

— Ты лжешь. — Но девочка, покачав головой, снова показала на пальцах «тридцать шесть», потом сказала это словами и заставила Арью повторить.

Назавтра Арья рассказала об этом доброму человеку.

— Она не лжет, — усмехнулся он. — Та, кого ты принимаешь за девочку, — это взрослая женщина, всю жизнь посвятившая Многоликому. Она отдала ему то, чем она была, отдала то, чем могла бы стать, отдала все жизни, заключенные в ней.

— И я буду такой же? — призадумалась Арья.

— Не будешь, если сама не захочешь. Ее такой сделал яд.

Яд… Теперь Арья все поняла. Каждый вечер

после молитвы девочка выливала в черный пруд какую-то жидкость из каменного флакона.

Девочка-женщина и добрый человек были не единственными служителями Многоликого Бога. Иногда в Черно-Белый Дом приходили другие. Приходил толстяк с пронзительно-черными глазами, крючковатым носом и большим желтозубым ртом. Приходил суровый, который ни разу не улыбнулся, — он был светлоглазый, но с полными темными губами. У красавца при каждом посещении менялся цвет бороды и нос, но он всегда оставался красивым. Эти трое являлись чаще всего, но были и другие: косой, молодой лорд, голодный. Однажды толстяк с косым пришли вместе, и Умма послала Арью прислуживать им.

— Наполнишь кубки — и стой смирно, как статуя, — сказал ей добрый человек. — Поняла?

— Да. — Прежде чем учиться движению, надо научиться быть неподвижной, говорил ей Сирио Форель, и она научилась. Она служила чашницей у Русе Болтона в Харренхолле, а он бы кожу с нее содрал, если б она хоть раз пролила вино.

— Это хорошо. Неплохо бы тебе заодно стать слепой и глухой. Пусть все, что здесь будет сказано, войдет тебе в одно ухо и выйдет в другое. Не слушай.

В ту ночь Арья слышала многое, но разговор шел в основном на браавосском, и она понимала едва ли одно слово из десяти. Неподвижная, словно камень, твердила она себе. Труднее всего было бороться с зевотой. Порой она засыпала стоя, со штофом в руках, и ей снилось, что она волчица и бежит по лунному лесу, слыша позади вой большой стаи.

— Они тоже жрецы, эти люди? — спросила она утром доброго человека. — А лица у них настоящие или нет?

— Как думаешь ты, дитя?

Она полагала, что нет.

— Якен Хгар тоже жрец? Как ты думаешь, он вернется когда-нибудь в Браавос?

— Кто-кто? — с полнейшей невинностью переспросил жрец.

— Якен Хгар. Который дал мне железную монету.

— Я не знаю никого с таким именем.

— Он сменил лицо, и я спросила, как он это делает. А он сказал, что это не труднее, чем сменить имя, только уметь надо.

— В самом деле?

— Ты меня научишь менять лицо?

— Если хочешь. — Он взял ее за подбородок и

повернул голову. — Надуй щеки и высунь язык.

Арья так и сделала.

— Ну вот твое лицо и стало другим.

— Я не про это. Якен умел колдовать.

— Волшебство даром не дается, дитя. Нужны годы молитв, самоотречения и науки, чтобы отточить мастерство.

— Годы? — растерялась она.

— Будь это просто, это бы делали все. Прежде чем стать бегуном, надо научиться ходить. Зачем прибегать к чарам там, где сойдет и фокус?

— Так я и фокусы показывать не умею.

— Тогда учись строить рожицы. У тебя на лице, под кожей, есть мускулы — учись ими пользоваться. Все это — щеки, губы и уши — принадлежит тебе. Улыбки и хмурость не должны налетать на тебя, словно шквал. Пусть улыбка, как подобает служанке, приходит к тебе лишь по твоему зову. Учись *управлять* лицом.

— Покажи как.

— Надуй щеки. — Она надула. — Подними брови. Нет, выше. — Она подняла. — Хорошо. Ты увидишь, что долго такую гримасу удержать не сможешь. Завтра попробуй снова. В подземелье ты найдешь мирийское зеркало. Упражняйся перед ним каждый день по часу. Учись владеть

глазами, ноздрями, щеками, ушами, губами. — Он снова взял Арью за подбородок. — Кто ты?

— Никто.

— Лжешь. И лжешь неумело, дитя.

Она отыскала мирийское зеркало. Теперь она садилась перед ним каждое утро и каждый вечер, поставив по бокам две свечи, и строила рожи. Если она научится управлять лицом, то сможет лгать сколько захочет.

Вскоре после этого добрый человек приказал ей обмывать мертвых вместе с другими послушниками. Это было куда легче, чем скрести лестницы в Харренхолле. Тяжело приходилось, только когда покойник попадался большой и толстый, но большинство усопших были тощие — кожа да кости. За работой Арья гадала, что привело их к черному пруду. Ей вспоминался рассказ старой Нэн о том, как в долгую зиму старики, зажившиеся на свете, вдруг объявляли, что идут на охоту. «Тогда их дочери плакали, а сыновья отворачивались к огню, но никто их не останавливал и не спрашивал, на какого это зверя им вздумалось поохотиться, когда на дворе лежат сугробы и воет холодный ветер». Кто знает, что говорят своим сыновьям и дочерям старые браавосийцы, прежде чем отправиться в Черно-Белый Дом.

Одна луна сменялась другой, но Арья не наблюдала этого. Она работала, обмывала покойников, гримасничала перед зеркалом, учила браавосский язык и старалась помнить, что она — никто.

Однажды добрый человек прислал за ней.

— Выговор твой ужасен, но понять тебя с грехом пополам можно. Придется тебе на время покинуть нас. Единственный способ изучить язык как следует — это говорить на нем с утра до вечера. Ты должна уйти.

— Когда? — спросила она. — И куда?

— Прямо сейчас. За этими стенами лежат сто островов Браавоса. Ты ведь знаешь, как сказать «мидии», «устрицы» и так далее?

— Знаю, — сказала Арья и произнесла эти слова как могла лучше.

Ее старательность вызвала у него улыбку.

— Сойдет. У гавани ниже Затопленного Города найдешь торговца рыбой по имени Бруско. Он хороший человек, а спина у него больная. Ему нужна девочка, чтобы возить его тележку и продавать его раковины сходящим на берег морякам. Вот ты этим и займешься, ясно?

— Да.

— А когда Бруско спросит, кто ты?

— Я отвечу «никто».

— Нет. За пределами этого Дома такой ответ не годится.

Она поразмыслила.

— Могу назваться Солинкой из Солеварен.

— Солинку знают Тернесио Терис и его люди. Твоя речь тебя выдает, поэтому придется сказать, что ты из Вестероса, но имя лучше выбрать другое.

Арья прикусила губу.

— Может быть, Кошка-Кет?

— Пожалуй… Кошек в Браавосе полно — если прибавится еще одна, никто не заметит. Ты Кет, сиротка из…

— Из Королевской Гавани. — В Белой Гавани она тоже бывала с отцом, но Королевскую знала лучше.

— Отлично. Твой отец ходил на галее, был мастером над гребцами. Когда твоя мать умерла, он стал брать тебя в море. Потом он тоже умер, а капитан, не имея в тебе нужды, высадил тебя в Браавосе. Как назывался корабль?

— «Нимерия», — не задумываясь, выпалила она.

В ту же ночь Арья ушла из Черно-Белого Дома. Плащ, линялый и залатанный, в самый раз для

сиротки, скрывал длинный нож на ее правом бедре. Ноги болтались в слишком больших сапогах, камзол так протерся, что ветер его насквозь продувал. Зато перед ней лежал весь Браавос, пахнущий дымом, солью и рыбой, с извивами каналов и улиц. Прохожие посматривали на нее с любопытством, оборвыши-попрошайки кричали непонятное. Вскоре она окончательно заблудилась.

— Сир Григор, — распевала она, идя через каменный мост с четырьмя арками. С него виднелись мачты кораблей в Мусорной Заводи. — Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея. — Пошел дождь. Арья подставила ему лицо, такая счастливая, что плясать в пору, и сказала: — Валар моргулис, валар моргулис, валар моргулис.

Алейна

Восходящее солнце, хлынувшее в окна, разбудило Алейну. Гретчель, услышав, что госпожа села и потянулась, тут же подала ей халат. Комнаты за ночь остыли. Когда придет зима, будет еще хуже. Зимой в этом месте холодно, как в гробнице.

— Огонь еле теплится, — подпоясавшись, заметила девушка. — Подбавь дров, пожалуйста.

— Слушаюсь, миледи, — сказала старуха.

Покои Алейны в Девичьей башне много больше и роскошнее спаленки, которую она занимала при леди Лизе. Теперь у нее своя гардеробная, а с балкона из резного белого камня открывается вид на Долину. Пока Гретчель возилась с огнем, Алейна вышла туда. Камень холодил босые ноги, ветер гулял, как всегда у них наверху, но великолепное зрелище заставило ее забыть обо всем. Девичья была самой восточной из семи стройных башен Гнезда, и Алейна видела перед собой всю Долину в утренней дымке, с лесами, полями и реками. Горы на солнце сверкали, как золотые слитки.

Как красиво! Вверху видна снежная вершина Копья Гиганта — по сравнению с ней замок,

притулившийся на плече горы, кажется крохотным. Над пропастью, куда летом падают Слезы Алисы, теперь нависли сосульки двадцати футов длиной. Над замерзшим водопадом парит сокол, раскинув синие крылья. *Вот бы и мне такие*, подумала девушка.

Держась за перила, она посмотрела вниз. В шестистах футах под ними — Небесный Замок. Оттуда широкие, вырубленные в камне ступени ведут через Снежный и Каменный Замки на самое дно Долины. Башни и здания Ворот Луны похожи на детские игрушки. Вокруг его стен стоят лагерем лорды Хартии, и люди снуют между шатрами, как муравьи. Будь они настоящими муравьями, их можно было бы раздавить.

Два дня назад к ним присоединился молодой лорд Хантер со своими людьми. Нестор Ройс закрыл перед ними ворота, но у него в гарнизоне меньше трехсот человек. Между тем каждый из лордов Хартии привел с собой тысячу, а всего этих лордов шестеро. Алейна знала их имена наизусть. Бенедар Бельмор, лорд Громогласия. Саймонд Темплтон, Рыцарь Девяти Звезд. Хортон Редфорт, лорд Редфорта. Анья Уэйнвуд, леди Железной Дубравы. Гилвуд Хантер, называемый всеми «молодым лордом», лорд Длинного Лука.

И Джон Ройс, самый могущественный и грозный из них, Бронзовый Джон, лорд Рунстона и кузен Нестора, возглавляющий старшую ветвь дома Ройсов. После гибели Лизы Аррен они собрались в Рунстоне, где поклялись защищать лорда Роберта, защищать Долину и стоять друг за друга. О лорде-протекторе в их хартии нет ни слова, однако там говорится о «недостойном правлении», с которым надо покончить, а также о «мнимых друзьях и дурных советчиках».

Алейна, совсем заледенев на ветру, вернулась в комнату, чтобы выбрать платье для завтрака. Петир отдал ей весь гардероб своей покойной жены. Шелка, атлас, бархат, меха — она и мечтать не могла о таком богатстве, хотя почти все это было ей чересчур велико. Леди Лиза сильно располнела за годы своих беременностей, выкидышей и рождения мертвых детей. Но несколько старых платьев шились для юной Лизы Талли еще в Риверране, а другие Гретчель успешно подогнала для своей хозяйки: у Алейны в тринадцать лет длина ноги такая же, как у ее тетушки была в двадцать.

В это утро она остановила свой выбор на платье цветов дома Талли — красном и синем, с оторочкой из белки. Гретчель помогла ей продеть

руки в пышные рукава, зашнуровала корсаж на спине, расчесала и убрала волосы. Вечером, перед сном, Алейна заново их покрасила. Ее природная золотистая рыжина благодаря средству тети Лизы давно уже превратилась в жженый каштан, но каждый раз, спустя короткое время, упорно пробивается у корней. Что делать, когда это средство кончится? Краску привезли из Тироша, из-за Узкого моря.

Спускаясь вниз к завтраку, Алейна заново поразилась тишине, царящей в Гнезде. Во всех Семи Королевствах не найти более тихого замка. Слуг здесь мало, все они старые и говорят приглушенными голосами, чтобы не потревожить юного лорда. У них наверху нет ни лошадей, ни собак, ни бьющихся во дворе рыцарей. Даже шаги часовых в этих бледных чертогах звучат до странности глухо. Слышно лишь, как ветер поет и стонет у башен. Когда она только сюда приехала, слышался еще шум Слез Алисы, но теперь водопад замерз, и Гретчель говорит, что он до весны не растает.

Лорд Роберт сидел в Утреннем Чертоге один и без всякой охоты возил деревянной ложкой по миске овсянки с медом.

— Я просил яйца всмятку, — пожаловался он. — Три яйца и ветчину.

Яиц у них нет, ветчины тоже. Запасов овса, пшеницы и ячменя в Гнезде хватит на целый год, но свежие продукты поставляет им снизу Мия Стоун, чья-то незаконная дочь. Теперь, когда лорды Хартии разбили свой лагерь у подножия горы, Мие через них не пробиться. Лорд Бельмор, первый из шестерых пришедший к воротам, послал Мизинцу ворона, извещая, что Гнездо больше не получит еды, пока не отправит вниз лорда Роберта. Пока еще не осада, но очень близко к тому.

— Когда Мия придет, тебе сварят сколько захочешь яиц, — пообещала Алейна мальчику. — Она привезет и масло, и дыни, и разные прочие вкусности.

— Я хочу сейчас, — продолжал дуться Роберт.

— Сейчас яиц нет, зяблик, ты же знаешь. Ешь, пожалуйста, овсянку, она тоже вкусная. — Для примера Алейна сама съела ложку, но Роберта это не вдохновило.

— Не хочу есть, — заявил он. — Хочу обратно в постель. Я совсем не спал ночью. Я слышал пение. Мейстер Колемон дал мне сонного вина, но я все равно слышал.

Алейна отложила ложку.

— Будь пение, я бы его тоже слышала. Тебе приснился сон, вот и все.

— Нет, не сон. — Глаза мальчика налились слезами. — Это пел Мариллон. Твой отец сказал, что он умер, а он живой.

— Он правда умер. — Слова Роберта пугали ее. Довольно и того, что он такой хилый и хворый, — что, если он к тому же повредился умом? — Это правда, зяблик. Мариллон очень любил твою леди-мать и не мог жить после того, что с ней сделал. Вот он и шагнул в небо. — Тела она не видела, как не видел и Роберт, но не сомневалась в смерти певца. Это лорды Хартии убили его, подняв свой вздорный мятеж.

— Но я каждую ночь его слышу! Даже когда закрываю ставни и прячу голову под подушку. Зря твой отец не отрезал ему язык. Я говорил ему, а он не послушался.

Язык был оставлен ему для признаний.

— Будь хорошим мальчиком и кушай овсянку, — попросила Алейна. — Для меня.

— Не хочу овсянку. — Роберт запустил ложку через всю комнату. Она попала в гобелен и запачкала белую шелковую луну. — Лорд хочет яиц!

— Пусть лорд ест овсянку и скажет спасибо, — сказал Петир Бейлиш, появившись в дверях вместе с мейстером Колемоном.

— Слушайтесь лорда-протектора, милорд, —

поддержал мейстер. — Ваши лорды-знаменосцы поднимаются на гору, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение, и вы должны подкрепить свои силы.

Роберт потер глаза.

— Отошлите их прочь. Не хочу их видеть. Если они явятся, я их отправлю в полет.

— Мне бы хотелось того же, милорд, однако я обещал, что здесь им не причинят вреда, — сказал Петир. — Как бы там ни было, уже поздно отсылать их обратно. Они, вероятно, уже добрались до Каменного Замка.

— Почему они не дают нам покоя? — жалобно спросила Алейна. — Мы им ничего дурного не сделали. Что им нужно от нас?

— Самую малость — лорда Роберта и Долину, — улыбнулся Петир. — Их будет восемь — с ними лорд Нестор, который служит проводником, и еще Лин Корбрей. Сир Лин не тот человек, чтобы усидеть на месте, когда дело пахнет кровью.

Алейну это вряд ли могло утешить. Лин Корбрей убил на поединке почти столько же человек, сколько в бою. Она знала, что он получил свои шпоры во время восстания Роберта, сражаясь сперва против Джона Аррена у ворот Чаячьего города, а затем под его знаменами на Трезубце,

где он сразил принца Ливена Мартелла, белого рыцаря Королевской Гвардии. По словам Петира, принц был уже весь изранен к тому времени, как ход битвы привел его к последнему танцу с Покинутой. «Но с Корбреем об этом лучше не заговаривать, — присовокупил к своему рассказу Мизинец. — Те, кто пытался, получили случай расспросить на этот счет самого Мартелла — глубоко в преисподней». Если хотя бы половина того, что она слышала от стражи Гнезда, правда, то Лин Корбрей опаснее всех шестерых лордов Хартии, вместе взятых.

— Зачем он сюда поднимается? — спросила Алейна. — Я думала, Корбреи за вас.

— Лорда Лионеля мое правление устраивает, но у его братца на все свои взгляды. Это Лин на Трезубце выхватил Покинутую у раненого отца и убил человека, нанесшего рану. Пока Лионель оттаскивал старика в тыл к мейстерам, Лин возглавил атаку на дорнийцев, грозивших левому крылу Роберта, разнес их ряды и убил принца Ливена. Поэтому старый лорд, умирая, завещал Покинутую младшему сыну. Лионель, получивший земли, замок, титул и деньги, все еще полагает, что его незаконно лишили наследия предков, в то время как Лин… словом, Лионеля

он любит не более, чем меня. Недаром же он так рьяно искал руки Лизы.

— Я не люблю сира Лина, — вмешался Роберт. — Отошлите его вниз. Я его не пущу сюда. Матушка говорила, что наше Гнездо неприступно.

— Ваша матушка скончалась, милорд, и Гнездом вплоть до вашего шестнадцатилетия буду управлять я. Принеси его милости другую ложку, Мела, — приказал Петир сгорбленной служанке, маячившей у ведущих на кухню ступеней. — Он еще не доел овсянку.

— Не стану есть! Лети, овсянка! — На сей раз Роберт метнул в воздух деревянную миску со всем ее содержимым. Петир успел увернуться, но мейстеру она угодила в грудь, заляпав лицо и плечи, отчего он завопил совсем не по-мейстерски. Алейна бросилась успокаивать маленького лорда, но поздно — припадок уже начался. Мальчик сбил на пол кувшин с молоком и сам повалился вместе со стулом. Алейне он попал ногой в живот так, что она согнулась.

— О боги праведные, — с отвращением произнес Петир.

Мейстер, с овсянкой на лице и в волосах, поспешил к своему питомцу, бормоча ласковые слова. Один комок густой слезой сползал у него по щеке.

Все-таки этот приступ не такой сильный, как в последний раз, утешала себя Алейна. Когда мальчика перестало трясти, на зов Петира пришли двое стражников в небесно-голубых плащах и серебристых кольчугах.

— Уложите его в постель и поставьте пиявки, — сказал лорд-протектор, и один из часовых взял мальчика на руки. *Я бы и сама могла его отнести*, подумала Алейна. *Он весит не больше куклы.*

— Лучше бы отложить переговоры на другой день, милорд, — задержавшись, сказал Колемон. — После смерти леди Лизы припадки усилились и стали чаще. Я то и дело пускаю ребенку кровь, даю ему сонное вино и маковое молоко, однако…

— Он спит двенадцать часов в сутки, — сказал Петир. — Иногда он должен и бодрствовать.

Мейстер запустил пальцы в волосы, стряхнув на пол овсянку.

— Леди Лиза давала его милости грудь при каждом недомогании. Архимейстер Эброз утверждает, что материнское молоко обладает целебными свойствами.

— Вы советуете найти для него кормилицу, мейстер? Для лорда Орлиного Гнезда и Защитни-

ка Долины? А отлучить когда прикажете — в день его свадьбы? Чтобы он от соска кормилицы перешел сразу к жениному? — Петир издевательски рассмеялся. — Не думаю. Предлагаю вам изыскать другой способ. Мальчик любит сладкое, так?

— Сладкое?

— Ну да. Пироги, пышки, варенье, сотовый мед. Вы не пробовали добавлять в его молоко «сладкий сон»? Всего щепотку, чтобы он успокоился и трясучка его не мучила.

— Щепотку? — У мейстера дернулся кадык. — Совсем чуть-чуть и не слишком часто… да, надо попробовать…

— Вот и попробуйте, прежде чем вывести его перед лордами.

— Воля ваша, милорд. — И мейстер, позвякивая цепью, заспешил прочь.

— Отец, — сказала Алейна, — хотите овсянки на завтрак?

— Терпеть ее не могу. — Он смотрел на нее глазами Мизинца. — Лучше я позавтракаю твоим поцелуем.

Дочь не должна оказывать отцу в поцелуе, поэтому она подошла и чмокнула его в щеку.

— Какое послушание, — одними губами улыбнулся Мизинец. — Исполни еще одну мою

просьбу: вели повару подогреть красного вина с изюмом и медом. Наши гости иззябнут после долгого восхождения. Будь с ними мила и предложи им вина, хлеба и сыра. Что у нас там осталось из сыров?

— Белый острый и тот, с дурным запахом.

— Подай белый — и смени платье.

Алейна бросила взгляд на свой сине-красный подол.

— Разве оно…

— Оно слишком отдает домом Талли. Вряд ли лордам Хартии понравится, что моя побочная дочь расхаживает в платье моей покойной жены. Выбери что-нибудь другое, только не голубое с кремовым — об этом-то, думаю, тебе не надо напоминать?

— Нет. — Голубой и кремовый — цвета дома Арренов. — Вы сказали, их восемь… значит, Бронзовый Джон тоже будет?

— Единственный, кто хоть что-нибудь значит.

— Бронзовый Джон меня *знает.* Он гостил в Винтерфелле, когда его сын отправился на север, чтобы надеть черное. — Она тогда по уши влюбилась в сира Уэймара, смутно помнилось ей, — но что взять с маленькой глупышки, которой она была в той прежней жизни. — А в Королевской

Гавани, на турнире десницы, лорд Ройс видел Сансу Старк еще раз.

— Ройс, конечно, заметил твое хорошенькое личико, — Петир приложил палец к подбородку, — но ведь оно было одним из тысячи. Он наверняка больше следил за турниром, чем за какой-то девочкой среди зрителей. Что до Винтерфелла, то там Санса была совсем ребенком, к тому же рыженькой. Моя дочь — взрослая, красивая девушка, и волосы у нее каштановые. Люди видят то, что ожидают увидеть, Алейна. — Он поцеловал ее в нос. — Вели Мадди развести огонь в горнице. Я приму лордов там.

— Не в Высоком Чертоге?

— Да не допустят боги, чтобы они увидели меня близ высокого сиденья Арренов и подумали, что я намерен его занять. Столь худородные ягодицы не должны и мечтать о благородных подушках на нем.

— Значит, в горнице. — Ей следовало бы остановиться на этом, но слова вылетели сами собой. — Если вы отдадите им Роберта…

— …и Долину?

— Долина и так у них.

— Большей частью, согласен, однако не вся. В Чаячьем городе меня любят, и среди лордов

у меня друзья тоже есть. Графтон, Линдерли, Лионель Корбрей… хотя с лордами Хартии они, конечно, сравниться не могут. Да и куда нам с тобой деваться, Алейна? В мой роскошный дворец на Перстах?

Она уже думала об этом.

— Джоффри отдал вам Харренхолл. Там вы были бы лордом по праву.

— Разве что по названию. Мне нужен был громкий титул, чтобы жениться на Лизе, а Ланнистеры что-то не торопились передать мне Бобровый Утес.

— Но замок все равно ваш.

— Да, и какой замок… неоглядные чертоги, разрушенные башни, сквозняки, привидения. Отапливать его — сплошной убыток, оборонять его невозможно. Есть еще такая мелочь, как проклятие…

— Проклятия существуют только в песнях и сказках.

Эти ее слова, похоже, позабавили Петира.

— А разве есть песня про Григора Клигана, умершего от смазанного ядом копья? Или про того наемника, которому сир Григор отрубал сустав за суставом? Ему замок достался от сира Амори Лорха, а тому — от лорда Тайвина. Одного убил

медведь, другого — карлик. Леди Уэнт, как я слышал, тоже умерла. Лотстоны, Стронги, Харроуэи… Харренхолл убивает всех, кто коснулся его.

— Тогда отдайте его лорду Фрею.

— Хорошая мысль, — засмеялся Петир. — А еще лучше вернуть его нашей любезной Серсее. Не стану, впрочем, говорить о ней дурно — она должна прислать мне некие чудесные гобелены. Правда мило с ее стороны?

Услышав имя королевы, Алейна застыла.

— Ничего милого в ней нет. Я ее боюсь. Если она вдруг узнает, где я…

— То мне придется вывести ее из игры раньше, чем я полагал. Если она, конечно, сама не выйдет. — Легкая улыбка Петира дразнила Алейну. — В игре престолов даже самые незначительные фигуры наделены собственной волей и могут отказаться делать придуманные для них ходы. Запомни это хорошенько, Алейна. Вот урок, который Серсее Ланнистер еще предстоит выучить. А пока не заняться ли тебе делом?

Да, разумеется. Она распорядилась подогреть вино, нашла в кладовой круг белого сыра и приказала напечь хлеба на двадцать человек — вдруг лорды взяли с собой кого-то еще. *Если они отведают нашего хлеба и соли*, думала Алейна, *то*

уже не смогут причинить нам вреда. Фреи, убив в Близнецах ее мать и брата, попрали все законы гостеприимства, но трудно поверить, что столь благородный муж, как Джон Ройс, опустится до чего-то подобного.

Из кухни она перешла в горницу. На полу там лежит мирийский ковер, поэтому тростник можно не настилать. Она попросила двух слуг поставить на козлы столешницу и принести восемь дубовых, обитых кожей стульев. Будь это пир, она поставила бы один стул во главе стола, второй на другом конце и по три с каждой стороны, но сейчас она готовилась не к пиру. Шесть стульев с одной стороны, распорядилась Алейна, два с другой. Теперь лорды Хартии, должно быть, поднялись уже до Снежного Замка. Подъем, даже верхом на мулах, занимает почти весь день, а пешком в Гнездо добираются за несколько суток.

Возможно, лорды засидятся до поздней ночи, и понадобится сменить в горнице свечи. Когда Мадди разожгла огонь, Алейна послала ее вниз за душистыми восковыми свечами — их подарил леди Лизе лорд Вакслы, один из ее поклонников. После этого девушка опять спустилась на кухню — присмотреть за вином и выпечкой хлеба. Все было в порядке, и у нее еще оставалось время,

чтобы выкупаться, помыть голову и переодеться.

Ее внимание остановило платье из пурпурного шелка и другое, из синего бархата с серебряными прорезями, под цвет ее глаз, — но потом она вспомнила, что Алейна незаконная дочь и должна одеваться сообразно своему положению. Лучше взять вот это, темно-коричневое, из тонкой шерсти, где на лифе, подоле и рукавах вышиты золотой нитью листья и виноградные лозы. Оно к лицу ей, и в то же время такое могла бы носить и служанка. Она примерила несколько ожерелий — драгоценности леди Лизы Петир тоже ей отдал, — но все они показались ей чересчур богатыми. В конце концов она остановилась на простой бархотке цвета осенних листьев. Посмотревшись в серебряное зеркальце Лизы, которое подала ей Гретчель, она убедилась, что это украшение хорошо подходит к густым каштановым волосам. *Лорд Ройс нипочем меня не узнает*, подумалось ей. *Я и сама-то себя узнаю с трудом.*

Чувствуя себя почти столь же уверенно, как Петир Бейлиш, Алейна Стоун вооружилась улыбкой и сошла вниз встречать гостей.

Орлиное Гнездо — единственный замок в Семи Королевствах, где главный вход расположен ниже темниц. Каменные ступени, ведущие на

гору мимо Каменного и Снежного Замков, обрываются у Небесного. Последние шестьсот футов подъема — это отвесная скала. Здесь посетители слезают с мулов и либо садятся в деревянную люльку, служащую для поднятия припасов, либо карабкаются по каменной трубе, цепляясь руками на вырубленные в ней ямки.

Лорд Редфорт и леди Уэйнвуд, самые пожилые из лордов Хартии, выбрали люльку, которую затем опустили еще раз за тучным лордом Бельмором. Остальные предпочли подняться самостоятельно. Алейна, встретив их в Палате Полумесяца, где жарко пылал огонь, приветствовала их от имени лорда Роберта. Здесь же гостям подали хлеб, сыр и горячее вино в серебряных чашах.

Петир заставил ее выучить здешние гербы, поэтому она узнавала всех, хотя никого не знала в лицо. Красный замок — это, естественно, Редфорт, коренастый, с аккуратной седой бородкой и добрыми глазами. Леди Анья, единственная женщина среди подписавших Хартию, одета в темно-зеленую мантию, где агатовыми бусинами вышито сломанное колесо Уэйнвудов. Шесть серебряных колоколов на пурпуре — это толстяк Бельмор. На его многочисленных подбородках

растет морковно-рыжая борода. Саймонд Темплтон рядом с ним кажется особенно темным и угловатым. Нос крючком и льдисто-голубые глаза делают этого рыцаря похожим на красивую хищную птицу. На дублете у него девять звезд, обрамленных косым золотым крестом. Молодой лорд Хантер в горностаевом плаще привел Алейну в замешательство, пока она не разглядела застежку — пять серебряных стрел, расположенных веером. Этому «юноше», на ее взгляд, ближе к пятидесяти, чем к сорока. Отец его, правивший Длинным Луком чуть ли не шестьдесят лет, умер столь внезапно, что поговаривают, будто новый лорд ускорил его кончину. Щеки и нос Хантера красны словно яблоки — это указывает на приверженность к горячительным напиткам. Нужно будет наполнять его чашу, как только она опустеет.

У самого молодого из всех на груди три ворона с окровавленными сердцами в когтях. Каштановые волосы доходят до плеч, один непослушный локон упал на лоб. Сир Лин Корбрей. Алейна боязливо приметила его жесткий рот и недобрый взгляд.

Последними вошли Ройсы, лорд Нестор и Бронзовый Джон. Лорд Рунстона очень высок — ростом

он не уступит Псу. Он уже сед и покрыт морщинами, но огромные ручищи по виду способны сломать иного юнца словно прутик. Суровое лицо этого старика живо напомнило Сансе его пребывание в Винтерфелле. Вот он, сидя за столом, тихо беседует с ее матерью. Вот возвращается с охоты с притороченным за седлом оленем, и его голос гремит среди каменных стен. Вот он, сражаясь на учебном дворе, валит наземь ее отца и поворачивается, чтобы сразить вдобавок и сира Родрика. Он узнает ее, непременно узнает. Может быть, ей стоило бы броситься к его ногам и просить покровительства? Но если он не поддерживал Робба, с какой стати он будет заступаться за Сансу? Война окончена, Винтерфелл пал.

— Лорд Ройс, — робко спросила она, — не выпьете ли чашу вина, чтобы согреться?

Свинцово-серые глаза Бронзового Джона, спрятанные под невиданно косматыми бровями, сощурились.

— Я тебя знаю, дитя?

У Алейны отнялся язык, но ее выручил лорд Нестор.

— Алейна — побочная дочь лорда-протектора.

— Мизинцев мизинчик потрудился на славу, — с ехидной улыбкой сказал Лин Корбрей.

Бельмор засмеялся, и к щекам Алейны прихлынула кровь.

— Сколько тебе лет, дитя? — спросила леди Уэйнвуд.

— Ч-четырнадцать, миледи. — На миг она позабыла, сколько лет должно быть Алейне. — И я уже достигла расцвета.

— Цветочек, надо надеяться, еще не сорван, — пробормотал в большущие усы молодой лорд Хантер.

— Но так и просит, чтобы его сорвали, — добавил Лин Корбрей, как будто ее и не было здесь.

— Как видно, в Доме Сердец подобные речи считают учтивыми? — Анья Уэйнвуд начинала седеть, вокруг глаз пролегли морщинки, кожа на подбородке отвисла, но всякий сразу бы понял, что перед ним благородная дама. — Следите за своим языком, сир. Эта девушка, несмотря на свои юные годы, успела достаточно настрадаться.

— Мой язык вашей милости не касается, — ответил Корбрей. — Последите лучше за своим. Я не терплю выговоров, что могли бы подтвердить вам некоторые покойники.

— Проводи-ка нас к своему отцу, Алейна, — отвернувшись от него, сказала леди Уэйнвуд. — Чем скорей мы покончим с этим, тем лучше.

— Лорд-протектор ожидает вас в горнице. Прошу следовать за мной, милорды. — Крутая мраморная лестница вела из Палаты Полумесяца мимо житниц и нижних темниц замка. Лорды Хартии, проходя под тремя амбразурами, сделали вид, что не замечают их. Бельмор скоро начал пыхтеть, как кузнечный мех, а лицо Редфорта сделалось серым под стать волосам. Часовые наверху загодя подняли решетку. — Прошу сюда, милорды. — Алейна провела их по галерее, где висели великолепные гобелены. Сир Лотор Брюн открыл перед ними дверь горницы и сам вошел следом за остальными.

Петир сидел за столом с чашей вина в руке, просматривая какой-то новенький белый пергамент.

— Добро пожаловать, милорды, — сказал он, подняв глаза на вошедших, — и вы, миледи. Я знаю, как утомительно восхождение на гору. Прошу садиться. Алейна, милочка, еще вина нашим гостям.

— Да, батюшка. — Свечи, к ее радости, уже горели, распространяя аромат мускатного ореха и прочих дорогих пряностей. Пока она ходила за штофом, гости рассаживались — лишь Нестор Ройс помялся немного, прежде чем занять пустой

стул рядом с Петиром, а Корбрей подошел к очагу погреть руки. Сердцевидный рубин в эфесе его меча при этом вспыхнул алым огнем. Заметив, как он улыбается сиру Лотору, Алейна решила, что для своих почтенных лет сир Лин очень красив, но улыбка у него нехорошая.

— Ваша Хартия, которую я только что перечел, превосходна, — начал Петир. — Видно, что ее составлял весьма одаренный мейстер. Жаль только, что вы и мне не предложили ее подписать.

Этого они явно не ожидали.

— Вам? — произнес Бельмор.

— Я владею пером не хуже кого другого, и никто не любит лорда Роберта больше, чем я. Что до мнимых друзей и дурных советчиков, их непременно надо искоренить. Сердцем и рукой я с вами, милорды. Укажите, где мне поставить свою подпись.

Алейна, разливая вино, слышала, как хмыкнул Лин Корбрей. Другие, видимо, растерялись, но затем Бронзовый Джон хрустнул пальцами и сказал:

— Мы пришли не за твоей подписью и не намерены зубоскалить с тобой, Мизинец.

— Жаль. Обожаю позубоскалить. — Петир отложил свиток в сторону. — Что ж, воля ваша.

Позвольте тогда спросить напрямик: что вам нужно от меня, лорды и леди?

— От вас — ничего. — Саймонд Темплтон уперся в Петира холодными голубыми глазами. — Нам нужно, чтоб вас здесь не было.

— Не было? — с притворным удивлением повторил Петир. — Где же мне быть, как не здесь?

— Король сделал вас лордом Харренхолла, — заметил лорд Хантер. — Большего никто и желать не может.

— Речные земли нуждаются в лорде, — подхватил старый Хортон Редфорт. — Ривердан осажден, Бракен и Блэквуд открыто воюют между собой, по обоим берегам Трезубца разгуливают шайки злодеев. Непогребенные тела лежат повсюду, куда ни глянь.

— В ваших устах это звучит весьма привлекательно, лорд Редфорт, — ответил Петир, — но здесь меня, к сожалению, держат неотложные дела. К тому же надо подумать о лорде Роберте. Неужели вы хотите, чтобы я тащил больного ребенка в этот страдающий от войны край?

— Его милость останется здесь, в Долине, — заявил Джон Ройс. — Я намерен взять мальчика к себе в Рунстон и вырастить из него рыцаря, которым Джон Аррен мог бы гордиться.

— Почему Рунстон? — осведомился Петир. — Отчего не Железная Дубрава, не Редфорт, не Длинный Лук?

— Все эти замки его милость тоже посетит в свое время, — заверил лорд Бельмор.

— В самом деле? — с заметным сомнением произнес Петир.

— Если вы пытаетесь настроить нас друг против друга, лорд Петир, то не трудитесь, — посоветовала леди Уэйнвуд. — Здесь мы говорим в один голос. Рунстон устраивает нас всех. Лорд Джон превосходно воспитал трех своих сыновей, и более подходящего опекуна для юного лорда нечего и желать. Его мейстер Хелливег много старше и опытнее вашего Колемона и сможет успешнее лечить лорда Роберта. Воинскому мастерству мальчика будет учить Сэм Стоун-Силач, отличнейший мастер оружия. Септон Люкос станет его духовным наставником. Кроме того, в Рунстоне будут другие мальчики его возраста — куда более подходящее общество, чем старухи и наемники, которыми он окружен здесь.

Петир потеребил бородку.

— Лорд Роберт действительно нуждается в обществе ровесников, я согласен. Но Алейну едва ли можно назвать старухой. Мальчик нежно

любит мою дочь, он сам вам скажет об этом. Кроме того, я недавно просил лорда Графтона и лорда Линдерли прислать мне своих сыновей. Оба мальчика — сверстники Роберта.

— Щенки комнатных собачек, — засмеялся Лин Корбрей.

— Роберту нужен также мальчик постарше — какой-нибудь юный оруженосец, могущий служить ему примером для подражания. У вас в Железной Дубраве, миледи, есть как раз такой мальчик. Вы ведь не откажете прислать мне Гарольда Хардинга?

— Лорд Петир, — невольно заулыбалась Анья Уэйнвуд, — вы самый ловкий вор, какого я видела в жизни.

— Я не намереваюсь красть у вас этого мальчика, однако они с лордом Робертом могли бы стать друзьями.

— Это в самом деле неплохо придумано, — вставил Бронзовый Джон, — и они подружатся… в Рунстоне, под моей опекой.

— Отдайте нам мальчика, — сказал лорд Бельмор, — и можете беспрепятственно ехать в Харренхолл, в законные ваши владения.

— Ваши слова предполагают, что в противном случае мне придется плохо, милорд? — с мягким

упреком спросил Петир. — Но отчего же? Моя покойная жена полагала, что и Гнездом я владею вполне законно.

— Лорд Бейлиш, — сказала леди Уэйнвуд, — Лиза Талли была вдовой Джона Аррена, матерью его ребенка и правила Долиной как регентша Роберта. Вы, скажем откровенно, не Аррен, и в Роберте нет вашей крови. По какому же праву вы собираетесь править нами?

— Лиза, помнится мне, назначила меня лордом-протектором.

— Лиза Талли не была уроженкой Долины, — сказал лорд Хантер, — и не имела права распоряжаться нашими судьбами.

— Ну а лорд Роберт? Или ваша милость предполагает, что судьбой родного сына леди Лиза тоже не имела права распорядиться?

Нестор Ройс, молчавший все это время, теперь вступил в разговор.

— Когда-то я сам надеялся заключить брачный союз с леди Лизой. Отец лорда Хантера и сын леди Аньи питали такую же надежду, Корбрей же не отходил от нее добрых полгода. Если бы она выбрала одного из нас, никто бы не оспаривал сейчас его права быть лордом-протектором. Вышло, однако, так, что она выбрала лорда Ми-

зинца и доверила своего сына его заботам.

— Мальчик приходится сыном не только ей, но и Джону Аррену, — нахмурился Джон Ройс. — Он принадлежит Долине, кузен.

— Чем же Орлиное Гнездо хуже Рунстона? — невинно вопрошал Петир. — Его как будто не выносили за пределы Долины.

— Остри сколько хочешь, Мизинец, но мальчик отправится с нами, — не выдержал Бельмор.

— Мне жаль разочаровывать вас, лорд Бельмор, но мой пасынок останется здесь, со мной. Он слаб здоровьем, как все вы прекрасно знаете. Путешествие сказалось бы на нем самым плачевным образом. Я как его отчим и лорд-протектор не могу этого допустить.

Саймонд Темплтон прочистил горло.

— У нас тут внизу по тысяче человек на каждого, Мизинец.

— Вы превосходно выбрали место.

— В случае надобности мы можем собрать много больше.

— Вы угрожаете мне войной, сир? — спросил Петир, не выказывая ни малейшего страха.

— Лорд Роберт отправится с нами, — сказал Бронзовый Джон.

Казалось, переговоры зашли в тупик, но тут в

дело вмешался Лин Корбрей.

— Меня тошнит от всей этой болтовни. Если будете слушать Мизинца, то уйдете от него без штанов. С такими, как он, можно разговаривать только сталью. — И сир Лин обнажил меч.

— У меня при себе нет меча, сир, — развел руками Петир.

— Это легко исправить. — Огоньки свечей плясали на дымчато-сером клинке — Сансе при виде него вспомнился Лед, меч отца. — Он есть у вашего яблочника. Велите ему дать вам меч или достаньте кинжал.

Лотор Брюн тоже взялся за оружие, но пустить его в ход им помешал Бронзовый Джон, в гневе поднявшийся с места.

— Спрячьте ваш меч, сир! Корбрей вы или Фрей? Мы с вами гости этого дома.

— Неслыханно, — поддержала его леди Анья.

— Уберите меч, Корбрей, и не позорьте нас, — отозвался лорд Хантер.

— Полно, Лин, — более мягким тоном сказал лорд Редфорт. — Так мы ни к чему не придем. Уложи Покинутую обратно.

— Моя леди хочет пить, — не уступал Корбрей. — Всякий раз, когда она выходит плясать, ей требуется капелька красного.

— Ничего, потерпит, — сказал, став перед ним, Бронзовый Джон.

— Лорды Хартии, — фыркнул Лин. — Лучше бы вы назвали себя старыми кумушками. — Он вдвинул темную сталь в ножны и вышел, оттеснив плечом Брюна. Алейна слышала его удаляющиеся шаги.

Анья Уэйнвуд и Хортон Редфорт переглянулись, лорд Хантер допил вино и снова подставил Алейне чашу.

— Вы должны извинить нас за эту выходку, лорд Бейлиш, — сказал сир Саймонд.

— Должен? — с холодом в голосе повторил Мизинец. — Его привели сюда вы, милорды.

— Мы не хотели… — начал Бронзовый Джон.

— Его привели сюда вы. Я был бы в своем праве, позвав людей и взяв под стражу вас всех.

Хантер взвился так, что чуть не выбил штоф у Алейны из рук.

— Вы поручились за нашу безопасность!

— Будьте же благодарны за то, что я в отличие от некоторых человек чести. — Алейна еще никогда не слышала, чтобы Петир говорил так сердито. — Я прочел вашу так называемую Хартию, выслушал ваши требования. Теперь выслушайте меня. Уберите снизу ваши войска,

отправляйтесь по домам и оставьте моего сына в покое. «Недостойное правление» — слова верные, не отрицаю, но относятся они к Лизе, а не ко мне. Дайте мне год, и я с помощью лорда Нестора сделаю так, что никто из вас не будет в обиде.

— Это вы так говорите, — сказал Бельмор. — С какой стати мы должны доверять вам?

— И вы еще смеете говорить, что я недостоин доверия? Не я обнажил сталь во время переговоров. Вы пишете о защите лорда Роберта, а сами отказываете ему в пропитании. Этому пора положить конец. Я не воин, но буду биться, если вы не снимете осаду. В Долине, кроме вас, есть и другие лорды, и Королевская Гавань тоже не оставит нас своей помощью. Если хотите войны, скажите об этом прямо, и в Долине прольется кровь.

Алейна видела, что лордами овладевает сомнение.

— Год — не такой уж и долгий срок, — промолвил Редфорт. — Возможно, если вы дадите… ручательства…

— Никто из нас не хочет войны, — подтвердила леди Уэйнвуд. — Осень на исходе, надо к зиме готовиться.

— Но к концу года… — пропыхтел Бельмор.

— Если я не наведу порядка в Долине, то сам

откажусь от поста лорда-протектора, — пообещал Петир.

— Мне это представляется честным условием, — вставил Нестор Ройс.

— И никаких гонений, — потребовал Темплтон. — Никаких разговоров об измене и мятеже. Вы должны поклясться и в этом.

— Охотно, — ответил Петир. — Я хочу, чтобы меня окружали друзья, а не враги. Я прощаю вас всех и сделаю это письменно, если хотите. Даже и Лина Корбрея. Его брат — хороший человек, и незачем срамить благородный дом.

— Быть может, нам посовещаться, милорды? — спросила леди Уэйнвуд своих единомышленников.

— Нет нужды — и так ясно, что победил он. — Серые глаза Бронзового Джона с ног до головы смерили Петира Бейлиша. — Мне это не по душе, но свой год он, похоже, выиграл. Используйте его с толком, милорд, и не думайте, что вы тут всех одурачили. — И он распахнул дверь так, что чуть не своротил петли.

После этого состоялось нечто вроде пира, хотя Петиру пришлось извиниться за скромное угощение. Привели Роберта в кремово-голубом дублете, и он вел себя очень мило, как настоящий

маленький лорд. Бронзовый Джон этого не видел — он покинул Гнездо, а Лин Корбрей отбыл и того раньше. Все остальные заночевали в замке.

Он их просто околдовал, думала Алейна, укладываясь в постель и слушая, как воет ветер за окнами. Непонятно откуда взявшееся подозрение не давало ей спать — так недогрызенная кость не дает покоя собаке. Поворочавшись некоторое время, она встала, оделась и вышла, оставив в комнате спящую Гретчель.

Петир еще не лег и что-то писал.

— Алейна, милая, что привело тебя сюда в такой час?

— Мне нужно знать — что случится за этот год?

Он отложил перо.

— Редфорт и Уэйнвуд — старые люди. Кто-то из них может умереть, а глядишь, и оба преставятся. Гилвуда Хантера прикончат его же братья — скорее всего молодой Харлан, который уже помог умереть лорду Эону. Лиха беда начало, я это всегда говорил. Бельмор — продажная душа, его можно купить. Темплтона я сделаю своим другом. С Бронзовым Джоном, боюсь, дружбы не получится, но пока он один, он не так уж и страшен.

— А сир Лин Корбрей?

— Сир Лин останется моим заклятым врагом. — Огоньки свечей отражались в глазах Петира. — Он будет высказывать свою ненависть и презрение всем и каждому, будет предлагать свой меч всем заговорщикам, желающим свергнуть меня.

В этот миг ее подозрение обратилось в уверенность.

— Чем же вы вознаградите его за эту услугу?

— Золотом, мальчиками и обещаниями, — расхохотался Петир. — Сир Лин — человек простой, моя радость. Золото, мальчики и убийства — вот все, что он любит.

Серсея

— Я хочу сидеть на Железном Троне, — канючил король. — Джоффу вы позволяли.

— Джоффри было двенадцать лет, а не восемь.

— Но ведь я же король. Это *мой* трон.

— Кто тебе это сказал? — Серсея сделала глубокий вдох, чтобы Доркас зашнуровала ее потуже. Эта крупная девушка намного сильнее Сенеллы, хотя и не так ловка.

— Никто, — покраснел Томмен.

— Никто? Так-то ты называешь свою леди-жену? — Серсея чуяла, что за этим бунтом стоит Маргери Тирелл. — Если будешь лгать, мне придется послать за Пейтом и приказать, чтобы его высекли до крови. — Пейт служил мальчиком для битья и при Джоффри, и при Томмене. — Ты этого хочешь?

— Нет, — надулся король.

— Так кто же тебе сказал?

— Леди Маргери, — пошаркав ногами, признался мальчик. Королевой при матери он ее благоразумно не стал называть.

— То-то же. Я вынуждена заниматься серьезны-

ми делами, Томмен, делами, которые тебе пока еще не по разуму. Мне совсем не нужно, чтобы на троне у меня за спиной елозил глупый мальчишка, пристающий ко мне с детскими вопросами. Маргери, верно, полагает, что ты и на заседаниях совета должен присутствовать?

— Да. Она говорит, мне нужно учиться быть королем.

— Когда подрастешь, сможешь заседать в совете сколько тебе вздумается. Ты увидишь, как скоро тебе это надоест. Роберт в совете всегда дремал. — *Если вообще удостаивал его своим присутствием*, добавила она про себя. — Он предпочитал охотиться, а скучные дела оставлял старому Аррену. Ты помнишь этого лорда?

— Он умер от живота.

— Да, верно. Бедняга. Если уж тебе пришла такая охота учиться, выучи для начала имена всех королей Вестероса и всех десниц, которые им служили. Завтра я спрошу у тебя этот урок.

— Хорошо, матушка, — послушно ответил мальчик.

— Вот и умница. — Серсея не намеревалась выпускать из рук бразды правления до самого совершеннолетия сына. *Я полжизни ждала этого, пусть и он подождет*, говорила она себе.

Она играла роль послушной дочери, стыдливой невесты, покладистой жены. Страдала от пьяных ласк Роберта, ревности Джейме, насмешек Ренли. Терпела хихикающего Вариса и скрежещущего зубами Станниса. Подлаживалась к Джону Аррену, Неду Старку и злобному карлику, своему брату, каждый раз обещая себе, что когда-нибудь наступит ее черед. Если Маргери Тирелл задумала лишить ее вожделенного торжества, пусть лучше подумает еще раз.

Завтракала она, однако, в дурном настроении, а остаток утра провела с лордом Джайлсом и его счетными книгами, слушая его кашель о звездах, оленях и драконах. Затем лорд Уотерс доложил, что три первых военных корабля почти закончены, и просил еще золота, чтобы отделать их с подобающей роскошью. Ей было приятно удовлетворить его просьбу. Обедала она с членами купеческих гильдий, которые жаловались, что воробьи запруживают улицы и ночуют прямо на площадях. Придется, возможно, приказать золотым плащам выгнать этих бродяг из города, подумалось ей, — и тут в чертог явился великий мейстер.

На последних советах Пицель вел себя крайне сварливо. Он остался недоволен капитанами, ко-

торых Аурин Уотерс подобрал для ее новых судов. Все они были молоды, а Пицель ратовал за опыт и настаивал, чтобы корабли отдали капитанам, уцелевшим после битвы на Черноводной. «Это славные моряки, доказавшие свою верность на деле», — говорил он. «Они доказали только одно — что умеют плавать, — возразила ему Серсея, принявшая сторону лорда Уотерса. — Мать не должна жить дольше своих детей, а капитан — дольше своего корабля». Ее слова Пицелю не пришлись по нраву.

Сегодня он был расположен более мирно и даже изобразил на лице улыбку.

— Добрые вести, ваше величество, — объявил он. — Виман Мандерли выполнил ваш приказ и обезглавил Станнисова лукового рыцаря.

— Это доподлинно известно?

— Голова и руки казненного выставлены на городской стене Белой Гавани. Лорд Виман удостоверяет это, а Фреи подтверждают. Они видели эту голову с луковицей во рту, и пальцы на одной руке укорочены.

— Прекрасно. Известите Мандерли, что сын будет ему возвращен, ибо он доказал свою преданность королю. — Теперь в Белой Гавани тоже настанет мир, а Русе Болтон со своим бастардом

идут на Ров Кейлин с двух сторон — один с юга, другой с севера. Как только Ров будет взят, они совместными силами выбьют островитян из Торрхенова Удела и Темнолесья. Это позволит им заключить союз с оставшимися знаменосцами Неда Старка, когда придет время выступить против Станниса.

На юге Мейс Тирелл раскинул лагерь под стенами Штормового Предела и бомбардирует замок камнями — без особого, впрочем, успеха. Хорош вояка! Ему бы следовало поместить в гербе толстяка, восседающего на своей жирной заднице.

Прием нудного браавосского посла она уже откладывала на две недели и охотно отложила бы еще на год, но лорд Джайлс заявил, что не в силах более выдерживать его натиск. Королева начинала задумываться, есть ли у лорда-казначея силы хоть на что-нибудь, кроме кашля.

Браавосиец представился как Нохо Димиттис — имечко в самый раз для него. Даже голос его раздражал королеву. Она беспокойно ерзала на сиденье, гадая, долго ли еще ей придется выслушивать его дерзкие речи. Шипы и лезвия Железного Трона позади нее отбрасывали на пол жутковатые тени. Только сам король или его десница имели право сидеть на нем. Серсея зани-

мала место у его подножия, в золоченом кресле с красными подушками.

— Этим делом должен заниматься скорее наш лорд-казначей, — ввернула она, как только браавосиец остановился перевести дух.

Это явно не удовлетворило благородного Нохо.

— Я имел уже шесть бесед с лордом Джайлсом. Он кашляет и просит его извинить, а золота как не было, так и нет.

— Поговорите в седьмой раз, — любезно предложила Серсея. — Число семь священно для нас.

— Ваше величество изволит шутить, я вижу.

— Никоим образом. Разве я улыбаюсь? Или смеюсь? Уверяю вас, когда я шучу, никто не может удержаться от смеха.

— Король Роберт…

— …умер, — отрезала королева. — Железный банк получит свое золото, как только мы подавим этот мятеж.

Он осмелился бросить на нее гневный взгляд.

— Ваше величество…

— Аудиенция окончена. — Она довольно натерпелась для одного дня. — Сир Меррин, проводите благородного Нохо Димиттиса, а вы, сир Осмунд, ступайте со мной. — Ей хотелось принять ванну и переодеться до прихода гостей. Ужин обещал

быть не менее скучным. Тяжелая это работа — управлять королевством, тем более семью королевствами.

На лестнице Осмунд Кеттлблэк поравнялся с ней, высокий и стройный, весь в белом. Убедившись, что здесь больше никого нет, Серсея взяла его под руку.

— Как поживает ваш младший брат?

— Неплохо, — замялся сир Осмунд, — вот только…

— Только что? — с намеком на гнев произнесла королева. — Признаюсь, мое терпение на исходе. Нашему милому Осни давно пора стать жеребчиком при нашей кобылке. Я назначила его щитом Томмена, чтобы он каждый день мог бывать в ее обществе, а розочка до сих пор не сорвана. Быть может, его чары не действуют?

— С его чарами все в порядке — он как-никак Кеттлблэк. — Сир Осмунд запустил пальцы в свои маслянистые черные волосы. — Все дело в ней.

— Что вы хотите этим сказать? — Серсея начала уже сомневаться относительно сира Осни. Возможно, другой пришелся бы Маргери больше по вкусу. Скажем, Аурин Уотерс с его серебристыми волосами или здоровенный детина наподобие сира Таллада. — Девица предпочитает кого-то

еще? Ваш брат неприятен ей?

— Очень даже приятен. Он рассказывал, что на днях она потрогала шрамы у него на лице и спросила, что за женщина его наградила ими. Он не говорил, что это сделала женщина, но она все равно узнала — наверно, от кого-то другого. Она и застежку его плаща поправляла, и волосы убирала со лба, и все такое. Один раз, у мишеней, она попросила его показать, как надо держать длинный лук, и он ее обнял. Она смеется его озорным шуткам и отвечает на них своими, еще более смелыми. Она хочет его, это ясно, но…

— Но? — повторила Серсея.

— Они никогда не бывают одни. Король с ними почти все время, а если не он, то еще кто-нибудь. Две из ее дам спят с ней в одной постели, меняясь поочередно. Две другие приносят ей завтрак и помогают одеться. Молится она со своими септами, читает с кузиной Элинор, поет с кузиной Эллой, шьет с кузиной Меггой. Она забавляется соколиной охотой с Янной Фоссовей или Мерри Крейн либо играет в «приди ко мне в замок» с маленькой Бульвер. Она никуда не выезжает без пяти-шести спутников и берет с собой дюжину гвардейцев по меньшей мере. Мужчины окружают ее всегда, даже в Девичьем Склепе.

— Мужчины? — Это уже сулило надежду. — Что за мужчины?

— Певцы, — пожал плечами сир Осмунд. — Она просто помешана на певцах, жонглерах и разных других скоморохах. А за ее кузинами постоянно увиваются рыцари. Осни говорит, что всех хуже сир Таллад. Этот здоровый олух никак не может выбрать между Элинор и Эллой, но одну из них позарез хочет. Близнецы Редвин тоже все время при них. Боббер носит цветы и фрукты, Орясина бренчит на лютне — ни дать ни взять кошку душат, говорит Осни. Этот, с Летних островов, тоже под ногами путается.

— Джалабхар Ксо? — презрительно фыркнула Серсея. — Он, не иначе, выпрашивает у нее золото и мечи, чтобы отвоевать свою родину. — Ксо под своими перьями и драгоценностями, в сущности, нищий. Роберт мог бы положить конец его приставаниям одним твердым «нет», но этому пьянчуге, видите ли, смерть как приспичило завоевать Летние острова. Размечтался о темнокожих нагих красотках в плащах из перьев, с черными, как уголь, сосками. Поэтому вместо «нет» Роберт всегда отвечал Ксо «на будущий год», и этот год так и не настал никогда.

— Не знаю, выпрашивает ли, ваше величество.

Осни говорит, он учит их своему языку. То есть не его, а кор… кобылку с кузинами.

— Кобыла, говорящая на языке Летних островов, произвела бы большой шум, — сухо проронила Серсея. — Скажи брату, чтобы хорошенько наточил шпоры. Скоро я найду для него способ оседлать лошадку, можете быть уверены.

— Скажу, ваше величество. Ему и самому не терпится. Кобылка-то хороша.

Он желает только меня, дурак ты этакий, мысленно сказала Серсея. У Маргери между ног он ищет лишь свое лордство. При всей ее влюбленности в Осмунда он порой казался ей таким же тупицей, как Роберт. Надо надеяться, что мечом он орудует быстрее, чем головой. Томмену это когда-нибудь может понадобиться.

Идя под тенью сгоревшей Башни Десницы, они услышали крики «ура». Какой-то оруженосец, проскакав по двору, ловким ударом привел поперечину кинтаны в движение. «Ура» ему кричал курятник Маргери во главе с ней самой. Много шуму из ничего. Можно подумать, этот мальчишка победил на турнире. Не успев подумать об этом, Серсея с испугом увидела, что всадник — не кто иной, как Томмен в позолоченном панцире.

Осталось лишь улыбнуться и подойти к сыну.

Рыцарь Цветов помог ему спешиться, и мальчик, сам не свой от волнения, спрашивал всех и каждого:

— Видели? Я сделал все так, как сказал сир Лорас. Вы видели, сир Осни?

— Видел, — подтвердил Осни Кеттлблэк. — Великолепное зрелище.

— Вы держитесь в седле лучше, чем я, мой король, — вставил сир Дермот.

— Я и копье сломал — сир Лорас, вы слышали?

— Это было как удар грома. — Белый плащ сира Лораса удерживала на плече роза из хризолита и золота, ветер шевелил роскошные каштановые кудри. — Превосходный наезд, но одного раза недостаточно. Вы должны повторить это завтра и упражняться каждый день, пока каждый ваш удар не будет попадать в цель и копье не сделается продолжением вашей руки.

— Это и мое желание.

— Ты просто чудо. — Маргери, грациозно согнув колено, обняла короля и поцеловала в щеку. — Берегись, брат, — еще несколько лет, и мой отважный супруг ссадит тебя с коня на турнире.

Все три кузины согласились с ней, а малютка Бульвер скакала вокруг, распевая:

— Томмен всех победит, победит, победит!

— Победит, когда вырастет, — сказала Серсея.

Их улыбки увяли, как розы, побитые заморозком. Старая рябая септа опомнилась первая и преклонила колено, прочие сделали то же самое, кроме маленькой королевы и ее брата.

Один Томмен, не замечая внезапного похолодания, лепетал свое:

— Вы видели, матушка? Я сломал копье о щит, и мешок меня даже не задел!

— Я смотрела с той стороны двора. Молодчина, Томмен. Меньшего я от тебя и не ожидала. Рыцарство у тебя в крови. Когда-нибудь ты станешь первым, как твой отец.

— Никто не сравнится с ним, — ласково улыбнулась Маргери. — Я, однако, ничего не знала об успехах короля Роберта на ристалище. Скажите, пожалуйста, ваше величество, какие турниры он выиграл? Каких знаменитых рыцарей выбил из седел? Я знаю, королю тоже хочется послушать о победах его отца.

Серсею бросило в жар — девчонка ее поймала. Турнирный боец из Роберта был, по правде сказать, никудышный. Он всегда предпочитал общую схватку, где мог побивать остальных затупленным топором или молотом. Она думала о Джейме, когда произносила эти слова. Как могла

она так забыться?

— Роберт выиграл турнир на Трезубце, — вывернулась Серсея. — Он выбил из седла принца Рейегара и нарек меня королевой любви и красоты. Меня удивляет, что вы не знали этой истории, дочь моя. Помогите моему сыну снять доспехи, сир Осмунд, — распорядилась она, не дав Маргери времени придумать ответ, — а вас, сир Лорас, я прошу на два слова.

Рыцарю Цветов ничего не оставалось, как пойти за ней подобно щенку, каковым он и был. Взойдя с ним на витую наружную лестницу, Серсея спросила:

— Кто все это затеял?

— Моя сестра, — откровенно признался он. — Сир Таллад, сир Дермот и сир Портифер наскакивали на кинтану, вот королева и предложила, чтобы его величество тоже попробовал.

Называет ее королевой, чтобы мне досадить, отметила про себя Серсея.

— А вы что же?

— Я помог его величеству облачиться в доспехи и показал ему, как держать копье.

— Этот конь слишком велик для него. Что, если бы он упал? Если бы мешок с песком ударил его по голове?

— Без синяков и разбитых губ ни один рыцарь не обходился.

— Я начинаю понимать, отчего ваш брат стал калекой. — Это, к ее удовольствию, стерло улыбку с его хорошенькой мордочки. — Возможно, мой собственный брат плохо объяснил вам ваши обязанности. Вам надлежит оберегать моего сына и защищать его от врагов. Обучать его рыцарскому мастерству должен мастер над оружием.

— В Красном Замке нет мастера над оружием с тех пор, как был убит Арон Сантагар, — с легким укором заметил сир Лорас. — Его величеству скоро девять, и он жаждет учиться. По возрасту ему полагается уже быть оруженосцем. Кто-то просто обязан давать ему уроки.

Обязан и будет давать, да только не ты.

— У кого вы сами были оруженосцем, сир? — милостиво спросила она. — У лорда Ренли, не так ли?

— Имел эту честь.

— Я так и думала. — Серсея знала, как крепки узы между рыцарем и его оруженосцем, и ей не хотелось, чтобы Томмен сблизился с Лорасом Тиреллом. Рыцарь Цветов не мог служить примером для какого бы то ни было мальчика. — Вы открыли мне глаза. Государственные дела, война

и кончина отца заставили меня забыть о столь важном вопросе, как назначение нового мастера над оружием. Я тотчас же исправлю эту ошибку.

Сир Лорас откинул локон, упавший на лоб.

— Ваше величество не найдет никого, кто владел бы мечом и копьем хотя бы наполовину столь же искусно, как я.

От скромности ты не умрешь, это ясно.

— Томмен не ваш оруженосец, а ваш король. Вы обязаны сражаться за него, не щадя жизни, — и только.

Оставив его на подъемном мосту через сухой ров с железными пиками, она одна вошла в Крепость Мейегора. Где же взять этого мастера над оружием? — думала она, поднимаясь в свои покои. Раз она отказала сиру Лорасу, к другим рыцарям Королевской Гвардии обращаться уже нельзя — это значило бы сыпать соль на рану и вызывать гнев Хайгардена. Кто же тогда — сир Таллад, сир Дермот? Томмен успел привязаться к своему новому телохранителю Осни, но тот оказался менее ловок с девой Маргери, чем Серсея надеялась, а для его брата Осфрида у нее были другие планы. Можно лишь пожалеть о том, что Пес взбесился. Томмен всегда побаивался Сандора Клигана за его грубый голос и обожженное лицо,

а язвительный характер Клигана послужил бы хорошим противоядием от слащавой галантности Лораса Тирелла.

Ей вспомнилось, что Арон Сантагар был дорнийцем. Не послать ли в Дорн? Между Солнечным Копьем и Хайгарденом пролегло много веков кровавой междоусобицы. Да, дорниец подошел бы ей как нельзя лучше. Уж верно у них найдется несколько хороших бойцов.

В своей горнице она застала лорда Квиберна — он читал что-то, сидя на подоконнике.

— Я должен доложить вашему величеству кое о чем.

— Снова измены и заговоры? Говорите, но только кратко. У меня позади долгий, утомительный день.

— Как пожелаете, — сочувственно улыбнулся он. — Есть слух, что архон Тироша предложил условия Лиссу с намерением положить конец их торговой войне. Говорят также, что Мир готов вступить в войну на стороне Тироша, но без Золотых Мечей им вряд ли удастся…

— Мне это безразлично, — перебила его Серсея. Вольные Города постоянно воюют между собой, и незачем Вестеросу разбираться в их распадающихся союзах и свежих интригах. — Нет ли у вас

чего-нибудь поважнее?

— Восстание рабов в Астапоре перекинулось, похоже, на Миэрин. Моряки с дюжины кораблей говорят о драконах…

— О гарпиях. В Миэрине чтут гарпий, — вспомнила королева. Миэрин так далек — это где-то на востоке, дальше Валирии. — И что мне за дело до этого бунта? В Вестеросе рабов нет. Это все, что вы имеете сообщить?

— Есть новости из Дорна, которые ваше величество найдет более занимательными. Принц Доран взял под стражу сира Дейемона Сэнда, бастарда, бывшего прежде оруженосцем у Красного Змея.

— Я его помню. — Сир Дейемон был в числе рыцарей, сопровождавших принца Оберина в Королевскую Гавань. — В чем он провинился?

— Требовал освободить дочерей принца Оберина.

— Глупец.

— Наши друзья в Дорне уведомляют нас также о том, что дочь Рыцаря Крапчатого Леса неожиданно заключила помолвку с лордом Эстермонтом. В ту же ночь она уехала в Зеленую Скалу, и говорят, будто их брак уже состоялся.

— Это можно объяснить бастардом у нее в

животе, — накручивая на палец локон, предположила Серсея. — Сколько невесте лет?

— Двадцать три, ваше величество, в то время как лорду Эстермонту…

— Добрых семьдесят. — Эстермонты приходились ей сродни через Роберта, чей отец в приступе похоти или безумия взял одну из них в жены. К тому времени, как Серсея вышла за Роберта, его мать давно умерла, но оба ее брата явились на свадьбу и прогостили целых полгода. Позже Роберт решил, что учтивость требует вернуть им визит, и они отправились на скалистый островок Эстермонт близ мыса Гнева. В их поместье, Зеленой Скале, Серсея провела две недели, самые длинные в ее молодой жизни. Джейме в первый же день нарек этот замок Зеленым Дерьмом, и она вскоре переняла у него это название. Целыми днями она наблюдала, как ее августейший супруг охотится, пьет со своими дядюшками и колошматит кузенов во дворе замка.

Имелась там и кузина, вдовушка с грудями как дыни — муж ее и отец умерли в Штормовом Пределе во время осады. «Ее отец был добр ко мне, — сказал Роберт, — а с ней мы играли вместе». Недолго думая, он возобновил эти игры. Стоило жене смежить глаза, как он потихоньку

уходил утешать несчастную одинокую женщину. Однажды Серсея попросила Джейме проследить за ним, чтобы увериться в своих подозрениях. Брат вернулся и спросил, хочет ли она, чтобы Роберт умер. «Нет, — ответила молодая жена, — я хочу, чтобы у него рога выросли». Ей хотелось верить, что именно в ту ночь был зачат Джоффри.

— Итак, жена Элдона Эстермонта на пятьдесят лет моложе его, — сказала она Квиберну. — Каким образом это может касаться меня?

— Не знаю, право… но и Дейемон Сэнд, и девица Сантагар были приближенными дочери принца Дорана Арианны — так по крайней мере заявляют дорнийцы. Возможно, в этом нет ничего особенного, но я подумал, что вашему величеству следует знать.

— Что ж, теперь я знаю. — Она начинала терять терпение. — Еще что-нибудь?

— Так, пустяковина. — И Квиберн рассказал ей о кукольном представлении, имеющем последнее время большой успех у городского простонародья. Там рассказывается о том, как зверями правило племя надменных львов. — Со временем, гласит эта крамольная сказка, львы дошли до того, что принялись пожирать своих собственных подданных. Когда благородный олень выступает против

них, львы и его съедают, говоря: это наше право, потому что мы самые сильные из зверей.

— Тут и сказке конец? — Серсея нисколько не рассердилась. Эта история, если смотреть на нее в верном свете, могла послужить полезным уроком.

— Нет, ваше величество. В конце вылупившийся из яйца дракон съедает всех львов.

Это меняло дело, превращая кукольников из простых наглецов в изменников.

— Дураки безмозглые. Рисковать головой ради деревянного дракона! — Серсея поразмыслила. — Пошлите на это представление своих шептунов. Если среди зрителей окажутся видные люди, назовите мне их имена.

— Могу я спросить, какая участь их ожидает?

— Для состоятельных — пеня. Половины имущества будет довольно, чтобы научить их уму-разуму и пополнить казну, не разорив этих глупцов окончательно. Бедняков мы лишим одного глаза, чтобы впредь на крамолу не льстились. Кукольники пойдут на плаху.

— Их четверо. Быть может, ваше величество отдаст мне двоих для моих собственных целей? Особенно пригодилась бы женщина…

— Я уже отдала вам Сенеллу, — резко заметила

королева.

— Увы, эта бедная девушка совершенно… изнурена.

Серсее не хотелось думать об этом. Сенелла пошла с ней, ни о чем не подозревая, — она думала, что ее взяли прислуживать, и очень удивилась, когда Квиберн надел ей на руку цепь. До сих пор вспоминать тошно. Как холодно там, в подземелье, — даже факелы горят неровно, будто дрожат. И вопли этого существа во мраке…

— Хорошо, берите женщину — даже двух, если нужно. Но сначала я хочу знать имена.

— Как прикажете. — И Квиберн откланялся.

Солнце уже садилось. Доркас приготовила королеве ванну. Серсея, нежась в теплой воде, обдумывала, что скажет гостям за ужином, — и тут к ней ворвался Джейме, не слишком опрятный и пахнущий конским потом. С собой он привел Томмена.

— Сестра, — начал он, приказав Джаселине и Доркас выйти, — король хочет поговорить с тобой.

В комнате стоял пар, волосы у Серсеи намокли.

— В чем дело, Томмен? — обманчиво мягким голосом спросила она.

Мальчик, зная, что ничего доброго это не сулит,

оробел.

— Королю нужен на завтра его белый скакун, — сказал Джейме, — для обучения копейному бою.

Серсея села повыше.

— Никакого урока не будет.

— Нет будет, — выпятил губу Томмен. — Я должен учиться каждый день.

— Ты будешь учиться, — пообещала ему мать, — когда у нас появится новый мастер над оружием.

— Не хочу мастера над оружием. Хочу сира Лораса.

— Ты слишком превозносишь этого юношу — видно, что твоя женушка наговорила тебе о нем много лестного, но Осмунд Кеттлблэк как рыцарь втрое сильней его.

— Не тот Осмунд Кеттлблэк, которого знаю я, — засмеялся Джейме.

Серсея охотно удушила бы брата. Пожалуй, надо будет приказать Лорасу, чтобы он дал Осмунду выбить себя из седла. Это снимет с глаз Томмена радужную пелену. Если посолить устрицу, она съежится, если посрамить рыцаря, с ним произойдет то же самое.

— Я выпишу тебе наставника из Дорна, — сказала она сыну. — Дорнийцы — лучшие турнирные бойцы во всем государстве.

— Нет, не лучшие, — уперся Томмен. — Не нужен мне никакой дорниец, хочу сира Лораса. Такова моя воля!

Джейме знай посмеивался. Видя, что помощи от него не дождешься, Серсея сердито шлепнула рукой по воде.

— Может, за Пейтом послать? Мне твоя воля не указ. Ты мой сын.

— Я еще и король. Маргери говорит, что короля все должны слушаться. Я хочу, чтобы завтра оседлали моего белого скакуна и чтобы сир Лорас поучил меня атаке с копьем. Еще хочу котенка и не хочу есть свеклу. — Король, завершив свою речь, скрестил руки на груди.

— Поди-ка сюда, Томмен, — сказала Серсея, не обращая внимания на смешки Джейме. Мальчик попятился. — Боишься? Король не должен знать, что такое страх. — Томмен подошел, опустив глаза, и она погладила его золотые кудри. — Король или нет, ты совсем еще мал. Пока ты не вырос, страной правлю я. Тебя будут учить, обещаю, но только не Лорас. У рыцарей Королевской Гвардии есть обязанности поважнее детских игр — спроси лорда-командующего. Не так ли, сир?

— О да, куда как важнее, — с улыбочкой молвил Джейме. — Объезжать городские стены, к

примеру.

— А котенка-то мне можно взять? — со слезами в голосе спросил Томмен.

— Может быть — если выбросишь из головы кинтаны и копья. Обещаешь не заговаривать больше об этом?

Мальчик пошаркал ногами.

— Да.

— Вот и хорошо. А теперь беги, потому что я жду гостей.

В дверях Томмен задержался и заявил:

— Когда стану королем по-настоящему, не велю подавать свеклу к столу.

Джейме захлопнул за ним дверь обрубком руки.

— Не пойму что-то, ваше величество, — вы пьяны или умом скорбны?

Она снова хлопнула по воде, плеснув ему на ноги.

— Придержи язык, а не то…

— Не то что? Снова пошлешь меня объезжать городские стены? — Он сел, скрестив ноги. — Они в полном порядке. Я облазил каждый дюйм, осмотрел все семь ворот. На Железных заржавели петли, Королевские и Грязные следует заменить после ущерба, нанесенного им таранами Стан-

ниса. Сами стены крепки, как никогда, но ваше величество забывает, что наши друзья из Хайгардена находятся не вне, а внутри их.

— Ни о чем я не забываю. — Ей вспомнилась золотая монета с рукой на одной стороне и головой забытого короля на другой. Как попала она в тайник под ночным горшком какого-то бедолаги-тюремщика? Откуда у такого, как Рюген, старое золото Хайгардена?

— Я впервые слышу от тебя о новом мастере над оружием. Придется немало потрудиться, чтобы найти рыцаря лучше, чем Лорас Тирелл. Сир Лорас…

— Я знаю, что он такое, и не допущу его к своему сыну. Ты бы лучше напомнил ему о его обязанностях. — Вода в ее ванне совсем остыла.

— Он знает, в чем его долг, и лучшего копья…

— *Ты* был лучше, пока не лишился руки. И сир Барристан в молодости. И Эртур Дейн, и принц Рейегар. Не расхваливай мне этот цветочек. Он всего лишь нахальный юнец. — Ей надоели приставания Джейме. К ее лорду-отцу никто не смел приставать. Когда Тайвин Ланнистер говорил, его слушались. Когда говорит Серсея, все чувствуют себя вправе советовать ей, противоречить и даже отказывать. Потому лишь, что она женщина и не

может сразиться с ними на мечах. Даже Роберта, безмозглого дурака, они уважали больше. Она не могла уже этого выносить, от Джейме в первую очередь. Надо избавиться от него как можно скорее. Когда-то она мечтала о том, что они будут править государством совместно, но на деле он стал для нее скорее помехой, нежели помощью.

Она поднялась из ванны.

— Когда мне понадобится ваш совет, я скажу вам об этом, сир. А сейчас оставьте меня, мне нужно одеться.

— Как же, как же. Мы ждем гостей к ужину. Что замышляете на сей раз? Я уже запутался в ваших интригах. — Его взгляд упал на мокрые золотые завитки под ее животом.

Он все еще хочет меня, решила Серсея.

— Горюешь о том, что потерял, братец?

Он поднял глаза.

— Я тоже люблю тебя, дорогая сестрица, и все же ты дура. Красивая золотая дура.

Это ее ужалило. Он говорил с ней куда нежнее там, в Зеленой Скале, в ту ночь, когда наградил ее Джоффом.

— Выйди вон. — Она повернулась к нему спиной, и он ушел, повозившись у двери со своей культей.

Пока Джаселина занималась приготовлениями к ужину, Доркас помогла королеве надеть новое платье. Полоски блестящего зеленого атласа чередовались с полосками черного бархата, лиф был отделан черным мирийским кружевом. Мирийские кружева стоят дорого, но королева должна быть ослепительной в любое время, а несколько ее старых платьев по вине нерадивых прачек сели и перестали на нее налезать. Высечь бы мерзавок за это, но Таэна уговорила ее проявить милосердие — добрых правителей, дескать, народ больше любит. Поэтому Серсея просто вычла стоимость платьев из их жалованья.

Доркас подала ей серебряное зеркальце. Хороша, подумала Серсея, улыбаясь своему отражению. До чего же приятно снять траур. Черное ужасно ее бледнит. Жаль, что леди Мерривезер не будет за ужином — с Таэной всегда так весело. У Серсеи не было такой задушевной подруги со времен Мелары Гетерспун, которая на поверку оказалась жадной маленькой интриганкой, возомнившей о себе не по чину. Не надо, впрочем, думать плохо о мертвых. Благодаря ей Серсея научилась не доверять никому, кроме Джейме.

Когда она вошла в горницу, гости успели уже хорошо приложиться к наливке. Леди Фалиса

не только похожа на рыбу, но и пьет, как она, подумала королева, бросив взгляд на опустевший до половины штоф.

— Милая Фалиса, — воскликнула Серсея, поцеловав гостью в щеку, — и славный сир Бальман. Меня крайне огорчило известие о вашей дорогой матушке. Как дела у леди Танды?

— Как вы добры, ваше величество. — Казалось, что Фалиса вот-вот заплачет. — Мейстер Френкен говорит, что при падении она раздробила себе бедро. Он сделал что мог — остается только молиться…

Молитесь сколько хотите — все равно она умрет еще до новой луны. Женщины в возрасте Танды Стокворт не выживают после перелома бедра.

— Я буду молиться за нее вместе с вами, — сказала Серсея. — Лорд Квиберн сказал мне, что леди Танду сбросила лошадь?

— Ее подпруга лопнула во время езды, — сказал Бальман Берч. — Конюх не заметил, что ремень истерся, и наказан за это.

— Надеюсь, что строго. — Королева села и жестом предложила своим гостям сделать то же самое. — Еще наливки, Фалиса? Мне помнится, вы ее любите.

— Как мило, что ваше величество помнит об этом.

Запомнить нетрудно. Чудо, что она еще не льется из тебя с другого конца, по словам Джейме.

— Как вы доехали?

— Плохо, — пожаловалась Фалиса. — Почти все время шел дождь. Мы думали заночевать в Росби, но воспитанник лорда Джайлса отказал нам в гостеприимстве. Попомните мое слово: когда Джайлс умрет, этот простолюдин сбежит с его золотом. Возможно, он даже земли и лордство попытается захватить, хотя Росби после кончины Джайлса должен отойти к нам. Моя леди-мать приходится теткой его второй жене и троюродной сестрой самому Джайлсу.

Что у вас на гербе, миледи, — ягненок или загребущая обезьяна?

— Лорд Джайлс собирается умереть с тех пор, как я его знаю, однако он все еще здесь и, надеюсь, останется с нами на долгие годы. Думаю, мы все сойдем в могилу под его кашель, — улыбнулась Серсея.

— Скорее всего, — согласился сир Бальман. — Но нас, ваше величество, огорчил не только приемыш Росби. На дороге мы видели грязных

мужиков с кожаными щитами и с топорами. У многих на кафтанах нашиты священные семиконечные звезды, но вид у них самый злодейский.

— Они называют себя воробьями, — пояснила Серсея. — Настоящее бедствие. Придется нашему новому верховному септону заняться ими сразу после помазания — в противном случае я разделаюсь с ними сама.

— Его святейшество еще не избран? — спросила Фалиса.

— Нет, — вынужденно призналась Серсея. — Септон Оллидор был близок к этому, но воробьи проследили за ним до публичного дома и голого выволокли на улицу. Теперь, вероятнее всего, выберут Люцеона, хотя наши друзья на другом холме говорят, что ему пока недостает голосов до требуемого числа.

— Да осветит им Старица путь своей золотой лампадой, — благочестиво пожелала леди Фалиса.

— Неловко говорить, ваше величество… — замялся сир Бальман, — но, чтобы между нами не затаилась обида, надо вам знать, что такое имя бастарду выбрали не моя жена и не ее матушка. Лоллис у нас проста, а ее муж склонен к черному юмору. Я просил его найти более подходящее

имя, но он только смеялся в ответ.

Королева разглядывала его поверх чаши с вином. Когда-то сир Бальман был хорошим турнирным бойцом и одним из самых красивых рыцарей в Семи Королевствах. С тех пор у него сохранились пышные усы, но в остальном годы обошлись с ним немилостиво. Волнистые белокурые волосы сильно поредели, живот увеличился. Как орудие он оставлял желать много лучшего, но делать нечего, придется обойтись тем, что есть.

— Тирион до пришествия драконов было именем королей. Бес осквернил его, но этот мальчик, возможно, вернет ему прежнюю честь. — *Если проживет достаточно долго.* — Вы не виноваты, я знаю. Леди Танда мне как сестра, которой у меня никогда не было, а вы… вы… — Голос Серсеи дрогнул. — Простите, но я живу в постоянном страхе.

Фалиса открыла и снова закрыла рот — настоящая рыба и полная дура при этом.

— В страхе, ваше величество?

— Я ни одной ночи не спала целиком после гибели Джоффри. — Она вновь наполнила чаши. — Друзья мои… ведь вы же друзья? Мои и короля Томмена?

— Милый наш мальчик, — с чувством промолвил сир Бальман. — «Горды своей верностью» —

таков девиз дома Стоквортов, ваше величество.

— Если бы на свете было больше таких людей, как вы, добрый сир. Скажу вам правду: я с большим сомнением отношусь к сиру Бронну Черноводному.

Муж с женой переглянулись, и Фалиса сказала:

— Он отъявленный наглец, ваше величество. Невежа и сквернослов.

— Не истинный рыцарь, — добавил сир Бальман.

— Разумеется, нет, — улыбнулась ему Серсея. — Истинный рыцарь здесь, рядом со мной. Я помню, как блистательно вы сражались… на каком же это турнире?

— Не в Девичьем ли Пруду, шесть лет тому? — со скромной улыбкой предположил Бальман. — Но нет, вашего величества не было там, иначе королевой любви и красоты стали бы вы. Быть может, в Ланниспорте после подавления Грейджоева мятежа? Я тогда выбил из седла многих славных рыцарей…

— Да, именно там. — Улыбка исчезла с лица Серсеи. — Бес скрылся в ночь смерти моего отца, оставив двух честных тюремщиков лежать в луже крови. Предполагают, что он бежал за Узкое море, но я в этом не уверена. Карлик очень хитер.

Быть может, он до сих пор таится поблизости, замышляя новые злодеяния. Быть может, его кто-то прячет.

— Бронн? — задумчиво произнес сир Бальман, разглаживая свои роскошные усы.

— Он всегда был приспешником Беса. Один Неведомый знает, сколько людей он отправил в ад по приказу карлика.

— Я бы заметил, если б карлик появился в наших владениях, — усомнился сир Бальман.

— Мой брат так мал, что просто создан быть незаметным. — У Серсеи дрогнула рука. — Казалось бы, имя ребенка мало что значит, но наглость, если она остается безнаказанной, порождает бунт. А Бронн, как доложил мне Квиберн, собирает отряд наемников.

— Он принял на службу четырех рыцарей, — подтвердила Фалиса.

— Моя добрая жена льстит им, называя этот сброд рыцарями, — фыркнул сир Бальман. — Все они выскочки, бывшие наемники, без капли рыцарского духа.

— Этого я и боялась. Бронн собирает мечи для карлика. Да уберегут Семеро моего невинного сына. Бес убьет мальчика, как убил его брата. — Серсея всхлипнула. — Друзья, моя честь в ваших

руках… но что такое честь королевы по сравнению со страхом матери?

— Говорите смело, ваше величество, — подбодрил ее сир Бальман. — Ваши слова не выйдут из стен этой комнаты.

Серсея через стол стиснула его руку.

— Я стала бы лучше спать, услышав, что с сиром Бронном случилось несчастье… на охоте или еще где-нибудь.

— Несчастье, повлекшее за собой смерть? — подумав, спросил сир Бальман.

Нет, довольно будет сломать ему палец. Враги повсюду, а в друзьях — одни дураки.

— Прошу вас, сир, — прошептала она, — не заставляйте меня говорить это…

— Понимаю, — с важностью молвил сир Бальман.

Репа, и та бы быстрей смекнула.

— Вы рыцарь в полном смысле этого слова. Молитвы испуганной матери не пропали даром. — Серсея сопроводила эти слова поцелуем. — Действовать надо быстро. У Бронна пока еще мало людей, но если мы будем медлить, он сколотит себе целую шайку. — Вслед за Бальманом она поцеловала Фалису. — Я никогда этого не забуду, друзья мои, подлинные друзья, гордые

своей верностью. Даю вам слово, мы найдем Лоллис лучшего мужа. — *Скажем, одного из Кеттлблэков.* — Ланнистеры всегда платят свои долги.

За новым штофом наливки последовали тушенная в масле свекла, горячий хлеб, щука с травами и ребра дикого вепря. Серсея после смерти Роберта полюбила кабанье мясо. Даже общество сотрапезников не слишком угнетало ее, хотя Фалиса сюсюкала, а Бальман охорашивался весь ужин от супа до сладкого. Отделаться от них ей удалось только за полночь. Сир Бальман храбро предложил выпить еще, и королева сочла, что благоразумнее согласиться. *За половину того, что потрачено на эту наливку, я могла бы нанять Безликого и не думать больше о Бронне*, подумала она, наконец спровадив гостей.

Ее сын в этот час давно уже спал, но Серсея все-таки зашла к нему, прежде чем лечь самой. Рядом с мальчиком, к ее удивлению, свернулись клубочком три черных котенка.

— Это еще откуда? — спросила она Меррина Транта, выйдя из королевской опочивальни.

— Подарок маленькой королевы. Она хотела подарить одного, но его величество никак не мог решить, кого из них выбрать.

Ну что ж, это лучше, чем выковыривать их кинжалом из брюха матери. Но как неуклюже обхаживает Маргери Томмена — это просто смешно. Он слишком мал для поцелуев, поэтому она дарит ему котят. Да еще черных. Черные кошки приносят несчастье — вспомнить хотя бы, что случилось с маленькой дочерью Рейегара здесь, в этом замке. Ее матерью могла бы стать Серсея, если бы не та жестокая шутка, которую Безумный Король сыграл с лордом Тайвином. Лишь безумие могло побудить Эйериса отказаться от дочери Тайвина, забрав взамен его сына, а собственного сына женить на болезненной дорнийской принцессе, черноглазой и плоскогрудой.

Память о том, как ее отвергли, даже после стольких лет причиняла Серсее боль. Перед ней и теперь витал образ принца Рейегара, перебирающего длинными тонкими пальцами серебряные струны своей арфы. Кто из мужчин, когда-либо живших на свете, мог сравниться с ним красотой? Впрочем, он был больше чем человек — в нем текла кровь древней Валирии, кровь богов и драконов. Отец с раннего детства обещал ей, что она выйдет за Рейегара. Ей было тогда шесть или семь, не больше. «Не говори никому, дитя, — наказывал он, улыбаясь (никто, кроме Серсеи,

не видел его улыбающимся). — Его величество должен еще дать согласие на вашу помолвку, а пока это будет наш секрет». И это оставалось секретом, хотя однажды девочка нарисовала себя и Рейегара верхом на драконе — она сидела позади, обхватив принца руками. Когда Джейме обнаружил этот рисунок, она сказала ему, что это король Джейехерис с королевой Алисанной.

В десять лет она наконец увидела своего принца воочию — на турнире, устроенном ее лордом-отцом в честь прибытия короля Эйериса. Под стенами Ланниспорта устроили трибуны для зрителей, и крики простого народа перекатывались между ними и Бобровым Утесом, как гром. Лорда Тайвина приветствовали вдвое громче, чем короля, а принца Рейегара и того громче.

Семнадцатилетний Рейегар Таргариен, только что посвященный в рыцари, въехал на поле, одетый в черный панцирь поверх золотой кольчуги. Длинные шелковые ленты — красные, золотые, оранжевые — струились за его шлемом, как языки пламени. Он поразил копьем двух дядей Серсеи и дюжину лучших западных рыцарей, а вечером игрой на своей серебряной арфе довел Серсею до слез. Девочку представили принцу, и она утонула в его грустных фиалковых глазах.

На сердце у него рана, подумалось ей тогда, *но я исцелю его, когда мы поженимся*. Даже ее красивый брат Джейме рядом с Рейегаром показался ей всего лишь хлипким мальчишкой. *Принц будет моим мужем*, думала она, вне себя от волнения, *а когда старый король умрет, я стану королевой*. Тетушка выдала ей эту тайну перед турниром. «Ты должна быть особенно хороша, — говорила леди Дженна, оправляя на племяннице платье, — ибо на заключительном пиру вас с принцем Рейегаром объявят женихом и невестой».

Не будь Серсея так счастлива в тот памятный день, она нипочем не осмелилась бы зайти в шатер Магги-Жабы. На этот подвиг ее толкнуло желание доказать Жанее и Меларе, что львицы ничего не боятся. Да и с какой стати будущей королеве бояться какой-то безобразной старухи? Лишь теперь, целую жизнь спустя, Серсея покрывалась гусиной кожей, вспоминая ее предсказание. Жанея убежала из шатра с визгом, но Серсея с Меларой остались. Они дали колдунье вкусить их крови и посмеялись над ее глупыми пророчествами. Все они представлялись им сущим вздором. Она все равно будет женой принца Рейегара, что бы там ни говорила старая ведьма. Так обещал ей отец, а слово Тайвина Ланнисте-

ра — золото.

К концу турнира она перестала смеяться. Не было ни заключительного пира, ни объявления о помолвке, а король и ее отец обменивались холодными взглядами. Когда Эйерис с сыном и всеми своими рыцарями отбыл в Королевскую Гавань, Серсея в слезах, ничего не понимая, бросилась к тетке. «Твой отец предложил королю этот брак, — сказала ей леди Дженна, — но король и слушать не захотел. „Ты самый смышленый из моих слуг, Тайвин, — сказал Эйерис, — но кто же станет женить своего наследника на дочери своего слуги?“ Вытри слезы, малютка. Где это видано, чтобы львы плакали? Отец найдет тебе другого мужа, еще лучше Рейегара».

Неправда, тетя. Отец испортил мне жизнь, а теперь Джейме делает то же самое. Вместо Рейегара отец навязал мне Роберта, и предсказание Магги распустилось пышным ядовитым цветком. Если бы я вышла за Рейегара, как предназначили боги, он и не взглянул бы на ту волчицу. Он и теперь был бы нашим королем, а я его королевой и матерью его сыновей.

Серсея так и не простила Роберту его смерти.

Львы вообще не склонны прощать, что скоро узнает на себе сир Бронн Черноводный.

Бриенна

Хиль Хант настоял, чтобы они взяли головы.

— Тарли выставит их на стене, — заявил он.

— У нас нет дегтя, — возразила Бриенна. — Они сгниют по дороге. Оставьте их здесь. — Ей не хотелось ехать через зеленый сумрак соснового бора с головами убитых ею людей.

Но Хант, не послушав ее, сам отрубил мертвецам головы, связал их вместе за волосы и повесил себе на седло. Бриенна притворялась, будто не замечает их, но порой, особенно ночью, она чувствовала на себе взгляды их мертвых глаз, а однажды ей приснилось, что они перешептываются.

Раздвоенный Коготь провожал их сыростью и холодом. Дождь если не шел, то собирался пойти. Путники никак не могли согреться и с большим трудом отыскивали сухие дрова для костра.

Когда они достигли ворот Девичьего Пруда, их сопровождали полчища мух. Шагвеллу ворона выклевала глаза, Пиг и Тимеон кишели червями. Бриенна и Подрик приспособились ехать в ста ярдах впереди, чтобы не дышать этой мерзо-

стью, сир Хиль делал вид, что утратил обоняние напрочь. «Закопайте их», — уговаривала его Бриенна на каждом ночлеге, но он уперся на своем. Скажет, поди, лорду Рендиллу, что это он убил всех троих, подозревала она, — но рыцарь, к чести своей, ничего такого не сделал.

— Заика-оруженосец бросил камень, — поведал он Тарли во дворе замка Моутона. Головы уже передали сержанту, который распорядился почистить их, обмакнуть в деготь и водрузить над воротами. — Остальное — дело рук женщины.

— Все трое? — недоверчиво произнес лорд.

— Она так дралась, что и шестерых бы прикончила.

— А девицу Старк вы нашли? — спросил Тарли Бриенну.

— Нет, милорд.

— Вместо этого вы убили нескольких крыс. Как вам это понравилось?

— Совсем не понравилось, милорд.

— Жаль. Однако вкус крови вы изведали и доказали все, что хотели доказать себе и другим. Пора вам снять эту кольчугу и одеться как подобает. В порту стоят корабли, и один из них должен зайти на Тарт. Я вас посажу на него.

— Благодарю вас, милорд. Не надо.

Лицо лорда Тарли говорило, что ему очень хочется воткнуть ее собственную голову рядом с головами Тимеона, Пига и Шагвелла.

— Вы намерены упорствовать в своем безумии?

— Я намерена найти леди Сансу.

— Я видел, как она дралась с этими Скоморохами, ваша милость, — вставил сир Хиль. — Она сильнее многих мужчин и так проворна, что…

— Это заслуга ее меча, — рявкнул лорд. — Валирийская сталь всегда окажет себя. Сильнее многих мужчин, говорите? Согласен. Не мне отрицать, что это создание — ошибка природы.

Он и ему подобные осудят меня всегда, что бы я ни сделала, решила Бриенна.

— Есть вероятность, милорд, что Сандор Клиган знает что-то о судьбе девушки. Если бы я смогла его разыскать…

— Клиган подался в разбойники. Одни говорят, что он состоит в шайке Берика Дондарриона, другие — что нет. Знай я, где они прячутся, я сам бы выпустил им кишки и сжег падаль. Мы вешаем разбойников дюжинами, но главари до сих пор ускользают от нас. Клиган, Дондаррион, а теперь еще и Бессердечная — как вы полагаете найти их, если это даже мне не под силу?

Бриенна не знала, что на это ответить.

— Я могу попытаться, милорд.

— Ну что ж. С грамотой, которая у вас есть, моего позволения вам не требуется, однако я даю вам его. Если вам посчастливится, вы всего лишь сотрете ляжки в седле, если нет, то Клиган может и в живых вас оставить, когда попользуется вами вместе со всей своей шайкой. Приползете обратно на Тарт с песьим подарочком в животе.

Бриенна пропустила это мимо ушей.

— Не скажет ли ваша милость, сколько человек у Пса под началом?

— Шесть, шестьдесят, шестьсот — смотря у кого спрашивать. — Рендиллу Тарли явно надоел этот разговор, и он повернулся, чтобы уйти.

— Если я и мой оруженосец могли бы воспользоваться вашим гостеприимством до…

— Нет. Я не потерплю вас под моим кровом.

— Насколько я понимаю, милорд, — произнес сир Хиль Хант, — это пока еще кров лорда Моутона.

Тарли испепелил его взглядом.

— У Моутона мужества не больше, чем у червя. Не говорите со мной о Моутоне. Я слышал, ваш отец — достойный человек, миледи. Если так, мне его жаль. Одним боги посылают сыновей,

другим дочерей. Ни один отец не заслуживает отпрыска наподобие вас. Коли останетесь живы, леди Бриенна, не возвращайтесь в Девичий Пруд, пока городом правлю я.

Слова — это ветер, сказала себе Бриенна. *Они не могут ранить. Мне они как с гуся вода.* «Воля ваша, милорд», — хотела сказать она, но Тарли не стал дожидаться ее ответа. Она вышла со двора как во сне, не понимая, куда идет.

— Здесь есть гостиницы, — заметил, догнав ее, сир Хиль.

Она мотнула головой, не желая с ним разговаривать.

— Помните «Смердящую гуску»?

Ее плащ до сих пор хранил аромат этого заведения.

— А что?

— Ждите меня там завтра в полдень. Моего кузена Алина в числе прочих посылали на поиски Пса. Я с ним поговорю.

— Зачем это вам?

— Если вы добьетесь успеха там, где Алин потерпел крах, я буду его дразнить этим до конца наших дней.

Сир Хиль не солгал — гостиницы в Девичьем Пруду были. Сгоревшие, правда, еще нуждались

в восстановлении, а остальные просто ломились от солдат лорда Тарли. За день Бриенна и Подрик объехали все, но нигде не нашли пристанища.

— Сир… миледи, — сказал Подрик на закате дня. — Тут стоят корабли, а на кораблях есть гамаки. Или койки.

Порт кишел людьми лорда Рендилла, как головы Кровавых Скоморохов мухами, но сержант узнал Бриенну и пропустил их. Местные рыбаки кричали, распродавая дневной улов, однако ее занимали суда покрупнее, пришедшие из-за Узкого моря. Их в гавани было с полдюжины — правда, один их них, галеон «Дочь Титана», уже отдавал канаты, готовясь уйти с вечерним приливом. Подрик с Бриенной обошли оставшиеся. Хозяин «Белой чайки» принял Бриенну за шлюху и заявил, что его корабль не бордель, а гарпунщик с иббенийского китобоя предложил купить мальчика, но другие встретили их более приветливо. На «Пахаре моря», баркасе, пришедшем из Староместа с заходом в Тирош, Пентос и Синий Дол, она купила Подрику апельсин.

— Отсюда пойдем в Чаячий город, — сказал капитан, — а из него вкруг Перстов к Сестрам и Белой Гавани, если погода позволит. У нас чисто, крыс мало, есть свежее масло и яйца. Желаете

плыть на север, миледи?

— Нет. — *Не теперь. Это большое искушение, однако…*

По дороге к следующему причалу Подрик вымолвил:

— Сир… миледи… а вдруг миледи правда домой поехала? Леди Санса то есть.

— Ее дом сожгли.

— Все равно. Там ее боги, а боги не умирают.

Да… в отличие от молодых девушек.

— Тимеон был злодей и убийца, но не думаю, что он солгал насчет Пса. Нельзя плыть на север, пока мы не разузнаем все в точности.

Приют они нашли в восточном конце гавани, на борту потрепанной штормами торговой галеи «Мирийка». Во время бури она потеряла мачту и половину команды, а денег на починку не хватало, поэтому хозяин с радостью за несколько медяков сдал постояльцам пустую каюту.

Ночь прошла беспокойно. Сначала Бриенну разбудил дождь, потом ей почудилось, что Дик-Пройдоха подкрадывается и хочет убить ее, и она вскочила с ножом в руке. Не сразу вспомнив, что Дик погиб, она кое-как уснула опять, и ей приснились убитые ею Скоморохи. Они плясали вокруг нее, насмешничали и щипались, не боясь ударов

ее меча. Она изрубила их в лоскуты, а они все не унимались — Шагвелл, Тимеон, Пиг… и Рендилл Тарли тоже, и Варго Хоут, и Рыжий Роннет Коннингтон. Роннет держал в руке розу. Когда он протянул ее Бриенне, она отсекла ему руку.

Проснулась она в поту и остаток ночи пролежала без сна под своим плащом, слушая, как стучит дождь по палубе. Ночь выдалась бурная. Далекие раскаты грома вызывали у Бриенны мысли о браавосийском корабле, отплывшем с вечерним приливом.

Наутро они отправились в «Смердящую гуску». Бриенна разбудила неряху-хозяйку, и та подала им жирные колбасы, поджаренный хлеб, вино, кувшин с кипятком и две чистые чаши. Кипятя воду, женщина все время поглядывала на Бриенну и наконец сказала:

— Вы с Диком-Пройдохой ушли, я вас помню. Что ж он, надул вас?

— Нет.

— Может, изнасиловал?

— Нет.

— Лошадь у вас увел?

— Нет. Его убили разбойники.

— Разбойники? — Женщина скорее удивилась, нежели расстроилась. — Я всегда думала, что его

либо повесят, либо на Стену пошлют.

Они съели хлеб и половину колбас. Подрик пил воду, слегка приправленную вином. Бриенна подлила в вино воды, спрашивая себя, что она, собственно, здесь делает. Хиль Хант не заслуживает звания рыцаря. Его честная мина — всего лишь маска, какие носят скоморохи. Она не нуждается в его помощи, в его защите и в нем самом. Может, он и совсем не придет. Назначенное им свидание — еще одна из его шуток, не больше.

Она уже собиралась уйти, но тут он явился.

— Миледи, Подрик… Боги, вы здесь что-то ели? — ужаснулся он, глянув на посуду и стынущие в сале колбасы.

— Это вас не касается, — отрезала Бриенна. — Виделись вы с вашим кузеном? Что он вам рассказал?

— Сандора Клигана в последний раз видели при набеге на Солеварни. Потом он ушел вдоль Трезубца на запад.

— Трезубец велик, — хмуро сказала Бриенна.

— Да, но не думаю, что наш пес отбежал далеко от устья. Вестерос, как видно, ему опостылел — в Солеварнях он хотел сесть на корабль. — Сир Хиль достал из-за голенища пергамент и, отодвинув блюдо с колбасами, развернул его на столе.

Это оказалась карта. — Пес убивает трех людей своего брата в гостинице на перекрестке дорог, вот здесь, а после налетает на Солеварни, — показывал пальцем сир Хиль. — Похоже, он угодил в западню. Вверху, в Близнецах, Фреи, на юге, за рекой, — Дарри и Харренхолл, на западе Блэквуды дерутся с Бракенами, в Девичьем Пруду — лорд Рендилл. Дорога в Долину завалена снегом, не говоря уж о стерегущих ее горных кланах. Куда псу податься?

— Если он заодно с Дондарриoном…

— Алин уверен, что нет. Люди Дондарриона его тоже ищут. Говорят повсюду, что хотят повесить его за то, что он натворил в Солеварнях. Они, дескать, к этому непричастны. А лорд Рендилл распространяет обратные слухи в надежде настроить простой народ против Берика и его братства. Пока люди укрывают лорда-молнию, взять его нет никакой возможности. Есть еще и другая шайка, которую возглавляет Бессердечная, будто бы любовница лорда Берика. Рассказывают, что ее повесили Фреи, но Дондаррион поцелуем вернул ее к жизни, и теперь она, как и он, бессмертна.

— Если Клигана в последний раз видели в Солеварнях, — изучая карту, сказала Бриенна, — то

искать его след нужно там.

— Алин говорит, что в Солеварнях не осталось никого, кроме укрывшегося в своем замке старого рыцаря.

— Может быть, но начинать откуда-то надо.

— Есть один человек, септон. Он прошел через мои ворота за день до вас. Зовут его Мерибальд. Родился, вырос и прослужил всю жизнь на реке. Завтра он отправляется в свой обход и Солеварен никак не минует. Мы можем поехать с ним.

— Мы? — вскинула взгляд Бриенна.

— Я еду с вами.

— Нет.

— Скажем иначе: я еду с септоном Мерибальдом в Солеварни, а вы с Подриком как хотите.

— Лорд Рендилл снова приказал вам следить за мной?

— Он приказал мне держаться от вас подальше. Лорд Рендилл полагает, что изнасилование шайкой разбойников пошло бы вам только на пользу.

— С чего же вы тогда решили ехать со мной?

— Либо так, либо снова караулить ворота.

— Но если ваш лорд приказал…

— Он больше не мой лорд.

— Вы отказались от своей службы? — изуми-

лась Бриенна.

— Его милость известил меня, что не нуждается более ни в моем мече, ни в моем нахальстве, что, впрочем, означает одно и то же. Отныне я буду вести полную приключений жизнь межевого рыцаря… хотя за Сансу Старк нас, думаю, вознаградят щедро.

Земли и золото — вот что у него на уме.

— Моя цель — спасение девушки, а не продажа. Я дала клятву.

— Но я-то, насколько помню, ни в чем не клялся.

— Потому я и не желаю, чтобы вы со мной ехали.

Они отправились в путь на следующее утро, как только солнце взошло.

Странное зрелище они представляли собой: сир Хиль на гнедом скакуне, Бриенна на крупной серой кобыле, Подрик на пегой кляче и пеший септон Мерибальд с посохом, ведущий за собой ослика и большую собаку. Ослик был так навьючен, что Бриенна опасалась за его спину.

— Тут у меня еда для голодных, — объяснил он своим спутникам у ворот Девичьего Пруда. — Семена, орехи, сушеные фрукты, овес, мука, ячменный хлеб, три круга желтого сыра

из гостиницы у Шутейных ворот, соленая треска для меня, соленая баранина для Собаки… ну и чистая соль. Еще лук, морковь, репа, два мешка бобов и четыре с ячменным зерном. Еще девять штук апельсинов — у меня, признаться, к ним слабость. Мне дал их один моряк. Боюсь, что до весны других отведать уже не придется.

Мерибальд, септон без септы, согласно церковной иерархии, стоял всего одной ступенью выше нищего брата. Сотни таких же, как он, служителей переходили от деревни к деревне, отправляя священные таинства, скрепляя браки и отпуская грехи. Жителям полагалось кормить септона и давать ему кров, но поскольку они были такие же бедняки, как и он, Мерибальд старался не задерживаться долго на одном месте. Добрые хозяева гостиниц порой разрешали ему переночевать на кухне или в конюшне. Кроме того, он мог рассчитывать на гостеприимство в септриях, острогах и даже в нескольких замках. Когда никакого прибежища поблизости не оказывалось, он устраивался ночевать в лесу или под изгородью.

— У нас на реке много хороших изгородей, — говорил он. — Старые лучше всего. Со столетней живой изгородью ничего не сравнится. Заберешься внутрь и спишь, что в твоей гостинице, а

блох там куда как меньше.

Он, не чинясь, признался, что читать-писать не умеет, зато знает сотню разных молитв и заучил наизусть целые страницы из Семиконечной Звезды, а деревенским больше ничего и не надо. Морщинистое обветренное лицо септона обрамляла грива седых волос. Высокий, шести футов ростом, он привык клониться вперед на ходу и казался из-за этого много ниже. Руки у него были словно дубленые, ногти грязные, а таких больших ног Бриенна в жизни не видела. От ходьбы босиком они ороговели и сделались черными.

— Двадцать лет никакой обуви не носил, — сказал он Бриенне. — В первый год у меня на ногах было больше мозолей, чем пальцев. Наступишь, бывало, на камень, и кровь хлещет, как из свиньи, но я молился, и небесный Сапожник сделал мои подошвы твердыми.

— На небе нет никакого сапожника, — возразил ему Подрик.

— Есть, только ты, наверно, зовешь его другим именем. Скажи, паренек, кого из семи богов ты любишь больше всего?

— Воина, — не задумываясь, выпалил Подрик.

— Отцовский септон в Вечернем Замке всегда говорил нам, что бог один, — сказала Бриенна.

— Един в семи лицах. Вы правы, миледи, но простым людям трудно понять единство Святой Седмицы. Я и сам человек простой, а потому говорю всегда, что богов семеро. Что до Воина, я еще не видывал мальчика, который бы его не любил. А я вот, по своим годам, люблю Кузнеца. Без его трудов Воину и защищать было бы нечего. В каждом городе и в каждом замке есть свой кузнец. Они куют плуги, чтобы землю пахать, гвозди, чтобы корабли строить, подковы для наших верных коней, крепкие мечи нашим лордам. Кузнеца все уважают, потому мы и назвали одного из Семерых в его честь… но он, бог то есть, мог бы называться и Крестьянином, и Рыбаком, и Плотником, и Сапожником. Это все равно, каким он ремеслом занимается. Главное то, что он трудится. Отец правит, Воин сражается, Кузнец работает — вот вместе и получается то, что должен делать мужчина. Кузнец — один из ликов божества, ну а Сапожник — один из ликов самого Кузнеца. Именно он услышал мою молитву и укрепил мои ноги.

— Милость богов велика, — сухо заметил сир Хиль, — но не проще ли обуться, чем беспокоить их?

— Это мне наказание такое положено, босиком

ходить. Даже септон может быть грешником, вот и моя плоть слаба. И во мне бродили соки по молодости-то лет… а девушкам даже септон кажется принцем, ведь только он один и уходил дальше чем за милю от их деревни. Я им, бывало, читал из Семиконечной Звезды, и Книга Девы лучше всего пронимала. Грешен, грешен я был, пока обувь не сбросил. И вспомнить-то стыдно, скольких девиц я лишил невинности.

Бриенне тоже вспомнилось нечто постыдное: лагерь под стенами Хайгардена, где сир Хиль и другие рыцари поставили на кон ее собственную невинность.

— Мы как раз ищем одну девушку, — открылся септону Подрик Пейн. — Благородную девицу тринадцати лет, с золотистыми волосами.

— Я думал, вы разбойников ищете.

— Их тоже, — подтвердил Подрик.

— Другие путники стараются избежать встречи с ними, — заметил Мерибальд, — а вам вот они зачем-то понадобились.

— Нам нужен только один, — сказала Бриенна. — Пес.

— Сир Хиль говорил мне. Да хранят вас Семеро, дочь моя. Говорят, за ним тянется след из убитых младенцев и поруганных дев. Бешеный Пес Соле-

варненский, вот какое прозвище ему дали. Зачем добрым людям встречаться с таким злодеем?

— Возможно, что девушка, о которой говорил Подрик, сейчас у него.

— Вот оно как? Тогда за нее, бедняжку, нужно усердно молиться.

Помолись и за меня, хотелось сказать Бриенне. *Попроси Старицу осветить мне своей лампадой путь к леди Сансе, а Воина дать мне силу, чтобы ее защищать.* Но все это осталось невысказанным — Хиль Хант, чего доброго, мог услышать ее и посмеяться над ее женской слабостью.

Из-за пешего септона и его тяжело нагруженного осла всадники продвигались медленно. На запад они следовали не по большой дороге, которая когда-то привела Бриенну и Джейме в разграбленный, заваленный трупами Девичий Пруд. Слегка отклонившись на север, они предпочли ей тропу вдоль берега Крабьей бухты, которая не значилась ни на одной из драгоценных карт сира Хиля. По эту сторону Девичьего Пруда в отличие от мыса Раздвоенный Коготь не было и помину о крутых холмах, черных болотах и сосновых лесах. Здесь под серовато-голубым сводом небес простирались песчаные дюны и соленые заводи. Дорога, то и дело пропадая в тростниках

и мелких прудах, вновь обнаруживалась милю спустя. Бриенна понимала, что без Мерибальда они бы сразу сбились с пути. Септон постоянно выходил вперед и пробовал зыбкую почву своим посохом. Деревья в этих местах не росли, и путники не видели ничего, кроме моря, песка и неба.

Нельзя было представить себе земли, более отличной от Тарта с его горами, водопадами, высокими лугами и тенистыми долинами, но и в ней была своя красота. В многочисленных медленных ручьях водились лягушки, над бухтой парили крачки, в дюнах слышались голоса птиц-перевозчиков. Однажды дорогу им перебежала лисица, и собака Мерибальда ее свирепо облаяла.

Люди им тоже встречались. Одни ютились среди тростниковых зарослей в домишках, слепленных из перемешанного с соломой ила, другие выходили рыбачить в бухту на кожаных челноках, а дома ставили на шатких, врытых в песок деревянных сваях. Многие из них жили вдали от других — скорее всего в одиночку. Чужих людей здесь, как видно, стеснялись, но ближе к полудню собака опять залаяла, и три женщины, выйдя из тростников, вручили Мерибальду корзину с раковинами. Взамен он дал каждой по апельсину, хотя

моллюски здесь были дешевле грязи, а заморские плоды стоили дорого. Одна была совсем старая, другая беременная, третья свежая и прелестная, как весенний цветок. Когда Мерибальд отошел исповедать их, сир Хиль с ухмылкой заметил:

— Похоже, боги сопутствуют нам — по крайней мере Дева, Матерь и Старица. — Подрик был поражен, и Бриенне пришлось объяснять ему, что это всего лишь местные жительницы.

Снова тронувшись в путь, она заметила септону:

— Эти люди живут меньше чем в дне езды от Девичьего Пруда, однако война их не тронула.

— Да что с них и взять-то, миледи. Все их богатство — ракушки, камешки и кожаные лодчонки, а за оружие сходят ржавые ножи. Они родятся, живут, любят и умирают. Они знают, что правит ими лорд Моутон, но мало кто из них его видел, а Ривердан и Королевская Гавань для них только названия.

— Однако богам они молятся, и это, думаю, ваша заслуга. Долго ли вы проповедуете в речных землях?

— Скоро сорок годов минет, — сказал он, и собака гавкнула, подтверждая его слова. — Каждый мой обход начинается в Девичьем Пруду и конча-

ется там же, а занимает полгода, если не больше. Однако я не сказал бы, что хорошо знаю Трезубец. Замки знатных лордов я вижу разве что издали. Путь мой лежит через городки, остроги, деревушки, у которых даже имени нет, через изгороди и холмы, через ручьи, где можно напиться, и пещеры, где можно укрыться. Проселки, которыми пользуется бедный народ, на пергаменте не рисуют, но я их все исходил раз по десять.

Проселками и разбойники охотно пользуются, а пещеры могут служить им укрытием. Бриенну кольнуло подозрение, и она спросила себя, хорошо ли сир Хиль знает этого человека.

— Одиноко вам, должно быть, живется, септон.

— Со мной всегда Семеро, и мой верный слуга, и Собака.

— А имени у вашего пса разве нет? — спросил Подрик.

— Есть, должно быть, да только я не знаю его.

— Как же так? Он ваш, а вы не знаете, как его звать?

— С чего ты взял, что он мой?

Пес сказал свое слово, гавкнув и завиляв хвостом. Он был громадный, не меньше десяти стоунов, косматый, но добродушный.

— Чей же тогда? — настаивал Подрик.

— Свой и божий. Своего имени он мне не назвал, вот я и кличу его Собакой.

В уме Подрика явно не умещалась мысль, что собаку можно звать просто Собакой. Помолчав немного, он сообщил:

— У меня тоже был пес, давно, в детстве. Я его звал Героем.

— А он им был?

— Кем был?

— Героем.

— Н-нет. Но все равно хорошая была псина. Он умер.

— Собака охраняет меня в дороге. Ни волк, ни разбойник не смеет тронуть меня, когда он рядом, даже в эти опасные времена. Хотя с волками теперь просто сладу не стало, — помрачнел септон. — Одинокому путнику разумнее всего спать на дереве. За всю свою жизнь я не видел больше дюжины волков разом, а сейчас по Трезубцу рыщет стая, где зверей несколько сотен.

— Вы сами-то с ними встречались? — спросил сир Хиль.

— Семеро уберегли меня от такой напасти, но я не раз слышал их по ночам. Кровь в жилах стынет от такого хора. Даже Собаку в дрожь бросает, а он немало волков убил на своем веку. — Септон

потрепал Собаку по голове. — Люди вам скажут, что это демоны, а водит их будто бы волчица, исчадие ада, огромная и безмолвная, словно тень. Говорят, что она зубра может повалить в одиночку. Ни силки, ни капканы ее не берут, сталь и огонь не пугают. Она убивает всех волков, которые тщатся ее покрыть, а питается одной только человечиной.

— Добились вы таки своего, септон, — засмеялся сир Хиль. — У бедняги Подрика глаза вот-вот из орбит выскочат.

— А вот и нет, — возмутился Подрик. Собака поддержал его лаем.

Ночлег они устроили в дюнах. Бриенна отправила Подрика на берег собрать плавник, но он вернулся с грязными коленками и пустыми руками.

— Теперь отлив, миледи. Вода отошла, там только мокрый песок и лужи.

— Не заходи на отмель, дитя, — предупредил его септон. — Морской песок не любит чужих и может тебя проглотить.

— Ну уж. Обыкновенная грязь.

— Да, пока она не набьется тебе в нос и в рот — тогда эта грязь убивает. — Мерибальд смягчил угрозу улыбкой. — Отряхни коленки, и вот тебе

долька от апельсина.

Следующий день мало чем отличался от предыдущего. Позавтракав соленой треской и апельсиновыми дольками, они тронулись в путь еще до восхода. Позади них лежал розовый небосклон, впереди сиреневый. Собака бежал впереди, обнюхивая тростник и через каждые пару шагов задирая ногу — дорогу он знал, как видно, не хуже, чем Мерибальд. Резкие голоса крачек приветствовали утренний прилив.

Днем они остановились в крохотной деревушке, первой, что попалась им на пути. Над мелким ручьем торчали на сваях восемь домишек. Мужчины вышли в море на лов, но женщины с ребятишками спустились из своих жилищ по веревочным лесенкам и собрались вокруг септона на молитву. Мерибальд, совершив службу, отпустил им грехи и оставил репы, мешок бобов, а также два апельсина, которыми столь дорожил.

— Этой ночью хорошо бы покараулить, друзья мои, — сказал он, когда они ушли из деревни. — Эти люди видели трех недобитков в дюнах, к западу от старой сторожевой башни.

— Всего трое? — улыбнулся сир Хиль. — Для нашей воительницы это пустяк. И к вооруженным людям они вряд ли сунутся.

— Если только не оголодали вконец, — заметил септон. — На соленых болотах есть пища, да только не всякий ее найдет, а эти беглецы ведь не здешние. В случае нападения предоставьте их мне, сир, прошу вас.

— Что же вы будете с ними делать?

— Накормлю их. Предложу исповедаться, чтобы я мог отпустить им грехи. Позову их с нами на Тихий остров.

— Это все равно что предложить им перерезать нам глотки, пока мы спим, — ответил сир Хиль. — У лорда Рендилла против недобитков есть средства получше — сталь и пеньковая веревка.

— Сир-миледи, — вмешался Подрик, — а эти недобитки тоже разбойники?

— Более или менее, — сказала Бриенна.

— Скорее менее, чем более, — не согласился с ней Мерибальд. — Разбойники отличаются друг от друга как птицы разных пород. Крылья есть и у перевозчика, и у морского орла, но они — не одно и то же. В песнях разбойники преступают закон, чтобы отомстить злому лорду, но в жизни они больше похожи на вашего кровожадного Пса, чем на лорда-молнию. Это дурные люди, движимые жадностью, отравленные злобой. Они

плюют на богов и ни о ком не заботятся, кроме себя самих. Недобитки больше достойны жалости, хотя могут быть столь же опасны. Почти все они люди простого звания, никогда и на милю не удалявшиеся от родного дома, пока лорд не повел их на войну. Они маршируют под его знаменами в худой одежонке и обуви, вооруженные порой серпами, мотыгами или палицами — привязал камень ремешками к дубине, вот тебе и оружие. Братья идут рядом с братьями, сыновья — с отцами, друзья — с приятелями. Наслушавшись песен и сказок, они мечтают о чудесах, которые увидят, о славе и о богатстве. Война представляется им самым замечательным приключением, которое им довелось испытать на своем веку.

А потом они вступают в бой.

Одним довольно одной битвы, чтобы сломаться, другие держатся годами, потеряв этим битвам счет, — но даже тот, кто пережил сто сражений, может дрогнуть в сто первом. Брат видит смерть брата, отцы теряют своих сыновей, друзья на глазах у друзей зажимают руками вспоротые животы.

Возглавлявший их лорд падает, другой лорд кричит, что отныне они переходят к нему. Кто-то вдобавок к плохо залеченной ране получает еще

одну. Они никогда не едят досыта, сапоги у них разваливаются после долгого перехода, одежда изорвалась и сопрела, половина из них от плохой воды гадит прямо в штаны.

Новые сапоги, теплый плащ, ржавый полушлем снимают с убитых, а потом начинают грабить живых, таких же бедняков, на чьих землях идет война. Режут овец, забирают кур, а от таких дел до увода дочерей всего один шаг. Однажды такой вояка оглядывается по сторонам и видит, что его друзей и родных больше нет и он воюет среди чужих, под знаменем, плохо ему знакомым. Он не знает, где он и как попасть обратно домой, а лорд, за которого он сражается, не знает его по имени, однако приказывает ему стоять насмерть со своим копьем, серпом или мотыгой. Потом на него обрушиваются рыцари с закрытыми сталью лицами, и гром их атаки заполняет собой весь мир…

Тогда человек ломается. Он бежит или уползает с поля, скользя между мертвыми телами, он скрывается и ищет убежища. О доме он уже и думать забыл, а короли, лорды и боги значат для него меньше, чем кусок тухлого мяса или бурдюк с кислым вином, которые помогут ему протянуть еще день и заглушить страх. Так он

и живет, недобиток, — со дня на день, от одного куска до другого, как зверь, а не как человек. Я не спорю с леди Бриенной — в такие времена путнику следует остерегаться беглых латников… но и пожалеть их тоже не худо.

За речью Мерибальда последовала глубокая тишина. Бриенна слышала шепот ветра в ивах и далекий голос гагары. Слышала дыхание Собаки, бегущего рядом с ослом и септоном.

— Сколько же лет было вам, — прервала она затянувшееся молчание, — когда вы отправились на войну?

— Не больше, чем вашему пареньку. Маловато для воина, но я не хотел отставать от братьев. Виллем назначил меня своим оруженосцем, хотя был, конечно, не рыцарем, а поваренком, и оружием ему служил уворованный там же на кухне нож. Он умер на Ступенях от лихорадки, так и не пустив свой клинок в дело, как и другой мой брат, Робин. Оуэну разнесли голову палицей, а его друга Рябого Джона повесили за насилие над женщиной.

— Война Девятигрошовых Королей? — спросил сир Хиль.

— Так ее называли, хотя я сам ни одного короля не видел и ни грошика не заработал. Но война

была. Это точно.

Сэмвел

Сэм, покачиваясь с носка на пятку, смотрел в окно, где солнце закатывалось за остроконечные крыши. Опять напился небось или девчонку себе нашел. Хоть ругайся, хоть плачь. Дареон его брат по Дозору. Когда он поет, лучшего и желать невозможно, но если попросить его о чем-то еще…

Серые пальцы тумана уже ползли по стенам домов у канала.

— Он обещал вернуться, ты сама слышала, — сказал Сэм.

Лилли взглянула на него опухшими красными глазами сквозь завесу спутанных, немытых волос, словно боязливый зверек из-за куста. Они давно уже не зажигали огня, но она все жалась к очагу, словно надеялась найти в холодной золе остатки тепла.

— Ему тут не нравится, — тихо, боясь разбудить ребенка, сказала она. — У нас грустно, вот он и уходит туда, где много вина и улыбок.

Да уж. Вина всюду много, только не здесь. Гостиниц, кабаков и веселых домов в Браавосе хоть отбавляй. Если Дареон предпочитает огонь и

чашу вина обществу плачущей женщины, трусливого толстяка и хворого старца, кто упрекнет его в этом? Один только Сэм. Он обещал, что вернется до сумерек, обещал принести вина и еды.

Сэм снова взглянул в окно, надеясь вопреки всякой надежде увидеть спешащего к дому певца. Ночь опускалась на город тайн, струилась по переулкам, текла по каналам. Скоро добрые горожане закроют ставнями окна и запрут двери. Ночь — время наемных убийц и продажных женщин, новых друзей Дареона. Последнее время певец только про них и толкует. Сочиняет песню об одной куртизанке по имени Лунная Тень — она, мол, услышала его пение у Лунного пруда и наградила его поцелуем. «Ты бы лучше серебро с нее взял, — ответил на это Сэм. — Нам деньги нужны, а не поцелуи». А Дареон ему с улыбкой: «Иногда поцелуй стоит дороже золота, Смертоносный».

Из-за этого Сэм тоже сердился. Не о распутных женщинах надлежит Дареону складывать песни, а о Стене и подвигах Ночного Дозора. Джон надеется, что такие песни привлекут молодежь в черное братство. А у певца на уме одно — золотые поцелуи, косы из серебра и алые губки. Кто же захочет надеть черное, слушая про алые губки?

К тому же дитя от музыки просыпается и начинает кричать, Дареон орет на него, Лилли принимается плакать — в итоге певец убегает и не возвращается несколько дней. «Руки чешутся врезать ей за это вытье, — жалуется он, — и спать она мне не дает».

Ты бы тоже плакал, если бы потерял сына, чуть не сказал ему Сэм. Нельзя винить Лилли за ее горе. Вместо нее Сэм винил Джона Сноу. Давно ли его сердце сделалось каменным? Однажды, когда Лилли спустилась за водой на канал, Сэм задал этот вопрос Эйемону. «Когда ты сделал его лордом-командующим», — ответил старик.

Даже теперь, в этой холодной комнате под нависшей кровлей, Сэму не хотелось верить в то, что Джон в самом деле так поступил. Но это, должно быть, правда — с чего бы еще Лилли так горевать? Спросить бы у нее попросту, чей ребенок у нее на руках, но для этого Сэму недоставало отваги. Он боялся услышать ответ. *Я все-таки трус, Джон. Мои страхи сопровождают меня, куда бы я ни отправился.*

Над крышами Браавоса точно гром прокатился — это Титан на той стороне лагуны объявил о наступлении ночи. Ребенок тут же проснулся, завопил и разбудил Эйемона. Лилли дала мальчику

грудь. А старик, заворочавшись на своей узкой койке, сказал:

— Эг? Почему так темно?

Потому что ты слеп. После их прибытия в Браавос разум Эйемона стал слабеть с каждым днем. Мейстер забывает, где он находится, и бормочет бессмыслицу про своего отца или брата. Ему сто два года, напоминал себе Сэм, — но ведь в Черном Замке мейстер всегда мыслил ясно, несмотря на глубокую старость.

— Это я, Сэмвел Тарли, — в который раз повторил Сэм. — Ваш стюард.

— Сэм. — Старик моргнул, облизнул губы. — Да, верно. Мы в Браавосе. Прости меня, Сэм. Уже утро?

— Нет. — Сэм потрогал его лоб, холодный и липкий. Старик дышал тихо, но с трудом. — Теперь ночь, мейстер. Вы спали.

— Какая долгая ночь… и как холодно.

— Топить нечем, а хозяин больше в долг не дает. — Они уже в четвертый или пятый раз вели тот же разговор. *Лучше бы я дров купил*, каждый раз корил себя Сэм. *Он бы по крайней мере лежал в тепле.*

Их последнее серебро он истратил на целителя из Дома Красных Рук — высокого, бедного, в оде-

янии, расшитом красными и белыми узорами. Денег хватило всего на полфляги сонного вина. «Это облегчит его кончину, — сказал целитель, а на вопрос Сэма, нельзя ли сделать что-то еще, ответил: — У меня есть мази, настойки, микстуры, яды. Я мог бы пустить ему кровь, дать слабительное, поставить пиявки, да только зачем? Пиявками молодость не вернешь. Он стар, и в легких у него сидит смерть. Давай ему это питье, и пусть спит подольше».

Сэм так и делал и днем, и ночью, но сейчас старик что-то разошелся и порывался сесть.

— Надо идти вниз, в гавань.

Снова он за свое.

— Вы слишком слабы, чтобы идти. — Простуда, подхваченная Эйемоном в море, терзала его хилую грудь. К приходу в Браавос он так ослабел, что с корабля его вынесли на руках. Тогда их мешок с серебром был еще полон, и Дареон в гостинице потребовал самую большую кровать. Им дали такую, что восьмерым впору, и плату взяли тоже за восьмерых. — Мы пойдем туда завтра, — пообещал Сэм, — и найдем корабль, который отправляется в Старомест. — В браавосском порту жизнь кипела даже осенью. Будь Эйемон здоров, им не составило бы труда найти подходящее

судно. Заплатить за проезд было бы потруднее… разве что дождаться корабля из Семи Королевств. Кого-то из староместских купцов, имеющего родственников в Ночном Дозоре. Должен же кто-то еще уважать людей, охраняющих Стену.

— Старомест, — вздохнул мейстер. — Я видел его во сне, Сэм. Как будто я снова молод, а со мной мой брат Эг и тот большой рыцарь, которому он служил. Мы выпивали в старой гостинице, где делают такой крепкий сидр. — Он опять попытался привстать, но тут же рухнул обратно. — Гавань. Там мы найдем ответ на вопрос о драконах. Мне нужно знать.

Тебе нужен сытый живот и жаркий огонь в очаге, думал Сэм.

— Кушать хотите, мейстер? У нас осталось немного хлеба и сыра.

— Не сейчас, Сэм. Потом. Когда окрепну немного.

— Как же вы окрепнете, если не будете есть? — В море после Скагоса они все почти ничего не ели. Осенние штормы гнались за ними по всему Узкому морю. Иногда они налетали с юга, чреватые громом, молнией и дождем, иногда приходили с севера, и свирепый ветер пронизывал человека насквозь. Однажды утром Сэм увидел, что весь

корабль покрыт льдом и сверкает, как жемчуг. Капитан велел срубить мачту и закрепить на палубе. Дальше они двигались на одних только веслах. Пока вдали не показался Титан, еда никому не шла в горло.

На берегу, однако, Сэм ощутил волчий голод. То же самое было с Дареоном и Лилли. Даже младенец стал сосать намного усерднее, а вот Эйемон…

— Хлеб, правда, черствый, но я могу выпросить на кухне подливки, — уговаривал его Сэм. Хозяин — человек жесткий и подозрительно относится к одетым в черное иноземцам, но его повар куда добрее.

— Нет, не надо. Вот разве глоток вина…

Вино обещал купить Дареон на деньги, которые соберет своим пением.

— Вино будет чуть позже, — сказал мейстеру Сэм. — Есть вода, но не слишком хорошая. — Хорошая вода здесь текла по большому кирпичному акведуку. Богачам она поступала по трубам прямо в дома, бедные черпали ее ведрами из публичных фонтанов. Сэм послал туда Лилли, забыв, что она всю жизнь провела в Замке Крастера и даже в торговых городках никогда не бывала. Каменный лабиринт островов и каналов, где не росло ни

травы, ни деревьев, а люди заговаривали с ней на непонятном наречии, перепугал ее так, что она сразу же заблудилась. Сэм нашел ее плачущей у каменных стоп какого-то давнишнего морского начальника. — Воду мы берем из канала, — объяснил Сэм, — но повар ее кипятит. Есть еще сонное вино, если хотите.

— На сегодня я уже выспался. Дай мне воды, будь так добр. Это ничего, что она из канала.

Сэм помог старику сесть и поднес чашку к его пересохшим губам, но половина воды все равно пролилась на грудь.

— Довольно, — закашлявшись, сказал Эйемон после пары глотков. — Смотри, как ты меня выкупал. — Старика пробирала дрожь. — Почему здесь так холодно?

— У нас больше нет дров. — Дареон уплатил хозяину двойную цену за комнату с очагом, но они понятия не имели, как дороги здесь дрова. Деревья здесь встречаются только в садах вельмож, а сосны на островах в лагуне браавосийцы не рубят, поскольку те заслоняют город от морских бурь. Топливо привозят на баржах вверх по рекам и переправляют через лагуну. Даже навоз здесь в цене, ведь лошадей в городе куда меньше, чем лодок. Путешественникам поневоле

пришлось столкнуться с этим, застряв в Браавосе и не имея возможности плыть дальше с больным мейстером на руках. Сэм был уверен, что еще один морской переход убьет старика.

Эйемон ощупью нашел руку Сэма на одеяле.

— Мы должны пойти в гавань, Сэм.

— Когда вы поправитесь. — Эйемон не вынесет брызг и ветра с моря, а Браавос весь стоит на воде. К северу отсюда расположена Пурпурная гавань, где под куполами и башнями Морского Дворца стоят торговцы из Браавоса. На западе, в Мусорной Заводи, причаливают корабли из других Вольных Городов, из Вестероса, Иббена и сказочных восточных земель. Есть много пристаней и помимо них — для рыбаков, ловцов креветок и крабов, приходящих с илистых отмелей и рек. — Сейчас это вам не по силам.

— Тогда ступай один, — настаивал Эйемон, — и приведи ко мне того, кто видел драконов.

— Я? Да ведь это сказки, мейстер. Матросские байки. — Дареон тоже хорош — собирает всякий вздор по кабакам и тащит сюда. Он и про драконов рассказывал среди всего прочего, но запомнил эту историю плохо, будучи в сильном подпитии. — А может, Дареон сам все выдумал, как это водится у певцов.

— Возможно, но даже в песне, вымышленной с начала и до конца, должно быть зернышко правды. Вылущи для меня это зернышко, Сэм.

— Я не знаю, кого спрашивать и о чем. По-валирийски я говорю плохо, а на браавосском и половины не понимаю. Зато вы знаете языки, и как только вам станет лучше…

— Когда же это мне станет лучше, Сэм?

— Скоро, надо только отдыхать и побольше есть. Вот придем в Старомест…

— Я больше не увижу его. Теперь я знаю. — Старик чуть сильнее сжал руку Сэма. — Скоро я встречусь со своими братьями. С одними я связан кровью, с другими обетами, но они мои братья все до единого. И отец… он никогда не думал, что престол перейдет к нему, но случилось именно так. Он говорил, что это кара, постигшая его за удар, которым он неумышленно сразил своего брата. Я молюсь, чтобы после смерти он обрел покой, которого никогда не знал в жизни. Септоны говорят, что мы, сбросив земное бремя, отправляемся в дивный край, где царят смех и любовь, где всего вдосталь… но что, если за стеной, называемой смертью, нет ничего, кроме боли, мрака и холода?

Ему страшно, понял Сэм.

— Не надо думать о смерти. Вы больны, но скоро поправитесь.

— Не в этот раз, Сэм. Ночью, во сне, человек задает вопросы, которые не осмеливается задать днем. Для меня из всех вопросов остался только один: почему боги, отняв у меня зрение и силы, дали мне такую долгую жизнь? Для чего им понадобился на земле никчемный старик? — Сэм видел, как дрожат его покрытые пятнами руки. — Я помню, Сэм. Я все еще помню.

— Что вы помните?

— Драконов… горе и славу нашего дома.

— Последний дракон умер до того, как вы родились. Как же вы можете помнить их?

— Я вижу их во сне, Сэм. Вижу красную звезду, каплю крови на небе. Красный цвет еще живет в моей памяти. Я вижу их тени на снегу, слышу треск кожистых крыльев, чувствую их горячее дыхание. Моим братьям тоже снились драконы, и эти сны убивали их одного за другим. Полузабытое пророчество вот-вот исполнится, Сэм. Либо нас ждут чудеса и ужасы, которые никто из живых не в силах постичь, либо…

— Либо что?

— Либо я просто умирающий старик, который бредит в горячке, — усмехнулся мейстер. Белые

глаза устало закрылись и открылись опять. — Не надо было мне оставлять Стену. Лорду Сноу этого знать не дано, но я-то должен был знать. Огонь пожирает, а холод хранит. Стена… но теперь уж поздно возвращаться назад, слишком поздно. Неведомый ждет за дверью, и нельзя отослать его прочь. Ты верно служил мне, стюард, послужи еще раз, напоследок. Ступай в гавань, Сэм, и разузнай все, что сможешь… о драконах…

Сэм высвободил руку из холодных пальцев старика.

— Хорошо… я пойду, если вы так хотите. Я только… — *Нельзя отказывать мейстеру*, думал он. *Заодно и Дареона поищу там, возле Мусорной Заводи. Да. Найду его, и мы вместе пойдем к причалам, а потом купим еды, и вина, и дров. Разведем огонь, состряпаем что-нибудь горячее…* Сэм встал. — Все, я пошел. С вами останется Лилли. Запри за мной дверь, хорошо? — *Неведомый ждет за дверью…*

Лилли, с ребенком на руках и полными слез глазами, кивнула. Сейчас опять расплачется, не иначе. Сэм не мог больше выносить ее слез. Его меч висел на стене рядом со старым надтреснутым рогом, который подарил ему Джон. Сэм подпоясался, завернулся в свой черный шерстя-

ной плащ и спустился по деревянной скрипучей лестнице. Одна дверь гостиницы выходила на улицу, другая — на канал. Сэм вышел в первую, чтобы не проходить через общую залу и не видеть кислой мины, которой хозяин встречал неугодных ему постояльцев.

Ночь была холодная, но далеко не столь туманная, как многие до нее. И на том спасибо. Туман в Браавосе порой сгущается так, что человек собственных ног не видит. Однажды Сэм из-за этого чуть в канал не свалился.

Мальчиком, читая историю Браавоса, он мечтал побывать здесь. Мечтал увидеть, как встает из моря грозный Титан, покататься на узкой лодке мимо дворцов и храмов, увидеть водяных плясунов, сверкающих клинками при свете звезд. Теперь, когда эта мечта сбылась, ему не терпелось уехать отсюда.

Подняв капюшон, он зашагал по булыжнику к Мусорной Заводи. Пояс с мечом сползал, и Сэм то и дело подтягивал его на ходу. Во избежание опасных встреч он выбирал самые узкие и темные улицы, но каждый бродячий кот заставлял его вздрагивать… а кошек в Браавосе полным-полно. Надо найти Дареона. Вдвоем они как-нибудь разберутся, что делать дальше. Мейстера покинули

силы, Лилли убита горем и ничего не соображает, но Дареон — брат Ночного Дозора. Не нужно думать о нем плохо — может, он не возвращается потому, что обижен на Сэма. Или лежит зарезанный где-нибудь в переулке, или плавает лицом вниз в одном из каналов. Ночью по городу расхаживают убийцы-брави в разноцветных одеждах, ища работу для своих тонких клинков. Они начинают драку по любому поводу или вовсе без повода, а Дареон вспыльчив и остер на язык, особенно когда выпьет. Однако, хоть он и поет о великих битвах, это еще не делает его воином.

Лучшие в городе гостиницы и питейные заведения располагались вокруг Пурпурной гавани и Лунного пруда, но Дареон предпочитал Мусорную, где на общем языке говорило больше народу. Сэм начал свои розыски с «Зеленого угря», «Черного лодочника» и «У Морогго», где Дареон уже пел раньше. Там он певца не нашел. У «Дома тумана» дожидались клиентов змеи-лодки. Сэм попытался расспросить лодочников, не видел ли кто певца, одетого в черное, но они не понимали его валирийского — или не хотели понять. Он заглянул в грязный подвальчик под второй аркой моста Наббо, где едва помещались десять человек, но Дареона и там не было. Сэм попытал

счастья в «Изгоях», «Семи лампадах», в борделе под названием «Кошкин дом» — там он встретил странные взгляды, но помощи не обрел.

Выходя, он чуть не столкнулся под красным фонарем заведения с двумя молодыми людьми — темноволосым и белокурым. Темный сказал что-то по-браавосски.

— Извините, не понимаю, — ответил Сэм, пятясь от них. В Семи Королевствах знать носит бархат и цветные шелка, а простой народ — бурую домотканую шерсть и холстину. В Браавосе все наоборот. Наемные убийцы щеголяют словно павлины, а знать ходит в сером, лиловом, темно-синем и черном.

— Мой друг Терро говорит, что на тебя смотреть противно, такой ты жирный, — пояснил на общем языке светловолосый в камзоле, сшитом наполовину из зеленого бархата, наполовину из серебряной парчи. — А твой меч так дребезжит, что у моего друга болит голова. — Другой, этот самый Терро, одетый в винно-красный камзол и желтый плащ, добавил что-то на браавосском. — Еще Терро говорит, что ты одет не по званию. Разве ты лорд, чтобы носить черное?

Сэму хотелось убежать, но он боялся запутаться в собственном поясе. Главное, меч не трогать.

Такие, как эти двое, малейшее прикосновение к рукояти воспринимают как вызов. Надо найти какие-то слова, чтобы их успокоить.

— Нет, — только и пришло ему в голову, — не лорд.

— Конечно, не лорд, — сказал чей-то детский голос. — Он из Ночного Дозора. Из Вестероса. — На свет, толкая перед собой тачку с раковинами, вышла девочка — тощенькая, в больших сапогах, с копной грязных волос. — Там, в «Счастливом порту», есть еще один такой же — он поет для Морячки. Если они спросят, кто самая прекрасная женщина на свете, говори, что Соловушка, — посоветовала она Сэму, — не то они тебя вызовут. Может, мидий у меня купишь? Устрицы я все продала.

— У меня денег нет, — сказал Сэм.

— Ишь ты, денег нет, — засмеялся белокурый. Темный опять произнес что-то по-браавосски, и светлый перевел: — Мой друг Терро замерз. Будь так добр, толстячок, отдай ему свой плащ.

— Не вздумай, — снова вмешалась девочка. — Потом они попросят тебя снять сапоги, и скоро ты останешься голый.

— Котят, которые мяукают чересчур громко, топят в канале, — предупредил белокурый.

— Котята царапаются. — В ее левой руке вдруг появился нож, тонкий, как и она сама. Терро сказал что-то своему другу, и они ушли, пересмеиваясь.

— Спасибо, — сказал Сэм. Девочка спрятала нож.

— Если ты ночью ходишь с мечом, значит, тебя можно вызвать. Может, ты сам хотел с ними подраться?

— Нет. — Это вышло у Сэма так визгливо, что он поморщился.

— Ты правда из Ночного Дозора? Никогда еще не видела таких черных братьев, как ты. Если хочешь, можешь забрать у меня остатки. Покупателей все равно не будет — темно уже. К Стене собираешься ехать?

— Нет, в Старомест. — Сэм взял запеченную в золе раковину, раскрыл ее и жадно проглотил содержимое. — Тут мы проездом. — Мясо моллюска ему понравилось, и он съел еще одного.

— Безоружных брави никогда не задевают, даже такие верблюжьи какашки, как Терро и Орбело.

— Ты кто?

— Никто. — От нее пахло рыбой. — Раньше была кем-то, а теперь стала никем. Можешь звать

меня Кошкой-Кет, если хочешь. А ты кто?

— Сэмвел из дома Тарли. Ты хорошо говоришь на общем.

— Мой отец был мастером над гребцами на «Нимерии». Как-то он сказал на улице, что моя мать красивее, чем Соловей, и его убили за это. Не эти верблюжьи какашки, а настоящий браво. Когда-нибудь я горло ему перережу. Капитан не оставил меня на борту, ссадил на берег, а Бруско принял к себе. Теперь я хожу с его тачкой. А ты на какой корабль хочешь сесть?

— Мы оплатили проезд на «Леди Ашеноре».

— Она ушла давно, — подозрительно прищурилась девочка. — Ты что ж, не знал?

Знал, преотлично знал. Они с Дареоном стояли на пристани, глядя, как поднимаются и опускаются весла «Ашеноры», идущей мимо «Титана» в открытое море. «Ну, вот и все», — сказал тогда Дареон. Будь Сэм посмелее, он столкнул бы его в воду. Когда он хочет соблазнить какую-нибудь девчонку, у него с языка мед струится, а задержаться в Браавосе капитана уговаривал один только Сэм. «Я и так уж три дня дожидаюсь вашего старикана, — отрезал тот. — Мои трюмы полны до отказа, а люди уже полюбились с женами на прощание. „Ашенора“ уйдет с первым приливом,

будете вы на борту или нет».

«Прошу вас, — молил его Сэм. — Еще несколько дней, о большем я не прошу. Когда мейстер Эйемон окрепнет…»

«Окрепнет он, как же. — Минувшей ночью капитан сам зашел к ним в гостиницу, чтобы взглянуть на Эйемона. — Он совсем плох, и я не хочу, чтобы он помер на моем корабле. Оставайтесь с ним или бросьте его, мне дела нет. Я отчаливаю». Что еще хуже, он отказался вернуть деньги, которые получил за проезд. «Вы взяли лучшую каюту, и она ждет вас. Если вам не угодно ее занять, я тут ни при чем. С какой стати я должен нести убытки?»

Теперь мы могли быть уже в Синем Доле, с грустью подумал Сэм, *а с попутным ветром и до Пентоса бы дошли.*

Но что пользы рассказывать все это девочке с тачкой?

— Ты говорила, что видела певца…

— В «Счастливом порту». Он на Морячке хочет жениться.

— Жениться?

— Ага. Она спит только с теми, кто на ней женится.

— Где он, этот «Счастливый порт»?

— Напротив «Корабля скоморохов». Могу показать.

— Я знаю дорогу. — Вывеску «Корабля скоморохов» Сэм уже видел раньше. — Мне надо бежать. — Нельзя Дареону жениться! Он присягу давал.

Сэм припустил по скользким булыжникам. Он отдувался, черный плащ хлопал у него за спиной. На бегу он придерживал пояс. Встречные поглядывали на него с любопытством, бродячий кот с шипением отскочил.

Как только он, красный и запыхавшийся, вошел в «Счастливый порт», на шее у него повисла одноглазая женщина.

— Не надо, — сказал ей Сэм. — Я не затем пришел. — Она ответила что-то на браавосском. — Я не знаю вашего языка, — сказал Сэм по-валирийски. Он обвел взглядом таверну, где горели свечи и трещал огонь в очаге. Кто-то пиликал на скрипке, две девушки, взявшись за руки, плясали вокруг красного жреца. Одноглазая прильнула к Сэму всей грудью. — Прошу вас, не надо.

— Сэм! — воскликнул знакомый голос. — Пусти его, Уна, — это Сэм Смертоносный, мой брат по Дозору!

Одноглазая отлепилась, продолжая держать

Сэма за руку.

— Я готова умереть от его удара, — вызвалась одна из плясуний.

— Как по-твоему, он даст мне потрогать свой меч? — спросила другая. На стене была нарисована пурпурная галея, команду которой составляли женщины — нагие, но в высоких морских сапогах. В углу похрапывал тирошийский матрос с пышной алой бородой. Пожилая грудастая женщина играла в плашки с чернокожим уроженцем Летних островов в наряде из черных и красных перьев. Посреди комнаты восседал Дареон, держа на коленях девицу, одетую в его черный плащ.

— Смертоносный, — пьяным голосом продолжал певец, — познакомься с моей леди-женой. Женщины тают, как масло, когда я пою, и я тоже не устоял. — Он чмокнул девицу в нос. — Поцелуй Смертоносного, жена, он мой брат. — Девушка поднялась, и Сэм увидел, что под плащом на ней нет ничего. — Не вздумай соблазнить мою жену, Смертоносный, — засмеялся Дареон, — зато из ее сестричек можешь выбрать любую. Полагаю, что денег у меня хватит.

Денег, на которые ему полагалось купить еды — и дров, чтобы согреть мейстера Эйемона.

— Что ты наделал? Ты не вправе жениться.

Ты, как и я, дал присягу. Тебе за это могут голову отрубить.

— Мы поженились только на одну ночь, Смертоносный. За это даже в Вестеросе головы не лишают. Ты разве сам не ходил в Кротовый городок поискать зарытых сокровищ?

— Нет, — покраснел Сэм. — Я никогда бы…

— А как же твоя одичалая? С ней-то ты точно переспал раз-другой. Столько ночей в лесу, под одним плащом… не верю я, что у вас ничего не было. Садись, Смертоносный. Выпей вина, возьми себе женщину.

Сэм не воспользовался его предложением.

— Ты обещал вернуться до сумерек. Принести вина и еды.

— Ты так и убил Иного? Запилил его до смерти? У меня на то жена есть. Не хочешь выпить за молодых, так убирайся.

— Пойдем со мной. Мейстер Эйемон очнулся, и ему не дают покоя драконы. Он толкует о кровавых звездах и тенях на снегу. Может, ему легче станет, если мы раздобудем какие-то сведения. Помоги мне.

— Только не в свадебную ночь. Завтра. — Дареон встал и повел новобрачную к лестнице.

Сэм встал у него на пути.

— Ты обещал, Дареон. Ты дал присягу, и это сделало тебя моим братом.

— В Вестеросе. По-твоему, это Вестерос?

— Мейстер Эйемон…

— …умирает. Тот узорный лекарь, на которого ты извел все наше серебро, именно так и сказал. — Рот певца сжался в твердую линию. — Бери девку или проваливай, Сэм. Не порти мне свадьбу.

— Я уйду только вместе с тобой.

— Ну нет. С вами мне больше не по пути. Я отрекаюсь от черного. — Дареон сорвал с девушки плащ и швырнул его Сэму в лицо. — На, укрой старика — может, согреется малость. Мне эта ветошь теперь ни к чему, я скоро в бархате ходить стану. На будущий год оденусь в меха и буду есть…

Рука Сэма, неожиданно для него самого, сжалась в кулак и двинула певца по губам. Дареон выругался, его голая жена завизжала, а Сэм навалился на певца и пригвоздил его к столу. Они были примерно одного роста, но Сэм весил вдвое больше, а злость, столь несвойственная его натуре, вытеснила из него всякий страх. Он еще раз ударил Дареона в лицо, двинул в живот и принялся молотить по плечам. Тот вцепился ему в запястья, но Сэм боднул его головой и разбил губу.

Певец отпустил его руки и заплатил за это расквашенным носом. В таверне слышались мужской смех и женская ругань. Противники копошились, словно две завязшие в меду черные мухи. Кто-то оттащил Сэма прочь. Он и его ударил, но тот треснул его по голове чем-то тяжелым.

Вылетев из таверны в туман головой вперед, Сэм увидел под собой черную воду. Еще миг, и канал рванулся ему навстречу.

Сэм пошел ко дну камнем, большим валуном. Вода — темная, холодная, соленая — заливала глаза и нос. Когда он открыл рот, чтобы позвать на помощь, она и туда набралась. Молотя ногами, Сэм пускал пузыри. *Плыви*, приказал он себе. *Плыви*. Соль щипала глаза, слепила. Он выскочил на поверхность, глотнул воздуху, попытался ухватиться за скользкую стену канала и снова ушел под воду.

Холод, пропитав одежду, добрался до самой кожи. Пояс соскользнул и опутал лодыжки. *Все, тону*, подумал в панике Сэм. *Это конец.* Попытавшись всплыть еще раз, он стукнулся носом о дно. Что-то вроде угря скользнуло меж его пальцев. Нет, сдаваться нельзя! Мейстер Эйемон умрет без него, и у Лилли совсем никого не останется. Он должен выплыть, должен…

Что-то, громко плеснув, охватило кольцом его грудь. *Это угорь, огромный угорь, сейчас он утянет меня вниз… Боги праведные, я тону, тону…*

Очнувшись, он увидел, что лежит на спине, а чернокожий с Летних островов лупит его по животу кулачищами. Хватит, больно же, хотел крикнуть Сэм, но вместо слов изрыгнул воду. Его била дрожь. Черный опять двинул его в живот, и из носа брызнула фонтаном вода.

— Хватит, — выдавил Сэм и добавил: — Я жив. Жив.

— Да. — Спаситель склонился над ним — огромный, черный и мокрый. — Ты должен Ксондо много перьев. Вода загубила красивый плащ Ксондо. — Теперь уже и Сэм видел, что плащ испорчен вконец.

— Я не хотел…

— Ксондо видел. Зачем так барахтался? Толстый вода сама держит. — Он сгреб Сэма за грудки и поставил на ноги. — Ксондо помощник на «Пряном ветре». Много языков говорит. Ксондо смешно, как ты бил певца. — На черном лице сверкнула широкая белая улыбка. — Ксондо знает все про драконов.

Джейме

— Как тебе до сих пор не надоест носить эту кошмарную бороду? Ты с ней вылитый Роберт. — Сестра сменила траур на ярко-зеленое платье с рукавами из серебристого мирийского кружева. На золотой цепочке вокруг ее шеи висел изумруд с голубиное яйцо.

— У Роберта борода была черная, а моя из чистого золота.

— С изрядной примесью серебра. — Серсея ловко вырвала у него седой волос. — Линяешь ты, братец. Становишься бледным подобием себя прежнего. Вернее сказать, бескровным — благодаря своим белым одеждам. — Она дунула на волос, и тот улетел. — В багрянце и золоте ты мне нравишься куда больше.

А ты мне нравишься в лучах солнца, с каплями воды на обнаженном теле, мысленно ответил ей Джейме. Поцеловать бы ее, отнести на руках в спальню, бросить на ложе… *она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком…*

— Давай заключим сделку. Ты освободишь ме-

ня от этого долга, а я вручу тебе бритву.

Серсея сжала губы в тонкую линию. Она пила подогретое вино со специями, и от нее пахло мускатным орехом.

— Хочешь поторговаться со мной? Напомнить тебе о твоем обете повиновения?

— Я дал обет защищать короля, и мой долг — находиться с ним рядом.

— Твой долг быть там, куда он тебя пошлет.

— Томмен прикладывает печать ко всему, что ты ему подсовываешь. Эта сумасшедшая затея целиком твоя. Зачем было назначать Давена Хранителем Запада, если ты ему ни на грош не веришь?

Серсея сидела у окна, и позади нее Джейме видел сгоревший остов Башни Десницы.

— В чем причина ваших колебаний, сир? Мужество покинуло вас заодно с правой рукой?

— Я дал клятву леди Старк никогда более не поднимать оружия против Старков и Талли.

— Ты дал эту клятву под угрозой меча.

— Как я смогу защитить Томмена, если меня здесь не будет?

— Победив его врагов. Отец говорил, что скорый удар меча защищает надежней любого щита. Согласна, что без руки махать мечом трудновато,

но лев, даже увечный, способен внушать страх. Мне нужен Ривердан, а Бриндена Талли я хочу видеть закованным или мертвым. В Харренхолле тоже следует навести порядок. Мне срочно требуется Вилис Мандерли, если он еще жив и в плену, а гарнизон не отвечает ни на одно из моих посланий.

— Там сидят люди Григора, — напомнил Джейме, — а Гора подбирал себе бойцов за жестокость и тупость. Твоих воронов, вероятней всего, они слопали вместе с письмами.

— Потому я и посылаю тебя в те края. Надеюсь, что тобой-то, братец, они все же подавятся. — Серсея разгладила юбку. — А Королевской Гвардией в твое отсутствие будет командовать сир Осмунд.

Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почем мне знать…

— Это решать не тебе. Если я уеду, меня заменит сир Лорас.

— Ты шутишь? Тебе ведь известно, как я к нему отношусь.

— Если б ты не отправила Бейлона Сванна в Дорн…

— Иного пути не было. Дорнийцам нельзя доверять. Красный Змей вызвался драться за Тириона,

забыл? Я не оставлю у них свою дочь без всякой защиты. И не позволю, чтобы Королевской Гвардией командовал Лорас Тирелл.

— Как мужчина Лорас стоит трех твоих Осмундов.

— Твои понятия о том, что такое мужчина, сильно изменились за последнее время.

Джейме ощутил гнев.

— Лорас, конечно, не лыбится при виде твоих титек, но я не думаю…

— Подумай-ка вот о чем. — Эти слова Серсея сопроводила пощечиной.

Джейме не сделал попытки заслониться.

— Придется мне отрастить бороду погуще, чтобы смягчать ласки моей королевы. — Сорвать бы с нее платье и от ударов перейти к поцелуям. Раньше, когда обе его руки были в целости, у них все так и происходило.

Глаза королевы превратились в две зеленые льдинки.

— Вам лучше уйти, сир.

…с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, с Лунатиком…

— Ты не только однорукий, но и глухой? Дверь позади вас, сир.

— Как вам будет угодно. — Джейме повернулся

на каблуках и вышел.

Ему слышался смех богов. Он ведь прекрасно знал, что Серсея не любит, когда ей перечат. Ласковые речи принесли бы ему куда больше пользы, но что же делать, если при одном взгляде на нее он впадает в гнев.

Отчасти он был даже рад покинуть Королевскую Гавань. Сборище лизоблюдов и дураков, окружавших Серсею, ему опротивело. «Малюсенький совет» — так, по словам Аддама Марбранда, прозвали их на Блошином Конце. А Квиберн… он, правда, спас Джейме жизнь, но при этом остался Кровавым Скоморохом. «От Квиберна смердит опасными тайнами», — предупреждал Джейме сестру, но она только посмеялась. «У всех нас есть свои тайны, братец».

Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почем мне знать…

Сорок рыцарей и столько же оруженосцев ожидали его у конюшен Красного Замка. Половину из них составляли западные жители, присягнувшие на верность дому Ланнистеров, половину — недавние враги, ставшие ныне сомнительными друзьями. Сир Дермот из Дождливого Леса держал штандарт Томмена, Рыжий Роннет Коннинг-

тон — белое знамя Королевской Гвардии. Пэгу, Пайперу и Пекльдону выпала честь быть оруженосцами лорда-командующего. «Держи друзей за спиной, а врагов на глазах», — советовал ему когда-то Самнер Кракехолл — или это был отец?

В поход Джейме ехал на чистокровном гнедом коне, для боя у него имелся великолепный серый жеребец. Он давно перестал давать имена своим лошадям: они часто гибнут в боях, и когда ты знаешь, как их зовут, смотреть на это еще тяжелее. Но, услышав, что юный Пайпер называет коней Славным и Доблестным, Джейме засмеялся и махнул на это рукой. Доблестный носил красную попону дома Ланнистеров, Славный — белый вальтрап Королевской Гвардии. Джосмин Пекльдон держал под уздцы гнедого, пока сир Джейме садился в седло. Этот оруженосец, один из трех, был тонок, будто копье, длиннорук, длинноног, с мышиными волосами и нежным пушком на лице. Под красным плащом Ланнистеров виднелся камзол с гербом его собственного дома — десять пурпурных звезд на желтом поле.

— А ваша новая рука, милорд? — спросил юноша.

— Надень ее, Джейме, — посоветовал сир Кеннос из Кайса. — Помаши горожанам, и они будут

рассказывать своим детям, что видели чудо.

— Навряд ли. — Джейме не желал являть народу золотую фальшивку. Пусть видят его культю. Пусть видят калеку. — Можешь помахать им за меня, Кеннос, — обеими руками и даже ногами, коли охота. — Собрав поводья в левую руку, он развернул коня. — Пейн, вы поедете рядом со мной.

Сир Илин Пейн, подъехавший к нему, напоминал нищего на пиру. Старая заржавленная кольчуга поверх кафтана из вареной кожи, никаких эмблем как на коне, так и на всаднике, щит так изрублен, что не поймешь, в какой цвет его выкрасили когда-то. Со своим мрачным лицом и глубоко запавшими глазами сир Илин мог бы сойти за саму смерть… да и был ею долгие годы.

Был, но больше не будет. Сир Илин входил в цену, которую Джейме запросил за свое послушание. Вторую половину этой цены представлял собой сир Аддам Марбранд. «Они нужны мне», — заявил Джейме сестре, и она не стала противиться. Ей и самой скорее всего хотелось избавиться от них. С сиром Аддамом Джейме дружил с детских лет, а молчаливый палач был когда-то человеком его отца. Будучи капитаном гвардии десницы, сир Илин похвастался, что государством вместо

короля управляет сир Тайвин, и король Эйерис отрезал ему за это язык.

— Открыть ворота, — приказал Джейме, а Могучий Вепрь своим громовым голосом повторил: — ОТКРЫТЬ ВОРОТА!

Когда Мейс Тирелл выступал через Грязные ворота под звуки барабанов и флейт, народ тысячами высыпал на улицы, чтобы его проводить. Мальчишки маршировали рядом с солдатами, их сестры посылали из окон воздушные поцелуи.

Воинству Джейме встретились на пути лишь несколько шлюх да пирожник с товаром. Посредине Сапожной площади двое оборванных воробьев, собрав вокруг себя пару сотен человек, посылали проклятия на головы безбожных демонопоклонников. Толпа разделилась, пропуская конный отряд, и проводила его угрюмыми взорами.

— Они любят розы, но не львов, — заметил Джейме. — Моей сестре следует обратить на это внимание. — Сир Илин промолчал — лучшего собеседника для долгого похода и желать не приходится.

Основная часть войска ждала их за стенами города: сир Аддам с вольными всадниками, сир Стеффон Свифт с обозом, Святая Сотня старого Бо-

нифера Доброго, конные лучники Сарсфилда, две сотни тяжелой конницы сира Флемента Бракса, мейстер Гулиан с четырьмя сотнями воронов. Не так уж и много, меньше тысячи человек в целом, но у стен Риверрана они и в таком числе никому не нужны. Замок уже осажден армией Ланнистеров и Фреями, у которых солдат еще больше. Последняя птица оттуда принесла весть, что с продовольствием у них плохо. Бринден Талли, прежде чем засесть за стенами замка, вымел дочиста всю округу.

Если там было что подметать. Судя по тому, что видел в речных землях сам Джейме, все поля там сожжены, все города разграблены, все девицы испорчены. Теперь сестра посылает его завершить работу, начатую Амори Лорхом и Григором Клиганом. При мысли об этом Джейме чувствовал горечь во рту.

Вблизи Королевской Гавани дорога была безопасна, насколько может быть безопасной дорога в военное время, однако Джейме все-таки выслал Марбранда с его людьми на разведку.

— В Шепчущем лесу Робб Старк захватил меня врасплох, — сказал он. — Больше такого со мной не случится.

— Ручаюсь, что не случится. — Марбранд замет-

но радовался тому, что он снова сидит на коне и что на нем дымчато-серый плащ его дома, а не золотой, положенный начальнику городской стражи. — Если враг подойдет к нам хотя бы на дюжину лиг, ты узнаешь об этом заблаговременно.

Джейме строго запретил кому бы то ни было покидать колонну без его разрешения. Без этого запрета скучающие юные лорды непременно принялись бы носиться по полям, распугивая крестьянский скот и топча урожай. Близ города еще сохранились коровы и овцы, на деревьях виднелись яблоки, на кустах — ягоды. В полях стояли скирды ячменя, овса и озимой пшеницы, по дороге вереницей тянулись повозки. Джейме знал, что дальше все будет не столь благополучно.

Следуя во главе войска рядом с безмолвным сиром Илином, Джейме чувствовал, что почти доволен. Солнце грело спину, ветер ласково, как рука женщины, ворошил волосы. Маленький Лью Пайпер прискакал со шлемом, полным ежевики. Джейме съел горсть, а остальным велел поделиться с другими оруженосцами и сиром Илином.

Собственное молчание, видимо, стесняло Пейна не больше, чем ржавая кольчуга и вареная

кожа. Единственными звуками со стороны сира Илина были перестук копыт его мерина и побрякиванье меча в ножнах. Несмотря на угрюмое выражение его рябого лица и холодные, как замерзшее озеро, глаза, Джейме чувствовал, что Пейн тоже рад походу. У него был выбор — он мог отказать и по-прежнему исполнять обязанности Королевского Правосудия.

На эту должность сира Илина определил Роберт Баратеон в качестве свадебного подарка своему тестю — предполагалось, что это вознаградит Пейна за язык, утраченный на службе дому Ланнистеров. Палач из него вышел превосходный — голову он, как правило, отсекал с одного удара, а его безмолвие вселяло ужас в приговоренных. Редко бывает, чтобы человек так хорошо соответствовал своему посту.

Решив взять его с собой, Джейме отправился к сиру Илину, который жил в самом конце Гульбища Предателя. На верхнем этаже приземистой полукруглой башни содержались почетные пленники, рыцари и лорды, ожидающие выкупа или обмена. Вход в настоящие темницы помещался внизу, за двумя дверьми, железной и деревянной. В промежутке между верхом и низом располагались покои смотрителя тюрь-

мы, лорда-исповедника и палача. Последний по традиции заведовал также тюрьмой и всеми ее служителями.

Для этой своей задачи сир Илин Пейн не годился совсем. Неграмотному и к тому же немому, ему поневоле пришлось передоверить тюрьму своим подчиненным. Лорда-исповедника в государстве не было со времен Дейерона Второго, а последний смотритель прежде занимался торговлей тканями и должность свою купил у Мизинца еще при Роберте. Она, без сомнения, приносила ему недурной доход, пока он по глупости не вступил в заговор с другими богатыми дурнями, чтобы возвести Станниса на Железный Трон. Они называли себя Оленьими Людьми, поэтому Джофф распорядился приколотить к их головам оленьи рога и выкинуть их из катапульты за стены города. Ныне его замещал главный надзиратель, старый согбенный Реннифер Лонгуотерс, вечно бубнивший о «капле драконьей крови» в своих жилах. Именно он отпер двери темниц и провел Джейме туда, где уже пятнадцать лет проживал Илин Пейн.

Здесь воняло тухлятиной, тростник на полу кишел тараканами. Войдя, Джейме чуть не наступил на крысу. Большой меч Пейна лежал на столе

рядом с точильным бруском и масляной тряпицей. Сталь, безупречно чистая, отливала синевой при бледном свете, а вокруг этого совершенства валялись груды одежды вперемешку с доспехами, насквозь проржавевшими кольчужными рубахами и битыми винными кувшинами. Этот человек живет одной только смертью, подумал Джейме. Сир Илин вышел к нему из спальни, откуда пахнуло переполненным ночным судном.

«Его величество поручил мне отвоевать для него речные земли, — сказал Джейме. — Я хотел бы взять вас с собой… если вы найдете в себе мужество отказаться от всего этого».

Сир Илин ответил ему долгим немигающим взглядом, но когда Джейме уже собрался уйти, тот кивнул. Теперь они ехали рядом. *Быть может, для нас с тобой еще есть надежда*, подумал Джейме, взглянув на него.

Ночлег они устроили под стенами замка Хэйфордов. На закате у подножия холма, по берегам текущего там ручья, выросло сто шатров. Здесь, поблизости от столицы, Джейме не ожидал ничего худого… но его дядя Стаффорд на Окскроссе тоже думал, что ему ничего не грозит. Лучше было не рисковать.

Получив приглашение на ужин от кастеляна

леди Хэйфорд, Джейме захватил с собой сира Илина, сира Аддама, сира Бонифера Хасти, Рыжего Роннета, Могучего Вепря и еще около дюжины рыцарей.

— Я, пожалуй, пристегну эту руку, — сказал он перед тем, как отправиться в замок.

Пек тут же принес ее — весьма натуральную, золотую, с перламутровыми ногтями. Полусогнутые пальцы, казалось, готовились обхватить винный кубок. *Сражаться я больше не могу, зато выпить — извольте*, размышлял Джейме, пока мальчик пристегивал ее ремешками к обрубку. «Отныне вас станут называть Златоруким, милорд», — заверил его оружейник во время первой примерки. *Ошибаешься, любезный. Я останусь Цареубийцей до самой смерти.*

Золотой рукой за ужином все восхищались, пока Джейме не разлил свое вино и не рявкнул, обращаясь к Флементу Браксу:

— Если эта хреновина тебе так понравилась, отруби свою правую руку и забирай ее. — После этого все умолкли, предоставив ему напиваться в мире и тишине.

Владелицу замка, пухлого младенчика, еще в грудном возрасте выдали за его кузена Тирека, и по мужу она была Ланнистер. Ее привели

за ручку, чтобы показать гостям. На парчовом платьице леди Эрмесанды зелеными бусинками были вышиты скрещенные полосы дома Хэйвортов. Девчушка вскоре раскапризничалась, и кормилица унесла ее.

— О лорде Тиреке так ничего и не слышно? — спросил кастелян, когда подали форель.

— Нет. — Тирек пропал бесследно во время бунта в Королевской Гавани, когда Джейме еще находился в плену. Будь он жив, ему теперь исполнилось бы четырнадцать.

— Я сам занимался розыском по приказу лорда Тайвина, — сказал Аддам Марбранд, очищая рыбу от костей, — но добился не большего, чем Байвотер до меня. До того, как толпа прорвала оцепление золотых плащей, мальчика видели верхом на коне. Позднее коня нашли одного, без всадника. Тирека, вероятней всего, сдернули вниз и убили — но где же в таком случае его тело? Тела остальных убитых остались лежать на месте, отчего же Тирека нет?

— Они сочли, что выгоднее будет оставить его в живых, — предположил Могучий Вепрь. — За любого из Ланнистеров можно получить большой выкуп.

— Да, но ведь выкупа до сих пор никто не потре-

бовал, — заметил Марбранд. — Мальчик точно в воду канул.

— Он мертв. — Джейме успел выпить три кубка, и золотая рука казалась ему все более тяжелой и неуклюжей. Проще было крюк прицепить. — Поняв, кого убили, бунтовщики бросили тело в реку. В Королевской Гавани хорошо помнят, что такое гнев моего отца. Лорд Тайвин исправно платил свои долги.

— Верно, — подтвердил Могучий Вепрь, и разговор перешел на другое.

Однако позже, в башне, где ему отвели комнату, Джейме усомнился в собственной правоте. Тирек наряду с Ланселем служил оруженосцем у короля Роберта. Знание бывает ценнее золота и опасней кинжала. Джейме представился улыбчивый, пахнущий лавандой Варис. У евнуха имелись осведомители по всему городу. Ему не составило бы труда похитить Тирека в суматохе… знай он заранее, что толпа собирается взбунтоваться. Варис знал все и обо всех — по крайней мере он весь двор заставил в это поверить. Но Серсею он о бунте не предупредил и провожать Мирцеллу в гавань почему-то не поехал.

Джейме открыл ставни. Похолодало, на небо вышел двурогий месяц. Золотая рука блеснула

при лунном свете. Евнуха ею не удушишь, но превратить скользкую улыбочку в красное месиво очень даже можно. Джейме очень хотелось ударить кого-нибудь.

Сир Илин точил свой меч.

— Пора, — сказал ему Джейме, и палач пошел за ним вниз по крутым ступеням. На маленьком дворике помещалась оружейная, где Джейме взял два щита, два полушлема и пару затупленных турнирных мечей. Вручив один Пейну, он взял другой в левую руку, а правую продел в лямку щита. Золотые пальцы держали плохо, и щит вихлялся.

— Когда-то вы были рыцарем, сир, — сказал Джейме. — Я тоже. Посмотрим, на что мы годны теперь.

Сир Илин в ответ отсалютовал мечом, и Джейме тут же пошел в атаку. Пейн заржавел не меньше своей кольчуги и не обладал силой Бриенны, но успешно отражал удары либо мечом, либо щитом. Месяц глядел сверху на их пляску, мечи сопровождали ее стальной музыкой. Какое-то время немой рыцарь позволял Джейме вести танец, затем начал понемногу ему отвечать. Перейдя в наступление, он задел бедро противника, плечо, руку выше запястья, обрушил град звонких уда-

ров на его шлем. Он выбил щит из правой руки Джейме и едва не рассек ремешки между культей и золотой кистью. К концу схватки Джейме весь покрылся синяками, но зато протрезвел.

— Мы еще потанцуем, — пообещал он. — И завтра, и послезавтра.

Будем плясать, пока я не научусь владеть левой рукой, как владел правой.

Сир Илин, раскрыв рот, издал прерывистый звук. Это он смеется, понял Джейме, и внутри у него что-то сжалось.

Утром никто даже не заикнулся относительно его синяков, и звона мечей ночью тоже как будто никто не слыхал. Только Лью Пайпер в лагере задал Джейме вопрос, который не посмели задать рыцари.

— У Хэйфордов служат горячие девки, парень, — с усмешкой сказал ему Джейме. — Целуют взасос.

Новый день, такой же ясный и ветреный, сменился ненастным, а после на трое суток зарядил дождь. Войско вопреки непогоде продвигалось на север по Королевскому тракту, и Джейме каждый вечер отыскивал укромное место, чтобы обзавестись свежими страстными поцелуями. Они с Илином дрались в конюшне, где стоял

одноглазый мул, и в погребе придорожной гостиницы между бочонков вина и эля. Дрались в обугленном остове каменного амбара, на лесистом островке посреди мелкой речки, в чистом поле, где дождь стучал по щитам и шлемам.

Джейме изобретал разнообразные предлоги для своих ночных отлучек, понимая при этом, что никто его сказкам не верит. Аддам Марбранд наверняка догадывался, в чем дело, и другие капитаны скорее всего тоже подозревали истину. Но при Джейме никто про это не заговаривал, а единственный свидетель того, каким никудышным бойцом стал ныне Цареубийца, был лишен языка.

Война теперь заявляла о себе со всех сторон. Поля, где полагалось колоситься пшенице, заросли бурьяном выше лошадиных голов, на дороге не стало путников, и округой от сумерек до рассвета распоряжались волки. Большей частью у них хватало благоразумия держаться подальше, но у одного из разведчиков Марбранда, когда он спешился по малой нужде, они зарезали лошадь.

— Не может зверь быть таким наглым, — заявил Бонифер Добрый. — Это демоны в волчьих шкурах, посланные нам за наши грехи.

— Видно, этот конь много нагрешил в своей

жизни, — заметил Джейме, стоя над трупом бедного животного. То немногое, что осталось на костях, он велел засолить, предвидя, что мясо им пригодится.

В месте под названием Свиной Рог они обнаружили старого рыцаря Роджера Хогга, засевшего в своей башне с шестью латниками, четырьмя арбалетчиками и парой десятков крестьян. Сир Кеннос высказал предположение, что огромный, заросший сир Роджер — отдаленный родственник Кракехоллов, чьей эмблемой был ощетинившийся вепрь. Могучий Вепрь счел, что это не лишено оснований, и целый час расспрашивал старика о его предках.

Джейме больше занимало, что думает Хогг о волках.

— Нам больше хлопот причинили волки под белой звездой, — сказал ему старый рыцарь. — Они шли по вашему следу, милорд, но мы дали им хороший отпор и зарыли троих на реповом поле. После них к нам, простите великодушно, нагрянули треклятые львы. Командовал ими некто с мантикором на щите.

— Сир Амори Лорх, — разъяснил Джейме. — Мой лорд-отец дал ему приказ посеять смуту на речных землях.

— Мы не речные жители, — ответил на это сир Роджер. — Я вассал дома Хэйфордов, а леди Эрмесанда склонила коленку перед Королевской Гаванью — или склонит, когда научится хорошо ходить. Я им так и сказал, но этот сир Лорх не больно-то меня слушал. Он забил половину моих овец, зарезал трех отличных молочных коз и пытался поджарить меня в моей собственной башне. Да не тут-то было — стены у нас восьмифутовой толщины. Он поленился разводить огонь сызнова и уехал. Настоящие серые волки пришли потом и сожрали овец, которых мантикор нам оставил. Овчины нам удалось сохранить, но ими ведь сыт не будешь. Как нам быть-то теперь, милорд?

— Засевайте поля и молитесь, — сказал ему Джейме, — авось успеете еще снять урожай. — Это не особенно обнадеживало, но больше он ничего предложить не мог.

Назавтра войско перешло через ручей, служивший границей между вассалами Королевской Гавани и Риверрана. Мейстер Гулиан, сверившись с картой, сказал, что ближние холмы принадлежат братьям Уодам, рыцарям-землевладельцам, подчинявшимся Харренхоллу. От обеих усадеб остались одни головешки, и ни самих братьев, ни их крестьян не было видно, но в погребе

одного замка поселились разбойники. Один из них носил рваный красный плащ, но Джейме повесил его заодно с остальными, чувствуя, что вершит правосудие. *Возьми это себе за правило, Ланнистер, и когда-нибудь тебя, возможно, все-таки прозовут Златоруким. Златоруким Судьей.*

На подъезде к Харренхоллу мир стал еще более серым. Воины ехали под свинцовым небом, вдоль озера, похожего на лист кованой стали. Может быть, и Бриенна проезжала по той же дороге, если пришла к заключению, что Санса Старк отправилась в Ривердан. Будь на дороге встречные, он спросил бы, не видели ли они хорошенькую девушку с золотисто-рыжими волосами или здоровенную девицу с лицом, от которого молоко киснет. Но им никто не встречался, даже волки, и только вдали слышался заунывный вой.

Наконец за оловянными водами выросли башни Черного Харрена — пять искривленных пальцев, воткнутых в небо. Мизинец, хоть и значился лордом Харренхолла, явно не торопился вступить во владение, поэтому «наводить там порядок», как выразилась Серсея, выпало Джейме Ланнистеру на пути в Ривердан.

В необходимости навести этот самый порядок он не сомневался. Григор Клиган отбил замок у

Кровавых Скоморохов как раз перед тем, как Серсея отозвала его в Королевскую Гавань. Его люди, безусловно, до сих пор мотаются там внутри, как сухие горошины в сундуке, но восстановить королевский мир на Трезубце им не по силам. Единственное, на что они способны, — это с миром упокоить кого-то в могиле.

Разведчики сира Аддама доложили, что ворота Харренхолла заперты. Джейме построил свое войско перед ними и велел Кенносу из Кайса трубить в черный витой рог Геррока, окованный старым золотом.

Когда рог прозвучал трижды, петли заскрипели, и ворота медленно отворились. Так толсты были стены замка Черного Харрена, что Джейме миновал десяток амбразур, прежде чем оказаться на освещенном солнцем дворе, где он не так давно простился с Кровавыми Скоморохами. Сквозь утоптанную землю проросли сорняки, мухи жужжали над дохлой лошадью.

Из башен вышли несколько человек сира Григора — все как один с жесткими глазами и крепко сжатыми ртами. Только такие солдаты и могли служить у Горы. В злодействе и жестокости Кровавые Скоморохи превзошли их совсем ненамного.

— Едрит твою! Джейме Ланнистер! — выпалил

немолодой уже латник. — К нам пожаловал сам Цареубийца, ребята, копье мне в задницу!

— Ты кто такой? — спросил Джейме.

— Сир называл меня Сраным Ртом, милорд. — Он поплевал на руки и потер себе щеки — красоту навел, надо полагать.

— Прелестно. Кто здесь главный, ты?

— Я? Хрена с два. — Крошек, застрявших в бороде сквернослова, хватило бы на прокормление целого гарнизона. Джейме не сдержал смеха, и Сраный Рот, приняв это как знак одобрения, тоже заржал, прибавив: — Копье мне в задницу!

— Слыхали просьбу? — обратился Джейме к Илину Пейну. — Возьмите копье подлиннее и вставьте ему.

У Пейна копья не было, но Безбородый Джон Битли охотно кинул ему свое. Пьяный гогот Сраного Рта оборвался как по сигналу.

— Уберите от меня эту хрень.

— Думай вперед, о чем просишь, — посоветовал ему Джейме. — Так кто же здесь главный? Сир Григор назначил кого-нибудь кастеляном?

— Полливера, — ответил другой солдат, — да только его Пес убил. И его, и Щекотуна, и парнишку Сарсфилда.

Снова Пес.

— Почем ты знаешь, что это был Сандор? Ты его видел?

— Нет, милорд, мы сами не видели. Нам трактирщик сказал.

— Это случилось в гостинице на перекрестке дорог, милорд, — подал голос солдат помоложе, с копной желтых волос. На шее у него висело монисто, принадлежавшее ранее Варго Хоуту, — монеты из ста дальних стран, серебряные и золотые, медные и бронзовые, круглые, квадратные, треугольные, вперемешку с кольцами и кусочками кости. — Трактирщик клялся, что сделал это человек с наполовину сожженным лицом. С ним был еще мальчонка-оборвыш. Они изрубили Полливера со Щекотуном на куски и уехали вниз по Трезубцу, так нам сказали.

— Вы послали за ними погоню?

Сраный Рот сморщился, словно от боли.

— Нет, милорд, не послали, едрена мать.

— Если пес взбесился, ему следует перерезать глотку.

— Ну, я Полли не сказать чтоб сильно любил, а Пес сиру братом доводится, ну и…

— Тут мы оплошали, милорд, — вмешался солдат с монистом, — но надо быть сумасшедшим, чтобы лезть в драку с Псом.

Он посмелее других, отметил про себя Джейме, и пьет меньше, чем Сраный Рот.

— Струсили, стало быть.

— Не то чтобы струсили, милорд, — просто оставили его людям получше нас. Сиру, к примеру сказать, или вам.

Да, будь у меня две руки… Джейме себя не обманывал. Теперь Сандор его бы прихлопнул как муху.

— Как тебя звать?

— Раффорд, милорд, но все меня кличут Раффом.

— Собери весь гарнизон в Зале Тысячи Очагов, Рафф. И пленных тоже, я хочу на них посмотреть. И этих гостиничных шлюх. Не забудем и Хоута. Известие о его смерти огорчило меня, и я хотел бы взглянуть на его голову.

Голову принесли, и оказалось, что козлу перед смертью отрезали губы, уши и нос. Несмотря на эти увечья и выклеванные глаза, Джейме с уверенностью опознал его по жидкой бороденке длиной в два фута. На черепе, кроме нее, сохранилось лишь несколько клочков плоти.

— А тело где? — спросил Джейме.

Все потупились, и Сраный Рот наконец промямлил:

— Сгнило, сир. И съедено.

— Один пленник все просил есть, — пояснил Раффорд, — вот сир и велел накормить его жареной козлятиной. Для начала сир отрубил Хоуту руки и ноги, они и пошли на жаркое.

— Почти все сожрал тот жирняга, — добавил Сраный Рот, — но сир велел, чтобы всем пленным дали отведать. И самому Хоуту тоже — чтоб, значит, сам себя ел. Мы в него пихаем, а он ноет, и жир по бороденке течет.

Твои псы взбесились оба, отец. Джейме вспомнились сказки, которые он слышал ребенком в Бобровом Утесе, о безумной леди Лотстон, которая принимала ванны из человеческой крови и устраивала людоедские пиры здесь, в этих самых стенах.

Месть внезапно утратила для него всякий вкус.

— Выброси это в озеро. — Джейме кинул Пеку голову Хоута и обратился к собравшемуся гарнизону: — Пока лорд Петир не прибудет сюда, чтобы вступить во владение, Харренхоллом от имени короля будет командовать сир Бонифер Хасти. Желающие, буде сир Бонифер их оставит, могут перейти под его руку. Остальные отправятся со мной в Ривердан.

Люди Горы переглянулись, и кто-то сказал:

— Сир обещал нам щедрое вознаграждение.

— Так и было, — подтвердил Сраный Рот. — «Щедрая награда всем, кто воевал под моим стягом». — Все остальные согласно загудели.

— Всякий, кто останется здесь, — заявил, подняв руку, сир Бонифер, — получит сто акров земли. Надел этот увеличится вдвое, когда владелец женится, и втрое, когда у него родится первенец.

— Земля, сир? — плюнул Сраный Рот. — Наклал я на эту землю. Была б нам охота в ней ковырять-ся, мы, с вашего позволения, так и сидели бы дома. Щедрая награда, сказал наш сир, — стало быть, золото.

— Если вы недовольны, ступайте в Королев-скую Гавань и подайте жалобу моей дражайшей сестре. Займемся пленными, — сказал Джейме Раффорду. — Начнем с сира Вилиса Мандерли.

— Это жирный, что ли?

— Надеюсь, что так. И не вздумай сказать, что он умер, иначе вы все разделите его участь.

Надежды Джейме обнаружить в темницах Шагвелла, Пига или Золло успели развеяться. Скоморохи разбежались все до единого, бросив Варго Хоута на произвол судьбы. Из людей ле-ди Уэнт в подземельях осталось трое — повар,

отворивший калитку сиру Григору, согбенный оружейник Бен Чернопалый и девушка по имени Пиа, сильно подурневшая с тех пор, как Джейме уехал из Харренхолла. Кто-то сломал ей нос и выбил половину зубов. Увидев Ланнистера, она бросилась ему в ноги, плача и судорожно сжимая его колени, пока Могучий Вепрь не оттащил ее прочь.

— Больше тебя никто не тронет, — пообещал ей Джейме, но она лишь расплакалась еще пуще.

С другими узниками обращались несколько лучше. Среди них оказался сир Вилис Мандерли и другие знатные северяне, которых Гора взял в плен на бродах Трезубца. Все эти рыцари, за которых полагался немалый выкуп, были грязны и оборваны. Некоторых украшали свежие синяки, кое у кого шатались зубы и пальцев недоставало, но раны у них были аккуратно перевязаны, и голодными они не сидели. Понимали ли они, каким мясом их кормят? Джейме решил, что лучше об этом не спрашивать.

Заключение сломило их всех, особенно сира Вилиса, толстяка с кустистыми усами, тусклыми глазами и печально обвисшими брылами. Услышав, что его отвезут в Девичий Пруд и там посадят на корабль, идущий в Белую Гавань, он

повалился на пол и разрыдался еще громче, чем Пиа. Потребовалось четверо, чтобы его поднять. *Слишком уж ты налегал на жареную козлятину,* подумал Джейме, испытывая жгучую ненависть к этому проклятому замку. Харренхолл за свои триста лет пережил больше ужасов, чем Бобровый Утес за три тысячи.

Джейме приказал развести огонь в очагах большого чертога, и повар заковылял обратно на кухню — готовить еду для вновь прибывших. «Только не козлятину», — предупредили его.

Сам Джейме ужинал в Охотничьем чертоге с сиром Бонифером Хасти. Этот сухопарый журавль за каждым словом поминал Семерых.

— Солдаты сира Григора мне не нужны, — заявил он, разрезая грушу, такую же сморщенную, как он сам, и следя, чтобы ее несуществующий сок не брызнул на чистенький пурпурный дублет с косой белой полосой его дома. — Не желаю держать этих греховодников у себя на службе.

— Мой септон говаривал, что все мы не без греха.

— Это правда, но есть грехи, чернотой своей превосходящие все остальные, и смрад их бьет прямо в нос Семерым.

Видно, у тебя самого нос не лучше, чем у моего

брата, иначе мой смрад заставил бы тебя поперхнуться этой грушей.

— Хорошо, я вас избавлю от вояк Григора. — Лишние бойцы всегда пригодятся. Во время штурма, к примеру. Послать их на лестницы первыми, и дело с концом.

— И шлюху заберите отсюда, — попросил сир Бонифер, — ту, из тюрьмы.

Когда Джейме сам был здесь пленником, Квиберн прислал Пиа ему, думая сделать приятное своему подопечному. Но Пиа, которую сегодня вывели из темницы, разительно отличалась от хорошенькой смешливой простушки, юркнувшей тогда Джейме под одеяло. Она имела неосторожность заговорить, когда сир Григор потребовал тишины. За это Гора своим кольчужным кулаком выбил ей зубы и сломал нос. Она бы не отделалась так легко, но Серсея, к счастью, срочно вызвала Гору в Королевскую Гавань на поединок с Красным Змеем. Его кончина не вызывала у Джейме скорби.

— Пиа родилась в этом замке, — сказал он сиру Бониферу. — Другого дома у нее нет.

— Эта женщина — источник разврата. Я не потерплю, чтобы она вертела своими… прелестями перед моими людьми.

— Думаю, у нее пропала охота вертеть перед кем-то прелестями, но если вы так настаиваете, я возьму и ее. — Хотя бы в прачки. Оруженосцы безропотно ставят ему шатер, чистят коня и полируют доспехи, но стирка его белья представляется им делом не мужским и постыдным. — Но сумеете ли вы удержать Харренхолл с одной только Святой Сотней? — Отряд Хасти, строго говоря, уже не мог называться сотней, потеряв четырнадцать бойцов на Черноводной, — однако сир Бонифер, несомненно, пополнит его, как только найдет достаточно праведных рекрутов.

— Никаких затруднений я не предвижу. Старица озарит нам путь, а Воин придаст силу нашему оружию.

Неведомый же, может статься, приберет всех твоих святош. Неясно, кто убедил Серсею назначить сира Бонифера кастеляном Харренхолла, но похоже, что Ортон Мерривезер. Хасти, кажется, когда-то служил его деду. Верить, что человек по прозвищу Добрый может исцелить раны, нанесенные речным землям Русе Болтоном, Варго Хоутом и Григором Клиганом, — как раз в духе этого рыжего дуралея.

Хотя в чем-то Мерривезер, пожалуй, и прав. У Хасти, выходца из штормовых земель, на Тре-

зубце нет ни друзей, ни врагов. Стало быть, и кровной мести тоже нет, и долгов, которые следует уплатить, и приспешников, требующих награды. Он трезв, справедлив, наделен сильным чувством долга, а солдат дисциплинированней его восьмидесяти шести святош не сыскать во всех Семи Королевствах. Любо-дорого посмотреть, как выезжены их большие серые мерины. Мизинец полагал, что сир Бонифер выхолостил заодно и конников — очень уж безупречная у них репутация.

С другой стороны, что можно сказать о солдатах, знаменитых выездкой своих лошадей, а не числом убитых врагов? Молиться они горазды, а вот драться… На Черноводной они как будто не посрамили себя, но отличиться тоже не отличились. Сир Бонифер в юности успешно выступал на турнирах, но затем то ли потерпел поражение, то ли опозорился, то ли столкнулся со смертью и отказался от турниров навсегда как от занятия пустого и суетного.

Однако Харренхоллом должен кто-то командовать, и этот слепок с Бейелора Благословенного — именно тот, кого выбрала для этой цели Серсея.

— У этого замка дурная слава, — предостерег Джейме, — притом вполне заслуженная. Говорят,

что Харрен и его сыновья до сих пор бродят ночью по этим чертогам, объятые пламенем. И тот, кто их видит, загорается сам.

— Я не боюсь привидений, сир. Сказано в Семиконечной Звезде, что ни один дух не способен причинить вреда человеку истинно верующему.

— Что ж, полагайтесь на веру, но о стальных доспехах тоже не забывайте. Все, кто держал Харренхолл до вас, кончили плохо. Гора, Хоут, даже мой отец…

— Простите мне мою смелость, но никто из них не был человеком благочестивым. Небесный Воин поможет нам против любого врага. Мейстер Гулиан и его вороны останутся с нами, в Дарри со своим гарнизоном сидит лорд Лансель, Девичий Пруд держит лорд Рендилл. Втроем мы повыведем здесь всех разбойников, и добрые люди по милости Семерых опять вернутся в свои деревни, вспашут поля и отстроят дома.

Разве что те, кого козел не успел перебить. Джейме обхватил золотыми пальцами кубок с вином.

— Если к вам в руки попадет кто-то из Бравых Ребят, известите меня немедленно. — Неведомый прибрал Хоута, не дав Джейме им завладеть, но Золло еще гуляет на воле вместе с Шагвеллом,

Роржем, Верным Утсивоком и прочими.

— Чтобы вы подвергли их пыткам, а после казнили?

— Можно подумать, что вы на моем месте простили бы их.

— Да, если бы они искренне раскаялись в содеянном. Я принял бы их как братьев и помолился бы вместе с ними, прежде чем послать их на плаху. Грехи можно простить, но преступления требуют кары. — Хасти сложил пальцы домиком, некстати напомнив Джейме отца. — Как прикажете поступить с Сандором Клиганом?

Читай молитву и беги, как только увидишь его.

— Отправьте его прямиком к любимому брату, — сказал Джейме вслух. — Хорошо, что у богов целых семь преисподних — одна братьев Клиганов нипочем не вместила бы. — Он тяжело встал из-за стола. — Но если вам посчастливится взять Берика Дондарриона, подождите до моего возвращения. Я хочу привести его в Королевскую Гавань с веревкой на шее, чтобы сир Илин снес ему голову принародно.

— А его сподвижник, мирийский жрец? Говорят, он повсюду сеет свою ложную веру.

— С ним делайте что вам будет угодно — целуй-

тесь, молитесь, на куски его режьте.

— Я отнюдь не желаю с ним целоваться, милорд.

— Он с вами, думаю, тоже. — Улыбка на лице Джейме сменилась зевком. — Пойду спать, с вашего позволения.

— Извольте, милорд. — Хасти явно хотелось помолиться, а Джейме хотел подраться. Шагая через две ступеньки, он вышел на свежий воздух. Могучий Вепрь и Флемент Бракс сражались на освещенном факелами дворе, и латники подбадривали их криками. И смотреть нечего — ясно, что сир Лайл одолеет. Джейме стал удаляться от шума и света, ища сира Илина. Он прошел под крытым мостом, пересек двор Расплавленного Камня и только тут понял, куда идет.

У медвежьей ямы горел фонарь, освещая крутые ярусы каменных сидений. Кто-то пришел сюда раньше Джейме. Может быть, сир Илин. Яма — самое подходящее место для боевой пляски.

Но рыцарь, стоявший на краю, был кряжистей Пейна, носил бороду, а на его красно-белом камзоле Джейме разглядел грифонов. Коннингтон. Что он-то здесь делает? Медведь, от которого остались только кости да клочья шкуры, так и валялся внизу, наполовину зарытый в песок.

Джейме стало жаль зверя — но он по крайней мере умер в бою.

— Уж не заблудились ли вы, сир Роннет? Немудрено в таком большом замке.

— Хотел посмотреть на место поединка медведя с не слишком прекрасной девой. — Рыжий Роннет поднял фонарь повыше, и борода у него заалела, как язык пламени. От него пахло вином. — Правда ли, что она сражалась нагая?

А это еще откуда взялось?

— Нет, — сказал Джейме. — Скоморохи нарядили ее в розовое атласное платье и дали ей турнирный меч. Хоут хотел посмеяться над ее смертью. Будь иначе…

— То медведь при виде голой Бриенны удрал бы во все лопатки.

Джейме не поддержал шутки Коннингтона.

— Вы говорите так, будто с ней знакомы.

— Мы были женихом и невестой.

Это, признаться, удивило Джейме. Бриенна ни разу не говорила ему, что была помолвлена.

— Значит, отец все же нашел для нее партию…

— Он делал это трижды. Вторым, по желанию собственного родителя, был я. Говорят, что девица страшна собой, сказал я ему, на что он ответил: все они одинаковы, когда задуваешь свечу.

— Ваш отец… — Джейме присмотрелся к его камзолу с двумя грифонами, обращенными лицом друг к другу на красно-белом поле. Будто танцуют… — Он брат нашего покойного десницы, не так ли?

— Кузен. Братьев у лорда Джона не было.

— Да, я вспомнил. — Джон Коннингтон был другом принца Рейегара. Когда Мерривезер позорно отступил перед восставшим Робертом, а Рейегара нигде не могли найти, Эйерис ухватился за Коннингтона и сделал его десницей. Но с десницами своими Безумный Король обращался круто, и лорда Джона после Колокольной битвы постигла такая же участь. Его лишили всех почестей, земель, состояния и отправили в изгнание за море, где он вскоре спился и умер. А вот его кузен, отец Рыжего Роннета, примкнул к мятежникам и после Трезубца получил в награду замок Гриффин-Руст — но львиную долю коннингтоновских земель Роберт отдал более рьяным своим приверженцам.

Сир Роннет, стало быть, всего лишь рыцарь-землевладелец. Для такого Тартская Дева поистине лакомый кусочек.

— Отчего же расстроилась свадьба? — спросил Джейме.

— Я съездил на Тарт и увидел ее. Девица шестью годами моложе меня, но одного со мной роста. Хавронья в шелках, хотя даже у свиньи сиськи больше бывают. Языком она ворочала с огромным трудом. Я вручил ей розу и дал понять, что больше она ничего от меня не получит. Бьюсь об заклад, — Коннингтон заглянул в яму, — даже медведь был не столь волосат, как эта уродина…

Золотая рука Джейме двинула его в зубы так, что рыцарь покатился вниз по ступенькам. Фонарь разбился, пролитое масло воспламенилось.

— Вы говорите о высокородной даме, сир. Извольте звать ее по имени — Бриенна.

Коннингтон отполз в сторону от пылающих струй.

— Слушаюсь, милорд. Пусть будет Бриенна. — Он плюнул кровью под ноги Джейме. — Бриенна-Красотка.

Серсея

Она сидела, прислонившись к красной подушке. Лошади медленно взбирались на холм Висеньи, и сир Осмунд снаружи покрикивал:

— Дорогу! Дорогу ее величеству королеве!

— У Маргери при дворе действительно очень весело, — рассказывала леди Мерривезер. — У нас там и жонглеры, и скоморохи, и поэты, и кукольники…

— А певцы? — спросила Серсея.

— И певцов много, ваше величество. Дважды в месяц у нее играет Хэмиш-Арфист, Аларик Эйзенский порой услаждает наш слух вечерами, но благосклонней всех она к Лазурному Барду.

Этого молодого, пригожего собой певца Серсея хорошо помнила по свадьбе Томмена. Все ли тут чисто?

— Я слышала, там бывают и другие мужчины. Рыцари, придворные. Столько поклонников… Скажите мне правду, миледи: по-вашему, Маргери все еще девственница?

— Она уверяет, что да, ваше величество.

— Охотно верю, но что по этому поводу ска-

жете вы?

В черных глазах Таэны вспыхнули озорные искры.

— На свадьбе ее и лорда Ренли в Хайгардене я участвовала в провожании и помогала раздевать жениха. Его милость был хорошо сложенным, пылкий мужчиной. Я хорошо рассмотрела это, когда мы швырнули его на брачную постель, где ждала его в чем мать родила застенчивая невеста. В спальню ее принес сам сир Лорас. Маргери говорит, что брак так и не осуществился, что лорд Ренли на свадебном пиру выпил слишком много вина, но я-то видела, что его мужское орудие было в полной готовности.

— А на следующее утро вы случайно не видели — была ли на простынях кровь?

— Простыней нам не показывали, ваше величество.

Жаль, подумала Серсея. Впрочем, отсутствие крови само по себе мало что значит. Из крестьянских девок в брачную ночь, насколько она слышала, так и хлещет, но к благородным девицам наподобие Маргери Тирелл это правило вряд ли применимо. Дочь лорда, согласно пословице, расстается с девичеством в седле, а не на брачном ложе, Маргери же ездит верхом с тех пор, как

научилась ходить.

— Судя по вашим рассказам, у маленькой королевы много обожателей среди наших домашних рыцарей. Братья Редвин, сир Таллад… кто там еще?

— Сир Ламберт, — пожала плечами леди Мерривезер, — дуралей с повязкой на здоровом глазу. Байард Норкросс. Кертензи Гринхилл. Братья Вудрайт, иногда Портифер, иногда Люкантин. Великий мейстер Пицель тоже частенько захаживает.

— Пицель? — Неужели этот старый червяк забывает льва ради розы? Не пришлось бы ему пожалеть об этом. — Продолжайте, прошу вас.

— Еще летниец в плаще из перьев — как это я позабыла о столь диковинном существе? Ее кузины тоже окружены кавалерами. Элинор, хотя и помолвлена с юным Амброзом, любит пофлиртовать, а Мегга меняет своих ухажеров на каждой неделе. Даже с поваренком умудрилась поцеловаться. Поговаривают о ее браке с братом леди Бульвер, но если б ей предоставили выбирать самой, она скорее всего остановилась бы на Марке Маллендоре.

— Рыцарь-мотылек, потерявший руку на Черноводной? — засмеялась Серсея. — Что ей проку

в калеке?

— Мегга находит, что он очень мил. Просила Маргери найти для него обезьянку.

— Обезьянку… — Что на это можно сказать? Воробьи! Обезьяны! Будто вся страна лишилась рассудка. — А что наш бравый сир Лорас — часто ли он навещает свою сестру?

— Чаще, чем все остальные. — Таэна слегка нахмурилась. — Каждое утро и каждый вечер, если служба позволяет. Брат так предан Маргери, что делит с ней все… — Мирийка умолкла, словно пораженная чем-то, и тут же заулыбалась. — Что за гадкая мысль пришла мне в голову, ваше величество.

— Держите ее при себе. Этот холм просто кишит воробьями, а их грешные мысли, как известно, приводят в ужас.

— Как и вода с мылом, если верить слухам.

— Быть может, усердные молитвы отбивают у них обоняние. Надо бы спросить у его святейшества.

Носилки покачивались, шевеля красными шелковыми занавесками.

— Ортон говорит, что у верховного септона нет имени, — сказала леди Таэна. — Неужто правда? В Мире имена есть у всех.

— Раньше было, — махнула рукой королева. — Всех септонов, даже благородного происхождения, зовут только по имени, когда они приносят обет. Но когда один из них становится верховным, он отказывается даже и от него. Будучи представителем богов на земле, он не нуждается более в человеческом имени.

— Как же вы отличаете одного верховного септона от другого?

— С трудом. В обиходе говорится «толстяк», «тот, что был перед толстяком», «старик, который умер во сне». Именами тоже пользуются, но святейших особ это приводит в гнев. Они не любят, когда им напоминают, что на свет они родились как простые смертные.

— Мой лорд-муж уверяет, что этот новый родился с грязной каймой под ногтями.

— Меня бы это не удивило. Обычно Праведные выбирают одного из своих, но исключения тоже бывают. — Об этом Серсее с присущей ему занудливостью поведал великий мейстер Пицель. — При короле Бейелоре Благословенном верховным септоном избрали простого каменщика. Бейелор, увидев, как искусно он обрабатывает камни, объявил его воплощением самого Кузнеца. Нужды нет, что бог во плоти был неграмотным

и не мог запомнить даже самой простой молитвы. — По слухам, новоявленного Кузнеца отравил королевский десница, чтобы избавить страну от конфуза. — После его смерти, опять-таки по настоянию Бейелора, выбрали восьмилетнего мальчика, якобы чудотворца — но даже его целительные ручонки не спасли короля, уморившего себя голодом во время поста.

— Моему сынишке скоро семь, — хихикнула леди Таэна. — Чем не верховный септон?

— Он так любит молиться?

— Игры с мечом ему нравятся больше.

— Как и пристало мальчику. Ну а всех семерых богов он может назвать?

— Думаю, да.

— Я приму это во внимание. — Нашлось бы немало мальчуганов, более достойных кристальной короны, чем этот несчастный, на которого Праведные решили ее возложить. Вот что получается, если дать волю глупцам и трусам. В следующий раз Серсея сама выберет им предводителя — и если новый верховный септон будет раздражать ее по-прежнему, ждать придется недолго. Серсея Ланнистер в таких делах не уступит ни одному деснице.

— Дорогу! — кричал Осмунд Кеттлблэк. — До-

рогу ее королевскому величеству!

Носилки стали двигаться медленнее — значит они приближаются к вершине холма.

— Вашего сына пора взять ко двору, — сказала Серсея. — Шесть лет — вполне подходящий возраст. Томмен нуждается в обществе других мальчиков. — У Джоффри никогда не было близких друзей-ровесников. Бедный ребенок, такой одинокий. Сама Серсея росла вместе с Джейме… и с Меларой, пока та не упала в колодец. Джофф был привязан к своему Псу, но ведь это нельзя назвать дружбой. В Сандоре он искал отца, которым Роберт так и не стал для него. Маленький названый братец — как раз то, что может отвлечь Томмена от Маргери и ее курятника. Со временем мальчики могут подружиться не менее крепко, чем Роберт с Недом Старком. Нед, конечно, был глуп, но какая преданность! Нужно, чтобы и Томмена поддерживали преданные друзья.

— Ваше величество очень добры, но ведь Рассел еще ни разу не покидал родного дома. Боюсь, в большом городе он совсем растеряется.

— Вначале да, но скоро он привыкнет, как привыкла и я. Когда отец прислал за мной, чтобы отвезти ко двору, я горько плакала, а Джейме ярился — но тетушка села со мной в Каменном

саду и сказала, что ничего страшного в Королевской Гавани нет. «Ты львица, — сказала она. — Не ты должна бояться разных мелких зверей, а они тебя». И ваш сын тоже недолго будет робеть. Ведь вы же хотите, чтобы он был рядом и вы могли видеться каждый день? Он у вас единственное дитя, верно?

— Пока да, но муж просит богов послать нам еще сына, на тот случай, если…

— Я понимаю. — Серсее вспомнился Джоффри, царапающий горло ногтями. С какой мольбой он смотрел на нее… а перед ней в те последние мгновения его жизни возникла иная картина: капля крови, шипящая в пламени свечи, и скрипучий голос, предсказывающий короны, саваны, смерть от руки *валонкара*…

Снаружи послышалась перебранка. Носилки рывком остановились, и сир Осмунд взревел:

— Вы что, передохли там все? Прочь с дороги!

Королева, приподняв занавеску, подозвала сира Меррина Транта.

— В чем причина задержки?

— Воробьи, ваше величество. — Щит и шлем сира Меррина висели впереди на седле. — Расположились прямо на улице. Сейчас мы их уберем.

— Только без лишнего насилия. Еще один бунт

мне не нужен. — Серсея опустила занавеску. — Что за нелепость.

— Полностью согласна с вашим величеством. Верховный септон должен был сам прибыть к вам, а эти злосчастные воробьи…

— Он кормит их, носится с ними, благословляет их — а короля благословить не желает! — Это благословение, конечно, всего лишь обряд, но обряды и церемонии в глазах невежд имеют большую силу. Сам Эйегон Завоеватель вел счет своему царствованию с того дня, когда верховный септон помазал его в Староместе. — Ну ничего. Либо он подчинится мне, либо на собственном опыте узнает, что он все еще человек, слабый и уязвимый.

— Ортон говорит, что причиной всему золото. Что он воздерживается от благословения, вынуждая корону возобновить дотации.

— Септа начнет получать свое золото, как только наступит мир. — Септоны Торберт и Реймонд хорошо понимали затруднительность ее положения — в отличие от негодного браавосийца, так нещадно теснившего бедного лорда Джайлса, что тот слег в постель с кровохарканьем. Ей отчаянно нужны эти новые корабли. На один Бор полагаться нельзя — Редвины слишком близки

с Тиреллами. На море ей требуется собственный флот.

Они уже растут на верфях, ее корабли. На флагманском будет вдвое больше весел, чем на «Молоте короля Роберта». Аурин обратился к ней с просьбой назвать корабль «Лордом Тайвином», и Серсея охотно дала согласие. Другое судно будет называться «Прекрасной Серсеей», и нос его украсит позолоченная статуя королевы, в кольчуге и львином шлеме, с мечом в руке. За ними пойдут «Отважный Джоффри», «Леди Джоанна» и «Львица», и также «Королева Маргери», «Золотая роза», «Лорд Ренли», «Леди Оленна» и «Принцесса Мирцелла». Дать имена последней пятерке Серсея опрометчиво позволила Томмену. Одним из названий, выбранных королем, было «Лунатик». Лишь когда лорд Аурин заметил, что никто не захочет служить на судне, названном в честь дурака, мальчик неохотно поменял Лунатика на свою сестру.

— Если этот оборванный септон хочет, чтобы я *купила* у него благословение для Томмена, он скоро раскается, — сказала королева Таэне. Идти на поводу у наглых святош не входило в ее намерения.

Носилки остановились снова, да так резко, что

Серсею качнуло вперед.

— Нет, это просто невыносимо! — Снова выглянув наружу, она наконец-то увидела перед собой великолепный купол и семь сверкающих башен Великой Септы, но между ней и мраморными ступенями волновалось целое море одетых в лохмотья, немытых людей. Воробьи, поняла она, — хотя от настоящих воробьев пахнет совсем не так скверно.

Это зрелище, признаться, поразило ее. Квиберн докладывал ей о количестве паломников, но одно дело слышать, а другое — видеть своими глазами. Сотни человек устроили становище на храмовой площади, еще сотни — в садах. От их костров шел дым и чад. Холщовые палатки и слепленные из глины хибары оскверняли благородный белый мрамор. Нищая братия селилась даже на ступенях под дверями Великой Септы.

К Серсее рысью подъехал сир Осмунд. Его сопровождал брат, сир Осфрид, на золотом, в цвет плаща, жеребце. Осфрид, средний, степеннее двух других братьев Кеттлблэков и скорее хмур, чем улыбчив. Кроме того, если верить рассказам о нем, из них троих он самый жестокий. Возможно, на Стену следовало бы отправить его.

Великий мейстер Пицель желал, чтобы золо-

тыми плащами командовал человек постарше, «более сведущий в военных делах», и некоторые советники с ним соглашались. «Сир Осфрид достаточно сведущ», — ответила королева, но рты это им не заткнуло. Они тявкают на нее, как мелкие шавки. Особенно Пицель, истощивший все запасы ее терпения. Он воспротивился даже тому, чтобы послать в Дорн за новым мастером над оружием — Тиреллы, мол, могут счесть это за обиду. «А для чего же я, по-вашему, это делаю?» — бросила ему раздраженная Серсея.

— Прошу прощения, ваше величество, — сказал сир Осмунд. — Мой брат послал за подмогой. Не опасайтесь ничего, мы расчистим дорогу.

— Время не позволяет. Я пойду дальше пешком.

— Не надо, ваше величество, — схватила ее за руку леди Таэна. — Я их боюсь. Их так много, и они такие грязные…

— Льву воробьи не страшны. — Серсея чмокнула ее в щеку. — Но ваше беспокойство приятно мне — я вижу, что вы меня любите. Пожалуйста, дайте мне руку, сир Осмунд.

Знай Серсея, что все обернется таким образом, она бы оделась иначе. Это скромное, но изящное белое платье с золотой парчой в прорезях она

не надевала уже несколько лет, и оно сделалось несколько тесным в талии.

— Сир Осмунд, сир Меррин, вы пойдете со мной. Сир Осфрид, позаботьтесь о том, чтобы носилки не пострадали. — Эти воробьи так истощены, что способны съесть ее лошадей.

Пробираясь мимо костров, повозок и жалких укрытий, она вспоминала другую толпу, собравшуюся на этой же площади в день ее свадьбы с Робертом Баратеоном. Новобрачным кричали «ура», женщины нарядились в свои лучшие платья, мужчины держали детей на плечах. Когда она вышла из септы об руку с молодым королем, поднялся такой рев, что его, должно быть, слышали в Ланниспорте. «Вы им пришлись по душе, миледи, — прошептал ей на ухо Роберт. — Смотрите, какие у всех веселые лица». На один краткий миг она почувствовала, что счастлива… но тут ее взгляд случайно упал на Джейме, и она подумала: нет, милорд, не у всех.

Сейчас она не заметила ни одной улыбки — воробьи провожали ее мрачными, враждебными взглядами и дорогу уступали весьма неохотно. Разогнать бы эту стаю, чтобы прыснули во все стороны. Сотне золотых плащей с мечами и палицами это вполне под силу. Лорд Тайвин поступил

бы именно так. Он топтал бы толпу конем, но пешком не пошел бы.

Увидев, что они сделали с Бейелором Благословенным, королева пожалела о своем мягкосердечии. Мраморную статую, сто лет осенявшую площадь своей благостной улыбкой, до пояса завалили человеческими костями. Ворона, сидевшая на одном из черепов, угощалась сохранившимся клочком высохшей плоти. Мухи вились над изваянием тучами.

— Что это значит? — обратилась к толпе Серсея. — Хотите похоронить Бейелора Благословенного под грудой падали?

Вперед, опираясь на костыль, вышел одноногий человек.

— Это кости мужей и жен, убиенных за веру, ваше величество. Здесь лежат септоны, септы, бурые и зеленые братья, белые и серые сестры. Одних вешали, другим вспарывали животы. Безбожники, поклоняющиеся демонам, бесчестили дев, матерей и септ. Даже Молчаливые Сестры не избегли поругания. Матерь Небесная вопиет от горя. Мы собирали эти кости по всему королевству, чтобы показать воочию, какие муки испытала святая вера.

— Король узнает об этих бесчинствах, — торже-

ственно пообещала Серсея, чувствуя устремленные на нее взгляды. — Ваш праведный гнев не останется неразделенным. В этом повинны Станнис со своей красной ведьмой и дикие северяне, молящиеся волкам и деревьям. — Она возвысила голос. — Мы отомстим за святых мучеников, добрые люди!

Радостные возгласы, раздавшиеся в толпе, были весьма немногочисленны.

— Мы не требуем мщения, — сказал одноногий, — просим лишь защиты для тех, кто еще жив. Просим охранить септы и святые места.

— Железный Трон должен вступиться за веру, — громыхнул верзила с нарисованной на лбу семиконечной звездой. — Король, не защищающий свой народ, — плохой король. — Вокруг него послышались крики одобрения.

— Пора всем рыцарям, принесшим обет, оставить своих земных владык и постоять за веру, — заявил кто-то, дерзко схватив сира Меррина за руку. — Идите к нам, сир, если любите Семерых.

— Пусти, — гаркнул, вырвав руку, сир Меррин.

— Я слышу вас, — сказала Серсея. — Мой сын еще юн, но Семерых любит всем сердцем. Он даст вам защиту, а я ему помогу.

— Нас защитит Воин, — продолжал бушевать

человек со звездой на лбу, — а не пухлый мальчишка-король.

Меррин Трант взялся за меч, но Серсея помешала ему обнажить оружие. Стоя с двумя рыцарями среди людского моря, она видела вокруг колья, серпы, дубинки и топоры.

— Я не допущу кровопролития в святом месте, сир. — Почему все мужчины ведут себя как малые дети? Если зарубить одного, толпа разорвет их на части. — У нас одна Матерь — та, что на небесах. Его святейшество ждет меня, и я не хочу опаздывать.

Наверху, однако, ей заступили дорогу какие-то латники в кольчугах, вареной коже, а то и в помятых доспехах. Вооружены они были в основном топорами, но копья и длинные мечи тоже встречались. На их поношенных белых камзолах были нашиты красные звезды. Двое самым дерзким образом скрестили перед ней копья.

— Так-то вы встречаете свою королеву? Где Рейнард и Торберт? — Эти двое никогда не упускали случая к ней подольститься. Торберт каждый раз устраивал целое представление, омывая ей ноги.

— Я не знаю людей, о которых вы говорите, — сказал один из воинов со звездой, — но если они септоны, то должны сейчас служить Семерым.

— Септоны Рейнард и Торберт входят в число Праведных и очень разгневаются, узнав, что вы преградили мне вход. Вы не хотите пустить меня в дом Бейелора Благословенного?

— Мы не препятствуем вашему величеству, — сказал седобородый сгорбленный воин, — но пусть ваши рыцари сложат мечи у входа. Верховный септон запретил пускать в храм вооруженных людей.

— Рыцари Королевской Гвардии не снимают оружия даже в присутствии короля.

— У себя дома король распоряжается как угодно ему, — не уступил пожилой рыцарь, — но здесь обитают боги.

Щеки Серсеи вспыхнули. Одно слово Меррину Транту, и этот старикан встретится со своими богами раньше, чем мог полагать. Жаль, что пока это невозможно.

— Ждите меня здесь, — приказала она своим рыцарям и дальше пошла одна. Двое латников налегли на тяжелые створки дверей, и те со скрипом и скрежетом отворились.

В Чертоге Лампад она увидела десятка два коленопреклоненных септонов. Они не молились — они скребли пол, макая щетки в ведра с мыльной водой. Из-за грубых ряс и сандалий

Серсея приняла их за воробьев, но тут один из них поднял к ней красное от натуги лицо. Свежие мозоли у него на руках кровоточили.

— Ваше величество…

— Септон Рейнард? — не поверила своим глазам королева. — Что вы здесь делаете?

— Он моет полы, — ответил за него другой септон, поднявшись с колен, — на голову ниже Серсеи и тощий, как метловище. — Работа — вот молитва, наиболее угодная Кузнецу. Мы ожидали ваше величество.

В его коротко подстриженной бороде виднелась проседь, волосы он стянул на затылке. Облачение, хотя и чистое, было сильно поношено и залатано. Рукава он закатал, но подол ниже колен промок насквозь. С худого лица смотрели карие, глубоко посаженные глаза. Серсея с отвращением бросила взгляд на его босые ноги, ороговевшие от мозолей.

— Ваше святейшество?

— Да, это мы.

Укрепи меня, Отче. Серсея знала, что ей полагается стать на колени, но не желала портить платье на залитом грязной водой полу.

— Я не вижу здесь моего друга септона Торберта, — сказала она, оглядев поломоев.

— Септон Торберт посажен в строгую келью на хлеб и воду. Грешно быть таким толстым, когда народ голодает.

Серсея, решив, что довольно намучилась на сегодня, проявила свой гнев в открытую.

— Вы принимаете меня со щеткой в руке? Да знаете ли вы, кто я?

— Ваше величество — королева-регентша Семи Королевств. Простые люди, как сказано в Семиконечной Звезде, поклоняются лордам, лорды — своим королям, а короли — Тому, кто един в Семи лицах.

Намекает, чтобы она преклонила колени? Плохо же он знает ее в таком случае.

— Вам подобало встретить меня на ступенях в праздничных ризах и кристальной короне.

— У нас нет короны, ваше величество.

Серсея разгневалась еще сильнее.

— Мой лорд-отец подарил вашему предшественнику венец из кристаллов редкостной красоты, перевитых золотыми нитями.

— За этот дар мы поминаем его в наших молитвах, но бедные нуждаются в пище больше, чем мы в золоте и кристаллах. Мы продали эту корону, и все наши перстни, и парчовые ризы. Шерстяные греют не хуже — на то Семеро нам и

послали овец.

Этот человек умалишенный, и Праведные, как видно, тоже обезумели, раз его выбрали… или убоялись нищей толпы, собравшейся у дверей их храма. Шептуны Квиберна доносят, что Люцеону до избрания недоставало всего девяти голосов, когда воробьи вломились в септу с топорами в руках, неся на плечах своего вожака.

Серсея пронзила тощего человечка ледяным взором.

— Не могли бы мы с вашим святейшеством поговорить в глазу на глаз?

Верховный септон отдал щетку кому-то из Праведных.

— Прошу за мной, ваше величество.

Он провел ее в молитвенный зал. Мраморный пол гулко повторял их шаги. В цветных лучах, падающих сквозь купол, плясали пылинки. Пахло благовониями, перед семью алтарями, как звезды, сияли свечи. Матери их поставили чуть ли не тысячу, почти столько же Деве, но свечи Неведомого можно было пересчитать на пальцах.

Воробьи пробрались и сюда. Бедно одетые межевые рыцари стояли на коленях перед Воином, прося благословить мечи, сложенные к его ногам. У алтаря Матери молились во главе с септоном

человек сто — их голоса звучали как отдаленный прибой. Верховный септон вел Серсею к Старице, стоявшей с поднятым фонарем. Когда он опустился перед алтарем на колени, королеве поневоле пришлось сделать то же самое. Он хотя бы не пускал ветры, как толстяк, носивший этот сан до него, — и на том спасибо.

Закончив молитву, его святейшество не стал подниматься — беседовать он, как видно, тоже намеревался на коленях. Хитрость маленького мужчины, весело отметила про себя Серсея.

— Ваше святейшество, воробьи наводят страх на столицу. Я хочу, чтобы они покинули город.

— Куда же им деваться, ваше величество?

В семь преисподних, просилось ей на язык.

— Туда, откуда они пришли.

— Они пришли отовсюду. Воробьи — самые простые и неприхотливые создания из всех птиц, а они — самые простые и скромные из людей.

Это верно, проще уже некуда.

— Видели вы, что они сотворили со статуей Бейелора Благословенного? Они, их козы и свиньи загадили всю площадь у храма.

— Нечистоты легче отмыть, чем кровь, ваше величество. Эта площадь в самом деле осквернена, но не ими, а казнью, которая здесь совершилась.

Он посмел ткнуть ей в нос Неда Старка?

— Мы все сожалеем об этом. Джоффри по молодости лет не выказал должного благоразумия. Лорда Старка следовало обезглавить в другом месте из уважения к Бейелору… но не будем забывать, что приговор ему вынесли как изменнику.

— Король Бейелор прощал тех, кто злоумышлял против него.

Король Бейелор заточил в подземелье родных сестер, повинных лишь в том, что они были красивы. Услышав эту сказку впервые, Серсея пошла в детскую к Тириону и щипала маленькое чудовище, пока он не раскричался. Надо было зажать ему нос, а в рот запихать тряпицу. Она заставила себя улыбнуться.

— Король Томмен охотно простит воробьев, когда они разлетятся восвояси.

— Большинство из них лишились родного дома. Страдания, горе и смерть царят повсюду. В мой прежний приход входило полсотни деревушек, слишком мелких, чтобы иметь своего септона. Я ходил из одной в другую, заключал браки, отпускал грехи, давал имена новорожденным. Теперь этих деревень, ваше величество, больше нет. Огороды заросли сорняками, и людские кости лежат вдоль обочин дорог.

— Войны всегда ужасны. Всему виной северяне и лорд Станнис со своими демонопоклонниками.

— Мои воробьи рассказывают про львов, чинивших им зло… и про Пса, который был личным вашим вассалом. В Солеварнях он убил престарелого септона и изнасиловал девочку двенадцати лет, невинное дитя, обещанное святой вере. Он взял ее прямо в доспехах, истерзав ее нежную плоть железной кольчугой. После этого он отдал ее своим людям, и те отрезали ей нос и соски.

Серсее докладывали то же самое.

— Нельзя же взваливать на его величество вину всякого, кто когда-либо служил дому Ланнистеров. Сандор Клиган — предатель и грубое животное. Не зря же я его прогнала со службы. Теперь он подчиняется разбойнику Берику Дондарриону, а не королю Томмену.

— Пусть так, но позвольте спросить: где были королевские рыцари, когда все это творилось? Разве Джейехерис Умиротворитель не принес клятву, обязующую Железный Трон всегда защищать веру?

Серсея знать не знала об этой клятве.

— Принес, — подтвердила она, — а верховный септон благословил его и помазал на царство. По

традиции каждый вновь избранный верховный септон благословляет своего короля… но вы отказываетесь дать благословение королю Томмену.

— Ваше величество ошибается. Мы не давали отказа.

— Вы не пришли к королю, как должны были.

— Ибо время для этого еще не приспело.

Не священник, а зеленщик, право слово.

— Что я могу сделать, чтобы оно… приспело скорее? — Если он заикнется о золоте, она расправится с ним, как расправилась с предыдущим, и увенчает кристальной короной восьмилетнего праведника.

— У нас в государстве несколько королей. Чтобы предпочесть одного всем остальным, Великая Септа должна быть уверена. Триста лет назад, когда Эйегон Драконовластный сошел на берег под этим самым холмом, верховный септон заперся в Звездной септе Староместа и молился семь дней и семь ночей, вкушая лишь хлеб и воду. Выйдя, он объявил, что вера не станет противиться Эйегону и его сестрам, ибо Старица озарила перед ним верный путь. Если Старомест восстанет против них, то будет сожжен, а Хайтауэр, Цитадель и Звездная септа обратятся в руины. Набожный лорд Хайтауэр, услышав пророчество, не высту-

пил на войну и открыл перед Эйегоном городские ворота. А его святейшество помазал Завоевателя семью елеями. Я, по его примеру, должен прибегнуть к посту и молитве.

— Это будет длиться семь дней и ночей?

— Будет длиться, сколько потребуется.

У Серсеи рука чесалась заехать по его благочестивой роже. *Я тебе облегчу пост. Запру в башне и еды не велю приносить, пока боги не скажут своего слова.*

— Ложные короли, о которых вы говорите, поклоняются ложным богам, — напомнила она собеседнику. — Один король Томмен защищает истинную веру.

— Однако септы жгут и грабят по всей стране, а поруганные Молчаливые Сестры шлют бессловесные рыдания небесам. Ваше величество видели кости наших невинных мучеников?

— Видела, — поневоле призналась она. — Дайте Томмену благословение, и он положит конец этим ужасам.

— Каким образом, ваше величество? Приставит рыцаря к каждому нищему брату? Даст нашим септам охрану против волков и львов?

Серсея сделала вид, будто про львов ничего не слышала.

— У нас война, и его величеству нужен каждый солдат. — Она не собиралась дробить силы Томмена, чтобы охранять воробьев и оберегать усохшие прелести септ. Да половина из них, поди, молится, чтобы их отымели. — У ваших воробьев есть дубинки и топоры — пусть обороняются сами.

— Ваше величество, несомненно, помнит, что это запрещено законами короля Мейегора. Вера отказалась от оружия по его указу.

— Теперь наш король Томмен, а не Мейегор. — Что ей за дело до указа, изданного Мейегором Жестоким триста лет назад? Лучше бы он использовал священнослужителей в своих целях, чем отбирать у них оружие. Она указала на алтарь Воина, изваянный из красного мрамора. — Что у него в руках, ваше святейшество?

— Меч.

— По-вашему, он забыл, как им пользоваться?

— Законы Мейегора…

— Их можно и отменить, — бросила Серсея и умолкла, дав его воробейству время проглотить наживку.

Разочароваться ей не пришлось.

— Возрождение Святого Воинства… это было бы ответом на наши трехсотлетние молитвы. Воин

снова возденет свой сияющий меч и очистит эту грешную землю от зла. Если бы его величество разрешил нам восстановить древние ордена Мечей и Звезд, все верующие Семи Королевств признали бы его своим подлинным и полноправным государем.

Серсея не выдала, сколь приятны ей эти речи.

— Ваше святейшество говорили о прощении. В это тяжкое время король Томмен был бы весьма благодарен, если бы и Септа простила короне ее долг. Он, кажется, составляет девятьсот тысяч золотом…

— Девятьсот тысяч шестьсот семьдесят четыре дракона. Достаточно, чтобы досыта накормить голодных и выстроить заново тысячу септ.

— Что же вам нужно — золото или отмена заплесневевших Мейегоровых законов?

Верховный септон думал недолго.

— Воля ваша. Долг будет прощен, и король Томмен получит свое благословение. Меня проводят к нему Сыны Воина во всей славе своей, воробьи же назовутся Честными Бедняками, как в старину, и станут защищать обездоленных.

Королева поднялась и разгладила платье.

— Я приготовлю пергаменты, а его величество подпишет их и скрепит своей королевской

печатью. — Если что-то привлекает Томмена в королевских обязанностях, так это игры с печатью.

— Да хранят Семеро его величество. Долгих лет его царствованию. — Верховный септон молитвенно сложил руки и возвел очи к небу. — Трепещите, злодеи!

Слышишь, лорд Станнис? Серсея не сдержала улыбки. Даже ее лорд-отец не обстряпал бы дело так ловко. Одним ударом она избавила Королевскую Гавань от воробьиной чумы, обеспечила Томмену благословение и уменьшила долг казны чуть ли не на миллион золотых драконов. С ликующим сердцем она позволила верховному септону проводить ее обратно в Чертог Лампад.

Леди Мерривезер, никогда не слыхавшая о Сынах Воина или Честных Бедняках, тем не менее разделила ее восторг.

— Они зародились еще до Завоевания Эйегона, — объяснила Серсея. — Сыны Воина — это рыцарский орден, члены которого, отказавшись от земель и имущества, поступили на службу к его святейшеству. Честные Бедняки, бывшие куда многочисленней, — это нечто вроде нищенствующих братьев, только не с чашами для подаяния, а с топорами. Они сопровождали путников от септы до септы, от одного города до другого.

Эмблемой им служила семиконечная звезда, красная на белом, и народ звал их Звездами. Сыны Воина носили радужные плащи, серебряные доспехи поверх власяниц, а кристальные звезды были вделаны в эфесы их длинных мечей, и сами они тоже назывались Мечами. Святые, аскеты, фанатики, чародеи, истребители драконов и демонов… о них ходило много историй, но все соглашались в том, что к врагам святой веры они не знали пощады.

Леди Мерривезер схватывала все на лету.

— Таким, как лорд Станнис с его красной колдуньей?

— Именно, — захихикала, как девчонка, Серсея. — Не распить ли нам на обратном пути бутылочку наливки? В честь Сынов Воина?

— В честь Сынов Воина и королевы-регентши Серсеи Первой.

Серсея попивала наливку, сладкую, как ее триумф. Носилки будто плыли над городом, но у подножия холма Эйегона им встретилась Маргери Тирелл с кузинами — те возвращались с верховой прогулки. Нигде от нее покоя нет, раздраженно подумала Серсея.

За Маргери хвостом тянулись придворные, стража и слуги, многие с корзинами полевых

цветов. Каждой из кузин составлял пару ее обожатель: Элинор — жених, долговязый оруженосец Алин Амброз, робкой Элле — сир Таллад, задорной толстушке Мегге — однорукий Марк Маллендор. Близнецы Редвин ехали с двумя другими дамами, Мередит Крейн и Янной Фоссовей. Все наездницы украсили волосы цветами. Джалабхар Ксо тоже примкнул к компании, и сир Ламберт Торнберри с повязкой на глазу, и красавец Лазурный Бард.

Маленькую королеву, естественно, сопровождал также рыцарь Королевской Гвардии, и это, естественно, был Рыцарь Цветов, блистающий белыми с золотом доспехами. Он больше не пытался обучать короля военным искусствам, но Томмен по-прежнему проводил чересчур много времени в его обществе. Возвращаясь от своей женушки, мальчуган каждый раз рассказывал что-нибудь новенькое про сира Лораса.

Маргери поравнялась с носилками королевы-матери. Щеки у нее горели, каштановые локоны ниспадали на плечи, и ветер играл ими.

— Мы собирали осенние цветы в Королевском лесу, — прощебетала она.

А то я не знаю, где ты была. Осведомители исправно докладывали Серсее о каждом движении Маргери. Нашей маленькой королеве не сидится

на месте. Трех дней не проходит, чтобы она не отправилась на прогулку. То по дороге на Росби, полакомиться моллюсками прямо на берегу, то за реку, поохотиться с соколами. И на лодках она любит кататься — то и дело разъезжает по Черноводной. Когда на нее находит благочестивый стих, она едет в Септу Бейелора. Шьет она у дюжины разных портних, часто навещает золотых дел мастеров и даже на рыбный рынок у Грязных ворот заезжает — взглянуть на дневной улов. Горожане души в ней не чают, и она делает все возможное, чтобы подогреть их любовь. Раздает милостыню, покупает прямо на улице горячие пирожки, останавливается поболтать с торговцами.

Будь ее воля, Томмен проделывал бы то же самое. Она каждый раз приглашает его с собой, и мальчик вечно клянчит, чтобы мать его отпустила. Серсея несколько раз позволяла — хотя бы ради того, чтобы сир Осни был при Маргери чаще. Пока не разочаровалась в нем окончательно. «Помнишь тот день, когда твоя сестра отплыла в Дорн? — говорила теперь сыну Серсея. — Припоминаешь, что случилось на обратном пути в замок? Орущую толпу, камни, проклятия?»

Но король благодаря влиянию своей маленькой

королевы оставался глух к доводам разума.

«Если мы будем появляться среди народа, нас будут больше любить».

«Толстого верховного септона они полюбили так нежно, что на кусочки его разорвали, — это святого-то человека!» Томмен надулся, когда она это сказала, — того Маргери, об заклад можно биться, и добивалась. Каждый день она всевозможными способами старается вбить клин между сыном и матерью. Джоффри быстро раскусил бы ее уловки и поставил жену на место, но Томмен гораздо податливей. Она понимала, что с Джоффом ей нелегко будет справиться, думала Серсея, вспоминая найденную Квиберном золотую монету. Чтобы дом Тиреллов мог править в свое удовольствие, Джоффри следовало убрать. Взять хотя бы замысел Маргери и ее гнусной бабки выдать Сансу Старк за Уилласа, увечного брата маленькой королевы. Лорд Тайвин упредил их, отдав Сансу Тириону, но девчонка успела снюхаться с Тиреллами. Они действовали заодно, поняла вдруг, содрогнувшись, Серсея. Тиреллы подкупили тюремщиков, освободили Тириона и отправили его по Дороге Роз вслед за женой-преступницей. Теперь они оба благополучно живут в Хайгардене, укрытые за розовой изгородью.

— Жаль, что ваше величество не поехали с нами, — продолжала трещать юная интриганка по дороге на холм Эйегона. — Там так красиво. Деревья стоят золотые и алые, повсюду цветы, много спелых каштанов. Мы их поджаривали и ели.

— Мне недосуг собирать цветочки в лесу, — молвила Серсея. — У меня на руках королевство.

— Только одно, ваше величество? — хихикнула Маргери. — А как же шесть остальных? Простите мне эту шутку. Я знаю, сколь тяжело ваше бремя. Часть его я могла бы взять на себя. Право же, я вам охотно бы помогала — это пресекло бы разговоры о нашем соперничестве из-за короля.

— Такие разговоры действительно ходят? — улыбнулась Серсея. — Как это глупо. Я ни одного мгновения не думала о вас как о сопернице.

— Отрадно слышать. — Девчонка не желала понимать, что ее обрезали. — Но в другой раз вы и Томмен непременно должны с нами поехать. Его величество будет рад, я знаю. Сегодня Лазурный Бард пел для нас, а сир Таллад показывал, как простолюдины сражаются на шестах. Лес так хорош осенью.

— Мой покойный муж тоже любил лес. — В первые годы их брака Роберт каждый раз звал ее с собой на охоту, но она увиливала, чтобы в

его отсутствие побыть с Джейме. Золотые дни, серебряные ночи. Какую опасную игру они вели. Глаза и уши по всему Красному Замку, и неизвестно, когда Роберт вернется. Но опасность только придавала азарта их беззаконной любви. — Но за красотой порой таится угроза, — предостерегла королева-мать маленькую королеву. — Роберт в лесу потерял жизнь.

Маргери послала сиру Лорасу нежную сестринскую улыбку.

— Ваше величество очень добры, что беспокоитесь за меня, но брат служит мне надежной защитой.

«Ступай себе на охоту, — много раз говорила мужу Серсея. — Мой брат служит мне надежной защитой». Она вспомнила, что ей рассказывала Таэна, и рассмеялась.

— Ваше величество вспомнили что-то забавное? — вопросительно улыбнулась Маргери. — Быть может, вы поделитесь этим со мной, и мы посмеемся вместе?

— Поделюсь, — заверила ее Серсея. — Непременно поделюсь.

Флотоводец

Под боевую дробь барабана «Железная победа» рванулась вперед, рассекая носовым тараном пенные зеленые воды. Мелкий кораблик, ее добыча, разворачивался, молотя веслами. Его нос и корму украшали стяги с белой розой на красном щите, мачту — золотая роза на травянисто-зеленом поле. «Победа» продырявила борт врага с такой силой, что половина абордажной команды упала на палубу. Треск поломанных весел звучал сладкой музыкой в ушах капитана.

Перемахнув через планшир, он спрыгнул на палубу. Тяжелый золотой плащ развевался у него за спиной. Белые розы пятились, как делали все и всегда при виде Виктариона Грейджоя в доспехах, со шлемом-кракеном на голове. Они вооружились мечами, копьями и топорами, но едва ли каждый десятый имел на себе хотя бы латную рубаху. Страшатся пойти ко дну — сразу видно, что это не Железные Люди.

— Бей его, он один! — крикнул кто-то.

— ДАВАЙ ПОДХОДИ! — проревел он в ответ. — ПОПРОБУЙ УБЕЙ МЕНЯ!

Воины-розы подступали со всех сторон — в руках сталь, в глазах ужас. Их страх был так густ, что Виктарион чуял его вкус языком. Он махнул топором вправо и влево, отрубив одному руку по локоть и раскроив другому плечо. Третий сам вогнал свой топор в его мягкий сосновый щит. Виктарион двинул недоумка щитом в лицо, свалил с ног и убил, не дав ему встать. Не успел он вытащить лезвие из грудной клетки мертвеца, чье-то копье кольнуло его между лопаток — Виктарион ощутил это как хлопок по спине. Повернувшись, он обрушил топор на голову копейщика, одним могучим ударом раздробив шлем и череп. Человек постоял еще мгновение, пока железный капитан не выдернул оружие, и обмяк на палубе, походя скорее на пьяного, чем на мертвого.

Железные Люди один за другим тоже прыгали на палубу разбитого корабля. Капитан услышал протяжный вой Одноухого Вульфа, вступившего в бой, заметил краем глаза Рагнора Пайка в ржавой кольчуге, увидел, как Нут-Цирюльник метнул топорик, попавший кому-то в грудь. Сам Виктарион тем временем убил еще пару розанов. Он убил бы и третьего, но Рагнор его упредил.

— Молодец, — гаркнул ему капитан.

Оглянувшись в поисках очередной жертвы, он разглядел на палубе чужого капитана. Его камзол залила кровь, но красная эмблема с белой розой виднелась ясно. Она же была нарисована на белом с красной окантовкой щите капитана.

— Эй ты! — заорал железный капитан, перекрывая шум побоища. — С розой! Ты, что ли, лорд Южного Заслона?

Другой, подняв забрало, открыл безусое лицо.

— Его сын и наследник, сир Талберт Серри. А ты, кракен, кто будешь?

— Смерть твоя, — сказал Виктарион и ринулся на него.

Серри вышел ему навстречу. Славный меч, выкованный в замке, пел в руках молодого рыцаря. Первый его удар пришелся низко, и Виктарион отвел его топором. Второй угодил по шлему железного капитана, не успевшего поднять щит. Виктарион ответил боковым взмахом, и белая роза на щите противника раскололась пополам с отличным громким «хрясь». Длинный меч трижды проехался по бедру Виктариона, скрежеща сталью о сталь. А парень-то прыток. Виктарион двинул его щитом по лицу и отбросил к планширу. Удар, в который Грейджой вложил весь свой вес, развалил бы рыцаря от шеи до паха,

но он откатился прочь. Топор врубился в борт и застрял. Палуба под ногами Виктариона шатнулась, заставив его припасть на одно колено.

Сир Талберт отшвырнул свой разбитый щит и полоснул мечом сверху вниз. Виктарион, чей щит при падении повернулся боком, поймал клинок Серри в свой железный кулак. Стальная рукавица треснула, но капитан, кряхтя от боли, удержал меч.

— Не ты один такой прыткий. — Он вырвал оружие из руки рыцаря и швырнул за борт.

— Мой меч! — выкатив глаза, крикнул сир Талберт.

Окровавленные железные пальцы схватили его за горло.

— Ступай подбери его, — сказал Виктарион, отправляя рыцаря в кровавое море.

Получив передышку, он высвободил топор. Белые розы отступали перед железным валом. Одни пытались укрыться под палубой, другие звали на помощь. По руке Виктариона под кожей, кольчугой и сталью текла теплая кровь, но это его не трогало. Плотное кольцо врагов все еще сражалось, став вокруг мачты плечом к плечу. Эти по крайней мере мужчины — скорей умрут, чем сдадутся. Виктарион, решив поспособствовать

этому их стремлению, стукнул топором по щиту и напал. Утонувший Бог создал Виктариона Грейджоя не для того, чтобы красно говорить на вече или драться с коварными жителями бескрайних болот. Вот для чего он явился на свет — стоять, одетым в броню, с багровым топором в руке, и сеять смерть каждым своим ударом.

Они рубили его мечами спереди и сзади, но с тем же успехом могли бы хлестать его ивовыми прутьями. Тяжелый панцирь Грейджоя не уступал ни одному мечу, а времени отыскать щель в сочленениях он врагу не давал. Не все ли равно, сколько человек на него наскакивает — трое, четверо или пятеро, раз их защищает только кольчуга и закаленная кожа. Он убивал их по одному, полагаясь на броню, надежно прикрывавшую его от других. Как только сраженный враг падал, он набрасывался на следующего.

Последний был, не иначе, кузнец — плечищи как у быка и мускулов куда больше, чем у всех прочих. Латы его состояли из кожаного нагрудника с заклепками и кожаной круглой шапки. Его единственный удар довершил гибель Виктарионова щита, а Виктарион взамен расколол ему голову. Вот бы и с Вороньим Глазом разделаться столь же просто. Когда он выдернул топор на сей

раз, череп кузнеца словно взорвался. Кости, кровь и мозги брызнули во все стороны, а труп рухнул к ногам Виктариона. Поздно молить о пощаде, сказал про себя капитан.

Палуба сделалась скользкой, и умирающие лежали повсюду. Виктарион бросил щит и дохнул полной грудью.

— День за нами, лорд-капитан, — сказал рядом Нут-Цирюльник.

На море вокруг них виднелось множество кораблей. Одни из них горели, другие тонули, третьи были разбиты в щепу. В густой, как подлива, воде плавали трупы, обломки весел и живые, уцепившиеся за что попало. Вдали полдюжины южных ладей улепетывало обратно к Мандеру. Пусть уходят, думал Виктарион, и расскажут другим, как все было. Мужчина, бегущий, поджав хвост, с поля боя, перестает быть мужчиной.

Глаза щипало от пота — во время битвы он взмок. Двое его гребцов помогли ему снять шлем-кракен. Виктарион промокнул лоб.

— Этого рыцаря с белой розой кто-нибудь вытащил из воды? — Лорд-отец дал бы за сына неплохой выкуп, если сам вышел живым из боя. Если же нет, заплатить мог бы их хайгарденский сюзерен.

Никто, однако, не знал, что стало с улетевшим за борт рыцарем. Скорей всего он утонул.

— Он храбро сражался и заслужил пир в чертогах Утонувшего Бога. — Жители Щитовых островов именуют себя моряками, но моря боятся и не надевают доспехов, чтобы в случае чего выплыть. Юный Серри был не такой. Храбрец — железный, можно сказать, человек.

Виктарион отдал захваченный корабль Рагнору Пайку, назначил ему в команду двенадцать людей и опять перебрался на «Победу».

— Возьмите у пленных оружие, доспехи и перевяжите им раны, — велел он Нуту-Цирюльнику. — Умирающих бросьте в море. Если кто будет милости просить, тем режьте глотки. — Он презирал таких — лучше захлебнуться морской водой, чем собственной кровью. — Мне надо знать, сколько кораблей мы победили и сколько лордов и рыцарей взяли в плен. Знамена тоже соберите. — Когда-нибудь, на старости лет, он их развесит в своем чертоге и вспомнит всех, кого убил, будучи молодым и сильным.

— Будет исполнено, — ухмыльнулся Нут. — Великую победу мы одержали.

Да, великую — для Вороньего Глаза и его колдунов. Другие капитаны выкрикнут имя брата

заново, когда весть достигнет Дубового Щита. Эурон обольстил их своим речистым языком и улыбчивым глазом, задарил добычей из ста дальних стран. Он дал им золото, серебро, роскошные доспехи, кривые мечи с золочеными эфесами, кинжалы из валирийской стали. Дал полосатые тигриные шкуры и шкуры пятнистых диких котов, дал мантикоров из яшмы и древних валирийских сфинксов. Дал сундуки с мускатным орехом, гвоздикой, шафраном, бивни слонов и единорогов, перья с Летнего моря — желтые, зеленые и оранжевые, дал отрезы роскошных тканей… но все это ничто по сравнению с сегодняшним днем. Сегодня он дал им победу и подчинил их себе навеки. *А ведь победа-то моя, не его*, с горечью думал Виктарион. *Пока я дрался, он сидел в замке на Дубовом Щите. Он украл у меня жену, украл трон, а теперь вот и славу.*

Повиноваться Виктариону свойственно от природы. Послушный младший брат, он шел за Бейлоном во всем, что бы тот ни задумал. Позже, когда у Бейлона родились сыновья, он привык к мысли, что когда-нибудь будет повиноваться тому из них, кто займет место отца на Морском Троне. Но Утонувший Бог призвал Бейлона и всех его сыновей в свои водяные чертоги, а Эурона

Виктарион не может называть королем без вкуса желчи во рту.

Ветер крепчал, и капитана обуяла жажда. Ему всегда хотелось вина после битвы. Он оставил на палубе Нута и сошел вниз. Смуглянка в тесной кормовой каюте ждала его совсем готовая — битва, наверно, и ей разогрела кровь. Он взял ее быстро, раз и другой, залив ее груди, живот и бедра кровью из раненой ладони. После ласк она промыла ему рану кипяченым уксусом.

— План был хорош, отдаю ему должное, — говорил Виктарион, пока она занималась этим. — Теперь Мандер снова открыт для нас, как в старину. — Мандер — медленная река, изобилующая предательскими мелями и корягами. Почти все мореходные суда опасаются заходить в нее выше Хайгардена, но ладьи с их малой осадкой могут подняться до самого Горького Моста. В былые времена Железные Люди дерзко грабили деревни вдоль Мандера и его притоков, но затем короли зеленой руки вооружили рыбаков, населявших четыре маленьких островка в устье Мандера, и нарекли эти острова своими щитами.

Прошло две тысячи лет, но седобородые стражи все так же стояли дозором на сторожевых башнях, венчающих скалистые берега. Завидев

в море ладьи, они зажигали на башнях огни, и весть катилась от холма к холму, от острова к острову: «Враг! Угроза с моря!» Рыбаки при виде сигнальных огней бросали невод на берегу, плуг в борозде и брались за мечи с топорами. Островные лорды выходили из замков со своими рыцарями и латниками. Эхо боевых рогов гремело от Зеленого Щита до Серого, от Дубового до Южного. Из замшелых каменных доков вдоль берега выплывали ладьи, которые перекрывали Мандер и преследовали вражеские суда, ушедшие вверх по реке.

Эурон послал на Мандер Торвольда Бурый Зуб и Рыжего Гребца с дюжиной быстрых ладей. Лорды тут же пустились за ними в погоню, и когда главный флот Вороньего Глаза подошел к самим островам, их защищала лишь горстка бойцов. Железные Люди пришли с вечерним приливом. Заходящее солнце скрывало их, и седобородые стражи на башнях заметили врага слишком поздно. Ветер был попутным от самого Старого Вика. На кораблях поговаривали, что здесь не обошлось без колдунов Эурона, что Вороний Глаз умилостивил Штормового Бога кровавой жертвой. Как иначе осмелился бы он держать прямо на запад, не придерживаясь вопреки обычаю

береговой линии?

Железные Люди вытащили ладьи на гальку и со сталью в руках ринулись в сумрак заката. К тому времени на башнях уже загорелись огни, но противостоять захватчикам было почти некому. Серый, Зеленый и Южный Щиты пали, прежде чем взошло солнце, Дубовый продержался еще полдня. А когда щитовые корабли прервали свою погоню и повернули назад, в устье реки их встретил Железный Флот.

— Все вышло так, как сказал Эурон, — рассказывал Виктарион, пока смуглянка перевязывала его ладонь полотном. — Должно быть, его чародеи это предвидели. — Квеллон Хамбл поведал шепотом, что на «Молчаливом» их целых три. Страшные люди, но Вороний Глаз умудрился поработить их. — Однако для сражений ему по-прежнему нужен я. Колдуны колдунами, но войны выигрываются кровью и сталью. — Уксус щипал рану хуже, чем когда-либо прежде. Виктарион отпихнул женщину и стиснул кулак. — Принеси мне вина.

Он пил, сидя в темноте, и думал мрачную думу о своем брате. Будет он считаться братоубийцей, если нанесет удар не своей рукой, или нет? Людей Виктарион не боялся, но проклятие Утонувшего

Бога — дело иное. Если кто-то другой убьет его по приказу Виктариона, ляжет ли на лорда-капитана братская кровь? Эйерон Мокроголовый знал бы, как на это ответить, но жрец остался на Железных островах, все еще питая надежду поднять народ против нового короля. Нут-Цирюльник может побрить человека топориком, брошенным с двадцати ярдов. Вульфа Одноухого или Андрика-Неулыбу ни один из Эйероновых черномазых тоже не одолеет. Все трое сгодились бы — но между возможным и действительным разница велика.

«Кощунства Эурона навлекут гнев Утонувшего Бога на всех нас, — пророчил на Старом Вике Эйерон. — Мы должны остановить его, брат, — разве не течет в нас кровь Бейлона?»

«В нем она тоже течет, — ответил жрецу Виктарион. — Мне это не больше твоего нравится, но Эурон — наш король. Его выбрало твое вече, и ты сам увенчал его короной из плавника».

«Увенчал, — согласился жрец, с волос которого стекала вода, — но охотно сорву ее у него с головы и возложу на тебя. Только ты достаточно силен, чтобы с ним сразиться».

«Утонувший Бог возвысил его, бог пускай и низложит».

Злобный взгляд, который бросил на него Эйерон, портил воду в колодцах и делал женщин бесплодными.

«Бог тут ни при чем. Известно, что Эурон держит на своем красном корабле злых волшебников. Они навели на нас чары, чтобы мы не слышали голоса моря. Разговоры о драконах опьянили капитанов и королей».

«А рог напугал их до смерти. Ты слышал, как он трубит. Так или иначе, Эурон теперь наш король».

«Только не мой, — заявил жрец. — Утонувший Бог помогает смелым, а не тем, кто прячется от идущего на них шторма под палубой. Если ты не желаешь сбросить Вороньего Глаза с Морского Трона, придется мне взять это на себя».

«Как ты это сделаешь, не имея кораблей и мечей?»

«У меня есть голос, и со мной бог. Со мной сила моря, которой Вороньему Глазу не победить. Волны дробятся о скалу, но продолжают накатывать одна за другой, и в конце концов от скалы остается лишь мелкая галька. А потом и гальку смывает на дно моря, где она перемалывается вечно».

«Ты не в своем уме, если надеешься сместить Вороньего Глаза такими вот разговорами».

«Волнами, дробящими камень, станут Железные Люди. Не знатные и могучие, а простые рыбаки и пахари. Капитаны и короли помогли Эурону подняться, но простой народ его свергнет. Я отправлюсь на Большой Вик, на Харло, на Оркмонт, даже на Пайк, и мой голос услышат во всех селениях. Не может безбожник сидеть на Морском Троне!» — Жрец тряхнул косматой головой и ушел во мрак. Когда взошло солнце, Эйерон исчез со Старого Вика, и даже его утопленники не знали, куда он делся. Но Вороний Глаз будто бы лишь рассмеялся, услышав об этом.

Жрец скрылся, но его мрачные пророчества остались с Виктарионом. Помимо них, капитану вспоминались также слова Бейелора Блэкрида: «Бейлон был безумен, Эйерон еще хуже, а Эурон — самый безумный из всех троих». После вече молодой лорд попытался отплыть домой, отказавшись признать Эурона своим королем. Но Железный Флот перекрыл залив еще до начала веча. Привычка повиноваться слишком укоренилась в Виктарионе, и Эурон получил корону из плавника. «Ночную летунью» перехватили, лорда Блэкрида привели к королю в цепях, и слуги Эурона, чудовища в человеческом облике, раскроили его тело на семь частей — накормить

семерых богов зеленых земель, которым он поклонялся.

В награду за верную службу новый король отдал Виктариону смуглянку, взятую у шедшего в Лисс работорговца. «Я не нуждаюсь в твоих объедках», — бросил Виктарион, но Вороний Глаз сказал, что в таком случае женщину убьют, и младший брат дрогнул. Ей вырезали язык, но в остальном она была цела и притом красива — вся коричневая, как промасленное тиковое дерево. Смуглая кожа не мешала Виктариону, глядя на нее, вспоминать другую — ту первую женщину, которую брат подарил ему, чтобы сделать его мужчиной.

Он взял бы смуглянку еще раз, но чувствовал, что не сможет.

— Принеси еще мех и уйди, — сказал он ей. С мехом кислого красного вина он поднялся на палубу подышать свежим воздухом. Половину он выпил, половину вылил в море за всех, кто пал в этот день.

«Железная победа» уже много часов провела близ устья Мандера. Большая часть Железного Флота ушла к Дубовому Щиту, но «Горе», «Лорда Дагона», «Железный ветер» и «Губителя дев» Виктарион оставил при себе в качестве арьергар-

да. Живых уже выловили из моря, и теперь все смотрели, как медленно тонет «Твердая рука», увлекаемая под воду протараненным ею судном. Когда она исчезла из глаз, Виктариону доложили, что он потерял шесть кораблей, а захватил тридцать восемь.

— Сойдет, — сказал капитан Нуту. — Все на весла — возвращаемся в город лорда Хьюэтта.

Ладья, гонимая веслами, двинулась к Дубовому Щиту, а капитан снова спустился в каюту.

— Я мог бы его убить, — сказал он смуглянке, — хотя убивать своего короля — большой грех, а убивать родного брата и того хуже. Аша должна была отдать голос мне. — Он нахмурился. И взбредет же в голову — пытаться завоевать капитанов и королей репой да сосновыми шишками! Она кровь от крови Бейлона, но мужчиной ее это не сделало. После вече она сбежала — точно растворилась вместе со всей командой в ночь коронации Эурона. Малая часть души Виктариона этому радовалась. Если у девушки есть хоть капля ума, она выйдет за какого-нибудь северного лорда и поселится с ним в его замке, подальше от моря и Вороньего Глаза.

— Город лорда Хьюэтта, лорд-капитан, — крикнули ему с палубы.

Виктарион встал. Выпитое вино притупило боль от раны. Надо, пожалуй, показать руку Хьюэттову мейстеру, если того еще не прикончили. «Победа» огибала мыс. Вид замка над гаванью напомнил ему Лордпорт, но этот город был вдвое больше. В гавани стояло около двадцати ладей с золотым кракеном на парусах. Еще сотни лежали на галечном берегу и выглядывали из доков. У каменного мола покачивались три больших баркаса и с дюжину мелких — на них грузили добычу и продовольствие. Виктарион отдал приказ стать на якорь и спустить шлюпку.

Город на пути к берегу показался ему необычайно тихим. Многие лавки и дома были разграблены, судя по выломанным дверям и ставням, но огню предали только септу. На улицах лежали мертвые тела, и над каждым трудились вороны. Сумрачные горожане, отгоняя стервятников, складывали трупы в повозку. Виктарион смотрел на них с отвращением. Ни один истинный сын моря не захочет гнить под землей. Как он сможет попасть оттуда в чертоги Утонувшего Бога, чтобы вечно пировать на морском дне?

Миновав «Молчаливого» среди других кораблей, Виктарион взглянул на его чугунную носовую фигуру — женщину без рта с летящими

по ветру волосами и простертой вперед рукой. Ее перламутровые глаза, казалось, следили за ним. У нее был рот, как у всякого человека, пока Эурон его не зашил.

На палубе одного из больших баркасов стояли в ряд женщины и дети — кое-кто со связанными сзади руками и все с веревочными петлями на шее.

— Кто они? — спросил он людей, которые помогли пришвартовать его шлюпку.

— Вдовы и сироты. Их продадут в рабство.

— Продадут? — На Железных островах рабов не было, только невольники. Невольник служил своему хозяину, но не считался его имуществом. За деньги этих людей никогда не покупали и не продавали, а их дети, посвященные Утонувшему Богу, объявлялись свободными. За невольников платили либо железную цену, либо не платили совсем. — Их положено отдать в невольники и морские жены, — заметил Виктарион.

— Указ короля, — сказали ему в ответ.

— Сильный всегда отбирает что-то у слабого, — произнес Нут-Цирюльник. — Рабы или невольники, разницы нет. Их мужчины не сумели защитить свои семьи, поэтому теперь они наши, и мы сделаем с ними, что захотим.

Это не по старому закону, мог бы сказать Виктарион, но препираться не было времени. Победа, которую он одержал, опередила его, и люди толпились вокруг с поздравлениями. Виктарион терпеливо слушал их льстивые речи, пока они не начали восхвалять дерзновенную смелость Эурона.

— Отплыть далеко от земли, чтобы враги не могли узнать о нашем приближении, в самом деле смело, — проворчал он, — но пересечь полмира в погоне за драконами дело иного рода. — Не дожидаясь ответа, он растолкал толпу и стал подниматься к замку.

Замок лорда Хьюэтта был невелик, но хорошо укреплен. Дубовые ворота украшал прежде герб дома — дубовый щит со стальными заклепками на волнистом бело-голубом поле, но теперь над зелеными кровлями башен реял кракен дома Грейджоев, а створки взломанных ворот сильно обгорели. По гребням толстых стен расхаживали Железные Люди с копьями и топорами, и среди них попадались иноземцы Эурона.

Во дворе Горольд Гудбразер и старый Драмм тихо беседовали о чем-то с Родриком Харло. Нут-Цирюльник при виде их громко заухал.

— Ты чего такой постный, Чтец? Зря, выходит,

ты сомневался. День за нами, и добычу мы взяли богатую.

— Ты об этих камнях? — поджал губы лорд Родрик. — Все четыре вместе взятые не составят одного Харло. Мы взяли немного камней, немного деревьев, горсть побрякушек и нажили себе врага в лице дома Тиреллов.

— Это розы-то? — засмеялся Нут. — Что они сделают морским кракенам? Мы разнесли их щиты вдребезги — теперь им и прикрыться-то нечем.

— У них есть Хайгарден. Скоро вся мощь Простора выступит против нас, Цирюльник, и тогда ты узнаешь, что у роз порой бывают стальные шипы.

Драмм, держа руку на рукояти Багрового Дождя, кивнул.

— Передовой отряд лорда Тирелла всегда возглавляет лорд Тарли, владелец валирийского меча Губитель Сердец.

— Пусть только сунется, — гневно воскликнул Виктарион. — Я возьму его меч себе, как твой предок когда-то взял Багровый Дождь. Пусть приходят и Ланнистеров прихватят с собой. На суше лев, может, и царь, но на море властвует кракен. — Он отдал бы половину зубов, чтобы сразиться своим топором с Цареубийцей или

Рыцарем Цветов. Вот такие дела ему по душе. Человек, льющий родную кровь, проклят в глазах богов и людей, воин же окружен почетом.

— Можете не сомневаться, лорд-капитан, — сказал лорд Родрик, — они придут непременно. Его величество только того и хочет. Зачем бы иначе он позволил лорду Хьюэтту выпустить воронов?

— Слишком ты много читаешь и слишком редко дерешься, — вставил Нут. — У тебя в жилах молоко вместо крови. — Но Родрик сделал вид, будто не слышал его.

В чертоге замка шел буйный пир. Железные Люди за столами пили, кричали и задирали друг друга, похваляясь совершенными подвигами, именами убитых врагов и взятой добычей. Лукас-Левша Кодд и Квеллон Хамбл сорвали со стен гобелены и закутались в них, как в плащи; Гермунд Ботли нацепил поверх золоченого ланнистерского панциря жемчуга и гранаты; Андрик-Неулыба, с перстнями на каждом пальце, обнимал за талии двух женщин разом. Посудой капитанам служили не миски, вырезанные из черствых хлебных ковриг, а серебряные блюда.

Нут-Цирюльник, глядя на это, потемнел от гнева.

— Нас Вороний Глаз послал сражаться с ла-

дьями, а его люди тем временем брали замки, деревни и женщин. Что, хотелось бы знать, осталось на нашу долю?

— Слава.

— Слава вещь хорошая, но золото лучше.

— Вороний Глаз говорит, что Вестерос будет наш целиком, — пожал плечами Виктарион. — Бор, Старомест, Хайгарден… там ты и поживишься. Хватит разговоров, я голоден.

По праву крови Виктарион мог сидеть на помосте, но есть в обществе Эурона и его приспешников он не желал и потому сел рядом с Ральфом Хромым, капитаном «Лорда Квеллона».

— Великая победа, — сказал ему Ральф. — Победа, достойная лорда. Ты должен получить остров в награду.

Лорд Виктарион… Почему бы и нет? Не Морской Трон, конечно, но все-таки кое-что.

Гото Харло, сидящий напротив, отшвырнул обглоданную кость и наклонился к нему.

— Рыцарь, мой кузен, получит Серый Щит — слыхал?

— Нет еще. — Виктарион отыскал взглядом сира Харраса Харло — тот, высокий, длиннолицый и строгий, пил вино из золотого кубка. — С чего Эурону вздумалось дать ему остров?

Гото подставил пустую чашу бледной молодой женщине в синем бархатном платье с золотым кружевом.

— Рыцарь в одиночку взял Гримстон. Водрузил свой штандарт под стенами замка и вызвал Гримов на бой. Один ответил на вызов, потом другой, потом третий. Он убивал их одного за другим… хотя нет, двое сдались. Когда пал седьмой, септон лорда Грима решил, что воля богов ясна, и сдал Рыцарю замок. Теперь его лордом сделают, а мне это на руку, — засмеялся Гото. — Стану наследником Чтеца заместо него. Горбун Гото, — он стукнул себя чашей в грудь, — лорд Харло.

— Семеро, говоришь, их было? — Любопытно, как покажет себя Приход Ночи против Виктарионова топора. У Виктариона еще не бывало противника с валирийским мечом, но Харрасу Харло он в юности задавал трепку неоднократно. Тот в те времена дружил со старшим сыном Бейлона Родриком, павшим под стенами Сигарда.

Пир был хорош. На столы подавались наилучшие вина, мясо с кровью, фаршированные утки, целые корзины крабов. Прислужницы, как не преминул заметить Виктарион, были разодеты в бархат и тонкую шерсть. Сначала он принял их за кухонных девок, нарядившихся в платья

леди Хьюэтт и ее дам, но Гото сказал ему, что это сама леди Хьюэтт с дамами и есть. Вороний Глаз велел им прислуживать за столом для смеху. Всего женщин было восемь — сама хозяйка, еще красивая, хотя и располневшая малость, и семь молодых, от двадцати пяти до десяти лет, ее дочери и невестки.

Лорд Хьюэтт, как ему и подобало, сидел на высоком месте в парадных одеждах с гербом своего дома. Руки и ноги ему привязали к стулу, в рот вместо кляпа воткнули огромный корешок хрена. Говорить он не мог, но все видел и слышал. Вороний Глаз занял почетное место по правую руку от лорда. На коленях у него сидела хорошенькая пышнотелая девушка лет семнадцати-восемнадцати, босая и растрепанная, обхватив его руками за шею.

— А это кто? — спросил Виктарион своих сотрапезников.

— Побочная дочь его милости, — ухмыльнулся Харло. — Раньше она за столом прислуживала, а ела вместе со слугами.

Эурон водил синими губами по ее горлу, а девушка хихикала и шептала ему что-то на ухо. Он уже покрыл ее белую шею и плечи следами своих поцелуев, похожими на розовое ожерелье.

Послушав ее, он громко рассмеялся и стукнул кубком по столу, призывая к молчанию.

— Дамы, — крикнул он высокородным служанкам, — Фалия беспокоится, как бы ваши красивые платья не заляпали вином и не захватали сальными пальцами. Я обещал, что после пира она сможет выбрать из ваших вещей, что захочет, поэтому вам лучше раздеться.

Хохот прокатился по залу, а лорд Хьюэтт побагровел до синевы — никак лопнет сейчас, подумал Виктарион. Женщинам поневоле пришлось подчиниться. Самая младшая заплакала было, но мать утихомирила ее и распустила ей на спине шнуровку. Обнаженные теперь, они продолжали расхаживать вдоль столов и наполнять вином опустевшие чаши.

Он позорит Хьюэтта, как когда-то опозорил меня, думал капитан, вспоминая, как рыдала жена под градом его ударов. На Щитовых островах, как и на Железных, браки между родственниками не редкость. Одна из этих голых красоток вполне может быть женой Талберта Серри. Одно дело убить врага, другое — лишить его чести. Рука Виктариона с промокшей от крови повязкой сжалась в кулак.

Эурон тем временем сбросил с колен свою за-

марашку и взобрался на стол.

— ЭУРОН! — подняли крик капитаны, топая и стуча кубками. — ЭУРОН! ЭУРОН! ЭУРОН! — Второе вече, да и только.

— Я поклялся отдать вам Вестерос, — начал Эурон, когда гам поутих, — и сейчас вы можете отведать, каков он на вкус. Знаю, вам это на один зуб — но мы еще попируем, пока ночь не настала! — Факелы на стенах ярко освещали синие губы и голубой глаз Эурона; казалось, что и сам он, как факел, горит буйным пламенем. — То, что кракен схватил, он больше не выпустит. Эти острова были когда-то нашими и теперь снова наши — но нужны сильные люди, чтобы их удержать. Встань же, сир Харрас Харло, лорд Серого Щита. — Рыцарь встал, положив руку на лунный камень в эфесе Прихода Ночи. — Встань, Андрик-Неулыба, лорд Южного Щита. — Андрик отпихнул своих бабенок и поднялся из-за стола, словно выросшая из моря гора. — Встань, Марон Вольмарк, лорд Зеленого Щита. — Шестнадцатилетний юнец, похожий на кролика, робко повиновался призыву. — И ты, Нут-Цирюльник, лорд Дубового Щита.

— Лорд? — хрипло повторил Нут, явно опасаясь, что над ним зло подшутили.

Виктарион ожидал другого — он думал, что Эурон сделает лордами своих приближенных: Стонхенда, Рыжего Гребца, Лукаса-Левшу Кодда. Щедрость приличествует королю, говорил он себе, но тайный голос шептал ему, что эта щедрость добра не сулит. Подумав немного, он увидел все в истинном свете. Рыцаря Чтец выбрал своим наследником, Андрик-Неулыба — правая рука Дунстана Драмма, юный Вольмарк — потомок Черного Харрена по материнской линии. А Цирюльник…

— Откажись! — прошипел Виктарион, схватил его за руку.

Нут воззрился на него, как на безумного.

— Отказаться от земель и от лордства? Ты-то небось меня лордом не сделаешь. — Он вырвал руку и встал под громогласные крики пирующих.

Теперь он крадет у меня людей, думал Виктарион. Король между тем велел леди Хьюэтт налить ему вина и высоко поднял чашу.

— Пьем за лордов Четырех Щитов, капитаны и короли! — Виктарион выпил вместе со всеми. Нет вина слаще того, что отнято у врага. Так говорил отец — а может быть, Бейлон. *Когда-нибудь я буду пить твои вина, Вороний Глаз, и отниму у тебя все, чем ты дорожишь.* Но дорожит ли Эурон хоть

чем-нибудь в этом мире?

— Завтра мы снова поднимем свои паруса, — объявил король. — Наполните бочки ключевой водой, заберите отсюда все зерно и всю солонину, загоните на корабли овец и коз, сколько сможете увезти. Те из раненых, кто способен грести, сядут на весла, прочие останутся с новыми лордами, чтобы оборонять острова. Торвольд и Рыжий Гребец тоже доставят нам продовольствие. Мы превратим наши палубы в курятники и свинарники, зато обратно вернемся с драконами.

— Когда же это будет, ваше величество? — подал голос лорд Родрик. — Через год? Через три? Ваши драконы живут на другом конце света, а у нас на дворе осень. — Родрик вышел вперед, чтобы высказать все свои опасения. — Винный пролив стерегут неприятельские галеи. Воды вдоль пустынного дорнийского берега изобилуют водоворотами, скалами и мелями, а причалить там почти что и негде. За Дорном лежат Ступени, где помимо штормов гнездятся пираты из Лисса и Мира. Если в путь отправится тысяча кораблей, едва ли триста из них преодолеет Узкое море… и что же потом? Ни Лисс, ни Волантис не будут нам рады. Где вы намерены брать пресную воду и провизию? Первый же шторм раскидает нас в

разные стороны.

На синих губах Эурона заиграла улыбка.

— Шторм — это я, милорд. Первый и он же последний. На «Молчаливом» я совершал путешествия куда дольше и опаснее этого. Не забывайте, что я плавал по Дымному морю и видел Валирию.

Все здесь знали, что над Валирией по-прежнему властвует Рок. Море там кипит и дымится, а земля населена демонами. Говорят, будто всякий моряк, едва бросивший взгляд на огненные горы Валирии, скоро умрет страшной смертью… однако Вороний Глаз побывал там и вернулся живой.

— В самом деле? — тихо, но внятно произнес Чтец.

Эурон больше не улыбался.

— Знай свои книги, Чтец, — в наступившей тишине молвил он, — и не высовывай носа за их пределы.

В чертог закралась тревога, и Виктарион, почувствовав ее, встал.

— Ты не ответил на заданные Харло вопросы, брат.

— Цены на рабов растут постоянно, — пожал плечами король. — Продадим своих в Лиссе и Волантисе вместе с захваченным здесь добром.

Вырученных денег нам хватит на закупку провизии.

— Выходит, теперь мы работорговцы? — не унимался Чтец. — И все это ради драконов, которых никто здесь в глаза не видел? Мы готовы идти на край света вслед за байкой пьяных матросов?

Его слова вызвали ропот одобрения.

— Залив Работорговцев слишком далек от нас, — заметил Хромой Ральф.

— И слишком близок к Валирии, — подхватил Квеллон Хамбл.

— Хайгарден куда как ближе, — согласился с ними Фралегг Сильный. — Лучше поискать драконов там — тех, что чеканят из золота.

— Зачем блуждать по морям, когда перед нами лежит Мандер? — вопросил Альвин Шарп.

— Старомест богат, а Бор и того богаче, — вскочил на ноги Рыжий Ральф Стонхауз. — Флот Редвина оттуда ушел. Стоит лишь протянуть руку, чтобы сорвать самый спелый плод Вестероса.

— Плод? — Голубой глаз короля сделался черным. — Только трус станет рвать плод, когда может занять весь сад.

— Хотим Бор, — заявил Рыжий Ральф, и другие поддержали его. Эурон, послушав их крики, спрыгнул со стола, сгреб замарашку за руку и

вышел с ней вон.

Убежал, поджав хвост. Похоже, ты сидишь на Морском Троне уже не столь крепко, как пару мгновений назад, Эурон. В залив Работорговцев они за тобой не пойдут. Зря, пожалуй, Виктарион считал их такими уж жалкими псами и безмозглыми дураками. Воспряв духом от этой мысли, он осушил чашу и выпил еще одну с Нутом — в знак того, что не обижен на Цирюльника за его лордство, хотя бы и полученное из рук Эурона.

Солнце уже закатилось, но в зале пылали рыжим пламенем факелы. Дым от них серым облаком висел под стропилами. Хмельные победители выходили плясать с топориками. Лукас-Левша возжелал одну из дочерей лорда Хьюэтта и взял ее прямо на столе под крики и плач сестер.

Виктариона кто-то постучал по плечу. Обернувшись, он увидел Эуронова отпрыска, мальчишку лет десяти, с курчавыми волосами и черной, как грязь, кожей.

— Отец хочет с тобой говорить.

Виктарион встал, пошатываясь. В его большом теле помещалось много вина, но на этот раз он перебрал мерку. *Я забил ее насмерть собственными руками*, думал он, *но Эурон убил ее еще*

раньше, когда переспал с ней. У меня не было выбора. Следуя за мальчуганом, он покинул чертог и поднялся по винтовой лестнице. Крики и вопли снизу постепенно затихли — теперь в тишине слышались только их шаги по камню.

Эурон занял спальню лорда Хьюэтта. Побочная дочь лорда в чем мать родила похрапывала на постели. Вороний Глаз стоял у окна и пил из серебряного кубка. Кроме собольего плаща, принадлежавшего прежде Блэкриду, и красной кожаной нашлепки, прикрывающей глаз, на нем ровно ничего не было.

— Мальчишкой мне все снилось, что я умею летать, — промолвил он. — А проснусь — и не могу, да и мейстер говорит, что нельзя. Но что, если он лгал?

В комнате разило вином, кровью и совокуплением, но из открытого окна пахло морем. Соленый холодок прочищал голову.

— О чем это ты?

Эурон повернулся к брату лицом, скривив в улыбке синие губы.

— Может, мы все умеем летать. Наверняка знать нельзя, пока не спрыгнешь с такой вот высокой башни. — Ветер, ворвавшись в окно, раздул его плащ. Его нагота смущала Виктариона,

казалась ему непристойной. — Никто не знает по-настоящему, на что он способен, пока не отважится прыгнуть.

— Вот окно, прыгай. — Терпение Виктариона истощалось, раненая рука давала о себе знать. — Чего тебе надо?

— Мне нужен весь мир. — Огонь, пляшущий в очаге, отражался в улыбчивом глазу Эурона. — Налить тебе Хьюэттова вина? Вино всего слаще, когда отбираешь его у врага.

— Нет. — Виктарион отвел глаза. — Прикройся.

Эурон сел и запахнулся, прикрыв срам.

— Я и забыл, какой мелкий и шумный народец мои Железные Люди. Я хочу привезти им драконов, а они требуют виноградных ягод.

— Виноград сладок на вкус, а из его сока делают вино. Он полезен в отличие от твоих драконов.

— Драконы несут смерть. — Вороний Глаз отпил из серебряного кубка. — Я держал драконье яйцо вот в этих руках, брат. Один мирийский чародей клялся, что дракон вылупится, если я дам ему год и столько золота, сколько он потребует. Со временем мне наскучили его отговорки, и я с ним покончил. «Но ведь года еще не прошло», — сказал он, придерживая руками собственные выпущенные кишки. — Эурон засмеялся. — А

Крагорн-то умер.

— Кто?

— Человек, который трубил в мой драконий рог. Мейстер вскрыл его, и оказалось, что легкие у него почернели, как сажа.

Виктарион содрогнулся.

— Покажи мне то драконье яйцо.

— Я выбросил его в море, когда был в дурном расположении духа. Знаешь, я нахожу, что Чтец в чем-то прав. Большой флот не сможет держаться кучно при таком долгом плавании. Только для лучших наших кораблей с лучшими людьми на борту есть надежда дойти до залива Работорговцев и вернуться назад. Я говорю про Железный Флот.

Железный Флот — мой, подумал Виктарион, но промолчал.

Вороний Глаз разлил по двум чашам диковинное черное вино, густое, как мед.

— Выпей со мной, брат. Отведай, — сказал он, подавая одну чашу Виктариону.

Тот взял другую и подозрительно понюхал ее. Густой, маслянистый напиток вблизи казался скорее синим, чем черным, и пахло от него мертвечиной. Виктарион пригубил питье и тут же выплюнул.

— Экая дрянь. Отравить меня хочешь?

— Хочу, чтобы у тебя открылись глаза. — Эурон сделал глоток из своей чаши. — Это «ночная тень», вино колдунов. Бочонок этого снадобья я нашел на борту галеона, захваченного мною близ Кварта. Корабль вез также гвоздику, мускатный орех, сорок отрезов зеленого шелка и четырех колдунов, рассказывавших любопытные вещи. Один вздумал мне угрожать, поэтому я убил его и скормил трем другим. Те сперва отказывались от такого угощения, но передумали, когда сильно проголодались. Люди — всего лишь мясо.

Бейлон был безумен, Эйерон еще хуже, а Эурон — самый безумный из всех троих. Виктарион повернулся, собираясь уйти, но тут Вороний Глаз сказал:

— Король должен жениться, чтобы иметь наследников. Сослужи мне службу, брат: отправляйся в залив Работорговцев и привези ту, кого я люблю.

Я тоже любил когда-то. Виктарион сжал кулаки, и капля крови звучно упала на пол. *Превратить бы тебя в кусок кровавого мяса и бросить крабам — так же, как и ее.*

— У тебя уже есть сыновья, — процедил он сквозь зубы.

— Бастарды, отродье шлюх и плакальщиц.

— В них есть что-то и от тебя.

— Да — как в содержимом моего ночного горшка. Ни один из них не годится для Морского Трона, а для Железного и подавно. Достойного наследника может родить лишь достойная женщина. Когда кракен возьмет в жены дракона, весь мир будет трепетать.

— Какого еще дракона? — нахмурился Виктарион.

— Последнего в их роду. Говорят, что она прекрасней всех женщин на свете. Волосы серебряные с примесью золота, глаза как аметисты… но я не прошу тебя верить мне на слово, брат. Ступай в залив Работорговцев, узри ее красоту своими глазами и привези ее мне.

— С какой стати мне браться за это?

— Из любви. Из чувства долга. По приказу твоего короля. — Эурон ухмыльнулся. — И ради Морского Трона. Как только я займу Железный, он станет твоим. Ты наследуешь мне, как я наследовал Бейлону, а твои собственные законные сыновья станут когда-нибудь твоими наследниками.

Законные сыновья… Чтобы они появились, для начала надо жениться, а с женами ему не везет.

Все дары Эурона отравлены, напомнил себе младший брат, однако…

— Выбор за тобой, братец, — жить невольником или умереть королем. Достанет ли у тебя отваги взлететь? Пока не совершишь прыжок, никогда не узнаешь. — Улыбчивый глаз Эурона глядел насмешливо. — Или я прошу у тебя слишком многого? Мореходы страшатся заходить дальше Валирии.

— С Железным Флотом я пойду даже в ад, если понадобится. — Виктарион разжал руку с красной от крови повязкой. — Хорошо. Я доберусь до залива Работорговцев, отыщу твою драконихуи доставлю сюда. — *Только не для тебя*, мысленно добавил Виктарион. *Ты погубил мою жену, а я заберу твою, прекраснейшую из женщин на свете.*

Джейме

Поля у стен Дарри возделали снова, запахав обгоревшую стерню. Разведчики сира Аддама видели женщин, пропалывающих борозды. Пахари шли за волами, поднимая целину на опушке ближнего леса, а дюжина бородачей с топорами бдительно охраняла работников.

Увидев колонну Джейме, все они скрылись за стенами замка. Дарри, как прежде Харренхолл, закрыл перед ним ворота. Не такого приема он ждал от своей родни.

— Труби в рог, — скомандовал он, и сир Кеннос из Кайса поднял к губам рог Геррока. Ожидая ответа из замка, Джейме созерцал красно-бурое знамя, реющее над барбиканом его кузена. Ланселя, как видно, решил сочетать ланнистерского льва с пахарем Дарри. В этом, как и в выборе невесты для Ланселя, Джейме видел руку своего дяди. Дом Дарри владел этими землями с тех пор, как андалы победили Первых Людей. Сир Киван, без сомнения, понимал, что жизнь его сына здесь будет куда более легкой, если крестьяне увидят в нем продолжателя древнего рода, ставшего

их хозяином не столько по королевскому указу, сколько по праву женитьбы. *Именно Кивану следовало стать десницей Томмена*, думал Джейме. *Харис Свифт — просто гадкая жаба, а сестра моя — дура, если не видит этого.*

Ворота замка медленно растворились.

— У моего кузена нет места, чтобы разместить тысячу человек, — сказал Джейме Могучему Вепрю. — Разобьем лагерь под западной стеной. Пусть по краям выкопают траншеи и поставят колья. В этих краях еще бродят разбойники.

— Надо быть сумасшедшими, чтобы напасть на такой сильный отряд, как наш.

— Или голодными. — Не зная численности этих разбойников, Джейме был намерен принять все мыслимые меры предосторожности. — Траншеи и колья, — повторил он, направив Славного к воротам. Его сопровождали сир Дермот с королевскими львом и оленем и сир Хьюго Венс с белым штандартом Королевской Гвардии. Рыжему Роннету Джейме поручил доставить Вилиса Мандерли в Девичий Пруд, чтобы убрать его с глаз долой.

Пиа ехала с оруженосцами, на мерине, которого нашел для нее Пек.

— Точно игрушечный, — услышал Джейме ее

слова. Само собой — она выросла в Харренхолле, и все прочие замки должны казаться ей маленькими, кроме разве Утеса.

Джосмин Пекльдон придерживался того же мнения.

— Ты по Харренхоллу не суди, — говорил он девушке. — Черный Харрен слишком уж размахнулся. — Пиа слушала его, как пятилетняя девочка на уроке у своей септы. Такая она и есть — пятилетняя девочка в теле взрослой женщины, замученная, запуганная. Пек, однако, неравнодушен к ней — парень, видимо, женщин пока не знал, а Пиа все еще недурна собой, когда рот держит закрытым. Если он с ней переспит, вреда никому не будет — с ее, конечно, согласия.

Один из людей Горы попытался взять ее силой еще в Харренхолле и был искренне удивлен, когда Джейме приказал Илину Пейну отрубить ему голову. «Да я ее и раньше имел сто раз, — твердил он, когда его ставили на колени. — Сто раз, милорд, и все прочие тоже». Сир Илин поднес его голову Пиа, и она улыбнулась сквозь пеньки выбитых зубов.

Дарри во время войны несколько раз переходил из рук в руки, горел и был неоднократно разграблен, но Лансель, как видно, времени не терял. На

ворота навесили новенькие, еще сырые дубовые створки, усаженные стальными заклепками. Сгоревшую конюшню отстроили, лестницу к замку заменили, как и ставни многих окон. На камнях после пожара остались черные пятна, но в этом приходилось полагаться на дожди и на время.

На внутренних стенах несли караул арбалетчики — одни в львиных шлемах и красных плащах, другие в серо-голубых цветах дома Фреев. Из-под копыт Славного кинулись врассыпную куры, заблеяли овцы. Крестьяне провожали Джейме угрюмыми взглядами — вооруженные крестьяне, отметил про себя он. Одни с кольями, другие с серпами, третьи с хорошо отточенными мотыгами. Топоры тоже встречались, и Джейме бросились в глаза бородачи с красными семиконечными звездами на лохмотьях. И тут воробьи. Откуда только они берутся?

Дяди Кивана не было видно, Ланселя тоже. Навстречу им вышел только мейстер в серой мантии, хлопающей по костлявым ногам.

— Лорд командующий, ваш… нежданный приезд оказывает честь Дарри. Простите, что мы так плохо к нему подготовились, — мы полагали, что вы направляетесь в Ривердан…

— Дарри мне по дороге, — солгал Джейме. Ри-

верран подождет. Авось к его прибытию осада уже завершится, и ему не придется поднимать оружие против дома Талли.

Он спешился и передал Славного конюху.

— Мой дядя здесь? — Имени он не назвал. У него остался лишь один дядя, последний из сыновей Титоса Ланнистера.

— Нет, милорд. Сир Киван покинул нас сразу же после свадьбы. — Мейстер потеребил цепь на шее, как будто она душила его. — Лорд Лансель, я знаю, будет рад видеть вас… и всех ваших доблестных рыцарей. Однако Дарри, как это ни горько, не в силах прокормить столь большое воинство.

— Провизия у нас своя. Ваше имя?

— Мейстер Оттомор, с позволения вашей милости. Леди Амарея сейчас готовит пир в вашу честь и потому вопреки своему желанию не могла выйти к вам лично. Она выражает надежду, что вы и ваши капитаны вечером разделите с нами трапезу.

— Мы с радостью воздадим должное горячим блюдам после холодной и сырой погоды последних дней. — Джейме окинул взглядом двор, изобилующий бородатыми воробьями. Слишком много их тут, как, впрочем, и Фреев. — Где я могу

найти Твердокаменного?

— Мы получили донесение о разбойниках за Трезубцем, и сир Харвин поехал туда с пятью рыцарями и двадцатью лучниками.

— А что лорд Лансель?

— Его милость молится и наказал нам никогда не беспокоить его в такие часы.

Он хорошо поладил бы с Бонифером.

— Отлично. — С кузеном он еще успеет наговориться. — Покажите мне мои комнаты и велите налить ванну.

— Мы поместим вашу милость в Доме Пахаря, если это не противоречит вашим желаниям. Прошу за мной.

— Я знаю дорогу. — Джейме уже дважды гостил в этом замке вместе с Серсеей — один раз во время путешествия короля Роберта в Винтерфелл, другой — на обратном пути в Королевскую Гавань. Замок, небольшой для усадьбы лорда, был все же больше гостиницы, а у реки имелись хорошие охотничьи угодья. Роберт Баратеон не стеснялся пользоваться гостеприимством своих подданных.

Дом Пахаря с того времени почти не изменился.

— Стены на месте, — заметил Джейме, идя с

мейстером по галерее.

— Лорд Лансель надеется впоследствии украсить их гобеленами благочестивого содержания.

Благочестивого содержания! Джейме с трудом удержался от смеха. Стены здесь были голыми и в первый его приезд, но Тирион заметил на них темные прямоугольники. Сир Реймен снял гобелены, но не мог убрать оставленные ими следы. После Бес сунул пару оленей кому-то из слуг, и тот вручил ему ключ от подвала, где отыскались пропавшие гобелены. Тирион, взяв свечу, показал их брату — все они изображали королей династии Таргариенов, от Эйегона Первого до Эйериса Второго. «Если рассказать Роберту, он мог бы сделать лордом Дарри меня», — заметил, фыркая, карлик.

Мейстер Оттомор привел Джейме на самый верх.

— Надеюсь, вам здесь будет удобно, милорд. Вот место для отправления природных нужд, а ваше окно выходит на богорощу. Спальная комната примыкает к опочивальне ее милости, но их разделяет чулан для служанки.

— Выходит, это покои самого лорда Дарри?

— Точно так, милорд.

— Мой кузен слишком добр. Я совсем не наме-

ревался выгонять его из собственной спальни.

— Лорд Лансель почивает не здесь, а в септе.

Спит с Девой и Матерью, когда у него за дверью молодая жена? Джейме не знал, смеяться ему или плакать. Быть может, он молится о ниспослании ему мужской силы. В Королевской Гавани сплетничали, что после ранения он утратил ее безвозвратно. Но Лансель не может не понимать, что постараться все-таки надо. Его положение на новых землях не будет прочным, пока жена, наполовину Дарри, не родит ему сына. Джейме начинал раскаиваться, что решил заехать сюда. Он поблагодарил мейстера, и тот удалился.

Здесь перемены, и не в лучшую сторону, были налицо. На полу вместо мирийского ковра лежал несвежий тростник, новую мебель явно сколачивали наспех. В прежней кровати сира Реймена Дарри с коричневым бархатным пологом и столбиками, покрытыми резьбой в виде листьев и лоз, могли улечься шестеро человек. Постель Ланселя представляла собой топчан с бугристым соломенным тюфяком — он стоял под самым окном, чтобы спящий на нем просыпался при первых проблесках света. Ту другую кровать скорее всего порубили в щепки, сожгли или умыкнули, но все же…

Когда принесли ванну, Лью снял с Джейме сапоги и помог отстегнуть золотую руку. Пек с Гарретом натаскали воды, Пиа отыскала чистую перемену одежды для ужина. Она робко поглядывала на Джейме, вытряхивая пыль из его дублета, и он с неловкостью примечал изгибы груди и бедер под ее грубым холщовым платьем. Ему вспоминались слова, которые она шептала ему на ухо в Харренхолле в ту ночь, когда ее прислал к нему Квиберн. *Теперь, когда мне приведется лежать под другим мужчиной, я закрою глаза и представлю, что это ты*, говорила она.

Он порадовался, когда вода в ванне скрыла его возбуждение, — но тут на память ему пришла другая купель, разделенная им с Бриенной. Его тогда лихорадило, он потерял много крови, и горячая вода так разморила его, что он наговорил лишнего. Сейчас такого извинения у него не было. *Помни свои обеты. Это Тирион мог уложить Пиа в свою постель, а тебе это неприлично.*

— Принеси мыло и щетку, — сказал он Пеку, — а ты, Пиа, можешь идти.

— Да, милорд. Благодарствую. — Говоря, она прикрывала рукой рот с выбитыми зубами.

— Хочешь ее? — спросил Джейме Пека, когда она вышла.

Оруженосец побагровел.

— Ну так действуй, если она не против. Она наверняка научит тебя кое-чему, что пригодится тебе в брачную ночь, а бастарда вряд ли тебе принесет. — Раз Пиа не забеременела, побывав под половиной отцовского войска, то скорее всего и не способна на это. — Только смотри обращайся с ней бережно.

— Бережно, милорд? Как это?

— Говори ласковые слова и будь нежен. Никто не заставляет тебя жениться на ней, но пока вы вместе лежите в постели, относись к ней как к своей молодой жене.

Парень кивнул.

— Вот только… где мне это сделать, милорд? Места ведь нет подходящего…

— Ужин займет не один час, — усмехнулся Джейме. — А этот тюфяк хоть и комковат, но вполне сгодится.

— Постель милорда? — вытаращил глаза Пек.

— Ты сам почувствуешь себя лордом, если Пиа хорошо знает свое дело. — Наконец хоть кто-нибудь использует это жалкое ложе по назначению.

Вечером Джейме Ланнистер сошел вниз в красном бархатном дублете с парчовыми прорезями, с

золотой, украшенной черными алмазами цепью на шее. Золотая рука, хорошо отполированная, так и сверкала. Облачаться здесь в белое он счел неуместным. Долг ожидал его в Ривердане — сюда его привело другое.

Великий чертог Дарри мог называться великим только из вежливости. Составные столы заняли его целиком, стропила почернели от копоти. Джейме усадили на помосте по правую руку от пустующего кресла Ланселя.

— Разве мой кузен не присоединится к нам?

— Милорд соблюдает пост, — ответила ему леди Амарея. — Кончина верховного септона повергла его в неутешное горе. — Восемнадцатилетняя супруга лорда, длинноногая и полногрудая, казалась воплощением здоровья, но ее худенькое, лишенное подбородка личико напоминало Джейме о его безвременно почившем кузене Клеосе, который всегда смахивал на хорька.

Соблюдает пост? Да он еще глупее, чем полагал Джейме. Лучше бы потрудился и сделал этой «вдовушке» маленького хорька-наследника, чем морить себя голодом. Что-то думает сир Киван относительно нового увлечения своего сына? Не потому ли дядя уехал так скоро?

За миской бобового супа с салом леди Амарея

поведала Джейме, как Григор Клиган убил ее первого мужа — в ту пору, когда Фреи еще сражались на стороне Робба Старка.

— Я упрашивала его не ходить, но отвага моего Пейта не знала границ… Он клялся, что именно ему суждено покончить с этим чудовищем. Ему так хотелось прославиться.

Кто этого не хочет?

— Я еще в оруженосцах решил, что именно мне суждено убить Улыбчивого Рыцаря.

— Кто это — Улыбчивый Рыцарь? — удивилась Амарея.

Скачущая Гора моего отрочества. Вдвое меньше нашего, но и вдвое безумнее.

— Давно убитый разбойник, — сказал Джейме вслух, — из-за которого вашей милости незачем беспокоиться.

Губы Амареи задрожали, из карих глаз потекли слезы.

— Вы должны извинить мою дочь, — сказала женщина средних лет. Леди Амарея привезла с собой кучу Фреев: сестру, пару дядюшек, с десяток кузенов… и мать, урожденную Дарри. — Она до сих пор оплакивает своего отца.

— Разбойники отняли его у нас, — прорыдала Амарея. — Он привез им выкуп за Петира Прыща,

а они взяли его да подвесили.

— Повесили, — поправила ее мать, леди Марийя. — Он ведь не окорок. Вы, кажется, его знали, сир.

— Когда-то мы вместе служили в оруженосцах у Кракехолла. — Дружбы, однако, между ними не завязалось. Меррет Фрей немилосердно помыкал всеми, кто был моложе его, и Джейме, только что прибывшего в замок, тоже попытался себе подчинить. — Он был… очень силен. — Других похвал для него Джейме не нашел, однако силой Меррет, глупый, медлительный и неуклюжий, действительно обладал недюжинной.

— Вы вместе сражались против Братства Королевского леса, — хлюпая носом, вспомнила Амарея. — Отец мне об этом рассказывал.

Хвастал и привирал, вернее сказать.

— Да, это так. — Меррет тогда отличился тем, что заразился оспой от лагерной шлюхи и попал в плен к Белой Лани. Разбойничья королева выжгла клеймо у него на заднице, а потом уж отдала за выкуп Самнеру Кракехоллу. Меррет не мог сидеть две недели, но еще хуже были издевательства, которым подвергали его после этого другие оруженосцы. Мальчишки — самые жестокие существа на свете. Джейме поднял золотой

рукой кубок с вином. — Памяти Меррета. — Пить за такого легче, чем о нем говорить.

Леди Амарея успокоилась, и разговор перешел на волков — настоящих, четвероногих. Даже дед не помнит времени, когда бы они расплодились в таком количестве, сказал сир Данвел Фрей.

— Они потеряли всякий страх перед человеком. Напали на наш обоз, шедший из Близнецов. Наши лучники утыкали стрелами с дюжину зверей, и лишь тогда остальные разбежались.

Сир Аддам признался, что и они в походе столкнулись с подобным бедствием.

Джейме был слишком занят едой — хлеб он отламывал левой рукой, кубок с трудом держал правой. Аддам Марбранд тем временем строил куры сидевшей с ним рядом девице, а Стеффон Свифт с помощью хлебных шариков, орехов и морковок воспроизводил битву за Королевскую Гавань. Сир Кеннос, посадив на колени служанку, предлагал ей потрогать его рог, сир Дермот рассказывал оруженосцам о приключениях рыцарей в Дождливом лесу. Хьюго Венс сидел с закрытыми глазами, то ли размышляя о таинствах жизни, то ли задремав между двумя переменами.

— Разбойники, убившие вашего мужа, состояли в отряде лорда Берика? — обратился Джейме к

леди Марийе.

— Так мы и думали поначалу. — Леди Марийя, несмотря на тронувшую волосы седину, была все еще красива. — Злодеи, уйдя из Старых Камней, разделились. За одной шайкой лорд Випрен шел до Ярмарочного Поля, но там потерял их след. Уолдер Черный, взяв охотников и гончих, двинулся за другой в Ведьмину Трясину. Крестьяне не сознавались, что видели их, но запели по-другому, когда их допросили как следует. Вспомнили одноглазого и другого, в желтом плаще… и женщину, прятавшую лицо под капюшоном.

— Женщину? — Казалось бы, Белая Лань должна была научить Меррета держаться подальше от разбойниц всякого рода. — В Братстве Королевского леса тоже имелась одна.

— Я знаю о ней. — *Разумеется — как не знать ту, что оставила свою метку на твоем муже?* — Но Белая Лань, по слухам, была молода и красива, об этой же говорят обратное. Крестьяне утверждают, будто ее лицо обезображено шрамами, а в глаза смотреть страшно. Она-то будто бы и командует разбойниками.

— Командует? — усомнился Джейме. — Однако Берик Дондаррион и красный жрец…

— Их там не видели, — уверенно заявила леди

Марийя.

— Дондаррион мертв, — вставил Могучий Вепрь. — Гора всадил нож ему в глаз — у нас есть люди, которые сами видели это.

— Одни подтверждают это, — возразил Аддам Марбранд, — другие же говорят, что лорда Берика убить невозможно.

— Сир Харвин полагает, что эти россказни лживы, — заметила Амарея, наматывая на палец косу. — Он обещал мне голову лорда Берика. Это истинный рыцарь… — И она зарделась, еще не осушив слез.

Джейме думал о подарке, который он преподнес Пиа. Младший братец вволю бы посмеялся над ним. «Это лучше, чем дарить им цветочки», — сказал бы он. Тирион и для Харвина Пламма нашел бы слова, причем «истинным рыцарем» его не назвал бы. Братья Харвина — здоровенные, мясистые парни, толстошеие, краснолицые. Охотники до всяких утех и до смеха, скорые на гнев, но отходчивые. Харвин — Пламм иного рода, сдержанный, с жесткими глазами, не умеющий прощать. И отменно владеющий боевым молотом. Создан для командования гарнизоном, а не для любви. Впрочем… Джейме задумался, глядя на леди Амарею.

Слуги уже подавали рыбное блюдо — щуку, запеченную с травами и дроблеными орехами. Хозяйка дома попробовала, одобрила и велела первый кусок положить Джейме. Перегнувшись через мужнино место, она коснулась пальцами его золотой руки.

— Только вы, сир Джейме, могли бы убить лорда Берика. Как убили Улыбчивого Рыцаря. Молю вас, милорд, — останьтесь и помогите нам справиться с Дондаррионом и Псом. — Говоря, она поглаживала его золотые пальцы — неужто она всерьез думает, что он способен это почувствовать?

— Улыбчивого Рыцаря убил Меч Зари, миледи. Сир Эртур Дейн, превосходивший меня во всем. — Он убрал от нее золотую руку и вновь заговорил с леди Марийей: — До какого же места Уолдер Черный проследил эту женщину и ее людей?

— К северу от Ведьминой Трясины его гончие снова взяли их след. Он клянется, что догнал бы их через полдня, но они скрылись на Перешейке.

— Пусть там и сгниют, — весело пожелал сир Кеннос. — По милости богов их засосет в болото либо львоящеры расправятся с ними.

— Их могут принять к себе лягушатники, — заметил сир Данвел Фрей. — Болотные жители и

раньше укрывали разбойников.

— В этом они не одиноки, — посетовала леди Марийя. — Некоторые из речных лордов запанибрата с Бериком.

— И простой народ тоже, — фыркнула ее дочь. — Сир Харвин говорит, что они дают разбойникам кров и пищу, а когда он спрашивает, куда те ушли, ему лгут. Лгут своим собственным лордам!

— Языки им за это вырезать, — посоветовал Могучий Вепрь.

— Тогда уж они непременно будут говорить правду, — заметил Джейме. — Если хотите, чтобы вам помогали, сделайте так, чтобы они полюбили вас. Эртур Дейн, когда мы выступили против Братства Королевского леса, поступал именно так. Он платил людям за съеденную нами провизию, передавал королю Эйерису их жалобы, расширял пастбища у их деревень. Он даже выговорил для них право срубать каждый год по сколько-то деревьев в лесу, а осенью убивать сколько-то королевских оленей. Лесовики видели в Тойне своего защитника, но сир Эртур сделал для них больше, чем могло надеяться сделать Братство, и они перешли к нам. Остальное уже не составляло труда.

— Лорд-командующий говорит мудро, — при-

знала леди Марийя. — Мы никогда не выведем этих разбойников, пока здешний народ не полюбит Ланселя так же, как любил отца моего и деда.

Молитвами любви не заслужишь, подумал Джейме, взглянув на пустое место кузена.

— Молю вас, сир Джейме, — надула губки леди Амарея, — не покидайте нас. Милорд нуждается в вашей помощи, и я тоже. Мы живем в ужасное время. Я плохо сплю по ночам, так мне страшно.

— Мое место рядом с королем, миледи.

— Зато я к вашим услугам, — вмешался Могучий Вепрь. — Вот возьмем Ривердан, и я сразу заскучаю без драки. Не то чтобы я считал Берика Дондарриона достойным противником — я ведь помню его по турнирам. Пригожий паренек в нарядном плаще, совсем зеленый и хлипкий.

— Тогда он еще не умер, — заметил молодой сир Арвуд Фрей. — В народе говорят, что после смерти он сильно переменился. Убить его можно, но он недолго останется мертвым. Извольте сражаться с таким человеком. А тут еще Пес, который убил двадцать мужчин в Солеварнях.

— Двадцать жирных трактирщиков, — хохотнул Вепрь. — Двадцать холуев, заранее намочивших штаны. Двадцать нищенствующих братьев.

Будь эти двадцать рыцарями…

— В Солеварнях тоже есть рыцарь, — не уступал сир Арвуд. — Он укрылся у себя в замке, пока Клиган со своей бешеной сворой громил его город. Вы не видели, что Пес там сотворил, сир, а я видел. Когда весть достигла Близнецов, я вместе с Харисом Хэем и его братом Доннелом взял полусотню стрелков и латников и поехал туда. Мы полагали, что это дело рук лорда Берика, и надеялись напасть на его след. Из всех Солеварен уцелел один замок, а старый сир Квинси так перепугался, что не открыл нам ворота и вел разговор с крепостной стены. Город обратился в груды костей и пепла. Пес поджигал дома, убивал людей и, смеясь, скакал дальше. А женщины… вы не поверите, что он с ними делал. Не хочу говорить о таких вещах за столом. Меня затошнило от этого зрелища.

— Я плакала, услышав об этом, — сказала леди Амарея.

— Отчего вы думаете, что все это совершил Пес? — спросил Джейме. — Я бы скорее предположил, что это работа Григора, а не Сандора. Сандор жесток, не спорю, но чудовище в доме Клиганов было только одно — его брат.

— Его видели, — ответил сир Арвуд. — Этот

песий шлем с другим не спутаешь и не скоро забудешь, а там остались живые свидетели. Девочка, которую он изнасиловал, несколько мальчуганов, успевших спрятаться, женщина, придавленная обгоревшей балкой, рыбаки, видевшие бойню из своих лодок…

— Не называйте это бойней, — тихо сказала леди Марийя, — честные мясники могут на вас обидеться. Солеварни посетил зверь, выходец из ада, принявший человеческий облик.

Звери теперь в силе — пришел их час, думал Джейме. Час волков, львов, злобных псов и ворон-стервятников.

— Да, злое дело, — молвил Вепрь, подливая себе вина. — Леди Марийя, леди Амарея, меня тронуло ваше горе. Даю вам слово: как только падет Ривердан, я вернусь сюда, выслежу Пса и убью его. Собаки меня не страшат.

Этого ты устрашишься, подумал Джейме. Оба они могучи, но Сандор Клиган намного проворнее и дерется с яростью, которая Лайлу Кракехоллу даже не снилась.

Леди Амарея, однако, пришла в восхищение.

— Вы истинный рыцарь, сир Лайл, и не способны покинуть даму в беде.

Спасибо, что хоть девицей не называет себя.

Джейме потянулся к своему кубку и опрокинул его. По льняной скатерти расплылось красное пятно. Все сделали вид, будто ничего не заметили. Приняв эту простую учтивость за жалость к калеке, Джейме встал.

— Прошу меня извинить, миледи.

— Вы хотите оставить нас? — ахнула леди Амарея. — Будет еще оленина и каплуны, начиненные грибами и луком.

— Не сомневаюсь, что это отменно вкусно, но я не в силах больше проглотить ни куска. Мне нужно повидаться с кузеном. — Джейме поклонился и вышел.

Во дворе тоже ужинали. Воробьи грели руки у костров и поджаривали на огне колбасы. Их было около сотни — лишние рты. Сколько колбас уже скормил им кузен и как он намерен кормить их далее? К зиме, если урожай не поспеет, им придется есть крыс — а в такую позднюю осень на урожай надежда плохая.

Септу Джейме нашел во внутреннем дворе замка — семистенное, наполовину бревенчатое строение без окон, с резной дверью и черепичной крышей. Трое воробьев, сидевших на крыльце, встали, когда он подошел.

— Вы куда, милорд? — спросил один, самый

маленький, но с самой большой бородой.

— В септу.

— Там молится его милость.

— Его милость — мой кузен.

— Тем более, милорд, — сказал другой, огромный и лысый, с нарисованной над глазом семиконечной звездой. — Ведь вы же не хотите потревожить своего кузена во время молитвы.

— Лорд Лансель просит Отца Всевышнего указать ему путь, — добавил третий, безбородый. Джейме принял его за мальчика, но по голосу понял, что это женщина, одетая в бесформенные лохмотья и заржавленную кольчугу. — Он молится о душе верховного септона и о душах других усопших.

— До завтра усопшие не восстанут, — сказал Джейме, — а времени у Отца Всевышнего больше, чем у меня. Известно вам, кто я?

— Лорд, — ответил верзила со звездой.

— Калека, — сказал маленький бородач.

— Цареубийца, — сказала женщина, — но мы тут не короли, а Честные Бедняки, и без позволения его милости вы не войдете. — Она подняла дубинку с шипами, а маленький занес топор.

Тут дверь позади них отворилась, и Лансель промолвил:

— Пусть мой кузен войдет с миром, друзья. Я его жду.

Воробьи расступились. Лансель, казалось, похудел еще больше. Босой, в простом хитоне из некрашеной шерсти, он походил скорее на нищего, чем на лорда. Макушку он выбрил начисто, зато на лице появилась поросль. Назвать ее пушком значило бы оскорбить персик. Она странно сочеталась с белыми волосами Ланселя.

— Ты лишился рассудка, кузен? — осведомился Джейме, когда они прошли в септу и остались вдвоем.

— Скажем лучше, что я обрел веру.

— Где твой отец?

— Уехал. Мы поссорились. — Лансель стал на колени перед алтарем другого Отца. — Помолишься со мной, Джейме?

— Если я помолюсь как следует, Отец даст мне новую руку?

— Нет. Но Воин даст тебе мужество, Кузнец — силу, а Старица — мудрость.

— Мне рука нужна. — Темное дерево семи изваяний блестело при свечах, в воздухе слабо пахло благовониями. — Ты и спишь здесь?

— Да. Каждую ночь я укладываюсь под другим алтарем, и Семеро посылают мне видения.

Бейелора Благословенного тоже посещали видения — особенно во время поста.

— Сколько времени ты не ел?

— Вера питает меня.

— Так она тебе вместо овсянки? С молоком и медом вдобавок?

— Мне снилось, что ты придешь. Во сне ты узнал про мой грех и убил меня.

— Ты сам себя уморишь этим своим постом. В точности как Бейелор Благословенный.

— Жизнь наша как пламя свечи, сказано в Семиконечной Звезде. Дунул ветер, и нет ее. До смерти на этом свете всегда недалеко, и семь преисподних ждут нераскаянных грешников. Помолись со мной, Джейме.

— Ты съешь миску овсянки, если я соглашусь? — Кузен не ответил, и Джейме вздохнул. — Тебе с женой нужно спать, а не с Девой. Нужен сын от кровей Дарри, чтобы удержать этот замок.

— Это лишь груда камней. Я не хотел его, не просил, чтобы мне его дали. Единственное, чего я хотел… — Ланселя передернуло. — Да спасут меня Семеро, но я хотел быть тобой.

— Лучше уж мной, чем Бейелором Благословенным, — не сдержал смеха Джейме. — Дарри нуждается во льве, братец, и твоя маленькая

Фрей тоже. Между ног у нее становится мокро, как только кто помянет Твердокаменного. Если она еще не спала с ним, то скоро это случится.

— Если она любит его, я желаю им счастья.

— Лев не должен носить рога. Ты взял эту женщину в жены.

— Я произнес слова и накинул на нее красный плащ — для того, чтобы сделать отцу приятное. Это еще не брак. Короля Бейелора принудили жениться на его сестре Дейене, но мужем и женой они так и не стали, и он отослал ее от себя, как только был коронован.

— Государству пошло бы лишь на пользу, если б он сделал усилие и залез на нее. Даже я настолько сведущ в истории. Ты, так или иначе, не Бейелор.

— Где уж мне. Он был силен духом, чист и невинен. Зло этого мира не коснулось его, я же отягощен грехами.

Джейме положил руку на плечо Ланселя.

— Что ты знаешь о грехах, братец? Я вот, к примеру, убил моего короля.

— Храбрый убивает мечом, трус — винным мехом. Мы с тобой оба цареубийцы.

— Роберт был не настоящий король. Можно сказать даже, что львам свойственно убивать

оленей. — Джейме чувствовал пальцами кости Ланселя — и еще что-то: Лансель под своей хламидой носил власяницу. — Что еще ты сделал? Что это за грех, требующий столь сурового покаяния? Скажи мне.

Лансель понурил голову, и слезы заструились у него по щекам. Джейме не нужно было слов, чтобы услышать ответ.

— Ты убил короля, а потом лег в постель с королевой.

— Я никогда… никогда…

— Никогда не спал с моей дражайшей сестрой? — *Скажи, что не спал. Скажи!*

— Никогда не изливал семя в ее… ее… лоно. Все прочее — еще не измена. Она нуждалась в утешении после смерти короля. Ты был в плену, твой отец на войне, а твой брат… она боялась его, и не без причины. Он заставил меня сознаться во всем.

— Вот как? — Лансель, сир Осмунд… кто там еще? Может, и Лунатик не такая уж шутка? — Ты принуждал ее спать с тобой?

— Нет! Я любил ее. Хотел быть ее защитником.

Иначе говоря — мной. Джейме ощутил зуд в отсутствующих пальцах. Сестра приходила к нему в башню Белый Меч и соблазняла его нару-

шить обет. Когда он отказал ей, она подняла его на смех и заявила, что сама обманывала его не меньше тысячи раз. Тогда Джейме подумал, что она лжет в отместку, желая ранить его столь же больно, как он ранил ее, — но, быть может, в тот раз, один-единственный, она и сказала правду.

— Не думай о королеве дурно, — взмолился Лансель. — Плоть слаба. Наш грех не принес… плода, и зла от него никому не было.

— Да уж. Если изливаться в пупок, плодов, как правило, не бывает. — Что сказал бы кузен, если бы Джейме покаялся в собственном грехе — в трех беззаконных плодах по имени Джоффри, Мирцелла и Томмен?

— После битвы я воспылал гневом к ее величеству, но верховный септон сказал, что я должен ее простить.

— Ты ему исповедался в грехах, верно?

— Он молился за меня, когда я лежал при смерти. Был ко мне добр.

Теперь он умер, и колокола по нем отзвонили. Понимает ли кузен, к чему привела его исповедь?

— Ох и дурак же ты, Лансель.

— Я был им, но теперь мои дурачества позади. Я просил Отца Небесного указать мне путь, и

он указал. Я отрекаюсь от лордства и от жены. Пусть Твердокаменный забирает и то, и другое, если ему желательно. Завтра я возвращаюсь в Королевскую Гавань, чтобы отдать свой меч Семерым и верховному септону. Там я приму обет и вступлю в братство Сынов Воина.

Снова он вздор городит.

— Сыны Воина триста лет как распущены.

— Новый верховный септон возродил их и призвал всех достойных рыцарей послужить Семерым жизнью своей и мечом. Братство Честных Бедняков тоже восстановлено.

— Неужто Железный Трон это позволил? — Один из Таргариенов годами боролся с двумя этими орденами… только вот который из них? Мейегор, кажется, или Джейехерис Первый. Тирион наверняка знал бы.

— Его святейшество пишет, что король Томмен дал согласие. Я покажу тебе письмо, если хочешь.

— Даже если и так… ты же лев, родившийся на Утесе! Ты лорд! У тебя есть жена, замок, земли и люди, нуждающиеся в твоей защите. Боги, по милости своей, пошлют тебе сыновей и наследников. Как ты можешь швыряться всем этим ради какого-то ордена?

— А ты как смог? — тихо спросил Лансель.

Ради чести и славы, чуть не сказал Джейме, — но ответить так значило бы солгать. Честь и слава тоже сыграли свою роль, но по-настоящему он это сделал ради Серсеи.

— К кому ты так стремишься, — сказал он с невольным смехом, — к верховному септону или к моей сестрице? Подумай об этом, кузен, и помолись сызнова. Истово помолись.

— Ты помолишься со мной, Джейме?

Джейме окинул взглядом богов. Милосердная Матерь. Отец, грозный судия. Воин, опустивший руку на меч. Получеловеческое лицо Неведомого, скрытое капюшоном. Он видел в себе Воина, а в Серсее — Деву, но она все это время была Неведомым, скрывавшим от него свой истинный лик.

— Лучше ты помолись за меня, — сказал он кузену. — Я забыл, что надо говорить в таких случаях.

Воробьи по-прежнему караулили на крыльце, когда он вышел.

— Спасибо, — сказал им Джейме. — Теперь во мне святости хоть отбавляй.

Он отыскал сира Илина, и они, чтобы избежать множества глаз и ушей во дворе, ушли в богорощу. Здесь не было воробьев, лишь голые деревья

стояли, устремив черные ветви к небу. Ковер опавшей листвы хрустел под ногами.

— Видите вон то окно, сир? — Джейме указал на него мечом. — Это спальня Реймена Дарри. Там ночевал король Роберт на пути из Винтерфелла в Королевскую Гавань. Помните, дочь Неда Старка убежала после того, как ее волчица напала на Джоффа? Моя сестра хотела лишить ее руки — древняя казнь для тех, кто поднимает руку на особу королевской крови. Роберт ответил жене, что ее жестокость сродни безумию. Они спорили об этом допоздна — вернее, спорила Серсея, а Роберт пил. После полуночи она вызвала меня. Роберт храпел на мирийском ковре. Уложить его в постель? — спросил я сестру. Лучше меня уложи, сказала она и скинула платье. Я взял ее на кровати Реймена Дарри, перешагнув через Роберта. Если бы он пробудился, я убил бы его на месте. Он был бы не первым королем, погибшим от моего меча… впрочем, вы знаете эту историю, верно? — Джейме, взмахнув мечом, перерубил ветку дерева. — Серсея, извиваясь подо мной, кричала «Хочу»… Я думал, она меня хочет, но нет: она хотела, чтобы маленькая Старк лишилась руки или умерла. — *Чего не сделаешь ради любви…* — Лишь по чистой случайности люди

Старка нашли девочку раньше меня. Попадись она тогда мне…

Рябины на лице сира Илина при свете факела казались дырами, черными, как душа Джейме. Немой разразился похожими на лай звуками, и Джейме понял, что он смеется.

— Ты небось тоже имел мою сестрицу, рябой ублюдок. Захлопни пасть и убей меня, если сможешь.

Бриенна

Септрий стоял на высоком острове в полумиле от берега, где широкий Трезубец вливался в Крабью бухту. Даже отсюда видно было, что островок ухожен на славу. Его покрывали расположенные террасами поля, внизу помещались рыбные садки, наверху — ветряная мельница. Дующий с моря бриз медленно вращал ее деревянные, обтянутые парусиной крылья. На холме паслись овцы, по мелководью у паромной пристани расхаживали журавли.

— Солеварни вон там, за водой, — сказал септон Мерибальд, показывая на северный берег бухты. — Братья переправят нас туда с утренним приливом, но я страшусь того, что мы там увидим. Надо подкрепиться как следует, чтобы легче это перенести. У братьев лишняя косточка для Собаки всегда найдется. — Собака гавкнул и вильнул хвостом.

Был отлив, и вода быстро отступала назад, оставляя за собой широкие бурые отмели. Лужи на них под лучами послеполуденного солнца сверкали, как золотые монеты. Бриенна почесала

комариный укус на затылке. Волосы она заколола вверх, и солнце грело ей шею.

— Почему этот остров называется Тихим? — спросил Подрик.

— Здесь живут кающиеся, искупающие свои грехи путем размышлений, молитв и молчания. Только старшему брату и его прокторам разрешается говорить, да и прокторы разверзают уста лишь однажды в седмицу.

— Молчаливые Сестры не говорят никогда, — заметил Подрик. — Я слышал, у них и языков нет.

— Матери унимают дочерей этой байкой с тех пор, как я себя помню, — улыбнулся септон. — Да только неправда это. Обет молчания — дело добровольное. Это жертва, которой мы доказываем нашу любовь к Семерым. Немому дать такой обет все равно что безногому отказаться от танцев. — Он повел осла вниз по склону, дав остальным знак следовать за собой. — Если хотите провести эту ночь под крышей, слезайте с коней. Путь через отмели мы называем «стезею веры». Только верующий может благополучно достигнуть острова. Злые люди гибнут в зыбучих песках или тонут, когда настает прилив. Вы все, надеюсь, люди хорошие… однако ступать советую с осто-

рожностью. Идите за мной след в след.

Как, однако, извилиста стезя веры, заметила про себя Бриенна. Остров стоял к северо-востоку от них, но септон Мерибальд туда не пошел, а свернул на восток, прямо к мерцающим вдали серебристо-голубым водам бухты. Ноги чмокали, погружаясь в густой бурый ил. Время от времени септон останавливался и щупал дорогу посохом. Собака трусил за ним по пятам, прилежно обнюхивая камни, ракушки и пучки водорослей, и ни разу не отбежал в сторону.

Бриенна шла следом, придерживаясь следов, оставленных ослом, собакой и святым человеком. Подрик следовал за ней, сир Хиль замыкал шествие. Через сто ярдов септон сделал крутой поворот на юг, оставив септрий у себя за спиной. Так он шел еще сотню ярдов, прокладывая дорогу между двумя мелкими заводями. Собака сунул в одну из них нос и взвизгнул, когда его ущипнул краб. После короткой, но яростной схватки пес вылез на тропу весь в грязи, держа краба в зубах.

— Мы разве не туда идем? — крикнул сир Хиль, указывая назад. — Мы, похоже, немного сбились с дороги.

— Веруй, будь настойчив, следуй верным путем, — ответил ему септон, — и ты обретешь

мир.

Отмели и лужи блестели со всех сторон. В темно-коричневом, почти черном иле встречались порой полоски золотого песка, серые и красные камни, клочки черно-зеленых водорослей. Вокруг прудов отпечатались журавлиные следы, под мелкой водой шмыгали крабы. Грязь, пахнущая солью и гнилью, неохотно отпускала ступающие по ней ноги. Септон поворачивал снова и снова. Следы его тут же наливались водой. Они прошли не меньше полутора миль, прежде чем почва стала немного тверже и пошла на подъем.

На берегу, усеянном большими камнями, их ждали трое мужчин, одетых в бурые рясы с широкими рукавами и остроконечными клобуками. Двое прикрывали также и рты, показывая только верхнюю часть лица.

— Септон Мерибальд, — заговорил третий. — Вот уже год, как ты не бывал здесь. Мы рады тебе и твоим спутникам тоже рады.

Собака завилял хвостом, Мерибальд отряхнул ноги от грязи.

— Не приютите ли нас на одну ночь?

— Разумеется. На ужин у нас уха. Утром вам понадобится паром?

— Если это не значит просить слишком мно-

го. Брат Нарберт — проктор ордена, — пояснил Мерибальд, — поэтому ему разрешено говорить один день в седмицу. Эти добрые люди оказывали мне помощь в дороге, брат. Сир Хиль Хант — рыцарь с земель Простора. Паренька зовут Подрик Пейн, он родился на западе. А это леди Бриенна, известная как Тартская Дева.

— Женщина, — вздрогнул брат Нарберт.

— Да, брат мой. — Бриенна распустила волосы и тряхнула ими. — У вас здесь нет женщин?

— Сейчас нет. Те из них, что нас посещают, больны, увечны либо беременны. Семеро благословили нашего старшего брата даром целительства. Он вернул здоровье многим, кого даже мейстеры не могли вылечить, — и мужчинам, и женщинам.

— Я не больна, не увечна и не беременна.

— Леди Бриенна — воительница, — поведал септон Мерибальд. — Она ищет Пса.

— Зачем? — оторопел Нарберт.

— Вот за этим. — Бриенна взялась за рукоять Верного Клятве.

— Для женщины вы сложены очень крепко, — признал проктор, — но… отведу-ка я вас к старшему брату. Он должен был видеть, как вы идете через ил. Пожалуйте за мной.

Он повел их по выложенной галькой дорожке через яблоневый сад, к побеленной конюшне с острой крышей из тростника.

— Лошадей оставьте здесь. Брат Гиллем напоит их и накормит.

Конюшня на три четверти пустовала. В одном ее конце стояли с полдюжины мулов, при которых хлопотал кривоногий монашек — брат Гиллем, должно быть. В другом, подальше от остальных животных, содержался огромный вороной жеребец. Услышав голоса, он заржал и ударил копытом в дверь денника.

Сир Хиль, передавая поводья брату Гиллему, окинул коня восхищенным взглядом.

— Экий красавец.

— Семеро вкупе с дарами посылают нам испытания, — вздохнул брат Нарберт. — Улов красив, это так, но рожден он был в аду, не иначе. Когда мы хотели запрячь его в плуг, он лягнул брата Роуни и сломал ему голень. Мы надеялись, что холощеный он станет смирнее, но… Покажи им, брат Гиллем.

Конюх опустил капюшон, открыв копну светлых волос с выбритой на макушке тонзурой и окровавленную повязку на месте одного уха.

— Этот конь откусил вам ухо?! — ахнул Подрик.

Гиллем кивнул и вновь покрыл голову.

— Простите, брат мой, — заметил сир Хиль, — но я бы вам и другое ухо отгрыз, кабы вы подступили ко мне с таким делом.

— Вы рыцарь, сир, — не принял шутки брат Нарберт, — а Улов — рабочий конь. Кузнец дал людям лошадей, чтобы помочь им в трудах. Прошу далее, старший брат наверняка уже ждет вас.

Холм был круче, чем казался с материка. Для облегчения ходьбы братья устроили в нем деревянные лестницы, и Бриенна после долгого дня в седле порадовалась случаю размять ноги.

На пути им повстречались около дюжины братьев — те посматривали с любопытством, но не говорили ни слова. Один вел к покрытому дерном хлеву пару дойных коров, другой крутил маслобойку. Выше трое мальчишек пасли овец, а над ними располагалось кладбище, где копал могилу монах, сложенный еще мощнее Бриенны. По его движениям было видно, что он хром. Каменистая земля, брошенная с его лопаты через плечо, осыпала ноги путникам.

— Эй, осторожнее, — выговорил ему брат Нарберт. — Септон Мерибальд из-за тебя набрал полный рот грязи.

Могильщик склонил голову и почесал за ухом

Собаку, подошедшего обнюхать его.

— Он у нас на послушании, — сказал Нарберт.

— Для кого эта могила? — спросил, продолжая подниматься в гору, сир Хиль.

— Для брата Клемента, да рассудит его Отец по справедливости.

— Он был стар? — спросил Подрик.

— Да, если считать старостью сорок восемь лет, но убили его не годы. Он скончался от ран, полученных в Солеварнях. Повез мед на рынок в тот самый день, как туда налетели разбойники.

— Это сделал Пес? — осведомилась Бриенна.

— Нет, другой, не уступающий Псу жестокостью. Он отрезал бедному Клементу язык, когда тот не стал говорить, — он, мол, тебе ни к чему, раз ты дал обет молчания. Старший брат расскажет вам больше моего. Худшие новости, поступающие извне, он держит про себя, чтобы братию не тревожить. Многие из нас спаслись здесь от ужасов этого мира и не желают ничего о них знать. Брат Клемент не единственный здесь получил увечье, однако глазу не все раны видимы. Там у нас виноградник, — показал направо брат Нарберт. — Ягоды в нем мелкие и терпкие, но вино из них получается неплохое. Мы и эль варим, а наши меды и сидр пользуются заслу-

женной славой.

— Значит, война не дошла до вас? — спросила Бриенна.

— Не эта, хвала Семерым. Молитвой спасаемся.

— И приливом, — добавил Мерибальд, а Собака в знак согласия гавкнул.

Вершину холма венчала невысокая стена из дикого камня, окружавшая мельницу с крыльями-парусами, жилое строение, трапезную и деревянную септу. Храм украшали цветные окна, двери с резными изображениями Отца и Матери, семиугольная колокольня с галерейкой. Позади лежал огород, где братья постарше пололи грядки. Брат Нарберт провел гостей мимо большого каштана к деревянной двери, вделанной прямо в склон.

— Пещера с дверью? — удивился сир Хиль.

— Келья Отшельника, — улыбнулся Мерибальд. — Здесь жил первый святой, отыскавший дорогу на остров. Чудеса, которые он творил, привлекли сюда других братьев. Тому, как говорят, минуло уже две тысячи лет, но дверь приделали позже.

Две тысячи лет назад Келья Отшельника, была, вероятно, сырой темной берлогой с земляным полом и гулко падающей капелью, но нынешняя

пещера встретила путников теплом и уютом. На полу имелись ковры, на стенах — гобелены. Ярко горели высокие восковые свечи. Вся мебель — длинный стол, лежанка, сундук, книжные шкафы, стулья — была сделана из плавучего дерева, хитроумно соединенного вместе и отполированного до золотистого блеска.

Старший брат оказался совсем не таким, как ожидала Бриенна. Прежде всего, он не заслуживал имени старшего: в отличие от согбенных работников, половших траву в огороде, он был высок, держался прямо и двигался бодро, как мужчина в расцвете сил. Вместо целителя, доброго и кроткого, Бриенна видела перед собой человека с большим квадратным черепом, пронзительными глазами и красным, пронизанным жилками носом. Тяжелую челюсть и голову вокруг тонзуры покрывала густая щетина.

Скорее на костолома похож, чем на костоправа, решила Тартская Дева. Старший брат между тем заключил в объятия Мерибальда и погладил Собаку.

— Мы всегда радуемся, когда Мерибальд и Собака оказывают нам честь своим посещением. Новым лицам мы тоже рады — нам так редко доводится видеть их.

Мерибальд представил гостей хозяину. Старшего брата пол Бриенны не смутил, но улыбка его заметно увяла, когда он услышал, для чего она и сир Хиль явились сюда.

— Понимаю, — коротко молвил он. — У вас, должно быть, в горле першит от дорожной пыли — отведайте нашего сидра. — Напиток он разливал сам. Все чаши, тоже выточенные из плавника, чем-нибудь отличались одна от другой. Бриенна похвалила их, и настоятель ответил: — Миледи слишком добра. Мы всего лишь обрабатываем и полируем. Это место благословенно. Прилив здесь борется с речным течением, и к нашему берегу прибивается много удивительных и чудесных вещей. Что там дерево — нам случалось находить серебряные чаши и чугунные котелки, мешки с шерстью и штуки шелка, ржавые шлемы и блестящие мечи… даже рубины.

— Рубины Рейегара? — встрепенулся сир Хиль.

— Возможно — кто знает? Битва произошла за много лиг от нашего острова, но река терпелива и не знает усталости. Мы нашли шесть камней и ждали седьмого.

— Рубины лучше, чем кости. — Мерибальд, сидя на лежанке, счищал грязь со ступни. — Не все

речные дары хороши. Добрые братья подбирают и мертвечину. Утонувших коров, оленей, свиней, раздувшихся с лошадь. И людей тоже.

— Слишком много мертвых в последнее время, — вздохнул старший брат. — Наш могильщик не знает отдыха. Речные жители, пришельцы с запада, северяне, рыцари, простолюдины — всех сносит сюда. Мы хороним бок о бок Старков и Ланнистеров, Блэквудов и Бракенов, Фреев и Дарри. Это долг, который назначила нам река в обмен на свои дары, и мы исполняем его, как можем. Порой она бывает жестока и посылает нам мертвую женщину… или, хуже того, ребенка. Надеюсь, у тебя будет время отпустить нам грехи, — обратился он к Мерибальду. — У нас не стало исповедника с тех пор, как разбойники убили старого септона Беннета.

— Я найду время — надеюсь только, что вы успели нагрешить больше, чем в прошлый раз, — сказал Мерибальд. Собака тявкнул, поддерживая хозяина. — Видишь? Даже Собаке скучно вас слушать.

— Я думал, здесь никому нельзя говорить, — удивился Подрик. — Ну, то есть… другим братьям. Кроме вас.

— Ради исповеди нам дозволяется нарушать

молчание. Трудно рассказывать о своих грехах одними знаками да кивками.

— Септу в Солеварнях тоже не пощадили? — спросил сир Хиль.

— Там сожгли все, кроме замка, — помрачнел старший брат. — Это единственное каменное строение в Солеварнях… а проку от него оказалось как от пряничного. Я лечил кое-кого из переживших набег. Рыбаки, выждав, когда город перестанет гореть, причалили к берегу и перевезли пострадавших через бухту. Одну несчастную женщину изнасиловали дюжину раз, а ее груди… вы носите мужскую кольчугу, миледи, поэтому я не стану щадить вас и расскажу… груди ей отгрызли, словно она подверглась нападению свирепого зверя… Я мало чем мог ей помочь. Умирая, она проклинала не столько насильников, не столько чудовище, истерзавшее ее заживо, сколько сира Квинси Кокса. Когда разбойники вторглись в город, он запер ворота и отсиживался в замке, бросив своих людей на муки и гибель.

— Сир Квинси уже стар, — мягко заметил Мерибальд. — Его сыновья и зятья разъехались или умерли, внуки еще малы, а две дочери живут вместе с ним. Что он мог сделать один против такой напасти?

Он мог бы попытаться, думала Бриенна. Мог бы умереть. Всякий рыцарь, старый или молодой, приносит обет защищать слабых и беззащитных, не щадя своей жизни.

— Мудро сказано, — согласился старший брат. — Когда ты будешь в Солеварнях, сир Квинси, не сомневаюсь, тоже попросит у тебя отпущения. Я рад, что ты здесь и готов его дать. Сам я не нашел в себе сил. — Он отставил деревянную чашу и встал. — Скоро позвонят к ужину. Не хотите ли пойти со мной в септу, друзья, и помолиться за души добрых солеварненских горожан, прежде чем мы сядем за трапезу?

— Охотно, — сказал Мерибальд, а Собака гавкнул.

Ужин в септрии оказался самой странной, хотя и весьма приятной, трапезой в жизни Бриенны. Еду им подавали простую, но очень вкусную: свежевыпеченный хлеб, только что сбитое масло, мед со здешней пасеки, густую похлебку из крабов, мидий и не менее чем трех видов рыбы. Мерибальд и сир Хиль, попробовав сваренную братьями медовуху, объявили ее превосходной, но Бриенна и Подрик пили только сидр. Настроение в трапезной царило далеко не унылое. Когда Мерибальд прочел молитву и все уселись вокруг

четырех длинных столов, один из братьев заиграл на большой арфе сладкую для слуха мелодию. Затем старший брат дал арфисту позволение отдохнуть и поужинать самому, а брат Нарберт и еще один проктор стали попеременно читать Семиконечную Звезду.

За столом служили послушники — в основном мальчики в возрасте Подрика и еще младше, но среди них встречались и взрослые, в том числе здоровенный могильщик, припадавший на одну ногу. После окончания трапезы старший брат попросил Нарберта проводить сира Хиля и Подрика к месту ночлега.

— Вы, надеюсь, не прочь спать вдвоем в одной келье? Она невелика, но вам там будет удобно.

— Я хочу остаться с сиром, — заявил Подрик, — то есть с миледи.

— То, как вы с леди Бриенной устраиваетесь в других местах, дело ваше и Семерых, — возразил брат Нарберт, — но на Тихом острове мужчина и женщина не спят под одной крышей, если они не муж и жена.

— Для женщин, посещающих септрий, будь то знатные дамы или простые крестьянки, у нас имеются особые домики, — добавил старший брат. — Пользуются ими не часто, однако мы

следим, чтобы там было чисто и сухо. Позвольте показать вам дорогу, леди Бриенна.

— Благодарю вас. Ступай с сиром Хилем, Подрик. Мы здесь в гостях и должны соблюдать установленные хозяевами правила.

Домики для женщин, расположенные на восточной стороне острова, смотрели на широкий илистый берег и далекие воды Крабьей бухты. Здесь было холоднее, чем на другом, подветренном, берегу, и пустыннее. Тропа вилась по крутому склону через бурьян, кустарник, камни и колючие кривые деревья. Старший брат шел впереди с фонарем.

— В ясную ночь, — сказал он, остановившись на очередном повороте, — отсюда были видны огни Солеварен.

— Сейчас ничего не видно, — заметила Бриенна, посмотрев на ту сторону бухты.

— Да, из всего города уцелел только замок. Даже те рыбаки, кому посчастливилось выйти на лов во время набега, ушли оттуда. Они видели с моря, как горят их дома, слышали крики жертв. Когда они решились наконец пристать к берегу, им пришлось хоронить родных и друзей. Для них в Солеварнях не осталось ничего, кроме костей и горьких воспоминаний, вот они и перебрались

в Девичий Пруд и в другие места. — Старший брат взмахнул фонарем, и они возобновили свой спуск. — Крупным портом Солеварни никогда не считались, но корабли все же заходили туда. На это разбойники и надеялись — захватить галею или баркас, чтобы уйти за Узкое море. Но в гавани не было кораблей, и они обрушили свою бессильную ярость на жителей города. Могу я спросить, миледи, что вы-то надеетесь там найти?

— Девушку, — сказала Бриенна. — Знатную девицу тринадцати лет, красивую, с золотистыми волосами.

— Санса Старк, — тихо произнес настоятель. — Вы думаете, что Пес взял это бедное дитя в плен?

— Дорниец сказал мне, что она пробиралась в Ривердан. Тимеон. Он был наемником из числа Бравых Ребят, убийцей, насильником и лжецом, но не думаю, что он лгал в этом случае. Он сказал, что Пес похитил ее и увез.

— Понимаю. — Впереди показались домики — очень скромные, как и намекал старший брат. Низенькие, круглые конурки без окон походили на каменные ульи. — Вот сюда. — Старший брат указал на ту, где из отверстия в крыше поднимался дымок. У входа Бриенне пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головой. Внутри на земля-

ном полу лежал соломенный тюфяк с меховыми одеялами. Рядом она увидела таз с водой, кувшин сидра, немного хлеба и сыра. Посреди горел огонь и стояли два низких стула. Старший брат сел на один из них и поставил фонарь. — Могу я ненадолго остаться? Я чувствую, нам надо поговорить.

— Если хотите. — Бриенна бросила пояс с мечом на другой стул и села на тюфяк, поджав ноги.

— Ваш дорниец не солгал, но боюсь, что вы не так его поняли. Вы гонитесь не за тем волчонком, миледи. У Эддарда Старка было две дочери. Сандор Клиган увез другую, младшую.

— Арью?! — изумилась Бриенна. — Вы точно знаете, что сестра леди Сансы жива?

— Тогда была, а теперь… кто знает. Быть может, среди убитых в Солеварнях детей находилась и она.

Бриенне показалось, что у нее в животе повернули нож. Нет. Это было бы уж слишком жестоко.

— Но вы… вы не уверены в этом?

— Я уверен, что девочка была с Сандором в гостинице на перекрестке дорог — в той, которую держала старая Маша Хедль, пока львы ее не повесили. Уверен, что направлялись они в

Солеварни. Но где она теперь и жива ли она, я не знаю. Одно могу вам сказать: человек, за которым вы охотитесь, мертв.

Бриенна пережила еще одну встряску.

— Как он умер?

— От того, чем и жил, — от меча.

— Вы точно знаете?

— Я сам его хоронил. Если хотите, скажу, где его могила. Я завалил его камнями, чтобы уберечь от стервятников, а наверху положил шлем, чтобы отметить место его вечного упокоения. Это я сделал напрасно, ибо шлем очень скоро умыкнул другой человек. Тот, кто убивал и насиловал в Солеварнях, — не Сандор Клиган, хотя опасен он, пожалуй, не меньше Пса. В речных землях полно такого зверья. Не стану называть их волками — волки, как и собаки, благороднее их.

О Сандоре Клигане я мало что знаю. Он долгие годы был телохранителем принца Джоффри, и даже до нас доходили вести о его деяниях — как хороших, так и дурных. Если верить хотя бы половине рассказанного, это была ожесточенная, измученная душа, грешник, насмехавшийся и над богами, и над людьми. Он служил, но не находил гордости в своей службе. Он сражался, но победы не радовали его. Он пил, чтобы утопить

свою боль. Не любил никого и сам не был любим. В жизни им руководила одна лишь ненависть. Он совершил множество грехов, но прощения никогда не искал. Другие мечтают о любви, богатстве и славе, но Сандор Клиган мечтал об одном: об убийстве родного брата. Страшный грех! Одно лишь упоминание о нем заставляет меня содрогаться. Но только он и питал Сандора, поддерживал пламя, горевшее в нем. Только черная надежда увидеть кровь брата на своем мече придавала смысл жизни этого несчастного, злобного человека… и даже эту надежду отнял у него принц Оберин Дорнийский, ранивший сира Григора отравленным копьем.

— Можно подумать, вам его жаль, — сказала Бриенна.

— Так и есть. Вы бы тоже его пожалели, увидев, как окончилась его жизнь. Я нашел его у Трезубца, привлеченный криками, которые он издавал. Он молил меня даровать ему последнюю милость, но я дал обет никогда больше не убивать. Вместо этого я смочил речной водой его пылающий лоб, дал ему вина и положил примочку на рану, но помощь моя запоздала. Пес… Пес умер там, у меня на руках. Вы, должно быть, видели вороного жеребца в нашей конюшне. Это его конь,

Неведомый. Мы переменили это нечестивое имя на Улов, поскольку найден он был у реки. Боюсь, у этого создания нрав его прежнего хозяина.

Как же она не поняла сразу, увидев, как бесится вороной… Боевых коней тому и учат — лягаться и бить копытами. Они такие же воины, как и те, что ездят на них. Каким был покойный Пес.

— Значит, это правда, — уныло сказала Бриенна. — Сандор Клиган мертв.

— Он упокоился с миром. Вы молоды, дочь моя, а мне минуло сорок четыре — стало быть, я чуть ли не вдвое вас старше. Вы, может быть, удивитесь, узнав, что когда-то я был рыцарем…

— Нет, не удивлюсь. Вы больше похожи на рыцаря, чем на святого. — Стоит взглянуть на его плечи и грудь, на эту квадратную челюсть… — Почему же вы отказались от своего рыцарства?

— Я ничего не выбирал. И отец мой, и дед, и братья — все были рыцарями. Как только я достаточно подрос, чтобы держать деревянный меч, меня стали учить военному делу. Я учился прилежно и не посрамил себя, когда вошел в возраст. У меня были женщины, и здесь мне гордиться нечем, ибо некоторых я брал силой. Была и девушка, на которой я хотел жениться, младшая дочь одного мелкого лорда… но, будучи третьим

сыном, я не мог предложить ей ни земель, ни богатства — все мое достояние составляли конь, меч и щит. В целом я тогда являл собой печальное зрелище. Если я не дрался, то пил. История моей жизни написана красным — вином и кровью.

— Что же вас изменило?

— Моя гибель в битве у Трезубца. Я дрался на стороне принца Рейегара, хотя он даже имени моего не знал. Не могу вам сказать, почему так вышло — просто я служил лорду, который служил другому лорду, решившему поддержать дракона, а не оленя. Реши он по-другому, я оказался бы на другой стороне реки. Это была кровавая битва. Слушая певцов, можно подумать, что одни только Роберт и Рейегар сражались прямо в воде из-за женщины, которую будто бы оба любили, — но уверяю вас, что там дрались многие, в том числе и я. Одна стрела пробила мне бедро, другая ступню, конь мой пал подо мной, но я продолжал биться. До сих пор помню, как отчаянно я стремился добыть другого коня — на покупку у меня не было денег, а без коня нет и рыцаря. Только об этом я, по правде сказать, и думал тогда. Удара, свалившего меня, я не видел. Я услышал за спиной топот, подумал «вот и конь», но тут меня огрели по голове, и я полетел в реку, где по всем

правилам должен был утонуть.

Однако очнулся я здесь, на Тихом острове. Старший брат сказал, что прилив вынес меня на берег в чем мать родила. Должно быть, кто-то нашел меня на мелководье, снял с меня доспехи, сапоги, всю одежду и оттащил поглубже. Остальное сделал Трезубец. Все мы приходим на свет нагими, и нужно ли удивляться тому, что именно таким я родился для новой жизни. Следующие десять лет я провел в молчании.

— Понимаю. — Бриенна не знала, зачем он рассказывает ей все это, и не знала толком, что ему отвечать.

— В самом деле? — Он наклонился к ней, положив на колени большие руки. — Если так, откажитесь от своих поисков. Пес умер, а если б и жил, Сансы Старк у него не было никогда. Что до зверя, надевшего на себя его шлем, его скоро найдут и повесят. Война подходит к концу, а в мирное время разбойникам жизни не будет. Рендилл Тарли бьет их из Девичьего Пруда, Уолдер Фрей — из Близнецов, в Дарри появился новый молодой лорд, человек набожный, который наверняка захочет навести порядок на своих землях. Отправляйтесь домой, дочь моя, благо дом у вас есть — ведь не каждый может сказать

о себе то же самое в эти черные дни. Есть и благородный отец, который вас наверняка любит. Подумайте, как он будет горевать, если вы не вернетесь. Возможно, в случае вашей гибели ему доставят ваш щит и меч, а он повесит их у себя в чертоге и будет смотреть на них с гордостью… но если бы вы спросили его, он бы ответил, что живая дочь ему нужнее изрубленного щита.

— Дочь… — Глаза Бриенны наполнились слезами. — Да, он заслужил ее. Заслужил дочь, которая пела бы ему, украшала его чертог, родила ему внуков. Заслужил и сына, сильного, доблестного, который принес бы честь его дому. Но Галладон утонул в восемь лет, когда мне самой было четыре, сестры же, Алисанна и Арианна, умерли еще в колыбели. Я единственная, кого боги ему оставили. Не сын и не дочь — что-то среднее. — Прошлое хлынуло из Бриенны, как черная кровь из раны, — неверные женихи, Рыжий Роннет со своей розой, лорд Ренли, танцующий с ней; ее поставленная на кон невинность; ее горькие слезы в ночь, когда король женился на Маргери Тирелл; турнир у Горького Моста; радужный плащ, которым она так гордилась; тень в королевском шатре; Ренли, умирающий у нее на руках; Ривердан и леди Кейтилин; путешествие вниз

по Трезубцу; поединок с Джейме в лесу; Кровавые Скоморохи, Джейме, кричащий «сапфиры», Джейме в харренхоллской бане, погруженный в горячую воду; вкус крови Варго Хоута, когда она укусила его за ухо; Джейме, прыгающий в медвежью яму; долгий путь в Королевскую Гавань, Санса Старк, клятва, данная Джейме, и клятва, данная леди Кейтилин, Верный Клятве, Синий Дол, Девичий Пруд, Дик-Пройдоха, Раздвоенный Коготь, Тараторки, убитые ею люди… — Я *должна* найти ее, — завершила она свой рассказ. — Много других, кроме меня, ищут ее, чтобы продать королеве. Я должна найти ее раньше их. Я обещала Джейме. Он нарек этот меч Верным Клятве. Я должна спасти ее или умереть.

Серсея

— Тысяча кораблей?! — Каштановые кудри маленькой королевы растрепались, щеки горели, словно она только что покинула чьи-то объятия. — Мы должны ответить на это сокрушительным ударом, ваше величество! — Ее голос, звонко отразившись от стропил, наполнил все пространство тронного зала.

Серсея, сидевшая на своем красном с золотом высоком месте ниже Железного Трона, почувствовала стесненность в горле. «Мы должны», сказала девчонка. *Смеет мне указывать. Ух, как хочется закатить этой Тирелл пощечину. Ей бы в ноги мне пасть и молить о помощи, а она учит свою королеву, что та должна делать.*

— Тысяча кораблей? — отдуваясь, повторил сир Харис Свифт. — Быть не может. Ни у одного лорда нет тысячи кораблей.

— Кто-то так перепугался, что умножил их на два, — согласился Ортон Мерривезер. — Или же знаменосцы лорда Тирелла намеренно раздувают численность вражеских сил, чтобы мы не сочли их трусами.

При свете факелов на задней стене длинная зубчатая тень Железного Трона падала до самых дверей. Дальний конец зала тонул в темноте, и Серсее казалось, что вокруг нее тоже смыкается тьма. Враги повсюду, а от друзей никакого проку. Стоит только посмотреть на ее советников. Бодрый вид только у лорда Квиберна и Аурина Уотерса — остальных, растерянных и помятых, подняли с постелей посыльные Маргери. За окнами темная, тихая ночь. Замок и город спят, Борос Блаунт и Меррин Трант дремлют стоя, даже Осмунд Кеттлблэк зевает. А вот нашему Рыцарю Цветов не до сна — торчит рядом со своей сестрицей, как бледная тень, с длинным мечом на бедре.

— Даже разделив тысячу на два, мы получим пятьсот, милорд, — заметил Уотерс Ортону Мерривезеру. — Только у Бора достаточно сил, чтобы сразиться с таким большим флотом.

— А что же ваши новые корабли? — спросил сир Харис. — Ладьи Железных Людей против них уж верно не устоят? «Молот короля Роберта» — самый мощный боевой корабль во всем Вестеросе.

— Был самым мощным, — поправил Уотерс. — «Прекрасная Серсея», будучи достроенной, не уступит ему, а «Лорд Тайвин» будет вдвое больше

их обоих. Но из нового пополнения оснащена только половина, и ни одна команда не набрана полностью. И даже при полной готовности мы бы сильно проигрывали врагу. Ладья по сравнению с нашими галеями невелика, это правда, но у Железных Людей есть не только ладьи. «Великий кракен» лорда Бейлона и корабли Железного Флота строились для боя, а не для набегов. В скорости и силе они не уступят нашим мелким галеям, а люди и капитаны на них, как правило, лучше наших. Железные Люди проводят в море всю свою жизнь.

Роберту следовало покончить с островами раз и навсегда после восстания Бейлона Грейджоя, думала Серсея. Да, он разбил их флот, сжег города и разрушил замки, но после позволил им снова подняться с колен. Надо было сложить еще один остров из их черепов. Ее отец поступил бы именно так, но Роберту никогда не хватало духу сделать то, что необходимо для сохранения мира в стране.

— Железные Люди не отваживались нападать на Простор со времен правления Дагона Грейджоя, — сказала она. — Отчего же теперь они вдруг так осмелели?

— У них теперь новый король. — Квиберн встал,

пряча руки в рукавах мантии. — Брат лорда Бейлона по прозванию Вороний Глаз.

— Вороны клюют только падаль и умирающих животных, — подал голос великий мейстер. — На здоровых они никогда не садятся. Лорд Эурон захватил много золота, но как только мы выступим против него, он убежит на Пайк, как в свое время лорд Дагон.

— Ошибаетесь, — сказала Маргери Тирелл. — Морские разбойники не могут обладать такой силой. Подумать только, тысяча кораблей! Лорд Хьюэтт и лорд Честер убиты, сын и наследник лорда Серри — тоже. Сам Серри бежал в Хайгарден с немногими оставшимися у него кораблями, лорд Грим — пленник в собственном замке. Уиллас извещает, что железный король посадил вместо них своих лордов.

Уиллас, вот кто во всем виноват. Этот олух Мейс Тирелл доверил оборону Простора беспомощному калеке.

— От Железных островов до Щитовых долгий путь, — указала Серсея. — Как могла тысяча кораблей преодолеть его незамеченной?

— Уиллас полагает, что они пошли не вдоль берега, а напрямик, — объяснила Маргери. — Углубились в Закатное море, а потом нагрянули

с запада.

Скорее уж твой калека не поставил стражу на башнях и теперь боится, как бы мы не узнали об этом. Маленькая королева попросту выгораживает старшего брата. У Серсеи пересохло во рту — она сейчас охотно бы выпила чашу борского золотого. Если островитяне и Бор возьмут, жажда вскоре одолеет все государство.

— Возможно, и Станнис приложил к этому руку. Бейлон Грейджой предлагал союз моему лорду-отцу — его брат мог предложить то же самое Станнису.

— Какую пользу извлек бы лорд Станнис… — нахмурился Пицель.

— Он получил бы еще один оплот — и добычу. Он нуждается в золоте, чтобы расплачиваться со своими наемниками. Набегом на западный берег он надеется отвлечь нас от Драконьего Камня и Штормового Предела.

— Обходной маневр, — кивнул Мерривезер. — Станнис хитрее, чем мы полагаем. Ваше величество очень мудро разгадали его уловку.

— Лорд Станнис тщится привлечь к себе северян, — возразил Пицель. — В случае союза с Железными островами надежда на это…

— Северяне его не примут, — сказала Серсея.

Как может столь ученый муж быть таким глупым? — Лорд Мандерли, как нам известно от Фреев, отрубил голову и обе руки Луковому Рыцарю, а еще полдюжины северных лордов сплотились вокруг Русе Болтона. Враг моего врага — мой друг, говорит пословица. К кому же еще Станнису обратиться, как не к Железным Людям и одичалым, природным врагам Севера? Но если он думает, что я попадусь в эту его ловушку, то он еще больший глупец, нежели вы. Щитовые острова принадлежат Простору, — заявила она маленькой королеве. — Грим, Серри и прочие присягнули Хайгардену. Пусть Хайгарден на это и отвечает.

— Хайгарден ответит, — заверила Маргери. — Уиллас уже предупредил Лейтона Хайтауэра в Староместе, чтобы тот держался настороже. А Гарлан собирает людей, намереваясь отвоевать острова. Но главная часть наших сил остается при моем лорде-отце. Надо послать ему весть в Штормовой Предел — тотчас же.

— И снять с замка осаду? — *Тотчас же! За кого она меня принимает — за свою горничную*? — Не сомневаюсь, что лорду Станнису это будет приятно. Вы не слышали, о чем здесь говорилось, миледи? Если мы отвернемся от Штормового

Предела и Драконьего Камня и обратим взор на эти жалкие островки…

— Жалкие островки? — ахнула Маргери. Рыцарь Цветов положил руку ей на плечо.

— С этих островков, если позволит ваше величество, Железные Люди могут грозить Староместу и Бору. Могут подняться вверх по Мандеру в самое сердце Простора, как они делали в старину. С достаточным числом бойцов они даже для Хайгардена будут угрозой.

— Неужели? — с полнейшей невинностью произнесла королева. — В таком случае пусть ваши храбрые братья сгонят их с этих камней, и как можно скорее.

— Как ваше величество предлагает им это сделать без нужного количества кораблей? — спросил сир Лорас. — Уиллас и Гарлан способны собрать десять тысяч человек за две недели и вдвое больше за месяц, но по воде они ходить не умеют.

— Хайгарден стоит на Мандере, — напомнила ему Серсея. — Вы и ваши вассалы распоряжаетесь тысячью лиг побережья. Разве на ваших берегах не живут рыбаки? Разве нет у вас увеселительных барок, паромов, речных галей, челноков?

— Есть, и много, — признал сир Лорас.

— Полагаю, их будет более чем достаточно для переправы войска через небольшую полоску воды.

— Но что ваше величество прикажет нам делать, когда железные ладьи обрушатся на наш разномастный флот при переходе через эту «полоску воды»?

Утонуть, мысленно сказала Серсея, а вслух ответила:

— В Хайгардене есть и золото. Разрешаю вам прибегнуть к помощи наемников из-за Узкого моря.

— То есть к лисским и мирийским пиратам? — с презрением молвил Лорас. — К отребью Вольных Городов?

Наглости у него не меньше, чем у сестрицы.

— Всем нам, как ни печально, время от времени приходится иметь дело с отребьем, — ядовито-сладким голосом сказала Серсея. — Или вы можете предложить нечто лучшее?

— Только у Бора достанет галей, чтобы отвоевать назад устье Мандера и обеспечить моим братьям прикрытие во время переправы на Щиты. Я прошу ваше величество послать письмо на Драконий Камень и приказать лорду Редвину без промедления поднять паруса.

Этот по крайней мере достаточно умен, чтобы просить, а не требовать. У Пакстера Редвина двести боевых кораблей и впятеро больше торговых и китобойных. Но Редвин сейчас стоит под стенами Драконьего Камня, и большая часть его флота занята перевозом через Черноводный залив солдат для штурма островной крепости. Оставшиеся суда перекрывают на юге залив Губительные Валы, чтобы помешать Штормовому Пределу получить подкрепление с моря.

Аурин Уотерс взбеленился, услышав предложение Лораса.

— Если лорд Редвин уведет свои корабли, как мы будем доставлять припасы своим людям на Драконьем Камне? Как будем продолжать осаду Штормового Предела?

— Осаду можно возобновить после того, как…

— Штормовой Предел в сто раз важнее Щитовых островов, — перебила Серсея, — а Драконий Камень, пока он остается в руках Станниса Баратеона, — это нож, направленный в горло моего сына. Мы отзовем флот лорда Редвина, когда падет замок, не раньше. — Королева поднялась на ноги. — Совет окончен. Ваше слово, великий мейстер.

Старик вздрогнул, словно ее голос пробудил

его от сладких снов, но прежде чем он успел что-то вымолвить, Лорас так стремительно вышел вперед, что Серсея испуганно отшатнулась. Она хотела уже позвать на помощь сира Осмунда, но Рыцарь Цветов упал перед ней на одно колено.

— Позвольте мне взять Драконий Камень, ваше величество.

Его сестра поднесла руку ко рту.

— Лорас, не надо.

— Чтобы уморить осажденных голодом, как намерен сделать лорд Пакстер, — не слушая ее, продолжал Лорас, — уйдет полгода, если не больше. Прикажите, ваше величество, и замок будет вашим через пару недель, хотя бы мне пришлось срыть его до основания собственными руками.

Никто еще не делал Серсее такого подарка с тех пор, как Санса Старк прибежала поделиться с ней планами лорда Эддарда. А Маргери-то как побледнела — смотреть приятно.

— От вашей отваги просто дух захватывает, сир Лорас. Лорд Уотерс, готовы ли хоть какие-нибудь новые корабли к спуску на воду?

— «Прекрасная Серсея», ваше величество. Быстроходная и сильная, как королева, в честь которой ее назвали.

— Великолепно. Пусть же она без промедления

доставит Рыцаря Цветов на Драконий Камень. Командуйте, сир Лорас, и поклянитесь не возвращаться, пока крепость не перейдет к Томмену.

— Клянусь, — сказал он и встал.

Серсея поцеловала его в обе щеки и Маргери тоже расцеловала, шепнув ей: «Ваш брат — образец рыцарства». Маргери не ответила — то ли по недостатку находчивости, то ли от страха. Когда Серсея вышла через королевскую дверь за Железным Троном, до рассвета все еще оставалось долго. Сир Осмунд освещал ей дорогу факелом, Квиберн шел рядом с ней, Пицель поспешал следом.

— Молодые люди, с позволения вашего величества, чересчур дерзостны, — пропыхтел он. — Они грезят о славе, забывая об опасности. Штурмовать стены Драконьего Камня…

— Отважный замысел.

— Да, безусловно, но…

— Не сомневаюсь, наш Рыцарь Цветов будет первым, кому это удастся. — Возможно, он и погибнет первым. Рябой бастард, на которого Станнис оставил свой замок, — не юный победитель турниров, а закаленный в боях душегуб. По милости богов, он дарует сиру Лорасу доблестную кончину, к которой тот так стремится. Если

юноша не потонет еще в пути. Прошлой ночью снова был шторм, очень сильный. Дождь хлестал черными полотнищами много часов подряд. Грустно, не правда ли? Такая заурядная смерть. Сир Лорас жаждет славы, как настоящий мужчина желает женщину, — боги по меньшей мере могли бы послать ему гибель, достойную песен.

Впрочем, что бы ни приключилось с мальчиком на Драконьем Камне, королева все равно останется в выигрыше. Если он возьмет замок, Станнис получит страшный удар, а флот Редвина выйдет на битву с Железными Людьми. Если потерпит поражение, она уж позаботится, чтобы львиная доля вины легла на него. Ничто так не пятнает героя, как неудача. Если же он вернется домой на щите, покрытый кровью и славой, его убитая горем сестра останется без защиты, и Осни мигом предложит ее утешить.

Она не могла больше сдерживать смех, и он слетел с ее губ.

— Ваше величество! — заморгал Пицель. — Отчего вы смеетесь?

— Чтобы не заплакать, — отговорилась она. — Мое сердце разрывается от любви к отважному сиру Лорасу.

Великого мейстера она покинула на внешней

лестнице. Пользы от него больше никакой, если она и была когда-то. В последнее время он только и делает, что предостерегает или перечит. Даже ее соглашению с верховным септоном он воспротивился — так и выкатил на нее свои слезящиеся глаза, когда она велела ему подготовить нужные документы, и стал бубнить что-то из древней истории, пока она его не оборвала. «Времена короля Мейегора прошли, и декреты его устарели, — твердо сказала она. — Теперь у нас время короля Томмена и мое». Напрасно она тогда вытащила его из темницы — пусть бы и сгнил там.

— В случае гибели сира Лораса вашему величеству придется подыскивать другого рыцаря Королевской Гвардии, — заметил лорд Квиберн на мосту через сухой ров.

— Да. Блестящего рыцаря, — согласилась она. — Молодого и наделенного всеми совершенствами, который заставил бы Томмена забыть сира Лораса. Толика благородства тоже не помешает, но глупые мысли мне ни к чему. Есть у вас такой на примете?

— Увы. Я имел в виду несколько другого защитника. Недостаток благородства он десятикратно возместит своей преданностью. Он будет оберегать вашего сына, убивать ваших врагов, хранить

ваши секреты, и никто из живых не сможет ему противостоять.

— Сказать можно все что угодно. Когда придет время, я посмотрю на это ваше диво и решу, отвечает ли он вашим хвалебным речам.

— О нем еще будут слагать песни, могу поклясться, — с веселым огоньком в глазах посулил Квиберн. — Могу я спросить ваше величество о доспехах?

— Я передала ваш заказ оружейнику, и он решил, что я не в своем уме. Уверяет, что в такой тяжелой броне никто не способен сражаться. — Серсея смерила отставного мейстера взглядом. — Если вздумаешь выставить меня дурой, умрешь мучительной смертью. Ты понял меня?

— Как нельзя лучше, ваше величество.

— Вот и хорошо. Больше об этом говорить не будем.

— Мудрое решение, ваше величество. У здешних стен есть уши.

— И весьма чуткие. — Даже в своих покоях Серсея порой слышала за стенами какие-то шорохи, особенно ночью, но говорила себе, что это всего лишь мыши.

У изголовья ее кровати горела свеча, но очаг погас, и в комнате было холодно. Скинув платье

на пол, Серсея скользнула под одеяло.

— Ваше величество, — сонно пробормотала Таэна. — Который час?

— Час совы, — ответила королева. Серсея не любила спать в одиночестве. Она и Джейме спали вместе с самых первых своих дней, когда еще никто не умел различать их. Позже, когда их разлучили, у нее сменилось много служанок и компаньонок — большей частью это были ее ровесницы, дочери отцовских домашних рыцарей и знаменосцев. Ни одна из них ей не нравилась, и редкая задерживалась надолго. Плаксы и ябеды, они постоянно старались втиснуться между ней и Джейме. Случались, однако, ночи в темных недрах Утеса, когда она радовалась чьему-то живому теплу рядом с собой. Одинокая постель холодна.

Особенно здесь, в этой вечно студеной комнате, на том самом ложе, где умер ее злополучный муж. Роберт Баратеон Первый, да не пошлют нам боги второго. Тупой, пьяный скот. Пусть льет свои слезы в аду. Таэна греет постель не хуже, чем он, и при этом не пытается взять королеву силой. Последнее время она спит с Серсеей чаще, чем с лордом Мерривезером. Ортон как будто не против… а если и против, то благоразумно помалкивает.

— Я забеспокоилась, когда проснулась и увидела, что вас нет. — Таэна села и прислонилась к подушкам. — Случилось что-то?

— Все хорошо, — сказала Серсея. — Завтра сир Лорас отплывет на Драконий Камень, чтобы взять замок, освободить флот Редвина и доказать нам всем, какой он храбрый мужчина. — Она рассказала мирийке обо всем, что произошло в сумраке тронного зала. — Без своего братца маленькая королева останется, можно сказать, голой. У нее, конечно, есть стража, но я видела их капитана — болтливый старичок с белочкой на камзоле. Белки боятся львов. Вряд ли такой осмелится перечить Железному Трону.

— Ее защищает не только он, — предостерегла леди Мерривезер. — У Маргери и ее кузин много друзей при дворе, много поклонников.

— Поклонники меня не смущают, а вот армия у Штормового Предела…

— Что вы намерены делать, ваше величество?

— Почему вы спрашиваете? — Серсее не понравился этот вопрос, чересчур прямой. — Я надеюсь, вы не делитесь моими праздными мыслями с нашей маленькой королевой?

— Помилуйте, ваше величество, ведь я не Сенелла.

Серсея не любила вспоминать о Сенелле, отплатившей ей предательством за доброту. Так же с ней поступила и Санса Старк. И Мелара Гетерспун с толстой Жанеей Фармен, ее так называемые подруги детства. Серсея ни за что не пошла бы в тот шатер, если бы не они. Ни за что не позволила бы Магги-Жабе прочесть свою судьбу в капле крови.

— Мне было бы очень грустно, Таэна, если бы вы обманули мое доверие. Мне поневоле пришлось бы отдать вас лорду Квиберну и проливать потом горькие слезы.

— Я никогда и ничем не огорчу ваше величество. Если такое случится, скажите лишь слово, и я сама отдам себя в руки Квиберна. Я хочу одного: служить вам, быть рядом, исполнять все, чего вы ни пожелаете.

— Какой же награды вы ожидаете от меня за свою службу?

— Никакой. Мне приятно делать приятное вам. — Таэна свернулась калачиком. Пламя свечи золотило ее смуглую кожу. Грудь у нее была полнее, чем у королевы. Упругость этих грудей с огромными черными сосками доказывала, что Таэна моложе Серсеи. Любопытно, каково это, когда целуешь другую женщину? Не просто в щеку, как принято между знатными дамами, а

по-настоящему, в губы. У Таэны они такие полные, чувственные. Каково было бы взять ее сосок в рот, уложить ее на спину, раздвинуть ей ноги и использовать ее по-мужски, как пользовался Роберт ею самой, когда он был пьян и не желал довольствоваться ее рукой или ртом?

Это было хуже всего — лежать под ним, пока он получал свое удовольствие, дыша на нее вином и хрюкая, точно кабан. После он обыкновенно сваливался с нее и начинал храпеть, не успевало еще его семя обсохнуть на ее ляжках, а у нее саднила промежность и болели груди, намятые им. Он сумел возбудить ее один только раз, в их первую ночь.

Роберт был тогда довольно красив, силен и могуч, но все тело его покрывали жесткие черные волосы. *Не ты должен был вернуться с Трезубца*, говорила себе Серсея. В первые годы их брака, когда он докучал ей особенно часто, она закрывала глаза и представляла Рейегара на его месте. Джейме вместо него она не могла представить: муж был совсем другой, нисколько на него не похожий, даже пахло от него иначе.

Для Роберта этих ночей как будто и не было. Утром он ничего не помнил — или притворялся перед ней, что не помнит. Однажды, на первом

году, она пожаловалась ему наутро, что он сделал ей больно, и у него хватило совести устыдиться. «Это не я, миледи, — сказал он, надувшись, словно ребенок, пойманный на краже пирожков с яблоками. — Это вино. Слишком много я выпил». И потянулся за рогом, чтобы запить свое признание элем. Тогда она схватила собственный рог и двинула его в лицо так, что откололся кусочек зуба. Много позже она услышала на пиру, как он рассказывает прислужнице, будто зуб ему повредили в турнирной схватке. Что ж, их брак и был сплошной схваткой, в этом он не солгал.

Ложью было все остальное. Он прекрасно помнил, что делает с ней по ночам, — она это видела по его глазам. Притворяться для него было проще, чем повиниться. В душе Роберт Баратеон был трусом. С годами его атаки, правда, становились все реже. Сначала он брал ее не меньше двух раз в месяц, потом — едва ли раз в год. Но окончательно это никогда не прекращалось. Рано или поздно он напивался и приходил, чтобы осуществить свои супружеские права. То, чего он стыдился днем, ночью доставляло ему удовольствие.

— Как странно вы смотрите, моя королева, — заволновалась Таэна. — Здоровы ли вы?

— Так… вспомнилось кое-что, — с пересохшим

горлом сказала Серсея. — Ты хорошая подруга, Таэна. У меня такой не было вот уже…

Ее прервал сильный стук в дверь.

Опять? Королева вздрогнула от неожиданности. Еще одна тысяча кораблей? Накинув халат, она подошла к двери.

— Извините за беспокойство, ваше величество, — сказал часовой, — но леди Стокворт просит вашей аудиенции.

— В такой час? — возмутилась Серсея. — В своем ли Фалиса уме? Скажи ей, что я уже сплю. Скажи, что Щиты захватил враг и я из-за этого полночи глаз не смыкала. Я приму ее завтра.

— Виноват, ваше величество, — замялся гвардеец, — только она… как бы это сказать… не в лучшем виде.

Серсея нахмурилась — она предполагала, что Фалиса явилась сообщить ей о смерти Бронна.

— Хорошо, я сейчас оденусь. Проведи ее в мою горницу. — Леди Мерривезер хотела пойти с ней, но Серсея остановила ее. — Лежи. Пусть хотя бы одна из нас выспится. Я ненадолго.

Леди Фалиса предстала перед ней вся в синяках, с опухшим лицом, разбитой губой и красными от плача глазами, в грязной и рваной одежде.

— Боги праведные, — изумилась Серсея, за-

крывая дверь горницы, — что такое с вами стряслось?

— Он убил его, — дрожащими губами выговорила Фалиса. — Да помилует нас Матерь, он… — И она разрыдалась, содрогаясь всем телом.

Серсея подала ей чашу вина.

— Выпейте, это вас успокоит. Вот так. Еще немного. А теперь перестаньте плакать и расскажите, зачем приехали.

Пришлось опустошить весь штоф, прежде чем леди Фалиса завершила свою печальную повесть. Серсея не знала, смеяться ей или дать волю ярости.

— Поединок, — повторила она. Есть ли в Семи Королевствах хоть один человек, на которого можно положиться? Неужто у нее одной есть разум? — Вы говорите, что сир Бальман вызвал Бронна на поединок?!

— Он сказал, что это будет н-нетрудно. Копье — оружие рыцаря, а Бронн рыцарь лишь по названию. Бальман сказал, что выбьет его из седла и прикончит, п-пока тот будет лежать без чувств.

Бронн не рыцарь, это верно. Он солдат и закоренелый убийца. Твой болван-муж сам подписал себе смертный приговор.

— Превосходный план. Можно спросить, каким образом он провалился?

— Бронн пронзил копьем б-бедного Бальманова коня. Прямо в грудь. Конь придавил Бальмана и переломал ему ноги. Бальман так ужасно кричал…

Наемникам неведома жалость.

— Я просила вас устроить несчастный случай во время охоты. Шальная стрела, падение с лошади, разъяренный вепрь… мало ли как охотник может погибнуть в лесу. Копья не предусматривались.

— Я бросилась к мужу, — продолжала Фалиса, как будто не слыша ее, — а он… он ударил меня по лицу. И заставил милорда с-сознаться. Бальман кричал и звал мейстера Френкена, а этот наемник…

— Сознаться? — Серсее не понравилось это слово. — Надеюсь, наш храбрый сир Бальман не сказал ничего лишнего?

— Бронн ударил его кинжалом прямо в глаз, а мне велел убираться из Стокворта до захода солнца, не то, мол, и со мной то же самое будет. Сказал, что отдаст меня г-гарнизону, если они меня захотят. Я приказала схватить Бронна, но один из его рыцарей имел наглость сказать, что мне следует исполнить приказ лорда Стокворта. Он назвал

его лордом Стоквортом! — Фалиса схватила Серсею за руку. — Дайте мне сотню рыцарей, ваше величество. И арбалетчиков, чтобы отобрать у него мой замок. Стокворт мой! Мне даже вещи не дали собрать. Бронн сказал, что мои платья из шелка и б-бархата теперь будет носить его жена.

Тряпки — последнее, о чем тебе следует беспокоиться. Королева освободила руку из цепких пальцев Фалисы.

— Я просила вас задуть свечку, чтобы укрепить безопасность нашего короля, а вы опрокинули на свечу горшок с диким огнем. Ваш безмозглый Бальман и меня приплел к этому делу? Говорите же.

— Он… он очень страдал из-за сломанных ног, — облизнула губы Фалиса. — Бронн сказал, что окажет ему милосердие… и что теперь будет с моей бедной м-матушкой?

Судя по всему, жить ей осталось недолго.

— А вы как думаете? — Возможно, леди Танда уже мертва. Бронн не тот человек, чтобы нянчиться с прикованной к постели старухой.

— Вы должны мне помочь. Я не знаю, куда мне деваться, что делать.

Выходи за Лунатика, хотелось сказать Серсее. *Он почти такой же дурак, как твой покойник. Не*

заводить же войну у самых ворот Королевской Гавани — не то сейчас время.

— Молчаливые Сестры охотно берут к себе вдов. Жизнь у них мирная, посвященная молитвам, размышлениям и добрым делам. Они приносят утешение живым и покой умершим. — И разговаривать им запрещается. Недоставало еще, чтобы эта женщина разнесла свои россказни по всем Семи Королевствам.

Но Фалиса осталась глуха к голосу разума.

— Мы делали все, чтобы услужить вашему величеству. «Горды своей верностью». Вы сказали…

— Да, я помню. — Серсея заставила себя улыбнуться. — Вы останетесь с нами, миледи, пока мы не найдем способа вернуть вам замок. Позвольте предложить вам еще чашу вина. Оно поможет вам уснуть — вы валитесь с ног от горя и изнеможения. Выпейте, дорогая моя бедняжка Фалиса.

Обеспечив вдове занятие, Серсея кликнула служанок. Доркас она послала за лордом Квиберном, Джаселину — на кухню.

— Принеси нам хлеба и сыра, мясной пирог, яблоки. И вина. У нас сильная жажда.

Квиберн прибыл раньше съестного. Леди Фалиса, успев выпить три чаши вдобавок к прежним, клевала носом, но порой еще всхлипывала. Сер-

сея отвела Квиберна в сторону и рассказала ему о сумасбродном поступке Бальмана.

— Нельзя допустить, чтобы Фалиса болтала об этом в городе. От горя она совсем ополоумела. Нужны ли вам еще женщины для вашей… работы?

— Нужны, ваше величество. Кукольниц я использовал до конца.

— Тогда берите ее и делайте с ней, что хотите. Но если она отправится в ваши темницы… вы меня понимаете?

— Прекрасно понимаю, ваше величество.

— Тем лучше. — Королева снова вооружилась улыбкой. — Пришел мейстер Квиберн, дорогая Фалиса. Он поможет вам успокоиться.

— Это хорошо, — пробормотала вдова.

Проводив их за дверь, Серсея налила себе снова.

— Меня окружают одни враги да тупицы, — промолвила она вслух. Даже родным нельзя довериться, даже Джейме, который был когда-то ее второй половиной. Он предназначен быть ее щитом и мечом, ее правой рукой. Почему же он вместо этого выводит ее из себя?

Бронн всего лишь мелочь, хотя и досадная. Она никогда не верила по-настоящему, что он укрыва-

ет Беса. Братец слишком умен, чтобы позволить Лоллис назвать ее выродка своим именем, зная, что это навлечет на нее гнев королевы. Леди Мерривезер рассудила верно, указав Серсее на это. Наемник скорее всего выдумал свою шуточку сам. Серсея представляла себе, как он с наглой ухмылкой и чашей в руке смотрит на своего пасынка, сосущего здоровенную тыкву Лоллис. *Смейся, пока можешь, сир Бронн, — скоро будешь вопить от боли. Наслаждайся своей полоумной леди и краденым замком. Когда придет время, я прихлопну тебя, как муху. Не послать ли на это дело Лораса Тирелла, если он, паче чаяния, вернется живым с Драконьего Камня? Будет просто чудесно, если они прикончат один другого, как сир Аррик и сир Эррик. Что до Стокворт…* нет, не желает она больше думать о Стокворт.

Когда королева вернулась в спальню, Таэна уже спала. Голова у Серсеи кружилась. Это все от вина и недосыпания, сказала она себе. Не каждую ночь к ней приходят со столь дурными вестями. Она хотя бы проснулась, а Роберт спьяну ни за что бы не встал, что уж там говорить о каких-то решениях. Все пришлось бы решать Джону Аррену. Серсее было приятно думать, что с государственными делами она справляется лучше Роберта.

За окном уже начинался рассвет. Серсея присела на кровать рядом с Таэной, глядя, как вздымается от дыхания ее грудь. Что ей снится — Мир? Или ее любовник со шрамом, смуглый и опасный, не признающий отказа? Но уж точно не лорд Ортон. Серсея легонько взяла одну ее грудь в ладонь, ощутив тепло и атласную гладкость кожи. Потом слегка сжала руку, провела большим пальцем по крупной вишне соска — опять и опять, пока темная ягода не сделалась твердой. Ее взгляд встретился с открытыми глазами Таэны.

— Тебе приятно?

— Да, — ответила леди Мерривезер.

— А так? — Пальцы Серсеи сдавили и выкрутили сосок.

— Больно, — вскрикнула Таэна.

— Это все вино. Я выпила штоф за ужином и еще один с вдовой Стокворт. Пришлось пить, чтобы она успокоилась. — Она скрутила другой Таэнин сосок. — Я королева и намерена воспользоваться своими правами.

— Как вам будет угодно. — Волосы у Таэны черные, как у Роберта, но на лобке они влажные, а у Роберта всегда были жесткими и сухими. — Прошу вас, продолжайте, моя королева. Делайте со мной, что хотите. Я ваша.

Нет, не то. Она не чувствовала того, что должен был чувствовать Роберт, когда брал ее. Для нее это удовольствие заказано. Таэна — дело иное. Соски у нее превратились в два черных алмаза, из лона сочится влага. *Роберт охотно бы с тобой позабавился.* Серсея просунула в мирийский колодец палец, за ним другой, поводила ими туда-сюда. *Но потом, справив свою нужду, он не вспомнил бы, как тебя зовут.*

Серсее хотелось знать, обойдется ли у нее с женщиной так же легко, как всегда обходилось с Робертом. *Десять тысяч ваших детей нашли смерть у меня в руке, ваше величество.* Она погрузила третий палец в глубины Мира. *Пока ты храпел, я слизывала твоих сыновей с лица и пальцев одного за другим, всех твоих бледных липких принцев. Ты пользовался своими правами, а я в темноте поедала твоих наследников.* Таэна, содрогнувшись, выдохнула какие-то слова на чужом языке, выгнулась дугой, закричала. Можно подумать, что ее живьем режут. Серсея представила, что ее пальцы, как кабаньи клыки, вспарывают мирийку от паха до горла.

Но это по-прежнему было не то.

У нее никогда ничего не получалось ни с кем, кроме Джейме.

Она хотела убрать руку, но Таэна поймала ее и стала целовать пальцы.

— Милая королева, что я могу сделать для вас? — Она дотронулась до лона Серсеи. — Скажите, чего вам хочется, любовь моя.

— Оставь меня. — Серсея легла на бок и укрылась простыней, вся дрожа. *Уже рассвет*, думалось ей, *а утром я все забуду*.

Этого не было, вот и все.

Джейме

Медный рев труб ворвался в синие сумерки, и Джосмин Пекльдон тут же вскочил, нашаривая пояс своего господина.

Молодец парень, чутко спит.

— Разбойники не возвещают о себе трубами, — сказал ему Джейме. — Меч мне пока не понадобится. Это, должно быть, мой кузен, Хранитель Запада.

Выйдя из шатра, он увидел всадников: с полдюжины рыцарей, двадцать конных стрелков и столько же латников.

— Джейме! — взревел косматый человек в золоченой кольчуге и лисьем плаще. — Тощий совсем и весь в белом! Да еще и бороду отпустил!

— Это всего лишь щетина по сравнению с твоим лесом, кузен. — Жесткая борода и колючие усы сира Давена перерастали в густейшие бакенбарды, а те сливались с желтой гривой на голове, примятой только что снятым шлемом. Где-то посередине помещались вздернутый нос и пара живых ореховых глаз.

— Я поклялся не стричь волос, пока не ото-

мщу за отца. — Для мужчины со столь львиной внешностью это звучало довольно глупо. — Но Молодой Волк добрался до Карстарка первым и отнял у меня мою месть. — Он отдал шлем оруженосцу и расправил волосы пальцами. — Оно и к лучшему. Ночи теперь холодные, а с ними тепло. Притом тетя Дженна всегда говорила, что у меня вместо подбородка кирпич. — Он стиснул Джейме за плечи. — Мы боялись за тебя после Шепчущего леса. Говорили, будто лютоволк Старка разорвал тебе горло.

— Ты по мне плакал, кузен?

— Половина Ланниспорта надела траур. Женская половина. — Взгляд сира Давена упал на покалеченную руку Джейме. — Стало быть, это правда. Ублюдки лишили тебя правой руки.

— У меня теперь есть новая, золотая. У однорукого свои преимущества. Я меньше пью, опасаясь пролить вино, и реже порываюсь почесать себе задницу в благородном обществе.

— Это верно. Может, и мне свою отрубить? — засмеялся Давен. — Кто это сделал — Кейтилин Старк?

— Нет. Варго Хоут. — И откуда только эти басни берутся?

— Квохорец? — плюнул сир Давен. — Тьфу на

него и на его Бравых Ребят. Я предлагал в фуражиры себя, но твой отец отказал. У львов другие задачи, сказал он, а фуражировка — дело козлов и собак.

Да, это наверняка собственные слова лорда Тайвина — Джейме прямо-таки слышал отцовский голос.

— Заходи, кузен. Надо поговорить.

Гаррет разжег жаровни, и в шатре было тепло от раскаленных углей. Сир Давен бросил свой плащ Малышу Лью.

— Ты из Пайперов, мальчуган? Видно по твоему росту.

— Так точно, милорд. Льюис Пайпер.

— Я как-то раз отколошматил твоего брата в турнирной схватке. Я спросил, не его ли сестра пляшет голая у него на щите, а он, дурачок, обиделся.

— Это эмблема нашего дома. Сестры у нас нет.

— Жаль. Красивые титьки у вашей эмблемы. Но разве пристало мужчине прятаться за дамой, да еще обнаженной? Саданешь, бывало, по щиту твоего брата и думаешь: какой же ты после этого рыцарь?

— Ну хватит, — засмеялся Джейме. — Оставь его. — Пиа подогревала для них вино, помешивая

в котелке ложкой. — Я хотел бы знать, что меня ждет под Риверраном.

— Осада затягивается, — пожал плечами его кузен. — Черная Рыба сидит в замке, мы в лагере. Скука смертная, по правде сказать. — Сир Давен сел на походную табуретку. — Хорошо бы Талли сделал вылазку — это бы нам напомнило, что мы все-таки на войне. И кое-кого из Фреев заодно уложил бы. Для начала Римана, который пьет беспробудно. И Эдвина тоже. Этот будет поумнее отца, но злость из него брызжет, как гной из чирья. А наш сир Эммон… нет, лорд Эммон, да не допустят меня боги забыть о его новом титуле… наш лорд Риверрана только и делает, что учит меня, как вести осаду. Хочет, чтобы я взял замок, не причинив его собственности никакого ущерба.

— Вино еще не согрелось? — спросил Джейме у Пиа.

— Оно готово, милорд, — прикрыв рот, ответила девушка. Пек подал им кубки на золотом блюде. Сир Давен снял перчатки и взял свой. — Спасибо, парень, а ты из каких будешь?

— Меня зовут Джосмин Пекльдон, милорд.

— Пек у нас герой Черноводной, — пояснил Джейме. — Убил двоих рыцарей и взял в плен еще двух.

— Да ты, похоже, опасней, чем кажешься с виду, парень. Это у тебя борода или ты не умывался давно? У жены Станниса Баратеона усы и то гуще. Сколько тебе годов-то?

— Пятнадцать, сир.

— Знаешь, что хорошо в героях, Джейме? — фыркнул сир Давен. — Они все умирают молодыми, а нам, грешным, больше женщин из-за этого достается. — Он вернул кубок оруженосцу. — Наполни его опять, и я признаю, что ты герой. Очень пить хочется.

Джейме взял свой кубок в левую руку и сделал глоток. Вино приятно согрело грудь.

— Ты говорил о Фреях, которым желаешь смерти. Риман, Эдвин, Эммон…

— Прибавь еще Уолдера Риверса. Этот бесится оттого, что родился бастардом, и ненавидит всех рожденных в законном браке. А вот сир Первин парень неплохой, пусть живет. Против их женщин тоже ничего не имею. Меня, как я слышал, хотят женить на одной из них. Твой отец, кстати, мог бы и моего мнения спросить об этом предмете. Мой перед Окскроссом вел переговоры с Пакстером Редвином, ты не знал? У лорда есть дочка с хорошим приданым…

— Десмера? — засмеялся Джейме. — Тебе нра-

вятся конопатые?

— Если выбирать между Фреями и веснушками… Половина потомства лорда Уолдера — вылитые хорьки.

— Только половина? Скажи спасибо. Я видел молодую жену Ланселя в Дарри.

— Боги милостивые. Ами-открой-ворота. Не могу поверить, что Лансель выбрал именно эту. Что на него нашло?

— На него снизошла благодать, но невесту не он выбирал. Мать леди Амареи — урожденная Дарри. Наш дядя решил, что такая жена поможет Ланселю поладить со своими крестьянами.

— Еще как поможет, если будет ложиться со всеми подряд. Знаешь, почему ее прозвали Ами-открой-ворота? Она поднимает свою решетку для каждого заезжего рыцаря. Пусть Лансель себе заказывает рогатый шлем.

— Нет нужды. Наш кузен едет в Королевскую Гавань, чтобы вступить в рыцарский орден верховного септона.

Если бы Джейме сказал, что Лансель нанялся к скоморохам вместо обезьяны, Давен и то бы сильнее не удивился.

— Быть не может. Ты шутишь. Видно, Ами совсем уж страшный хорек, раз довела парня до

такой крайности.

Леди Амарея, расставаясь с Джейме, плакала над своим несостоявшимся браком, а Лайл Кракехолл ее утешал. Джейме, впрочем, тревожили не столько слезы покинутой Ами, сколько суровые лица ее родни.

— Надеюсь, ты не намерен принести обет целомудрия по его примеру, кузен, — сказал он Давену. — Фреи очень щепетильны в том, что касается брачных союзов. Не хотелось бы разочаровывать их еще раз.

— Я женюсь на своем хорьке по всем правилам, можешь не опасаться, — фыркнул сир Давен. — Я помню, что произошло с Роббом Старком. Лучше, однако, выбрать ту, что еще не расцвела, — над другими, если верить рассказам Эдвина, уже потрудился Черный Уолдер. Бьюсь об заклад, он и Ами имел не раз. Этим можно объяснить и внезапное благочестие Ланселя, и настроение, в котором пребывает его отец.

— Ты виделся с сиром Киваном?

— Да, он проезжал здесь, держа путь на запад. Я просил его помочь нам взять Ривердан, но Киван и слушать не захотел. Он был мрачнее тучи и держал себя учтиво, но холодно. Я уверял его, что не просил делать меня Хранителем Запада, что

эта честь по праву принадлежала ему. Он заявил, что не таит на меня обиды, но по его тону этого не было видно. Пробыл у нас три дня, но едва ли парой слов со мной перемолвился. Жаль, что он не остался, мне бы пригодился его совет. Да и Фреи не осмелились бы докучать ему так, как мне докучают.

— Поделись своими горестями со мной.

— Не знаю, с чего и начать. Пока я строил тараны и осадные башни, Риман Фрей воздвиг виселицу. Каждое утро он приводит туда Эдмара Талли, накидывает ему петлю на шею и грозится повесить его, если замок не сдастся. Черная Рыба не обращает на эту комедию никакого внимания, поэтому вечером лорда Эдмара снова уводят. Ты знаешь, что его жена ждет ребенка?

Джейме не знал.

— Эдмар с ней переспал после Красной Свадьбы?

— В то самое время, когда эта свадьба шла. Рослин красотка, от хорька в ней нет почти ничего. И влюблена в Эдмара, как ни странно. Первин говорит, она молится, чтобы у нее девочка родилась.

Джейме поразмыслил.

— Если родится сын, лорд Уолдер перестанет

нуждаться в Эдмаре.

— Вот-вот. Наш дядюшка Эммон… извини, лорд Эммон… хочет, чтобы Эдмара вздернули прямо сейчас. Присутствие бывшего лорда расстраивает его не меньше, чем предстоящее рождение еще одного Талли. Он ежедневно требует, чтобы я *заставил* Римана повесить мужа своей кузины — а как я это сделаю, ему дела нет. Лорд Гавен Вестерлинг между тем дергает меня за другой рукав. Черная Рыба держит в замке его леди-жену и трех сопливых щенят. Его милость боится, что Талли убьет их, если Фреи повесят Эдмара. Одна из детей — вдова Молодого Волка.

Жиенну Вестерлинг Джейме, кажется, видел когда-то, но не помнил ее в лицо. Должно быть, она настоящая красавица, если юноша ради нее пожертвовал королевством.

— Не станет сир Бринден убивать детей, — заверил он своего кузена. — Не настолько он черен. — Он начинал понимать, почему Ривердан до сих пор не пал. — Расскажи мне о занимаемых вами позициях.

— Мы окружили замок плотным кольцом. Сир Риман со своими людьми стоит к северу от Камнегонки, сир Эммон с сиром Форли Престером и остатками твоего прежнего войска — к югу от

Красного Зубца. При нем состоят также речные лорды, перешедшие к нам после Красной Свадьбы. Эти большей частью сидят в своих шатрах, мрачные как сычи, и толку от них чуть. Мой собственный лагерь располагается в междуречье, перед рвом и главными воротами Риверрана. Мы навели плавучий мост через Красный Зубец ниже замка. Манфред Йо и Рейнард Раттигер стерегут его, так что на лодке из Риверрана уплыть нельзя. Кроме того, они ловят рыбу сетями — это помогает нам прокормиться.

— Возможно ли взять замок измором?

Сир Давен покачал головой.

— Черная Рыба избавился от всех лишних ртов и выгреб дочиста всю округу. С его запасами и люди, и лошади могут вполне продержаться еще два года.

— А насколько обеспечены мы?

— Пока в реках есть рыба, с голоду мы не умрем, а вот чем лошадей кормить, я не знаю. Фреи получают корм и провизию из Близнецов, но сир Риман клянется, что поделиться с нами у него нет никакой возможности, и нам приходится промышлять самим. Половина тех, кого я послал на фуражировку, не вернулась назад. Одни дезертировали, других мы снимаем с деревьев, где они

вызревают с веревкой на шее.

— Мы тоже нашли нескольких позавчера. — Трупы с почерневшими лицами, обнаруженные разведчиками, висели на дикой яблоне. Их разделили догола и каждому засунули в рот по яблоку. Ран ни на ком не было — они, по всей видимости, сдались без боя. Могучий Вепрь разъярился, увидев это, и поклялся жестоко отомстить тем, кто вешает воинов, как поросят.

— Разбойники, должно быть, — сказал сир Давен, выслушав Джейме, — а может, и нет. Тут все еще бродят северные отряды. А лорды Трезубца хоть и склонили колено, но сердца у них, полагаю, так и остались… волчьими.

Двое младших оруженосцев Джейме усиленно хлопотали у жаровен, делая вид, что не слушают. И Льюис Пайпер, и Гаррет Пэг — сыновья речных лордов. Джейме привязался к обоим и очень не хотел бы отдавать их сиру Илину.

— Веревки наводят меня на мысль о Дондаррионе.

— Твой лорд-молния не единственный, кто умеет сделать петлю на конце веревки. Даже и говорить о нем не хочу. Лорд Берик там, лорд Берик тут, лорд Берик повсюду, а когда посылаешь за ним людей, он испаряется, словно утренняя

роса. Речные лорды помогают ему, можешь не сомневаться. Помогают выходцу с Марок! Сегодня ты слышишь, что он убит, а завтра оказывается, что убить его невозможно. Мои разведчики докладывают, что ночью на всех высотах горят костры — сигнальные, как они думают. Как будто за нами следит множество глаз. Костры зажигают и в деревнях. Какой-то новоявленный бог…

Бог как раз древний.

— При Дондаррионе состоит Торос, толстый мирийский жрец, собутыльник Роберта. — Золотая рука Джейме лежала на столе, отражая угли, светящиеся в жаровнях. — С Дондаррионом мы тоже разделаемся, если нужда заставит, но первый на очереди — Черная Рыба. Он должен понимать, что дело его проиграно. Ты не пробовал вызвать его на переговоры?

— Сир Риман пробовал. Подъехал к воротам вполпьяна и ну грозиться. Черная Рыба появился на стене и сказал, что с дурными людьми ему говорить не о чем, а потом пустил стрелу в зад коню Римана. Коняга и скинул Фрея в грязь. Я так гоготал, что едва не обмочился. Доведись мне оказаться на месте Бриндена, я выстрелил бы прямо в лживое Фреево горло.

— Надо будет надеть латный воротник, ко-

гда пойду говорить с ним, — слегка улыбнулся Джейме. — Я намерен предложить ему выгодные условия. — Если он закончит эту осаду без кровопролития, никто не сможет сказать, что он поднял оружие против дома Талли.

— Попытайся, милорд, но не думаю, что слова помогут нам победить. Замок придется брать штурмом.

В свое время, не так уж давно, Джейме принял бы именно такое решение. Не сидеть же у замка два года, дожидаясь, когда Черная Рыба сдастся.

— Что бы мы ни предприняли, действовать надо быстро, — сказал он Давену. — Мое место в Королевской Гавани, рядом с королем.

— Да, конечно. Я понимаю, как ты нужен своей сестре. Зачем она отослала Кивана? Я думал, она назначит его десницей.

— Он не пожелал занять этот пост. — *Киван был не так слеп, как я*.

— Хранителем Запада должен был стать тоже он. Или ты. Я, конечно, благодарен за оказанную мне честь, но дядя вдвое старше меня и намного опытнее. Надеюсь, он знает, что я не просил об этом.

— Знает, знает.

— Что Серсея, все так же прекрасна?

— Сияет, как золото. — Фальшивое золото. Ночью она приснилась ему в постели с Лунатиком. Он убил дурака, а ей выбил зубы своей золотой рукой, как Григор Клиган — бедняжке Пиа. Золотая рука во всех его снах работала не хуже другой. — Чем скорей мы покончим с Риверраном, тем скорей я вернусь к Серсее. — Джейме не знал, как поступит на самом деле.

Он говорил с кузеном еще около часа. Когда Хранитель Запада наконец удалился, Джейме пристегнул золотую руку, надел бурый плащ и вышел пройтись по лагерю.

Такая жизнь, по правде сказать, ему нравилась. С солдатами он чувствовал себя намного свободнее, чем при дворе, и они с ним себя чувствовали столь же свободно. Трое арбалетчиков у костра предложили угостить его зайцем, которого поймали в силок. У другого костра молодой рыцарь спросил, как лучше всего защищаться от боевого молота. В воде у речного берега две прачки, подвыпившие и полуголые, со смехом хлестали друг дружку свернутыми плащами, сидя на плечах у мужчин. Еще полдюжины латников подбадривали их криками. Джейме поставил медную звездочку на беленькую, оседлавшую Раффа-Красавчика, и проиграл: обе воительницы

плюхнулись в тростники.

За рекой слышался волчий вой, ивы шептались на сильном ветру. Илин Пейн сидел в одиночестве у шатра и точил свой меч.

— Пошли, — сказал Джейме, и безмолвный рыцарь встал, искривив губы в улыбке. *Ему это в радость*, подумал Джейме. *Он получает удовольствие, унижая меня каждую ночь, а убить меня было бы, наверно, еще приятней.* Джейме хотелось бы верить, что он делает успехи, но улучшение происходило медленно и стоило ему дорого. Все его тело под сталью, шерстью и вареной кожей покрывали порезы, струпья и синяки.

Часовой окликнул их, когда они с лошадьми в поводу вышли из лагеря. Джейме хлопнул его по плечу золотой рукой.

— Не теряй бдительности и дальше. Вокруг бродят волки. — Они проехали вдоль Красного Зубца до развалин сожженной деревни, мимо которой уже проходили днем. Там, среди закопченных камней и остывшего пепла, они начали свой полночный танец, и Джейме вскоре понял, что перевес на его стороне. Быть может, былое мастерство и впрямь к нему возвращается? Быть может, на этот раз Пейн ляжет спать весь в синяках?

Сир Илин, точно подслушав эти отрадные мысли, лениво отразил последний удар Джейме, перешел в контратаку и загнал противника в реку. Джейме поскользнулся на илистом дне и упал на колени, выронив меч. Пейн приставил свой ему к горлу. Рябины на лице сира Илина при луне зияли, как кратеры. Издав свой клокочущий смех, он вложил острие Джейме между губами и лишь тогда убрал клинок в ножны.

Лучше б я вызвал на бой Раффа-Красавчика, посадив девку на плечи, подумал Джейме, стряхивая грязь с золотой руки. Сорвать бы эту безделушку да зашвырнуть в реку. Ни на что она не годится, да и левая немногим лучше нее. Сир Илин ушел к лошадям, предоставив ему выбираться из воды самому. Хорошо хоть ног у него по-прежнему две.

Последний день похода выдался холодным. Ветер раскачивал голый лес и гнул тростник на Красном Зубце. Джейме, ехавший рядом с Давеном, чувствовал укусы этого ветра даже сквозь зимние шерстяные одежды Королевской Гвардии. Ближе к вечеру показался Ривердан, стоящий на узком мысу на месте впадения Камнегонки в Красный Зубец. Замок Талли походил на большой каменный корабль с носом, на-

правленным вниз по течению. Сложенные из песчаника стены в золотисто-красных лучах заката показались Джейме толще и выше, чем ему запомнилось. Этот орешек разгрызть не так просто, угрюмо подумал он. Если Черная Рыба не захочет договориться, придется нарушить клятву, данную Кейтилин Старк. Клятва, которую он принес своему королю, важнее.

Понтон через реку и три больших лагеря осадной армии располагались именно так, как рассказывал Давен. В лагере сира Римана Фрея к северу от Камнегонки, самом большом, порядка наблюдалось меньше всего. Над ним торчала виселица вышиной с требушет. На помосте стояла одинокая фигура с петлей на шее. Эдмар Талли. Джейме ощутил укол жалости. Заставлять его стоять вот так день за днем… уж лучше отрубить ему голову и покончить с этим.

За виселицей раскинулись как попало костры и палатки. Фреи и их рыцари благоразумно поставили свои шатры выше отхожих канав: ниже стояли земляные лачуги и обозные телеги.

— Сир Риман, чтобы его ребята не заскучали, снабжает их бабами, устраивает для них петушиные и кабаньи бои, — сказал сир Давен. — Даже певца завел, провалиться мне. Наша тетушка, ты

не поверишь, привезла этого Белозубого Уота из Ланниспорта, так что Риману поневоле пришлось взять и его. Не запрудить ли нам реку, чтобы их всех затопило, кузен?

Джейме видел лучников на зубчатых стенах замка. Над ними реяли знамена дома Талли — серебряная форель на поле из синих и красных волн. Самую высокую башню, однако, венчал другой стяг — длинный белый штандарт с лютоволком Старков.

— В первый раз я увидел Ривердан зеленым оруженосцем, — сказал Джейме кузену. — Старый Самнер Кракехолл послал меня сюда с письмом, которое не желал доверять ворону. Лорд Хостер продержал меня тут две недели, обмозговывая ответ, и за столом я всегда сидел рядом с его дочкой Лизой.

— Неудивительно, что ты надел белое. Я бы сделал то же самое на твоем месте.

— Ну, Лиза была не так уж дурна. — Сказать по правде, даже совсем недурна: хрупкая, с ямочками на щеках, с длинными золотисто-рыжими волосами. Но застенчивая. То молчала, то вдруг принималась хихикать. Серсеиного огня в ней не было и следа. Кейтилин, ее старшая сестра, казалась более интересной, однако ее уже просватали

за молодого северянина, наследника Винтерфелла. Впрочем, в те годы ни одна девушка не интересовала Джейме так, как знаменитый брат лорда Хостера, который прославился, сражаясь на Ступенях с Девятигрошовыми Королями. Во время трапезы Джейме, даже не глядя на бедняжку Лизу, приставал к Бриндену Талли, упрашивая его рассказать про Мейелиса-Чудище и Эбенового Принца. *Сир Бринден тогда был моложе, чем я теперь*, прикинул Джейме, *а я был моложе Пека*.

Ближайший брод находился чуть ниже замка. Чтобы попасть в ставку сира Давена, им пришлось проехать через лагерь Эммона Фрея, мимо шатров речных лордов, которые преклонили колено и были прощены королем. Джейме видел знамена Лайчестеров и Венсов, Рутов и Гудбруков, желуди Смолвуда, плясунью Пайпера… и думал о тех знаменах, которых здесь не было. Отсутствовали серебряный орел Маллистеров, красный конь Бракенов, сова Мертенов, переплетенные змеи Пэгов. Все они возобновили свою присягу Железному Трону, но участвовать в осаде не пожелали. Бракены, правда, сейчас сражаются с Блэквудами, а вот остальные…

Хороши новые друзья. Их преданность кончается там, где речь заходит о собственной шкуре.

Ривердан должен быть взят, и скоро. Чем дольше затягивается осада, тем больше соблазна для непокорных вроде Титоса Блэквуда.

У брода сир Кеннос из Кайса протрубил в рог Геррока — это должно было выманить Черную Рыбу на стену. Сир Хьюго и сир Дермот переправились первыми, расплескивая мутно-красную воду, — один с белым штандартом Королевской Гвардии, другой со львом и оленем Томмена. Остальное войско последовало за ними.

В ланнистерском стане стучали деревянные молотки, возводя новую осадную башню. Две другие стояли уже готовые, покрытые сырыми лошадиными шкурами. Между ними помещался таран на колесах — древесный ствол с обожженной на огне верхушкой, подвешенный на цепях под деревянным навесом. Давен, как видно, времени зря не терял.

— Милорд, где будем ставить шатер? — спросил Пек.

— Здесь, вот на этом пригорке. — Джейме указал нужное место золотой рукой, не слишком приспособленной для такой цели. — Обозы вон там, лошадей туда. Нужду будем справлять в канавах, которые любезно выкопал для нас мой кузен. Позаботьтесь, чтобы границы лагеря были

надежно защищены, сир Аддам. — Джейме не ждал нападения, но повторения Шепчущего леса тоже не желал.

— Не созвать ли хорьков на военный совет? — спросил сир Давен.

— Подождем до моего разговора с Черной Рыбой. — Джейме поманил к себе Безбородого Джона Битли. — Вытряси пыль из мирного знамени, а потом ступай к замку и передай сиру Бриндену Талли, что завтра на рассвете я хочу говорить с ним. Мы встретимся на подъемном мосту.

— Лучники, милорд… — встревожился Пек.

— Ничего. — Джейме спешился. — Поставьте шатер и установите мои знамена. — *Посмотрим, кто и как скоро прибежит ко мне на поклон*, добавил он про себя.

Долго ждать ему не пришлось. Шатер поставили, и Пиа с помощью Пека раздувала жаровни. Последнее время Джейме, засыпая, частенько слышал, как они совокупляются в уголке. Когда Гаррет расстегивал ему поножи, полотнище у входа откинули, и голос его тетушки прогремел:

— Ну вот и ты наконец. — Из-за плеча заполнившей весь проем дамы выглядывал ее супруг Фрей. — Давно пора. Не хочешь ли обнять свою старую толстую тетку? — Она раскрыла Джейме

объятия, и у него не осталось иного выбора.

Дженна Ланнистер даже в молодости угрожала выплеснуться за пределы своего лифа. Теперь ее фигура, помимо широкого гладкого лица, полной розовой шеи и необъятной груди, приобрела квадратные очертания. Из нее можно было выкроить двух таких, как ее муж. Джейме все ждал, когда она ущипнет его за ухо — она делала это с тех пор, как он себя помнил. Сегодня, однако, она воздержалась и заменила щипок двумя смачными поцелуями.

— Сожалею о постигшем тебя несчастье.

— Мне сделали новую, золотую. — Он показал тетке руку.

— Как красиво. А золотого отца тебе, часом, не сделали? — резко осведомилась она. — Я подразумевала Тайвина, говоря о несчастье.

— Такой, как Тайвин Ланнистер, рождается лишь раз в тысячу лет, — провозгласил ее муж Эммон Фрей, тщедушный человечек, постоянно нервно жестикулирующий. Даже в кольчуге он вряд ли весил больше десяти стоунов. Выпирающий кадык делал еще заметнее отсутствие подбородка. Он начал лысеть, когда ему и тридцати не исполнилось, — теперь, в шестьдесят, у него сохранилось лишь несколько белых прядок.

— До нас доходят всевозможные нелепые слухи, — сказала леди Дженна, когда Джейме отпустил Пиа с оруженосцами. — Не знаешь, чему и верить. Неужто правда, что Тайвина убил Тирион? Или это клевета, которую распустила твоя сестрица?

— Нет, это правда. — Тяжесть золотой руки начинала раздражать Джейме, и он дергал за ремешки, пытаясь ее отстегнуть.

— Чтобы сын поднял руку на отца… — промолвил сир Эммон. — Чудовищно. Вестерос переживает поистине черные времена. Теперь, когда лорда Тайвина больше нет, я опасаюсь за наши судьбы.

— Ты опасался и тогда, когда он еще был с нами. — Походный табурет, на который уселась Дженна, угрожающе затрещал под ней. — Расскажи, как погиб наш сын Клеос, племянник.

Джейме отстегнул последнюю пряжку и снял руку.

— На нас напали разбойники. Сир Клеос разогнал их, но это стоило ему жизни. — Он лгал без запинки, зная, что родителям Клеоса приятно будет это услышать.

— Он был храбрым, наш мальчик, я всегда это говорил. Мужество у него было в крови. — На

губах сира Эммона выступила розовая пена — он любил жевать кислолист.

— Его следовало бы похоронить под Утесом, в Чертоге Героев, — заметила леди Дженна. — Где он обрел покой?

Нигде. Кровавые Скоморохи раздели труп догола и бросили воронью на поживу.

— Где-то у ручья, — солгал Джейме. — Когда война кончится, я отыщу его и отправлю домой. — Чем-чем, а костями в такое время разжиться нетрудно.

— Уж эта война… — Сир Эммон откашлялся, подвигав вверх-вниз кадыком. — Ты, должно быть, уже видел осадные машины — башни, требушеты, тараны. Мне это не по душе, Джейме. Давен хочет взломать мои ворота, пробить мои стены. Поговаривает даже о том, чтобы поджечь мой замок. — Он достал из рукава свернутый в трубку пергамент и сунул Джейме под нос. — Вот указ, подписанный королем Томменом, и печать приложена со львом и оленем. Я законный лорд Риверрана и не желаю, чтобы он превратился в дымящиеся руины.

— Убери ты свою писульку, — рявкнула на него супруга. — Пока Черная Рыба сидит в Ривеpране, она только на подтирку годится. — Леди Дженна

провела в доме Фреев пятьдесят лет, но от Ланнистеров в ней сохранилось немало. — Джейме добудет тебе этот замок.

— Разумеется. Вы увидите, что ваш лорд-отец недаром верил в меня, сир Джейме. С моими новыми вассалами я намерен быть твердым, но справедливым. Блэквуд, Бракен, Ясон Маллистер, Венсы и Пайпер — все они вскоре убедятся, что нашли правосудного сюзерена в Эммоне Фрее. И мой отец тоже. Он лорд переправы, я — лорд Риверрана. Сын обязан повиноваться отцу, но долг знаменосца — повиноваться своему сюзерену.

Боги праведные.

— Вы не его сюзерен, сир. Прочтите внимательно ваш пергамент. Вам пожалован Ривeрран с его землями и доходами, но не более. Верховный лорд Трезубца — Петир Бейлиш, и Ривeрран тоже ему подчиняется.

Сиру Эммону это не понравилось.

— Харренхолл — развалина, проклятая и населенная призраками. И какой из счетовода Бейлиша лорд? Его происхождение…

— Если жалованная грамота вас не устраивает, поезжайте в Королевскую Гавань и обсудите это с моей дражайшей сестрой. — Джейме не сомневался, что Серсея скушает Эммона с потрохами

и пустит его кости на зубочистки. Если, конечно, соизволит отвлечься от любовных трудов с Осмундом Кеттлблэком.

— Нет нужды беспокоить ее величество таким вздором, — фыркнула леди Дженна. — Не хочешь ли выйти подышать воздухом, Эм?

— Воздухом?

— Или отлить, скажем. Нам с племянником надо поговорить о семейных делах.

— Да, конечно, — покраснел сир Эммон. — Вечер теплый… Я подожду вас, миледи. Сир… — Новый лорд свернул свою грамоту, поклонился Джейме и вышел.

Трудно было не испытывать презрения к Эммону Фрею. Он явился в Бобровый Утес на четырнадцатом году, чтобы жениться на львице вдвое моложе себя. Тирион говаривал, что Тайвин на свадьбу подарил Эммону несварение желудка. Дженна тоже этому способствовала. Джейме не раз видел, как на пирах сир Эммон мрачно ковырялся в своей тарелке, а его жена между тем вольно шутила с тем или иным домашним рыцарем, сидевшим от нее слева, и их разговор перемежался раскатами смеха. Впрочем, она родила Фрею четырех сыновей. Никто в Бобровом Утесе не смел сомневаться, что все они от него, а

сир Эммон и подавно не смел.

— Мой лорд и господин, — закатила глаза его леди-жена, как только он удалился. — О чем только твой отец думал, отдавая ему Ривердан?

— О ваших сыновьях, полагаю.

— Я тоже о них думаю. Из Эма лорд никудышный. Тай, возможно, будет лучше, если ему хватит ума учиться у меня, а не у отца. — Леди Дженна оглядела шатер. — Есть у тебя вино?

Джейме нашел штоф и налил ей, орудуя левой рукой.

— Зачем вы здесь, миледи? Оставались бы в Утесе, пока не кончатся боевые действия.

— Как только Эм услышал, что он теперь лорд, он тут же помчался предъявлять права на свои владения. — Леди Дженна выпила и вытерла рот рукавом. — Лучше бы твой отец нам пожаловал Дарри. Клеос, как ты помнишь, был женат на одной из дочерей пахаря. Теперь неутешная вдова бесится оттого, что ее сыновьям не достались земли ее лорда-отца. Ами-открой-ворота Дарри только по матери. Моя невестка Джейна ей приходится теткой, а леди Марийе родной сестрой.

— Младшей сестрой, — напомнил ей Джейме, — а Тай станет наследником Риверрана. Это трофей покрупнее Дарри.

— Трофей с подвохом. Из мужчин дома Дарри не осталось в живых никого в отличие от дома Талли. Риман, этот тупица, каждый день накидывает петлю на шею Эдмару, но вешать его и не думает. А у Рослин Фрей в животе растет рыбка. Мои внуки не будут чувствовать себя уверенно в Ривеpране, пока кто-то из наследников Талли жив.

Джейме понимал, что она права.

— Если у Рослин родится девочка…

— Ее можно будет выдать за Тая с согласия старого лорда Уолдера. Да, я тоже об этом думала. Но не менее вероятно, что будет мальчик, и его отросточек бросит тень на все наше будущее. Да и сир Бринден, если переживет осаду, может предъявить на Ривеpран права от своего имени… или от имени юного Роберта Аррена.

Малютку Роберта Джейме помнил по Королевской Гавани — в четыре года тот все еще сосал материнскую грудь.

— Аррен не доживет до того, чтобы дать потомство. И зачем лорду Орлиного Гнезда Ривеpран?

— Зачем человеку, у которого есть горшок золота, нужен еще один? Людям свойственна алчность. Надо было Тайвину отдать Ривеpран Кивану, а Дарри — нам. Я бы сказала ему об этом,

если бы он соизволил спросить меня, но когда твой отец слушал кого-нибудь, кроме Кивана? — Леди Дженна тяжко вздохнула. — Заметь, я не упрекаю Кивана за то, что для родного сына он выбрал более безопасный замок. Я слишком хорошо его знаю.

— Желания Кивана и желания Ланселя, похоже, расходятся. — Джейме рассказал тетке о решении Ланселя отречься о лордства, жены и земель, чтобы стать воином святой веры. — Если вы все еще хотите получить Дарри, напишите Серсее и изложите ваши резоны.

— Нет, эта лошадка уже ушла со двора, — отмахнулась чашей леди Дженна. — Эм забрал в свою дурную голову, что будет править речными землями. А Лансель… думаю, мы должны были предугадать это заранее. В конце концов, жизнь, посвященная вере, не так уж отличается от той, что посвящена королю. Но Киван, боюсь, будет в ярости. Как Тайвин, когда тебе вздумалось надеть белое. У Кивана по крайней мере остался еще наследник, Мартин. Можно женить его на Ами-открой-ворота вместо Ланселя. Да помогут нам Семеро. Кстати, о Семерых — с чего вдруг Серсея позволила Септе снова вооружиться?

— Уверен, что причины у нее были, — пожал

плечами Джейме.

— Причины? — Леди Дженна издала неприличный звук. — Хорошо, если они окажутся вескими. Мечи и Звезды даже Таргариенам не давали покоя. Сам Завоеватель старался не настраивать их против себя. А когда Эйегон умер и лорды подняли восстание против его сыновей, оба ордена принимали в нем самое деятельное участие. Их поддерживали наиболее благочестивые лорды и многие простолюдины. Мейегору стоило большого труда разделаться с ними. Он платил золотого дракона за голову каждого нераскаянного Сына Воина и серебряного оленя за голову Честного Бедняка, насколько я помню уроки истории. Их убивали тысячами, но тысячи оставшихся продолжали смутьянничать. Это продолжалось, пока Железный Трон не убил Мейегора — тогда Джейехерис объявил помилование всем, кто сложит оружие.

— Я из истории мало что помню, — признался Джейме.

— Как и твоя сестра. — Леди Дженна опять приложилась к чаше. — Это правда, что Тайвин улыбался на смертном ложе?

— Он гнил, вот губы у него и разъехались.

— Только-то? — Дженну как будто опечалило

это. — Говорят, что Тайвин не знал, что такое улыбка, но это не так. Он улыбался, когда женился на твоей матери и когда Эйерис сделал его десницей. Улыбался, когда замок Тарбеков рухнул на голову этой злокозненной суке леди Эллин, — так по крайней мере уверял меня Тиг. И когда ты родился, Джейме, — это я видела своими глазами. Ты и Серсея, розовенькие, без единого недостатка, точно две горошинки из одного стручка… лишь с одной небольшой разницей. Ну и легкие у тебя были!

— Услышь наш рев, — усмехнулся Джейме. — Расскажите еще, что отец любил посмеяться.

— Нет. Смеху Тайвин не доверял. Слишком многие на его памяти смеялись над твоим дедом. Эта комедия, именуемая осадой, его бы уж точно не позабавила, — нахмурилась леди Дженна. — Как ты намерен закончить ее теперь, когда прибыл на место?

— Я вызвал Черную Рыбу на переговоры.

— Ничего у тебя не выйдет.

— Предложу ему сдаться на хороших условиях.

— Условия подразумевают доверие. Фреи перебили гостей под собственным кровом, а ты… не хочу тебя обидеть, мой милый, но ты все-таки убил короля, которого клялся защищать.

— И Черную Рыбу убью, если он не сдастся. — Джейме сказал это резче, чем намеревался, но сейчас он меньше всего хотел, чтобы ему тыкали в нос Эйериса Таргариена.

— Чем это, языком? — презрительно молвила тетка. — Я, конечно, тучная старуха, но мозги в голове у меня есть. Есть они и у Черной Рыбы. Пустыми угрозами его не проймешь.

— А вы бы что посоветовали?

Она приподняла свои пышные плечи.

— Эм хочет отрубить Эдмару голову — и возможно, что в кои-то веки он прав. Сир Риман со своей виселицей сделал из нас посмешище. Надо показать сиру Бриндену, что твои угрозы не пустой звук.

— Смерть Эдмара может сделать Бриндена еще более неуступчивым.

— Чего-чего, а упрямства Черной Рыбе всегда было не занимать. Хостер Талли сказал бы тебе то же самое. Впрочем, я никогда не брала на себя смелость учить тебя, как вести войну. Я свое место знаю в отличие от твоей сестры. Правда ли, что она сожгла Красный Замок?

— Только Башню Десницы.

Тетушка возвела глаза к потолку.

— Лучше бы она оставила башню в целости и

сожгла самого десницу, Хариса Свифта. Если кто и заслуживает своего герба, так это сир Харис. И Джайлс Росби, да помогут нам Семеро! Я думала, он давно уже умер. Мерривезер… его деда твой отец прозвал Смехунчиком. По словам Тайвина, он только и умел, что усмехаться остротам короля Эйериса — так и доусмехался до изгнания, насколько я помню. Серсея, слыхать, и бастарда ввела в совет, а какого-то проходимца — в Королевскую Гвардию. Она вооружила святош, а браавосийцы, сколько их ни есть в Вестеросе, требуют возвращения ссуд. Ничего бы этого не случилось, если бы она, следуя простому здравому смыслу, сделала десницей своего дядю.

— Сир Киван отклонил ее предложение.

— Да, он тоже так говорит — не говорит только почему. Он о многом умалчивает. — Леди Дженна скривилась. — Киван всегда делал все, о чем бы его ни просили. Уклоняться от своего долга — это на него не похоже. Что-то здесь не так, носом чую.

— Мне он сказал, что устал. — *Он знает*, сказала Серсея, когда они оба стояли над телом отца. *Он знает про нас с тобой.*

— Устал? — Тетка поджала губы. — Что ж, он имеет на это право. Тяжело прожить всю свою

жизнь в тени Тайвина. Всем моим братьям это далось тяжело. Тень от Тайвина падала длинная, черная, а им так хотелось немного солнца. Тигетт пытался жить сам по себе, но с твоим отцом никогда сровняться не мог, и с годами это все больше ожесточало его. Герион все шутил — проще смеяться над чьей-то чужой игрой, чем вступить в нее и проиграть. А вот Киван рано смекнул, как обстоит дело, и занял место рядом с твоим отцом.

— А ты? — спросил Джейме.

— Эта игра не предназначалась для девочек. Для отца я была маленькой принцессой, зеницей ока… и для Тайвина тоже, пока не разочаровала его. Мой брат так и не научился мириться с разочарованиями. — Леди Дженна поднялась на ноги. — Я сказала тебе все, что хотела. Не буду больше занимать твое время. Поступай так, как поступил бы на твоем месте Тайвин.

— Ты любила его? — вырвалось вдруг у Джейме.

Леди Дженна посмотрела на него странно.

— Мне было семь, когда Уолдер Фрей убедил отца отдать мою руку Эму. Не наследнику даже — второму сыну. Мой отец сам был третьим сыном, а младшие дети всегда стремятся заслу-

жить расположение старших. Фрей знал за ним эту слабость, и отец согласился лишь ради того, чтобы ему угодить. О моей помолвке объявили на пиру, где присутствовала половина западных лордов. Эллин Тарбек рассмеялась, Красный Лев разгневался и покинул чертог. Остальные словно воды в рот набрали. Один Тайвин дерзнул высказаться против этого брака — десятилетний в ту пору мальчик! Отец побелел, как снятое молоко, а Уолдер Фрей весь затрясся. Как же мне было не любить его после этого? — улыбнулась Дженна. — Я не хочу сказать, что одобряла все, что он делал, и что он сам был приятен мне, когда вырос… но в старшем брате, защитнике, нуждается каждая девочка. А Тайвин даже в детстве был настоящим защитником. — Она вздохнула. — Кто-то защитит нас теперь?

Джейме поцеловал ее в щеку.

— У него остался сын.

— Это меня, по правде сказать, и пугает.

— Почему? — удивился Джейме.

— Милый ты мой. — Тетушка ущипнула его за ухо. — Я знаю тебя с тех пор, как ты лежал у груди Джоанны. Ты улыбаешься как Герион, дерешься как Тиг, от Кивана в тебе тоже кое-что есть, иначе ты не носил бы свой белый плащ… но

сын Тайвина — Тирион, а не ты. Я и отцу твоему это высказала, а он за это на полгода перестал со мной разговаривать. Мужчины так возмущаются, когда слышат правду. Все вы дураки — даже те, кто рождается раз в тысячу лет.

Кошка-Кет

Она проснулась еще до рассвета, в комнатушке под самой крышей, которую делила с дочерьми Бруско.

Кет всегда просыпалась первая. Под одеялом с Талеей и Бреей было тепло и уютно. Слыша, как они посапывают во сне, она села и спустила ноги с кровати, Брея пробормотала что-то и повернулась на другой бок. От серых каменных стен веяло таким холодом, что Кет мигом покрылась мурашками. Когда она в темноте натягивала через голову камзол, Талея тоже проснулась и попросила:

— Кет, будь добренькой, подай мне одежду. — Талея, состоявшая из одних локтей и коленок, вечно жаловалась, что мерзнет.

Кет принесла ей одежки, и та залезла с ними под одеяло. Потом они вдвоем стащили с кровати старшую сестру Брею, ругавшую их спросонья на чем свет стоит.

Когда они слезли вниз по приставной лесенке, Бруско с сыновьями уже сидели в лодке на узком канале, протекавшем у самого дома. Бруско, как

и каждое утро, заорал, чтобы девочки поторопились. Братья помогли Талее и Брее спуститься в лодку. В обязанности Кет входило отвязать их от сваи, бросить конец Брее и отпихнуть лодку ногой от причала. Сыновья Бруско налегли на шесты, и она перескочила к остальным через растущую полоску воды.

Теперь какое-то время можно было просто сидеть и зевать, пока гребцы в предрассветных сумерках вели лодку через паутину мелких каналов. День обещал быть на редкость ясным. В Браавосе всего три вида погоды: противный туман, еще более скверный дождь и дождь со снегом, хуже которого нет ничего. Но иногда случается и хорошее утро, с розовым небосклоном и чистым соленым воздухом. Кет очень любила такие дни.

По прямому, широкому Длинному каналу они повернули на юг, к рыбному рынку. Кет, сидя с поджатыми ногами, зевала и пыталась вспомнить свой сон. Ей снова приснилось, будто она волчица. Лучше всего помнились запахи: деревья, земля, ее братья по стае, лошади, олени и люди — все разные — и едкая вонь страха, всегда одинаковая. Иногда эти волчьи сны были столь живыми, что она, даже проснувшись, слышала

вой своих братьев, а Брея однажды сказала, что Кет во сне рычала и билась под одеялом. Врет, решила Кет, но Талея подтвердила, что это правда.

Нельзя мне больше видеть такие сны, думала Кет. *Я теперь кошка, а не волчица.* Но она, как ни старалась, не могла избавиться от Арьи Старк, которой эти сновидения посылались. Где она ни спала, в подземельях храма или в комнатушке под крышей, волчьи сны находили ее… и не только волчьи.

Сны, где она, сильная и быстрая, бегала за добычей со своей стаей, нравились ей — но другие, где у нее были не четыре ноги, а две, Кет ненавидела. В них она каждый раз искала мать, бродя среди пожаров по земле, залитой грязью и кровью. В них неизменно шел дождь, и она слышала, как кричит ее мать, но чудовище с песьей головой не пускало Кет к ней. В них она всегда плакала, как испуганный малый ребенок. Кошки не плачут, говорила она себе, и волки тоже. Это просто дурацкий сон.

Лодка тем временем прошла по Длинному каналу мимо медных зеленых куполов Дворца Истины, мимо высоких четырехугольных башен Престайнов и Антарионов и через громадную серую арку водовода попала в Илистый городок, где

дома были меньше и скромнее. Чуть позже всю ширину канала заполнят змеи-лодки и баржи, но в этот ранний час он, можно сказать, принадлежал только им. Бруско любил приезжать на рынок в тот миг, когда Титан возвещал о восходе солнца. Расстояние приглушало идущий с лагуны рев, однако он оставался достаточно громким, чтобы пробудить спящий город.

Когда они причалили к рынку, там уже вовсю торговали сельдью, треской и устрицами. Стюарды, повара, хозяйки, матросы с галей толкались, приценяясь к утреннему улову. Бруско, переходя от одной лодки к другой, время от времени стукал своей тростью по одному из бочонков и говорил:

— Вот этот. — Тук-тук. — Вот этот. — Тук-тук. — Нет, этого не надо. — Он был не из разговорчивых. Талея говорила, что на слова отец так же скуп, как и на монету. Устрицы, крабы, мидии, иногда креветки — Бруско выбирал то, что получше. Его дети и Кет таскали отобранные им бочки и ящики в свою лодку. Бруско из-за больной спины не мог поднять ничего тяжелее кружки темного эля.

Ко времени отъезда домой Кет всегда пропитывалась запахом рыбы и соли. Она так привыкла к нему, что почти не ощущала. Работа не угнетала

ее. Когда руки или спина начинали болеть от поднятия тяжестей, она говорила себе, что зато становится крепче.

Загрузив весь товар, они снова возвращались на Длинный канал. Сестры, сидя на носу, перешептывались — Кет знала, что они говорят про парня Бреи, к которому она лазит на крышу, пока отец спит.

«Прежде чем прийти к нам, ты должна узнать три новые вещи», — сказал добрый человек, отправляя ее в город, и она узнавала их каждый раз. Порой это были всего лишь три новых браавосских слова, порой рассказы о чудесах, привезенные с бескрайних морей за пределами островов Браавоса. Рассказы о войнах, падающих с неба лягушках и недавно вылупившихся драконах. Порой она узнавала три новые смешные истории или загадки, и секреты ей тоже встречались не так уж редко.

Браавос — город, созданный для секретов, город туманов, масок и шепотов. Самое его существование, как узнала Кет, целых сто лет было секретом, а его местонахождение скрывалось все триста. «Девять Вольных Городов — это дети старой Валирии, — говорил добрый человек, — но Браавос — незаконное, отбившееся от дому дитя. Мы

все тут дворняжки, потомки рабов, шлюх и воров. Наши предки собрались сюда из пятидесяти разных земель, ища спасения от поработивших их драконовых лордов. С ними пришли пятьдесят разных богов, но один бог был у них общим».

«Многоликий», — догадалась Кет.

«И многоименный. В Квохоре он зовется Черным Козлом, в Йи Ти — Львом Ночи, в Вестеросе — Неведомым. Все люди рано или поздно должны поклониться ему, кому бы они ни молились при жизни — Семерым, Владыке Света, Лунной Матери, Утонувшему Богу или Великому Пастырю. Все люди принадлежат ему, кроме бессмертных, если есть такие на свете. Ты знаешь кого-нибудь, кто жил бы вечно?»

«Нет, — отвечала Кет. — Все когда-нибудь должны умереть».

В безлунные ночи она пробиралась украдкой в храм, где он встречал ее неизменным вопросом:

«Какие вещи узнала ты из тех, что не знала раньше?»

«Я знаю, что кладет Слепой Бегго в горячий соус, который подает к устрицам, — отвечала она. — Знаю, что лицедеи из „Синего фонаря“ хотят ставить „Лорда со скорбным ликом“, а „Корабль“ в пику им — „Семь пьяных гребцов“. Знаю,

что книготорговец Лото Лорнель ночует в доме капитана Моредо Престайна, когда тот уходит в плавание, и возвращается домой, как только „Лисичка“ приходит в порт».

«Это полезно знать. Скажи теперь, кто ты».

«Никто».

«Лжешь. Ты Кошка-Кет. Я хорошо тебя знаю. Иди спать, дитя, а утром будешь служить».

«Все мы должны служить», — отвечала она и служила — три дня из каждого лунного месяца. В безлунные ночи она становилась никем, служанкой Многоликого Бога в черно-белом одеянии. Вместе с добрым человеком она шагала в напоенном ароматами сумраке, неся свой фонарь. Она обмывала мертвых, обшаривала их одежду, пересчитывала их монеты. Порой, как в былые дни, помогала Умме на кухне, крошила белые грибы и чистила рыбу. Только в безлунные ночи и следующие за ними дни — в другое время она оставалась сироткой в слишком больших для нее сапогах, выкрикивающей на улицах «Ракушки, кому ракушки».

Она знала, что эта ночь тоже будет безлунной — в прошлую месяц на небе был совсем тоненький. «Что ты узнала из того, чего раньше не знала?» — спросит добрый человек, когда увидит ее. *Я знаю,*

что дочь Бруско Брея встречается с парнем на крыше, пока ее отец спит, думала Кет. Талея говорит, что она позволяет ему себя трогать, хотя он наверняка вор, раз шастает ночью по крышам. Но это всего одна вещь — надо узнать еще две. Ничего, успеется. В гавани всегда найдется что-нибудь новое.

Дома она помогла сыновьям Бруско разгрузить лодку. Бруско с дочерьми тем временем раскладывали товар по трем тачкам на подстилках из водорослей.

— Вернетесь, когда продадите все, — сказал девочкам Бруско, как каждое утро, и они отправились. Брея покатила тачку к Пурпурной гавани, где стояли браавосские корабли, Талея, как всегда, собиралась торговать у Лунного Пруда и на Острове Богов, Кет девять из десяти дней посвящала Мусорной Заводи.

В Пурпурной гавани, между Затопленным Городом и Морским Дворцом, разрешалось швартоваться только браавоссийцам; мореходам из других Вольных Городов и прочих краев приходилось довольствоваться более бедной и грязной Мусорной Заводью. Шуму здесь тоже было куда больше: моряки и купцы из полусотни стран толпились на причалах вперемежку с теми, кто

оказывал им услуги или норовил поживиться на них. Это место нравилось Кет больше всех в Браавосе. Нравился гомон, и диковинные запахи, и корабли, приходящие или отплывающие с вечерним приливом. Нравились моряки — горячие тирошийцы с крашеными бородами и зычными голосами; светловолосые лиссенийцы, которые вечно с ней торговались; приземистые волосатые иббенийцы, хрипло изрыгающие проклятия. Самыми любимыми у нее были летнийцы, гладкие и черные, как смола. Они носили плащи из красных, зеленых и желтых перьев, а их корабли с высокими мачтами и белыми парусами походили на лебедей.

Иногда сюда заходили и вестеросские суда — карраки из Староместа, торговые галеи из Синего Дола, Королевской Гавани, Чаячьего города, пузатые винные баркасы из Бора. Кет знала, как ее моллюски называются по-браавосски, но в Мусорной Заводи выкликала их на языке причалов и портовых таверн, где слова из дюжины других языков подкреплялись жестами, большей частью ругательными, — они-то и доставляли ей наибольшее удовольствие. Тем, кто к ней приставал, она показывала кукиш, обзывала их ослиным хреном или верблюжьей какашкой. «Верблюдов

я, правда, ни разу не видела, — говорила она, — но их дерьмо сразу чую».

Изредка на нее кто-нибудь злился за это, но для таких случаев у Кет имелся карманный ножик. Она не забывала его точить и умела им пользоваться. Этому ее научил в «Счастливом порту» Красный Рогго, дожидаясь, когда Ланна освободится. Он показал ей, как прятать нож в рукаве, как вытряхивать, когда он ей понадобится, как незаметно срезать кошелек — чтобы успеть потратить монеты, пока хозяин их не хватился. Добрый человек согласился, что это тоже полезно знать, особенно ночью, когда брави и воры бродят по улицам. В гавани у Кет завелось много друзей — грузчики, скоморохи, канатчики, швецы парусов, содержатели таверн, пивовары, пекари, нищие, шлюхи. Они покупали у нее ракушки, рассказывали ей правдивые истории о городе Браавосе и выдуманные — про свою жизнь, смеялись над ее браавосским выговором. Кет, ничуть не обижаясь, показывала им кукиш и обзывала их верблюжьими какашками, а они покатывались со смеху. Гилоро Дотаре пел ей непристойные песенки, его брат Гилено открыл секрет, где лучше всего ловятся угри. Лицедеи из «Корабля» показывали, как надо становиться в

позу, и учили ее монологам из «Ройнской песни», «Двух жен Завоевателя» и «Распутной купчихи». Перышко, маленький человек с грустными глазами, сочинявший все фривольные комедии для «Корабля», предлагал научить ее целоваться, но Таганаро хлопнул его треской по мордасам, на том все и кончилось. Коссомо-Фокусник мог проглотить мышь, а потом вытащить ее из уха — это волшебство, говорил он. «Враки, — сказала Кет. — Она все время была у тебя в рукаве. Я видела, как она копошится».

— Устрицы, мидии, крабы, — выкрикивала она, и эти волшебные слова, как и полагается, открывали ей доступ почти повсюду. Она поднималась на палубу кораблей из Лисса, Староместа, Порт-Иббена, продавала свой товар часовым у башен городской знати. Однажды она пристроилась прямо на ступенях Дворца Истины, а когда другой торговец попытался ее прогнать, она перевернула его тележку и раскидала ракушки по булыжнику. У нее покупали таможенники и разносчики из Затопленного Города, где над зеленой лагуной видны купола и башни. Раз, когда Брее нездоровилось из-за лунных дней, Кет пошла вместо нее в Пурпурную гавань и продала креветок и крабов гребцам с прогулочной барки

Морского Начальника, чьи борта от носа до кормы разукрашены смеющимися лицами. Иногда она поднималась вдоль водовода до Лунного Пруда, где ее покупателями были брави в полосатых шелках и тюремщики в тусклых кафтанах. Но постоянным ее местом оставалась Мусорная Заводь.

— Устрицы, мидии, крабы, — кричала она, везя тачку мимо причалов. — Креветки и ракушки. — За ней, привлеченная ее криками, увязалась грязная ярко-рыжая кошка. Следом появилась другая, серая, драная, с коротким хвостом. Кошек притягивала ее вкусно пахнущая тележка — бывало, что ближе к вечеру за Кет их тянулось около дюжины. Иногда она бросала им устрицу — кто первый сцапает. Большие коты, как она заметила, редко оказывались победителями; добыча зачастую перепадала тощим, шустрым, самым голодным. Вроде самой Кет. Ее любимцем был старый котяра с обгрызенным ухом. Он напоминал ей того, за которым она когда-то гонялась по всему Красному Замку. Нет, не она — другая девочка.

Два корабля, стоявшие здесь вчера, ушли, но вместо них прибыло сразу пять новых: маленькая каррака «Резвая обезьяна», огромный иббений-

ский китобой, разящий дегтем, кровью и рыбьим жиром, два потрепанных баркаса из Пентоса и стройная зеленая галея из Старого Волантиса. У каждых сходней она останавливалась и предлагала свой товар — раз на гаванском языке, раз на общем наречии Вестероса. Матрос с китобоя обругал ее так громко, что все кошки прыснули кто куда, пентошийский гребец спросил, сколько она хочет за устричку у себя между ног, но с другими ей повезло больше. Помощник на зеленой галее слопал сразу полдюжины устриц и рассказал, что капитана убили лиссенийские пираты, пытавшиеся взять их на абордаж у Ступеней.

— Это был мерзавец Саан со «Старухиным сыном» и большой «Валирийкой». Насилу ушли.

«Резвая обезьяна» пришла из Чаячьего города, и команда была рада поговорить на общем. Один спросил, почему это девочка из Королевской Гавани продает моллюсков в гавани Браавоса, и Кет рассказала свою придуманную историю.

— Мы простоим здесь четыре дня и четыре долгие ночи, — сказал другой. — Где бы нам поразвлечься?

— В «Корабле» дают «Семь пьяных гребцов», — сообщила Кет, — в «Пятнистом погребке», что у ворот Затопленного Города, устраивают бои

угрей. Можно еще пойти ночью к Лунному Пруду, там брави на дуэлях дерутся.

— Это все хорошо, — вмешался третий, — но Уот насчет женщин спрашивал.

— Девушки лучше всего в «Счастливом порту» — он вон там, где причален «Корабль скоморохов». — В гавани девки опасные — кто знает, на какую нарвешься. Хуже всех Сфрона. Говорят, она ограбила и убила добрый десяток мужчин, а тела их спустила в каналы, угрям на корм. Пьяная Дочка хороша только когда трезвая. А Джейна-Язва на самом деле мужчина. — Спросите там Мерри. Имя ее Мералин, но все зовут ее Мерри. — Мерри всегда брала у Кет дюжину устриц и девушек своих угощала. Сердце у нее доброе, с этим все согласны. И самые большие титьки во всем Браавосе, как она сама хвастается.

Девушки у нее тоже хорошие. Стыдливая Бетани, Морячка, одноглазая Уна, предсказывающая судьбу по одной капле крови, хорошенькая малышка Ланна, даже Ассадора, усатая иббенийка. Они, может, и не красотки, но к Кет всегда были добры.

— В «Счастливый порт» все грузчики ходят, — заверила Кет моряков из Вестероса. — Мерри говорит: «Эти ребята разгружают суда, а мои де-

вушки — парней, которые на судах ходят».

— А те, особенные, про которых в песнях поется? — спросил самый младший из обезьяньей команды, лет шестнадцати, рыжий и конопатый. — Они правда такие красивые? Где бы такую взять?

Остальные расхохотались.

— Семь преисподних, парень, — сказал кто-то, — такую куртизанку может позволить себе разве что капитан, да и то если продаст корабль к бесовой матери. Эти красотки для лордов, не для нас с тобой.

Моряк говорил правду. Браавосские куртизанки славятся по всему свету. Певцы сочиняют про них песни, золотых дел мастера осыпают их подарками, все ремесленники из кожи вон лезут, чтобы заполучить их в клиентки, торговые магнаты платят целые состояния, чтобы пойти с ними на пир, на бал или на представление, брави из-за них убивают друг друга. Кет видела иногда, как они проплывают по каналам со своими любовниками. У каждой из них своя барка, свои гребцы. У Поэтессы всегда книга в руке, Лунная Тень носит только белое и серебристое, Сардинья Королева шагу не ступит без своих русалок, четырех молоденьких девушек — они носят ее шлейф

и причесывают ее. Все куртизанки одна другой красивее. Даже Дама под Вуалью, хотя ее лицо видят только те, кого она берет в любовники.

— Я раз продала куртизанке три мидии, — похвасталась Кет. — Она позвала меня, сходя со своей барки. — Бруско внушил ей, что с куртизанками нельзя заговаривать, пока она не обратится к тебе первая, но эта приветливо улыбнулась и заплатила Кет серебряную монетку — вдесятеро дороже, чем стоили ракушки.

— Это которая же? Королева Раковин, что ли?

— Черная Жемчужина, — важно ответила Кет. Самая знаменитая из всех, по словам Мерри. «Она из рода драконов, — рассказывала хозяйка таверны. — Первая Черная Жемчужина была королевой пиратов. От одного вестеросского принца у нее родилась дочь, которая выросла и тоже пошла в куртизанки. Так у них и пошло от матери к дочери. Что она тебе говорила, Кет?»

«Сказала, что купит три мидии, и спрашивает: есть ли у тебя, малютка, горячий соус?» — «А ты?» — «Соуса, говорю, нет, миледи. И я не малютка, меня зовут Кет. Надо бы и нам готовить горячий соус. Бегго вот готовит и продает в десять раз больше Бруско».

Доброму человеку Кет тоже рассказала о Чер-

ной Жемчужине, добавив, что настоящее ее имя — Беллегера Отерис. Это было одной из трех узнанных Кет новых вещей.

«Верно, — подтвердил жрец. — Ее мать звалась Беллонарой, но первая Черная Жемчужина тоже была Беллегера».

Кет не думала, однако, что команде «Резвой обезьяны» интересны имена куртизанок и тем более их матерей. Вместо этого она спросила, что нового в Семи Королевствах и как там война.

— Какая еще война? — засмеялся один. — Никакой войны у нас нету.

— Ни в Чаячьем городе, ни в Долине, — добавил другой. — Маленький лорд бережет нас, как прежде берегла его матушка.

Его матушка… Леди Долины приходилась Кет родной теткой.

— Значит, леди Лиза…

— Умерла, — подтвердил конопатый парень. — Ее убил собственный домашний певец.

Ну и пусть. У Кошки-Кет никогда не было тетки. Она покатила тачку дальше, подпрыгивая на булыжнике.

— Устрицы, мидии, крабы! — Она продала немного артели, разгружавшей большой винный баркас из Бора, и еще немного другой, чинившей

мирийскую галею, потрепанную штормами.

Тагганаро, сидевший у причальной тумбы рядом с тюленьим королем Кассо, купил у нее мидий, а Кассо затявкал и дал ей пожать свой ласт.

— Иди работать ко мне, Кет, — в который раз завел Тагганаро, высасывая моллюсков из скорлупы. Он подыскивал себе напарника с тех пор, как Пьяная Дочка проткнула ножом руку Крошке Нарбо. — Я дам тебе больше, чем дает Бруско, и рыбой от тебя не будет вонять.

— Кассо нравится, как я пахну. — Тюлений король согласно тявкнул. — Как у Нарбо рука, не лучше?

— Три пальца не гнутся, — пожаловался Тагганаро между двумя мидиями. — Какой он карманник, если пальцами не владеет? Такой был мастер, а девку не сумел выбрать.

— Мерри говорит то же самое. — Кет нравился Крошка Нарбо, хотя он был вором. — Что же он будет делать теперь?

— Думает сесть на весло. Для этого и двух пальцев хватит, а Морскому Начальнику гребцы всегда требуются. Брось, Нарбо, говорю я ему. Море холодней девственницы и злей любой шлюхи. Лучше отрежь руку насовсем и ступай попрошайничать. Вот и Кассо так скажет — верно

ведь, Кассо?

Тюлень тявкнул, и Кет, не сдержав улыбки, бросила ему одну мидию.

До «Счастливого порта» напротив «Корабля скоморохов» она добралась уже к концу дня. Лицедеи сидели на боку своего накренившегося судна, передавая друг дружке мех с вином, и спустились к ней за устрицами. Она спросила, как идут «Семь пьяных гребцов», и Жосс Хмурый грустно покачал головой.

— Квенс наконец-то застал Алакио в постели со Слу. Они подрались на бутафорских мечах, и в итоге у нас только пять гребцов.

— Недостаток гребцов надо восполнить усиленным пьянством, — заявил Мирмелло. — Я, к примеру, стараюсь.

— Возьмите шестым Крошку Нарбо, он как раз хочет пойти в гребцы, — посоветовала им Кет.

— Ступай-ка ты к Мерри, — сказал Жосс. — Ты же знаешь, какая она кислая делается без твоих устриц.

Мерри сидела в общей комнате и с закрытыми глазами слушала, как Дареон играет на лютне. Уна тут же заплетала в косу длинные золотистые волосы Ланны. Опять дурацкая любовная песня — Ланна только такие и просит. Из девушек

она самая младшая, ей всего четырнадцать. Кет знала, что Мерри запрашивает за нее втрое больше, чем за других.

Какой все-таки Дареон нахал — сидит себе и бренчит как ни в чем не бывало, строя глазки Ланне. Девушки прозвали его черным певцом, но какой он теперь черный. Ворона, подзаработав деньжат своим пением, преобразилась в павлина. Сегодня на нем пурпурный плюшевый плащ, отороченный горностаем, камзол в белую и сиреневую полоску, разноцветные, как у брави, бриджи. У него есть еще и шелковый плащ, и бархатный, винно-красный, с парчовой отделкой. Черного на нем только и осталось, что сапоги. Кет слышала, как он говорил Ланне, что все остальное бросил в канал — хватит, мол, с него ночной тьмы.

Но ведь он брат Ночного Дозора, думала Кет, слушая, как дура-леди бросилась с дурацкой башни из-за того, что умер ее дурак-принц. Лучше бы она расправилась с теми, кто этого принца убил. А певцу место на Стене, здесь ему делать нечего. Когда он впервые появился в «Счастливом порту», Арья чуть не попросила его взять ее с собой в Восточный Дозор — но он сказал Бетани, что не собирается возвращаться. «Жесткие постели,

соленая треска и бесконечные караулы — вот что такое Дозор. Кроме того, там не найти даже наполовину таких красивых, как ты, — как же мне покинуть тебя?» То же самое, слышала Кет, он говорил и Ланне, и одной девице в «Кошкином доме», и даже Соловушке, когда играл однажды в «Семи лампадах».

Жаль, что Кет не было здесь в ту ночь, когда толстяк ударил его. Девушки до сих пор над этим смеются. Уна говорит, тот парень краснел до ушей, стоило ей только к нему прикоснуться, но когда он начал безобразничать, Мерри велела выкинуть его вон и бросить в канал.

Кет стала вспоминать, как спасла толстого парня от Терро и Орбело, но тут пришла Морячка и сказала на общем языке Вестероса:

— Какая красивая песня. Он, должно быть, любимец богов, раз они наделили его таким голосом и таким красивым лицом.

Лицо красивое, а душа скверная, подумала Арья, но промолчала. Дареон тоже как-то женился на Морячке — она ложилась только со своими мужьями. Бывало, что за ночь в «Счастливом порту» справляли три свадьбы, а то и четыре. Обряд совершал то веселый, насквозь пропитанный вином жрец Эззелино, то Юстас, служивший

когда-то в Заморской септе. Если ни жреца, ни септона под рукой не оказывалось, кто-нибудь приводил из «Корабля» лицедея. Мерри говорила, что у них получается даже лучше, чем у настоящих жрецов, особенно у Мирмелло.

Свадьбы праздновались шумно и весело, с обильными возлияниями. Если Кет случалось зайти в это время, Морячка требовала, чтобы ее новый муж купил устриц — они, мол, укрепляют мужскую силу. Она охотно смеялась, Морячка, но Кет всегда чувствовала в ней какую-то затаенную грусть.

Другие девушки говорили, что Морячка в свои лунные дни ходит на Остров Богов и знает всех богов, которые там живут, — даже тех, которых в Браавосе давно забыли. Говорили, что она молится за своего первого, настоящего мужа — он пропал в море, когда Морячка была не старше Ланны. «Она хочет найти правильного бога, который велит дуть всем ветрам и приведет к ней ее любовь, — рассказывала одноглазая Уна, знавшая ее дольше всех, — а я вот молюсь, чтобы этого никогда не случилось. Ее любимый погиб, я прочла это в капле ее крови. Если он к ней и вернется, то мертвый».

Дареон наконец допел свою песню. Ланна

вздохнула под затихающие в воздухе звуки, а певец отложил лютню, посадил девушку себе на колени и начал ее щекотать.

— Вот устрицы, если кому надо, — громко сказала Кет, и Мерри тут же раскрыла глаза.

— А, хорошо. Давай их сюда, дитя, а ты, Уна, принеси хлеба и уксуса.

Когда Кет вышла из «Счастливого порта» с тугим кошельком и пустой, не считая соли и водорослей, тачкой, солнце уже спряталось за мачтами в гавани. Дареон ушел вместе с ней, сказав, что обещал вечером петь в гостинице «Зеленый угорь».

— В «Угре» серебро так и сыплется мне в карманы, — хвастался он. — Там бывают капитаны и хозяева кораблей. — Вдвоем они перешли через канал и углубились в кривую улочку. Тени сделались совсем длинными. — Скоро я буду играть в Пурпурной гавани, а там и в Морском Дворце. — Тачка Кет, дребезжа по булыжнику, играла свою музыку. — Сегодня я ем селедку со шлюхами, а через год буду вкушать с куртизанками императорских крабов.

— А что стало с твоим братом? — спросила Кет. — С тем, толстым? Нашел он корабль, который бы шел в Старомест? Он говорил, что хотел

плыть на «Леди Ашеноре».

— Мы все собирались. Лорд Сноу так приказал. Я говорил Сэму, брось старика, но толстый дурень уперся и ни в какую. — Последний луч солнца зажег волосы Дареона. — А теперь уж все, опоздали.

— Да уж, — сказала Арья.

Когда она вернулась к Бруско, над их каналом уже собирался туман. Кет нашла хозяина в комнате, где он вел счета, и плюхнула перед ним на стол кошелек и пару сапог.

Бруско любовно потрепал кошелек.

— А это что?

— Сапоги.

— Хорошие сапоги всегда пригодятся, — он поднес их к самым глазам, — но эти мне маловаты.

— Этой ночью луны не будет, — напомнила ему Кет.

— Что ж, ступай помолись. — Он высыпал на стол монеты из кошелька. — Валар дохаэрис.

Валар моргулис, мысленно добавила Кет.

Туман сгустился, когда она вышла на улицу. Открывая вырезанную из чардрева дверь Черно-Белого Дома, она поеживалась от холода. Немногие свечи, горевшие вечером в храме, мерцали, как падающие звезды. В полумраке боги

казались ей незнакомыми.

В подземелье она сбросила потертый плащ Кет, стянула через голову бурый, пропахший рыбой камзол, стащила с ног просоленные сапоги, избавилась от белья и омылась водой с лимоном, чтобы и духу не оставить от Кошки-Кет. Чисто отмытая розовая девочка с каштановыми, прилипшими к щекам волосами с Кет не имела ничего общего. Она надела чистый хитон, обулась в тряпичные туфли и пошла на кухню попросить у поварихи Уммы еды. Жрецы и послушники уже поели, но Умма приберегла для нее кусок жареной трески с пареной репой. Послушница в черно-белом хитоне все умяла за обе щеки, вымыла тарелку и отправилась помогать женщине-призраку с зельями.

Помощь состояла большей частью в том, чтобы лазить по лесенкам, доставая указанные жрицей листья и травы.

— «Сладкий сон» — самый нежный из ядов, — говорила женщина-призрак, растирая что-то пестиком в ступке. — Несколько его крупинок успокаивают расходившееся сердце, унимают дрожь в руках. Человек чувствует себя спокойным и сильным. Щепотка поможет проспать ночь крепко, без сновидений, а от трех щепоток

засыпают вечным сном. Он очень сладок на вкус, поэтому его лучше запекать в пироги или класть в вино вместе с медом. Вот понюхай, — предложила она Арье и послала ее достать красный стеклянный флакон. — А вот этот будет пожестче, зато не имеет вкуса и запаха, поэтому его легче скрыть. Он называется «слезы Лисса». Растворенный в вине или воде, он разъедает человеку внутренности, и тот умирает, как будто от какой-то болезни. Понюхай. — Арья послушалась, но ничего не унюхала. Жрица отставила «слезы Лисса» и открыла каменный сосуд. — В эту кашицу добавлена кровь василиска. Она придает мясу пряный аромат, но тот, кто ее отведает, будь то зверь или человек, впадает в буйное помешательство. Мышь после крови василиска способна напасть на льва.

Арья прикусила губу.

— А на собак она тоже действует?

— И на собак, и на любое животное с теплой кровью, — сказала женщина и вдруг дала ей пощечину.

Арья схватилась за щеку скорее от удивления, чем от боли.

— Что ты делаешь?

— Только Арья из дома Старков прикусывает гу-

бу, когда о чем-то задумывается. Разве ты Арья?

— Я никто, — рассердилась девочка, — а вот ты кто такая?

Она не думала, что призрак ответит, но та ответила.

— Я была единственным отпрыском древнего рода, наследницей моего отца. Мать умерла, когда я была еще маленькой, я не помню ее.

Когда мне было шесть, отец мой женился снова. Мачеха была добра ко мне, пока у нее не родилась своя дочь. Тогда она захотела, чтобы я умерла, а отцовское состояние унаследовало ее родное дитя. Ей бы обратиться к Многоликому, но она никогда не решилась бы на жертву, которую требует он. Вместо этого она задумала сама меня отравить. Я не умерла, но стала такой, какой ты меня видишь. Целители из Дома Красных Рук рассказали отцу, что сделала мачеха, а он приехал сюда и принес в жертву все свое богатство и меня заодно. Многоликий услышал его молитву. Я стала служить в этом храме, а жена отца получила подарок.

— Это правда? — подозрительно спросила Арья.

— Доля правды здесь есть.

— Но и ложь тоже?

— Здесь есть неправда и есть преувеличение.

Слушая женщину-призрака, Арья все время наблюдала за ее лицом, но та не подавала ей никаких знаков.

— Многоликий взял у твоего отца не все, а только две трети.

— Верно. Это и было преувеличение.

Арья усмехнулась и тут же ущипнула себя за щеку. *Следи за своим лицом*, приказала она себе. *Улыбка — твоя служанка и должна являться, лишь когда ты ей велишь.*

— А ложь в чем?

— Ни в чем. Я солгала про ложь.

— Тогда солгала или теперь лжешь?

Но жрица не успела ответить, потому что в комнату вошел, улыбаясь, добрый человек.

— Итак, ты вернулась.

— Ночь нынче безлунная.

— Верно, безлунная. Какие же три вещи узнала ты из тех, что не знала прежде?

Да я все тридцать узнала, чуть не сказала она.

— У Крошки Нарбо три пальца не гнутся, и он собирается стать гребцом.

— Это полезно знать. Что еще?

Она припомнила, что слышала за день.

— Квенс и Алакио подрались и ушли из «Кораб-

ля» — но я думаю, они вернутся.

— Думаешь или знаешь?

— Думаю, — призналась она, хотя была в этом почти уверена. Лицедеям, как и всем прочим, надо что-то есть, а для «Синего фонаря» они оба недостаточно хороши.

— Так-так. Третья вещь?

На этот раз Арья не колебалась.

— Дареон умер. Черный певец, который жил в «Счастливом порту». В самом-то деле он дезертировал из Ночного Дозора. Ему перерезали горло и столкнули его в канал, только сапоги сняли.

— Хорошие сапоги всегда пригодятся.

— Вот-вот. — Она старалась, чтобы ее лицо не выражало совсем ничего.

— Кто же мог сделать такое?

— Арья из дома Старков. — Она наблюдала за его глазами, его ртом, его челюстными мускулами.

— Я думал, что этой девочки уже нет в Браавосе. Ну а ты кто?

— Никто.

— Лжешь. — И он сказал, обращаясь к призраку: — Пить хочется. Будь добра, принеси мне чашу вина и согрей молока для Арьи, столь неожиданно вернувшейся к нам.

На пути сюда Арья все время думала, что скажет добрый человек, когда услышит про Дареона. Рассердится на нее или будет доволен тем, что она вручила певцу дар Многоликого Бога? Она раз сто проиграла этот разговор у себя в голове, точно репетирующий роль лицедей, но никогда бы не догадалась, что ей предложат теплое молоко.

Оно как будто подгорело немного и оставило после себя горьковатый привкус.

— Теперь иди спать, дитя, — сказал добрый человек, — а утром будешь служить.

Ночью ей снова приснилось, будто она волчица, но этот сон был не такой, как все предыдущие. Она кралась в тумане одна, пробегая по крышам и по набережным каналов.

Утром она проснулась слепой.

Сэмвел

Родной порт лебединого корабля «Пряный ветер» — Высокодрев на Летних островах. Люди там черны, женщины распутны, и никто не знает, каким богам они поклоняются. На борту не было септона, чтобы совершить погребальный обряд, и эта обязанность выпала на долю Сэмвела Тарли. Корабль в это время шел мимо опаленного солнцем дорнийского побережья.

Ради такого случая Сэм облекся в черное, несмотря на теплую погоду и полное отсутствие ветра.

— Он был хорошим человеком… — начал Сэм, но тут же понял, что говорит не то. — Нет. Великим. Мейстер и брат Ночного Дозора, он оставался верен своим обетам. Имя ему нарекли в честь героя, погибшего молодым, но его жизнь, хотя и долгая, была не менее героической. Не было никого мудрее и добрее, чем он. За то время, что он прослужил на Стене, там сменилась дюжина лордов-командующих, и каждому он помогал советом. Он мог бы стать королем, но отказался от короны в пользу младшего брата. Многие ли на

это способны? — Слезы подступили к глазам Сэма, и он понял, что долго говорить не сможет. — В нем текла кровь драконов, но теперь его пламя угасло. Его звали Эйемон Таргариен. Ныне его дозор окончен.

— Ныне его дозор окончен, — баюкая ребенка, повторила за ним Лилли. Коиджа Мо произнесла те же слова на общем языке Вестероса, а после перевела их на летнийский для своего отца, Ксондо и прочей команды. Сэм заплакал навзрыд, содрогаясь всем телом. Лилли, тоже в слезах, подошла к нему, и он припал головой к ее плечу.

«Пряный ветер» дрейфовал в море при полном штиле. Берега отсюда не было видно.

— Черный Сэм хорошо сказал, — молвил Ксондо. — Теперь помянем того, кто ушел. — По его приказу на палубу выкатили бочонок рома, чтобы вахтенные могли выпить в память старого слепого дракона. Команда знала его недолго, но летнийцы уважают старость и воздают почести всем умершим.

Сэм никогда еще не пробовал рома. Сладкий на первый вкус напиток обжег язык. Сэм устал, очень устал. Все его мускулы ныли — даже там, где мускулов вроде быть не должно. Колени одеревенели, ладони покрылись свежими, мок-

нущими мозолями поверх старых. Но ром и горе, действуя вместе, как-то притупили боль от телесных недугов.

— Ах, если бы он дожил до Староместа — там архимейстеры, может, и спасли бы его, — говорил он Лилли, попивая ром на баке «Пряного ветра». — Целители из Цитадели — лучшие в Семи Королевствах. Одно время я надеялся…

В Браавосе выздоровление Эйемона еще казалось возможным. Рассказы Ксондо о драконах прямо-таки вернули старика к жизни. В ту ночь он съел все, что принес ему Сэм. «О девочках никто и не думал, — говорил он. — Обещан был принц, не принцесса. Я думал, это Рейегар… дым от Летнего Замка, сгоревшего в день, когда он родился, соль от слез, пролитых по умершим. Он разделял мою веру, пока был молод, но после пришел к убеждению, что пророчество относится не к нему, а к его сыну. В ночь, когда был зачат Эйегон, над Королевской Гаванью видели комету, а Рейегар был уверен, что кровавая звезда — это комета. Как же глупы мы были, мы, почитавшие себя мудрецами! Ошибка произошла от неверного перевода. Драконы, как верно подметил Барт, не имеют пола — они переменчивы, как пламя, и каждый из них то самец, то самка. Мы обма-

нывались на этот счет тысячу лет. В пророчестве говорилось о Дейенерис, рожденной среди соли и дыма. Драконы это доказывают. — Одно ее имя, казалось, придавало мейстеру сил. — Я должен отправиться к ней. Должен. Будь я моложе хотя бы на десять лет…»

Старик так взбодрился, что сам поднялся по сходням «Пряного ветра». Сэм уже отдал свой меч вместе с ножнами Ксондо — в уплату за плащ из перьев, который помощник капитана загубил, спасая его из воды. Теперь единственной их ценностью были книги из подземелий Черного Замка. Сэм помрачнел, расставаясь с ними. «Они предназначались для Цитадели», — сказал он, когда Ксондо спросил, что случилось. Помощник перевел его слова капитану, и тот засмеялся. «Серые мудрецы все равно получать их, — объяснил Ксондо, — только теперь они покупать книги у Квухуру Мо. Мейстеры хорошо платят за книги, которых у них нет, — дают серебро и золото, желтое или красное».

Цепь Эйемона капитан тоже хотел забрать, но тут Сэм уперся. Отдать свою цепь — великий позор для мейстера, говорил он. Ксондо пришлось повторить это трижды, прежде чем капитан согласился. Когда ударили по рукам, у Сэма осталось

только то, что было на нем, да еще сломанный рог, найденный Джоном Сноу на Кулаке Первых Людей. Что делать, утешал он себя. В Браавосе оставаться нельзя, а за проезд больше заплатить нечем, разве что воровать пойти или милостыню просить. Он готов был отдать все до нитки, лишь бы благополучно довезти мейстера Эйемона до Староместа.

Но на пути к югу они вошли в полосу штормов, каждый из которых подрывал силы старика и надламывал его дух. В Пентосе Эйемон попросил вынести его на палубу, чтобы Сэм мог описать ему город, но после этого он уже не поднимался к постели, которую больному уступил капитан. Разум снова стал ему изменять. Когда «Пряный ветер» прошел мимо Кровавой башни в гавань Тироша, Эйемон больше не заговаривал о путешествии на восток. Все его речи относились к Староместу и архимейстерам Цитадели.

— Ты должен им рассказать, Сэм. Заставь их понять. Те, кто служил в Цитадели вместе со мной, уже пятьдесят лет как умерли, а нынешние не знают меня. Мои письма должны были показаться им бредом выжившего из ума старика. Твой долг — убедить их в том, в чем я не сумел. Расскажи им, что творится у нас на Стене… об упырях и

белых ходоках, о наступающем холоде…

— Хорошо, — обещал Сэм. — Я добавлю свой голос к вашему, мейстер. Мы им все расскажем вдвоем, вы и я.

— Нет, Сэм. Придется тебе одному… пророчество… сон моего брата… леди Мелисандра неверно прочла знаки. Станнис… да, в нем тоже есть драконья кровь. И в братьях его была. Благодаря Рейелле, дочурке Эга, их бабушке по отцу. Она называла меня дядей-мейстером, когда была маленькая. Я помнил это и позволял себе надеться… мы все обманывали себя, потому что хотели верить. Мелисандра, думаю, больше всех. Меч не тот, она должна это знать… свет без огня… пустой блеск… меч не тот, а ложный свет лишь заведет нас еще глубже во тьму. Дейенерис — вот кто наша надежда. Скажи это им в Цитадели. Заставь себя выслушать. Пусть пошлют к ней своего мейстера. Дейенерис нуждается в совете, в наставлениях, в *помощи,* а я все эти годы ждал неизвестно чего. Час пробил и застал меня ни на что не годным. Я умираю, Сэм. — Из слепых белых глаз мейстера полились слезы. — Смерть не должна пугать такого старого человека, как я, и все же мне страшно. Глупо, не правда ли? Я и так живу во тьме, с чего же мне бояться ее?

Но я не могу не думать о том, что будет, когда последнее тепло уйдет из моего тела. Буду ли я пировать вечно в золотых чертогах Отца, как говорят септоны? Увижусь ли снова с Эгом, встречу ли Дейерона, здорового и счастливого? Услышу ли песни, которые мои сестры пели своим малюткам? А может быть, правы степные лорды и я буду вечно скакать на огненном коне по ночному небу? Или вновь вернусь в эту долину скорби? Никто не может этого знать, никто не заглядывал за стену, которая зовется смертью. Одни упыри, а мы-то с тобой знаем, какие они.

Сэм мало что мог на это ответить, но по мере своих сил утешал старика, а Лили спела мейстеру какую-то смешную нелепицу, которой научилась от других жен Крастера. Песенка позабавила старика, а после и усыпила.

Это был один из последних хороших дней Эйемона. После этого он все больше спал, съежившись под грудой мехов в капитанской каюте и бормоча что-то во сне. Проснувшись, он звал к себе Сэма, но когда Сэм приходил, старик забывал то, что хотел сказать, а если и вспоминал, то говорил бессмыслицу. Он рассказывал какие-то сны, не говоря, кому они снились, твердил о стеклянной свече, которую невозможно зажечь, и о

яйцах, из которых никто не вылупится. Говорил, что сфинкс не загадывает загадки — он сам загадка. Просил Сэма почитать ему из септона Барта, чьи труды были сожжены еще при Бейелоре Благословенном. Однажды он пробудился с плачем.

— У дракона должно быть три головы, — причитал он, — но я слишком стар и немощен, чтобы сделаться одной из них. Мне следовало быть рядом с ней, показать ей путь, но тело мое меня предало.

Когда «Пряный ветер» пробирался через Ступени, мейстер стал забывать, как Сэма зовут, и часто принимал его за кого-то из своих умерших братьев.

— Он был слишком слаб для такого долгого путешествия, — говорил Сэм Лилли, глотая ром. — Джон не мог не понимать этого. Разве можно отправлять в море старика, которому минуло сто два года? Останься Эйемон в Черном Замке, он, глядишь, протянул бы еще лет десять.

— Или она сожгла бы его. Красная женщина. — Даже здесь, в тысяче лиг от Стены, Лилли избегала называть Мелисандру по имени. — Ей нужна королевская кровь для ее костров. Вель это знала и лорд Сноу знал. Потому-то малыша Даллы и подменили моим, чтобы я его увезла.

Мейстер Эйемон умер, но умер мирно, во сне, — а останься он, она бы его сожгла.

Он все-таки будет сожжен, уныло подумал Сэм, *только сделаю это я*. Таргариены всегда отдавали своих покойников пламени. Квухуру Мо, конечно, не разрешил бы развести погребальный костер на борту корабля, поэтому тело Эйемона затолкали в бочку с ромом, чтобы оно сохранилось до Староместа.

— Перед смертью он попросил дать ему подержать дитя, — продолжала Лилли. — Я боялась, он уронит его, но нет. Он баюкал мальчика и пел ему что-то, а мальчик потрогал ручонкой его лицо. И ну тянуть его за губу — я думала, старику больно будет, а он только смеялся. — Она погладила руку Сэма. — Мы можем назвать мальчика Мейстером, если хочешь. Не сейчас, а когда подрастет.

— Мейстер — не имя, но ты можешь назвать его Эйемоном.

Лилли задумалась.

— Далла родила его в разгар битвы, среди звона мечей. Такое ему и нужно дать имя — Эйемон Дитя Битвы, Эйемон Звонкий Меч.

Такое имя устроило бы даже моего лорда-отца, решил Сэм. *Имя воина. Ну что ж, этот мальчик — сын Манса-Разбойника и внук Крастера.*

Моей трусливой крови в нем нет.

— Хорошо, так и назови.

— Когда ему два года сровняется, — напомнила Лилли. — Не раньше.

Но где же он? Сэм между ромом и горем только теперь заметил, что у Лилли на руках нет ребенка.

— Его Коиджа взяла. Я ее попросила.

— Вон оно что. — Коиджа Мо, дочь капитана, выше Сэма ростом, стройная как копье, черная и гладкая, как отшлифованный агат. На корабле она командует красными лучниками, а ее собственный выгнутый лук из златосерда стреляет на четыреста ярдов. Когда на Ступенях их атаковали пираты, она уложила с дюжину человек, а стрелы Сэма все плюхнулись в воду. Больше своего лука Коиджа любит только одно — нянчить сына Даллы и петь ему колыбельные на языке Летних островов. Все женщины, сколько их есть на борту, души не чают в маленьком принце, и Лилли доверяет им мальчика, которого не доверила бы никому из мужчин.

— Коиджа очень добра, — сказал Сэм.

— Я поначалу ее боялась. Уж очень черна, а зубы большие, белые — то ли зверь, то ли чудище. А потом поняла, что она хорошая, и полюбила ее.

— Я знаю. — В детстве и юности Лилли знала лишь одного мужчину, страшного Крастера. Кроме него, ее мирок населяли одни только женщины. Мужчин она боится, а женщин нет. Сэм хорошо ее понимал. Дома, в Роговом Холме, он тоже предпочитал общество девочек. Сестры были добры к нему, а другие девочки если и дразнились, то насмешки перенести легче, чем тычки и удары, которыми награждали его жившие в замке мальчишки. Даже теперь с Коиджей Мо он чувствовал себя проще, чем с ее отцом, — может быть, потому, что она говорила на общем языке, а капитан нет.

— Ты мне тоже по сердцу, Сэм, — прошептала Лилли. — И напиток этот мне нравится. Он как огонь.

Да… в самый раз для драконов. Сэм сходил к бочонку и наполнил заново их опустевшие чаши. Солнце склонилось к западу, раздувшись втрое против обычного. Его лучи румянили щеки Лилли. Они выпили за Коиджу Мо, и за сына Даллы, и за оставшегося на Стене сына Лилли. После этого они просто не могли не выпить за Эйемона из дома Таргариенов.

— Да рассудит его Отец по справедливости, — сказал Сэм, шмыгая носом. Солнце к этому

времени уже закатилось, лишь пылающая черта лежала на западном горизонте, будто только что зашитая рана. Лилли после выпитого казалось, что корабль кружится, как волчок, и Сэм проводил ее вниз, где в носовом помещении спали женщины.

Там висел фонарь. Сэм умудрился стукнуться об него головой и ойкнул.

— Больно? Дай посмотрю, — сказала Лилли.

Она придвинулась к нему… поцеловала в губы… и Сэм, неожиданно для себя, ответил на поцелуй. *Я дал обет*, подумал он, но его руки сами собой уже возились с завязками бриджей. Он прервал поцелуй, чтобы выговорить:

— Нельзя.

— Можно, — сказала Лилли и снова зажала его рот своим. Корабль завертелся еще сильнее. Язык Лилли отдавал ромом, а в следующий миг Сэм уже трогал ее обнаженные груди. Он снова вспомнил про обет и ощутил между губами ее сосок, твердый и розовый. Молоко брызнуло ему в рот, смешавшись со вкусом рома, — он в жизни еще не пробовал ничего вкуснее. *Выходит, я такой же, как Дареон*, подумал Сэм, но это было слишком хорошо, чтобы останавливаться. Его мужеский признак внезапно поднялся из штанов

толстой розовой мачтой. От этого глупого зрелища Сэм чуть не рассмеялся, но Лилли толкнула его на свою койку, задрала юбки и с тихим стоном на него опустилось. Это было даже лучше соска во рту. Какая мокрая, подумал Сэм, задыхаясь. Вот не думал, что у женщины в том месте может быть так мокро.

— Теперь я твоя жена, — шептала Лилли, скользя вверх и вниз. *Нет, ты не можешь ею быть*, думал стонущий Сэм, *я дал обет, я принес присягу*… Но произнес он лишь одно слово:

— Да.

Она уснула, обнимая его, уткнувшись лицом ему в грудь. Сэму тоже требовалось поспать, но он окончательно захмелел от рома, материнского молока и Лилли. Он знал, что должен отправляться в собственный гамак в мужском кубрике, но лежать, обнимая Лилли, было так славно, что не мог шевельнуться.

К ним вошли еще люди, мужчины и женщины. Он слышал, как они целуются, смеются, совокупляются. Так на Летних островах принято поминать умерших. На смерть там отвечают жизнью — Сэм где-то читал об этом. Может, и Лилли знала? Или Коиджа Мо научила ее?

Он вдыхал аромат ее волос. Фонарь раскачи-

вался над ними. Даже Старица со своей лампадой не смогла бы увести его от соблазна. Самое лучшее для него сейчас — это пойти и броситься в море. Тогда никто не узнает, что он покрыл себя позором, нарушил обет. А Лилли найдет себе настоящего мужчину вместо жирного труса.

Утром он проснулся в своем гамаке, и Ксондо орал у него над ухом:

— Ветер идет! Вставать, Черный Сэм! Работать! — Недостаток слов он восполнял громкостью. Сэм выкатился из гамака и тут же об этом пожалел. Голова раскалывалась, одна мозоль на ладони ночью лопнула, тошнота подкатывала к горлу.

Но Ксондо не ведал жалости, и пришлось напяливать на себя черное тряпье, сваленное в кучу под гамаком. Одежда пахла солью, дегтем, парусиной, плесенью, рыбой, фруктами, ромом, заморскими пряностями, редкими породами дерева и высохшим потом Сэма. Но запахи Лилли тоже остались на ней — ее волос, ее молока, и Сэм обонял их с радостью. Он много бы отдал, однако, за сухие чулки — от сырости у него на ногах завелся грибок.

Сундука с книгами не хватило, чтобы оплатить проезд четырех человек от Браавоса до Старо-

места, но на «Пряном ветре» недоставало рук, и капитан взял их с условием, что они будут работать. Сэм возразил на это, что больной старик, грудной младенец и не выносящая моря женщина работниками не могут быть, но Ксондо только посмеялся. «Черный Сэм большой, толстый. Будет работать за четверых».

По правде говоря, Сэм по своей неумелости вряд ли заменял даже одного настоящего моряка, но он старался. Он драил палубу и натирал ее камнем до блеска, поднимал якорь, свертывал канаты, истреблял крыс, конопатил течи пузырящейся горячей смолой, чистил рыбу и резал зелень для кока. Лилли тоже старалась. Со снастями она управлялась лучше, чем Сэм, хотя и зажмуривалась порой от вида морских просторов.

Лилли, думал Сэм. *Что же мне делать с Лилли?*

Из-за головной боли длинный жаркий день казался особенно тяжким. Сэм, выполняя команды Ксондо, возился со шкотами и избегал смотреть как на бочку, где лежало тело мейстера Эйемона, так и на Лилли. Он боялся взглянуть ей в лицо после того, что произошло между ними ночью. Когда она выходила на палубу, он уходил вниз. Когда она шла на нос, он убегал на корму. Когда она

улыбалась ему, он отворачивался, чувствуя себя донельзя несчастным. Напрасно он не бросился в море, пока Лилли спала. Он всегда был трусом, но клятвопреступником стал только теперь.

Будь мейстер Эйемон жив, Сэм спросил бы его совета. Будь на борту Джон Сноу или хотя бы Пип с Гренном, он обратился бы к ним. Был, правда, Ксондо — но Ксондо не понял бы ничего из рассказанного, а если б и понял, то посоветовал бы Сэму засадить бабе еще раз. Слово «засадить» Ксондо выучил первым из всего общего языка и очень его любил.

Хорошо еще, что «Пряный ветер» такой большой. На «Черном дрозде» Лилли бы мигом его застукала. Корабли с Летних островов в Семи Королевствах зовут «лебедиными» из-за обилия белых парусов и резных птичьих фигур на носу. Несмотря на свою величину, эти суда скользят по волнам с грацией, свойственной только им. «Пряный ветер» при хорошем свежаке мог обогнать любую галею, хотя штиль делал его беспомощным. И трусу на нем было где спрятаться.

Ближе к концу вахты его все-таки изловили.

— Черный Сэм идет с Ксондо! — Помощник сгреб его за шиворот, протащил по палубе и бросил к ногам Коиджи Мо.

— Вон там берег Дорна, — сказала Коиджа, указывая на застланный дымкой северный горизонт. — Песок, камни и скорпионы. Ни одной якорной стоянки на сотни лиг. Плыви туда, если хочешь, и иди в Старомест пешком. Через пустыню, горы и Торентинский залив. Если не хочешь, ступай к Лилли.

— Ты не понимаешь. Прошлой ночью мы с ней…

— Вы почтили усопшего и создавших вас богов. То же самое сделал и Ксондо. У меня на руках был ребенок, не то бы я была с ним. Вы, вестероссцы, стыдитесь любить, но любить не стыдно. Если ваши септоны говорят иначе, ваши семеро не боги, а демоны. У нас на островах по-другому. Наши боги дают нам глаза, чтобы видеть, носы, чтобы нюхать, руки, чтобы трогать и ласкать. Жестокий бог, который дает человеку глаза и велит никогда их не открывать, не видеть красоты мира, — это чудовище, злобный демон. — Коиджа потрогала Сэма между ног. — И это боги тоже дали тебе не напрасно. Это нужно, чтобы… как это…

— Засадить, — подсказал Ксондо.

— Да. Чтобы дарить наслаждение и делать детей. Стыда в этом нет.

Сэм попятился от нее прочь.

— Я дал обет. «Я не возьму себе жены, не буду отцом», — гласит наша присяга.

— Она знает про эти слова. Кое в чем Лилли еще ребенок, но она не слепая. Она знает, почему ты носишь черное, зачем едешь в Старомест. Знает, что не сможет всегда быть с тобой. Она хочет тебя только на время. Она потеряла отца, мужа, мать и сестер, дом, весь свой мир. У нее есть только ты и ребенок. Иди к ней или прыгай за борт и плыви.

Сэм в отчаянии смотрел на далекий берег. Туда ему ни за что не доплыть. Пришлось идти к Лилли.

— Если б я мог жениться, — сказал он ей, — то взял бы тебя, а не принцессу и не девицу из знатного дома. Но я не могу. Я ворона и навсегда останусь вороной. Я дал обет, Лилли. Пошел с Джоном в лес и произнес слова перед сердце-деревом.

— Деревья следят за нами, — смахнув слезы, прошептала Лилли. — В лесу от них ничего не скроется, но здесь деревьев нет, Сэм. Только вода.

Серсея

День выдался серый, холодный и мокрый. Все утро лил дождь, и даже когда он перестал, тучи никак не желали расходиться. Солнце не показалось ни разу. Такая погода способна привести в уныние кого угодно, даже маленькую королеву. Она не поехала на прогулку и весь день сидела со своим курятником в Девичьем Склепе. Они поочередно читали вслух и слушали пение Лазурного Барда.

Серсея до самого вечера чувствовала себя не лучше, но когда серые небеса стали чернеть, ей доложили, что «Прекрасная Серсея» пришла в порт с вечерним приливом и Аурин Уотерс просит его принять.

Королева тотчас же послала за ним. Он вошел в ее горницу, и она сразу поняла, что он привез добрые вести.

— Ваше величество, — сказал он с широкой улыбкой, — Драконий Камень ваш.

— Великолепно. — Она взяла вестника за руки и расцеловала его в обе щеки. — Томмен тоже обрадуется, я знаю. — Это значит, что флот лорда

Редвина отныне свободен и сможет очистить Щиты от Железных Людей. — Послания из Простора с каждым вороном становятся все более скверными. Железные Люди не удовлетворились своей новой победой. Они совершают набеги вверх по течению Мандера — мало того, дерзают нападать на Бор и окружающие его острова. Редвины оставили дома не более дюжины боевых кораблей, и все они захвачены врагом либо потоплены. Пишут даже, что этот безумец по имени Эурон Вороний Глаз послал свои ладьи в Шепотный залив, к Староместу.

— Лорд Пакстер запасался провизией для обратного перехода, когда «Прекрасная Серсея» подняла паруса, — сказал лорд Уотерс. — Думаю, теперь основная часть его флотилии уже вышла в море.

— Будем надеяться, что его путешествие окажется недолгим и погода будет лучше, чем сегодня у нас. — Серсея усадила Уотерса рядом с собой у окна. — Этим триумфом мы обязаны сиру Лорасу?

Улыбка исчезла с его лица.

— Кое-кто ответил бы «да», ваше величество.

— Кое-кто… но не вы?

— Я в жизни не видел более храброго рыцаря,

но то, что обещало стать бескровной победой, он превратил в бойню. Убито около тысячи человек, в основном наших. И это не просто латники, ваше величество, а рыцари и молодые лорды, цвет нашего воинства.

— А сам сир Лорас?

— Он тысяча первый. После битвы рыцаря внесли в замок, но раны его очень тяжелы. Он потерял столько крови, что мейстерам не понадобилось ставить пиявки.

— Как это грустно. Томмен будет безутешен. Он так восхищался нашим Рыцарем Цветов.

— Простой народ его тоже любит. Молодки будут ронять слезы в вино по всему Вестеросу, когда Лорас умрет.

В этом он прав. Три тысячи горожан собрались у Грязных ворот, чтобы проводить сира Лораса в день его отплытия, и трое из каждых четырех были женщины. У Серсеи это зрелище вызвало одно лишь презрение. Овцы вы этакие, с удовольствием крикнула бы она, — от Лораса Тирелла вам не дождаться ничего, кроме цветка и улыбки. Вместо этого она провозгласила его отважнейшим рыцарем Семи Королевств и улыбнулась, когда Томмен поднес ему меч, украшенный дорогими камнями. Король еще и обнял его, чего Серсея

не предусматривала, но теперь это уже не имеет значения. Лорас Тирелл умирает, и она может себе позволить великодушие.

— Рассказывайте, — приказала она. — Я хочу знать все, с начала и до конца.

Когда он закончил, в комнате стало совсем темно. Королева зажгла свечи и послала Доркас на кухню за хлебом, сыром и вареной говядиной с хреном. За ужином она велела Аурину повторить все еще раз, чтобы лучше запомнить.

— Не годится нашей дорогой Маргери слушать эту историю из чужих уст, — заявила она. — Я сама расскажу ей.

— Ваше величество очень добры, — ответил Уотерс с улыбкой — ехидной, как показалось Серсее. Не так уж сильно он похож на Рейегара, как она сочла поначалу. Только волосами — но у половины лисских шлюх, если верить путешественникам, волосы точно такие же. Рейегар был мужчиной, а этот — всего лишь хитрый мальчишка, хотя и полезный по-своему.

Маргери и три ее кузины пили вино и разбирали какую-то новую волантинскую игру. Час был поздний, но стража пропустила Серсею беспрекословно.

— Ваше величество, — начала королева-регент-

ша, — будет лучше, если вы услышите эту весть от меня. Аурин только что вернулся с Драконьего Камня. Ваш брат — герой.

— Я всегда это знала. — Маргери даже не удивилось как будто — видимо, она ожидала этого с того самого часа, как Лорас попросил доверить осаду замка ему. Но когда Серсея завершила свой рассказ, на щеках молодой королевы блестели слезы.

— Редвин велел саперам прорыть туннель под стенами замка, но наш Рыцарь Цветов счел это слишком медленным способом. Ему, без сомнения, не давала покоя судьба подданных вашего лорда-отца на Щитовых островах. Лорд Уотерс говорит, что он назначил штурм всего через полдня после своего прибытия, когда кастелян лорда Станниса отклонил его предложение решить дело поединком. Лорас первым ворвался в проломленные тараном ворота. Въехал в самую пасть дракона, весь в белом, с высоко поднятой булавой, убивая всех на своем пути.

Мегга Тирелл к этому времени плакала в три ручья.

— Как он умер? — спросила она. — Кто убил его?

— Эта честь не принадлежит никому. Сир Лорас

получил один арбалетный болт в бедро и другой в плечо, но продолжал биться, обливаясь кровью. Удар палицей сломал ему несколько ребер, а после… но о худшем я умолчу.

— Говорите все, — сказала Маргери. — Я приказываю.

Приказывать мне?! Серсея на миг умолкла, но решила пропустить это мимо ушей.

— После взятия крепостной стены защитники отошли в замок. Лорас вновь возглавил атаку, и его облили кипящим маслом.

Леди Элла, побелев, выбежала из комнаты.

— Лорд Уотерс заверил меня, что мейстеры делают все возможное, но боюсь, что ожоги вашего брата слишком серьезны. — Серсея обняла маленькую королеву и поцеловала в щеку, ощутив соленый вкус ее слез. — Он наш спаситель. Джейме запишет его подвиги в Белую Книгу, и барды будут воспевать его тысячу лет.

Маргери вырвалась из ее объятий так, что Серсея чуть не упала.

— Он еще жив, — сказала она.

— Да, но мейстеры говорят…

— Он еще жив!

— Я хотела лишь пощадить вас…

— Я знаю, чего вы хотели. Выйдите вон.

Теперь ты знаешь, что я чувствовала в ту ночь, когда умер мой Джоффри. Серсея поклонилась с холодной учтивостью.

— Я соболезную вам, дочь моя. Оставляю вас с вашим горем.

Леди Мерривезер в эту ночь не пришла, и Серсее не спалось. Если бы лорд Тайвин видел ее теперь, он понял бы, что у него есть наследник, достойный Утеса. Джаселина Свифт тихо похрапывала рядом. Отольются теперь Маргери те слезы, которые ей следовало пролить по Джоффри. Мейс Тирелл тоже скорее всего будет плакать, но Серсея не дала ему никакого повода порывать с ней. Она всего лишь почтила Лораса своим доверием, ничего больше. Он сам просил ее об этом, склонив колено, и половина двора это видела.

Когда он умрет, надо будет поставить где-нибудь его статую и устроить такие похороны, каких Королевская Гавань еще не видывала. Народу это понравится, и Томмену тоже. Мейс, бедняга, еще и поблагодарит ее. Что до леди-матери, она, по милости богов, не переживет смерти сына.

Столь прекрасного солнечного восхода Серсея не видела уже много лет. Вскоре пришла Таэна и рассказала, что всю ночь утешала Маргери и ее дам, пила с ними вино, роняла слезы и вела

разговоры о Лорасе.

— Маргери уверена, что он не умрет, — говорила она, пока королева одевалась для выхода. — Собирается послать к нему своего мейстера. А кузины молят Матерь сохранить ему жизнь.

— Я тоже помолюсь. Завтра мы пойдем с тобой в Септу Бейелора и поставим за Рыцаря Цветов сотню свечей. Подай мне корону, Доркас, — новую. — Этот венец был легче старого. Серсея повернула голову, сверкнув изумрудами в оправе из бледного крученого золота.

Джаселина открыла дверь сиру Осмунду, и он доложил:

— Утром по поводу Беса явились четыре человека. — Это приятно удивило Серсею. В Красный Замок постоянно приходили люди, будто бы знавшие что-то о Тирионе, но чтобы четверо сразу… — Один принес голову, — добавил сир Осмунд.

— Его я приму первым. Проводите его в мою горницу. — Пусть на сей раз ошибки не будет. Да свершится наконец месть, чтобы Джофф упокоился с миром. Семь — священное число, говорят септоны; пусть же седьмая голова принесет и ей желанный покой.

Доставивший ее человек оказался тирошийцем,

коренастым, потным, с раздвоенной зелено-розовой бородой и елейной улыбкой, напомнившей королеве Вариса. Серсея невзлюбила его с первого взгляда, но приготовилась простить ему все недостатки, если в ларце у него действительно лежит голова Тириона. Ларец был кедровый, инкрустированный слоновой костью в виде цветов и лоз, с петлями и застежками из белого золота. Красивая вещица, но королеву занимало лишь то, что внутри. Шкатулка по крайней мере достаточно велика. Голова у Тириона была до смешного большая для такого короткого тельца.

— Ваше величество, — промолвил тирошиец с низким поклоном, — я вижу, что вы в самом деле так прекрасны, как о вас говорят. Даже к нам за Узкое море дошли вести о вашей сказочной красоте и о горе, терзающем ваше нежное сердце. Не в силах человеческих вернуть вам любимого сына, но я надеюсь предложить вам средство для смягчения ваших страданий. — Он опустил руку на крышку ларца. — Я принес вам голову вашего *валонкара.*

Старое валирийское слово заставило ее вздрогнуть, но в то же время зажгло в ней искру надежды.

— Бес мне больше не брат, если когда-либо и

был им. И я не желаю называть его имени. Оно было славным некогда, пока он не обесчестил его.

— У нас в Тироше его называют Красные Руки, ибо на них кровь короля и кровь его родного отца. Мать свою он, можно сказать, тоже убил, разодрав ее чрево при появлении на свет.

Что за чушь, подумала Серсея, но вслух ответила:

— Это правда. Если в твоем ларце лежит голова Беса, я сделаю тебя лордом и пожалую тебе богатые земли и замки. — Титулы нынче дешевле грязи, а в речных землях полно разрушенных замков, неубранных полей и сожженных деревень. — Мой двор ждет — открой же ларец.

Тирошиец картинно откинул крышку и отошел немного назад. Из синих бархатных глубин на Серсею смотрела голова карлика.

— Это не мой брат, — присмотревшись, объявила она. Рот ее наполнился горечью. Незачем было и надеяться, особенно после Лораса. Милость богов имеет свои пределы. — У него глаза карие, а у Тириона один глаз был черный, другой зеленый.

— Видите ли, ваше величество… прежние глаза не совсем хорошо сохранились, и я взял на себя смелость заменить их стеклянными, другого

цвета, как вы изволили заметить.

Это привело ее в еще большее раздражение.

— У твоей головы, может, глаза и стеклянные, но у меня нет. На Драконьем Камне есть горгульи, больше похожие на Беса, чем этот карлик. Он лысый и вдвое старше моего брата. А зубы его куда делись?

Тирошиец съежился под натиском ее ярости.

— У него были прекрасные золотые зубы, ваше величество, но мы, к сожалению…

— *Погоди сожалеть. У тебя еще все впереди. — Удавить бы тебя медленно, чтобы ты ловил воздух и стал весь черный, как мой бедный сын.* Приказ о казни уже готов был слететь с ее губ.

— Я неповинен в этой ошибке. Все карлики так похожи. И носа у него нет, как изволит видеть ваше величество…

— Носа нет, потому что ты отрезал его.

— Нет! — Но крупный пот на лбу свидетельствовал, что тирошиец лжет.

— Да, да, — с ядовитой сладостью сказала Серсея. — У тебя хотя бы на это хватило ума. Последний дуралей пытался внушить мне, что какой-то деревенский колдун отрастил ему нос заново. Я полагаю, однако, что ты задолжал этому карлику недостающую часть лица. Ланнистеры

платят свои долги, и ты тоже заплатишь. Отведите этого мошенника к Квиберну, сир Меррин.

Трант взял тирошийца под руку и повел прочь, невзирая на его бурные возражения.

— Уберите от меня эту вещь, сир Осмунд, — сказала Серсея, когда они вышли, — и приведите трех остальных, которые якобы что-то знают.

— Слушаюсь, ваше величество.

Эти трое, увы, принесли не больше пользы, чем тирошиец. Один уверял, что Бес прячется в староместском борделе, удовлетворяя мужчин с помощью рта. Забавная была бы картина, но Серсея ни на миг в это не поверила. Второй сказал, что видел Беса среди представляющих в Браавосе скоморохов. По словам третьего, Тирион жил отшельником в речных землях, на каком-то пользующемся дурной славой холме.

— Приведи моих храбрых рыцарей к своему карлику и будешь щедро вознагражден, — отвечала Серсея каждому. — Если это, конечно, действительно Бес. Если же нет, то мои рыцари не слишком терпеливы к обманщикам и глупцам, вынуждающим их гоняться за тенью. Подобный лжец может лишиться своего языка. — После этого все трое сразу засомневались и стали говорить, что карлик, может быть, и не тот.

Неужели на свете столько карликов?

— Можно подумать, эти маленькие чудовища так и кишат повсюду, — пожаловалась она, когда последнего доносчика вывели. — Сколько еще их осталось?

— Во всяком случае, меньше, чем было, — заметила леди Мерривезер. — Могу ли я иметь честь сопровождать ваше величество ко двору?

— Если скука вас не пугает. Роберт был глуп в большинстве вещей, но в одном я с ним согласна: управлять государством — дело скучное и утомительное.

— Мне грустно видеть ваше величество отягощенной заботами. Развлекайтесь, веселитесь, а нудные прошения пусть слушает ваш десница. Давайте переоденемся служанками и проведем день среди простого народа. Послушаем, что они говорят о падении Драконьего Камня. Я знаю одну гостиницу, где Лазурный Бард поет, когда не услаждает слух маленькой королевы, и погребок, где фокусник превращает свинец в золото, воду — в вино, девочек — в мальчиков. Быть может, он и с нами сотворит чудо — разве не забавно побыть одну ночь мужчиной?

Если уж становиться мужчиной, так только Джейме. Будь Серсея мужчиной, она правила бы

страной сама, а не от имени Томмена.

— При условии, что ты останешься женщиной, — сказала она, зная, что Таэна хочет услышать именно это. — Ты делаешь дурно, что так искушаешь меня. Хороша бы я была королева, если бы вверила государство трясущимся рукам Хариса Свифта.

— Ваше величество слишком верны своему долгу, — надулась Таэна.

— Да — и к концу дня пожалею об этом. — Серсея взяла наперсницу под руку. — Идем.

Джалабхар Ксо обратился к ней первый, как приличествовало его титулу принца в изгнании. Его великолепный, сшитый из перьев плащ плохо сочетался с ролью смиренного просителя. Серсея, выслушав обычный призыв дать ему людей и оружия, чтобы он мог отвоевать Долину Красных Цветов, ответила:

— Его величество ведет собственную войну, принц Джалабхар, и не может сейчас выделить вам людей. Вернемся к этому на будущий год. — То же самое всегда говорил ему Роберт. На будущий год она скажет, что этому никогда не бывать, но день, в который Драконий Камень перешел под ее руку, омрачать незачем.

Лорд Галлин из Гильдии Алхимиков попросил,

чтобы им позволили вывести драконов из яиц, которые могут найтись на Драконьем Камне.

— Если таковые и сохранились, Станнис наверняка продал их, чтобы поднять свой мятеж, — сказала ему королева, умолчав о безумии подобного замысла. С тех пор, как умер последний дракон Таргариенов, все попытки вывести новых кончались смертью, несчастьем или позором.

Депутация купцов обратилась с прошением защитить их от браавосского Железного банка. Браавосийцы требовали срочного погашения всех долгов и отказывали в выдаче новых ссуд. *Нам нужен собственный банк*, решила Серсея. Золотой банк Ланниспорта. Возможно, она учредит его, когда трон Томмена станет крепче. В ожидании этого она посоветовала купцам уплатить требуемое.

Депутацию духовенства возглавлял ее старый друг септон Рейнард. В замок его сопровождали шесть Сынов Воина — итого семь, священное число. У нового верховного септона — его воробейства, по меткому слову Лунатика, — без семерок ничего не обходится. Пояса рыцарей были раскрашены в семь цветов Веры, на эфесах мечей и шлемах сверкали кристаллы. Большие треугольные щиты, вышедшие из моды со вре-

мен Завоевания, украшала столь же прочно забытая эмблема — сверкающий радужный меч на темном поле. Около ста рыцарей, по словам Квиберна, уже принесли присягу ордену Сынов Воина, и каждый день прибывали новые. Кто бы мог подумать, что в стране найдется столько святош?

В основном это были домашние и межевые рыцари, но встречались и отпрыски знатных домов: младшие сыновья, мелкие лорды, старики, желающие искупить былые грехи. И Лансель. Когда Квиберн сообщил ей, что ее дурачок-кузен, бросив замок и жену, вернулся с намерением посвятить себя святой вере, Серсея подумала, что советник решил пошутить. Однако вот он, Лансель, — стоит вместе с другими, такими же полоумными.

Серсее это совсем не нравилось, а грубость и неблагодарность его воробейства начинали выводить ее из терпения.

— Где верховный септон? — спросила она Рейнарда. — Я звала его, а не вас.

— Его святейшество послал меня вместо себя, — начал Рейнард, старательно выражая сожаление лицом и голосом. — И просил передать вашему величеству, что сам он по зову Семерых ушел

сражаться со злом.

— Каким это образом? Проповедуя на Шелковой улице? Он полагает, что его молитва вернет шлюхам невинность?

— Отец и Матерь создали нас так, чтобы жены, сочетаясь со своими мужьями, рождали детей, — ответил Рейнард. — Грешно и недостойно продавать священные детородные органы за презренные деньги.

Королева лучше восприняла бы сие поучение, если б не знала, что у Рейнарда имеются близкие души в каждом доме на Шелковой улице. Он, безусловно, заключил, что повторять бредни его воробейства предпочтительней, чем скрести полы.

— Я не просила вас читать проповедь мне, — сказала Серсея. — Содержатели публичных домов жалуются, и жалобы их справедливы.

— Зачем праведникам слушать речи грешников?

— Эти грешники пополняют нашу казну, — напрямик заявила королева. — Их медяки помогают мне выплачивать жалованье золотым плащам и строить галеи для защиты наших берегов. Приходится думать и о торговле. Если в Королевской Гавани не станет борделей, торговые суда пойдут

в Синий Дол и Чаячий город. Его святейшество обещал мне навести порядок на улицах — но без уличных девок это неосуществимо. Простолюдины, если лишить их доступных женщин, обратятся к насилию. Посему пусть его святейшество отныне молится в септе, которая для того и существует.

Далее она ожидала услышать доклад лорда Джайлса, но вместо него явился великий мейстер Пицель с известием, что Росби слишком слаб и не может подняться с постели.

— Боюсь, как это ни грустно, что лорд Джайлс скоро присоединится к своим благородным предкам. Да рассудит его Отец по справедливости.

В случае смерти Росби Мейс Тирелл с маленькой королевой снова попытаются навязать Серсее Тучного Гарта.

— Лорд Джайлс кашляет уже очень давно, но умирать никогда и не думал, — посетовала она. — Он прокашлял половину царствования Роберта и все правление Джоффри. Если он собрался наконец умереть, то лишь оттого, что его смерть кому-то желательна.

— Но кто же может хотеть смерти лорда Джайлса, ваше величество? — недоверчиво заморгал Пицель.

— Его наследник, быть может. — Или маленькая королева. — Женщина, которой он пренебрег когда-то. — Маргери, Мейс и Королева Шипов, почему бы и нет? Джайлс им мешает. — Старый враг. Новый враг. Вы.

— Ваше величество изволит шутить, — побледнел почтенный старец. — Я дал его милости слабительное, пустил ему кровь, лечил его примочками и целебным паром… лорд Джайлс чувствует некоторое облегчение, вдыхая его, а «сладкий сон» смягчает приступы кашля, но с кровью у него теперь выходят также частицы легких…

— Довольно. Возвращайтесь к больному и скажите, что я не давала ему позволения умирать.

— Как прикажет ваше величество, — чопорно поклонился Пицель.

Так оно и продолжалось — прошение за прошением, одно скучнее другого. Вечером, ужиная без затей вместе с сыном, королева сказала ему:

— Когда будешь молиться перед сном, Томмен, поблагодари Отца с Матерью за то, что ты еще не вышел из детского возраста. Быть королем — тяжкий труд. Ты сам увидишь, как мало в этом приятного. Они налетят на тебя, как воронье, норовя урвать для себя по куску твоей плоти.

— Да, матушка, — с грустью ответил мальчик. Ясно, что маленькая королева уже рассказала ему про сира Лораса. Сир Осмунд сказал Серсее, что Томмен плакал. Ничего. Он совсем еще дитя — к возрасту Джоффа он и думать забудет о Лорасе. — Только я не боюсь их. Я хотел бы каждый день принимать просителей вместе с вами и слушать. Маргери говорит…

— …слишком много, — перебила его Серсея. — Я бы охотно укоротила ей язычок.

— Не говорите так! — закричал вдруг Томмен, весь покраснев. — Вы не смеете ее трогать. Я король, а не вы.

— Что ты сказал? — не веря своим ушам, проговорила Серсея.

— То, что я король. Я решаю, кому отрезать язык, а не вы. Я не позволю вам тронуть Маргери. Я запрещаю.

Серсея за ухо потащила вопящего Томмена к двери, где стоял на страже сир Борос Блаунт.

— Сир Борос, его величество забывается. Извольте проводить его в спальню и вызовите к нему Пейта. Я хочу, чтобы на сей раз Томмен собственноручно высек этого мальчика. До крови. Буде его величество откажется или молвит хоть слово против, позовите Квиберна и прикажите

ему отрезать Пейту язык, чтобы его величество узнал цену дерзости.

— Как вам будет угодно, — нерешительно поглядывая на короля, ответил сир Борос. — Прошу вас, ваше величество, пойдемте со мной.

Когда настала ночь, Джаселина развела огонь в очаге, а Доркас зажгла свечи. Открыв окно, чтобы подышать воздухом, Серсея увидела, что тучи набежали снова и скрыли звезды.

— Как темно, ваше величество, — промолвила Доркас.

Да, темно… но все же не так, как в Девичьем Склепе, или на Драконьем Камне, где лежит обожженный, израненный Лорас, или в темницах под замком. При чем здесь темницы? Она дала себе слово больше не думать о Фалисе. Поединок, подумать только! Фалиса сама виновата — нечего было выходить замуж за такого болвана. Из Стокворта известили, что леди Танда скончалась от воспаления в груди, последовавшего за переломом бедра. Теперь леди Стокворт — полоумная Лоллис, а Бронн — ее лорд. Танда мертва, Джайлс умирает — хорошо хоть, Лунатик здоров, иначе при дворе дураков бы вовсе не стало. Королева улыбнулась, опустив голову на подушку. Поцеловав Маргери в щеку, она ощутила вкус ее слез.

Ей приснился старый сон — три девочки в бурых плащах, старуха, пахнущий смертью шатер.

В шатре, высоком, с острым верхом, тоже было темно. Серсее очень не хотелось туда заходить — так же, как в десять лет, — но подружки смотрели на нее, и она не могла отступить. Во сне, как и в жизни, их было трое. Толстая Жанея Фармен держалась позади, как всегда. Чудо, что она до сих пор не сбежала. Мелара Гетерспун была смелее, старше и красивее, хотя и пестрела веснушками. Они втроем ночью потихоньку встали с постелей, завернулись в грубые плащи с капюшонами и прокрались через турнирное поле. Мелара слышала, как шептались между собой служанки: колдунья, мол, может проклясть человека и заставить его влюбиться, умеет вызывать демонов и предсказывать будущее.

В жизни девочки хихикали и переговаривались на ходу, испуганные и взволнованные в равной мере. Во сне дело обстояло иначе. Рыцарские павильоны стояли темные, а сами рыцари и их слуги, попадавшиеся навстречу, были сотканы из тумана. Девочки шли долго, их факелы совсем догорели. Серсея видела, как они жмутся друг к дружке. Поворачивайте назад, не ходите туда, хотела сказать она — и не могла выговорить ни

слова.

Дочь лорда Тайвина вошла в шатер первая, Мелара Гетерспун — вторая, Жанея — последняя, прячась за спинами подруг, как всегда.

Внутри их встретили запахи. Корица, мускатный орех, перец — красный, белый и черный. Миндальное молоко, лук, гвоздика, лимонник, драгоценный шафран, еще более редкие пряности. Свет давала только железная жаровня в виде головы василиска. Тусклый зеленый свет, от которого стены шатра походили на мертвую гниющую плоть. В жизни тоже так было? Серсея уже не помнила.

Колдунья спала — как во сне, так и в жизни. *Не тревожьте ее*, хотелось крикнуть Серсее. *Никогда не будите спящую колдунью, глупые вы девчонки.* Но она ничего не могла сказать, а девочка сбросила плащ, пнула тюфяк, на котором лежала колдунья, и сказала: «Вставай и предскажи нам судьбу».

Магги-Жаба открыла глаза, и Жанея с визгом бросилась вон из шатра. Глупая толстушка Жанея, с лицом как тесто, боявшаяся всего на свете, на поверку оказалась умнее всех. Она до сих пор живет на Светлом острове, вышла за знаменосца своего брата и родила с дюжину ребятишек.

Желтые глаза старухи слиплись от какой-то дряни. Когда муж привез ее с востока вместе с грузом пряностей, говорили в Ланниспорте, она была молода и красива, но годы и колдовское ремесло оставили на ней след. Она была приземистая, вся в бородавках, с зелеными брылами. Зубы у нее все выпали, груди свисали до самых колен. Вблизи от нее пахло болезнью, дыхание тоже отдавало чем-то нечистым.

— Ступайте прочь, — сказала она хриплым шепотом.

— Мы пришли узнать свое будущее, — ответила на это маленькая Серсея.

— Уходите, — повторила старуха.

— Мы слышали, что ты умеешь предсказывать, — сказала Мелара. — Мы хотим только знать, за кого выйдем замуж.

— Уходите, — в третий раз повторила Магги.

Послушайтесь ее, крикнула бы королева, если б могла. *У вас еще есть время. Бегите, глупые!*

— Предсказывай, — подбоченилась девочка с золотыми кудряшками, — иначе я пойду к моему лорду-отцу и попрошу, чтобы тебя высекли.

— Ну пожалуйста, — умильно подхватила Мелара. — Скажи, что нас ждет, и мы сразу уйдем.

— Кое у кого будущего нет вовсе, — страшным

низким голосом пробубнила Магги и поманила девочек к себе. — Что ж, подходите, раз такие упрямые. Подите сюда, мне нужна ваша кровь.

Мелара побледнела, а Серсея ни чуточки. Не станет львица бояться жаб, даже самых старых и безобразных. Ей бы послушаться колдуньи и убежать — вместо этого она взяла кинжал, который дала ей Магги, и провела кривым лезвием по большому пальцу — себе и Меларе.

В зеленом шатре кровь казалась не красной, а черной.

— Давайте сюда, — пожевав беззубым ртом, приказала Магги. Серсея протянула ей руку, и та припала к ранке деснами, мягкими, как у новорожденного младенца. Королева до сих пор помнила их холодное, ни на что не похожее прикосновение.

— Можешь задать мне три вопроса, — сказала затем колдунья. — Спрашивай или уходи. — *Уходи*, молила во сне королева, *прикуси язык и беги*. Но девочка была слишком неразумна, чтобы бояться.

— Когда я выйду замуж за принца? — спросила она.

— Никогда. Ты выйдешь за короля.

Девочка наморщила лоб под золотыми кудряш-

ками. Годы спустя она решила, что станет женой Рейегара, лишь когда умрет его отец, король Эйерис.

— Так я буду королевой? — задала она свой второй вопрос.

— Будешь, — злобно поблескивая желтыми глазами, сказала Магги. — Будешь, пока не придет другая, моложе и красивее. Она свергнет тебя и отнимет все, что тебе дорого.

— Пусть попробует, — гневно вспыхнула девочка. — Я скажу брату, и он убьет ее. — Она и тогда не остановилась, упрямица, — ведь у нее остался еще один, последний, вопрос. — У нас с королем будут дети?

— О да. У него шестнадцать, у тебя трое.

Этого Серсея не поняла. Порезанный палец болел, кровь капала на ковер. Как же это возможно? — хотела спросить она, но вопросы все вышли.

Старуха, однако, еще не закончила с ней.

— Золотые короны для всех троих, золотые саваны. А когда ты утонешь в слезах, придет валонкар, и сомкнет руки на твоем белом горле, и выдавит из тебя жизнь.

Предсказание не понравилось девочке.

— Какой еще валонкар? Чудище из сказки?

Лгунья, гадкая жаба, вонючая старая дикарка! Ни одному твоему слову не верю. Пойдем, Мелара, нечего слушать ее болтовню.

Она потянула Мелару за руку, но та вырвалась.

— Я тоже хочу задать свои три вопроса, — заявила она и выпалила: — Выйду ли я замуж за Джейме?

Дура. Королева и теперь испытывала гнев, вспоминая об этом. Джейме даже не знал, что она есть на свете. В ту пору для брата Серсеи в жизни существовали только мечи, собаки и лошади… и сама Серсея, сестра-близнец.

— Ни за Джейме, ни за другого, — ответила Магги. — Твое девичество заберут черви. Твоя смерть сейчас здесь, с нами, малютка. Чувствуешь ее дыхание? Она совсем близко.

— Мы чувствуем только одно дыхание — твое. — Серсея схватила горшок с каким-то зельем, стоявший возле нее на столе, и метнула старухе в голову. В жизни Магги завопила на каком-то чужом языке и стала осыпать их проклятиями, когда они выскочили вон. Во сне лицо стало сползать с нее, таять, словно серый туман, и от него остались только два прищуренных желтых глаза — зеницы самой смерти.

«Валонкар сомкнет руки на твоем горле», —

вновь услышала королева голос колдуньи, и руки явились из туманов ее сновидения, сильные, хваткие. Над ними маячило лицо, с ухмылкой глядевшее на нее разномастными глазами. Нет, хотела закричать королева, но пальцы карлика уже впились в ее шею, пережав голос. Она билась и хрипела, но тщетно. Вскоре ей стал доступен лишь тот страшный сосущий звук, который издавал перед смертью Джофф, ее сын.

Серсея проснулась в темноте, задыхаясь, с обмотавшимся вокруг шеи одеялом. Она яростно сорвала его и села, тяжело дыша. Всего лишь сон. Ее старый сон и злосчастное одеяло.

Таэна опять ночевала у маленькой королевы, и рядом с Серсеей спала Доркас. Королева потрясла ее за плечо.

— Вставай и приведи ко мне Пицеля. Он, должно быть, у лорда Джайлса. Пусть сейчас же идет сюда. — Полусонная Доркас сползла с кровати и стала искать одежду, шлепая босыми ногами по тростнику.

Век спустя приплелся великий мейстер. Он моргал своими тяжелыми веками и отчаянно старался сдержать зевоту. Казалось, что мейстерская цепь на его тощей шее своей тяжестью тянет Пицеля к полу. Пицель на памяти Серсеи

всегда был стар, но прежде он нес свою старость с достоинством — богато одетый, величественный, безупречно учтивый. Длиннейшая белая борода придавала ему вид мудреца. Но Тирион сбрил эту бороду, а взамен нее у Пицеля отросли какие-то жалкие волосенки, не скрывавшие отвисшей розовой кожи ниже подбородка. Не человек, а развалина. Бритва Беса и темный каземат выпили из него те скудные силы, которые в нем еще оставались.

— Сколько вам лет? — спросила Серсея.

— Восемьдесят четыре, ваше величество.

— Многовато.

Пицель провел языком по губам.

— Мне было сорок два, когда конклав выбрал меня. Каэт принял эту должность в восемьдесят, Эллендор — почти в девяносто. Тяготы служения сокрушили их, и оба не прожили и года после избрания. Следующим стал Мерион, всего шестидесяти шести лет, но он умер от простуды на пути в Королевскую Гавань. После этого король Эйегон попросил Цитадель прислать кого-нибудь помоложе. Он был первым королем, которому я служил.

А Томмен будет последним, добавила про себя Серсея.

— Мне нужно какое-нибудь снадобье, чтобы уснуть.

— Чаша вина перед сном могла бы…

— Вино я уже пила, безмозглый ты дуралей. Мне требуется что-нибудь посильнее. Чтобы ничего не приснилось.

— Ваше величество не желает видеть сны?

— А я тебе что говорю? Мало того что хрен у тебя не встает, так еще и уши не слышат? Можешь ты дать мне такое питье, или позвать Квиберна, чтобы он в очередной раз тебя выручил?

— Обращаться к этому… к Квиберну нет нужды. Вы получите ваше снадобье.

— Хорошо, ступай. Нет, погоди. Что говорит Цитадель о пророчествах? Возможно ли предсказать будущее?

Старик задумался. Морщинистая рука шарила по груди, словно отыскивая бороду, которой там больше не было.

— Возможно ли предсказать будущее? — медленно повторил он. — Такая возможность есть. В старинных книгах встречаются способы… однако вашему величеству следовало бы спросить, *нужно ли* прибегать к таким предсказаниям. На это я ответил бы «нет». Есть двери, которые лучше не открывать.

— Закрой за собой мою, когда выйдешь. — Наперед было ясно, что толкового ответа от него не дождешься.

Утром она завтракала с Томменом. Мальчик стал намного послушнее — наказание, которое он совершил над Пейтом, явно достигло цели. Они ели яичницу, поджаренный хлеб, ветчину и красные апельсины, только что доставленные из Дорна. Томмен играл с котятами, которые резвились у его ног, и это зрелище немного развеселило Серсею. С Томменом ничего не случится, пока его мать жива. Ради его безопасности она готова перебить половину лордов Вестероса и все простое сословие.

— Ступай с Джаселиной, — сказала она после завтрака сыну и послала за Квиберном.

— Что леди Фалиса, жива еще? — спросила она, не успел он войти.

— Да, хотя не совсем… в добром здравии.

— Понимаю. — Серсея поразмыслила. — Этот Бронн… не хочется, чтобы враг находился так близко. Свое лордство он получил через Лоллис. Если мы вернем старшую сестру…

— Увы. Леди Фалиса, боюсь, не способна более управлять Стоквортом. Она даже ложку до рта донести не может. Рад доложить вам, что мно-

го узнал благодаря ей, но эти уроки не прошли даром. Надеюсь, я не превысил полномочий, данных мне вашим величеством?

— Нет. — Ее план запоздал, и не стоит больше думать об этом. Фалиса все равно не смогла бы жить без своего мужа. Как ни странно, она, похоже, любила этого олуха. — Теперь о другом: ночью мне приснился кошмарный сон.

— Нам всем они снятся время от времени.

— Это сон о колдунье, у которой я побывала ребенком.

— Лесная ведьма? Большей частью они безобидны. Смыслят немного в травах и в повивальном деле, в остальном же…

— Эта была не так проста. Половина Ланниспорта ходила к ней за чарами и зельями. Ее сына, богатого купца, мой дед сделал лордом, а отец этого лорда нашел ее на востоке, куда ездил по торговым делам. Говорили, что она приворожила его, но я думаю, что все чары помещались у нее между ног. Если верить тем же разговорам, она не всегда была безобразной. Не помню, как ее звали — какое-то иноземное имя. В просторечии она звалась Магги.

— Мейега?

— Вот, значит, как это произносится. Она

высасывала каплю крови у вас из пальца и предсказывала судьбу.

— Кровная магия — самая темная из всех видов чародейства. Говорят также, что и самая мощная.

Серсее не хотелось этого слышать.

— Так вот эта Мейега мне кое-что напророчила. Тогда я посмеялась над ней, но… она также предсказала смерть одной девочке, которая мне прислуживала. Той было всего одиннадцать лет, и она просто цвела здоровьем. Однако вскоре она упала в колодец и утонула. — Мелара умоляла ее никому не рассказывать о том, что они слышали в шатре у Мейеги. Если не говорить, то все скоро забудется, как дурной сон, говорила она. Мудрые слова для их тогдашнего возраста.

— Вы до сих пор грустите о подруге вашего детства? Именно это тревожит ваше величество?

— О Меларе? Нет. Я ее едва помню. Но эта Мейега знала, сколько у меня будет детей, и о бастардах Роберта тоже знала — задолго до того, как он зачал самого первого. Ты будешь королевой, сказала она, но после придет другая… — *Моложе и красивее…* — Придет другая и отнимет все, что тебе дорого.

— И вы хотите этому помешать?

Еще бы. Больше всего на свете.

— А разве это возможно?

— Вполне возможно.

— Но как?

— Думаю, ваше величество знает как.

Да, она знала. Всегда знала — еще тогда, в том шатре. «Пусть только попробует — я велю моему брату убить ее».

Однако знать, *что* нужно сделать, — одно, а знать, *как* это сделать, — другое. На Джейме больше полагаться нельзя. Внезапная болезнь была бы лучше всего, но боги редко бывают столь милостивы. Что же тогда? Нож, подушка, чаша с ядом? Во всем этом есть свои трудности. Когда старик умирает во сне, все принимают это как должное, но если шестнадцатилетнюю девушку найдут утром мертвой, это вызовет нежелательные вопросы. Притом Маргери никогда не спит в одиночестве, и даже после смерти Лораса ее будут охранять денно и нощно.

Но у каждого лезвия две стороны, и вчерашний страж может завтра обернуться орудием ее гибели. Нужны лишь доказательства — столь бесспорные, что даже лорд-отец Маргери вынужден будет дать согласие на ее казнь. Это непросто, совсем непросто. Какой же любовник сознается,

понимая, что это будет стоить головы и ему? Разве что…

Назавтра королева вышла во двор, где Осмунд Кеттлблэк бился с одним из близнецов Редвинов — Серсея не умела их различать. Понаблюдав немного за поединком, она отозвала сира Осмунда в сторону.

— Пройдемся. Мне нужна правда без пустой похвальбы о том, что каждый Кеттлблэк втрое лучше любого другого рыцаря. От твоего ответа зависит многое. Насколько хорошо владеет мечом твой брат Осни?

— Вы сами видели. Он не так силен, как я или Осфрид, но убивает весьма проворно.

— Сможет он в случае чего победить Бороса Блаунта?

— Бороса-пузана? — хмыкнул Осмунд. — Сколько там ему — сорок или все пятьдесят? К тому же этот толстяк почти всегда под хмельком. Если он и любил когда-то подраться, то давно потерял к этому вкус. С Боросом, если таково желание вашего величества, Осни справится без особого труда. Только зачем? Разве Борос повинен в измене?

— Нет. — Зато Осни повинен, добавила она про себя.

Бриенна

В миле от перекрестка дорог они увидели первый труп.

Мертвец висел на черном, опаленном молнией дереве. Вороны исклевали его лицо, волки объели ноги ниже колен — теперь там болтались лишь кости, лохмотья да один недожеванный, заплесневелый башмак.

— Что это у него во рту? — спросил Подрик.

Бриенна заставила себя посмотреть на серое с прозеленью лицо повешенного. Кто-то засунул ему в рот белый камень или…

— Соль, — сказал септон Мерибальд.

Второй мертвец отыскался в пятидесяти ярдах от первого. Этого пожиратели падали стащили с дерева. Бриенна даже не заметила бы оставшейся на вязе веревки, но Собака учуял что-то и нырнул в густую траву.

— Что там такое, Собака? — Сир Хиль спешился, пошел следом и принес полушлем, в котором застрял череп, кишащий червями. — Хорошая сталь и даже не слишком помялась, хотя лев головы не сносил. Хочешь тебе отдам, Под?

— Не хочу. В нем черви.

— Червей можно вытряхнуть. Что ты как девчонка.

— Шлем ему велик, — сердито вмешалась Бриенна.

— Ничего, дорастет скоро.

— Я не хочу, — упорствовал Подрик. Сир Хиль пожал плечами и зашвырнул шлем с львиным гребнем обратно в траву. Собака гавкнул и задрал лапу у вяза.

После этого мертвецы стали попадаться через каждые сто ярдов. Они висели на ясенях и ольхах, березах и буках, старых ивах и стройных каштанах, и каждый держал во рту комок соли. Дожди и солнце так потрудились над их плащами, что трудно было понять, какого цвета те были прежде — красные, серые или синие. Кое у кого на груди сохранились эмблемы. Бриенна различала топоры, стрелы, лосося, сосну, дубовый лист, жуков, петуха, голову вепря, с полдюжины трезубцев. Недобитки, подонки различных войск, маленькие люди великих лордов.

При жизни они были лысыми и бородатыми, молодыми и старыми, высокими и низенькими, толстыми и тощими. Теперь они, раздувшиеся, с оплывшими лицами, ничем не отличались

один от другого. Виселица всех делает братьями. Бриенна прочла это в книге — она уже забыла, в какой.

Хиль Хант наконец высказал вслух то, что все они давно уже поняли:

— Это те самые, что напали на Солеварни.

— Да рассудит их Отец по всей строгости, — откликнулся Мерибальд — он дружил с пожилым септоном из Солеварен.

Бриенну не слишком занимало, кто такие эти повешенные, — гораздо важнее было, кто их повесил. Говорили, что веревка, — излюбленный способ казни приверженцев Берика Дондарриона. Если так, то лорд-молния вполне может быть где-то рядом.

Собака залаял, и Мерибальд, тревожно поглядев вокруг, предложил:

— Не прибавить ли ходу? Солнце скоро сядет, а мертвецы ночью — плохая компания. При жизни они были злодеями и вряд ли стали лучше, когда умерли.

— Тут я с вами не соглашусь, — возразил сир Хиль. — Такие ребята, как они, после смерти становятся гораздо, гораздо лучше. — Тем не менее он ударил коня каблуками, и все стали двигаться чуть быстрее.

Деревья понемногу стали редеть, но мертвых не убавлялось. Когда лес уступил место заброшенным полям, деревья сменились виселицами. Тучи ворон с криками взмывали в воздух, завидев путников, и вновь опускались, когда те проходили. Они были дурными людьми, напоминала себе Бриенна, но эта мысль не делала пиршество смерти менее мрачным. Она заставляла себя смотреть на каждого из казненных, ища знакомые лица. Кое-кого она как будто знала по Харренхоллу, но не могла быть уверенной из-за состояния тел. Шлема в виде собачьей головы нигде не было видно — впрочем, мало на ком из них сохранились шлемы. Почти со всех висельников перед казнью сняли оружие, доспехи и сапоги.

Подрик спросил, как называется гостиница, где они надеялись заночевать, и септон Мерибальд ухватился за этот вопрос, желая, как видно, отвлечь других от гнетущего зрелища.

— Иногда ее называют Старой. Гостиница на том месте стоит много веков, хотя эту построили уже при первом короле Джейехерисе, который проложил Королевский тракт. Говорят, будто он сам останавливался в ней со своей королевой, когда путешествовал. Одно время гостиница в их честь звалась «Две короны», но потом кто-то

из хозяев пристроил к ней колоколенку, и ее переименовали в Звонницу. После она перешла к одному увечному рыцарю по имени Длинный Джон Хедль. На старости лет он занялся кузнечным делом и выковал для своего заведения новую вывеску — трехглавого черного дракона. Это большущее чудище он составил из дюжины частей, скрепив их проволокой и веревками, и подвесил его на столбе. Когда дул ветер, дракон дребезжал, и гостиница прославилась по всей округе под именем «Гремучий дракон».

— Он и теперь там висит? — спросил Подрик.

— Нет. Когда сын того кузнеца сам дожил до старости, бастард Эйегона Четвертого поднял мятеж против короля, своего единокровного брата, и сделал черного дракона своей эмблемой. Эти земли в ту пору принадлежали лорду Дарри. Его милость как преданного сторонника короля драконья вывеска привела в ярость. Он велел изрубить ее на куски, снести столб и все бросить в реку. Одну из голов, к тому времени ставшую красной от ржавчины, много лет спустя прибило к Тихому острову. Другую вывеску хозяин вешать не стал, и люди, скоро позабыв про дракона, прозвали гостиницу Речной. В те дни Трезубец протекал у самой ее задней двери — говорят,

будто гости закидывали удочки в реку прямо из окон и ловили форель. И паром там причаливал, чтобы переправлять путников в город лорда Харроуэя и Белые Стены.

— Но Трезубец остался к югу от нас. Мы едем на северо-запад — не к реке, а прочь от нее.

— Вы правы, миледи. Лет семьдесят назад — а может, и восемьдесят, — река изменила русло. Гостиницей тогда владел дед Маши Хедль. Она-то и рассказала мне эту историю. Добрая была женщина, любила кислолист и медовые коврижки. Если у нее не было свободной комнаты, она укладывала меня спать прямо у очага и никогда не отпускала в дорогу без хлеба, сыра и пары черствых коврижек.

— Она по-прежнему там хозяйничает? — спросил Подрик.

— Нет. Ее львы повесили. Потом, когда они ушли, ее племянник вроде бы снова открыл гостиницу, но дороги из-за войны сделались слишком опасными для простого народа, и постояльцев у него сильно поубавилось. Он завел шлюх, но и они его не спасли. Этого хозяина, как я слышал, тоже убил кто-то из лордов.

— Вот не думал, что содержать гостиницу так опасно, — заметил сир Хиль.

— Всем простым людям грозит опасность, когда лорды ведут большую игру. Верно, Собака? — Собака гавкнул, поддерживая хозяина.

— А теперь-то эта гостиница как называется? — продолжал расспрашивать Подрик.

— Попросту гостиницей на перекрестке дорог. Старший брат говорил мне, что две племянницы Маши опять стали пускать гостей. По милости богов, вон тот дымок за виселицами, — Мерибальд поднял посох, — должен идти из ее трубы.

— Теперь она заслужила название Висельной, — сказал сир Хиль. Гостиница, как бы ни называли ее, оказалась большой, в три этажа. Ее стены, трубы и башенки, сложенные из белого камня, призрачно мерцали на сером небе. Южное крыло высилось на толстых деревянных сваях над заросшей бурьяном впадиной. К северной стороне примыкали крытая тростником конюшня и колокольня. Все строения окружала низкая стена из того же камня, необработанного и поросшего мхом.

Хотя бы этот дом уцелел, порадовалась в душе Бриенна. В Солеварнях их встретили смерть и разрушение. Живые разбежались, погибших предали земле, но сам город, мертвый, засыпанный пеплом, остался на месте. В воздухе до сих пор

пахло гарью, чайки над головой плакали, как потерявшиеся дети. Даже замок казался заброшенным. Четырехугольная башня, обведенная крепостной стеной, серая, как пепел вокруг, стояла над гаванью. Все заперто наглухо, на стене ничего, кроме знамен. Мерибальд добрых четверть часа стучал посохом в ворота, а Собака помогал ему лаем, прежде чем наверху появилась какая-то женщина и спросила, чего им надо.

Паром, привезший их с Тихого острова, уже отчалил, начинал накрапывать дождь.

— Я септон, добрая леди, — прокричал в ответ Мерибальд, — а спутники мои — люди честные. Мы просим убежища на ночь.

Женщину эта просьба не тронула.

— Ближайшая гостиница стоит к западу от города, на перекрестке дорог, — сказала она. — Нам здесь чужих не надо. Убирайтесь. — Затем она скрылась, и ни молитвы Мерибальда, ни лай Собаки, ни проклятия сира Хиля не вернули ее назад. Пришлось ночевать в лесу, под пологом голых ветвей.

В гостинице, однако, какая-то жизнь была. Еще у ворот Бриенна услышала звон бьющего по железу молота — слабый, но мерный.

— Либо у них завелся новый кузнец, — сказал

сир Хиль, — либо призрак былого хозяина кует еще одного дракона. Надеюсь, призрачный повар у них тоже имеется. Жареный цыпленок с хрустящей корочкой сделал бы этот мир лучше.

Двор покрывала бурая грязь, которую кони одолевали с трудом. Звон молота стал громче, и у дальнего конца конюшни, за телегой со сломанным колесом, виднелось красное зарево. В конюшне стояли лошади. Маленький мальчик качался на ржавых цепях вкопанной во дворе виселицы. На крыльце стояли четыре девочки — младшенькая, лет двух, голышом. Старшая, лет девяти-десяти, обнимала ее, будто оберегая.

— Эй, красавицы, — крикнул им сир Хиль, — позовите-ка вашу матушку.

Мальчик отпустил цепи, спрыгнул и побежал на конюшню. Девочки стояли молча, глядя на незнакомцев.

— Нет у нас матушек, — наконец сказала одна.

— У меня была, да ее убили, — добавила другая.

Старшая, пряча маленькую за юбками, вышла вперед и спросила:

— Вы кто?

— Добрые путники, ищущие убежища, — ответила ей Бриенна.

— У добрых путников имена должны быть.

— Меня зовут Бриенна. Я дочь лорда Сельвина Вечерней Звезды с Тарта. Это септон Мерибальд, святой человек, которого любят во всех речных землях. Подрик Пейн мой оруженосец, а сир Хиль Хант рыцарь и прежде служил лорду Тарли.

Молот перестал стучать. Девочка подозрительно оглядывала всех четверых.

— Я Ива, — промолвила она через некоторое время. — Вам постели нужны?

— Постели, эль и горячий ужин, — спешившись, заявил сир Хиль. — Ты здесь хозяйка?

— Сестра моя.

— Так где же она?

— Нету ее. А из еды у нас только конина. Шлюх тоже не осталось, сестра их разогнала. Но постели есть. Даже перины, только их мало. Все больше соломенные тюфяки.

— И во всех блохи кишмя кишат, — вставил сир Хиль.

Девочка не соизволила на это ответить.

— А серебро у вас есть заплатить?

— Есть, — ответила Бриенна.

— Серебро? — засмеялся сир Хиль. — За ночлег и лошадиную ногу? Тут и пары медяков хватит, дитя мое.

— Мы берем только серебро — а не хотите, так ночуйте в лесу с мертвяками. — Ива посмотрела на ослика, навьюченного бочонками и мешками. — Это съестное? Где взяли?

— В Девичьем Пруду, — ответил септон. Собака гавкнул.

— Ты всех гостей так допрашиваешь? — спросил сир Хиль.

— У нас не так много гостей.

— Подумать только.

— Мы не всех принимаем, — ответил более низкий голос со стороны конюшни. — Воров и разбойников нам не надо.

Бриенна оглянулась и увидела призрак.

Ренли! Даже удар молотом в грудь не поразил бы ее сильнее.

— Милорд? — пролепетала Тартская Дева, гадая, уж не сошла ли она с ума.

— Лорд? — Юноша откинул с глаз черный локон. — Я не лорд, просто кузнец.

Нет, это не Ренли. Ренли умер у нее на руках в возрасте двадцати одного года, а этот совсем еще мальчик. Мальчик, похожий на Ренли в ту пору, когда тот впервые приехал на Тарт. Хотя нет, он еще моложе. И челюсть у него тяжелее, и брови гуще. Ренли был строен и гибок, а у юного коваля

широкие плечи и мускулы на правой руке особенно сильные, как часто бывает у кузнецов. Под длинным кожаным фартуком видна голая грудь, на лице темная щетина, волосы черной гривой падают ниже ушей. У короля Ренли волосы, такие же черные, всегда бывали вымыты и расчесаны. Иногда он стриг их коротко, иногда отпускал до плеч и перевязывал золотой лентой, но такой пропотевший колтун носить ни за что бы не стал. И глазами юноша тоже похож на Ренли, но синие глаза короля всегда смотрели весело и приветливо, а кузнец глядит исподлобья, сердито и с подозрением.

Мерибальд, тоже заметив это, сказал:

— Ничего дурного у нас и в мыслях нет, парень. Когда Маша была жива, она всегда угощала меня коврижкой и оставляла мне местечко у своего очага. Даже постель давала, если находилась свободная.

— Ее больше нет. Львы ее повесили.

— А кто повесил всех остальных? — осведомился сир Хиль. — У вас тут виселицы растут, как грибы.

— Одни разбойники других вешают, — разъяснила Ива. — Вы по какой дороге пришли сюда?

— Вдоль реки, из Солеварен, — сказала Бри-

енна.

— Тогда вы видели. Эти повешенные там убивали и жгли. Только на самом деле их было больше. — Девочка смотрела на Бриенну взглядом, который та слишком хорошо знала. — Если вы леди, почему носите кольчугу?

— Леди Бриенна воительница и совершает поход с благородной целью, — сказал Мерибальд. — Но сейчас она нуждается в тепле и сухой постели, как и все мы. Мои старые кости опять предвещают дождь. Найдутся тут для нас комнаты?

— Нет, — отрезал кузнец.

— Да, — ответила Ива. Они сердито переглянулись, и девочка топнула ногой. — У них есть еда, Джендри, а малыши голодны. — Она свистнула в два пальца, и вокруг как по волшебству появились другие дети. Из-под крыльца вылезли оборванные, давно не стриженные мальчишки, в окнах возникли девочки с заряженными арбалетами наготове.

— Итак, теперь это Арбалетная гостиница, — сказал сир Хиль.

Скорее Сиротская, мысленно поправила его Бриенна.

— Прими у них лошадей, Уот, — приказала

Ива. — А ты, Уилл, положи камень, они ничего нам не сделают.

— Почем ты знаешь? — возразил чернявый парнишка.

— Ромашка, Пейт, ступайте за хворостом, — не отвечая ему, продолжала распоряжаться Ива. — У них есть еда. Помоги септону с мешками, Джон Грошик, а я покажу им, где разместиться.

Путники заняли три смежные комнаты — каждая с периной, ночным горшком и окном. У Бриенны был еще и очаг, и она прибавила несколько медных монет, чтобы его затопили.

— Я где буду спать — у вас или у сира Хиля? — спросил Подрик, пока она открывала ставни.

— Здесь не Тихий остров, можешь остаться со мной, — сказала она. Завтра она намеревалась расстаться с двумя другими. Септон Мерибальд пойдет в Орешник, Луку, город лорда Харроуэя — нет больше смысла сопровождать его. Для охраны у него есть Собака, а Сансу Старк, как сказал старший брат, на берегах Трезубца найти нельзя. — Я хочу подняться до света, пока сир Хиль еще спит, — продолжала Бриенна. Она не простила ему Хайгардена… притом он, по его же словам, не давал никаких клятв относительно Сансы.

— А куда мы поедем, сир, то есть миледи?

Бриенна не знала толком, что ответить ему. Здесь они на распутье в полном смысле этого слова: впереди Королевский тракт, налево Речная дорога, направо Горная. Горная ведет на восток, через горы, в Долину Аррен, где еще недавно правила покойная тетка Сансы. Речная тянется вдоль Красного Зубца на запад, к Риверрану и двоюродному деду Сансы — тот сидит в осаде, но еще жив. Можно также поехать по Королевскому тракту на север, мимо Близнецов, через Перешеек с его болотами. Если преодолеть Ров Кейлин, который неизвестно кем занят сейчас, тракт приведет их прямиком к Винтерфеллу.

Есть еще один выбор — повернуть по тому же тракту на юг, размышляла Бриенна. Явиться обратно в Королевскую Гавань, признаться сиру Джейме в своем поражении, вернуть ему меч и найти корабль, идущий на Тарт, как советовал старший брат с Тихого острова. Мысль не из веселых, но она уже соскучилась по Вечернему Замку и по отцу… и быть может, Джейме утрет ей слезы, если она начнет проливать их у него на плече? Разве не таких женщин любят мужчины — слабых, нуждающихся в защите?

— Так куда мы дальше-то, сир… миледи?

— В общую комнату, ужинать. — Нижняя зала

была битком набита детьми. Бриенна попыталась пересчитать их, но они ни минуты не стояли спокойно. Поймав себя на том, что одних уже сосчитала по нескольку раз, а других ни разу, она сдалась. Столы составили в три длинных ряда, и мальчики постарше, то есть лет десяти-двенадцати, таскали скамейки. Взрослым здесь можно было назвать одного Джендри, но приказы раздавала Ива, помыкая остальными, как владычица замка своими слугами.

Это получалось у нее так естественно, словно она привыкла к этому от рождения. Быть может, Ива в самом деле не из простых? Сансой Старк она по возрасту и наружности быть не может, зато подходит под описание младшей сестры. Леди Кейтилин сама говорила, что Арья в отличие от Сансы совсем не красавица. Каштановые волосы, карие глаза, худенькая… неужто она? У Арьи Старк волосы такие же, но цвет глаз Бриенна запамятовала. Что, если Арья все-таки не погибла при резне в Солеварнях?

На дворе смеркалось. Ива зажгла четыре сальные свечи и велела девочкам развести в очаге огонь пожарче. Мальчики с Подриком во главе разгружали осла и выкладывали на столы соленую треску, баранину, круги сыра. Септон

Мерибальд на кухне готовил овсянку.

— Эх, жаль, апельсины все вышли — теперь их до весны, пожалуй, и не увидишь, — жаловался он какому-то мальчугану. — Никогда апельсина не пробовал? Не выжимал себе в рот его сладкий сок? — Мальчик потряс головой, и септон взъерошил ему вихры. — Ничего, весной я тебе привезу, если будешь умником и поможешь мне размешивать кашу.

Сир Хиль стянул мокрые сапоги и протянул ноги к огню.

— Там на полу следы крови, — сказал он присевшей рядом Бриенне, — вон, где Собака нюхает. Кровь соскоблили, но она впиталась глубоко в дерево и останется там навсегда.

— В этой самой гостинице Сандор Клиган убил трех людей своего брата, — напомнила ему Бриенна.

— Это верно, но они, возможно, не первые, кого здесь убили, — и не последние.

— Горстки детей испугались?

— Горстка — это четверо, а десять уже излишек. Детей надо пеленать и вешать на стенку, пока у девчонок не прорастут груди, а у мальчишек усы.

— Мне жаль их. Они все сироты, и порой роди-

телей убивали у них на глазах.

— Я забыл, что говорю с женщиной, — закатил глаза Хант. — Сердце у вас что овсянка нашего септона. Воительница втайне только и мечтает родить, я это вижу по вашим глазам. Мечтаете о розовом крикуне, который будет сосать вашу грудь. — Бриенна прожгла его гневным взглядом, но сир Хиль ничуть не смутился. — Однако я слышал, что для этого нужен мужчина, предпочтительно муж. Почему бы не я, к примеру?

— Если вы все еще надеетесь выиграть ваш заклад…

— Я хочу выиграть только одно — вас. Вы, миледи, единственное дитя лорда Сельвина. Когда он умрет, все его земли и замки отойдут к Бриенне-Красотке. Мои друзья женились на полоумных и на грудных малютках ради десятой доли вашего Тарта. Я, конечно, не Ренли Баратеон, но мертвый ребенка сделать не может, а я, как видите, жив. Кое-кто скажет, что это мое единственное достоинство, но брак мог бы нам обоим принести пользу. Мне — земли, вам — замок, полный вот такого добра. — Он махнул рукой на детей. — Я вполне на это способен, могу уверить. Один бастард по крайней мере у меня точно есть — девочка. Не волнуйтесь, вам я ее не

собираюсь навязывать. Когда я навещал дочку последний раз, ее мать выплеснула на меня котелок с похлебкой.

Краска поползла вверх по шее Бриенны.

— Отцу всего пятьдесят четыре. Он может жениться снова и зачать собственного сына.

— Да, это риск… если он в самом деле женится, если его жена будет способна к деторождению и если ребенок окажется мальчиком. Я и худшие пари заключал на своем веку.

— Заключали и проигрывали. Такая игра не по мне, сир, — играйте в нее с другими.

— Вы говорите так, потому что сами не играли ни разу. Попробуйте, и ваше мнение переменится. В темноте вы не хуже любой другой женщины, и губы ваши созданы для поцелуев.

— Губы как губы. Они у всех одинаковы.

— И у всех они созданы для поцелуев, — легко согласился сир Хиль. — Не запирайте свою дверь на ночь — я проберусь к вам в постель и докажу, что говорю правду.

— Если вы это сделаете, то выйдете от меня евнухом. — Бриенна встала и отошла от него.

Септон спросил, может ли он прочитать молитву.

— Да, — разрешила Ива, подхватив со стола

голенькую малютку и не дав ей добраться до овсянки. Все склонили головы и возблагодарили Отца и Матерь за их дары… все, кроме черноволосого кузнеца — он скрестил руки на груди и злобно молчал, пока другие молились. Не одна Бриенна это заметила. Септон, закончив молитву, взглянул на него и спросил:

— А ты разве не любишь богов, сынок?

— Только не ваших. И работа меня ждет, — сказал парень и вышел, так ничего и не съев.

— Может, он любит другого бога? — предположил сир Хиль.

— Владыку Света, — пропищал тощий мальчуган лет шести.

— Ешь давай, Большеротый, — стукнув его ложкой, велела Ива. — Нечего к милордам с разговорами приставать.

Дети набросились на ужин, как волки на раненого оленя. Они ссорились из-за трески, разрывали ковриги ячменного хлеба и заляпали овсянкой всю комнату. Даже огромный круг сыра долго не продержался. Бриенна поела рыбы с морковкой и хлебом, Мерибальд на каждый съеденный им кусок скармливал два Собаке. На дворе пошел дождь, а у них трещал огонь, и все дружно чавкали, и строгая Ива всех лупцевала

ложкой.

— Ну и жена кому-то достанется, — заметил сир Хиль. — Тому несчастному подмастерью скорее всего.

— Надо бы отнести ему еды, пока ее всю не смели.

— Вот и отнесите.

Бриенна завернула в тряпицу ломоть сыра, краюху хлеба, сушеное яблоко и пару кусков трески. Подрик хотел пойти с ней, но она сказала, чтобы он оставался и ел.

— Я ненадолго.

Дождь так и лил. Бриенна прикрыла голову краем плаща. Одна из лошадей заржала, когда она шла мимо конюшни, — животные тоже проголодались. Джендри ковал меч, колотя по нему, как по врагу. Потная прядь волос упала ему на лоб. У него глаза и волосы Ренли, но сложен он по-другому. Лорд Ренли был тонок по сравнению со своим братом Робертом, прославленным силачом.

Джендри прервал работу, чтобы вытереть лоб, и только теперь увидел Бриенну.

— Чего вам?

— Я принесла тебе ужин. — Она развернула салфетку.

— Если б я хотел есть, то поел бы там.

— Кузнецу надо есть, чтобы поддерживать силы.

— Вы мне мать, что ли?

— Нет. — Бриенна положила еду на верстак. — А кто твоя мать?

— Не ваше дело.

— Ты родился в Королевской Гавани. — Она поняла это по его выговору.

— Мало ли кто там родился. — Он сунул меч в бочку с дождевой водой, и раскаленная сталь зашипела.

— Сколько тебе лет? Жива ли еще твоя мать? И кто был твоим отцом?

— Больно много вопросов задаете. Мать у меня умерла, а отца я и вовсе не знаю.

— Ты бастард.

Парень принял это за оскорбление.

— Я рыцарь! Этот меч я кую для себя.

Что делать рыцарю в кузнице?

— Волосы у тебя черные, глаза синие, и родился ты в тени Красного Замка. Тебе никто ничего не говорил про твое лицо?

— А что с ним не так? Все покрасивей вашего будет.

— Ты, должно быть, видел короля Роберта в

Королевской Гавани.

— Ну, видел. — Джендри пожал плечами. — На турнирах, издали. Один раз в Септе Бейелора. Золотые плащи оттеснили нас, чтобы он мог пройти. Раз я играл у Грязных ворот, а он ехал мимо с охоты. Пьяный, чуть конем меня не затоптал. Жирный такой, здоровый пьянчуга… но все лучше, чем его сыновья.

Они не его сыновья, поняла Бриенна. *Станнис говорил правду в тот день у Штормового Предела, когда лорд Ренли доверил мне нести свое знамя. Джоффри и Томмен родились не от Роберта, зато ты…*

— Нечего глаза-то на меня пялить, — проворчал парень.

— Ты не понимаешь. Ты, может быть… — Но тут Бриенна осеклась, услышав отчаянный лай Собаки. — Гаси огонь, — сказала она Джендри. — У нас гости. — Не глядя, послушался он ее или нет, она взялась за меч и подошла к двери кузницы. В ворота гостиницы въезжали всадники, по двое в ряд, расплескивая копытами лужи. За шумом дождя и непрестанным лаем Собаки Бриенна слышала, как позвякивают под рваными плащами мечи и кольчуги. Пригнувшись за сломанной телегой, она стала считать их. Молния, сверк-

нувшая на счет «двадцать», осветила блестящую собачью голову с прижатыми ушами и оскалом стальных зубов. Это не может быть Пес — но тот, кто носит его шлем, скорей всего не менее опасен, чем настоящий. Вспомнив то, что видела в Солеварнях, она выхватила Верного Клятве из ножен. Дети, мелькнуло у нее в голове. Гром, прокатившись, затих, и она услышала тихий плеск у себя за спиной. — К оружию, — тихо бросила она, — это разбойники.

— Мы тоже. — Обернувшись, она успела разглядеть дубину за миг до того, как та опустилась.

Молния ударила снова, на этот раз в голове. Дождь, гостиница, всадники, Джендри… тьма поглотила все, а затем и ее засосала в свою воронку.

Остальное было кошмаром.

Она снова была в шатре Ренли, видела, как гаснут в нем свечи, чувствовала непонятно откуда подувший ветер, ежилась от внезапной стужи. «Холодно», — сказал Ренли. Появилась тень, одна, без человека, и кровь короля хлынула сквозь зеленую сталь латного ворота.

Ей снова было двенадцать лет, и она потела в шелковом платье, дожидаясь своего жениха. Раньше они не встречались, но все говорили, что

он храбрый мальчик и наверняка прославится, когда станет рыцарем. Он был старше Бриенны, но отец сказал ей, что так даже лучше. Он приближался, держа в руке розу, красную, как его волосы. Когда он увидел Бриенну, лицо у него тоже сделалось красным. Она хотела приветствовать его, как ее учили, поблагодарить за приезд и пригласить в замок, но слова застряли у нее в горле. Наконец она умудрилась спросить, не ей ли предназначена эта роза. «Я привез ее своей невесте, — ответил он, — а вижу корову. Разве коровы едят цветы? Тогда держи». Он бросил розу ей под ноги и ускакал. Плащ с грифонами развевался у него за плечами, а ее лорд-отец посылал проклятия ему в спину.

Она снова видела разрушенный замок Тараторки, который часто снился ей последнее время, и снова сражалась со Скоморохами, но теперь их было не трое, а целых тридцать; стоило ей срубить одного, как из колодца вылезали еще двое. На подмогу к Шагвеллу, Тимеону и Пигу пришли Ричард Фарроу, Бен Биши, Уилл-Журавль и другие, даже Марк Маллендор со своей обезьянкой. Когда она убила их, из ран выросли кроваво-красные розы и потянулись к ней своими шипами.

Она ехала по мрачному лесу, лежа лицом вниз

на какой-то кляче, со связанными запястьями и лодыжками. Было сыро, по земле стелился туман, в голове у нее стучало на каждом шагу. Она слышала голоса, но не видела ничего, кроме земли под копытами лошади. Когда бледные лучи рассвета стали проникать сквозь деревья, какие-то люди сняли ее с лошадиной спины, поставили на ноги, накинули петлю на шею и перекинули другой конец веревки через толстую ветку.

— Приходит в себя, — сказал кто-то — девочка, судя по голосу.

Я ведь тоже ищу девочку, вспомнила Бриенна. *Благородную девицу тринадцати лет, голубоглазую, с золотистыми волосами.* Но девочка, которая стояла теперь перед ней, была совсем не такая. Очень высокая, тощая, как скелет, и намного взрослее. Каштановые волосы, карие глаза, лицо с кулачок — вылитая Ива, только на шесть лет старше.

— Ты ее сестра, — сказала Бриенна. Говорить было больно, в голове перекатывался гром. — Хозяйка гостиницы.

— Да, я Длинная Джейна Хедль. Дальше что?

— Мои спутники, — с трудом ворочая языком, сказала Бриенна. Кто-то напихал ей в голову мокрой серой шерсти. Может, она все еще бре-

дит? — Септон Мерибальд — добрый, святой человек, Подрик — еще мальчик, а сир Хиль ни в чем перед вами не виноват. И Собака — что вы сделали с Собакой? — Она только теперь спохватилась, что давно не слышала его лая.

— Собака жива-здорова и идет своей дорогой, как и все остальные, — сказала девушка. — Нам нужна только ты.

— Думаешь, мы способны причинить вред собаке септона? — спросил одноглазый человек в ржавом шлеме. — Да за кого ты нас принимаешь?

— За разбойников и убийц. — Бриенна попыталась освободиться от пут, но из-за этого ее голове стало еще хуже. — Я видела при свете молнии шлем… оскаленную собачью голову.

— Можешь посмотреть еще разок, коли охота, — сказал здоровяк с жестким лицом солдата, в ржавой кольчуге. Его густую бурую бороду усеивали капли дождя, на кожаном с заклепками поясе висели длинный меч и кинжал. Поверх всего этого он носил рваный, запачканный желтый плащ. Он нахлобучил на голову песий шлем, который держал на сгибе руки, и уставился на Бриенну сквозь дырки для глаз. — Вот последнее, что ты видишь на этом свете, предательница.

Если веришь в богов, помолись им.

Не стану просить, решила Бриенна, но отчаянное желание жить побудило ее обратиться к девушке, Длинной Джейне. Она еще так молода…

— Я была гостьей под твоим кровом. Делила хлеб-соль с твоей младшей сестрой.

Джейну это не тронуло.

— После Красной Свадьбы гостеприимство в речных землях мало что значит.

— Да… я знаю про Красную Свадьбу.

— Знаешь? — Пожилой северянин в овчинном плаще придвинулся ближе к Бриенне. — Сомневаюсь. Знать может лишь тот, кто там был. Тогда шел дождь… вот как теперь. Фреи поставили для нас шатры, три больших пиршественных шатра, выкатили бочки с медом, вином и элем. Перед этим мы проделали долгий путь, вымокли и замерзли, ну и набились в шатры, чтоб погреться и выпить… а Фреи-то пили с нами, и шутили, и пели, и в кости-плашки играли. Снаружи дождь лупит, а в шатре тепло и уютно, и Фреи подкатывают все новые бочки… — По лицу северянина текли слезы. — Да простят меня боги. Эль на пустой желудок сразу ударил мне в голову, а Фреи знай поднимают здравицы: за лорда Эдмара, за

Молодого Волка, за королеву Жиенну… По краям лагеря лорд Болтон расставил своих людей, чтоб враг к нам не подобрался. Душно было, помню, и жарко — все толпились вокруг этих бочек. Мне приспичило отлить, поэтому я вышел под дождь, побрел вниз к реке и опорожнился в тростники. Потом поскользнулся в грязи и упал — это меня и спасло. Лежу и слышу музыку в замке, барабаны, рога и волынки, над водой-то хорошо слышно. Я, должно быть, задремал тогда, а проснулся от воплей. Вскарабкался на берег и вижу: шатры все повалены и горят. Все три, а в них сотни народу. Гляжу, это Фреи зажгли их, а сами пускают стрелы в каждое вздутие на холсте. Немногие вырвались и вступили в бой, и тогда люди Болтона принялись рубить их заодно с Фреями. Тут я понял, что нам конец. И спрятался в тростниках, да простят меня боги. А музыка все это время играла, да так громко — и не расслышишь, как кричат люди, горящие в шатрах заживо. Так что не рассказывай мне про Красную Свадьбу. Никто не может знать, кроме тех, кто слыхал эту музыку.

Бриенна съежилась от его гневного голоса.

— Я сожалею обо всех, кто погиб там, но при чем же тут я? Меня там и близко не было.

— Всю эту кашу заварили твои хозяева Ланни-

стеры, — сказал одноглазый. — Вместе с Болтоном и Фреями.

— Они не мои хозяева.

— Ясное дело, нет. Этот меч они тебе за просто так дали. И грамоту с печатью короля-мальца тоже.

— Имя этому мечу — Верный Клятве. Я ищу… — Она чуть не сказала «свою сестру», но какое-то чутье подсказало ей, что лгать этим людям не следует. — Ищу одну благородную девицу тринадцати лет, голубоглазую, с золотистыми волосами.

— Мы ее тоже ищем, — сказал еще один, моложе других, говоривший с морозным прихрустом севера. — Мы знаем, кто вы, леди Бриенна. Знаем, кого вы ищете и кому служите. Вы даже не догадываетесь, сколько у нас друзей — в Синем Доле, Девичьем Пруду, Королевской Гавани, даже и в Близнецах. Когда до нас дошли вести о ваших розысках… вы не случайно стоите здесь с петлей на шее, миледи. Придется вам ответить за свои преступления.

— Преступления? Что я такого сделала?

— Вы предательница и клятвопреступница.

— Неправда! — Всю жизнь она стремилась лишь к одному: быть рыцарем, отважным и без-

упречным. — Кого я, по-вашему, предала?

— Ее.

Все расступились, и вперед вышла женщина в сером плаще с капюшоном, из-под которого видны были только глаза.

— Ты Молчаливая Сестра? — проговорила Бриенна. — Тогда прошу тебя, отвези мое тело в Вечерний Замок, к моему лорду-отцу… — Мужество изменило ей окончательно. Молчаливые Сестры — невесты Неведомого, прислужницы самой смерти.

— К дьяволу твоего лорда-отца, — сказал человек в желтом плаще. — Ты сгниешь заодно с остальными. Что до миледи, то Молчаливой Сестрой ее тоже иногда называют, но она известна и под другими именами: Бессердечная, Помилуй Нас, Вешательница…

Серая женщина схватилась молочно-белой рукой за горло, как будто хотела себя удавить, но вместо этого заговорила… если эти звуки можно было назвать речью. Надорванный голос шел, казалось, не изо рта, а прямо из горла.

— Без привычки понять ее трудно, — сказал человек в желтом плаще. На его зубы, сплошь гнилые, противно было смотреть. — Она спрашивает, помнишь ли ты ее.

— Помню ли? Но я…

Женщина откинула капюшон, размотала с лица серый шарф. Белые, сухие, сильно поредевшие волосы, кожа цвета прокисшего молока с трупными пятнами. Одна щека прогнила насквозь, и в отверстие видны зубы, но не это самое страшное. Все лицо, от глаз до подбородка, изорвано точно когтями хищного зверя. Из незаживших ран сочится черная жижа. Она снова взялась за горло, защепив пальцами чудовищным шрам на нем, и выдавила еще какие-то звуки.

— Она спрашивает: а теперь ты ее узнаёшь?

Бриенна кивнула, ошеломленная жестоким, чудовищным, невероятным зрелищем. Она была так красива… Помилуй нас Матерь, что они сделали с ней? Бриенна не могла на нее смотреть и не смела отвести глаз.

— Леди Кейтилин, — проговорила она со слезами, — что… что они с вами сделали?

— Они убили ее, — сказал северянин — никогда еще Бриенна не слышала такого горя в человеческом голосе. — Располосовали горло от уха до уха, так что голова еле держалась.

— Смерть и стремление к благородной цели в наше время утратили свое былое значение, — сказала Длинная Джейна.

— Леди Кейтилин уже три дня как была мертва, когда мы нашли ее у реки. Торос сказал, что это чересчур долго, и отказывался дать ей поцелуй жизни — за него это сделал лорд Берик. Огонь, горевший в нем, перешел в нее, и наше братство распалось… но война продолжается.

— Довольно, Харвин. Мы будем вешать эту уродскую суку или заговорим ее до смерти? — Одноглазый взял у другого разбойника конец веревки и потянул. Веревка впилась в кожу, вздергивая Бриенну на воздух. Если это еще один сон, самое время проснуться. Если это явь, пора умирать.

Откуда-то издали донеслось хлопанье крыльев. Воронье слетается клевать ее тело. С десяток их уже вьется над головой, но для ворон эти птицы слишком крупны. Вороны, улыбнулась Бриенна. Как странно. Нет, это все-таки сон, и сейчас она проснется.

Джейме

Плащ сира Бриндена Талли скрепляла рыба из черного, оправленного в золото янтаря. Его доспехи, помимо темно-серой кольчуги, состояли из поножей, латного ворота, перчаток, наплечников и наколенников вороненой стали, но темнее всего этого было его лицо. Он поджидал Джейме Ланнистера на подъемном мосту, сидя на гнедом скакуне в красной с синим попоне.

Не любит он меня. Глядя на обветренное, изборожденное складками лицо Талли под гривой жестких седых волос, Джейме вспоминал молодого рыцаря, рассказывавшего мальчишке-оруженосцу про Девятигрошовых Королей. Копыта Славного заклацали по мосту. Джейме долго думал, какие доспехи выбрать для встречи — золотые или белые, — и остановился на кожаном колете и багряном плаще.

Остановившись в ярде от сира Бриндена, он наклонил голову.

— Цареубийца, — процедил Талли.

То, что он начал с этого слова, говорило о многом, но Джейме заранее решил, что не даст воли

гневу.

— Черная Рыба, — произнес он в ответ. — Спасибо, что согласились на переговоры.

— Полагаю, ты приехал, чтобы сдержать клятву, которую дал моей племяннице? Ты, помнится, обещал отдать Кейтилин ее дочерей в обмен на свою свободу. Однако я что-то не вижу девочек — где же они?

Непременно хочет, чтобы я сказал это вслух.

— Их нет со мной.

— Жаль. Не хочешь ли снова в тюрьму? Мы сохранили для тебя твою старую темницу и настелили на полу свежий тростник.

И новую кадку поставили, чтобы я гадил в нее. Знаю, знаю.

— Благодарю, сир, но мне вполне удобно в моем шатре.

— А Кейтилин удобно спится в могиле.

К смерти леди Кейтилин я не причастен, мог бы сказать Джейме, а ее дочерей уже не было в Королевской Гавани, когда я добрался туда. Он мог бы рассказать о Бриенне и о мече, который дал ей, но Черная Рыба смотрел на него взглядом Эддарда Старка, когда тот увидел Джейме на Железном Троне с клинком, обагренным кровью Безумного Короля.

— Я пришел говорить не о мертвых, а о живых. Этим людям нет нужды умирать, но они умрут, если…

— Если я не отдам тебе Ривердан. Тоже мне новость. — Глаза Талли под кустистыми бровями казались каменными. — Вы давно уже грозитесь повесить Эдмара. Мой племянник обречен на смерть, что бы я ни предпринял, — так повесьте его и покончим с этим. Думаю, Эдмару надоело стоять под виселицей не меньше, чем мне смотреть на него.

Риман Фрей — проклятый осел. Ясно, что его штучки с виселицей только укрепили решимость Бриндена.

— Вы держите у себя леди Сибеллу Вестерлинг и трех ее детей. Я верну вам племянника в обмен на них.

— Как вернул дочерей леди Кейтилин?

Джейме заставил себя сдержаться.

— Старуха с тремя детьми в обмен на вашего сюзерена. О лучшей сделке вы и мечтать не могли.

Сир Бринден скривил губы в улыбке.

— Наглости тебе не занимать, Цареубийца, но заключать сделки с клятвопреступниками все равно что строить на зыбучем песке. Кет должна была знать, что таким, как ты, нельзя верить.

Она не мне поверила, а Тириону, чуть было не сказал Джейме. *И Бес обманул ее точно так же, как я.*

— Леди Кейтилин вырвала у меня клятву под угрозой меча.

— И король Эйерис тоже?

Отсутствующие пальцы Джейме сжались в кулак.

— Оставим в покое Эйериса. Согласны ли вы обменять Вестерлингов на Эдмара?

— Нет. Мой король доверил мне свою королеву, и я поклялся беречь ее. Недоставало, чтобы Фреи и ей накинули петлю на шею.

— Девушке даровано помилование. Ей не причинят никакого вреда, даю слово.

— Слово чести? — Талли вскинул бровь. — Тебе знакомо такое слово, как честь?

— Я поклянусь всем, чем вам будет угодно.

— Пощади, Цареубийца.

— Этого я и хочу. Склоните знамена, откройте ворота, и я обещаю жизнь вашим людям. Все, кто захочет, могут остаться в Ривердане и служить лорду Эммону. Остальные вольны уйти, сдав, однако, оружие и доспехи.

— Далеко ли они уйдут, безоружные, прежде чем их перебьют так называемые разбойники?

Ты не позволишь им влиться в ряды лорда Берика, оба мы это знаем. А как поступят со мной? Прогонят по Королевской Гавани и убьют, как Эддарда Старка?

— Я дам вам возможность надеть черное. Дозором теперь командует бастард Неда Старка.

— Твой отец и об этом позаботился? — сощурил глаза сир Бринден. — Кейтилин, помню, никогда не доверяла этому мальчишке, как и Теону Грейджою. И, похоже, была права насчет их обоих. Нет уж, сир. Я умру в теплом краю, с мечом, красным от львиной крови.

— У Талли кровь не менее красная. Если вы не сдадите замок, мне придется брать его штурмом, и сотни людей будут убиты.

— Сотни у меня. У тебя тысячи.

— Ваш гарнизон погибнет весь до последнего человека.

— Знакомая песенка. Она поется на мотив «Рейнов из Кастамере»? Уж лучше мои люди погибнут стоя, чем на коленях, под топором палача.

Переговоры явно зашли в тупик.

— Зачем умирать понапрасну, сир. Война окончена, и ваш Молодой Волк мертв.

— Убит вопреки священным законам гостеприимства.

— Это Фреи сделали, а не я.

— Рассказывай. От этого дела так и разит Тайвином Ланнистером.

Этого Джейме не мог отрицать.

— Отец тоже умер.

— Да рассудят его на небесах по справедливости.

Страшно даже подумать, какой приговор вынесет этот суд.

— Я бы убил Робба Старка еще в Шепчущем лесу, но мне помешали. Какая разница, как он погиб? Суть в том, что он умер, и его королевство умерло вместе с ним.

— Ты не только калека, но еще и слепой? Подними глаза и увидишь, что над этим замком по-прежнему развевается лютоволк.

— Да, я видел. Ему одиноко там. Харренхолл, Сигард и Девичий Пруд пали. Бракены склонили колено и осадили Титоса Блэквуда в Древороне. Все ваши знаменосцы — Пайпер, Венс, Моутон — тоже сдались. Один Ривердан остался, и нас в двадцать раз больше, чем вас.

— Вам и провизии требуется в двадцать раз больше. Как у вас дела со снабжением, милорд?

— Превосходно. Можем сидеть тут хоть до конца времен, пока вы не начнете умирать с

голоду. — Джейме надеялся, что по его лицу не видно, как нагло он лжет, но Черная Рыба ему все равно не поверил.

— Разве что до конца своих дней. Нам-то самим хватает, а вот гостям, боюсь, мы ничего не оставили.

— Если понадобится, нам доставят припасы из Близнецов или с запада, через холмы.

— Ну-ну. Не мне сомневаться в словах столь благородного рыцаря.

Презрительный тон Бриндена наконец разъярил Джейме.

— Есть более скорый путь решить дело. Поединок. Мой боец против вашего.

— Я все гадал, когда ж ты до этого доберешься, — засмеялся сир Бринден. — Кого думаешь выставить? Могучего Вепря, Аддама Марбранда, Черного Уолдера Фрея? Почему бы нам попросту не решить это между собой, сир?

В свое время это был бы славный бой, лакомый кусок для певцов.

— Леди Кейтилин взяла с меня клятву не обнажать оружия против Старков и Талли.

— Эта клятва тебе пришлась как нельзя кстати.

— Вы хотите сказать, что я трус? — потемнел

Джейме.

— Нет — калека. Оба мы знаем, что ею ты драться не можешь. — Сир Бринден кивнул на золотую руку.

— У меня две руки. — *Неужто ты загубишь свою жизнь из-за гордости?* — прошептал голос внутри. — Силы старика и калеки, можно сказать, равны. Освободите меня от клятвы, и мы с вами сойдемся в единоборстве. Если победителем буду я, Ривердан наш. Если вы — мы снимем осаду.

— Мне бы страсть как хотелось отнять у тебя твой золотой меч и вырезать из груди твое черное сердце, — снова засмеялся сир Бринден, — но вся беда в том, что твоим обещаниям грош цена. Твоя смерть мне не даст ничего, кроме удовольствия, и жизнью своей я ради такой малости рисковать не стану… хоть риск и невелик.

Хорошо, что при Джейме не было меча, иначе он непременно обнажил бы его и был убит — если не сиром Бринденом, то стрелками на стенах.

— Существуют ли условия, которые вы готовы принять? — спросил он.

— Только не твои, — пожал плечами Черная Рыба.

— Зачем же вы тогда согласились на переговоры?

— В осаде скучно сидеть. Захотелось поглядеть на твою культю и послушать, как ты станешь оправдывать свои последние подвиги. Оправдания оказались слабее, чем я ожидал, — вечно ты всех разочаровываешь, Цареубийца. — Сир Бринден повернул коня и въехал в ворота замка. Подъемная решетка опустилась за ним, глубоко уйдя зубьями в ил.

Джейме тоже повернул Славного и поехал обратно в лагерь. Люди Талли на стенах и Фреи за рекой, как чувствовал он, глаз с него не сводили. Если они не слепые, то уже поняли, что Черная Рыба швырнул Ланнистеру в лицо все его предложения. Придется штурмовать замок. Что для Цареубийцы еще одна нарушенная клятва? Чуть больше дерьма в кадушке прибавится. Он решил, что первым пойдет на приступ. И первым скорее всего падет со своей золотой рукой.

Малыш Лью придержал его коня под уздцы, Пек помог слезть. Они думают, он такой беспомощный, что и спешиться сам не может.

— Как успехи, милорд? — спросил его кузен Давен.

— Стрелу в зад коню не всадили — в остальном я мало чем превзошел сира Римана. Придется нам, пожалуй, подбавить красненького в Крас-

ный Зубец. — *Вини за это себя, Черная Рыба, — ты не оставил мне выбора.* — Собери военный совет, кузен. Сира Аддама, Вепря, Форли Престера, речных лордов… и наших друзей Фреев. Сира Римана, лорда Эммона — да всех, кто захочет.

Приглашенные собрались быстро. Раскаявшихся лордов Трезубца, чью верность престолу ожидало скорое испытание, представляли лорд Пайпер и оба Венса, западный край — сир Давен, Могучий Вепрь, Аддам Марбранд и Форли Престер. К ним присоединились лорд Эммон Фрей с супругой. Леди Дженна заняла свой табурет, сердито оглядывая мужчин — посмейте, мол, хоть слово сказать против моего присутствия. Никто, впрочем, и не посмел. Остальные Фреи прислали сира Уолдера Риверса по прозвищу Уолдер-Бастард и первенца сира Римана Эдвина — бледного, тонкого, с маленьким носиком и длинными темными волосами. Эдвин пришел в голубом плаще из тончайшей шерсти и сером кафтане телячьей кожи с искусным тиснением.

— От дома Фреев буду говорить я, — объявил он. — Отцу с утра нездоровится.

— Пьян или со вчерашнего мается? — фыркнул сир Давен.

Эдвин стиснул свои тонкие сквалыжные губы.

— Прошу оградить меня от подобной неучтивости, лорд Джейме.

— Это правда? — спросил его Джейме. — Ваш отец пьян?

Эдвин смерил взглядом Илина Пейна, стоящего у входа в шатер в своей ржавой кольчуге, с рукоятью меча за плечом.

— Отец страдает желудком, милорд. Красное вино помогает его пищеварению.

— Он не иначе как мамонта хочет переварить, — заметил сир Давен. Вепрь прыснул, леди Дженна хмыкнула.

— Довольно, — сказал Джейме. — Нам нужно взять замок. — Лорд Тайвин, заседая в совете, предоставлял первое слово капитанам, и Джейме решил следовать примеру отца. — Что предпримем?

— Повесим для начала Эдмара Талли, — предложил лорд Эммон. — Это докажет сиру Бриндену, что слово у нас не расходится с делом. Пошлем голову Эдмара дядюшке, авось и сдастся.

— Бриндена Черную Рыбу не так легко тронуть, — возразил меланхоличный Карил Венс, лорд Отдыха Странника. Красное родимое пятно покрывало половину его лица и шею. — Родной брат, к примеру, так и не заставил его жениться.

— Надо штурмовать стены, как я всегда говорил, — мотнул косматой головой сир Давен. — Осадные башни, лестницы, таран — вот что нам понадобится.

— Я возглавлю приступ, — вызвался Могучий Вепрь. — Покажем рыбам, что такое горячая сковородка.

— Это мои стены, мои ворота, — воспротивился лорд Эммон, — а вы собрались ломать их. — Он извлек из рукава свой пергамент. — Сам король Томмен пожаловал мне…

— Мы все видели вашу грамоту, дядя, — перебил его Эдвин Фрей. — Почему бы вам для разнообразия не показать ее Черной Рыбе?

— Штурмовать стены — дело кровопролитное, — сказал Аддам Марбранд. — Предлагаю дождаться безлунной ночи и послать через реку дюжину человек в лодке, обмотав весла тряпками. Они влезут на стену с крючьями и веревками и откроют ворота изнутри. Я сам поведу их, если совет того пожелает.

— Безумный план, — высказался Уолдер Риверс. — Сира Бриндена такими фокусами не проведешь.

— Вся загвоздка в нем, в Черной Рыбе, — согласился Эдвин. — Он носит шлем с черной форелью

на гребне, так что издали его легко распознать. Предлагаю подвести осадные башни поближе, посадить в них лучников и притвориться, что мы штурмуем ворота. Тогда сир Бринден уж непременно появится на стене в своем знаменитом шлеме. Пусть все лучники вымажут стрелы дерьмом и целят только в него. Как только сир Бринден умрет, Ривердан будет нашим.

Пятно лорда Карила побурело.

— А кто дерьмо предоставит, Эдвин? Ты? Это смертельный яд, никаких сомнений.

— Черная Рыба заслуживает лучшей смерти, и я помогу ему в этом, — грохнул кулаком по столу Могучий Вепрь. — Вызову его на поединок. Палицы, топоры, длинные мечи — разницы нет. Я уложу старика.

— С какой стати ему принимать ваш вызов, сир? — осведомился Форли Престер. — Что он этим выиграет? Разве мы снимем осаду, если он победит? Я в это не верю, и он не поверит. Поединок не приведет ни к чему.

— Я знаю Бриндена Талли с тех пор, как мы оба служили в оруженосцах у лорда Дарри, — подал голос Норберт Венс, слепой лорд Атранты. — Позвольте мне поговорить с ним, милорды, и объяснить, сколь безнадежно его положение.

— Он сам преотлично все понимает, Норберт, — сказал лорд Пайпер, коренастый и кривоногий, с копной ярко-рыжих волос — сходство между ним и его сыном, оруженосцем Джейме, бросалось в глаза. — Он ведь не слепой. И не такой дурак, чтоб сдаваться таким вот, как эти. — Лорд сделал непристойный жест в сторону Эдвина Фрея и Уолдера Риверса.

— Если милорд Пайпер намекает… — ощетинился Эдвин.

— Ни на что я не намекаю, а говорю прямо, как подобает честному человеку. Хотя откуда тебе-то знать, что такое честность? Ты такой же гнусный лживый хорек, как все твои родичи. Да я скорей пинту мочи выхлебаю, чем поверю Фрею на слово. — Пайпер перегнулся через стол. — Отвечай мне: где Марк? Что вы сделали с моим сыном? Он был гостем на вашей проклятой свадьбе.

— И останется нашим почетным гостем, пока вы не докажете свою верность его величеству королю Томмену.

— С Марком в Близнецы отправились пять рыцарей и двадцать латников. Они тоже у вас гостят, Фрей?

— Рыцари, возможно, и да. С остальными обошлись по заслугам. А ты, Пайпер, придержи свой

крамольный язык, если не хочешь, чтоб твоего наследника вернули домой по кускам.

Пайпер вскочил на ноги. Да, подумал Джейме, отцовские советы проходили немного иначе.

— Повтори это с мечом в руке, Фрей, — или ты только на ночных горшках умеешь сражаться?

Щуплое лицо Фрея, и без того бледное, стало зеленым.

— Эдвин не мастер драться, — заявил, поднявшись, Уолдер Риверс, — но я отвечу тебе за него. Выйдем и продолжим наш разговор.

— Это военный совет, а не война, — напомнил им Джейме. — Сядьте, вы оба. Я сказал, сядьте!

Риверс послушался, но лорд Пайпер с проклятием вышел вон.

— Послать людей привести его назад? — спросил сир Давен у Джейме.

— Пошлите сира Илина, — посоветовал Эдвин. — Нам нужна его голова, ничего больше.

— За лорда Пайпера говорило его горе, — сказал Карил Венс, обращаясь к Джейме. — Марк его первенец, а рыцари, сопровождавшие молодого Пайпера в Близнецы, — племянники и кузены лорда.

— Иными словами, изменники и мятежники, — вставил Эдвин.

— Близнецы тоже поддерживали Молодого Волка, — холодно заметил Джейме, — а затем его предали. Стало быть, вы такие же изменники, как Пайпер, — нет, вдвое хуже. — Улыбка мигом слиняла с лица Эдвина, к его удовлетворению. Джейме решил, что на сегодня насовещался достаточно. — Совет окончен. Займитесь приготовлениями, милорды, — на рассвете мы атакуем.

Ветер, задувший с севера, донес через Камнегонку зловоние из лагеря Фреев. Эдмар Талли одиноко стоял на сером помосте виселицы с петлей на шее.

Тетя Дженна и ее муж задержались в шатре, когда все прочие вышли.

— Лорд племянник, — заговорил Эммон, — вы не должны штурмовать мою собственность. — Кадык у него на шее ходил вверх и вниз. — Нельзя так. Я… я запрещаю. — На губах Эммона пузырилась розовая пена от кислолиста. — Это мой замок. На то у меня есть грамота, подписанная королем Томменом. Я законный лорд Риверрана, и…

— Пока Эдмар жив, ты не лорд, — перебила его леди Дженна. — Он рохля и простофиля, но для тебя все равно опасен. Как ты намерен с ним поступить, Джейме?

Черная Рыба — вот кто опасен, а не Эдмар.

— Предоставьте Эдмара мне. Сир Лайл, сир Илин, прошу следовать за мной. Пора мне познакомиться с этой виселицей поближе.

Ближайший брод через Камнегонку, более быструю и глубокую, чем Красный Зубец, находился в нескольких лигах выше, а паром только что ушел на тот берег с Фреем и Риверсом. В ожидании Джейме поделился с двумя рыцарями своими намерениями. Сир Илин ответил ему плевком в реку.

Когда они втроем сошли с парома на северном берегу, пьяная потаскушка предложила Вепрю удовольствовать его ртом.

— Удовольствуй лучше моего друга, — сказал Вепрь и пихнул ее к сиру Илину. Женщина, хихикая, примерилась поцеловать Пейна в губы, но его взгляд заставил ее попятиться прочь.

Между кострами петляла илистая тропа пополам с лошадиным навозом, растоптанная копытами и сапогами. Щиты и знамена вокруг представляли две башни дома Фреев, голубые на сером, а также эмблемы меньших, присягнувших Переправе домов: цапля Эренфордов, вилы Хэев, омела лорда Карлтона. Прибытие Цареубийцы не прошло незамеченным. Старуха, продававшая

поросят, уставилась на него, рыцарь с полузнакомым лицом преклонил колено. Двое латников, справлявшие малую нужду у канавы, оглянулись и оросили друг друга.

— Сир Джейме, — окликнул кто-то, но он, не оборачиваясь, шел дальше. Всю эту братию он очень старался убить в Шепчущем лесу, когда Фреи еще сражались под знаменами Робба Старка. Золотая кисть тяготила опущенную руку.

Прямоугольный шатер Римана Фрея был самым большим в лагере; его серые стены, сшитые из лоскутов, походили на каменную кладку, две верхушки напоминали о Близнецах. Мнимое нездоровье не мешало сиру Риману развлекаться: из шатра доносился пьяный женский смех вперемешку со звуками лютни и голосом певца. *С тобой я разберусь после, сир*, решил Джейме. Уолдер Риверс у собственного скромного шатра разговаривал с двумя солдатами. Башни Фреев у него на щите были, наоборот, серыми на голубом поле, и их пересекала красная перевязь. При виде Джейме бастард нахмурился. Ишь как смотрит. Этот будет опаснее, чем все его законные братья.

Виселица возвышалась над землей на десять футов. У подножия лестницы несли караул два копейщика.

— Без позволения сира Римана нельзя, — сказал один Джейме.

— Он говорит, что можно. — Джейме постучал пальцем по рукояти меча. — Вопрос в том, переступать мне через твой труп или нет. — Копейщики расступились.

Лорд Риверрана стоял, глядя на люк под своими голыми, покрытой коркой грязи ногами. Всю его одежду составляла грязная шелковая рубаха в красные и синие полосы дома Талли, украшением служила петля на шее. На звук шагов Джейме он поднял голову и облизнул сухие, потрескавшиеся губы.

— Цареубийца?! — Потом он увидел сира Илина, и глаза у него стали круглыми. — Ну что ж, лучше меч, чем веревка. Давай, Пейн.

— Вы слышали, что сказал лорд Талли, сир Илин, — промолвил Джейме. — Действуйте.

Безмолвный рыцарь перехватил обеими руками свой меч — длинный, тяжелый, острый, насколько остра может быть обыкновенная сталь. Эдмар беззвучно пошевелил губами, закрыл глаза. Пейн, отведя меч назад, вложил в удар всю свою силу.

— Нет! Стойте! НЕТ! — К ним, задыхаясь, бежал Эдвин Фрей. — Мой отец сейчас будет здесь.

Джейме, ты должен…

— Для вас я «милорд», Фрей, — и впредь прошу не указывать, что я должен делать, а что нет.

Сир Риман шагал к виселице в сопровождении желтоволосой девахи, пьяной вдрызг, как и он сам. В корсаже ее платья, расшнурованном до пупа, болтались груди — большие, тяжелые, с крупными коричневыми сосками. На голове косо торчал обруч из кованой бронзы, исписанный рунами и обведенный по краю черными маленькими мечами.

— Это еще кто такой, седьмое пекло? — с хохотом вопросила она, глядя на Джейме.

— Лорд-командующий Королевской Гвардии, — с холодной учтивостью ответил ей он. — А вы кто будете, миледи?

— Какая я тебе леди. Я королева.

— Моя сестра удивится, услышав об этом.

— Лорд Риман меня самолично короновал. — Женщина вильнула пышными бедрами. — Я королева шлюх.

Этот титул тоже принадлежит моей дражайшей сестрице, подумал Джейме.

— Заткнись, потаскуха, — с некоторым трудом выговорил сир Риман. — Не приставай к лорду Джейме с глупыми разговорами. — Этот Фрей

был крепкого сложения, с широким лицом, маленькими глазками и несколькими пухлыми подбородками. От него пахло вином и луком.

— Умножаете число королев, сир Риман? — вкрадчиво спросил его Джейме. — Глупая затея — столь же глупая, как с лордом Эдмаром.

— Это мое предупреждение Черной Рыбе. Я сказал ему, что Эдмар умрет, если замок не сдастся. Эта виселица доказывает, что слова сира Римана Фрея — не пустые угрозы. Мой сын Уолдер в Сигарде проделал то же самое с Патриком Маллистером, и лорд Ясон склонил колено… но Черная Рыба, будучи бессердечным, не сдался…

— И тогда вы повесили лорда Эдмара?

— Мой лорд-дед… — покраснел Риман. — Если мы повесим этого Талли, у нас не станет заложника — не понимаете разве?

— Только глупец произносит угрозы, которые не готов выполнить. Предположим, я пригрозил, что ударю вас, если вы тотчас же не замолчите, а вы продолжаете говорить — как я поступлю в таком случае?

— Сир, вы не понима…

Джейме ударил его — золотой рукой, но так, что сир Риман отлетел прямо в объятия своей шлюхи.

— У вас дубовая голова, сир Риман, и шея толстая. Сколько ударов вам понадобится, чтобы ее разрубить, сир Илин?

Пейн приложил к носу палец.

— Пустое, — засмеялся Джейме. — Моя ставка — три.

Риман упал на колени.

— Но я ничего не делал…

— Только пил и развратничал. Знаю.

— Я наследник Переправы. Вы не можете…

— Я же сказал, чтобы вы молчали. — Риман побелел. Пьяница, трус и дурак. Лучше этому отпрыску умереть раньше лорда Уолдера, иначе Фреям конец. — Я приказываю вам покинуть Ривердан, сир.

— Покинуть?

— Вы слышали, что я сказал. Убирайтесь прочь.

— Но… но куда?

— В пекло или к себе домой, воля ваша. Главное, чтобы к восходу солнца вас в лагере не было. Можете взять с собой королеву шлюх, но не ее корону. Вы, Эдвин, будете командовать вместо отца — и постарайтесь быть поумнее, чем ваш родитель.

— Это большого труда не составит, милорд.

— Известите лорда Уолдера о том, что трон требует от него выдачи всех его пленников. — Джейме взмахнул золотой рукой. — Давайте его сюда, сир Лайл.

Эдмар Талли, когда сир Илин перерубил веревку, лишился чувств и упал на эшафот лицом вниз. Могучий Вепрь взялся за обрывок ниже завязанного узла и поставил несчастного на ноги.

— Глядите-ка, рыба на поводке. Отродясь такого не видел.

Фреи отошли в сторону, пропуская их. Под эшафотом уже успела собраться толпа, которую украшала дюжина лагерных девок в разных стадиях раздетости.

— Эй, певец, пойдем-ка со мной, — крикнул Джейме человеку с лютней в руках.

Тот притронулся к шляпе.

— Слушаюсь, милорд.

Они дошли до парома и переправились через реку в полно молчании, но на южном берегу Эдмар схватил Джейме за локоть.

— Зачем?

Ланнистеры платят свои долги, промолвил мысленно Джейме, *а ты единственная монета, которая у меня осталась*.

— Считай, что это мой подарок тебе на сва-

дьбу.

— Подарок на свадьбу?

— Говорят, твоя жена хороша собой. Охотно верю — вряд ли ты иначе лег бы с нею в постель, когда твою сестру и твоего короля убивали.

— Я не знал. — Эдмар снова облизнул губы. — За дверью спальни пиликали скрипачи…

— И леди Рослин успешно тебя отвлекала.

— Ее заставили. Лорд Уолдер и остальные. Рослин не хотела… она плакала, но я подумал, что…

— Что причиной этому твое восставшее мужество? Уверен, тут любая бы разрыдалась.

— Она носит моего ребенка.

У нее в животе растет твоя смерть. У шатра Джейме отпустил Вепря и сира Илина, но певца оставил.

— Споешь нам, когда придет время. Нагрей воды, Лью, чтобы мой гость мог помыться, а ты, Пиа, подбери ему что-нибудь чистое, только без львов. Вина лорду Талли, Пек. Не желаете ли закусить, милорд?

Эдмар, еще не избавившийся от подозрений, кивнул.

Пока Талли мылся, Джейме сидел рядом на табурете. Грязь сходила с узника хлопьями.

— Когда откушаете, мои люди проводят вас к Риверрану. Дальнейшее зависит от вас.

— Что вы хотите этим сказать?

— Твой дядя стар. Он доблестный воин, но жизнь свою, можно сказать, уже прожил. У него нет молодой жены, которая будет его оплакивать, нет детей, которые нуждаются в его защите. Красивая смерть — вот все, на что Черная Рыба может надеяться, а у тебя, Эдмар, впереди еще много лет. И лорд дома Талли — ты, а не он. Сир Бринден состоит на службе у тебя, своего лорда. Судьба Риверрана в твоих руках.

— Судьба Риверрана? — опешил Эдмар.

— Сдай замок, и все останутся живы. Ваши люди смогут уйти с миром или останутся служить лорду Эммону. Сиру Бриндену разрешат надеть черное, и все солдаты его гарнизона, которые того пожелают, вольны присоединиться к нему. Как и ты, если Стена тебе по сердцу. А нет, так отправляйся в Бобровый Утес как мой пленник — там к тебе отнесутся со всем уважением, подобающим заложнику твоего ранга. Я и жену твою могу отправить к тебе. Если она родит сына, он будет служить дому Ланнистеров как паж и оруженосец, а при посвящении в рыцари мы пожалуем ему земельный надел. Если родится девочка, я

позабочусь о хорошем приданом для нее. Да и тебя могут отпустить, когда война завершится, — отчего бы и нет? Все, что от тебя требуется, — это сдать замок.

Эдмар вынул руки из лохани, глядя на стекающую между пальцами воду.

— А если замок не будет сдан?

Непременно хочешь услышать ответ? При Пиа, стоящей с охапкой одежды в руках, при оруженосцах и певце? Что ж, пусть и они послушают — мне-то что. Джейме заставил себя улыбнуться.

— Ты видел, сколько нас, Эдмар. Видел лестницы, требушеты, осадные башни, тараны. Если я отдам приказ, мой кузен перекинет мост через ров и взломает ваши ворота. Погибнут сотни людей, в основном ваших. Первыми пойдут ваши бывшие знаменосцы, поэтому день ты начнешь с избиения отцов и братьев тех, кто умирал за тебя в Близнецах. Следом двинутся Фреи — у меня их хоть отбавляй. Мои западники вступят последними, когда у ваших лучников кончатся стрелы, а ваши рыцари от усталости не смогут поднять оружия. Когда замок падет, все его обитатели будут преданы мечу. Ваш скот зарежут, богорощу срубят под корень, башни и другие строения со-

жгут. Я поверну Камнегонку, чтобы она затопила руины, и вскоре от прежнего замка не останется и следа. — Джейме встал. — Может быть, твоя жена к тому времени уже разродится. Ты ведь хочешь взглянуть на свое дитя, правда? Я заряжу им требушет и отправлю тебе.

Наступило молчание. Эдмар оцепенел в своей ванне. Пиа прижимала к груди одежду, певец подтягивал на лютне струну. Малыш Лью выскабливал миску из краюхи черствого хлеба, делая вид, будто ничего не слышит. *Заряжу им требушет…* Будь тетушка Дженна здесь, продолжала бы она настаивать на том, что сын Тайвина — это Тирион? Эдмар Талли обрел дар речи.

— Я сейчас вылезу и убью тебя на месте, Цареубийца.

— Что ж, попытайся. — Эдмар не шелохнулся, и Джейме сказал: — Я оставлю тебя, чтобы ты мог спокойно поесть, — а ты, певец, развлекай нашего гостя. Ты ведь знаешь, что ему спеть, верно?

— Про дожди-то, милорд? Как же, знаю.

Эдмар, казалось, только теперь заметил человека с лютней.

— Нет, только не это. Пусть он уйдет.

— Неужто его голос до того уж противен? — удивился Джейме.

Серсея

Великий мейстер Пицель был стар с тех пор, как она его помнила, но за последние три ночи состарился еще лет на сто. Он целую вечность сгибал перед ней свое скрипучее колено, а после не мог подняться, пока сир Осмунд ему не помог.

Серсея смотрела на него с неприязнью.

— Лорд Квиберн сказал мне, что лорд Джайлс наконец докашлялся до конца.

— Да, ваше величество. Я сделал все, чтобы облегчить его кончину.

— В самом деле? Я, помнится, говорила, что Росби мне нужен живым?

— Говорили, ваше величество, — подтвердила леди Мерривезер.

— Вы тоже помните тот разговор, сир Осмунд?

— Ваше величество приказали великому мейстеру вылечить недужного. Мы все слышали.

Пицель беззвучно открыл рот — раз и другой.

— Ваше величество должны знать: я сделал для больного все, что было в моих силах.

— И для Джоффри тоже? И для его отца, моего возлюбленного супруга? Роберт, самый сильный

мужчина в Семи Королевствах, так и не сумел оправиться после нападения какого-то жалкого вепря. Не забудем и Джона Аррена. Неда Старка вы тоже бы уморили, если бы пользовали его чуть подольше. Чему вас учили в Цитадели — заламывать руки и оправдываться?

— Ни один человек не сделал бы больше, чем я, ваше величество, — съежился старец. — Я всегда верно служил престолу…

— Ваш совет королю Эйерису открыть ворота перед войском моего отца тоже следует понимать как верность престолу?

— Я, быть может, неверно…

— Вы считаете этот совет хорошим?

— Но ваше величество должны знать…

— Я знаю одно: когда моего сына отравили, от вас было меньше пользы, чем от Лунатика. Знаю, что наш лорд-казначей умер в то самое время, когда казна особенно нуждается в золоте.

Старый дурак тут же ухватился за это.

— Я представлю совету список людей, способных заменить лорда Джайлса.

— Список? — Королеву это позабавило. — Воображаю себе. Дряхлые старцы, воры, глупцы и Гарт Тучный. — Она сжала губы. — Последнее время вас часто видят в обществе леди Маргери.

— Да… Королева Маргери очень опечалена судьбой сира Лораса. Я даю ей снотворное… и другие снадобья.

— Не сомневаюсь. Скажите, это маленькая королева приказала вам умертвить лорда Джайлса?

— Умертвить?! — Глаза Пицеля выкатились, как вареные яйца. — Но не думает же ваше величество… это была легочная болезнь, боги свидетели… и ее величество не желала лорду Джайлсу никакого вреда. Зачем было королеве Маргери…

— Желать его смерти? Да чтобы воткнуть в совет Томмена еще один розан. Вы слепы или куплены кем-то? Росби мешал ей, и она уложила его в могилу… с вашей помощью.

— Клянусь, ваше величество, лорд Джайлс умер от болезни легких, — дрожащими губами забормотал Пицель. — Я всегда был верен престолу, государству… д-дому Ланнистеров.

Именно в этом порядке? Страх Пицеля был почти осязаем. Теперь он созрел — пора выжимать сок.

— Если ваша преданность действительно такова, почему вы мне лжете? Не трудитесь отрицать. Вы начали выплясывать перед девой Маргери задолго до того, как сир Лорас отплыл на Драко-

ний Камень, поэтому не потчуйте меня баснями о том, как вы утешаете нашу дочь в ее горе. Что вас так привлекает в Девичьем Склепе — ведь не глупое же чириканье Маргери? Вы строите куры ее рябой септе? Нянчитесь с маленькой леди Бульвер? Или шпионите на нее, передавая ей все, что слышите здесь?

— М-мейстер дает обет послушания…

— *Великий* мейстер дает обет служить государству.

— Но ведь она королева, ваше величество.

— Королева здесь я.

— Я хотел сказать, что она жена короля и…

— Я знаю, кто она. Мне любопытно другое: зачем ей *вы?* Нашей дочери нездоровится?

— Нездоровится? — Пицель подергал за жидкие волосенки, которые у него сходили за бороду. — Не сказал бы, ваше величество. Моя клятва запрещает мне открывать…

— В темнице от клятв мало проку. Говорите правду, или быть вам в цепях.

Пицель упал на оба колена.

— Молю вас… я был человеком вашего лорда-отца, поддерживал вас во времена лорда Аррена. Я не переживу еще одного заключения…

— Зачем Маргери посылает за вами?

— Она… она хочет…

— Да говорите же!

— Лунный чай, — пролепетал Пицель.

— Ах вот оно что. Прекрасно. Вставайте со своих распухших колен и попытайтесь вспомнить, что значит быть мужчиной. — Пицель делал это так долго, что она велела Осмунду Кеттлблэку помочь ему еще раз. — Что до лорда Джайлса, Отец наш небесный рассудит его по справедливости. У него, кажется, не осталось детей?

— Только воспитанник…

— Это не родная кровь, — махнула рукой Серсея. — Джайлс знал, как нам нужно золото, и, конечно же, поделился с вами желанием оставить все свои земли и имущество Томмену. — Золото Росби пополнит казенные сундуки, а земли его и замок перейдут к кому-нибудь из ее людей в награду за верную службу. Быть может, к лорду Уотерсу. Аурин давно намекает, что без поместья титул лорда — пустой звук. Он, правда, положил глаз на Драконий Камень, но это уже чересчур. Его должности и происхождению больше подходит Росби.

— Лорд Джайлс любил его величество всем своим сердцем, — забормотал Пицель, — однако его воспитанник…

— Я не сомневаюсь, он все поймет, когда услышит о последнем желании лорда Джайлса. Ступайте и позаботьтесь об этом.

— Как вашему величеству будет угодно. — Старик так торопился уйти, что чуть не запутался в полах собственной мантии.

— Лунный чай, — промолвила леди Мерривезер, закрыв за ним дверь. — Как глупо с ее стороны. С чего ей вздумалось так рисковать?

— У маленькой королевы есть причуды, которые Томмен пока не может удовлетворить. — Так всегда бывает, когда взрослая женщина выходит за мальчика — особенно если она вдова. Она твердит, что Ренли к ней ни разу не прикоснулся, но кто же в это поверит? Лунный чай пьют лишь по одной причине, девственницам он ни к чему. — Моему сыну изменяют. У Маргери есть любовник. Это государственная измена, и карается она смертью. — Лишь бы эта старая ведьма, матушка Мейса Тирелла, дожила до суда. Своими хлопотами о том, чтобы Томмен и Маргери поженились как можно скорее, леди Оленна подвела свою драгоценную розочку под меч палача. — Сира Илина Пейна Джейме увез с собой — придется мне подыскать кого-то другого на должность Королевского Правосудия, чтобы

снять ее голову с плеч.

— Я готов, — не чинясь, вызвался Осмунд Кеттлблэк. — У Маргери такая тонкая шейка — хороший острый меч развалит ее в один миг.

— Это так, — сказала Таэна, — но одна армия Тирелла стоит у Штормового Предела, а другая — в Девичьем Пруду. Разумно ли будет обезглавить дочь лорда Мейса?

А ведь она права, поняла королева. Кругом столько роз, что не продохнешь. Экая досада, что Мейс Тирелл ей все еще нужен — по крайней мере до победы над Станнисом. Как же избавиться от дочки, не лишившись отца?

— Измена есть измена, — сказала Серсея, — но тут нужны доказательства повесомее лунного чая. Если неверность Маргери будет доказана, даже лорд-отец осудит свою преступную дочь, чтобы ее позор не запятнал его самого.

Кеттлблэк задумчиво прикусил ус.

— Надо поймать их на месте преступления.

— Но как? Квиберн следит за ней денно и нощно. Ее слуги берут у меня деньги, но отделываются пустяками. Никто этого любовника и в глаза не видел. У нее в покоях поют, смеются, болтают — и только.

— Так просто Маргери не поймаешь, — сказала

леди Мерривезер. — За своими дамами она как за каменной стеной. Они спят с ней, одевают ее, вместе молятся, читают и шьют. Когда она не охотится и не ездит верхом, то играет с маленькой Алисанной Бульвер. В обществе мужчин при ней всегда либо септа, либо ее кузины.

— Но должна же она когда-нибудь удалять от себя свой курятник. Если только они сами не участвуют в этом, — осенило вдруг королеву. — Не все, возможно, но некоторые.

— Кузины? — усомнилась леди Таэна. — Все три еще моложе и невиннее маленькой королевы.

— Распутницы в девичьих одеждах. Это делает их грех еще более вопиющим. Имена их станут олицетворением позора. — Серсее казалось, что она уже смакует этот позор. — Ваш лорд-муж, Таэна, — мой верховный судья. Я сегодня же приглашаю вас с ним на ужин. — Надо спешить, пока Маргери не забрала себе в голову вернуться в Хайгарден или отправиться на Драконий Камень к умирающему брату. — Прикажу поварам зажарить для нас кабана — а чтобы мясо легче переваривалось, нужна музыка.

— Непременно. — Таэна мигом смекнула, в чем дело.

— Тогда предупредите своего лорда-мужа и

найдите певца. Вы, сир Осмунд, останьтесь — нам с вами нужно многое обсудить. Мне понадобится также и Квиберн.

Дикого вепря на кухне, увы, не нашлось, а посылать за ним охотников не было времени. Вместо него повара закололи свинью и зажарили ее с медом, гвоздикой и сушеными вишнями. Не совсем то, чего хотелось Серсее, но делать нечего. После свинины подали печеные яблоки с острым белым сыром. Леди Мерривезер наслаждалась каждым блюдом, но муж ее, с красными пятнами на бледном лице, все больше налегал на вино и поглядывал на певца.

— Жаль бедного лорда Джайлса, — сказала Серсея. — Однако по его кашлю мы, думаю, не станем скучать.

— Да, пожалуй.

— Теперь нам нужен новый лорд-казначей. Будь в Долине поспокойнее, я вернула бы назад Петира Бейлиша, но… я думаю попробовать на этой должности сира Хариса. Он ничем не хуже Джайлса — по крайней мере кашель его не мучает.

— Но сир Харис — королевский десница, — сказала Таэна.

Сир Харис — заложник, не слишком пригодный

даже для такой роли.

— Пора снабдить Томмена более сильной десницей.

Лорд Ортон поднял глаза от кубка.

— Более сильная — это хорошо. Но кто же?

— Вы, милорд. У вас это в крови. Ваш дед стал преемником моего отца как десница короля Эйериса. — Менять Тайвина Ланнистера на Оуэна Мерривезера было все равно что менять боевого скакуна на осла — правда, Оуэн тогда был уже старым, конченым человеком. Пользы трону он не принес, но и вреда никому не делал. Ортон моложе и, кроме того, женат на выдающейся женщине. Жаль, что нельзя сделать десницей Таэну. Она стоит трех таких, как ее муж, и с ней куда веселее. Но она женщина и притом мирийка, так что придется довольствоваться Ортоном. — Я не сомневаюсь, что вы окажетесь способнее сира Хариса. — *Содержимое моего ночного горшка и то способнее сира Хариса*, добавила про себя Серсея. — Согласны ли вы послужить престолу?

— Да… да, разумеется. Ваше величество оказывает мне великую честь.

Честь не по твоим заслугам.

— Вы хорошо послужили мне как судья, милорд, — и еще послужите, ведь впереди нас ждут

нелегкие времена. — Убедившись, что Мерривезер понял смысл ее слов, королева улыбнулась певцу. — Ты тоже заслуживаешь награды за те прелестные песни, которые пел нам весь вечер. Боги щедро одарили тебя.

— Ваше величество очень добры, — поклонился певец.

— Нет, я всего лишь говорю правду. Леди Таэна сказала мне, что тебя называют Лазурным Бардом.

— Это так, ваше величество. — На певце были голубые сафьяновые сапоги, голубые бриджи из тонкой шерсти, голубая шелковая рубашка с белыми атласными прорезями. Он даже волосы выкрасил в голубой цвет на тирошийский манер. Они локонами падали ему на плечи, и пахло от них душистой водой, сделанной, без сомнения, из голубых роз. Только зубы, очень ровные и красивые, оставались белыми среди этой лазури.

— А другого имени у тебя разве нет?

— В детстве меня звали Уотом. — Щеки барда слегка порозовели. — Хорошее имя для пахаря, но для певца не слишком подходит.

Серсея возненавидела его за один только цвет глаз, точно такой же, как у Роберта.

— Понятно, отчего леди Маргери так к тебе

расположена.

— Ее величество по доброте своей говорит, что я доставляю ей удовольствие.

— В этом у меня нет сомнений. Могу я посмотреть твою лютню?

— Как вашему величеству будет угодно. — В голосе певца слышалось легкое беспокойство, однако лютню он ей подал незамедлительно. На просьбу королевы отказом не отвечают.

Серсея, дернув одну из струн, улыбнулась.

— Сладко и грустно, как сама любовь. Скажи мне, Уот, когда ты впервые переспал с Маргери — до того, как она вышла за моего сына, или после?

До певца это не сразу дошло, а когда дошло, глаза у него стали круглыми.

— Ваше величество ввели в заблуждение. Клянусь вам, я никогда…

— Лжешь! — Серсея ударила его по лицу лютней, разбив ее в щепки. — Кликните стражу, лорд Ортон, и отведите этого человека в темницы.

Лицо Мерривезера покрылось испариной.

— О, какое бесчестье… Этот червь посмел соблазнить королеву?!

— Боюсь, все было наоборот, но пусть он споет о своей измене лорду Квиберну.

— Нет, — вскричал Лазурный Бард. Из его

разбитой губы текла кровь. — Я никогда… — Мерривезер схватил его за руку. — Матерь, помилуй меня!

— Здесь нет твоей матери, — сказала Серсея.

Даже в темнице он по-прежнему все отрицал, молился и умолял пощадить его. Кровь теперь рекой хлестала из его рта с выбитыми зубами, и он трижды намочил свои красивые бриджи, но продолжал упорствовать в своем запирательстве.

— Может быть, мы не того певца взяли? — спросила Серсея.

— Все возможно, ваше величество. Ничего, до утра сознается. — Квиберн здесь, внизу, был одет в грубую шерсть и кожаный кузнечный передник. — Мне жаль, что стражники обошлись с тобой грубо, — сказал он певцу, мягко и сострадательно. — Такой уж это народ, что с них взять. Скажи правду, больше нам ничего от тебя не надо.

— Я все время говорю правду, — прорыдал певец, прикованный к стене.

— Нам лучше знать. — Квиберн взял бритву, тускло блеснувшую при свете факела, и срезал с Лазурного Барда одежду, не оставив на нем ничего, кроме голубых высоких сапог. Серсея весело отметила про себя, что внизу волосы у

него каштановые.

— Рассказывай, как ублажал маленькую королеву, — приказала она.

— Я ничего… только пел. Пел и играл. Ее дамы скажут вам то же самое. Они всегда были при нас. Ее кузины.

— Кого из них ты соблазнил?

— Никого. Я всего лишь певец. Прошу вас.

— Быть может, этот несчастный только играл для Маргери, пока она забавлялась с другими любовниками, ваше величество, — предположил Квиберн.

— Нет. Молю вас. Она никогда… я пел, только пел.

Квиберн провел ладонью по груди барда.

— Она брала твои соски в рот, когда вы любились? — Лорд защемил один сосок двумя пальцами. — Некоторым мужчинам это нравится — соски у них не менее чувствительны, чем у женщин. — Бритва сверкнула, и певец закричал. На груди у него раскрылся мокрый красный глаз. Серсее сделалось дурно. Ей захотелось отвернуться, зажмуриться, велеть Квиберну перестать. Но она королева, и речь идет об измене. Лорд Тайвин и не подумал бы отворачиваться.

В конце концов Лазурный Бард рассказал им

всю свою жизнь с самого рождения. Отец его был бондарь, и сына тоже обучали этому ремеслу, но Уот еще в детстве мастерил лютни лучше, чем бочки. В двенадцать лет он сбежал из дома с игравшими на ярмарке музыкантами и обошел половину Простора, прежде чем решил попытать счастья при дворе.

— Счастье? — усмехнулась Серсея. — Вот как это теперь зовется у женщин? Боюсь, дружок, что тебя обласкала не та королева.

Во всем, конечно же, виновата Маргери. Не будь ее, Уот жил бы поистине припеваючи, бренчал на своей лютне, спал со свинарками и дочками арендаторов. Из-за нее Серсея вынуждена заниматься этой грязной работой.

Ближе к рассвету сапоги певца доверху наполнились кровью, и он рассказал, как кузины Маргери ласкали его плоть губами, а маленькая королева смотрела на это и рукоблудничала. Бывало также, что он играл для нее, пока она тешила свою похоть с другими мужчинами. На вопрос королевы, кто они, Уот назвал Таллада Высокого, Ламберта Торнберри, Джалабхара Ксо, близнецов Редвин, Осни Кеттлблэка и Рыцаря Цветов.

Серсея осталась недовольна. Нельзя марать имя героя Драконьего Камня — притом никто из

знающих сира Лораса не поверил бы в это. Редвинов тоже следует исключить. Без Бора и его флота трон никогда не избавится от Эурона Вороньего Глаза с его проклятой железной сворой.

— Ты попросту перечисляешь всех мужчин, которые у нее бывали, — сказала она, — а нам нужна правда.

— Правда… — Уот смотрел на нее голубым глазом — единственным, который Квиберн ему оставил. На месте передних зубов зияла кровавая брешь. — Да, я, наверно, запамятовал…

— Хорас и Хоббер ни при чем, верно?

— Верно…

— И сир Лорас тоже. Я уверена, что Маргери скрывала свои шашни от брата.

— Да. Теперь я вспомнил. Однажды, когда пришел сир Лорас, мне пришлось спрятаться под кроватью. Он ничего не должен знать, сказала она.

— Эта песня мне нравится больше других. — Незачем припутывать к делу великих лордов. Что до всех остальных… Сир Таллад — межевой рыцарь, Джалабхар Ксо — нищий изгнанник, Клифтон — простой гвардеец. А Осни послужит изюминкой в этом пудинге. — Теперь, когда сказал все без утайки, тебе стало легче, я знаю. Повторишь все

это на суде. Но если ты снова вздумаешь лгать…

— Нет. Я скажу все как есть. А потом…

— Тебе разрешат надеть черное, обещаю. Перевяжите ему раны, — велела Серсея Квиберну, — и дайте макового молока от боли.

— У вашего величества доброе сердце. — Квиберн бросил окровавленную бритву в склянку с уксусом. — Маргери может удивить пропажа ее певца.

— Певцы, как известно, не остаются подолгу на одном месте, сегодня — тут, завтра — там.

Поднимаясь по темной лестнице из подземелья, Серсея запыхалась. Докапываться до правды — нелегкое дело, а дальше будет еще труднее. Ей нужно быть сильной. Она делает все это ради Томмена, ради всех своих подданных. Жаль, что Магги-Жаба уже умерла. *Тьфу на твое пророчество, старая ведьма. Маленькая королева хоть и моложе меня, но красивей никогда не была, и скоро она умрет, как и ты.*

Леди Мерривезер ждала ее в спальне. Стояла черная ночь, Джаселина и Доркас спали, но Таэна не смыкала глаз.

— Страшно было? — спросила она.

— Ты и представить себе не можешь. Надо бы прилечь, но я боюсь дурных снов.

Таэна погладила ее по голове.

— Это все ради Томмена.

— Да. Я знаю, — передернула плечами Серсея. — Фу, как в горле першит. Будь милочкой, налей мне вина.

— Я сделаю для тебя все, что угодно. Это единственное мое желание.

Лгунья. Знаю я, чего ты желаешь. Тем лучше. Раз эта женщина влюблена в меня по уши, то в самом деле сделает все, что я прикажу, — и она, и ее муж. Если верность можно купить за пару поцелуев, оно того стоит. Таэна не хуже большинства мужчин, и детей от нее, во всяком случае, уж точно не будет.

Вино помогло, но не до конца.

— Я чувствую себя замаранной, — пожаловалась королева, стоя у окна с чашей.

— Ванна поправит дело, любовь моя. — Таэна разбудила Джаселину и Доркас, велела им натаскать воды, распустила шнуровку на платье Серсеи и разделась сама.

Ванну они принимали вместе — Серсея нежилась в объятиях Таэны.

— Нужно избавить Томмена от самого худшего, — сказала королева мирийке. — Маргери каждый день ходит с ним в септу, чтобы помо-

литься об исцелении своего брата. — Сир Лорас, к раздражению Серсеи, все еще цеплялся за жизнь. — И кузин ее он тоже любит. Ему будет тяжело потерять всех сразу.

— Быть может, не все три виновны, — заметила Мерривезер. — Одна могла быть непричастна. То, что ей приходилось наблюдать, вызывало в ней отвращение…

— …и после должных уговоров она даст показания против других. Хорошо — которая же из них невиновна?

— Элла.

— Скромница?

— Скромница с виду, но себе на уме. Предоставь ее мне, дорогая.

— Охотно. — Признания одного только Лазурного Барда недостаточно. Певцы тем и зарабатывают на жизнь, что лгут. Элла Тирелл, если Таэна сможет уговорить ее, будет большим подспорьем. — Сир Осни тоже признается. Другим следует внушить, что лишь чистосердечная исповедь обеспечит им помилование и Стену. — Джалабхар Ксо наверняка предпочтет признание. Относительно прочих Серсея не была так уверена, но Квиберн умеет убеждать.

Когда они вылезли из ванны, над Королевской

Гаванью занимался рассвет. Пальцы королевы сморщились от долгого сидения в горячей воде.

— Останься со мной, — сказала она Таэне. — Не хочу спать одна. — Перед тем, как лечь, она даже помолилась, прося Матерь послать ей хорошие сны.

Серсея могла бы и не трудиться — боги, как всегда, оставались глухи. Она снова оказалась в темнице, но теперь к стене приковали не певца, а ее. Она была нагая, и кровь лилась из ран на месте откушенных Бесом сосков. «Прошу тебя, — молила она, — только не дети, не трогай моих детей». Тирион лишь усмехался на это — тоже голый, весь в шерсти, настоящая обезьяна. «Ты увидишь, как их коронуют, — сказал он, — и увидишь их смерть». Он начал сосать ее кровоточащую грудь, и боль пронзила Серсею раскаленным ножом.

Она проснулась, дрожа с головы до ног. Таэна обнимала ее.

— Я, должно быть, кричала? — слабым голосом спросила Серсея. — Прости.

— Дневной свет обращает сны в прах. Снова карлик? Почему этот человечек так пугает тебя?

— Он хочет убить меня. Мне предсказали это в возрасте десяти лет. Я хотела узнать, за кого выйду замуж, но она сказала…

— Мейега. — Слова полились из нее сами собой. *Мы никому не должны говорить об этом пророчестве*, твердила Мелара Гетерспун, *тогда оно не сбудется*. А сама вопила почем зря, когда упала в колодец. — Тирион и есть валонкар. Знают у вас в Мире такое слово? На старовалирийском оно означает «младший брат». — Когда Мелара утонула, Серсея спросила у септы Саранеллы, что оно значит.

Таэна погладила ее по руке.

— Она была старой, хворой и безобразной, а ты — юной красавицей, гордой и полной жизни. Ты говоришь, она жила в Ланниспорте — стало быть, знала, как карлик убил твою леди-мать. Не смея ударить тебя, ведьма ранила своим змеиным языком твою душу.

Так ли? Хотелось бы верить.

— Но Мелара умерла, как она и предсказывала, а я так и не вышла за принца Рейегара. И Джоффри… карлик убил моего сына у меня на глазах.

— Только одного сына. У тебя есть другой, славный и крепкий, — уж с ним-то ничего не случится.

— Пока я жива — нет. — Слова, произнесенные вслух, помогли ей в это поверить. Дневной свет обращает сны в прах. Утреннее солнце сияло

сквозь пелену облаков. Серсея откинула одеяло. — Сегодня я буду завтракать с королем. Хочу видеть сына. — Все, что я делаю, делается ради него…

Этим утром Томмен был ей дорог, как никогда раньше. Он лил мед на краюшку горячего хлеба и рассказывал о своих котятах.

— Сир Попрыгунчик поймал мышь, а Леди Усатка ее у него стащила…

Я такой невинной никогда не была, думала Серсея. Как же он будет править этой жестокой страной? Мать хотела бы уберечь сына от всякой скверны, королева понимала, что он должен закалиться — иначе Железный Трон растерзает его.

— Сир Попрыгунчик должен научиться защищать свою собственность, — сказала она. — Слабые в этом мире всегда становятся жертвами сильных.

Король поразмыслил, слизывая мед с пальцев.

— Когда сир Лорас вернется, я научусь владеть мечом, копьем и булавой, как он.

— Научишься, но не у сира Лораса, — пообещала Серсея. — Он уже не вернется, Томмен.

— Маргери говорит, что вернется. Мы молимся за него. Просим Матерь его помиловать, а Кузнеца — дать ему сил. Элинор говорит, что это самый

трудный бой сира Лораса.

Мать пригладила его золотые кудри, так напоминавшие ей о Джоффе.

— Ты проведешь день с женой и ее кузинами?

— Не сегодня. Маргери сказала, это день поста и очищения.

Поста и очищения? Ах да, канун Девичьего дня… Серсея давно уж и думать о нем забыла. Маргери третий раз замужем, а все еще прикидывается девицей. Вся в белом, она поведет свой курятник в Септу Бейелора, и зажжет высокие белые свечи перед изваянием Девы, и украсит ее шею пергаментными цветами. Не весь, однако, курятник. В Девичий день вдовам, матерям и шлюхам ход в септу заказан, равно как и мужчинам, — нельзя осквернять священные гимны невинности. Только девственницы могут…

— Я сказал что-то не так, матушка?

Серсея поцеловала сына в лоб.

— Ты просто умница, дорогой мой. Беги поиграй с котятами.

Отпустив Томмена, она вызвала к себе Осни Кеттлблэка. Он явился прямо со двора, весь в поту, и успел раздеть ее глазами, пока преклонял колено.

— Встаньте, сир, и сядьте рядом со мной. Вы

славно мне послужили однажды, теперь вам предстоит более трудная служба.

— Услуга за услугу, моя королева.

— С этим придется подождать. — Она провела кончиками пальцев по шрамам у него на лице. — Помните шлюху, которая наделила вас ими? Когда вернетесь со Стены, я отдам ее вам, хотите?

— Я хочу только вас.

Правильно отвечаете, сир.

— Для начала вы должны признаться в измене. Грехи, если о них умолчать, загнивают и могут отравить душу. Я знаю, как тяжело вам живется с таким грузом на совести. Давно пора сбросить бремя.

— Бремя? — удивился Осни. — Я ведь говорил Осмунду, что Маргери только дразнится. Никогда не позволяет мне больше, чем…

— Вы защищаете ее, как истинный рыцарь, — перебила Серсея, — но жить нераскаянным грешником рыцарю тоже не подобает. Этой же ночью вы пойдете в Септу Бейелора и обратитесь к верховному септону. Когда грех так черен, только его святейшество в силах избавить человека от адовых мук. Вы расскажете ему, как прелюбодействовали с Маргери и ее кузинами.

— Как, и с кузинами тоже? — заморгал Осни.

— С Меггой и Элинор, но не с Эллой. — Эта черточка сделает весь рассказ более правдоподобным. — Элла плакала и умоляла других не грешить больше.

— Только с Меггой и Элинор? Или с Маргери тоже?

— Ну разумеется. С ней в первую очередь. — Она открыла ему все, что задумала. Он, слушая, медленно проникался и наконец сказал:

— Когда ей отрубят голову, я хочу получить поцелуй, который она мне так и не подарила.

— Целуй ее сколько хочешь.

— А потом что? Стена?

— Ненадолго. Томмен — великодушный король.

Осни поскреб исполосованную шрамами щеку.

— Обычно, когда я лгу, то говорю, что к такой-то женщине даже не прикасался, а она уверяет, что еще как прикасался… но верховному септону мне лгать как-то не приходилось. За это, поди, в преисподнюю посылают — в ту, что похуже.

Королева опешила — она никак не ожидала встретить страх божий в ком-то из Кеттлблэков.

— Ты отказываешься повиноваться мне?

— Нет, не отказываюсь. — Осни потрогал ее зо-

лотой локон. — В каждой лжи, говорят, есть доля правды… это ей вкус придает. А вы посылаете меня рассказать, как я спал с королевой…

Серсея едва удержалась от пощечины. Но она зашла слишком далеко, и на кону стоит слишком много. *Все, что я делаю, делается ради Томмена…* Она взяла руку Осни в свою и поцеловала. Воинская рука, жесткая, мозолистая. У Роберта были такие же руки.

— Никто не сможет сказать, что я сделала из тебя лжеца, — прошептала она, обняв его за шею. — Дай мне час и приходи в мою спальню.

— Мы и без того долго ждали. — Он рванул лиф ее платья, и шелк лопнул с треском, который, как показалось ей, слышала половина Красного Замка. — Снимай остальное, пока я все не порвал. Только корону оставь — очень уж ты мне в ней нравишься.

Принцесса в башне

Арианна утешалась тем, что условия ее заключения не были строгими. Разве стал бы отец так заботиться об ее удобствах, если бы собирался казнить ее как изменницу? *Не может он лишить меня жизни*, говорила она себе в сотый раз. *Такая жестокость совсем не в его натуре. Я его кровь, его семя, его наследница, единственная его дочь.* Если так нужно, она бросится под колеса его кресла, признает свою вину, будет молить о прощении. И заплачет. При виде слез отец простит свою дочь.

Сможет ли она сама простить себя — дело иное.

— Арео, — говорила она Хотаху, когда тот вез ее через пустыню обратно в Солнечное Копье, — я не хотела, чтобы с девочкой случилось что-то дурное. Поверь мне.

Хотах только мычал в ответ. Арианна чувствовала, как он сердит. Темная Звезда, самый опасный из горстки заговорщиков, ушел от него. Скрылся в глубине пустыни с обагренным кровью клинком.

— Ты же знаешь меня, капитан, — повторяла Арианна. — С детских лет знаешь. Ты всегда охранял меня, как и мою леди-мать. Ты приехал с ней из Великого Норвоса, чтобы быть ее щитом на чужбине. Теперь я, как никогда, нуждаюсь в твоей защите. Я не хотела…

— Ваши намерения ничего не значат, маленькая принцесса, — с каменным лицом отвечал Хотах. — Только дела. Я сожалею, но здесь приказывает мой принц, а Хотах лишь повинуется.

Арианна думала, что ее отведут к отцу в Солнечную башню, в его палату под хрустальным куполом, но Хотах препроводил ее в башню Копье, где передал сенешалю Рикассо и кастеляну сиру Манфри Мартеллу.

— Простите старика, принцесса, — сказал Рикассо, — но подниматься с вами наверх я не стану, ноги не выдюжат. Сир Манфри один проводит вас в комнату, где вы будете ожидать решения принца.

— Вернее сказать, его приговора. Моих друзей тоже заключат здесь? — С Гаррином, Дрю и остальными ее разлучили сразу после взятия под стражу, и Хотах отказывался говорить с ней о них, повторяя одно и то же: «На то воля принца». Сир Манфри оказался несколько откровеннее.

— Их отвезли в Дощатый город, откуда отправят на корабле в Серую Крепость. Там они и будут содержаться, пока принц не решит их судьбу.

Серая Крепость! Полуразрушенный замок, стоящий на утесе над Дорнским морем, мрачная тюрьма, куда отправляют умирать самых отъявленных злодеев.

— Отец намерен казнить их? — Арианна не могла в это поверить. — Все, что они делали, делалось из любви ко мне. Если отец хочет крови, пусть это будет моя кровь.

— Как принцессе будет угодно.

— Я хочу говорить с ним.

— Он предвидел ваше желание. — Сир Манфри, держа ее под руку, поднимался все выше и выше — у нее уже перехватывало дыхание. Высота Копья — полторы сотни футов, а ее камера помещалась почти на самом верху. Арианна смотрела на каждую дверь, мимо которой они проходили, — не здесь ли сидит одна из песчаных змеек?

Наконец за ней заперли собственную дверь, и Арианна стала обозревать свое новое жилище. Комната, большая и полная воздуха, мало напоминала тюрьму. Мирийские ковры на полу, красное вино для питья, книги для чтения. В углу столик для кайвассы с фигурами из кости и оник-

са, хотя играть ей при всем желании было бы не с кем. На кровати пуховая перина, уборную с мраморным сиденьем освежают душистые травы в корзинке. Вид из окон великолепен. Из восточного можно наблюдать, как всходит солнце над морем, в другое видны Солнечная башня, Кривые Стены и Тройные Ворота.

Осмотр занял меньше времени, чем нужно на шнуровку пары сандалий, однако помог ей на время удержаться от слез. Найдя таз и кувшин с холодной водой, она умыла лицо и руки. Если бы и горе можно было смыть столь же легко. *Арис, мой белый рыцарь…* Слезы подступили к глазам, и она разрыдалась, содрогаясь всем телом. Ей живо помнилось, как тяжелый топор Хотаха раскроил его плоть и кости, как летела по воздуху его голова… *Зачем ты это сделал? Зачем погубил свою жизнь? Я тебе этого не приказывала, я не хотела… не хотела…*

Она и спать легла со слезами — в первый раз, но далеко не в последний. Даже сон не приносил ей покоя. Ей снился Арис Окхарт — он ласкал ее, улыбался ей, говорил о любви, — но в теле его торчали стрелы, и раны кровоточили, превращая белые одежды в красные. Она даже во сне понимала, что это сон, который утром исчезнет, — но

утром ее по-прежнему окружали тюремные стены, и сир Арис был по-прежнему мертв, а Мирцелла… *Я не хотела этого, не хотела, чтобы с ней случилось несчастье… хотела сделать ее королевой. Если бы не измена…*

«Кто-то проговорился», — сказал Хотах. Воспоминание об этом каждый раз вызывало в ней гнев, и она цеплялась за него, поддерживая горящий в сердце огонь. Гнев лучше слез, лучше горя, лучше вины. Кто-то проговорился — кто-то, кому она доверяла. Шепоток этого предателя убил Ариса Окхарта еще до того, как опустился топор капитана гвардии. Кровь, струящаяся по лицу Мирцеллы, — тоже его работа. Кто-то из тех, кого она любила, проговорился, и для Арианны это было самым жестоким ударом.

В ногах кровати стоял кедровый ларь с ее одеждой. Принцесса скинула грязное дорожное платье, в котором и ночь проспала, и оделась как могла соблазнительней. Тончайший шелк прикрывал все и не скрывал ничего. Хотя принц Доран относится к ней как к ребенку, одеваться по-детски она не станет. Отец, придя отчитать ее за проделки с Мирцеллой, сконфузится, когда увидит ее наряд. На это она и рассчитывала. Если уж ей придется ползать у него в ногах и рыдать,

пусть ему тоже будет неловко.

Она ждала его весь день, но когда дверь наконец открылась, это были всего лишь слуги, которые принесли ей обед.

— Когда я увижу отца? — спросила она, но они не ответили. На обед был козленок, зажаренный с лимоном и медом, а к нему свернутые виноградные листья с начинкой из лука, изюма, грибов и огненного драконова перца. — Я не хочу есть, — заявила Арианна. Ее друзьям на пути в Серую Крепость предстоит питаться сухарями и солониной. — Унесите это и пошлите за принцем Дораном. — Но еду ей оставили, а отец так и не пришел. В конце концов голод ослабил ее решимость, и она пообедала.

После этого ей стало и вовсе нечем заняться. Она побродила по своей башне, подвигала бесцельно слона по кайвассной доске, села на подоконник, открыла книгу. Но слова расплывались перед глазами, и она поняла, что опять плачет. *Арис, мой милый, мой белый рыцарь, зачем? Ты должен был сдаться. Я бы так тебе и сказала, но голос мне изменил. Глупый, отважный герой, я совсем не хотела, чтобы ты умирал. И Мирцелла, эта малютка… о боги…*

В конце концов она снова легла в постель. Что

еще прикажете делать, когда ночь на дворе? Кто-то проговорился. Гаррин, Дрю, Сильва-Крапинка — друзья ее детства, не менее дорогие ей, чем кузина Тиена. Ей не верилось, что на нее донес кто-то из них. Значит, остается только Темная Звезда… но если предатель он, зачем ему было поднимать меч на бедняжку Мирцеллу? Надо убить эту девочку, а не короновать ее, — он так и сказал в Шандистоне. Только так, мол, Арианна получит войну, которой желает. Нет, это просто бессмысленно. Если червяк в яблоке действительно сир Герольд, зачем он поднял меч на Мирцеллу?

Кто-то проговорился. Быть может, сир Арис? Неужели чувство вины в ее белом рыцаре возобладало над страстью? Неужели он любил Мирцеллу больше нее и предал свою новую принцессу, чтобы искупить измену прежней? А после погубил себя на Зеленой Крови, чтобы не жить опозоренным?

Когда отец придет, она дознается, кто это был. Но принц не пришел и назавтра, и на следующий день. Ей предоставили плакать и зализывать свои раны в одиночестве. Днем она пыталась читать, но книги все как на подбор были скучные: труды по истории и географии с древними кар-

тами, свод дорнийских законов, Семиконечная Звезда, «Жизнеописание верховных септонов», трактат о драконах, делавший эти создания не занимательнее летучих мышей. Арианна многое бы отдала за «Десять тысяч кораблей» или «Возлюбленных королевы Нимерии», чтобы занять чем-то мысли и покинуть тюрьму хотя бы на пару часов, но в подобном развлекательном чтении ей было отказано.

Она смотрела с подоконника вниз, на цветной, позолоченный стеклянный купол отцовской палаты, и говорила себе: *скоро он меня позовет*.

Посетителей к ней не допускали, но слуги захаживали часто: Борс со щетинистым подбородком, напыщенно-важный Тимот, сестры Морра и Мелли, хорошенькая девочка Седра, старая Беландра, служившая прежде горничной у ее матери. Они приносили еду, меняли простыни, выносили судно из-под мраморного стульчака, но в разговоры с ней не вступали. Если она требовала вина, Тимот его доставлял. Если ей хотелось фиг, оливок или начиненного сыром перца, стоило лишь заказать любимое блюдо Беландре. Морра с Мелеей забирали грязное белье и приносили выстиранное. Каждый второй день наливали ванну, и Седра терла принцессе спину и помогала

расчесывать волосы.

Но никто из них и слова не проронил о том, что происходит за стенами ее клетки.

— Темную Звезду уже взяли? — спросила она как-то у Борса, но тот повернулся к ней спиной. — Оглох ты, что ли? Вернись и отвечай, я приказываю! — Вместо ответа он затворил дверь.

— Тимот, — попыталась она на другой день, — что с принцессой Мирцеллой? Я ведь совсем не желала ей зла. — Последний раз она видела девочку на пути в Солнечное Копье. Мирцелла, слишком слабая, чтобы ехать верхом, путешествовала в носилках, с перевязанными шелковыми бинтами лицом и лихорадочным блеском в глазах. — Прошу тебя, скажи, жива она или нет. Что плохого случится, если я буду знать? Скажи, как она себя чувствует. — Но Тимот не сказал ничего.

— Беландра, — начала она снова через пару дней, — если ты любила мою леди-мать, сжалься над ее бедной дочерью и скажи, когда отец располагает со мной увидеться. Прошу тебя. — Но и Беландра словно воды в рот набрала.

Быть может, отец пытает ее таким образом? Не дыбой и каленым железом, а безмолвием? Это бы-

ло так похоже на Дорана Мартелла, что Арианна не удержалась от смеха. Он думает, что действует тонко, а на деле лишь показывает свою слабость. Принцесса решила использовать свое уединение, чтобы исцелиться духовно и укрепиться перед грядущими испытаниями.

Нет смысла размышлять беспрестанно о сире Арисе — лучше подумать о песчаных змейках, особенно о Тиене. Арианна любила всех своих побочных кузин, от вспыльчивой колючей Обары до самой маленькой, шестилетней Лорезы, но лишь Тиена заменяла ей родную сестру. С братьями принцесса никогда не дружила: Квентина рано увезли в Айронвуд, а Тристан был намного младше ее. Они с Тиеной, Гаррин, Дрю, Сильва-Крапинка — вот из кого состоял их тесный кружок. К их забавам порой присоединялась Ним, и Сарелла вечно пыталась втереться, но пятерка оставалась неразлучной всегда. Они плескались в прудах и фонтанах Водных Садов, устраивали бои, сидя верхом друг на дружке. Арианна и Тиена вместе учились читать, ездить верхом, танцевать. Когда им было по десять, Арианна стащила винный штоф, и они напились допьяна. Они делили между собой еду, постель, драгоценности. Даже первый мужчина у них был общий,

Дрю, — от избытка пылкости он залил Тиене всю руку, когда она извлекла предмет их вожделений из его бриджей. Арианна улыбнулась, вспомнив об этом. У Тиены опасные руки.

Чем больше принцесса думала о своих кузинах, тем сильнее скучала по ним. Насколько она знала, их держали здесь же в башне, прямо под ней. Ночью она постучала в пол подошвой сандалии, но ответа не дождалась и перегнулась вниз из окна. Там тоже виднелись окна, меньше, чем у нее, некоторые не шире бойниц.

— Тиена! — позвала она. — Тиена, ты тут? Обара, Ним? Вы меня слышите? Эллария? Кто-нибудь? ТИЕНА! — Она полночи висела в окне и звала, пока не охрипла, но ей опять никто не ответил. Это испугало ее так, что и сказать нельзя. Если песчаные змейки сидят в Копье, они не могли не услышать ее — отчего же не отвечают? *Если отец что-то сделал с ними, я никогда ему этого не прощу*, сказала себе Арианна.

После двух недель заточения ее терпение окончательно истощилось.

— Я желаю немедленно поговорить с отцом, — сказала она Борсу самым властным своим тоном. — Изволь сей же час проводить меня к нему. — Борс остался глух, как всегда. — Я готова

поговорить с принцем, — сказала она Тимоту — с тем же успехом. На следующее утро она затаилась под дверью и проскочила мимо Беландры, разбив тарелку с вареными яйцами, но через каких-нибудь три ярда ее задержали стражники. Их она тоже знала, и они тоже остались глухи к ее мольбам. Брыкающуюся беглянку водворили обратно.

Надо действовать тоньше, решила она. Свои надежды она возлагала в основном на Седру, юную, наивную и податливую. Гаррин, помнится, хвастал, что один раз переспал с этой девочкой. Во время очередного омовения, когда Седра намыливала ей спину, принцесса принялась болтать без умолку.

— Я знаю, тебе не велят со мной говорить, но мне-то никто не запрещал говорить с тобой. — Продолжала она в том же духе — о жаркой погоде, о том, что ела вчера на ужин, о бедняжке Беландре, которая стала совсем старой и неповоротливой. Принц Оберин дал оружие каждой из своих дочерей, чтобы они всегда могли себя защитить, но у Арианны Мартелл не было оружия, кроме хитрости. Она улыбалась и щебетала, не ожидая от Седры взамен ничего, даже кивка, не говоря уж о слове.

На другой день за ужином она снова взялась за девушку, которая ей прислуживала. На сей раз она упомянула Гаррина. Седра испуганно вскинула глаза и едва не пролила вино мимо кубка. *Ага, попалась*, подумала Арианна.

Принимая назавтра ванну, она завела речь о своих взятых под стражу друзьях, в том числе и о Гаррине.

— За него я опасаюсь больше всего, — призналась она служанке. — Сироты не созданы для неволи, они нуждаются в солнце и свежем воздухе. Разве он переживет заключение в сырой крепости? И года там не протянет. — Седра промолчала, но сделалась бледной, а губку стиснула так, что мыло капало на мирийский ковер.

Тем не менее понадобилось еще четыре дня и две ванны, чтобы она сдалась.

— Прошу вас, не надо, — прошептала она, когда Арианна живописала ей, как Гаррин выбрасывается из окна своей камеры, чтобы вкусить свободы в последний раз перед смертью. — Вы должны помочь ему. Пожалуйста, не дайте ему умереть.

— Что же я могу, раз сама сижу под замком? — прошептала в ответ принцесса. — Отец не желает меня видеть. Только ты одна можешь спасти

Гаррина. Ты любишь его?

— Да, — вспыхнув, пролепетала Седра. — Но как мне спасти его?

— Передай от меня весточку. Готова ты это сделать? Готова рискнуть ради Гаррина?

Седра, округлив глаза, кивнула.

Итак, я обзавелась вороном, торжествующе подумала Арианна. Но куда же его послать? Единственный заговорщик, ушедший из сетей принца Дорана, — это Темная Звезда. Теперь его, возможно, уже схватили, а если нет, то он, конечно, покинул Дорн. Мать Гаррина? Сироты Зеленой Крови? Нет. Ей нужен человек, облеченный властью, который мог бы сочувствовать их заговору, хотя в нем и не состоял. Не обратиться ли к собственной матери? Но леди Мелларио далеко за морем, в Норвосе. Притом принц Доран уже много лет не прислушивается к мнению своей леди-жены. Здесь требуется лорд, достаточно сильный, чтобы уговорить отца освободить Арианну.

Самый могущественный из дорнийских лордов — Андерс Айронвуд, принц крови, лорд Айронвуда и Хранитель Каменистого Пути, но не так она глупа, чтобы обращаться за помощью к воспитателю ее брата Квентина. Брат Дрю,

сир Дэзиел Дальт, когда-то искал ее руки, но он слишком уж предан своему принцу. Кроме того, Рыцарь Лимонной Рощи способен внушить почтение разве что мелкому лорду — против принца Дорана он слабоват. То же самое относится и к отцу Сильвы-Крапинки. Арианна пришла к заключению, что надежды у нее только две: Хармен Уллер, лорд Адова Холма, и Франклин Фаулер, лорд Поднебесного, Хранитель Принцева перевала.

Половина Уллеров, гласит пословица, не в своем уме, а другая половина еще хуже первой. Эллария Сэнд — побочная дочь лорда Хармена. Теперь она и ее маленькие дочки угодили в тюрьму вместе с другими песчаными змейками. Это должно было вызвать гнев лорда Хармена, а Уллеры в гневе опасны. Возможно, даже слишком. Принцессе не хотелось подвергать опасности еще чьи-то жизни.

Лучше, пожалуй, остановиться на лорде Фаулере, Старом Ястребе. Он никогда не ладил с Андерсом Айронвудом. Кровная вражда между их домами существует уже тысячу лет, с тех пор, как Фаулеры во время Нимерианской войны предпочли Мартеллов Айронвудам. Леди Ним к тому же дружит с двойняшками Фаулер, но значит ли это

что-нибудь для Старого Ястреба?

Свое тайное письмо Арианна составляла долго и тщательно. Начиналось оно так: «Вручите подателю сего сто серебряных оленей» — тогда его доставят наверняка. Далее она писала, что находится в башне Копье, и умоляла о спасении. «Кто бы ни избавил меня от неволи, он не будет забыт, когда я надумаю вступить в брак». Это заставит героев пошевелиться. Пока принц Доран не решит иначе, она остается законной наследницей Солнечного Копья, и ее супруг когда-нибудь совместно с ней будет править Дорном. Остается молиться, чтобы ее спаситель оказался моложе тех старцев, которых отец уже много лет предлагает ей в женихи. «Мне нужен муж с зубами во рту», — заявила ему Арианна, отказав последнему.

Она не осмелилась попросить пергамент, боясь вызвать подозрения у своих тюремщиков, и написала письмо на обороте страницы, вырванной из Семиконечной Звезды. В следующий банный день она сунула его в руку Седры.

— У Тройных Ворот есть место, где караванщики запасаются для перехода через пустыню. Найди караван, идущий к Принцеву перевалу, и пообещай купцу сто оленей, если он отдаст

письмо лорду Фаулеру в собственные руки.

— Хорошо. — Седра спрятала послание за корсаж. — Я найду кого-нибудь еще до заката, принцесса.

— Прекрасно. Завтра расскажешь, что у тебя получилось.

Но назавтра Седра к ней не вернулась, не пришла и на следующий день. Ванну принцессе налили Морра и Меллея, они же помыли ей спину и расчесали волосы.

— А что Седра, не заболела ли? — спросила Арианна, но они не ответили. Все ясно — Седру схватили. В ту ночь принцесса почти не спала из страха перед возможными последствиями.

Когда Тимот утром принес ей завтрак, она попросила о свидании не с отцом, а с Рикассо. Принца Дорана она, похоже, не дозовется, но сенешаль обязан явиться на зов законной наследницы замка.

Был обязан, но не явился.

— Ты передал Рикассо, что я сказала? — спросила она, увидев Тимота снова. — Передал, что он нужен мне? — Слуга молчал, и Арианна перевернула ему на голову штоф с красным вином. Тот ретировался весь мокрый, с видом оскорбленного достоинства. Отец, как видно, решил сгноить ее

здесь. Или вознамерился выдать за какого-нибудь мерзкого старого дурака, продержав ее под замком до самой брачной ночи.

Арианна Мартелл выросла в ожидании, что когда-нибудь отец подберет ей достойного мужа. Таков удел всех принцесс, говорили ей… хотя дядя Оберин смотрел на это несколько по-другому. «Хотите замуж, так выходите, — говорил он своим собственным дочерям, — а нет, так живите в свое удовольствие. В этом мире так мало радости. Но выбирайте хорошенько: если кто из вас свяжется с дураком или грубым животным, пусть не ждет от меня избавления. Я дал вам все средства, чтобы вы сами с этим справлялись».

Однако наследница принца Дорана никогда не пользовалась свободой, которую предоставлял своим незаконным дочерям принц Оберин. Она знала, что должна будет выйти замуж, и соглашалась с этим. Дрю охотно взял бы ее, как и его брат, Рыцарь Лимонной Рощи, а Дейемон Сэнд решился даже просить ее руки. Но Дейемон был бастард, и в намерения принца Дорана не входило отдавать дочь дорнийцу.

Арианна соглашалась и с этим. Однажды к ним приехал брат короля Роберта, и она всячески старалась очаровать его — но тогда она едва вышла

из детского возраста, и ее ухищрения не столько воспламеняли лорда Ренли, сколько смешили. Позже Хостер Талли пригласил ее посетить Риверран для знакомства с его наследником, и она на радостях поставила Деве много свечей, но принц Доран отклонил приглашение. Она подумывала даже об Уилласе Тирелле с его поврежденной ногой, но отец не пустил ее и в Хайгарден. Вместе с Тиеной она отправилась туда без его согласия, но принц Доран перехватил их у Вервия и вернул назад. В том же году принц попытался обручить ее с Беном Бисбери, мелким лордом лет восьмидесяти, слепым и беззубым.

Пару лет спустя Бисбери умер, и она успокоилась на предмет своего ближайшего будущего. Лорд Переправы только что женился в очередной раз, и с этой стороны ей тоже ничего не грозило. Однако лорды Эстермонт, Росби и Грандисон были все еще живы и свободны от брачных уз. Грандисона называли Седобородым, но когда она с ним познакомилась, его борода успела сделаться белой, как снег. На пиру в его честь он уснул между рыбным и мясным блюдами. Дрю счел это вполне уместным, поскольку эмблемой лорду служил спящий лев. Гаррин подзадоривал ее завязать узлом его бороду и посмотреть, проснется

он или нет, но она воздержалась. Грандисон в обхождении был довольно приятен и выгодно отличался характером от сварливого Эстермонта, а здоровьем — от хворого Росби, но стать его женой она отказалась наотрез. Не бывать этому, даже если Хотах встанет у нее за спиной со своей секирой.

…Прошло два дня. Женихи к ней не приходили, Седра тоже не появлялась. Арианна попыталась обольстить Морру и Меллею таким же образом, но из этого ничего не вышло. Поодиночке она, может быть, и уговорила бы их, а вместе сестры стояли горой. К этому времени принцесса уже охотно провела бы вечерок на дыбе и отведала каленого железа. Одиночество понемногу сводило ее с ума. За свои преступления она заслужила плаху, но ей даже в этом отказывали. Отец, судя по всему, намерен запереть ее здесь навсегда и забыть о ее существовании. Мейстер Калеотт, возможно, уже готовит указ о назначении Квентина наследником Дорна.

Дни шли один за другим — Арианна им уже и счет потеряла. Она все больше времени проводила в постели, вставая только лишь по нужде. Еда, которую ей приносили, остывала нетронутая. Арианна все время спала и никак не могла

выспаться. Наскоро попросив милости у Матери и мужества у Воина, она засыпала опять. Вчерашнюю еду заменяли свежей, но принцесса к ней не притрагивалась. Однажды она, собравшись с силами, выбросила все в окно, чтобы не поддаться искушению, и проспала после этого целых полдня.

Наконец чья-то грубая рука тряхнула ее за плечо, и голос, знакомый ей с детства, сказал:

— Вставайте, маленькая принцесса, и одевайтесь. Принц зовет вас к себе. — Хотах, ее старый друг и покровитель, стоял рядом и говорил с ней! Арианна сонно улыбнулась. Ничему в жизни она так не радовалась, как этому лицу в боевых шрамах и басистому голосу с норвосским выговором.

— Что вы сделали с Седрой?

— Принц отправил ее в Водные Сады. Он сам вам все скажет, но сначала надо умыться и поесть.

Вид у нее, должно быть, был очень несчастный. Арианна вылезла из постели, слабая, как котенок.

— Вели Морре и Меллее приготовить мне ванну, — сказала она, — а Тимот пусть принесет еду. Ничего тяжелого. Холодный бульон, немного хлеба и фруктов.

— Хорошо, — сказал Хотах, и это слово прозвучало в ее ушах музыкой.

Пока принцесса мылась и причесывалась, капитан ждал за дверью. Она подкрепилась сыром и фруктами, выпила немного вина, чтобы успокоить желудок. Отец, которого она никогда не боялась, внушал ей страх. Поняв это, она фыркнула, и вино потекло у нее из носа. Для встречи она выбрала простое полотняное платье цвета слоновой кости, с вышитыми по корсажу и рукавам виноградными лозами и пурпурными кистями. Драгоценности ни к чему — сегодня она должна быть скромной, выражающей раскаяние всем своим видом. Она бросится к ногам принца и будет молить о прощении — иначе ей больше никогда не услышать человеческого голоса.

Когда она наконец приготовилась к выходу, стало смеркаться. Она думала, что Хотах проводит ее в Солнечную башню, но они пришли в отцовскую горницу, где принц сидел за столом для кайвассы, с ногами на мягкой скамеечке, вертя в красных опухших пальцах ониксового слона. Таким больным она еще ни разу его не видела. Лицо бледное, одутловатое, а суставы так воспалились, что на них даже со стороны больно смотреть. У Арианны дрогнуло сердце… но она

почему-то не смогла заставить себя упасть на колени, как собиралась, и сказала только:

— Здравствуй, отец.

Принц поднял на нее глаза, полные страдания — из-за подагры или из-за нее?

— Диковинный народ эти волантинцы, — произнес он, поставив слона. — Я побывал как-то в Волантисе на пути в Норвос, где встретил Мелларио. В Норвосе звонили колокола, на ступенях плясали медведи. Арео должен помнить тот день.

— Я помню, — гулким басом подтвердил Хотах. — Медведи плясали, колокола звонили, а принц был одет в красные, золотые и оранжевые цвета. Миледи еще спросила меня, кто это так сверкает.

— Оставь нас, капитан, — со слабой улыбкой приказал принц.

Хотах стукнул древком секиры в пол, повернулся и вышел.

— Я и у тебя распорядился поставить стол для кайвассы, — сказал принц, когда они остались вдвоем.

— С кем мне там было играть? — Уж не помрачила ли подагра его рассудок, думала Арианна. С чего он вдруг заговорил об игре?

— С самой собой. Иногда бывает полезно как следует разобраться в игре, прежде чем ее начинать. Хорошо ли ты знакома с кайвассой, Арианна?

— Достаточно, чтобы играть в нее.

— Играть, но не выигрывать. Мой брат любил драку ради самой драки, я же играю только в те игры, которые могу выиграть. Кайвасса не для меня. — Он помолчал, пристально глядя на нее, и спросил: — Зачем? Ответь, Арианна, — зачем?

— Ради чести нашего дома. — Голос отца рассердил ее — он звучал так грустно, так слабо. *Ведь ты же принц!* — чуть не крикнула она. *Ты должен сейчас бушевать!* — Твоя мягкость позорит весь Дорн, отец. Твой брат поехал в Королевскую Гавань вместо тебя, и его там убили!

— Как будто я сам не знаю. Я вижу Оберина всякий раз, как закрываю глаза.

— Не сомневаюсь, что он велит тебе открыть их. — Арианна села за игровой столик напротив отца.

— Я не разрешал тебе сесть.

— Тогда кликни Хотаха и прикажи высечь меня за дерзость. Ты имеешь на это право как принц Дорнийский. — Она потрогала стоящего на доске коня. — Ты уже схватил сира Герольда?

— Если бы так. Ты поступила глупо, посвятив его в свой замысел. Темная Звезда — самый опасный человек в Дорне. Вы с ним причинили нам большой вред.

— Но ведь Мирцелла не… — опасливо начала Арианна.

— Она не умерла, хотя Темная Звезда сделал все от него зависевшее. Все смотрели на твоего белого рыцаря, потому о Дейне никто ничего толком сказать не может. Похоже, его конь в последний миг шарахнулся в сторону, иначе он снес бы девочке полголовы. А так он просто рассек ей щеку до кости и отрубил правое ухо. Мейстер Калеотт спас ей жизнь, но лица принцессе не вернут ни снадобья, ни примочки. Она находилась под моей опекой, Арианна, и была помолвлена с твоим родным братом. Ты обесчестила весь наш род.

— Я не хотела ей зла. Если бы не вмешался Хотах…

— …то ты объявила бы ее королевой, подняла мятеж против ее брата, и вместо уха она лишилась бы жизни.

— Только если бы мы проиграли.

— *Если?* Скажи лучше *когда.* Дорн — самое малонаселенное из Семи Королевств. Юный Дракон в своей книге сильно преувеличил численность

наших войск, чтобы сделать победу над нами более значительной, а мы усердно поливали посаженное им семя, чтобы сделать себя более сильными в глазах наших врагов, но принцесса должна знать правду. Доблесть числа не прибавит. У Дорна нет никакой надежды победить Железный Трон в одиночку, а ты чуть было не навязала нам эту войну. Полагаю, ты этим гордишься? — Он не дал ей времени ответить на этот вопрос. — Что же мне делать с тобой, Арианна?

Прости меня, чуть не сказала она, но обида от его слов была слишком велика.

— То, что ты всегда делаешь, — ничего.

— Трудно подавить гнев, говоря с тобой.

— И не надо — еще подавишься, чего доброго. Откуда ты узнал о моих планах?

— Я принц, и заслужить мое расположение хотят многие.

Кто-то проговорился…

— Ты все знал и все-таки позволил нам бежать с Мирцеллой. Почему?

— Я совершил ошибку, и она оказалась роковой. Ты моя дочь, Арианна. Девочка, которая прибегала ко мне, ободрав коленку. Я поверить не мог, что ты злоумышляешь против меня. Правда далась мне тяжелой ценой.

— Я хочу знать, кто донес на меня.

— Я тоже хотел бы на твоем месте.

— Так что же?

— Не вижу причин открывать тебе это имя.

— Думаешь, я сама не смогу узнать, кто это?

— Попытайся — но пока не получишь ответ, ты не должна доверять никому из них, а толика недоверия принцессе только на пользу. Ты разочаровала меня, Арианна, — вздохнул принц.

— Кто бы говорил. Ты меня всю жизнь разочаровываешь. — Она не хотела говорить с ним так грубо, но слова вырвались у нее сами собой. Что ж, сказанного не воротишь.

— Знаю. Я слишком мягок, слаб, осторожен, слишком снисходителен к нашим врагам… но теперь ты как раз нуждаешься в таком снисхождении. Тебе бы следовало молить о прощении, а не раздражать меня еще больше.

— Я прошу снисхождения только для моих друзей.

— Как это благородно.

— Они действовали из любви ко мне и не заслужили смерти в стенах Серой Крепости.

— Знаешь, я согласен с тобой. Все твои сообщники, не считая Темной Звезды, — просто глупые дети. Но то, что вы затеяли, не безобидная игра

в кайвассу, а государственная измена. Я мог бы обезглавить их всех.

— Мог бы, но не обезглавил. Дейн, Дальт, Сантагар — ты никогда не решился бы сделать эти дома своими врагами.

— Тебе и не снилось, на что я могу решиться, однако оставим это. Сир Эндрю на три года отправлен в Норвос, где будет служить твоей леди-матери. Гаррин два года проведет в Тироше. С речных сирот, его родичей, я взял пеню и заложников. Леди Сильва никакого наказания не получила. Ей пора замуж, и отец отослал ее в Зеленую Скалу, где она вышла за лорда Эстермонта. Что до Ариса Окхарта, он сам выбрал свою судьбу и встретил ее отважно. Рыцарь Королевской Гвардии… что ты такое с ним сделала?

— Я переспала с ним, отец. Не ты ли наказывал мне всячески развлекать наших почетных гостей?

Доран покраснел.

— Этого оказалось довольно?

— Я сказала ему, что Мирцелла, став королевой, даст нам разрешение пожениться. Он хотел, чтобы я стала его женой.

— Уверен, ты сделала все возможное, чтобы не дать ему нарушить свои обеты.

Теперь настал ее черед покраснеть. Сира Ариса она обольщала полгода. Хотя он и уверял, что знал других женщин до того, как надеть белое, по его неуклюжим ласкам и трепетным поцелуям этого не было видно. Во время их первого соития он излился ей на бедро. Хуже того, рыцаря постоянно жег стыд. Если бы за каждое «мы не должны», которое он шептал, ей давали золотого дракона, она бы стала богаче Ланнистеров. Быть может, на Арео Хотаха он напал в надежде спасти ее, Арианну? Или он поступил так, чтобы смыть свой позор собственной кровью?

— Он любил меня, — неожиданно для себя вымолвила она. — Он за меня умер.

— Если так, он может стать лишь первым из многих. Война, которой так хотели ты и твои кузины, того и гляди начнется. В это самое время к Солнечному Копью приближается еще один рыцарь Королевской Гвардии, сир Бейлон Сванн, везущий мне голову Горы. Мои знаменосцы стараются задержать его всеми средствами. У Вайлов на Костяном Пути он охотился восемь дней, лорд Айронвуд принимал его у себя две недели. Сейчас он в Торе — леди Джордейн затеяла игры в его честь. Затем он доберется до Призрачного Холма, и леди Толанд тоже в грязь лицом не ударит. Но

рано или поздно сир Бейлон приедет в Солнечное Копье, где, естественно, захочет увидеть принцессу Мирцеллу и сира Ариса, своего брата по оружию. Что мы скажем ему, Арианна? Что сир Арис погиб на охоте от несчастного случая или свалился с лестницы? Захотел, мол, поплавать в Водных Садах, поскользнулся на мраморе, ударился головой, да и утонул?

— Нет. Мы скажем, что он погиб, защищая свою маленькую принцессу. Темная Звезда задумал убить ее, а сир Арис бросился между ними и спас ей жизнь. — Именно так полагается умирать рыцарям Королевской Гвардии — спасая тех, кого они поклялись защищать. — Сир Бейлон может заподозрить что-то, как и ты, когда Ланнистеры убили твою сестру и ее детей, но доказать ничего не сможет…

— …пока не поговорит с Мирцеллой. Или нам и ее сделать жертвой несчастного случая? Тогда войны уж верно не миновать. Никакая ложь не спасет Дорн от гнева королевы, если ее дочь погибнет, будучи под моей опекой.

Я нужна ему, поняла Арианна. *За этим он меня и позвал.*

— Я могла бы научить Мирцеллу, что говорить, только зачем?

По лицу принца прошла гневная судорога.

— Предупреждаю тебя, Арианна, мое терпение на исходе.

— Вот как? С лордом Тайвином и прочими Ланнистерами ты всегда был кроток, как сам Бейелор Благословенный, а для родной дочери у тебя терпения не хватает.

— Ты путаешь терпение с умением ждать. Я готовил падение Тайвина Ланнистера с того самого дня, как меня известили о смерти Элии и ее детей. Я надеялся лишить его самого дорогого, а потом уж убить, но его сын-карлик отнял у меня эту радость. Меня утешает лишь то, что смерть он принял от руки чудовища, которое породил. Так или иначе, Лорд Тайвин терпит муки в аду… где к нему скоро присоединятся многие тысячи, если твое сумасбродство обернется войной. — Принц сморщился, как будто одно это слово причиняло ему боль. — Ты этого хочешь?

Принцесса и бровью не повела.

— Я хочу, чтобы освободили моих кузин. Хочу, чтобы мой дядя был отомщен. Хочу соблюдения моих прав.

— Твоих прав?

— Я говорю о Дорне.

— Ты получишь Дорн после моей смерти. Тебе

так не терпится избавиться от меня?

— Я могла бы задать тебе тот же вопрос. Ты уже много лет стараешься от меня избавиться.

— Неправда.

— Да ну? Может быть, спросим моего брата?

— Тристана?

— Квентина!

— А что с ним такое?

— Где он сейчас?

— С войском лорда Айронвуда на Костяном Пути.

— Хорошо лжешь, отец, отдаю тебе должное. Квентин уехал в Лисс.

— С чего ты взяла?

— Узнала от друга. — У нее тоже есть свои тайны.

— Твой друг лжет. Даю слово, что твоего брата нет в Лиссе. Клянусь тебе солнцем, копьем и Семерыми.

Меня не так легко провести, отец.

— Где же он тогда? В Мире, в Тироше? Я знаю, что он отправился куда-то за Узкое море — набирать наемников, чтобы лишить меня права первородства.

— Подобные мысли не делают тебе чести, — потемнел принц. — Если бы заговор против меня

устроил Квентин, его бы я еще мог понять. Он уехал из дома ребенком, не понимая, что этого требуют нужды Дорна. Андерс Айронвуд ему больше отец, чем я, а между тем он остался мне послушным и верным сыном.

— Почему бы и нет? Ты всегда предпочитал его мне. Вы с ним похожи, вы мыслите одинаково, и ты намерен отдать Дорн ему. Не трудись отрицать. Я читала твое письмо. — Эти слова до сих пор горели огнем в ее памяти. — «Когда-нибудь ты сядешь на мое место и будешь править всем Дорном», писал ты ему. Скажи, когда ты задумал лишить меня наследственных прав? В день, когда Квентин родился, или еще раньше, когда родилась я сама? За что ты так ненавидишь меня? — Арианна почувствовала на глазах слезы, и это привело ее в бешенство.

— Я никогда не питал к тебе ненависти. — В едва слышном голосе принца звучало глубокое горе. — Все совсем не так, как ты думаешь.

— Ты отрицаешь, что написал это?

— Нет. Письмо было написано сразу после отсылки Квентина в Айронвуд. Я действительно желал сделать своим преемником сына. Относительно тебя у меня имелись другие планы.

— Знаю я твои планы. Джайлс Росби, слепой

Бен Бисбери, седой как лунь Грандисон. — Отец хотел что-то сказать, но она ему не позволила. — Я знаю, что мой долг — дать Дорну наследника. Я охотно пошла бы замуж, но партии, которые ты находил для меня, были попросту оскорбительны. Словно ты раз за разом плевал мне в лицо. Если ты хоть немного любил меня, зачем было предлагать мне Уолдера Фрея?!

— Я делал это нарочно, зная, что ты отвергнешь его. Как только ты вошла в возраст, мне пришлось делать вид, будто я пытаюсь найти тебе жениха, — иначе дело выглядело бы подозрительно. При этом тех, кого ты могла бы одобрить, я не смел предлагать. У тебя уже был суженый, Арианна.

Суженый? Она с недоумением уставилась на отца.

— О чем ты? Или это еще одна ложь? Ты ни разу не говорил мне…

— Сговор был заключен втайне. Я хотел рассказать тебе обо всем, когда ты повзрослеешь, но…

— Мне двадцать три, и я уже семь лет как взрослая женщина.

— Я знаю, что слишком долго держал тебя в неведении, но делалось это для твоего же блага. Ты непременно поделилась бы этим секретом с

Гаррином или Тиеной… той же ночью, в постели. Гаррин болтлив, как истинный сирота, а Тиена ничего не скрывает от Обары и леди Ним. Что касается их, то Обара пьет слишком много, а Ним слишком дружна с близнецами Фаулер. И кто знает, кому рассказали бы близнецы? Я попросту не мог пойти на такой риск.

Эта новость оглушила Арианну. Она невеста… у нее есть жених…

— Но кто же он? Кому я была обещана все эти годы?

— Теперь это уже не важно. Он умер.

Это озадачило ее еще больше.

— Чему же удивляться — старики так непрочны. Что это было — сломанное бедро, простуда, подагра?

— Котел с расплавленным золотом. Принцы строят планы, а боги разбивают их вдребезги. — Доран устало повел красной, распухшей рукой. — Дорн будет твоим — даю тебе слово, если мое слово еще что-то для тебя значит. Твоего брата Квентина ждет более трудный путь.

— Что за путь? — Арианной вновь овладели подозрения. — Что ты еще от меня скрываешь? Видят Семеро, меня уже просто тошнит от твоих тайн. Рассказывай все, отец… или пошли за Хо-

тахом, назови своим наследником Квентина, а меня предай смерти, как уже предал моих кузин.

— Неужто ты в самом деле веришь, будто я способен причинить вред детям моего брата? Обара, Ним и Тиена всего лишь взяты под стражу и не испытывают недостатка ни в чем, кроме свободы, а Эллария с дочерьми живет припеваючи в Водных Садах. Дорея сшибает булавой апельсины, Элия и Обелла сеют ужас в прудах. Давно ли и ты там играла, — вздохнул принц. — Помню, ты сидела на плечах у большой девочки с прямыми желтыми волосами.

— Это либо Джейна Фаулер, либо ее сестра Дженнелина. — Арианна давно уже не вспоминала об этом. — Была еще Фринна, дочь кузнеца, но у той волосы каштановые. Но любимым моим конем был Гаррин. В паре нас никто не мог победить, даже Ним и эта тирошийка с зелеными волосами.

— Дочь архона, между прочим. Мне полагалось отправить тебя в Тирош вместо нее. Предполагалось, что ты будешь служить у архона чашницей и тайно познакомишься со своим женихом, но твоя мать пригрозила наложить на себя руки, если я отниму у нее еще одного ребенка, и я… я не смог.

Рассказ принца становился все более странным.

— Так Квентин уехал туда? Ухаживать за зеленоволосой дочкой архона?

Принц взял с доски одну из фигур.

— Я должен знать, кто сказал тебе об отъезде Квентина. Твой брат вместе с Клотусом Айронвудом, мейстером Кеддери и тремя лучшими молодыми рыцарями лорда Андерса отправился в долгое и опасное путешествие, исход которого предсказать нельзя. Обратно он должен привезти то, чего желают наши сердца.

— Чего же это желают наши сердца? — прищурилась Арианна.

— Возмездия, — тихо, словно боясь быть услышанным, сказал принц. — Справедливости. — Доран втиснул ониксового слона в ладонь дочери. — Огня и крови.

Алейна

Она повернула железное кольцо и слегка приоткрыла дверь.

— Зяблик? Можно мне войти?

— Осторожно, миледи, — закудахтала старая Гретчель. — В мейстера его милость бросил ночным горшком.

— Значит, в меня ему запустить больше нечем. Разве у тебя никакой работы нет, Гретчель? А ты, Мадди, все ставни заперла? Всю мебель покрыла чехлами?

— Все сделано, как вы наказывали, миледи.

— Лучше пойди и проверь. — Алейна проскользнула в темную спальню. — Это я, зяблик. Со мной никого.

В темноте кто-то шмыгнул носом.

— Ты правда одна?

— Точно так, милорд.

— Тогда подойди.

Алейна закрыла за собой дверь — дубовую, прочную, четырех дюймов толщиной. Пусть теперь Мадди и Гретчель слушают сколько им вздумается, все равно ничего не услышат. Иначе

беда: Гретчель еще способна держать язык за зубами, но Мадди сплетница, каких свет не видал.

— Тебя мейстер Колемон прислал? — спросил мальчик.

— Нет, — солгала она. — Просто я слышала, что моему зяблику нездоровится. — Мейстер после столкновения с ночным горшком прибежал к сиру Лотору, а Брюн пришел к ней. «Хорошо бы миледи уговорила его встать с постели, — сказал рыцарь. — Не хочется вытаскивать мальца силой». Алейна согласилась, что применять силу нельзя, — это может привести к припадку падучей. — Не хочет ли милорд подкрепиться? Я могу послать Мадди вниз — она принесет ягоды со сливками или теплый хлеб с маслом. — Но ведь теплого хлеба нет в замке, спохватилась она, — кухня закрыта, печи погашены. Впрочем, огонь всегда можно разжечь, если это поможет выманить Роберта из-под одеяла.

— Не хочу, — прохныкал маленький лорд. — Я сегодня останусь в постели, а ты можешь мне почитать.

— Здесь слишком темно для чтения. — Из-за тяжелых, плотно задернутых штор в спальне стоял ночной мрак. — Разве мой зяблик забыл, какой у нас день сегодня?

— Я помню, но все равно никуда не пойду. Почитай мне про Крылатого Рыцаря.

Крылатым Рыцарем звали сира Артиса Аррена. По преданию, он изгнал из Долины Первых Людей, а затем в виде огромного сокола взлетел на вершину Копья гиганта и убил Короля Грифонов. О нем существовало не менее сотни сказок, и маленький Роберт все их знал назубок, но все равно любил слушать.

— Нам пора ехать, голубчик, — но я обещаю прочитать тебе целых две сказки про Крылатого Рыцаря, когда мы приедем в Ворота Луны.

— Три, — мигом откликнулся Роберт. Он всегда прибавлял, что бы ему ни предлагали.

— Хорошо, три. А теперь впустим немного солнышка?

— Нет. От него глаза режет. Забирайся ко мне.

Но она уже прошла к окну, обогнув разбитый горшок — больше по запаху, потому что разглядеть его было трудно.

— Я не стану широко открывать. Только чуть-чуть, чтобы видеть моего зяблика.

Он шмыгнул носом.

— Ну ладно.

Она немного отодвинула синюю бархатную штору и завязала ее. В бледном утреннем луче

заплясали пылинки. Ромбики стекол заиндевели. Алейна протерла один — в нем открылось синее небо и белый склон горы. Гнездо оделось в зимнюю мантию, Копье Гиганта тонуло в снегах.

Роберт Аррен смотрел на нее, сидя в подушках. Лорд Орлиного Гнезда, Защитник Долины. Длинные, как у девочки, волосы, руки и ноги как прутики, цыплячья грудка, вечно слезящиеся глаза. Мальчик не виноват — таким уж он родился на свет.

— Милорд нынче утром кажется таким сильным. — Роберту нравилось это слушать. — Сказать Мадди и Гретчель, чтобы принесли горячей воды для ванны? Мадди помоет тебе спинку и голову тоже, чтобы ты отправился в путь настоящим красавцем лордом.

— Нет. Не люблю Мадди. У нее на глазу бородавка, и она больно дерет кожу. Мама никогда не делала больно, когда купала меня.

— Я велю ей не скрести моего зяблика слишком усердно. Тебе сразу станет лучше, когда искупаешься.

— Никаких ванн. У меня голова болит.

— Я принесу тебе теплую повязку на лоб или сонного вина — только немного, маленькую чашечку. Мия Стоун обидится, если ты вдруг

уснешь. Ты же знаешь, как она тебя любит.

— А я ее — нет. Она всего лишь погонщица мулов. Вечером мейстер Колемон подлил в мое молоко какую-то гадость. Я сказал, что хочу сладкого молока, а он не принес. Я лорд, а он не исполняет моих приказаний. Никто меня здесь не слушается.

— Я поговорю с ним, но только если ты встанешь. На дворе так красиво, зяблик. Солнышко сияет — чудесный день для путешествия. Мия ждет нас в Небесном с мулами…

— Ненавижу этих вонючих мулов. Один хотел меня укусить! Скажи своей Мие, что я остаюсь здесь. — Казалось, что Роберт вот-вот заплачет. — Пока я здесь, меня никто не обидит. Гнездо неприступное.

— Кто же захочет обидеть моего зяблика? Лорды и рыцари тебя обожают, простой народ тоже. — Она понимала, что Роберт боится не зря. После смерти матери он даже на балкон не выходит, а дорога от Гнезда к Воротам Луны напугала бы всякого. У нее самой сердце подступало к горлу, когда она ехала сюда с леди Лизой и лордом Петиром, а спускаться, как все говорят, еще страшнее, потому что все время приходится смотреть вниз. Даже великие лорды и бравые рыцари, по словам

Мии, бледнеют и пускают в штаны на этой дороге — и падучей никто из них не страдает.

Только бойся не бойся, а ехать надо. В долине все еще стоит теплая золотая осень, а у них наверху уже настала зима. Метели и холодные вихри заключили замок в ледяную скорлупу. Гнездо, в самом деле неприступное, может стать также недосягаемым, и дорога вниз с каждым днем становится все опаснее. Почти все слуги и солдаты уже покинули замок — осталась лишь горстка, чтобы служить лорду Роберту.

— Мы повеселимся на славу, зяблик, вот увидишь. С нами будут сир Лотор и Мия. Ее мулы уже тысячу раз ходили вверх и вниз по этой горе.

— Ненавижу мулов, — упорствовал мальчик. — Они злые. Говорю же тебе, один хотел меня укусить, когда я был маленький.

Роберт так и не научился ездить верхом как следует. Лошади, мулы и ослы для него не менее страшные звери, чем драконы или грифоны. Он приехал в Гнездо шестилетним, зарывшись головой в грудь своей матери, и ни разу не уезжал из него.

Тем не менее ехать надо, пока замок еще не обледенел окончательно. Кто знает, долго ли продержится ясная погода.

— Мия не даст мулам кусаться, а я поеду сразу за тобой. Я ведь девочка, не такая храбрая и сильная, как ты. Если уж я могу ехать, то ты и подавно, зяблик.

— Мог бы, да не хочу. — Лорд вытер рукой мокрый нос. — Скажи Мие, что я сегодня останусь в постели. А вниз спущусь, может быть, завтра, если мне станет лучше. Сегодня слишком холодно, и у меня голова болит. Ты можешь выпить со мной молока, и я велю Гретчель принести нам медовые соты. Мы поспим, потом будем целоваться, потом поиграем, и ты почитаешь мне про Крылатого Рыцаря.

— Непременно. Три сказки, как обещала… когда приедем в Ворота Луны. — Алейна начинала терять терпение. Время шло, а им нужно было миновать черту снегов еще до заката. — Лорд Нестор приготовил для тебя пир: грибной суп, оленину, сладкое. Ты ведь не хочешь его разочаровать?

— А лимонные пирожные будут? — Лорд Роберт любил их — возможно, потому, что Алейна тоже любила.

— Непременно будут, и ты можешь съесть, сколько хочешь.

— Целых сто штук?

— Сколько пожелаешь. — Сев на кровать, она

пригладила его длинные волосы. Они у него и вправду красивые. Леди Лиза сама расчесывала их каждый вечер и сама подстригала, когда приходило время. После ее смерти Роберт начинал биться в припадке всякий раз, как к нему приближались с ножницами, и Петир приказал оставить его в покое. Алейна намотала длинный локон на палец. — А теперь вставай и позволь мне одеть тебя.

— Хочу сто лимонных пирожных и пять сказок!

Сто шлепков бы тебе и пять затрещин. Ты не посмел бы так выламываться, будь Петир здесь. К своему отчиму маленький лорд относился с почтительным страхом.

— Как прикажет милорд, — с вымученной улыбкой сказала Алейна, — но сперва мы умоемся, оденемся и отправимся в путь. Поспешим, пока утро еще не прошло. — Она крепко взяла Роберта за руку и стащила с кровати.

Прежде чем она успела позвать служанок, он обхватил ее тонкими руками за шею и поцеловал — неуклюже, по-детски. У Роберта все выходило неуклюже. Если закрыть глаза, можно представить, будто это не он, а Рыцарь Цветов. Сир Лорас когда-то подарил Сансе Старк красную

розу, но никогда ее не целовал… Алейну же Стоун ни один Тирелл целовать не захочет. Она хоть и красива, но родилась не в законном браке.

Зато ей живо помнился другой поцелуй, помнился жестокий мужской рот. Тот, другой, пришел к Сансе ночью, когда небо пылало зеленым огнем. Он взял с нее песню и поцелуй, а взамен оставил только окровавленный плащ.

Теперь это уже ничего не значит. Пес издох, Санса тоже умерла.

— Довольно. — Она отстранила от себя своего лорда. — Ты поцелуешь меня еще раз, но только в Воротах.

Мадди и Гретчель ждали за дверью вместе с мейстером Колемоном, который уже смыл с себя нечистоты и переоделся. Оруженосцы Роберта, Терранс и Джайлс, тоже явились — эти всегда тут как тут, когда пахнет заварушкой.

— Лорду Роберту стало лучше, — сказала Алейна служанкам. — Принесите горячей воды для ванны, но только не кипяток. И не дерите ему волосы, когда будете их расчесывать. Он этого очень не любит. Ты, Терранс, — повернулась она к ухмыляющемуся оруженосцу, — приготовь его милости дорожный костюм и самый теплый плащ, а ты, Джайлс, уберешь разбитый горшок и

все, что в нем было.

— Я вам не поломойка, — скривился Джайлс Графтон.

— Делай, как приказывает леди Алейна, не то Лотор Брюн узнает о твоей дерзости, — вмешался мейстер. Вдвоем с Алейной они прошли по коридору и стали спускаться по винтовой лестнице. — Благодарю вас, миледи. Вы умеете с ним обращаться. Его не трясет, нет? Не похоже, что будет припадок?

— Легкая дрожь в пальцах, ничего более. Он говорит, вы добавили какую-то гадость ему в молоко.

— Гадость? — Мейстер заморгал, двигая кадыком. — Я только… а кровь из носа у него не идет?

— Нет.

— Хорошо, очень хорошо. — Мейстер закивал головой, брякая цепью на невероятно длинной и тощей шее. — С маковым молоком спуск пройдет безопаснее. Мия Стоун привяжет его к самому своему надежному мулу, пока милорд будет дремать.

— Лорд Гнезда не может спускаться со своей горы, привязанный к мулу, будто мешок с зерном. — Отец предупреждал ее, что хилость и трусость Роберта не должны стать достоянием

гласности. Как жаль, что его здесь нет. Он знал бы, что делать.

Но он далеко, на той стороне Долины, на свадьбе у Лионеля Корбрея. Лорд Лионель, бездетный вдовец сорока с лишним лет, женится на шестнадцатилетней дочке богатого купца из Чаячьего города. Петир сам сладил этот брак. Говорят, приданое невесты огромно — скорее всего это правда, раз она не знатного рода. Там будут все вассалы Корбрея, а также лорды Ваксли, Графтон и Линдерли, рыцари-помещики… и лорд Бельмор, недавно примирившийся с Петиром. Остальные лорды Хартии, видимо, не соизволят явиться, поэтому Петир должен быть непременно.

Алейна все это понимала, но в отсутствие Петира все заботы по спуску Зяблика с горы ложились целиком на нее.

— Дайте милорду чашку сладкого молока, — сказала она, — вот дрожь и успокоится.

— Он пил его всего три дня назад, — возразил мейстер.

— И вчера на ночь хотел выпить, но вы ему отказали.

— Слишком скоро. Миледи не понимает. Я говорил лорду-протектору: «сладкий сон» предотвращает падучую, но не лечит ее, и в будущем…

— Будущее утратит свой смысл, если милорд свалится с горы из-за припадка. Я знаю, что отец, будь он здесь, приказал бы вам успокоить лорда Роберта, чего бы это ни стоило.

— Я попытаюсь, миледи, но его припадки усиливаются, а кровь сделалась такой жидкой, что я не решаюсь больше ставить пиявки. «Сладкий сон»… вы уверены, что у него не было носового кровотечения?

— Он хлюпал носом, но крови не было видно.

— Я должен поговорить с лордом-протектором. И этот пир… разумно ли тащить на него мальчика после опасного путешествия?

— Пир будет не очень большой, — успокоила мейстера Алейна. — Всего человек сорок гостей. Лорд Нестор с домашними, Рыцарь Ворот, еще несколько лордов и вассалов…

— Вы же знаете, что лорд Роберт не любит чужих, а тут еще пьянство, шум… музыка, которая пугает его.

— Музыка его успокаивает, — поправила Алейна, — особенно большая арфа. Пение — вот чего он не выносит с тех пор, как Мариллон убил его мать. — Она так привыкла к этой лжи, что порой вспоминала все случившееся именно так; правда представлялась ей не более чем дурным сном,

который порой тревожил ее по ночам. — У лорда Нестора на пиру не будет певцов, только флейты и скрипки для танцев. — Как ей быть, когда музыка заиграет? На этот трудный вопрос ее сердце и голова отвечали противоречиво. Санса любила танцевать, но Алейна… — Дайте ему чашку сладкого молока на дорогу, еще одну — когда сядем за стол, и все пройдет хорошо.

— Воля ваша. — Они сошли с лестницы. — Но потом нужно будет сделать передышку на полгода, если не больше.

— Это вы обсудите с лордом-протектором. — Алейна, протиснувшись в дверь, пошла через двор. Она знала, что мейстер думает о благе своего подопечного, но то, что хорошо для мальчика Роберта, лорду Аррену не всегда на пользу. Так сказал Петир, и это правда. Мейстер Колемон заботится только о мальчике, а у нее с отцом круг забот куда шире.

На дворе лежал старый снег, с террас и башен хрустальными копьями свисали сосульки. Гнездо, построенное из белого камня, зимой стало еще белее. Здесь красиво — и безопасно, но Алейна, как ни старалась, так и не смогла полюбить это место. Еще до ухода вниз слуг и стражи замок представлялся ей чем-то вроде гробницы, особен-

но когда Петир уехал. После Мариллона здесь не слышно ни песен, ни смеха. Даже боги хранят молчание. В замке есть септа, но нет септона, есть богороща, но нет сердце-дерева. Алейне казалось, что молитвы, произнесенные здесь, не найдут отклика, но порой она чувствовала себя такой одинокой, что все же молилась. Ей отвечал только ветер, неумолчно поющий вокруг семи белых башен и при каждом порыве сотрясающий Лунную Дверь. Она знала, что зимой будет еще хуже. Зима сделает замок холодной белой тюрьмой.

Однако мысль об отъезде пугала Алейну не меньше, чем Роберта. Она просто лучше умела скрывать свой страх. Отец говорил ей, что бояться не стыдно — стыдно только показывать свой страх другим людям. «Страх сопутствует жизни каждого человека», — сказал он. Алейна как-то не совсем в это верила. Сам Петир Бейлиш ничего не боится — должно быть, он сказал это для того, чтобы придать храбрости ей. Храбрость очень пригодится Алейне внизу, где опасность разоблачения возрастает во много раз. Друзья Петира при дворе сообщили ему, что люди королевы повсюду разыскивают Беса и Сансу Старк. *Если меня найдут, это будет стоить мне головы*, напоминала она себе, спускаясь по обледенелым

каменным ступеням. *Я должна быть Алейной всегда — и внутри, и снаружи.*

В комнате с воротным механизмом Лотор Брюн, тюремщик Морд и двое слуг грузили сундуки и тюки в шесть громадных дубовых люлек, на трех человек каждая. В этих люльках легче всего попасть в замок Небесный, стоящий в шестистах футах ниже Гнезда. Можно также спуститься по естественной каменной трубе из подвала. Есть и третий путь — тот, которым покинули замок леди Лиза и Мариллон…

— Что малец, встал? — спросил сир Лотор.

— Его купают. Через час он будет готов.

— Хорошо бы. Мия дольше полудня ждать не станет. — В комнате не топили, и он при каждом слове выдыхал пар.

— Она подождет, — сказала Алейна. — Должна подождать.

— Напрасно миледи так уверена в этом. Она сама все равно что мул. Скорей бросит нас всех подыхать с голоду, чем рискнет своими скотами. — Он сказал это с улыбкой — он всегда улыбался, когда речь заходила о Мие Стоун. Мия намного моложе сира Лотора, но Петир, устраивая брак лорда Корбрея с купеческой дочерью, сказал Алейне, что молодым девушкам лучше всего

живется с пожилыми мужьями. «Невинность и опыт создают идеальный союз», — сказал он.

Хотелось бы знать, что думает Мия относительно сира Лотора. Со своим расплющенным носом, квадратной челюстью и седыми шерстистыми волосами он далеко не красавец, однако и не урод. Самое обыкновенное лицо, но при этом честное. И происхождения он самого низкого, хотя и посвящен в рыцари. Как-то ночью он рассказал Алейне, что приходится сродни Брюнам из Бурой Лощины — это старый рыцарский род с мыса Раздвоенный Коготь. «Я пришел к ним после смерти отца, — говорил сир Лотор, — но они от меня отчурались и сказали, что не их кровь». О том, что было с ним после, он не хотел говорить — сказал только, что воинская наука досталась ему тяжело. Он сильный человек и в трезвом виде спокоен. Петир доверяет ему, насколько вообще способен доверять кому бы то ни было. Для незаконнорожденной девушки вроде Мии Стоун Брюн — неплохая партия. Если бы отец признал ее, все было бы по-другому, но он этого так и не сделал, и Мадди говорит, что Мия уже не девушка.

Морд щелкнул кнутом, и пара волов двинулась по кругу, вращая ворот. Цепь, разматываясь,

заскрежетала по камню, люлька поползла вниз. Бедные волы. Перед уходом Морд их зарежет и бросит здесь на корм соколам. То, что останется от них после зимовки, зажарят для весеннего пира. Только бы мясо не испортилось. Старая Гретчель говорит, что хороший запас мороженого мяса — к изобильному лету.

— Надо вам знать, миледи, что Мия поднялась сюда не одна, — сказал сир Лотор. — С ней леди Миранда.

— Вот как. — Зачем она поднималась? Ведь ей сразу же придется спускаться назад. Миранда Ройс — дочь лорда Нестора. В тот единственный раз, когда Санса останавливалась в Воротах Луны, направляясь в Гнездо с тетей Лизой и лордом Петиром, Миранды не было дома, но Алейна много слышала о ней от служанок и стражников. Мать леди Миранды давно умерла, и девушка сама вела хозяйство в отцовском замке — при ней там, если верить слухам, куда веселее. «Рано или поздно ты встретишься с Мирандой Ройс, — предостерегал Алейну приемный отец. — Когда это случится, будь осторожна. Ей нравится играть роль веселой глупышки, но на деле она гораздо проницательнее лорда Нестора. Следи за своим языком».

Алейна приготовилась быть осторожной, но не

знала, что это начнется так скоро.

— Роберт будет рад. — Она знала, что Миранда ему нравится. — Прошу извинить меня, сир, мне нужно заканчивать сборы.

В последний раз она поднялась в свою комнату. Ставни заперты наглухо, мебель укрыта чехлами. Кое-какие вещи уже унесли, прочие спрятали на зиму. Все шелка леди Лизы придется оставить здесь. И тонкое полотно, и нежный бархат, и богатые вышивки, и мирийские кружева. Внизу Алейна должна одеваться скромно, как пристало ее происхождению. Что ж, делать нечего. Лучшие платья она не смела надевать даже здесь.

Гретчель сняла с кровати белье, приготовила верхнюю одежду. Алейна, уже надевшая под юбки две пары панталон и шерстяные чулки, облачилась в теплую кофту и плащ на меху, застегнув его финифтевым пересмешником, подарком Петира. Добавив к этому шарф и кожаные, подбитые мехом перчатки под пару дорожным сапогам, она почувствовала себя неуклюжей, как медвежонок. Ничего, в пути она только порадуется своему теплому одеянию. Алейна окинула комнату прощальным взглядом. Здесь ей ничего не грозило, а вот внизу…

Вернувшись в комнату с воротом, она увидела

там полную нетерпения Мию Стоун. Поднялась в люльке — посмотреть, почему путники так задержались. Худощавая жилистая Мия казалась крепкой, как старая кожа, которую носила под своей серебристой кольчугой. Волосы черные, как вороново крыло, короткие и кудлатые — уж не кинжалом ли она их подрезает? Самое красивое в ней — глаза, большие и синие. Она была бы весьма недурна, если бы одевалась по-девичьи. Нравится она сиру Лотору вот так, в железе и коже, или он воображает ее одетой в шелка и кружево? Мия говорит, что отцом ее был горный козел, а матерью сова, но Мадди рассказала Алейне, как было на самом деле. Это правда, можно не сомневаться. У Мии его глаза и волосы — такие же, как у него и у Ренли.

— Где же он? — осведомилась Мия.

— Его милость принимает ванну и одевается.

— Лучше ему поторопиться. Чувствуете, как подмораживает? Нужно уйти из Небесного до заката.

— А ветер не слишком силен? — спросила Алейна.

— Могло быть хуже… да и будет, когда стемнеет. — Мия откинула волосы с глаз. — Если он просидит в корыте еще малость, мы застрянем тут

на всю зиму, и придется нам есть друг дружку.

Алейна пришла в замешательство, но тут, к счастью, появился сам Роберт Аррен — в небесно-голубом бархате, с золотой, украшенной сапфирами цепью на шее, в белом медвежьем плаще. Оруженосцы с двух сторон поддерживали плащ, не давая ему волочиться по земле. Их сопровождал мейстер Колемон в потертом сером плаще с беличьей оторочкой. Шествие замыкали Гретчель и Мадди.

От холодного ветра Роберт съежился, но оруженосцы держали его за полы, и убежать он не мог.

— Ну что, милорд, поедемте со мной вниз? — предложила Мия.

Слишком она спешит. Ей бы улестить его для начала, сказать, какой он сильный и храбрый.

— Нет. Я хочу с Алейной. Без нее не поеду.

— Люлька нас и втроем выдержит.

— Я хочу с ней одной. От тебя воняет, как от твоих мулов.

— Воля ваша, — невозмутимо сказала Мия.

Люльки вокруг ворота были как плетеные, так и дубовые. Самая большая из деревянных была выше Алейны, с прочными железными обручами. Тем не менее сердце у нее колотилось, когда она помогала Роберту сесть. Дверцу за ними за-

крыли, и они оказались в глухом, только сверху открытом чуланчике. *Так лучше*, говорила себе Алейна, *отсюда вниз не посмотришь, даже если захочешь. Под нами только небо — шестьсот футов неба. Быстро ли пролетела это расстояние тетя и какой была ее последняя мысль, когда гора ринулась ей навстречу? Нет. Нельзя об этом думать. Нельзя!*

— Тронулись! — крикнул сир Лотор, и кто-то пихнул люльку. Она накренилась, проскребла по полу и повисла. Щелкнул кнут Морда, загрохотала цепь. Люлька стала опускаться, сперва толчками, потом более плавно. Роберт сидел бледный, с опухшими глазами, но руки у него не дрожали. Гнездо понемногу уходило вверх. Небесные камеры делали замок похожим на пчелиные соты. Ледяные соты. Снежный замок. Ветер свистал вокруг люльки.

Через сто футов он налетел на них в полную силу. Люлька качнулась, завертелась и сильно стукнулась о скалу. Сверху посыпался снег с осколками льда, дубовые стенки затрещали. Роберт вцепился в Алейну, уткнулся лицом ей в грудь.

— Милорд такой храбрый, — сказала девушка, чувствуя, как он дрожит. — У меня вот со страху

язык к гортани прилип, а ты ничего.

Он кивнул, боднув ее головой, и сказал ей в корсаж:

— Крылатый Рыцарь был храбрый, и я тоже. Потому что я Аррен.

— Мой зяблик будет держать меня крепко? — спросила она, хотя и так уже дышала с трудом.

— Да, если хочешь. — Так, держась друг за друга, они и доехали до Небесного.

Если это замок, то лужа в отхожем месте — это озеро, решила Алейна, когда дверца открылась. Весь Небесный состоял из сложенной без раствора стены, подковой охватывающей устье пещеры. Внутри помещались кладовые, конюшня и ведущая в Гнездо каменная труба, снаружи валялись битые камни и валуны. К верхушке стены поднимались земляные откосы. Вверху виднелось Гнездо, такое маленькое, что рукой закрыть можно, внизу расстилалась зеленая с золотом Долина.

В загородке дожидались двадцать мулов, два погонщика и леди Миранда Ройс. В отличие от своей сверстницы Мии дочь лорда Нестора оказалась низенькой, широкобедрой и полногрудой — настоящая пышка. Густые каштановые локоны обрамляли лицо с красными щеками,

маленьким ротиком и карими живыми глазами. Опустившись на колени в снег, она поцеловала руку вылезшему из люльки Роберту и чмокнула его в обе щеки.

— Милорд, какой же вы большой выросли!

— Правда? — заулыбался Роберт.

— Да вы скоро меня перегоните. — Миранда поднялась, отряхнула юбку. — А вы, должно быть, дочь лорда-протектора. — Люлька тем временем поползла обратно в Гнездо. — Мне говорили, как вы красивы, а теперь я сама вижу, что это правда.

— Миледи очень добра, — присела в реверансе Алейна.

— Добра? — засмеялась Миранда. — Как это скучно. Злой быть гораздо занятнее. Вы должны рассказать мне все свои секреты, пока будем ехать вниз. Могу я называть вас Алейной?

— Как миледи будет угодно. — Но никаких секретов ты от меня не услышишь, добавила про себя девушка.

— Я миледи только в Воротах — здесь, на горе, я для тебя Ранда. Сколько тебе лет?

— Четырнадцать, миледи. — Алейна Стоун должна быть чуть постарше Сансы Старк.

— Ранда, — поправила та. — Ах, где вы, мои

четырнадцать лет, где ты, моя невинность. А ты все еще невинна, душа моя?

— Но разве можно об этом… — вспыхнула Алейна. — Да, конечно.

— Бережешь себя для лорда Роберта? — поддразнила Миранда. — Разве какой-нибудь пылкий оруженосец не добивается твоей милости?

— Нет, — сказала Алейна, Роберт же заявил:

— Алейна — моя подруга. Терранс и Джайлс ее не получат.

Сверху, стукнувшись о замерзший сугроб, спустилась вторая люлька. Из нее вышли мейстер Колемон и оба оруженосца. Со следующей прибыли Мадди, Гретчель и Мия Стоун.

— Незачем всем торчать наверху, — тут же начала распоряжаться она. — Я возьму лорда Роберта и его свиту. Ты, Осси, привезешь сира Лотора и остальных, только дай мне час форы, а ты, Каррот, погрузишь багаж. На каком муле желает ехать милорд?

— Они все вонючие. Я поеду на том сером, с обгрызенным ухом. Алейна будет ехать рядом со мной, и Миранда тоже.

— Там, где дорога позволит. Идемте, милорд, я посажу вас на мула. В воздухе так и пахнет снегом.

Полчаса спустя, рассадив всех, Мия отдала команду, и двое стражников Небесного распахнули ворота. Мия ехала впереди, лорд Роберт, закутанный в свой медвежий плащ, за ней, следом Алейна с Мирандой, следом Гретчель и Мадди, следом Терранс Линдерли и Джайлс Графтон. Замыкавший кавалькаду мейстер Колемон вел за собой второго мула, нагруженного снадобьями и травами.

За стеной ветер сразу усилился. Здесь, выше черты лесов, стихиям ничто не препятствовало. Алейна не замедлила порадоваться своей теплой одежде. Плащ заполоскался у нее за спиной, ветер сорвал с головы капюшон. Это не испугало ее, а даже развеселило, но Роберт тут же заныл:

— Холодно. Надо вернуться и переждать, пока не станет теплей.

— Внизу будет тепло, милорд, — заверила Мия. — Вы сами увидите.

— Не хочу я ничего видеть, — отрезал Роберт, но Мия и ухом не повела.

Дорога представляла собой широкие ступени, вырубленные в склоне горы, и мулы знали ее назубок. Кое-где лежали камни, осыпавшиеся сверху от постоянных морозов и оттепелей, по бокам ослепительно белел снег. Солнце сияло, в

ярко-синем небе кружили соколы.

В самых крутых местах дорога шла не прямо, а петляла по склону. Не странно ли? На гору поднялась Санса Старк, а с горы едет Алейна Стоун. Тогда, на пути в Гнездо, Мия наказывала ей смотреть только вперед — вверх, а не вниз. Когда спускаешься, вниз приходится смотреть поневоле. Можно закрыть глаза — мул и без нее знает, куда идти. Но так скорей поступила бы Санса, которая боялась всего на свете. Алейна старше нее и храбрее. Бастарды все храбрые.

Поначалу все ехали гуськом, но как только тропа стала шире, с Алейной поравнялась Миранда.

— Твой отец прислал нам письмо, — заговорила она так непринужденно, будто они сидели рядком со своей септой и шили. — Он едет домой и надеется скоро увидеть свою ненаглядную дочку. Лионель Корбрей, по его словам, весьма доволен своей молодой женой, особенно приданым, которое она ему принесла. Только бы лорд Лионель не забыл, что спать ему следует с ней, а не с ее сундуками. К всеобщему изумлению, пишет лорд Петир, на свадьбу явились леди Уэйнвуд и Рыцарь Девяти Звезд.

— Анья Уэйнвуд? Да неужели? — Похоже, лордов Хартии осталось всего трое против прежних

шести. Уезжая, Петир Бейлиш был уверен, что переманит на свою сторону Саймонда Темплтона, но не леди Уэйнвуд. — Что он еще пишет? — Гнездо такое уединенное место, что всегда приятно узнавать какие-то новости из внешнего мира, пусть и самые незначительные.

— Больше ничего, но к нам прилетали другие птицы. Война продолжается всюду, кроме Долины. Ривердан сдался, но Драконий Камень и Штормовой Предел все еще держат сторону лорда Станниса.

— Леди Лиза поступила мудро, избавив нас от войны.

— О да, она была олицетворением мудрости, наша добрая леди, — с улыбочкой подтвердила Миранда и поправилась на седле. — Почему все мулы такие костлявые и злобные? Мия плохо их кормит. На толстом муле ехать куда удобнее. Ты знаешь, что у нас новый верховный септон? А в Ночном Дозоре новый командующий, совсем еще мальчик, побочный сын Эддарда Старка.

— Джон Сноу?!

— Сноу? Да, вероятно.

Она давным-давно не вспоминала про Джона, он ведь не родной ее брат, однако… Теперь, когда Робб, Бран и Рикон мертвы, из братьев у нее

только он и остался. Она теперь тоже незаконнорожденная, как и он. Славно было бы с ним повидаться, но об этом и речи не может быть. У Алейны Стоун нет братьев — ни родных, ни сводных.

— Наш кузен Бронзовый Джон устроил у себя в Рунстоне турнир, — продолжала Миранда. — Вернее, общую схватку для одних лишь оруженосцев. Предполагалось, что победит в ней Гарри-Наследник, и он в самом деле победил.

— Гарри-Наследник?

— Гарольд Хардинг, воспитанник леди Уэйнвуд. Полагаю, теперь мы должны называть его сиром Гарри. Бронзовый Джон произвел его в рыцари.

— Вот как. — Алейна пришла в недоумение. Почему воспитанника леди Уэйнвуд называют ее наследником? У нее ведь есть сыновья. Один из них — сир Доннел, Рыцарь Кровавых Ворот. Но она не хотела показаться дурочкой и потому сказала: — Надеюсь, он будет достойным рыцарем.

— Надеюсь, что его чума заберет, — фыркнула леди Миранда. — Знаешь, у него есть дочка от какой-то простолюдинки. Мой лорд-отец вознамерился выдать меня за Гарри, но леди Уэйнвуд и слышать об этом не хочет. Не знаю уж почему — то ли я ей не подхожу, то ли дают за мной мало.

А мне муж ох как нужен, — вздохнула она. — У меня уже был один, да я его уморила.

— Уморили? — изумилась Алейна.

— Ага. Он умер прямо на мне. Ты ведь знаешь, что происходит на брачном ложе, не так ли?

Алейна вспомнила Тириона, вспомнила поцелуй Пса и кивнула.

— Должно быть, это было ужасно, миледи… то, что он умер вот так…

— Да, неутешительно, — пожала плечами Миранда. — И неучтиво по меньшей мере. Он не потрудился даже обрюхатить меня. У стариков семя слабое. И вот она я — вдова, почти что нетронутая. Гарри мог бы сделать и худшую партию. Так оно и будет, ручаюсь. Леди Уэйнвуд скорее всего женит его на какой-нибудь из своих внучек, а нет — так на внучке Бронзового Джона.

— Вам лучше знать, миледи. — Алейна хорошо помнила наставления Петира.

— Ранда! Ну скажи: Ранда.

— Ранда.

— Вот так-то лучше. Знаешь, я должна перед тобой повиниться. Ты, наверно, сочтешь меня потаскушкой, но я спала с этим красавчиком Мариллоном. Я ведь не знала, каким чудовищем он окажется. Он так сладко пел, а руками творил

настоящие чудеса. Знай я, что он выбросит леди Лизу в Лунную Дверь, ни за что не легла бы с ним. Я не сплю с чудовищами, как правило. — Миранда окинула взглядом лицо и грудь своей собеседницы. — Ты красивей меня, зато у меня грудь больше. Мейстеры говорят, что большие груди дают молока не больше, чем маленькие, но я им не верю. Видела ты хоть одну кормилицу с маленькими грудями? Твои хороши для девочки твоего возраста, но ты ведь незаконная, поэтому я и думать о них не стану. — Она направила своего мула чуть ближе к Алейне. — Ты ведь знаешь, что наша Мия не девушка, да?

Толстуха Мадди нашептала об этом своей госпоже как-то раз, когда Мия привезла им припасы.

— Мадди мне рассказала.

— Еще бы. Рот у Мадди как ее ляжки, а ляжки просто громадные. Мию лишил невинности Микель Редфорт. Он раньше был оруженосцем у сира Лина Корбрея. Настоящий оруженосец, не то что этот неотесанный парень, который служит у сира Лина теперь. Говорят, рыцарь взял его к себе только ради денег. Микель владел мечом лучше всех юношей в Долине и отличался своим благородством… именно так думала бедняжка Мия, пока он не женился на одной из дочерей

Бронзового Джона. Лорд Хортон, полагаю, не оставил ему выбора, но с Мией он все-таки поступил жестоко.

— Сир Лотор влюблен в нее. — Алейна посмотрела на Мию, едущую двадцатью ступенями ниже. — Даже больше чем влюблен.

— Лотор Брюн? — подняла бровь Миранда. — А она знает? Попусту он надеется, бедный. Отец пытался найти Мие мужа, но она всякий раз отказывается. Она сама из породы мулов.

Алейна невольно почувствовала симпатию к этой молодой женщине. Со времен бедной Джейни Пуль у нее не было подруги, с которой она могла бы посплетничать.

— Как по-вашему, сиру Лотору она нравится такая как есть, в кольчуге и коже? — спросила она Миранду как более искушенную в подобных делах. — Или он воображает ее себе в шелке и бархате?

— Он мужчина, поэтому она ему видится голой.

Ну вот, опять она хочет вогнать меня в краску.

— Какая ты розовенькая, просто прелесть. — Миранда будто подслушала ее мысли. — Я-то, когда краснею, становлюсь похожа на яблоко.

Правда, я давно забыла, как это делается. — Она придвинулась еще ближе. — Твой отец не собирается снова жениться?

— Отец? — Алейна никогда об этом не думала, и вопрос Миранды заставил ее внутренне съежиться. Ей вспомнилось лицо Лизы Аррен, падающей в Лунную Дверь.

— Мы все знаем, как предан он был леди Лизе, но не может же лорд Петир вечно скорбеть. Он нуждается в молодой красивой жене, с которой позабудет о своем горе. И выбор у него большой — половина благородных девиц Долины. Разве можно желать лучшего мужа, чем наш лорд-протектор? Жаль, правда, что его прозвали Мизинцем. Он у него правда такой маленький?

— Он? — Алейна снова зарделась. — Не знаю… я никогда…

Миранда рассмеялась так громко, что Мия оглянулась на них.

— Ничего, Алейна. Я уверена, он не так уж и мал.

Они проехали под естественной каменной аркой — с длинных сосулек на ней капала вода. На той стороне тропа суживалась и на протяжении футов ста круто падала вниз. Миранде пришлось податься назад. Алейна, вцепившись

в седло, предоставила своему мулу полную волю. В этом месте ступени, за многие годы истертые подковами, напоминали ряд мелких каменных чаш. Их наполняла вода, сверкающая золотом на послеполуденном солнце. Когда стемнеет, она превратится в лед. Поймав себя на том, что затаила дыхание, Алейна выдохнула. Мия с лордом Робертом почти уже добрались до скального шпиля, где склон снова выравнивался. Она старалась смотреть на них и только на них. *Я не упаду*, говорила она себе, *с чего мне падать? Мул свое дело знает.* Ветер свистел вокруг, пока она шаг за шагом сходила вниз — целую вечность.

Но вот наконец она оказалась рядом с Мией и своим маленьким лордом, которые сделали остановку под скалой. Впереди виднелась каменная седловина, узкая, покрытая льдом. Ветер с воем трепал плащ Алейны. Это место она помнила со времен своего восхождения. Оно напугало ее тогда и пугало теперь.

— Она шире, чем кажется с виду, — бодро говорила мальчику Мия. — Целый ярд в ширину и каких-нибудь восемь ярдов в длину. Ничего страшного.

— Ничего страшного, — повторил Роберт. Рука у него дрожала.

Нет. Только не здесь. Не сейчас.

— Мулов тут лучше вести под уздцы, — продолжала Мия. — С позволения вашей милости, я сперва переведу моего, а после вернусь за вашим. — Роберт, не отвечая, смотрел покрасневшими глазами на узкую тропку. — Я недолго, — пообещала Мия, но мальчик как будто вовсе не слышал ее.

Как только девушка с мулом вышли из-под скалы, ветер запустил в них свои острые зубы. Плащ Мии затрепыхался, она пошатнулась, и какой-то миг казалось, что ее сейчас сдует в пропасть, но она выправилась и зашагала дальше.

Алейна взяла Роберта за руку, стараясь унять его дрожь.

— Я так боюсь, зяблик. Пожалуйста, не отпускай мою руку и помоги мне перейти через лед. Ты-то не боишься, я знаю.

Он посмотрел на нее. Зрачки в больших, белых как вареные яйца глазах казались темными точками.

— Не боюсь?

— Конечно же, нет. Ты мой крылатый рыцарь, сир Зяблик.

— Крылатый Рыцарь умел летать, — прошептал мальчик.

— Да, выше гор. — Она крепко сжала его руку в теплой перчатке.

— Выше гор, — откликнулась эхом подъехавшая сверху леди Миранда — она с ходу сообразила, в чем дело.

— Сир Зяблик, — сказал Роберт, и Алейна поняла, что возвращения Мии дожидаться нельзя. Она помогла мальчику спешиться, и они вдвоем вышли на каменное седло, хлопая на ветру плащами. Вокруг ничего, кроме воздуха, неба и пропасти с обеих сторон. Под ногами лед и камни, о которые так легко споткнуться. Как жутко воет — будто не ветер, а волк. Призрачный волк величиной с гору.

Потом они вдруг очутились на той стороне, и Мия со смехом тискала Роберта.

— Осторожно, — сказала ей Алейна. — Он может ударить тебя, когда судороги начнутся. Ты не поверишь, каким сильным он делается во время припадка. — Они нашли в скалах расщелину, чтобы спрятать его от ветра. Алейна сидела с мальчиком, пока его не перестало трясти, Мия вернулась назад, чтобы помочь остальным.

В Снежном они сменили мулов и поели горячего жаркого из козлятины с луком.

— Я вижу, ты не только красивая, но и храб-

рая, — сказала Миранда. Алейна, обедавшая вместе с ней и Мией, опять покраснела от ее похвалы.

— Совсем не храбрая. Я ужасно боялась. Не знаю, как я перешла бы без лорда Роберта. А ты, Мия… ты чуть не упала.

— Ошибаетесь. Я никогда не падаю. — Волосы Мии, пришедшие в полный беспорядок, закрывали ей один глаз.

— Я сказала «чуть не упала». Я видела. Неужели тебе не было страшно?

— Нет. Я помню, один человек подкидывал меня вверх, когда я была еще маленькая. Он был высокий, до неба, а я взлетала еще выше. Мы так смеялись, что у меня дух захватывало, и я обсикалась, а он тогда стал хохотать еще пуще. Я никогда не боялась, что он уронит меня, — знала, что он всегда поймает. А потом он пропал куда-то. — Мия убрала волосы с глаза. — Мужчины все такие — они лгут, или умирают, или бросают тебя. Но «Стоун» значит камень, а камень — это дитя горы. Я верю своему отцу и своим мулам. Я никогда не упаду. — Она поднялась, держась рукой за скалу. — Доедайте-ка живее. Нам еще долго ехать, и я чую бурю.

Мия чуяла верно. Как только они выехали из

Каменного, последнего и самого большого из трех горных замков, пошел снег. Начинало уже смеркаться. Леди Миранда предложила вернуться, заночевать в Каменном, а утром продолжить путь, но Мия не желала и слышать об этом.

— К тому времени снегу может навалить до пяти футов, и дорога станет опасной даже для мулов. Ничего. Будем двигаться потихоньку.

И они двигались. Ниже Каменного ступени, более широкие и отлогие, вились среди высоких сосен и серо-зеленых страж-деревьев, густо растущих на нижних склонах Копья Гиганта. Мулы Мии, похоже, знали тут каждый корень и каждый камень, а то, что они забывали, им напоминала погонщица. Прошло полночи, прежде чем они увидели огни Ворот Луны сквозь снежные хлопья. Последняя часть пути прошла наиболее мирно. Снег валил, укрывая мир белым одеялом. Уснувший Зяблик покачивался в такт шагам мула. Даже леди Миранда позевывала и жаловалась на усталость.

— Мы для всех вас приготовили комнаты, — сказала она Алейне, — но ты, если хочешь, можешь спать сегодня со мной. У меня такая кровать, что четверым впору.

— Почту за честь, миледи.

— Ранда. Счастье твое, что я так устала. Свернуться бы калачиком и уснуть, больше ничего не хочу. Обычно дамы, ночующие со мной, должны уплатить пошлину и рассказать мне про все свои шалости.

— А если они ничего такого не делали?

— Тогда они должны признаться, что им *хотелось бы* сделать. Но к тебе это не относится. По твоим голубым глазкам и розовым щечкам видно, что ты — сама добродетель. Надеюсь, ноги у тебя не замерзли, — снова зевнула Миранда. — Ненавижу спать с людьми, у которых ноги холодные.

К приезду в замок она совсем осовела, Алейна же мечтала о том, чтобы скорее лечь. Постель у Миранды, должно быть, мягкая, с пуховой периной и меховыми одеялами. Там ей непременно приснится хороший сон. Проснувшись, она услышит лай собак, болтовню женщин у колодца и звон мечей, а потом состоится пир с музыкой и танцами. После мертвой тишины Гнезда она стосковалась по шуму и смеху.

Но когда путники слезали со своих мулов, во дворе появился один из гвардейцев Петира.

— Леди Алейна, лорд-протектор вас ожидает.

— Так он вернулся? — удивилась она.

— Да, нынче вечером. Вы найдете его в запад-

ной башне.

Время близилось к рассвету, и почти все обитатели замка спали — но только не Петир Бейлиш. Он сидел у жаркого огня и пил горячее вино в обществе трех незнакомых Алейне мужчин. Когда она вошла, они встали, а Петир широко улыбнулся.

— Алейна. Иди поцелуй отца.

Она послушно обняла его и поцеловала в щеку.

— Извините, что помешала, отец. Мне никто не сказал, что у вас гости.

— Ты мне никогда не мешаешь, милая. Я как раз говорил этим добрым рыцарям, какая у меня послушная дочь.

— Послушная и красивая, — сказал пригожий молодой рыцарь с густой белокурой гривой, спадающей ниже плеч.

— Верно, — подхватил второй, кряжистый, с бородой цвета соли и перца, красным носом и корявыми ручищами. — Об этом вы умолчали, милорд.

— Я бы поступил так же, будь она моей дочерью, — криво усмехнулся третий — низенький, жилистый, остроносый, с жесткими рыжими волосами. — Особенно говоря с мужланами вроде нас.

— Разве вы мужланы? — засмеялась Алейна. — А я-то думала, что вы галантные рыцари.

— Они в самом деле рыцари, которые, будем надеяться, докажут свою галантность на деле, — сказал Петир. — Позволь тебе представить сира Бирена, сира Моргарта и сира Шадрика. А это леди Алейна, сиры, моя дочь и большая умница… и нам нужно побеседовать наедине, с вашего любезного позволения.

Все трое откланялись, а белокурый на прощание успел приложиться к руке Алейны.

— Межевые рыцари? — спросила она, когда они вышли.

— Голодные, скажем так. Я решил, что несколько лишних мечей нам не помешает. События становятся все занятнее, милая, а в такое время мечей никогда не бывает чересчур много. «Сардиний король» вернулся в Чаячий город, и старому Освеллу есть о чем рассказать.

Алейна не стала расспрашивать — если Петир захочет, то расскажет все сам.

— Я не ждала вас так скоро. И очень рада, что вы приехали.

— По твоему поцелую этого не скажешь. — Он притянул Алейну к себе, взял ее лицо в ладони и долго не отрывался от ее губ. — Вот как следует

встречать своего отца — запомни на будущее.

— Да, отец, — сказала она, чувствуя, что краснеет. Но он уже заговорил о другом.

— Ты не поверишь, что творится в Королевской Гавани. Серсея делает одну глупость за другой, и совет, собранный из глухих, слепцов и тупиц, успешно ей помогает. Я всегда предчувствовал, что она разорит страну и погубит себя, но не ждал, что это произойдет так быстро. Досадно, право. Я надеялся хотя бы на пять спокойных лет, чтобы посадить семена и пожать плоды, а теперь… хорошо, что смута мне только на пользу. Боюсь, три королевы недолго продержатся при тех скудных крохах порядка, что оставили нам пятеро королей.

— Три королевы?

Петир вместо объяснений сказал с улыбкой:

— Я привез моей милочке подарок.

— Платье? — удивилась и обрадовалась Алейна. Она слышала, что в Чаячьем городе живут превосходные портнихи, и ей так надоело ходить замарашкой.

— Кое-что получше. Угадывай снова.

— Драгоценности?

— Ни одни драгоценности не сравнятся с глазами моей дочурки.

— Может быть, это лимоны? — Она наобещала Роберту лимонных пирожных, а их без лимонов не испечешь.

Петир посадил ее себе на колени.

— Нет. Я нашел тебе жениха.

— Жениха? — У нее перехватило дыхание. Ей не хотелось больше выходить замуж — ни теперь, ни потом. — Но ведь я уже замужем, — прошептала она, покосившись на закрытую дверь. Петир приложил палец к ее губам.

— Карлик женился на дочери Неда Старка, а не на моей. Но не волнуйся, это всего лишь помолвка. Мы подождем со свадьбой, пока Серсее не наступит конец, а Санса благополучно не овдовеет. Кроме того, ты должна познакомиться со своим женихом и заслужить его одобрение. Леди Уэйнвуд не станет женить его против воли — это ее условие.

— Леди Уэйнвуд? — Алейна ушам своим не верила. — Зачем ей нужно женить своего сына на…

— На незаконнорожденной? Для начала не забывай, что ты бастард лорда-протектора. Уэйнвуды — род древний и гордый, но не так богаты, как может показаться со стороны. Я убедился в этом, начав скупать их долговые расписки. Впро-

чем, сына леди Анья на золото бы не променяла. А вот воспитанник… юный Гарри ей всего лишь дальний родственник, а приданое, которое я предложил ее милости, еще больше того, что получил недавно лорд Корбрей. Из-за меньшего она не рискнула бы навлечь на себя гнев Бронзового Джона. Этот сговор нарушит все его планы. Ты помолвлена с Гарольдом Хардингом, милая, — при условии, что сумеешь завоевать сердце этого юнца, что тебе будет совсем не трудно.

— Гарри-Наследник? — Алейна попыталась вспомнить, что рассказывала ей в дороге Миранда. — Его только что посвятили в рыцари, и у него есть ребенок от какой-то крестьянской девушки.

— Их у него двое, от разных матерей. Перед Гарри не так легко устоять. Светлые волосы, синие глаза, ямочки на щеках. Вот он-то галантный кавалер, спору нет. Когда об этом будет объявлено, милая, тебе позавидуют все благородные девы Долины, а также речных земель и Простора.

— Но почему? — недоумевала она. — Неужели сир Гарольд… в самом деле наследник леди Уэйнвуд? Ведь у нее же есть сыновья…

— Целых три. И дочери тоже, и внуки.

— Разве они не опережают Гарри? Я ничего не понимаю.

— Сейчас поймешь. Слушай. — Петир легонько провел пальцем по ее ладони. От него пахло вином, гвоздикой, мускатным орехом. — Начнем с лорда Джаспера Аррена, отца лорда Джона. У него было трое детей, два сына и дочь. Джон, старший, унаследовал Гнездо и титул. Его сестра Алис вышла за сира Эллиса Уэйнвуда, дядю нынешней леди Уэйнвуд. Алис и Эллис — мило, не правда ли? Младший сын лорда Джаспера, Роннел, женился на девице из дома Бельморов, но вскоре умер от живота. Их сын Элберт родился в то самое время, как бедняга Роннел умирал. Пока все понятно, милая?

— Да. Джон, Алис и Роннел, который умер.

— Прекрасно. Джон Аррен был женат трижды, но от первых двух жен не имел потомства, поэтому долгие годы его наследником считался племянник Элберт. Эллис тем временем вспахивал Алис исправно, и она что ни год рожала. Она принесла мужу девять детей, восемь девочек и одного мальчугана, тоже Джаспера — он лишил мать последних сил, и она умерла. Этот Джаспер, не оценив героических усилий своих родителей, в три года получил лошадиным копытом по голове и отправился следом за матушкой. Две его сестры вскоре умерли от оспы — осталось

шестеро. Старшая вышла за сира Денниса Аррена, дальнего родственника лордов Гнезда. В Долине живет несколько ветвей Арренов, столь же гордых, сколь и нищих, — не считая Арренов из Чаячьего города, у которых хватает ума заключать браки с купеческими детьми. Эти богаты, но так опростились, что о них не принято говорить. Сир Деннис происходил из гордой и бедной ветви… но был при этом прославленным турнирным бойцом, красивым, галантным и преисполненным учтивых манер. А тут еще волшебное имя Аррен… все это вместе победило девицу Уэйнвуд. Их будущие дети в случае какого-либо несчастья с Элбертом обещали стать наследниками Гнезда. И с Элбертом в самом деле случилось несчастье по имени король Эйерис… ты ведь знаешь эту историю?

— Безумный Король убил его, — кивнула Алейна.

— Совершенно верно. Вскорости после этого сир Деннис отправился воевать, оставив дома беременную жену, и погиб в Колокольной битве — от избытка отваги и вражеского топора. Его леди не перенесла этого известия, а новорожденный мальчик ненадолго ее пережил. Джон Аррен тем временем нашел себе молодую жену,

которая, как он не без основания полагал, была вполне способна к деторождению. Но от Лизы, как мы с тобой знаем, он получил только выкидыши, мертворожденных младенцев и бедного Зяблика.

Это возвращает нас к пяти оставшимся дочерям Алис и Эллиса. Старшая, сильно изуродованная той самой оспой, которая убила ее сестер, сделалась септой. Вторую соблазнил какой-то наемник. Сир Эллис выгнал ее из дома, рожденный ею ребенок умер в младенчестве, и она пошла в Молчаливые Сестры. Третья вышла за Лорда-Чиновника, но оказалась бесплодной. Четвертую на пути в речные земли, где она собиралась выйти за какого-то Бракена, похитили Обгорелые. Остается самая младшая. Она вышла за рыцаря-землевладельца, вассала Уэйнвудов, родила ему сына Гарольда и умерла. — Петир коснулся губами запястья Алейны. — А теперь скажи, милая, — почему Гарри прозвали Наследником?

Алейна широко раскрыла глаза.

— Он наследник не леди Уэйнвуд, а Роберта. Если Роберт умрет…

— *Когда* умрет, — веско произнес Петир. — Бедный наш зяблик такой слабенький. Это лишь вопрос времени. Когда Роберт умрет, Гар-

ри-Наследник превратится в лорда Гарольда, владетеля Орлиного Гнезда и Защитника Долины. Знаменосцы Джона Аррена никогда не полюбят меня или нашего бедолагу Роберта, но своего Молодого Сокола будут любить… а когда они съедутся на свадьбу и ты выйдешь к ним со своими распущенными золотистыми волосами, в белом плаще с серым лютоволком, все рыцари Долины дадут обет вернуть то, что принадлежит тебе по праву рождения. Вот что дарю я тебе, моя милая Санса: Гарри, Гнездо и Винтерфелл. Тебе не кажется, что это заслуживает еще одного поцелуя?

Серсея

Лицо престарелой септы Моэллы состояло из одних острых углов, губы постоянно оставались поджатыми. Серсея подозревала, что она все еще девственница — хотя теперь ее девичество, вероятно, стало прочнее дубленой кожи. Септу сопровождали шесть рыцарей его воробейства с радужными мечами своего возрожденного ордена на треугольных щитах.

Серсея сидела на своем месте ниже Железного Трона, одетая в зеленый шелк с золотым кружевом.

— Передайте его святейшеству, септа, что мы недовольны им. Он берет на себя слишком много. — Изумруды сверкали на пальцах королевы и в ее золотых волосах. Весь двор и город смотрели сейчас на нее — пусть же они видят перед собой дочь лорда Тайвина. Когда эта комедия будет доиграна, они поймут, что у них есть только одна королева. Но сначала надо проплясать весь танец, ни разу не сбившись с такта. — Леди Маргери — верная жена и помощница моего сына. Его святейшество не имел повода заключать под

стражу нашу невестку и ее юных кузин, столь дорогих нашему сердцу. Я требую их освобождения.

На лице септы не дрогнул ни один мускул.

— Я передам его святейшеству слова вашего величества, но должна с прискорбием известить, что молодая королева и ее дамы не могут быть освобождены, пока не будет доказана их невиновность.

— Невиновность? Стоит только посмотреть на эти чистые лица, чтобы убедиться в их полнейшей невинности.

— Красивое лицо часто скрывает грешную душу.

— В чем обвиняются сии девицы, — спросил лорд Мерривезер, сидевший за столом совета, — и кто обвиняет их?

— Мегга и Элинор Тирелл обвиняются в распутстве и сокрытии государственной измены, — ответила септа. — Элла Тирелл — в недоносительстве. Все эти обвинения, помимо прелюбодейства и государственной измены, предъявляются также и королеве Маргери.

— Скажите же наконец, кто распространяет подобную клевету против моей невестки! — Серсея приложила руку к груди. — Я не верю ни

единому слову. Мой сын любит леди Маргери всем своим сердцем — она не могла обмануть его столь жестоко.

— Обвинителем выступает один из ваших придворных рыцарей. Сир Осни Кеттлблэк исповедался в своем прелюбодеянии с королевой самому верховному септону, перед алтарем Отца нашего.

Харис Свифт за столом совета ахнул, великий мейстер Пицель отвел взгляд. В тронном зале стоял гул, будто от тысячи ос. Некоторые дамы, стоявшие на галереях, покидали чертог в сопровождении мелких лордов и рыцарей. Золотые плащи пропускали их беспрепятственно, но королева наказала сиру Осфриду брать на заметку всех уходящих. Не так уж, выходит, сладко запахла теперь роза Тиреллов.

— Сир Осни при всей своей молодости и пылкости — верный наш рыцарь, — сказала Серсея, — и если он говорит, что… да нет же, не может быть. Маргери — непорочная дева!

— Нет, ваше величество. Я сама, по велению его святейшества, осмотрела ее. Ее девственность нарушена. Это могут подтвердить септы Аглантина и Мелисента, а также септа самой королевы Маргери, Несторика, заключенная за свое соучастие в

строгую келью. Леди Мегга и леди Элинор также подверглись осмотру, и он показал, что обе они тоже лишились невинности.

Осы теперь жужжали так громко, что Серсея с трудом слышала собственные мысли. Надо надеяться, что эти девчонки хотя бы получали удовольствие от своих верховых прогулок.

— Леди Маргери торжественно поклялась ее величеству королеве и ее покойному батюшке в том, что сохранила невинность. — Лорд Мерривезер грохнул кулаком по столу. — Многие здесь были свидетелями этой клятвы. Лорд Тирелл и леди Оленна, чья репутация безупречна, также подтвердили, что их дочь и внучка невинна. Уж не хотите ли вы сказать, что обе этих благородные персоны солгали нам?

— Возможно, они тоже были введены в заблуждение, милорд, — ответила септа Моэлла. — Этого я знать не могу. Я могу лишь клятвенно подтвердить то, что показал осмотр молодой королевы.

Представив, как эта старая карга роется своими сморщенными пальцами в розовой пещерке Маргери, Серсея едва удержалась от смеха.

— Мы настаиваем, чтобы его святейшество допустил наших собственных мейстеров осмотреть нашу невестку. Пусть они скажут, есть ли

хоть доля правды во всех этих измышлениях. Великий мейстер Пицель, вы отправитесь вместе с септой Моэллой в Великую Септу Бейелора и по возвращении доложите нам, как обстоит дело с невинностью Маргери.

Пицель сделался белым, как простокваша. На заседаниях совета с этим старым болтуном просто сладу нет, а здесь у него, извольте видеть, язык отнялся.

— Мне нет нужды осматривать ее… сокровенные органы, — проговорил наконец Пицель. — Как это ни грустно, королева Маргери более не девица. Она требовала, чтобы я готовил для нее лунный чай, притом не единожды, а многократно.

Шум, поднявшийся вслед за этим, превзошел все ожидания Серсеи Ланнистер.

Даже королевский герольд, стучащий в пол своим жезлом, не мог унять этот гам. Насладившись этим свидетельством позора маленькой королевы, Серсея поднялась и с каменным лицом велела золотым плащам очистить чертог. Вот и все, Маргери Тирелл. Конец тебе. С мыслью об этом она в окружении своих белых рыцарей вышла в королевскую дверь за троном. Королевских гвардейцев в городе осталось всего лишь трое: Бо-

рос Блаунт, Меррин Трант и Осмунд Кеттлблэк.

Лунатик, стоя со своей погремушкой у двери, смотрел на все происходящее большими глазами. Этот по крайней мере не скрывает, что он дурак. Магги-Жабу тоже следовало бы одеть в шутовской наряд за все ее многоумные предсказания. Хочется верить, что старая мошенница воет теперь в аду. Молодой королеве, которой якобы суждено свергнуть Серсею, пришел конец, а значит, и другие пророчества тоже не сбудутся. Не будет ни золотых саванов, ни валонкара. Наконец-то она освободилась от чар злой колдуньи.

Остатки малого совета последовали за королевой. Харис Свифт, совсем одуревший, споткнулся, но Аурин Уотерс вовремя подхватил его за локоть. Даже Ортон Мерривезер был озабочен.

— Маленькая королева пользуется любовью в народе. Как бы чего не вышло, ваше величество.

— Лорд Мерривезер прав, — сказал Аурин. — С позволения вашего величества я спущу на воду все наши новые корабли. Увидев их на Черноводной с флагами короля Томмена, горожане вспомнят, кто ими правит, — кроме того, это спасет корабли от сожжения в случае бунта.

О прочем он умолчал. Выйдя на Черноводную, его корабли помешают Мейсу Тиреллу пере-

править свою армию через реку — так Тирион когда-то остановил Станниса. У Хайгардена нет своего флота по эту сторону Вестероса — он полагается на суда Редвина, идущие сейчас домой, в Бор.

— Это разумно, — молвила королева. — Готовьте корабли к спуску.

Харис Свифт, бледный и взмокший, угрожал вот-вот грохнуться в обморок.

— Когда лорд Тирелл узнает об этом, ярости его не будет предела. На улицах прольется кровь…

Рыцарь желтого цыпленка. Лучше бы ты выбрал эмблемой червяка, сир, — цыпленок для тебя чересчур отважен. Мейс Тирелл даже Штормовой Предел взять не осмеливается — разве хватит у него смелости пойти против богов?

— Кровопролития допускать нельзя, и я позабочусь об этом, — сказала Серсея. — Я сама поеду в Септу Бейелора для разговора с Маргери и верховным септоном. Томмен любит их обоих, я знаю, и хочет, чтобы между ними был мир.

— Мир? — Сир Харис промокнул лоб бархатным рукавом. — Будь это только возможно… мужество вашего величества превосходит…

— Нам понадобится судебное разбирательство, чтобы опровергнуть эту низкую клевету и дока-

зать всему миру, что наша милая Маргери ни в чем не повинна. Сами мы в доказательствах не нуждаемся — ясно, что это ложь.

— Да, — подхватил Мерривезер, — но возможно, что этот верховный септон сам захочет судить королеву, как это делалось в старину.

Серсея очень на это надеялась. Подобный суд не будет снисходителен к королеве, изменявшей супругу с певцом и осквернившей священные ритуалы Девы ради сокрытия своего греха.

— Думаю, все мы согласны с тем, что важнее истины нет ничего, — а теперь, милорды, прошу меня извинить. Нельзя оставлять короля одного в такое время.

Томмен играл с котятами. Доркас смастерила ему мышку из клочков меха и прицепила ее к удочке. Котята гонялись за ней, а мальчик, совершенно счастливый, отдергивал добычу у них из-под носа. Он заметно удивился, когда мать взяла его на руки и поцеловала в лоб.

— Что случилось, матушка? Почему вы плачете?

Потому что тебе ничего не грозит, хотелось сказать ей. *Потому что с тобой не случится ничего дурного.*

— Ты ошибаешься. Львы никогда не плачут. — О

Маргери и ее кузинах она расскажет ему потом. — Я принесла тебе кое-какие указы на подпись.

Имена подлежащих аресту она предусмотрительно не вписала. Томмен подмахнул все не глядя и с большим удовольствием, как всегда, приложил печать к теплому воску. Джаселина Свифт увела его.

Сир Осфрид Кеттлблэк явился, не успели еще просохнуть чернила на собственноручно написанных ею именах: сир Таллад Высокий, Джалабхар Ксо, Хэмиш-Арфист, Хью Клифтон, Марк Маллендор, Байард Норкросс, Ламберт Торнберри, Хорас и Хоббер Редвин и некий Уот, именующий себя Лазурным Бардом.

— Экая прорва. — Сир Осфрид смотрел на буквы, как на расползшихся по пергаменту тараканов, — читать никто из Кеттлблэков не умел.

— У вас шесть тысяч золотых плащей — вполне достаточно для десяти человек, полагаю. Те, что поумнее, могут улизнуть, если слухи дойдут до них вовремя. Пусть вас это не заботит — отсутствие лишь послужит доказательством их вины. Сир Таллад глуповат и может оказать вам сопротивление. Он не должен умереть до того, как сознается, и остальным тоже не причиняйте вреда. Не все из них, возможно, виновны. — Пусть

обнаружится, что Редвинов обвинили ложно — это лишний раз докажет, что другие осуждены справедливо.

— Мы возьмем их еще до заката солнца, ваше величество. — Осфрид помялся. — Там, у Септы Бейелора, большая толпа собралась.

— Что за толпа? — Любая неожиданность вызывала у нее подозрение. Уотерс не случайно упомянул о бунте. Простолюдинов, которые души не чаяли в своей Маргери, она не приняла во внимание. — Сколько их?

— Около сотни. Кричат, чтобы верховный септон отпустил маленькую королеву. Мы можем разогнать их, если желаете.

— Не надо. Пусть себе кричат, пока не охрипнут. Его воробейство этим не проймешь — он прислушивается только к богам. — Не забавно ли, что под дверями его святейшества бушует разгневанная толпа — ведь точно такой же толпе он обязан своей короной, которую, впрочем, не замедлил продать. — У него теперь есть свои рыцари, они пусть и защищают септу. Кстати, заприте городские ворота. Никто не войдет в город и не выйдет из него без моего позволения, пока эта кутерьма не уляжется.

— Как прикажет ваше величество. — Сир Осф-

рид откланялся и пошел искать грамотея, чтобы прочесть указы.

К вечеру всех обвиняемых уже взяли под стражу. Хэмиш-Арфист, когда за ним пришли, упал в обморок, сир Таллад успел ранить трех золотых плащей, прежде чем его повязали. Близнецов Редвин Серсея распорядилась поместить в башню, остальных бросили в темницы.

— Хэмиш страдает одышкой, — доложил королеве Квиберн. — Просит прислать к нему мейстера.

— Скажите, что мейстер придет, как только он расскажет все без утайки. Для любовника Хэмиш староват, но он вполне мог играть и петь, когда Маргери блудила с другими мужчинами. Нам нужны подробности.

— Я помогу ему вспомнить их, ваше величество, — пообещал Квиберн.

Утром леди Мерривезер помогла Серсее одеться.

— Никакой роскоши, ничего яркого, — предупредила ее королева. — Что-нибудь серенькое, подходящее для верховного септона. Он наверняка захочет, чтобы я помолилась с ним.

Они остановились на мягком шерстяном платье, закрытом от шеи до пят и украшенном лишь

скромной золотой вышивкой на корсаже и рукавах. Немаркий коричневый цвет королеву тоже устраивал — колени в таком преклонять не жалко.

— Пока я буду утешать свою дорогую сноху, побеседуй с кузинами, — сказала она Таэне. — Попытайся дать Элле понять, чего мы от нее ожидаем, но будь осторожна. Возможно, вас будут слушать не только боги. — Джейме говорил, что самое трудное в любой битве — это предшествующее ей ожидание. Выйдя из замка, Серсея бросила взгляд на ненастное небо. Если она попадет под ливень, то в септу прибудет вымокшая до нитки — значит, носилки. Для эскорта она выбрала десять ланнистерских гвардейцев и Бороса Блаунта.

— Сторонники Маргери могут не отличить одного Кеттлблэка от другого, — сказала она сиру Осмунду, — и я не хочу, чтобы ты прорубал себе дорогу через эту толпу. Лучше тебе пока не показываться в городе.

На пути к септе Таэну вдруг одолели сомнения.

— Этот суд… Что, если Маргери потребует какого-нибудь испытания? Например, поединка?

По губам Серсеи пробежала улыбка.

— Честь Маргери как королевы должен защи-

щать рыцарь Королевской Гвардии. Каждый ребенок в Вестеросе знает, как принц Эйемон вступился за свою сестру королеву Нейерис, обвиненную сиром Моргилом. Но сир Лорас при смерти, и роль принца Эйемона придется исполнить кому-нибудь из его собратьев. Вопрос в том, кто это будет. Сир Арис и сир Бейлон в Дорне, Джейме — в Риверрране, сир Осмунд — брат человека, обвинившего Маргери. Остаются…

— Борос Блаунт и Меррин Трант, — рассмеялась Таэна.

— А сир Меррин последнее время прихварывает. Напомни, чтобы я сказала ему об этом, когда мы вернемся в замок.

— Непременно, моя дорогая. — Таэна поцеловала Серсее руку. — Молюсь, чтобы мне никогда и ничем не случилось тебя обидеть. В гневе ты просто ужасна.

— Любая мать сделала бы для своих детей то же самое. Когда же мы, кстати, увидим при дворе твоего мальчика? Его зовут Рассел, не так ли? Они с Томменом учились бы вместе.

— Он будет в восторге, я знаю… но лучше переждать, пока опасность не минует окончательно.

— Ждать придется недолго, — заверила подругу Серсея. — Напиши в Длинный Стол, чтобы Рас-

сел укладывал в дорогу свой деревянный меч и самый лучший дублет. Новый друг, почти что ровесник, поможет Томмену забыть о его потере, когда головка Маргери скатится с плеч.

Они вышли из носилок у статуи Бейелора Благословенного. К удовлетворению королевы, кости и прочую дрянь от святого убрали. Сир Осфрид дал верные сведения: собравшаяся у септы толпа ни числом, ни буйством не могла сравниться со зловредными воробьями. Люди стояли кучками, мрачно глядя на двери Великой Септы, где выстроились послушники с посохами в руках. Стали нет, отметила про себя Серсея. Это либо мудрость, либо великая глупость.

Задержать ее никто не пытался. И народ, и послушники расступились при ее приближении. В Чертоге Лампад их встретили трое рыцарей в радужно-полосатых одеждах.

— Я пришла повидать мою невестку, — сказала им королева.

— Его святейшество ждет вас. Я сир Теодан Правоверный, в миру Теодан Веллс. Прошу пожаловать со мной, ваше величество.

Его воробейство опять стоял на коленях — на сей раз не у ведра с водой, а перед алтарем Отца. Увидев Серсею, он не стал прерывать молитвы,

а заставил королеву подождать какое-то время, после чего встал и поклонился.

— Печальный день для встречи, ваше величество.

— Воистину так. Можем ли мы поговорить с Маргери и ее кузинами? — Она говорила с ним смиренно и мягко, полагая, что этим достигнет большего.

— Извольте, дочь моя, а затем приходите ко мне. Мы помолимся вместе.

Маленькую королеву заточили в одной из стройных башен Великой Септы. Всю обстановку ее камеры восемь на шесть футов составляли соломенный тюфяк, скамеечка для молитвы, миска с водой, Семиконечная Звезда и свечка для чтения оной. Единственное окошко было не шире бойницы.

Маргери предстала перед Серсеей дрожащая, в грубой рубахе послушницы, со спутанными локонами и грязными босыми ногами.

— Они отняли у меня всю одежду! — пожаловалась она, как только они остались наедине. — На мне было кружевное платье с вышивкой из речного жемчуга, а септы схватили меня и раздели догола! И кузин моих тоже. Мегга пихнула одну септу прямо на свечи, и на той загорелась ряса.

Больше всех я боюсь за Эллу. Она так испугалась, что побелела как мел и не могла даже плакать.

— Бедное дитя. — Серсея за неимением стульев опустилась на тюфяк рядом с маленькой королевой. — Леди Таэна поговорит с ней, и она поймет, что мы о ней не забыли.

— Мне не разрешают даже увидеться с ними, — негодовала Маргери. — Нас всех держат поодиночке. До вас ко мне не входил никто, кроме септ. Одна наведывается ежечасно и спрашивает, не хочу ли я покаяться в прелюбодействе. Спать мне и то не дают — все время будят и требуют каких-то признаний. Прошлой ночью я призналась септе Юнелле, что хочу ей глаза выцарапать.

Жаль, что ты не сделала этого, подумала Серсея. *Увечье, нанесенное бедной септе, наверняка убедило бы его воробейство в твоей виновности.*

— Боюсь, что и ваших кузин допрашивают таким же образом.

— Будь прокляты эти святоши. Провалиться бы им в семь преисподних. Элла нежная и робкая девочка — разве можно с ней так обращаться? А Мегга… она хохочет как портовая шлюха, я знаю, но в душе все еще ребенок. Я люблю их, как сестер, а они любят меня. Если этот воробей думает, что заставит их меня оболгать…

— Боюсь, им тоже предъявлено обвинение. Всем троим.

— Моим кузинам?! — Маргери побледнела. — Да ведь Элла и Мегга совсем еще дети. Это… просто гнусность, ваше величество. Вы нас заберете отсюда, правда?

— Если бы я только могла, — полным скорби голосом сказала Серсея. — Вас охраняют новые рыцари его святейшества. Чтобы освободить вас, мне пришлось бы позвать золотых плащей и осквернить это святое место кровопролитием. — Она взяла руку Маргери в свои. — Но знайте, что я не бездельничала. Я собрала всех, кого сир Осни назвал как ваших любовников. Они скажут его святейшеству о вашей невинности и подтвердят это на суде.

— На суде? — Теперь в голосе Маргери звучал настоящий страх. — Разве нас будут судить?

— Как же иначе доказать, что вы невиновны? — Серсея ободряюще стиснула ее руку. — Но вы вправе решить, как будет проходить этот суд. Вы королева, и рыцари Королевской Гвардии дали обет защищать вас.

Маргери поняла ее сразу.

— Испытание поединком? Но Лорас ранен, иначе бы он…

— У него есть шестеро братьев.

Маргери, пристально глядя на свекровь, убрала руку.

— Вы шутите? Борос труслив, Меррин стар и медлителен, ваш брат — калека, еще двое уехали в Дорн, а Осмунд — Кеттлблэк. У Лораса не шесть братьев, а всего двое. Если дело дойдет до испытания поединком, я хочу в защитники Гарлана.

— Сир Гарлан не состоит в Королевской Гвардии. Когда речь заходит о чести королевы, закон и обычай требуют, чтобы ее защищал один из семи присягнувших королю рыцарей. Боюсь, на другого верховный септон не согласится. — *Уж я позабочусь об этом*, добавила про себя Серсея.

Маргери помолчала. В ее прищуренных глазах затаилось подозрение.

— Стало быть, либо Блаунт, либо Трант. Этого вы и хотели, не так ли? Осни Кеттлблэк любого из них на куски изрубит.

Седьмое пекло. Серсея приняла обиженный вид.

— Вы неверно меня понимаете, дочь моя. Все, чего я хочу…

— …это владеть своим сыном безраздельно. Вы возненавидели бы его жену, кем бы она ни была. Хвала богам, я не ваша дочь. Оставьте меня.

— Не будьте дурочкой. Я пришла, чтобы вам помочь.

— Помочь мне улечься в могилу. Прошу вас, уйдите. Или мне тюремщиков кликнуть, чтобы они уволокли тебя силой, интриганка, проклятая сука?

Серсея, подобрав юбки, с достоинством молвила:

— Я прощаю вам эти слова, понимая, как вы испуганы. — Здесь, как и при дворе, никогда нельзя знать, кто тебя слушает. — На вашем месте я бы тоже боялась. Пицель сознался, что снабжал вас лунным чаем, а ваш Лазурный Бард… на вашем месте, миледи, я бы молила Старицу о мудрости, а Матерь — о милосердии. Боюсь, вам скоро понадобится и то, и другое.

Вниз королеву провожали четыре сморщенные септы, одна дряхлее другой. Сойдя с башни, они начали спускаться еще ниже, в самое сердце холма Висеньи. Лестница привела их в глубокое подземелье, в длинный, освещенный факелами коридор.

Верховный септон ждал Серсею в маленькой семиугольной комнате с голыми каменными стенами, грубо сколоченным столом, тремя стульями и молитвенной скамейкой. Вырезанные

на стенах лики Семерых показались Серсее безобразными, но в них чувствовалась и сила, а глаза из оникса, малахита и желтого лунного камня делали их живыми.

— Итак, вы поговорили с королевой, — сказал верховный септон.

— Да, — подтвердила она, подавив желание добавить: «Королева здесь я».

— Все люди грешны, даже короли с королевами. Я сам грешил и получал отпущение. Но без исповеди грехи не могут быть прощены, а королева не желает покаяться.

— Быть может, ее совесть чиста.

— Нет. Наши сестры осмотрели ее и нашли, что ее девственность нарушена. Она пила лунный чай, чтобы убить в зародыше плоды своего разврата. Помазанный рыцарь поклялся на своем мече, что имел плотские сношения с нею и с двумя из ее кузин. Он сказал, что другие мужчины тоже грешили с ней, и назвал много имен, как скромных, так и великих.

— Мои золотые плащи заключили их всех в темницы, но допрошен пока только один, певец по имени Лазурный Бард. Его показания внушают тревогу, однако я молюсь, чтобы на суде невинность моей невестки все-таки подтверди-

лась. — Серсея помедлила. — Томмен так любит свою маленькую королеву, ваше святейшество… я боюсь, что он и его лорды не смогут рассудить ее справедливо. Быть может, святая вера возьмет это на себя?

Верховный септон сложил домиком свои тонкие пальцы.

— Я сам думал об этом, ваше величество. Мейегор Жестокий когда-то разоружил нас, а Джейехерис Умиротворитель отнял у нас весы правосудия. Однако кому же и судить королеву, как не Семерым и земным их служителям? Мы соберем священный трибунал из семерых судей, где трое — дева, матерь и старица — будут представлять женский пол. Кому лучше их ведомо заключенное в женщине зло?

— Совершенно с вами согласна. Маргери, разумеется, вправе требовать, чтобы ее вина или невиновность была доказана испытанием. Если так, то ее защитником должен быть один из семерых рыцарей Томмена.

— Рыцари Королевской Гвардии выступали защитниками особ королевского дома со времен Эйегона Завоевателя. Корона и вера в этом едины.

Серсея закрыла лицо руками, словно в присту-

пе горя. Когда она отняла их, в уголке ее глаза блестела слеза.

— Это поистине грустные времена, но я рада, что мы с вами во многом пришли к согласию. Томмен был бы вам благодарен, я знаю. Действуя сообща, мы узнаем всю правду.

— Да. Узнаем.

— Мне пора возвращаться в замок. С вашего разрешения, я заберу с собой сира Осни Кеттлблэка. Малый совет захочет его допросить и выслушать обвинение из его собственных уст.

— Нет.

На Серсею точно холодной водой плеснули. Она моргнула, и ее уверенность на миг дрогнула.

— Обещаю, что сир Осни будет содержаться со всей надежностью.

— Он и здесь надежно содержится. Пойдемте я покажу вам.

От малахитовых и ониксовых взоров Семерых по Серсее пробежала холодная дрожь. Напомнив себе, что она королева и дочь лорда Тайвина, она неохотно последовала за наместником богов на земле.

Верховный септон отпер тяжелую железную дверь и снял со стены факел.

— После вас, ваше величество.

Внутри на железных цепях к потолку был подвешен голый Осни Кеттлблэк. Его подвергли бичеванию, ободрав спину и плечи до мяса. На ногах и ягодицах тоже густо лежали рубцы.

Серсея, не в силах смотреть на него, обернулась к верховному септону.

— Что вы с ним сделали?!

— Мы должны были узнать правду.

— Но он и так сказал вам всю правду. Он пришел к вам по доброй воле, чтобы исповедаться!

— Я выслушал много исповедей, ваше величество, но редко слышал, чтобы грехи доставляли так много удовольствия кающемуся.

— Вы били его кнутом!

— Без боли нет покаяния. Я сказал сиру Осни, что человек не должен щадить свою плоть. Я никогда не чувствовал себя таким близким к богу, когда бичевали меня самого, хотя самые тяжкие мои грехи не идут ни в какое сравнение с тем, что совершил он.

— Н-но вы проповедуете материнское милосердие…

— Это блаженство сир Осни вкусит в будущей жизни. Грех прощается, но преступление должно быть наказано, учит нас Семиконечная Звезда. Осни Кеттлблэк повинен в убийстве и государ-

ственной измене, а это карается смертью.

— Вера не вправе приговорить человека к смерти, какими бы ни были его преступления.

— Какими бы ни были его преступления, — медленно, словно взвешивая каждое слово, повторил верховный септон. — Странное дело, ваше величество, но под бичом его преступления приняли совсем другое обличье. Теперь он хочет уверить нас, что никогда не трогал Маргери Тирелл. Не так ли, сир Осни?

Осни Кеттлблэк открыл глаза. Увидев перед собой Серсею, он провел языком по распухшим губам.

— Стена. Ты обещала мне Стену.

— Он не в своем уме, — сказала она. — Вы лишили его рассудка.

— Сир Осни, — твердым, ясным голосом произнес наместник богов, — имели ли вы плотские сношения с королевой?

— Имел. — Осни шевельнулся в своих оковах. — Вот она, королева, с которой я спал. Она же послала меня убить старого верховного септона. У него-то охраны не было никакой. Я просто вошел к нему и удушил его, спящего, подушкой.

Серсея повернулась и пустилась бежать.

Верховный септон попытался схватить ее, но

где же старому воробью тягаться с львицей. Она оттолкнула его, с грохотом захлопнула за собой железную дверь. Кеттлблэки, вот кто ей нужен. Она пошлет сюда Осфрида с золотыми плащами и Осмунда с королевскими рыцарями. Осни, когда его освободят, от всего отречется, и она избавится от этого верховного септона, как избавилась от его предшественника. Четверо септ, загородив ей дорогу, вцепились в нее морщинистыми руками. Сбив с ног одну и расцарапав лицо другой, она бросилась к лестнице. На полпути вверх она вспомнила о Таэне Мерривезер и остановилась, тяжело переводя дух. *Да помогут мне Семеро. Таэна все знает. Если они и ее вздернут на дыбу…*

Наверху ее ждали септы и Молчаливые Сестры, моложе тех четырех старух.

— Я королева, — вскричала она, отступая. — Вы все будете обезглавлены. Дайте пройти. — Но они не дали. Серсея метнулась к алтарю Матери, но они схватили ее и поволокли, отбивающуюся, в башню. В камере септа Сколерия раздела королеву, которую держали трое других, догола. Еще одна септа швырнула Серсее грубую холщовую рубаху. — Я Ланнистер! — кричала пленница. — Мой брат убьет вас! Вспорет вам животы! Отпустите! Я королева!

— Пусть королева помолится, — сказала Сколерия, и они вышли, оставив ее, нагую, в темной холодной келье.

Ничего. Она не кроткая Маргери Тирелл, чтобы надеть на себя этот мешок и смириться. Она покажет им, что значит посадить львицу в клетку. Рубаху она изодрала в клочья, миску с водой разбила о стену, с судном проделала то же самое и принялась колотить кулаками в дверь. Внизу, на площади, ждет ее стража — десять ланнистерских гвардейцев и сир Борос Блаунт. Они освободят ее, и его воробейство отправится с ними в Красный Замок, избитый и закованный в цепи.

Она стучала, кричала и визжала, пока не охрипла, — сперва у двери, потом у окна. Никто не отозвался, никто не пришел ей на помощь. В келье становилось темно, холод усиливался. Не могут же они бросить свою королеву вот так, даже без огня в очаге! Она начинала жалеть, что расправилась с этой злосчастной рубахой. Совсем измучившись, она укрылась тонким, колючим шерстяным одеялом и вскоре уснула.

Проснулась она, как ей показалось, всего миг спустя. Кто-то тряс ее за плечо. Огромная безобразная женщина стояла рядом с ней на коленях,

держа в руке свечку.

— Кто ты? — спросила королева. — Ты пришла выпустить меня на свободу?

— Я септа Юнелла и пришла, чтобы выслушать вашу исповедь. Покайтесь в ваших грехах, в убийствах и блуде.

Серсея отшвырнула прочь ее руку.

— Я с тебя голову сниму. Не смей прикасаться ко мне. Убирайся.

— Я вернусь через час, ваше величество, — поднявшись, сказала женщина. — Может быть, тогда вы будете готовы для исповеди.

Она пришла через час, и еще через час, и еще. Это была самая длинная ночь на памяти Серсеи Ланнистер, не считая свадебной ночи Джоффри. Она так охрипла от крика, что больно было глотать. В келье стоял леденящий холод. Судно она разбила и присела помочиться в углу. Стоило ей сомкнуть глаза, приходила Юнелла, трясла ее и спрашивала, готова ли она исповедаться.

День не принес облегчения. Когда взошло солнце, септа Моэлла принесла ей какую-то серую кашицу. Серсея запустила миской ей в голову, но свежую воду выливать не стала — очень уж пить хотелось. Новую рубаху, пропахшую плесенью, она тоже поневоле надела. Вечером она

поела хлеба с рыбой и потребовала у Моэллы вина. Вместо вина появилась Юнелла со своим привычным вопросом.

Что же такое происходит, спросила себя королева, когда узкий ломтик неба за ее окошком снова начал чернеть. Почему никто не пришел ее вызволить? Ей не верилось, что Кеттлблэки могли бросить своего брата в беде. И о чем думает ее малый совет? Трусы, предатели. Выйдя отсюда, она обезглавит их всех до единого и найдет на их место людей получше.

Трижды в тот день она слышала на площади крики — но выкликалось не ее имя, а Маргери.

Вторая ночь, проведенная ею здесь, подходила к концу, и Серсея вылизывала овсянку из миски, когда к ней в келью неожиданно вошел Квиберн. Она едва удержалась, чтобы не кинуться ему на шею.

— Квиберн… Боги мои, как же я тебе рада. Уведи меня домой.

— Не получится. Вас будет судить священный трибунал семерых за убийство, измену и блуд.

Серсея так измучилась, что не сразу вникла в смысл его слов.

— Томмен… Мой сын все еще король?

— Да, ваше величество. Он в полной безопас-

ности. Рыцари Королевской Гвардии зорко оберегают его в стенах крепости Мейегора. Но он напуган, и ему одиноко. Он все спрашивает о вас и о маленькой королеве. Ему пока еще ничего не сказали о ваших…

— Затруднениях, — подсказала Серсея. — Как там дела у Маргери?

— Ее будет судить тот же суд, что и вас. Лазурный Бард доставлен к великому септону, как вы и приказывали. Он где-то внизу, в подземелье. По словам моих шептунов, его допрашивают на дыбе, но пока он поет ту самую песенку, которой его научили мы.

Ту самую песенку. От недосыпания она отупела. Его настоящее имя — Уот. По милости богов Уот умрет под кнутом, и Маргери не сможет опровергнуть его показания.

— Где мои рыцари? Верховный септон собирается казнить Осни. Сир Осфрид со своими золотыми плащами должен…

— Осфрид Кеттлблэк более не командует городской стражей. Король сместил его с должности и назначил на его место капитана Драконьих ворот, некоего Хамфри Уотерса.

Серсея от усталости не понимала уже ничего.

— Зачем Томмен это сделал?

— Мальчик тут ни при чем. Совет положил перед ним указ, а он подписал его и поставил печать.

— Совет… но кто именно написал указ? Не ты ли?

— Меня, увы, из совета выставили, хотя шептуны евнуха пока еще в моем ведении. Страной управляют сир Харис Свифт с великим мейстером Пицелем. Они послали ворона в Бобровый Утес — приглашают вашего дядю вернуться и стать регентом при его величестве. Если он примет их предложение, то ему лучше поторопиться. Мейс Тирелл снял осаду со Штормового Предела и движется к городу со своей армией. Рендилл Тарли, как меня извещают, тоже идет сюда, покинув Девичий Пруд.

— Лорд Мерривезер со всем этим согласен?

— Мерривезер отказался от места в совете и бежал в Длинный Стол со своей женой, которая первая принесла нам весть о… о том, что случилось с вашим величеством.

— Значит, Таэну они отпустили. — Это было лучшее, что она слышала с тех пор, как его воробейство сказал «нет». Таэна стала бы для нее погибелью. — А что лорд Уотерс? Если его моряки сойдут на берег, у нас будет достаточно людей

для…

— Лорд Уотерс, узнав о последних событиях, посадил гребцов на весла, поднял паруса и вывел свой флот в море. Сир Харис боится, что он примкнет к лорду Станнису, Пицель же полагает, что он пойдет на Ступени и станет пиратом.

— Мои прекрасные новые корабли. — Серсее хотелось смеяться. — Мой лорд-отец говаривал, что все бастарды — предатели по натуре. Жаль, что я к нему не прислушалась. — Она зябко поежилась. — Пропала я, Квиберн.

— Надежда пока еще есть. Ваше величество вправе требовать испытания поединком. Ваш защитник готов, моя королева, и нет в Семи Королевствах человека, который выстоял бы против него. Вам стоит лишь приказать…

На этот раз она все-таки рассмеялась. Невероятно смешно, прямо-таки до колик.

— Боги смеются над нашими планами и надеждами. У меня есть непобедимый боец, а не могу им воспользоваться. Я королева, Квиберн, и мою честь может защищать только рыцарь Королевской Гвардии.

— Вот оно что. — Улыбка сошла с лица Квиберна. — Не знаю, что и посоветовать в таком случае, ваше величество.

Даже в своем отуманенном состоянии она понимала, что воробьиному суду свою участь нельзя доверять. Сира Кивана о заступничестве тоже не попросишь после тех слов, которыми они обменялись при последнем свидании. Придется все-таки требовать поединка — иного выбора нет.

— Заклинаю тебя, Квиберн: пошли от меня гонца. Ворона, если сможешь, а нет, так всадника. В Ривердан, к моему брату. Расскажи ему обо всем, что случилось, и напиши…

— Да, ваше величество?

Она облизнула губы.

— Напиши ему так: «Приезжай немедля. Спаси меня. Ты нужен мне, как никогда прежде. Я люблю тебя. Люблю. Люблю. Приезжай».

— Как прикажете. «Люблю» трижды?

— Да. Трижды. Он приедет, я знаю. Джейме — моя единственная надежда.

— Вы не забыли, моя королева? У сира Джейме нет правой руки. Если он выступит вашим бойцом и будет побежден…

Тогда мы покинем этот мир вместе, как и пришли в него.

— Там, где речь идет о моей жизни, Джейме не даст себя победить.

Джейме

Новый лорд Риверрана трясся от злости.

— Нас обманули. Этот человек нас провел! — Брызгая розовой слюной, он ткнул пальцем в Эдмара Талли. — Я отрублю ему голову. В Риверране по указу короля распоряжаюсь я, и…

— Эммон, — вмешалась его жена, — лорд-командующий знает о королевском указе. И сир Эдмар знает. Конюхи, и те знают.

— Я лорд, и я отрублю ему голову!

— За что же это? — Эдмар, даже исхудавший, больше походил на лорда, чем Эммон Фрей, — в красном стеганом дублете с вышитой на груди форелью, синих бриджах и черных сапогах. Отливающие рыжиной волосы и такую же бороду ему вымыли и красиво подстригли. — Я сделал все, о чем вы меня просили.

— Да ну? — Джейме Ланнистер не спал с тех пор, как ворота Риверрана открылись, и в голове у него стучало. — Я не припоминаю, что просил вас устроить побег сиру Бриндену.

— От меня требовалось сдать замок, а не моего дядю. Разве я виноват, что ваши люди дали ему

уйти?

— Где он? — рявкнул Джейме, не скрывая своего раздражения. Его солдаты обыскали Ривердан трижды, но Бриндена Талли не нашли.

— Он не говорил мне, куда направляется.

— А вы, полагаю, не спрашивали. Как он покинул замок?

— Рыба хорошо плавает, даже черная.

Джейме очень хотелось заехать Эдмару в зубы своей золотой рукой. Пара выбитых зубов отучила бы его ухмыляться. Для человека, которому предстояло провести остаток жизни в плену, Эдмар был слишком доволен собой.

— У нас под Бобровым Утесом есть преотличные каменные мешки. Они облегают человека, словно доспехи. В них нельзя повернуться, нельзя сесть, нельзя дотянуться до пальцев ног, когда крысы начинают глодать их. Быть может, вы поразмыслите и дадите другой ответ?

Улыбка Эдмара мигом увяла.

— Вы обещали, что меня будут содержать сообразно моему званию.

— Так оно и есть. Многие рыцари поблагороднее вас умирали, стеная, в этих темницах, и многие знатные лорды. Даже парочка королей, насколько я помню уроки истории. Вашу жену

мы поместим рядом с вами — мне не хотелось бы вас разлучать.

— Он и правда уплыл, — угрюмо промолвил Эдмар. Глаза, голубые, как у его сестры Кейтилин, смотрели на Джейме с такой же ненавистью. — Мы подняли решетку Водяных ворот. Не до конца, всего фута на три. С виду они как были закрытыми, так и остались. Дядя — хороший пловец. Когда стемнело, он проплыл под зубьями.

И под нашим понтоном тоже, добавил про себя Джейме. Безлунная ночь, заскучавшие часовые, черная рыба в черной реке. Если Раттигер, Йо и другие даже слышали всплеск, то сочли, что это черепаха или форель. Эдмар тянул до самого вечера и лишь тогда спустил волчий флаг Старков в знак того, что замок сдается. В последовавшей за этим суматохе Джейме только утром узнал, что Черной Рыбы нет среди пленных.

Он подошел к окну, взглянул на реку. Она сверкала под ярким осенним солнцем. Теперь Черная Рыба уплыл уже на десять лиг по течению.

— Его надо найти, — настаивал Эммон Фрей.

— Найдем, — сказал Джейме с уверенностью, которой не чувствовал. — Я уже послал в погоню следопытов и гончих. — Сир Аддам Марбранд возглавлял поиски на южном берегу реки, сир

Дермот из Дождливого леса — на северном. Джейме подумывал привлечь и речных лордов, но Венс, Пайпер и прочие скорей помогли бы Черной Рыбе бежать, чем заковали его в кандалы. Так или иначе, он не особенно надеялся на успех. — Может быть, не сразу, но в конце концов он всплывет где-нибудь.

— А что, если он попытается отобрать у меня мой замок?

— У вас двести человек в гарнизоне. — Многовато, но надо же как-то успокоить нового лорда. По крайней мере прокормит Эммон их без труда: припасов в Ривердане, как и заявлял Черная Рыба, полным-полно. — Сиру Бриндену стоило таких трудов нас покинуть, что вряд ли он приползет обратно. — Разве что во главе шайки разбойников. Джейме не сомневался, что Черная Рыба намерен сражаться и дальше.

— Это твое поместье, ты и должен его держать, — сказала мужу леди Дженна. — Если ты не способен на это, сожги его и беги обратно в Утес.

Лорд Эммон вытер рукой красный слюнявый рот.

— Разумеется. Ривердан мой, и никто его у меня не отнимет. — Он бросил последний подозрительный взгляд на Эдмара Талли, и леди Дженна

увела его прочь.

— Ты больше ничего не хочешь сказать мне? — спросила Джейме у Эдмара, когда они остались одни.

— Это горница моего отца, — сказал тот. — Отсюда он правил речными землями — мудро и справедливо. Он любил сидеть вот здесь, у окна. Здесь светло, и за работой можно смотреть на реку. Когда у него уставали глаза, он просил Кет почитать для него пергаменты. Мы с Мизинцем когда-то построили в том углу замок из чурочек. Ты представить себе не можешь, Цареубийца, как противно мне видеть тебя в этой комнате. Представить себе не можешь, как я тебя презираю.

В этом он ошибался.

— Меня презирали такие люди, которые тебе не чета, Эдмар. — Джейме позвал часового. — Отведите его милость обратно в башню и дайте ему поесть.

Лорд Риверрана молча вышел. Завтра он отправится на запад. Повезет его сир Форли Престер, под началом у которого будет сто человек, в том числе двадцать рыцарей. Лучше удвоить конвой, решил Джейме, — лорд Берик наверняка попытается отбить Эдмара по пути к Золотому Зубу. Недоставало еще ловить Талли в третий раз.

Заняв место Хостера Талли, Джейме разгладил золотой рукой карту Трезубца. Куда бы отправился он, будь он Черной Рыбой?

— Лорд-командующий, — доложил часовой, — леди Вестерлинг с дочерью явились по вашему приказанию.

Джейме отодвинул карту.

— Пусть войдут. — Хорошо, что хотя бы девушка никуда не делась. Королева Робба Старка, ради которой он пожертвовал всем. С волчонком в животе она была бы опаснее Черной Рыбы.

Но ничего опасного он в ней не нашел. Девочка пятнадцати-шестнадцати лет, тонкая как тростинка, скорей угловатая, чем грациозная. Бедра узкие, груди как яблочки, копна каштановых локонов, глаза карие и мягкие, как у лани. Мила, но не настолько, чтобы отдать за нее королевство. Лицо у нее припухло, на лбу виднелась ссадина, кое-как прикрытая локоном.

— Что с вами такое случилось? — спросил ее Джейме.

Девушка отвернулась. За нее ответила мать, женщина с суровым лицом, в зеленом бархатном платье, с ожерельем из золотых морских раковин на длинной и стройной шее.

— Она не хотела отдавать маленькую корону,

которую подарил ей мятежник, а когда я попыталась ее снять, упрямая девчонка принялась отбиваться.

— Она моя, — со слезами вскричала Жиенна. — Ты не имела права ее забирать. Робб велел сделать ее для меня. Я любила его!

Мать замахнулась, чтобы дать ей пощечину, но Джейме успел встать между ними.

— Довольно, — сказал он леди Сибелле. — Сядьте, вы обе. — Девушка съежилась на стуле, как испуганный зверек, мать же держалась прямо, с высоко поднятой головой. — Могу я предложить вам вина?

Девушка промолчала, мать ответила:

— Нет, благодарю вас.

— Как угодно. Я сожалею о вашей потере, — сказал Джейме дочери. — Этот юноша был храбр, отдаю ему справедливость. Но я должен задать вам вопрос, миледи: не носите ли вы под сердцем его дитя?

Жиенна взвилась со стула и бросилась к двери, где ее перехватил часовой.

— Нет, она не беременна, — сказала леди Сибелла. — Я позаботилась об этом, следуя наказу вашего лорда-отца.

Джейме кивнул. Предусматривать все до мело-

чей было в духе Тайвина Ланнистера.

— Отпусти девушку, — сказал он часовому, — она больше мне не нужна. — Жиенна, рыдая, понеслась вниз по лестнице, а Джейме продолжил разговор с ее матерью. — Дому Вестерлингов даровано помилование, ваш брат Рольф сделан лордом Кастамере. Что еще вы хотели бы от нас получить?

— Ваш лорд-отец обещал мне достойных женихов для Жиенны и ее младшей сестры. Лордов и наследников, не каких-нибудь младших сыновей или домашних рыцарей.

Лордов и наследников. Ну еще бы. Вестерлинги — род древний и гордый, но обедневший, сама же леди Сибелла, в девичестве Спайсер, происходит из семьи богатых купцов. Ее бабка, помнилось Джейме, была какой-то полусумасшедшей колдуньей, привезенной с Востока. Младшие сыновья — лучшее, на что могла бы рассчитывать Сибелла для своих дочек, если бы события шли обычным порядком, но объемистый горшок с золотом Ланнистеров делает желанной даже вдову мятежника.

— Вы получите своих женихов, — сказал Джейме, — но Жиенна сможет вступить в брак лишь по истечении двух полных лет. — Если она слишком

скоро выскочит замуж и забеременеет, неизбежно поползут слухи, что отец ребенка — Молодой Волк.

— У меня есть еще два сына, — напомнила леди Вестерлинг. — Роллам пока при мне, но Рейнальд, рыцарь, отправился в Близнецы вместе с мятежниками. Знай я, что там затевается, ни за что бы его не пустила. — В ее голосе слышался легкий упрек. — Рейнальд ничего не знал… о соглашении с вашим лордом-отцом. Быть может, сейчас он в плену у Фреев.

Или убит. Уолдер Фрей тоже явно не знал об упомянутом *соглашении*.

— Я наведу справки. Если сир Рейнальд в плену, мы уплатим за него выкуп.

— Оговаривалось, что и он тоже женится на девице из Бобрового Утеса. Лорд Тайвин обещал Рейнальду Джой, если все пройдет сообразно нашим надеждам.

Лорд Тайвин даже из могилы продолжает свою игру, переставляя фигуры.

— Джой — внебрачная дочь моего покойного дяди Гериона. Мы можем заключить эту помолвку, но со свадьбой придется повременить. Джой, насколько я помню, не больше девяти-десяти лет.

— *Внебрачная* дочь? — Леди Сибелла точно лимон надкусила. — Вы хотите, чтобы Вестерлинг взял в жены незаконнорожденную?!

— Нет, не хочу — и выдавать Джой за сына подлой предательницы мне тоже не хочется. Девочка заслуживает лучшей судьбы. — Джейме охотно бы удушил эту бабу ее морским ожерельем. Джой — милое дитя, сиротка, а ее отца Джейме любил больше всех своих дядей. — Ваша дочь, миледи, стоит десятка таких, как вы. Завтра вы уедете отсюда с Эдмаром и сиром Форли, а до тех пор лучше не показывайтесь мне на глаза. — Он позвал часового, и леди Сибелла удалилась, чопорно поджав губы. Любопытно знать, насколько лорд Гавен посвящен в интриги своей жены. Никто из мужчин, похоже, не знает толком, что творит его женщина.

С Эдмаром и Вестерлингами он напоследок отправил четыреста человек, решив не скупиться, и сам проехал с ними несколько миль. Сир Форли на камзоле носил бычью голову, а на шлеме рога, но сам, низенький и щуплый, быка уж никак не напоминал. Острый нос, лысина, седая бородка — скорее трактирщик, чем рыцарь.

— Мы не знаем, где теперь Черная Рыба, — напомнил ему Джейме, — но он вполне способен

попытаться освободить Эдмара.

— Этому не бывать, милорд. — Форли как истому трактирщику сметки было не занимать. — С флангов нас прикрывают разведчики, лагерь по ночам будет укреплен. Десять человек, лучших моих стрелков, я приставил охранять Талли днем и ночью. Если он хотя бы на фут отклонится в сторону, они утыкают его стрелами, что твоего гуся.

— Это хорошо. — Джейме предпочел бы, конечно, чтобы Эдмар добрался до Утеса благополучно, но лучше мертвец, чем беглец. — На всякий случай приставь стрелков и к дочери лорда Вестерлинга.

— Дочка Гавена? — удивился сир Форли. — Но ведь она…

— Вдова Молодого Волка, — закончил Джейме, — и будет вдвое опаснее Эдмара, если ей удастся бежать.

— Как скажете, милорд. Последим и за ней.

На обратном пути Джейме пришлось миновать Вестерлингов. Лорд Гавен угрюмо кивнул ему, леди Сибелла пронзила его ледяным взором. Жиенна, ехавшая с потупленными глазами и низко опущенным капюшоном, вовсе его не видела. Под плащом Джейме разглядел нарядное, но рваное платье. Она сама его порвала в знак траура, по-

нял он. Ее матушке это, должно быть, что кость в горле. Разорвала бы Серсея хоть одно свое платье, услышав о его, Джейме, смерти?

Он не сразу поехал в замок, а переправился через Камнегонку, чтобы повидать Эдвина Фрея и договориться о передаче пленников, содержащихся в Близнецах. Знаменосцы и вольные всадники лорда Уолдера понемногу снимались с лагеря, но шатер Эдвина оставался на месте — в нем Джейме и застал Фрея с его дядей-бастардом.

Эти двое, горячо споривше о чем-то над картой, умолкли при виде Джейме.

— Лорд-командующий, — с холодной учтивостью молвил Риверс, а Эдвин выпалил:

— Кровь моего отца на ваших руках!

— Как так? — опешил Джейме.

— Это вы послали его домой, не так ли?

Кто-то должен был это сделать.

— С сиром Риманом случилось несчастье?

— Повешен вместе со всем отрядом, — ответил Уолдер Риверс. — Разбойники перехватили их в двух лигах южнее Ярмарочного Поля.

— Дондаррион?

— Либо он, либо Торос, либо эта женщина, Бессердечная.

Джейме нахмурился. Риман Фрей был дурак,

трус и пьяница. Плакать о нем никто особо не станет, а его родичи меньше всего — даже сыновья, судя по сухим глазам Эдвина. Но разбойники слишком уж обнаглели. Виданное ли дело, вешать наследника лорда Уолдера в каком-нибудь дневном переходе от Близнецов.

— Сколько человек было с сиром Риманом?

— Трое рыцарей и дюжина латников, — сказал Риверс. — Злодеи будто знали, что он направляется в Близнецы с небольшим эскортом.

— Бьюсь об заклад, тут не обошлось без моего братца, — скривил рот Эдвин. — Он не зря дал злодеям уйти, когда они расправились с Мерретом и Петиром. Со смертью отца между Близнецами и Черным Уолдером стою я один.

— Ты не можешь этого доказать, — заметил Риверс.

— Мне доказательства ни к чему. Я знаю своего брата.

— Твой брат в Сигарде, — не уступал Риверс. — Как он мог знать, что сир Риман возвращается в Близнецы?

— В нашем лагере у него есть шпионы, можешь не сомневаться.

Как и у тебя в Сигарде, мысленно произнес Джейме. Он знал о заклятой вражде между Эдви-

ном и Уолдером Черным, но который из них станет лордом Переправы после кончины прадеда, ничуть не волновало его.

— Простите, что беспокою вас, когда вы скорбите, — сухо промолвил он, — но нам нужно кое-что обсудить. Прошу вас по приезде в Близнецы уведомить лорда Уолдера, что король Томмен требует отдать ему всех пленных, взятых на Красной Свадьбе.

— Это ценные пленники, сир, — нахмурился Риверс.

— Кого попало его величество требовать бы не стал.

Фрей с Риверсом переглянулись, и Эдвин сказал:

— Мой лорд-прадед захочет, чтобы ему возместили ущерб.

Он получит возмещение, когда у меня новая рука отрастет, подумал Джейме, а вслух сказал мягко:

— Все мы чего-то хотим. Сир Рейнальд Вестерлинг тоже находится в числе пленных?

— Ракушечный рыцарь? — осклабился Эдвин. — Он кормит рыб в Зеленом Зубце.

— Он был во дворе, когда наши люди пришли убивать лютоволка, — пояснил Риверс. — Уэйлен

велел ему отдать меч, и он подчинился, но когда арбалетчики принялись шпиговать лютоволка болтами, он выхватил топор из рук Уэйлена и разрубил сеть, которой накрыли чудовище. Уэйлен говорит, что он получил два болта, в плечо и в живот, но нашел в себе силы взобраться на стену и броситься в реку.

— На ступенях за ним остался кровавый след, — вставил Эдвин.

— Вы нашли его тело? — спросил Джейме.

— Мы нашли тысячу мертвецов. После пары дней в реке они все одинаковы.

— Я слышал, с повешенными дело обстоит точно так же, — сказал Джейме и вышел вон.

К утру от лагеря Фреев не осталось почти ничего, кроме лошадиного навоза, мух и виселицы, воздвигнутой сиром Риманом. Кузен спросил Джейме, что делать с ней и с осадным снаряжением, которое он, Давен, построил. Может быть, переправить в Древорон и пустить в дело там? Джейме велел ему сжечь все, начиная с виселицы.

— С лордом Титосом я разберусь сам. Осадных башен для этого не понадобится.

Давен усмехнулся в косматую бороду.

— Поединок, кузен? Не слишком-то честно.

Титос уже старик.

Старик, но при двух руках.

Ночью Джейме дрался с сиром Илином целых три часа и добился больших успехов. Будь это всерьез, Пейн убил бы его только два раза — вместо шести в среднем, как обычно.

— Если я потружусь так еще год, то, пожалуй, сравняюсь с Пеком, — заявил Джейме, и сир Илин издал свой клокочущий смех. — Пошли-ка выпьем доброго красного винца из запасов Хостера Талли.

Вино сделалось частью их еженощного ритуала. О лучшем собутыльнике, чем сир Илин, и мечтать было трудно — он никогда не перебивал Джейме, не спорил, не жаловался, ни о чем не просил и не рассказывал длинных нудных историй. Только пил да слушал.

— Хорошо бы всем моим друзьям вырезать языки, — говорил, наполняя чаши, Джейме, — да и родичам заодно. Безмолвная Серсея была бы прелестна, но при поцелуях мне недоставало бы ее язычка. — Вино, густо-красное, сладкое и тяжелое, согревало его изнутри. — Я уж и не помню, когда мы впервые поцеловались. Сначала это было невинно, а потом уже нет. — Он допил вино и отставил чашу. — Тирион как-то сказал мне, что

шлюхи почти никогда не целуют своих клиентов. Паши ее сколько хочешь, но губы — ни-ни. Как по-твоему, моя сестра целует Кеттлблэка?

Сир Илин молчал.

— Вряд ли мне подобает убивать своего брата по оружию. Довольно будет просто выхолостить его и послать на Стену. С Люкамором-Любострастником поступили именно так. Но сир Осмунд не смирится с тем, что его сделали евнухом, это уж точно. С его братьями тоже надо считаться. От них, братьев, всегда жди беды. Когда Эйегон Недостойный казнил сира Терренса Тойна за шашни с королевской любовницей, братья Тойн вознамерились отомстить королю. Благодаря Рыцарю-Дракону у них ничего не вышло, но это не значит, что они не старались. Это записано в Белой Книге. Там все есть, не сказано только, что делать с Серсеей.

Сир Илин провел пальцем по горлу.

— Нет. Томмен потерял брата и человека, которого считает своим отцом. Если лишить его к тому же и матери, он меня возненавидит за это… а его маленькая женушка не замедлит обратить эту ненависть в пользу Хайгардена.

Улыбка сира Илина не нравилась Джейме. Какова у человека улыбка, такова и душа.

— Слишком много болтаешь, — сказал он Пейну.

На другой день сир Дермот из Дождливого леса вернулся в замок с пустыми руками. На расспросы Джейме он ответил, что не нашел никого, кроме волков, которых там сотни. Они у него загрызли двух часовых.

— Эти звери не испугались вооруженных людей, одетых в кольчугу и вареную кожу. Джет перед смертью успел сказать, что стаю водит волчица чудовищной величины. Лютоволчица, по его описанию. В лошадиный загон они тоже пробрались и сожрали моего любимого жеребца.

— Надо костры вокруг лагеря разводить, — сказал ему Джейме. В голову ему пришла странная мысль: не та ли это волчица, которая покусала Джоффри у перекрестка дорог?

Сир Дермот между тем сменил лошадей, захватил побольше солдат и на следующее утро возобновил поиски. В тот же день к Джейме явились лорды Трезубца, прося позволения вернуться в свои поместья, и он дал согласие. Лорд Пайпер, кроме того, хотел узнать что-нибудь о своем сыне Марке.

— Все пленники будут выкуплены, — пообещал ему Джейме.

Лорд Карил Венс задержался после ухода других.

— Вам следует отправиться в Древорон, лорд Джейме. Джоносу, который стоит у его ворот, Титос никогда в жизни не сдастся, но перед вами склонит колено, я знаю.

Следующим уехал Могучий Вепрь. Он намеревался, как обещал, вернуться в Дарри и объявить там войну разбойникам.

— С чего нам было тащиться сюда столько времени? Чтоб ты заставил Эдмара Талли штаны намочить? О таком песен не складывают. Без драки мне жизнь не в жизнь, Джейме. Хочу взять Пса или марочного лорда.

— Если поймаешь Пса, его голова твоя, но Берика Дондарриона нужно взять живым, чтобы привести его в Королевскую Гавань. Надо, чтобы люди видели его смерть, иначе он никогда не умрет. — Вепрь, поворчав немного, согласился на это и вскоре отбыл со своим оруженосцем, латниками и Безбородым Джоном Битли — тот предпочел охоту за разбойниками возвращению к жене, о безобразии которой ходили легенды. У нее даже борода росла в отличие от самого Битли.

Оставалось еще разобраться с гарнизоном. Они

все до единого поклялись, что ничего не ведали о замыслах сира Бриндена и знать не знают, где он может теперь находиться. Эммон Фрей уверял, что они лгут, но Джейме думал иначе.

— Если ни с кем не делиться своими планами, никто вас и не предаст, — заметил он и отказал леди Дженне, предложившей допросить с пристрастием нескольких человек. — Я дал Эдмару слово, что не трону его гарнизон в случае сдачи.

— Очень благородно с твоей стороны, — сказала тетка, — но здесь требуется не благородство, а сила.

Спроси Эдмара, какой я благородный, подумал Джейме. *Спроси его про требушет.* Вряд ли мейстеры-летописцы уподобят его, Джейме, принцу Эйемону, Драконьему Рыцарю. Тем не менее он чувствовал, что почти доволен. Войну можно считать выигранной. Драконий Камень пал, Штормовой Предел, без сомнения, ждет такая же участь, а Станнис может торчать на Стене, сколько ему угодно. Северяне полюбят его не больше, чем штормовые лорды. Если Русе Болтон не разобьет его, так зима доконает.

Сам он одержал победу здесь, в Риверрране, не подняв притом оружия против Старков и Талли. Найдя Черную Рыбу, он будет волен вернуться в

Королевскую Гавань, где ему и надлежит быть. Его место рядом с королем. Рядом с сыном. Нужно ли мальчику знать правду, которая может лишить его трона? Что тебе дороже, парень, — отец или седалище из острых железок? Джейме очень хотел бы знать ответ на этот вопрос. Томмену нравится шлепать по воску королевской печатью. Может, он откажется верить рассказу Джейме, и Серсея ему скажет, что это ложь. Дражайшая сестрица, прожженная лгунья. Надо как-то вызволить Томмена из ее когтей, пока из него не вырос еще один Джоффри. И подобрать мальчугану новый малый совет. Если отставить Серсею, сир Киван авось согласится стать десницей при Томмене. А нет, так в Семи Королевствах умных людей и без него хватит. Форли Престер, к примеру, или Роланд Кракехолл. Если Тиреллы на западного лорда не согласятся, можно взять Матиса Рована или даже Петира Бейлиша. Мизинец и умен, и обходителен, и угрозы ни для кого не представляет, поскольку своих мечей у него нет. Не десница, а просто мечта.

Утром гарнизон Талли ушел, оставив в замке оружие и доспехи. Каждый солдат, дав торжественную клятву никогда не поднимать оружия против лорда Эммона и дома Ланнистеров, мог

взять с собой трехдневный запас еды.

— Если нам посчастливится, один из десяти эту клятву сдержит, — заметила леди Дженна.

— Вот и ладно. Лучше девять врагов, чем десять. Может, тот десятый как раз меня и убил бы.

— Девять оставшихся убьют тебя с тем же успехом.

— Лучше умереть так, чем в своей постели. — Или в отхожем месте.

Двое не захотели уйти вместе с другими. Сир Десмонд Грелл, старый мастер над оружием лорда Хостера, предпочел надеть черное. Сир Робин Ригер, капитан гвардии, присоединился к нему.

— Этот замок сорок лет был моим домом, — сказал Грелл. — Куда я пойду? Я слишком стар и толст, чтобы сделаться межевым рыцарем, а на Стене люди всегда нужны.

— Воля ваша, — сказал Джейме, хотя для него это означало лишние хлопоты. Им он оставил оружие и доспехи и отрядил дюжину человек Григора Клигана, чтобы проводить их в Девичий Пруд. Командиром он назначил Раффена по кличке Красавчик. — Смотри, чтоб пленные добрались до места целыми и невредимыми, — сказал ему Джейме, — иначе я сделаю с тобой такое, что проделки сира Григора с козлом покажутся тебе

детской забавой.

Прошло еще несколько дней. Лорд Эммон собрал во дворе всю челядь — и Эдмаровых людей, и своих, — после чего три часа говорил им о том, чего он от них как новый лорд ожидает. Время от времени он показывал им свой пергамент. Конюхи, служанки и кузнецы, стоя под дождем, слушали его в угрюмом молчании.

Певец, которого Джейме взял у Римана Фрея, тоже слушал лорда — с порога открытой двери, чтобы не мокнуть зря.

— Жаль, что его милость не поет, — заметил он Джейме. — Эта речь длиннее любой баллады, а он даже дух ни разу не перевел.

— Лорду Эммону не надо дышать, пока он жует, — не сдержал смеха Джейме. — Хочешь сложить о нем песню?

— Забавную песенку под названием «Разговор с рыбами».

— Только при тетушке остерегись ее петь. — Джейме впервые разглядел менестреля как следует. Маленького роста, одет в потрепанные зеленые бриджи и зеленый, чуть посветлее, камзол с кожаными заплатками. Нос длинный и острый, рот до ушей, сальные каштановые волосы свисают на воротник. Лет пятидесяти,

определил Джейме, и хлебнул на своем веку всякого. — Ты служил сиру Риману, верно?

— Всего пару недель.

— Я полагал, ты уйдешь с Фреями.

— Он тоже Фрей, — певец кивнул на лорда Эммона, — а этот замок уютное место, в самый раз для зимы. Уот Белозубый отправился домой с сиром Фостером, я и надумал остаться вместо него. С его сладким тенором мне, конечно, не сравниться, зато я знаю вдвое больше озорных песен, чем он, с позволения вашей милости.

— Ну, тогда с тетушкой ты поладишь. Постарайся понравиться леди Дженне, если хочешь здесь зимовать. Главная здесь она.

— А разве не вы?

— Я долго здесь не останусь. Мне надо охранять короля.

— Очень жаль, милорд. Я знаю песни получше «Рейнов из Кастамере». Мог бы сыграть вам… да что пожелаете.

— В другой раз. Как тебя звать?

— Том из Семи Ручьев, ваша милость. — Певец приподнял шляпу. — Но все зовут меня Томом-Семеркой.

— Сладких тебе песен, Том-Семерка.

Ночью Джейме приснилось, что он опять несет

бдение над телом отца в Септе Бейелора. Какая-то женщина вышла из тихого сумрака септы и приблизилась. «Сестра?» — спросил он.

Но это была не Серсея. По серому одеянию он признал в ней Молчаливую Сестру. Лицо закрыто, но в зеленых глазах видны огоньки свечей.

— Что тебе нужно, сестра? — спросил он, и эхо гулко прокатилось по септе.

— Я не твоя сестра, Джейме. — Бледной рукой она откинула капюшон. — Ты уже забыл меня?

Как можно забыть ту, кого никогда не знал? Но тут Джейме вздрогнул — он в самом деле знал эту женщину, только очень, очень давно.

— И своего лорда-отца тоже забудешь? Вряд ли ты, впрочем, знал его хорошо. — Зеленые глаза, волосы отливают золотом, и непонятно, сколько ей лет — пятнадцать или все пятьдесят. Она взошла по ступеням и стала рядом с покойным. — Он не терпел, когда люди над ним смеялись. Это он ненавидел больше всего.

— Кто ты? — Он должен был услышать ответ.

— Лучше спросить, кто *ты.*

— Это всего лишь сон.

— Разве? — печально улыбнулась она. — Сколько у тебя рук, дитя?

Одна. Одна рука, сомкнутая вокруг рукояти

меча.

— В снах у меня всегда две руки. — Он поднял правую и недоверчиво уставился на безобразный обрубок.

— Нам всем снится то, чего не может быть наяву. И мечтаем мы о том же. Тайвин мечтал, что сын его станет великим рыцарем, а дочь — королевой. Мечтал, что над ними, сильными, отважными и прекрасными, никогда не будут смеяться.

— Я в самом деле стал рыцарем, а Серсея — королевой.

По щеке женщины скатилась слеза. Она вновь надвинула капюшон и повернулась к нему спиной. Джейме позвал ее, но она уже уходила, шурша подолом по камню. *Не оставляй меня*, хотел крикнуть он, но она уже давным-давно оставила их.

Он проснулся в темноте, весь дрожа. В комнате стоял лютый холод. Он откинул культей одеяло. Огонь в очаге погас, окно распахнуто настежь. Собравшись закрыть ставни, он ступил босой ногой во что-то мокрое. Кровь, мелькнуло у него в голове, — но кровь не могла быть так холодна.

Это был снег, налетевший в окно.

Джейме выглянул наружу. Двор укрылся пу-

ховым одеялом, зубцы на стенах надели белые клобуки. Снежинки таяли на лице, изо рта шел пар.

Снег в речных землях. Раз он падает здесь, то должен прийти и в Ланниспорт, и в Королевскую Гавань. Зима захватывает юг, а житницы наполовину пусты. Урожай, оставшийся на полях, обречен. Это пугало Джейме больше, чем любой враг. Теперь уж ничего не посеешь, и надежда на последнюю жатву пропала. Как же отец будет кормить страну? — подумал Джейме, не сразу вспомнив, что Тайвин Ланнистер умер. Теперь эту задачу придется решать его, Джейме, сыну — и его дражайшей сестрице.

Утром снега навалило по щиколотку, а в богороще и того глубже. Оруженосцы, конюхи и пажи снова превратились в детей и затеяли бой снежками на стенах и во дворах. Джейме слышал их смех. Он и сам еще не так давно выбежал бы на двор, чтобы пустить снаряд в Тириона или Серсею. Но чтобы слепить хороший снежок, нужны две руки.

В дверь к нему постучали.

— Посмотри, кто там, Пек. — Это оказался риверранский мейстер Виман, бледный, как свежевыпавший снег, с пергаментом в старческой

руке. — Знаю, — сказал ему Джейме. — Прилетел белый ворон из Цитадели. Зима настала.

— Нет, милорд. Птица прилетела из Королевской Гавани, и я взял на себя смелость…

Джейме прочел письмо у окна, при свете холодного белого утра. Квиберн писал кратко, по существу, Серсея — сбивчиво, как в бреду. «Приезжай немедля. Спаси меня. Ты нужен мне, как никогда прежде. Я люблю тебя. Люблю. Люблю. Приезжай».

Виман топтался у двери, Пек тоже не сводил с Джейме глаз.

— Будет ли ответ, милорд? — после долгого молчания спросил мейстер.

На письмо опустилась снежинка, и чернила в том месте расплылись. Джейме скатал пергамент туго, насколько мог это сделать одной рукой, и протянул Пеку.

— Нет. Брось это в огонь.

Сэмвел

Последняя часть пути оказалась самой опасной. В Винном проливе, как их и предупреждали в Тироше, так и кишели ладьи. Железные Люди, пользуясь отсутствием борского флота, разграбили Раэмпорт, а Винный городок и Морскую Звезду заняли, чтобы совершать оттуда набеги на Бор и Старомест.

Дозорные с мачты трижды замечали неприятельские ладьи. Две приближались сзади, и «Пряный ветер» скоро от них ушел. Третья, появившись ближе к закату, отрезала их от Шепотного залива. Увидев, как ее весла пенят медную воду, Коиджа Мо поставила на носу своих стрелков с большими луками из златодрева, которое бьет дальше и метче дорнийского тиса. Ладью она подпустила на двести ярдов и лишь тогда отдала команду стрелять. Сэм стрелял вместе со всеми, и на этот раз его стрела как будто попала в цель. Второго залпа не потребовалось. Ладья ушла на юг в поисках более легкой добычи.

В Шепотный залив они вошли под покровом густых синих сумерек. Лилли, стоя с ребенком на

носу, смотрела на утесы, где высился замок.

— Три Башни, — сказал ей Сэм, — усадьба дома Костейнов. — Замок с освещенными окнами, такой красивый на звездном небе, вызывал в нем грустное чувство. Их путешествие подошло к концу.

— Какой огромный, — сказала Лилли.

— Погоди, вот увидишь Хайтауэр.

Ребенок заплакал, и Лилли дала ему грудь. Она улыбалась, пока мальчик сосал, и поглаживала его пушистые рыжеватые волосики. В конце концов она полюбила его так же, как своего, который остался на севере. Сэм надеялся, что боги будут добры к обоим.

Железные Люди проникли и сюда, в охраняемые воды Шепотного залива. Утром «Пряный ветер», продолжая свой путь к Староместу, стал натыкаться на плавающие в море тела. С некоторых при подходе лебединого корабля с шумом поднимались вороны. На берегу виднелись сожженные поля и деревни, на отмелях громоздились разбитые корабли. Торговые суда и рыбачьи лодки встречались чаще всего, но с «Ветра» заметили также две покинутые ладьи и останки двух больших боевых кораблей. Один сгорел по самое днище, у другого в борту зияла

пробитая тараном дыра.

— Бой был, — сказал Ксондо. — Недавно.

— Хватило же у кого-то ума идти грабить к самому Староместу.

Ксондо показал на затопленную ладью. На корме у нее болтался изодранный, черный от дыма флаг. Эмблемы на нем Сэм никогда прежде не видел: красный глаз с черным зрачком под черной железной короной, поддерживаемой двумя воронами.

— Чье это знамя? — спросил он, но Ксондо только плечами пожал.

Следующий день выдался холодным, туманным. Когда «Ветер» шел мимо очередной разоренной рыбачьей деревни, из тумана показалась боевая галея и медленно направилась к ним. Рядом со стройной девой у нее на носу, одетой в листья и вооруженной копьем, значилось имя — «Охотница». Миг спустя по обеим сторонам от нее возникли галеи помельче, точно серые гончие, бегущие рядом с хозяйкой. Сэм испытал облегчение, увидев на их флагах льва и оленя короля Томмена над белой ступенчатой башней в огненном венце, гербом Староместа.

Капитан «Охотницы», высокий, в дымчато-сером плаще с красной атласной оторочкой, подвел

свою галею вплотную к «Ветру», поднял весла и крикнул, что поднимется к ним на борт. Пока его арбалетчики и лучники Коиджи смотрели друг на друга через узкий прогал, он перешел на корабль с полудюжиной рыцарей, кивнул Квухуру Мо и попросил разрешения осмотреть трюмы. Отец и дочь, наскоро посовещавшись, дали согласие.

— Прошу меня извинить, — сказал капитан, закончив осмотр. — Обидно подвергать такому обращению честных людей, но приходится это делать, чтобы не пустить в Старомест Железных. Всего две недели назад эти ублюдки захватили в проливе тирошийского купца, поубивали команду, нарядились в одежду убитых и раскрасили свои бородищи во все цвета радуги. Они задумали поджечь порт и открыть изнутри ворота, пока мы будем бороться с огнем. И подожгли бы, да удача им изменила: они напоролись на «Владычицу башни», а у их гребного мастера жена — тирошийка. Видя их зеленые и пурпурные бороды, он заговорил с ними на тамошнем языке, а они в ответ ни словечка.

— Неужели они хотели захватить Старомест? — ахнул Сэм. Капитан взглянул на него с любопытством.

— Это не простые пираты. Железные Люди как всегда действовали? Налетят с моря, огребут золота, похватают девиц — и назад. Одна-две ладьи, от силы полдюжины. Теперь не то. Сотни их кораблей приходят со Щитовых островов или со скал вокруг Бора. Они захватили Каменный Краб, Свиной остров, Дворец Русалки, закрепились на Подкове и в Колыбели Бастарда. Без флота лорда Редвина у нас недостает кораблей, чтобы с ними бороться.

— А что же лорд Хайтауэр? — выпалил Сэм. — Отец говорил мне, что он богатством не уступает Ланнистерам и может собрать втрое больше мечей, чем любой другой знаменосец Хайгардена.

— Даже больше, если к мечам прибавить булыжники, — но против островитян это не поможет, если только воины с мечами не научатся ходить по воде.

— Но должен же Хайтауэр делать хоть что-то.

— Они и делают. Лорд Лейтон сидит в своей башне с Безумной Девой и читает колдовские книги. Глядишь, и выведет нам войско из пучины морской. Бейелор строит галеи, Гунтор отвечает за гавань, Гарт обучает новобранцев, Хамфри отправился в Лисс за наемниками. Если он выпросит у своей шлюхи-сестрицы какой-никакой

флот, мы начнем отплачивать Железным Людям их же монетой. А до тех пор мы можем лишь охранять залив и ждать, когда сука из Королевской Гавани спустит лорда Пакстера с поводка.

Горькая речь капитана поразила Сэма до глубины души. Если Королевская Гавань лишится Бора и Староместа, все государство развалится на куски, думал он, глядя вслед уходящим галеям.

А вдруг и Рогову Холму тоже грозит опасность? Земли Тарли лежат среди лесистых предгорий, в ста лигах к северо-востоку от Староместа, далеко от моря. Пусть даже его лорд-отец сражается в речных землях, Железные Люди не должны добраться туда… но Молодой Волк, вероятно, думал так же о Винтерфелле, пока Теон Переметчивый не взобрался как-то ночью на стены замка. Стоило везти Лилли с ребенком в такую даль, чтобы они оказались в самой гуще войны.

Весь остаток пути он боролся с сомнениями, думая, как же ему теперь быть. Лилли могла бы остаться с ним в Староместе. Городские стены куда внушительнее стен отцовского замка, и защищают их тысячи человек, а не та горстка солдат, которую лорд Рендилл, вероятней всего, оставил дома, отправившись в Хайгарден по призыву своего сюзерена. Но если Лилли останется,

надо будет как-нибудь ее спрятать: Цитадель не разрешает своим школярам иметь жен и любовниц — открыто, во всяком случае. И если Сэм пробудет с Лилли еще какое-то время, где он найдет силы расстаться с ней? А расстаться придется. Кроме разлуки, у него выбор только один — дезертирство. Но оно будет стоить ему головы, и что ожидает Лилли в таком случае?

Можно еще попросить Коиджу Мо и ее отца взять Лилли с собой на Летние острова, но и это тоже небезопасно. «Пряный ветер» снова пойдет через Винный пролив, и кто знает, не изменит ли ему удача на этот раз. Что, если судно попадет в штиль и не сможет плыть дальше? Судя по рассказам, Лилли увезут на острова как невольницу или морскую жену, а ребенка скорей всего бросят в море, чтоб не мешался.

Нет, все-таки Рогов Холм, решил наконец Сэм. *Как только доберемся до Староместа, найму повозку и сам ее туда отвезу.* Так он своими глазами увидит, как обстоят дела с замком и гарнизоном. Если ему что-то не понравится, он просто повернет лошадей и поедет с Лилли назад в Старомест.

Они пришли в порт холодным сырым утром, в таком густом тумане, что из всего города виден был только маяк Хайтауэра. В гавани поставили

заграждение, использовав для этого пару десятков посудин с корабельного кладбища. Сразу за ним выстроились боевые корабли, в том числе громадный четырехпалубный флагман лорда Хайтауэра «Честь Староместа». «Пряный ветер» снова подвергся осмотру. Теперь на борт взошел сын лорда Лейтона Гунтор, в серебряном парчовом плаще и доспехах из серой финифтевой чешуи. Сир Гунтор, несколько лет проучившийся в Цитадели, знал летнийский язык, и они с Квухуру Мо уединились в капитанской каюте для приватного разговора.

Сэм использовал это время, чтобы поделиться с Лилли своими планами.

— Сначала в Цитадель, чтобы вручить письма, которые дал мне Джон, и рассказать о кончине мейстера Эймона. Думаю, архимейстеры пришлют повозку за его телом. Потом я достану лошадей и отвезу тебя к моей матери в Рогов Холм. Я вернусь сюда как только смогу, но это может затянуться до завтра.

— Значит, до завтра, — согласилась она и поцеловала его на счастье.

Сир Гунтор наконец вышел и дал знак поднять цепь, чтобы пропустить «Ветер» в гавань. Пока корабль швартовался, Сэм стоял у борта с Коиджей

и тремя ее лучниками. Летнийцы облачились в великолепные перьевые плащи, которые носили только на суше. Сэм в своем линялом черном наряде и побелевших от соли сапогах выглядел рядом с ними весьма убого.

— Сколько вы здесь простоите? — спросил он.

— Два дня или десять, кто знает? Пока не разгрузимся и не заполним трюмы новым товаром. Притом отцу надо посетить серых мейстеров, чтобы книги продать, — усмехнулась Коиджа.

— Лилли может остаться у вас до моего возвращения?

— Лилли может оставаться, сколько сама пожелает. Она не так прожорлива, как некоторые другие. — Коиджа ткнула Сэма пальцем в живот.

— Я уже не такой толстый, как был, — обиделся Сэм. Он в самом деле похудел во время плавания на юг. Сплошные вахты, а есть нечего, кроме фруктов и рыбы — летнийцы ничего другого в рот не берут.

Он спустился вместе с лучниками по сходням, но на берегу они разделились и пошли каждый своим путем. Сэм надеялся, что не забыл дорогу до Цитадели. Старомест не город, а настоящий лабиринт, и плутать по улицам время не позволяет.

Булыжник от влаги стал скользким, из-за тума-

на все вокруг казалось таинственным. Сэм шел через город, придерживаясь реки. Хорошо было вновь чувствовать под ногами твердую землю вместо зыбкой палубы, но взгляды, которые люди бросали на него с балконов, из окон и подворотен, внушали смущение. После тесного кружка на борту корабля здесь его окружали одни незнакомцы. Еще больше тревожила мысль о том, что кто-то из них может узнать его, Сэма. Лорд Рендилл Тарли в городе был известен, но не пользовался любовью. Неизвестно еще, что хуже: быть узнанным отцовским недругом или другом. Сэм надвинул капюшон пониже и прибавил шагу.

По бокам от ворот Цитадели стояли два зеленых сфинкса с львиными туловищами, орлиными крыльями и змеиными хвостами. У одного было мужское лицо, у другого — женское. Тут же рядом помещалась Палата Грамотеев, куда горожане приходили составить завещание или прочесть письмо. С полдюжины скучающих школяров сидели в своих клетушках, ожидая клиентов. Сэм остановился около картографа и рассмотрел начерченный от руки план Цитадели, прикидывая кратчайший путь ко Двору Сенешаля.

У статуи короля Дейерона Первого, который, сидя на коне, указывал мечом в сторону Дорна,

дорожка делилась надвое. На голове Юного Дракона сидела чайка, на мече еще две. Сэм свернул налево, к реке. В Слезной гавани два кандидата усаживали какого-то старика в лодку для переправы на ближний Остров Крови. Вместе с ним ехала молодая мать — на руках она держала плачущего ребенка не старше младенца Лилли. Поварята бродили по отмели у причала, собирая лягушек. Розовощекие школяры торопливо шагали к септрию. *Мне следовало приехать сюда в их возрасте*, думал Сэм. *Я мог бы убежать из дому, назваться чужим именем и затеряться среди других школяров. Отец сделал бы вид, что у него есть только один сын, Дикон, и вряд ли бы пустился на розыски — разве если б я у него мула увел. Мула он бы мне не спустил.*

У Двора Сенешаля ректоры сажали в колодки школяра постарше.

— Таскал еду с кухни, — объяснил один двум кандидатам, дожидавшимся, чтобы забросать наказанного гнилыми овощами. Все они проводили любопытными взорами Сэма, чей черный плащ вздувался за ним, как парус.

Войдя в дверь, он оказался в зале с каменным полом и большими закругленными окнами. В дальнем конце на помосте сидел человек с худым

лицом, царапая что-то пером в большой книге. Одежда на нем была мейстерская, но цепь на шее отсутствовала.

— Доброе утро, — сказал, откашлявшись, Сэм.

Человек поднял глаза, и вид Сэма явно не доставил ему удовольствия.

— Школяр?

— Надеюсь им стать. — Сэм достал одно из писем, которыми снабдил его Джон. — Я ехал со Стены вместе с мейстером Эйемоном, но он скончался в пути. Если бы я мог поговорить с сенешалем…

— Твое имя?

— Сэмвел. Сэмвел Тарли.

Человек записал имя в книгу и махнул пером на скамью у стены.

— Садись. Тебя позовут.

Сэм послушно уселся.

В зал то и дело входили другие люди. Одни оставляли какие-то послания и опять уходили, другим человек на помосте разрешал пройти в заднюю дверь, откуда вела наверх винтовая лестница. Некоторые, ожидая своей очереди, присаживались на скамью, как и Сэм. Он заметил, что несколько вызванных пришли уже после него. После четвертого или пятого имени

он подошел к писцу и спросил:

— Долго ли еще ждать?

— Как сенешалю будет угодно.

— Я проделал сюда путь от самой Стены.

— Стало быть, не будет вреда, если ты подождешь еще малость. Сядь вон там, под окном.

Прошел еще час. Другие, подождав пару мгновений, беспрепятственно проходили внутрь, а в сторону Сэма привратник даже и не смотрел. Туман на дворе поредел, бледный солнечный свет понемногу проникал в окна. Глядя, как пляшут в лучах пылинки, Сэм начал зевать, потом поковырял мозоль на ладони, потом прислонился к стене головой и закрыл глаза.

Услышав, что писец выкликает чье-то имя, он вскочил на ноги — и опустился обратно, убедившись, что назвали опять не его.

— Если не дашь Лоркасу грош, просидишь тут три дня, — сказал кто-то рядом. — Какие у Ночного Дозора могут быть дела в Цитадели?

С ним говорил стройный пригожий юноша в замшевых бриджах и зеленом колете с заклепками, с кожей цвета светлого эля. Над большими черными глазами шапкой вздымались такие же черные кудри.

— Лорд-командующий восстанавливает забро-

шенные замки, и нам нужны новые мейстеры, чтобы содержать воронов, — объяснил Сэм. — Грош, говоришь?

— Сойдет и грош, а за серебряного оленя Лоркас отнесет тебя наверх на закорках. Он уж пятьдесят лет в кандидатах ходит и ненавидит школяров, особенно благородного звания.

— Как ты догадался, что я благородного звания?

— Так же, как ты догадался, что я наполовину дорниец. — Юноша, улыбаясь, произнес это на певучий дорнийский манер.

Сэм запустил руку в кошелек.

— Ты здешний школяр?

— Кандидат. Аллерас, порой называемый Сфинксом.

Сэм подскочил на месте, услышав это.

— Сфинкс не загадывает загадки — он сам загадка. Тебе понятно, что это значит?

— Нет. Это тоже загадка?

— Сам не знаю. Меня зовут Сэмвел Тарли, Сэм.

— Рад познакомиться. Что же привело Сэмвела Тарли к архимейстеру Теобальду?

— Это кто, сенешаль? — растерялся Сэм. — Мейстер Эйемон говорил, что его зовут Норрен.

— Теперь уже нет. Они у нас каждый год ме-

няются. Архимейстеры занимают этот пост по жребию, не желая отвлекаться от своей основной работы. В этом году черный камешек достался архимейстеру Валгрейву, но Валгрейв стал слаб умом, и Теобальд вызвался его заменить. Он человек ворчливый, но добрый. Ты сказал «мейстер Эйемон»?

— Да.

— Эйемон Таргариен?

— Таргариеном он был в прежней жизни. Он умер в море, на пути к Староместу. Откуда ты о нем знаешь?

— Как не знать. Он был не просто старейшим из всех мейстеров, а самым старым жителем Вестероса и видел на своем веку больше, чем архимейстер Перестин впихнул в свои исторические труды. Он мог бы немало порассказать о царствовании своего отца и дяди. Сколько ему, собственно, было лет?

— Сто два года.

— Зачем же он вышел в море в его-то возрасте?

Сэм поразмыслил, прикидывая, что можно рассказать, а что нет. Сфинкс не загадывает загадки, он сам загадка. Быть может, мейстер Эйемон имел в виду *этого* сфинкса? Нет, вряд ли.

— Лорд-командующий Сноу отослал его прочь,

чтобы спасти ему жизнь, — нерешительно начал Сэм. Он кое-как рассказал о короле Станнисе и Мелисандре из Асшая, намереваясь на них и остановиться, но потом, к слову, поведал о Мансе-Разбойнике, о его одичалых, о королевской крови и драконах. А там уж его будто прорвало, и он выложил все. Упыри на Кулаке Первых Людей, Иной верхом на мертвом коне, убийство Старого Медведя в Замке Крастера, их с Лилли бегство, Белое Древо, Малыш Паул, Холодные Руки и вороны, избрание Джона лордом-командующим, «Черный дрозд», Дареон, Браавос, драконы, которых Ксондо видел в Кварте, «Пряный ветер» и все, что шептал мейстер Эйемон перед смертью. Сэм утаил лишь то, о чем поклялся молчать: историю Брана Старка и подмену младенцев, совершенную Джоном Сноу. — Дейенерис — наша единственная надежда, — заключил он. — Эйемон сказал, что Цитадель должна немедля послать к ней мейстера, чтобы вернуть ее домой в Вестерос. Немедля, пока еще есть время.

Аллерас слушал его внимательно. Порой он хлопал глазами, но ни разу не засмеялся и ни разу не перебил Сэма. Затем тронул его за плечо своей тонкой смуглой рукой и сказал:

— Побереги свой грош, Сэм. Теобальд и поло-

вине этого не поверит, но есть другие, которые могут поверить. Хочешь пойти со мной?

— Куда?

— К одному архимейстеру.

Ты должен сказать им, Сэм, говорил мейстер Эйемон. *Расскажи обо всем архимейстерам.*

— Ладно. — К сенешалю можно прийти и завтра, держа медяк в кулаке. — Далеко это?

— Недалеко, на Вороньем острове.

Лодка им не понадобилась: остров с берегом связывал деревянный подъемный мост.

— Воронятник — самое старое строение в Цитадели, — сообщил Аллерас Сэму на пути через медленно текущую Медовичку. — Говорят, в Век Героев здесь была твердыня предводителя пиратов — он грабил корабли, идущие вниз по реке.

Стены маленькой крепости поросли мхом и плющом, наверху вместо лучников расхаживали вороны. Мост на памяти ныне живущих не поднимался ни разу.

Весь двор форта занимало вековое чардрево. Лик на его стволе зарос тем же пурпурным мхом, что свисал с бледных ветвей. Половина из них засохла, но на других еще шуршали красные листья — именно их облюбовали для себя вороны. Их на дереве было полным-полно, еще больше

птиц выглядывало из высоких окон вокруг двора. На земле густо лежал их помет. Пока Сэм с Аллерасом шли через двор, один взлетел, а другие принялись переговариваться.

— Архимейстер Валгрейв живет в западной башне, под белой вышкой, — сказал Аллерас. — Белые и черные вороны враждуют, как дорнийцы с марочниками, поэтому их держат отдельно.

— Но поймет ли архимейстер Валгрейв то, что я буду рассказывать? — усомнился Сэм. — Ты сказал, он стал слаб умом.

— У него бывают хорошие дни и плохие, но мы идем не к нему. — Аллерас открыл дверь в северную башню и стал подниматься, Сэм — за ним. Наверху бормотали и сердито вскрикивали разбуженные ими птицы. У верхней двери — дубовой, окованной железом — сидел юноша в возрасте Сэма. Правым глазом он смотрел на пламя свечи, левый скрывала завеса пепельно-белокурых волос. — Что ты там высматриваешь? — спросил его Аллерас. — Судьбу или смерть?

Белокурый юноша, моргая, отвел взгляд от свечи.

— Голых женщин. А это кто с тобой?

— Сэмвел, новый школяр. Пришел повидать Мага.

— Не та нынче стала Цитадель, — пожаловался белокурый. — Принимают кого попало. Черномазых, дорнийцев, свинопасов, калек, полоумных, а теперь вот еще черный кит. Я-то думал, левиафаны все серые. — На одном плече юноша носил короткий плащ в золотые и зеленые полосы. Он был бы очень хорош собой, если б не хитрые глаза и жестокий рот.

Сэм узнал его.

— Лео Тирелл. — Назвав это имя, он вновь почувствовал себя семилетним мальчишкой, который вот-вот намочит штаны. — Я Сэм из Рогова Холма, сын лорда Рендилла Тарли.

— В самом деле? — Лео посмотрел на него еще раз. — Да, пожалуй. Твой отец всем говорил, что ты умер. Выходит, он выдавал желаемое за действительное? — Лео ухмыльнулся. — Ты по-прежнему такой трус?

— Нет, — солгал Сэм. Так наказывал ему Джон. — Я был за Стеной и сражался. Теперь меня называют Сэм Смертоносный. — Это у него вырвалось как-то помимо воли.

Лео засмеялся, но тут дверь отворилась, и чей-то бас прогремел с порога:

— Заходи, Смертоносный. И ты тоже, Сфинкс. Быстро.

— Это архимейстер Марвин, Сэм, — сказал Аллерас.

Если бы не цепь на бычьей шее, Сэм принял бы этого человека за портового грузчика. Голова слишком велика для туловища и сильно выдается вперед вместе с массивной челюстью — того и гляди кинется и голову тебе оторвет. Мейстер мал ростом, но широк в груди и плечах. Из-под кожаного колета, который он носит вместо мантии, торчит пивное брюшко. В ушах и в носу растут колючие белые волосы. Лоб нависает над глазами, нос не однажды был сломан, зубы покраснели от кислолиста, а таких здоровенных ручищ Сэм не видел ни у кого.

Пока он медлил, одна из этих ручищ сгребла его и втащила в дверь. Сэм увидел большую круглую комнату. Всюду книги и пергаменты — и на столах, и на полу, до пояса вышиной. На стенах поблекшие гобелены. Над огнем в очаге висит медный котелок, и то, что в нем варится, явно уже подгорает. Кроме огня, комнату освещает только высокая черная свеча, стоящая посередине.

Свет, идущий от нее, резал глаза, и было в ней что-то странное. Пламя не поколебалось, даже когда Марвин захлопнул дверь и со стола слетели листы. С красками этот свет тоже творил чудеса.

Белое светилось, как свежевыпавший снег, желтое сверкало как золото, красное полыхало огнем, тени же чернели, словно врата в иной мир. Сэм уставился на свечу как завороженный. В три фута длиной, стройная как меч, витая, ребристая, она излучала и свет, и мрак.

— Так ведь это…

— …обсидиан, — договорил еще один человек, бывший в комнате, — молодой, бледный, рыхловатый, в засаленной мантии.

— Драконово стекло, — поправил его архимейстер Марвин. — Она горит, не сгорая.

— Что же питает пламя? — спросил Сэм.

— А что питает драконий огонь? — Марвин опустился на табурет. — Вся валирийская магия основана на огне или крови. Тамошние чародеи с помощью такой вот свечи могли видеть через горы, моря, пустыни. Могли проникать в сны человека, посылая ему видения, и разговаривать с кем-нибудь на другом конце света, сидящим у такой же свечи. Неплохо бы, Смертоносный, а?

— Нам бы тогда и вороны не понадобились.

— Разве что после сражений. — Архимейстер отслоил от пачки пласт кислолиста и начал жевать. — Расскажи мне то, что рассказывал нашему дорнийскому сфинксу. Многое мне уже известно,

но какие-то мелочи могли ускользнуть.

Он был не из тех, кому можно отказать. Помедлив немного, Сэм изложил всю свою историю заново.

— Мейстер Эйемон думал, что в пророчестве говорилось о Дейенерис Таргариен. Не о короле Станнисе, не о принце Рейегаре, не о малютке, чью голову разбили о стену, — о ней.

— Рожденная среди соли и дыма, под кровавой звездой. Я помню это пророчество. — Марвин сплюнул на пол красную жижу. — Не то чтобы я верил в него. Горган из Старого Гиса сказал как-то, что пророчество подобно неверной любовнице. Она берет твой член в рот, и ты стонешь от наслаждения… но тут ее зубы смыкаются, и твой стон переходит в вопль. Так и пророчество. Тем не менее…

— Эйемон поехал бы к ней, будь у него силы, — вставил Аллерас. — Он хотел, чтобы мы дали ей защитника и советника, который помог бы ей благополучно вернуться домой.

— Вот как? — Марвин пожал плечами. — Возможно, это к лучшему, что он умер, не доехав до Староместа. Иначе серым овцам пришлось бы убить его, и они бы еще долго заламывали свои хилые старческие длани.

— Убить? — поразился Сэм. — Но за что?

— Если я скажу, им и тебя, глядишь, придется убить. — Марвин осклабился в жуткой красной улыбке. — Кто, по-твоему, в свое время поубивал всех драконов? Драконоборцы с мечами? В мире, который создает Цитадель, нет места магии, пророчествам и стеклянным свечам, а уж драконам тем более. Почему, ты думаешь, Эйемону Таргариену позволяли тратить свою жизнь на Стене, когда ему по всем законам полагалось быть архимейстером? Причина в его крови. Они не доверяли ему, как не доверяют и мне.

— Что же вы намерены делать теперь? — спросил Аллерас.

— Поеду вместо Эйемона в Залив Работорговцев. Лебединый корабль, доставивший сюда Смертоносного, мне как раз подойдет. Своего человека серые овцы, конечно, пошлют на галее, и я с попутным ветром прибуду на место первым. — Марвин перевел хмурый взгляд на Сэма. — Ты останешься здесь и будешь выковывать свою цепь. На твоем месте я поспешил бы с этим. Скоро ты будешь нужен на Стене. Найди Смертоносному каморку посуше, — велел Марвин бледнолицему школяру. — Он будет ночевать здесь и помогать тебе с воронами.

— Н-но… — испугался Сэм, — другие архимейстеры, сенешаль… что я им-то скажу?

— Скажешь, что их мудрость и доброта не знают себе равных. Скажешь, что Эйемон доверил тебя их заботам. Скажешь, что всегда мечтал носить цепь и служить добру, что служение — наивысшая честь, а послушание — наивысшая добродетель… но не говори ни слова о пророчествах и драконах, если не хочешь, чтоб тебе в овсянку подсыпали яд. — Марвин снял с колышка у двери запачканный кожаный плащ, набросил себе на плечи и завязал. — Присмотри за ним, Сфинкс.

— Присмотрю, — пообещал Аллерас, но сапоги архимейстера уже топали вниз по лестнице.

— Куда это он? — вконец растерялся Сэм.

— В гавань. Наш Маг попусту времени не теряет. Я должен тебе признаться кое в чем, Сэм, — улыбнулся Аллерас. — Мы встретились не случайно. Это Маг послал меня, чтобы я не пустил тебя к Теобальду. Он знал о твоем приезде.

— Откуда?

Аллерас кивнул на стеклянную свечу. Посмотрев на необычное бледное пламя, Сэм замигал и отвел взгляд. За окном темнело.

— В западной башне, прямо подо мной, есть сво-

бодная келья, — сказал бледнолицый юноша. — Лестница от нее ведет в комнаты Валгрейва. Если ты не против вороньего карканья, она выходит на Медовичку. Красивый вид. Ну как, подойдет?

— Думаю, да.

— Я принесу тебе одеяла. Каменные стены ночью дышат холодом, даже и здесь.

— Спасибо. — Этот школяр чем-то не нравился Сэму, но он не хотел быть невежливым и добавил: — На самом деле меня не Смертоносный зовут. Я Сэм, Сэмвел Тарли.

— А я Пейт — как тот свинопас из сказки.

А на стене в это время...

— Эй, минутку! — слышится мне голос читателя. — Минутку! А где же Дени с драконами? Куда делся Тирион? Джона Сноу мы тоже почти не видели — и это, по-вашему, все?

Нет, конечно. За этой книгой последует другая, такая же толстая.

Я и не думал забывать о других своих персонажах. Я написал о них множество страниц, множество глав. Написал столько, что понял: одним томом тут не отделаешься, а конца истории между тем еще и не видно. Вот и пришлось разделить эту последнюю книгу надвое.

Проще всего было бы взять половину того, что уже написано, и поставить в конце «продолжение следует». Но я подумал и решил, что лучше дать читателю историю половины героев, чем половину истории всех героев. Этот путь я и выбрал.

Тирион, Джон, Дени, Станнис и Мелисандра, Давос Сиворт и все остальные, кого вы успели полюбить или возненавидеть, присоединятся к нам (как я искренне надеюсь) в будущем году.

Если «Пир стервятников» был в основном сосредоточен на Королевской Гавани, «Пляска драконов» поведает о том, что происходило на Стене и в заморских краях.

Дж. Р.Р. Мартин,
июнь 2005

Приложения

Королевские дома
Королева-регентша

СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР, первая этого имени, вдова короля Роберта Первого Баратеона. Хранительница государства, леди Бобрового Утеса и королева-регентша.

Ее дети:

КОРОЛЬ ДЖОФФРИ БАРАТЕОН, тринадцати лет, отравлен на собственном свадебном пиру.

ПРИНЦЕССА МИРЦЕЛЛА БАРАТЕОН, девяти лет, находящаяся на попечении принца Дорана Мартелла в Солнечном Копье.

КОРОЛЬ ТОММЕН БАРАТЕОН, восьми лет.

Котята Томмена: СИР ПОПРЫГУНЧИК, ЛЕДИ УСАТКА, ЧУЛОЧКИ.

Ее братья:

СИР ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР, близнец Серсеи, прозванный Цареубийцей, лорд-командующий Королевской Гвардией.

ТИРИОН ЛАННИСТЕР, прозванный Бесом, карлик. Осужден и разыскивается за убийство своего племянника короля Джоффри и своего отца лорда Ланнистера.

……Оруженосец Тириона ПОДРИК ПЕЙН, десяти лет.

Ее дядя СИР КИВАН ЛАННИСТЕР.

……**Дети Кивана:**

……СИР ЛАНСЕЛЬ, ранее оруженосец короля Роберта, любовник Серсеи, пожалованный титулом лорда Дарри.

……ВИЛЛЕМ, убитый в Риверрране.

……МАРТИН, близнец Виллема, оруженосец.

……ЖАНЕЯ, трех лет.

Ее тетка ЛЕДИ ДЖЕННА ЛАННИСТЕР, жена сира Эммона Фрея.

……**Сыновья Дженны:**

……СИР КЛЕОС ФРЕЙ, убитый разбойниками.

……**Сыновья Клеоса:**

……ТАЙВИН (ТАЙ).

……ВИЛЛЕМ.

……СИР ЛИОНЕЛЬ ФРЕЙ.

……СИР ТИОН ФРЕЙ.

……УОЛДЕР РЫЖИЙ ФРЕЙ, паж в Бобровом Утесе.

Ее кузен ТИРЕК ЛАННИСТЕР, сын ее покойного дяди Тигетта, пропавший без вести. Женат на ЛЕДИ ЭРМЕСАНДЕ ХЭЙФОРД, годовалом младенце.

Ее кузина ДЖОЙ ХИЛЛ, внебрачная дочь ее покойного дяди Гериона.

Кузены с материнской стороны, дети покойного дяди Стаффорда: СЕРЕННА, МИРИЭЛЬ, СИР ДАВЕН.

Другие родственники:

СИР ДАМИОН ЛАННИСТЕР, женат на Шире Кракехолл.

……**Его дети:**

……СИР ЛЮЦИОН.

……ЛАННА, жена лорда Антарио Джаста.

……ЛЕДИ МАРГО, жена лорда Титуса Пека.

Малый совет короля Томмена:

ЛОРД ТАЙВИН ЛАННИСТЕР, десница короля.

СИР ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР, лорд-командующий Королевской Гвардией.

СИР КИВАН ЛАННИСТЕР, мастер над законом.

ВАРИС, евнух, мастер над шептунами.

Великий мейстер ПИЦЕЛЬ.

ЛОРДЫ МЕЙС ТИРЕЛЛ, МАТИС РОВАН, ПАКСТЕР РЕДВИН.

Королевская гвардия Томмена:

СИР ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР, лорд-командующий.

СИР МЕРРИН ТРАНТ.

СИР БОРОС БЛАУНТ, разжалованный и вновь восстановленный.

СИР БЕЙЛОН СВАНН.

СИР ОСМУНД КЕТТЛБЛЭК.

СИР ЛОРАС ТИРЕЛЛ, Рыцарь Цветов.

СИР АРИС ОКХАРТ, с принцессой Мирцеллой в Дорне.

Домочадцы Серсеи в Королевской Гавани:

ЛЕДИ ДЖАСЕЛИНА СВИФТ, фрейлина Серсеи.

СЕНЕЛЛА и ДОРКАС, горничные.

ЛАМ, ЛЕСТЕР, ХОК-КОПЫТО, КОРНОУХИЙ — гвардейцы Ланнистеров.

КОРОЛЕВА МАРГЕРИ из дома Тиреллов, шестнадцати лет, вдова Лорда Ренли Баратеона и невеста покойного короля Джоффри.

Двор Маргери в Королевской гавани:

Ее отец МЕЙС ТИРЕЛЛ, лорд Хайгардена.

Ее мать ЛЕДИ АЛЕРИЯ из дома Хайтауэров.

Ее бабушка ЛЕДИ ОЛЕННА по прозванию Королева Шипов.

……Телохранители Оленны АРРИК И ЭРРИК, называемые также Левым и Правым.

Ее братья:

СИР ГАРЛАН ГАЛАНТНЫЙ с женой ЛЕОНЕТТОЙ ФОССОВЕЙ.

СИР ЛОРАС, королевский гвардеец.

Ее кузины МЕГГА, ЭЛЛА И ЭЛИНОР ТИРЕЛЛ.

……Жених Элинор АЛИН АМБРОЗ, оруженосец.

……ЛЕДИ АЛИСАННА БУЛЬВЕР, восьми лет.

……МЕРЕДИТ (МЕРРИ) КРЕЙН.

……ЛЕДИ ТАЭНА МЕРРИВЕЗЕР.

……ЛЕДИ АЛИСА ГРЕЙСФОРД.

……СЕПТА НЕСТОРИКА.

ПАКСТЕР РЕДВИН, лорд Бора.

……Его сыновья: близнецы СИР ХОРАС и СИР

ХОББЕР.

……Мейстер БАЛЛАБАР, его домашний целитель.

МАТИС РОВАН, лорд Золотой Рощи.

СИР ВИЛЛЕМ УИТЕРС, капитан стражи.

……ХЬЮ КЛИФТОН, гвардеец.

Братья ВУДРАЙТ, СИР ПОРТИФЕР и СИР ЛЮКАНТИН.

Двор Серсеи в Королевской Гавани:

СИР ОСФРИД И СИР ОСНИ КЕТТБЛЭКИ, младшие братья сира Осмунда.

СИР ГРИГОР КЛИГАН, по прозвищу СКАЧУЩАЯ ГОРА, смертельно раненный.

СИР АДДАМ МАРБРАНД, командир городской стражи.

ДЖАЛАБХАР КСО, принц Долины Красных Цветов, изгнанник с Летних островов.

ЛОРД ДЖАЙЛС РОСБИ, болезненный старец.

ОРТОН МЕРРИВЕЗЕР, лорд Длинного Стола.

……Его жена ТАЭНА из Мира.

ЛЕДИ ТАНДА СТОКВОРТ.

……ЛЕДИ ФАЛИСА, ее старшая дочь и наследница.

……СИР БАЛЬМАН БЕРЧ, муж Фалисы.

……ЛЕДИ ЛОЛЛИС, младшая дочь, слабоумная и беременная.

.....СИР БРОНН ЧЕРНОВОДНЫЙ, бывший наемник, муж Лоллис.

.....ШАЯ, горничная Лоллис, задушенная в постели лорда Тайвина.

.....ФРЕНКЕН, мейстер леди Танды.

СИР ИЛИН ПЕЙН, Королевское Правосудие, палач.

РЕННИФЕР ЛОНГУОТЕРС, главный надзиратель темниц.

.....РЮГЕН, тюремщик.

ЛОРД ГАЛЛИН-ПИРОМАНТ.

НОХО ДИМИТТИС, посланник Железного Банка из Браавоса.

КВИБЕРН, некромант, бывший мейстер Цитадели, состоявший в отряде Бравых Ребят.

ЛУНАТИК, придворный шут.

ПЕЙТ, мальчик для порки при короле Томмене.

ОРМОНД ИЗ СТАРОМЕСТА, придворный арфист и певец.

СИР МАРК МАЛЛЕНДОР, потерявший обезьянку и половину руки в битве на Черноводной.

АУРИН УОТЕРС, Бастард из Дрифтмарка.

ЛОРД АЛЕСАНДЕР СТЭДМОН, по прозванию Души-грош.

СИР РОННЕТ КОННИНГТОН, он же РЫЖИЙ

РОННЕТ, Рыцарь Грифонов.

СИР ЛАМБЕРТ ТОРНБЕРРИ, СИР ДЕРМОТ ИЗ ДОЖДЛИВОГО ЛЕСА, СИР ТАЛЛАД ВЫСОКИЙ, СИР БАЙАРД НОРКРОСС, СИР БОНИФЕР ХАСТИ ДОБРЫЙ, СИР ХЬЮГО ВЕНС — рыцари, присягнувшие Железному Трону.

СИР ЛАЙЛ КРАКЕХОЛЛ (МОГУЧИЙ ВЕПРЬ), СИР АЛИН СТАКСПИР, СИР ДЖОН БИТЛИ (БЕЗБОРОДЫЙ ДЖОН), СИР СТЕФФОН СВИФТ, СИР ХАМФРИ СВИФТ — рыцари, присягнувшие Бобровому Утесу.

ДЖОСМИН ПЕКЛЬДОН, оруженосец, герой битвы на Черноводной.

ГАРРЕТ ПЭГ и ЛЬЮ ПАЙПЕР, оруженосцы-заложники.

Горожане Королевской Гавани:

ВЕРХОВНЫЙ СЕПТОН, Голос Семерых на Земле, дряхлый старец.

……СЕПТОНЫ ТОРБЕРТ, РЕЙНАРД, ЛЮЦЕОН, ОЛЛИДОР — служители Великой Септы Бейелора.

……СЕПТЫ МОЭЛЛА, АГЛАНТИНА, ГЕЛИСЕНТА, ЮНЕЛЛА — служительницы Великой Септы.

……ВОРОБЬИ, смиренные богомольцы.

КАТАЯ, содержательница публичного дома.

……АЛАЯЙЯ, ее дочь.

……ДАНСИ, МАРЕИ — девицы из ее заведения.

БРЕЛЛА, служанка леди Сансы Старк.

ТОБХО МОТТ, мастер-оружейник.

ХЭМИШ-АРФИСТ, пожилой певец.

АЛАРИК ЭЙЗЕНСКИЙ, певец.

УОТ, певец, именующий себя ЛАЗУРНЫМ БАРДОМ.

СИР
ТЕОДАН ВЕЛЛС, ныне ТЕОДАН ПРАВОВЕРНЫЙ, благочестивый рыцарь.

Герб короля Томмена — коронованный олень Баратеонов, черный на золотом поле, в паре со львом Ланнистеров, золотым на красном поле.

Король у Стены

СТАННИС БАРАТЕОН, первый этого имени, второй сын лорда Стеффона Баратеона и леди Кассаны из дома Эстермонтов. Лорд Драконьего Камня, объявивший себя королем Вестероса.

Его жена КОРОЛЕВА СЕЛИСА из дома Флорентов, ныне пребывающая в Восточном Дозоре.

……Их дочь ПРИНЦЕССА ШИРЕН, одиннадцати лет.

……ПЕСТРЯК, полоумный шут Ширен.

……Его побочный племянник ЭДРИК ШТОРМ, двенадцати лет, сын короля Роберта от леди Делены Флорент, отплывший за Узкое море на галее «Безумный Прендос».

……СИР ЭНДРЮ ЭСТЕРМОНТ, кузен короля Станниса, командующий эскортом Эдрика

……СИР ДЖЕРАЛЬД КАВЕР, ЛЕВИС-РЫБНИК, СИР ТРИСТОН С РУБЕЖНОГО ХОЛМА, ОРНЕР БЛЭКБЕРРИ — люди короля, сопровождающие Эдрика в путешествии.

Двор Станниса в Черном Замке:

ЛЕДИ МЕЛИСАНДРА АСШАЙСКАЯ, КРАСНАЯ ЖЕНЩИНА, жрица Рглора, Владыки Света.

МАНС-РАЗБОЙНИК, Король за Стеной, приговоренный к смерти.

……Новорожденный, пока безымянный сын Манса от его жены Даллы, «маленький принц».

……ЛИЛЛИ, одичалая, кормилица мальчика.

……Ее сын, тоже безымянный, рожденный от ее отца Крастера.

СИР РИЧАРД ХОРП, СИР ДЖАСТИН МАССИ,

СИР КЛЭЙТОН САГС, СИР ГОДРИ ФАРРИНГ (ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ), ЛОРД ХАРВУД ФЕЛЛ, СИР КОРЛИСС ПЕННИ — люди и рыцари королевы.

ДЕВАН СИВОРТ, БРАЙЕН ФАРРИНГ — оруженосцы короля.

Двор Станниса в Восточном Дозоре:

СИР ДАВОС СИВОРТ, ЛУКОВЫЙ РЫЦАРЬ, лорд Дождливого Леса, Адмирал Узкого моря, десница короля.

СИР АКСЕЛЛ ФЛОРЕНТ, дядя королевы Селисы, командующий людьми королевы.

САЛЛАДОР СААН из Лисса, пират и наемник, владелец флотилии галей, капитан «Валирийки».

Гарнизон Станниса на Драконьем Камне:

СИР РОЛЛАНД ШТОРМ, БАСТАРД ИЗ НОЧНОЙ ПЕСНИ, кастелян замка.

МЕЙСТЕР ПИЛОС.

ОВСЯНКА и УГОРЬ, тюремщики.

Лорды, присягнувшие Драконьему Камню:

МОНТИРИС ВЕЛАРИОН, шести лет, лорд Высокого Прилива и владетель Дрифтмарка.

ДЮРАМ БАРЭММОН, пятнадцати лет, лорд Острого Мыса.

Гарнизон Станниса в Штормовом Пределе:

СИР ГИЛБЕРТ ФАРРИНГ, кастелян.

……ЛОРД ЭЛВУД МЕДОУЗ, его помощник.

……МЕЙСТЕР ЮРИ.

Лорды, присягнувшие Штормовому Пределу:

ЭЛДОН ЭСТЕРМОНТ, лорд Зеленой Скалы, дядя короля Станниса и двоюродный дед короля Томмена.

……СИР ЭЙЕМОН, сын и наследник лорда Элдона — с королем Томменом в Королевской Гавани.

……Сын ЭЙЕМОНА СИР АЛИН — в Королевской Гавани.

……СИР ЛОМАС, брат лорда Элдона — в Штормовом Пределе.

……Его сын сир Эндрю уплыл за море с Эдриком Штормом.

ЛЕСТЕР МОРРИГЕН, лорд Вороньего Гнезда.

МАЛЕНЬКИЙ ЛЮКОС ЧИТТЕРИНГ, шестнадцати лет.

ДАВОС СИВОРТ, лорд Дождливого Леса.

……Его жена МАРИЯ, дочь плотника.

……Их сыновья: ДЕЙЛ, АЛЛАРД, МАТТОС, МАРЕК, погибшие на Черноводной.

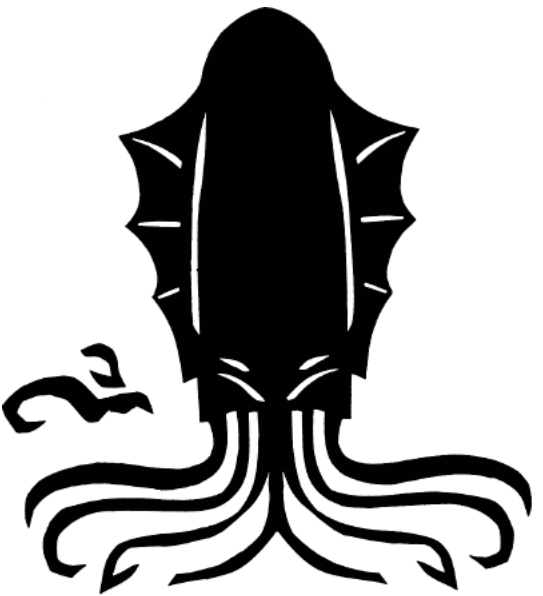
……ДЕВАН, оруженосец короля Станниса.

……СТАННИС и СТЕФФОН, девяти и шести

лет.

Король Станнис избрал своим гербом огненное сердце Владыки Света на ярко-желтом поле, внутри коего заключен черный коронованный олень дома Баратеонов.

Король Островов и Севера



Грейджои из Пайка претендуют на происхождение от легендарного Серого Короля. Серый Король, по преданию, правил не только островами, но и самим морем и был женат на русалке. Эйегон Драконовластный пресек королевский род, однако позволил островитянам жить по старинным обычаям и самим выбирать своего главу. Ими был выбран лорд Викон Грейджой с острова Пайк. Герб Грейджоев — золотой кракен на черном поле, девиз — *Мы не сеем.*

Первое восстание Бейлона Грейджоя против Железного Трона было подавлено королем Робертом Первым и лордом Эддардом Старком из Винтерфелла. Однако в сумятице, охватившей страну после смерти Роберта, Бейлон вновь объявил себя королем и послал свои корабли завоевывать Север.

БЕЙЛОН ГРЕЙДЖОЙ, девятый этого имени от Серого Короля, король Железных островов и Севера, Король Соли и Камня, Сын Морского Ветра, Лорд-Жнец Пайка. Погиб, сорвавшись со скалы в море.

Его вдова КОРОЛЕВА АЛАННИС из дома Харло.

Их дети:

РОДРИК и МАРОН, убитые при первом восстании Бейлона.

АША, капитан «Черного ветра», завоевательница Темнолесья.

ТЕОН, объявивший себя принцем Винтерфелла и прозванный северянами ПЕРЕМЕТЧИВЫМ.

Братья короля Бейлона:

КВЕЛЛОН, ХАРЛОН, КВЕНТОН, ДОНЕЛ, УРРИГОН, РОБИН, умершие в детстве и юности.

ЭУРОН ВОРОНИЙ ГЛАЗ, капитан «Молчаливого».

ВИКТАРИОН, лорд-капитан Железного Флота, капитан «Железной победы».

ЭЙЕРОН МОКРОГОЛОВЫЙ, жрец Утонувшего Бога.

Домочадцы и воины короля Бейлона:

МЕЙСТЕР ВЕНДАМИР.

ХЕЛЬЯ, домоправительница.

ДАГМЕР ЩЕРБАТЫЙ, капитан «Пеноходца».

СИНИЙ ЗУБ, капитан ладьи.

УЛЛЕР и СКАЙТ, гребцы.

Претенденты на Морской Трон:

ГИЛБЕРТ ФАРВИНД, лорд Одинокого Света.

……Его заступники — сыновья ДЖАЙЛС, ИГОН, ДЖОН.

ЭРИК АЙРОНМАКЕР (ЭРИК МОЛОТОБОЕЦ, СПРАВЕДЛИВЫЙ), преклонных лет, некогда про-

славленный капитан.

……Его заступники — внуки УРЕК, ТОРМОР, ДАГОН.

ДУНСТАН ДРАММ Костяная Рука.

……Его заступники — сыновья ДЕНИС и ДОННЕЛ, АНДРИК НЕУЛЫБА.

АША ГРЕЙДЖОЙ, единственная дочь короля Бейлона.

……Ее заступники: КВАРЛ-ДЕВИЦА, ТРИСТИФЕР БОТЛИ, СИР ХАРРАС ХАРЛО.

……Ее капитаны и сторонники: ЛОРД РОДРИК ХАРЛО, ЛОРД БЕЙЕЛОР БЛЭКРИД, ЛОРД МЕЛДРЕД МЕРЛИН, ХАРМУНД ШАРП.

ВИКТАРИОН ГРЕЙДЖОЙ, брат короля Бейлона.

……Его заступники РЫЖИЙ РАЛЬФ СТОНХАУЗ, ХРОМОЙ РАЛЬФ, НУТ-ЦИРЮЛЬНИК.

……Его капитаны и сторонники: ГОТО ХАРЛО, АЛЬВИН ШАРП, ФРАЛЕГГ СИЛЬНЫЙ, РОМНИ УИВЕР, МАЛЕНЬКИЙ ЛЕНВУД ТАУНИ, УИЛЛ ХАМБЛ, РАЛЬФ КЕННИНГ, МАРОН ВОЛЬМАРК, ГОРОЛЬД ГУДБРАЗЕР.

……Его гребцы: ВУЛЬФ ОДНОУХИЙ, РАГНОР ПАЙК.

……Его наложница, немая и безымянная, подаренная ему братом Эуроном.

ЭУРОН ГРЕЙДЖОЙ, ВОРОНИЙ ГЛАЗ, брат короля

Бейлона.

……Его заступники: ГЕРМУНД БОТЛИ, ЛОРД ОРКВУД С ОРКМОНТА, ДОННОР СОЛТКЛИФ.

……Его капитаны и сторонники: ТОРВОЛЬД БУРЫЙ ЗУБ, СУШЕНЫЙ ДЖОН МАЙР, ЛУКАС-ЛЕВША КОДД, РЫЖИЙ ГРЕБЕЦ, КВЕЛЛОН ХАМБЛ, КВАРЛ-НЕ-ВОЛЬНИК, РАЛЬФ ШЕПЕРД, РАЛЬФ ИЗ ЛОРДПОРТА. КРАГОРН.

Знаменосцы Бейлона, лорды Железных островов На Пайке:

СЕЙВИН БОТЛИ, лорд Лордпорта, утоплен Эуроном Грейджоем.

……Его старший сын ХАРРЕН, убит у Рва Кейлин.

……Его второй сын и законный наследник ТРИСТИФЕР.

САЙМОНД, ХАРЛОН, ВИКОН, БЕННАРИОН — младшие сыновья.

……Его брат ГЕРМУНД, вопреки закону сделанный лордом.

……Братья САРГОН и ЛЮЦИМОР.

……Внебрачный сын Саргона ВЕКС ПАЙК, двенадцати лет, немой, оруженосец Теона Грейджоя.

УОЛДОН ВИНЧ, лорд Железного Хольта.

На Харло:

РОДРИК ХАРЛО, по прозванию ЧТЕЦ, лорд острова и Десяти Башен, Первый из Харло.

……Его старшая сестра ГВИНЕССА.

……Его младшая сестра АЛАННИС, вдова короля Бейлона.

……ЗИГФРИД ХАРЛО СРЕБРОВОЛОСЫЙ, двоюродный дед Родрика, лорд Старого Замка.

……ГОТО ХАРЛО ГОРБУН, лорд Сверкающей Башни.

……СИР ХАРРАС ХАРЛО, лорд Каменного Сада.

……БОРМУНД ХАРЛО СИНИЙ, лорд Ведьмина Холма.

……**Знаменосцы лорда Харло:**

……МАРОН ВОЛЬМАРК, лорд Вольмарка.

……МАЙРЫ, СТОНТРИ, КЕННИНГИ.

……Домоправительница Родрика:

……ТРОЕЗУБКА.

На Блэкриде:

БЕЙЕЛОР БЛЭКРИД, лорд острова, капитан «Ночной летуньи».

СЛЕПОЙ БЕРОН БЛЭКРИД, жрец Утонувшего Бога.

На Старом Вике:

ДУНСТАН ДРАММ, капитан «Громобоя».

НОРН ГУДБРАЗЕР, лорд Валунов.
СТОНХАУЗЫ.
ТАРЛ ТРИЖДЫ ТОНУВШИЙ, жрец Утонувшего Бога.

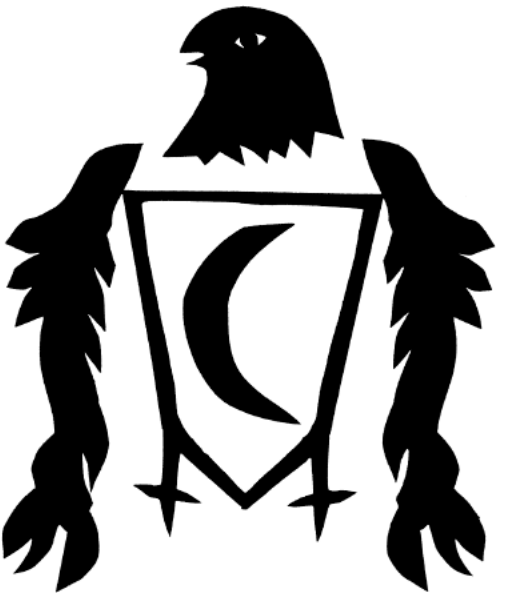
На Большом Вике:
ГОРОЛЬД ГУДБРАЗЕР, лорд Хаммерхорна.
……Его сыновья-тройняшки ГРЕЙДОН, ГРЕН, ГОРМЕНД.
……Дочери ГИЗЕЛЛА и ГВИН.
……МЕЙСТЕР МАРЕНМУР.
ТРИСТОН ФАРВИНД, лорд Тюленьего Мыса.
ЛОРД СПАРР.
……Его сын и наследник СТЕФФАРИОН.
МЕЛДРЕД МЕРЛИН, лорд Пебблтона.

На Оркмонте:
ОРКВУД С ОРКМОНТА.
ЛОРД ТАУНИ.

На Солтклифе:
ЛОРД ДОННОР СОЛТКЛИФ.
ЛОРД САНДЕРЛИ.

На мелких островах:
ГИЛБЕРТ ФАРВИНД, лорд Одинокого Света.
СЕРЫЙ БУРЕВЕСТНИК, жрец Утонувшего Бога.

Другие дома, великие и малые
Дом Арренов



Аррены происходят от Королей Горы и Долины. Их герб — месяц и сокол, белые на небесно-голубом поле, девиз — *Высокий как честь.* Аррены не

принимали участия в Войне Пяти Королей.

РОБЕРТ АРРЕН, лорд Орлиного Гнезда, Защитник Долины, объявленный своей матерью Хранителем Востока, болезненный мальчик восьми лет. Домашнее прозвище — ЗЯБЛИК.

……Его мать ЛЕДИ ЛИЗА из дома Талли, вдова лорда Джона Аррена; погибла, будучи выброшенной в Лунную Дверь.

……Его отчим ПЕТИР БЕЙЛИШ по прозванию МИЗИНЕЦ, лорд Харренхолла, верховный лорд Трезубца, лорд-протектор Долины.

……АЛЕЙНА СТОУН, она же Санса Старк, побочная дочь лорда Петира, тринадцати лет.

……СИР ЛОТОР БРЮН, наемник на службе у лорда Петира, капитан гвардии в Гнезде.

……ОСВЕЛЛ (КЕТТЛБЛЭК) — пожилой латник на службе у лорда Петира.

Домочадцы лорда Роберта:

МАРИЛЛОН, молодой певец, обвиненный в убийстве леди Лизы.

МЕЙСТЕР КОЛЕМОН.

МОРД, жестокий тюремщик с золотыми зубами.

ГРЕТЧЕЛЬ, МАДДИ, МЕЛА — служанки.

Знаменосцы лорда Роберта, лорды Долины:

НЕСТОР РОЙС, Высокий Стюард Долины, кастелян Ворот Луны.

……Его сын и наследник сир АЛБАР.

……Дочь МИРАНДА, молодая вдова.

……**Его домочадцы:**

……СИР МАРВИН БЕЛЬМОР, капитан гвардии.

……МИЯ СТОУН, погонщица мулов, побочная дочь короля Роберта.

……ОССИ и КАРРОТ, погонщики мулов.

ЛИОНЕЛЬ КОРБРЕЙ, лорд Дома Сердец.

……Его брат и наследник СИР ЛИН, владелец прославленного меча Покинутая.

……Его младший брат СИР ЛЮКАС.

ДЖОН ЛИНДЕРЛИ, лорд Змеиного Леса.

……Его сын и наследник ТЕРРАНС, оруженосец лорда Роберта.

ЭДМУНД ВАКСЛИ, Рыцарь из Викендена.

ГЕРОЛЬД ГРАФТОН, лорд Чаячьего города.

……Его младший сын ДЖАЙЛС, оруженосец лорда Роберта.

ТРИСТОН САНДЕРЛЕНД, лорд Трех Сестер.

……ГОДРИК БОРРЕЛ, лорд Пригожей Сестры.

……РОЛЛАНД ЛОНГТОРП, лорд Длинной Сестры.

……АЛЕСАНДЕР ТОРРЕНТ, лорд Малой Сестры.

Лорды Хартии, объединившиеся в защиту

юного лорда Роберта:

ДЖОН РОЙС (БРОНЗОВЫЙ ДЖОН), лорд Рунстона, из старшей ветви дома Ройсов.

……Его единственный оставшийся в живых сын, СИР АНДАР.

……**Его домочадцы:**

……МЕЙСТЕР ХЕЛЛИВЕГ.

……СЕПТОН ЛЮКОС.

……СИР СЭМВЕЛ СТОУН (СЭМ-СИЛАЧ), мастер над оружием.

……**Знаменосцы Бронзового Джона:**

……РОЙС КОЛДУОТЕР, лорд Ледяного Ожога.

……СИР ДАМОН ШЕТТ, Рыцарь Чаячьей Башни.

……УТОР ТОЛЛЕТТ, лорд Серой Лощины.

АНЬЯ УЭЙНВУД, леди Железной Дубравы.

……**Ее сыновья:**

……СИР МОРТОН, наследник.

……СИР ДОННЕЛ, Рыцарь Ворот.

……УИЛЛАС.

……Ее воспитанник ГАРОЛЬД ХАРДИНГ, оруженосец, часто именуемый ГАРРИ-НАСЛЕДНИК.

БЕНЕДАР БЕЛЬМОР, лорд Громогласия.

СИР САЙМОНД ТЕМПЛТОН, Рыцарь Девяти Звезд.

ЭОН ХАНТЕР, лорд Длинного Лука.

……После его внезапной кончины лордом стал

старший сын ГИЛВУД.

……Братья Гилвуда СИР ЮСТАС.

……СИР ХАРЛАН.

……Мейстер Хантеров ВИЛЛАМЕН.

ХОРТОН РЕДФОРТ, лорд Редфорта.

……Его сыновья: СИР ДЖАСПЕР, СИР КРЕЙТОН, СИР ДЖОН.

……СИР МИКЕЛЬ.

Вожди горных кланов в Лунных горах:

ШАГГА, сын ДОЛЬФА, из клана Каменных Воронов, ныне в Королевском лесу.

ТИМЕТТ, сын ТИМЕТТА, из клана Обгорелых.

ЧИЛЛА, дочь ЧЕЙКА, из клана Черноухих.

КРАВН, сын КАЛОРА, из клана Лунных Братьев.

Дом Флорентов

Флоренты из Брайтуотера — знаменосцы Хайгардена. В начале Войны Пяти Королей лорд Алестер вслед за своим сюзереном поддержал короля Ренли, но его брат сир Акселл выбрал короля Станниса, женатого на их племяннице леди Селисе. После смерти Ренли лорд Алестер также перешел к Станнису со всем своим вой-

ском. Станнис сделал Алестера своим десницей, а командовать флотом поручил сиру Имри, своему шурину. Флот Станниса вместе с сиром Имри погиб на Черноводной, а попытки лорда Алестера договориться о мире Станнис расценил как измену. Алестер был принесен в жертву Рглору — красная жрица Мелисандра сожгла его на костре.

Железный Трон, в свою очередь, объявил Флорентов изменниками за поддержку Станниса. Их лишили всего достояния, и замок Брайтуотер перешел к сиру Гарлану Тиреллу.

Герб дома Флорентов — лиса в цветочном венке.

АЛЕСТЕР ФЛОРЕНТ, лорд Брайтуотера, сожженный на костре за измену.

……Его жена ЛЕДИ МЕЛАРА из дома Крейнов.

……**Их дети:**

……АЛЕКИН, наследник Брайтуотера. Бежал в Старомест, где нашел убежище в доме Хайтауэров.

……МЕЛЕСА, замужем за лордом Рендиллом Тарли.

……РЕЯ, замужем за лордом Лейтоном Хайтауэром.

Сестры и братья Алестера:

СИР АКСЕЛЛ, пребывающий со своей племянницей королевой Селисой в Восточном Дозоре.

СИР РАЙЕМ, погибший при падении с коня.

……Его дочь королева СЕЛИСА, жена Станниса Баратеона.

……Его сыновья СИР ИМРИ, погибший в битве на Черноводной.

……СИР ЭРРЕН, пленник в Хайгардене.

СИР КОЛИН, кастелян Брайтуотера.

……Его дочь ДЕЛЕНА, жена сира Хосмана Норкросса.

……Внебрачный сын Делены от короля Роберта ЭДРИК ШТОРМ.

……Ее законные сыновья АЛЕСТЕР и РЕНЛИ НОРКРОССЫ, девяти и трех лет.

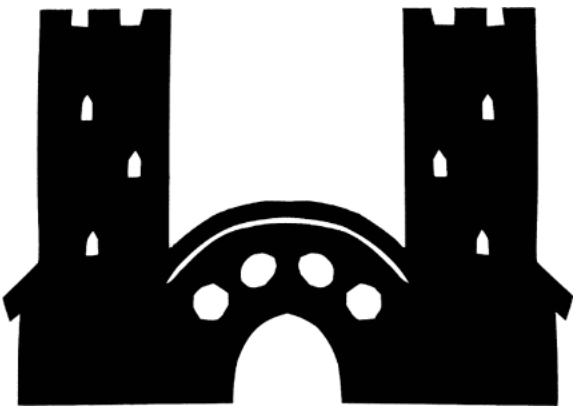
……**Сыновья Колина:**

……МЕЙСТЕР ОМЕР, несущий службу в Старой Дубраве.

……МЕРРЕЛ, оруженосец в Боре.

РИЛЕНА, жена сира Рихерда Крейна.

Дом Фреев



Фреи — знаменосцы дома Талли, но не всегда исполняли свой долг с подобающим тщанием. В начале Войны Пяти Королей Робб Старк заручился поддержкой лорда Уолдера, пообещав взять в жены одну из его дочерей или внучек. Когда он, нарушив слово, женился на Жиенне Вестерлинг, Фреи вступили в сговор с Русе Болтоном и убили Молодого Волка на свадьбе, получившей позднее название Красной.

Герб Фреев — две башни, голубые на сером

поле.

УОЛДЕР ФРЕЙ, лорд переправы.

Его потомство от первой жены, леди Перры из дома Ройсов:

СИР СТЕВРОН, умерший от ран после битвы при Окскроссе.

……Его жена ЛЕДИ КОРЕННА СВАНН, умерла от болезни.

……Сын Стеврона СИР РИМАН, наследник Близнецов.

……Сын Римана ЭДВИН, женатый на Дженис Хантер.

……Его дочь УОЛДА, девяти лет.

……Сын Римана УОЛДЕР по прозвищу ЧЕРНЫЙ.

……Сын Римана ПЕТИР по прозвищу ПРЫЩ, повешен в Старых Камнях. Женат на Миленде Карон.

……Дочь ПЕРРА, пяти лет.

……Сын Стеврона ЭЙЕГОН, дурачок по прозвищу ДИНЬ-ДОН, убит Кейтилин Старк на Красной Свадьбе.

……Дочь Стеврона МЭГЕЛЬ, умершая в родах, жена сира Дафина Венса.

……Дочь Мэгель МАРИАННА ВЕНС, незамужняя

девица.

.....Сын Мэгель УОЛДЕР ВЕНС, оруженосец.

.....Сын Мэгель ПАТРЕК ВЕНС. Его жена, Марселла Уэйнвуд, умерла в родах.

.....Сын Стеврона УОЛТОН, женатый на Дине Хардинг.

.....**Его дети:**

.....СТЕФФОН СЛАДКИЙ.

.....УОЛДА СВЕТЛАЯ.

.....БРАЙЕН.

СИР ЭММОН, женатый на Дженне Ланнистер.

.....Сын Эммона СИР КЛЕОС, убитый разбойниками, женат на Джейне Дарри.

.....**Его сыновья:**

.....ТАЙВИН (ТАЙ), оруженосец, двенадцати лет.

.....ВИЛЛЕМ, паж в Эшмарке, девяти лет.

.....Сын Эммона СИР ЛИОНЕЛЬ, женатый на Мелисе Кракехолл.

.....Сын Эммона ТИОН, оруженосец, взятый в плен и убитый в Ривердане Рикардом Карстарком.

.....Сын Эммона УОЛДЕР РЫЖИЙ, оруженосец в Бобровом Утесе.

СИР ЭЙЕНИС, женатый на Тиане Уайлд, умер-

шей в родах.

……Сын Эйениса ЭЙЕГОН КРОВАВЫЙ, разбойник.

……Сын Эйениса Рейегар, женат на Джейне Бисбери.

……Его дети:

……РОБЕРТ, тринадцати лет.

……УОЛДА БЕЛАЯ, одиннадцати лет.

……ДЖОНАС, восьми лет.

ПЕРИАННА, жена сира Леслина Хэя.

……Сын Перианны СИР ХАРИС ХЭЙ.

……Его сын УОЛДЕР, пяти лет.

……Сын Перианны СИР ДОННЕЛ ХЭЙ.

……Сын Перианны АЛИН ХЭЙ, оруженосец.

Потомство от второй жены, леди Сиренны из дома Сваннов:

СИР ДЖАРЕД, женатый на Алис Фрей (ныне вдов).

……Сын Джареда СИР ТИТОС, женатый на Зое Блантри, убит Сандором Клиганом на Красной Свадьбе.

……**Его дети:**

……Дочь ЦИЯ, четырнадцати лет.

……Сын ЗАХЕРИ, двенадцати лет, ученик в септе Староместа.

……Дочь Джареда КИРА, жена сира Гарса Гудбрука, убитого на Красной Свадьбе.

……**Ее дети:**

……УОЛДЕР ГУДБРУК, девяти лет.

……ДЖЕЙНА ГУДБРУК, шести лет.

СЕПТОН ЛЮЦЕОН, служитель Великой Септы Бейелора.

Потомство от третьей жены, леди Амареи из дома Кракехоллов:

СИР ХОСТИН, женатый на Беллене Хэвик.

……Сын Хостина СИР АРВУД, женат на Риэлле Ройс.

……**Его дети:**

……РИЭЛЛА пяти лет.

……Близнецы АНДРОУ и АЛИН, четырех лет.

……ХОСТЕЛЛА, новорожденная.

ЛЕДИ ЛИТЕН, жена лорда Люцеаса Випрена.

……Дочь Литен ЭЛИАНА, жена сира Джона Уайлда.

……Ее сын РИКАРД УАЙЛД, четырех лет.

……Сын Литен СИР ДАМОН ВИПРЕН.

САЙМОНД, женатый на Бетариос из Браавоса.

……Сын Саймонда АЛЕСАНДЕР, певец.

……Дочь Саймонда АЛИКС, девица семнадцати лет.

……Сын Саймонда БРАДАМАР, десяти лет, взятый на воспитание Ото Тендирисом, купцом из Браавоса.

СИР ДАНВЕЛ, женатый на Винафрее Уэнт.

……Все его дети рождались мертвыми.

МЕРРЕТ, повешенный разбойниками в Старых Камнях. Был женат на Марийе Дарри.

……Дочь Меррета АМАРЕЯ (АМИ). Ее муж, сир Пейт с Синего Зубца, убит Григором Клиганом.

……Дочь Меррета УОЛДА ТОЛСТАЯ, жена Русе Болтона, лорда Дредфорта.

……Дочь Меррета МАРИССА, тринадцати лет.

……Сын Меррета УОЛДЕР МАЛЫЙ, восьми лет, оруженосец на службе у Рамси Болтона.

СИР ДЖЕРЕМИ, утонул. Был женат на Каролее Уэйнвуд.

……Сын Джереми САНДОР, двенадцати лет, оруженосец.

……Дочь Джереми СИНТИЯ, девяти лет, воспитанница леди Аньи Уэйнвуд.

СИР РАЙМУНД, женат на Беони Бисбери.

……Сын Раймунда РОБЕРТ, кандидат в Цитадели.

……Сын Раймунда МАЛЬВИН, ученик алхимика в Лиссе.

……Дочери Раймунда, близнецы СЕРРА и

САРРА.

……Дочь Раймунда СЕРСЕЯ (ПЧЕЛКА).

……Сыновья Раймунда ДЖЕЙМЕ и ТАЙВИН, новорожденные близнецы.

Потомство от четвертой жены, леди Алиссы из дома Блэквудов:

ЛОТАР ХРОМОЙ, женатый на Леонелле Леффорд.

……**Дочери Лотара:**

……ТИСАНА, семи лет.

……УОЛДА, пяти лет.

……ЭМБЕРЛЕЯ, трех лет.

……ЛИАННА, новорожденная.

СИР ДЖЕММОС, женатый на Саллее Пэг.

……Сын Джеммоса УОЛДЕР БОЛЬШОЙ, восьми лет, оруженосец на службе у Рамси Болтона.

……Сыновья Джеммоса близнецы ДИКОН и МАТИС, пяти лет.

……СИР УЭЙЛЕН, женатый на Сильве Пэг.

……Сын Уэйлена ХОСТЕР, двенадцати лет, оруженосец на службе у сира Дамона Пэга.

……Дочь Уэйлена МЕРИАННА (МЕРРИ), одиннадцати лет.

ЛЕДИ МОРЬЯ, жена сира Флемента Бракса.

……Сын Морьи РОБЕРТ БРАКС, девяти лет, паж в Бобровом Утесе.

……Сын Морьи УОЛДЕР БРАКС, шести лет.

……Сын Морьи ДЖОН БРАКС, трех лет.

ТИТА, девица тридцати лет.

От пятой жены, леди Сарии Уэнт, лорд Уолдер потомства не имел.

Потомство от шестой жены, леди Бетани из дома Росби:

СИР ПЕРВИН.

СИР БЕНФРИ, умер от раны, полученной на Красной Свадьбе. Был женат на своей кузине Джианне Фрей.

……Дочь Бенфри ГЛУХАЯ ДЕЛЛА, трех лет.

……Сын Бенфри ОСМУНД, двух лет.

МЕЙСТЕР ВИЛЛАМЕН, несущий службу в Длинном Луке.

ОЛИВАР, бывший оруженосец Робба Старка.

РОСЛИН, шестнадцати лет. Красная Свадьба сыграна в честь ее замужества с лордом Эдмаром Талли.

Потомство от седьмой жены, леди Аннары из дома Фаррингов:

АРВИН, девица четырнадцати лет.

ВЕНДЕЛ, тринадцати лет, паж в Сигарде.

КОЛЬМАР, одиннадцати лет, предназначен в служители веры.

УОЛТИР (ТИР), десяти лет.

ЭЛМАР, десяти лет, ранее помолвленный с Арьей Старк.

ШИРЕЯ, самое младшее дитя лорда Уолдера, семи лет.

Восьмая жена, леди Жойез из дома Эренфордов, ныне беременна.

Внебрачные дети лорда Уолдера от разных матерей:

УОЛДЕР РИВЕРС (УОЛДЕР-БАСТАРД).

……Сын Уолдера СИР ЭЙЕМОН РИВЕРС.

……Дочь Уолдера УОЛДА РИВЕРС.

МЕЙСТЕР МЕЛЬВИС, несущий службу в Росби.

ДЖЕЙНА, МАРТИН, РИГЕР, РОНЕЛ, МЕЛЛАРА РИВЕРСЫ.

Дом Хайтауэров

Хайтауэры входят в число самых древних и горделивых домов Вестероса. Свой род они ведут от Первых Людей и на Заре Времен называли себя королями. Андалам они не оказали сопротивления, а после склонили колено перед Королями Простора, сохранив, однако, все свои древние

привилегии. Лорды Хайтауэры, могущественные и баснословно богатые, тем не менее всегда предпочитали торговлю битве и в войнах Семи Королевств не играли особой роли. Они приняли живое участие в основании Цитадели и по сей день оказывают ей покровительство. Хайтауэры всегда славились своей приверженностью наукам и вере, а некоторые из них, как говорят, занимались также алхимией, некромантией и прочими колдовскими науками.

Герб Хайтауэров — ступенчатая белая башня, увенчанная огнем, на туманно-сером поле, девиз — *Мы озаряем путь.*

ЛЕЙТОН ХАЙТАУЭР, Голос Староместа, лорд Гавани и Хайтауэра, Защитник Цитадели, Светоч Юга, по прозванию СТАРЕЦ ИЗ СТАРОМЕСТА.

……Его четвертая жена ЛЕДИ РЕЯ из дома Флорентов.

……Его старший сын и наследник СИР БЕЙЕЛОР по прозванию БЕЛОЗУБЫЙ, женатый на Ронде Рован.

……Его дочь МАЛОРА, прозванная БЕЗУМНОЙ ДЕВОЙ.

……Его дочь АЛЕРИЯ, жена лорда Мейса Тирелла.

……Его

сын СИР ГАРТ, по прозванию СТАЛЬНОЙ.

……Его дочь ДЕНИЗА, жена сира Десмонда Редвина.

……Ее сын ДЕНИС, оруженосец.

……Его дочь ЛЕЙЛА, жена сира Джона Капса.

……Его дочь АЛИСАННА, жена лорда Артура Амброза.

……Его дочь ЛИНЕССА, бывшая жена лорда Джораха Мормонта, ныне главная наложница Трегара Ормоллена из Лисса.

……Его сын СИР ГУНТОР, женатый на Джейне Фоссовей из Фоссовеев зеленого яблока.

……Его младший сын СИР ХАМФРИ.

Знаменосцы лорда Лейтона:

ТОММЕН КОСТЕЙН, лорд Трех Башен.

АЛИСАННА БУЛЬВЕР, леди Черной Короны, восьми лет.

МАРТИН МАЛЛЕНДОР, лорд Вышеземья.

УОРРЕН БИСБЕРИ, лорд Медовой Рощи.

БРАНСТОН КЬЮ, лорд Подсолнечника.

Горожане Староместа:

ЭММА, прислужница «Пера и Кружки» — таверны, славной сговорчивыми женщинами и замечательно крепким сидром.

……РОЗИ, ее дочка, пятнадцати лет, чью невин-

ность мать оценила в один золотой дракон.

Архимейстеры Цитадели:

НОРРЕН, сенешаль минувшего года. Кольцо, жезл и маска из сплава золота с серебром.

ТЕОБАЛЬД, новый сенешаль. Кольцо, жезл и маска свинцовые.

ЭБРОЗ, целитель. Кольцо, жезл и маска серебряные.

МАРВИН по прозванию МАГ. Кольцо, жезл и маска из валирийской стали.

ПЕРЕСТИН, историк. Кольцо, жезл и маска медные.

ВАЭЛЛИН по прозвищу УКСУСНЫЙ, звездочет. Кольцо, жезл и маска бронзовые.

РАЭМ. Кольцо, жезл и маска золотые.

ВАЛГРЕЙВ, слабый разумом старец. Кольцо, жезл и маска чугунные.

ГАЛЛЕОД, КАСТОР, ЗАРАБЕЛЛО, БЕНЕДИКТ, ГЭРИЗОН, НИМОС, СЕТЕРЕС, ВИЛЛИФЕР, МОЛЛОС, ГАРОДОН, ГЮЙН, АКРИВЕН, ОКЛИ.

Мейстеры, кандидаты и школяры Цитадели:

МЕЙСТЕР ГОРМЕН, часто заменяющий Валгрейва.

АРМИН-КАНДИДАТ, выковавший четыре звена своей будущей цепи.

АЛЛЕРАС по прозвищу СФИНКС, кандидат с тремя звеньями, меткий стрелок из лука.

РОБЕРТ ФРЕЙ, шестнадцати лет, кандидат с двумя звеньями.

ЛОРКАС, кандидат с девятью звеньями, на службе у сенешаля.

ЛЕО ТИРЕЛЛ, он же ЛЕО-ЛЕНИВЕЦ, школяр благородного звания.

МОЛЛАНДЕР, школяр с поврежденной ногой.

ПЕЙТ, не слишком блестящий школяр, приставленный к воронам архимейстера Валгрейва.

РУН, школяр четырнадцати лет.

Дом Ланнистеров

Ланнистеры из Бобрового Утеса остаются главной опорой короля Томмена в борьбе за Железный Трон. Они утверждают, что происходят от Ланна Умного, легендарного хитреца Века Героев.

Золото Бобрового Утеса и Золотого Зуба сделало их самыми богатыми из всех великих домов. Герб Ланнистеров — золотой лев на красном поле, девиз — *Услышь мой рев.*

ТАЙВИН ЛАННИСТЕР, лорд Бобрового Утеса, Хранитель Запада, Щит Ланниспорта, десница короля. Убит своим сыном Тирионом в отхожем месте.

Его дети:

СЕРСЕЯ, королева-регентша, ныне леди Бобрового Утеса.

СИР ДЖЕЙМЕ, ее брат-близнец, прозванный Цареубийцей.

ТИРИОН, карлик, по прозвищу БЕС.

Его сестра, братья, племянники:

ЛЕДИ ДЖЕННА, жена сира Эммона Фрея, нового лорда Риверрана.

……Ее потомство см. **Дом Фреев, сир Эммон.**

……УОТ БЕЛОЗУБЫЙ, певец у нее на службе.

СИР КИВАН ЛАННИСТЕР, женатый на Дорне Свифт.

……**Его дети:**

……СИР ЛАНСЕЛЬ, ранее оруженосец короля Роберта, любовник Серсеи, пожалованный титулом лорда Дарри.

……ВИЛЛЕМ, убитый в Ривеpране.
……МАРТИН, близнец Виллема, оруженосец.
……ЖАНЕЯ, трех лет.
СИР ТИГЕТТ ЛАННИСТЕР, умерший от оспы.
……Его сын ТИРЕК, пропавший без вести.
ГЕРИОН, погибший в море.
……Его внебрачная дочь ДЖОЙ ХИЛЛ, одиннадцати лет.

Другие родственники лорда Тайвина:
СИР СТАФФОРД ЛАННИСТЕР, кузен и брат покойной жены Тайвина, убитый при Окскроссе.
……Его дочери СЕРЕННА и МИРИЭЛЬ.
……Его сын СИР ДАВЕН.
СИР ДАМИОН ЛАННИСТЕР, кузен, женатый на Шире Кракехолл.
……Его дети, СИР ЛЮЦИОН.
ЛАННА, жена лорда Антарио Джаста.
ЛЕДИ МАРГО, кузина, жена лорда Титуса Пека.

Домочадцы Бобрового Утеса:
МЕЙСТЕР ГРЕЙЛИН.
ВИЛЛАР, капитан гвардии.
СИР БЕНЕДИКТ БРУМ, мастер над оружием.

Знаменосцы Ланнистеров:
ДАМОН МАРБРАНД, лорд Эшмарка.
……Его сын и наследник СИР АДДАМ, начальник

городской стражи в Королевской Гавани.

РОЛАНД КРАКЕХОЛЛ, лорд Кракехолла.

……Его брат СИР БЕРТОН, убитый разбойниками.

……Его сын и наследник СИР ТИБОЛТ.

……Младшие сыновья СИР ЛАЙЛ (МОГУЧИЙ ВЕПРЬ) и СИР МЕРЛОН.

СЕБАСТОН ФАРМЕН, лорд Светлого острова.

……Его сестра ЖАНЕЯ, жена сира Гарета Клифтона.

ТИТОС БРАКС, лорд Хорнваля.

……СИР ФЛЕМЕНТ, его брат и наследник.

КВЕНТИН БАНФОРТ, лорд Банфорта.

СИР ХАРИС СВИФТ, тесть Кивана Ланнистера.

……Его сын СИР СТЕФФОН.

……Его дочь ДЖОАННА.

……Дочь ШИРЛИ, жена сира Мельвина Сарсфилда.

РЕГЕНАРД ЭСТРЕН, лорд Виндхолла.

ГАВЕН ВЕСТЕРЛИНГ, лорд Крэга.

……Его жена ЛЕДИ СИБЕЛЛА из дома Спайсеров.

……Ее брат СИР РОЛЬФ СПАЙСЕР, новый лорд Кастамере.

……Ее кузен СИР СЭМВЕЛ СПАЙСЕР.

……**Дети Вестерлингов:**

.....СИР РЕЙНАЛЬД.

.....ЖИЕННА, вдова Робба Старка.

.....ЭЛЕЙНА, двенадцати лет.

.....РОЛЛАМ, девяти лет.

ЛОРД СЕЛЬМОНД СТАКСПИР.

.....**Его сыновья:**

.....СИР СТЕФФОН.

.....СИР АЛИН.

ТЕРРЕНС КЕННИНГ, лорд Кайса.

.....СИР КЕННОТ, рыцарь у него на службе.

ЛОРД АНТАРИО ДЖАСТ.

ЛОРД РОБИН МОРЛЕНД.

ЛЕДИ АЛИСАННА ЛЕФФОРД.

ЛЕВИС ЛИДДЕН, лорд Глубокого Логова.

ЛОРД ФИЛИП ПЛАММ.

.....Его сыновья: СИР ДЕННИС, СИР ПЕТИР, СИР ХАРВИН ТВЕРДОКАМЕННЫЙ.

ЛОРД ГАРРИСОН ПРЕСТЕР.

.....Его кузен СИР ФОРЛИ ПРЕСТЕР.

СИР ГРИГОР КЛИГАН по прозванию СКАЧУЩАЯ ГОРА.

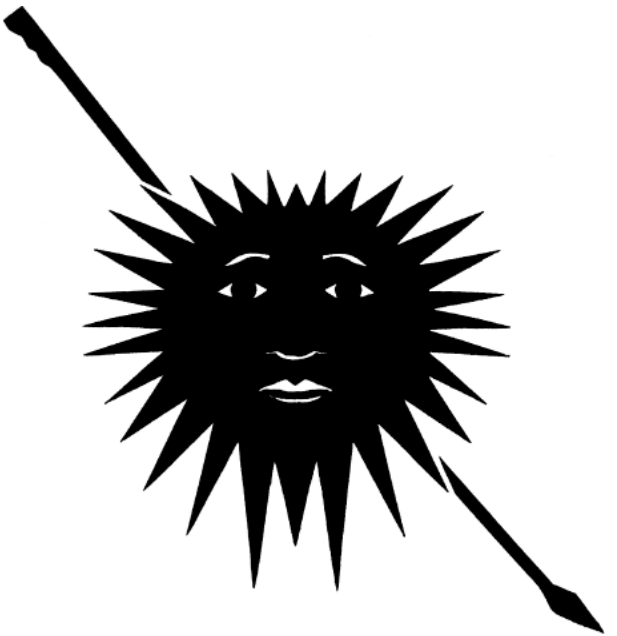
.....Его брат САНДОР КЛИГАН.

СИР ЛОРЕТ ЛОРХ, СИР ГАРТ ГРИНФИЛД, СИР ЛАЙМОНД ВИКАРИ, СИР РЕЙНАРД РАТТИГЕР, СИР МАНФРЕД ЙО — рыцари-помещики.

СИР ТИБОЛТ ГЕТЕРСПУН, рыцарь-помещик.

.....Его дочь МЕЛАРА утонула в колодце, будучи воспитанницей в Бобровом Утесе.

Дом Мартеллов



Дорн был последним из семи королевств, при-

сягнувших Железному Трону. По крови, обычаям и истории дорнийцы отличаются от жителей других королевств. В Войне Пяти Королей Дорн поначалу не принимал участия, но после помолвки принцессы Мирцеллы Баратеон с принцев Тристаном Мартеллом принял сторону короля Джоффри. Герб Мартеллов — красное солнце, пронзенное золотым копьем, девиз — *Непреклонные, несгибаемые, несдающиеся.*

ДОРАН НИМЕРОС МАРТЕЛЛ, лорд Солнечного Копья, принц Дорнийский.

Его жена МЕЛЛАРИО из вольного города Норвоса.

Их дети:

……ПРИНЦЕССА АРИАННА, наследница Солнечного Копья.

……Ее молочный брат и преданный друг ГАРРИН из сирот Зеленой Крови.

……ПРИНЦ КВЕНТИН, недавно произведенный в рыцари. С детских лет был воспитанником лорда Айронвуда.

……ПРИНЦ ТРИСТАН, нареченный Мирцеллы Баратеон.

……Его сестра ПРИНЦЕССА ЭЛИЯ, жена принца Рейегара Таргариена, убитая вместе с малыми

детьми РЕЙЕНИС и ЭЙЕГОНОМ при взятии Королевской Гавани.

……Его брат ПРИНЦ ОБЕРИН КРАСНЫЙ ЗМЕЙ, убитый на поединке сиром Григором Клиганом.

……Любовница Оберина ЭЛЛАРИЯ СЭНД, внебрачная дочь лорда Хармена Уллера.

……Внебрачные дочери самого Оберина от разных матерей, прозванные песчаными змейками:

……ОБАРА, двадцати восьми лет, от уличной девки из Староместа.

……НИМЕРИЯ (НИМ), двадцати пяти лет, от благородной дамы из Волантиса.

……ТИЕНА, двадцати трех лет, от септы.

……САРЕЛЛА, девятнадцати лет, от купчихи, владелицы судна «Пернатый поцелуй».

……ЭЛИЯ, четырнадцати лет.

……ОБЕЛЛА, двенадцати лет.

……ДОРЕЯ, восьми лет.

……ЛОРЕЗА, шести лет — от Элларии Сэнд.

Домочадцы принца Дорана в Водных Садах:

АРЕО ХОТАХ из Норвоса, капитан гвардии.

МЕЙСТЕР КАЛЕОТТ.

Множество детей как высокого, так и низкого звания, его воспитанники.

Двор принца Дорана в Солнечном Копье:

ПРИНЦЕССА МИРЦЕЛЛА БАРАТЕОН, его подопечная, невеста принца Тристана.

……СИР АРИС ОКХАРТ, королевский гвардеец, телохранитель Мирцеллы.

……РОЗАМУНДА ЛАННИСТЕР, дальняя родственница и компаньонка Мирцеллы.

……СЕПТА ЭГЛАНТИНА, наставница Мирцеллы.

МЕЙСТЕР МИЛЕС.

РИКАССО, слепой сенешаль.

СИР МАНФРИ МАРТЕЛЛ, кастелян.

ЛЕДИ АЛИС ЛЕДИБРИТ, казначей.

СИР ГАСКОЙН с Зеленой Крови, телохранитель принца Тристана.

БОРС, ТИМОТ, БЕЛАНДРА, СЕДРА, МОРРА, МЕЛЛЕЯ — слуги и служанки.

Знаменосцы принца Дорана, дорнийские лорды:

АНДЕРС АЙРОНВУД, лорд Айронвуда, Хранитель Каменного Пути, принц крови.

……Его сын СИР КЛОТУС.

……Мейстер их дома КЕДДЕРИ.

ХАРМЕН УЛЛЕР, лорд Адова Холма.

……Его внебрачная дочь ЭЛЛАРИЯ СЭНД.

……Его брат СИР УЛЬВИК.

ДЕЛОННА АЛЛИРИОН, леди Дара Богов.

……Ее сын и наследник СИР РАЭН.

.....Его внебрачный сын СИР ДЕЙЕМОН СЭНД, Бастард из Дара Богов.

ДАГОС МАНВУДИ, лорд Королевской Гробницы.

.....Его сыновья МОРС и ДИКОН.

.....Его брат СИР МИЛЬС.

ЛАРРА БЛЭКМОНТ, леди Блэкмонта.

.....Ее дочь и наследница ЖИНЕССА.

.....Ее сын ПЕРРОС, оруженосец.

НИМЕЛЛА ТОЛАНД, леди Призрачного Холма.

КВЕНТИН КВОРГИЛ, лорд Песчаника.

.....Его сын и наследник СИР ГУЛИАН.

.....Его младший сын СИР АРРЕН.

СИР ДЭЗИЕЛ ДАЛЬТ, Рыцарь Лимонной Рощи.

.....Его брат и наследник ЭНДРЮ (ДРЮ).

ФРАНКЛИН ФАУЛЕР, лорд Поднебесного, по прозванию Старый Ястреб, Хранитель Принцева перевала.

.....Его
дочери-близнецы ДЖЕЙНА и ДЖЕННЕЛИНА.

САЙМОН САНТАГАР, лорд Крапчатого Леса.

.....Его дочь и наследница СИЛЬВА-КРАПИНКА.

ЭДРИК ДЕЙН, лорд Звездопада.

.....Его кузен и знаменосец СИР ГЕРОЛЬД ДЕЙН ТЕМНАЯ ЗВЕЗДА, Рыцарь Горного Приюта.

ТРЕБОР ДЖОРДЕЙН, лорд Тора.

.....Его дочь и наследница МИРИЯ.

ТРЕМОНД ГАРГАЛЕН, лорд Соленого Берега.
ДЕЙЕРОН ВЕЙТ, лорд Красных Дюн.

Дом Старков

Старки ведут свой род от Брандона Строителя и Королей Зимы. Тысячи лет они правили в Винтерфелле, называя себя Королями Севера, пока наконец Торрхен Старк, Король, Преклонивший Колено, решил присягнуть на верность Эйегону Драконовластному, а не сражаться с ним. Когда король Джоффри казнил лорда Эддарда Старка

из Винтерфелла, северные лорды отреклись от присяги Железному Трону и провозгласили Робба, сына Эддарда, новым Королем Севера. Во время Войны Пяти Королей Робб не проиграл ни одного сражения, но был предан и убит Фреями и Болтонами в Близнецах, на свадьбе своего дяди.

Герб Старков — серый лютоволк, бегущий по снежно-белому полю, девиз — *Зима близко.*

РОББ СТАРК, шестнадцати лет, Король Севера и Трезубца, старший сын лорда Эддарда Старка и леди Кейтилин из дома Талли, прозванный Молодым Волком; убит на Красной Свадьбе. Его лютоволк СЕРЫЙ ВЕТЕР убит там же.

Его братья и сестры:

САНСА, тринадцати лет, выданная за Тириона из дома Ланнистеров.

……Ее лютоволчица ЛЕДИ убита в замке Дарри.

АРЬЯ, одиннадцати лет, пропавшая и считающаяся мертвой.

……Ее лютоволчица НИМЕРИЯ рыщет по речным землям.

БРАНДОН (БРАН), девяти лет, калека, наследник Винтерфелла, считается мертвым.

……Его лютоволк ЛЕТО.

……**Его друзья и спутники:**

.....МИРА РИД, шестнадцати лет, дочь лорда Хоуленда Рида из Сероводья.

.....Ее брат ЖОЙЕЗ, тринадцати лет.

.....ХОДОР, дурачок гигантского роста.

РИКОН, четырех лет, считается мертвым.

.....Его лютоволк МОХНАТЫЙ ПЕСИК.

.....Его защитница ОША, одичалая, ранее пленница в Винтерфелле.

Побочный брат ДЖОН СНОУ, избранный лордом-командующим Ночного Дозора.

Дяди, тетки, кузены:

Младший брат отца БЕНДЖЕН СТАРК, брат Ночного Дозора, пропавший без вести за Стеной.

Сестра матери ЛИЗА АРРЕН, вдова Джона Аррена, леди Орлиного Гнезда, погибшая при падении с высоты.

.....Ее сын РОБЕРТ АРРЕН, лорд Орлиного Гнезда, Защитник Долины.

Брат матери ЭДМАР ТАЛЛИ, лорд Риверрана, взятый в плен на Красной Свадьбе.

.....Его молодая жена ЛЕДИ РОСЛИН из дома Фреев.

Дядя матери СИР БРИНДЕН ТАЛЛИ по прозванию Черная Рыба, кастелян Риверрана.

Соратники Робба:

ДОННЕЛ ЛОКЕ, ОУЭН НОРРИ, ДЕЙСИ МОРМОНТ, СИР ВЕНДЕЛ МАНДЕРЛИ, РОБИН ФЛИНТ, убитые на Красной Свадьбе.

ХАЛЛИС МОЛЛЕН, капитан гвардии, везущий в Винтерфелл останки Эддарда Старка.

……ДЖЕКС, КВЕНТ, ШАДД — гвардейцы.

Знаменосцы Молодого Волка, лорды Севера:

РУСЕ БОЛТОН, лорд Дредфорта, предавший своего сюзерена.

……Его законный сын и наследник ДОМЕРИК умер от живота.

……Его внебрачный сын РАМСИ БОЛТОН (ранее РАМСИ СНОУ), Бастард Болтонский, кастелян Дредфорта.

……УОЛДЕР БОЛЬШОЙ И УОЛДЕР МАЛЫЙ, оба ФРЕИ, оруженосцы Рамси.

……ВОНЮЧКА, латник, выдававший себя за Рамси, убит в Винтерфелле.

……Пленница Русе и невеста Рамси, мнимая АРЬЯ СТАРК.

……Капитан на службе у Русе УОЛТОН ЖЕЛЕЗНЫЕ ИКРЫ.

……БЕТ КАССЕЛЬ, КИРА, РЕПКА, ПАЛЛА, ШИРА, БЕНДИ, СТАРАЯ НЭН — женщины из Винтерфелла, пленницы в Дредфорте.

ДЖОН АМБЕР (БОЛЬШОЙ ДЖОН), лорд Послед-

него Очага, пленник в Близнецах.

……Его старший сын и наследник, МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН, убит на Красной Свадьбе.

……Его дяди, МОРС ВОРОНЬЕ МЯСО и ХОЗЕР СМЕРТЬ ШЛЮХАМ, кастеляны Последнего Очага.

РИКАРД КАРСТАРК, лорд Кархолда, казнен за убийство пленных.

……Его сыновья ЭДДАРД и ТОРРХЕН, убиты в Шепчущем лесу.

……Его сын ХАРРИОН, пленник в Девичьем Пруду.

……Его дочь ЭЛИС, пятнадцати лет.

……Его дядя АРНОЛЬФ, кастелян Кархолда.

ГАЛБАРТ ГЛОВЕР, хозяин Темнолесья, неженат.

……Его брат и наследник РОБЕРТ.

……Жена Роберта СИБЕЛЛА из дома Локе.

……**Дети Роберта:**

……ГАВЕН, трех лет.

……ЭРЕНА, грудной младенец.

……Воспитанник Галбарта ЛАРЕНС СНОУ, побочный сын лорда Хорнвуда, тринадцати лет.

ХОУЛЕНД РИД, лорд Сероводья.

……Его жена ЖИАНА.

……**Его дети:**

……МИРА.

……ЖОЙЕЗ.

ВИМАН МАНДЕРЛИ, лорд Белой Гавани, необычайной толщины.

……Его сын и наследник СИР ВИЛИС, пленник в Харренхолле.

……Жена Вилиса ЛЕОНА из дома Вулфилдов.

……**Их дочери:**

……ВИНАФРИД, девятнадцати лет.

……ВИЙЛА, пятнадцати лет.

……Второй сын Вимана СИР ВЕНДЕЛ, убитый на Красной Свадьбе.

……Кузен Вимана СИР МАРЛОН МАНДЕРЛИ, командир гарнизона в Белой Гавани.

……Мейстер их дома ТЕОМОР.

МЕЙДЖ МОРМОНТ, леди Медвежьего острова.

……Ее старшая дочь и наследница ДЕЙСИ убита на Красной Свадьбе.

……Ее дочери АЛИСАННА, ЛИРА, ДЖОРЕЛЛА, ЛИАННА.

……Ее брат ДЖИОР МОРМОНТ, лорд-командующий Ночного Дозора, убит за Стеной собственными людьми.

……Ее племянник СИР ДЖОРАХ, прежний лорд, приговорен к изгнанию.

СИР ХЕЛМАН ТОЛХАРТ, хозяин Торрхенова Удела, убит у Синего Дола.

……Его сын и наследник БЕНФРЕД убит Желез-

ными Людьми на Каменном Берегу.

……Его дочь ЭЛЛАРА, пленница в Торрхеновом Уделе.

……Брат Хелмана ЛЕОБАЛЬД, убитый при Винтерфелле.

……Его жена БЕРЕНА из дома Хорнвудов.

……**Его сыновья:**

……БРАНДОН и БЕРЕН — пленники в Торрхеновом Уделе.

РОДРИК РИСВЕЛЛ, лорд Родников.

……Его дочь БАРБРИ ДАСТИН, леди Барроутона, вдова лорда Вильяма Дастина.

……Вассал Барбри ХАРВУД СТАУТ.

……Дочь Стаута БЕТАНИ БОЛТОН, вторая жена Русе Болтона, умершая от лихорадки.

……Кузены и знаменосцы Родрика РОДЖЕР, РИКАРД И РУСЕ РИСВЕЛЛЫ.

КЛЕЙ СЕРВИН, лорд Сервина, убит при Винтерфелле.

……Его сестра ЖОНЕЛЛА, девица тридцати двух лет.

ЛИЭСА ФЛИНТ, леди Вдовьего Дозора.

ОНДРИ ЛОКЕ, лорд Старого Замка.

ХЬЮГО ВУЛЛ БОЛЬШОЕ ВЕДРО, БРАНДОН НОРРИ, ТОРРЕН ЛИДДЛЬ — вожди кланов.

Дом Талли

Лорд Эдмин Талли из Риверрана был одним из первых Лордов Реки, присягнувших на верность Эйегону Завоевателю. Эйегон вознаградил его, сделав дом Талли главой над всеми землями Трезубца. Герб Талли — прыгающая форель, серебряная, на поле из синих и красных волн, девиз — *Семья, долг, честь.*

ЭДМАР ТАЛЛИ, лорд Риверрана, взятый в плен Фреями на собственной свадьбе.

Его молодая жена ЛЕДИ РОСЛИН из дома Фреев.

Его сестры:

……ЛЕДИ КЕЙТИЛИН СТАРК, вдова лорда Эддарда Старка, убитая на Красной Свадьбе.

……ЛЕДИ ЛИЗА АРРЕН, вдова лорда Джона Аррена, погибшая при падении с высоты.

……Его дядя СИР БРИНДЕН ТАЛЛИ по прозванию Черная Рыба, кастелян Риверрана.

Его домочадцы:

МЕЙСТЕР ВИМАН.

СИР ДЕСМОНД ГРЕЛЛ, мастер над оружием.

СИР РОБИН РИГЕР, капитан гвардии.

……ДЛИННЫЙ ЛЬЮ, ЭЛВУД, ДЕЛП — гвардейцы.

УТЕРАЙДС УЭЙН, стюард.

Знаменосцы Эдмара, лорды Трезубца:

ТИТОС БЛЭКВУД, лорд Древорона.

……Его сын ЛУКАС, убитый на Красной Свадьбе.

ДЖОНОС БРАКЕН, лорд Стонхеджа.

ЯСОН МАЛЛИСТЕР, лорд Сигарда, пленник в собственном замке.

……Его сын ПАТРЕК, в плену вместе с отцом.

……Его дядя СИР ДЕННИС МАЛЛИСТЕР, один из командиров Ночного Дозора.

КЛЕМЕНТ ПАЙПЕР, лорд Замка Розовой Девы.

……Его сын и наследник, СИР МАРК, взят в плен на Красной Свадьбе.

КАРИЛ ВЕНС, лорд Отдыха Странника.

……Его дочери ЛИАННА, РИАЛЬТА, ЭМФИРИЯ.

НОРБЕРТ ВЕНС, слепой лорд Атранты.

……Его сыновья: СИР РОНАЛЬД ДУРНОЙ, СИР ХЬЮГО, СИР ЭЛЛЕРИ, СИР КИРТ, МЕЙСТЕР ДЖОН.

ТЕОМАР СМОЛВУД, лорд Желудей.

……Его жена РАВЕЛЛА из дома Сваннов.

……Его дочь КАРИЛЛЕН.

ВИЛЬЯМ МОУТОН, лорд Девичьего Пруда.

ШЕЙЛА УЭНТ, бывшая леди Харренхолла.

……Рыцарь у нее на службе СИР ВИЛИС УОД.

СИР ХАЛМОН ПЭГ.

ЛОРД ЛАЙМОНД ГУДБРУК.

Дом Тиреллов

Тиреллы обрели могущество как стюарды Королей Раздолья, хотя и утверждают, что ведут свой род от Гарта Зеленой Длани, короля-садовника Первых Людей. Когда последний король дома Гар-

денеров пал на Огненном Поле, его стюард Харлен Тирелл сдал Хайгарден Эйегону Завоевателю, за что Эйегон пожаловал ему замок и обширные земли. В начале Войны Пяти Королей Мейс Тирелл принял сторону Ренли Баратеона и отдал ему руку своей дочери Маргери. По смерти Ренли Хайгарден заключил союз с домом Ланнистеров, и Маргери стала невестой короля Джоффри.

Герб Тиреллов — золотая роза на травянисто-зеленом поле, девиз — *Вырастая — крепнем.*

МЕЙС ТИРЕЛЛ, лорд Хайгардена, Хранитель Юга, Защитник Марок, Верховный Маршал Раздолья.

……Его жена ЛЕДИ АЛЕРИЯ, урожденная Хайтауэр из Староместа.

Их дети:

……УИЛЛАС, наследник Хайгардена.

……СИР ГАРЛАН ГАЛАНТНЫЙ, новый лорд Брайтуотера, женатый на леди Леонетте из дома Фоссовеев.

……СИР ЛОРАС, Рыцарь Цветов, принятый в Королевскую Гвардию.

……МАРГЕРИ, дважды вдова.

……**Ее компаньонки и фрейлины:**

……Кузины МЕГГА, ЭЛЛА И ЭЛИНОР ТИРЕЛЛ.

.....Жених Элинор — АЛИН АМБРОЗ.

.....ЛЕДИ АЛИСАННА БУЛЬВЕР, ЛЕДИ АЛИСА ГРЕЙСФОРД, ЛЕДИ ТАЭНА МЕРРИВЕЗЕР, МЕРЕДИТ КРЕЙН, СЕПТА НЕСТОРИКА.

Вдовствующая мать лорда Мейса ЛЕДИ ОЛЕННА из дома Редвинов, прозванная Королевой Шипов.

.....Ее телохранители АРРИК и ЭРРИК, именуемые Левым и Правым.

Сестры лорда Мейса:

.....ЛЕДИ МИНА, жена Пакстера Редвина, лорда Бора.

.....**Ее дети:**

.....Близнецы СИР ХОРАС (ОРЯСИНА) и СИР ХОББЕР (БОББЕР).

.....ДЕСМЕРА, шестнадцати лет.

.....ЛЕДИ ЯННА, жена сира Джона Фоссовея.

Дяди и кузены:

Дядя ГАРТ ТУЧНЫЙ, лорд-сенешаль Хайгардена.

.....Его внебрачные сыновья ГАРСЕ и ГАРРЕТ ФЛАУЭРСЫ.

Дядя СИР МОРИН, лорд-командующий городской стражей Староместа.

.....Его сын ЛЮТОР (покойный), женатый на леди Элин Норридж.

.....**Дети Лютора:**

.....ТЕОДОР, женатый на леди Лие Серри.

.....**Дети Теодора:**

.....ЭЛИНОР.

.....ЛЮТОР, оруженосец.

.....МЕЙСТЕР МЕДВИК.

.....ОЛИН, жена сира Лео Блэкбара.

.....Сын Морина ЛЕО ЛЕНИВЕЦ, школяр в Цитадели Староместа.

Дядя ГОРМЕН, мейстер Цитадели.

Кузен СИР КВЕНТИН, погибший при Эшфорде.

.....Его сын СИР ОЛИМЕР, женатый на леди Лизе Медоуз.

.....Его дети РАЙМУНД, РИКАРД и МЕГГА.

Кузен МЕЙСТЕР НОРМУНД, несущий службу в Черной Короне.

Кузен СИР ВИКТОР, убитый Улыбчивым Рыцарем из Братства Королевского леса.

.....Дочь Виктора ВИКТАРИЯ, жена лорда Джона Бульвера, умершая от летней лихорадки.

.....Дочь Виктарии АЛИСАННА БУЛЬВЕР, восьми лет.

.....Сын Виктора СИР ЛЕО, женатый на леди Элис Бисбери.

.....Его дети ЭЛЛА, ЛЕОНА, ЛИОНЕЛЬ, ЛЮКАС И ЛОРЕНТ.

Домочадцы Хайгардена:

МЕЙСТЕР ЛОМИС.

АЙГОН ВИРВЕЛ, капитан гвардии.

СИР ВОРТИМЕР КРЕЙН, мастер над оружием.

МАСЛОБОЙ, шут необычайной толщины.

Знаменосцы Тиреллов, лорды Раздолья:

РЕНДИЛЛ ТАРЛИ, лорд Рогова Холма.

ПАКСТЕР РЕДВИН, лорд Бора.

……Его сыновья-близнецы, СИР ХОРАС и СИР ХОББЕР.

……Мейстер их дома БАЛЛАБАР.

АРВИН ОКХАРТ, леди Старой Дубравы.

……Ее младший сын СИР АРИС, рыцарь Королевской Гвардии.

МАТИС РОВАН, лорд Золотой Рощи, женатый на Бетани Редвин.

ЛЕЙТОН ХАЙТАУЭР, Голос Староместа, лорд Гавани.

ХАМФРИ ХЬЮЭТТ, лорд Дубового Щита.

……Его внебрачная дочь ФАЛИЯ.

ОСБЕРТ СЕРРИ, лорд Южного Щита.

……Его сын и наследник СИР ТАЛБЕРТ.

ГУТОР ГРИМ, лорд Серого Щита.

МОРИБАЛЬД ЧЕСТЕР, лорд Зеленого Щита.

ОРТОН МЕРРИВЕЗЕР, лорд Длинного Стола.

……Его жена ТАЭНА из Мира.

.....Его сын РАССЕЛ, шести лет.

ЛОРД АРТУР АМБРОЗ, женатый на леди Алисанне Хайтауэр.

Рыцари на службе у Тиреллов:

СИР ДЖОН из ФОССОВЕЕВ зеленого яблока.

СИР ТАНТОН из ФОССОВЕЕВ красного яблока.

Мятежники, странники, простолюдины, присяжные братья
Мелкая знать, странствующие рыцари, простые люди

СИР КРЕЙТОН ДЛИННЫЙ СУК и СИР ИЛЛИФЕР БЕССРЕБРЕНИК, межевые рыцари.

ХИБАЛЬД, купец.

……Межевой рыцарь у него на службе СИР ШАДРИК из Тенистой Долины, по прозвищу БЕШЕНАЯ МЫШЬ.

БРИЕННА, ТАРТСКАЯ ДЕВА, она же БРИЕННА КРАСОТКА, странствующая воительница.

……Ее отец СЕЛЬВИН ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА, лорд Тарта.

……Ее давнишние поклонники БЕН БУШИ, СИР ХИЛЬ ХАНТ, СИР МАРК МАЛЛЕНДОР, СИР ЭДМУНД АМБРОЗ, СИР РИЧАРД ФАРРОУ, УИЛЛ-ЖУРАВЛЬ, СИР ХЬЮ БИСБЕРИ, СИР РАЙМОНД НЕЙЛАНД, ГАРРИ СОЙЕР, СИР ОУЭН ДЮЙМЕЛЬ, РОБИН ПОТТЕР.

РЕНФРЕД РИККЕР, лорд Синего Дола.

……Его одноногий кастелян СИР РУФУС ЛЕК.

ВИЛЬЯМ МОУТОН, лорд Девичьего Пруда.

……Его старшая дочь и наследница ЭЛИНОР, тринадцати лет.

РЕНДИЛЛ ТАРЛИ, лорд Рогова Холма, командующий войсками короля Томмена на Трезубце.

……Его сын и наследник ДИКОН, оруженосец.

СИР ХИЛЬ и его кузен СИР АЛИН ХАНТЫ, на службе у дома Тарли.

ДИК КРЭБ или ДИК-ПРОЙДОХА с мыса Раздвоенный Коготь.

ЮСТАС БРЮН, лорд Дирдена.

……Его кузен БЕННАРД БРЮН, Рыцарь Бурой Лощины.

СИР РОДЖЕР ХОГГ, Рыцарь Свиного Рога.

МЕРИБАЛЬД, босоногий септон.

……Его собака по кличке СОБАКА.

……СТАРШИЙ БРАТ.

……НАРБЕРТ, ГИЛЛЕМ, РОУНИ — монахи Тихого острова.

……СИР КВИНСИ КОКС, Рыцарь из Солеварен, дряхлый старец.

В гостинице на перекрестке дорог:

ДЛИННАЯ ДЖЕЙНА ХЕДЛЬ, хозяйка гостиницы, восемнадцати лет.

……Ее младшая сестра ИВА.

РОМАШКА, ПЕЙТ, ДЖОН ГРОШИК, БЕН — сироты.

ДЖЕНДРИ, кузнечный подмастерье, бастард короля Роберта, не знающий, чей он сын.

В Харренхолле:

РАФФОРД (РАФФ-КРАСАВЧИК), СРАНЫЙ РОТ, ДАНСЕН — солдаты.

БЕН ЧЕРНОПАЛЫЙ, кузнец и оружейник.

ПИА, служанка.

МЕЙСТЕР ГУЛИАН.

В Дарри:

ЛЕДИ АМАРЕЯ ФРЕЙ, по прозванию АМИ-ОТКРОЙ-ВОРОТА, молодая жена лорда Ланселя Ланнистера.

……Ее мать ЛЕДИ МАРИЙЯ, вдова Меррета Фрея, урожденная Дарри.

……Ее сестра МАРИССА, тринадцати лет.

СИР ХАРВИН ПЛАММ ТВЕРДОКАМЕННЫЙ, командир гарнизона.

МЕЙСТЕР ОТТОМОР.

В гостинице Коленопреклоненного:

ШАРНА, хозяйка, повариха и повитуха.

Ее муж по прозвищу МУЖ.

Мальчик-сирота, взятый ими на воспитание.

ПИРОЖОК, подручный пекаря, сирота.

Разбойники и недобитки

БЕРИК ДОНДАРРИОН, бывший лорд Черной Гавани, шестикратно убитый.

……ЭДРИК ДЕЙН, двенадцати лет, лорд Звездопада, оруженосец Берика.

……БЕЗУМНЫЙ ОХОТНИК из Каменной Септы, временами союзник Берика.

……ЗЕЛЕНАЯ БОРОДА, наемник из Тироша.

……ЭНГИ-ЛУЧНИК с Дорнийских Марок.

……МЕРРЕТ ИЗ ЛУННОГО ГОРОДА, УОТТИ-МЕЛЬНИК.

ЛЕДИ БЕССЕРДЕЧНАЯ, женщина с закрытым лицом, именуемая также ПОМИЛУЙ НАС МАТЕРЬ, МОЛЧАЛИВАЯ СЕСТРА, ВЕШАТЕЛЬНИЦА.

……ЛИМ ЖЕЛТЫЙ ПЛАЩ, бывший солдат.

……ТОРОС ИЗ МИРА, красный жрец.

……ХАРВИН, сын Халлена, служивший прежде лорду Эддарду Старку из Винтерфелла.

……ДЖЕК-СЧАСТЛИВЧИК, одноглазый разбойник.

……ТОМ ИЗ СЕМИ РУЧЬЕВ (ТОМ-СЕМЕРКА, ТОМ СЕМИСТРУННЫЙ) — певец с сомнительной репутацией.

……ЛЮК-ЛЮБЕЗНИК, МАДЖ, БЕЗУСЫЙ ДИК — разбойники из шайки Дондарриона.

САНДОР КЛИГАН по прозвищу ПЕС, бывший телохранитель короля Джоффри и королевский гвардеец. По слухам, умер от горячки на землях Трезубца.

ВАРГО ХОУТ из вольного города Квохора по прозвищу КОЗЕЛ, капитан наемников; убит в Харренхолле Григором Клиганом.

……**Его Бравые Ребята**, чаще именуемые Кровавыми Скоморохами:

……ВЕРНЫЙ УТСИВОК, лейтенант Хоута.

……СЕПТОН УТТ, повешенный лордом Дондаррионом.

……ТИМЕОН-ДОРНИЕЦ, ЖИРНЫЙ ЗОЛЛО, РОРЖ, КУСАКА, ПИГ, ШАГВЕЛЛ-ДУРАК — в бегах.

В «Персике», борделе городка Каменная Септа:

РОМАШКА, рыжеволосая хозяйка заведения.

……АЛИСА, КЭСС, ЛАННА, ЖИЗЕЛА, ХЕЛЛИ, КОЛЛА — ее «персики».

В Желудях, усадьбе дома Смолвудов:

ЛЕДИ РАВЕЛЛА, урожденная Сванн, жена лорда Теомара Смолвуда.

Там и сям:

ЛОРД ЛАЙМОНД ЛАЙЧЕСТЕР, впавший в детство старик, некогда остановивший сира Мейнарда у неведомого моста.

……Его лекарь МЕЙСТЕР РУН.

ПРИЗРАК ВЫСОКОГО СЕРДЦА.

ЛИСТВЕННАЯ ЛЕДИ.

СЕПТОН ИЗ ВЕСЕЛУШКИ.

Братья Ночного Дозора

ДЖОН СНОУ, Бастард из Винтерфелла, 998-й лорд-командующий Ночного Дозора.

……Его белый лютоволк ПРИЗРАК.

……Его стюард ЭДДИСОН ТОЛЛЕТТ по прозвищу СКОРБНЫЙ ЭДД.

В Черном Замке:

БЕНДЖЕН СТАРК, первый разведчик, пропавший без вести несколько лет назад.

СИР УИНТОН СТАУТ, разведчик, дряхлый старик.

……КЕДЖ БЕЛОГЛАЗЫЙ, БЕДВИК-ВЕЛИКАН, МАТТАР, ДАЙВЕН, ГАРТ СЕРОЕ ПЕРО, УЛЬМЕР ИЗ КОРОЛЕВСКОГО ЛЕСА, ЭЛРОН, ПИП, ГРЕНН-ЗУБР, ЧЕРНЫЙ БЕРНАРР, ЖАБА, ЧЕРНЫЙ ДЖЕК

БУЛЬВЕР, ДЖОФФ-БЕЛКА, БОРОДАТЫЙ БЕН — разведчики.

БОУЭН МУРШ, лорд-стюард.

……ТРЕХПАЛЫЙ ХОББ, стюард и главный повар.

……ДОНАЛ НОЙЕ, однорукий кузнец и оружейник, убитый в воротах замка Мегом Могучим.

……ОУЭН ОЛУХ, ТИМ КОСНОЯЗЫЧНЫЙ, МАЛЛИ, КУГЕН, ДОННЕЛ ХИЛЛ (МИЛАШКА ДОННЕЛ), ЛЬЮ ЛЕВОРУЧКА, ДЖЕРЕН, ВИК-СТРОГАЛЬ — стюарды.

ОТЕЛЛ ЯРВИК, первый строитель.

……ПУСТОЙ САПОГ, ХАЛДЕР, АЛБЕТТ, КЕНС — строители.

КОНВИ, ГУЭРЕН — вербовщики.

СЕПТОН СЕЛЛАДОР, пьяница.

СИР АЛЛИСЕР ТОРНЕ, бывший мастер над оружием.

ЯНОС СЛИНТ, бывший командир городской стражи в Королевской Гавани и кратковременный лорд Харренхолла.

МЕЙСТЕР ЭЙЕМОН (ТАРГАРИЕН), слепой, ста двух лет от роду.

……Его стюарды КЛИДАС и СЭМВЕЛ ТАРЛИ.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЭММЕТ, прежде служивший в Восточном Дозоре, мастер над оружием.

……ГЭРЕТ-КОНЬ, близнецы АРРОН и ЭМРИК,

АТЛАС, ХОП-РОБИН — новобранцы.

В Сумеречной Башне:

СИР ДЕННИС МАЛЛИСТЕР, командующий.

……УОЛИС МАССИ, его стюард и оруженосец.

……МЕЙСТЕР МАЛЛИН.

……КУОРЕН ПОЛУРУКИЙ, командир разведчиков, убитый за Стеной Джоном Сноу.

……ОРУЖЕНОСЕЦ ДАЛБРИДЖ, ЭББЕН — разведчики, погибшие на Воющем перевале.

……КАМЕННЫЙ ЗМЕЙ — разведчик, пропавший в горах.

В Восточном Дозоре, Что-у-моря:

КОТТЕР ПАЙК, командующий.

……МЕЙСТЕР ХАРМУН.

……СИЗАРЬ, капитан «Черного дрозда».

……СИР ГЛЕНДОН ХЬЮЭТТ, мастер над оружием.

……ДАРЕОН, стюард и певец.

В Замке Крастера (дезертиры):

НОЖ, убивший Крастера, хозяина дома.

ОЛЛО КОСОРУЧКА, убивший лорда-командующего Джиора Мормонта.

ГАРТ ИЗ ЗЕЛЕНОПОЛЬЯ, МАУНИ, ГРАБС, АЛАН ИЗ РОСБИ — бывшие разведчики.

КОЛЧЕНОГИЙ КАРЛ, СИРОТКА ОСС, ГУГНИВЫЙ

БИЛЛ — бывшие стюарды.

Одичалые, или Вольный народ

МАНС-РАЗБОЙНИК, король за Стеной, пленник в Черном Замке.

……Его жена ДАЛЛА, умершая в родах.

……Их новорожденный сын, пока не имеющий имени.

……ВЕЛЬ, младшая сестра Даллы, «принцесса одичалых», пленница в Черном Замке.

Капитаны и вожди одичалых:

ХАРМА СОБАЧЬЯ ГОЛОВА, убитая под Стеной.

……Ее брат ХАЛЛЕК.

КОСТЯНОЙ ЛОРД, он же ГРЕМУЧАЯ РУБАШКА, пленник в Черном Замке.

……**Бойцы из его отряда:**

……ИГРИТТ, молодая копьеносица, любовница Джона Сноу, убитая при нападении на Черный Замок;

……РИК ДЛИННОЕ КОПЬЕ, РАГВИЛ, ЛЕНИЛ.

СТИР, магнар теннов, убитый при нападении на Черный Замок.

……Его сын СИГОРН, новый магнар.

ТОРМУНД, (МЕДОВЫЙ КОРОЛЬ КРАСНЫХ

ПАЛАТ, ВЕЛИКАНЬЯ СМЕРТЬ, КРАСНОБАЙ, ТРУБЯЩИЙ В РОГ, ЛЕДОЛОМ, ГРОМОВОЙ КУЛАК, МЕДВЕЖИЙ МУЖ, СОБЕСЕДНИК БОГОВ, ОТЕЦ ТЫСЯЧ).

……Его сыновья ТОРЕГГ ВЫСОКИЙ, ТОРВИРД СМИРНЫЙ, ДОРМУНД И ДРИН.

……Его дочь МУНДА.

ПЛАКАЛЬЩИК.

АЛЬФИН УБИЙЦА ВОРОН, убитый Куореном Полуруким из Ночного Дозора.

ОРЕЛЛ, оборотень, убитый Джоном Сноу на Воющем перевале.

МЕГ МАР ТУН ДОХ ВЕГ, МЕГ МОГУЧИЙ — великан, убитый Доналом Нойе в воротах Черного Замка.

ВАРАМИР ШЕСТИСКУРЫЙ, колдун и оборотень, хозяин трех волков, сумеречного кота и белого медведя.

ЯРЛ, молодой лазутчик, любовник Вель, погибший при падении со Стены.

……КРИГГ-КОЗЕЛ, ЭРРОК, БОДЖЕР, ДЕЛ, ЧИРЕЙ, ПЕНЬКОВЫЙ ДАН, ХЕНК-ШЛЕМ, ЛЕНН, НЕДОТЕПА — лазутчики.

КРАСТЕР, хозяин Замка Крастера, вероломно убитый Ножом из Ночного Дозора.

……Его дочь и жена ЛИЛЛИ.

……Новорожденный сын Лилли, пока не имеющий имени.

……ДИЯ, ФЕРНИ, НЕЛЛА — три из его девятнадцати жен.

В заморских землях
Королева за Узким морем

Таргариены от крови дракона — потомки знатных родов древней Валирии. Их наследственные черты — лиловые глаза и серебристо-золотые волосы. Ради сохранения чистоты крови в доме Таргариенов братья женились на сестрах. Основатель династии Эйегон Завоеватель взял в жены обеих своих сестер и имел сыновей от каждой.

Герб Таргариенов — трехглавый дракон, красный на черном поле; три его головы символизируют Эйегона с сестрами. Девиз — *Пламя и кровь.*

ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН, первая этого имени, королева Миэрина, королева андалов, ройнаров и Первых Людей, правительница Семи Королевств, хранительница государства, кхалиси Великого Травяного моря, именуемая БУРЕРОЖДЕННОЙ, НЕОПАЛИМОЙ, МАТЕРЬЮ ДРАКОНОВ.

……Ее драконы ДРОГОН, ВИЗЕРИОН, РЕЙЕГАЛЬ.

……**Ее братья:**

……РЕЙЕГАР, принц Драконьего Камня, убит на Трезубце Робертом Баратеоном.

……Маленькие дети Рейегара РЕЙЕНИС и ЭЙЕГОН убиты при взятии Королевской Гавани.

……ВИЗЕРИС, третий этого имени, прозванный Королем-Попрошайкой и увенчанный расплавленным золотом.

……Ее лорд-муж ДРОГО, дотракийский кхал, умерший от воспалившийся раны.

……Ее нерожденный сын РЕЙЕГО, убитый во чреве мейегой Мирри Маз Дуур.

Ее Королевская Гвардия:

СИР БАРРИСТАН СЕЛЬМИ по прозванию БАРРИСТАН СМЕЛЫЙ, бывший лорд-командую-

щий гвардией короля Роберта.

ЧХОГО, ко и кровный всадник, Кнут.

АГГО, ко и кровный всадник, Лук.

РАКХАРО, ко и кровный всадник, Аракх.

СИЛАЧ БЕЛЬВАС, евнух, бывший бойцовый раб.

Ее капитаны и командиры:

ДААРИО НАХАРИС, тирошиец, командир наемного отряда Ворон-Буревестников.

БУРЫЙ БЕН ПЛАММ, командир отряда Младших Сыновей.

СЕРЫЙ ЧЕРВЬ, командир Безупречных, евнухов-пехотинцев.

ГРОЛЕО из Пентоса, ранее капитан барки «Садулеон», ныне адмирал без флота.

Ее служанки:

ИРРИ и ЧХИКУ, дотракийки.

МИССАНДЕЯ, наатийка.

Ее враги, известные и предполагаемые:

ГРАЗДАН МО ЭРАЗ, юнкайский вельможа.

КХАЛЫ ПОНО и ЧХАГО, бывшие ко кхала Дрого.

МАГГО, кровный всадник Чхаго.

БЕССМЕРТНЫЕ КВАРТА, чародеи, в том числе ПИАТ ПРЕЙ.

ЖАЛОСТЛИВЫЕ, гильдия наемных убийц Кварта.

СИР ДЖОРАХ МОРМОНТ, бывший лорд Медвежьего острова.

Ее неверные союзники, прежние и нынешние:

КСАРО КСОАН ДАКСОС, торговый магнат из Кварта.

КУЭЙТА, заклинательница теней из Асшая.

ИЛЛИРИО МОПАТИС, магистр вольного города Пентоса, устроивший брак Дейенерис с кхалом Дрого.

КЛЕОН ВЕЛИКИЙ, король Астапора, бывший мясник.

КХАЛЫ МОРО И ДЖОММО, прежние союзники кхала Дрого.

……РХОГОРО, сын и кхалакка Моро.

Браавос, город тайн

ФЕРРЕГО АНТАРИОН, Морской Начальник.

……Его телохранитель КВАРРО ВОЛЕНТЕН, первый меч Браавоса.

……БЕЛЛЕГЕРА ОТЕРИС, Черная Жемчужина — куртизанка, происходящая от королевы пиратов,

носившей такое же имя. ЛЕДИ ПОД ВУАЛЬЮ, КОРОЛЕВА САРДИНЬЯ, ЛУННАЯ ТЕНЬ, ДОЧЬ СУМЕРЕК, СОЛОВУШКА, ПОЭТЕССА — знаменитые куртизанки.

……ТЕРНЕСИО ТЕРИС, капитан «Дочери Титана».

……Его сыновья ОРКО и ДЕНИО.

……МОРЕДО ПРЕСТАЙН, капитан «Лисички».

……ЛОТО ЛОРНЕЛЬ, книготорговец.

……ЭЗЗЕЛИНО, красный жрец.

……ЮСТАС, септон, лишенный сана.

……ТЕРРО и ОРБЕЛО, брави.

……СЛЕПОЙ БЕККО, рыбник.

……БРУСКО, рыбник.

……Его дочери ТАЛЕЯ и БРЕЯ.

……МЕРАЛИН (МЕРРИ), хозяйка борделя «Счастливый порт» близ Мусорной Заводи.

……МОРЯЧКА.

……Ее дочь ЛАННА.

……СТЫДЛИВАЯ БЕТАНИ, УНА ОДНОГЛАЗАЯ, АССАДОРА-ИББЕНИЙКА — женщины из ее заведения.

……КРАСНЫЙ РОГГО, братья ГИЛОРО И ГИЛЕНО ДОТАРЕ, КОССОМО-ФОКУСНИК, ПЕРЫШКО — завсегдатаи «Счастливого порта».

……ТАГГАНАРО, портовый вор.

.....Его ручной тюлень КАССО, тюлений король.

.....КРОШКА НАРБО, его партнер.

.....МИРМЕЛЛО, ЖОСС ХМУРЫЙ, КВЕНС, АЛАКИО, СЛУ — лицедеи театра «Корабль скоморохов».

.....СФРОНА, портовая девка с наклонностями к убийству.

.....ПЬЯНАЯ ДОЧКА, портовая девка буйного нрава.

.....ДЖЕЙНА-ЯЗВА, девка неопределенного пола.

.....ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК и ПРИЗРАК, служители Многоликого Бога в Черно-белом Доме.

.....УММА, храмовая повариха.

.....КРАСАВЕЦ, ТОЛСТЯК, МОЛОДОЙ ЛОРД, СУРОВЫЙ, КОСОЙ, ГОЛОДНЫЙ — тайные слуги Многоликого.

АРЬЯ из дома Старков, девочка с железной монетой, известная также как АРРИ, НЭН, ЛАСКА, ГОЛУБЕНОК, СОЛИНКА И КОШКА-КЕТ.

КВУХУРУ МО из Высокодрева на Летних островах, капитан «Пряного ветра».

.....Его дочь КОИДЖА, отменная лучница.

.....Его помощник на корабле КСОНДО ДХОРУ.